

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CP 378.5 (7-12)

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY

Archibald Cary Coolidge

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

1908-1928

DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY

1910-1928

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1875

І Ю Л Ъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—СЛОВО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ДИМИТРІЯ, АРХІЕПІСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО И РОСТОВСКАГО, ВЪ ЛІТОСКОЙ НА КЛАДБИЩЕ ЦЕРКВИ.
- II.—НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО КЪ ОКОНЧИВАЮЩИМЪ ВОСПИТАННИЦАМЪ ИНСТИТУТЪ. Свящ. Н. К. Протопоповъ.
- III.—ПОЛОЖЕНИЕ БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ. Прот. В. И. Д—го.
- IV.—ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ БОГОМИЛОВЪ ПО ПАНОПЛИСКИМЪ ЗАВѢЩАНИЯМЪ И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ. Гр. Кн. П. П. Шеншелевъ.
- V.—КНИГИ СЕККИ „ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ“ ПЕРСОНАЖИ ВЪТСКАГО ИЗДАНИЯ ЕЯ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ. Д. Ф. Голубинскаго.
- VI.—ПО ПОВОДУ МИССИОНЕРСТВА НА ДОНУ. А. И. Козловъ.
- VII.—СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: значеніе прусскихъ военныхъ законовъ для протестантскихъ церквей.
- VIII.—ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.
- IX.—ЗАПИСКА ЧИТАННАЯ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНІИ ПЕРСКАГО ОБЩЕСТВА 11 МАЯ 1875 ГОДА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I.—НИЛІА ИСТОРИЯ СВЯТОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ—ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ: глава IV, V.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (Катковъ и Ко) на Страстномъ бульварѣ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ВЪ 1875 ГОДУ

подъ редакціею свящ. П. Преображенскаго.

«Православное Обозрѣніе» въ 1875 году издается по прежней программѣ, въ томъ же направленіи, какъ издавалось доселѣ въ теченіи пятнадцати лѣтъ, и при содѣйствіи тѣхъ же сотрудниковъ, имена которыхъ встрѣчались на страницахъ этого журнала.

Въ 1875 году «Православное Обозрѣніе» выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 р. 50 к. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 р. с. Подписная цѣна съ «Указателемъ» за одиннадцать лѣтъ 8 р. с.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, при церкви Феодора Студита у Никитскихъ воротъ, домъ свящ. П. Преображенскаго,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Полныя экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869—по 3 руб. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874—по 5 руб. безъ пересылки, а за четырнадцать лѣтъ 1861—1874—сорокъ пять рублей. Цѣна Указателя къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., безъ пересылки 75 к., съ пересылкой 1 р. Выписывающее «Православное Обозрѣніе» за всѣ прежніе годы получаютъ Указатель бесплатно. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 6 ф., а за 14 лѣтъ съ Указателемъ—за 80 фунтовъ—по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылки съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмодль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахани 15 к.
Баку 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к.

С Л О В О

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ДИМИТРІЯ, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО И РОСТОВСКАГО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ 23 МАЯ СЕГО ГОДА, ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ РОСТОВСКАГО ЛЕОНТІЯ, ВЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ЛЕОНТІЕВСКОЙ, ЧТО НА КЛАДБИЩѢ, ЦЕРКВИ.

Какъ ни удалено это мѣсто покоя умершихъ отъ жилища живыхъ, но оно должно быть близко сердцу каждаго изъ васъ, братіе мои. Не у каждаго ли здѣсь отецъ или мать, братъ или сестра, сынъ или дочь, сродникъ или другъ? И такъ и любовь плотская, тѣмъ паче любовь духовная невольно влечетъ каждаго въ это мѣсто покоя вашихъ присныхъ и сродниковъ. Мы же прибавимъ къ сему, что посвященіе сего жилища жертвнымъ принесетъ сугубую пользу душамъ вашимъ. Здѣсь вы можете молитвенно бесѣдовать съ своими присными, ибо хотя они мертвы плотию, но живы духомъ, потому что предъ Богомъ живы всѣ живы, и когда мы молимся о нихъ здѣсь, они еще усерднѣе и горячѣе молятся о насъ тамъ. Здѣсь же можете слышать и поучительнѣйшіе уроки для жизни, ибо какъ ни безмолвны, повидимому, мертвые, но они говорятъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе, нежели можемъ сказать вамъ мы слабые и скудные словомъ—проповѣдники.

Чтожь говорить вамъ умершіе? Говорятъ устами Апостола: *не любите міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, късть любви Отци въ немъ. Яко все еже въ мірѣ—похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская: и міръ*

преходитъ и похоть его, а творяи волю Божію пребываетъ во вѣкъ. Посмотрите на насъ. Иные изъ насъ обладали мудростію и познаніями: умѣли измѣрять теченіе звѣздъ и движеніе вѣтровъ, изслѣдовали все отъ иссопа до кедра ливанскаго, знали все, что не только на землѣ, но и подъ землею и во глубинахъ моря, что было и что есть въ мірѣ.—Спросите же ихъ: что принесла имъ вся ихъ мудрость? Защитила ли ихъ отъ смерти? Поставила ли предъ Богомъ? Оправдала ли на судѣ Его? Снискала ль имъ жизнь вѣчную? Итакъ и мудрость и познанія—безъ вѣры живой и спасительной, безъ благочестія искренняго, безъ жизни богоугодной—суета суетствій. Многие отличались почестями, занимали важныя мѣста въ обществѣ, облечены были немалою властію, имѣли вліяніе на немалый кругъ своихъ собратій; спросите же кого угодно изъ нихъ: что помогла имъ вся ихъ мірская важность при смерти? Защитила ли отъ болѣзней и страданій тѣлесныхъ, отъ ужасовъ и томленій духа? Приготовила ли имъ христіанскую кончину живота, безболѣзненну, непостыдну, мирну и добрый отвѣтъ на судѣ Христовомъ? — и они скажутъ вамъ: увы, смерть не уважила нашей знатности, сравняла насъ съ самыми послѣдними изъ подчиненныхъ намъ, и еслибы не какой-либо камень, вы не отличили бы нашей могилы отъ ихъ могилъ. Итакъ почести и отличія мірскія — безъ смиренія и страха Божія, безъ благочестія и добродѣтели, безъ благотворнаго служенія ближнимъ—суета суетствій.—Многие обладали большими стяжаніями, жили въ просторныхъ и богато украшенныхъ палатахъ, наслаждались всѣмъ, что можетъ дать настоящая жизнь для наслажденія человѣка. Спросите же и ихъ: что взяли они съ собою изъ всѣхъ своихъ сокровищъ? Что пользы душамъ ихъ отъ всѣхъ удовольствій и утѣкъ плотскихъ? И они скажутъ вамъ: наги мы вышли изъ утробы матерней, наги и возвратились въ утробу земли; смерть отняла у насъ все, и теперъ кости наши также голы въ могилѣ, какъ и кости послѣдняго бѣдняка. Чаша удовольствій мірскихъ превратилась для насъ въ чашу горести и страда-

духъ смиренія и преданности волю Божіей, въ духъ кротости и терпѣнія; кто, отвергаясь ветхаго челоуѣка съ дѣяньми его, попираетъ и угашаетъ въ себѣ плотскія вождѣлѣнія и страсти: тотъ войдетъ за Христомъ и въ Его славу: *аще бо съ Нимъ и ради Его страждемъ, съ Нимъ и прославимся*, говоритъ св. Апостоль; *аще кто мнѣ служитъ*, говоритъ самъ Господь, *мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ*. Кто напротивъ идетъ путемъ самоугожденія, поблажаетъ своимъ страстямъ и похотямъ, живетъ плотію, а не духомъ: тотъ *отъ плоти пожнетъ истлѣніе* и наслѣдуетъ адъ. Кто не зарываетъ въ землю даннаго ему Богомъ таланта, но трудится и воздѣлываетъ его во славу Божію, для блага своимъ ближнихъ; кто старается обогатить себя благими дѣлами вѣры и благочестія, любви и милосердія, правды и добродѣтели, тотъ услышитъ изъ устъ своего Господа: *добръ, рабе благодѣи и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю; вниди въ радость Господа своего*. Кто напротивъ проводитъ жизнь свою въ праздности, въ небреженіи о дѣлахъ своего званія и вѣчномъ спасеніи души; кто употребляетъ, данныя ему Богомъ, силы и средства только на то, чтобы подобно упоминаемому въ Евангеліи богачу, ѣсть, пить и веселиться, тому изреченъ уже грозный приговоръ Судии міра: *неключимаго раба вверзите во тму кромѣшнюю; ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ*.

Когда войдешь въ храмъ сей и станешь среди его, помни, возлюбленный, самому себѣ: вотъ сюда принесутъ и здѣсь поставятъ и мой гробъ, въ которомъ будетъ лежать бездыханное мое тѣло, когда душа моя будетъ уже въ другомъ мірѣ и предстанетъ суду Христову. Святая церковь приметъ и меня въ объятія матерней любви своей: но узнаетъ ли она во мнѣ своего сына, котораго она омыла, осватила и оправдала въ таинствѣ св. крещенія, котораго и по паденіи грѣховномъ многократно обновляла и примиряла съ правосудіемъ Божиимъ въ таинствѣ св. покаянія, котораго питала безсмертною пищею животворящаго тѣла и крови Христовой,

снабдѣвала дарами Святаго Духа Божія, который посему долженъ быть чистъ, святъ и непороченъ предъ Богомъ? Она призоветъ всѣхъ присутствующихъ въ храмъ къ прилежной молитвѣ о душѣ моей: но будутъ братія мои, среди которыхъ провелъ я жизнь свою, будутъ ли они имѣть внутреннее побужденіе вознести о мнѣ усердную молитву ко Отцу небесному, согрѣтую теплою ко мнѣ любовію? Не будутъ ли напротивъ имѣть причины сѣтовать и плакаться на меня предъ Богомъ? Она, святая мать моя, и сама сотворитъ о мнѣ прилежное моленіе свое къ Богу духовъ и всякія плоти, да милостивъ будетъ Онъ къ смиренной душѣ моей на судѣ своемъ; но буду ли я достоинъ этой милости, не окажусь ли достойнымъ одного гнѣва и осужденія?—Это будетъ не судъ человѣческій, предъ которымъ многое можно скрыть и утаить, а судъ Бога—сердцевѣдца, который видитъ не только дѣла, а и мысли, и желанія и намѣренія мои, который *изведетъ на свѣтъ тайная тмы и объявитъ сокрытыя сердечныя*. Все, въ чемъ ни согрѣшилъ я не только дѣломъ или словомъ, но и умомъ и сердцемъ своимъ, отъ дѣянія порочнаго до слова празднаго и отъ помысла лукаваго до услажденія и вождельвія нечистаго,—все будетъ обличено и осуждено судомъ праведнымъ и велицепріятнымъ. Не защититъ меня отъ строгости суда сего никакое извиненіе, не прикроетъ никакая личина лицемерія; предъ очами Всевидащаго *вся нага и объявлена*; предъ судомъ всевѣдущаго Судіи никто и ничто не укроетъ виновнаго. Теперь, пока двери покаянія отверсты, обратись, душе моя, къ покаянію; теперь, пока время долготерпѣнія Божія не прекратилось, поспѣши измыть и убѣлить ризы свои слезами сокрушенія сердечнаго, да увидиши въ чертогъ Христовъ. Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конецъ приближается и имаша смутиться; воспрями убо, да пощадить тя Христосъ Богъ.

Когда будете ходить между могилами усопшихъ братіи вашихъ, вспомните о томъ, что здѣсь погребены будемъ и мы: и нашъ гробъ опустать въ могилу и засыплютъ землею, и

надъ нами возвыдится земляной холмъ—достойный памятникъ человѣческой брѣннѣсти. Придетъ ли посѣтить нашу могилу любящій насъ человѣкъ и поминетъ ли насъ съ любовью въ молитвѣ своей предъ Богомъ? Или только праздный посѣтитель кладбища равнодушно пройдетъ мимо ея, не любопытствовалъ даже узнать, кто погребенъ въ ней? Или же не придетъ и никто, и мы будемъ лежать здѣсь одни до дня страннаго суда Божія, и самая память о насъ изгладится между живущими, и самая могила наша, сровнявшись съ землею, сдѣлается безыменною въ ряду другихъ безыменныхъ могилъ? Но вѣтъ, мы не будемъ забыты святою церковію, которая будетъ до конца вѣка молиться и о насъ вмѣстѣ со всеми здѣ лежащими. Насъ не забудетъ искупившій насъ Своею кровію Господь нашъ Иисусъ Христосъ: придетъ часъ, когда и мы со всеми сущими во гробѣхъ услышимъ гласъ Сына Божія и услышавши оживемъ. Тогда *тѣльное и смертное сіе облечется въ нетѣльное и смертное сіе облечется въ безсмертіе*. Тогда-то откроется во всемъ величіи и славѣ своей царствіе Бога и область Христа Его; тогда все злое, непріязненное, враждебное намъ будетъ изгнано и управлено и послѣдній врагъ нашъ испразднится—смерть; *тогда праведники просвѣтятся яко солнце во царствіи Отца ихъ и отыметъ Господь всяку слезу отъ очю ихъ, всѣ скорби земныя не помянутся къ тому, а одна вѣчная радости надъ главами ихъ будетъ*. Къ сему-то свѣтлему, вѣчно радостному, вѣчно блаженному торжеству да устремляется весь умъ и сердце наше отъ суети всего земнаго и вреннаго. Тамъ истинное отечество наше, тамъ все сокровище сердца нашего, тамъ весь животъ нашъ сокровенъ со Христомъ въ Возъ:

— Когда наконецъ будете возвращаться отсюда въ свои дома, такъ размышляйте съ самими собою: долго ли еще Господь попуститъ намъ ходить по этому пути и возвращаться назадъ въ тѣ брѣнныя жилища, которыя мы называемъ своими домами, а которыя на самомъ дѣлѣ суть только временныя пристанища на пути въ могилы? Скорее ли наставеть тотъ день

когда мы не пойдемъ уже сами, а понесутъ насъ люди и оставить здѣсь навсегда? Но этотъ, неизбежный для насъ, день Господь сокрылъ отъ насъ въ тайнѣ своего Божественнаго всевѣдѣнія, а намъ заповѣдалъ быть готовыми въ этотъ послѣдній путь нашъ сюда на всякое время. Вотъ почему святая церковь заповѣдала намъ каждый вечеръ молиться Господу: Владыко человеколюбче, неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ? или еще океанную мою душу просвѣтиши днемъ? се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ. Точно предстоитъ, братіе мои, ибо, какъ ни продолжайте въ мысляхъ жизнь свою, но безъ сомнѣнія уже выросли дрова, въ которыхъ сдѣлаютъ намъ гробъ, и часъ смерти—близко ли, далеко ли онъ—достигнетъ насъ, когда не ожидаемъ: *не вѣсте бо дне ни часа, въ отъ же Сынъ человеческій придетъ: сего ради и вы будите убо готови на всякъ часъ*, такъ убѣждаетъ насъ самъ Господь. Будемъ готовы во всякое время оставить все земное и временное, разлучиться со всѣмъ, что за дорогое почитаютъ люди, чѣмъ услаждаются и утѣшаются во время земной своей жизни; да не пристраститъ сердце наше ни къ чему тлѣвному, чтобъ и само не наслѣдовало тлѣнія. *Возмите же себѣ*, говоритъ Господь, *да не когда отлучаютъ сердца ваши обзаведеніемъ и клянствомъ и печальми житнейскими, и выезату найдеть на вы день той*; будемъ всегда готовы явиться на небѣ, въ соборѣ Ангеловъ и всѣхъ святыхъ, а для сего нужно заранѣ привыкать возноситься умомъ и сердцемъ своимъ горѣ—къ Богу, жить духомъ въ обителяхъ Отца небеснаго, исцѣля *вышнихъ, ижеже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя*, горняя мудрствовать, а не земная. Будемъ готовы на всякій часъ предстать страшному суду Божию и дать отчетъ всевѣдущему Судии во всѣхъ помышленіяхъ, словахъ и дѣлахъ нашихъ; а для сего надобно хранить совѣсть свою чистою отъ дѣлъ неправды и беззаконія или же очищать и просвѣтлять ее искреннимъ покаяніемъ, убивая ризу души своей въ крови Агнца, закланнаго прежде сложенія міра. Когда такимъ образомъ будемъ

непрестанно готовить себя къ исходу, то смерть, когда бы она ни пришла къ намъ, не можетъ устрашить насъ; мы будемъ ожидать ея, какъ вождельннаго гостя, и срѣтнмъ ее какъ давно ожиданнаго друга. Придетъ ли она къ кому въ старости или въ преподовеніе дней или въ самой юности, онъ съ благодареніемъ вѣсноетъ съ праведнымъ Симеономъ: *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко. Нынѣ освобожденіе меня отъ узъ плоти, въ которой не живетъ доброе, но живетъ инъ законъ, противувояющъ закону ума моего и плылющъ мя закономъ грѣховнымъ, избавляеши меня отъ самой возможности оскорблять любовь Твою грѣхамн. Нынѣ исхицаеши меня изъ міра, во злѣ лежащаго; избавляеши отъ соблазновъ и искушеній, отъ мірской суеты и попеченій житейскихъ, среди которыхъ влается духъ мой, какъ ладья, обуреваемая волнами. Нынѣ приводиши меня въ тихое пристанище вѣчнаго Твоего царства. Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка!—* Страшна востигну и ужасна и смерть и самая мысль о смерти только для грѣшника нераскаяннаго, для міролюбца, пристрастившагося всей душою и сердцемъ къ земнымъ сокровищамъ и плотскимъ наслажденіямъ, увязшаго въ тѣмъ похотей и страстей. Рано ли поздно ли воззоветъ его Господь на судъ свой, смерть для него всегда люта. Аминь.

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО

КЪ ОКОНЧИВАЮЩИМЪ КУРСЪ ВОСПИТАННИЦАМЪ
ИНСТИТУТА *).

Чего, скажите, намъ пожелать вамъ—въ виду жизни, васъ ожидающей теперь?

Пожелаемъ, если угодно, вамъ прежде счастья въ жизни, въ томъ чистомъ, хотя земномъ, смыслѣ, какой мы соединяемъ съ словомъ — счастье. Но мы того убѣжденія, что, прежде и выше всего, мы должны пожелать вамъ въ эту минуту—свято понести и совершить въ жизни тотъ великій и неотложный долгъ ея, какой на всѣхъ насъ возлагаетъ жизнь!

Ибо что такое жизнь? На что она дана человѣку?

Мы всѣ знаемъ, что жизнь не есть цѣль сама для себя, но что она есть средство, данное намъ для достиженія иной, выше ея положенной, цѣли, что не для того живемъ мы всѣ, чтобы жить только, но чтобы свершать каждому наше назначеніе въ жизни. И это назначеніе — можемъ ли мы не знать его? Не чувствуемъ ли мы въ себѣ, въ этой тѣлесной хранилѣ, носимой нами, присутствіе духа, обитающаго въ насъ? И въ глубинѣ сего духа не свѣтится ли въ каждомъ изъ насъ святая искра любви къ людямъ, питающая и облагороживающая духъ? Что слѣдовательно мы должны дѣлать въ жизни, прежде и

*) Сказано въ церкви московскаго воспитательнаго дома къ воспитанницамъ II педагогическаго класса Николаевскаго сиротскаго института, въ день выпуска ихъ, 1875 года мая 27 дня.

болѣе всего? Блюсти и усовершенствовать въ себѣ нашу душу бессмертную, образъ и подобіе въ насъ Бога, и вмѣстѣ служить благу и счастію другихъ людей! Вотъ общее всѣхъ насъ, великое и неотложное, назначеніе въ жизни! Вы скажете, что оно давно знакомо вамъ, что почти съ тѣхъ поръ, какъ вы запомните себя, васъ всегда учили знать его и поступать по нему, и что, если все дѣло жизни въ томъ, чтобы *любить добро и дѣлать добро*, то слава Богу! жизнь не такъ трудна, какъ пишутъ и говорятъ объ ней!

Но вы еще не знаете, не испытали жизни. Многое, весьма многое изъ того, что есть въ ней, здѣсь было скрыто отъ васъ. Жизнь, скажу я вамъ, полна искушеній и соблазновъ! Въ жизни кишатъ и бушуютъ страсти людей! Вы увидите часто—тамъ, куда пойдете скоро отъ насъ—и суетность, не знающую границъ, и себялюбіе, не полагающее себѣ предѣла,—увидите непомерную роскошь съ одной стороны, и вопіющія нужды съ другой,—гордость и ликованіе однихъ, всеглашнюю скорбь и привиженіе другихъ,—увидите людей, у которыхъ одна, не знаящая устали, забота въ жизни, чтобы какъ можно больше и глубже черпать для себя изъ жизни ея земныхъ утѣхъ и наслажденій, всегда *во вредъ* себѣ и другимъ, и часто *на счетъ* себя и другихъ, и все это, къ тому же, вы увидите въ большей части своей всячески прикрашенное и намѣренно укрытое подъ разными благовидными именами, каковы: свобода, прогрессъ, современность и т. п. Вотъ жизнь, какъ она есть вообще! Согласитесь въ виду сего, что много потребуется вамъ въ жизни опыта и мудрости для того, чтобы сохранить себя чистыми среди этого моря лжи и соблазна, обуревающего жизнь человѣческую, что много тамъ понадобится вамъ труда, борьбы, терпѣнія для того, чтобы устоять въ этомъ водоворотѣ страстей людскихъ, мутящихъ и часто вверхъ дномъ ставящихъ нашу жизнь, когда все притомъ вокругъ васъ будетъ стремглавъ нестись и падать въ него, и еще быть можетъ, найдутся люди, которые и васъ самихъ пожелаютъ столкнуть въ него, и не по злобѣ, а такъ, шутя, для забавы!

Не оскорбитесь, что я говорю вамъ все это. Я не могъ теперь умолчать о семъ. Кто говоритъ? есть въ жизни, вопреки всему, что мутить и портить ее, много и много свѣтлаго и отраднаго! Есть тамъ, куда вы пойдете отъ насъ, люди истинно мудрые и добрые, и, уповаемъ, ихъ не мало, сибло и неуклонно идущіе въ жизни путемъ долга и чести и всюду, на семъ пути своемъ, знаменующіе себя дѣлами правды и милосердіа! Есть, говорю, въ жизни, куда вы идете, много прекраснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ примѣровъ и явленій, которыхъ, безспорно, не дастъ вамъ и не покажетъ вамъ никакая школа, и жизнь въ семъ отношеніи есть самая высшая и лучшая всѣхъ школа! Есть несомнѣнно въ жизни все это, и чѣмъ, скажу, была бы жизнь, еслибъ въ ней не было сего? И мы жеедемъ и молимъ Бога, чтобы Онъ привелъ васъ знать и вѣдать жизнь именно съ этой стороны ея,—жить и вращаться въ кругу именно такихъ людей, имѣть и видѣть предъ собою именно такіе примѣры, чтобы жизнь въ дѣйствительности была для васъ не запугивающею и мертвящею духъ школой, но духовно возвышающею и облагороживающею васъ! Мы желаемъ и молимъ Бога, чтобы вамъ не довелось увидѣть въ жизни и соотой доли того зла, какое есть въ ней, ибо и видѣть только зло — возмутительно для чистой души! Но, повторяю, я долженъ былъ вамъ сказать все то, что сказалъ, чтобы не оставить васъ идти теперь съ закрытыми глазами и какъ бы на удачу на встрѣчу злу въ жизни, чтобы вы знали напередъ, на что иногда можетъ натолкнуть васъ жизнь, и могли на случай приготовиться къ тому, потому что все можетъ случиться въ жизни и во всему вамъ нужно быть готовымъ въ ней, чтобы заблаговременно припасать себѣ опору въ ней и умѣть на пути ея всегда вовремя и твердою рукою отразить ударъ!

Чтожъ намъ дѣлать, скажете вы, какъ быть? Мы должны идти... а какъ идти въ виду сего? Гдѣ взять силу, чтобы устоять въ этой непосильной борьбѣ, которая, какъ намъ говорятъ въ эту минуту, ждетъ насъ, несомнѣнно, тамъ, куда мы

ній: чѣмъ болѣе утѣшались мы тамъ, тѣмъ горче и тяжелѣе намъ здѣсь. И такъ и богатства и утѣхи міра—безъ чистоты сердца и совѣсти, безъ стяжанія того, что есть единое на потребу, безъ дѣлъ любви и милосердія христіанскаго—суета суетствій.—Множайшіе изъ насъ провели жизнь свою въ бѣдности и убожествѣ, среди недостатковъ и лишеній, трудовъ и заботъ, печалей и скорбей. Спросите и ихъ: лишились ли они чего-либо чрезъ то, что не были знатны и богаты, не наслаждались роскошью и удовольствіями? Горче ли была для нихъ смерть? Напротивъ, скажутъ они: смерть пришла къ намъ какъ другъ и избавитель, чтобы прекратить земныя наши скорби, чтобъ избавить насъ отъ всѣхъ тягостей печальной жизни нашей. А по смерти мы благодаримъ Господа, что Онъ избавилъ насъ отъ искушеній и соблазновъ земнаго счастья и провелъ насъ узкимъ и прискорбнымъ путемъ убожества: *благо намъ, яко смирилъ еси насъ, Господи!* И такъ и бѣдность и убожество,—съ вѣрою и благочестіемъ, съ терпѣніемъ и покорностію воли Божіей,—не нищета, а приобрѣтеніе, не наказаніе, а знаменіе любви Божіей. И такъ вотъ что завѣщаемъ вамъ и вотъ о чемъ молимъ васъ: чтобы вы, не прильпаясь душою и сердцемъ къ земнымъ сокровищамъ и почестямъ, къ плотскимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, искали прежде всего царствія Божія и правды его, старались оживить духъ свой вѣрою и упованіемъ на Бога, согрѣть и усладить сердце свое любовію къ Богу и ближнимъ своимъ, благоугождать Богу исполненіемъ Его заповѣдей, обогащать себя дѣлами благими и богоугодными. *Сіе же вамъ глаголемъ, братіе, яко время прекращено есть прочее, да и имущіи жены яко не имущіи будутъ, и плачущіи яко не плачущіи, и радующіи якоже не радующеся, и купующіи яко не содержаще, и требующіи міра сего яко не требующе: преходитъ бо образъ міра сего. Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупоюще время, яко дніе лукави суть.*

Жестоко есть слово сіе, подумаетъ кто-либо, слушая это

поученіе умершихъ, обличающее суету и ничтожество всего, въ чемъ привыкли мы полагать свое счастье, свои радости, свое утѣшеніе и блаженство жизни,—напоминающее о смерти и вѣчности, о судѣ Божіемъ и участи нашей за гробомъ. Но, братіе возлюбленніи, могутъ ли умершіе льстить намъ, обманывать насъ ложными надеждами? Нѣтъ, они говорятъ только истину, въ которой удостоверились собственнымъ своимъ опытомъ. И мы, съ своей стороны, не можемъ ничего лучшаго пожелать вамъ, какъ того, чтобы вы оставляли по временамъ свои дома, въ которыхъ мы связаны и обременены земными заботами и земными пристрастіями, и приходили сюда бесѣдовать съ умершими. Каждое такое путешествіе, если оно совершается въ благоговѣйномъ настроеніи духа, непременно унесетъ изъ души нашей что-нибудь нечистое и злое, осіяетъ ее свѣтомъ благодати Божіей, согрѣетъ ее чувствованіями возвышенными и святыми.

Для сего, когда идете сюда, размышляйте о томъ, что и вся жизнь наша есть одна, не слишкомъ продолжительная, дорога ко гробу и къ могилѣ, что за гробомъ ожидаетъ насъ или вѣчность блаженства или вѣчность мученій, смотря по тому, куда и какъ мы направляемъ путь нашей жизни. Кто идетъ путемъ заповѣдей Господнихъ, кто боится паче смерти преступить хотя одну заповѣдь Творца своего и согрѣшить предъ Богомъ, тотъ перейдетъ отъ смерти въ животъ, ибо такъ сказалъ самъ Господь: *аще хочещи внити въ животъ, соблюди заповѣди*. Кто напротивъ легкомысленно преступаетъ святые заповѣди Господа Бога своего, того ожидаетъ по смерти гнѣвъ Божій и наказанія: *открывается бо тѣнь Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ; скорбь и тѣснота на всяку душу чловѣка, творящаго злое*. Кто идетъ во слѣдъ Господа Иисуса Христа узкимъ и прискорбнымъ путемъ крестоношенія, кто отвергается своей воли и покоряется всецѣло волѣ Божіей, переноситъ всѣ, попускаемыя промысломъ Божіимъ, искушенія, напасти, огорченія и скорби—въ духѣ вѣры и упованія на Бога, въ

идемъ,—и какъ идемъ? Одни, не имѣя близь себя болѣе уже никого изъ тѣхъ, кто бы могъ намъ подать совѣтъ или оказать защиту,—предоставленные сами въ себѣ одному совѣтнику—нашему разуму, еще не умудренному опытомъ жизни; одной защитѣ—собственному сердцу, еще не закаленному въ бою жизни!

Гдѣ взять силу, говорите вы, для этой борьбы жизни? Эта сила... Но вамъ не нужно далеко искать ея, какъ и мнѣ вамъ называть ея. Скажите: для чего, отъ самыхъ раннихъ лѣтъ, васъ учили здѣсь помнить, знать и любить Бога, водили неопустительно, всякій воскресный и праздничный день, въ храмъ Божій, строго слѣдя вмѣстѣ и за вашей домашней всеневной молитвой, и заставляя васъ молиться: и утромъ и на сонъ грядущій, передъ столомъ и послѣ стола, при началѣ и по совершеніи дѣла ученія? Для чего также вмѣнялось вамъ здѣсь въ непремѣнную обязанность каждый годъ неукоснительно исполнять долгъ исповѣди и причащенія св. Христовыхъ Таинъ, при чемъ еще внушалось всегда, чтобы вы совершали это святое дѣло не какъ, сохрани Богъ, простую обрядность жизни, но какъ первѣйшій и величайшій долгъ ея? И для чего вообще здѣсь зорко смотрѣлось за всякимъ вашимъ шагомъ и дѣйствіемъ, чтобы вамъ не довелось, какъ-либо паче чаянія, оскорбить величія Божія какимъ-либо неосторожнымъ, дѣтски-неразсуднымъ словомъ, взоромъ, движеніемъ? Для чего, скажите, и почему все это дѣлалось здѣсь для васъ, какъ равно дѣлается и будетъ дѣлаться послѣ васъ—для другихъ, воспитываемыхъ и имѣющихъ быть воспитанными здѣсь? Но для чего другого, если не для того, чтобы дать вамъ именно то самое, что вамъ всего нужнѣе теперь,—силу для борьбы съ зломъ въ жизни, въ которую вы вступаете теперь, и къ которой васъ готовили здѣсь, можно сказать, отъ колыбели? Потому что мы всегда знали и знаемъ по опыту, что не озаботясь мы дать вамъ, съ Божіею помощію, этой силы заблаговременно, тогда все остальное, что вы получили или сохранили и развили въ себѣ здѣсь, какъ то: силы, молодость, здо-

ровѣ, знаніе, таланты, было бы напраснымъ, и не послужило бы истинно ни къ чему для васъ въ жизни, а только возгордило бы и испортило васъ!... Эта сила... Вы уже назвали ее въ душѣ, и я могу теперь во всеуслышаніе сказать имя ея. Эта сила—святая вѣра Христова, вкореняемая и возвращаемая въ васъ здѣсь отъ лѣтъ дѣтства! Вѣра Христова—эта единая помощница и утѣшительница всѣхъ насъ грѣшныхъ, немощныхъ, во имя ея борющихся съ зломъ въ жизни, но и увы!—часто изнемогающихъ въ непосильной борьбѣ! Вѣра Христова—это сокровище жизни, этотъ свѣтъ, возженный для насъ въ ней на вѣчное просвѣщеніе и спасеніе наше! Чѣмъ былъ бы міръ, еслибъ не въ немъ не свѣтило солнце? Но чѣмъ быда бы и жизнь въ мірѣ, еслибъ ее не озаряла и не будила эта вѣра, свѣтящая въ ней!

Итакъ, вотъ нашъ послѣдній совѣтъ и привѣтъ вамъ въ эту минуту: «храните въ себѣ св. вѣру Христову, здѣсь насажденную въ васъ!» Будетъ въ васъ она, и вы будете сильны тогда противостать всякому злу въ жизни, гдѣ бы и какъ оно ни предстало предъ вами! Будетъ въ васъ вѣра, и васъ не вберетъ въ себя, какъ другихъ, до самозабвенія, суета міра, не обольститъ видъ роскоши и богатства, не отведетъ отъ дѣла спасенія души своей и служенія ближнимъ жажда земныхъ утѣхъ и наслажденій, не прельстятъ и не поколеблютъ праздныя и грѣшныя рѣчи людей суеты и порока, и вообще не ослѣпятъ и не заразить собою никакая ложь въ мірѣ, чѣмъ бы и какъ она ни прикрылась предъ вами! Будетъ въ васъ вѣра, и вы будете съ большимъ привѣтомъ и любовію встрѣчать въ жизни все истинное, свѣтлое и отрадное въ ней, давать лучшую цѣну въ ней и добрымъ людямъ и добрымъ дѣламъ и примѣрамъ, ближе принимать къ сердцу и нужды души своей и нужды и скорби другихъ, и находить отраду въ самыхъ жертвахъ жизни, приносимыхъ вами во имя Бога и ближнихъ! Будетъ въ васъ вѣра, и зло не застигнетъ васъ врасплохъ, но найдетъ васъ облеченныхъ въ крѣпкую и несокрушимую броню, и отразится отъ васъ! Будетъ въ васъ вѣра,

и вы смѣло, неуклонно будете идти въ жизни, не ваирая ни на что, путемъ долга и чести, привлекая на себя всюду на пути своемъ благословеніе Бога и людей, небесное и земное! Вотъ что это за сила въ насъ. Это вѣра святая, дарованная намъ! И почему она—такая сила въ насъ? Потому, что только она, открывая намъ всю неизмѣримую цѣнность души человѣческой, какъ искупленной безцѣвною кровію Христа, научаетъ насъ признавать и цѣнить ее истинно въ себѣ и другихъ! Потому, что только она, указуя намъ на небо, какъ на наше вѣчное жилище и отчизну, даетъ намъ видѣть въ жизни на землѣ только путь къ небу, и тѣмъ побуждаетъ насъ, живя на землѣ, искать неба! Потому, что только она, показуя намъ во Христвѣ любовь, вознесшую Себя на крестъ за людей и самораспявшуюся на немъ, даетъ намъ понять чрезъ то и излѣпить всю глубину себялюбія, живущаго въ насъ, и тѣмъ вынуждаетъ насъ, отрекаясь себя, жертвовать собою благу другихъ! Потому, что только она слѣдовательно вмѣстѣ возвышаетъ и смиряетъ насъ, богатитъ и убожить, твоя въ насъ новую силу, даетъ намъ чувствовать чрезъ то и вмѣстѣ съ тѣмъ и наше природенное безсдіе! Словомъ, потому что только она есть та сила, которая *совершается въ немощахъ!*

Нынѣ, какъ вы будете уходить отсюда, вы получите отъ насъ въ видѣ напутствія каждая по книгѣ св. Евангелія. Вотъ примите эту святую книгу и сохраните ее не какъ только знакъ памяти о насъ, всегда желавшихъ вамъ добра и по возможности дѣлавшихъ его, объ этомъ мѣстѣ, гдѣ вы возросли и воспитались, и обо всемъ добромъ и хорошемъ, что для васъ тѣсно связано съ нимъ; но примите и сохраните ее и какъ святое, на всю жизнь, наше напоминаніе вамъ о томъ, что одно должно составлять всегда вашу силу въ той жизни, куда вы пойдете теперь! Ибо, предупреждаю, вѣра — это свѣтильникъ, тщательнаго памятованія о себѣ, и могущій угаснуть въ васъ, если вы оставите его въ небреженіи въ себѣ. *Спайтесь же* возгрѣвать и умножать въ себѣ вѣру святую—

молитвою и ближайшимъ общеніемъ съ Богомъ въ Его святыхъ таинствахъ, чтеніемъ Слова Божія, благоговѣйнымъ размышленіемъ о Богѣ, сближеніемъ съ людьми истинно вѣрующими и нравственными. Словомъ все то, что приучали васъ дѣлать для Бога здѣсь, продолжайте отнынѣ дѣлать и тамъ гдѣ вы будете теперь, но уже не такъ, какъ быть можетъ иное изъ того дѣлалось вами здѣсь: по дѣтски, безотчетно и по чувству страха передъ людьми или изъ повиновенія нѣтъ же свободно, сознательно, и по чувству искренняго влеченія къ Богу и изъ живѣйшаго желанія приблизиться къ Нему!

Будете всячески блюсти въ себѣ эту святую силу души, и мы спокойны за васъ. Ибо знаемъ, что доколѣ она будетъ жить въ васъ, вы будете сильны на добро и неуязвимы для зла въ мірѣ, и такимъ образомъ, руководимыя и укрѣпляемыя ею, свято понесете и совершите на пути своемъ великій долгъ жизни; а при семъ, какъ безъ сомнѣнія, и въ самомъ семъ найдете каждая для себя въ жизни и ту долю радости и счастья ея, которая несомнѣнно отгѣрена въ ней Богомъ каждою изъ васъ! Ибо, слышите ли, что говоритъ Самъ Божественный Наставникъ и Учитель людей Христосъ? *Ищите, говоритъ Онъ, прежде царствія Божія и правды его, и сія вса т. е. и радость и счастье жизни и все хорошее въ ней, приложатся вамъ!* Аминь.

Священникъ Н. Протопоповъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИ-
ТЕТАХЪ ¹⁾.

Семьдесятъ шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ печати сочиненіе Канта о «борьбѣ факультетовъ между собою». Въ теченіе пяти лѣтъ до того времени онъ не издавалъ ничего, касающагося религіозныхъ вопросовъ. Королевскимъ указомъ отъ 1-го октября 1794 года, ему сдѣланъ былъ упрекъ, что онъ въ своимъ сочиненіи «религія въ преѣлахъ чистаго разума» злоупотребляетъ философіею къ ниспроверженію и уничтоженію главныхъ и основныхъ истинъ св. Писанія и христіанства. Для предотвращенія на будущее время самой возможности подобныхъ упрековъ, Кантъ далъ торжественное обязательство впредь совершенно воздерживаться отъ всякихъ публичныхъ разсужденій касательно естественной или богооткровенной религіи и въ своихъ лекціяхъ и въ сочиненіяхъ. Конечно, онъ сдѣлалъ такое заявленіе въ качествѣ вѣрноподданнаго; но не имѣлъ намѣренія навсегда отказаться отъ свободы мысли, т.-е. долѣе того времени, пока былъ живъ король. Въ ноябрѣ 1797 года Фридрихъ Вильгельмъ III наследовалъ своему отцу, и первымъ актомъ его его царствованія было уничтоженіе религіознаго эдикта, отъ 8-го іюля 1788 года, на основаніи котораго издано было упо-

¹⁾ Theolog. Studien u. Kritiken. 1875. 2 Heft.

манутое королевское повелѣніе, направленное противъ Канта. Кантъ успѣшилъ, какъ онъ говоритъ, «выразить самымъ дѣломъ подобающее просвѣщенному, снимающему наложенныя на духъ человѣка оковы правительству повиновеніе» уже несомнѣнно искренно въ слѣдствіе предоставленной свободы мысли и откровенно высказать свой взглядъ на мѣсто, принадлежащее философіи въ научномъ организмѣ, или, что тоже—на взаимное отношеніе факультетовъ, такъ какъ университетъ есть ученое общество, соотвѣтствующее этому организму. Три издана существующихъ факультета—богословскій, юридическій и медицинскій имѣютъ, по Канту, то между собою общаго, что преподаваемые въ нихъ науки должны производить соотвѣтственное влияніе на извѣстныя сферы человѣческой жизни, и такъ какъ правительство, основывая университеты и давая имъ содержаніе, особенно этимъ интересуется, то оно считаетъ эти три факультета старшими. Число ихъ соотвѣтствуетъ тремъ главнѣйшимъ пружинамъ, направляющимъ народную жизнь прежде всего къ вѣчному благу cadaго человѣка, потомъ къ его гражданскому благосостоянію, какъ члена общества, и наконецъ къ тѣлесному здоровью. Но для университетскаго ученаго общества существенно необходимъ еще четвертый факультетъ, «который бы, по характеру своей науки, независимой отъ правительственныхъ приказаній, пользовался свободой все подвергать обсужденію въ чисто научномъ интересѣ, т.-е. въ интересѣ одной истины, такую свободу, на основаніи которой можно было бы говорить истину открыто, потому, что съ одной стороны, безъ этой свободы истина (въ ущербъ для самаго правительства) не можетъ сдѣлаться извѣстною, а съ другой разумъ, свободный по своей природѣ, не можетъ принимать никакихъ приказаній, чтобы считать что-либо за истину (никакого *crede*, но только простое *credo*).

Этотъ четвертый факультетъ философскій. Если бы остальные факультеты вступили въ борьбу съ этимъ четвертымъ, ссылаясь на законоположенія, изданныя или только утвержденныя правительствомъ для университетовъ, то эта борьба

была бы противузаконная; она стремилась бы задержать свободное движеніе науки вообще. Желаніе философскаго факультета подвергать своему обсужденію и оцѣнкѣ законы и ученія другихъ факультетовъ вполне законно въ интересъ истиннаго знанія и благотворно для будущихъ дѣятелей въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни. Къ тому же и вліяніе философскаго факультета на этихъ послѣднихъ есть только посредственное, чрезъ тѣ факультеты, которые руководятъ ихъ образованіемъ; а непосредственно дѣйствуетъ на нихъ этотъ факультетъ вмѣстѣ съ всеми другими факультетами, составляющими академическій организмъ. Философскій факультетъ поступилъ бы противузаконно и нерешель бы за пограничную черту своего призванія, если бы вздумалъ непосредственно указывать теологамъ, юристамъ и врачамъ предметы для ихъ чтеній, вмѣсто тѣхъ, которые поручены имъ правительствомъ. Что Кантъ слишкомъ узко понимаетъ призваніе другихъ факультетовъ въ сравненіи съ философскими факультетами, котораго задачу, напротивъ, ставитъ слишкомъ идеалью, усвоивъ первымъ очень мало чисто научнаго интереса и относя его исключительно къ послѣднему, это объясняется изъ его общаго воззрѣнія, по которому отдѣльный субъектъ критически относится къ окружающей его богатой жизни. Но Кантъ ратуетъ только за правое философіи на свободное изслѣдованіе и изложеніе истины; потому онъ весьма далекъ отъ мысли оспаривать у другихъ факультетовъ специальную сферу: ихъ призванія и подвергать сомнѣнію ихъ полноправіе, какъ необходимыхъ членовъ въ научномъ организмѣ. Что философскій факультетъ, не смотря на свое преимущественное право свободы, считается младшимъ, Кантъ находитъ этому объясненіе въ томъ, что повелѣвающій, хотя бы былъ чьимъ-либо смиреннымъ слушателемъ, все таки считаетъ себя выше нежели свободный, но не имѣющій власти повелѣвать. Въ частности относительно богословскаго факультета Кантъ находитъ разумнымъ, что бы тотъ факультетъ, который имѣетъ дѣлю вѣчнаго блага че-

ловѣка, занималъ первое мѣсто въ ряду остальныхъ, за нимъ юридическій, а наконецъ медицинскій, хотя по мнѣнью врача важнѣе другихъ для человѣка, потому что сохраняетъ ему жизнь.

Какимъ же образомъ богословская наука, эта царица между другими науками, сдѣлалась такою уничиженною въ настоящее время? Она отнюдь не пренебрегала поучаться у философіи, она, нужно сказать, много поработала надъ Кантомъ и Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ, Фризомъ и Гербартомъ, такъ что кажется, не было ни одной замѣчательной философской системы, которая бы прошла мимо богословія, не проиникнувъ его насквозь. Съ другой стороны богословіе давно разучилось взывать къ свѣтскимъ властямъ для ограниченія опаснаго для него философскаго умозрѣнія, и доносъ, сдѣланный въ 1853 году на Куно-Фишера въ Гейдельбергъ, долженъ оставаться совершенно одиночнымъ въ новѣйшей исторіи университетовъ протестантской Германіи. Философія, которой Кантъ назначалъ такое скромное положеніе подлѣ ея старшихъ сестеръ, и теперь предоставляетъ богословію его-прежнее мѣсто. Однакожъ если въ обзорѣяхъ личнаго академическаго состава и преподаванія наукъ, а равно и въ академическихъ торжественныхъ собраніяхъ богословію еще уступается первенство; то это происходитъ, кажется, большею частію отъ того, что смотрятъ на него, какъ на умирающаго, замѣчая на немъ *facies hiprostatica* и думая, что вообще ему не долго остается жить; въ самомъ дѣлѣ многимъ слышится за дверями уже и шаги его могильщиковъ, приготовившихся его погребать. Поль де-Лагардъ, самъ докторъ богословія, находить, что существующіе нынѣ богословскіе факультеты не въ состояніи держаться; присяга, даваемая профессорами богословія при полученіи степени лиценціата, до такой степени связываетъ ихъ, что давая ее, они тѣмъ самымъ исключаютъ богословіе изъ ряда научныхъ знаній. Давидъ Штраусъ въ 1840 году уже думалъ, что существенное содержаніе вѣры, хранимое идиотскимъ сознаніемъ въ формѣ представленія,

дѣлается достояніемъ ученаго въ формѣ мысли; но уже и тогда онъ, какъ казалось ему, могъ засвидѣтельствовать собственнымъ примѣромъ, что изученіе богословія, нѣкогда средство способное приготовить къ служенію церкви, теперь стало самымъ ярымъ путемъ къ тому, чтобъ сдѣлать для него неспособнымъ; напротивъ сапожническая скамья, писарская комната и прочее, что прежде самымъ надежнымъ образомъ предохраняло отъ вторженія науки, въ настоящее время сдѣлалось мѣстомъ предварительной подготовки къ проповѣднической должности лучшимъ, нежели университеты и семинаріи. Религіозные идюты, богословскіе самоучки, нѣстистскіе вожаки и говоруны, вотъ духовное сословіе будущаго! Недавно профессоръ богословія въ Базель Францъ Овербекъ повторилъ за Штраусомъ покрайней мѣрѣ первое его положеніе, утверждая, что противоположность между вѣрою и знаніемъ непримирима, и что потому, наука можетъ только разрушительнымъ образомъ дѣйствовать на религію. Наконецъ естественная наука, выступающая въ наши дни въ члѣ научнаго движенія, силится оставить богословіе безъ всякаго реальнаго предмета, устраняя даже личнаго живаго Бога, который для естественной науки не болѣе, какъ x , научный знакъ, выражающій неизвѣстную величину, и выставляя вообще религію, какъ продуктъ человѣческаго самооболенія. Такимъ образомъ немѣнѣе права быть интегральнымъ членомъ научнаго организма,—неспособность обслѣдывать своей предметъ надлежащимъ образомъ, даже немѣнѣе дѣйствительно существующаго предмета,—вотъ тройная примѣта, которою обозначается предсмертное состояніе богословской науки, вѣрующей въ свою основательность, строгость и послѣдовательность.

Богословіе могло бы успокоивать себя тѣмъ обстоятельствомъ, что, не смотря на это, оно все-таки продолжаетъ жить, что оно не разъ выходило изъ подобной борьбы помолодѣвшимъ и окрѣпшимъ. Не заботясь о нападеніяхъ, оно могло бы находить въ нихъ подкрѣпленіе для себя, чтобы,

какъ и прежде, дѣлать свое дѣло въ тиши и утѣшаться благословеніемъ, которое всегда сопровождаетъ его. Но если оно разъ вызвано вступить въ борьбу за свое существованіе, то уже въ порядкѣ вещей дать себѣ отчетъ въ своемъ правѣ на существованіе противъ тѣхъ, которые оспариваютъ его. Если разъ вынудили стать въ апологетическое положеніе, то было бы неблагоразумно допустить, чтобы его защитники подвергались насмѣшкамъ со стороны вызвавшихъ ихъ противниковъ; въ самомъ дѣлѣ существуетъ мнѣніе, что защитники богословія лучше бы сдѣлали, если бы отказались отъ безнадежной борьбы и безъ дальнѣйшихъ заботъ склонили свое знамя предъ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ.

Начнемъ съ послѣдняго изъ вышеуказанныхъ вопросовъ, какъ съ такого, котораго разрѣшеніе предрѣшаетъ отвѣты и на остальные вопросы, именно съ вопроса: имѣетъ ли вообще богословіе реальный предметъ. Современное естествознаніе, въ большинствѣ своихъ представителей, рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, утверждая, что вѣра въ Бога есть пустая мечта воображенія, и что понятіе о Богѣ есть только вставка, которую духовная ограниченность и тупость помѣщаютъ тамъ, гдѣ наука наталкивается на какую-либо границу. Естествознаніе заявляетъ, что въ доказательство этого готово представить научно констатированные, неоспоримые факты. Штраусъ, впрочемъ, очень мѣтко противопоставляетъ это міросозерцаніе, къ которому обратился въ послѣдней матеріалистической фазѣ своего развитія, старой вѣрѣ, какъ вѣру новую. Точно ли эта вѣра дѣйствительно новая, это еще вопросъ; но что она дѣйствительно вѣра, которую принимаютъ или отвергаютъ, смотря по субъективнымъ условіямъ и потребностямъ, а отнюдь не знаніе, неотразимо дѣйствующее на убѣжденіе своею объективною силою, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Можемъ указать на четыре пункта, по отношенію къ которымъ для невѣрующей науки обрывается нить доказательствъ, и чтобы снова связать эту нить, она бываетъ вынуждена ухватиться за вѣру. Пункты эти обозна-

чаются вопросамъ: какимъ образомъ изъ неорганическаго выходятъ органическое, изъ безсознательнаго сознательное, изъ естественно-необходимаго свободное самоопредѣленіе и изъ слѣдующей матеріи цѣлесообразное міровое цѣлое. Относительно этихъ пунктовъ наука, не знающая никакой другой дѣйствительности, кромѣ вещества, признается, что ея воззрѣніе на происхожденіе всего путемъ естественнаго развитія матеріи въ настоящее время не имѣетъ никакъ доказательствъ; но она заранѣе вѣритъ и утѣшаетъ себя надеждою, что недостающіе теперь посредствующіе члены когда нибудь будутъ найдены. Повѣримъ и мы, что животной паровой машинѣ сообщаетъ движеніе простой химическо-механической актъ горѣнія, но только тогда, когда химія не просто разложить животный организмъ, но по рецепту извѣстнаго Вагнера сумѣетъ его произвести въ ретортѣ. Равнымъ образомъ не дѣйствуетъ на насъ одно простое завѣреніе, что камню свойственъ нѣкоторый родъ чувства, смѣло высказываемое съ цѣлю устранить затруднительное различіе между безсознательнымъ и сознательнымъ. Не большее также имѣетъ значеніе и указаніе на замѣчаемые у нѣкоторыхъ животныхъ слѣды чувства чести и долга, пока не станутъ привлекать къ суду собаку или лошадь за нарушеніе долга, какъ индивидумовъ, подлежащихъ вѣнчюности. Какъ наконецъ цѣлесообразность могла бы стать присущею слѣпой и безсознательной матеріи, если бы ее не вносила туда мысль человѣческая, или если бы творческая мысль, создавшая міръ, не вложила ее вначалѣ, это совершенно для насъ невысказуемо. Какое же право имѣетъ такая наука презирать богословскую за то, что эта вѣруетъ, но въ живаго, личнаго Бога, котораго бытіе обуславливаетъ всякое условное существованіе, который отличилъ человѣка отъ прочихъ земныхъ тварей, вдохнувши въ него духъ отъ собственнаго духа, давъ въ его сердце законъ Своей святѣйшей воли и который, въ силу Своего всемогущества и премудрости все направляетъ къ Своей цѣли? Провозвѣстники новой вѣры съ гордымъ сознаниемъ го-

ворять: «мы» сдѣлали такіе изумительные успѣхи, какъ будто это «мы» въ самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ цвѣтъ умственной аристократіи, чтобы свысока смотрѣть на другихъ, какъ на лицемѣровъ и идиотовъ. Но имъ, кажется, трудно представить въ пользу своей новой вѣры фактическія доказательства, въ которыхъ они поставляютъ существенную важность. Они не замѣчаютъ, что къ ихъ гордому «мы» примыкаютъ весьма сомнительныя фигуры совѣми не аристократической выдержки, что новая вѣра набираетъ себѣ неизчислимое множество послѣдователей изъ грубой массы, которая не расположена шутить съ матеріалистическою теоріею, измышляемою въ кабинетахъ, но стремится проводить въ жизнь извлекаемыя изъ нея практическія послѣдствія. Они не хотятъ слушать, что говоритъ имъ Гёте, который имѣлъ острое зрѣніе и тонкій смыслъ по отношенію ко всему практическому и на котораго они охотно иной разъ ссылаются. «Единственная и самая глубокая тема всемірной исторіи человѣчества», говоритъ онъ, «тема, которой подчинены всѣ другія, есть въ собственномъ смыслѣ столкновение невѣрія съ вѣрою. Тѣ эпохи, въ которыхъ господствуетъ вѣра, въ какой бы ни было формѣ, всегда блестящи, возвышены и благотворны для современниковъ и для потомства. Напротивъ, тѣ эпохи, въ которыхъ торжествуетъ свою жалкую побѣду невѣріе, въ той или другой формѣ, если и могутъ похвастать на мгновѣніи ложнымъ блескомъ, то для потомства пропадаютъ безъ слѣда, потому что ни у кого нѣтъ охоты мучиться надъ позваніемъ безплоднаго.» Что справедливо по отношенію къ историческимъ эпохамъ, то вполне слѣдуетъ сказать и о творцахъ эпохи, выдающихся историческихъ личностяхъ. Изъ священной глубины вѣры почерпали они тѣ творческія мысли и силу воли, которыя дѣлали ихъ способными къ продолжительно дѣйствующему и послѣ нихъ благотворному вліянію на человѣчскій родъ. Не будемъ говорить о тѣхъ, которыхъ призваніемъ было служеніе и способствованіе вѣрѣ, — превосходство Данте не только въ сра-

всего съ Боккачю, но и съ Петраркою главнымъ образомъ основывается на серьезности и искренности его вѣры. Точно также и Шекспиръ своею высотою въ сравненіи съ современными ему Марло, Бомонтомъ и Флетчеромъ обязанъ своей глубокой вѣрѣ въ грозную, но сокровенную правосудную силу, которой дѣйствіи онъ умѣлъ изображать потрясающимъ образомъ. Вѣрующій Мильтонъ своимъ «потеряннымъ раемъ» далъ народу обильный источникъ высокаго духовнаго возбужденія, предоставивъ скептику Ботлеру потѣшать легкомысленный дворъ Карла II своими остротами надъ христіанствомъ пуританъ. На томъ же основаніи мы считаемъ Гёделя и Себастьяна Баха, какъ музыкантовъ выше Верди и Оффенбаха; философовъ Лейбница и Канта выше Ла-Меттри и Гольбаха, Штейна лучшимъ политикомъ, хотя и плохимъ дипломатомъ, нежели Генца и Талейрана. Нужно ли намъ отказываться отъ вѣры, которая на дѣлѣ является въ собственномъ смыслѣ возбуждающею, возвышающею и движущею силою народной жизни, въ угоду такой теоріи, которой практическіе приверженцы всегда работаютъ только метлою уничтожающей фактической критики? Не гораздо ли лучше, вмѣсто вываленнаго нынѣ монизма, который во всемъ хочетъ видѣть только одно естественно-необходимое развитіе матеріи, намъ держаться дуализма, который основывается не на спорномъ теоретическомъ различеніи между тѣломъ и душою, какъ говоритъ Штраусъ, но на томъ неоспоримомъ фактѣ сознанія, что кромѣ естественной жизни есть еще жизнь свободнаго самоопредѣленія, которая имѣетъ свой источникъ въ отличномъ отъ міра, но всецѣлѣе дѣйствующемъ на міръ, всевышнемъ Существомъ, и чрезъ вѣру въ Него пріобрѣтаетъ свою лучшую силу? Сами защитники матеріализма не могутъ отдѣлаться отъ этого факта сознанія. Мы не станемъ порицать ихъ за это и безъ нихъ вѣдома строить послѣдовательныя заключенія отъ ихъ теоретическаго матеріализма къ практическому; мы скорѣе порадуемся ихъ счастливой непослѣдовательности, тому противорѣчію, въ которомъ стоятъ ихъ жизнь

и непосредственныя выраженія ихъ сознанія къ положеніямъ ихъ системы; этимъ они доказываютъ, что они сами лучше, нежели ихъ система. Послѣ первыхъ мѣсяцевъ Франкфуртскаго національнаго собранія въ 1848 году, когда надежда многихъ на скорое возстановленіе единой германской имперіи значительно ослабѣла и невеселое расположеніе духа сказывалось въ рѣчахъ ораторовъ, какъ замѣчалъ мой тогдашній товарищъ Карлъ Фогтъ, въ то время по рѣчи гамбургскаго депутата замѣчали, что онъ долго еще не будетъ ѣсть вкусное мясо своего роднаго города. Это сказано совершенно въ духъ матеріализма: всякій нравственный недостатокъ, послѣдовательно для матеріализма, кажется ему недостаточнымъ питаніемъ, педагогика и этика для него только діалектика. Но какъ согласуется въ «новой вѣрѣ» Штрауса съ матеріалистическою теоріей первой части требованіе наказанія и даже смертной казни во второй части, когда наказаніе опредѣляется въ слѣдствіе нравственнаго вмѣненія, и никакъ не вытекаетъ изъ одной борьбы за существованіе, въ которой сильнѣйшій успѣваетъ освободиться отъ безпокойнаго для него слабѣйшаго, пока этотъ послѣдній самъ не окрѣпнетъ чтобы обратить направленное противъ него оружіе. Самое начало книги, въ которомъ Штраусъъ выражаетъ свое эстетическое восхищеніе художественными произведеніями Гайдна, Моцарта и Бѣтховена, Гёте и Шиллера, есть величайшій протестъ противъ матеріалистическаго міросозерцанія, свидѣтельствуя объ остаткѣ сокровища, сбереженномъ вдали отъ родины, въ безлюдной и безотрадной пустынѣ. Ужели такой остроумный мыслитель не замѣтилъ противорѣчія, въ которое онъ чрезъ это ставитъ себя по отношенію къ матеріалистической теоріи? Въдъ истинное искусство, за которое стоитъ Штраусъ, находится въ самой тѣсной связи съ религіею, отъ которой онъ отрекся. То, что искусство показываетъ намъ въ изящномъ образѣ, возвышая отдѣльныя явленія къ общему ихъ знаменованію, представляя вѣчное духовное содержаніе въ конечной чувственной формѣ, то самое посредствомъ рели-

гн должно становиться дѣломъ и истинною въ расположеніи и въ жизни. Потому-то религиозное искусство представляетъ величайшія произведенія во всѣхъ областяхъ художественнаго творчества. Замѣчательно, что Штрауссъ выражаетъ непритворное удовольствіе, испытанное имъ отъ «Творенія міра» Гайдна, котораго тема: *небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь*. Слѣдовало бы ожидать, что наслажденіе такимъ художественнымъ произведеніемъ сдѣлаетъ для Штраусса презрѣннымъ міросозерцаніе, которое отвергаетъ понятіе творенія, которое одинаково не можетъ уживаться какъ съ религіею, съ нравственною свободою, такъ равно и съ искусствомъ, этимъ смѣлымъ вторженіемъ самосознательнаго, свободнаго духа человѣческаго въ обычный ходъ естественнаго развитія вещей. Для послѣдовательнаго матеріализма искусство должно быть не болѣе, какъ пустымъ призракомъ, который можетъ обольщать только дѣтей и глупцовъ, но который серьезный человѣкъ долженъ безжалостно разрушить орудіемъ серьезной научной критики вмѣстѣ съ призракомъ религіи. Но эти непритворныя выраженія непосредственнаго чувства истины, оставшагося нетронутымъ одностороннею теоріею, вмѣстѣ съ тою похвальною осторожностію, съ какою теоретическіе матеріалисты охраняютъ душевный міръ женщинъ и дѣтей отъ своего собственнаго ученія и на практикѣ укоряютъ его во лжи,—принадлежать къ тому «свидѣтельству души», въ которому еще Тертуліанъ такъ знаменательно взывалъ для утвержденія вѣры въ живаго Бога. «Новая вѣра» упрекаетъ своихъ противниковъ въ нерѣшительности, въ раздвоенности, потому что они не могутъ рѣшиться идти по ея сумазброднымъ слѣдамъ,—и признаетъ цѣльными людьми только тѣхъ, которые, подчиняясь слѣпо вышнему авторитету, держатъ свою вѣру или то, что они называютъ вѣрою, внѣ всякаго согласованія съ наукою. Но это странная претензія—считать за цѣлнато человѣка того, кто ведетъ себя такъ, какъ будто у него есть только голова и умственные потребности, а нѣтъ сердца, нѣтъ потребностей

духовныхъ, нравственныхъ. Цѣльный человѣкъ не можетъ отдаться никакой, особенно такой ложной теоріи, строго подчиненной исключительно одному разсудку, теоріи, въ которой эти существенныя его потребности остаются неудовлетворенными; напротивъ эта неудовлетворенность послужитъ для него побужденіемъ къ новой критикѣ и къ исправленію теоріи, не объясняющей важнѣйшихъ фактовъ человѣческой жизни и нисколько не рѣшающей ея насущныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, широко распространенное нынѣ между научно-образованными людьми, опроверженіе или отрицаніе реальнаго значенія религіи и понятія о Богѣ объясняется только изъ односторонности и раздвоенности; занимаясь только фактами, доставляемыми посредствомъ чувственнаго воспріятія, они теряютъ смыслъ и разумѣніе фактовъ, непосредственно свидѣтельствуемыхъ сознаніемъ. Для гармонически развитаго человѣка эти факты (а въ особенности фактъ бытія Божія) не менѣе достовѣрны, какъ и факты чувственнаго воспріятія, которые именно только въ нихъ находятъ свое достаточное основаніе и объясненіе. Даже тамъ, гдѣ гармонія духовнаго развитія разрушена чрезвѣрнымъ развитіемъ одной стороны и задержаніемъ другой, непосредственно связанное съ человѣческимъ сознаніемъ богосознаніе такъ сильно, какъ мы видѣли, реагируетъ противъ выдавшейся изъ этаго разрушенія матеріалистической теоріи, что нельзя не сказать: религія также, какъ и мысль, языкъ и свобода, принадлежитъ къ существу человѣка, и какъ бы ни было скудно завито въ немъ религіозное расположеніе, всегда справедливо выраженіе одного новѣйшаго богослова: «человѣкъ *долженъ* быть религіознымъ, потому что не въ его власти не имѣть совѣсти»; равно какъ справедливо замѣчаніе Бэкона: «*Leves gustus in philosophia movere fortasse ad atheismum, sed pleniores haustus ad religionem reducere*».

Но предметъ нашего богословія не религія вообще, а христіанская религія; многіе изъ нашихъ противниковъ охотно согласятся съ этимъ. Они оспариваютъ только то, что

лименно христіанская религія можетъ быть предметомъ богословской науки, которая имѣетъ призваніе служить религіознымъ потребностямъ нашего времени. Въ подобномъ смыслѣ уже Кантъ бытіе Божіе и религію признавалъ, какъ постулаты практическаго разума, смѣшивая при этомъ существо религіи съ нравственными требованіями (практическаго) разума. На христіанство, живущее въ своемъ основаніи историческіе факты, онъ смотрѣлъ какъ на что-то такое, безъ чего философія можетъ обходиться, и что окажется неистиннымъ, если его историческому положительному содержанію противопоставить ученіе философской религіи. Кантъ, однакожъ, не хотѣлъ совершенно раздѣлаться съ христіанствомъ; но считалъ его, въ особенности его священныя книги, еще надолгое время необходимымъ средствомъ для того, чтобы сдѣлать наиболее доступнымъ народному сознанію содержаніе философско-религіозной морали. Въ этомъ смыслѣ онъ объясняетъ существенные факты и догматы христіанства, но объясненія его свидѣлствуютъ, что содержаніе христіанства выходитъ за предѣлы критической философій, и убѣждаютъ, что христіанство, отъ котораго онъ думалъ теоретически уклониться, имѣло надъ нимъ болѣе власти, нежели сколько онъ признавалъ. По его воззрѣнію, отдѣльный субъектъ долженъ критически относиться къ окружающей его жизни, и научное мышленіе начинается съ изслѣдованія того, что изъ содержимаго нами по привычкѣ должно быть удержано на будущее время по законамъ мысли. Но съ теченіемъ времени пришлось убѣдиться, что изолированіе отдѣльной личности отъ историческаго развитія человѣчества есть фикція. Человѣкъ, скажемъ съ Сенекою, есть животное общественное; онъ живетъ своею собственною жизнію только какъ членъ человѣческаго общества. Какъ только онъ начинаетъ мыслить, онъ уже входитъ въ духовное наслѣдство, которое его поколѣніе въ свою очередь получило отъ прежнихъ родовъ, и отъ котораго онъ не можетъ отказаться. Это слѣдуетъ сказать какъ объ отношеніи его къ религіозной жизни человѣчества, такъ

равно объ отношеніи къ нашему времени и его условіямъ, въ особенности объ его отношеніи къ христіанству. Онъ живетъ и дышетъ въ той духовной атмосферѣ, которая въ теченіе вѣковъ наполнялась христіанскими мыслями; и если онъ думаетъ, что религія можетъ быть построена изъ чистаго разума его изолированной личности, то это конечно обольщеніе. И въ самомъ дѣлѣ всеобщія положенія той религіи, которую теперь называютъ философскою (Vernunftsreligion), каковы: ученіе о Богѣ, о свободѣ и безсмертіи, съ достаточною ясностію свидѣтельствуютъ, что они выросли на почвѣ христіанства. Внѣ христіанства разумъ Платона не возвысился до полнаго понятія о личномъ Богѣ и состоящаго съ нимъ въ связи понятія о творчествѣ, равно какъ разумъ магометанскихъ ученыхъ до понятія о свободѣ, и разумъ евреевъ до точнаго понятія о безсмертіи, какъ продолженіи личнаго существованія, связанномъ съ ученіемъ о воздаяніи. Это большая заслуга Шлейермахера, что онъ уничтожилъ фальшивое раздѣленіе между отдѣльнымъ субъектомъ и окружающею его средою, въ особенности средою религіозной жизни, объяснивъ, что задача христіанскаго сознанія не въ томъ, чтобы строить истинную религію, но въ томъ, чтобы стать въ дѣйствительный союзъ съ истинною религіею, осуществившеюся въ христіанствѣ. Но въ самомъ ли дѣлѣ христіанство есть истинная религія? Этотъ вопросъ отнюдь не можетъ быть рѣшенъ критикою отдѣльной личности, а только фактической критикою совершавшеюся въ теченіи вѣковъ. Нельзя не признать и заслуги Гегеля въ томъ, что онъ показалъ, какъ этотъ объективный критическій процессъ существенно способствовалъ къ познанію истины во всѣхъ областяхъ знанія, — хотя въ своей философій религіи онъ изображаетъ послѣдовательный ходъ развитія религіи несоотвѣтственно исторической дѣйствительности. Но Гегель смотрѣлъ на религію односторонне, какъ на дѣло только интеллектуальное; у него и грѣхъпаденіе есть необходимый моментъ въ этомъ интеллектуальномъ развитіи, исполнскій шагъ, какъ назвалъ его Шюллеръ, — которымъ

человѣкъ перешелъ отъ безсознательнаго единенія съ Богомъ къ сознанию своей отдѣльности, дабы наконецъ возвратиться къ сознательному единенію съ Нимъ. Такимъ образомъ вся исторія спасенія превращается въ логическій процессъ: состояніе невѣжества есть неразвитое понятіе, грѣхъ паденіе раздѣляющее сужденіе, а примиреніе — умозаключеніе, вновь приводящее къ единству то, что было раздѣлено. Для уразумѣнія сущности и историческаго развитія религіи ничего не было и нѣтъ опаснѣе, какъ неумѣнье оцѣнить этотъ ужасный фактъ грѣхъ паденія. Объяснять грѣхъ, притомъ объяснять, какъ необходимый моментъ въ исторіи человѣчества, значить ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтожать самое понятіе грѣха, потому что необходимое—то, что въ послѣднемъ основаніи возводится къ волѣ Божіей; а въ понятіи грѣха существенное именно то, что на него нѣтъ воли Божіей. Въ своемъ разсужденіи о коренномъ злѣ въ человѣческой природѣ, въ первомъ отдѣленіи философскаго ученія о религіи, Кантъ обнаруживаетъ болѣе трезвый взглядъ на этотъ фактъ и глубже вникаетъ въ его причины, и потому прямо признается: «для насъ нѣтъ ничего неостижимѣе причины, объясняющей, какимъ образомъ нравственное зло могло войти въ насъ». Но этому невоплатному, хотя и неопровержимому факту грѣхъ паденія человѣка противопоставляется также необъяснимый изъ естественнаго развитія человѣчества и столько же достовѣрный фактъ божественнаго Откровенія, а отнюдь не призракъ какой-то, привидѣвшійся человѣчеству въ одинъ прекрасный день около 30-го года нашего лѣтосчисленія и внушившій ему, что оно вовсе не отпало отъ Бога, какъ дотолѣ ему казалось, но находится въ единеніи и даже составляетъ одно съ Богомъ. Развитіе религіи происходило не въ одномъ направленіи, а въ двухъ; одно представляетъ исторія естественныхъ религіи, а другое противоположное—исторія богооткровенной религіи. Этимъ различеніемъ, думаю, устраняется споръ объ отношеніи между разумомъ и Откровеніемъ; оно основывается на фактахъ, имѣющихъ право на всеобщее признаніе,

такъ какъ ихъ легко провѣрить, именно: естественныя религіи — тѣ, которыя составляютъ одну изъ сторонъ естественной національной жизни того или другаго народа, и какъ по способу своего происхожденія, такъ и по предметамъ чествованія называются естественными; потому и сами подчинены естественному ходу развитія, и народъ, самый даровитый изъ всѣхъ культурныхъ народовъ, не могли предохранить отъ подчиненія тому же ходу, который ведетъ отъ возникновенія чрезъ возрастаніе и процвѣтаніе къ упадку и гибели, т. е. естественному развитію грѣховнаго поврежденія, которымъ сами они заражены. Напротивъ богооткровенная религія не есть продуктъ естественнаго человѣческаго развитія, ее можно объяснить только изъ высшаго принципа, который былъ вкорененъ въ естественную жизнь одного извѣстнаго народа и всего человечества, хотя чрезъ посредство достославныхъ мужей, болѣе всего проникнутыхъ имъ въ слѣдствіе особеннаго Божественнаго вдохновенія. По этому понятію, богооткровенная религія есть только религіи ветхозавѣтная, какъ предъуготовительная, и христіанская, какъ совершеннѣйшее откровеніе, а не буддизмъ, напримѣръ, который по видимому имѣетъ на это претензію. Единобожіе ветхозавѣтной религіи не есть, какъ утверждаетъ Ренанъ и под., естественный продуктъ семитической расы; оно приобрѣло силу и окрѣпло въ борьбѣ съ естественною религіею этой расы — язычествомъ. И о христіанствѣ такъ же отнюдь нельзя сказать, чтобы оно своимъ появленіемъ заканчивало миссію ветхозавѣтной религіи, какъ только продолженіе этой послѣдней; оно основано на безусловно новомъ началѣ, которое состоитъ ни какъ не въ ученіи, но въ личности Иисуса, безусловно отличной отъ всѣхъ. Въ Его лицѣ заключается для естественной жизни человѣка сѣмя новой духовной жизни, которое обладаетъ силою препобѣждать естественную порчу грѣха всюду, гдѣ только оно усвоится воспріимлющимъ его духомъ. Достоинство личности Иисуса, исключительно Ему свойственное, состоитъ въ томъ, что *въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣ-*

лессю (Иоан. 2, 3), и что, поэтому люди всѣхъ временъ должны почерпнуть истину и жизнь изъ Его полноты. Развивать религію еще далѣе самаго Христа, или что то же, развѣршать христіанство, эту абсолютную религію, въ умозрительное знаніе абсолютной философіи,—это значитъ покинуть данный намъ по благодати Божіей твердый камень спасенія, чтобы снова броситься въ растлѣвающій потокъ естественнаго развитія человѣческой жизни, управляемаго грѣхомъ и заблужденіемъ. Притомъ, безъ сомнѣнія, остается неизмѣннымъ, что камень этотъ для однихъ — камень спасенія, для другихъ — претыканія и соблазна; потому что убѣжденіе въ истинѣ христіанства не можетъ быть доказываемо по общепринятому способу; его нужно приобрѣтать лично переживаемымъ опытомъ. Однакожъ тѣ, которые исповѣдуютъ съ Петромъ: «къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни!» кромѣ доказательства внутренняго испытанія наставляющей на всяку истину и блаженнотворной силы благовѣстія Христова, могутъ ссылаться и на доказательство внѣшняго опыта и фактовъ. Въ предисловіи къ своей христіанской догматикѣ (Glaubenslehre) Штраусъ сказалъ очень хорошо: «субъективная критика отдѣльнаго лица подобна фонтану, который всякій мальчишъ можетъ запереть надосугѣ; но критика, объективно совершающаяся въ теченіи вѣковъ, несется, подобно бурной рѣкѣ, противъ которой бессильны всякія плотины и вѣтины». Въ сочиненіи своемъ Штраусъ думалъ направить эту уничтожающую объективную критику противъ христіанства, и ему удалось разсѣять нѣкоторые неправильныя пониманія и представленія христіанской истинны. Но самому христіанству онъ ничуть не могъ повредить въ свою жизнь. Христіанство съ гораздо большимъ правомъ можетъ всю тяжесть этой объективной критики обратить на своихъ противниковъ. Что высказывали противъ него послѣдователи лѣвой стороны философіи Гегеля, логически потомъ перешедшіе къ материализму, и другіе, союзные съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ оппозиціи противъ христіанства, въ сущности тоже

самое, что говорили епикурейцы и стоики на Афинской площади, что говорил потомъ Целсъ, что въ эпоху возрожденія говорил легкомысленный гуманизмъ, собственно въ Италіи, и что въ прошломъ столѣтїи говорили энциклопедисты во Франціи. Объективная критика безъостановочно идущей исторіи дозволяетъ торжествовать, скажемъ словами Гёте, только на мгновеніе жалкую побѣду этимъ бесплоднымъ, уничтожающимъ всякую высшую духовную жизнь воззрѣніямъ, которыхъ ложнымъ блескомъ хвастаетъ невѣрующая наука. Во всѣ времена эта критика находила исполнителей ея, приговоровъ надъ такими воззрѣніями въ самомъ лагерѣ науки. Напротивъ, христіанство во всѣхъ такого рода кризисахъ имѣло право на жизнь, доказывало, что оно было живо и продолжало быть для людей источникомъ утѣшенія, возвышенія и благословенія.

Итакъ мы можемъ быть совершенно спокойны относительно мнѣнія о безпредметности богословія. Вся исторія человечества свидѣтельствуетъ, что религія, подъ которою слѣдуетъ разумѣть собственно христіанство, есть фактъ, который всегда имѣлъ чрезвычайно важное, а часто преобладающее вліяніе на человѣческую жизнь. Что касается нашего времени, въ которое и религіозные и церковные вопросы опять выдвинулись на первый планъ публичной жизни, то не слѣдуетъ забывать, что борьба противъ религіи, противъ христіанства и церкви, даже противъ критизаній римской церкви, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ существованіи факта, противъ котораго ратуютъ, и что вопросы, затронутые этою борьбою, поважнѣе вопроса о осуществленіи протоплазмы и о ея способности къ развитію. Но такой значительный историческій фактъ, какъ религія, былъ бы необъяснимъ, если бы не имѣлъ основаній въ существѣ человеческого духа. А съ другой стороны, всеобщность религіи, о которой противъ своей воли свидѣтельствуютъ и противники религіи, была бы немислима, если бы ей не соответствовала объективная дѣйствительность, т. е. бытіе Божіе. Такимъ

образомъ фактъ существуетъ, и вопросъ только въ томъ, чтобы правильно понимать его. Говорятъ, что богословіе сдѣлать это не въ состояніи. — Это второй пунктъ, которому посвящается наша апологія. Тѣмъ изъ нашихъ противниковъ, которые настоятельно высказываютъ, что богословіе, какъ наука, должна уничтожить религію и положительное христіанство, мы можемъ отвѣчать просто, что христіанское богословіе не желаетъ этого. Но есть и между богословами такіе, которые съ сожалѣніемъ говорятъ, что научное богословіе по необходимости должно уничтожить вѣру; потому предлагаютъ между этими, въ сущности непримиримыми, по ихъ мнѣнію, сторонами, заключить такой компромиссъ, чтобы вѣра не препятствовала свободному движенію науки и чтобы научное богословіе, въ свою очередь, не разрушало простосердечія и шира, свойственныхъ вѣрѣ.

При этомъ раздѣльномъ хозяйствѣ все-таки вѣрѣ лучше оставаться безъ богословія, нежели богословію безъ вѣры, потому что отдѣльныя богословскія науки, соединяемыя въ одно цѣлое интересомъ вѣры и религіозной жизни, тотчасъ при этомъ распадаются и поддаются вліянію филологій, всемірной исторіи, философіи религіи и философской этики; репетиторы и педагоги, и богословъ, которому желателенъ подобный компромиссъ, лучше бы сдѣлалъ, еслибы задало- временно выбравъ соответствующее своимъ занятіямъ мѣсто въ философскомъ факультетѣ! Раздѣльное хозяйство не принесло бы выгоды ни одной изъ обихъ сторонъ. Какое же въ самомъ дѣлѣ должно быть отношеніе между вѣрою и богословіемъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально существуютъ вѣра, а послѣ нея являється богословіе, имѣющее вѣру своимъ предметомъ. А знаніе своего предмета ужели должно уничтожать самый предметъ? О богословіи можно сказать тоже, что и о физикѣ, которая не уничтожаетъ своего предмета, потому что изслѣдуетъ законы его движенія. Но противъ этого могутъ возразить: «конечно, если бы вѣра была такимъ же осязательнымъ и твердо стоящимъ предметомъ.» Но

вѣра есть только форма нашей духовной дѣятельности, непосредственно усвоющая духовное содержаніе, а если наука вводитъ это содержаніе на степень знанія посредствомъ выясненія его основаній, то уже непосредственной вѣрѣ конецъ. Кроме того, вѣра опирается на историческихъ свидѣтельствахъ и зависитъ отъ авторитетовъ, которые не могутъ устоять предъ научною критикою». Что касается перваго возраженія, т. е. что непосредственная вѣра должна уничтожиться, когда наука, посредствомъ выясненія ея основанія, возводитъ ее на степень знанія; то это могло бы случиться только тогда, если бы наука могла когда нибудь покончить съ этимъ своимъ объяснительнымъ процессомъ. Шиллеръ, защищавшій дѣтское востосердечіе противъ расчетливаго благоразумія, дѣлаетъ справедливое напоминаніе самоуѣренной, поспѣшной въ своихъ приговорахъ наукъ: «человѣкъ, еще не начинавшій философствовать, ближе къ истинѣ, нежели философъ, еще не закончившій своего изслѣдованія.» Поэтому, безъ дальнѣйшей поѣрки, можно назвать ту философію ложною, которая, своими выводами ставится въ противорѣчіе съ «всеобщими чувствами». Ибо въ чемъ состоитъ задача нашей научной мыслительной дѣятельности? Въ томъ, чтобы все, безъ нашего участія, непосредственно-данное содержаніе нашего духа, развиты въ опредѣленные понятія, въ сознательно обоснованныя, послѣдовательныя и стройно связанныя между собою мысли. Но мы должны согласиться, если только скромно и отягчливо разсуждаемъ о своемъ мышленіи, что вполне разрѣшить эту задачу намъ не удастся, и что въ нашемъ непосредственномъ сознаніи всегда остается какой-то остатокъ, который не переходитъ въ знаніе, посредствуемое наукою. Здѣсь-то заключается причина, почему не прекращается побужденіе къ дальнѣйшему развитію познаній, къ повторительнымъ, предпринятіямъ одной и тойже работы, дабы привести ее къ удовлетворительному концу, и почему каждая научно-производительная личность выше и богаче по содержанію, нежели принадлежащая ей система. Потому, если богословіе

доказываетъ, что извѣстное толкованіе того или другаго библейскаго текста подлежитъ сомнѣнію, заключаетъ въ себѣ противорѣчія, которыя не могутъ быть устранены безъ насильствования его смысла, или что народное вѣрованіе принимаетъ нѣкоторыя внѣшнія особенности за существенныя принадлежності вѣры, то вѣра отступаетъ отъ нихъ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ она живѣе. Если же, напротивъ, богословская наука станетъ какъ нибудь доказывать, что св. Писаніе есть только человѣческое произведеніе, подобное другимъ литературнымъ памятникамъ, потому не можетъ служить препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія религіи, что религіозное движеніе, имѣющее свое начало въ лицѣ Іисуса, обязано своимъ происхожденіемъ естественному развитію человечества, потому не можетъ развиваться далѣе Христа: то это, по выраженію Шиллера, противорѣчить всеобщему чувству всѣхъ искренно вѣрующихъ христіанъ. Богословская наука тогда только успѣшно будетъ выполнять свою задачу, когда, возбуждаемая подобнымъ противорѣчіемъ, снова приметъ за поспѣшную конечную работу и путемъ болѣе основательнаго наслѣдованія придетъ къ болѣе благопріятнымъ для вѣры результатамъ. Таковъ точный смыслъ часто употребляемаго, но глубоко-вѣрнаго выраженія Ансельма: *fides quaerens intellectum*, которое Шлейермахеръ выставлялъ эпиграфомъ своей догматики. 3) Вѣра заключаетъ въ себѣ неистощимо-глубокій родникъ свѣта, изъ котораго наука можетъ почерпнуть, въ который можетъ вренкать съ своимъ свѣтлышкокомъ, никогда его не истощившая и не истощая. Но вѣра не дѣлаетъ научному движенію богословія никакого другаго свѣщенія, кромѣ того, какое монументалитъ всѣ науки, занимающіяся наслѣдованіемъ, объясненіемъ и положеніемъ давшаго содержанія; въ такомъ разѣ всякая научная теорія находитъ въ непосредственныхъ воспріятіи этого содержанія и въ наблюденіи его свои основанія и средства навѣрять себя и исправлять.

³⁾ *Neque enim intelligo, ut credam, sed credo, ut intelligam. Nam qui non crediderit, non experietur et qui expertus non fuerit, non intelliget.*

Богословіе имѣеть своимъ весьма реальнымъ предметомъ фактъ религіозной вѣры, котораго вѣрность подтверждается свидѣтельствомъ всей исторіи человѣчества и необходимость совнаніемъ всѣхъ людей и народовъ. Если бы кто-либо изъ нашихъ противниковъ сталъ утверждать, что у нѣкоторыхъ недавно открытыхъ народовъ не существуетъ ни малѣйшаго намека на религію, то мы безъ сомнѣнія имѣли бы право употребить оной собственный имъ саміи пріемъ, по которому они, замѣчая, что въ ихъ цѣпи недостаетъ нѣкоторыхъ членовъ, утѣшаютъ себя вѣрою, что при точнѣйшемъ изысканіи, конечно, будутъ найдены и они. Богословіе, далѣе, не имѣеть ни надобности, ни желанія уничтожить посредствомъ критики свой предметъ, т.-е. вѣру или разрѣшить ее въ знаніе; скорѣе она желаетъ доставить собою средство усвоить научно-му сознанію содержаніе вѣры и сдѣлать ее содержаніемъ научнаго испытанія. А что наука, посвященная изслѣдованію предмета столь глубокой и многосторонней важности, имѣеть полное право на самобытное существованіе, безъ котораго не доставало бы существеннаго члена въ научномъ организмѣ, — это не потребуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, если согласиться съ Кантомъ, что человѣку не чуждъ интересъ къ вѣчному благу, кромѣ интереса къ тѣлесному благу и къ стройнымъ гражданскимъ отношеніямъ. По отношенію къ факультетамъ, посвященнымъ этимъ тремъ областямъ, философскій факультетъ имѣлъ первоначально только вспомогательное знаніе, доставляя необходимыя для нихъ свѣденія философскія, эмпиологическія, историческія, и также математическія и естественно-историческія. Но съ теченіемъ времени этотъ факультетъ эмпицировался до степени самостоятельнаго научнаго дѣла, и отдѣльнымъ наукамъ, его составляющимъ, объединены между собою въ стремленіи изслѣдовать истину: фактъ ее самой; тогда какъ остальные факультеты имѣли цѣлю практически содѣйствовать церковной жизни, гражданской жизни, здоровью. Что члены факультета, имѣющіе задачу способствовать жизни церковнаго общества, даютъ при-

силу на вѣрность основамъ этого общества, то это само по себѣ отнюдь не можетъ быть предосудительно. Лагардъ, по поводу этого обстоятельства, вѣдущая оспаривать у богословія право на дальнѣйшее существованіе въ качествѣ члена въ научномъ организмѣ. «Богословы, говоритъ онъ, вступающіе въ какія-либо обязательства относительно результатовъ и метода своихъ изслѣдованій, не имѣютъ никакого права смотрѣть на себя, какъ на слугителей науки». Что касается протестантскихъ богослововъ, то это обязательство отнюдь не связываетъ ихъ такимъ вѣншимъ образомъ, какъ напримѣръ юристовъ по отношенію къ мѣстному праву государства. Если первые не вдумаютъ дѣлать изъ Евангелія новый законъ, то это обязательство никакъ не можетъ быть относимо къ буквѣ св. писанія; равнымъ образомъ, если они не согласны предоставлять своимъ символическимъ книгамъ того преобладающаго значенія относительно самаго св. Писанія, какъ въ римской церкви предоставлено предавію; то это обязательство не исключаетъ для нихъ свободы отступать отъ нѣкоторыхъ вѣроопредѣленій заключающихся въ ихъ символическихъ книгахъ. Свобода, въ которой Генгетевбергъ сдѣлалъ въ своемъ ученіи объ отношеніи между вѣрою и добрыми дѣланіи, такое широкое и сознательное употребленіе, не можетъ быть связана иначе, какъ только научными средствами и не лишаетъ его права быть столпомъ протестантской ортодоксіи. Но если кому вдумается отрицать достоинство Христа, какъ единаго нашего Искупителя и Ходатая, исключительно Ему принадлежащее, отвергать руководственное значеніе св. Писанія, или же защищать божественное право напастъ, право стрѣлять на свои добрыя дѣла, какъ на заслугу предъ Богомъ; — тотъ самъ могъ бы сдѣлать, что сдѣлалъ Лагардъ, признавъ, что онъ не можетъ принадлежать къ протестантско-богословскому факультету. При многосторонности научныхъ занятій, требующихъ по самому существу богословской науки, такому человеку легко найдется для себя, если нужно, другое протестантское, или даже болѣе, что въ средѣ несвѣдущихъ себя богосло-

вѣю принято за правило изучать все, что они изучаютъ, но ради обязательства, но по свободному научному убѣжденію. Кантъ однакожь нападалъ не съ такою одностороннею несправедливостію только на богословіе; онъ смотрѣлъ на обязательство предписанное уставомъ, какъ на общее, которому по своему подчинялись и юристы и медики, вѣсть съ богословами; если для богослововъ предметъ обязательства Кантъ называетъ только библію, для юристовъ мѣстное право своего государства, для медиковъ медицинскій уставъ, то для богослововъ обязательство, очевидно, менѣе стѣснительно. Съ своей философской высоты Кантъ смотрѣлъ на остальные факультеты слишкомъ пренебрежительно и слишкомъ рѣзко выставлялъ противоположность между ними и факультетомъ философскимъ. Нельзя сказать, чтобы тамъ существовала только ненаучная практика, а здѣсь была истинная наука; обѣ стороны восполняютъ взаимно одна другую въ стремленіи къ разрѣшенію научной задачи. Если формулировать эту задачу такимъ образомъ, что она состоитъ въ изслѣдованіи основаній и связи нашихъ познаній, и согласиться при этомъ, что исполнить эту задачу никогда не удастся, по крайней мѣрѣ для отдѣльныхъ лицъ,—то въ научномъ разрѣшеніи ея участвуютъ и философія съ своей стороны и другіе факультеты съ своей. Та преимущественно заботится, чтобы построить основательную и стройную систему, но легко можетъ игнорировать отдѣльные факты, которые не укладываются въ ее систему. Эти имѣютъ дѣло съ фактами и часто съ разу уклоняются отъ научнаго ихъ обоснованія, имѣя за нихъ свидѣтельство опыта. Но какъ философія постоянно напоминаетъ другимъ факультетамъ о необходимости сообщать ихъ научнымъ изслѣдованіямъ основательность и стройность, сама доставляетъ къ тому средства; такъ и тѣ, съ своей стороны, всякій разъ сънова повторяютъ ей задачу принимать въ расчетъ отмѣченные ими факты. Организация нашихъ университетовъ, такъ много способствовавшая нѣмецкой основательности и осматриваемости, имѣетъ ту великую выгоду, что въ нихъ, по стѣ-

сколько грубому выраженію Канта, все содержаніе учености обрабатывается, такъ сказать, «по фабричному способу, чрезъ раздѣленіе труда.» Для протестантскаго богословія было бы несчастіемъ, если бы оно выдѣлилось изъ этой живой и оживляющей среды, въ которой совершается обмѣнъ между духовнымъ давленіемъ и признаніемъ; было бы несчастіемъ и для церковной жизни, если бы призванные къ попеченію оной лишены были участія въ этомъ освѣжающемъ и многостороннемъ научномъ движеніи. И государство не доводитъ принципъ своего отдѣленія отъ церкви до того, чтобы забыть, какъ важно для его собственныхъ цѣлей здоровое развитіе церковной жизни, потому требуетъ, чтобы будущіе пастыри получали академическое образованіе въ основанныхъ имъ университетахъ. И университеты перестали бы быть тѣмъ, на что рассчитываетъ ихъ мнѣ, если бы наука, посвященная исследованію и совершенію въ религиозной жизни, не имѣла въ нихъ своего преподавателя, — въ этомъ не можетъ обманываться безпристрастное и всестороннее сужденіе. Такимъ образомъ для богословія и фактически обозначивается его положеніе какъ необходимаго члена въ университетскомъ организмѣ и въ наукѣ. Относительно нападокъ, дѣлаемыхъ на нашу науку, мы будемъ совершенно спокойны, если съ искреннимъ расположеніемъ отнесемъ къ себѣ слово Апостола: *все ваше*, — какъ постоянное возбужденіе къ научной дѣятельности, а въ особенности примемъ къ сердцу слова слѣдующія далѣе: *вы же Христовы, а Христосъ Божій* (1 Кор. 3, 22—23).

Пр. В. Д — я.

Харьковъ.

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ БОГОМИЛОВЪ

ПО ЦАНОПЛІИ ЕВѢИМІЯ ЗИГАБЕНА

И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Въ 1872 году въ Православномъ Обозрѣніи былъ напечатанъ русскій переводъ Зигабенова трактата о богомилахъ съ историческими свѣдѣніями объ этой сектѣ, заимствованными изъ Византийской писательницы, Анны Комженой, покойнымъ С. Н. Палаузовымъ. Въ настоящей статьѣ представляется научный разборъ Зигабеновыхъ извѣстій о богомилахъ и сравненіе ихъ съ извѣстіями другихъ источниковъ. По важному историческому значенію богомильской секты, преимущественно въ средѣ славянскихъ племенъ, по ея несомнѣнному вліянію на позднѣйшія секты западныя и восточныя, по значенію возрѣвнїи секты въ изученіи народной словесности, между прочимъ нашей русской, всякая серьезная попытка научно освѣтить мало еще обслѣдованную исторію этой секты заслуживаетъ полнаго вниманія.

Ред.

При составленіи настоящаго труда сочинитель пользовался преимущественно слѣдующими источниками и пособіями:

Euthymius Zygabenus: „Narratio de Bogomills“, titulus XXIII, edid. Gieseler. 1842. Gotha.

— *Павелѣа догматикѣ* (въ латинскомъ перев.). Maxima Biblioth. vet. patrum, t. XXI.

Анна Сомпена: „Alexias“. L. XV, ed. Venetiis. 1729.

Козма Пресвитеръ: „Бесѣды на новоявившуюся ересь Богомилу“, Правосл. Соб. 1864, ч. I, II.

Сводникъ болгарскаго царя Бориса, Врем. Общ. Ист. и древн. 1856.

XXI.

„Житіе преп. Иларіона Могленскаго“. Полн. Собр. лѣт. т. IX, стр. 144—149.

Liber s. Ioannis apocryphus, ap. Thilo, codex apocryphus Novi Testamenti. 1832. p. 884—896. Lipsiae.

Ceillier: Histoire generale des auteurs sacrés et ecclesiastiques, t. XXI.

Engelhardt: „Kirchengeschichtl. Abhandlungen. 1832. Erlangen. p. 153—250.

Gieseler: Lehrbuch der Kirch-gesch. II, I. 1844.

— „Über den Dualismus der Slaven“, Theol. Stud. u Krit. N. II.

Neander, Kirchengeschichte, t. V, abt. II. 1845.

Ullman: „Nicol. von Methone, Enth Zigab“... Stud. u Krit. B. 1833.

B. III.

C. Schmidt: Histoire de la secte des Cathares ou Albigeois, 1849. Paris.

Левинскій: „Богомилство — болгарская ересь (историч. очеркъ) Христианск. Чт. 1870. Январь, февраль.

Петрановичъ: Богомили Црква Босанска и Кретани. 1867. Загребъ.

S. Chr. Wolf: Historia Bogomilorum. 1712. Württemberg.

Oeder: Prodomus historiae Bogomilorum criticae.

Тильфердингъ: Полное собраніе сочиненій 1868 г. томъ I.

-I.

Около 1111 г. въ Константинополѣ повсюду распространился слухъ о появленіи новыхъ, опасныхъ еретиковъ, которыхъ называли богомилами и считали послѣдователями манихеевъ и мессалианъ. Эта ересь существовала и прежде, но не была еще известна церкви: «зло скрывалось подъ мантией и клобукомъ.» Еретики въ высшей степени обладали искусствомъ притворяться, держать себя степенно, съ благоговѣніемъ, преисполняя свяскостію. Опраченное печалью лице, почти закрытое клобукомъ; возниная голова; медленная походка и востанное нашептываніе какихъ-то молитвъ про себя — вотъ картина богомила по изображенію Анны Комневой¹⁾). Даже женщины

¹⁾ Alexias, p. 384.

ублажались учениемъ еретиковъ; оно нашло себѣ приверженцевъ и въ знатныхъ домахъ (εις οικίας μεγιστας), особенно благодаря неутомимой дѣятельности монаха *) Василия. Встревоженный этими слухами, императоръ велѣлъ представить ему во дворецъ «учителя и верховнаго главу богомиловъ», какъ называли Василия схваченные по приказанію императора еретики. По описанію Анны Комненой и Евенмія †), это былъ человѣкъ высокаго роста, тщедушнаго тѣлосложенія, съ кѣлинообразной бородой, въ одеждѣ монаха. Дряхлый, изможденный видъ обличалъ въ немъ весьма преклонныя лѣта; при всемъ томъ онъ сохранилъ замѣтную бодрость духа и способность ловко владѣть словомъ, пріобрѣтенную имъ долготѣлейшей практикой въ качествѣ учителя секты: по Евенмію ‡) Василиій пятнадцать лѣтъ изучалъ ересь и болѣе сорока лѣтъ проповѣдывалъ ее §). Василия обыкновенно сопровождали двѣнадцать апостоловъ и нѣсколько женщинъ крайне развратнаго поведенія.

Когда Василиій явился во дворецъ, императоръ удостоилъ его величайшей чести: Алексѣй Комненъ всталъ при его привѣтствіи и пригласилъ сѣсть за однимъ столомъ. Императоръ скоро замѣтилъ, что ему не легко вызвать Василия на откры-

*) Евенмія называетъ Василия не монахомъ, а врачомъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ, вѣроятно, суевѣрной молвѣ народа, который видѣлъ въ вожака богомиловъ вѣдуна, чародѣя, находившагося въ сношеніи съ высшими силами, способнаго врачевать, по понятію древнихъ славянъ (даже русскихъ, у которыхъ также *врачъ врачаръ* обозначало колдуна, вѣщаго) всякіе недуги. Коллуда, чародѣя народъ видѣлъ и въ преемникѣ Василия Ликопетрѣ, который, по словамъ своихъ учениковъ воскресъ въ третій день по смерти и явился имъ въ видѣ вожака (Victorovi. I Anal. ар. ТоII р. 115)—чисто славянское мнѣніе, представляющее покойниковъ-оборотней именно въ такой формѣ (сравни Пыпина, Истор. Оглав. Литер. стр. 74). Врачезъ, въ настоящемъ смыслѣ, Василиій не былъ, равно какъ и монахомъ: Зонаръ говоритъ, что Василиій *по одеждѣ походилъ* на монаха, а по правамъ—на сатану (Annales L. XVIII).

†) Анастасіе 385. Narrat. de Bogom. р. 6.

‡) Narrat. de Bogom. L. II.

§) Зонаръ говоритъ, «что Василиій 52 года проповѣдывалъ и наполнилъ ядомъ всю вселенную.» (totum fere orbem pestis implevit) Annales L. XVIII, р. 231.

ианность, и вотъ онъ (по примѣру Флавіана епископа антиохійскаго, открывшаго ученіе мессаліанъ) коварно притворился покорнымъ ученикомъ Василія. «Достопочтенный отецъ! скажи государь,—я весьма много уважаю тебя и чту, плѣняясь твоими добродѣтелями, но еще болѣе хочу научиться у тебя истинамъ, тайно сообщаемымъ тобою немногимъ, передъ которыми наши обыкновенные обряды считаешь пустыми и бесполезными.» Уточенная до подобострастія обходительность императора и ловко замаскированное, притворное желаніе его и брата Исаака быть учениками Василія развязали наконецъ уста послѣднему: онъ со всею откровенностію излагалъ свое ученіе, не подозрѣвая засады. Вдругъ императоръ изъ послушнаго ученика дѣлается грознымъ судьей. За занавѣсами, раздѣлявшими ихъ комнату, сидѣлъ писецъ, быстро записывавшій рѣчь Василія; ученіе его было записано все и представлено на судъ, созваннаго по этому случаю, собора. Несмотря на неоднократныя угрозы и увѣщанія императора и кнзя Василій не думалъ однакожь отказываться отъ своего заблужденія и говорилъ, что за истину своего вѣроученія готовъ потерпѣть огонь, бичеваніе и тысячу смертей.

Между тѣмъ были пойманы двѣнадцать апостоловъ и множество послѣдователей ереси. Многіе изъ арестованныхъ доказали свою невинность; другіе, напротивъ, съ радостію готовились встрѣтить ожидавшія ихъ мученія. Для распознанія виновныхъ отъ невинныхъ императоръ велѣлъ устроить два костра и на верху одного изъ нихъ водрузить крестъ. Богомилы, презиравшіе крестъ по принципу своего вѣроученія, не пойдя къ нему и этимъ явно засвидѣтельствовавъ свою принадлежность къ сектѣ. Они были отведены въ темницы, а пошедшіе къ костру съ крестомъ освобождены.

Когда ни увѣщанія, ни угрозы не дѣйствовали на Василія, соборъ осудилъ его на смерть. При многочисленномъ собраніи народа, Василій приведенъ былъ на гипподромъ, гдѣ пылалъ возженный костеръ. Богомилъ не смутился: онъ твердо произнесъ слова 90-го псалма: *ангеломъ своимъ заповѣсть о*

тебѣ сохранить тя. У костра онъ замѣтилъ крестъ. Стояло только преклониться предъ нимъ и Василій былъ бы спасенъ отъ ужасной смерти, но онъ отвернулся отъ креста. Вдругъ онъ узнаетъ, что его родственники и друзья, вопреки общаію императора, подвергнуты пыткамъ, гнѣютъ въ тюрьмахъ. Горькія слезы полились изъ его глазъ; онъ громко рыдалъ, вспоминая о прошедшемъ, о близкихъ его сердцу ⁹⁾. Непреклонность Василія въ виду пылающаго костра, его обращеніе къ ангеламъ поселили въ толпѣ опасеніе, что демоны спасутъ его отъ смерти. Въ видѣ опыта палачи бросаютъ въ огонь одежду Василія и пламя быстро ее пожираетъ; за нею вошелъ на костеръ Василій и его не стало. Это было въ 1118 году ⁷⁾.

«Глава дракона была струблена, но еще уцѣляли его члены, не задѣтъ былъ хвостъ», говоритъ Евѣмій ⁸⁾. Еще не разсѣялась «грозная туча ересей», повисшая на византійскомъ небосклонѣ ⁹⁾. И вотъ императоръ, радѣя о правотѣрціи своихъ подданныхъ, дорожа славою хорошаго богослова ¹⁰⁾ столько же, сколько и славою искуснаго политичека, поручилъ болѣе опытнымъ богословамъ своего времени составить описаніе разныхъ ересей. Редакція этого труда была возложена на Евѣмія Зигабена.

Годъ рожденія и смерти Евѣмія не извѣстенъ. Полагаютъ,

⁹⁾ Narrat. de Bogom. XXII гл. 35 р.

⁷⁾ Alexias, p. 390.

⁸⁾ Narrat. de Bogom. LII гл.

⁹⁾ Alexias, 384.

¹⁰⁾ Такое близкое участіе въ дѣлахъ вѣры византійскихъ императоровъ, носившихъ титулъ „*Αρχιεπίσκοπος*“—явленіе довольно обыкновенное въ то время. Римскіе императоры, говоритъ Никита Хониать, не довольствуются господствомъ надъ свободными, какъ надъ рабами; они обижаются, если ихъ не признаютъ премудрыми, православными богословами, законодателями, способными одинаково рѣшать дѣла божескія и человѣческія (Neander, V, II, 1043). Алексій Комненъ неоднократно самъ спорилъ и обличалъ богомиловъ, павлиніанъ и др. По словамъ Евѣмія его дворецъ былъ наполненъ духовными лицами (*multitudine Regia semper referta esse solet...*), съ которыми императоръ разсуждалъ о дѣлахъ вѣры (Max. Bibl. Vet. Patr. IXX, 6).

что названіе *Зигабена* онъ получилъ отъ мѣста своего рожденія или первоначальнаго воспитанія. Нѣкоторые ученые читаютъ *Zυγάδινους*—отъ *Zυγάδος*, родины Евеміа ¹¹. Свѣдѣнія о его жизни весьма скудны. Самъ онъ называетъ себя монахомъ одного константинопольскаго монастыря въ честь Пресвятой Дѣвы, лежащаго на берегу моря ¹². Онъ пользовался отъ современниковъ славою учителя вѣры. Анна Компена называетъ его превосходнымъ грамматикомъ, весьма искуснымъ риторомъ, отличнымъ знаткомъ церковныхъ догматовъ (*τὸ δόγμα ὡς οὐκ ἄλλος τῆς ἐπιστάμενον*). Онъ былъ навѣствовъ еще императрицею Иринею и всему византійскому клиру ¹³.

Оконченный Евеміемъ трудъ самъ императоръ назвалъ *Δογματικὴ Πανοπλία* ¹⁴. Полное его заглавіе такое: *Πανοπλία δογματικὴ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, ἥτοι ὀπλοθήκη δογμάτων*, эта оружейная палата «должна была доставлять на будущее время оружіе для духовной борьбы съ разными обнаружившимися заблужденіями.» Евемій увѣряетъ, что «этимъ разнообразіемъ стрѣлъ и оружія можно будетъ, навѣрное, отразить всякое нападеніе на релігію ¹⁵.» Впрочемъ такія надежды Евеміа не довольно оправдываются содержаніемъ *Πανοπλiа*. Здѣсь, для борьбы съ новыми ересями, возникшими на новой почвѣ, при другихъ условіяхъ, употребляется большею частію устарѣвшее оружіе вѣковъ предшествующихъ: въ трудъ *Зигабена* мало оригинальности, самостоятельности; свидѣтельства отцовъ не всегда удачно приводятся (Ullman, s. 668). Эта громадная компиляція указываетъ на замѣтный упадокъ греческой образованности. Вѣкъ Василіевъ, Григоріевъ, Златоустовъ—вѣкъ свободнаго изслѣдованія разума, плѣвѣннаго въ послушаніе вѣ-

¹¹) Ullman, Theolog. Studien и Kritikern 1833 г. III В. стр. 663—674.

¹²) Ср. Cave, Hist. Liter. t. II, p. 198.

¹³) Какъ толкователь Библии Евемій и до нашихъ дней пользуется немалой извѣстностію: впрочемъ въ толкованіяхъ его не достаётъ глубины мысли и самостоятельности изслѣдованія (Ullman Theol. St. и Kritikern 1833 г. стр. 665).

¹⁴) *Αλιχιας*. p. 387.

¹⁵) Max. Bibl. Vet. Patr. IXX. p. 6.

ры—для Византіи миноваль. Періодъ вселенскихъ соборовъ кончился и, повидимому, въ области религіозныхъ вопросовъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ копировать старое. У церковныхъ писателей вмѣсто живой мысли стала преобладать риторическая фразеологія, ставшая наконецъ всеобщимъ условнымъ языкомъ. Въ обществѣ, которое говорило на языкъ древней Греціи, жило подъ тѣмъ же небомъ, изучало древнихъ классиковъ, замѣтны еще слѣды языческаго вліянія: не даромъ Паноплія нападаетъ съ жаромъ на эвнуриемъ и пантеизмъ¹⁶⁾. Такое состояніе общества имѣло, конечно, вліяніе и на успѣшное распространеніе богомилства въ Греціи.

II.

23 глава Панопліи, написанная для обличенія богомилловъ, составляетъ наиболѣе самостоятельную часть произведенія Евеміи Зигабена. До недавняго обнаруженія «Слова пресвитера Коазы» трудъ Евеміи оставался почти единственнымъ памятникомъ для изученія догматическихъ мнѣній богомилловъ. Ученые, занимавшіеся этимъ памятникомъ, приходили къ радикально противоположнымъ заключеніямъ касательно достоверности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Арнольдъ первый утверждалъ, что извѣстія Евеміи объ ученіи богомилловъ—чистая выдумка (*figmentum*), обманъ православныхъ (*fraus orthodoxum*), потому что оно не подтверждается извѣстіями другихъ писателей и содержитъ нелѣпыя неслыханныя мнѣнія (*opiniones vix quando auditas*)¹⁷⁾. Спангеймъ говоритъ, что греки приписали богомиламъ много баснословныхъ (*fabulosos*) мнѣній, или по крайней мѣрѣ, сомнительныхъ¹⁸⁾. Эдеръ написалъ цѣлый трактатъ съ цѣлю обличить «ложь монаха Евеміи.» Съ своей піетистической точки зрѣнія Эдеръ утверждаетъ, что въ Византіи, во времена богомилства, господствующая вѣра была испорчена и официальные богословы совершенно неза-

¹⁶⁾ Max. Bibl. Veter. Patrum, XXI p. 7—10.

¹⁷⁾ Heresiologia I. 356.

¹⁸⁾ Wolf, Histor. Bogomilorum. p. 44.

служенно обвиняли въ ложныхъ мѣвнiяхъ богомиловъ — по-сѣдователей чистой, незатемненной разными традиціями, вѣры—изъ ненависти къ ихъ вліянію на народъ. О самомъ Ев-еніи Эдеръ выражается такъ: nullam ratione auctoritatem Graeculij hujus agnosco, dum *monachum* cogito, i. e. hominem superstitiosum, credulum. Нужно быть крайне легковѣрнымъ, чтобы повѣрить этому *балагуру* (historiolis) ¹⁹⁾. Вольфъ напротивъ, пускаетъ въ оборотъ всю свою ученость, чтобы доказать справедливость показаній Евеніи. Главнымъ доводомъ для Вольфа служатъ при этомъ почти буквальное сходство позднѣйшихъ писателей (Н. Хоніата, Арменуцула и др.) съ Евеніемъ, которые, очевидно, цѣликомъ выписывали его показанія. Въ своемъ обширномъ трудѣ (136 стр., in-8°) Вольфъ, со всею энергіей и трудолюбіемъ средневѣковаго гелертера, подыскиваетъ цитаты изъ Платона, Ксенофонта, Цицерона, изъ разныхъ философовъ и отцовъ церкви, даже цитату изъ Энеиды Виргиліевой ²⁰⁾, для того, чтобы доказать правдивость показаній Евеніи. Большинство новѣйшихъ историковъ стоятъ также за подлинность извѣстій Евеніи. Они обыкновенно почти цѣликомъ выписываются при изложеніи богомильскаго ученія въ нѣкоторыхъ монографіяхъ ²¹⁾ и въ извѣстныхъ трудахъ по церковной исторіи, начиная отъ Неандера. Этотъ ученый совѣтуетъ, впрочемъ, *осторожно* относиться къ показаніямъ Евеніи ²²⁾. Послѣдній взглядъ на Евеніи высказывается и въ двухъ новѣйшихъ монографіяхъ—Петрановича и Левицкаго. Первый говоритъ, что у Евеніи есть много *темныхъ* мѣствъ, но въ доказательство приводитъ только одинъ фактъ, что его мѣвнiю, искаженный Евеніемъ ²³⁾. Левицкій обѣщаетъ только доказать въ послѣдствіи, что мѣвнiя ученыхъ объ искаженіяхъ и пристрастіи Евеніи небезосновательны ²⁴⁾.

¹⁹⁾ Prodrromus Hist. Bogomilorum. p. 8.

²⁰⁾ Wolf, p. 56, 58, 80 et caet.

²¹⁾ Engelhardt, Kirchengeschliche Abhandlungen.

²²⁾ Alg. Kirch. V. II, 1086—89.

²³⁾ Богомилы, Церква Воснска, 64 стр.

²⁴⁾ Христ. Чтеніе, 1870 г., январь.

Оставляя пока въ сторонѣ подробную оцѣнку свѣдѣній о богомилствѣ, сообщаемыхъ Евѳиміемъ Зигабеномъ, скажемъ объ отношеніяхъ автора къ своему труду: насколько были благопріятны условія, въ коихъ находился Евѳимій при выполненіи предложенной ему задачи? Анна Комнена говоритъ, что императоръ поручилъ Евѳимію изложить ученіе богомиловъ—*καθὼς ὁ ἀσεβῆς Βασίλειος ὑφηγήσατο* ²⁵⁾. Эта фраза показываетъ, что у Евѳимія, при составленіи трактата о богомилахъ, были подъ руками записки, веденныя, какъ мы видѣли выше, скорописцемъ со словъ Василія. Но бесѣда съ Василіемъ во дворцѣ не была послѣднею. Самъ императоръ и духовенство неоднократно бесѣдовали съ еретикомъ и, безъ сомнѣнія, дѣлились съ Евѳиміемъ новыми добытыми свѣдѣніями. Въ числѣ духовныхъ лицъ, посѣщавшихъ Василія въ темницѣ, былъ и тотъ, кому было поручено составить опроверженіе ереси ²⁶⁾, и разсуждалъ съ еретикомъ. Кромѣ того Евѳимій имѣлъ случай бесѣдовать съ многими другими богомилами, какъ самъ онъ объ этомъ говоритъ въ *Συγγραφῆ ἀπὸ λητευστικῆ* ²⁷⁾. Такъ однажды на пути, Евѳимій встрѣтился съ богомиломъ, который свободно говорилъ ему о своей вѣрѣ. Да и въ своемъ монастырѣ Зигабенъ нерѣдко вызывалъ на откровенныя объясненія еретиковъ, притворяясь, по примѣру императора, ихъ ученикомъ, съ цѣлью выведать темныя стороны ихъ вѣроученія. Анна Комнена говоритъ, что многіе изъ пойманныхъ еретиковъ отказывались отъ своихъ заблужденій. Въ числѣ ихъ были, безъ сомнѣнія, и истинно раскаявшіеся, которые могли безбоязненно открывать тайны ереси.

Есть основаніе утверждать, что у Евѳимія были подъ руками даже *письменные источники*, принадлежавшіе сектантамъ. Такъ въ 27-мъ титулѣ ²⁸⁾ Зигабенъ говоритъ, что онъ ограничится изложеніемъ *толкованій* еретиковъ только на нѣкото-

²⁵⁾ Alexias L. XV p. 387.

²⁶⁾ Narrat. de Bogom. гл. XXI.

²⁷⁾ Ed. Fogginus in Anecdosis literariis, v. IV, ap. Narrat de Bogom. II.

²⁸⁾ Narrat de Bogom. p. 34, 35.

рши нѣста Евангелія Матѳея, «потому что слишкомъ много потребовалось бы труда и времени на изложеніе богомысльскаго толкованія на весь канонъ.» Быть можетъ, что у писателя Паноппія и не было подъ руками толкованій на *всѣ* книги Священнаго Писанія, какъ думаютъ нѣкоторые ученые ²⁹⁾. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что писанныя толкованія на *Ев. Матѳея* дѣйствительно были у Зигабена. Въ пользу этого говорятъ: а) множество приводимыхъ имъ примѣровъ; б) строгій порядокъ въ ихъ расположеніи (начиная со 2-й главы Матѳея, Евѳимій оканчиваетъ 9-ю главою); в) во второмъ анабаптизмѣ ³⁰⁾ говорится, что Тихикъ, ученикъ Ликопетра мнимаго основателя мессалианской секты, извращалъ неправильными толкованіями св. книги. Особенно же онъ уродовалъ своими толкованіями *Ев. Матѳея*, относя все сказанное въ немъ о Богѣ Отцѣ и Святомъ Духѣ къ своему отцу Ликопетру. Если Евѳимій осуждаетъ комментарій богомысла Тихика, то значить этотъ комментарій существовалъ и Зигабенъ имъ пользовался ³¹⁾.

Все это показываетъ, что Евѳимій находился въ такомъ близкомъ отношеніи къ еретикамъ, пользовался, при составленіи своего труда, столь компетентными источниками, что едва ли можно указать многихъ писателей, которые были поставлены въ такія же благоприятныя условія по отношенію къ описываемой ими ереси. Но самое это обиліе матеріала могло имѣть для писателя и свою невыгодную сторону. Много нужно критическаго такта, чтобъ не потеряться во множествѣ показаній со стороны лицъ различнаго направленія и развитія, со стороны сектантовъ, у которыхъ не было еще строго законченной, выработанной системы вѣрученія. Много требовалось сдержанности и осторожности, чтобъ не поддаться преувеличеніямъ, сохранить полное безпристрастіе при изложеніи мнѣній еретиковъ, въ самый разгаръ борьбы съ ними; и Евѳимій,

²⁹⁾ Engelhardt, Kirch. G. Abh. s. 169.

³⁰⁾ Victoria de Messalianorum, ap. Tolli. p. 116.

³¹⁾ Ср. Engelhardt, s. 169.

увидѣть, не вполне совладалъ съ бывшимъ въ его рукахъ богатымъ матеріаломъ.

III.

Трактатъ о богомилахъ составляетъ 23 главу (τότλος) Панопли и раздѣляется на 52 отдѣленія или пункта. Они раздѣляются на 2 главные части, изъ коихъ въ первой излагается 33 пункта богомильскаго ученія, а во второй — еретическія толкованія на Ев. Маттея. Въ первой части излагаются слѣдующіе предметы: 1) Библия и ея употребленіе у богомиловъ; 2) богомильская троица; 3) Сатанаилъ; 4) твореніе видимаго міра и человѣка; 5) явленіе Христа; 6) происхожденіе исполиновъ; 7) святые; 8) демоны; 9) крестъ; 10) крещеніе и принятіе въ секту; 11) причащеніе; 12) храмы; 13) молитвы; 14) скрытность и лицемѣріе; 15) Θεοτόκος; 16) одежда; 17) посты; 18) богомилы и ихъ отношеніе къ православной церкви и обществу. Само содержаніе уже показываетъ, что Евѣмій не держался строго систематическаго порядка при изложеніи богомильскаго вѣрученія. Сочиненіе отражаетъ на себѣ слѣды поспѣшной работы и представляетъ характеръ замѣтокъ о томъ или другомъ еретическомъ мнѣніи, иногда безъ всякой связи и послѣдовательности. Такъ послѣ «явленія Христа» говорится «о происхожденіи исполиновъ» — ничѣмъ неоправдываемая хронологическая и историческая несообразность; за происхожденіемъ исполиновъ трактуется «о святыхъ». Говоря о таинствахъ, авторъ Панопли забылъ упомянуть о бракѣ и только вскользь касается его въ *экзегетической* части; о другихъ предметахъ онъ не говоритъ ни слова, напр. объ исповѣди, хотя она несомнѣнно существовала у богомиловъ. Ученіе о Троицѣ раскинуто въ разныхъ мѣстахъ ³¹⁾.

Задача нашего труда изобразить картину богомильства, открытаго въ Константинополѣ въ царствованіе императора Алексѣя Комнена и описаннаго въ *Панопли* Евѣмиемъ Зи-

³¹⁾ Гл. II—V и XXIII.

габенюмъ. Для этой цѣли мы воспроизводимъ, съ возможною точностію, самый текстъ трактата о Богомилахъ, по гизеле-ровскому изданію, дѣлая нѣкоторыя отступленія въ порядкѣ изложенія только тогда, когда въ разныхъ мѣстахъ говорится объ одномъ и томъ же предметѣ и почти не касаясь *воображеній* Евеніи, какъ неизмѣняющаго примаго отношенія къ нашему предмету. На ряду съ изложеніемъ вѣрваній богомиловъ мы будемъ излагать и относящіеся сюда тексты Ев. Матфея, по еретическому толкованію, которое служитъ подтвержденіемъ, объясненіемъ или выраженіемъ того или другого мнѣнія сектантовъ. При этомъ мы будемъ сравнительнаго метода постараемся опредѣлить, на сколько *можно и вѣрно* переданы авторомъ Панопліи исторія и ученіе богомиловъ, сопоставляя для этой цѣли съ сказаніями Евеніи, по возможности, всѣ немногочисленные сказанія другихъ писателей объ этомъ предметѣ, указывая, гдѣ необходимо, историческія, этнографическія и другія причины, повліявшія на образованіе и характеръ того или другаго еретическаго заблужденія.

IV.

23 титло Панопліи «противъ богомиловъ» Евеніи Зигабенъ начинаеть замѣчаніемъ о значеніи слова «богомилъ», производя его отъ двухъ славянскихъ словъ «Богъ милуй», такъ что «богомилъ», по толкованію Евеніи, значитъ—*ὁ τοῦ Θεοῦ τὸν ἔλεον ἐπισπόμενος*—усердно молящійся. Такое толкованіе находится въ связи со взглядомъ Евеніи на сходство и даже тождество между ученіемъ богомиловъ, евхитовъ, мессалианъ (*εὐχίτης*—*meslín*—молящійся). Толкованіе это едва ли вѣрно; авторъ Панопліи остановился на немъ вѣроятно по незнакомству съ славянскимъ языкомъ. Слово «богомилъ» означаетъ по-славянски—человѣка богоугоднаго, благочестиваго, какъ-то видно и изъ слова пресвитера Козмы, который иронически замѣчаетъ о ересеначальникѣ богомиловъ: «а по истинѣ рещи—Богу—*не милъ*», то-есть неугоденъ²³⁾. Человѣкъ усердно мо-

²³⁾ Прав. Собес. 1864 г. I ч. 481 стр.

лящійся» по-славянски переводится—*богомолъ*, какъ и называются богомилы въ одной рукописи Коричей XVI в. ³⁴⁾. Народъ называлъ ихъ богомолами, потому что они часто и много молились—на наказъ и гордились этимъ: «мы, говорили богомилы православныхъ, Бога призываемъ, моляштесь.... мы паче васъ Бога молимъ и бдимъ и молился, а не живемъ въ лѣности, яже вы» ³⁵⁾. Не видно, чтобы сами богомилы называли себя этимъ именемъ. Пр. Козма говоритъ, что они называли себя «истинными христіанами», «крестьянами» ³⁶⁾, и Евоній въ одномъ письмѣ о богомилахъ говоритъ, что они называли себя «христіанами, христовыми гражданами: христіановъ ѣаυτοῦς ἐνομαζόντες οἱ μισοχριστοὶ καὶ χριστοπολίτας ³⁷⁾.

Библия и ея употребленіе у богомиловъ.

Гл. I, 27, 30, 41, 36, 20, 21.

Канонъ св. Писанія богомилы дѣлятъ на 7 книгъ—слѣдующихъ: 1) Псалтирь, 2) 16 книгъ Пророковъ, Евангелія, 3) отъ Матѳея, 4) Марка, 5) Луки, 6) Іоанна, 7) Дѣянія апостольскія, всѣ посланія и Апокалипсисъ Іоанна Богослова. (Основаніе дѣленія Библии на 7 книгъ они находятъ въ IX, I ст. книги притчей Соломон.). Остальныя же историческія книги Ветхаго Завѣта и Пятикнижіе Моусея они отвергаютъ, какъ произведенія діавола; не признаютъ и Бога, упоминаемаго въ нихъ вмѣстѣ съ угодившими Ему мужами. Но они, для подтвержденія своего ученія приводятъ мѣста и изъ непризнаваемыхъ ими священныхъ книгъ ³⁸⁾. Свои семь книгъ богомилы толкуютъ аллегорическимъ способомъ, для подтвержденія своихъ мнѣній. Все, *сказанное* въ Библии о нечестивыхъ грѣшникахъ и идолопоклонникахъ, они относятъ къ право-

³⁴⁾ См. Опис. Рум. Муз.—у Лавицкаго 33 стр.

³⁵⁾ Правосл. Собес. 1864 г. I часть, 491 стран.

³⁶⁾ Ibidem. II, 108.

³⁷⁾ Neander. V. II, 1094. примѣч. 2.

³⁸⁾ Narrat. de Bogom. гл. I.

славной церкви и, наоборот, все, сказанное о праведниках, они приравнивают къ своимъ послѣдователямъ³³⁾. Въ подтвержденіе своего взгляда на законъ Моисея, какъ на пронашествіе діавола, они приводятъ аллегорическое толкованіе текста: *Иоаннъ имяше рязу свою отъ власъ верблужды, и палачъ усмьхъ о чреслахъ своихъ: смьдъ же его бы пружаси и меда дикій* (Мф. 3, 4). Волосы верблюда означаютъ предписанія закона Моисеева, которыя похожи на нечистоплотнаго верблюда, дозволяя своимъ послѣдователямъ употребленіе мяса, брака, клятвы, жертвы, смертной казни и т. под. Кожаный поясъ означаетъ св. Евангеліе, писанное на овецъихъ кожахъ. Предписанія закона Моисеева они называютъ сараичею, которая не въ силахъ различить доброе отъ дурнаго и избирать лучшее. Дикимъ медомъ называется Евангеліе, которое представляется какъ медъ сладкимъ для своихъ послѣдователей: *(уста твои слаще меда и сота)*, и дикимъ для отвергающихъ его, возвѣщая тѣсный скорбный путь жизни, исполненный страданій³⁴⁾. На отверженіе Вѣтхаго Завета съ завѣною его новыиъ указываетъ, по мнѣнію еретиковъ, слѣдующій стихъ: *Омышасте, яко речемо бысть древнимъ: око за око, зубъ за зубъ* (Марк. 5, 38). Глаза означаютъ два закона—Моисеевъ и Евангельскій, а зубы—два пути—пространный и узкій. Итакъ, эти слова Спасителя имѣютъ тотъ смыслъ, что Господь далъ законъ (новый) вмѣсто закона Моисеева и узкій путь вмѣсто пространнаго³⁵⁾. Мѣсто изъ Ев. Маттея V, 18, повидимому не подходящее подъ это толкованіе, богомыслы объясняли такъ: и *iota* и *черта* закона означаютъ десятословіе, ибо черта въ вертикальномъ положеніи изображаетъ югу. И такъ *iota*, т. е. десятословіе не уничтожится, но будетъ имѣть силу у евреевъ, пока не погибнетъ небо и земля. Потому-то и сказано (въ Писаніи), что Христосъ не пришелъ

³³⁾ Ibidem, гл. XXVII.

³⁴⁾ Ibidem, гл. XXX.

³⁵⁾ Ibidem, гл. XLI.

разрушить законъ, а наполнить (праведниками) небо, оставшее нѣкогда падшими ангелами ⁴²⁾.—Иногда богомильскыя ссылались на тексты, которыхъ вовсе не оказывалось въ Библии, напр.: «почитайте демоновъ—не потому, чтобъ они могли доставлять вамъ пользу, а чтобъ не вредили вамъ» (XX); «всякимъ образомъ спасеніе ваше содѣвайте». Впрочемъ Евонній, тщательно пересмотрѣвъ евангеліе Василія, нашелъ, что оно не отличается отъ употребляемаго въ православной церкви. И когда Евонній замѣтилъ это Василію, послѣдній сослался на авторитетъ какого-то старца, встрѣтившагося съ нимъ въ нѣкоторомъ уединенномъ мѣстѣ. Старецъ назвалъ его по имени и сказалъ Василію, что онъ приобрѣлъ въ купленномъ имъ экземплярѣ евангелія величайшее сокровище, потому что только эта книга не подверглась искаженіямъ со стороны Юанна фурсо-сторца (Грязноуста) и содержитъ два вышеприведенныя мѣста ⁴³⁾. Сказаніе Евоннія Зитабена о богомильскомъ канонѣ книгъ св. Писанія довольно темно. Такъ авторъ Паноплин говоритъ, что богомильскыя отвергали всѣ историческія книги Ветхаго Завѣта, но почему они принимали писанія пророческія, въ какомъ видѣ они употребляли остальные книги—остается неразъясненнымъ. Мы знаемъ, что современные богомильскыя катары, послѣдователи чистаго дуализма, принимали книги пророковъ, какъ сказаніе о невѣдомомъ мірѣ, предшествовавшемъ видимому, — о мірѣ духовномъ. Пророчества, по мнѣнію этихъ сектантовъ, были предсказаны, еще до созданія міра, небесными духами; они, предвидя влѣченіе сыновъ Божіихъ въ оковы плоти, хотѣли утѣшить ихъ (сыновъ) воспоминаніемъ о прошедшемъ и надеждою на будущее ⁴⁴⁾. Безъ сомнѣнія и богомильскыя видѣли въ пророчествахъ изображеніе нѣкоторыхъ таинственныхъ вещей, пользуясь аллегорическимъ толкованіемъ пророчествъ, отвѣчавшихъ основ-

⁴²⁾ Ibidem. гл. XXXVI.

⁴³⁾ Ibidem. гл. XX, XXII.

⁴⁴⁾ Histoire et Doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois par C. Schmidt t. II, 23—24.

ному взгляду ихъ религіозной системы. Столь далеки они были отъ надлежащаго пониманія пророческихъ книгъ—видно изъ того, что другіе писатели приписываютъ имъ отверженіе *всего* канона Ветхозавѣтныхъ книгъ. «Гдѣ, паки вопрошаю вась, говоритъ Иларіонъ Могленскій богомиламъ, изобрѣтосте душегубительную сію язву еже глаголати, яко *древній законъ* отъ лукаваго бѣше» (изъ контекста видно, что здѣсь подъ *закономъ* разумѣется *весь* Ветхій Завѣтъ) ⁴⁵⁾. То же самое говорилъ о богомилахъ, гораздо раньше Иларіона, пресвитеръ Козма: «Авраама, друга Божія, и Давида и Азарьяны чади и *прочихъ пророковъ* не приѣмлютъ, ихже и звѣри свѣршіи убоишася и огонь усумѣся» ⁴⁶⁾. Это разногласіе въ показаніяхъ славянскихъ писателей и Евенмія касательно богомильскаго канона можно примирить такимъ образомъ.

Воображая себя подъ непрестаннымъ водительствомъ Духа божія, относясь презрительно ко всему, что носитъ печать чуждости, вѣщественности, богомилы не думали ограничивать себя рамками какихъ-нибудь вѣршнихъ предписаній, изъ каждаго бы источника они ни исходили. Предписанія Закона Божья имѣли значеніе для «совершенныхъ» членовъ секты (есотиковъ) настолько, насколько они отвѣчали внутреннему расположенію каждаго, дѣйствіями котораго управляетъ самъ Духъ Святый. Вотъ почему они такъ обезображивали иногда своими толкованіями смыслъ св. Писанія и ссылались даже на признаваемые ими книги Ветхаго Завѣта, если видѣли въ нихъ подтвержденіе своихъ догматико-миѣологическихъ представленій. Такое свободное, такъ сказать, эклектическое ⁴⁷⁾ отношеніе къ признаваемымъ и непризнаваемымъ кни-

⁴⁵⁾ П. С. Р. J. т. 9. стр. 146. — Житіе Иларіона, епископа могленскаго, великаго противоборника богомиловъ во 2-й половинѣ XII вѣка, написано патриархомъ Евенміемъ терновскимъ въ XIV вѣкѣ. Историческая основа этого житія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. См. собр. сочин. Гильфердинга т. I стр. 132.

⁴⁶⁾ Православн. Собесѣдн. 1864 г. ч. II. 90.

⁴⁷⁾ Въ смыслѣ манихеевъ, которые выходили изъ того основанія, что только ученіе Манаса безусловно истинно и все несогласное съ нимъ

гамъ В. З., вводявшее ихъ въ рядъ обыкновенныхъ литературныхъ памятниковъ, давало полное основаніе вышеприведеннымъ писателямъ приписать богомиламъ отверженіе *асето* В. З. Такое пониманіе Библии еще яснѣе выражается въ отношеніи богомиловъ къ Евангелію. Оно, по словамъ Козмы, пользовалось такимъ уваженіемъ у сектантовъ, что не сходило у нихъ съ рукъ ⁴⁸⁾; особенное же преимущество они отдавали Евангелію Іоанна по сказанію Евеміа ⁴⁹⁾. И что же? Тѣ же самые писатели даютъ понять, что и Евангеліе превратилось у нихъ въ мнѣе—такъ они обезображивали смыслъ его! Напр., вопреки положительному свидѣтельству ев. Іоанна о высокой миссіи Іоанна Крестителя, «его же самъ Господь больше всѣхъ святыхъ показа», они называли его «Антихристомъ» ⁵⁰⁾, потому что онъ крестилъ водою, а вода—это жилище злыхъ, жестокихъ славянскихъ *силъ*—твореніе злаго начала, по понятію сектантовъ. Апокрифъ «Вопросы Іоанна Богослова», столь распространенный между богомилами, прямо называетъ Іоанна Крестителя сатаняиловымъ посланникомъ, миссіа котораго вредитъ дѣлу Христа ⁵¹⁾. Мы видимъ, что въ этомъ случаѣ положительное свидѣтельство Евангелія приносится въ жертву темному апокрифическому сказанію съ зыческимъ отъвѣтомъ.

ложно; что въ священномъ Писаніи много ошибокъ, заблужденій и поврежденій. Критеріемъ для распознаванія истиннаго отъ лживаго должно служить ученіе Параклета, сошедшаго на Манеса и вдохновляющаго его послѣдователей: *Nobis paracletus ex N. T. promissus docet, quid ex eodem accipere debeamus et quid repudiare*, говорилъ одинъ послѣдователь Манеса (Guericke Kirchengeschichte, 1866 г. В. I в. 99). У богомиловъ мы также встрѣчаемъ манихейскій взглядъ на *повожденіе* священнаго Писанія Іоанномъ Златоустомъ (Narrat. de Bogom. гл. XXI). Но между тѣмъ какъ критеріемъ для различенія истиннаго отъ лжи служитъ для философа образованнаго Манеса *разумъ „ratio“* (Guericke, *ibidem*), для Василія—богомила этимъ критеріемъ является темное недоразвитое религиозное *чувство*, сильное впрочемъ до такой степени, что способно было вводить его въ самообольщанія, такъ что онъ принималъ его руководство за голосъ свыше (Narrat. de Bogom. гл. XXI).

⁴⁸⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. II, 99.

⁴⁹⁾ Narrat de Bogom. XVI.

⁵⁰⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. II, 90.

⁵¹⁾ Thilo, Codex apocryphus N. T. Лейпцига 1833 г. р. 883.

Это заставляет нас перейти къ апокрифамъ, которые имѣли такое громадное вліяніе на образованіе и характеръ богомильства.

Византійская литература—выразительница суевѣрнаго, въ эту пору, византійскаго общества—была особенно богата *люжми* книгами. Въ отреченной литературѣ были апокрифы Ветхаго Завета, отчасти еврейскаго, отчасти поздняго христіанскаго происхожденія, въ ней рассказывались преданія новозавѣтной эпохи или поэтическія легенды или догматическія повѣрья и суевѣрья древнихъ христіанъ. Особенный успѣхъ въ народной массѣ давало этимъ намотникамъ то обстоятельство, что они часто обращались именно къ такимъ вопросамъ, на которые нельзя было найти положительнаго отвѣта въ священномъ писаніи и ученіи церковномъ. Они рассказывали о подробностяхъ творенія, — что было до творенія міра и что будетъ при кончинѣ его, какое происхожденіе и назначеніе человека. Обо всемъ этомъ апокрифическія сказанія говорили съ такими подробностями, и въ доказательство называли такіе авторитеты, что неопытный читатель увлекался и вѣрилъ имъ на слово. Простота изложенія способствовала твердому удержанію ихъ въ памяти. Составители апокрифовъ, стремясь дать всему полное объясненіе, прибѣгали къ произвольному символизму. Последнее какъ нельзя болѣе удовлетворяло патриархальное глубокомысліе: наивное стремленіе открывать *глубокій, тайный смыслъ писанія* видѣло символическій смыслъ даже въ такихъ рассказахъ, которые само Евангеліе изображало положительнымъ фантомъ, а не притчей и иносказаніемъ⁵²⁾.

Существованіе апокрифовъ у богомиловъ несомнѣнно. Такъ у казаровъ сохранилось преданіе, что «Вопросы Іоанна Богослова» были принесены изъ Болгаріи «богомилскимъ епископомъ Назаріемъ», какъ показываетъ приписка на рукописи

⁵²⁾ См. сказ. Евонія о Рахили (гл. XXIX), о кровоточивой женѣ (гл. LI).—Для источн. отреч. литер. см. Сборникъ аббата Мизя (Migne): Dictionnaire des apocryphes; также Thilo, Codex apocryphus N. T.

этого памятника ⁵³⁾. Существованіе его у богомиловъ несомнѣнно; оно подтверждается не только указанною припискою; но—главное—близкимъ сходствомъ съ сказаніемъ Евеннія Зигабена, какъ мы увидимъ ниже изъ параллельныхъ сопоставленій ихъ обонхъ. Исторически доказанный фактъ—существованіе у богомиловъ и другого апокрифа: «Видѣніе Пророка Исаи» ⁵⁴⁾. Объ *βρασις 'Ησαίου* упоминаетъ авторъ Паволині въ IV апаематизмѣ ⁵⁵⁾. Вотъ главнѣйшія черты сходства «видѣнія Исаи» съ сказаніемъ Евеннія Зигабена: Ученіе о высочайшемъ Богѣ, *ὑπερκειμένην ἔξουσία*. Сатаналъ, по Евеннію, облеченъ въ божескія одежды въ знакъ своего божественнаго достоинства; въ «видѣніи» эта одежда служитъ также знакомъ особаго достоинства. Саманлъ похожъ на домопрavitеля Сатаналла; какъ тотъ, такъ и другой борются съ подчтенными имъ Силами. Тамъ и здѣсь признается призрачность тѣла Иисуса Христа. Свою монашескую одежду богомилы могли сравнивать съ аскетической одеждою Исаи и его друзей. Служеніи Манассіи Сатанъ или Саманлу (владыкѣ міра) и его силамъ и обитаніе его Манассіи богомилы могли приравнивать къ своему ученію о сожитіи демоновъ съ людьми. Велиалъ, подобно Сатаналу, правитъ міромъ отъ начала его созданія ⁵⁶⁾.

Является вопросъ: имѣли-ль апокрифы каноническое значеніе для сектантовъ или это просто были назидательныя и полезныя для чтенія книги,—какъ думаютъ нѣкоторые ⁵⁷⁾. Вопросъ сводится къ тому—существовала ли у богомиловъ извѣстная опредѣленная система вѣроученія, заключенная въ письменныхъ памятникахъ, или же это ученіе отдано было

⁵³⁾ Съ этимъ памятникомъ находятся въ близкой связи, „вопросы Іоанна Богослова“, принадлежащіе русской апокрѣ. литературѣ; они безъ сомнѣнія перешли къ намъ изъ Болгаріи. См. Тихомирова „отреч. книги“ II, 174—192.

⁵⁴⁾ Напечатано въ Kirchengeschichtliche Abhandlungen v. Engelhardt.

⁵⁵⁾ Ap. Tulli. p. 116.

⁵⁶⁾ Engelhardt 101, 102; 209—250.

⁵⁷⁾ Engelhardt s. 161.

на произволь отдѣльныхъ учителей секты и передавалось ими устно? Мы ничего не знаемъ о существованіи у богомиловъ какихъ-нибудь символическихъ книгъ, богословскихъ трактатовъ. Церковная и гражданская власть, ревниво оберегавшая православную вѣру, безъ сомнѣнія, обратила бы на нихъ вниманіе, еслибъ они были на самомъ дѣлѣ: мы знаемъ, что немного послѣ жгли рукою палача заподозрѣнныхъ въ богомильскихъ тенденціяхъ сочиненія Константина Хризостома⁵⁴⁾. Съ другой стороны, писатели о богомильствѣ говорятъ о крайнемъ разногласіи догматическихъ мнѣній еретиковъ⁵⁵⁾. Такое разногласіе указываетъ на отсутствіе у нихъ опредѣленной системы ученія, и потому неудивительно, что апокрифы могли служить для нихъ даже *источникомъ* вѣрученія, наравнѣ съ священнымъ Писаніемъ, источникомъ, съ которымъ они, конечно, обращались также свободно, какъ и съ священнымъ Писаніемъ (см. выше). Евфимій прямо не говоритъ объ этомъ въ Паноупіи, но

1) онъ свидѣтельствуеетъ, что Василій богомиль ссылался на мѣста, которыхъ не оказалось въ каноническомъ Евангеліи и которыя очевидно были заимствованы изъ апокрифическихъ сказаній. Такъ догматъ о почитаніи бѣсовъ⁵⁶⁾, если прямо не заключался въ «вопросахъ Іоанна», то естественно вытекалъ изъ преувеличеннаго взгляда послѣднихъ на значеніе и силу демоновъ⁵⁷⁾. Василій вполне былъ увѣренъ въ дѣйствительномъ существованіи этихъ словъ, хотя, быть можетъ, они были заимствованы имъ и изъ неписаннаго источника, изъ ходившихъ въ сектѣ преданій—этой «живой книги»,

⁵⁴⁾ Lee Allatius de perp. Eccles. orient et occident consens. L. II c. II, p. 644 599.

⁵⁵⁾ Коэма говоритъ, что „слова ихъ не согласуются вкупѣ, но разноречивы, али гнѣла свѣта“ (сувно) Правосл. Собесѣдн. 64 г. ч. II. 100—Анна Коменъ говоритъ, что у нихъ *догмата дѣржавоу*. Разногласіа мнѣній у богомиловъ мы усматриваемъ и въ Паноупіи Зитабева.

⁵⁶⁾ Narrat. de Bogom. гл. XXI.

⁵⁷⁾ Thilo, codex apocryphus. p. 887 etc.

на которую такъ часто любятъ ссылаться и наши свѣторусские *двоевѣры* ⁶²⁾.

2) Евѳимій, ближе ознакомившись съ сектантами, нашелъ, что они дѣйствительно принимаютъ апокрифы наравнѣ съ библейскими книгами и въ новомъ своемъ сочиненіи о богомилахъ ⁶³⁾ прямо говоритъ: «пріемлющимъ чуждыя писанія (ετέρας γραφάς), якобы отъ Святаго Духа и отъ Святыхъ отцовъ намъ преданныя—анаѳема».

У сектантовъ, отшатнувшихся отъ истиннаго преданія Церкви, далекихъ отъ надлежащаго пониманія Библии, нормою вѣроученія должна была служить *устная* проповѣдь отдѣльныхъ учителей. Отъ этого, между прочимъ, происходила шаткость, измѣчивость въ догматическихъ воззрѣніяхъ, которыя не долго послѣ Василія являются въ совершенномъ противорѣчій съ основнымъ взглядомъ богомиловъ на внѣшность, выдвигая широкое значеніе литургическихъ и другихъ обрядовыхъ разностей ⁶⁴⁾.

⁶²⁾ Заря. 1869 г. октябрь. „Русскіе двоевѣры“. Хлыстовская богородица, Акулина Тимофеевна неоднократно ссылается на *живую книгу*, какъ на откровеніе божественное.

⁶³⁾ Вотъ его полное заглавіе: *Ἐλεγκος καὶ ἀριάρχος τῆς βλασφημίας καὶ κολοιδούς ἀπίστως τῶν ἀσεβῶν Μασσαλιανῶν, τῶν καὶ φουδαίων καὶ βογομιλῶν χαλοομένων, καὶ Εὐχιδῶν καὶ Εὐδοσιαστῶν, καὶ Εὐκρατητῶν καὶ Μαρκσιωνιτῶν*, напеч. ар. *Tolli Insignia itinerarii Italici*. Traas. ad. kh. 1696. 4. p. 105 sqq. и ар. *Gallandii XIV*, p. 293 sqq. Послѣ замѣчанія объ обширномъ распространеніи ереси въ имперіи *Ἐλεγκος* предаѣтъ анаѳемѣ сначала Петра, главу Массалианъ; Тихика, его ученика (1, 2, 3 *Ἀναθεμ.*); а затѣмъ, по порядку, —разныя еретическія заблужденія (4—14 *Ἀναθεμ.*), которыя въ сущности почти не отличаются отъ приписываемыхъ богомиламъ въ Панопліи. (О разностяхъ между обоими будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ). *Victoria* оканчивается провозглашеніемъ многолѣтія Императору и Порфиродному, подъ которымъ разумѣется Іоаннъ Комнѣнъ, царствовавшій 1118—1143 г.; слѣдовательно появленіе ея относится къ этому времени. Судя по внѣшней формѣ можно заключить, что *Victoria*—торжественная рѣчь, произнесенная по поводу какого-нибудь общественнаго собранія. Сравни *Histoire generale des auteurs sacres Ceillier. t. XXI*, p. 538, 539.

⁶⁴⁾ См. о спорахъ *чмювъ* Дреговичскаго и Болгарскаго во 2-й половинѣ XII в. у *Schmidt'a Histoire des Cathares t. I p. 15, 16.*

Богомильская Троица.

Гл. 2, 23, 3, 4 и 5.

«Богомилы лицемерно притворяются взвращающими въ Св. Троицу, представляя ее совершенно своеобразно: Сынъ и Духъ Святой не отдѣляются у нихъ отъ Отца, какъ вѣчно существующія самостоятельныя личности, но какъ у древнихъ монархѣанъ, сливаются у нихъ въ одну личность. Отца они представляютъ существомъ челоуѣкообразнымъ (*ἀνθρωποπρόσωπον*), изъ зрачковъ котораго истекають, въ видѣ лучей, (*παρ ἑκαστέραν μῆνιγγα ἀκτίνα ἐκλαμπούτα*) Сынъ и Духъ ⁴⁵⁾. Они говорятъ, что не только во снѣ, но и на яву (*ὕπαρ βλέπειν*) они видятъ Отца во образъ длиннобородаго старца, Сына — во образъ мужа съ бородою и — Духа въ видѣ безбородаго юноши. Подобно арианамъ они проповѣдуютъ этимъ неравенство Святой Троицы ⁴⁶⁾. Сынъ и Духъ опять разрѣшятся (*ἀναλυθῆναι*) въ Отца, изъ котораго они произошли. И самъ Отець, бывший отъ 5500 до 5533 года, въ теченіи 33 лѣтъ, тремя личностями, опять сталъ единоличнымъ и хотя безтѣлесенъ, но челоуѣкообразенъ ⁴⁷⁾. До 5500 года не существовалъ ни Сынъ ни Духъ Святой. Только съ этого времени они получили начало бытія и имени ⁴⁸⁾. Отець родилъ Сына, Сынъ Святаго Духа. Духъ родилъ духовно Іуду предателя и двѣнадцать апостоловъ. Они доказываютъ это словами Ев. Матѳея I, 2» ⁴⁹⁾.

Ни одинъ изъ пунктовъ богомильской догматики не представляетъ столько сбивчивости, запутанности, непримиримыхъ противорѣчій, какъ ученіе о Троицѣ, изложенное Евеміемъ. Здѣсь являютъ даже двѣ Троицы: одна изъ Отца, Сатанаила и Христа; другая изъ Отца, Слова и Духа Святаго. Еще Спан-

⁴⁵⁾ Narrat. de Bogom. 2 г. II.

⁴⁶⁾ Ibidem, гл. XXIII.

⁴⁷⁾ Ibidem гл. III.

⁴⁸⁾ Ibidem гл. IV.

⁴⁹⁾ Ibidem гл. V.

гейму и Арнольду казалось весьма страннымъ и невѣроятнымъ то, что Евенмій говоритъ о вѣрѣ богомиловъ въ «тѣлеснаго» Бога.⁷⁰⁾ Такая вѣра, по мнѣнію Эдера, противорѣчитъ презрительному отношенію богомиловъ ко всему, носящему печать вещественности⁷¹⁾. Евенмій представляетъ такія вещи, которыя совершенно противорѣчатъ здравому смыслу⁷²⁾. Наконецъ, Евенмій самъ себя противорѣчитъ на разныхъ страницахъ, при изложеніи этого ученія. Въ одномъ мѣстѣ Христосъ называется младшимъ братомъ Сатанаила, существовавшего до сотворенія міра⁷³⁾. Въ другомъ—существованіе Христа ограничивается 33 годами пребыванія Его на землѣ⁷⁴⁾. Духъ Святыи представляется то исходящимъ отъ Отца⁷⁵⁾, то рожденнымъ отъ Сына, послѣ явленія Его міру⁷⁶⁾, но для дѣятельности Духа не отводится опредѣленнаго момента времени⁷⁷⁾, такъ что Онъ является однимъ лицомъ съ Иисусомъ Христомъ, разсматриваемымъ со стороны Его дѣятельности, какъ просвѣтителя рода человѣческаго. Въ одномъ мѣстѣ Сынъ и Духъ Святыи изображаются поглощенными въ единую сущность Отца, по совершеніи искупленія⁷⁸⁾. Въ другомъ мѣстѣ они являются какъ бы особными личностями—даже въ конкретной, осязаемой формѣ⁷⁹⁾. Является предположеніе такое, что или на самомъ дѣлѣ мнѣнія богомиловъ были такъ нелѣпы и разногласны, какъ описываетъ ихъ Евенмій, такъ что онъ является при этомъ объективнымъ излагателемъ ихъ; или же,—онъ не понялъ хорошо сущности еретическаго ученія, изложилъ ходячія мнѣнія, не подвергнувъ ихъ надлежащей критикѣ а потому попалъ при изложеніи ихъ въ неисходныя

- *) *Histor. Bogom. Wolf*, p. 61.
- 71) *Prodrom. Hist. Bogom.*, p. 39.
- 72) *Narrat de Bogom.* гл. V.
- 73) *Ibidem* гл. VI.
- 74) *Ibidem* гл. III, IV.
- 75) *Ibidem* гл. II.
- 76) *Ibidem* гл. V.
- 77) *Ibidem* гл. IV.
- 78) *Ibidem* гл. III.
- 79) *Ibidem* гл. XXIII.

противорѣчія. Къ сожалѣнію, извѣстія другихъ писателей почти умалчиваютъ объ этомъ предметѣ. Козма пресвитеръ предаетъ анаемѣ современныхъ ему еретиковъ за «невѣріе во Св. Троицу»⁸⁰⁾, и упоминаетъ только о богомильской Троицѣ—изъ Отца, Христа и Сатанаила. Съ краткимъ извѣстіемъ Пселла объ этомъ предметѣ мы встрѣтимся ниже. Нельзя не замѣтить, что кромѣ разныхъ влияній на образованіе ученія о Троицѣ можно усматривать въ немъ между прочимъ и элементы языческо-славянской старины. Касательно сказанія Евеннія Зигабена о богомильской Троицѣ можно замѣтить слѣдующее:

1) По справедливому замѣчанію Евеннія ученіе богомиловъ о Троицѣ приближалось къ савелліанскимъ воззрѣніямъ. Основная мысль Савелліа та, что нераздѣльное по своей сущности единство Божіе въ ходѣ міроваго развитія (ради искупленія) развивается или распространяется (*ἡ μονὰς πλατυνθῆσα γέγονε τριάς*) въ трехъ различныхъ формахъ (*ἐνομοτά, πρόσωπα*) и временахъ откровенія и, по совершеніи спасенія, изъ троицности снова обращается къ единству. Отецъ открывается въ ветхозавѣтномъ домостроительствѣ (только не въ твореніи, которое предшествуетъ откровенію божества въ Троицѣ), Сынъ—въ воплощеніи, Духъ Святыи—во вдохновеніи и освященіи. Отношенія лицъ св. Троицы у Савелліа изображаются посредствомъ сравненія Отца съ дискомъ солнца, — Сына съ освѣщающей, а Духа съ согревающей его силою. Онъ также сравнилъ Отца съ тѣломъ, Сына — съ духомъ, а Духа — съ душою человѣка. По исполненіи своей миссіи Сынъ и Духъ снова прекращаютъ свое существованіе и сольются въ личности Отца. Этотъ павтенстическій процессъ развитія и слиянія присущей міру божественной сущности (*ἐκτείνεσθαι и συστῆλεσθαι = ἀναλυθῆναι* у богомиловъ) встрѣчается и въ богомильствѣ.

2) Человѣкообразныхъ представленій божества мы не встрѣчаемъ въ сродныхъ богомольству и близкихъ къ нимъ по

⁸⁰⁾ Правосл. Собес. 64 г. II, 394.

жѣсту распространенія сектахъ павликианъ, евхитовъ (у послѣднихъ были боговидѣнія, по свидѣтельству Пселла, но въ чемъ они обнаруживались—мы не знаемъ). Откуда появились они въ богомилствѣ? было ль это отголоскомъ языческихъ славянскихъ представленій антропоморфическаго періода, мы не знаемъ, потому что нѣтъ доказательствъ о существованіи у южныхъ славянъ идоловъ съ человѣческими формами, какія мы встрѣчаемъ у славянъ западныхъ. Впрочемъ, вообще говоря, антропоморфическія представленія божества встрѣчаются гораздо раньше появленія богомилловъ и находили себѣ опору въ Священномъ Писаніи, повѣствующемъ о сотвореніи чловѣка *по образу и по подобію Божию*. Въ другомъ мѣстѣ Библия Богъ Отецъ изображается «Вѣтхимъ деньми». Такъ онъ и былъ представляемъ богамилами. Вообще чловѣкообразное понятіе божества въ простомъ необразованномъ чловѣкѣ, склонномъ отвлеченныя понятія представлять въ конкретной формѣ, совершенно естественно и можетъ быть объяснено безъ всякихъ теорій заимствованія. Нѣкоторые славяне и доселѣ сохранили понятіе о Бѣлунѣ (Бѣлбогѣ), котораго они представляютъ старцемъ съ длинною бѣлою бородою, въ бѣлой одеждѣ, съ посохомъ въ рукахъ (*Аванасьева* I, 93, 94).

Сатанаилъ.

«Демонъ, названный Спасителемъ сатанюю, есть старшій братъ Исуса, первородный Сынъ Отца, именуемый Сатанайломъ. Какъ домоправитель, второй по достоинству послѣ Отца, онъ сѣдитъ одесную Отца въ одинаковомъ съ нимъ олъбніи. Упоенный своею славою, онъ возмечталъ объ отпаденіи, коварнымъ образомъ убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ ангеловъ свергнуть вмѣстѣ съ нимъ иго зависимости отъ Отца. (Для доказательства этого событія богилилы приводятъ притчу о «неправильномъ домоправителѣ»³⁴). Ангелы, въ надеждѣ освободиться отъ подчиненнаго положенія и собла-

³⁴) Лук. XVI, 1 и дал.

жившись великими обещаніями Сатанаила ⁴²⁾, послѣдовали его заветамъ. Заветивъ это, Богъ низвергъ всѣхъ ихъ съ неба ⁴³⁾.

Ученіе о Сатанаилѣ, зломъ началъ, виновникѣ видимаго міра служить исходнымъ пунктомъ всѣхъ догматико-мискогическихкихъ и нравственныхъ возвращеній богомицонъ, и заслуживаетъ, поэтому, особаго вниманія. Этимъ пунктомъ вводится дуалистическое начало въ представленія о божествѣ. При первомъ пробужденіи мысли человекъ такъ легко склоняется къ дуализму. Забывая въ себѣ наклонности добрыя и злыя, видя борьбу добра со зломъ и внѣ себя, въ окружающей его природѣ, въ обществѣ, онъ легче всего приходитъ къ мысли, что есть два противоположныя начала: воображеніе олицетворяетъ ихъ и вотъ у него является два бога — добрый и злой. Потому-то почти всѣ ямычскія религіи уделили о двухъ богахъ; потому-то Востокъ началъ свою философію вѣроу въ два противоположныя верховныя божества. Въ древнѣйшія времена это злое начало считалось соотвѣщавъ, равносильнымъ и равноправнымъ добруму ⁴⁴⁾. Историкъ казарскихъ сектъ, Шиндль доказываетъ, что дуализмъ крайняго направленія былъ однимъ изъ фазисовъ первоначальнаго диварства (Schmidt р. 12—57), но что уже въ довольно раннее время нѣкоторые учителя казарства дѣлали попытки смягчить этотъ дуализмъ, представляя, что злой духъ былъ первоначально добрымъ по своей природѣ, но впоследствии добровольно уклонился отъ своего всеблагаго Творца. Эти два толка можно находить, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, и въ богомицствѣ ⁴⁵⁾. Главное, существенное различіе между обоими толками сводится къ слѣдующему. По ученію умѣреннаго дуалиста дьяволъ сотворилъ человекъ, а Богъ далъ ему душу, одаренную свободной волей; человекъ самъ злоупотребилъ этою свободою. Крайній

⁴²⁾ Они заимствованы изъ 28 глав. 2 стих. Іезек.

⁴³⁾ Nagrat. de Bogom. гл. VI.

⁴⁴⁾ Религія древнихъ персидскихъ маговъ манихейство, сирійскій гностицизмъ. Уже Зороастръ смягчилъ этотъ крайній дуализмъ, поставивъ во главѣ этихъ двухъ духовъ общаго Отца міра Зеруане—Адерене.

⁴⁵⁾ Гильфердингъ 132—135. Петрановичъ 46—50.

дуализмъ отрицалъ свободу въ человѣкѣ, потому что невозможно представить, чтобы души небснаго происхожденія склонились сами ко злу⁸⁶⁾. Борьба между добрымъ и злымъ началомъ, по крайнему дуализму, вѣчна; даже и тогда, когда всѣ небсныя души снова возвратятся въ свое первоначальное жилище — и тогда будетъ существовать міръ и владычество злого духа. Побѣда добраго бога надъ нимъ состоитъ только въ томъ, что первый освободитъ изъ подъ власти своего противника свои созданія. Напротивъ, по умѣренному дуализму, побѣда будетъ полная и совершенная; рано или поздно борьба кончится и зло будетъ подчинено добру. Очевидно, что Евенмій описываетъ богомиловъ умѣреннаго толка, видѣвшаго въ Сатаналѣ первоначально добраго, старшаго сына Отца. Почти въ такомъ видѣ какъ и Евенмій, только съ нѣкоторыми особенными подробностями, передаетъ Пселль о вѣрованіяхъ евхитовъ, весьма близкихъ къ богомиламъ. Вотъ его рассказъ. Ученіе Евхитовъ имѣетъ начало отъ Манеса. Манесъ признавалъ два начала: творца добра и зла, управителя неба и управителя земли. Евхиты—богомилы присоединили къ этому еще третье начало. Они признавали одного Отца и двухъ сыновъ, *старья и новья начала*. Отецъ владычествуетъ въ *времѣнной* (*ὕπερκόσμια*) области, младшій сынъ Его владѣетъ небесными, а старшій—земнымъ міромъ. Нѣкоторые изъ этихъ еретиковъ одинаково почитаютъ обонхъ сыновъ, потому что хотя они теперь существуютъ отдѣльно другъ отъ друга, но происходятъ отъ одного Отца, нѣкогда (*ἐπὶ τοῦ μέλλοντος*) опять соединятся съ нимъ. Другіе почитаютъ младшаго сына, потому что онъ владѣетъ лучшею, высшею частію міра; но и старшаго

⁸⁶⁾ Небесное происхожденіе душъ объяснялось слѣдующимъ мнѣемъ. Злой духъ однажды хитростію проникъ въ небесный міръ и подъ личиною добраго ангела увлекъ души съ неба на землю и заключилъ ихъ въ земляныя тѣла, чтобы заградить имъ возвращеніе на небо. Изъ этого мѣста покаянія и наказанія души должны быть опять спасены, ибо они не потеряли еще своей первоначальной доброй природы; добро не можетъ стать зломъ; они должны опять возвратиться къ Богу; спасеніе есть *необходимое* слѣдствіе ихъ природы (Schmidt II, 24—29).

они не презираютъ; они его боятся потому что онъ можетъ причинить вредъ. Иные совсѣмъ отрекаются отъ владыки неба и всецѣло предаются обладателю земли, *Сатанамлу*, называютъ его первороднымъ, ἀλλότριον ἐκ πατρὸς, творцемъ растений, животныхъ и проч. Небесный властитель изъ зависти, что Сатанамль такъ хорошо устроилъ все на землѣ, производитъ землетрясенія, градъ, голодъ. За это они проклинали его. Сатана морочитъ *поселященныя*, а они называютъ это богомидьніями (θεοπίτας)⁸⁷⁾. Это извѣстіе Пселла чрезвычайно характерно и наводитъ на многія соображенія. Въ этихъ немногихъ строкахъ весьма замѣтно проглядываетъ языческая идеология славянъ, которая примѣшалась къ древнимъ дуалистическимъ воззрѣніямъ евхитовъ («древнія и новыя начала» Пселла). Въ Отцѣ, владычествующемъ *премирными* вещами, мы легко усматриваемъ славянского прабога, *заботящагося только о небесномъ* и совершенно равнодушнаго ко всему земному. Этотъ Отецъ—славянский Сварогъ, дающій начало Сварожичу Солнцу и другимъ божествамъ⁸⁸⁾. Дальнѣйшая аналогія еще яснѣе открываетъ въ этихъ вѣрованіяхъ языческо-славянскую подкладку. Такъ наше вниманіе останавливаетъ это безразличное отношеніе ерассійскихъ еретиковъ къ доброму и злему духамъ—Христу и Сатанамлу: иные больше почитаютъ одного, нѣкоторые—другого, а иные—безразлично обоимъ. Фактъ несомнѣнно доказанный, что на образованіе идеологическихъ представленій природа имѣетъ громадное вліяніе. Такъ въ Персіи, родинѣ манихейства, гдѣ столько благодати отъ свѣта и тепла, но гдѣ также страшные и быстрые переходы къ землетрясеніямъ, ужаснымъ бурямъ ураганамъ, эпидеміямъ—легко могло образоваться понятіе о добромъ и зломъ духахъ, ведущимъ между собою, вѣчную, непримиримую вражду. Страны, населенныя славянами, не представляютъ такихъ рѣзкихъ противоположностей въ явленіяхъ природы и физическомъ

⁸⁷⁾ Engelhardt, p. 199—200.

⁸⁸⁾ Ср. Макушева, Сказ. иностр. о бытѣ др. Слав., 72—73, стр.

строеніи мѣстности. Оттого у славянъ мы не видимъ неприимой вражды между богомъ добрымъ, бѣлымъ, олицетвореннымъ въ свѣтъ, и между богомъ злымъ чернымъ, олицетвореннымъ въ тьмѣ. У славянъ эти крайности примиряются. Такъ день и ночь у нихъ—братъ и сестра. На этомъ основаніи можно заключить, что у нихъ не было *чистаго дуализма*. Наконецъ, въ самыхъ добрыхъ богахъ встрѣчаются худыя дѣла: понятіе о свѣтѣ включаетъ въ себѣ и тепло и жаръ; солнце производитъ плодородіе, но отъ него же и засуха, оно греетъ и жжетъ. Неудивительно, что Христосъ, замѣнившій въру язычниковъ въ Солнце—Сварожича, является то предметомъ почитанія то проклятія. Неудивительно, что на ряду съ поклоненіемъ свѣтлому небу, мечущему на землю плодотворныя для растительности перуны, посылаются и проклятія, потому что это же небо посылаетъ истребительный градъ и поражаетъ людей громами и молніей. Неудивительно, что при этомъ и отношеніи добраго и злага духа къ Верховному Существу не были правильно установлены: Такъ, вопреки извѣстію Евеніиса Загабена, пресвитеръ Козма ставитъ Христа выше Сатанаила, который у Козмы занимаетъ третье мѣсто въ ряду Троицы. «Слышите въ Евангеліи Господа, рекша притчу о дзотѣ сыну, Христа убо творатъ старѣйшаго сына, мощншаго же, еже естъ заблудилъ Отца, діавола и звать»^{*)}. И такъ мы не находимъ *чистаго дуализма* у богомиаговъ ни въ рассказѣ Евеніиса, ни въ извѣстіяхъ Песелла о греко-славянской сектѣ во Оравѣ; мы не встрѣчаемъ его и въ первобытныхъ думчесахъ вѣрованій славянъ. Говорятъ обыкновенно, что чистый дуализмъ исповѣдывали послѣдователи древнѣйшаго толка въ Болгаріи и указываютъ на представительницу этого толка Дреговицкую общину^{**)}. Ссылаются при этомъ^{**)} на слѣдующее мѣсто пресвитера Козмы: еретики

*) Правосл. Собес. 1864. II, 100.

**) Гильфердиячъ Собр. сочин. I, 133, 134. Петрановичъ 84, 86.

**) Петрановичъ 48.

«*дiавола* Творца нарицающе чловѣкомъ и всей твари божіи (чистый дуализмъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ), и отъ многія грубости ихъ они же *Амела отпадша* наричуть и, друзіи же иконома неправеднаго творять и» (умѣренный дуализмъ)²²⁾. Но названіе дiавола творцомъ людей и всей твари слишкомъ неопредѣленно для того, чтобы изъ него выводить вѣру болгарскихъ богомилловъ въ злое начало искони враждебное, по самой своей природѣ, доброму богу, вѣру въ злое начало какъ первоначальнаго виновника міра. Остальныя же выраженія: «Ангель отпавшій, икономъ неправедный», безъ сомнѣнія, не больше — какъ эпитеты одного и того же существа, дiавола, который извѣстенъ былъ подъ разными названіями. Потому что послѣдователи умѣреннаго толка считали дiавола или сатану отпавшимъ ангеломъ и сравнивали съ изображаемымъ въ Евангельской притчѣ неправеднымъ домоправителемъ²³⁾. Послѣдствія не даютъ намъ никакого права заключать о существованіи въ сентѣ двухъ толковъ — тѣмъ болѣе, что объ этомъ нельзя найти никакихъ другихъ положительныхъ свѣдѣній ни въ мнѣологическихъ воззрѣніяхъ славянъ, ни у церковныхъ писателей, тогда какъ съ умѣреннымъ толкомъ въ средѣ богомилловъ мы встрѣчаемся и въ сказаніи Евеніи Зигабена и въ послѣдующей его исторіи. Вотъ свидѣтельство объ этомъ Синодника царя Бориса: «иже Сатана *видимый* твари Творца нарицающихъ быти и иконома нарицающихъ държавахъ и градоу и всему исходящему отъ земли, анаеема». Этотъ сатана, образующій *видимый* міръ, совершенно отвѣчаетъ Сатаналу Евеніи, устроющему невидимую и неустроенную землю²⁴⁾,

Г Р И Г О Р І Й К и р и я н о в и ч ъ .

(Окончаніе будетъ).

²²⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II, 100.

²³⁾ Narrat. de Bogom. гл. 6. Правосл. Собес. 64 г. II, 100.

²⁴⁾ Времен. Об. Истор. и древн. 1855, XXI, 36. (Подробнѣе о Сатаналѣ см. въ слѣдующ. глав.)

К Н И Г А С Е К К И:

«ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ» И ТЕНДЕНЦИИ ВЯТСКАГО ИЗДАНИЯ ЕЯ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ *).

(Окончаніе).

Въ предшествовавшемъ отдѣлѣ этого изслѣдованія о книгѣ Секки: «Единство физическихъ силъ» мы уже ознакомились съ тѣми мѣстами ея, которыя опущены въ вятскомъ изданіи ея на русскомъ языкѣ въ переводѣ Павленкова. Видѣли мы, что въ русскомъ переводѣ пропущено большое отдѣленіе объ органическихъ дѣйствіяхъ; здѣсь для краткости будемъ называть это первымъ пропускомъ. Кроме того, въ окончательномъ заключеніи всей книги опять довольно пропущено; это будемъ называть вторымъ пропускомъ. Понятно, что для рѣшенія вопроса о причинахъ побудившихъ русскаго переводчика къ значительнымъ пропускамъ, прежде всего нужно обратиться къ тѣмъ объясненіямъ, какія онъ самъ даетъ намъ объ этомъ предметѣ.

Относительно перваго пропуска переводчикъ предлагаетъ читателямъ довольно пространное объясненіе. Окончивъ главу тѣми словами, которыми Секки только начинаетъ свои разсужденія объ организмѣ, переводчикъ далѣе ставитъ точки и объясняется такъ:

*) См. майскую книжку „Прав. Обоз.“ 1875 г.

„Мы не продолжаемъ перевода этой главы, въ которой авторъ старается провести китайскую стѣну между органическими и неорганическими процессами, прибѣгая для объясненія первыхъ къ помощи уже достаточно извѣженной его многочисленными предшественниками жизненной силы и сверхъестественнаго начала. Аргументація Секки здѣсь такъ слаба и доводы, приводимые имъ въ опроверженіе ученія Дарвина о происхожденіи видовъ, до того банальны, что на нихъ не стоило бы возражать, даже и въ томъ случаѣ, еслибы авторъ писалъ свою книгу не въ Римѣ, подъ давленіемъ свинцовой скупыи Пія IX, а въ какомъ нибудь свободномъ ученномъ центрѣ. Мы иначе и не смотримъ на эту главу, какъ на лицезѣрное преклоненіе предъ силлабусомъ, преклоненіе, хотя и не достойное независимаго ученаго, но весьма понятное съ извѣстной точки зрѣнія. Пропуская такимъ образомъ 13 страницъ, написанныхъ единственно для поддержанія добрыхъ отношеній между смиренной ученой овцой и святѣйшимъ пастухомъ, мы переходимъ прямо къ слѣдующей (второй) главѣ, трактующей о предметѣ безъ всякихъ заднихъ мыслей. *Примѣч. перевод.*“ (Стр. 391 русск. пер.).

Очевидно, что все это объясненіе служитъ не къ оправданію, а къ обвиненію переводчика. Съ одной стороны бросается въ глаза крайняя неосновательность объясненія. Въ самомъ дѣлѣ недовольство переводчика тѣмъ или другимъ отдѣломъ переводимой имъ книги не даетъ ему ни малѣйшаго права и основанія къ пропуску этого отдѣла. Ибо отъ перевода такого серьезнаго сочиненія, каково сочиненіе Секки, которое есть результатъ многолѣтнихъ трудовъ и разныя части котораго составляютъ стройное цѣлое, мы по справедливости болѣе всего требуемъ вѣрности и точности. Намъ, читателямъ совсѣмъ нѣтъ дѣла до того, нравятся или не нравятся переводчику воззрѣнія автора, намъ также нѣтъ дѣла до мнѣній переводчика о томъ или другомъ отдѣлѣ: мы требуемъ вѣрной передачи мыслей автора, а тамъ основательны онѣ или нѣтъ, разберемъ мы сами. Переводчикъ, вносящій свои воззрѣнія въ переводъ, самъ разрушаетъ свое дѣло. Съ другой стороны, въ примѣчаніи переводчика до крайности неумѣстными являются его порицанія, направленные противъ автора книги и его воззрѣній. Эти порицанія стоятъ въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчій съ самымъ фактомъ пропуска. То есть, въ томъ случаѣ,

еслибы переводчикъ предложилъ намъ точный и полный переводъ этого отдѣла, и потомъ въ своихъ примѣчаніяхъ сталъ бы нападать на его содержаніе, слова его имѣли бы нѣкоторый смыслъ. Ибо тогда читателю была бы дана возможность самому судить о томъ, справедливы ли слова переводчика или нѣтъ. Когда же переводчикъ говоритъ, что здѣсь аргументація Секки очень слаба и подъ этимъ предлогомъ вынуждаетъ въ своемъ переводѣ почти цѣлую главу, то онъ какъ будто издѣвается надъ читателями: ибо самъ, лишая ихъ возможности провѣрить сказанное, требуетъ отъ нихъ безусловной довѣренности къ своимъ словамъ. Понятно послѣ этого, что у всякаго внимательнаго читателя естественно рождается подозрѣніе, что не у автора, какъ утверждаетъ переводчикъ, а у самаго переводчика есть какія-то заднія мысли, и здѣсь что-нибудь не такъ. А то обстоятельство, что въ приведенномъ объясненіи переводчикъ говоритъ такъ рѣшительно, будто онъ знаетъ внутреннія расположенія автора, и позволяетъ себѣ грубыя и неприличныя насмѣшки надъ авторомъ, еще болѣе убѣждаетъ читателя въ этой мысли.

При объясненіи пропуска допущеннаго въ заключеніи книги, переводчикъ уже не прикрываетъ своихъ темныхъ тенденцій, какъ это сдѣлалъ онъ въ предыдущемъ объясненіи, но прямо объясняетъ причину какъ перваго такъ и втораго пропуска въ слѣдующихъ словахъ:

„Мы снова пропускаемъ здѣсь 20 строкъ текста по той же самой причинѣ, которая заставила насъ сократить первую главу этого отдѣла. Здѣсь Секки снова возвращается къ *Предвѣчному Зодчему*. Пр. пер.“ (Стр. 456, 457).

Предъ такимъ объясненіемъ здравомыслящій читатель останавливается въ недоумѣніи. Что это значить? Какимъ образомъ къ пропуску нѣсколькихъ мѣстъ сочиненія Секки можетъ подавать поводъ одно то обстоятельство, что въ этихъ мѣстахъ онъ возводитъ мысль къ Богу, Творцу міра? Если переводчикъ не признаетъ той первоначальной истины, что Богъ, Творецъ міра, что Божіимъ всемогуществомъ міръ при-

веденъ изъ небытія въ бытіе, то какое онъ имѣетъ право распространять свое невѣріе подъ видомъ перевода ученаго сочиненія? Конечно, мы не можемъ требовать отчета въ его убѣжденіяхъ, но ежели онъ взялся дать намъ переводъ замѣчательной книги, и вмѣсто полнаго и точнаго перевода, даетъ намъ переводъ съ пропусками и извращеніями, то естественно спросить: по какому праву переводчикъ съ такою заботливостію старается скрыть отъ читателей возвышенныя воззрѣнія Секки? На какомъ основаніи онъ такъ старается затмить то значеніе ихъ, которое даетъ имъ самъ авторъ?

Въ приведенномъ выше объясненіи перваго пропуска, по внимательномъ изслѣдованіи дѣла, оказывается много страннаго и несправедливаго. Мы видѣли уже, что объ настоящей причинѣ этого перваго пропуска переводчикъ проговорился въ концѣ книги. А первое объясненіе какъ будто и написано съ цѣлію запутать дѣло такъ, чтобы читатель не понялъ ни того, о чемъ говорится въ главѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ, ни того, почему она пропускается. Понятно, что намъ нѣтъ нужды входить въ подробный разборъ всѣхъ частныхъ этого страннаго объясненія. Припачіа взглядовъ Секки высказанными переводчикомъ не только безъ всякихъ доказательствъ, но и съ устраненіемъ самой возможности проверки, живымъ уврѣненіемъ его, будто аргументація Секки здѣсь «слаба» и доводы его «банальны», очевидно не заслуживаютъ и опроверженія. Не только внимательное чтеніе этой главы объ органическихъ дѣйствіяхъ въ ея полномъ составѣ, но одинъ бѣглый просмотръ выписокъ изъ нея приведенныхъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей статьи, достаточно даетъ видѣть, что здѣсь дѣло расчитано на читателей, не имѣющихъ у себя подъ руками подлинника. Но чѣмъ болѣе мы справляемся съ подлинникомъ, тѣмъ яснѣе раскрывается передъ нами, до какой степени несправедливы слова переводчика. Такъ, Секки на основаніи наблюденій раскрываетъ между неорганическими и органическими процессами то различіе, какое дѣйствительно есть между ними, и съ свойственною ему основательностію и стро-

гостию мышленія доказываетъ ту истину, что при изслѣдованіи этихъ явленій разумъ приводится къ необходимости признать сверхъестественныя дѣйствія Творца; а переводчикъ, какъ будто не зная чѣмъ отвлечь отъ высокихъ истинъ вниманіе читателей, находитъ и указываетъ имъ въ словахъ Секии какую-то «китайскую стѣну.» Далѣе, понятно, что произвольныя гипотезы Дарвина не могутъ удовлетворять такого строгаго и послѣдовательнаго ума, каковъ Секии; онъ дѣлаетъ противъ нихъ нѣсколько серьезныхъ возраженій, но не останавливается на этомъ долго, такъ что на это у него отдѣлено менѣе двухъ страницъ; а переводчикъ презрительно порицая доводы Секии, въ своемъ объясненіи, какъ мы видѣли, заутываетъ дѣло, выражаясь такъ, что читатель можетъ подумать, будто опроверженіе гипотезы Дарвина составляетъ главный предметъ всей этой главы и главную причину недовольства ею переводчика. Потому слова его, будто Секии для объясненія органическихъ процессовъ прибѣгаетъ въ слѣдъ за другими къ жизненной силѣ, совершенно несправедливы; ибо при чтеніи главы по подлиннику оказывается, что даже и самое названіе «жизненная сила» ни разу не встрѣчается во всемъ отдѣлѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ, пропущенномъ въ русскомъ переводѣ. Можетъ быть переводчикъ не понялъ, въ чемъ состоятъ значительныя особенности во взглядахъ Секии на органическіе процессы отъ взглядовъ другихъ ученыхъ; но приписывать автору то, чего у него вовсе нѣтъ, переводчикъ не имѣлъ никакого права. Наконецъ, уже изъ предыдущаго видно, что слова переводчика: «мы иначе и не смотримъ на эту главу, какъ на лицемѣрное преклоненіе предъ syllabu-сомъ», заключаетъ въ себѣ совершенно ложный взглядъ; во кромѣ того есть основанія подозрѣвать и особый обманъ, скрывающійся въ этихъ словахъ. Для обнаруженія его достаточно сравниться съ предисловіемъ къ первому изданію книги Секии, которое помѣщено, хотя и съ ошибками, и въ русскомъ переводѣ, и потомъ съ какими нибудь изъ прежнихъ газетъ, въ которыхъ говорится о событіяхъ 1864 года. По справкамъ ока-

зывается, что первое изданіе книги Секки закончено 10 апрѣля 1864 года и вскорѣ послѣ того вышло въ свѣтъ, а извѣстный папскій силлабусъ вышелъ 8 декабря того же 1864 года. Спрашивается теперь, какъ могъ Секки преклоняться предъ силлабусомъ, появившимся черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ его книги?

Остановимся же на томъ, до какой степени неумѣстнымъ и безрасуднымъ является у русскаго переводчика голословное обвиненіе въ лицемеріи, вводящее имъ на извѣстнаго своимъ заслугамъ европейскаго ученаго, и въ какомъ противорѣчій состоитъ это обвиненіе съ правильными и разумными отношеніями къ печатному слову. Постараемся разяснить это послѣднее обстоятельство.

Выраженіе авторомъ въ печати какихъ-либо воззрѣній есть фактъ, на которомъ главнымъ образомъ должны основываться наши сужденія о его воззрѣніяхъ. Если же кромѣ того мы будемъ входить въ соображенія о томъ, почему авторъ пишетъ такъ, а не иначе, и при разборѣ мнѣній автора впадать и эти соображенія, то очевидно они могутъ имѣть какой-либо вѣсъ только тогда, когда мы указываемъ для нихъ основаніе въ сочиненіяхъ того автора. А безъ этого условія такіа соображенія совершенно неумѣстны. Видѣть въ словахъ автора не то, что онъ прямо высказываетъ, вмѣстѣ съ этимъ увѣрять безъ доказательствъ, будто онъ говоритъ не искренно и основывать что либо на такомъ мнѣніи, — это не съ чѣмъ несообразно. Допустить что либо подобное будетъ тоже, что въ основаніи разрушить самую возможность здравой критики. Объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, что ученый развивая въ своемъ сочиненіи какую либо теорію, приводитъ для подтвержденія ея факты не идущіе къ дѣлу; вмѣстѣ съ этимъ представимъ, что кто либо изъ приверженцевъ теоріи въ оправданіе составителя ея сказалъ бы слѣдующее: онъ имѣетъ въ виду много фактовъ прямо идущихъ въ пользу его теоріи, но не указалъ на эти факты, а указалъ на другіе по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ. Спрашиваемъ: неужели такое соображеніе можетъ послужить въ оправданію того либо? Не-

сколько. Напротивъ всякій нашелъ бы такой способъ оправданія смѣшнымъ. Если воззрѣнія автора изложены печатно, то для насъ этого довольно: мы можемъ разбирать ихъ, сообразно съ тѣмъ, что находимъ въ его сочиненіяхъ. Такъ и наоборотъ, обвиненіе автора въ чемъ либо имѣемъ право высказывать тогда, когда указываемъ для того основаніе въ его сочиненіяхъ: безъ этого не имѣемъ права и обвинять. Если же захотимъ дать просторъ нашимъ личнымъ мнѣніямъ, то конечно можемъ обвинять автора въ чемъ угодно, но такое обвиненіе, безъ указанія основаній, по справедливости можетъ быть признано клеветою.

Таковымъ оказывается и обвиненіе въ лицемеріи, вводимое на автора книги «Единство физическихъ силъ» русскимъ переводчикомъ ея.

Но вникая глубже въ слова переводчика, мы находимъ въ нихъ нѣчто и еще болѣе возмутительное. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ видитъ въ главѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ только «лицемерное преклоненіе предъ силлабусомъ», если онъ увѣрять, что она написана «единственно для поддержанія добрыхъ отношеній» между авторомъ книги и папою, то очевидно становится, что въ этихъ словахъ переводчикъ проводить ту мысль, будто Секки пишетъ противъ своихъ убѣжденій, будто онъ самъ не признаетъ того, что пишетъ, и самъ не вѣритъ тѣмъ истинамъ, какія изложены въ этой главѣ. Но мы уже видѣли, въ чемъ состоитъ содержаніе этой главы, такъ скрываемое переводчикомъ отъ читателей. Изъ выписокъ, приведенныхъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей статьи, ясно открывается, что при всѣхъ частностяхъ, въ какія входитъ Секки разбирая органическіе процессы, общая идея или главная мысль, одушевляющая этотъ отдѣлъ у него есть раскрытіе изъ самихъ фактовъ естествознанія необходимости признавать бытіе Бога Творца вселенной и сверхъестественныя дѣйствія Его всемогущества и премудрости. Слѣдовательно, если русскій переводчикъ говоритъ, будто Секки все это пишетъ неискренно, то этимъ онъ выражаетъ ту мысль, будто Секки не признаетъ

бытія Бога Творца міра; иначе сказать обвиняя автора «Единства физическихъ силъ» въ лицемеріи, переводчикъ тѣмъ самымъ обвиняетъ его и въ безбожіи. Таковъ прямой выводъ изъ словъ переводчика! Но не оставимъ безъ вниманія, что для человѣка искренно вѣрующаго никакое обвиненіе не можетъ быть столь оскорбительнымъ и ужаснымъ, какъ обвиненіе такого рода!

Когда же читая книгу Секки въ подлинникѣ мы во многихъ мѣстахъ ея находимъ, что авторъ возводитъ благоговѣнный взоръ къ Богу и разсматривая дѣла творенія удивляется премудрости и благодати Творца, когда видимъ въ книгѣ неоднократно указанія на то, что Божиимъ всемогуществомъ даровано веществу какъ бытіе такъ и движеніе, когда углубляясь въ вѣзрѣнія Секки находимъ тѣсную связь ихъ съ мыслию о Творцѣ; тогда во всемъ этомъ до очевидности раскрывается предъ нами сила глубокаго внутренняго убѣжденія автора въ тѣхъ высочайшихъ истинахъ, къ которымъ строго логическимъ путемъ приводятъ его изслѣдованія. Отсюда понятнымъ становится, почему въ обвиненіяхъ вводимыхъ переводчикомъ на автора книга мы находимъ только дерзкій и рѣшительный тонъ и грубыя насмѣшки, но доказательства или основанія въ пользу своихъ словъ переводчикъ никакихъ не приводитъ. Дѣло обясняется просто: онъ не въ состояніи привести ничего такого, когда, можно сказать, вся книга Секки говоритъ противъ него.

Однако же нельзя оставить здѣсь безъ вниманія и еще одно обстоятельство, котораго конечно не могъ имѣть въ виду переводчикъ и которое тѣмъ не менѣе служитъ къ изобличенію его. Именно появившееся за границею, черезъ годъ послѣ его перевода, новое изданіе книги Секки, даетъ намъ новыя средства къ раскрытію всей лживости словъ русскаго переводчика.

Если мы сравнивая разные изданія какого либо ученаго сочиненія находимъ, что въ новомъ изданіи авторъ излагаетъ некоторыя вѣзрѣнія свои съ болѣею полнотою, отчетливостію и послѣдовательностію, то это служитъ для насъ дока-

зательствомъ какъ искренности его убѣжденій, такъ и того, что онъ даетъ особенную цѣну и значеніе этимъ воззрѣніямъ, а потому и старается тщательно ихъ разработать. Теперь, обращаясь къ новому изданію книги Секки: «Единство физическихъ силъ», мы находимъ, что, сравнительно съ прежнимъ, еще съ бѣльшею полнотою и опредѣленностію изложены въ немъ тѣ воззрѣнія, которыя изгоняетъ изъ себя и порицаетъ вятское изданіе. Это всего лучше можно видѣть изъ частныхъ примѣровъ.

Въ обширномъ введеніи въ новое изданіе Секки старается установить опредѣленный взглядъ на соотношеніе силъ и законы природы. Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова его:

«Нѣкоторые физики видя въ настоящее время доказаннымъ, что силы приводятся къ движенію или по крайней мѣрѣ могутъ быть приведены къ нему, доводятъ эту идею до ея крайнихъ послѣдствій и приписываютъ движенію безусловную необходимость. Въ этой гипотезѣ еще смѣшиваютъ двѣ вещи совершенно различныя, то есть постоянство закона, которое мы находимъ путемъ опыта въ матеріи (то есть, что матерія всегда бываетъ въ движеніи), съ безусловною и неабсолютною необходимостію закона, такъ что, слѣдуя защитникамъ этого способа воззрѣнія, мы не могли бы никогда предположить атома въ покоѣ. Нелѣпость подобной гипотезы дѣлается явною, когда видимъ, что философы бесполезно употребляли усилія, чтобы доказать изъ однихъ началъ разума (*a priori*) законы движенія и его передачи. Эти законы суть законы опредѣленные, неизмѣнные, они суть основаніе всего нашего знанія, это истинно и безусловно, но это не доказываетъ того, будто Создателемъ вещей они не могли быть установленны инымъ образомъ. Хотя сохраненіе энергіи силы и движеній въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ ихъ есть законъ неизмѣнимый, но онъ есть законъ свободно установленный, законъ который могъ не существовать, и этимъ не разругается наука, какъ могъ бы предположить кто нибудь: ибо наша наука при-

водится къ возможности предвидѣть явленія мнѣющія произойти въ будущемъ при помощи закона, выведеннаго изъ фактовъ уже происшедшихъ. Но для такого предвидѣнія очевидно достаточно *постоянство* закона и мало нужды въ томъ, имѣеть ли законъ самъ по себѣ *безусловную необходимость* или только *относительную необходимость* по опредѣленію свободно предназначенному Творцомъ закона» ¹⁾.

И далѣе во введеніи Секки указываетъ на несообразности во взглядахъ тѣхъ, которые останавливаются только на вещахъ и силахъ и не хотятъ глубже смотрѣть на природу, и потомъ замѣчаетъ, что ученіе объ единствѣ физическихъ силъ не имѣеть ничего общаго съ безразсудными мнѣніями послѣдователей матеріализма (XXI—XXIV).

Просматривая по новому издавію книги Секки отдѣлъ о теплотѣ, мы находимъ такое мѣсто, гдѣ авторъ ясно указываетъ на то, что вопросы о вселенной не разрѣшаются и не объясняются окончательно одними физическими законами. А именно, говоря о сохраненіи движенія, онъ приходитъ къ тому слѣдствію, что съ теченіемъ времени сила лучей солнца должна истощиться. Но такъ какъ эта мысль о кончавъ міра для нѣкоторыхъ можетъ казаться возраженіемъ противъ ученія объ единствѣ физическихъ силъ, то Секки замѣчаетъ, что самый принципъ сохраненія движенія не воспрепятствуетъ разрушенію того состоянія вещей въ мірѣ, какое видимъ въ настоящее время, и разъясняетъ свою мысль въ слѣдующихъ словахъ: «Если рассмотреть хорошо это возраженіе, то оно направлено не противъ насъ; мы никакимъ образомъ не допускаемъ, что настоящее состояніе должно быть сохранено, а напротивъ мы убѣждены, что какъ оно не было всегда такъ же самымъ какъ нынѣ, точно такъ же не должно оставаться въ томъ же самомъ видѣ навсегда. Не должно смѣшивать принципъ сохраненія движенія, или силы, или энергіи

¹⁾ L'unité des forces physiques par Secchi, édition de Deleschamps. Paris. 874. Introduction pages XX, XXI.

(въ изъясненномъ смыслѣ) съ принципомъ сохраненія настоящаго состоянія вещей. Первый не влечетъ за собою втораго, и только Творецъ всѣхъ этихъ вещей знаетъ, какіе ея способности Онъ употребить здѣсь въ дѣйствіе для сохраненія настоящаго состоянія, если только оно должно быть сохранено. Не будемъ же смѣшивать различныхъ вопросовъ» (р. 69).

Глава объ органическихъ дѣйствіяхъ или силахъ, поставленная въ новомъ изданіи въ концѣ четвертаго отдѣла, по жѣстамъ дополнена авторомъ.

Такъ онъ дѣлаетъ нѣкоторыя дополненія при опроверженіи гипотезы Дарвина о происхожденіи видовъ (р. 592, 594), и потомъ еще встрѣчаемъ у него замѣчанія относительно матеріализма (р. 596), относительно дѣйствія химическихъ силъ въ тѣлахъ животныхъ (р. 602) и другія частныя дополненія, служащія къ объясненію той или другой мысли.

Но особеннаго вниманія нашего заслуживаетъ дополненіе о Промыслѣ Божіемъ. Послѣ замѣчаній о томъ, что нѣкоторые мыслители напрасно и безъ успѣха старались доказать безусловную необходимость законовъ движенія, или безразсудно приписывали «матеріи такія свойства, которыя они отрицали въ Началѣ свободномъ, вѣчномъ и разумномъ», Секки въ новомъ изданіи своей книги говоритъ слѣдующее:

«Впрочемъ эти возраженія и эти затрудненія происходятъ изъ ошибочнаго принципа: кажется думаютъ, что Творецъ совершилъ Свое первоначальное дѣло, и наложилъ Свои законы на матерію, послѣ всего этого предоставилъ ее самой себѣ, почти такъ, какъ художникъ выпускаетъ изъ своей мастерской оконченную имъ машину! Какая нелѣпость! Все, что мы видимъ живущимъ и дѣйствительно существующимъ, живетъ и продолжаетъ существовать по непосредственному дѣйствію того же могущества, которое извлекло его изъ ничтожества; такимъ образомъ всякая настоящая дѣятельность возводится окончательно такъ же къ дѣйствію Божества. Это хорошо извѣстно, и, не впадая въ заблужденія пантеизма, должно удивляться этому Всемогушеству не только творящему, но такъ

же сохраняющему материю, жизнь и силу». А въ приличіи къ этимъ словамъ читаемъ слѣдующее: «*Въ Немъ мы живемъ, и движемся, и существуемъ*» (Дьян. 17, 28), говорилъ святой Навель. Эта мысль, въ высшей степени философская, удобно можетъ вести насъ къ уразумѣнію великой идеи Божества» (р. 596).

Въ окончательномъ заключеніи своей книги Секки въ новомъ изданіи съ большою противъ прежняго отчетливостію и опредѣленностію говоритъ о томъ, что первоначальное возбужденіе движенія въ веществѣ есть дѣло всемогущества Бога Творца міра (р. 606). Это мѣсто было уже приведено въ первомъ отдѣлѣ настоящей статьи.

Такимъ образомъ отсюда видно, какая бездна раздѣляетъ возвышенныя воззрѣнія автора «Единства физическихъ силъ» отъ воззрѣній автора вѣтснаго изданія этой книги. Секки дѣлается вѣрнымъ самому себѣ. Оставаясь при тѣхъ же, какія выражалъ и прежде, убѣжденіяхъ въ необходимости для естествознанія признавать сверхъестественныя дѣйствія Творца, въ новомъ изданіи своей книги Секки старается раскрыть свои мысли объ этомъ съ большою ясностію и полнотою. По всему видно, что этотъ вопросъ глубоко занимаетъ его. А если такъ, то воззрѣнія такого рода, подробно разсказанныя въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы разсмотрѣли, по необходимости должны встрѣчаться и во многихъ другихъ мѣстахъ книги Секки. И действительно, обращаясь къ подлиннику мы находимъ, что она, можно сказать, проходитъ по всей книгѣ, будешь ли разсматривать ее по новому или по прежнему изданію. Отсюда становится понятнымъ, что русскій переводчикъ, пропустившій въ своемъ переводѣ тѣ мѣста, гдѣ эти воззрѣнія разсказаны подробно, не могъ благопріятно смотрѣть на все прочее, состоящее въ тѣсной связи съ этими воззрѣніями. А потому былъ вынужденъ нужнымъ передѣлать по своему и многія другія мѣста книги.

Когда мы сравниваемъ съ подлинникомъ вѣтское изданіе «Единства физическихъ силъ», то вѣрѣно встрѣчаются намъ стран-

ныя неточности и невѣрности. Иногда переводчикъ вставляетъ то, чего у автора вовсе нѣтъ, иногда передаетъ его мысль въ особыхъ своеобразныхъ выраженіяхъ, автору вовсе не свойственныхъ, иногда же представляетъ мысль совершенно въ другомъ видѣ или и вовсе скрываетъ ее отъ читателей. И однако же въ заглавіи перевода не сказано, что это есть переводъ не точный, а свободный, что въ немъ допущены перемѣны, а не мѣстамъ и дополненія переводчика, и въ своемъ обширномъ предисловіи онъ ничего не говоритъ намъ объ этомъ. Правда, въ самой книгѣ онъ упомянулъ о двухъ значительныхъ пропускахъ, но о томъ, что въ иныхъ мѣстахъ онъ измѣняетъ мысль автора даже до противоположности, ничего не говоритъ намъ и въ книгѣ. Мало этого, читатель бѣгло просмотривающій ватское изданіе, можетъ составить о немъ совершенно обратное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ видитъ, что въ предисловіи этого изданія на одиннадцать страницъ подробно исчисляются и изобличаются недостатки и ошибки другаго русскаго перевода того же сочиненія, когда въ самой книгѣ замѣчаетъ опытность переводчика въ употребленіи физическихъ терминовъ, когда къ концу книги находитъ, что, дѣлая пропуски, переводчикъ упоминаетъ объ этомъ въ своихъ примѣчаніяхъ, то, послѣ всего этого, читатель естественно приходитъ къ той ложной мысли, будто ватское изданіе «Единства физическихъ силъ» есть точный переводъ этой книги, и будто переводчикъ, который нашелъ нужнымъ опустить нѣкоторыя мѣста, передаетъ намъ все прочее, что говоритъ авторъ, съ строгою точностію. Но на дѣлѣ оказывается другое.

Ватское изданіе иногда умалчиваетъ о томъ, о чемъ прямо говоритъ Селки, а иногда, подъ видомъ его словъ, предлагаетъ намъ такія вещи, которыхъ Селки и не думалъ говорить. Въ такомъ обращеніи переводчика съ сочиненіемъ Селки открывается предъ нами какой-то новый и странный способъ распространенія предвзятыхъ ложныхъ мнѣній. Когда мы видимъ, что кто-либо старается посредствомъ печати распространять

свои ложныя мнѣнія или выбираетъ для перевода такія книги, въ которыхъ содержатся подобныя мысли, то это еще понятно; но когда находимъ, что человекъ старается проводить свои взгляды подъ видомъ перевода книги составленной известнымъ ученымъ, навязываетъ автору то, чего вовсе нѣтъ у него, и отъ его лица высказываетъ свои безразсудныя мнѣнія, то все это является для насъ въ высшей степени страннымъ: въ такихъ дѣйствіяхъ нельзя не признать явной недобросовѣстности и обмана.

Авторъ «Единства физическихъ силъ» нѣрѣдко употребляетъ слово: «твореніе (сгбation)», а русскій переводчикъ находитъ нужнымъ замѣнять это слово какими-нибудь другими. Такъ напримѣръ, Секки въ предисловіи къ первому изданію своей книги говоритъ о физическихъ силахъ слѣдующее: «эти силы суть общія всему творенію и соединяютъ вмѣстѣ самыя отдаленныя тѣла вселенной». Въ вятскомъ изданіи эти слова переведены такъ: эти силы «составляютъ общую принадлежность всей мировой матеріи и связываютъ между собой въ одно цѣлое самыя отдаленныя тѣла вселенной» (стр. XXI по русск. перев.). И еще: въ отдѣлѣ о свѣтѣ Секки разсуждая о разнообразныхъ дѣйствіяхъ, а такъ же о неостижимости тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые происходятъ въ растеніяхъ при посредствѣ лучей солнца, говоритъ такъ: «будемъ удивляться здѣсь дивному порядку, который господствуетъ въ твореніи». А вятское изданіе передаетъ эти слова въ такомъ видѣ: «мы можемъ только удивляться чудному порядку, господствующему въ природѣ» (стр. 158). И такихъ мѣстъ, гдѣ переводчикъ изобгааетъ слова: «твореніе», въ книгѣ встрѣчается не мало. Для насъ уже понятна причина такихъ передѣлокъ. Мы видѣли, что переводчикъ опускаетъ нѣкоторыя мѣста только потому, что въ этихъ мѣстахъ авторъ возводитъ благоговѣнный взоръ къ Богу Творцу міра. Слообразно съ этимъ переводчикъ нашелъ нужнымъ передѣлать по своему и многія другія мѣста книги, не только тѣ, гдѣ авторъ говоритъ о Творцѣ, но даже и тѣ, гдѣ гово-

рить о твореніи. Нѣкоторыя изъ такихъ передѣлокъ мы увидимъ и далѣе.

Замѣтимъ здѣсь и еще объ одной странности, несвойственной переводу ученаго сочиненія. Секии въ предисловіи говорить о нѣкоторыхъ своихъ предположеніяхъ (conjectures): «я надѣюсь, что безпристрастный читатель, прежде нежели отвергнуть ихъ, захочетъ хорошо ихъ рассмотретьъ». А въ вятскомъ изданіи переводъ словъ объ этихъ предположеніяхъ автора почему-то сопровождается восклицательнымъ знакомъ и читается такъ: «я надѣюсь, что безпристрастный читатель не позволитъ себѣ распорядиться съ ними административнымъ порядкомъ (!), а предварительно подвергнетъ ихъ внимательному разбору» (стр. XXIV).

Далѣе, обращая вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ Секии говорятъ о физическихъ силахъ вообще и о томъ, въ чемъ состоятъ эти силы, видимъ, что русскій переводчикъ находитъ нужнымъ дополнить нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ своими словами, хотя подлинныя слова текста не даютъ ему на это никакого права. Такъ напримѣръ, Секии въ концѣ предисловія къ первому изданію, умоляя о томъ, что къ напечатанію его труда убѣдили его предпринявшіе изданіе его книги, говорить далѣе: «безъ этого предложенія, которое я принялъ съ удовольствіемъ, я почелъ бы себя вполне вознагражденнымъ за мой трудъ чрезъ удовлетвореніе, которое я ощущалъ въ томъ, что могъ заключить въ общемъ синтезѣ всѣ силы природы». Это мѣсто дополнено переводчикомъ и передается въ такомъ видѣ: «но и безъ этого предположенія, приданого мною съ большимъ удовольствіемъ, я считалъ бы себя вполне вознагражденнымъ за трудъ тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, которое мнѣ доставили внимательный научный синтезъ и философское обозрѣніе всѣхъ силъ природы, изученіе ихъ характера, родового сходства, соотношенія и общаго происхожденія» (стр. XXV)¹⁾. Очевидно, что эти слова представляютъ

¹⁾ Слѣдующія въ вятскомъ изданіи за приведенными сейчасъ словами пять строкъ, въ которыхъ отъ лица Секии развивается мысль о неустеряжимомъ

собою не переводъ, а какое-то распространеніе словъ автора. Но намъ нужно обратить вниманіе на одно обстоятельство, а именно: какъ приведенное, такъ и нѣкоторыя другія мѣста, гдѣ Секии говоритъ о силахъ, переводчикъ находитъ нужнымъ доволнить словомъ: «происхожденіе», которому соответствующаго вовсе не встрѣимъ въ этихъ мѣстахъ, если будемъ читать ихъ по подлиннику. Обратимся же къ другимъ примѣрамъ. Секии во введеніи говоритъ о томъ, что когда найдена была связь между разными дѣателями природы, тогда «предусмотрѣнъ былъ новый путь, который можетъ вести къ рѣшенію великой задачи, то-есть къ познанію силъ, управляющихъ матеріею». А въ вятскомъ изданіи читаемъ: «эта связь указала новый путь, который долженъ былъ привести къ рѣшенію великой задачи естествознанія—познанію природы и происхожденія силъ управляющихъ матеріею» (стр. XXX). И еще, въ отдѣлѣ о теплотѣ мы встрѣчаемъ у Секии замѣчаніе о томъ, что «Фэнгъ не только старается составить ясную идею о фактахъ и о законахъ, по которымъ сила дѣйствуетъ, но онъ усиливается еще узнать, какова природа этой силы». А въ вятскомъ изданіи эта мысль передается съ дополненіями и перемѣнами, въ такомъ видѣ: «Фэнгъ не только стремится составить себѣ ясное понятіе о фактахъ и законахъ, по которымъ дѣйствуетъ та или другая сила, но восторженно и неизбежно наталкивается на вопросъ о происхожденіи и природѣ этихъ силъ» (стр. 8). Подобнымъ образомъ и въ окончательномъ заключеніи книги мы находимъ, что слова автора вообще о фэнгическихъ силахъ значительно измѣнены переводчикомъ. Секии говоритъ слѣдующее: «въ силу частныхъ результатовъ, доставленныхъ посредствомъ опыта онъ (читатель) убѣдится, что они пролагаютъ путь на-

сознаваніемъ при указанныхъ замѣткахъ, суть такъ же приближеніе, составленное переводчикомъ. И даже въ переводѣ предисловія къ изданію 1869 года встрѣчается много несоответствующаго подлиннику. Но нѣтъ нужды останавливаться на этихъ неточностяхъ: ибо для цѣли настоящей статьи онѣ не важны.

слѣдованія къ достиженію того, чтобы смотрѣть на силы, управляющія чистою матеріею, гораздо болѣе прѣстѣмъ и болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ какъ это можно было доньше». А въ вятскомъ изданіи это мѣсто изложено такъ: «въ виду частныхъ результатовъ, добытыхъ наукою путемъ опыта, онъ необходимо долженъ убѣдиться, что намѣчаемый ими путь теоретическихъ изслѣдованій даетъ намъ средства гораздо проще и точнѣе рѣшить вопросъ о происхожденіи силъ, управляющихъ матеріею, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ» (стр. 451). Изъ приведенныхъ мѣстъ достаточно видно, что подлинныя слова текста не даютъ переводчику никакого права вставлять слова: «происхожденіе силъ».

Между тѣмъ внимательное чтеніе книги: «Единство физическихъ силъ» убѣждаетъ въ томъ, что авторъ ея строго различаетъ вопросъ о природѣ физическихъ силъ, о томъ, въ чемъ онѣ состоятъ, отъ другаго вопроса о происхожденіи этихъ силъ. Относительно того, въ чемъ состоятъ физическія силы, Сееки прямо говоритъ, что онѣ суть разные виды движенія вещества, или, какъ выражается онъ въ заключеніи книги: *«всѣ силы природы зависятъ отъ движенія»* (р. 685)^{*)}. Но если желаемъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ взглядъ Сееки на происхожденіе физическихъ силъ, то его можно выразить такъ: при настоящемъ порядкѣ вещей, обращая вниманіе на явленія чисто физическія, мы видимъ, что тѣла постоянно находятся въ движеніи, которое строго подчинено опредѣленнымъ законамъ, мы видимъ, что движеніе не можетъ возникать вновь безъ предшествовавшаго движенія, не можетъ такъ же и уничтожаться; и такъ, если физическія силы приводятся къ движенію, то относительно происхожденія ихъ нужно рѣшить два вопроса: откуда произошли самыя законы движенія? И откуда произошло въ самомъ началѣ видимаго міра движеніе вещества? На эти вопросы Сееки прямо

*) Въ этомъ мѣстѣ, равно и въ другихъ приведенныхъ здѣсь, указанія на страницы относятся къ тому же изданію 1869 года.

отвѣчаетъ, что какъ то, такъ и другое есть свободное дѣло всемогущества Бога Творца міра. Приводимъ здѣсь собственныя слова Секки объ этомъ. «Признавать верховное и свободное Могущество, которое отъ начала дало бытіе матеріи и управляетъ ею, это не то же будетъ, что и говорить, будто научная связь должна замѣниться произвольною и будто въ этомъ случаѣ наука сдѣлается невозможною. Наука дѣйствительно состоитъ въ выводѣ дѣйствія изъ его причины, и, когда законъ остается постояннымъ, это всегда возможно. Утверждать, что законы природы не суть безусловнымъ образомъ необходимы, это не то же будетъ, что и увѣрять, будто они измѣняемы и подвержены капризу. Вѣчная Премудрость, которая установила ихъ отъ начала, избрала такіе, посредствомъ которыхъ повсюду царствуетъ гармонія. Для познанія этой гармоніи человѣкъ употребляетъ всѣ свои усилія. *Постоянство* въ законѣ не есть синонимъ его *необходимости*» (р. 590). Далѣе, пользуясь частнымъ примѣромъ закона передачи движенія при ударѣ двухъ тѣлъ, Секки раскрываетъ несообразности и противорѣчія въ мнѣніяхъ тѣхъ мыслителей, которые приписываютъ этому закону безусловную необходимость, и послѣ сего говорятъ: «если бы эти философы хорошо размышляли о явленіяхъ, о которыхъ идетъ дѣло, они увидѣли бы, что въ этомъ законѣ нѣтъ мѣсто безъ сомнѣнія *постоянство*, но не безусловная необходимость». И потомъ Секки говоритъ еще о законахъ движенія: они «имѣютъ основаніе своего бытія не въ сущности матеріи, но въ свободномъ дѣйствіи Верховнаго Могущества» (р. 591). Точно такъ же Секки со всею опредѣленностію говорятъ, что въ началѣ вещество приведено въ движеніе всемогуществомъ Бога, который «даровалъ бытіе и первоначальное движеніе матеріи» (р. 590). А такъ же и въ другомъ мѣстѣ находимъ слѣдующія слова: «Всевышній Создатель, тогда какъ даровалъ бытіе неорганической матеріи, сверхъ того сообщилъ ей начало постоянной дѣятельности, состоящее въ неразрушимомъ движеніи» (р. 599). Подобная мысль есть и въ концѣ книги (р. 686).

Отсюда очевидно, что по взгляду автора «Единства физических силъ», понятіе о ихъ природѣ строго различается отъ понятія о происхожденіи физических силъ вообще. Почему же переводчикъ нашелъ нужнымъ смѣшать эти два понятія? Теперь дѣло объясняется просто. Можно думать, что переводчику не нравится и самое разграниченіе этихъ понятій; ибо онъ пропускаетъ тѣ мѣста книги, въ которыхъ подробно и ясно раскрывается мысль автора объ этомъ предметѣ. Но такъ какъ эта мысль выражается и въ другихъ мѣстахъ книги, то переводчикъ нашелъ нужнымъ прибавлю лишнихъ словъ затемнить и запутать тѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о физическихъ силахъ вообще.

Другія передѣлки, какія встрѣчаются въ вятскомъ изданіи книги Сенки, теперь можно будетъ разсматривать по порядку книги.

Въ отдѣлѣ о теплотѣ Сенки, развивая взглядъ на теплоту какъ на движеніе, замѣчаетъ, что не должно останавливаться на однихъ вещественныхъ причинахъ движенія, что духъ можетъ дать начало движенію. Слова Сенки объ этомъ будутъ для насъ ясны, если мы обратимъ вниманіе на то сравненіе, которое находимъ у него въ главѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ. А именно, человекъ замѣчаетъ въ себѣ духовное начало, которое управляетъ дѣйствіями его тѣлесной природы и является какъ причина движеній, замѣчаемыхъ въ его тѣлѣ. Прилагая подобныя разсужденія ко вселенной, человекъ убѣждается въ бытіи Существа совершенно духовнаго, то-есть Бога Творца и Промыслителя. «Итакъ изученіе физическихъ силъ приводитъ къ тому, чтобы признать въ отношеніи къ матеріи необходимымъ непосредственное дѣйствіе *Высшаго Существа*» (р. 593, 594). Послѣ этого для насъ понятна будетъ самый образъ выраженія, употребляемый авторомъ «Единства физическихъ силъ» въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя теперь нужно обратить вниманіе. Предлагаемъ переводъ этихъ мѣстъ и подлинныя слова текста.

«Разсматриваніе теплорода какъ движенія не представляетъ

называть его *настоящею силою*, если будемъ употреблять это слово для выраженія *причины движенія*, какова бы она ни была. Эта причина, рассматриваемая безотносительнымъ образомъ, можетъ быть чистый духъ, (какъ и дѣйствительно самый чистый изъ духовъ, то-есть Богъ Творецъ есть средоточіе всякой силы и всякаго движенія), или кромѣ того какую-либо матеріальную массу, возбужденную скоростью, можно назвать *причиною движенія* и рассматривать ее какъ такую» (р. 12).

Послѣ этихъ словъ Секки разъясняетъ соотношеніе между понятіями силы и движенія, замѣчаетъ, что не опасается злоупотребленія словами, называя силу движеніемъ и, указывая на выше приведенныя слова, свои рассужденія о значеніи термина «сила» продолжаетъ такъ:

«Мы не будемъ останавливаться на этихъ тонкостяхъ, а будемъ сообразоваться съ обычаями физиковъ и съ ихъ языкомъ. Для насъ, (за исключеніемъ, правильно понятымъ, то-есть, въ томъ случаѣ когда признается посредство духовъ, тогда этотъ терминъ имѣетъ здѣсь смыслъ изъясненный выше), будетъ несообразнымъ допустить, чтобы движеніе въ неорганической матеріи могло имѣть другое начало, кромѣ самаго движенія».

Изъ обонихъ приведенныхъ мѣстъ ясно, что Секки физическимъ причинамъ движенія усвоитъ только относительное и ограниченное значеніе, и признаетъ, что кромѣ ихъ есть еще другія высшія.

Но въ вятскомъ изданіи книги Секки обонимъ этимъ мѣстамъ приданъ совсѣмъ другой смыслъ. Первое изъ приведенныхъ мѣстъ совершенно передѣлано и читается такъ:

„Но озождествленіе теплоты съ движеніемъ не мѣшаетъ принимать ее за *дѣйствительную силу*, если только это слово будетъ употребляемо въ смыслѣ той или другой *причины движенія*. Эта причина, рассматриваемая съ абсолютной точки зрѣнія, можетъ состоять или въ Верховномъ Разумѣ (но такая точка не достойна науки) или въ дѣйствіи какой-либо матеріальной массы, обладающей извѣстною скоростью“ (стр. 8).

Во второмъ изъ приведенныхъ мѣсть переводчикъ опустилъ объяснительныя слова автора и вставилъ свои слова; а потому и это мѣсто явилось въ такомъ превратномъ видѣ:

“Мы не будемъ долѣе останавливаться на этихъ тонкостяхъ и постараемся сообразовать свое изложеніе съ общепринятой между физиками терминологіей. По нашему мнѣнію, искать источника движенія въ чемъ-нибудь другомъ кромѣ того же движенія есть прямой и положительный абсурдъ“ (стр. 9).

Эти выписки изъ вятскаго изданія не нуждаются въ дальнѣйшемъ объясненіи. Ибо само собою очевидно, до какой степени здѣсь извращена мысль достойнаго уваженія автора книги, а такъ же, съ какою недобросовѣстностію навязывается ему то явно ложное и безразсудное мнѣніе, будто мысль о Творцѣ «недостойна науки». А потому переходимъ скорѣе къ другимъ мѣстамъ книги.

Далѣе, мы встрѣчаемъ и такое мѣсто, гдѣ Секки говоритъ о твореніи, и его мысль передается въ вятскомъ изданіи по-видимому довольно правильно въ слѣдующихъ словахъ: «что же касается до причины *первоначальнаго* движенія, то она, по мнѣнію физиковъ, также какъ и происхожденіе матеріи не можетъ быть объяснена безъ посредства творческаго акта» (стр. 40). Но сейчасъ же послѣ этого переводчикъ отъ лица автора отзывается объ этомъ объясненіи, какъ о «ненаучномъ», хотя въ подлинникѣ вовсе нѣтъ слова соотвѣтствующаго слову «ненаучный» (page 61).

Въ томъ же отдѣлѣ о теплотѣ Секки говоритъ о химическомъ дѣйствіи, что оно «поддерживаетъ дѣятельность живыхъ существъ». А вятское изданіе такъ выражается о химическомъ дѣйствіи: «и наконецъ ничему другому какъ ему же всѣ живыя существа обязаны поддержаніемъ своей дѣятельности» (стр. 95). Ясно, что эти выраженія суть не переводъ, а извращеніе мысли автора, и что они, заключая въ себѣ совершенно ложную мысль, стоятъ въ прямомъ противорѣчьи съ словами автора о томъ, что «въ животныхъ существуетъ начало, которое будучи высшимъ матеріи, управляетъ реак-

дѣи» (р. 596), и съ его воззрѣнiями на значенiе духовнаго начала для жизни (р. 592, 593).

Перейдемъ теперь къ отдѣлу книги о свѣтѣ. Здѣсь также находимъ, что въ вятскомъ изданiи книги Секки передѣланы тѣ мѣста, гдѣ авторъ обращаетъ вниманiе на проявленiя премудрости и благодати Божiей въ дѣлахъ творенiя.

Такъ, въ изслѣдованiи о свѣтовыхъ и теплородныхъ лучахъ находимъ у автора «Единства физическихъ силъ» слѣдующiя слова: «Творческое Могущество, неистощимое въ разнообразiи своихъ дѣлъ, дало нѣкоторымъ малымъ животнымъ способность распространять слабый свѣтъ, повидимому лишенный теплородныхъ лучей». Но когда посмотримъ на переводъ этихъ словъ въ вятскомъ изданiи, то найдемъ здѣсь явный пропускъ; мысль о могуществѣ Творца совсѣмъ скрыта отъ читателей, и приведенное мѣсто предлагается въ такомъ видѣ: «нѣкоторыя животныя обладаютъ способностью издавать вокругъ себя слабый фосфорическiй свѣтъ, который какъ будто бы лишень теплородныхъ лучей» (стр. 112).

Вскорѣ послѣ этого находимъ и еще невѣрный переводъ. Но и этотъ обратимся сначала къ словамъ автора. Разсуждая далѣе о свѣтѣ, Секки такъ говоритъ о назначенiи и устройствѣ глаза: «Феноменъ зрѣнiя при посредствѣ свѣта удивителенъ въ томъ, что Создатель природы установилъ такимъ образомъ сообщенiе одушевленныхъ существъ съ остальнымъ творенiемъ чрезъ одно изъ самыхъ простыхъ и самыхъ премудрыхъ средствъ: то-есть, чрезъ образованiе изображенiя въ глубинѣ глаза». А въ вятскомъ изданiи переводчикъ утаиваетъ самое имя Создателя, и, замѣняя нѣкоторыя слова автора своими, передаетъ это мѣсто въ такомъ видѣ: «Явленiе зрѣнiя при посредствѣ свѣта удивительно лишь въ томъ отношенiи, что природа такъ просто установила сообщенiе живыхъ существъ съ окружающимъ миромъ: мы *чувствуемъ* изображенiе, рисуемое оптическими лучами, отражающимися отъ предметовъ, въ нашемъ глазу» (стр. 116).

Грустно видѣть, когда помраченiе разума доходитъ до та-

кой степенн въ чловѣкѣ, что для него невыносимыми становятся самая мысль о Творцѣ, самое имя Его, равно какъ и проявленія Его премудрости въ дѣлахъ творенія. Тяжело смотрѣть, какъ старается чловѣкѣ о томъ, чтобы мракъ окружающій его простирался и на другихъ, когда не только самъ не обращаетъ своего внутренняго зрѣнія къ высшему свѣту, который повсюду сіяетъ въ твореніи Божіемъ, который доступенъ былъ даже для язычниковъ, непросвѣщенныхъ свѣтомъ истинной религіи (Рим. 1, 19. 20), но и въ томъ случаѣ, когда другіе, глубже его понимающіе явленія видимаго міра, указываютъ ему средства къ познанію истины, онъ, не смотря на то, всѣми средствами старается закрыть отъ людей и затмить предъ ними этотъ свѣтъ.

Послѣ этого, обратимъ наше вниманіе на замѣчательныя передѣлки, какія оказываются въ самомъ концѣ отдѣла о свѣтѣ. Но, чтобы для насъ была ясна мысль подлинника, нужно предварительно войти въ нѣкоторыя подробности.

Въ началѣ нашей статьи было уже сказано, что взгляды Секки отличаются отъ взглядовъ Грове и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ между прочимъ тѣмъ, что Секки для объясненія какъ явленій свѣта такъ и многихъ другихъ явленій почитаетъ необходимымъ признать, кромѣ обыкновеннаго вещества, еще существованіе ээира, какъ особой, тонкой, невѣсомой жидкости, которая повсюду распространена въ видимомъ мірѣ. Мнѣнія Секки объ этомъ предметѣ, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыхъ сторонъ, преимущественно заключаются въ этомъ отдѣлѣ о свѣтѣ. Замѣтно еще, что этимъ вопросомъ Секки занимается съ особеннымъ увлеченіемъ. Кромѣ того не должно упускать изъ вниманія, что Секки во многихъ мѣстахъ своей книги возстаетъ противъ той неопредѣленности, какая замѣчается у нѣкоторыхъ въ понятіи о физическихъ силахъ и въ употребленіи этого термина, а также, развивая свою идею объ единствѣ физическихъ силъ, иногда съ нѣкоторою горячностью возстаетъ противъ тѣхъ ученыхъ, которые представляли себѣ физическія силы отдѣльными и независимыми

другъ отъ друга, или смотрѣли на нихъ какъ на какія-то скрытыя свойства матеріи.

Обозрѣвая отдѣлъ о свѣтѣ, Секки говоритъ о необходимости признанія существованія ээтра и о значеніи этого призванія для объясненія явленій природы, и приводитъ слова одного ученаго Ламе (Lamé) объ этомъ предметѣ и вслѣдъ за ними дѣлаетъ свое краткое замѣчаніе. Приводимъ здѣсь, окончаніе словъ Ламе о значеніи посредства ээтра.

«Нельзя сомнѣваться, что это посредство, разумно проведенное, найдетъ секретъ или настоящую причину явленій, которыя приписываются теплотѣ, электричеству, магнетизму, притяженію вообще, сдѣвленію и химическому средству: ибо всѣ эти существа таинственныя и непонятныя суть въ основаніи своемъ только гипотезы соподчиненыя, безъ сомнѣній полезныя при нашемъ настоящемъ незнаніи, но успѣхи истинной науки положить имъ конецъ чрезъ низверженіе ихъ».

Этимъ означиваются слова Ламе и вслѣдъ за ними Секки говорятъ уже отъ себя.

«Мы не можемъ ничего прибавить къ этимъ замѣчательнымъ заключеніямъ; удовольствуемся пожеланіемъ, чтобы скорѣе наступилъ тотъ день, когда натуральная философія будетъ освобождена отъ этихъ воображаемыхъ и таинственныхъ силъ».

Въ вѣтской изданіи нѣ слова Ламе и особенно слова самаго Секки сопровождаются какими-то весьма странными дополненіями переводчика, на которыя подлинникъ не даетъ ему никакого права. Пусть читатели сами судятъ объ этомъ. Слова Ламе объ ээтрѣ переданы такъ:

„Нельзя сомнѣваться, что съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ его свойствъ будетъ найдена истинная причина дѣйствій, приписываемыхъ въ настоящее время теплотѣ, электричеству, магнетизму, всемірному тяготѣнію, сдѣвленію и химическому средству, такъ какъ всѣ эти таинственныя и неизслѣдованныя сущности есть не что иное, какъ гипотезы, безъ сомнѣній, полезныя только при настоящемъ невѣдѣніи нынѣшнихъ изслѣдователей о первичныхъ причинахъ наблюдаемыхъ ими явленій; но успѣхи реальной науки должны въ концѣ концовъ развѣнчать этихъ непрізнан-

иныхъ узурпаторовъ положительнаго знанія и свергнуть ихъ съ треновъ, на которыхъ они возсѣдали съ такой гордостью и такъ долго лишь въ слѣдствіе окружающаго ихъ мрака“ (стр. 197).

Слѣдующія за симъ слова Секки въ вятскомъ изданіи передаются въ такомъ видѣ:

„Мы ничего не можемъ прибавить къ этимъ замѣчательнымъ заключительнымъ словамъ, исключая нашего горячаго желанія увидѣть какъ можно скорѣе наступленіе того дня, когда философія естествознанія найдетъ въ себѣ силы окончательно и безповоротно гильотинировать предъ лицомъ дѣлага міра самозванцевъ, старающихся овести знаніе и науку на игру словъ и нуждающихся для своего господства въ недалеіи духа вслѣдованія“ (стр. 197, 198).

Этимъ оканчиваются слова переводчика. О нихъ достаточно замѣтить только то, что подобныя передѣлки и прибавки, въ которыхъ переводчикъ сталъ уже приписывать автору какія-то безчеловѣчныя стремленія, положительно нетерпимы въ переводѣ серьезной книги.

Въ отдѣлѣ объ электричествѣ, такъ же какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, вятское изданіе представляетъ намъ нѣсколько передѣлокъ.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ, Секки, говоря о напряженіи электричества и разъясняя значеніе слова: «напряженіе» (tension), замѣчаетъ, что такой терминъ есть одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ человѣкъ пользуется своими внутренними ощущеніями для означенія внѣшнихъ дѣйствій, и продолжаетъ далѣе: «Въ самомъ дѣлѣ, часто намъ случается дѣлать усиліе съ цѣлію выполнить извѣстное дѣйствіе, и мы не получаемъ желаемаго результата, тѣмъ не менѣе мы вполне имѣемъ сознаніе о напряженіи нашихъ мускуловъ» (р. 342). Весь этотъ пунктъ въ вятскомъ изданіи пропущенъ (стр. 228). Понятно, что въ этомъ небольшомъ пропускѣ обнаруживаются тѣ же тенденціи переводчика, какія и въ пропускѣ главы объ органическихъ дѣйствіяхъ.

Но нѣсколько далѣе одно мѣсто передается со многими дополненіями. Секки, разбирая одно мнѣніе о происхожденіи тока въ гальванической цѣпи, несостоятельность его старается объ-

яснить тѣмъ, что въ немъ уже допускается дѣйствіе нѣсколькихъ силъ, которыя однако же остаются не объясненными, и замѣчаетъ, что при этомъ мѣтніи «всякій разъ призываютъ къ себѣ на помощь эти силы, отъ которыхъ желательно освободить Физіку». Въ этомъ краткомъ замѣчаніи русскій переводчикъ находитъ случай, чтобы посмѣяться надъ теологическими изслѣдованіями, и передаетъ его, самъ поставивъ знакъ вопроса и восклицанія, въ такомъ странномъ видѣ:

„Короче, пришлось бы съ одной стороны вернуться къ тѣмъ метафизическимъ силамъ, которыя бесполезно загромождаютъ науку и давно уже присуждены современнымъ знаніемъ къ высылкѣ въ теологическую губернію (конечно не административнымъ „порядкомъ“ (?), но по безпристрастному рѣшенію гласнаго суда фактовъ“) (стр. 237).

Замѣчательно и еще, что въ вятскомъ изданіи встрѣчаются неточности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Секки говоритъ объ изслѣдованіяхъ англійскаго ученаго Грове. Особенно заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто.

Секки, раскрывая нужду принатія гипотезы объ эфирѣ для объясненія явленій электричества, рѣшаетъ возраженія Грове, отвергающаго существованіе эфиря, и говоритъ объ употребленіи у Грове слова «поляризація» слѣдующее: «эти выраженія удачно употреблены для представленія явленій; но мы желали бы знать, въ чемъ состоитъ полярное состояніе, о которомъ здѣсь идетъ вопросъ.» А вятское изданіе эти слова передаетъ такъ: «это выраженіе представляетъ собою одну изъ тѣхъ отмычекъ, къ которымъ прибѣгаютъ ученые слѣсаря, когда у нихъ не имѣется подъ рукой настоящаго ключа. Поэтому мы желали бы знать, въ чемъ именно заключается полярное состояніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь» (стр. 304).

Потомъ слѣдуютъ слова Секки о книгѣ Грове «Соотношеніе Физическихъ силъ», которыя въ вятскомъ изданіи передаются такъ: «она могла бы, несмотря на ложность своихъ основныхъ началъ, стать серьезнымъ препятствіемъ поперекъ избраннаго нами пути» (тамъ же).

Для человѣка, понимающаго дѣло, странно было бы слышать

такое сужденіе отъ Сѣкки. И дѣйствительно, по справкѣ съ подлинникомъ оказывается, что эти слова: «несмотря на ложность своихъ основныхъ началъ» прибавлены русскимъ переводчикомъ. Спрашивается: для чего же отъ лица Сѣкки говорить такія вещи, которыхъ онъ не говорилъ, да конечно и не могъ говорить?

Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги, то есть въ отдѣлѣ «О строеніи матеріи» большой пропускъ главы объ органическихъ дѣйствіяхъ былъ уже разобранъ выше, а теперь достаточно будетъ обратить вниманіе на двѣ передѣлки.

Сѣкки, говоря о притяженіи вообще, развиваетъ ту мысль, что взаимное притяженіе двухъ матеріальныхъ частицъ не составляетъ какого-то основнаго и первоначальнаго закона, но есть не болѣе какъ явленіе, которое можетъ быть объяснимо дѣйствіемъ на эти частицы окружающей ихъ среды. И при этомъ онъ замѣчаетъ слѣдующее: «Тѣмъ, которые говорятъ, что тутъ идетъ дѣло о первоначальномъ законѣ, о прямомъ актѣ воли Бога, мы отвѣтимъ, что такими средствами можно рѣшить всѣ вопросы; но физикъ поступаетъ иначе, онъ ищетъ дѣйствительно ли это есть первоначальный и прямой актъ Верховной Воли, или только актъ посредственный.» Если сравнимъ эти слова Сѣкки съ другими мѣстами его книги, то для насъ будетъ ясно, что и здѣсь онъ не отвергаетъ и не порицаетъ той истины, что воля Божія есть окончательная причина законовъ природы: а здѣсь онъ говоритъ только то, что эта истина не даетъ еще основаній останавливаться на притяженіи, какъ на чемъ-то первоначальномъ, что и самое притяженіе можно объяснять посредствомъ дѣйствій среды окружающей тѣла.

А въ вятскомъ изданіи переведенное мѣсто передается въ такомъ видѣ:

„Тѣмъ же, которые говорятъ, что дѣйствіе это составляетъ предустановленный законъ, или прямой актъ воли Создателя, мы отвѣтимъ, что подобными, ни къ чему не ведущими, ссылками было бы легко разомъ порѣшить всѣ труднѣйшіе вопросы науки; но физикъ не можетъ и не долженъ успокоиваться на такихъ невѣжественныхъ уверткахъ. Его за-

даже совершенно неясно, какъ обстоитъ дѣло, действительно ли это предуставленный и враной актъ Высшей Воли или только одно изъ второстепенныхъ ей послѣдствій, т. е. обыкновенное естественное явление, происходящее по известнымъ законамъ природы“ (стр. 408, 409).

Такимъ образомъ и здѣсь виднѣтъ, что помѣщенныя въ вятскомъ изданіи дополненія къ словамъ Секки состоятъ въ противорѣчій съ его взглядами и даже какъ-то не вяжутся съ его словами.

Далѣе, разсуждая о всемірномъ тяготѣніи, Секки останавливается на вопросѣ о томъ, вознаграждается ли въ солнцѣ теплота, постоянно теряемая имъ чрезъ лучеиспусканіе, замѣчаютъ, что относительно температуры солнца «ничто не доказываетъ, будто она по необходимости должна оставаться *отлично неизмѣняемою*» и потомъ говоритъ слѣдующее (рис. 682):

«Всевышній Зиждатель, который самыми разнообразными путями обезпечилъ то, что мы называемъ возобновленіемъ матеріи, то есть сохраненіе ея дѣятельности среди непрестанныхъ преобразованій ея, конечно не далъ остаться безъ причинъ восполняющихъ и тому источнику, откуда истекаетъ всякая живая сила на поверхности тѣлъ планетной системы. Сообразно съ принципомъ, установленнымъ выше, взаимная соразмѣрность должна существовать, но трудно рѣшить, такова ли она, чтобы шла впередъ и была въ непрерывной дѣятельности, или по крайней мѣрѣ, чтобы вознагражденіе устанавливалось въ опредѣленныя эпохи, въ критическіе моменты, такъ же какъ это происходитъ въ системахъ низшаго порядка. Наша наука не можетъ этого знать, потому что тутъ время исчисляется мѣрою Того, для Кого *тысяча лѣтъ суть какъ день вчерашній, когда онъ прошел* (Псал. 89, ст. 5).

Послѣ этого, обращая вниманіе на русскій переводъ, мы находимъ тамъ значительныя передѣлки этого мѣста, которое передается въ такомъ видѣ:

„Природа открывшая бездну путей для обновленія матеріи, т. е. для сохраненія ея дѣятельности посреди происходящихъ въ ней безпрестанныхъ превращеній, конечно не могла оставить безъ вознагражденія источникъ, изъ котораго черпаютъ свою живую силу всѣ тѣла нашей пла-

нетной системы. На основаніи вышеуказаннаго закона, между дѣйствіями этого рода необходимо должна существовать взаимная эквивалентность; но трудно рѣшить, всегда ли она была такою, какова теперь; или устанавливается лишь въ опредѣленныхъ эпохи, такъ сказать, въ особые критическіе моменты, подобно тому, какъ это происходитъ въ системахъ нисшаго порядка. Современная наука не можетъ дать на такой вопросъ категорическаго отвѣта по слишкомъ незначительному времени ея существованія сравнительно съ существованіемъ нашей планетной системы“ (стр. 449).

Ознакомившись съ главнѣйшими изъ этихъ передѣлокъ, мы не будемъ болѣе останавливаться на встрѣчающихся во многихъ другихъ мѣстахъ вятскаго изданія частныхъ невѣрностяхъ и неточностяхъ перевода, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно обнаруживаются тенденціи переводчика. Но необходимо сказать нѣсколько словъ о приложеніяхъ къ книгѣ Секки, какія помѣщены въ вятскомъ изданіи ея.

Въ концѣ своего предисловія переводчикъ говоритъ намъ слѣдующее:

„Такъ какъ авторъ, писавшій свою книгу въ *панскомъ* Римѣ, нашелъ неудобнымъ для себя отнестись къ вопросу о жизненныхъ силахъ согласно съ ея общей идеей, то я счелъ не лишнимъ приложить въ концѣ ея въ видѣ дополненія, статью нью-іоркскаго профессора Баркера „О соотношеніи между физическими и жизненными силами“, которая можетъ отчасти интерферировать этотъ диссонансъ. Такую же роль поправочнаго коэффициента играетъ и конецъ другой прилагаемой мною статьи Тиндала: „Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ“, главная цѣль которой однакоже состоитъ въ томъ, чтобы показать читателю, въ живой колоритной картинѣ, какову цѣну въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка должны имѣть естественно-научныя философскія изслѣдованія подобныя „опыту“ Секки“ (стр. XX).

Посмотримъ же, что заключаетъ въ себѣ, помѣщенная въ самомъ концѣ вятскаго изданія статья Баркера. Не останавливаясь на тенденціяхъ болѣе или менѣе ясно обнаруживающихся въ ней и явныхъ странностяхъ, обратимъ вниманіе на то, какъ смотритъ авторъ статьи на явленія жизни. Выразивъ несообразную со взглядами Секки мысль о томъ, будто теплота неотдѣлима отъ матеріи, Баркеръ продолжаетъ:

„Отсюда къ такому же объясненію относительно живности остается лишь одинъ шагъ. Поэтому наиболее передовые мыслители современной науки рассматриваютъ жизнь въ той или другой органической формѣ, какъ процессъ, неотдѣлимый отъ вещества этой послѣдней, или какъ простое ея проявленіе“ (стр. 491).

И въ сколько далѣе говорить еще:

„Каждая частица матеріи внутри растительныхъ или животныхъ организмовъ безусловно подчиняется наравнѣ со всей мертвой природой законамъ химическихъ и физическихъ притяженій. Наука не знаетъ никакихъ регулирующихъ сверхъ—естественныхъ агентовъ, которые осложнили бы ихъ дѣйствіе или измѣняли его иначе, чѣмъ это обуславливается простымъ взаимодействіемъ окружающихъ ихъ другихъ частицъ“ (стр. 497).

А въ концѣ этой статьи читаемъ слѣдующее:

„Химія учитъ, что мыслительная сила также какъ и мускульная имѣетъ свой источникъ въ пищѣ. Она доказываетъ, что умственные акты, совершающіеся въ мозгѣ, точно такъ же какъ и мышечная дѣятельность, производятся не окисленіемъ его собственныхъ тканей, но энергіей, развивающейся изъ превращенія сторающаго углерода. Можно ли еще сомнѣваться въ томъ, что мозгъ есть ни что иное какъ машина, назначенная для превращенія потенциальной энергіи пищи въ дѣятельную энергію мысли?“ (Стр. 503, 504).

И безъ подробнаго разбора ясно, сколько запутанности и лжи заключаютъ въ себѣ приведенныя фразы. Какъ въ нихъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ статьи Баркера высказываются взгляды свойственные грубому матеріализму. Но вопросъ въ томъ, опираются ли такіе взгляды въ рассматриваемой статьѣ на какихъ либо твердыхъ основаніяхъ? Нисколько. Внимательное чтенію статьи убѣждаетъ, что со стороны логичности она не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго. Въ ней встрѣчаются тѣ же приемы, какіе и у другихъ матеріалистовъ, то есть выводы изъ фактовъ того, что вовсе изъ нихъ не выходитъ, явное умолчаніе о томъ, что противорѣчитъ предвзятымъ мнѣніямъ, и разныя фразы, подобныя приведеннымъ выше. Очевидно, что никакъ не можетъ быть въ согласіи съ общемою идеею книги Секки приложенная къ ней въ вятскомъ изданіи статья Баркера уже по одной своей неосновательности и бездоказательности.

Посмотримъ теперь на другое приложеніе, которое помѣщено прежде. Это рѣчь Тиндала произнесенная имъ въ 1870 году. Должно отдать справедливое уваженіе находящимся въ началѣ ея изслѣдованіямъ о свѣтѣ, которыя содержатъ въ себѣ много замѣчательнаго. Но переводчикъ указываетъ намъ на конецъ статьи. А въ концѣ ея Тиндаль высказываетъ ту странную гипотезу, будто вещество земнаго шара, находясь въ расплавленномъ состояніи, уже заключало въ себѣ всѣ зачатки, изъ которыхъ естественнымъ путемъ сама собою должна была развиться на земномъ шарѣ не только органическая жизнь вообще, но даже и жизнь человѣка (стр. 483—485). Для правильнаго сужденія объ этой гипотезѣ воспользуемся слѣдующими словами самаго Тиндала: «Нѣтъ сомнѣнія, что эти идеи смахиваютъ на колоссальный абсурдъ въ глазахъ каждаго человѣка съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Но дадимъ имъ высказаться» (стр. 485). И дѣйствительно крайняя неосновательность этой гипотезы обнаружилась послѣ, черезъ четыре года, когда самая гипотеза яснѣе высказана и подробнѣе развита Тиндалемъ въ его рѣчи, произнесенной въ прошедшемъ году. Внимательное чтеніе этой послѣдней рѣчи убѣждаетъ въ томъ, до какихъ явныхъ несообразностей доводитъ указанная гипотеза. Но предѣлы статьи не дозволяютъ намъ входить въ подробности объ этомъ предметѣ. Здѣсь достаточно будетъ указать на издаваемый въ Парижѣ аббатомъ Муаньо (Moigno) журналъ подъ названіемъ: «Les Mondes» за вторую половину 1874 года, гдѣ помѣщена какъ самая рѣчь, такъ и ея подробный разборъ.

Что безразсудныя мнѣнія, подобныя тѣмъ, какія находимъ въ указанныхъ статьяхъ Барьера и Тиндала, не только не согласны съ общою идеею сочиненія Секи, но совершенно ей противоположны; и состоятъ въ прямомъ противорѣчій съ воззрѣніями самого Секи, это очевидно будетъ для насъ, когда обратимъ вниманіе на слѣдующіе слова Секи, находящіяся во введеніи въ новое изданіе его книги:

«Я не буду говорить ничего о тѣхъ, которые почитаютъ ма-

терію одаренною такою дѣятельностію, что она одна можетъ сама собою дать рожденіе существамъ организованнымъ, чувствующимъ, а наконецъ и мысли. Мы не будемъ слѣдовать за ними по этой дорогѣ, потому что она не наша. Не имѣя никакихъ положительныхъ доказательствъ для поддержки своихъ вздорныхъ теорій, они преувеличиваютъ слѣдствія этихъ учений тѣмъ, что извлекаютъ заключенія изъ посылокъ, которыя ихъ не содержатъ. Другіе, не менѣе напрасно, объявляютъ на весь голоса, что ученіе объ единствѣ физическихъ силъ ведетъ неизбѣжно къ матеріализму, и что оно есть одинъ изъ самыхъ твердыхъ доводовъ въ пользу этихъ мечтательныхъ гипотезъ. Мы будемъ въ удобное время отвѣчать на эти возраженія, и мы покажемъ, какъ эти авторы останавливаются всегда на двусмысленности и на ложномъ объясненіи физическихъ явленій» (р. XXIII, XXIV).

Заклучимъ наше изслѣдованіе желаніемъ, чтобы скорѣе явился на русскомъ языкѣ новый переводъ «Единства физическихъ силъ.» Къ такому желанію побуждаютъ, какъ появленіе за границею новаго изданія, такъ и существенно важные недостатки вятскаго изданія, достаточно здѣсь раскрыты. Прибавимъ еще, что неточности, недосмотры и внѣшніе недостатки изданія въ типографскомъ отношеніи даже затрудняютъ при чтеніи этой книги. Но хорошій переводъ книги Секки есть дѣло не легкое. При всемъ уваженіи къ автору книги и его изслѣдованіямъ должно замѣтить, что иногда и у него встрѣчается неясность, а нѣкоторыя изъ его мнѣній*подають поводъ къ вопросамъ и даже къ серьезнымъ возраженіямъ. А потому было бы желательно, еслибы взялись за переводъ люди хорошо понимающіе дѣло, и, передавая на русскомъ языкѣ текстъ книги во всей полнотѣ и съ строгою точностію, дополняли бы переводъ своими подстрочными примѣчаніями.

Димитрій Голубинскій.

ПО ПОВОДУ МИССИОНЕРСТВА НА ДОНУ.

Предметъ, о которомъ мы намѣрены говорить здѣсь, но одинъ разъ разсматривался нами въ печати ¹⁾. Но мы намѣрены еще разъ сказать о немъ здѣсь. Предметъ этотъ — необходимость миссіонерской дѣятельности между калмыками. Среди насъ живутъ два съ половиною вѣка инородцы, и мы не дѣлаемъ ничего для ихъ обращенія. Не такъ дѣло ведется на западѣ (см. «Всемир. Пут.», 1872 г., «Прав. Обзор.» 1872 г. и др. книжки этихъ журналовъ). Въмѣсто перечня сочиненій, касающихся нашего предмета, мы приведемъ одно характерное мѣсто, отлично рисующее положеніе миссіонеровъ западныхъ и ихъ дѣятельность на пользу распространенія христіанства. «Проживъ двадцать лѣтъ между потомками Хама ²⁾, говоритъ миссіонеръ Казалесъ, я возвратился съ желаніемъ и еще быть полезнымъ этому племени. Христіанская ревность по вѣрѣ и желаніе просвѣтить свѣтомъ Христова ученія людей, погруженныхъ во мракъ язычества, послужили къ основанію среди этихъ несчастныхъ племенъ, постоянныхъ миссій, которые стали какъ бы оазисами въ этой нравственной пустынѣ. Христіанскіе миссіонеры, живя въ сколоченныхъ изъ досокъ

¹⁾ Въ *Дон. Епарх. Вѣд.* въ статьяхъ: „Буддизмъ“, „Поѣздка къ калмыкамъ“, „Умственное и нравственное развитіе дон. калмыковъ“, въ *Област. Вѣд.* „Религія калмыковъ“, „О донскихъ калмыкахъ (и въ частности о гелюнахъ) и въ журналѣ *Миссіонеръ* „О необходимости миссіонер. дѣятельности среди калмыковъ.“

²⁾ Между кафрами, готтентотами и бушменами.

жизняхъ, среди враждебныхъ климатическихъ условий, сѣ-
няютъ другъ друга въ дѣлѣ проповѣди Христова ученія жи-
телямъ этой пространной страны, устраиваютъ часовни, строятъ
школы, учатъ кузнечному, портняжному и ткацкому ремесламъ,
садоводству и другимъ промысламъ, препятствуютъ ужасному
обычаю приносить въ жертву людей, стараются искоренить
идолопоклонство и не только не теряютъ присутствія духа въ
странѣ, гдѣ жизнь въ короткое время угасаетъ подъ влияніемъ
кѣстныхъ болѣзней и лишений, но постоянно повторяютъ, что
черное племя весьма способно къ воспріятію просвѣщенія.
Трудно это дается. Когда спрашивали первыхъ миссіонеровъ
о плодахъ ихъ дѣятельности, они отвѣчали: «до сихъ поръ еще
мы можемъ только умирать.» 75 миссіонеровъ смѣнилось въ
Африкѣ безъ перерыва; 20 изъ нихъ умерло, но ихъ замѣнили
другіе, и въ настоящее время существуютъ въ Африкѣ *цел-
туція миссіи* ³⁾). Но мы въ высшей степени сочувствуя мис-
сіонерскому дѣлу, имѣемъ утѣшеніе видѣть, что и у насъ дѣло
это стало на прочную почву въ Сибири и Японіи, какъ это
видно изъ отчета г. оберъ-прокурора св. Синода и изъ жур-
нала «Миссіонеръ». А у насъ подъ бокомъ есть люди, кото-
рые тоже требуютъ миссіонерской проповѣди—это калмыки,
которыхъ насчитываютъ до 150 т. человекъ (въ области вой-
ска донскаго, въ ставропол. и астрахан. губ.)

Было время, когда Россія ассимилировала многоразличныя,
вошедшія теперь въ ся составъ, племена проповѣдію христан-
скою. Мы видимъ, что и теперь вся Россія съ сочувствіемъ отно-
сится къ дѣлу миссіонерства, и громко отзывается на призывный
голосъ миссіонеровъ сибирскихъ, японскихъ и кавказскихъ,
идти имъ пожертвованія всѣмъ, чѣмъ только можетъ, потому что
видятъ дѣятельность членовъ миссіи ⁴⁾). А между тѣмъ, сколько
намъ извѣстно, дѣло это началось съ весьма незначительными,
даже, можно сказать, ничтожными средствами.

³⁾ Это писано въ 70-хъ гг. „Миръ и переобитый человекъ“. сочин.
Меньяна, стр. 183—184.

⁴⁾ См. „Отчетъ оберъ-прокурора за 1874 г.“ Дон. Еп. Вид. и Прав.
Обозр. 1875 г. февраль, стр. 339—346.

Трудятся миссіонеры забайкальскіе и алтайскіе, влали отъ насъ. А у насъ, здѣсь, есть много язычниковъ-калмыковъ (*калмыки—единственные язычники въ Европѣ*). Что же препятствуетъ намъ начать дѣло миссіонерской проповѣди? Людей нѣтъ? Люди найдутся,—было бы положено начало. Средства нѣтъ? И средства есть; находящійся предъ нами отчетъ миссіонерскаго донскаго комитета показываетъ намъ, что въ кассѣ комитета лежитъ неприкосновеннаго капитала 820 руб., запаснаго 7832 р. 47 коп., расходнаго 1749 р. 50 коп., а всего 9901 р. 97 коп., каковой капиталъ собирался съ 21 ноября 1871 г., т. е. со времени открытія миссіонерскаго комитета. Приобрѣтеніе этого комитета нужно поставить въ особенную заслугу миссіонерскому комитету. Средства позволяютъ намъ начать миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ.

Къ тому же наше положеніе относительно калмыковъ весьма удобное. Мы имѣемъ внутри насъ небольшой народъ, весьма близкій къ намъ по образу жизни и по воззрѣніямъ, способный ассимилироваться съ нами и въ религіи, и по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ представляющій удобную почву для сѣянія новыхъ религіозныхъ началъ.

Такимъ образомъ почва для сѣянія ученія христіанскаго совершенно готова, и почва хорошая. Чтобы ли говорили про калмыковъ, мы всегда скажемъ, что это въ высшей степени хорошій, честный, даже *сердечный* народъ, если его затронуть за чувствительную струну. Отъ чего не просвѣтать его, отъ чего оставить въ Европѣ этихъ единственныхъ *идолопоклонниковъ*? Миссіонеры Англій, Франціи и Германіи ѣдутъ на проповѣдь евангельскую въ Америку, въ среду индѣйцевъ, въ Австралію—въ среду людоѣдовъ, въ Африку—въ среду самыхъ грубыхъ и кровожадныхъ дикарей, гдѣ какойнибудь владѣтель, при встрѣчѣ почетнаго гостя или по смерти нѣжно любимаго своего предшественника, отправляетъ вслѣдъ за нимъ сотни и въ чемъ неповинныхъ людей; въ Азію, гдѣ претерпѣваютъ крайнія лишенія. За границую ревность миссіонерская, за недостаткомъ язычниковъ среди родной страны, на-

ходить себѣ дѣло вдали отъ родины, которую миссіонеры оставляютъ на цѣлые десятки лѣтъ. А мы имѣемъ подлѣ себя хорошій народъ, въ умственномъ и нравственномъ *) отношеніи довольно усвоившій много отъ насъ, въ житейскомъ быту тоже много перенявшій отъ насъ, и наконецъ, въ экономическомъ отношеніи представляющій много отраднago и хорошаго. Чтобы этотъ народъ сталъ русскимъ, для этого нужно только образовать изъ калмыка-христіанина: потому что, какъ нами замѣчено, для калмыка—быть христіаниномъ—значитъ быть русскимъ.

Для достиженія этой цѣли нужно очень немного сдѣлать: нужно положить *основной камень* миссіонерства. Откладывать это дѣло изъ года въ годъ, значитъ, затягивать и отодвигать обращеніе людей, способныхъ къ усвоенію началъ христіанства. Пусть въ началѣ обратится одна семья (а это уже было), и то будетъ приобрѣтеніемъ. Не вдругъ же все это дѣлается. Нужно время: нужно будетъ миссіонеру осмотрѣться, привыкнуть къ своему новому положенію и т. п., а потомъ уже приниматься за дѣло. Миссіонерство среди калмыковъ (только не довскихъ)—дѣло не новое ⁶⁾, священныя книги христіанскія переведены на калмыцкій языкъ, религія ихъ разсмотрѣна даже въ нашей мѣстной (донской) литературѣ, нѣкоторыя службы переведены на калмыцкій языкъ.

Если же что и не переведено на калмыцкій языкъ, то можно воспользоваться для перевода монгольскимъ переводомъ службъ церковныхъ, сдѣланныхъ преосв. Гуріемъ. Передѣловъ нужно не много.

Далѣе, жизнь среди степи калмыцкой и среди калмыковъ,—это не то, что жизнь среди дикарей Азіи, Австраліи и Америки; жизнь среди калмыковъ представляетъ даже много поз-

*) Мы объ этомъ довольно сказали въ „Дон. Епер. Вѣд.“, на что обращено было вниманіе редакціею „Москов. Епар. Вѣд.“, которая оказала намъ теплое свое участіе и сочувствіе.

*) См. сочин. ген.-маіора Костенкова: „О распространеніи христіанства между калмыками“.

тичнаго и привлекательнаго, такъ что мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаемъ то время, когда жили среди калмыковъ. Поэтому и миссіонеру весьма хорошо будетъ жить среди добраго народа. Поселите, напр., миссіонера на гремячемъ колодцѣ (хата булукъ)¹⁾; постройте тутъ церковь, дайте священника и учителя, откройте школу, дайте имъ небольшія средства, выдѣлите имъ немного земли, снабдите ихъ учебными пособиями... И вотъ вамъ начало миссіи. Существуетъ же у насъ миссія въ Японіи, въ странѣ отстоящей отъ насъ на цѣлыя тысячи верстъ. А на калмыковъ до сихъ поръ не обратили и вниманія, или, хотя и обратили, но потомъ оставили это дѣло въ покоѣ до болѣе удобнаго времени. Намъ кажется, что все готово къ тому, чтобы начать это дѣло; средства есть, люди *будутъ*, и почва къ воспріятію христіанскаго ученія совершенно готова. Людей послать нужно не скрытно, а просто явно, давая понять, что миссіонеры посланы съ извѣстною цѣлію. Такъ вели дѣло всѣ и всегда миссіонеры; они не скрывали, съ какою цѣлію приходили въ ту страну. Такъ было и у насъ въ Россіи. Вспомните первое обращеніе Россіи и распространеніе христіанства первыми миссіонерами по различнымъ городамъ древней Руси, а потомъ дальнѣйшее распространеніе христіанства въ послѣдующее время. Всѣ миссіонеры вели дѣло открыто, и вотъ, благодаря трудамъ этихъ *геніевъ* Россіи, мы и видимъ нашу св. Русь сплоченною тѣсно изъ различныхъ элементовъ. Гдѣ теперь Меря, Муромы — финскія племена? Ихъ нѣтъ. Тамъ, гдѣ были прежде эти племена, тамъ теперь *великороссы*. А дѣло ихъ обращенія не обошлось безъ крови, и крови княжеской.

До сихъ поръ на окраинѣ города Муромы стоятъ часовня, построенная на мѣстѣ смерти св. мучениковъ за вѣру Христову. Мы этого ждать не можемъ; на первыхъ порахъ, быть можетъ, встрѣтимъ холодность, невниманіе; скорбѣть отъ этого нечего; потому что подобное явленіе дѣло естественное. Иные

¹⁾ Лучшая мѣстность въ донскихъ калмыцкихъ кочевьяхъ.

миссіонеры переносили такое невниманіе десятки лѣтъ учась только умирать. Затѣмъ послѣдуетъ вниманіе, готовность слушать преподаваемое, а тамъ обращеніе одно, два три, и вотъ начало успѣха. Не вдругъ же приняли монголы (родоначальника калмыковъ) и буддизмъ въ XII в., и исповѣдуютъ его 6½ вѣковъ. Трудно было оторвать ихъ отъ шаманства, но приняли же вѣдь его. То же будетъ и съ нами. Мы еще имѣемъ громадное преимущество предъ буддизмомъ: высоту христіанскаго ученія, его общедоступность, возможность имѣть свящ. книги и слушать богослуженіе на калмыцкомъ языкѣ (у буддистовъ все это написано на тибетскомъ языкѣ), преимущество званій, силы и вліянія. По всему этому и не слѣдуетъ откладывать обращеніе калмыковъ въ христіанство. За началомъ миссіонерства усилится и распространится и сочувствіе къ этому святому дѣлу, сочувствіе, начавшее уже ослабѣвать.

А. Крыловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗНАЧЕНІЕ ПРУССКИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ ДЛЯ ПРОТЕСТАНТСКИХЪ ОБЩИНЪ.

Въ майской книжкѣ мы коснулись нѣкоторыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что при настоящей церковной политикѣ прусскаго правительства жутко приходится не однимъ католикамъ, а и протестантамъ, что настоящая война сопровождается большими потерями для стороны, повидямому не принимающей участія въ войнѣ. Въ настоящей книжкѣ мы намѣрены нѣсколько подробнѣе остановиться на теперешнемъ состояніи протестантской церкви. Происхожденіе и исторія протестантскихъ общинъ показываетъ, что тѣ самые принципы, которые послужили основаніемъ для протестантизма и которые по существу своему были болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера, были причиною того, что и самое зданіе воздвигнутое на нихъ не обѣщало быть вѣковѣчнымъ. Конечно подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ, о которыхъ теперь не время вести рѣчь, а также благодаря и нѣкоторымъ искусственнымъ мѣрамъ, это зданіе могло протянуться нѣсколько столѣтій; рано начавшіяся обнаруживаться тамъ и самыя слабыя стороны зданія могли быть гдѣ на время задѣлываемы, гдѣ подпираемы вѣшними подпорками; но въ дѣломъ — зданіе не производило впечатлѣнія чего-то построеннаго крѣпко и не требующаго никакихъ подпорокъ, рано или поздно должно совершиться его распаденіе. Въ этомъ кажется начинаютъ убѣждаться и сами протестанты, и по обыкновенію опять посматриваютъ по сторо-

наитъ, нельзя ли найти чего-нибудь такого, чѣмъ бы можно было подпереть покачнувшееся или задѣвать проболну. Съ своей внутренней стороны, благодаря принципу, протестантамъ общалъ выродиться въ дробное сектанство и рационализмъ; со стороны внѣшней, со стороны отношенія къ другимъ общественнымъ учрежденіямъ, протестантизмъ не можетъ спастись отъ поглощенія другою сильнѣйшею его въ общественной жизни стихіею. И то и другое теперь болѣе чѣмъ когда-либо обозначается. Въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей онъ сознаетъ свое бѣзсиліе бороться съ потокомъ времени; не видя возможности остановить его онъ чувствуетъ, что этотъ потокъ унеситъ и его самого, и съ затанною завностию оглядывается на римскій католицизмъ, съ его внутреннимъ единствомъ, съ относительною вѣрностію его учрежденій, съ его еще по сіе время продолжающимся вліяніемъ, католицизмъ, находящій еще въ себѣ самомъ достаточно средствъ къ охраненію своего бытія и своей самостоятельности. Таково общее впечатлѣніе, производимое на читателя ниже помѣщаемыми свѣдѣніями о нѣкоторыхъ фактахъ внутренней жизни протестантовъ.

Когда возгорѣлась церковная война, когда еще опредѣленно не обозначились конечныя цѣли прусской церковной политики, то протестантизму пожалуй не было еще основаній особенно огорчаться и падать духомъ; въ стѣснительныхъ мѣрахъ для католицизма протестантизмъ могъ видѣть свое торжество. Но это торжество не могло быть продолжительнымъ; стѣснительность мѣръ, направленныхъ повидимому противъ католицизма, ощущается и протестантизмомъ съ тою только разницею, что онъ въ себѣ не находитъ ничего такого, чѣмъ могъ бы предотвратить силу нападающихъ на него ударовъ, или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ. Въ виду такого положенія и въ мрачномъ опасеніи за самую будущность свою протестантамъ начинаетъ тяготиться тѣми самыми принципами, провозвѣстникомъ которыхъ былъ и торжество которыхъ онъ долженъ былъ бы привѣтствовать. Возмемъ для примѣра законъ о гражданскомъ бракѣ. Казалось бы для церкви, не признающей брака таинствомъ и отстаивающей свободу человѣка въ дѣлахъ, касающихся его совѣсти и религіозныхъ убѣжденій, тутъ не чѣмъ было бы огорчаться; тѣмъ болѣе, что законъ не воспрещаетъ церковнаго вѣнчанія, а пре-

доставляетъ собственному желанію брачующихся просить церковнаго благословенія по совершеніи необходимыхъ и обязательныхъ гражданскихъ обрядовъ совершенія брака. Но посмотрѣвъ какую горечью отзываются и какія тяжелыя предчувствія проникнута наврѣм. слѣдующая статья въ *Ev. huth. Kirchenz.* (№ 9) обескураживающая послѣдствія названнаго закона для протестантскихъ церквей.

«Вопросы, поднятыя въ Пруссіи закономъ о гражданскомъ бракѣ,—говорится въ этой статьѣ—выступаютъ на очередь и въ другихъ мѣстныхъ протестантскихъ церквахъ; не кромѣ этихъ вопросовъ выступаетъ еще рядъ новыхъ вопросовъ. Предъ лицомъ церкви не стоитъ только о томъ, какъ должна она относиться къ лицамъ, которые уклоняются отъ церковнаго вѣнчанія, какъ она должна аттестовать вѣроисповѣдныя формулы такихъ лицъ; но предъ нею стоятъ и другіе вопросы, въ отношеніи того, напримеръ, можетъ ли и въ какія случаи она заявлять какія-либо требованія съ цѣлію воспрепятствовать браку, признаніе котораго у нея испрашивается. Откажись она отъ самостоятельности дѣйствій въ этомъ отношеніи, признавая безъ дальнѣйшихъ разсужденій нравственно дозволительнымъ всякій юридически дозволительный бракъ, она должна отречься съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего призванія быть охранительницею вѣчныхъ истинъ и нравственнымъ отношеніемъ. Церковное вѣнчаніе станетъ тогда только декорациею и *церковь перестанетъ быть самостоятельнымъ обществомъ, а будетъ только религіозною функциею государства.* Поэтому все это дѣло тѣсно связано съ вопросомъ бытія церкви. Если государство рѣшительно отказывается отъ своего законодательства признавать значеніе религіозныхъ требованій и предоставляетъ самой церкви заботиться объ исполненіи того, что относится къ ея сферѣ, то послѣдняя хочетъ и не хочетъ, а должна дѣйствовать рѣшительно въ своей сферѣ. Поэтому г. Шмидтъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ *Ev. Kirchl. u. Schulbl. für Württemberg* подъ названіемъ: «*Videant consules quid detrimenti capiat ecclesia*» имѣлъ полное право сказать слѣдующее: «никакая ссылка на права народной церкви (*Volkskirche*) не должна удерживать евангелическую церковь отъ обязанно предлагать своимъ членамъ свои собственные постановленія, народная церковь (*Volkskirche*) самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ

идеть къ уничтоженію, если евангелическая церковь precisely будетъ смотрѣть на то, какъ произвольно поминать ее элементъ, почему-либо чувствующаго себя не совсемъ хороше въ ней. Тѣло, обнаруживающее ни одного движенія, есть мертвое тѣло. Я боюсь, какъ бы церковь, позволяющая во имя снисходительной любви своимъ членамъ бить себя по лицу, не пришла во всеобщее презрѣніе, при чемъ никто не окажетъ ей уваженія за ея снисходительную любовь. Много говорено было уже о томъ, что въ наше время нужно власти нѣводъ пошире, что нужно давать побольше простору для сердца. Конечно такъ! но нѣводъ безъ шестовъ, съ одними только павлими, изъ которыхъ могутъ быть приврѣвлены шесты, не есть нѣводъ. Если крупная рыба находитъ себѣ выходъ и тамъ и тамъ, то интересно было бы посмотреть на рыбака, съумѣвшего вытащить на берегъ нѣводъ, наполненный рыбою. Должно ли все предоставить индивидуальной совѣсти духовенства, и обречь въ такомъ случаѣ церковь на анархію или, слѣдуя указанію берлинскаго верховнаго церковнаго совѣта, личную совѣсть духовенства подчинить опредѣленіямъ приходскаго совѣта? Но какое иное значеніе имѣютъ оба эти предположенія *какъ не распаденіе евангелической церкви съ былье или менѣе непродолжительное время?* Намъ не предвидится иного исхода кромѣ того, чтобы, если не вся евангелическая церковь Германіи, то: по крайней мѣрѣ важнѣйшая часть ея въ ближайше: же мѣсцы выработала и по возможности предложила бы на утвержденіе различныхъ помѣстныхъ синодовъ какія-либо общія правила, въ силу которыхъ церкви предоставлено было бы право въ дѣлахъ церковныхъ представлять свои собственныя самостоятельныя требованія; — ближайшимъ образомъ хотя бы относительно брака. Пусть эти правила для однихъ покажутся очень широкими, для другихъ очень тѣсными, все-таки будетъ дѣломъ не противорѣчающимъ сущности евангелической церкви, если въ такихъ дѣлахъ, относительно которыхъ не всегда можно найти ясныя и прамыя заповѣди Божіи, индивидуальная совѣсть была бы подчинена авторитету какаго-нибудь общества, облеченнаго правомъ давать постановленія рѣшительныя. Мы увѣрены, что въ настоящее мгновеніе неотложною задачею церковнаго правительства становится сдѣлать необходимыя шаги къ этому».

...Последнія слова приведенной статьи довольно знаменательны. Имя, права индивидуальной совести, свобода человека от подчинения авторитету въ дѣлахъ касающихся вѣры, кромѣ авторитета Слова Божія, по совнанию протестантовъ становится чѣмъ то таиниъ, отъ чего пора отказаться, если не желательнѣе присутствовать на поминкахъ провозгласившей эту свободу общины.

Другой примѣръ. Право свободнаго избранія того или другаго вѣроисповѣданія должно бы по принципу протестантизма принадлежать къ числу священныхъ правъ человеческой личности. Но когда это право было провозглашено закономъ, вышло какъ то такъ, что недочетъ сталъ оказываться на сторонѣ протестантизма. Вслѣдствіе ли внутренней несостоятельности протестантизма, не дающаго полного удовлетворенія потребностямъ души человеческой, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ побочныхъ обстоятельствъ, только законъ относительно этого оказался болѣе на руку католикамъ, а для протестантской церкви сталъ сопровождаться ущербомъ. Не будучи въ состояніи обратить его въ свою пользу, не располагая и средствами достаточными для достиженія этой цѣли, протестантизмъ начинаетъ тяготиться этимъ закономъ и высказываетъ желаніе отказаться отъ этого права. Вотъ какія разсужденія касательно этого предмета дѣлаютъ сдѣять таже газета—Ev-huth. Kircheng: «Какъ иногда при видномъ уравненіи различныхъ исповѣданій въ отношеніи къ правамъ можетъ возникать на дѣлѣ великое неравенство между ними, это доказывается между прочимъ переходомъ въ римско-католическую церковь одного малолѣтняго протестанта. Наше законодательство гласитъ: «избраніе вѣроисповѣданія должно быть предоставлено свободному убѣжденію каждаго гражданина. Последній однакоже долженъ имѣть надлежащій возрастъ, который въ отношеніи къ этому дѣлу для обоихъ половъ опредѣляется гражданскимъ совершеннолѣтіемъ». Можно было бы думать, что по простѣйшимъ законамъ логики всякій, кто поступаетъ вопреки этому закону, является виновнымъ въ нарушеніи законовъ и соответственно этому долженъ быть привлекаемъ къ ответственности; равно также и государство, которому обязанъ этотъ законъ своимъ происхожденіемъ, должно заботиться о томъ, чтобы онъ былъ точно соблюдаемъ. Это однако не всегда бываетъ, и государственная власть иной разъ сама даетъ поводы къ тому,

чтобы ея постановленія были нарушаемы безъ малѣйшаго смущенія совѣсти, и хоти увѣрять, что она будетъ выражать свое порицаніе на подобныя нарушенія ея постановленій, но ни мало не думаетъ придавать какую-либо особую важность своимъ порицаніямъ. Такимъ образомъ выходитъ, что римско-католическіе духовные, ни мало не задумываясь, неразумныхъ еще дѣтей ставятъ въ дегматахъ своего вѣроисповѣданія и затѣмъ присоединяютъ къ своей церкви. Въ такихъ случаяхъ мы—евангелики должны сдѣлать показаніе; церковныя власти должны представить жалобу; окружная власть наслѣдуетъ основательнѣйшимъ образомъ случай и выражаетъ казенное порицаніе факту, будучи сама увѣрена въ томъ, что его порицаніе не имѣетъ никакого значенія, а римско-католическій священникъ съ усмѣшкою подчиняется этой пустой формальности и при первомъ же случаѣ спокойно повторяетъ свой проступокъ. Продолжая обсуждать практическія несообразности, могуція выходить изъ такого положенія дѣлъ, статья приходитъ къ слѣдующему заключенію: такое ненормальное положеніе, когда государственныя законы становятся смѣшныя, должно быть устранено. Еще прежде на генеральныхъ синодахъ высказываемо было желаніе, чтобы правительство считало дѣломъ важнымъ соблюденіе его законовъ и запретило бы привлекать къ религіозному обученію малолѣтнихъ членовъ другой церкви. Но подобное предположеніе было рѣшительно устранено. Въ такомъ разѣ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ совѣмъ вычеркнуть приведенный выше параграфъ. Онъ не имѣетъ никакого значенія и дѣйствительно является чѣмъ то ничтожнымъ. Ущербъ отъ такого положенія дѣлъ терпитъ одна только евангелическая церковь. Болѣе совѣстливый евангелическій священникъ не допуститъ ни одного малолѣтняго католика къ обученію въ евангелической вѣрѣ, ибо чувствуетъ на себѣ зарокъ законодательства, а обоюдныя выраженія закона не приносятъ никакого облегченія для его колеблющейся совѣсти. Для римско-католическаго же священника на оборотъ предписанія его церкви составляютъ нѣчто рѣшительное, передъ чѣмъ все прочее отодвигается на задній планъ, а эта церковь говорить ему, что онъ сдѣлаетъ доброе дѣло, если онъ какого-либо еретика, хотя бы онъ былъ въ возрастѣ невѣжливости, обратитъ въ вѣрѣ римской церкви. Вотъ почему мы считали бы за

лучше, если бы означенный законъ былъ всецѣмъ отмѣненъ; копають могилу закону, когда не хотятъ оградить соблюденію его священными и рѣшительными постановленіями. Нани генеральные синоды должны поэтому настаивать на отмѣненіи этого постановленія».

Хотя здѣсь протестантъ всю бѣду старается приписать бездѣйствію властей, но немногаго труда стоитъ замѣтить, что здѣсь слышится сознаніе своей внутренней несостоятельности, своей неспособности бороться съ сильнымъ соперникомъ на полѣ повидимому одинаково выгодномъ для обоихъ; это-то чувство и внушаетъ автору означенной статьи желаніе доретиться къ такому порядку дѣлъ, который представляется ему болѣе безопаснымъ въ интересахъ протестантской церкви; это уже похоже на бѣгство съ поля сраженія.

Тоже чувство страха за свою самостоятельность, тоже предчувствіе близкаго конца, пораженіе евангелическую церковь и по поводу того дѣйствія государства, о которомъ мы уже говорили, т.-е. по поводу измѣненія нѣкоторыхъ статей конституціи. Насколько это опасеніе было сильно, видно уже изъ того одного, что гласозъ за евангелическую церковь подаетъ не какое-либо частное лице, а оберкирхенратъ—одна изъ высшихъ инстанцій прусской церковной администраціи и притомъ съ жалобами своими обращается къ министру вѣроисповѣданій. Рѣшившись на такую смѣлость оберкирхенратъ старается облечь свою жалобу въ такую форму, которая бы не могла возбудить неудовольствія въ министръ, смягчаетъ и прикрываетъ свои опасенія обыкновенною въ такихъ случаяхъ общностію выраженій; тѣмъ не менѣе видно, что ему, какъ говорится, чувствуется «не по себѣ»; при предполагаемомъ измѣненіи статей конституціи онъ желаетъ выговорить какую-либо оговорку въ пользу евангелической церкви въ виду ея всегдашняго благонравія; въ противномъ случаѣ, по его мнѣнію, евангелическая церковь потеряетъ то почетное положеніе, которымъ пользовалась доселѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самое ея существованіе сдѣлается предметомъ вопроса. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, проговаривается нѣкоторое чувство зависти къ римско-католической церкви, которой нечего бояться подобныхъ мѣръ, и недовольство положеніемъ евангелической церкви, поставленной самими принципами своими на

необходимость испытывать непріятныя послѣдствія своего положенія.

Мы убѣждены,—говорить оберкирхенратъ въ своемъ письмѣ къ д-ру Фальку,—что предположенное измѣненіе въ конституціи, въ особенности отмѣненіе 15 статьи санкціонирующей самостоятельность церкви, не влечетъ за собою никакого измѣненія въ юридическомъ положеніи евангелической церкви, но только уничтожаетъ ту формальную неполноту въ конституціонномъ законѣ, которая при теперешнихъ столкновеніяхъ съ римско-католическою церковію могла для послѣдней служить опорой въ ея наденіяхъ на права государства. Мысль о самостоятельности самихъ церквей попрежнему удерживается и признается въ своей идеальной правильности, такъ что и послѣ, какъ и прежде, она должна служить директивомъ государственнаго законодательства; только не желалось бы видѣть ее поставленною въ той формѣ, которая дастъ возможность оборотить ее противъ принятыхъ законовъ государства. Этотъ мотивъ евангелическая церковь признаетъ вполне, такъ какъ она признаетъ богоданное призваніе государства дѣйствовать и въ нравственномъ мірѣ; значитъ она не ищетъ особенной причины сѣтовать на ту законодательную мѣру, которую государство задумало по этому поводу. Но мы позволяемъ себѣ указать на то, что не было ли возможности казись-вибудь другимъ болѣе точнымъ разграпиченіемъ удалить злоупотребленія, вводимыя теперешними параграфами конституціи, или отыскать другой путь, чтобы не дать возможности объ обѣихъ церквахъ судить одинаково и вмѣсто неизвѣстнаго нашему государству прежде *idem cuique* принять *suum cuique*. Конечно мы не думаемъ этимъ оспаривать законно принадлежащую государству возможность одному имѣть правильный взглядъ на это дѣло. Но мы считали своимъ долгомъ указать на то, что отмѣненіе означенныхъ параграфовъ конституціи болѣе затрагиваетъ евангелическую церковь, чѣмъ римско-католическую. Римская церковь свою самостоятельность въ правовой сферѣ основываетъ непосредственно на божественномъ законодательствѣ и поэтому въ 15 членѣ нашей конституціи видитъ только признаніе того, что имѣетъ значеніе независимо отъ него и *de jure* уже существуетъ въ силу внутренняго авторитета. Предположенное измѣненіе поэтому ее мало затрагиваетъ и не воспрещаетъ ей

отрицать государственное право законодательства. Если въ своей борьбѣ противъ государства она ссылагается на противорѣчіе, въ которомъ государство становится само съ собою, съ своею собственною конституціею, то и послѣ измѣненія въ конституціи для нея и на ея точкѣ зрѣнія остается несравненно сильнѣйшая и въ сферахъ послушныхъ божественному авторитету несравненно болѣе имѣющая значеніе ссылка на божественное происхожденіе ея правового строя и на божественно узаконенное въ немъ положеніе церкви. Совсѣмъ иное дѣло—евангелическая церковь. Она хоть тоже признаетъ самостоятельность церкви *принципально*, связаннымъ съ сущностію христіанской религіи и поэтому богоугоднымъ, но осуществленія этого принципа она ожидаетъ отъ *юридическаго строя* историческихъ народовъ. Значитъ, она не считаетъ эту самостоятельность церкви за дѣйствительное право, а состояніе ея противорѣчащее за не имѣющее значенія, предъ которымъ она преклоняется только изъ фактической необходимости. Своимъ правомъ въ этомъ отношеніи она считаетъ только то, что признано въ качествѣ права органомъ національнаго развитія правъ, государствомъ. Поэтому 15 статья конституціи для евангелической церкви имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для католической. Для нашей церкви, по ея особенному устройству, эта статья служитъ основаніемъ выгоды ея юридическаго положенія. Для государства это юридическое положеніе церкви могло бы послужить поводомъ къ недоразумѣніямъ въ томъ случаѣ, еслибы оно могло ожидать, что евангелическая церковь въ виду большаго развитія своего положенія рѣшилась на какія-либо дѣйствія враждебныя для мира и устройства государства. Но всякая возможность чего-либо подобнаго не приходитъ теперь и на умъ. Значеніе, приписываемое 15 статьѣ конституціи, должно быть особенно важно для евангелической мѣстной церкви Пруссіи, болѣе даже важно, чѣмъ для мѣстныхъ церквей въ другихъ государствахъ, въ конституціяхъ которыхъ находится подобное же обезпеченіе ихъ самостоятельности. 15 членъ конституціи имѣлъ для насъ значеніе освобожденія отъ всякаго основоположенія, прямо отрицающаго самостоятельность церкви. Изъ этого объясняется, съ одной стороны, та высокая важность, которую приписываютъ 15 статьѣ въ нашей мѣстной церкви, а съ другой стороны, то обстоятельство,

что начиная съ 15 годовъ, съ начала дѣйствій евангелическаго оберкирхенрата и до общиннаго и синодальнаго устройства въ 1873 году, всѣ шаги къ улучшенію церковнаго строя были предприняты съ точки зрѣнія этой статьи наиздальнѣе развитіе основоположенія, введеннаго со въ нашъ юридическій строй. Этого не было въ другихъ мѣстныхъ церквахъ, которыми были чужды юридически освященный территориальный Пруссія. Поэтому въ нашей мѣстной церкви укрѣпляется то мнѣніе, что *опаздывае откликненія 15 статьи болѣе не имеемъ значенія основанія ея самостоятельности* и построенныя на ней учрежденія потеряютъ юридическую почву; *это порождастъ отчаяніе за существованіе мѣстныхъ церквей.* Мы не преминули бы выступить предъ государственнымъ королевскимъ министерствомъ за сохраненіе 15 статьи, обеспечивающей почетное положеніе для нашей церкви, если бы мы были поставлены въ извѣстность о существованіи проекта нѣющаго цѣлю отиженія этой статьи, прежде чѣмъ этотъ проектъ представленъ былъ въ ландтагъ. Теперь же мы не скрываемъ отъ себя бесплодности подобнаго шага. Но мы считаемъ себя обязанными попорѣнше преслѣдовать представлять означенныя замѣчанія на усмотрѣніе королевскаго государственнаго министерства въ той надеждѣ, что они расположатъ членовъ его допустить примѣнительно къ намъ сохраненіе основоположенія, формально овященнаго 15 статью. Такое сохраненіе мы считаемъ необходимымъ для успокоенія умовъ въ виду тѣхъ движеній, которыя совершаются въ настоящее время въ мѣстной церкви по поводу предполагаемыхъ измѣненій въ конституціи.

На эти замѣчанія евангелическаго оберкирхенрата министръ духовныхъ дѣлъ отвѣчалъ слѣдующее: «Выраженная въ письмѣ евангелическаго оберкирхенрата мысль, что обсуждаемыя въ настоящее время отиженія 15 статьи конституціи положеніе евангелической церкви въ государствѣ фактически не претерпѣваетъ никакаго измѣненія, вполне отвѣчаетъ точкѣ зрѣнія, которую приняло государственное правительво при введеніи извѣстнаго законопроекта. Въ частности метионъ подлѣднато указано то обстоятельство, что означеннымъ законопроектмъ желалось открыть государствѣ свободный путь, на которомъ оно могло бы при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ защищать свои вер-

новые права противъ католическаго духовенства, угрожающаго его благосостоянію и руководимаго Римомъ. Съ этою цѣлю и предпринято устраненіе тѣхъ статей конституціи, которыя опредѣляютъ отношеніе между церковію и государствомъ въ положеніяхъ общихъ, допускающихъ перетолкованіе. Приобрѣтаемая чрезъ то законодательству свобода должна служить къ отраженію означенныхъ нападковъ со стороны католическаго духовенства. Въ отношеніи къ другимъ религіознымъ обществамъ, а особенно въ отношеніи къ евангелической церкви, — такъ говорится въ проектѣ, — подобнаго отраженія не требуется. Если собственный порядокъ ихъ дѣлъ юридически опредѣленъ, то они останутся при немъ; если же этого нѣтъ, то законодательство озабочится обезпечить неприкосновенность тѣхъ корпорацій, которыя признаютъ верховенство государства. Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ евангелическаго оберкуратора, когда онъ подовѣриваетъ намѣреніе чрезъ измѣненіе конституціи поколебать теперешнюю самостоятельность евангелической церкви или совсѣмъ подавить ее, какъ чуждый государственному законодательству директивъ. Подобнаго намѣренія не было у государственнаго законодательства. Теперешнія обсуждения въ ландтагѣ не дадутъ повода опасаться, чтобы съ отмѣненіемъ 15 статьи самостоятельность евангелической церкви болѣе не существовала, и чтобы потеряли свою юридическую почву учрежденія, основанныя на ней. По поводу известной рѣчи депутата Брюэля мною въ засѣданіи палаты депутатовъ 16 марта было ясно высказано, что юридическое положеніе евангелической церкви основывается вообще не на 15 статьѣ конституціи, но на государственныхъ церковныхъ *спеціальныхъ законахъ*, что отмѣненіе 15 ст. не имѣетъ цѣлю утвержденія всемогущества государства по отношенію къ внутреннимъ церковнымъ событіямъ. Эти замѣчанія служатъ выраженіемъ не просто моего личнаго мнѣнія, но они точно выражаютъ, какъ это видно и изъ словъ г. президента государственнаго министерства въ засѣданіи 16 апрѣля, точку зрѣнія правительства и находятся въ полномъ согласіи съ мнѣніемъ государственнаго министерства. Они не встрѣтили себѣ противорѣчій со стороны депутатовъ. Значитъ они въ полной мѣрѣ могутъ разсѣять тѣ опасенія, которыя высказаны въ письмѣ отъ 17 марта.

Вообще при настоящем положеніи церковныхъ дѣлъ, при виденіи унади протестантской церкви большую силу и значеніе приобретаетъ партія «унионистовъ», частіе говоря, партія «положительныхъ унионистовъ». Вотъ свиденія объ этой партіи, заимствуемыя нами изъ «Ev—huth. Kircheng.».

Положительные унионисты суть ближайшимъ образомъ сторонники униі. Это слово употребляется въ различныхъ смыслахъ; нѣтъ надобности опредѣлять каждый изъ нихъ, такъ какъ въ дѣйствительности подъ означеннымъ словомъ подразумеваютъ ту конкретную унию, которая имѣетъ силу въ Пруссіи. Въ отношеніи къ этой униі члены самой партіи стоятъ не всѣ одинаково и различаются между собою большою или меньшею степенью склонности къ ней; это зависитъ отъ разности основаній, которыя вліяли на учрежденіе прусской униі. Есть такіе, хотя и не въ большомъ числѣ, которые держатся догматическаго ученія реформатской церкви и въ качествѣ протестантъ и кальвинистовъ считаютъ себя обязанными стоять въ противоположности къ лютеранскому ученію. Другіе не принимаютъ какого-либо отдѣльнаго догмата, напримѣръ о присутствіи Христа въ таинствѣ Причащенія. Иные мечтаютъ какою-либо вѣншею связью сдѣлать евангеликовъ сильнѣе противъ нападковъ со стороны Рима и вѣррія. Иной разъ видятъ по прежнему въ униі только облегченіе, дающее реформатамъ, живущимъ среди лютеранъ, возможность принимать участіе въ ихъ богослуженныхъ дѣйствіяхъ, какъ это развилъ Шлейермахеръ и какъ это желалось Фридриху Вильгельму III. Такъ какъ вообще со времени перехода Иоганна Сигизмунда въ политикѣ Гогенцоллерновъ лежало покровительствовать униі, то прославленная привязанность нѣмецкаго народа къ своему царственному дому имѣла большее вліяніе на судьбу униі.

Между унионистами есть особая партія, которая носитъ наименованіе «положительныхъ унионистовъ». Положительность эта тоже очень разнообразна. Есть такіе, которые подписались бы безъ всякаго сомнѣнія подъ лютеранскимъ исповѣданіемъ во всей полнотѣ его содержанія, но они отчаяваются за лютеранскую церковь и смотрятъ на унию какъ на дѣло неизбежное, даже какъ на единственное средство споспѣшествованія церкви Христовой. Другіе твердо держатся только ученія о

тричности и о божествѣ Сына Божія. Иные довольствуются при-
 нятіемъ того ученія о божествѣ Господа, по которому Отецъ есть
 существо особаго рода, хотя и не истинный Богъ, рож-
 даемый отъ вѣчности Отцомъ. Они считаютъ себя отличающимися
 отъ членовъ протестантскаго союза, но опредѣленіе границъ
 здѣсь становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ бездѣлнѣе и неопредѣ-
 леннѣе самое ученіе. Наконецъ есть такіе положительные унио-
 нисты, положительность которыхъ не столько церковнаго, сколько
 политическаго характера. Это политическіе консервативы, не
 придающіе особаго значенія религіознымъ интересамъ. По сво-
 ему консерватизму они бываютъ противниками протестантскаго
 союза и ихъ положительность болышую частію не болѣе какъ
 отрицаніе отрицанія. Число положительныхъ унионистовъ не мало
 въ прусской мѣстной церкви и ихъ вліяніе значительно. Въ не-
 давнее время было высказано предположеніе о необходимости
 имъ слиться съ лютеранами; по этому теперь всего болѣе при-
 обрѣтаетъ важность попытка уяснить ихъ взаимное отношеніе
 и рѣшить вопросъ: чего лютеране должны ожидать отъ поло-
 жительныхъ унионистовъ и какъ они должны относиться другъ
 къ другу?

Доселѣ положительные унионисты, пользуясь содѣйствіемъ го-
 сударственныхъ властей въ церковно-правительственныхъ мѣро-
 пріятіяхъ, брали перевѣсъ надъ лютеранскою церковію. Не стоить
 въ подробности раскрывать то, какъ удалось имъ устранить и
 отнять значеніе у всѣхъ прежнихъ фактовъ, которые свидѣтель-
 ствовали о существованіи и силѣ лютеранской партіи. Достаточно
 сказать только то, что положительнымъ унионистамъ при помощи
 церковнаго правительства удалось довести лютеранъ до того,
 что они или исчезаютъ или по отношенію къ своимъ требова-
 ніямъ должны пользоваться очень неопредѣленными выраженіями.
 Если при этомъ нѣкоторымъ положительнымъ унионистамъ
 удастся добиться удаленія суперинтендентовъ и школьныхъ ин-
 спекторовъ остающихся вѣрными лютеранству, то они будутъ
 настаивать и на томъ, чтобы лютеране не смѣли пользоваться
 никакимъ средствомъ защищать открыто свое исповѣданіе. Какъ
 же должны вести себя лютеране въ виду того удара, который
 имъ угрожаетъ? Внѣшними средствами они не владѣютъ, по-
 мощи отъ-внѣ они не могутъ ожидать. Въ нихъ раскоряченіи

остается только одно средство — слово. Лютеране и восточных церквей именно теперь, когда их къ тому вынуждают положительныя унионисты, должны съ рѣшительностію стоять за то, изъ-за чего они и хлопочуть, доказать, что они придаютъ великую важность своимъ требованіямъ. Къ числу тѣхъ предметовъ, которые лютеране должны всячески отстаивать, относятся: во-первыхъ самое наименованіе «лютеранское общество». Попытки замѣнить это наименованіе какимъ-либо другимъ, болѣе общимъ, обязывающимъ въ себя многія другія исповѣданія, производятъ не то, что люди принявшіе такое наименованіе становятся способны суждать другъ о другѣ снисходительнѣе и безпристрастнѣе, а причиняетъ ту запутанность, при которой не распознаешь друзей и единомысленныхъ людей. Далѣе: лютеране никогда не могутъ отказаться отъ желанія быть членами лютеранской церкви. Нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ могутъ еще дозволить носить наименованіе лютеранъ, а отъ всего ихъ общества потребуютъ, чтобы оно вошло въ составъ мѣстной церкви принявшей унию (unigte). Но такая уступка мало даетъ пользы: она не можетъ предохранить отъ дальнѣйшаго процесса разложенія; по этому за обществомъ такихъ людей должно быть сохранено наименованіе лютеранской церкви. Но дѣло не въ имени только. Имя хотя и обозначаетъ общество тѣхъ, которые держатся лютеранскаго исповѣданія, но необходимо изъ этого выводить и соответствующія заключенія. Для своихъ внутреннихъ явленій лютеранская церковь должна имѣть такое управленіе, которое было бы подчинено лютеранскому исповѣданію. Вопросъ о томъ, можетъ ли завѣтная церковь находиться подъ управленіемъ церковной власти иного исповѣданія становится просто вопросомъ о бытіи, какъ это и показала недавняя дѣятельность оберкирхенрата. И лучшіе члены церковнаго управленія, принадлежащіе къ другому исповѣданію, будучи справедливыми и добросовѣстными во внѣшнихъ дѣлахъ, при обсужденіи внутреннихъ явленій не столько оказываютъ содѣйствіе, сколько помѣху.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ считаемъ не лишнимъ сообщить свѣденія объ одномъ литературномъ явленіи, обратившемъ на себя вниманіе въ Германіи. Это — книга д-ра Гесседа, носящая такое заглавіе: «Государство и церковь въ нѣмцѣ».

женіяхъ, исторически развивавшихся. Изображеніе историческаго развитія отношеній между церковью и государствомъ становится дѣломъ не только въ высшей степени современнымъ, но въ извѣстной степени неизбѣжнымъ при настоящемъ положеніи церковныхъ дѣлъ въ Германіи. Не ограничиваясь тѣмъ, что представляетъ исторія относительно этого вопроса, авторъ представилъ попытку произнести сужденіе съ научной точки зрѣнія о текущихъ событіяхъ церковной жизни. Это и было причиною того общаго вниманія, съ которымъ встрѣчено было появленіе этой книги въ Германіи. Книга отличается многими достоинствами, справедливо доставившими ей общее вниманіе; предметомъ своего разсмотрѣнія она дѣлаетъ одинаково какъ евангелическую такъ и римско-католическую церковь, говоритъ о вліяніи на отношеніе между церковью и государствомъ различныхъ философскихъ системъ она не оставляетъ безъ вниманія и живыхъ реальныхъ силъ церковной жизни, касается даже аналогическихъ отношеній во вѣтъ—германскихъ европейскихъ государствахъ и Соединенныхъ Штатахъ, равно какъ и политической исторіи послѣднихъ лѣтъ; при этомъ авторъ употребилъ въ дѣло и свою прежнюю дипломатическую дѣятельность. Онъ пользовался даже многими доселѣ не вполне извѣстными источниками, напримѣръ указами Фридриха Вильгельма IV отъ 1845 г. Точка зрѣнія автора есть точка зрѣнія положительнаго посредствующаго богословія, политическаго либерализма и преданности государству, но отгѣняемая тою рѣдкою свободою въ сужденіяхъ, которая и послужила поводомъ къ нападеніямъ на автора со всѣхъ сторонъ, со стороны официальной и ультрамонтанской, со стороны старокатоликовъ и членовъ протестантскаго союза. Отношеніе между христіанскою церковью и государствомъ онъ опредѣляетъ на основаніи Писанія въ существѣ дѣла почти также, какъ и его юридическій коллега, извѣстный проф. Зомъ, который это отношеніе опредѣлялъ исходя изъ понятій о церкви и государствѣ. Церковь есть духовное, а не государственное учрежденіе; государство не должно стѣснять самоуправленія церкви, а только его ограничивать, не вступая при этомъ въ противорѣчіе съ немецкими интересами, охранителемъ которыхъ оно должно быть; въ нравственномъ отношеніи церковь—учрежденіе равносильное

государству, въ юридическомъ—подчиненное ему. Представляется по этому интереснымъ то, что говорится въ книгѣ, провѣннутой такими началами, о настоящей борьбѣ. Если при этомъ и не все въ ней встрѣтитъ наше одобреніе, оно заслуживаетъ все-таки нашего наибольшаго вниманія, такъ какъ адѣосъ мы въ первый разъ встрѣчаемъ попытку высказать сужденіе о законодательной дѣятельности правительства, сужденіе чуждое предзанятыхъ мыслей и основанное на законахъ, что къ сожалѣнію доселѣ встрѣчалось нечасто. Конституція 18-го іюля 1870 года, разсуждаетъ проф. Геекенъ, формально дало государству право подвергнуть пересмотру свои отношенія къ римско-католической церкви. Рѣшимость взяться за эту задачу требовала особой осмотрительности, такъ какъ ею условливалась особая система не только вообще для правительства, но и специально для тѣхъ государственныхъ людей, на долю которыхъ вышло руководить дѣломъ. Особенно эта осмотрительность требовалась тогда, когда извѣстный пунктъ прусскаго уложенія, послужившій началомъ всей бѣды, нужно было точнѣе опредѣлить въ такомъ смыслѣ, чтобы органическіе законы, признавая свободу во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, все-таки предоставляли высшія права государству. По настоящему слѣдовало бы матеріалъ этихъ законовъ распредѣлить такимъ образомъ, чтобы въ какомъ-либо общемъ интерконфессіональномъ религіозномъ законѣ твердо поставлены были тѣ основоположенія, которыя бы государство должно было равномерно прилагать ко всемъ религіознымъ обществамъ, а въ двухъ специальныхъ законахъ упорядочить бы юридическія отношенія двухъ великихъ церквей. Но вмѣсто того, чтобы слѣдовать такой оборонительной политикѣ, прусское правительство ударилось въ политику критиконеній противъ римско-католической церкви, и не ставши твердою ногою съ начала на опредѣленномъ планѣ связало другъ съ другомъ и правильныя и ложныя мѣропріятія. Правильнымъ авторъ считаетъ закрытіе католическаго отдѣленія при министерствѣ исповѣданій, сомнительнымъ—параграфъ о проповѣди, рѣшительно негоднымъ—положеніе, принятое относительно старокатоликовъ. Противъ майскихъ законовъ она дѣлаетъ двойное возраженіе; вопервыхъ, что они равномерно относятся и къ евангелической и къ католической церкви, вовторыхъ, что они совер-

швенно сѣтъали двѣ отдѣльныя сферы—государственную и церковную. Законъ касательно церковныхъ наказаній онъ считаетъ превышеніемъ власти со стороны государства, а также и законъ, приписывающій верховному церковному суду право рѣшенія въ догматическихъ вопросахъ. Что законъ объ образованіи и назначеніи духовныхъ лицъ облагаетъ наказаніемъ даже чисто-духовныя дѣйствія — это считаетъ онъ дѣломъ въ высшей степени сомнительнымъ. Достаточно было бы, еслибы государство отняло гражданское значеніе у распорженій такихъ духовныхъ лицъ, а ихъ самихъ лишило бы права пользоваться всѣми общественными правами и преимуществами, соединенными съ извѣстною должностію. Много и другихъ возраженій дѣлаетъ авторъ противъ упомянутыхъ законовъ, равно какъ и противъ законовъ, изданныхъ въ нынѣшнемъ году. Всѣ свои разсужденія онъ сводитъ къ тому результату, что все законодательство считается бездѣйственнымъ, а избранный путь немогущимъ привести къ дѣлу. Окончательный же выводъ онъ дѣлаетъ слѣдующій: «Несмотря на все сіе ультрамонтанизмъ въ этой борьбѣ не можетъ побѣдить и не побѣдитъ; о какомъ-либо поворотѣ къ прежнему *status quo* не можетъ быть и рѣчи, ибо это было бы ложью; нельзя ставить вопроса и о какомъ-либо соглашеніи съ тою силою, глава которой не стыдится объявлять ничтожными государственныя законы; время конкордатовъ прошло; государство, взявшееся за трудъ заново опредѣлить свои отношенія къ церкви, можетъ указывать только такія границы, которыя не мѣшаютъ его развитію. Все сводится къ тому, что оно одно можетъ указать истинную мѣру; если правительство откажется отъ ложнаго принципа майскихъ законовъ и ограничится твердымъ охраненіемъ высшихъ правъ государства, то клиръ фактически долженъ будетъ покориться, ибо онъ не будетъ имѣть подъ собою католическаго народа. Подобный шагъ для правительства столь же мало былъ бы пораженіемъ, какъ еслибы напримѣръ полководецъ оставилъ атаку, которую не можетъ поддержать, и перешелъ бы въ оборонительное положеніе, при которомъ его нельзя разбить».

Свящ. М. Воздвиженскій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ОСЬМАЯ ГОДОВЩИНА

ЦЕРКОВНАГО БРАТСТВА ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ И ПРЕПОДОВНОЙ КНЯЖНЫ ЕВФРОСИНИИ ВЪ Г. ПОЛОЦКѢ.

25 мая, въ недѣлю св. отецъ, церковное братство во имя святителя Николая и препод. княжны Евфросини въ г. Полоцкѣ праздновало осьмую годовщину своего существованія и, по случаю прибытія въ г. Полоцкѣ его преосвященства, преосвященнѣйшаго Викторина, епископа Полоцкаго и Витебскаго, праздновало съ особою торжественностію.

Наканунѣ праздника въ субботу, въ 4 часа пополудни, въ соборной Николаевской церкви отслужена протоіереемъ Ѡ. И. Иванецкимъ съ законоучителемъ Полоцкой военной гимназіи протоіереемъ А. М. Добрадинимъ и священникомъ Д. В. Акимовымъ панихида по усопшихъ членахъ братства и ихъ сродникахъ, записанныхъ въ Синодикъ братскій. Въ 6½ часовъ вечера начато всенощное бдѣніе и отправлено съ прибавленіемъ поученія въ честь святит. Николая и препод. княжны Евфросини: на величаніе выходилъ его преосвященство, преосвященнѣйшій Викторинъ, почетный попечитель братства, съ настоятелемъ Богоявленскаго монастыря, архимандритомъ Григоріемъ, съ вышеозначенными священнослужителями, съ ключаремъ Витебскаго кафедральнаго собора свящ. В. Т. Кудрявцевымъ, законоучителемъ Полоцкой учительской семинаріи свящ. М. П. Высоцкимъ и благочиннымъ свящ. А. А. Кватковскимъ.

Въ самый день праздника божественная литургія начата въ 10 часовъ утра и отправлена его преосвященствомъ съ тѣми же священнослужителями, и еще благочиннымъ г. Динабурга свящ. Влад. І. Щербочимъ, настоятелемъ Борисо-Глѣбскаго монастыря іеромонахомъ Амвросіемъ и казначеемъ Богоявленскаго монастыря іеромонахомъ Филаретомъ при собраніи воспитанниковъ учебныхъ заведеній г. Полоцка (Военной гимназіи, духовнаго училища и учительской семинаріи) и множества народа (православнаго и иновѣрнаго); во время литургіи послѣ ступбой ектеніи возглашена ектенія о упокоеніи душъ усопшихъ членовъ братства съ ихъ сродниками; по окончаніи литургіи предъ молебнымъ пѣніемъ преосвященнѣйшимъ архиепископомъ сказано весьма приличное случаю слово о благотворныхъ для семейной и общественной жизни

плодахъ мира изъ текста: *Отче святыи, соблюди иже во имя Твое, ижеже далъ еси мнѣ, да будутъ едины, якоже и мѣ-лоам.* 17, 11; тотомъ совершенно молебное пѣніе святителю Николаю и препод. княжѣ Евфросиніи о здравіи и спасеніи членовъ братства съ возглашеніемъ многолѣтій: а) Государю Императору и всему царствующему дому, б) св. Синоду и преосвященнѣйшему Викторину, еп. Полоцкому и Витебскому, съ богохранимою его паствою, и в) всему освященному причту, братіи св. храма, православнымъ христіанамъ, ревнующимъ о благѣ вѣры и св. церкви и всѣмъ жителямъ города. Во время всенощнаго бдѣнія и литургіи пѣли на правомъ клиросѣ пѣвчіе его преосвященства, а на хорахъ воспитанники военной гимназіи.

По окончаніи молебнаго пѣнія въ 1¼ часа пополудни, его преосвященство въ предшествіи сослужащихъ, изъ конхъ одинъ (свящ. Дм. Акимовъ) несъ братскую икону, и въ сопровожденіи членовъ братства при пѣніи тропарей Вознесенію Господню и небеснымъ покровителямъ братства, со славою шествовалъ въ квартиру г. директора военной гимназіи. Съ его преосвященствомъ, почетнымъ попечителемъ братства, явились въ ту же квартиру: 11 членовъ совѣта, 1 почетный членъ, 12 брачичковъ и 6 новыхъ лицъ, которыя пожелали вступить въ число членовъ братства: свящ. Василій Тихоновичъ Кудравцевъ, ключарь кафедральнаго собора въ г. Витебскѣ, свящ. Владиміръ Іоанновичъ Щербовъ, благочинный церквей г. Динабурга, іеромонахъ Амвросій, настоятель Борисо-Глѣбскаго монастыря, священ. соборной Николаевской церкви въ г. Полоцкѣ Дмитрій Васильевичъ Акимовъ, Иванъ Петровичъ Зубковскій, младшій врачъ военной гимназіи и мировой посредникъ Динабургскаго уѣзда Сергій Ивановичъ Приѣзжевъ; всего собралось 31. По входѣ въ квартиру пропѣты стихиры „Днесь благодать Св. Духа на събра“... и тропари св. покровителямъ братства; послѣ небольшого отдыха, во время котораго гостепріимный хозяинъ квартиры предложилъ явившимся на братское торжество чай и завтракъ; председателемъ совѣта прочитанъ отчетъ о состояніи братства за осьмой годъ существованія братства. По прочтеніи отчета, его преосвященство, выразивъ предъ собраніемъ свое удовольствіе по поводу изложеннаго въ отчетѣ, пожелалъ дальнѣйшихъ успѣховъ братству и преподавалъ святительское благословеніе на новый годъ дѣятельности.

Засѣданіе продолжалось съ 2 до 3¼ часовъ пополудни. По прочтеніи отчета рѣшены собраніемъ вопросы о распредѣленіи остаточной суммы на дѣло народнаго образованія и о пособіи воссоединеннымъ униатамъ Холмской епархіи.

По поводу перваго вопроса, когда однимъ членомъ собранія (А. В. В.) выражено недоумѣніе, почему остаточная сумма (1244 р.) отдается не вся сполна на стипендіатовъ учительской семинаріи, какъ требуетъ того

назначеніе ея на дѣло народнаго образованія,—выяснено, что а) братство, въ случаѣ согласія на изложенное въ отчетѣ предположеніе совѣта, будетъ имѣть на слѣдующее трехлѣтіе въ учительской семинаріи 12 стипендіатовъ: девять на пособіе изъ суммъ св. Синода, одного на проценты съ основнаго капитала и двухъ на остаточную сумму, слѣдовательно больше, чѣмъ вдвое противъ прежняго числа, назначеннаго первоначально (при учрежденіи учительской семинаріи въ 1871 году); б) помогая учительской семинаріи, оно не можетъ отказать въ пособіи народнымъ школамъ, какова напримѣръ существующая въ г. Полоцкѣ желская безплатная школа; в) представляя общему собранію предположеніе объ отчисленіи 380 р. на крайнія нужды полоцкихъ духовныхъ училищъ—мужскаго (280 р.) и женскаго (50 р.), совѣтъ рѣшился сдѣлать такое представленіе первый разъ въ восемь лѣтъ существованія братства вслѣдствіе прямаго заявленія о нуждахъ сихъ училищъ, отнюдь не вопреки уставу братства (§ 3) и ни мало не отступая отъ главной цѣли, предположенной братствомъ (§ 2), но старалась напротивъ содѣйствовать достиженію этой цѣли, такъ какъ помогая духовному училищу въ образованіи дѣтей, готовящихся на служеніе церкви, братство тѣмъ самымъ не можетъ не располагать духовенство Полоцкой епархіи къ большому сочувствію и содѣйствію братству въ его дѣятельности на пользу православія. Когда же другой членъ собранія (П. П. Г.) заявилъ, что сумму, назначенную совѣтомъ въ духовное училище, не лучше ли отправить въ распоряженіе училищнаго начальства, не стѣсняя его опредѣленнымъ назначеніемъ—выдавать пособіе въ теченіе четырехъ лѣтъ *одному* воспитаннику; то одинъ изъ членовъ совѣта (Н. К. К.) пояснилъ, что если совѣтъ дѣлаетъ такое назначеніе, то по указанію самаго училищнаго начальства. Его преосвященство, желая помочь собранію въ рѣшеніи вопроса, изволилъ сообщить, что духовенство епархіи, держа на свои средства дѣтей въ училищѣ, имѣетъ для сиротъ и бѣдныхъ 19 вакансій въ томъ же училищѣ, и слѣдовательно какой-нибудь бѣдный, но способный мальчикъ всегда можетъ получить пособіе къ содержанію, между тѣмъ училищное начальство, не стѣсняемое братствомъ въ распредѣленіи назначаемыхъ денегъ, могло бы употребить оныя съ большею пользою по своему усмотрѣнію, напр. могло бы вмѣсто одного дать пособіе двумъ бѣднымъ, такъ какъ полупансіонеръ училища можетъ вносить за свое содержаніе 30 р. Тогда собранію предложенъ былъ вопросъ: чего бы желало оно, отпуская ежегодно по 70 р. въ теченіе четырехъ лѣтъ на нужды духовнаго училища, того ли, чтобы содержался на это пособіе одинъ бѣдный, по лучшей воспитанникъ, какъ предполагаетъ совѣтъ, или предоставить это усмотрѣнію училищнаго правленія, которое, смотря по нуждамъ, можетъ назначать ассигнуемое пособіе и не одному воспитаннику? Рѣшая вопросъ закрытою баллотировкою, собраніе боль-

шинствомъ голосовъ (18 противъ 13) приняло послѣднее предложеніе, присовокупивъ, чтобы училищное правленіе во всякомъ случаѣ уведомляло совѣтъ братства, кому именно и въ какомъ размѣрѣ оно окажетъ пособіе изъ братскихъ суммъ. Такимъ образомъ предположеніе совѣта собраніемъ утверждено въ слѣд. видѣ: а) остаточную сумму раздѣливъ приблизительно на четыре части, двѣ изъ нихъ (600 р.) съ присовокупленіемъ будущихъ процентовъ съ основнаго капитала (300 р.) употребить на стипендіи въ Полоцкой учительской семинаріи, каковыхъ въ слѣдующее трехлѣтіе имѣть быть три; б) 330 р. для оказанія пособія нуждающимся препроводить въ духовныя училища: 50 р. одновременно въ женское и 280 р. въ теченіи четырехъ лѣтъ въ мужское ежегодно по 70 р., предоставляя распределеніе оныхъ на одного или двухъ бѣдныхъ, но лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, учениковъ благоусмотрѣнію правленія училища, съ тѣмъ однако, чтобы братству даваемо былъ отчетъ въ сихъ деньгахъ; в) послѣднюю часть оставить въ распоряженіи совѣта для расходовъ по дѣлу народнаго образованія въ начальныхъ школахъ.

Предложеніе о пособіи воссоединеннымъ греко-уніатамъ холмской епархіи принято съ сочувствіемъ; но какъ наличныя средства братства очень ограниченны, то собраніе не рѣшилось касаться этихъ средствъ, но выразило готовность сдѣлать съ своей стороны пожертвованіе по мѣрѣ силъ: почему г. дѣлопроизводителемъ Н. О. Уверскимъ поднесены листъ, на коемъ записано и немедленно внесено пожертвованій на 50 р.

Въ заключеніе засѣданія тѣмъ же дѣлопроизводителемъ предложена членамъ братства книга для записанія пожертвованій на слѣдующій девятый годъ, согласно § 13 братскаго устава: денежныхъ пожертвованій отъ 35 лицъ (въ томъ числѣ отъ 3-хъ отсутствовавшихъ и одного не принадлежащаго къ составу братства) записано находящимися въ собраніи на сумму 192 р., изъ числа коихъ 111 р. уплачены тутъ же въ собраніи.

О Т Ч Е Т Ъ

СОВѢТА О СОСТОЯНІИ ПОЛОЦКАГО ЦЕРКОВНАГО БРАТСТВА ЗА ОСЬМОЙ ГОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ, СЪ 26 МАЯ 1874 ГОДА ПО 25 МАЯ 1875 ГОДА.

Въ прошломъ году, по окончаніи перваго семилѣтія, полоцкое церковное братство состояло изъ 138 членовъ. Въ составъ его входили: 1) почетный попечитель братства, 12 членовъ совѣта, 10 членовъ учредителей, 63 почетныхъ члена и 52 братчика. Денегъ въ томъ же году

въ кассу братства поступило 1667 р. 23 к., что съ остаткомъ отъ предшествовавшаго года (3343 р. 28¹/₂ к.) сдѣлало 5010 р. 51¹/₂ к. За исключеніемъ 1591 р. 49 коп., употребленныхъ въ расходъ, къ началу сего года оставалось 3419 р. 2¹/₂ к. Въ томъ числѣ было:

- а) Основнаго капитала 2042 р. 93 к.
- б) На дѣло народнаго образованія 1177 „ 88¹/₂ „
- в) На благотворительность 118 „ 36 „
- г) На благодѣіе церквей и прочіе расходы 84 „ 84¹/₂ „

Въ настоящемъ году изъ вышеозначеннаго числа членовъ выбыло 5: переселились въ вѣчныя обители—1 учредитель братства Антопъ Степановичъ Клодницкій (въ мартѣ); 3 почетныхъ члена: высокопреосвященнѣйшій Наеанандъ, архіепископъ черниговскій (4 марта), Михаилъ Васильевичъ Бондыревъ, предводитель полоцкаго дворянства (23 іюля), и достойный особенно—благодарной памяти братства Василій Алексѣевичъ Лавровъ, директоръ хозяйственнаго управленія при святѣйшемъ Синодѣ (27 января); и 1 братчикъ протоіерей Димитрій Т. Ареевъ (25 ноября). За выбитіемъ на кафедрѣ харьковской епархіи почетнаго попечителя братства преосвященнѣйшаго Саввы, котораго архипастырскому вниманію, благословенію и дѣятельному сочувствію братство обязано открытіемъ и преуспѣваніемъ въ своей скромной дѣятельности въ теченіе минувшаго семилѣтія и который, оставляя г. Полоцкъ 6 января текущаго года, изъявилъ готовность содѣйствовать успѣхамъ братства и на новомъ мѣстѣ своего архипастырскаго служенія въ званіи *почетнаго члена* братства, — званіе почетнаго попечителя братства благоволилъ принять преемникъ его преосвященства, преосвященнѣйшій Викторія, милостивый нашъ архипастырь, на приглашеніи совѣта отъ 20 февраля положивъ слѣдующую архипастырскую резолюцію (отъ 12 марта). «На братство, учредившееся съ столь святыми цѣлями, призываю благословеніе Божіе и, принимая званіе попечителя его, выражаю готовность зависящамн отъ меня средствами споспѣшествовать благой его дѣятельности». И такъ къ началу новаго года личный составъ братства представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1 почетный попечитель, 12 членовъ совѣта, 9 членовъ учредителей, 61 почетный членъ и 51 братчикъ,—всего 134.

Денежныхъ приношеній въ отчетномъ году поступило въ братскую кассу 2192 р. 32 к.; въ томъ числѣ.

І. Вообще на потребности братства:

- 1) Отъ 12 членовъ совѣта 68 р. к.
- 2) Отъ 2 членовъ — учредителей 10 „
- 3) Отъ почетныхъ попечителя и 21 члена 223 „
- 4) Отъ 31 братчика 167 „

5) По сборной книжкѣ	5 р.
6) Высыпано изъ братской кружки	39 „ 12 к.
Итого	512 р. 12 к. ¹⁾

II. Съ опредѣленнымъ назначеніемъ:

7) На дѣло народнаго образованія	1175 р. 20 к.
8) На благотворительность	505 „ — „
Итого	1680 р. 20 к.

Пожертванія съ опредѣленнымъ назначеніемъ поступили: а) на дѣло народнаго образованія: изъ хозяйств. управленія при свят. Синодѣ, на основаніи опредѣленія св. Синода отъ 20 сентября (7 октября) 1872 года, на содержаніе девяти стипендіатовъ въ Полоцкой учительской семинаріи 900 р. и на основаніи опредѣленія 21 февраля (5 апрѣля) прошлаго года единовременнаго пособія 248 р. 20 к., всего 1148 руб. 20 к.; отъ Н. А. Майера 12 р., отъ М. Е. В.—съ 5 р. и отъ № въ пособіе къ содержанію сироты А. Тарасевичъ въ женской гимназіи 10 р. б) на благотворительность вообще: отъ А. Н. Гертовой 10 р., отъ посьтителей музыкальной репетиціи 37 р. и отъ 42 лицъ служащихъ при гимназіи, взаимнѣ визитовъ Новаго года и св. Пасхи 92 р. (переданы Э. Р. Блюменталемъ, инспекторомъ классовъ П. В. гимназіи); отъ № на пособіе мѣщанкѣ Матренѣ Кузьмидкой 21 р., на погребеніе умершей передано В. В. Савакевичемъ) 2 р. и отъ П. И. Постольскаго въ пользу бѣдныхъ Жиглевичевой и Филькевичевой 10 р.; на пособіе къ содержанію призрѣваемыхъ въ Полоцкой богадѣльнѣ отъ 12 постоянныхъ жертвователей 273 р. ²⁾, отъ Э. Р. Блюментала (по иску его взыскано Полоцкимъ мировымъ судомъ) 10 р. и отъ Полоцкаго Городскаго Общества 50 руб. Приношеній на общія потребности въ отчетномъ году меньше прошлаго года на 97 рублей; высыпано изъ братской кружки меньше на 13 руб. безъ сомнѣнія потому, что съ передачею холодной Николаевской церкви въ вѣдѣніе соборнаго причта многіе изъ прихожанъ военно-гимназической церкви находятъ для себя удобнѣйшимъ посѣщать соборную, а не свою церковь.

III. Къ началу осьмаго года оставалось 2565 р. 61½ к. процентными бумагами съ находящимися при нихъ купонами: между этими бумагами, приобретенными совѣтомъ въ разное время, значились: 2 билета 2 внутрен. 5% съ выигрышами займа (по 100 р.), 11 билетовъ 5% государств. банка, въ томъ числѣ 1 билетъ въ 1000 р., два по 150 руб. и остальные 8 по 100 р., одно выкупное свидѣтельство 5½% ренты (въ 300 р.), которое должно быть замѣнено другимъ, на основаніи прави-

¹⁾ Приложение № 1.

²⁾ Приложение № 2.

тельств. распоряженія, всего на сумму 2600 р. Проценто́въ съ этой суммы за отчетный годъ слѣдуетъ получить 131 р. 50 к., которые съ купонами прошлаго времени (154 р. 87½ к.) составить 286 р. 37½ к.

Такимъ образомъ въ отчетномъ году братство имѣетъ 2323 р. 82 к., что съ остаточными отъ прошедшаго года составить 5742 р. 84¼ к. Если къ этому присовокупить, что въ тоже время поступило въ братство отъ почетнаго члена протоіерея Н. Д. Думитрашко, 100 экз. брошюры его „о праздникахъ и постахъ православной церкви“: то этии опредѣлится все количество пожертвованій въ отчетномъ году.

Изъ 131 р. 50 к. проценто́въ должны поступить 100 р. на содержаніе стипендіата въ учительской семинаріи согласно опредѣленію общаго собранія члено́въ минувшаго года и 31 рубль 50 к. въ основной капиталъ по силѣ § 15 устава вмѣстѣ съ 51 р. 21 к.—10% съ суммы, пожертвованной на общія потребности, какъ требуетъ § 14 того же устава братства; слѣдовательно всего 82 р. 71 к.; затѣмъ (307 р. 26 к. + 1175 р. 20 к.) 1482 р. 46 к. слѣдуетъ на дѣло народнаго образованія (76 р. 82½ к. + 506 р.) 581 р. 82½ к. на благотворительность и 76 р. 82½ к. на благолѣпіе церквей и прочіе расходы. Если взять остаточную сумму прошлаго года, то денежныя средства братства должны распредѣлиться такъ:

а) Основнаго капитала	2125 р. 64 к.
б) На дѣло народнаго образованія и, въ томъ числѣ, на стипендіатовъ	2760 „ 34¼ „
в) На благотворительность.	695 „ 18¼ „
г) На благолѣпіе церквей и прочіе расходы.	161 „ 67¼ „

Изъ вышеозначенныхъ денегъ въ отчетномъ году издержано:

1) На дѣло народнаго образованія 1516 рублей. Изъ этого числа:

а) выдано пособія ученику Полоцкаго духовнаго училища Николою Поливину 6 руб., и обучающейся въ Витебской женской гимназіи сиротѣ Аннѣ Тарасевичъ 10 р. Поливинъ—мальчикъ 10 лѣтъ, сынъ безмѣстнаго чиновника, не имѣющій никакихъ средствъ къ образованію, такъ какъ отецъ его, года два тому назадъ забравъ въ домъ всѣ сколько-нибудь дѣнные вещи, куда-то скрылся, а мать, не имѣющая у себя никого, кромѣ бѣднаго и престарѣлаго отца, 80-лѣтняго діакона, живетъ лишь грудями рукъ своихъ въ г. Полоцкѣ; какъ сынъ отца гражданскаго вѣдомства, онъ не имѣетъ правъ на пособіе изъ суммъ епархіальнаго вѣдомства; однако, при вступленіи въ истекающемъ учебномъ году въ училище, по бѣдности уволенъ правленіемъ онаго, вслѣдствіе предложенія преосвященнѣйшаго Саввы, бывшаго архипастыря Полоцкой епархіи, отъ обязательной платы за слушаніе уроковъ; по милости настоянниковъ того же училища до Пасхи имѣлъ пріютъ съ своею матерью въ флигелѣ ихъ квартиры; но всѣми такого рода льготами далеко не обез-

печень въ своихъ потребностяхъ: поэтому совѣтъ призналъ необходимымъ и по состоянію братскихъ средствъ возможнымъ назначить этому мальчику, который по свидѣтельству училищнаго начальства ведетъ себя скромно и учится хорошо, пособие въ 20 рублей на текущій годъ, чтобы онъ могъ продолжать начатое ученіе, и съ апрѣля выдать изъ ассигнованной суммы 6 р. Сирота Анна Тарасевичъ есть дочь того Тарасевича, бухгалтера Полоцкой городской больницы, который скончался въ прошедшемъ году, оставивъ 6 малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію и воспитанію, и котораго сиротствующему семейству начало помогать братство уже въ прошедшемъ году: по милосердію одной благотворительной особы, принадлежащей къ составу братства, Анна Тарасевичъ, какъ старшая между сиротами, опредѣлена въ Витебскую женскую гимназію. Совѣтъ въ этомъ случаѣ подалъ руку помощи помянутой особѣ тѣмъ охотнѣе, что получилъ на этотъ именно предметъ денежное пособие отъ неизвѣстнаго.

б) Болѣе значительное пособие оказано бесплатной женской школѣ въ г. Полоцкѣ въ дополненіе къ тѣмъ средствамъ, которыя получаетъ она изъ другихъ источниковъ. Существова 15 годъ со времени открытія, школа и въ настоящемъ году помѣщалась въ домѣ купца Эпштейна съ платою за свое помѣщеніе 240 р., имѣла 53 ученицы (въ томъ числѣ 49 православныхъ 2 р. католички и 3 еврейки), принадлежащая къ городскому сословію, 7—14 лѣтъ, и соотвѣтственно умственному развитію раздѣлялась на два отдѣленія; руководителями въ школѣ были: завѣдующая оною, А. Ф. Екимова, съ своею помощницею—дѣвницею Домникой Шантаровичъ и членъ совѣта—свящ. М. П. Высоцкій; въ послѣднее время стали посѣщать школу братчикъ Д. М. Банько, учитель пѣнія въ учительской семинаріи, и—дочь полоцкаго судебнаго слѣдователя дѣвица Анна Слюзъ. Подъ руководствомъ ихъ, ученицы по примѣру прошлаго года, согласно утвержденной начальствомъ округа программѣ, усвоили рассказы изъ Св. Исторіи В. и Н. Завѣта и простѣйшія понятія изъ катихизиса, познакомились съ важностью и значеніемъ праздникоу, также съ элементарными понятіями по русскому и славянскому языку, по ариметикѣ, географіи и русской исторіи, упражнялись въ правописаніи и чистописаніи и занимались рукодѣльемъ—учились шить и жѣтить бѣлье и вязать чулки. На покрытіе расходовъ по помѣщенію и отопленію школы съ необходимыми при томъ починками и поправками, по найму помощницы и прислуги, по приобрѣтенію учебныхъ пособій совѣтъ съ своей стороны ассигновалъ, согласно просьбѣ А. Ф. Екимовой (отъ 16 января) сто рублей и препроводилъ въ школу до 10 экз. брошюръ прот. Н. Д. Думитрашко „перевода повседневныхъ молитвъ на русскій языкъ“ и „о праздникахъ и постахъ православной церкви“.

в) Тѣхъ же брошюръ протѣереа Думитрашко съ присовокупленіемъ

крестиковъ совѣтъ отпразднѣлъ въ нѣкоторыя изъ народныхъ училищъ, находящіяся въ завѣдываніи учителей, бывшихъ учениками братской школы, по ихъ просьбѣ: такъ для Ловожскаго училища выдано учителю Кузьмичеву 10 экз. „Повседневныхъ молитвъ“ и 100 крестиковъ, для Дровичскаго учителю Кополеву 10 экз. „повседневи. молитвъ и 20 крестиковъ, для Лѣсковичскаго — учителю Февралеву по 5 экз. „молитвъ“ и „о праздникахъ и постахъ“ и 30 крестиковъ. Кстатѣ совѣтъ считаетъ долгомъ здѣсь присовокупить, что вслѣдствіе постановленія общаго собранія прошлаго года почетный членъ братства, П. П. Глотовъ, относился съ ходатайствомъ къ г. попечителю виленскаго учебнаго округа за бывшихъ учениковъ братской школы, состоящихъ нынѣ учителями въ народныхъ училищахъ Витебской губ., и послѣдствіемъ этого ходатайства было разрѣшеніе со стороны г. попечителя училищнаго округа продолжить для означенныхъ учителей срокъ предстоящихъ испытаній до іюля текущаго года. Въ настоящее время, какъ извѣстно совѣту, нѣкоторые изъ учителей держали уже и выдержали узаконенный экзамень. Далѣе совѣтъ считаетъ долгомъ доложить, что —

г) Существенный и самый важный расходъ по дѣлу народнаго образованія состоялъ въ выдачѣ стипендій ученикамъ Полоцкой учительской семинаріи. До настоящаго года братство имѣло въ семинаріи 11 стипендіатовъ и пять изъ нихъ содержало на свои средства, а шесть на пособіе отъ св. Синода, и выдавало на каждаго по 75 руб. стипендіи; въ настоящемъ году къ прежнимъ 11 прибавилось три новыхъ—также на пособіе отъ св. Синода, и въ силу постановленія прошлагодняго собранія увеличило стипендію до 100 р. Такимъ образомъ 14 стипендіатамъ въ текущемъ году выдано 1400 р. По времени поступления въ учительскую семинарію эти стипендіаты раздѣляются на три категоріи: къ первой относятся восемь учениковъ высшаго отдѣленія, приготовляющіеся къ выпускному экзамену, и въ томъ числѣ пять воспитывавшихся на средства братства: Василій Шаровскій (изъ духовныхъ), Герасимъ Дроздовскій, Василій Ложносоевъ, Кондратій Погодинъ и Власъ Брусевинокъ (изъ крестьянскаго сословія) и три на пособіе отъ св. Синода: Николай Рыбаковъ, Иванъ Галецкій и Юсифъ Барановскій¹⁾, ко второй — три ученика средняго отдѣленія: Петръ Зараконскій, Петръ Сухановъ и Андрей Чеведаевъ; къ третьей—три ученика младшаго отдѣленія: Александръ Шеркевичъ, Павелъ Чертовъ и Михаилъ Пѣстунъ. По окончаніи курса первыми осьми стипендіатами открываются въ братствѣ три вакансіи на стипендіи изъ суммъ св. Синода; вмѣстѣ съ тѣмъ настоящему собранію предстоитъ опредѣлить, сколько стипендіатовъ намѣрено содержать братство на собственныя средства въ слѣ-

¹⁾ Приложение № 3.

дующее трехлѣтіе. За всѣми расходами на дѣло народнаго образованія остается къ девятому году 1244 р. 34½ к. Кромѣ сего остатка, при рѣшеніи вопроса, необходимо имѣть въ виду 100 р. процентовъ съ основнаго капитала, ежегодно получаемыхъ братствомъ на содержаніе одного стипендіата. Совѣтъ при этомъ желалъ бы обратить вниманіе братства на другія нужды. Извѣстно, что дѣти священно-церковно-служителей, особенно небогатыхъ, поступаютъ для образованія почти исключительно въ духовныя училища; но извѣстно и то, что нѣкоторыя изъ нихъ такъ бѣдны, что рѣшительно не имѣютъ средствъ—содержаться въ училищѣ; а училищное начальство, руководствуясь своими постановленіями и ограничиваясь находящимися въ его распоряженіи средствами, положительно не можетъ дать имъ возможности продолжать образованіе. Слѣдствіемъ сего бываетъ то, что иногда даровитые воспитанники оставляютъ училище преждевременно и теряются на всегда для церкви и общества. Какъ было бы благодѣтельно, еслибы на подобные случаи училищное начальство имѣло какіе-нибудь дополнительные источники! Таково именно положеніе иныхъ учениковъ въ Полоцкомъ духовномъ училищѣ! Извѣстно гакже, что при женскомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ есть женское духовное училище, которое имѣетъ до 40 воспитанницъ по преимуществу бѣдныхъ сиротъ, но—получаетъ на свое содержаніе одну тысячу рублей: какъ важно было бы для такого училища и маленькое пособіе—въ какія-нибудь 50 рублей! Совѣтъ, принимая во вниманіе такого рода обстоятельства и имѣя въ виду затруднительное положеніе духовенства полоцкаго округа—въ экономическомъ отношеніи, особенно въ настоящее время, когда требуются отъ него новыя и новыя жертвы по содержанію училища, считаетъ долгомъ просить общее собраніе, чтобы при рѣшеніи вопроса о будущихъ стипендіатахъ на средства собственно братства приняты были во вниманіе нужды бѣдныхъ дѣтей священно-церковно-служителей и женскаго духовнаго училища, и съ своей стороны полагалъ бы остаточную сумму (1244 руб.) раздѣлить на четыре части, и двѣ изъ нихъ отчислить на стипендіатовъ въ учительской семинаріи, одну оставить на текущіе расходы по народному образованію въ братствѣ и одну—на пособіе бѣднѣйшему, но лучшему ученику въ духовномъ училищѣ (полагая таковое пособіе въ 70 р. и опредѣляя общее количество его въ четырехлѣтній курсъ въ 280 р.) и назначить 50 р. одновременно—на нужды женскаго духовнаго училища.

2) На *благотворительность* израсходовано 466 р. 40 к. Здѣсь главный расходъ падаетъ на содержаніе богадѣльни; но не могъ совѣтъ оставить безъ вниманія и вопіющія нужды другихъ бѣдныхъ. По вопросу о богадѣльнѣ, поставленному совѣтомъ въ общемъ собраніи прошлаго года, собраніе поручило совѣту предварительно обратиться

къ г. начальнику губерніи, какъ къ почетному члену братства, съ просьбою о содѣйствіи братству поддержать богадѣльню при помощи городского общества, какъ учрежденіе, которое по существующимъ узаконеніямъ лежитъ на прямой обязанности города. Исполняя данное порученіе, совѣтъ обращался къ г. начальнику губерніи, и имѣлъ честь получить отъ его превосходительства (отъ 19 іюня прошлаго года) увѣдомленіе, что губернское правленіе предписало полоцкой думѣ безъ всякаго замедленія взыскать съ общества деньги за прошлые (1872—73—74) годы и на будущее время отсылать содержаніе на богадѣленныхъ (въ размѣрѣ ста рублей) своевременно. Когда прошло шесть мѣсяцевъ по полученіи сего увѣдомленія, между тѣмъ братство отъ общества ничего не получало: то совѣтъ просилъ полоцкую городскую думу извѣстить, можетъ ли братство надѣяться на полученіе общаго пособия? На это дума отвѣчала (отношеніемъ отъ 12 февраля), что въ настоящемъ году съ общества будетъ сдѣланъ сборъ въ размѣрѣ ста рублей въ пособіе по содержанію братской богадѣльни, о чемъ уже составляется приговоръ, по утвержденіи коего губернскимъ правленіемъ назначенныя сто рублей непременно будутъ уплачены въ этомъ году; что же касается пособія братству за 1872—73—74 годы, то оно не осуществилось по причинамъ, независящимъ отъ думы. Послѣдствіемъ этой переписки было съ одной стороны полученіе въ началѣ апрѣля 50 рублей изъ думы, какъ сообщено о томъ выше; а съ другой то, что совѣтъ, не располагая опредѣленными и вѣрными средствами, не могъ въ теченіе перваго полугодія держать въ богадѣльнѣ столько, сколько желало бы братство: вмѣсто 12 находилось въ богадѣльнѣ только 9—10 престарѣлыхъ и убогихъ, а нѣсколько дней — и восемь человѣкъ. Уже со второй половины года рѣшился совѣтъ удовлетворить не отступной просьбѣ тѣхъ, которые просили пріюта въ богадѣльнѣ. Такъ, на мѣсто умершихъ Анны Золотухи 96 л. и Кайстана Игнатовича 76 л. приняты: вдова Аделія Гуторовичъ 78 л. (р. кат. испов.) въ ноябрѣ, діаконская вдова, слѣбая уже семь лѣтъ и безпріютная, изъ Тродовичъ, Макрина Петр. Захаревичъ 50 л. съ внучкою Дарьею Степановою 8 л. и солдатка, также почти слѣбая и безпріютная, Софья Савельева 71 г. (последніе три въ концѣ февр.).

Въ настоящее время состоитъ въ богадѣльнѣ 12 человѣкъ: семь православн. испов. и пять р. католическаго *) На богадѣльню издержано въ теченіе года 340 р. 95 к.: изъ этого числа 267 р. 60 к. употреблено на содержаніе пищею, по 7½ к. въ сутки на каждое лице; остальныя деньги поступили за квартиру, на дрова и особенныя расходы. Непосредственное завѣдываніе богадѣльней принадлежало по прежнему Ва-

*) Прилож. № 4.

сплію Васильев. Саваскевичу, члену совѣта; но не оставляли ея своимъ вниманіемъ и другіе члены братства. Особенную попечительность о благосостояніи богадѣльни выразили Н. Н. Глотова и М. Ф. Бергъ: первая не только, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, ежемѣсячно жертвовала богадѣленнымъ чай и сахаръ, но и устроила для нихъ къ свѣтлому празднику Воскресенія Христова весьма приличную одежду и обувь, на сумму свыше 50 р., пригласивъ къ участию въ добромъ дѣлѣ нѣкоторыхъ дамъ гимназическаго общества и купивъ, преимущественно на свой счетъ, матеріалъ потребный для одежды; а г-жа Бергъ, жертвующая ежемѣсячно на содержаніе богадѣльни, участвовала въ осуществленіи желанія Н. Н. Готовой не только новою отъ себя лептою, но и личнымъ трудомъ, приготовивъ одежду собственными руками. Вообще же богадѣльня и въ отчетномъ году обязана была существованіемъ главнымъ образомъ благотворительности тѣхъ же 12-ти лицъ, которыя поддерживали ее въ прежнее время: нельзя не выразить имъ за это искренней признательности. Безъ ихъ существенно-важной поддержки богадѣльню пришлось бы закрыть. А между тѣмъ опытъ свидѣтельствуетъ, какъ она необходима!

Другимъ предметомъ братской благотворительности служили бѣдные г. Полоцка, которые по старости, слѣпотѣ, болѣзнямъ и другимъ отъ нихъ независящимъ причинамъ, не могутъ трудиться и, не имѣя собственныхъ средствъ къ существованію, ждутъ помощи исключительно отъ руки милосердія и какъ благословляютъ эту руку, если она благовременно помогаетъ имъ въ горькой нуждѣ! Здѣсь поприще для дѣятельности могло бы быть весьма обширное; но средства братства далеко недостаточны, чтобы оно могло развить свою благотворительность въ предѣлахъ желательныхъ. Тѣ крайне ограниченныя средства, которыми располагаетъ братство на благотворительность, совѣтъ употреблялъ съ особенною осторожностью и бережливостью. Въ теченіе года оказано пособій 40 бѣднымъ; размеры этихъ пособій, за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, были очень невелики отъ 5 руб. и ниже до 50 к. Прилагая къ отчету списокъ получившихъ пособіе⁴⁾, совѣтъ считаетъ долгомъ объяснить, что одни изъ значущихся въ списокѣ извѣстны братству своею бѣдностью изъ прежнихъ отчетовъ, другіе пользовались помощью его въ первый разъ; однимъ оказано пособіе одновременно предъ праздниками Рождества Христова или Пасхи, другимъ разновременно, и только одна старушка (Кузьминцкая), совершенно дряхлая и слѣпая, получала пособіе постоянно, по примѣру прошлыхъ лѣтъ. Первый разъ пользовались пособіемъ отъ братства 1) *Елснора Вороневская* не имѣвшая ни какихъ средствъ на лѣченіе и потомъ на погребеніе своего мужа (8 р.);

⁴⁾ Прилож. № 5.

2) женщина *Клавдія Дашкевичъ* (7 р.), имѣющая мужа, также больного и по болѣзни не могущаго работать, потомъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей, и сама страдающая въ рукахъ и ногахъ ревматизмомъ; 3) отставной чиновникъ *Владиміръ Инатовичъ* (5 р.), одинокій, безъ родныхъ и знакомыхъ, жестоко страдавшій отъ ревматизма и чахотки и потомъ умершій; 4) дьяческая жена *Жилевичева* (5 р.), при бѣдности имѣющая 4 малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ двое страдали отъ сильныхъ обжоговъ, но лишены были врачебной помощи; 5) мѣщ. *Софья Пытухова* (3 р. 50 к.), вдова безъ всякихъ средствъ, но съ ребенкомъ и больная; 6) мѣщан. Анна *Штейнъ* (4 р.), съ больнымъ мужемъ и двумя малолѣтними дѣтьми; 7) солдатка *Алафья Фаддеева* (2 р.), 70 л., давно оставленная мужемъ и ослабѣвшая въ силахъ; 8) мѣщ. *Матрена Шуткевичъ* (2 р.), съ тремя малолѣтними дѣтьми бѣдствующая подъ бременемъ горя и поражающей бѣдности вслѣдствіе дурнаго поведенія мужа; 9) *Владиміръ Володкевичъ* (3 р.), дворянинъ 25 л. отъ роду, разбитый параличемъ и оставленный безъ всякаго призрѣнія преданнымъ нетрезвости отцемъ; 10) солдатка—вдова *Марья Васильева* (4 р. 50 к.), хотя имѣющая только 50 л. отъ роду, но не могущая заработать на пропитаніе, какъ незначительно больная; 11) мѣщ. *Антонъ Мавевскій* (3 руб.), старикъ 70 л. безъ силъ съ женою 60 л., съ больнымъ зятемъ (Никол. Фальковскій) и съ сыномъ (Антономъ), который разбитъ параличемъ: единственная кормилица этой злополучной семьи жена сына; 12) вдова — солдатка *Ульяна Иванова* (3 р.), 64 л., жившая до праздника Рождества Христова трудами кухарки, но съ Рождества Хр. страдающая ревматизмомъ въ ногахъ и рукахъ, не владѣющая правою рукою, безъ всякихъ средствъ къ существованію и до времени поправленія—лишенная всякой возможности зарабатывать кусокъ хлѣба: „средствъ никакихъ не имѣю, работать не могу, лечиться не чѣмъ, угла своего нѣтъ: не знаю, что и дѣлать. Мнѣ говорятъ: возми торбу и проси; а я просить неумѣю и стыдно: никогда не просила; да за милостыню надо молиться; а я также неумѣю“, вотъ что говоритъ Иванова, заливаясь слезами! Подобнымъ образомъ рисуютъ картину своего горя и другіе бѣдные. На дѣло благотворенія издержано въ текущемъ году 125 р. 45 к. Братство, благодаря приношеніямъ общества, особенно гимназическаго, полученнымъ въ послѣднее время по случаю праздника Пасхи, имѣетъ къ новому году на благотворительность 228 р. 78¹/₂ к.

3) На прочіе расходы издержано 71 р. 33 к. Изъ этого числа употреблено 36 р. 35 к. на покупку къ братской иконѣ подсвѣчника (въ 24 свѣчи) накладнаго серебра, 2-хъ аршинъ вышины, съ фарфоровой стѣчей и 20 р. 35 к. на печатаніе отчета за седьмой годъ въ количествѣ 200 экземпляровъ и такого же количества бланковъ въ витебской губернской типографіи; остальныя затѣмъ поступили, какъ означено въ

прилагаемой къ отчету ведомости, на канцелярскія издержки. Къ слѣдующему году на благолѣпіе церквей и прочіе расходы по братству остается 90 р. 34¹/₄ к.

Всего въ отчетномъ году израсходовано 2053 р. 73 к. *). Къ девятому году остается:

а) основнаго капитала	2125 р. 64 к.
б) на дѣло народнаго образованія.....	1244 > 34 ¹ / ₂ >
в) на благотворительность.....	228 > 78 ¹ / ₂ >
г) на благолѣпіе церквей и прочіе расходы.	90 > 34 ¹ / ₄ >

Итого 3689 > 11¹/₄ >

Означенныя деньги лежатъ въ братскомъ ящикѣ и хранятся въ цѣлости въ полоцкомъ уѣздномъ казначействѣ а) (2410 р. 74 к. + 286 р. 37¹/₂ к.) 2697 р. 11¹/₂ к. процентными бумагами съ находящимися при нихъ купонами и б) 991 р. 99¹/₄ к. наличною суммою (кредитными билетами и звонкою монетою).

Окаячивая отчетъ свой, совѣтъ желалъ бы обратить вниманіе общаго собранія на событіе, совершившееся къ утѣшенію православной церкви въ настоящіе дни на юго-западной окраинѣ нашего отечества; разумѣется—возсоединеніе униатовъ Холмской епархіи съ православною церковью. Такое событіе, возбуждая радость въ каждомъ сердцѣ православной церкви, не можетъ особенно не радовать братства, дѣйствующаго съ цѣлью утвержденія истинъ и правилъ вѣры въ такъ недавно еще возсоединенномъ, съ св. церковію народѣ бѣлорусскомъ. Совѣтъ съ своей стороны привѣтствовалъ высокопреосвященнѣйшаго Іоаннія архіепископа варшавскаго съ святою и высокою радостью по случаю совершеннаго имъ 12 января перваго возсоединенія холмскихъ униатовъ; не было бы желательнымъ, чтобы братство по случаю совершившагося великаго событія выразило свои чувства не словомъ только, но и дѣломъ чтобы съ своей стороны помогло чѣмъ нибудь возсоединеннымъ въ ихъ великихъ нуждахъ! Таковая помощь, въ чемъ бы она ни выразилась, въ пожертвованіи священно-служебныхъ сосудовъ или чего другаго, была бы началомъ братскаго общенія, которое съ сего времени должно существовать между дѣтми св. церкви сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, и лучшимъ свидѣтельствомъ искреннаго сочувствія братства радостному событію.

Предсѣдатель Совѣта Братства,

Протоіерей А. Добрадинъ.

26 мая 1875 г.

г. Полоцкъ.

*) Прилож. № 6.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТВОРЕНІЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

ТВОРЕНІЯ ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

Москва. Синодальная типографія. 1875 г.

Рѣдкія изъ произведеній богословско-нравственнаго содержанія пользовались и пользуются у насъ такою снмнатією русскаго народа и такою продолжительною популярностію, какъ большая часть твореній святителя Тихона Задонскаго, несмотря на то, что писаны они болѣе 100 лѣтъ тому назадъ и какъ по языку, такъ и по складу рѣчи и по интересамъ времени значительно, новидимому, отстоятъ отъ нашей современности. Такая симпатія къ твореніямъ св. Тихона и популярность, какую пріобрѣли они съ самаго появленія ихъ въ свѣтъ, объясняется живымъ и свѣтлымъ духомъ писателя, согрѣтымъ необыкновенно теплою, искреннею любовію къ людямъ, и высоко-талантливою простою русскою натурой этого великаго челоуѣколюбца, умѣвшаго съ удивительною простотою и искренностію, доходящею иногда до наивности, безъ сентиментальности того времени, безъ схоластическихъ приемовъ неуклонно развивать и понятно излагать читателю величайшія истины христіанства. Творенія святителя издавались много разъ отдѣльными частями, какъ напримѣръ, „Объ истинномъ христіанствѣ“, „Сокровище духовное“ и пр. Наконецъ въ 1825 г. было издано первое полное собраніе Твореній св. Тихона, которое потомъ перепечатывалось много разъ.

Лѣтъ 6 тому назадъ, по опредѣленію св. Синода, предпринято было новое изданіе твореній святителя Тихона, изданіе дополненное и исправленное. На дняхъ оно вышло въ свѣтъ.

Просматривая его и сличая съ прежними изданіями, удивляешься, какъ въ такое короткое время далеко впередъ ушла Россія даже по повторительнымъ изданіямъ книгъ духовнаго содержанія, издающихся отъ св. Синода. Тамъ казенная, небрежная перепечатка безъ разбора, безъ всякой мысли, всего, что подъ руку попало; здѣсь серьезное отношеніе къ издаваемымъ памятникамъ, ясное научное пониманіе дѣла, тщательное вниманіе ко всякой, что называется, буквѣ, цѣлое ученое изслѣдованіе. Съ планомъ и характеромъ настоящаго изданія лучше всего знакомитъ насъ замѣчательно скромное предисловіе къ нему. Приодитъ его сполна:

І. „Предлагаемое изданіе противъ прежнихъ значительно дополнено. Кромѣ сочиненій, напечатанныхъ въ разное время въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ, въ составъ настоящаго изданія вошли и такія творенія святителя, которыя являются въ печати въ первый разъ; кромѣ того, нѣсколько статей, напечатанныхъ въ прежнихъ собраніяхъ сочи-

новый святитель въ собраніи, въ настоящемъ изданіи, являются въ полномъ составѣ.

II. „Настоящее изданіе сверено съ подлинными рукописями. Какъ известно, сочиненія святителя Тихона обнародованы были уже послѣ его кончины и почти всѣ его келейникомъ Иваномъ Еенимовичемъ. Предоставивъ, согласно завѣщанію святителя, сочиненія его на благоусмотрѣнію св. Синода, Иванъ Еенимовъ, какъ видно изъ его бумагъ, вскорѣ приступилъ и къ самому печатанію сочиненій своего наставника. Конечно благодаря главнымъ образомъ этому обстоятельству, именно, что и стражъ изданія стоялъ человекъ, который былъ самымъ близкимъ и домъ къ святителю и для котораго дорого было каждое слово любимаго учителя, человекъ, не лишенный притомъ образованія и знанія ства съ книжнымъ дѣломъ, — первыя изданія сочиненій святителя Тихона, сравнительно съ изданіями позднѣйшими, отличаются болѣе исправностію и изъ всѣхъ послѣдующихъ изданій должны быть признаны лучшими. Печатаніе дальнѣйшихъ изданій шло при условіяхъ менѣе благоприятныхъ. Всѣ эти изданія, какъ показало подробное ихъ сличеніе, печатались уже не по подлиннымъ рукописямъ, а по печатнымъ оригиналамъ послѣднихъ изданій и ни разу не были провѣрены не только по подлиннымъ рукописямъ, но даже и по первымъ изданіямъ. Не имѣя подъ руками первоначальныхъ подлинниковъ и автографовъ святителя издатели естественно повторяли ошибки, вкравшіяся въ изданія предшествовавшія; въ то же время, въ изданіе привносились новыя, болѣе или менѣе важныя, погрѣшности.

„Не видно, чтобы подлинныя рукописи твореній святителя были положены и въ основаніе изданія 1-го полнаго ихъ собранія, вышедшаго въ 1825—1826 г. Напротивъ ясно по всѣмъ признакамъ, что издатели этого собранія не пользовались даже изданіями Ивана Еенимова. При сличеніи, для настоящаго изданія, печатнаго текста упомянутаго собранія съ подлинными рукописями и даже съ старшими изданіями твореній святителя, выходившими отдѣльно, оказалось, что въ полномъ собраніи повторены всѣ погрѣшности, которыми переполнены отдѣльныя изданія твореній святителя, по времени ближайшія къ этому собранію, очевидно, служившія для него оригиналами. Къ числу названныхъ погрѣшностей принадлежатъ: болѣе или менѣе значительныя пропуски, произвольныя измѣненія въ языкѣ, заглавіяхъ сочиненій и въ дѣленіи ихъ на части, разныя ошибки въ распредѣленіи статей по отдѣламъ и т. под. (см. объ этомъ въ прилож. къ изд. примѣчаній); въ особенности оказалось большое количество пропусковъ. Безспорно, очень важнымъ недостаткомъ разсматриваемаго изданія было и то, что своеобразный языкъ святителя, значительно подновленный въ прежнихъ изданіяхъ, здѣсь подвергся передѣлкѣ еще болѣе; во многихъ мѣстахъ:

слажены даже такія особенності, которымъ святитель, писавшій емѣсью языка народнаго съ церковно-славянскимъ, подъ вліяніемъ современной ему эпохи такъ называемыхъ „грамматическихъ колебаній“, остается однако вѣренъ во всѣхъ своихъ писаніяхъ.

2-е и 3-е изданія полнаго собранія твореній Тихона составляютъ бивальную перепечатку изданія, имъ предшествовавшаго.

Въ настоящемъ изданіи, въ сочиненіяхъ, напечатанныхъ по подлиннымъ рукописямъ, текстъ *возстановленъ во всей его цѣлости*, согласно съ этими рукописями. а въ основаніе остальныхъ твореній, подлинники которыхъ утрачены, положены первыя изданія этихъ сочиненій, какъ болѣе исправныя и болѣе близкія къ утраченнымъ подлинникамъ. При этомъ, по возможности *возстановлены* и тѣ *особенности живаго слова* славянскаго, которыя принадлежатъ эпохѣ, когда онъ жилъ, а такъ же и ему лично, какъ писателю.

III. „Сочиненія святителя въ прежнихъ изданіяхъ напечатаны были въ смѣшанномъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ на 15 томовъ. Въ настоящемъ изданіи они расположены, по возможности, *въ порядкѣ хронологическомъ*, и, въ виду основаній для дѣленія, указываемыхъ самимъ авторомъ (чит. примѣч. къ т. 2-3 и 4-му), раздѣлены на пять томовъ. Въ первомъ томѣ помѣщены труды святителя „епаршескіе“, то есть, сочиненія, писанныя имъ ¹⁾ во время управленія воронежскою паствою; въ четырехъ слѣдующихъ за тѣмъ—сочиненія, писанныя ²⁾ въ Задонскѣ.

IV. „Изданіе снабжено *библиографическими примѣчаніями*, въ которыхъ приведены свѣдѣнія о времени и мѣстѣ написанія отдѣльныхъ твореній святителя, о поводахъ къ написанію, о сохранившихся подлинныхъ рукописяхъ, первыхъ изданіяхъ и проч.

V. „Въ приложеніи къ изданію помѣщены: а) *Алфавитный Указатель* къ сочиненіямъ святителя; б) *Замѣтки* о святителѣ его kolejниковѣ, *Чубарова и Жемлова*, съ присоединеніемъ дополненій и поясненій къ тѣмъ и другимъ Запискамъ.

VI. „Къ изданію приложены два изображенія святителя и снимокъ съ собственноручнаго его письма. О достоинствѣ перваго изображенія, приложеннаго къ 1-му тому, достаточно сказать, что оно снято съ подлинника, принятаго для писанія образа святителя; подлинникъ писанъ въ то время, когда святитель имѣлъ около 40 лѣтъ отъ роду и управлялъ воронежскою паствою, почему изображеніе это и приложено къ 1-му тому, обнимающему труды святителя епаршескіе. Второе, приложенное

¹⁾ Кромѣ 8-хъ, именно: отрывка изъ ректорскихъ уроковъ святителя и 2-хъ писемъ, писанныхъ имъ въ годъ оставленія воронежской паствы и до переселенія въ Задонскъ.

²⁾ Кромѣ письма 40-го, въ 5-мъ томѣ, написаннаго имъ Толшева.

въ 4-му тому, свято съ портрета, писаннаго послѣ перваго спустя около 13-ти лѣтъ, когда я годы и труженническая жизнь святителя въ Задонскѣ значительно измѣнили и вышшіи видѣ подвижника. Подлинникъ писанъ по желанію покойнаго архіепископа московскаго Платона, который, по особому уваженію къ святителю Тихону, отправлялъ для снятія портрета съ него нарочнаго, извѣстнаго въ то время художника Васова, въ Задонскѣ. Подлинникъ сохраняется у нынѣшняго намѣстника Сергіевой Лавры, о. архимандрита Антонія. Соотвѣтственно времени написанія этого изображенія святителя, оно приложено къ 4-му тому его сочиненій. Самыя подписи подъ изображеніями сняты съ рукописей собственной руки святителя, которыя, по времени написанія, совпадаютъ съ годами написанія изображеній — святителя Тихона, который былъ 1-мъ этого имени епископомъ воронежскимъ, не всегда отличаютъ отъ двухъ его преемниковъ по воронежской кафедрѣ, носившихъ тоже имя и непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, Тихона 2-го и 3-го (чит. въ прилож. къ изд. примѣч.). Приложенный снимокъ съ собственноручнаго письма святителя (въ Саровскую пустынь отъ 16-го марта 1766 г.), удовлетворяя благочестивой любознательности, съ тѣмъ вышестъ можетъ служить однимъ изъ пособій для опредѣленія подлинности автографовъ, приписываемыхъ Тихону 1-му.“

Словомъ, собрано все принадлежащее перу св. Тихона, что только возможно было найти до настоящаго времени; откинуто все, что ошибочно приписывалось ему; тщательно провѣренъ по ближайшимъ источникамъ весь текстъ, при чемъ строго критически изслѣдованы самыя эти источники, и возобновлена дѣйствительная рѣчь святителя. Все это, до мелочей, пояснено и доказано добросовѣстными примѣчаніями, библиографическими указаціями, сличеніями, сносками, охватывающими почти всю нашу литературу послѣднихъ двухъ столѣтій.

Подобному изданію, требовавшему конечно кропотливаго труда, могъ бы позавидовать и самъ почтенный г. Гротъ съ его академическими изданіями произведеній нашихъ писателей прошедшаго вѣка; а св. Синоду принесется величайшая признательность какъ со стороны читателей, такъ и русской науки за такой новый въ Россіи примѣръ изданія твореній лучшихъ русскихъ духовныхъ писателей.

Желательно было бы, чтобы подобнымъ же образомъ, съ такою же строго ученою осмотрительностью, были наконецъ изданы творенія другаго святителя XVIII вѣка—св. Димитрія митр. Ростовскаго. Извѣстно, что цѣлыя сочиненія, цѣлыя томъ ихъ изданій, читаются какъ творенія этого святителя, тогда какъ они принадлежатъ вовсе не его перу, и рѣчь, которою напечатаны дѣйствительныя творенія его, такъ подправлены (т. е. искажены) при первомъ еще изданіи, что въ ней часто не узнаешь автора.

Говоря о настоящемъ изданіи твореній св. Тихона, нельзя однако не обратить вниманія на то, что подобныя драгоцѣнныя изданія слѣдовало бы печатать на бумагѣ болѣе плотной, чѣмъ та, на которой напечатано это изданіе. Всякій, а гѣмъ болѣе простолюдинъ, охотно готовъ заплатить лишній грошъ, чтобы только не опасаться ежеминутно, что листья уважаемой книги расползутся подъ пальцемъ.

А. Г.

1875 г. Москва.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годичныя собранія заграничныхъ миссіонерскихъ обществъ: а) британскаго библейскаго общества; б) церковно-миссіонерскаго общества; в) лондонскаго миссіонерскаго общества; г) веслейанскаго миссіонерскаго общества; д) баптистаго миссіонерскаго общества; е) общества распространенія Евангелія; ж) общества распространенія религиозныхъ сочиненій; з) общества церковно-пастырскаго веломоществованія; и) миссія лондонскаго Сити.

Британское библейское общество. Собраніе общества въ нынѣшнемъ году было многочисленнѣе обыкновеннаго; экзетергалль былъ почти биткомъ набитъ. Засѣданія были открыты архіепископомъ кѣнтерберійскимъ, а ведены были подъ предсѣдательствомъ графа Шефтсбюри. Изъ отчета видно, что доходы и расходы общества въ истекшемъ году были болѣе чѣмъ въ предшествующіе года. Обращаясь къ возникновенію общества въ началѣ текущаго столѣтія отчетъ сообщалъ, что въ то время во всемъ свѣтѣ существовало не болѣе 4,000,000 или 5,000,000 экземпляровъ свящ. книгъ, переведенныхъ приблизительно на 50 нарѣчій. Со времени учрежденія британскаго библейскаго общества около 74,000,000 экземпляровъ Свщ. Писанія вполне, или по частямъ, выпущено было изъ его складовъ; кромѣ того 53,000,000 экземпляровъ выпущено было сродными обществами, образовавшимися къ нему, или получившими помощь отъ него; такъ что въ теченіе текущаго столѣтія около 127,000,000 экземпляровъ свящ. Писанія выпущено было библейскимъ обществомъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Число нарѣчій, на которыя переведено было Слово Божіе, съ 50 возрасло до 200. Сверхъ распространенія свящ. Писанія на англійскомъ языкѣ въ Великобританіи, Ирландіи и Колоніяхъ въ количествѣ 38,000,000 экземпляровъ, общество распространяло свое дѣло во всѣхъ европейскихъ странахъ, равно также среди главныхъ населеній Африки и Америки, на большихъ островахъ Тихаго океана, въ Южной Америкѣ,

Мексикѣ, Лабрадорѣ и Гренландіи. Выпуски общества за годъ приблизительно были таковы: изъ внутреннихъ складовъ 1,473,027; изъ-за граничныхъ складовъ 1,146,400 Библий, заветовъ, и частей ихъ. Всѣхъ изданій общества было до 73,750,538 экземпляровъ. По прочтеніи отчета было произнесено нѣсколько рѣчей: предсѣдателемъ, архіепископомъ кэптерберійскимъ и нѣкоторыми изъ членовъ, присутствовавшими на собраніи, а именно Понтономъ, Ричардсономъ, Молленсомъ и Споржономъ. Общую мысль всѣхъ рѣчей было желаніе усилить дѣятельность общества особенно въ виду нѣкоторыхъ явленій настоящаго времени и расширить ее настолько, чтобы люди разныхъ исповѣданій, забывая раздѣляющія ихъ ученія, соединались бы по крайней мѣрѣ въ этой дѣятельности.

Церковно-миссіонерское общество. Годичное собраніе этого общества состоялось подъ предсѣдательствомъ графа Чичестерскаго. Вraithъ, свѣтскій секретарь, прочиталъ отчетъ о финансовомъ состояніи общества. Хотя доходъ общества за этотъ годъ не былъ равенъ доходу за прошлый годъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ таковъ, что о немъ можно говорить съ благодарностію; расходы общества были съ избыткомъ покрыты доходами. Генри Вraithъ, церковный секретарь, прочиталъ извлеченіе изъ годичнаго отчета, въ которомъ говорилось о новыхъ предположеніяхъ касательно распространенія Евангелія въ отдаленныхъ странахъ, доступъ въ которыя сталъ теперь открытъ. Въ Лаго (Йорубѣ) двадцать пять лѣтъ назадъ при богослуженіяхъ приносимы были человѣческія жертвы, теперь же тамъ обитаютъ такіе счастливые люди, какихъ не вездѣ найдешь; изъ многихъ устъ, служившихъ прежде діаволу, теперь раздаются звуки христіанской молитвы. Два миссіонера отъ общества посѣтили страну на Востокъ отъ Лаго и прислали отчетъ о той любви, съ какою туземцы теперь принимаютъ миссіонеровъ. Аббекута открыла двери для дѣятельности миссіонеровъ общества. Дѣятельность европейцевъ была слабѣе по видимому въ численномъ отношеніи на островѣ Цейлонѣ, но и тамъ было крещено до 112 человекъ взрослыхъ. Изъ Китая полученные отчеты производятъ очень хорошее впечатлѣніе. Миссіи имѣли самый благопріятный успѣхъ между 2,000,000 жителей Фучоу. Не менѣе 100 человекъ взрослыхъ было крещено, а число кандидатовъ и ищущихъ крещенія гораздо болѣе. Въ продолженіе года было крещено до 34 человекъ взрослыхъ въ Нингпо. Изъ Певина получены самые утѣшительные отчеты; школы были посѣщаемы хорошо, не говоря о 16 человекъ взрослыхъ крещенныхъ и нѣкоторыхъ кандидатахъ, подающихъ надежду. Въ качествѣ миссіонерскаго поля Японія представляетъ собою вѣчно неопредѣленное. Эдикты противъ христіанъ не только не

были отиѣнены, но недавно были внесены въ составъ законовъ страны. Дологъ не было преслѣдованія противъ туземныхъ христіанъ общество имѣло тамъ четыре миссіонерскихъ стана и 6 миссіонеровъ, годъ назадъ комитетъ послалъ подтвержденіе изъ трехъ агентовъ въ Сѣверо-Западную Америку съ епископомъ; двое изъ этихъ миссіонеровъ и теперь трудятся въ долину Саскатчеванъ. Миссіи въ Сѣверной части Тихаго Океана должны были пережить не мало испытаній, но дѣло все-таки шло успѣшно. Тамъ было 119 случаевъ крещенія, изъ которыхъ въ 84 были крещены взрослые. Число миссіонерскихъ становъ въ продолженіе года возрасло до 157, число лицъ европейскаго духовенства до 211, число духовныхъ изъ туземцевъ до 154—всего духовныхъ было 365. Свѣтскихъ европейцевъ школьныхъ учителей, свѣтскихъ агентовъ и пр. было до 23, европейскихъ женщинъ учительницъ (говорю о женахъ священниковъ) было 12; катихизаторовъ туземныхъ, не посланныхъ изъ Англій, было 2,391; число причащавшихся было 24,497. По прочтеніи отчетовъ епископъ доргемскій произнесъ рѣчь, въ которой упомянувши о возраженіяхъ противъ дѣятельности общества онъ указывалъ на распространяющееся мнѣніе будто евангеличество исповѣданіе падаетъ и по связи съ этимъ на успѣхи ритуалистовъ особенно въ послѣднее время. Въ виду этихъ обстоятельствъ дѣятельность общества по мнѣнію епископа должна служить доказательствомъ неслабѣвающей силы евангеликовъ. За рѣчью епископа доргемскаго слѣдовала рѣчь Френча—миссіонера изъ Лагоры, въ которой описывала успѣхи миссіонерскаго дѣла въ Пенджабѣ и Лагорѣ онъ съ благодарностію говорилъ о той помощи, которую миссіонеры находили въ христіанскихъ женщинахъ и чиновникахъ. Давидъ Фенъ, миссіонеръ изъ Мадраса, произнесъ интересную рѣчь о дѣятельности общества въ Тинневеллѣ и о дѣятельности американскаго отдѣла иностранныхъ миссій; и лондонскаго миссіонерскаго общества отъ агентовъ которыхъ онъ получилъ столько знаковъ дружескаго расположенія, какъ бы это были близкіе товарищи по дѣлу. Отъ времени до времени у нихъ составлялись конференціи, на которыя собирались члены отъ всѣхъ тридцати миссіонерскихъ обществъ; на этихъ конференціяхъ предметы перво-степенной важности обсуждаемы были самымъ дружескимъ образомъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ упомянулъ о состояніи древней и падшей сирійской церкви и выразилъ убѣжденіе, что тамъ замѣчается повсюду релігіозное оживленіе, которое распространяется отъ общины къ общинѣ и на которое по его мнѣнію слѣдуетъ призывать всѣ благословенія. Собраніе имѣло еще и вечернее засѣданіе, на которомъ предсѣдательствовалъ епископъ рипанскій и на которомъ были читаны сообщенія многихъ миссіонеровъ.

Лондонское миссіонерское общество. Годичное собраніе общества по обыкновенію происходило въ Экзетеръ-галлѣ подъ предсѣдательствомъ Альдерминга Артура. Въ рѣчи, которою онъ открылъ засѣданіе, онъ высказалъ убѣжденіе, что лондонское миссіонерское общество въ настоящее время служить примѣромъ для всѣхъ церквей. Онъ перечислилъ труды и успѣхи общества начиная съ первой, устроенной имъ, миссіи въ южныхъ моряхъ и кончая миссіею, устроенною въ Мадагаскарѣ. Затѣмъ д-ръ Моллеясъ прочиталъ отчетъ. Изъ отчета видно, что полное число миссіонеровъ, состоящихъ на службѣ общества, простирается до 156, въ числѣ ихъ 38 миссіонеровъ студентовъ. Обыкновенныя полученія отъ подписокъ, пожертвованій и сборовъ продолжали увеличиваться и достигли высшей цифры сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Сумма, образовавшаяся такимъ образомъ въ кассѣ общества была столь значительна, что по случаю специальныхъ расходовъ, причиненныхъ расширеніемъ миссій въ Мадагаскарѣ и Новой Гвиней директоры общества не были вынуждены обращаться къ резерву. За шесть лѣтъ доходы общества простирались до 100,000 фунтовъ и теперь для общества настало время озаботиться объ увеличеніи миссій общества въ Индіи и Китаѣ, что служитъ предметомъ желательнымъ для общества съ давнихъ поръ. Многія страницы отчета были посвящены мадагаскарской миссіи. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ директоры прибавили къ наличному числу англійскихъ миссіонеровъ, трудящихся на Мадагаскарѣ, еще нѣсколько новыхъ и увеличили число ихъ съ 12 до 33. Учреждены были новыя миссіонерскіе станы съ англійскими миссіонерами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго города. Въ Южной Африкѣ миссіи общества были сильны и людьми и дѣятельностію; эта дѣятельность безостановочно шла въ продолженіе всего года. Затѣмъ директоры общества снова свидѣтельствуютъ предъ всѣми друзьями общества о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя безжалостно воздвигаются римско-католическими миссіонерами въ Новой Каледоніи противъ обращенныхъ миссіонерами лондонскаго общества на островѣ Увеа. Эти обращенные были подвергаемы многимъ несправедливостямъ въ продолженіе болѣе чѣмъ 12 лѣтъ. Не разъ было дѣлаемо обращеніе къ челоуѣколюбію священниковъ, къ справедливости и гуманности мѣстныхъ властей, ко все напрасно. Миссія въ Новой Гвиней, позднѣйшее изъ предпріятій общества, въ продолженіе послѣдняго года получила опредѣленную форму. Въ Китаѣ были сдѣланы обычныя прибавленія къ количеству церквей. По прочтеніи отчета слѣдовалъ рѣчь Роджера, въ которой изобразилъ сначала безумныя возгласы современнаго невѣрія о томъ, будто бы Евангеліе отжило свое время, будто бы современная наука и критика нанесли ему смертельный ударъ.

онъ выражаетъ увѣренность, что Евангеліе и теперь остается тѣмъ же тѣмъ было всегда т.-е. могущественною силою на спасеніе, при посредствѣ которой мы уповаемъ возродить міръ: это упованіе побуждаетъ насъ идти къ язычникамъ дабы принести имъ вѣчное спасеніе; мы идемъ къ нимъ, говорилъ онъ, еще потому, что и за нихъ Христосъ распялся“. Послѣ Роджера говорилъ Жоржъ Кузенъ, миссіонеръ съ Мадагаскара, представившій очеркъ исторіи миссіонерской дѣятельности на Мадагаскарѣ. Въ своей рѣчи онъ между прочимъ говорилъ: „Сами туземцы совершали миссіонерское дѣло на Мадагаскарѣ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ, что миссіонеръ идетъ впередъ. Туземецъ есть тотъ пионеръ, который въ своей собственной странѣ пролагаетъ путь Евангелію. Солдаты дѣлаютъ тоже дѣло. Посланные на службу правительствомъ, если они христіане, солдаты берутъ съ собою Евангеліе и когда ихъ застаютъ воскресный день въ мѣстности; со всѣхъ сторонъ окруженной язычниками, то они отправляютъ богослуженіе въ своемъ кругу; къ нимъ присоединяются язычники. Проидеть годъ, другой и мы отправляемъ посланіе въ главный городъ съ извѣщеніемъ объ образованіи конгрегаціи въ такой-то мѣстности... Затѣмъ ораторъ перешелъ къ изображенію тѣхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться миссіонерамъ. Указавъ на нѣкоторыя онъ подробно остановился на одномъ какъ на главнѣйшемъ. Таковымъ по его мнѣнію, служитъ безусловный деспотизмъ правителей, простиравшійся до того, что даже семейныя дѣла, въ родѣ бракосочетанія и похоронъ, не могутъ быть совершаемы безъ особаго разрѣшенія правителя; народъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о какой-либо свободѣ дѣйствій; въ виду этого обстоятельства отъ миссіонеровъ требуется много ловкости и умѣнья ладить съ правителями, чтобы послѣдніе своимъ внимательствомъ не мѣшали ихъ дѣлу“. Затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ послѣднею была рѣчь Вилькинса—миссіонера изъ Калькутты, свидѣтельствовавшего объ оживленіи религіознаго чувства между всѣми христіанами, населяющими Индію и въ заключеніи своей рѣчи говорившаго объ особенной важности женскаго воспитанія въ Индіи и Китаѣ.

Въ слейянское миссіонерское общество. На годичномъ собраніи этого общества, которое по обыкновенію происходило въ Экзетеръ-галлѣ, предсѣдательствовалъ Лордъ Джемсъ Фальшоу. Отчетъ, читанный Пересомиъ, показывалъ что доходы общества (свыше 3,000 фун.) продолжали оставаться въ томъ же видѣ, какими были въ послѣдніе годы. Обзоръ дѣятельности общества раздѣлялся на нѣсколько главъ: 1) ирландскія и континентальныя миссіи; 2) колониальныя миссіи; 3) миссіи къ африканскимъ племенамъ въ Западной Индіи

и Западной Африкѣ; 4) миссіи въ Индіи Цейлонѣ и Китаѣ; 5) австралийскія миссіи. Острова Дружбы принадлежали уже къ христіанскому исповѣданію. Король Георгъ былъ сердечно привязанъ къ миссіонерамъ. Въ отчетѣ говорилось объ островахъ Фиджи, которые въ недавнее время поступили подъ владычество Британіи. Отчетъ представилъ краткій очеркъ учрежденія миссій въ Новой Британіи и Новой Ирландіи и нѣкоторыхъ другихъ островахъ близъ восточнаго берега Гвинеи. Отчетъ показывалъ, что общество имѣло главныхъ станомъ, называемыхъ округами, до 944 во всемъ свѣтѣ; капеллъ и другихъ богослужебныхъ мѣстъ 7,047; священниковъ и помощниковъ миссіонеровъ, включая сюда и сверхштатныхъ 1,224; агентовъ, катехизаторовъ, школьныхъ учителей, получающихъ жалованье—4,840; не получающихъ жалованья агентовъ, учителей—25,307; число церковныхъ членомъ простиралось до 174,834; находится на испытаніи и готовится къ поступленію въ число церковныхъ членомъ—17,173; ученикомъ школъ—267,692; типографскихъ учреждений—4. Предсѣдатель привѣтствовалъ общество съ настоящимъ процвѣтаніемъ и успѣхами общества. Общество дѣйствуетъ въ согласіи съ другими христіанскими миссіями и для достиженія тѣхъ же цѣлей употребляетъ различныя средства; свою рѣчь онъ окончилъ обзоромъ дѣятельности общества и упоминаніемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя сдѣланы въ дѣятельности миссій—на островѣ Фиджи. За чтеніемъ отчета и обычною рѣчью предсѣдателя слѣдовали рѣчи нѣкоторыхъ другихъ членомъ, присутствовавшихъ на собраніи. Первымъ изъ нихъ говорилъ Покшновъ, а за нимъ деканъ кэнтерберійскій. Свою рѣчь онъ началъ выраженіемъ удовольствія, которое доставляетъ ему присутствіе на этомъ собраніи такъ какъ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ слышалъ самыя почтительныя отзывы объ этомъ обществѣ. Онъ увѣренъ, что вліянію общества весьма много обязана своимъ характеромъ жизнь, отличающая церковь англиканскую. Еслибы Джонъ Веслей теперь воскресъ то онъ увидалъ бы въ церкви искренность и истинное благочестіе, которое въ его время было подавлено формализмомъ. Перешедши затѣмъ къ разсужденію о завоеваніяхъ, дѣлаемыхъ папствомъ, деканъ соглашался съ тѣмъ, что собственно англиканская церковь не сдѣлала ничего, чтобы поддержать себя, но за то веслеянское общество было дѣятельно и успѣло основать 4 общины въ самомъ Римѣ. Упомянувши затѣмъ о своемъ путешествіи въ Америку деканъ сообщилъ, что встрѣтилъ тамъ блистательныя успѣхи дѣятельности общества. Свою рѣчь деканъ заключилъ похвалою настоящему столѣтію, которое особенно обратило вниманіе на миссіонерское дѣло, дѣло пресвѣщенія свѣтомъ евангелія язычниковъ; будучи добрымъ дѣломъ само въ себѣ, онъ будетъ сопровождаться благими послѣдствіями не для тѣхъ только, къ

которымъ посылають миссіонеровъ, но и для тѣхъ, которые посылають миссіонеровъ.

Баптистское миссіонерское общество. Годичное собраніе баптистскаго миссіонерскаго общества, происходившее въ Экзетеръ-галлѣ, было на этотъ разъ не столь многочисленно, какъ въ предшествовавшіе раза. Мѣсто предсѣдателя занималъ Брайтъ изъ Бирмингама, а отчетъ былъ читанъ д-ромъ Ундергиллемъ. Изъ отчета видно, что общество начинаетъ новый 1875—6 года безъ долговъ. Девять новыхъ миссіонеровъ, находившихся въ союзѣ съ обществомъ, посвятили себя на дѣло служенія Господу. Туземныя церкви въ Индіи представляютъ полное доказательство ихъ божественнаго призванія. Толпы народа окружають миссіонера, чтобы послушать отъ него „благу ю вѣсть“. Библія распространяется десятками тысячъ экземпляровъ. Въ Цейлонѣ ежедневно были отправляемы богослуженія, привлекавшія до 3,000 человекъ: 26 человекъ было крещено, а 49 ожидаетъ крещенія. Прибавьте къ этимъ 81 человекъ, находившихся на испытаніи. Нивы уже готовы къ жатвѣ. Послѣ вступительной предсѣдательской рѣчи говорилъ Ганжи. Онъ говорилъ такимъ образомъ: „Когда нашъ секретарь читалъ отчетъ, и когда нашъ предсѣдатель произнесилъ свою вступительную рѣчь, я чувствовалъ, что изображаемое дѣло столь велико, столь обширно, столь почтенно, что нельзя невидѣть доказательства того, что Богъ съ нами. А какъ часто у насъ не хватаетъ терпѣнія обозрѣть его съ его внѣшней и внутренней стороны. Мы смотримъ назадъ, впередъ, на право, налѣво, на себя, на людей, а забываемъ смотрѣть прямо. Не такъ ли бываетъ и съ священнослуженіемъ“. Мы часто, когда наша вѣра ослабѣваетъ, слишкомъ много заботимся о подборѣ текстовъ, о составленіи проповѣдей, о произнесеніи ихъ, о собраніи конгрегаціи, а какой результатъ? Почему священнослуженіе становится бременемъ тяжелымъ и неудобноносимымъ? оно умерщвляетъ человекъ. Еслибы мы думали въ себѣ такъ: Помогни миѣ Боже избрать текстъ, произнести проповѣдь, собери конгрегацію“, то утромъ въ воскресенье мы не шли бы на каеэдру какъ идетъ человекъ на эшафотъ, но привѣтствовали бы утро воскресенья и съ свѣтлымъ сердцемъ шли бы на дѣло Божіе: „вотъ что слѣдуетъ намъ искать въ отчетахъ о дѣятельности общества. Нечего смотрѣть много на секретарей, — они дѣлають свое дѣло вполнѣ правильно и точно. Нечего много смотрѣть на комитеты, на подписные листы, на число священниковъ, нужно смотрѣть на Бога и онъ дастъ вамъ успѣхъ. Мы ловцы для Іисуса—ловцы человекъ. Не смотрите слишкомъ много на корабли, на сѣти, на крѣпкія снасти у нашихъ братьевъ, на свою собственную силу и искусство, на взирайте на присутствіе Того, Кто стоитъ на кормѣ корабля, во

слову, котораго вы бросаете съѣзъ одесную страну корабля; если мы будемъ помнить о этомъ присутствіи Его, повиноваться Его голосу, мы будемъ забрасывать свои сѣти туда, гдѣ рыбы въ изобиліи, и сѣти даже будутъ проторгаться и т. д. „Говорившій затѣмъ Бронъ отвѣчалъ на нѣкоторыя возраженія, которыя дѣлаются противъ миссій. Д-ръ Кэрнст, изъ Бервина, обратилъ затѣмъ вниманіе на великую отвѣтственность по отношенію къ церкви и обществу, которая лежитъ на христіанахъ, и побуждалъ слушателей бодрствовать въ чувствѣ величія теперешняго кризиса и важности настоящаго времени.

Общество распространенія Евангелія въ иностранныхъ земляхъ. Годичное собраніе этого общества происходило подъ предсѣдательствомъ архіеп. квинтерберійскаго. Большая часть отчета была посвящена распространенію Евангелія въ Азіи. На попеченіи общества находилась 503 посвященныхъ миссіонера, которые были распределены слѣдующимъ образомъ: 127 въ Азіи, 98 въ Африкѣ, 53 въ Австраліи и на Тихомъ Океанѣ, 224 въ Америкѣ и Востокѣ Индіи; 1—въ Европѣ. Сюда же включены и 42 человека изъ туземнаго духовенства въ Индіи. На попеченіи же общества находилось кромѣ того 828 катихизаторовъ, и свѣтскихъ проповѣдниковъ въ иностранныхъ земляхъ и свыше 141 студента въ иностранныхъ коллегіяхъ. Послѣ рѣчи предсѣдателя говорили: Перстъ о туземныхъ племенахъ на Тихомъ Океанѣ, — Колдуэлъ, изъ Тинневилля, о нарѣчійхъ Индіи, въ ихъ отношеніи къ миссіонерскому дѣлу, и епископъ морейскій.

Общество распространенія религіозныхъ сочиненій. Семдесятъ шестое годичное собраніе этого общества происходило въ Эксетеръ-галлѣ, подъ предсѣдательствомъ Блаквуда. Секретарь общества д-ръ Девисъ прочиталъ отчетъ, изъ котораго видно что въ продолженіе года изданія общества изъ внутреннихъ складовъ проширлись до 46,536,057, и такимъ образомъ превышали на 1,733,597 изданія прошлаго года. Къ этому нужно прибавить 10,000,000 годичныхъ изданій въ заграничныхъ складахъ включая сюда Европу, Индію, Китай и Африку. Со времени образованія общества выпущено было 1,595,000,000 изданій. Пожертвованія на изданія простирались до 8,045 ф. Миссіонерскіе расходы простирались до 28,328 ф. эти расходы состояли въ заграничномъ счетѣ денегъ, платѣ за бумагу и изданія, жалованья эмигрантамъ, распространеніи школьныхъ библіотекъ, поддержаніи книгоношъ и пр. Послѣ рѣчи предсѣдателя произнесъ рѣчь д-ръ Гэллей, который сравнивалъ прошедшее и настоящее и всѣ преимущественно находилъ на сторонѣ послѣдняго; замѣчается, говорилъ онъ, удивительное измѣненіе: Въ чемъ же? Въ распространеніи религіознаго

воспитанія и распространенія религіозной литературы. Вотъ два дѣла за которыя Богъ послалъ свое благословеніе. Онъ благословляетъ Бога за вышнюю помощь, ниспосланную имъ субботнымъ школамъ и за ту религіозную литературу, которую распространяетъ это общество. Общество совершило удивительное дѣло. Онъ увѣренъ, что общество изданія сочиненій совершило такое доброе дѣло, какое совершить едва ли удалось какому-либо другому обществу. Каноникъ Тристрэмъ, говорившій послѣ этого, излагалъ тѣ причины, которыя связываютъ его съ обществомъ; онъ чувствуетъ себя связаннымъ съ обществомъ въ качествѣ миссіонера, въ качествѣ челоуѣка науки и въ качествѣ churchman'a. Послѣ этого слѣдовали еще двѣ—три рѣчи въ подобномъ же роцѣ.

Общество церковно-настырскаго вспомошествованія. Годичное собраніе этого общества подѣ предсѣдательствомъ графа Шефтсбуря проходило съ Сень-Джемсъ-галлѣ. Изъ отчета видно, что годичныя приношенія общества состояли въ слѣдующемъ: отъ духовныхъ лицъ 604, свѣтскихъ лицъ 222, всего 826. Благодаря усиліямъ общества теперь отправляется 825 добавочныхъ богослуженій въ воскресенье, сверхъ того 584 ежедневныхъ богослуженій, одержатся 844 читальни и 942 библейскихъ классовъ. Пожертвованія общества были употреблены на построеніе и открытіе 323 церквей и капеллъ; въ округахъ, которые въ настоящее время получаютъ вспомошествованіе общества, 311 залъ употребляются для божественныхъ службъ. Епископъ глочестерскій и бристоульскій, который говорилъ первымъ, указывалъ на необходимость дѣлать все для поддержанія общества и затѣмъ говорилъ объ обязанности, служителя Евангелія высказывать истину со всею христіанскою ясностію и бороться со всѣми тѣми, которые отвергаютъ ее. По поводу послѣдней мысли онъ ссылался на епископа оксфордскаго, который въ своей послѣдней рѣчи къ духовенству говорилъ, „что весьма значительное число людей получившихъ ученныя степени и занимающихъ должности или въ университетѣ или въ коллегіяхъ, только по имени христіане“. Послѣ него Вуджордъ говорилъ о духовномъ состояніи Ливерпуля и представилъ печальный очеркъ деморализованнаго состоянія народонаселенія, состоящаго почти изъ полумилліона жителей; но при этомъ онъ указывалъ, что даже среди этой массы, огрубѣвшей, невѣжественной, звѣрской существуютъ зародыши добра; гласъ евангельскій не молчитъ даже на такихъ округахъ. Въ заключеніе засѣданія говорилъ предсѣдатель накомнившій—рѣчь еп. Глочестерскаго, предсѣдатель подтвердилъ необходимость распространять Евангеліе особенно между рабочими классами; особенно указывая на необходимость говорить къ рабочему классу

языкомъ простымъ и общепонятнымъ; для своихъ рѣчей избирать предметы всего болѣе могущіе дѣйствовать на сердце рабочаго — о прощеніи грѣховъ и Христовомъ искупленіи, какъ единственномъ средствѣ получить прощеніе грѣховъ. Въ подтвержденіе своихъ мыслей предсѣдатель ссылался на примѣръ гг. Муди и Саввея; первый по крайней мѣрѣ не получилъ высшаго образованія, а между тѣмъ своими проповѣдями производилъ громадное вліяніе на слушателей; это потому, что его проповѣди отличались простотою, безыскусственностью и прямо дѣйствовали на сердце слушателей.

Миссія лондонскаго Сити. Сороковое годовое собраніе миссіи лондонскаго Сити происходило въ Экзетеръ-галлѣ, подъ предсѣдательствомъ Джозефа Гоара. Изъ отчета видно, что въ истекшемъ году агентами миссіи было сдѣлано до 3,000,000 посѣщеній; 275 къ больнымъ и умирающимъ; было роздано 3,500,000 сочиненій; 1,900,000 лицъ собиралось на митинги миссіи; было роздано 7,000 Библій; 200,000 лицъ брали на себя трудъ проповѣдывать на фабрикахъ и заводахъ. Между результатами, достигнутыми трудами общества, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія: 1,600 пьяницъ были излечены отъ пагубной страсти; 1,600 новыхъ причастниковъ присоединилось къ церквямъ, 300 человекъ возвращено къ товариществамъ, изъ которыхъ они были исключены за свой образъ жизни.

Годичное собраніе общества школъ оборванцевъ происходило въ Экзетеръ-галлѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Шефтсбюри. Хоры были заняты 500 мальчиками и дѣвочками, которые разнообразныя гимны и пѣнопѣнія, подъ управленіемъ Прудмана, Гентъ читалъ отчетъ, изъ котораго видно, что до 600 подарковъ было роздано предсѣдателемъ мальчикамъ и дѣвочкамъ въ видѣ награды за постоянство въ поведеніи въ продолженіе года. Въ продолженіе года 358 чистильщиковъ башмаковъ выручили 11,000 ф. Послѣ этого предсѣдателемъ были розданы награды учителямъ школъ за ихъ труды по обученію оборванцевъ. Рѣчи были произнесены предсѣдателемъ, епископомъ Клофтонскимъ, г. Флемингомъ и Кэдменомъ.

Опуская отчеты о годовыхъ собраніяхъ и некоторыхъ другихъ обществъ мы считаемъ не лишнимъ помѣстить таблицу доходовъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ, существующихъ въ Англіи, по которой можно судить и о томъ положеніи, въ какомъ находится теперь въ Англіи дѣло благотворительности и о томъ сочувствіи, какимъ пользуется она тамъ.

Доходы благотворительныхъ обществъ по годовымъ отчетамъ.

1874 г. 1875 г.

Библейское общество фун. 220,864 222,191 фун. стерл.

Главнѣйшія миссіонерскія общества:

Веслеяновское миссіонерское общество . . .	167,995	179,946	фун. стерл.	
Церковно миссіонерское общество	261,221	175,835	—	—
Общество распространенія Евангелія . . .	110,259	134,826	—	—
Лондонское миссіонерское общество . . .	115,909	103,553	—	—
Баттистское миссіонерское общество . . .	40,255	40,121	—	—
Моравскія миссіи	18,017	18,371	—	—
Южно-американское миссіонерское обще- ство	11,788	13,727	—	—
Англійскія пресвитеріанскія миссіи	8,971	10,248	—	—
		676,627	—	—

Миссіи въ колоніяхъ, между евреями и другія:

Методистскія миссіи	35,207	46,707	—	—
Общество распространенія христіанства среди евреевъ	35,533	37,317	—	—
Общество церквей въ колоніяхъ и на кон- тинентѣ	35,238	36,864	—	—
Миссіи методистскихъ свободныхъ церквей.	14,548	11,019	—	—
Британское общество для евреевъ	7,657	8,076	—	—
Евангелическое континентальное общество.	3,121	3,878	—	—
Общество всемогуществованія иностран- цамъ	3,625	3,510	—	—
Колоніальное миссіонерское общество . . .	2,953	3,252	—	—
		150,122	—	—

Внутреннія миссіи:

Общество сверхштатныхъ викаріевъ . . .	55,270	60,960	—	—
Общество церковно-пастырскаго вспомо- гательства	58,955	56,546	—	—
Миссія лондонскаго Сити	40,670	46,070	—	—
Веслеянскія внутреннія миссіи	30,000	32,000	—	—
Фондъ лондонскаго епископа	36,987	25,515	—	—
Ирландскія церковныя миссіи	28,513	22,987	—	—
Общество построенія церквей	7,850	12,623	—	—
Миссіи для моряковъ	8,000	10,722	—	—
Общество читателей церковно-англикан- скихъ писаній	9,438	10,254	—	—
Общество читателей военныхъ сочиненій.	8,682	9,156	—	—
Общество протестантской реформациі	4,413	7,367	—	—
Общество британскихъ и иностранныхъ мо- ряковъ	5,655	5,704	—	—

Британскія и ирландскія баптистскія внутреннія миссіи.....	4,800	5,100	фун. стерл.	—
Внутренне-миссіонерское общество..	5,176	4,512	—	—
Тюремныя миссіи.....	3,756	4,418	—	—
Ирландско-евангелическое общество.....	3,025	2,964	—	—
Общество читателей королевско-флотских сочиненій.....	1,800	2,163	—	—
Общество полуночныхъ митинговъ.....	3,599	1,916	—	—
		320,977	—	—
Религіозно-воспитательныя общества:				
Общество британскихъ и заграничныхъ школъ.....	11,215	20,547	—	—
Общество индійскихъ женскихъ школъ....	7,891	8,728	—	—
Общество христіанскаго воспитанія въ Индіи.....	9,760	8,668	—	—
Комитетъ веслеянскаго воспитанія.....	7,878	8,654	—	—
Общество внутреннихъ и колониальныхъ школъ.....	6,416	7,600	—	—
Ассоціація британскихъ сирійскихъ школъ.	5,578	5,966	—	—
Общество школъ оборванцевъ.....	3,806	3,789	—	—
Общество воскресныхъ школъ.....	2,669	8,016	—	—
		67,023	—	—
Смѣшанныя общества:				
Общество религіозныхъ сочиненій.....	137,705	144,566	—	—
Церковная ассоціація.....	7,749	7,859	—	—
Книжное общество.....	7,541	7,105	—	—
Христіанская ассоціація молодыхъ людей.	3,971	3,659	—	—
Общество мѣсячныхъ сочиненій.....	3,051	3,062	—	—
Общество библейскихъ переводовъ.....	1,974	2,488	—	—
Христіанская ассоціація молодыхъ женщинъ.....	1,470	1,678	—	—
Учрежденіе церковно англиканскихъ воскресныхъ школъ.....	1,067	1,891	—	—
Общество соблюденія воскреснаго дня..	984	1,000	—	—
		172,957	—	—

НОВЫЙ ПРУССКІЙ ЗАКОНЪ О СТАРОКАТОЛИКАХЪ.

На дняхъ обнародованъ новый прусскій законъ, о правахъ старокатолическихъ общинъ на пользованіе имуществомъ католической церкви, утвержденный 4-го іюля императоромъ.

Законъ устанавливаетъ пользованіе имуществомъ католической церкви въ тѣхъ общинахъ, конхъ члены въ значительномъ числѣ перешли въ старокатоличество. Старо-католической общинѣ предоставляется пользованіе церковью и церковнымъ дворомъ. Если есть много храмовъ, то они могутъ быть раздѣлены между католиками и старокатоликами. Если большинство членовъ перешло въ старо-католическую общину, то этой послѣдней предоставляется пользованіе храмомъ въ обычные для богослуженія часы. Вакантная церковная приходская должность, въ случаѣ численнаго перевѣса старокатоликовъ въ общинѣ, предоставляется имъ. При многихъ вакансіяхъ, если будетъ позволять численное отношеніе между католиками и старокатоликами, устанавливается раздѣлъ между тѣми и другими. При незначительномъ числѣ католиковъ, старокатоликамъ предоставляется полное обладаніе этими должностями. Въ этомъ случаѣ, изъ среды старокатоликовъ избирается новое церковное попечительство и представительство церковной общины. Таковъ въ главныхъ чертахъ новый законъ о старокатоликахъ.

Прусская законодательная власть, предоставляя старокатоликамъ, въ случаѣ численнаго перевѣса ихъ надъ католиками въ какомъ-нибудь городѣ или отдѣльной общинѣ, пользованіе католическими храмами, владѣніями и доходами, открывая имъ для богослуженія даже двери соборныхъ храмовъ, давая возможность овладѣвать безраздѣльно церковными имуществомъ, дѣлаетъ весьма рѣшительный и важный по возможнымъ послѣдствіямъ шагъ.

Религіозная партія, отколовшаяся отъ Римской церкви послѣ Ватиканскаго собора, признанная въ Римѣ еретическою и осмѣянная католическою печатью, какъ „профессорская оплошнція“, послѣ Мюнхенскаго и Кельнскаго конгрессовъ проявила свою жизнь организаціей церковныхъ обществъ и завершила свое устройство избраніемъ епископа и установленіемъ синодовъ. Еще прежде, съ самаго зарожденія старокатолическаго движенія, прусское правительство приняло благопріятную для него точку зрѣнія, рѣшивъ предоставить старокатоликамъ права какими пользовались въ государствѣ католики. Этотъ принципъ благопріятнаго отношенія къ старокатоликамъ, по мнѣнію офиціозной *Provincial-Correspondenz*, былъ выраженъ еще въ 1871 году тогдашнимъ министромъ духовныхъ дѣлъ Мюлеромъ: „если (въ ученіи церкви) произойдетъ перемѣна, какъ совершилось это чрезъ (Ватиканскую) кон-

ституціи 18 мая 1879 года, то государство не обязано, да и не правомочно, приверженцевъ стараго ученія въ ихъ отношеніи къ государству трагтовать какъ отступниковъ. Они не теряютъ своего права на покровительство государства отъ того, что церковь измѣнила содержаніе своего ученія, и это покровительство сохраняется за ними по прежнему. Вѣрное этому воззрѣнію, прусское правительство, несмотря на колебанія старокатоликовъ, несогласіе ихъ между собою въ церковномъ ученіи и богослуженіи, неопредѣленность въ воззрѣніяхъ на самаго папу, востоянно благопріятствовало имъ; въ короткое время, въ нѣсколько лѣтъ, общины старокатоликовъ получили государственное признаніе, за старокатолическими духовными было сохранено государственное содержаніе, Рейнленсъ былъ признанъ императоромъ въ санѣ епископа, въ государственный бюджетъ внесена была особая сумма на старокатоликовъ. Они были не только признаны государствомъ въ качествѣ дозволенной релігіозной секты, но были постепенно возводимы въ положеніе равное съ католиками, и поднимались, несмотря на свою малочисленность и неустойчивость, до значенія государственной церкви какъе нибѣтъ въ Пруссіи католицизмъ. Новый законъ довершаетъ такъ недавно начатый процессъ уравненія правъ старокатоликовъ съ католиками.

Насколько этотъ законъ послужитъ къ развитію и усиленію старокатолическаго движенія судить трудно. Умноженіе членовъ какой-либо церкви зависитъ, какъ говорить намъ опыты исторіи, не отъ вѣшняго юридическаго положенія церкви въ государствѣ, а отъ внутренней силы живущей въ ея ученіи и управленіи. Но старокатоличество еще не окрѣпло внутренно; оно не развило своей внутренней силы. Это видно изъ того, что оно еще не рѣшило основнаго вопроса, должно ли оно стоять на зыбкой почвѣ Тридентинскаго католичества, или твердою стопой перейти на почву единой нераздѣльной Церкви. Въ этомъ внутреннемъ колебаніи главнымъ образомъ кроется причина слабости его распространенія и малаго авторитета для простыхъ вѣрующихъ. Но нельзя не признать, что вмѣстѣ съ предоставленіемъ духовнымъ переходящимъ въ старокатоличество правъ на сохраненіе доходовъ, а мирянамъ права молиться въ тѣхъ же храмахъ гдѣ они молились и прежде, будетъ устранено препятствіе къ переходу въ старокатолицизмъ тѣхъ кто удерживается въ пализѣ страхомъ лишенія опредѣленнаго богослуженія и даже матеріальныхъ средствъ. Можно думать, что и духъ вождей старокатоличества, легальнымъ обезпеченіемъ ихъ церковныхъ общинъ и предоставленіемъ храмовъ, ободрится для боге энергической дѣятельности.

Но нѣтъ сомнѣнія, что только съ умноженіемъ числа старокатоли-

ковъ ультрамонтанство въ Германіи можетъ погнѣннута. Кажется, что и прусское правительство не чуждо надежды, что изъ старокатоликовъ со временемъ образуется національная католическая церковь безъ папы. Но что такое католическая церковь безъ папы, если это не есть православная церковь? Можетъ ли держаться этотъ такъ-называемый старокатолицизмъ, оторвавшійся отъ Рима и не приставшій къ востоку?

Пожелаемъ, чтобы старокатоличество, при новыхъ благоприятныхъ, хотя и вѣдѣнныхъ политическихъ условіяхъ существованія въ Германіи, созданныхъ новымъ закономъ, окрѣпло внутренно и отрѣшившись отъ парализующихъ его жизнь колебаній шло твердою стопой къ созданію германской національной церкви на неизбѣжныхъ основаціяхъ древней правдѣльной вселенской церкви.

Въ настоящее время представители старокатоличества въ Германіи трудятся надъ выработкой катехизиса и чина богослуженія, и готовятся къ Боннской конференціи, имѣющей быть въ августѣ мѣсяцѣ, на которую приглашены, вмѣстѣ съ богословами греческой церкви, депутаты и отъ нашего Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

ИЗБРАНЕ ЕПИСКОПА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Извѣстный нашимъ читателямъ статуть этой церкви одобренъ особо назначенною для того комиссіею и 4 (16) мая происходила въ Неаполѣ присяга избраннаго епископа Панелли на вѣрность вновь образовавшейся церкви и ея статуту.

Въ 11 часовъ утра должностныя лица общества и многочисленныя члены его собрались въ домовую церковь монсиньора Панелли, посредн которой водружена была хоругвь общества, поддерживаемая ветераномъ отечественныхъ войнъ Иустиномъ Файвано. Президентъ и главный секретарь общества, въ присвоенной имъ одеждѣ и опоясанные трехвѣтнмъ шарфомъ, помѣстидись близъ алтара. Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ въ церковь, въ фіолетовой одеждѣ, архіепископъ, сталъ на колѣна предъ алтаремъ, прочелъ тайную молитву и затѣмъ, облекшись въ ризы, въ сослуженіи двухъ священниковъ, совершилъ литургію. По окончаніи оной президентъ, въ сопровожденіи секретаря, подошелъ къ хоругви и пригласилъ присутствующихъ сѣсть. Архіепископъ, въ ризахъ и митрѣ, занялъ мѣсто близъ алтара. Затѣмъ президентъ

произнесъ глубоко-проучившую рѣчь, въ которой, указавъ назначеніе присяги для истинныхъ послѣдователей Иисуса Христа и охарактеризовавъ присягу, даваемую латинскими епископами папѣ и бывшимъ королямъ неаполитанскимъ,—присягу, чрезъ которую они дѣлались полными рабами папы и королей, теряли свой священный характеръ, и оставались лишь „служителями страшной диквизиціи, присяжными мніонами безграницной тиранинн, грозными орудіями рабства совѣсти, непримиримыми врагами всякой свободы, волками и палачами христіанскаго народа“,—объяснилъ смыслъ присяги, къ которой приглашался епископъ ново-организованной церкви. По словамъ президента, присяга сего послѣдняго есть полное выраженіе апостольскихъ обязанностей истиннаго католическаго пастыря и его, полного христіанской любви, назначенія посреди народовъ. Епископъ національно-итальянской католической церкви, продолжалъ президентъ, присягнетъ на то, чтобы поддерживать и защищать единыя права Иисуса Христа, свободы и отчизны, права истины, правды и любви, за которыя онъ обязывается предъ Богомъ и его церковію жертвовать даже жизнь свою; на то наконецъ, что онъ будетъ проповѣдывать права и обязанности искупленнаго народа, т. е. братство и миръ во всѣхъ отношеніяхъ жизни общественной и гражданской. Да, монсеньоръ, сказалъ въ заключеніе президентъ, обратившись къ епископу, въ сей день, когда церковь воспоминаетъ одну изъ самыхъ утѣшительныхъ своихъ тайнъ,—тайну даровъ, преемственныхъ Духомъ Святымъ, на востокоръ, даровъ премудрости и свободы, конии они должны были покорить кресту язычскій міръ, мы даемъ вамъ правомѣрную власть благодати и любви надъ нашею совѣстію и церковію,—власть, которою вы будете пользоваться безъ сомнѣнія подъ навіемъ Того, Кто былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ; на чьихъ устахъ не было иныхъ рѣчей, кромѣ словъ любви и милосердія: Который проклинаемый благословлялъ, гонимый благовѣствовать страждущимъ, святить и освобождать чернь, и, умирая на крестѣ позора жертвою Своей безконечной любви, молился за Своихъ распинателей. Эта власть, вручаемая вамъ нами свободно и добровольно, заслужить вамъ вѣчную славу и блаженство, если, какъ мы въ томъ увѣрены, вы будете бодрственнымъ, благоразумнымъ и незапятнаннымъ стражемъ и правителемъ,—или, отъ чего да избавить Господь, вѣчный позоръ и угроженіе, если будетъ иначе.

По окончаніи этой рѣчи, главный секретарь общества прочтеть актъ избранія и оффіціальную записку, коею сообщалось монсеньору Доминику Паведали, архіепископу города Лидды, объ избраніи его первымъ епископомъ національно-итальянской католической церкви. За-

тѣмъ президентъ общества, кавалеръ Прота-Джурлоо взялъ Евангеліе, развернулъ и поднесъ его избранному епископу, который, положивъ на священную книгу правую руку, громко и раздѣльно прочиталъ нижеслѣдующую формулу присяги:

„Я, Доминикъ Панелли, архіепископъ города Лидды, избранный епископомъ національно-итальянской католической церкви, приѣмлю и клянусь святымъ Евангеліемъ соблюдать догматическій, органическій и дисциплинарный статутъ поименованной церкви, блюсти за его исполненіемъ, а также наблюдать, охранять и защищать интересъ нашего отечества, Італіи свободной, независимой и единой, равно какъ интересы святѣйшей, католической и апостольской въры нашей,—въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ“.

Вслѣдъ затѣмъ президентъ вручилъ епископу архіерейскій перстень и произнесъ слѣдующія слова: „Примите мнѣ, пастыръ нашъ, символъ вашей духовной власти надъ церковію нашей; да послужитъ онъ вамъ какъ бы знаменіемъ истины, правды и любви въ управленіи духовнымъ стадомъ Христовымъ, свободнымъ избраніемъ нашимъ вѣрнымъ вашей пастырской заботливости“.

Послѣ этихъ словъ, епископъ всталъ съ своего мѣста и произнесъ слѣдующую рѣчь: „Возлюбленные братія во Христѣ Іисусѣ. Устройство національно-католической церкви теперь уже не мечта слабаго ума, не сонъ и не утопія, это — торжественно совершившійся фактъ. Возведенный божественнымъ милосердіемъ и свободнымъ избраніемъ вѣрныхъ въ высокое достоинство перваго епископа этой церкви, я долженъ прежде всего заявить, что я признаю себя недостойнымъ такой чести, не только предъ верховнымъ Пастыремъ и Главою вселенской церкви Іисусомъ Христомъ, Богомъ отъ Бога, свѣтомъ отъ свѣта, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, единосущнымъ Отцу, но и предъ честнѣйшимъ пресвитерствомъ Італіи, составляющимъ хвалу и украшеніе нашей церкви и дорогаго отечества. Сколько священниковъ, достойнѣйшихъ по своей испытанной мудрости, по своему неблазвенному нравственному поведенію, непрестаннымъ жертвамъ и опытности въ управленіи, могли бы быть предпочтены мнѣ, поместнѣй наименьшему въ дому Отца моего! Великій Боже, испытующій сердца и выдающій въ нихъ самыя тайныя помышленія! Тебѣ одному вѣдомо, сколько разъ въ святящій мой бѣдной совѣсти возмозилъ я къ Тебѣ мои смиренныя молитвы, дабы Ты даровалъ болящаго меня прилежнаго труженника этому благословенному винограднику, въ которомъ, хотя и орошенномъ Твоею драгоценною кровію, произрастало дурное сѣмя, не Твое, заброшенное единственно рукою врага. Но Ты, Господи, сколько разъ воздвигалъ изъ камня смѣловъ Аврааму, и я, ничто же могу-

щій, потому что я ничто, надѣюсь все мочь въ Тебѣ, потому что Ты поддержишь меня. Да, братіе, если я пріѣмлю сколько почетный, столько же и трудный долгъ, на меня возлагаемый, то потому только, что возлагаю всё свои надежды во первыхъ на благодать Божию, а затѣмъ и на вашу дѣятельную помощь, да все въ управленіи церковію совершится согласно волѣ самого Бога и единого Спасителя нашего Иисуса Христа. Чувства мои слишкомъ хорошо вамъ извѣстны. Посему излишне увѣрять васъ, что я буду посреди васъ не какъ воссѣдающій, и тѣмъ менѣе какъ предсѣдающій, но какъ приставникъ и слуга. Не называйте меня отцомъ и учителемъ: «единъ Отецъ Богъ и единъ Учитель Иисусъ Христосъ», мы же да будемъ только братія во Христѣ Искупителѣ. Да благоволитъ Онъ охранять всякое дѣло наше, дабы все было направлено къ Его славѣ и чести, и да сотворитъ Онъ, чтобы для блага Его оскорбленной церкви и нашего искупленнаго отечества я пребылъ вѣрнымъ и ровностнымъ въ соблюденіи торжественной присяги, принесенной мною предъ симъ святымъ жертвенникомъ. И такъ, возлюбленные, миръ, спасеніе и полнота небесныхъ благословеній да снизойдетъ на васъ и никогда да не покидаетъ всѣхъ насъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!»

Присутствующіе въ почтительномъ молчаніи выслушали эти слова и по окончаніи рѣчи привѣтствовали своего епископа самыми искренними рукоплесканіями. Затѣмъ секретарь прочелъ протоколъ засѣданія, который и былъ подписанъ епископомъ Панелли и всѣми присутствующими.

Изъ напечатанныхъ въ „Католическомъ Освободителѣ“ документовъ видно, что сочувствіе къ обществу, основавшему національно-итальянскую католическую церковь (оно именуется „національнымъ обществомъ освобожденія и взаимной помощи итальянскаго священства“), распространяется все болѣе и болѣе. Сочувственные отзывы присылаются не только изъ всѣхъ провинцій Италіи, но также изъ Швейцаріи и Франціи. Въ числѣ сочувствующихъ обществу находится 36 депутатовъ итальянскаго парламента и между ними знаменитый патріотъ и національный герой Гарibaldi. Онъ прислалъ архіепископу Панелли письмо, въ которомъ поздравляетъ его съ тѣмъ, что онъ примкнулъ къ великому дѣлу освобожденія католической совѣсти отъ тиранническихъ злоупотребленій и обмановъ іезуитскаго Ватикана и вступилъ на путь, ведущій къ религіи истины, которая для членовъ католической эмансипаціи есть не иное что, какъ религія Иисуса Христа, иже есть путь, истина и жизнь.

2 мая происходило избраніе другого епископа, въ качествѣ викарія архіепископа Панелли. Избранъ каноникъ Станиславъ Трабукко. Въ

настоящее время новозбранный боленъ и посвященіе его отложено впродъ до его выздоровленія. Органъ національной церкви выражаетъ надежду, что въ посвященіи каноника Трабуко примутъ участіе иностранные епископы, для сообщенія этому акту большаго авторитета и торжественности. Къ сожалѣнію, подробностей этого избранія мы не имѣемъ и можемъ только упомянуть, что новозбранному поднесены членами домоѣ церкви епископскій перстень при адресѣ, на который новозбранный отвѣчалъ, что онъ въ этомъ дарѣ видитъ желаніе подтвердить торжественный актъ юридическаго устройства національной церкви и поддержать новозбраннаго въ борьбѣ противъ безстыднаго ультрамонтанства, которое съ неслышанною дерзостію возстаетъ противъ истиннаго, добраго и прекраснаго во всѣхъ свободныхъ учрежденіяхъ цивилизованной Европы.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, согласно постановленіямъ статута, предполагается сдѣлать выборъ синодальнаго совѣта и частнаго совѣта епископа.

**ЗАПИСКА ЧИТАННАЯ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНИИ ЧЛЕНОВЪ
ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА 11 МАЯ
1875 ГОДА.**

1874 годъ былъ пятый со времени открытія Православнаго Миссіонерскаго Общества. Итакъ, наше Общество, по милости Божіей, существуетъ уже пять лѣтъ. Послѣ обзорѣнія его состоянія и дѣятельности за истекшей годъ, полезно будетъ взглянуть и на все небольшое пройденное имъ поприще. Въ этотъ краткій періодъ времени столько открылось важныхъ обстоятельствъ по отношенію къ миссіонерскому дѣлу, такія выяснились великія для Общества задачи, что и руководственныхъ указаній, имъ приобрѣтенныхъ, и трудовъ, ему подлежащихъ, станетъ на цѣлыя столѣтія. Посему въ настоящемъ обзорѣніи Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества признаетъ полезнымъ сообщить общему собранію: а) свѣдѣнія за истекшей годъ, б) взглядъ на все прошедшее пятилѣтіе и в) указаніе нѣкоторыхъ, какъ сказано, выяснившихся для Общества и подлежащихъ ему задачъ.

I.

Истекшей годъ, не представляя въ дѣятельности Общества сравнительно съ прежними годами, особенно выдающагося, тѣмъ не менѣе значительно подкрѣпляетъ то убѣжденіе, что положеніе Общества годъ отъ году упрочивается, и его вліяніе на миссіонерское дѣло не только въ нашемъ отечествѣ расширяется, но простирается уже и за его предѣлы.

Составъ Общества за прошедшій годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Дѣйствительныхъ членовъ Общества въ истекшемъ году въ

московскомъ отдѣленіи его было 2070 ¹⁾). Членскихъ взносовъ и пожертвованій въ кассу совѣта Общества поступило: 57,157 р. 91¹/₄ коп. ²⁾).

Число членовъ Общества въ епархіальныхъ его отдѣленіяхъ и количество взносовъ и пожертвованій, поступившихъ въ епархіальные комитеты, представляются въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ Астраханскомъ комитетѣ членовъ . . .	254
пожертвованій	2170 р. 79 ¹ / ₂ к.
— Благовѣщенскомъ комитетѣ членовъ . .	114
пожертвованій	842 р. 7 к.
— Витебскомъ—членовъ	81
пожертвованій	303 р. 54 к.
— Владимірскомъ—членовъ	293
пожертвованій	2655 р. 69 к.
— Вологодскомъ—членовъ	121
пожертвованій	1613 р. 71 ¹ / ₂ к.
— Воронежскомъ—членовъ	195
пожертвованій	1792 р. 36 ¹ / ₂ к.
— Ватскомъ—членовъ	261
пожертвованій	2005 р. 56 ¹ / ₄ к.
— Донскомъ—членовъ	221
пожертвованій	3023 р. 26 ¹ / ₄ к.
— Енисейскомъ—членовъ	237
пожертвованій	1412 р. 17 к.

¹⁾ Въ томъ числѣ членовъ обезпечившихъ ежегодные взносы капиталомъ: 348.

²⁾ Въ числѣ 57,157 руб. 91¹/₄ к., показанныхъ приходомъ по совѣту Правосл. Мис. Общества, заключаются: а) 35,889 р. 25¹/₄ к. взносовъ и пожертвованій отъ членовъ и благотворителей, б) 173 р. 50¹/₂ к. изъ кружекъ, находящихся въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ в) 2136 р. 26¹/₂ к., сбора въ церквахъ послѣ произнесенія поученій въ недѣлю православія; г) 14,955 р. 73 к. процентовъ, д) 97 р. 54 к. вырученныхъ отъ продажи изданій совѣта; е) 956 р. 25 к. отъ разности между нарицательными и покупными цѣнами процентныхъ бумагъ, ж) 913 р. 53 к. полученныхъ чрезъ московскую духовную консисторію изъ суммъ хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ, въ возвратъ выданныхъ совѣтомъ на прогоны лицамъ отправленнымъ на миссіонерское служеніе и з) 2036 р. 88¹/₄ к. переведенныхъ въ совѣтъ изъ епархіальныхъ комитетовъ Общества. Сверхъ того получено: 14,069 р. 26 коп. церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между азиатиками въ имперіи и 187 р. 23 к. суммъ переходящихъ. Итого всѣхъ суммъ въ совѣтъ Прав. Мис. Общества за 1874 г. на приходъ поступило: 71,384 р. 40¹/₄ к.

Въ Иркутскомъ—членовъ	498
пожертвованій 28,994 р. 30 $\frac{1}{2}$ к.	
— Калужскомъ—членовъ	54
пожертвованій 934 р. 17 к.	
— Киевскомъ—членовъ	133
пожертвованій 1907 р. 51 к.	
— Костромскомъ—членовъ	456
пожертвованій 3196 р. 29 $\frac{1}{2}$ к.	
— Минскомъ—членовъ	37
пожертвованій 229 р. 88 к.	
— Орловскомъ—членовъ	183
пожертвованій 2863 р. 92 $\frac{1}{2}$ к.	
— Пермскомъ—членовъ	296
пожертвованій 3479 р. 52 $\frac{1}{2}$ к.	
— Рязанскомъ—членовъ	180
пожертвованій 1577 р. 17 к.	
— Самарскомъ—членовъ	195
пожертвованій 888 р. 59 к.	
— Тамбовскомъ—членовъ	192
пожертвованій 3271 р. 6 к.	
— Тобольскомъ—членовъ	251
пожертвованій 3370 р. 71 $\frac{1}{2}$ к.	
— Томскомъ—членовъ	74
пожертвованій 482 р. 65 к.	
— Якутскомъ—членовъ до	110
пожертвованій 1168 р. 93 к.	

Всего же въ Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ въ 1874 году дѣйствительныхъ членовъ было 6516, суммъ поступило 123,305 р. 97 $\frac{1}{4}$ к. ¹⁾, что съ присоединеніемъ церковно-вружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи, вступившаго въ количествѣ 25,417 рублѣй 53 $\frac{1}{2}$ к. ²⁾, составляетъ 148,723 р. 50 $\frac{3}{4}$ к. Съ остаточными отъ 1873 года 369,686 р. 43 $\frac{3}{4}$ к., въ сложности по 1 января 1875

¹⁾ 123,305 руб. 97 $\frac{1}{4}$ к. составляютъ дѣйствительное количество собственныхъ доходовъ Правосл. Миссіон. Общества за 1874 годъ, но исключеніи 2035 р. 88 $\frac{3}{4}$ к., перечисленныхъ изъ комитетовъ въ совѣтъ.

²⁾ До передачи въ 1872 году св. Синодомъ въ вѣдѣніе Православнаго Миссіонерскаго Общества церковно-вружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи, поступило сего сбора въ казначейственное управленіе при св. Синодѣ около 17,000 р. въ годъ.

года всѣхъ суммъ въ приходѣ было 518,409 руб. 94¹/₂, к., а по принятому раздѣленію на капиталы:

неприкосновеннаго	240,148 р. 28 к.
запаснаго	141,843 р. 74 ¹ / ₂ к.
расходнаго	136,922 р. 92 ¹ / ₂ к.

Замѣчательныя пожертвованія, кромѣ 11,200 р. поступившихъ отъ преосвященнѣйшаго Митрофана епископа Оренбургскаго, и 1000 руб. по завѣщанію священника Бакулина, о которыхъ предварительно заявлено было при отчетѣ за 1873 г., были слѣдующія: а) 100 руб. отъ Ея Величества Королевы Виртембергской Ольги Николаевны, вслѣдствіе поднесенія Ея Величеству пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта въ переводѣ съ еврейскаго на русскій языкъ архимандрита Макарія, первоначальника Алтайской миссіи, б) въ Иркутскій епархіальный комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества: отъ коллежскаго совѣтника Ивана Ивановича Базанова на построеніе миссіонерскихъ церквей 14,000 р. и отъ верхоленскаго купца Михаила Агеевича Сапженикова на построеніе въ Ольхонскомъ станѣ миссіонерскаго училища и на содержаніе оного 10,000 руб., в) въ Енисейскій епархіальный комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества—въ пользу церкви Туруханскаго края, отъ потомственной почетной гражданки Татьяны Ивановны Щеголевой 4%, непрерывно-доходный билетъ государственной комиссіи погашенія долговъ въ 1000 р. За это пожертвованіе, въ поощреніе жертвовательницы отдаленнаго отъ насъ края къ дальнѣйшему попеченію на пользу миссіонерскихъ церквей Енисейской епархіи, предсѣдатель Общества имѣетъ порученіе—изъявить г-жѣ Щеголевой Высочайшую благодарность Ея Императорскаго Величества, Августѣйшей Покровительницы Общества, г) отъ члена совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества и сотрудника Алтайской миссіи, протоіерея Николая Дмитриевича Лаврова 1500 р. на построеніе въ центральномъ Улалинскомъ станѣ Алтайской миссіи лѣчебницы для больныхъ новокрещенныхъ инородцевъ, д) чрезъ помощника предсѣдателя Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, преосвященнѣйшаго Леониды, епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, 7000 р. въ облигаціяхъ Московскаго Кредитнаго Общества, для присоединенія къ неприкосновенному капиталу Православнаго Миссіонерскаго

Общества, лицомъ, пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности, на условіяхъ, изложенныхъ въ письмѣ жертвователя на имя его преосвященства отъ 15 августа 1874 года, хранящемся при дѣлахъ совѣта. Сущность условій состоитъ въ слѣдующемъ: неприкосновенный капиталъ въ 7000 р. долженъ быть называемъ *Юсифовскимъ*. Проценты съ него въ теченіи 20 лѣтъ, считая съ 1 марта 1875 года, за шесть мѣсяцевъ впередъ, должны быть выдаваемы на семейныя нужды одному лицу, номенованному въ письмѣ жертвователя, а въ случаѣ его смерти—его вдовѣ и дѣтямъ. По истеченіи 20 лѣтъ, проценты обращаются на выдачу пособій миссіонерамъ сибирскихъ миссій—многосемейныхъ, или болѣзненнымъ и престарѣлымъ, въ размѣрахъ подробно указанныхъ жертвователемъ⁴⁾. Хотя довольно далеко срокъ, когда само Общество будетъ пользоваться процентами съ пожертвованнаго капитала, но время этому придетъ, а для настоящаго это пожертвованіе имѣетъ значеніе, какъ свидѣтельство довѣрія, которое пріобрѣтаетъ наше Общество въ средѣ православнаго народа.

Число вкладовъ по завѣщаніямъ и вообще на помяновеніе съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1874 году такихъ пожертвованій поступило: а) означенные выше 1000 руб. по завѣщанію умершаго священника Николая Павловича Бакулина; б) 500 р. отъ неизвѣстнаго, чрезъ священника московской Петропавловской, на Калужской улицѣ, церкви С. Д. Цвѣткова, за упокой Андрея и Ольги; в) 300 р. чрезъ Вятскую духовную консисторію по завѣщанію умершей крестьянской вдовы Аѳанасіи Антоновны Богаевой; г) 200 р. отъ неизвѣстнаго, чрезъ редакцію «Миссіонеръ», за упокой Евдокіи; д) 200 р. отъ жены д. ст. совѣтника Н. Я. Осиповской, по духовному завѣщанію умершей дочери тит. сов. Анны Андреевны Крыжовой, е) 100 р. отъ неизвѣстнаго чрезъ Калужскій комитетъ Православнаго Миссіонерскаго

⁴⁾ Жертвователь Юсифовскаго капитала заявилъ слѣдующее желаніе: «поручаю всякому, кому бы ни было назначено изъ священнослужителей или дѣтей ихъ, пособіе изъ процентовъ съ означеннаго капитала, молитвенную имѣть память о рабахъ Божіихъ: Іосифѣ, Іаковѣ, Георгіѣ, Екатериѣ, Валеріаѣ, Іуліанѣ и Елисаветѣ». Помянникъ сей сообщенъ совѣтомъ въ миссіи: Алтайскую, Иркутскую, Забайкальскую и Приамурскую.

Общества, за упокой боярыни Ксении, ж) 100 р. чрезъ священника московской Гребневской, на Лубяниѣ, церкви І. Т. Протасова, отъ умершаго унтеръ-офицера Ивана Прохоровича Сидорова, за упокой Іоанна и Агапіи, и з) 100 р. отъ Г. Корсакова, за упокой боярыни Михаила. О поминовеніи всѣхъ лицъ, указанныхъ жертвователями, сообщено въ миссіи; Алтайскую, Иркутскую, Забайкальскую и При-амурскую. Начальствамъ сихъ же миссій Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по желанію жертвователей, сообщилъ касательно поминовенія о здравіи: преосвященнѣйшаго епископа Митрофана (Оренбургскаго и Уральскаго), пожертвовавшаго 11,200 р., и Іоанна и Ѳекли, отъ которыхъ пожертвовано 52 руб., чрезъ священника московской Воскресенской, въ Гончарахъ, церкви. Пожертвованія вещами въ пользу миссій были въ прошедшемъ году еще болѣе обильны, чѣмъ въ прежніе годы ⁶⁾.

Чтобы однимъ словомъ опредѣлить количество этихъ пожертвованій, скажемъ, что вещей для миссій — не громоздкихъ въ началѣ текущаго года въ одинъ Иркутскій комитетъ, не говоря о небольшихъ посылкахъ для другихъ миссій, отправлено изъ канцеляріи совѣта съ почтою 64 тюка, около пуда каждый.

Расходъ изъ суммъ Общества въ пособіе миссіямъ въ исполненіе смѣтныхъ назначеній прошедшаго года, со включеніемъ 1467 р. 98 к. зачтенныхъ Алтайской и При-амурской миссіямъ, простирался до 48,365 р. 99 к. Кромѣ того, изъ совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества отправлено въ Японскую миссію суммъ поступившихъ въ 1874 году отъ благотворителей съ назначеніемъ въ пользу сей миссіи 1396 руб. 80 к., и епархіальными комитетами Общества, въ предѣлахъ которыхъ находится миссія, издержано на мѣстныхъ миссіонерскія нужды изъ суммъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе, 21961 р. 99¹/₂ к. Всего, съ сверхсмѣтнымъ расходомъ въ 4935 руб. 85 к., на содержаніе миссіонерскихъ учрежденій Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ въ 1874 г. употреблено 76,660 р. 63¹/₂ к. 7).

⁶⁾ О всѣхъ сихъ пожертвованіяхъ своевременно были печатаемы объявленія въ „Миссіонеръ“.

⁷⁾ Всѣхъ суммъ Прав. Мисс. Общ. въ расходъ за 1874 г. поступило: изъ запаснаго капитала 6503 руб. 20 к. и изъ расходнаго 80,068 руб. 92¹/₂ к., итого 86,572 р. 12¹/₂ к. на слѣдующіе предметы: а) на содер-

Сверхсѣтные расходы, которые совѣтомъ Общества въ истекшемъ и отчасти въ настоящемъ году произведены были по требованіямъ обстоятельствъ, будутъ объяснены ниже при изложеніи самыхъ случаевъ, по которымъ были дѣлаемы.

Для содѣйствія развитію миссіонерскаго дѣла совѣтомъ Общества въ 1874 году отчасти окончены начатыя прежде, отчасти вновь приняты или предначаты слѣдующія мѣры: миссіонеровъ отправлено было трое, и всѣ въ миссіи Иркутской епархіи: окончившій курсъ воспитанникъ Тверской семинаріи Павелъ Шавровъ, съ женою Александрою Васильевою, окончившій курсъ воспитанникъ Полтавской духовной семинаріи Яковъ Дуброва и священникъ Пермской епархіи Сергій Троицкій. Кромя прогововъ (которые собственно за миссіонеровъ всегда возвращаются Обществу хозяйственнымъ управленіемъ при святѣйшемъ Синодѣ) всѣмъ имъ выдано въ пособіе изъ суммъ Покровскаго монастыря по 100 руб. Священникъ Троицкій на пути къ мѣсту назначенія оставленъ былъ на нѣкоторое время въ Казани для ознакомленія съ буддійскимъ вѣроученіемъ и основаніями монголо-бурятскаго языка подъ руководствомъ тамошнихъ специалистовъ по знанію восточныхъ языковъ. Предъ отправленіемъ изъ Казани въ Иркутскъ, онъ писалъ совѣту: «книги, рекомендованныя мнѣ профессоромъ казанской духовной академіи В. В. Миротворцевымъ, мною прочитаны; въ монгольскомъ языкѣ, при трудности его изученія, я успѣлъ, сколько возможно: научился читать и ознакомился съ необходимыми грамматическими правилами; основательное же изученіе разговорнаго бурятскаго языка, думаю, будетъ идти успѣшнѣе среди самихъ бурятъ при ежедневныхъ съ ними сношеніяхъ».

Извѣстно, какое важное пособіе Алтайской миссіи оказываетъ, учрежденная въ центральномъ станѣ ея—Улагѣ, женская община

жаніе миссій и миссіонерскихъ учреждений 75,192 р. 65 $\frac{1}{2}$ к., б) на прогоны лицамъ, отправленнымъ на служеніе въ сибирскихъ миссіяхъ, 1600 р., и в) на расходы по Обществу 9779 р. 47 $\frac{1}{4}$ к., въ числѣ коихъ 3900 р. на обороты редакціи „Миссіонера“ и на жалованье редактору. За тѣмъ къ 1875 г. всѣхъ суммъ Прав. Мисс. Общ. въ остаткѣ состояло 431837 руб. 81 $\frac{1}{4}$ коп., въ томъ числѣ: неприкосновеннаго капитала 240143 р. 28 к., запаснаго 184840 р. 54 $\frac{1}{4}$ к. и расходнаго 56,853 руб. 39 $\frac{1}{2}$ коп.

въ приготовленіи къ крещенію инородческихъ женщинъ, въ обученіи ихъ молитвамъ, правиламъ христіанской жизни и руководъльнъ. Составъ общины оскудѣлъ въ послѣднее время, вслѣдствіе смерти бывшей начальницы ея монахини Ольги и нѣкоторыхъ сестеръ; надлежало его пополнить. Сотрудникомъ Алтайской миссіи и членомъ совѣта протоіереемъ Н. Д. Лавровымъ приглашены и, съ согласіемъ московскаго и томскаго епархіальныхъ начальствъ, отправлены въ Улалинскую общину московскаго Зачатьевскаго монастыря монахини Алексія съ двумя послушницами, родными ея сестрами, Агрипиною и Параскевою Семеновыми. Изъ суммъ Общества выдано имъ на подъемъ и путевые расходы 500 р.

Въ 1872 году директоромъ казанской учительской семинаріи Н. И. Ильинскимъ, между прочимъ, предложены были совѣту Общества двѣ кѣры къ улучшенію и усиленію переводовъ священныхъ и другихъ поучительныхъ книгъ на инородческіе языки, и обученія инородческихъ дѣтей: вызовъ на годъ въ Казань начальника Иркутской миссіи, архимандрита Мелетія, для изученія лучшихъ методовъ перевода книгъ и обученія дѣтей, и устройство собственной типографіи и цензуры въ Алтайской миссіи. Дѣтокъ прошедшаго года, съ разрѣшенія св. Синода, о. Мелетій, послѣ двѣнадцати-лѣтняго, безотлучнаго пребыванія и непрерывныхъ трудовъ въ Забайкальской миссіи, на счетъ Общества прибылъ въ Казань и остается тамъ доселѣ. При академическомъ образованіи и такомъ продолжительномъ изученіи монгольскаго языка и буддизма среди бурятъ, о. Мелетій долженъ быть лицомъ наиболее способнымъ для предназначенной дѣли; труды его въ теченіи года въ Казани безъ сомнѣнія принесутъ добрые плоды для миссіонерскаго дѣла и расходы сдѣланныя Обществомъ (въ прошедшемъ году 800 р. на прогоны отъ Иркутска до Казани) не пропадутъ даромъ^{*)}. Прошедшею осенью о. Мелетій пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ не бывалъ никогда. Ласковый пріемъ и вниманіе, оказанныя здѣсь уже нѣсколько утомленному и болѣзненному миссіонеру видимо утѣшили и ободрили его. Заботливый попечитель о миссіонерахъ пріѣзжающихъ въ Москву, іеромонахъ Покровскаго монастыря о. Іосифъ, къ сожа-

*) На обратный путь будетъ выдано ему въ текущемъ году 350 руб.

лѣвію нинѣ уже умершій, сопутствовалъ о. Мелетію при обоб- рѣніи имъ достопримѣчательностей Москвы и въ путешествіи въ Кіевъ и Сергіеву Лавру. Архимандриту Мелетію въ пособіе на это путешествіе выдано было изъ суммъ Общества 100 р. и изъ Покровскаго монастыря 50 р. и сверхъ сего, по возвраще- ніи его въ Казань, выслано ему отъ свѣта на лѣченіе раз- строенныхъ отъ простуды органовъ слуха 150 р. ⁹⁾. Этотъ и первый уже опытъ вниманія къ миссіонерамъ далъ новое дока- зательство той истины, что искреннее братское участіе къ нимъ со стороны Православнаго Миссіонерскаго Общества утѣшаетъ и поощряетъ ихъ бѣдѣ, чѣмъ служебныя отличія.

Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на устройство типографіи и собственной цензуры въ алтайской мис- сіи послѣдовало въ 25 день марта 1874 года и объявлено въ указѣ святѣйшаго Синода на имя его высокопреосвященства отъ 12 мая того же года. Главныя основанія, которыми должна ру- ководствоваться миссія въ цензурѣ и печатаніи въ собственной типографіи книгъ, суть слѣдующія: 1) для разсмотрѣнія руко- писей, предназначаемыхъ къ изданію въ печати на алтайскомъ языкѣ, начальникъ миссіи долженъ каждый разъ составлять подъ своимъ предсѣдательствомъ комиссію изъ лицъ, знающихъ ос- новательно алтайское нарѣчіе; 2) комиссія одобряетъ напеча- таніе сихъ рукописей по своимъ постановленіямъ, заносимыхъ въ журналъ за подписью всѣхъ членовъ, наблюдая при этомъ, чтобы одобряемыя къ напечатанію изданія были согласны съ православнымъ ученіемъ и общедоступны, а переводы имѣли возможную близость къ тексту подлинника; 3) одобреніе къ пе- чати на рукописи и билетъ на выпускъ напечатаннаго подписи- ваетъ начальникъ миссіи за своею отвѣтственностію, а на мѣстѣ цензурнаго дозволенія во всякомъ выходящемъ изъ печати из- даніи должно быть означено: «напечатано съ дозволенія цен- зуры, утвержденной при алтайской миссіи»; 4) издаваемая мис- сіею на алтайскомъ языкѣ сочиненія и переводы могутъ быть сопровождаемы постранично и русскимъ текстомъ, но миссіи не предоставляется права печатать подъ своею цензурою никакихъ изданій собственно на русскомъ языкѣ.

⁹⁾ Въ 1875 году.

Ревнители миссіонерскаго дѣла въ Казани, въ видахъ ознакомленія православныхъ съ магометанскимъ ученіемъ, средствами борьбы съ нимъ и значеніемъ магометанства въ нашемъ отечествѣ, съ 1873 года предприняли изданіе «Противомусульманскаго сборника». Членъ комиссіи по изданію Сборника, профессоръ казанской духовной академіи, священникъ Евфимій Александровичъ Маловъ въ прошедшемъ году предложилъ совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества обратить вниманіе на это изданіе и, если оно признано будетъ полезнымъ, выписывать его для сибирскихъ миссіей. Признавъ это изданіе вполне соответствующимъ цѣли, вообще для чтенія весьма занимательнымъ и полезнымъ для ознакомленія съ магометанствомъ сибирскихъ миссіонеровъ, нерѣдко встрѣчающихся съ послѣдователями этой религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая содѣйствовать благоуспѣшному продолженію изданія, совѣтъ положилъ выписать два экземпляра всѣхъ вышедшихъ его выпусковъ для миссіонерской бібліотеки Покровскаго монастыря и по одному экземпляру для каждаго изъ становъ Иркутской и Забайкальской миссіей, всего на сумму около 200 р.¹⁰⁾ Подписка на него будетъ продолжаться для означенныхъ мѣстъ и на будущее время, и сверхъ сего предполагается въ текущемъ году выписать его и для всѣхъ становъ алтайской миссіи.

Сверхсѣтныя расходы сдѣланы были совѣтомъ въ прошедшемъ году по безотлагательнымъ нуждамъ еще на слѣдующіе предметы: на построеніе дома для содержанія на счетъ общества Кюдриковской шволи для татарскихъ дѣтей въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи 300 руб. На приобрѣтеніе 500 ивонъ для Благовѣщенскаго на Амурѣ комитета и 500 для Иркутской миссіи, изъ Кіево-Печерской лавры, чрезъ кіевскій комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 815 руб. и 3604 р.¹¹⁾ въ пособіе Японской миссіи въ виду чрезвычайныхъ нуждъ, вызываемыхъ исключительнымъ ея положеніемъ, которое объяснено будетъ ниже.

¹⁰⁾ 196 р. 78 к. уплачены за Сборникъ въ 1875 году.

¹¹⁾ 3603 р. 20 к. изъ собственныхъ суммъ П. М. Общества въ дополненіе для круглой цифры въ 5000 р. къ 1396 р. 80 к., поступившимъ отъ благотворителей съ назначеніемъ въ пользу Японской миссіи.

Отъ изданія «Миссіонера» Общество потерпѣло въ прошедшемъ году убытокъ въ 1200 р. Это обстоятельство было предвидѣно. Не съ тѣмъ предпринялъ совѣтъ это изданіе, чтобы собственно чрезъ его распродажу прибрѣтать прибыли, а съ тѣмъ, чтобы чрезъ него знакомить православный народъ съ миссіонерскимъ дѣломъ ¹²⁾ и отсюда уже ожидать пользы, какъ нравственной, такъ и матеріальной. Это ожиданіе оправдалось. Чрезъ редакцію «Миссіонера» въ прошедшемъ году доставлены въ совѣтъ нѣкоторыя пожертвованія вещами и деньгами 286 р. 84 к. Не нельзя не рассказать въ подробности весьма замѣчательный въ этомъ отношеніи слѣдующій случай. Въ началѣ настоящаго года явился къ редактору «Миссіонера» человѣкъ среднихъ лѣтъ, повидимому купеческаго сословія, и объяснилъ, что онъ постоянный читатель «Миссіонера», что его очень интересуютъ свѣдѣнія въ немъ сообщаемыя, особенно объ Японской миссіи, и что онъ желалъ бы сдѣлать въ пользу этой миссіи пожертвованіе. На отвѣтъ редактора, что всякое пожертвованіе принято будетъ съ благодарностію, гость, вынимая изъ бумажника пачку ассигнацій, сказалъ: «вотъ эту тысячу рублей прошу переслать на построеніе новой церкви въ Японіи», потомъ, вынувъ другую: «а вотъ эту тысячу на нужды миссіи, и наконецъ вотъ эти сто рублей Павлу Савабе, этому исповѣднику Христовой вѣры». На вопросъ о томъ, кто онъ такой, гость отвѣчалъ, что онъ желаетъ остаться неизвѣстнымъ, а проситъ только записать нѣсколько именъ для поминанія въ Японской миссіи, и прибавилъ, что его утѣшаетъ мысль о поминаніи сродниковъ тамъ, на краю свѣта ¹³⁾.

По дѣлу о построеніи часовни въ Варварской башнѣ для постановленія въ ней Боголюбской иконы Богоматери, начатому по опредѣленію общаго собранія Православнаго Миссіонерскаго Общества 1873 года, совѣтъ имѣетъ сообщить слѣдующее. На отношеніе его высокопреосвященства предсѣдателя Общества отъ 5 іюня 1873 г. господина московскій генераль-губернаторъ

¹²⁾ Годовыхъ подписчиковъ на „Миссіонеръ“ въ 1874 году было 242, отдѣльными №№ продано 35,219; даровыхъ экзempl. разошло 61.

¹³⁾ 2100 р. отправлены въ японскую миссію 15 марта сего 1875 г. а поминникъ сообщенъ при отношеніи отъ 1 апрѣля 1875 г. № 287.

въ отношеніи отъ 19 іюля 1874 года № 3378 сообщили, что со стороны Московской Городской Думы препятствія къ устройству часовни не имѣется. Вслѣдствіе сего поручено было отъ его высокопреосвященства архитектору надворному совѣтнику Николаю Васильевичу Никитину составить проектъ устройства часовни внутри Варварской башни, безъ всякаго измѣненія ея архитектуры съ наружной стороны, кромѣ только приличнаго крыльца у входа со стороны Китайскаго бульвара. Г. Никитинъ уже составляетъ проектъ часовни весьма просторной и благоустроенной, съ отопленіемъ духовою печью и удобнымъ помещеніемъ для священнослужителей и сторожей. Проектъ сей г. Никитинъ, какъ членомъ нашего общества, принесенъ ему въ даръ. Въ настоящее время онъ переданъ совѣтомъ въ московскую духовную консисторію для препровожденія въ строительное отдѣленіе при московскомъ губернскомъ правленіи на предварительное разсмотрѣніе. По возвращеніи оттуда онъ, вмѣстѣ съ докладомъ о предназначаемомъ дѣлѣ, представленъ будетъ на благоусмотрѣніе святѣйшаго правительствующаго синода.

II.

Теперь представимъ краткій обзоръ дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества за первое пятилѣтіе его существованія.

Съ перваго же года по открытіи Православнаго Миссіонерскаго Общества обозначилось, что ему давно надобно было быть въ нашемъ отечествѣ, и было бы лучше, если бы оно учреждено было за пятьдесятъ лѣтъ ранѣе. Но *мысль наше разумныи время и мѣста*. Такія учрежденія не возникаютъ въ православной Церкви безъ особеннаго мановенія Промысла Божія, и въ этомъ благомъ мановеніи воли Господней мы убѣждаемся изъ того, что, какъ выразился предсѣдатель Общества въ одной изъ своихъ рѣчей въ общемъ собраніи, «Господь видимо благословляетъ наше дѣло». Признаки благословенія Божія мы, къ утѣшенію нашему, усматриваемъ прежде всего въ постепенно возрастающемъ сочувствіи и усердіи православнаго русскаго народа къ дѣлу нашего Общества. При содѣйствіи и руководствѣ духовенства, по истинѣ достохвальномъ, народъ годъ отъ году болѣе

утверждается въ томъ сознаниі и убѣжденіи, что для него открылся новый нравственный подвигъ въ принесеніи пожертвованій на святое дѣло евангельской проповѣди, подобный издавна такъ имъ любимому подвигу храмозданія. Это доказывается цифрами, слѣдовательно несомнѣнно; а цифры Общества и собирающихся въ немъ суммъ постоянно весьма высоки. Членовъ Общества въ 1870 г. было 6.647, въ 1871 г. 9.460, въ 1872 г. 8.685, въ 1873 г. 7.358, въ 1874 г. 6.516. Но касательно числа членовъ надобно замѣтить, что оно въ нашемъ Обществѣ не имѣетъ того опредѣленнаго значенія, какъ въ другихъ обществахъ, т.-е. извѣстнаго количества лицъ, ежегодно представляющихъ съ точностію обязательныя взносы, по которымъ они считаются, и по которымъ опредѣляется самый составъ Общества. Наши члены — люди всевозможныхъ сословій и общественныхъ положеній, большинство ихъ не имѣетъ и понятія объ опредѣленныхъ обязательныхъ взносахъ; каждый на листѣ, предлагаемомъ отъ священника, подписываетъ, что можетъ и желаетъ, на текущій годъ. Число членовъ выводится канцеляріемъ совѣта, согласно съ уставомъ, изъ количества взносовъ не менѣе трехъ рублей, остальные же вкладчики, составляющіе огромное большинство, относятся къ числу жертвователей, и въ отчетахъ не считаются, да по множеству небольшихъ пожертвованій, представляемыхъ иногда отъ нѣсколькихъ лицъ въ совокупности въ совѣтъ и епархіальные комитеты Общества, и сочтены быть не могутъ. Ихъ многіе десятки тысячъ. Гораздо яснѣе возрастаніе Общества обозначается общими ежегодными суммами взносовъ и пожертвованій. Вотъ эти суммы: въ 1870 году членскихъ взносовъ и пожертвованій вмѣстѣ съ значительными капиталами, представленными въ обезпеченіе взносовъ при открытіи Общества и составляющими 54608 р. поступило 101.674 руб., а за вычетомъ ихъ—47.066 р., въ 1871 году 82.222 р.; въ 1872 году 96.516 р. въ 1873 году 126.371 р., въ 1874 году 148.723 р.

Вмѣстѣ съ этимъ, постепенно увеличивающимся притокомъ средствъ Общества, интересно сопоставить и постепенное увеличеніе пособій, выдаваемыхъ отъ Общества миссіяжъ и другимъ учрежденіямъ миссіонерскаго характера. Вотъ въ какомъ видѣ оно представляется за истекшія пять лѣтъ: въ 1870 г. было выдано 6.835 р., въ 1871 г. 26.283 р. въ 1872 г. 38.526 р. въ 1873 г. 55.372 р., въ 1874 г. 76.660 р.

Умноженію пожертвованій не мало содѣйствуетъ учрежденное по ходатайству Общества повсемѣстное въ Россіи произнесеніе въ народу поученій о миссіонерскомъ дѣлѣ. Вотъ, что читаешь въ отношенію къ этому предмету въ отчетѣ за 1873—4 годъ Владимірскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества: «усиленію средствъ комитета въ отчетномъ году главнымъ образомъ благопріятствовало начатое съ 1873 года произнесеніе одновременно во всѣхъ церквахъ поученій для ознакомленія народа съ миссіонерскимъ дѣломъ. Въ настоящемъ году комитетъ имѣлъ два факта чисто-народнаго общественнаго добраго расположенія къ миссіонерскому дѣлу: Судогодскаго уѣзда, села Малинова прихожане разныхъ деревень въ количествѣ 540 душъ, въ предложенію священника своего о. Петрова, составили приговоръ ежегодно жертвовать въ пользу миссіонерскаго дѣла по двѣ коп. съ души и согласно своему приговору внесли въ комитетъ 10 р. 80 к. За тѣмъ Покровскаго уѣзда, Лукьянцевское волостное правленіе препроводило въ комитетъ 13 р. 44 к. съ уѣдомленіемъ, что крестьяне Лукьянцевской волости положили ежегодно жертвовать эту сумму на миссіонерство». Рязанскій комитетъ въ отчетѣ за прошедшій годъ замѣчаетъ: «по распоряженію высокопреосвященнѣйшаго архипастыря, состоявшемуся въ 1872 г., священники по приходскимъ церквамъ сказывали миссіонерскія поученія въ день памяти славянскихъ апостоловъ и просвѣтителей свв. Кирилла и Меѳодія, равно и въ другіе дни по личному усмотрѣнію удобныхъ обстоятельствъ». Что эти мѣры не остались безъ дѣйствія въ 1874 году, этому доказательствомъ служить то, что кружечный миссіонерскій по церквамъ сборъ за минувшій годъ противъ 1873 года значительно увеличился: въ 1873 году такого сбора было 992 р. 23 к., а въ 1874 году онъ возвысился до 1035 р. 70¹/₂ коп. Въ сложности весь сборъ послѣ поученій со времени ихъ открытія представлять трудно, потому что въ комитетахъ не вездѣ онъ отдѣляется отъ другихъ пожертвованій, но по отчетамъ совѣта, въ которыхъ онъ обозначенъ, его въ Общество въ 1873 и 1874 гг. поступило 3852 р. 48¹/₂ к.

Нѣтъ сомнѣнія, что содѣйствіе Православнаго Миссіонерскаго Общества въ теченіе пяти лѣтъ своего существованія имѣло вліяніе на оживленіе миссіонерскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Заботливостью Иркутскаго епархіальнаго начальства, безъ сомнѣнія, въ виду обезпеченія содержаніемъ отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, открыто въ миссіяхъ этой епархіи семь новыхъ миссіонерскихъ становъ, братствомъ св. Гурія на пособія Общества учреждено нѣсколько новыхъ крещено-татарскихъ школъ, и устроена значительная школа для татарскихъ же дѣтей рязанскимъ комитетомъ въ с. Карамышевѣ, Касимовскаго уѣзда; открыта вновь миссіонерская дѣятельность съ помощью комитетовъ Общества въ епархіяхъ: Вятской, Пермской, Тамбовской, Астраханской, Донской и усилена въ епархіи Самарской. Увеличеніе жалованья миссіонерамъ въ главнѣйшихъ миссіяхъ, заботливость Общества о миссіонерахъ нуждающихся, обѣщаніе покровительства съ его стороны въ случаѣ окончанія службы, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе на весьма значительный притокъ людей, заявлявшихъ совѣту Общества о своемъ желаніи посвятить себя миссіонерскому служенію. Изъ нихъ, съ помощію искуса въ Покровскомъ монастырѣ, приобрѣтено въ теченіе пяти лѣтъ 22 новыхъ миссіонера, большею частію люди достойные и съ истиннымъ призваніемъ.

III.

Но, если мы находимъ въ прожитомъ нашимъ Обществомъ пятилѣтніи нѣкоторые признаки Божія благословенія и благоуспѣшности, то въ этомъ мы должны видѣть только побужденіе къ усилію нашей ревности въ будущемъ. Небольшое прошедшее, какъ мы сказали въ началѣ, выяснило намъ великія задачи на будущее,—какъ по отношенію къ улучшенію приемовъ и способовъ миссіонерской дѣятельности, такъ и къ расширенію ея круга.

Долго у насъ господствовало убѣжденіе, что довольно обратиться инородцевъ къ вѣрѣ во Христа и крестить ихъ, чтобы они потомъ сами обратились къ изученію русскаго языка,—какъ говорятъ, обрусѣли и освоились съ правилами и порядкомъ христіанской жизни. Предполагалось, что за тѣмъ и богослуженіе имъ будетъ понятно и христіанское просвѣщеніе доступно. Не то показалъ горькій опытъ. Крещенные инородцы въ большинствѣ по своимъ религіознымъ понятіямъ и душевнымъ располо-

языкамъ остаются внутренно язычниками, или нагеметанами, и даже въ послѣдующихъ поколѣнiяхъ, удерживая обычай врсотиться, не дѣлаются христіанами по жизни, и чуждаются насъ не менѣе не прощенныхъ. Оказывается даже нѣчто несоравненно худшее: при первомъ напорѣ усиленной пронаганды ложныхъ ученій на родномъ ихъ языкѣ, они цѣлыми массами отпадаютъ отъ церкви, чему поразительныя доказательства мы увидимъ ниже. Оказалось несомнѣннымъ, что только усвоеніи христіанское ученіе и начатки дикаваго просвѣщенія на родномъ своемъ языкѣ, и прибрѣтая христіанскіе навыки, они начинаютъ относиться къ намъ съ довѣріемъ и расположеніемъ. Оказалось дагѣе, что надо было дѣйствовать иначе, именно, какъ дѣйствовала древняя греческая церковь въ просвѣщеніи дикихъ народовъ, и между прочимъ въ просвѣщеніи язычнхъ предковъ—славянъ. Оказалось, что нужно для каждаго особаго инокродческаго языка съ самаго времени его просвѣщенія, устроить богослуженіе на его языкѣ, переводить для него священныя книги, давать ему священниковъ, знающихъ не только его языкъ, но и подробно весь его нравственный свѣдѣ и весь внѣшній бытъ его. Оказалось наконецъ, что во всемъ этомъ, при множествѣ равночлененныхъ инокродцевъ въ нашемъ отечествѣ, мы до крайности слабы. Правда, нѣкоторые достоуважаемые миссіонеры колоссальныя пожизненные труды на это святое дѣло, но ихъ одинокая мѣстная дѣятельность не могла дать должныхъ результатовъ. И такъ, на Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ лежитъ прямая и ему одному доступная обязанность заботиться систематическимъ, послѣдовательнымъ переводомъ и печатаніемъ священныхъ, богослужебныхъ и другихъ христіанскихъ книгъ на инокродческихъ языкахъ. При содѣйствіи достопочтенныхъ ревнителей миссіонерскаго дѣла въ Казани, это нынѣ весьма возможно. По ихъ указанію начинаются первые приступы Общества къ этому дѣлу, какъ наприимѣръ пріестановка къ Казани посланныхъ въ Сибирь миссіонеровъ, командировка въ Казань архимандрита Мелетія, учрежденіе типографіи на Алтаѣ и т. п. Ихъ же содѣйствія нужно преслать и въ организаціи особаго Общества переводчиковъ книгъ на инокродческіе языки и въ печатаніи ихъ. Дѣло это нужно начать не откладывая, и вести по плану, послѣдовательно и не опустительно. Совѣтъ просить об-

ншее собраніе уполномочить его приступить въ этому дѣлу въ текущемъ году.

Настала пора и рациональнаго приготовленія миссіонеровъ и священниковъ въ инородческіе приходы съ научнымъ преподаваніемъ имъ языковъ и свѣдѣній о религіяхъ, исповѣдуемыхъ инородцами нашего отечества. Возможность устроенія такого приготовительнаго заведенія, о которомъ давно многими и ижего у насъ было думано, даетъ намъ та же — горяче ревнующая община православія — Казань. Проектъ заведенія, въ видѣ опыта въ небольшихъ размѣрахъ, сообщенъ совету высшагопрестольнаго вѣдѣнія Антоніемъ архіепископомъ казанскимъ. Онъ не задуманъ произвольно, а вызванъ крайними нуждами, въ немъ нѣтъ претензій на широту, полноту и необъятность, а употребляются средства сдѣлать самое необходимое; саяъ но себѣ самъ простодушно его ставитъ любовь и ревность къ дѣлу, и потому оное должно имѣть будущность. Вотъ главныя черты новоустроеннаго заведенія: оно помѣщается въ Казанскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ въ готовомъ зданіи и называется частнымъ пріютъ для миссіонеровъ. Въ этомъ пріютѣ помѣщаются миссіонеры; посылаемые въ Казань для обученія монгольскому языку отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, и воспитанники духовно-учебныхъ заведеній казанской и соседнихъ епархій; желавшіе поступить на миссіонерское служеніе, или во священники въ инородческіе приходы, населенные татарами, киргизами, калмыками и проч. въ Казанской, Оренбургской и другія губерніяхъ. Здѣсь же могутъ получать и наставленія какъ теоретическія, такъ и практическія временно являющіеся въ Казань учителя разныхъ инородческихъ школъ, при помощи казанской крещено-татарской школы, съ которою новое заведеніе будетъ введено въ самую близкую связь. Оно поставлено подъ двойное покровительство: братства св. Гурія и Православнаго Миссіонерскаго Общества. Первое даетъ ему средства духовныя, второе — вещественныя. Труды преподаванія языковъ приняла на себя: группы турецко-татарской: директоръ казанской учительской семинаріи Ильминскій, бывший ординарный профессоръ казанской духовной академіи Саблуковъ, экстраординарный профессоръ той же академіи священникъ Маловъ, доцентъ казанской же академіи Остроуковъ и законоучитель крещено-татар-

свой школы священникъ (изъ татаръ) Василій Тимофеевъ; финской группы: протоіерей Близновскій, г. Золотницкій и г. Яковлевъ, а для группы монголокалмыцкой: экстраординарный профессоръ казанской духовной академіи Миротворцавъ. Эти лица раздѣляютъ между собою труды и сананожденія будущихъ миссіонеровъ съ магометанскими и другими инородческими религіями. Ясно, что такое почтенное общество /религійной спеціалистовъ могло составиться только въ Казани. И такъ, по самой еднѣ вещей, Казани суждено быть родоначальницею перваго миссіонерскаго института, такъ давно желаннаго въ нашемъ отечествѣ. Совѣтомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества для новаго учрежденія согласно съ проектомъ ассигновано на первое время до 2000 р. въ годъ. Совѣтъ не сомнѣвается, что это распоряженіе его будетъ одобрено общаго собранія, что означенная сумма утверждена будетъ въ снѣгѣ расходовъ на текуцій годъ, и дано будетъ совѣту полномочіе оказывать всѣю возможную поддержку новому учрежденію. Время покажетъ, какое участіе придется принять въ этомъ дѣлѣ нашему Обществу. Не всей вѣроятности, оно будетъ весьма значительно.

Относительно расширенія круга дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества мы должны сказать, что въ послѣднее время неожиданно открылись для него два новыхъ необъятныхъ поприща, — одно въ нѣдрахъ нашего отечества, другое за его предѣлами.

Подъ первымъ мы разумѣемъ магометанское населеніе Россіи. Доселѣ наши заары были обращены только на миссіи сибирскія и на отдаленныя восточныя страны отечества, но замѣтательная записка, полученная совѣтомъ въ недавнее время отъ одного изъ членовъ братства св. Гурія, указываетъ на необходимость устройства миссіи и можетъ быть не одной, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы. Мы не замѣтили, что отъ Касимова до Самарканды и отъ Самары до границъ Китая бродитъ магометанскій духъ, тайно движется мусульманская пропаганда, и устроится крѣпкое духовное царство Магомета. Давно извѣстно, что мелкія инородческія записскія племена крещенныя и некрещенныя въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ они соприкасаются съ магометанами, въ религіозномъ отношеніи поглощаются магометанствомъ, и пополняютъ собою число его послѣдователей.

Нинѣ дѣло дошло и до старинныхъ христіанъ, не только изъ татаръ, но и изъ коренныхъ русскихъ. Въ отчетѣ рязанскаго комитета Православнаго Мисіонерскаго Общества по поводу разсказа объ устройствѣ Карамышевской школы говорится: «въ Казимогѣ, уѣздномъ городѣ нашей губерніи, и близъ него болѣе четырехъ вѣковъ обитаетъ часть татаръ, держащихся магометанской вѣры. Въ XVI и XVII вѣкѣ наше правительство довольно прилагало старанія объ обращеніи ихъ въ православную вѣру, но въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка татарское народонаселеніе рязанской губерніи въ дѣлѣ религіи вполне предоставлено было самому себѣ¹⁴⁾. Отсюда произошло то, что насимовскіе татары не только сами упорно стоять въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, но и простирають свое губельное вліяніе на окрестныхъ среди нихъ живущихъ, русскихъ крестьянъ, зависящихъ отъ нихъ по своей хозяйственной сторонѣ. Зловредное дѣйствіе татаръ-магометанъ всего болѣе замѣтно на крестьянахъ села Карамышева, которые часть обычаевъ переняли отъ татаръ и охладѣли къ уставамъ православной церкви». Христіане изъ татаръ въ казанской епархіи, по словамъ поманутой записки, отпадаютъ отъ церкви и возвращаются въ магометанство въ огромномъ количествѣ. Въ Казанскомъ уѣздѣ отъ шести крещено-татарскихъ приходовъ остается пока вѣрными церкви Христовой только одинъ. Въ уѣздахъ Лаишевскомъ и Мамадышскомъ отступничество развивается такъ же сильно и поддерживается сосѣдствомъ магометанскихъ селеній со множествомъ мечетей и муллъ. Въ 1866 году въ одной казанской епархіи отступниковъ было по оффиціальнымъ документамъ 9 тысячъ душъ, а въ 1874 году число ихъ возрасало до 12,000 человекъ, а сколько еще полюбившихся въ православной христіанской вѣрѣ, неувержденныхъ и наклонныхъ къ отпаденію, — этого и опредѣлить не возможно. Отступники отъ христіанства въ магометанство — это самый жалкій и несчастный народъ. Отреставъ отъ христіанства, они попадаютъ въ руки такъ-называемыхъ константиновъ — людей грубыхъ, дерзкихъ и фанатичныхъ въ истиннѣмъ, со всѣми худыми его свойствами. Руководимые этими

¹⁴⁾ См. Чтен. въ Общ. Любителей Духовн. Просвѣ 1875 г. февраль-стр. 218.

Бесконтрольными лжемуллами, они часъ отъ часу пропитываются болѣею и болѣею ненавистью къ всему христіанскому, и вѣдѣтъ съ тѣмъ и ко всему русскому, такъ какъ они по наученію своихъ развратителей смѣшиваютъ свои понятія о христіанскомъ и о русскомъ, называя вѣру христіанскую вѣрою русскою. По этому съ увѣренностью можно сказать, что, отступая отъ вѣры Христовой, они по вѣнжности только, какъ бы по же волѣ, остаются подданными русскаго правительства, во внутреннемъ же настроеніи души своей тяготеютъ туда, гдѣ царствуетъ исламъ, и при первыхъ благоприятныхъ для нихъ условіяхъ, согласно ученію Корана, подобно бывшимъ на Кавказѣ Мюридамъ-могутъ оказаться самыми опасными для насъ поселенцами на землѣ нашей... Отступники пускаютъ въ ходъ безсовѣстный обманъ, будто есть царскій указъ, дозволяющій и даже повелѣвающій крещенымъ татарамъ переходить въ свою прежнюю магометову вѣру. Они препятствуютъ дѣтямъ учиться въ христіанскихъ школахъ, и нѣсколько такихъ школъ почти насильно разогнали, взявъ изъ нихъ дѣтей своихъ и всѣми способами препятствуя учиться дѣтямъ не отпадшихъ родителей. Они дѣтей подвергаютъ не только соблазнамъ, но и истязаніямъ и побоямъ, заставляя ихъ насильно отрекаться отъ Христовой вѣры и дѣлаться магометанами. Они тиранятъ своихъ женъ, не желающихъ раздѣлять съ ними отступничество и прогоняютъ ихъ отъ себя. Даже стариковъ-отцовъ и дѣдовъ не щадятъ. Наконецъ, они подвергаютъ насильственно даже взрослыхъ дѣтей обрѣзанію, отъ чего были случаи не только болѣзни, но даже смерти. Однимъ словомъ, магометанство, по свидѣтельству записки, основанной во всѣхъ подробностяхъ на несомнѣнныхъ документахъ, изъ оборонительнаго положенія, въ какомъ по видимому должно бы находиться въ Россіи въ отношеніи къ христіанству, перешло въ положеніе наступательное». Что такія проявленія магометанскаго духа оказываются не въ одной Казанской губерніи, это давно извѣстно. Пресвященный одной изъ сосѣдственной съ казанской епархіи, писалъ предсѣдателю Общества еще въ 1870—1872 годахъ объ опасномъ положеніи магометничества во вѣренной ему паствѣ, покровительствуемаго разными привилегіями. Въ письмѣ отъ 18 апрѣля 1873 года онъ рассказывалъ, между прочимъ, слѣдующій случай: «Недавно одинъ село-

свѣй священникъ обрестить бакирку, жившую не далеко отъ церкви. Родственники ея и однокоренцы, узнавъ объ этомъ больше ста человекъ верхами прискакали въ село съ дубинами, и хотѣли избить и священника и всѣхъ, кто содѣйствовалъ крещенію бакирки; нѣкоторыхъ русскихъ изранили; едва успокоили разваренную толпу; священникъ не смѣлъ уже и показаться смѣ. А магометанское собраніе (мѣстное магометанское управленіе) стало придираться къ консисторіи, — за чѣмъ-де священники русскіе обманываютъ, совращаютъ мусульманъ, крестятъ безъ огласія родственниковъ и сельскаго начальства).

Авторъ помядутой записки, рассказавъ, что и прежде были совращенія крещеныхъ татаръ, но и принимаемы были противъ нихъ мѣры, съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на одномъ проектѣ бывшаго архипастыря вазанскаго Филарета, въ послѣдствіи митрополита кievскаго, который въ 1830 году былъ Высочайше одобренъ въ Божѣ понившимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и признанъ «весьма основательнымъ.» Существенные и главнѣйшіе пункты этого проекта состоятъ въ томъ; чтобы 1) приходы съ инородческимъ населеніемъ въ особенности татарскимъ, всегда были замѣщаемы священниками зволнѣ благовидежными, наилучшимъ образомъ знающими языкъ прихожанъ. 2) Богослуженіе въ главнѣйшихъ частяхъ было совершаемо на языкѣ прихожанъ. 3) Заводимы были церковноприходскія школы и 4) чтобы былъ надъ приходами инородческими самый тщательный надзоръ чрезъ особыхъ специальныхъ миссіонеровъ опытныхъ и способныхъ руководить священниковъ въ ихъ дѣятельности. Въ исполненіе послѣдняго пункта въ томъ же 1830 году избраны были въ должность миссіонеровъ три архимандрита, которые продолжали свою дѣятельность по 1844 г.; затѣмъ назначены были два протоіерея, дѣйствовавшіе по 1869 году. Въ 1869 году, безъ всякаго начальственнаго распоряженія объ отміѣнѣ, миссіонерство прекратилось. Какъ ни кратко было его существованіе, говоритъ авторъ, однакоже оно принесло неоспоримую пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы это учрежденіе поддержано было въ надлежащее время во всей силѣ, то достигнуты были бы еще болѣе прочные результаты. . . .

Согласно съ этихъ забытыхъ, но не отміѣненными установленіями, авторъ весьма основательно желаетъ восстановленія при

казанскому архіепископѣ миссіонерскаго совѣта въ лицѣ виднѣйшихъ способныхъ и приготовленныхъ, исключительная обязанность которыхъ состояла бы въ посѣщеніи возможно частою инородческихъ, особенно крещено-татарскихъ приходовъ и тщательномъ наблюденіи надъ религіознымъ ихъ состояніемъ и въ руководствѣ священниковъ этихъ приходовъ. На расходы по этому учрежденію авторъ предлагаетъ достаточнымъ 3,000 руб. въ годъ. Призывая эту мѣру совершенно необходимою и, вмѣстѣ съ учрежденіемъ въ Казани частнаго миссіонерскаго пріюта, обѣщая добрые плоды въ будущемъ, Совѣтъ предлагаетъ общему собранію уполномочить его войти въ сношеніе по саму предмету съ казанскимъ архіепископомъ и, по мѣрѣ возможности, помочь мѣждоу средствами Общества возстановленію забытаго учрежденія. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро понадобится для борьбы съ усиливающимся магометанствомъ нечто подобное и въ другихъ епархіяхъ.

Второе новое поприще открывающееся для дѣятельности на него Общества, какъ мы сказали, за предѣлами отечества — есть Японія.

Весь просвѣщенный міръ съ глубокимъ интересомъ слѣдитъ за преобразованіями, совершающимися нынѣ въ этой сторонѣ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни. Эта умная, и по своему развитая, нація по образцамъ, заимствуемымъ изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ Европы, преобразуетъ свои училища, армию, флотъ, внутреннее управленіе и промышленныя учрежденія съ необыкновенною быстротою. Какъ будто забыта ею и оставлена позади одна только религія. Но допускаемая японскимъ правительствомъ свобода вѣроисповѣданій ясно показываетъ, что оно уже задумалось и надъ вопросомъ о религіи. Иначе и быть, не можетъ. Европейское просвѣщеніе и цивилизація, взятая въ лучшее и истинное смѣль, суть результаты проникновенія христіанскихъ духовныхъ началъ во вѣшнюю и общественную жизнь народовъ. По сему, усвоив плоды христіанства, Японія не можетъ не встрѣтиться съ самимъ христіанствомъ и не почувствовать на себѣ его благотворнаго вліянія. А какъ можетъ христіанское просвѣщеніе не можетъ привиться къ аществу и удержаться на его почвѣ, и такъ какъ, — дабы, — просвѣщеніе цѣлыхъ народныхъ массъ всегда держится не на

философскихъ ученіяхъ, а на религіозныхъ вѣрованіяхъ: тѣ японское правительство, при водвореніи христіанскаго просвѣщенія въ средѣ своего народа, скоро встрѣтится и съ рѣшительною необходимостію принять христіанство не въ видѣ одной идеи, а и въ формѣ положительной религіи, и объявить эту религію господствующею въ странѣ. И такъ Японія скоро приметъ религію христіанскую. Въ какомъ же видѣ?

Очевидно, въ видѣ какого-либо христіанскаго исповѣданія изъ существующихъ въ Европѣ: православнаго, римско-католическаго или протестантскаго—въ одномъ или въ нѣсколькихъ изъ разнообразныхъ его развѣтленій. Нѣкоторые думаютъ, что японское правительство само сочинитъ себѣ какую-нибудь новую рациональную религію, присоединивши къ исповѣдаемому имъ буддизму, идеи христіанскія; но такое мнѣніе могутъ имѣть только люди, не имѣющіе отличить религіозныхъ догматовъ и простицающихся отъ нихъ обязательныхъ обрядовъ отъ престыжъ отвлеченныхъ мыслей и произвольныхъ нравственныхъ дѣяній. Въ націи мыслящей сочинить новую религію и навязать ее народу—нельзя; надобно доказать ея высшее божественное происхожденіе и священное нравственно-обязательное значеніе. Притомъ, народъ японскій уже упреждаетъ рѣшеніе правительства относительно принатія христіанства: въ Японіи уже сильно распространяются и православіе и католичество и протестантство. Остается только не рѣшеннымъ вопросъ: какое исповѣданіе окажется преобладающимъ и господствующимъ въ странѣ и станетъ религіею самаго правительства?

Рѣшеніе этого вопроса въ Японіи приближается съ каждымъ днемъ, и если съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого рѣшенія во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы, то Россія должна ожидать не только съ нетерпѣніемъ, но и съ замраніемъ сердца. Если во всѣхъ христіанскихъ націяхъ содѣйствуютъ всѣми силами рѣшенію этого вопроса въ пользу исповѣдуемыхъ ими религій: то Россія должна стараться объ этомъ больше всѣхъ другихъ націй.

Нынѣ многіе ученые и политичеи думаютъ, что единеніе и братство равноплеменныхъ народовъ, столь желательныя для блага челоуѣчества, могутъ быть достигнуты путемъ просвѣщенія и цивилизаціи: нѣтъ,—эта мысль ложная. Человѣческія на-

ки и цивилизація въ прижизненіи въ практической жизни всегда имѣютъ въ виду и преслѣдуютъ временный, земной интересъ, а этотъ интересъ, распадается на множество различныхъ видовъ и преимуществъ, желаемыхъ каждымъ народомъ, и представляетъ болѣею частію предметъ соперничества и борьбы между народами. Область единенія и братства народовъ должна стоять выше земныхъ отношеній—племенныхъ, территориальныхъ, политическихъ и т. под., — именно въ высшей сферѣ духа, гдѣ земныя разности между людьми исчезаютъ, а выступаютъ во всей силѣ стремленія къ вѣчному духовному совершенствованію и къ вѣчной жизни; а это—и есть область религіи. Здѣсь народы соединяются въ вѣрѣ въ одного общаго Отца — исповѣдуемаго ими Бога, въ любви къ общимъ духовнымъ предметамъ, — святымъ чтимымъ по нимъ религіи, въ почтеніи къ однимъ дорожкамъ историческимъ намяткамъ и преданіямъ, въ привязанности и привычкѣ къ однимъ религіознымъ таинствамъ, обрядамъ, обычаямъ, при исполненіи которыхъ они и при племенныхъ разностяхъ, при первой встрѣчѣ оказываются одною родною семьей. И такъ, *разноплеменные народы дѣлаются братьями только по вѣрѣ.*

Теперь вопросъ: естественно ли русскому народу желать, чтобы сосѣдь его на отдаленномъ востокѣ, свыше тридцатимилліонный народъ японскій, сдѣлался братомъ ему по вѣрѣ, или можно равнодушно отпустить его въ одно изъ чуждыхъ намъ западныхъ религіозныхъ семействъ? Естественно ли русскому народу желать приобрести въ Японіи дружественную и родственную по вѣрѣ сосѣднюю націю, или, предоставивъ ее протестантству и католичествому, допустить въ ней организовать се новому гнѣзду интригъ противъ насъ для западныхъ народовъ, которые потому особенно намъ всегда и враждебны, что между ними и нами издавна утвердились религіозное отчужденіе и духовная вражда?

Мы не допускаемъ и мысли, чтобы русскіе люди на минуту склонились къ отрицательному рѣшенію этихъ вопросовъ; но дѣло въ томъ, что проходить уже пора думать и разсуждать объ этомъ, а настала пора дѣйствовать, и дѣйствовать быстро и рѣшительно. Японія переживаетъ чрезвычайно важный вѣто-

рический моментъ, который для нея уже не повторится; а Россія, больше всѣхъ другія націй заинтересованная ея судьбою, имѣетъ не только благоприятный, но единственный случай приобрести въ ней себѣ брата по вѣрѣ, добраго сосѣда и друга; пропустивши этотъ случай, она потеряетъ его безвозвратно, и объ этомъ въ послѣдствіи цѣлые вѣка будутъ вспоминать съ сожалѣніемъ и угрызеніемъ совѣсти. Теперь миссіонеры, першанъ и шедды приобретутъ намъ въ Японіи друга, а если мы опустимъ настоящее благоприятное къ этому время: то потомкамъ нашихъ на восточной окраинѣ Россіи должны будутъ защищать отъ Японіи, какъ отъ врага, — войска, крѣпости и пушки.

Всѣ признаки современнаго религіознаго движенія въ Японіи оказываются благоприятными для православія. Японцы ревностно принялись за изученіе русскаго языка. Наша миссія въ Японіи, не взирая на крайнюю скудость своихъ средствъ, приобретаетъ перевѣсъ въ сочувствіи къ ней народа предъ миссіями протестантскою и католическою. Начальникъ нашей миссіи архимандритъ Ниводай, самъ по себѣ достойнѣйшій, служитъ церкви и проповѣдникъ вѣры, пользуется большаго уваженіемъ въ самомъ высшемъ обществѣ Кеддо — столицы Японіи. Заведенныя имъ для японскихъ дѣтей четыре школы переполняются учениками, такъ что недостаетъ ни мѣста, ни учителей. Приготовляемые имъ изъ самаго Кенцеа катихизаторы расходятся по провинціямъ и приобретаютъ значительное число вѣрующихъ во Христа, хотя и не могутъ еще ни крестить, ни вполнѣ соединить ихъ съ православною церковію по недостатку храмовъ и священниковъ. Но этимъ катихизаторовъ не посылается и столько сравнительно съ тѣмъ, сколько было бы нужно и можно разослать ихъ по Японіи, еслибы были достаточныя средства въ рукахъ начальника миссіи. *Жатва отърыгается мало, но двателай мало.*

Итакъ, настала пора сдѣлать по этому великому вопросу свое дѣло русскому народу. Пусть вспомнитъ отъ, что значило для Россіи время св. Владиміра, и каковы были дѣйствія для просвѣщенія нашего отечества греческихъ царей и патриарховъ, и сдѣлаетъ для Японіи то, что мать наша — греческая церковь въ свое время сдѣлала для насъ. Это его нравственный обя-

нѣтъ дойти помысли всѣхъ политическихъ расчетовъ. *Темперо
де нункода*; вотъ положеніе, въ которомъ мы поставлены въ
отношенію къ просвѣщенію Японіи въроу Христовоу.

Православному Миссіонерскому Обществу предлежитъ при-
нести свою долю участія и труда на утвержденіе православія
въ Японіи. Съ двухъ сторонъ въ одно время дѣло японской
миссіи, какъ бы само собою, подошло къ нашему Обществу. Съ
самаго начала появленія печатныхъ извѣстій о состояніи Япон-
ской миссіи, въ Совѣтъ Общества безъ всякаго вызова ревни-
тели стали доставлять въ пользу ея пожертвованія, и Совѣтъ
безъ всякаго права вынужденъ былъ принимать ихъ. Съ другой
стороны, начальникъ японской миссіи въ своихъ тяжкихъ забо-
тахъ о построеніи церкви и дома въ Іеддо, объ устройствѣ учи-
лища и умноженіи и содержаніи катехизаторовъ искалъ опе-
реться на Общество, и началъ посылать Совѣту свои отчеты и
корреспонденціи — также безъ законнаго основанія. Совѣтъ не
могъ не принимать того и другаго по важности самаго дѣла, и
нѣкоторые члены его по собственному усердію горячо приняли
къ сердцу дѣло японской миссіи. Все это оказалось полумѣра-
ми, и предсѣдатель Общества, высокопреосвященнѣйшій митро-
политъ Иннокентій вознѣлъ мысль предложить общему со-
бранію 1873 года предпринять ходатайство о разрѣшеніи Пра-
вославному Миссіонерскому Обществу принять японскую миссію
подъ свое покровительство, съ тѣмъ, чтобы заботы его объ
японской миссіи приняли правильное теченіе и порядокъ. Нынѣ
Совѣтъ Общества можетъ сообщить настоящему собранію, что
мы имѣемъ уже и законное полномочіе на попеченіе объ япон-
ской миссіи. 28 апрѣля получавъ его высокопреосвященствомъ
указъ св. Синода отъ 24 апрѣля сего года за № 996, въ кото-
ромъ изъяснено, что Государь Императоръ въ 10 день февраля,
Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе св. Синода отъ
27 ноября (16 декабря) 1874 года о принятіи японской миссіи
подъ покровительство Православнаго Миссіонерскаго Об-
щества.

Будемъ надѣяться, что по мѣрѣ расширенія круга дѣятель-
ности Православнаго Миссіонерскаго Общества Господь пошлетъ
ему и новыя средства. Въ настоящее время Совѣтъ вкорнѣйше

просить общее собрание утвердить сделанное имъ въ прошедшемъ году пособіе японской миссии въ 3604 руб. и уполномочить его въ текущемъ году дѣйствовать по отношенію къ сей миссии по требованію обстоятельствъ ¹⁵⁾.

¹⁵⁾ Изложенныя здѣсь предположенія: объ образованіи Общества переводчиковъ священныя книгъ на инородческіе языки, объ устройствѣ частнаго пріюта для миссіонеровъ въ Казани, объ учрежденіи тамъ же миссіонерскаго совѣта при архіепископѣ, и наконецъ о назначеніи по усмотрѣнію Совѣта пособій для японской миссии внесены въ журналъ общаго Собранія Прав. Мисс. Общества 11 мая и утверждены онымъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ пензурный комитетъ законенное число экземпляровъ. Москва, іюля 24 дня 1876 г.

Цензоръ Протоіерей А. Соколовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БЫШЛО ВЪ СВѢТЪ СОЧИНЕНІЕ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ
ВЪСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНІНА ИЗЪ КВРЕЕВЪ
ОБЪ ИСТИНАХЪ СВ. ВѢРЫ И ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ
ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ.

изданіе 2-е, дополненное и исправленное. 1875 г.

Поименіе 1-го изданія этого сочиненія, напечатаннаго въ 1872 году было благосклонно пріятствовано нѣкоторыми духовными журналами; о немъ съ похвалою отзывалась и читающая публица, какъ духовная, такъ и свѣтская.

Такое сочувствіе къ упомянутому сочиненію и было причиною, что напечатанные экземпляры разошлись скоро и потребовалось второе изданіе, которое и предлагается въ настоящее время читателямъ. Для ознакомленія съ книгою укажемъ на главныя черты содержанія ея.

1. О вѣроученіи и нѣкоторыхъ евреевъ, относительно прішествія Мессіи.
2. Талмудическое сказаніе объ Иисусѣ Христѣ: о Его рожденіи, жизни, чудесахъ, смерти и воскресеніи.

3. Разсказъ Талмуда о распространеніи Евангелія апостолами.

4. О новоиудействѣ, его богослуженіи, праздникахъ и обрядахъ.

5. Что такое Талмудъ? Кѣмъ онъ составленъ и когда появился въ свѣтъ. Къ бесѣдамъ приложены правила Талмуда, руководшія Іудеевъ, какъ имъ вести себя въ обшденной жизни съ иновѣрцами.

Въ предлагаемомъ сочиненіи читатель найдетъ и многое другое, мало извѣстное въ нашей литературѣ и что не бесполезно знать и христіанину, особенно теперь, когда многимъ евреямъ разрѣшено правительствомъ жить во всѣхъ мѣстахъ Россіи.

Цѣна за экземпляръ „Бесѣды 2-го изданія“ 1 рубль.

Съ требованіемъ прошу адресоваться въ г. Новгородъ, Соф. част. на углу Забавской улицы, домъ № 68-й оставному военному учителю *А. Алексею*; или въ С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ *Кораблева Сирякова*.

ЧТЕНИЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Иллюстрированное изданіе, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, Общества распространенія полезныхъ книгъ; 12 №№ въ годъ. Цѣна за годъ 2 руб., съ перес. и доставкою 2 р. 50 к.

Въ вышедшихъ 6-ти №№ помѣщено:

44 рисунка, въ томъ числѣ рисунки съ картинъ Мурильо, Иванова, Саврасова, Рипцини; оригинальные рисунки Стрекалова, Щеглова, Пятилова. Картины на деревѣ вырезались въ мастерской царствнаго московскаго гравера К. Рихау, или за границею.

Прозаическія статьи: Московскій Кремль. Пашковъ домъ въ Москвѣ. Андрей Первозванный. Начало русской грамотности. Изъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Мурильо. Ливингстонъ. Ивановъ. Паганини. Ожиданіе Флора. Нападокъ на диконца Вага. Подземные воды и подземные стволы. Венеція. Русскіе въ Буковинѣ. Николо-Угрьскій монастырь. Русскія степи. Древскій фальсификатъ князя Владимира. Смѣсь.

Повѣсти и рассказы: Грезы Виолетты. Великій день. Сосѣдь. Лѣтняя сказка. Исторія содомички. Матерь. Жизнь и приключенія одного щегленка. Исторія капли воды. Ко 2-му № приложена книжка „Дѣтскими разсказами“ (десять разсказовъ учителя русской сельской школы). Подписавшіеся до средины апрѣля, получили эту книжку, въ видѣ подарка, бесплатно. Новые подписчики, желающіе приобрести ее, при журнальцѣ, благоволятъ прилагать къ вышеозначенной подписной суммѣ 25 коп. При одномъ изъ осеннихъ №№ журнала всѣ подписчики получаютъ приложеніе—„Сказку, съ картинками“.

Статьи о дѣтствѣ: Молитва. Ручей. Взошедшій цвѣтокъ. Испытаніе разслабленнаго. Ночная дума. Лѣтнимъ утромъ. Въ деревнѣ. На острѣ. Вечеромъ. Зима. Въ началѣ весны. У рѣки. Майская пѣсня. Послѣ дождя.

Объявленія о новыхъ книжкахъ для дѣтей и для учителей съ краткими рецензіями—при 5 и 6 №№.

Подписка принимается въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Торлейкаро, въ книжномъ магазинѣ Общества распространенія полезныхъ книгъ. Редакція „Чтенія для дѣтей“ покорнѣе проситъ не смѣшивать ея журнала съ „Дѣтскимъ Чтеніемъ“, издающимся въ Петербургѣ и не имѣющимъ ничего общаго съ „Чтеніемъ для дѣтей“.

Въ книжномъ магазинѣ Общества, принимаются заказы на учебныя, дѣтскія и народныя книги всѣхъ издателей. Рекомендуются вниманію публики дешевыя книжки и листки (отъ 1 до 5 к. за экземп.) съ картинками, для училищныхъ бібліотекъ. При требованіи большаго количества изданій Общества, возкупаемымъ дѣлается значительная уступка. Каталогъ книгъ, изданныхъ Обществомъ, бесплатно высылается желающимъ; желающій получить каталогъ долженъ прислать въ магазинъ лишь восьмикопѣечную почтовую марку для пересылки его.

въ Палестину. Только что Оригенъ достигъ до Кессаріи, епископы Эвектистъ и Александръ, о которыхъ мы уже упоминали, посвятили его въ пресвитеры. Это привело въ негодование Димитрія. Посвященіе противное канонамъ Церкви побудило этого епископа обнародовать поступокъ юности Оригена, чтобы доказать, что посвященіе было неправильно и противно церковной дисциплинѣ. Ибо въ апостольскихъ постановленіяхъ²⁹⁾ запрещалось посвящать въ священниій санъ людей подобныхъ Оригену, и это запрещеніе было снова подтверждено на Никейскомъ соборѣ. Александръ въ отвѣтъ на это говорилъ, что онъ основывался при посвященіи Оригена на рекомендательномъ письмѣ самаго Димитрія. Мы не имѣемъ извѣстія о томъ, что возразилъ послѣдній, но конечно онъ могъ бы сказать, что письма были даны Оригену для доставленія ему благосклоннаго приема, но не для посвященія въ пресвитера; что хотя епископы Палестины могли не знать законнаго препятствія къ посвященію, но Оригенъ самъ зналъ объ этомъ и позволилъ себѣ утаить это отъ епископовъ, и поступить противно канону.

Между тѣмъ какъ продолжался этотъ споръ, Оригенъ³⁰⁾ окончилъ свое дѣло въ Греціи и возвратился черезъ Ефесъ³¹⁾ въ Александрію, полагая, что можетъ быть время укротило неудовольствіе Димитрія, и что онъ найдетъ его въ болѣе благопріятномъ къ себѣ расположеніи; но ожиданія его оказались тщетными. Епископъ не измѣнилъ своего строгаго мнѣнія о поступкѣ Оригена и рѣшился предать его во всеобщее свѣдѣніе. Онъ созвалъ соборъ, и представилъ передъ нимъ не только неправильность рукоположенія Оригена, но и цѣлый рядъ заблужденій, открытыхъ въ его сочиненіяхъ. Къ числу сочиненій, написанныхъ имъ во время пребыванія его въ Александрію, относятся 4 книги о «началахъ», извѣстныя намъ въ переводѣ Руфина, который смягчилъ въ нихъ нѣкоторыя самыя рѣзкія выраженія;

²⁹⁾ Апост. постан. пр. 21, 22.

³⁰⁾ Св. Епифаній, Haeres, 64 рассказываетъ о страданіяхъ, которыя претерпѣлъ Оригенъ въ Аеннахъ за истину, но тотчасъ послѣ уничтожаетъ свое свидѣтельство, говоря, что онъ находился въ этомъ городѣ, чтобы усовершенствоваться въ философіи. Такъ какъ Оригену было болѣе сорока лѣтъ, то послѣднее невозможно.

³¹⁾ Такъ полагаетъ Гуецій, что очень вѣроятно. *Origeniana* i. 11, p. 89.

пять книгъ толкованія на св. Іоанна, восемь книгъ объясненія книги Бытія, объясненіе первыхъ двадцати пяти Псалмовъ, и Плача Іереміи; двѣ книги о Воскресеніи, и десять книгъ Строматъ, написанныхъ въ подражаніе книгамъ его учителя Климента ²²⁾. Соборъ, разсмотрѣвъ представленныя ему извлеченія изъ сочиненій Оригена ²³⁾, единогласно осудилъ ихъ, и Димитрій запретилъ Оригену не только учить, но даже имѣть пребываніе въ Александріи. Оригенъ, оставивъ школу попеченію своего ученика Геракла, удалился въ Кессарію. Димитрій вскорѣ созвалъ новый соборъ на Оригена, на которомъ съ согласія епископовъ объявилъ его лишеннымъ пресвитерскаго сана и отлученнымъ отъ церкви. Гераклъ присутствовалъ на этомъ соборѣ и подписался подъ приговоромъ.

Не удивительно, что въ позднѣйшія времена Оригенъ въ преданіяхъ александрійской церкви, православной и яковитовъ, называется чародѣемъ. Каѳолическіе писатели этой страны, не зная ни его сочиненій, ни того, какія прекрасныя и великія имѣлъ онъ достоинства, и сверхъ того зная, что св. Кириллъ, котораго память дорога и православнымъ и монофизитамъ, былъ сильнымъ противникомъ Оригена и его послѣдователей, а также въ виду указа Юстиніана осуждавшаго послѣдователей Оригена, естественно очернили всякаго рода клеветами память Оригена, а гонитель его, Димитрій, былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Жизнь сего епископа кончилась къ концу; и послѣдніе часы его были омрачены извѣстіемъ, что епископы Палестины, не взирая на произнесенное имъ изложеніе и отлученіе Оригена, поручили ему по прежнему учить и преподавать. Ученики его были многочисленны. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Феодоръ, извѣстный послѣ подъ именемъ св. Григорія ²⁴⁾ чудотворца, и еще Трифонъ ²⁵⁾, прозванный философомъ.

²²⁾ Евсевія Церк. Истор. VI. 24.

²³⁾ Эта часть исторіи Оригена по несчастію темна, потому что Евсевій вмѣсто того, чтобы рассказать ее пространно, отсылаетъ насъ ко второй книгѣ своей Апологіи этого писателя. Все что мы знаемъ заключается въ бібліотекѣ Фотія, и въ отрывкѣ защиты Оригена Памфиломъ. Евсевій себѣ противорѣчитъ касательно времени бѣгства Оригена изъ Александріи; и Бароній указывая на несогласіе его хроникъ и исторіи, впадаетъ въ другую ошибку, полагая что онъ былъ отлученъ прежде удаленія. См. примѣчаніе Валезія на Евсевія Церк. Истор. VI. 26.

²⁴⁾ S. Greg. Nyss. in vita S. Greg. Thaum.

²⁵⁾ Hieron. de Vir. iii. 57 (ii. 297).

Александрійскіе писатели утверждают ²⁶⁾, что Димитрій имѣлъ сверхъестественный даръ узнавать сердца приступавшихъ къ святому Пречастію; и что воздѣтвіе сего цаста его отличалась необыкновенною чистотою. Нелѣе достоверно то, что онъ писалъ къ другимъ патріархамъ о насхальномъ вычисленіи; и съ этого времени, какъ нѣкоторые думаютъ ²⁷⁾, сдѣлалось обавязательствомъ, которую подтвердилъ в Никейскій соборъ, чтобы епископы александрійскіе удостовѣляль всякій годъ, въ какой день юдѣонъ быть праздникъ Свѣтлаго Воскресенья. Ему же приписываютъ составленіе системы знака.

Иа одинъ изъ епископовъ александрійскихъ, исключая св. Асеназія ²⁸⁾, не занималъ такъ долго престолъ св. Марка, какъ Димитрій: онъ правилъ церковію сорокъ два года съ половиною и былъ отозванъ отъ міра сего за три года съ половиною до начала свирѣпаго гоненія при Максиминѣ.

ГЛАВА IV.

Геракль ¹⁾, сначала другъ ²⁾, а послѣ осудитель Оригена, занялъ управлѣющуюся катедру (231 г.). Кажется, что онъ былъ уже довольно старъ, и потому препоручилъ Діонисию, который и былъ его преемникомъ ³⁾, не только христіанскую школу, но и боль-

²⁶⁾ Renaudot, p. 20.

²⁷⁾ Eutychius i. 362.

²⁸⁾ Между яковитскими патріархами Іоаннъ XVII, прозванный *El-Touki*, сохранялъ это достоинство сорокъ три года и два мѣсяца, то-есть, отъ 1675 до 1718. А Полицианъ, тридцать девятой католіческой патріархъ, такъ говоритъ Евтихію, хотя вѣроятно по ошибкѣ, былъ сорокъ шесть лѣтъ епископомъ. Смотри книгу iii, 6.

¹⁾ Евсевія Церк. Истор. VI, 26.

²⁾ Северъ называетъ этого патріарха Пьерокль; Евтихію, Геркоу, Макриній Феокла; — нашъ Коптскій каталогъ Бархела.

³⁾ Бароніи утверждаетъ (ii, 558), что Геракль былъ хорошо расположенъ къ Оригену. Пажи доказываетъ противное, а также Гуцій (Hist. Origen. i, 2, 15) по свидѣтельству Геннадія и автора жизни св. Лихомія. Бароніи самъ соглашается въ томъ же, приводя постановленіе императора Юстиніана противъ Оригена, препровожденное къ Митрѣ II, 585).

шую часть своихъ епископскихъ трудовъ *). Онъ подтверждалъ приговоръ †) объ отлученіи Оригена; и въ своихъ проповѣдяхъ о немъ неизменно строго возставалъ противъ общенія, которое върущеніе имѣлъ съ отлученными еретиками, въ числѣ коихъ можетъ быть числится въ виду особенно послѣдователи Оригена. Но благоразумно ли и справедливо ли было продолжать систему дѣяствій Димитрія; отъ чего могъ возбудиться расколъ между престолами константинопольскимъ и александрійскимъ, — это очень сомнительно; тѣмъ болѣе, что Оригенъ, по свидѣтельству всѣхъ, подвизался усердно за вѣру. Сверхъ продолженія своихъ толкованій на Ветхий Заветъ, онъ трудился надъ параллельнымъ смесеніемъ греческихъ переводовъ его съ еврейскимъ текстомъ. Въ его Октаплахъ было восемь столбцовъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: еврейскій текстъ написанный еврейскими буквами; тотъ же текстъ, греческими буквами; переводъ Аквилы, переводъ Симмача; переводъ семидесяти Толковниковъ, переводъ Θεοδοτίου; и наконецъ два другіе перевода, открытые самимъ Оригеномъ, названные *пятымъ* и *шестымъ*, потому что авторы ихъ неизвѣстны. Въ Экзаплахъ были опущены пятый и шестой переводы. Въ Тетраплахъ опущены также и оба еврейскіе текста. Оригенъ трудился надъ этимъ дѣломъ двадцать восемь лѣтъ. Онъ также уничтожилъ, въ самомъ началѣ ея, ересь Берилла епископа Востры въ Аравіи; и возвратилъ его самого къ истинной вѣрѣ; его ученіе состояло въ томъ, что Спаситель не существовалъ, какъ отдѣльное и самостоятельное лице до воплощенія ‡).

*) Трудно означить время происшествія. Смотри Le Quien, II, 391. 2. Baron. II, 519, l. Pagi ibid. Scherius, p. 20.

†) Такъ Юстиніанъ: Слѣд. Labbe's Concil. tom. V. 660. Ο κατ'ελευθερίαν Ηρακλῆς... ἐκ τῆς αἰσεως τοῦ καλοῦ αἰσίου ἕστευκεν, ὡς τὸ ἐν κοινῷ εἶπεν οὗτος ἀδελφεός, и въ жизни св. Пихомія: (Acta Bolland. Mai, tom. III ad. finem. Гто Ηρακλῆς τοῦ τῆς Αλεξανδρείας ἀρχιεπισκόπου τῆς ἐκκλησίας ἐπίστον.

‡) Флери говоритъ (VI, 12): et qu'il n'avoit point d'autre divinité que celle du Pere Qui habitait en Lui. Это такъ выраженное (и есть въ иномъ переводѣ Евсевія ἐπιμελετομενην δι'αυτῶν μόνων τὴν Πατρικίην), каеологическая истина; защищать противное ученіе есть Тритенизмъ. Но если Бериллъ былъ въ этомъ отношеніи еретикъ, то потому, что училъ, что Сынъ былъ не собственно, но только нарицательно и по участию Боговъ. Въ другомъ его утвержденіи, что Господь нашъ не предсуществовалъ какъ ἰδίαν οὐσίαν κερύρατον или, какъ то было выражено въ позднѣйшемъ періодѣ времени, какъ ἰδίαν ὑποστατικὴν κερύρατον, гдѣ κερύρατονъ долже быть принято, какъ Валерію то доказываетъ, въ логическомъ смыслѣ *differentia*, въ этомъ онъ является совершеннымъ еретикомъ.

Скоро Гераклъ призванъ былъ подать своей паствѣ примѣръ мужества и рѣшительности. Александръ былъ убитъ въ своемъ шатрѣ грубыми и жестокими Максиминиомъ, который и былъ его преемникомъ. Этотъ гонимъ^{*)}, узнавъ о заговорѣ, сдѣланномъ противъ него слугами покойнаго Александра, между которыми находились нѣсколько христіанъ, воспользовался этимъ случаемъ возобновить противъ нихъ всеобщее гоненіе, которое считается седьмымъ; оно впрочемъ не было такое кровопролитное, какъ другія. Оно было направлено главнымъ образомъ противъ епископовъ и пресвитеровъ; и кажется, что Гераклъ^{?)}, избѣгая его свирѣпости, удалился изъ Александріи. Жители этого города, а также и другихъ частей Египта, прославили Бога своими страданіями. Когда кончалось гоненіе, Гераклъ возвратился въ Александрію. Незавѣтно, тогда ли или еще ранѣ слава объ учености Геракла привлекла церковнаго писателя, Юліа Африкана^{*)}, посѣтить Александрію; когда бы ни случилось, это есть вѣрное свидѣтельство о достоинствахъ Геракла, ибо Африканъ былъ другъ Оригена.

Но счастью Александріи нисколько не потерпѣла отъ послѣдовавшихъ гражданскихъ смутъ: Гордіанъ явился съ притязаніемъ на престолъ въ Африкѣ и положилъ жизнь свою въ этой попыткѣ. Пупціенъ и Балбинъ отвѣжились на тоже самое, съ большимъ успѣхомъ, въ Римѣ, и голова Максимина была послана солдатами, находившимися при осадѣ Аквинен, какъ пріятный подарокъ сенату. Но игры капителійскія положили конецъ жизни и царствованію императоровъ, въ избраніи конхъ войско не имѣло участія; и ихъ преемникомъ сдѣлался молодой Гордіанъ, почти дитя, который прежде былъ сдѣланъ цезаремъ въ угожденіе народу. Во время похода противъ персовъ, Филиппъ, префектъ преторіанъ, возмущилъ солдатъ противъ Гордіана, и по его умерщвленіи овладѣлъ престоломъ.

Гераклъ не долго прожилъ послѣ сего происшествія; онъ почилъ отъ своихъ трудовъ, болѣе пятнадцати лѣтъ управлявъ

^{*)} Со стороны матеря онъ изъ племени Алавоу, принадлежащихъ къ семьѣ Савадъ.

^{?)} Huinart, Act. Sinc. 41.

^{*)} Euseb. (Евсепій Ист. Ц. VI, 31.

каедрю александрійскою ⁹⁾. Египетскіе писатели, не зная о немъ ничего достовѣрнаго, передаютъ сказаніе повѣрстнаго, въ примѣръ: что онъ первый изъ епископовъ Александріи получилъ титулъ папы; но изучающіе церковную исторію знаютъ, что титулъ этотъ былъ въ употребленіи гораздо прежде Герасла, и первоначально прилагался даже къ пресвитерамъ ¹⁰⁾. Еще утверждаютъ, что онъ учредилъ двадцать новыхъ кафедръ; но повѣротно, чтобъ онъ могъ въ краткое время своего правленія посвятить такое число епископовъ. Составленные имъ каменія о покаяніи, особенно касательно обращенія съ еретиками, не дошли до насъ.

Такъ какъ ученіе Оригена и личное вліяніе его дѣйствовали къ добру и къ злу на александрійскую церковь долгое время послѣ его смерти, то не неугодно положить здѣсь вѣрачѣ Оригеновы мнѣнія, особенно потому, что послѣдовавшіе послѣ нихъ споры будутъ привлекать наше вниманіе. Не должно судить объ Оригенѣ во его равнѣнн сочиненіяхъ, ни по частнымъ его божествамъ съ друзьями; равно и не по толкованіямъ его враговъ, ни какъ

⁹⁾ Евсевій Ист. Ц. VI, 35, говоритъ, что шестнадцать лѣтъ; вѣроятно понимать, что около шестнадцати, или полныхъ пятнадцать, также тамъ, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что Димитрій правилъ Церковью сорокъ три года, надобно понимать, что болѣе сорока двухъ лѣтъ. *Le Quien* ii. 393.

¹⁰⁾ Свидѣтельство Тертуліана (*de Pudicit* cap. XIII) ясно; также и надписи нѣсколькихъ писемъ къ св. Кипріану, даже по показанію Памелія и Риталтіа. Даже въ наше время Александрійская Церковь, какъ и Коптская такъ и Кафолическая, употребляетъ этотъ титулъ; также и Церковь Египетская; такъ именуютъ Сиріане Яковитскаго патриарха Антіохіа, и кафолическаго или мафріанскаго патриарха изъ Ассиріи. Евтихій рассказываетъ такъ о происхожденіи этого названія въ Александріи (i. 332): когда одинъ изъ двадцати епископовъ, который былъ посвященъ Герасломъ, по имени Аммонъ, нарушилъ какимъ-то образомъ кононы, патриархъ посѣтилъ его епархію, для возстановленія порядка. Народъ слышалъ, что епископы обращаясь къ нему, называли его авва, отецъ, и подумали такъ: если мы зовемъ епископа отцемъ, а онъ называется отцемъ Герасла, тогда патриархъ долженъ быть нашимъ дѣдомъ, Вава, отсюда папа. Макрицій (65, 66) повторяетъ этотъ рассказъ съ измѣненіями. Это также вѣроятно, какъ предположеніе тѣхъ, которые выводятъ римское имя папа отъ *Pater Patriae*, или отъ *Paulus* и *Petrus*. Странно, что Валсамодъ (*Balsamon*) такой ревностный защитникъ восточныхъ правъ, утверждаетъ (*Just. Gr. Lat. lib. VII*), что этотъ титулъ былъ данъ римскимъ престоломъ св. Кириллу, когда онъ былъ его легатомъ (уполномоченнымъ) на соборѣ Ефесскомъ.

е писателѣ, котораго бы ученіе вполнѣ дошло до насъ; но слѣдуетъ судить о немъ по произведеніямъ его зрѣлаго ума, которыя онъ самъ приготовилъ къ изданію. Сверхъ того, такъ какъ онъ писалъ прежде Никейскаго собора, не должно поспѣшно осуждать его, если нѣкоторыя изъ его положеній оказываются разногласными въ выраженіяхъ съ исповѣданіемъ трехъ сотъ восемнадцати отцевъ 1-го вселенскаго собора; если дать должный просторъ его выраженіямъ, въ чемъ не откажутъ ему непредубѣжденные читатели, то смыслъ ихъ не будетъ противенъ православному исповѣданію. Нечего говорить о томъ, какъ превосходно и усвѣщивно англійскій ученый епископъ Буллъ оправдалъ память Оригена отъ обвиненія въ ереси относительно божества Сына Божія. Эта аналогія можетъ быть была бы еще болѣе побѣдоносна, хотя не болѣе убѣдительна, еслибы онъ не ограничился однимъ сочиненіемъ противъ Цельса, относительно лучшимъ изъ оставшихся сочиненій Оригена.

Его положительныя и ясныя изреченія о тайнѣ Пресвятой Троицы не должны быть устранены изъ-за нѣкоторыхъ выраженій двусмысленнаго характера, которые сами по себѣ могли бы получить неправославное толкованіе. Что Иисусъ Навинъ перехода Иорданъ былъ прообразомъ самого Бога ¹¹⁾; что нѣкоторые начальники, пораженные божествомъ ¹²⁾ Иисуса, прибѣгали къ Нему съ своими прошеніями, что тотъ же Христосъ, который говорилъ съ женою ¹³⁾ возлѣ колодца, былъ Богъ смиренныхъ; что Сынъ Божій сказалъ: «никто не можетъ видѣть лице Мое и остаться въ живыхъ» ¹⁴⁾; его же слова: «если Я Господь, то гдѣ же страхъ мой?» ¹⁵⁾. А эти слова пророкъ приписываетъ никому другому кромѣ Іеговы; что Христосъ есть Богъ, Сынъ Божій ¹⁶⁾,

¹¹⁾ Hom. de Engastrimytho (ii 497, E.). Πρό τῆς τοῦ Κυρίου μου Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐπιδημίας ἀδύνατον ἦν τινὰ παρελθεῖν κ.τ.λ. ὡς περὶ τὴν Ἰορδάνην οὐκ ἦν ἐδραεὶς εὐδοκίῃσαι ἢ Ἰησοῦ (τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ τύπος ἦν ἐκείνος Ἰησοῦς) κ.τ.λ.

¹²⁾ In S. Ioan. tom. XIII, 58 (in 274. A.). Τῶν ἀρχόντων τινάς, καταπεληγυίας τὴν δύναμιν αὐτοῦ, καὶ τὴν θεοτήτα, κροσπερυγίνας αὐτῶν.

¹³⁾ In S. Ioan. tom. XIII, 28, (IV, 248, A. B.) мѣсто это слишкомъ длинно, чтобы его привести здѣсь.

¹⁴⁾ In S. Mat. tom. XII. 43, (iii, 565 C.). Τὸν Υἱὸν τοῦ Θεοῦ κερκ. ματικίνας Μωσῆ, καὶ αὐτὸν εἶναι τὸν ἐρηκότα. Οὐ γὰρ ὄψεται ἄνθρωπος κ.τ.λ.

¹⁵⁾ In S. Ioan. tom. I, 31 (iv 33, B.). Εἰ Κύριός εἰμι Ἐγώ, ποῦ, κ. τ. λ. Δούλοι τυγχάνουσι Κυρίου τοῦ Σωτῆρος αὐτῶν καλουμένου.

¹⁶⁾ C. Celsum. iii. 41 (I, 474 A.). Ὁν πεκαίσαμεθα ἀρχήθεν εἶναι Θεὸν καὶ Υἱὸν Θεοῦ, αὐτὸς ὁ αὐτολόγος ἑστί καὶ ἡ αὐτοσοφία καὶ ἡ αὐτοαληθεία.

истинное Слово, истинная премудрость, сама истина; что тотъ, кто скажетъ, что было время когда не было Слова ¹⁷⁾, скажетъ тоже, что было время, когда не было Премудрости, не было Истины, не было Жизни, что если Сынъ Божій не вѣченъ ¹⁸⁾, то и Отецъ не можетъ быть вѣчнымъ. что волхвы принесли дары Тому ¹⁹⁾, который былъ Богъ и вмѣстѣ смертный человѣкъ; что Богъ явился въ тѣлѣ человѣческомъ для спасенія рода человѣческаго ²⁰⁾, что Богъ, который выше всѣхъ сотворенныхъ вещей ²¹⁾, сдѣлался человѣкомъ; что Отецъ и Сынъ одно ²²⁾, въ тождествѣ воли; что все, что есть въ Отцѣ ²³⁾, есть и въ Сынѣ: такія ясныя и опредѣленныя положенія не могутъ быть опровергнуты выраженіями болѣе сомнительными въ отношеніи православія. Поэтому мы можемъ объяснить или принять въ самомъ строгомъ православномъ смыслѣ такія выраженія ²⁴⁾, каковы: что дѣйствіе Отца простирается на всѣ вещи: дѣйствіе Сына, какъ ипостаси меньшей Отца, простирается только на разумныя существа, дѣйствіе Святаго Духа, какъ ипостаси меньшей Сына, простирается только на святыхъ; и еще—что Сынъ ²⁵⁾ есть второй Богъ; что Слово, въ сравненіи съ Отцемъ, не есть истина ²⁶⁾, но въ отношеніи къ намъ есть только образъ истины, что Сынъ ²⁷⁾ не есть Высшій Богъ надъ всѣми; что къ Отцу, а не къ Сыну ²⁸⁾, должно относиться въ молитвѣ; что Отецъ и Сынъ суть двѣ ипо-

¹⁷⁾ Peri Archon, IV, 28 (i 190. E). Quomodo ergo potest dici, quia fuit aliquando quando non fuit Filius? Nihil enim aliud est id dicere, nisi fuit aliquando quando Veritas non erat, quando Sapientia non erat, quando Vita non erat.

¹⁸⁾ Смотри знаменитое мѣсто въ in Ierem. Hom. IX, 4 (III. 181).

¹⁹⁾ Cont. Celsum. i 60.

²⁰⁾ Cont. Celsum. i 68.

²¹⁾ In Ioah. tom. II, 28.

²²⁾ Cont. Celsum. VIII 12.

²³⁾ In Iereu. Hom VIII 2.

²⁴⁾ Peri Archon. i. 5. Это одно изъ мѣстъ, которое Руфинъ смягчилъ, и даже совсѣмъ перемѣнилъ, но оно сохранилось въ концѣ посланія Юстиніана къ патр. Мивѣ.

²⁵⁾ Cont Celsum v. 39.

²⁶⁾ S. Hieronim ad. Avit. Ep. 59.

²⁷⁾ Cont. Celsum. XIII, 714.

²⁸⁾ Cont. Celsum VIII, 13 et seq.

²⁹⁾ Cont. Celsum. VIII, 12.

стаси ²⁰⁾, тогда какъ во время Оригена слово внестася употреб-
лялось въ смыслѣ существа (субстанціи).

Что касается до божества Святаго Духа, то во многихъ мѣ-
стахъ мнѣнія Оригена ясны и положительны православны. Если
душа ²⁰⁾, шитьеть онь, не шитьеть Бога, если она не шитьеть Сына,
который сказалъ Я и Отець ирдемъ къ нему, и сотворимъ обит-
ель у него, если она не шитьеть Духа Святаго, эта душа есть
пустыня; но она не пустыня, если шална Богомъ. Иудей, говоритъ
онъ, казался алмази Бога единаго Источника воды, но такъ какъ
онъ не алмази Христа и Святаго Духа, то не могли насытиться
Богомъ ²¹⁾. Такии же образомъ говоритъ онъ о Святой Троицѣ,
которая всѣмъ управляетъ ²²⁾, Святой Троицѣ, которой подо-
баетъ поклоненіе ²³⁾. А между тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ, онъ,
какъ мы видѣли выше, повидному не признаетъ соравенство
Святаго Духа съ Отцомъ.

Относительно воплощенія, Оригенъ едва ли можетъ быть об-
виненъ въ ереси, и если тутъ есть какое заблужденіе, то легко
показать, отъ чего оно явилось, и какъ далеко оно простирается.
Что Слово единсущное ²⁴⁾ Богу, по божеству, единсущно чело-
вѣку по челоѣчеству, что внестасное единеніе ²⁵⁾ вѣчно и
что два естества остаются не смѣшаны и неслитны, что Хри-
стосъ дѣйствительно умеръ ²⁶⁾, дѣйствительно и истинно воз-
несенъ на небо въ челоѣческой плоти и въ ней же возсѣлъ одес-
ную Бога: эти положенія такъ же ясно высказаны Оригеномъ,
какъ и св. Кирилломъ или св. Львомъ. Его случайная темнота
и кажущееся неправославіе происходитъ отъ его вѣрованія въ
предсуществованіе душъ, изъ котораго слѣдовало, по его раз-
сужденію, что было единеніе Слова съ челоѣческой душою,
прежде соединенія Слова съ тѣломъ: ученіе ошибочное, но не
заключаетъ въ себѣ ничего еретическаго. Ибо Оригенъ очень
остерегается того, чтобы не подумали, что онъ учитъ, что было

²⁰⁾ In Ierem. Hom. VIII, 1.

²¹⁾ In Ierem. Hom. XVII, q.

²²⁾ Αρχιων. In S. Matt. tom. XV, 31.

²³⁾ Претхонитѣ. In S. Ioh. tom. VI, 17.

²⁴⁾ Cont. Celsum. VI, 47.

²⁵⁾ Peri Archon, ii, 6, 3, Deinceps inseparabiliter Ei et indissociabi-
liter inheret.

²⁶⁾ Cont. Celsum. 56.

время, когда душа Христа не была ипостасно соединена божественному Слову; онъ ясно выводитъ *) Его святость и безгрѣшность изъ этого постоянного ипостаснаго единенія.

Но самые усердные поклонники Оригена должны довольствоваться тѣмъ, если могутъ защитить его отъ обвиненія въ важной ереси, потому что заблужденія и нечѣстности, которыми изобилуютъ его болѣе раннія сочиненія и особенно же его трактаты «о началахъ», слишкомъ явны, чтобы ихъ отрицать, и слишкомъ значительны, чтобы ихъ извинять. Что Богъ въ началѣ создалъ известное число чистыхъ духовъ способныхъ сохранить свою первобытную святость, но способныхъ также и пасть, что большая часть этихъ духовъ дѣйствительно пала; и по степени ихъ виновности они наказаны тѣмъ, что соединены съ болѣе или менѣе грубыми вѣществами, и что вслѣдствіе сего иные сдѣлались ангелами, иные звѣздами, а другіе людьми, что блаженные духи еще и теперь подвержены опасности паденія и что, съ другой стороны, вѣкогда сатана раскаяется и получить прощенье, такъ что Богъ будетъ все во всемъ: вотъ неистоща изъ мнѣній Оригеновыхъ, которыя хотя и были высказаны предположительно, но умалили авторитетъ его и подвергли его подозрѣнію и осужденію въ ереси относительно важнѣйшихъ пунктовъ вѣроученія.

Любопытно и не бесполезно изслѣдовать, въ какой степени и какое вліяніе имѣлъ авторитетъ Оригена на послѣдующую исторію александрійской церкви. Несмотря на общее осужденіе Оригена въ послѣдующіе вѣка отъ церквей Востока и Запада и на особенную ненависть къ его имени въ Египтѣ, его вліяніе, или скорѣе вліяніе его школы проникло въ церковь этой страны въ такой степени, какъ того и не сознавали ни его враги, ни его приверженцы. Читая сочиненія Оригена, мы не должны смотрѣть на его мнѣнія и ученія, какъ на мнѣнія отдѣльнаго, стоявшаго особнякомъ, учителя; они скорѣе воспроизведеніе ученій, излагавшихся въ огласительномъ училищѣ Александріи. А эта школа была типомъ или образцомъ, по которому устанавливались понятія александрійской церкви: философія Пантена перешла къ Клименту, а отъ него усвоена Оригеномъ. Гераклъ хотя былъ несогласенъ съ началами послѣдняго, но представляетъ ясныя

*) Peri Archon. ii. 66.

доказательства, что безсознательно был напитанъ ими, и поздѣе, Піерій былъ извѣстенъ какъ второй Оригенъ.

Справедливо то, что во всякомъ народѣ есть національное направление довести извѣстные ученія до самой крайности, такъ сказать—наслѣдственное предрасположеніе къ особенной ереси. Такъ на примѣръ англиканская церковь, съ самаго ранняго своего дѣтства, показывала направление къ пелагианству, а церковь египетская къ іудейству. Двѣ важнѣйшія формы, въ которыхъ проявлялась ересь во всѣхъ вѣкахъ, были рационализмъ и другая, которую за недостаткомъ лучшаго выраженія можно назвать спиритуализмъ, или мистицизмъ. Къ первой можемъ отнести арианство и несторіанство, ко второй савеліанство, монофизитство и новоеелитство. Одному была предана церковь антиохійская съ раннихъ временъ, другому—церковь александрійская. Къ этому разряду принадлежалъ умъ Оригена, смертный врагъ рационализма и всѣхъ происходящихъ отъ него ересей. Египетъ никогда не впадалъ въ рационализмъ; изъ Египта вышли учителя, его поборовавшіе. Св. Афанасій опровергъ арианство, а св. Кириллъ—несторіанство. Но Египетъ сталъ легкой добычей мистицизма. Средоточіемъ савеліанства былъ городъ Пентаполь; и св. Діонисій, который первый изложилъ это еретическое ученіе, не былъ египтяниномъ ни по рожденію, ни по воспитанію. Но когда въ этомъ опроверженіи его онъ самъ казался впасть въ рационализмъ, вся его епархія вооружилась противъ нововведенія въ ученіи. Еще: можно подивиться, что Аполлинарій, предшественникъ еutihianства, проявился въ Сиріи, но вспомнимъ, что отецъ его, старшій Аполлинарій, родился и воспитался въ Александріи. Точно также Александрія предалась ученію Діоскора, между тѣмъ какъ эта ересь выѣстъ съ ересью моноелитовъ впервые открылась и обличилась въ рационалистическомъ городѣ Константинополѣ.

Итакъ вѣрно, что тѣ самая начала, которыя внушили ангельскія умозрѣнія Оригена, породили и тонкую ересь яковитовъ, и еще болѣе утонченный ядъ новоеелитства. Но справедливость требуетъ сказать, что это же направленіе, подчиненное католическому авторитету, произвело св. Афанасія и св. Кирилла. Направленіе само въ себѣ ни хорошо, ни худо: извѣстно, что величайшіе святые представляютъ доказательство своей причаст-

ности тому или другому направлению. Св. Златоустъ не могъ быть монофизитомъ, а св. Кирилль — несторианномъ.

Нельзя возражать противъ сего то, что учене Орigena подверглось обвиненію въ арианствѣ, но никогда не было обвинено въ савеліанствѣ, и что ариане дѣйствительно ссылались на Орigena въ защиту своего ученія. Но таково сходство ереси, что ея повидному противоположныя формы, оказываются въ дальнѣйшемъ теченіи тождественными. Такъ съ перваго взгляду, арианству нѣтъ ничего противоположнаго ученію Несторія, но по истинѣ окончательный выводъ того и другаго, оказывается одинаковъ, и дѣйствительно, въ сочиненіяхъ Орigena можно найти мѣста повидному направленія савеліанскаго³³⁾, но онѣ остались безъ вниманія и безъ объясненій, которыхъ заслуживали.

Коротко сказать, притязаніе Орigena на православіе, останется спорнымъ пунктомъ вѣроятно до скончанія вѣковъ. Едва ли можно обвинять въ ереси того, кого защищали св. Афанасій, св. Василій, св. Григорій Назіанзинъ, св. Иларій, св. Амвросій и св. Григорій Нисскій, и едва ли могутъ быть оправданы отъ обвиненія въ ереси тотъ, который былъ осужденъ, столькими соборами, если не вселенскимъ соборомъ.

ГЛАВА V.

ГОНЕНІЕ ОТЪ ИМПЕРАТОРА ДЕКІЯ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Если вѣрить египетскимъ писателямъ, то Діонисій, сначала исправлявшій должность, а потомъ получившій и санъ епископа (247)*),

³³⁾ Cont. Celsum. VI, 64. In Ierem. Hom. XIX.

*) Большое затрудненіе относительно этого числа. Соллерій назначаетъ 248 годъ возведенія св. Діонисія на епископство, и поэтому онъ вмѣстѣ съ Восточною Хроникою полагаетъ, что патриархатъ былъ прерванъ въ продолженіе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вѣй кажется съ большею вѣроятностью утверждаетъ, что св. Діонисій былъ посвященъ въ февралѣ 247 года или около того, и скончался въ этомъ же мѣсяцѣ или въ предшествующемъ въ 265 году по Р. Х. Таммъ обра-

воспитался въ язычествѣ и былъ 'очень свѣдушь въ астрологiи ¹⁾). Случилось, что одна бѣдная женщина, обратившаяся въ христіанство, дала ему посланiя св. Павла; и чтенiе ихъ расположило Діонисiя не только приобрести эту книгу, но розыскать, нѣтъ ли у христіанъ еще другихъ сочиненiй такого же рода. Женщина эта посоветовала ему отнестись къ пресвитерамъ церковнымъ, что онъ и исполнилъ; чтенiе вновь полученныхъ отъ нихъ книгъ, а также данныя ему наставленiя, послужили его обращенiю.

Новый епископъ, родомъ савантъ ²⁾; т. е. по всей вѣроятности арабинскаго происхожденiя отъ добраго семейства ³⁾, но языческаго. После своего обращенiя онъ учился у Оригена, къ которому ⁴⁾ всегда сохранилъ искреннюю привязанность. Позднѣе, когда Оригенъ пострадалъ за вѣру Христову, онъ написалъ утѣшительное разсужденiе и посвящалъ ему, вознаграждая его такимъ образомъ за то утѣшенiе, которое Оригенъ такъ часто подавалъ другимъ. По смерти Оригена, Діонисiй написалъ похвальное слово ему къ Θεоктисту ⁵⁾, епископу кесарійскому, о которомъ мы

здесь онъ занималъ бы престолъ ~~почти~~ 17 лѣтъ. какъ говоритъ Евсевiй (Истор. Церк. VII. 28). и принялъ епископство въ третьемъ году управленiя Филиппа, что также подтверждаетъ Евсевiй (Истор. Церк. VI. 35); этоъ третiй годъ кончился въ мартѣ 247. Невзвѣрно, какъ замѣчаетъ Бiей, чтобы въ мирное время, каково было царствованiе Филиппа, престолъ Александрiйской оставался такъ долго праздымъ.

¹⁾ Renaudot. p. 25, который на слѣдующей страницѣ кажется по ошибкѣ приписываетъ это преданiе Гераклу.

²⁾ Смотри Вуаеус § 28, Comm. Praev. in Vit. S. Dionys. October, Bolland. ii.). Но авторъ его жизнеописанiя, приложеннаго къ прекрасному изданiю Пропаганды его отрывковъ, сильно опровергаетъ это извѣстiе, и утверждаетъ, что авторъ Хроникъ Восточной подъ выраженiемъ Савантъ подразумѣвалъ именно азычника.

³⁾ Ruinart, Act. Sinc. pp. 179. 80, ed. 2 (которое изданiе мы всегда переводимъ).

⁴⁾ Говорятъ, что онъ написалъ сочленiе противъ Оригена, (Anastasius, Quest. sup. Genea, 25), но этоъ писатель должно быть смѣшиваетъ какого-нибудь другаго Діонисiя съ епископомъ александрiйскимъ; Баронiй впалъ въ ошибку, думая что послѣднiй былъ противникъ Оригена: противное доказано Пажемъ (Pagl, 246, iii, iv); Галуа (Orig. Def. i. 22) и Гуециемъ (Origeniana, i. 3. 10).

⁵⁾ Photius, Cod. CCXXXII. Это посланiе обращено, какъ значитса въ немъ, къ Θεотеку, но должно читать Θεоктистъ, а не Θεотектiъ, который былъ его вторымъ преемникомъ. Ибо Θεоктистъ пережилъ нѣсколькими годами Оригена. Сравни Le Quien, iii 543, и Вазезiа на Ц. Ист. Евсевiа VII, 1.

уже имѣли случай удивлять. Дионисій былъ челоуѣкъ, версто- ровней учености и первый изъ великихъ отцовъ, которымъ такъ прославился престоль александрійскій. По примѣру другихъ учи- телей огласительнаго училища, соединяя изученіе философіи съ изученіемъ богословія, онъ привелъ многихъ язычниковъ къ по- знанію истины. Зная хорошо еретическія писанія, онъ имѣлъ неисчерпаемый источникъ доказательствъ противъ ихъ разнооб- разныхъ искаженій истины. Вотъ что говоритъ онъ въ посланіи своемъ къ Филимону ⁶⁾: «Я положилъ не мало труда на чтеніе книгъ и знакомство съ ученіями еретиковъ! Такимъ образомъ, на нѣкоторое время душа моя осквернялась ихъ гнуснѣйшими вымыслами, но я приобрѣлъ отъ нихъ ту пользу, что одроураждавъ ихъ въ моемъ собственномъ умѣ, сталъ гнушаться ими гораздо болѣе чѣмъ прежде. Одинъ изъ моихъ собратій между пресви- терами удерживалъ меня отъ этого занятія, опасаясь, чтобы я не заразился ⁷⁾ мерзостію нечестія. Твой собственный умъ не вредится, говорилъ онъ, и мнѣ казалось, что онъ говоритъ правду. Но видѣніе, посланное мнѣ Богомъ, укрѣпило меня и ска- занное мнѣ слово ясно заповѣдало мнѣ: «Изучай все что попа- деть въ твои руки; ты имѣешь способность къ изслѣдованіямъ и испытанію всего. Привычка къ чтенію была въ началѣ при- чиною и моего обращенія.» Я принялъ видѣніе, какъ согласное съ апостольскимъ наставленіемъ къ тѣмъ, которые имѣютъ силь- ныя души: «*Будьте мудрыми кутцами*» ⁸⁾.

⁷⁾ Сохранено Евсевіемъ Истор. Церк. VII, 7.

⁸⁾ Мы читаемъ, по прекрасной догадкѣ Валезія, *σοφρονοει*, Гейнхольтъ, однако, оставляетъ *σοφρονοει*, какъ стоитъ во всѣхъ манускриптахъ; что должно быть принято въ смыслѣ увлеченія.

⁹⁾ Эти слова, какъ подтверждается Оригеномъ, (in. S. Ioan. tom. X), а послѣ него Иеронимомъ въ его посланіи къ Минервію и Александру, сказаны Христомъ; то же говоритъ и св. Епифаній Наг. XIV. Они также приводятся какъ слова св. Павла. Другіе отцы Церкви дитуются у Котелерія, (объ апостольскихъ постановленіяхъ II, 36). Три мнѣнія были высказаны по сему предмету. Первое мнѣніе Ушера (Prolog ad I. Ignat. Ерр. cap. 8), Валезія, Гуеция и Фабриція, (Cod. Apot. N. T. I. 330), что слова эти были взяты изъ апокрифическаго евангелія къ Евреямъ. Второе мнѣніе Свицера (Thes. Eccl. II. p. 1283), съ которымъ по ви- димому согласна повѣйшая Германская школа критиковъ, наприм. Да- улусъ (въ толк. на св. Лук. XIX. 23), что изреченіе взято изъ притчи о десяти талантахъ, или изъ 1-го посланія къ Тессалон. V. 21, или изъ снесенія обонхъ этихъ мѣстъ. Третье мнѣніе Котелерія, что это

Славъ епископомъ Діонисій поручилъ училище Клименту, второму учителю этого имени. Кажется, что прежде своего посвященія *) Діонисій былъ женатъ.

Думаютъ, что вступившій на императорскій престолъ Филиппъ былъ христіанинъ, по крайней мѣрѣ по своимъ убѣжденіямъ; но средства, которыми онъ достигъ своей власти, пока зываютъ, что онъ вовсе не былъ подъ вліяніемъ духа истинной вѣры. Впрочемъ церковь наслаждалась во все его царствованіе глубокимъ спокойствіемъ, за исключеніемъ одного случая— въ Александріи. Зимой 249 года до Р. Х. языческіе жители Александріи были возбуждены противъ христіанъ однимъ человекомъ, который соединялъ въ себѣ профессіи поэта и гадалки ¹⁰⁾. Подробности гоненія сохраниены въ посланіи Діонисія къ Фабію антиохійскому ¹¹⁾.

Престарѣвшій Метрасъ ¹²⁾ былъ первой жертвой возмущенія. Чернь схватила его и требовала, чтобы онъ пропанесъ хулу на Христа; получивъ отказъ, нанали на него съ палками, острыми каменьями ему лице и глаза, вытаскали за городъ и убили камнями. Черезъ нѣсколько дней послѣ притащили въ храмъ свой жандищу по имени Квинту, и когда она съ ужасомъ отказалась поклониться ихъ идолу, связали ей ноги, потащили ее по мостовой къ тому мѣсту, гдѣ пострадалъ св. Метрасъ, и также побили ее камнями. Это второе мученичество было сигналомъ общаго нападена на христіанъ. Бросились на нихъ дома, выбрасывали имущество на улицу и жгли, ихъ самихъ жестоко оскорбляли и за-

есть подлинныя слова Спасителя и дошли по преданію. Это кажется самое правдоподобное предположеніе.

*) Бией (October Balland. II, 17) сильно старается уклониться отъ силы доказательствъ Тилльмона и вмѣстѣ съ Валезіемъ доказать, что епископъ не былъ женатъ. Но ясный смыслъ собственныхъ выраженій патріарха (Евсевія Исторія Церк. VI, 40) кажется доказываетъ противное.

¹⁰⁾ Ο κακῶν τῶν πόλεων γαῖται μαύτις καὶ πομπῆς, говоритъ св. Діонисій. Мы слѣдуемъ Валезію, принимая слова въ буквальный смыслъ. Другіе какъ напримѣръ Персонъ (Ann. Sup. CCXLIX § 1) разуметь такъ: былъ причиною зла въ этомъ городѣ въ предшествовавшія времена, и пророчествовалъ объ ивѣющемъ быть во время Деція.

¹¹⁾ Евсевія Истор. Церкви. VI, 41.

¹²⁾ Въ Александріи была церковь посвященная его имени—Ruhart Act. Sinc. 124.

ставляли скрываться или оставлять город. Дионисій спасся невредимъ; и оплакалъ въроотступничество только одного чело-вѣка изъ своей паствы. Св. Аполлонія, посвятившая себя дѣ-вству и дожившая до глубокой старости, была схвачена язычи-ками, которые безчеловѣчно били ее по лицу до того, что зубы у нее выпала, и угрожали сжечь ее живую, приготовивъ для сего огонь, если она не поклонится богамъ. Она, казалась, по-колебалась, и мучители думая, что они восторжествовали, раз-вязали ее; Аполлонія воспользовалась своей свободой для того только, чтобы доказать свою твердость, и добровольно взошла на пылающій костеръ. Тогда неистовые окружали домъ Сара-пѣона, ворвались туда и схвативъ козлина, который сидѣлъ возле очага, мучили его ужасно, и переломавъ ему кости, внесли его на крышу, откуда бросили его на улицу. Ни по одной улицѣ, ни по одному переулку нельзя было пройти безопасно; толпы разсвирѣпѣвшихъ язычниковъ ходили по всѣмъ площа-дямъ, принуждая всѣхъ имъ встрѣчавшихся хулить Христа, или сожигали дома ихъ и предавали ихъ мученіямъ. Всѣ эти муче-ники причислены къ лику святыхъ и Восточной и Западной церковью.

Такое гоненіе продолжалось почти шесть мѣсяцевъ, и при-остановилось на короткое время вслѣдствіе убіенія Филиппа въ Веронѣ. Ему наследовалъ Децій, провозглашенный императоромъ въ Панноніи. Тотчасъ по возшествіи его на престолъ, началось осязое, самое свирѣпое и наиболее услѣшное гоненіе. Въ про-межутокъ спокойствія, которымъ наслаждалась церковь, любовь и вѣра христіанъ начинали охладѣвать; пристрастіе къ міру и само-угожденіе вкрались до такой степени, что нѣкоторые изъ святыхъ епископовъ среди тишины предостерегали отъ грозы, которая должна была разразиться, и послужить по ихъ мнѣнію къ очи-щенію церкви.

Разсказъ Евсевія о страданіяхъ христіанъ въ Александріи тѣмъ драгоценнѣе, что онъ извлеченъ изъ писемъ самаго Диони-сія, отрывки которыхъ сохранены этимъ историкомъ и бл. Іеронимомъ. Они были написаны, когда для церкви снова настали времена спокойныя, къ Фабію патріарху антиохійскому, Ди-диму, Домитію и другимъ

Первое извѣстіе о гоненіи произвело страшное смущеніе въ

Витебска 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 к. Вологды 5 к. Воронежя 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса 10 к. Гродно 11 к. Дербента 16 к. Екатеринодара 10 к. Екатеринослава 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 к. Иркутска 20 к. Казани 9 к. Каліша 15 к. Калуги 3 к. Каменец-Подольска 13 к. Клининева 15 Кіева 9 к. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к. Куопіо 11 к. Курска 6 к. Кутайса 16 к. Кѣльдовъ 14 к. Ломжи 12 к. Люблина 12 к. Мінска 8 к. Митавы 11 к. Могилева 6 к. Нижняго-Новгорода 5 Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Новочеркаска 11 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петрозаводска 11 к. Петрокова 15 ч. Плоцка 14 Полтавы 9 к. Пскова 8 к. Радома 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 к. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Петербурга 7 к. Саратова 9 к. Семипалатинска 18 к. Симбирска 9 к. Симферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольска. губ. 14 к. Сувалокъ 12 к. Сѣдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к. Твери 3 и. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска. 18 к. Тулы 3 к. Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харькова 8 к. Херсона 13 к. Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 к. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ВЪ РЕДАКЦИИ „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

продаются слѣдующія книги:

I. Размышленія о сущности христіанской вѣры. Соч. Гизо. Переводъ *святц. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

II. Вѣчная жизнь. Публичныя чтенія Э. Навилія. Перев. *святц. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

III. Публичныя чтенія 1871 года, *профессора протоіерея Н. Сергіевскаго*: Объ основныхъ истинахъ Христіанства. М. 1872. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

IV. Сочиненія св. Іустина философа и мученика, изданныя въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *святц. П. Преображенскимъ*. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 р.

V. Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Тагіана, Аеннагора, Теофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданы въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *святц. П. Преображенскимъ*. М. 1867. Цѣна: 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

VI. Сочиненія св. Иринея Ліонскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданы *святц. П. Преображенскимъ*. М. 1871. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

VII. Вопросъ о злѣ. Публичныя чтенія Эрнеста Навилія. Перев. *святц. Н. Протопопова*. М. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. сер.

VIII. О Евангеліи отъ Маттея. Разборъ и опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. Соч. *священника московской Троицкой на Арбатѣ церкви Владиміра Маркова*. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

IX. Рѣчи произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ перваго десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища *священникомъ А. М. Ивановымъ-Платоновымъ*. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

X. Изъ лекцій по церковному праву. О проф. моск. университета Н. К. Соколова. Вып. I. Введеніе въ церковное право. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПОДПИСКА

на

Православное Обозрѣніе 1875 года продолжается.

Отдѣльные книжки «Православное Обозрѣніе» за прежніе годы продаются каждая по 50 к., съ перес. по 75 к.

Новые подписчики, не получавшіе въ прошломъ году «Православнаго Обозрѣнія», получаютъ 5 листовъ напечатанныхъ въ немъ лекцій по каноническому праву покойнаго профессора Н. К. Соколова «О составѣ Церковнаго Общества.»

въ РЕДАКЦІИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

Указатель къ „Православному Обозрѣнію“
за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг.
составленный Н. А. Ефремовымъ.

Цѣна „Указателя“: 1) при выпискѣ *Православнаго Обозрѣнія* 75 к. съ перес. 1 р. 2) въ отдѣльной продажѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Печатать позволяется. Июля 24 дня 1875 года.

Цензоръ Протоіерей А. Соколовъ

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1875

А В Г У С Т Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—СЛОВО, СКАЗАННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ХРИСАНФО
ЕПИСКОПОМЪ АСТРАХАНСКИМЪ, ВЪ НИКОЛАЕВСКО-
ЧУРКИНСКОЙ ПУСТЫНѢ, 9 МАЯ 1875 ГОДА.
- II.—ЖИЗНЬ И УЧЕНІЕ БОГОМИЛОВЪ ПО ПАНЮШКИ ЕВФІ-
ЗИГАБЕНА И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ (окончаніе). Гр.
пріановича.
- III.—СЛОВО НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВ-
СВЯЩ. Н. К. Протопопова.
- IV.—КЪ ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ВИЗАНТИИ: СПОРЪ О П-
ТОНѢ И АРИСТОТЕЛѢ ВЪ XV В. А. С. Лебедева.
- V.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ДЕКАНА СТ-
ДЕЯ О СТАРОКАТОЛИЦИЗМѢ. О. М. Сухотина.
- VI.—ДЕКАНЪ СТАНДЕЙ О СТАРОКАТОЛИЦИЗМѢ.
- VII.—ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ, КАКЪ МОРАЛИСТЪ. А. О. Гус-
евъ.
- VIII.—СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: ИЗЪ ЖИЗНИ ВОСТОЧНОЙ
ЦЕРКВИ. О. С. Б.
- IX.—ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- X.—НИНІЯ ИСТОРИЯ СВЯТОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ—ПАТРИ-
ХАТЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ: ГЛАВА VI.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (Батюковъ и К^о)
на Страстномъ бульварѣ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ВЪ 1875 ГОДУ

подъ редакціею свящ. П. Преображенскаго.

«Православное Обозрѣніе» въ 1875 году издается по прежней программѣ, въ томъ же направленіи, какъ издавалось доселѣ въ теченіи пятнадцати лѣтъ, и при содѣйствіи тѣхъ же сотрудниковъ, имена которыхъ встрѣчались на страницахъ этого журнала.

Въ 1875 году «Православное Обозрѣніе» выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 р. 50 к. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 р. с. Подписная цѣна съ «Указателемъ» за одиннадцать лѣтъ 8 р. с.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, при церкви Осодора Студита у Никитскихъ воротъ, домъ свящ. П. Преображенскаго,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Полные экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869—по 3 руб. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874—по 5 руб. безъ пересылки, а за четырнадцать лѣтъ 1861—1874—сорокъ пять рублей. Цѣна Указателя къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., безъ пересылки 75 к., съ пересылкой 1 р. Выписывающее «Православное Обозрѣніе» за всѣ прежніе годы получаютъ Указатель бесплатно. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 6 ф., а за 14 лѣтъ съ Указателемъ—за 80 фунтовъ—по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылокъ съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмоль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахани 15 к. Баку 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к.

С Л О В О

СКАЗАННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ХРИСАНѢОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ АСТРАХАНСКИМЪ, ВЪ НИКОЛАЕВСКОЙ ЧУРКИНСКОЙ ПУСТЫНИ 9 МАЯ 1875 ГОДА ¹⁾.

Свѣтлыя чувства, братія, возбуждаетъ видъ вашей св. обители, когда приближаешься къ ней, среди окружающихъ ее водныхъ пустынь. Благогласенъ вашъ храмъ, скромны, но чисты и удобны ваши жилища. Хвала усердію вашихъ предшественниковъ, устроителей вашей обители, хвала и вашимъ трудамъ, продолжающимъ ихъ дѣло. Но отъ этого вѣшняго благоустройства вашей обители я скорѣе хотѣлъ бы перейти къ мысли о томъ внутреннемъ, нравственно-общественномъ значеніи, какое могла бы имѣть она для нашего края. Все, въ самомъ дѣлѣ, невольно вызываетъ на размышленіе объ этомъ, — и время, въ какое открыта ваша обитель, и мѣсто, какое для нея избрано.

Обитель ваша въ нашемъ краѣ есть послѣдняя по времени явленія, новая. Немного ихъ было и отъ начала въ нашей, небогатой православнымъ населеніемъ, хотя и широкой по пространству мѣстности. Но и изъ числа этихъ немногихъ обителей, не смотря на относительную недавность православія въ краѣ, нѣкоторыя уже исчезли, прекратили свое существованіе.

¹⁾ Николаевская Чуркинская пустынь лежитъ въ 50 верстахъ отъ Астрахани, вблизи Каспійскаго моря, на юговосточной сторонѣ дельты, образуемой устьемъ Волги, среди многочисленныхъ ея притоговъ. Основана около 30-ти лѣтъ тому назадъ.

Самая древняя и первая по времени основанія обитель наша давно уже не существуетъ ²⁾; другая, болѣе видная между ними и общавшая, судя по ея вещественнымъ средствамъ, самое долгое существованіе, упразднена на нашихъ глазахъ ³⁾. Самая дѣятельность обителей нашего края мало извѣстна въ исторіи. Въ народѣ хранится благоговѣйная память о первомъ начальникѣ первой обители въ Астрахани—и только ⁴⁾. Исторія нашей русской церкви не знаетъ ни историческихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ нашихъ обителей, ни лицъ, прославившихся подвигами благочестія. Исключеніе составляетъ только святитель, мученикъ нашего края, душу свою положившій за люди своя ⁵⁾, который воспитался въ самой древней изъ астраханскихъ обителей и изъ нея вышелъ на архипастырское служеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь, у насъ, какъ и на мѣстѣ другаго изъ завоеванныхъ тогда мусульманскихъ царствъ — царства казанскаго, при первоначальномъ водвореніи православія и устройствѣ церквей, была усиленная дѣятельность пастырей и иночества, но почему-то все это осталось мало извѣстнымъ для общей русско-церковной исторіи. Всего вѣроятнѣе потому, что пастырская дѣятельность въ нашемъ краѣ первоначально не была самостоятельною, а находилась въ зависимости отъ дѣятелей въ прежде бывшемъ царствѣ казанскомъ и сливалась съ ихъ дѣятельностію. Какъ бы то ни было, то—фактъ, что обители астраханскаго края не вошли въ исторію. Я думаю, теперь, братія, не сдѣлается ли памятною въ исторіи церкви новая обитель нашего края, — ваша, она не войдетъ ли въ исторію?

Чѣмъ, какъ? Конечно, тѣмъ же, чѣмъ становились извѣстными въ исторіи и всѣ другія наши иноческія обители, т. е.

²⁾ Троицкій монастырь еще въ 1700 г. приписанный къ московской лаврѣ, а въ 1807 году по совершенномъ упраздненіи къ кафедральному астраханскому собору.

³⁾ Спасопрображенскій монастырь, упраздненный въ 1874 году.

⁴⁾ Игуменъ Кирилль, первый настоятель Троицкаго монастыря.

⁵⁾ Разумѣется митрополитъ Іосифъ, убиенный шайкою Стеньки Разина въ 1671 году.

внутренними подвигами самоотреченія и вѣщною дѣятельностью во имя вѣры и церкви... И странно было бы, братія, представить, что мы здѣсь, въ виду этихъ водныхъ пустынь, ведущихъ къ безбрежной водной пустынѣ моря, стали бы искать чего-либо другаго, кромѣ подвига и того покоя и мира души, который дается подвигомъ самоотреченія. Нѣтъ сомнѣнїя, что и ваши отцы, устроители вашей обители, ни чѣмъ не руководились и не могли руководиться при устроенїи обители, кромѣ искренняго желанія послужить дѣлу спасенія своего и другихъ. То самое, что они открывали вашу обитель въ самые послѣднїе дни, въ наше время, особенно строгое и взыскательное въ своихъ требованїяхъ по отношенїю къ иночеству, не общающее ему ничего, кромѣ этихъ требованїй, иногда, быть можетъ, суровыхъ и жесткихъ, показываетъ уже, что они готовы были на всякій подвигъ. Духъ блаженной памяти отцовъ, вашихъ предшественниковъ, да неоскудѣваетъ въ васъ, а да возрастаетъ и усугубляется...

Но для жизни общественной еще замѣтнѣе подвиги открытые, внѣшнїе. Они также ожидаются отъ васъ.

На такое значеніе вашей обители указываетъ самая мѣстность, ею занимаемая. Не знаю, имѣли ли это въ виду недавнїе устроители вашей обители, — думаю, что да. Но я вижу въ этомъ указаніе божественнаго провидѣнїя, призваніе васъ самимъ Господомъ къ дѣятельности во имя вѣры и церкви.

Обитель ваша стоитъ на самомъ конечномъ юго-восточномъ предѣлѣ нашей области и на одной изъ границъ великаго государства съ этой юго-восточной стороны. Васъ окружаютъ и поклонники лжепророка и чистые язычники ⁶⁾, а за вами — на другомъ берегу моря, которое виднѣется отъ васъ, — та область невѣрїя ⁷⁾, откуда исходитъ и то невѣрїе, которое здѣсь васъ окружаетъ и гдѣ оно находитъ себѣ пищу и поддержку, тамъ начинаются уже страны, гдѣ совсѣмъ неизвѣстно имя Христово.

⁶⁾ Калмыки, преимущественно же киргизъ-кайсаки.

⁷⁾ Полуостровъ Мангышлакъ.

Стоя, такимъ образомъ, на одной изъ самыхъ конечныхъ окраинъ нашего великаго царства, обитель ваша образуетъ собою, если можно такъ выразиться, передовою постъ церкви, направленный въ страны мусульманскаго и языческаго невѣрія. Она должна быть тѣмъ же въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ служатъ для пловцовъ по морю маяки на морскомъ прибрежьи,—должна указывать, освѣщать путь ко Христу и Его церкви.

Вы много можете сдѣлать для этой цѣли и своимъ внутреннимъ подвигомъ. Ваша уединенная жизнь, ваше воздержаніе, ваша любовь, незнающая различія въ людяхъ, ваша благотворительность, простирающаяся не только на своихъ единовѣрцевъ, но и на этихъ иноплеменниковъ, васъ окружающихъ, благолѣпіе вашего богослуженія и вашей святости, — все это можетъ располагать къ вамъ этихъ иновѣрцевъ. Но еще болѣе можетъ служить этой цѣли и прямо къ ней направленная ваша дѣятельность. Вы можете для цѣлей обращенія въ христіанство жертвовать и вещественно. И вы приносите эти матеріальныя жертвы. И я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ за это слово благодарности отъ лица всей нашей мѣстной церкви... Но вы можете приносить и еще высшую жертву,—можете самихъ себя посвятить этому великому и высокому дѣлу. Вы можете вести проповѣдь о Христѣ съ этими иновѣрцами, можете обучать дѣтей ихъ для привлеченія ихъ потомъ къ вѣрѣ. Не думайте, что для этого отъ васъ требуется что-то особое, чрезвычайное, что это для васъ не легко или невозможно. Возможно это для всякаго, искренно, сердечно вѣрующаго. Обращаетъ къ вѣрѣ скорѣе всего и легче всего простая, но живая и сильная вѣра, а не ученость, иногда холодная и бездушная. На сердце дѣйствуетъ сердце же и теплое чувство, а не рассужденія и выпрєннія соображенія ума.

А это нужно, братія, нужно для васъ... Не совсѣмъ напрасны тѣ, конечно и вамъ извѣстныя, требованія нынѣшняго общества, чтобы, сверхъ подвиговъ внутренняго благочестія, обители иноческія служили и для церковно-общественныхъ

нуждъ и цѣлей. Правда, мы могли бы сказать въ отвѣтъ на эти толки, что монастыри служатъ общему дѣлу вѣры и нравственности уже своимъ своимъ внутреннимъ, личнымъ подвигомъ. Внутренняя, личная, высокая жизнь подвижника и сама по себѣ имѣла и всегда можетъ имѣть общественное значеніе, потому что служить показателемъ высоты жизни и примѣромъ ея для цѣлаго общества... Великіе подвижники древности уходили изъ міра въ пустыню за тѣмъ, чтобы изъ нея извести въ самый міръ новыя, высокія требованія христіанской нравственности; за тѣмъ, чтобы міръ послѣ узналъ, увидѣлъ всю высоту и широту христіанской добродѣтели. И міръ христіанскій, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, много обязанъ перемѣною въ самой своей общественной жизни и усовершеніемъ своей общественной нравственности одиночнымъ, уединеннымъ, и, повидимому, только личнымъ подвигамъ древнихъ великихъ пустынножителей. Но намъ могутъ возразить — и совершенно справедливо, что полнота вѣры и внутренней жизни не можетъ не отражаться и во вѣхъ... Кто внутри исполненъ чувства вѣры, тотъ не можетъ оставаться равнодушнымъ относительно невѣрія, особенно, когда онъ видитъ его, когда оно окружаетъ его. Такого, т. е. только внутреннего подвижничества, совершенно отрѣшеннаго отъ всякой внѣшней дѣятельности, собственно говоря, никогда и не было. Наши обители издревле были и разсадникомъ духовнаго просвѣщенія и средоточіемъ дѣятельности церковно-общественной.

Знаете ли вы, братія, что почти весь сѣверъ нашей великой страны обязанъ не только своимъ обращеніемъ въ христіанство, но даже и своимъ заселеніемъ нашимъ древнимъ иноческимъ обителямъ? Иноки ходили съ проповѣдью по дикимъ лѣсамъ, обращая ко Христу не только единоплеменниковъ, но и инородцевъ сѣвера. Русскій крестьянинъ шелъ съ своею сѣкирою въ дремучіе лѣса нашего сѣвера уже послѣ того, какъ путь для него проложенъ былъ и освященъ стопою св. подвижниковъ... Такъ зачинались и возникали на нашемъ сѣверѣ «починки» и селенія.

Вотъ, еслибъ ваша обитель, братія, была для этой юго-восточной окраины нашего царства тѣмъ же, или чѣмъ-либо подобнымъ тому, чѣмъ были и служили вѣкогда обители съ-вера! Еслибъ, то есть, она послужила къ обращенію нашихъ иновѣрцевъ и къ заселенію христіанами этого побережья нашего моря!...

Святитель Христовъ, именемъ котораго называется ваша обитель и которому посвященъ вашъ храмъ, при жизни своей отличавшійся особенною ревностію къ православію, да послужитъ вамъ примѣромъ. А молитва предъ Господомъ этого великаго небеснаго ходатая, извѣстнаго даже здѣшнимъ иновѣрцамъ, да дастъ вамъ силы для трудовъ ради Господа и Его св. Церкви. Аминь.

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ БОГОМИЛОВЪ

ПО ПАНОПЛИИ ЕВѢИМІЯ ЗИГАБЕНА

И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ *).

Ученіе богомиловъ о твореніи міра и
человѣка.

«Сатанайль, низверженный съ неба, не могъ основать свое жилище на водахъ;—земля была невидима и неустроена. Божественный образъ (*θεία μορφή*), одъяніе и творческая сила остались между тѣмъ при немъ. И вотъ онъ собираетъ надъ-шихъ вмѣстѣ съ нимъ ангеловъ, ободряетъ ихъ и говоритъ: Богъ сотворилъ небо и землю (Бытія I, 1). Я, другой богъ, устрою второе небо и все прочее по порядку. Сатанайль сказалъ: «да будетъ твердь»—и стала твердь. Далѣе онъ продолжалъ твореніе въ томъ порядкѣ, какъ оно описано въ книгѣ Бытія: украсилъ второе небо, отдѣлилъ воду отъ земли, произвелъ растенія и животныхъ. Это второе твореніе онъ назначилъ жилищемъ для себя и для подвластныхъ ему духовъ. Затѣмъ онъ образовалъ тѣло Адама изъ земли и воды и поставилъ его въ прямомъ положеніи. При этомъ какая-то влага потекла изъ Адама въ правую ногу и черезъ большой палецъ извилинами (*ἐλικοειδῶς*) ушла въ землю, образовавъ фи-

*) См. іюльскую кн. Прав. Обзорѣнія 1875 г.

гуру змія. Собравъ свое дыханіе (πνεύμα), Сатанаилъ вдунулъ въ образованное имъ тѣло жизнь. Но этотъ духъ, пролившись черезъ пористую толщу (διὰ χαυνότητά) тѣла въ правую ногу, попалъ черезъ большой палецъ въ извилистую струю; она тотчасъ получила жизнь и отдѣлившись отъ пальца, стала змѣемъ и поползла. Потому змій и отличается хитростію, что его оживляетъ душа Сатанаила. Замѣтивъ, что усилія его ни къ чему не ведутъ, этотъ новый творецъ черезъ посольство обратился (διεπρεσβέυσατο) къ благому Отцу и просилъ ниспослать Своего духа (πνοήν), обѣщая, что человѣкъ будетъ принадлежать имъ обоимъ, если будетъ оживленъ, и что племя его восполнить мѣста на небѣ, оставленныя падшими ангелами. Богъ, по благодсти своей, исполнилъ просьбу діавола, вдунулъ въ созданіе Сатанаила дыханіе жизни. Тотчасъ явился человѣкъ съ живою душою, которая просвѣтила его и сообщила ему разнообразныя прелести. Когда же затѣмъ изъ тѣла Адама была создана Ева и получила тотъ же блескъ, Сатанаилъ воспламенился завистію; онъ переѣхалъ свой планъ и сталъ злоумышлять противъ своего созданія; подъ видомъ змія онъ обманомъ соблазнилъ Еву къ соитію (συγγενέσθαι) съ нимъ, для того чтобы его сѣмя, вошедши въ тѣло Евы прежде Адамова сѣмени, вознмѣло надъ нимъ господство и всячески препятствовало ему расти и множиться (ἀυξάνεσθαι καὶ πληθύνεσθαι). Скоро Ева, въ болѣвни родовъ, родила, отъ сожитія съ Сатанаиломъ, Каина и подобную ему сестру-близнеца, по имени Каломелу. Движимый ревностію, Адамъ также сдѣлалъ соитіе съ Евою и родилъ Авеля; но его тотчасъ убилъ Каинъ и внесъ этимъ смертоубійство (φόνον; по древн. чтен.—φοβον или φοβον: Narrat de Bogomil. p. 13) въ міръ. Посему и апостолъ говоритъ, что Каинъ былъ отъ лукаваго (1 Іоан. III, 12). Черезъ преступленіе съ Евою подъ образомъ змія, Сатанаилъ лишился образа Божія, одѣянія, творческой силы и божескаго имени. Потерявъ все это, Сатанаилъ сталъ темнымъ и для всѣхъ ненавистнымъ. Но благой Отецъ, смягчивъ свой гнѣвъ,

дозволилъ ему остаться мироправителемъ (хосмократор) и владыкою всего, созданнаго имъ послѣ своего паденія»¹⁾.

Въ изложеніи творенія міра и человѣка по богомильскимъ воззрѣніямъ Евенкій Зигабенъ стоитъ совершенно одинокимъ писателемъ въ ряду другихъ источниковъ для изученія богомильства. Поэтому считаемъ не лишнимъ обратиться къ одному изъ апокрифовъ, этому, можно сказать, народному богословію, въ основѣ котораго лежитъ также Священное Писаніе, какъ и въ рассказъ автора Паволліи, только въ апокрифѣ гораздо болѣе примѣшивается разныхъ мнѣевъ, отголосковъ сирійскаго гносиса и славяно-языческой древности. Этотъ апокрифъ—«Вопросы Іоанна Богослова»²⁾, съ которыми мы еще не разъ встрѣтимся по ихъ близкому отношенію къ рассказу Евенкія. Послѣ перваго вопроса Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Христа о томъ, «въ какой славѣ былъ Сатана у Твоего Отца прежде своего паденія?» — Онъ управлялъ всѣми небесными силами и былъ подобенъ Отцу (*ipse erat ordinans omnem imitationem patris*), отвѣчалъ Христосъ; самъ же Іисусъ сидѣлъ рядомъ съ Отцемъ. Гордость увлекла Сатану къ измѣнѣ: онъ задумалъ поставить престолъ свой выше небесъ и совершенно уподобиться Вышнему. Далѣе изображаются семь небесъ, населенныхъ ангелами. Подъ небесами существовало три стихіи: воздухъ, вода и огонь. Каждую изъ нихъ хранилъ особый ангель. Вода покрывала *неустрашенную* еще землю, а огонь былъ въ ея внутренности. Слустившись подъ землю, Сатана нашелъ двухъ рыбъ, лежавшихъ на водахъ. Соединенныя между собою подобно пашущимъ воламъ, они поддерживали всю землю отъ запада до востока солнцемъ повелѣніемъ невидимаго Творца³⁾. Сатана склонилъ на свою сторону ангеловъ воз-

¹⁾ Narrat de Bogom. p. II, гл. VII.

²⁾ О существованіи ихъ въ богомильской сектѣ было сказано выше. Они напечатаны между прочимъ у Thilo, codex apocryphus Novi Testamenti. 1832. Лейпцигъ. Подъ заглавіемъ: Liber s. Iohannis apocryphus, I p. 884—896.

³⁾ Этотъ мифъ, въ основѣ котораго лежитъ библейское сказаніе о бегемотѣ и левиаавѣ (см. Thilo I p. 887 п. 2), весьма распространенъ въ нашемъ простонародьѣ, помѣщающемъ землю на трехъ китахъ.

духа и воды и старался совратить другихъ ангеловъ. Онъ говорилъ имъ: все, что вы видите, — мое. Если вы послушаете меня, я положу престолъ свой надъ облаками (in nubibus) и буду подобенъ Вышнему; воды небесныя я размѣщу въ моряхъ, очищу землю отъ воды и буду царствовать съ вами вѣчно (in secula seculorum) ⁴⁾. Одежда, вѣнецъ и престолъ составляли принадлежность добрыхъ ангеловъ ⁵⁾. Все это отвѣлъ небесный Отецъ у падшихъ ангеловъ. Самъ Сатана лишился своего свѣта и мѣста обитанія. Онъ увлекъ съ собою треть ангеловъ и поселился на тверди небесной. Мучимый угрызевіемъ совѣсти, онъ воззвалъ къ Господу: «прости меня, я покоряюсь тебѣ.» На семь дней ⁶⁾ Господь далъ ему полную свободу (ut faceret quodcumque vellet usque ad septem dies ⁷⁾). Затѣмъ Сатана устроилъ землю, освобождая ее отъ воды. Онъ снимаетъ корону съ ангела водъ; изъ одной половины ея вышло солнце, изъ другой — луна, а изъ драгоценныхъ камней ея — блестящія звѣзды. По волю діавола земля производитъ пресмыкающихся, скотовъ, деревья и травы; море — рыбу и птицъ. Наконецъ, онъ создаетъ тѣло человѣка и испрашиваетъ у Бога двухъ ангеловъ. Последніе соблазнились просьбою Сатаны и были поселены имъ въ тѣла Адама и Евы. Діаволь между тѣмъ никакъ не могъ помириться съ мыслию, что душа человѣка принадлежитъ Богу и Его ангеламъ, и задумалъ, во чтобы то ни стало, осквернить ее. Обратившись въ змія, онъ прельстилъ Еву на грѣхъ вкусить запрещеннаго плода, т. е. безъ аллегорическаго смысла, вступить въ заперщенную связь.

⁴⁾ Предложенія ангеламъ со стороны сатаны заимствованы, какъ неоднократно говоритъ и Евеній въ Панопліи, изъ притчи о неправедномъ домоправителѣ.

⁵⁾ То же и въ видѣніи Исаи. Engelhardt s. 230.

⁶⁾ День, на основаніи словъ псалмопѣвца, принимается за вѣкъ — въ смыслѣ тысячелѣтія (Thilo, p. 890 n. 5). Эта легенда намекаетъ на тогдашнее убѣжденіе въ семи-тысячелѣтнемъ существованіи міра.

⁷⁾ Это сказаніе проливаетъ свѣтъ на слѣдующее, довольно темное мѣсто Панопліи: Tantum enim demones possunt, quantum volunt cum eam e sublimi potestatem ad septem usque seculorum finem acceperint. Narrat de Bogom. гл. XII.

Сперва онъ самъ насладился женою и съ тѣхъ поръ сыны діавола и сыны зміяны начали подражать преступленію отца своего діавола до погубленія этого вѣка», говоритъ апокрифъ ³⁾).

Въ разсказъ «Вопросовъ Іоанна Богослова» и Евоннія Зягабена о твореніи міра и человѣка нельзя не усматривать замѣтной подкладки сирійско-гностической космогоніи и антропгоніи, представляющихъ пародію на повѣствованіе Моисея объ этомъ предметѣ. Спрашивается: какимъ образомъ гностическія идеи могли проникнуть къ славянскимъ богомиламъ и оттуда въ Грецію? Вопросъ рѣшится самъ собою, если мы припомнимъ, что *павликіанская* теорія *творенія* весьма близка къ сказанію Евоннія и Вопросовъ Іоанна Богослова объ этомъ предметѣ. Павликіане, при близкихъ историческихъ и этнографическихъ ⁴⁾ связяхъ съ богомилами, передали послѣднимъ свое ученіе о *твореніи* міра и человѣка, въ чемъ не сомнѣвается и авторъ Павопліи ⁵⁾. Ученіе павликіанъ о твореніи человѣка слѣдующее: однажды Диміургъ, вмѣстѣ съ другими падшими ангелами, увидѣлъ лучезарный образъ и подобіе небеснаго Отца. Пораженный необыкновенною красотою этого видѣнія, онъ захотѣлъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, создать человѣка по этому образу и подобію. Но усилія его оказались напрасными: твореніе было столь слабо, что не могло устоять на ногахъ и подобно червю ползало по землѣ. Тогда небесный Отецъ, сжалившись надъ своимъ подобіемъ, послалъ ему отъ себя искру жизни и созданіе сдѣлалось настоящимъ человѣкомъ. Этотъ двойственный составъ природы человѣка, подъ вліяніемъ добраго и злаго начала, обнаруживается теперь въ немъ противоположными стремленіями къ добру и злу ⁶⁾. Если мы сравнимъ это ученіе съ показаніемъ Иринея и Епифанія киврскаго объ еретическихъ воззрѣніяхъ сирійскаго гностика Сатурнина, то окажется, что павликіанское ученіе ни

³⁾ Thilo, cod. Apocr. I p. 890.

⁴⁾ Gieseler. Lehrbuch d. K. Gesch. II, I, s. 400.

⁵⁾ Narrat de Bogomil. гл. VII.

⁶⁾ Theol. Stud. und Krit. 1829. 113, 114.

больше ни меньше какъ буквальное повтореніе этихъ воззрѣній ¹²⁾. Замѣчательно, что мнѣніе объ участи добраго и злаго начала (бѣлбога и чернбога) въ твореніи міра и человѣка было весьма распространено едва ли не между всеми славянскими племенами: такъ сродными душѣ славянина показались богомильскія начала! Замѣтимъ еще, что степенъ участія злаго бога въ твореніи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ограничивалась ¹³⁾.

Явленіе Христа. Гл. VII.

«Люди жестоко страдали и гибли подѣ властію демоновъ. Только немвогіе стали удѣломъ (μερίδος) Отца и перешли въ чинъ ангеловъ: именно упоминаемые въ генеалогіяхъ Маттея и Луки. Отецъ замѣтилъ наконецъ, что онъ обманутъ и обижонъ. Онъ даяя человѣку лучшую часть, при-твореніи надѣлилъ его разными совершенствами, и между тѣмъ лишился большей части человѣческаго рода. Онъ ожалился надѣ душою, которую онъ самъ вдохнулъ, и которая страдала въ тягеломъ рабствѣ, и для отомщенія за нее изрыгнулъ изъ своего сердца въ 5500 году Слово, т. е. Сына и Бога. (Исаіа 45, 1). Этогъ Сынъ и Слово есть архангелъ Михаилъ (Исаіа 9, 6). α) Онъ—архангелъ, потому что свѣтлѣе всѣхъ ангеловъ;— Иисусъ, потому что избавлялъ отъ всякой болѣзни и печали;— Христосъ, потому что былъ помазанъ плотію (χρισθέντα τῆ σαρκί). Сойдя съ неба, онъ вошелъ въ правое ухо β) Дѣвы γ) и облекся въ плоть, которая только повидимому (τῷ φαινομένῳ)

¹²⁾ Энгельгардъ сравниваетъ Сатурниново ученіе о твореніи прямо съ богомильскимъ, опуская посредствующую связь между ними обонимъ—воззрѣніа Павликіанъ. Приписывая богомиламъ заимствованіе этого ученія прямо изъ Сиріи и упуская изъ виду вліяніе Павликіанъ на происхожденіе и характеръ богомильства, онъ очутился въ области произвольныхъ, исторически необоснованныхъ предположеній и догадокъ касательно происхожденія богомильства. Сирійское же происхожденіе основателя павликіанства дѣлаетъ вполне понятнымъ такое повтореніе (Gieseler. Theol. st. u. kr. 114). Engelh. 177—178; 201—205.

¹³⁾ Аванасьев. II 458 стр. и дагѣе, Щаповъ, смѣсь христ. съ азмч. Правосл. Собес. 1861 г. I, 249—265.

состояла изъ матеріи и походила на человѣческое тѣло,—на самомъ же дѣлѣ была не вещественна и божественна δ). Онъ вошелъ черезъ ухо, вышелъ черезъ него же и Дѣва не чувствовала ни входа, ни выхода Его: она просто нашла Его въ пеленкахъ, въ ясляхъ. Во плоти Онъ совершилъ спасеніе (οἰκονομίαν), училъ и дѣлалъ то, что содержится въ Евангеліи и былъ только повидимому причастенъ человѣческимъ страстямъ (πάθεισι). Призрачно распятый, умершій и воскресшій, онъ снялъ съ себя личину (маску), посрамилъ отступника и въ тяжкихъ узахъ заключилъ его въ бездну. ε) Отъ имени Сатанаила онъ отнялъ, прилагающійся къ ангеламъ, слогъ ἄλ ξ) и назвалъ его теперь Сатаною. Совершивъ предназначенное ему дѣло, η) Христосъ снова возвратился къ Отцу и сѣлъ одесную Его на престолѣ, съ котораго былъ низверженъ Сатанаилъ. Затѣмъ онъ снова возвратился туда, откуда вышелъ, разрѣшившись (ἀναλυθῆναι) въ Отца, въ утробѣ котораго Онъ былъ заключенъ θ) ¹⁴⁾.

Въ объясненіе этого воззрѣнія (при обозначенныхъ греческими буквами пунктахъ) нужно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

α) Еще древніе маркіониты вѣрили, что Христосъ облеченъ не въ человѣческое, но въ *ангельское* (у богомиловъ — невестественное, безплотное; у павликіанъ небесное—οὐρανόθεν—естество); отсюда еретики заключили, что Христосъ и по естеству своему сталъ ангеломъ, или лучше—*архангеломъ*. Опровергая подобныя заблужденія, Тертуліанъ говоритъ: «конечно Онъ (Христосъ) названъ ангеломъ великаго совѣта, т. е. посланникомъ Божиимъ; но это такое названіе, которое означаетъ Его должность, а не естество; слѣдовательно не должно видѣть въ Немъ ангела, подобнаго Гавріилу или Михаилу» ¹⁵⁾. Въ названіи Христа архангеломъ Михаиломъ можно видѣть и вліяніе особеннаго почитанія арх. Михаила, распространеннаго между греками. И у современныхъ грековъ онъ поль-

¹⁴⁾ Narrat. de Bogom. гл. VII.

¹⁵⁾ Твор. Тертуліана ч. III, гл. XIV, по перев. Карнеева.

зается необыкновеннымъ уваженіемъ ¹⁶⁾, какъ у русскихъ— Николѣй Чудотворецъ.

3) Что Христосъ прошелъ чрезъ ухо Дѣвы Маріи, и это воззрѣніе не ново. Служа отголоскомъ гностическихъ воззрѣній, по которымъ Христосъ не могъ миновать уха эона, оно встрѣчается и у нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ учителей, въ греческихъ и латинскихъ проповѣдяхъ ¹⁷⁾. Въ древней ліонской литургіи читаемъ, что Христосъ *introivit per aurem virginis* ¹⁸⁾. Въ одной изъ церковныхъ пѣсней греческаго октоиха говорится, что Христосъ *ὡς δὲ ἀκοῆς εἰσῆλθεν* ¹⁹⁾. Употребляемое въ смыслѣ метафоры, въ примѣненіи къ повѣствованію Евангелія Луки 1, 26—38, это выраженіе не заключаетъ въ себѣ ничего антихристіанскаго; но еретики приложили его къ своимъ докетическимъ воззрѣніямъ на происхожденіе Христа.

γ) Авторъ Панопліи ничего не говоритъ о томъ, какъ смотрѣли богамилы на личность Пресвятой Дѣвы. О ней существовали самыя разнообразныя и вѣдѣныя мнѣнія у среднихъ съ богамилами сектантовъ. Такъ павликіане не признавали ее Богородицей и утверждали, что она имѣла послѣ рожденія Спасителя другихъ дѣтей ²⁰⁾. Иные дуалисты болгарскіе утверждали, что Марія родилась отъ матери безъ отца ²¹⁾. Нѣкоторые кабары считали Богородицу символомъ, метафорой, прилагая это названіе къ своей сектѣ ²²⁾. «Вопросы Іоанна Богослова» называютъ Пресвятую Дѣву посланнымъ съ неба ангеломъ ²³⁾. Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду эти и подобныя имъ разнообразныя вѣдѣныя мнѣнія, пресвитеръ Козма не рѣшается даже упомянуть о нихъ и говорить кратко о богамилахъ,

¹⁶⁾ См. Thilo Cod. apocr. p. 637, n. 15.

¹⁷⁾ Примѣры см. у Шмита II, p. 43, n. 3.

¹⁸⁾ Петрановичъ, стр. 53.

¹⁹⁾ См. Thilo Cod. apocr. p. 838, 839, n. 17.

²⁰⁾ Gieseler stud. u. krit. 114.

²¹⁾ Schmidt t. II, p. 42.

²²⁾ Ibidem. p. 43.

²³⁾ Thilo, Cod. apocr. p. 883

что они «преславныя и пречистыя Богоматери Господа нашего Иисуса Христа не чтутъ, но много о ней блудятъ, и хже рвчи и грьдости нельзѣ писати въ книги сіа» ²⁴⁾.

б) Взглядъ на приврачность тѣла Христова и всѣхъ Его дѣйствій составляетъ одно изъ главныхъ, коренныхъ заблужденій богомилства. О немъ упоминаетъ и Синодикъ царя Бориса: «попа богомила... восприемшаго наихейская сіа ересь къ симъ же и се прирочнаго: яко въ привидѣніи Госнодь Богъ нашъ отъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи родился и въ привидѣніи распяся и обженая плоть възнесе и на воздусѣ оставя... анаеема» ²⁵⁾. Размноженіе ересей въ Болгаріи, въ числѣ которыхъ богомилство занимало видное мѣсто, подало поводъ царю Борису (1207—1217) распорядиться составленіемъ Соборника или Синодика; послѣдній заключаетъ въ себѣ анаеематизмы разныхъ еретическихъ заблужденій и оканчивается возглаголеніемъ «*отчая память*» царямъ и патриархамъ ²⁶⁾.

в) Извѣстіе Паноплии о томъ, что Христось по ученію богомиловъ побѣдилъ діавола, заключилъ его въ бездну, находится въ противорѣчій съ XVIII главою ея (р. 27), гдѣ говорится, что, по ученію богомиловъ, Сатанаилъ избралъ себѣ нѣкогда въ жилище іерусалимскій храмъ, а по разрушеніи его—Софійскій константинопольскій храмъ. Если Христось заключилъ Сатанаила въ бездну, то какимъ образомъ онъ владѣетъ храмомъ святой Софіи!? Очевидно, что здѣсь допущена авторомъ Паноплии неточность. По ученію богомиловъ должно выходить, что хотя Сатана пересталъ уже быть Сатанаиломъ, но онъ все-таки сохранилъ нѣкоторую власть надъ менолучившими искупленія ²⁷⁾.

г) Въ повѣствованіи объ отнятіи слога ηλ въ имени Сатанаила также противорѣчіе: то говорится, что частица ηλ—

²⁴⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. ч. II, стр. 90.

²⁵⁾ Гальфердингъ. Собрание сочинен. 131.

²⁶⁾ Сравни Временникъ Моск. общ. ист. и др. ч. XXI, 17—20.

²⁷⁾ Свеси XX гл. р. 29.

знать особаго высшаго достоинства была отнята у Сатанаила за связь съ Евою, то рассказываетъ, что Христосъ уже по совершеніи искупленія лишилъ Сатанаила этого достоинства.

7) По ученію православной церкви искупленіе состоитъ въ освобожденіи падшихъ людей отъ грѣха, пролятія и смерти; но богами не признавали паденія чловѣка. Люди бѣдствуютъ, по ихъ понятію, оттого, что подпали строгому и неразумному правленію Сатанаила и подпали не произвольно, а по происхожденію своему отъ Сатанаила. Потому *благодатнаго* искупленія нѣтъ. Миссія Христа ограничивается простымъ учительствомъ. Онъ только указалъ людямъ ихъ происхожденіе и высокое назначеніе, открылъ, что они заблуждались относительно бога (злаго), которому доселѣ служили, и предложилъ болѣе легкія и надежнѣйшія средства покаянія и возвращенія ко всеблагому Богу, или какъ говоритъ одинъ апокрифъ ²⁸⁾, «открылъ имъ все зло діавола и славу Божию.» Вотъ почему Анна Комнена говоритъ, что «спасеніе» для богила пустой призракъ: «τὴν οἰκονομίαν πάντων ἐφάντασε» ²⁹⁾ и Козма замѣчаетъ: «не по своей волѣ распята мнать Господа, ни за спасеніе чловѣческо, а *по нуждѣ*.» То есть страданіе на крестѣ не было искупительною жертвою за грѣхи людей, дѣломъ высочайшей любви и свободы Иисуса Христа, а простымъ, случайнымъ обстоятельствомъ, немѣющимъ никакого отношенія къ спасенію. Намъ кажется крайне неосновательнымъ выраженіе «по нуждѣ» переводить: по долгу, обязанности, по необходимости—для спасенія: страданія Спасителя по богильскому воззрѣнію не имѣютъ никакого отношенія къ искупленію и вызваны *случайною* необходимостію ³⁰⁾.

8) Относительно *разрѣшенія* Сына въ Отца также противорѣчіе. То это разрѣшеніе уже послѣдовало по совершеніи земной жизни Христа, то оно должно послѣдовать при кончинѣ міра.

²⁸⁾ Вопросы Іоанна у Thilo, p. 893.

²⁹⁾ Αλεξίης L. XV, p. 385, 386. Edid. Venet.

³⁰⁾ Ср. Руднева о ересяхъ—9.

Происхожденіе исполиновъ. Потопъ. Законъ Моисеевъ. Гл. IX и X.

«Падшіе ангелы узнали, что Сатанамилъ обвщаль Отцу занять ихъ мѣста (на небѣ) человѣческимъ родомъ. Тогда они безстыдно (ἀσελγῶς) взглянули на дочерей человѣческихъ и взяли ихъ себѣ въ жены, чтобы сѣмя отъ нихъ снова завладѣло на небѣ мѣстами падшихъ духовъ (Быт. VI, 2, 4). Последнихъ богины называютъ сынами Божиими, ибо и они рождены отъ Бога (ὡς καὶ αὐτοὺς ἀπ' ἐκείνου γεγενοτάς). Отъ соитія ангеловъ съ дочерами людей произошли исполины; они сразились съ Сатанамиломъ и побѣдили его. Разгнѣванный Сатанамилъ навелъ потопъ, истребилъ ихъ и всякую живую плоть. Одинъ только Ной, не имѣвшій дочери, не зналъ о паденіи Сатанамила и продолжалъ служить ему. За это Сатанамилъ дозволилъ ему построить ковчегъ, и только Ной спасся съ тѣмъ, что было въ корабль³¹⁾. Моисей прельщенный Сатанамиломъ возвратился въ Египетъ, обманулъ евреевъ и вывелъ ихъ, содѣйствуемый знаменіями и чудесами, совершенными силою Сатанамила. Отъ него Моисей получилъ на Синаѣ законъ, который погубилъ множество людей. Въ доказательство, богины ссылаются на посланіе къ Римлянамъ 7. 7.³²⁾»

Въ основѣ всего этого взгляда на ветхозавѣтную исторію лежитъ очевидно библейскій рассказъ, но онъ обезображенъ сообразно съ духомъ секты различными вымыслами, которые носятъ на себѣ печать восточнаго происхожденія³³⁾ и унаследованы отъ павликіанъ³⁴⁾, державшихся того же мнѣнія. Апокрифическія сказанія, какъ водится, еще болѣе изуродовали этотъ рассказъ новыми подробностями и перемѣнами. Вотъ что передаютъ объ этомъ «Вопросы Іоанна Богослова.» Въ періодъ отъ Адама до Эноха Сатана посылалъ изъ воздушной

³¹⁾ Narrat de Bogom. p. 19, 20 гл. IX.

³²⁾ Ibidem, p. 21—22. гл. X.

³³⁾ Творенія Тертуліана, перев. Кареева ч. IV, стр. 15—29.

³⁴⁾ См. IX и X гл. Narrat. de Bogomil.

области, мѣста своего пребыванія, подчиненныхъ ему ангеловъ на служеніе людямъ. Раба же своего Эноха онъ взялъ къ себѣ на небо, показалъ передъ нимъ свое божество (*deitatem suam*) и велѣлъ ему написать 67 книгъ; послѣднія Энохъ привнесъ на землю и передалъ сынамъ діавола. Отсюда люди научились приносить жертвы и совершать гнусныя таинства (*injusta misteria*). Они забыли о небесномъ царствѣ и стали признавать Сатану единымъ, истиннымъ Богомъ. Отецъ рѣшилъ, поэтому, послать своего Сына для спасенія людей отъ обольщенія Сатаны. Но послѣдній, узнавъ объ этомъ, послалъ своего ангела къ Моисею (?) съ тремя *деревами*, съ порученіемъ пригвоздить Иисуса ко кресту. Между тѣмъ Моисей далъ законъ евреямъ и Сатана провелъ ихъ черезъ Черное море ²⁵).

Громадную разницу между Ветхимъ и Новымъ Заветомъ еретики приписали господству въ нихъ различныхъ началъ — добраго и злаго. Богъ Новозавѣтный безконечно милостивъ и правосуденъ; ветхозавѣтный — богъ мести, коварства, проклятія и истребленія. Онъ насылаетъ потопъ, небеснымъ огнемъ сжигаетъ Содомъ и Гомору, истребляетъ цѣлыя десятки тысячъ непокорныхъ ему. Черезъ Моисея онъ даетъ законъ, заповѣдующій не всеобщую любовь, а мщеніе врагамъ. Христіанинъ, исполняющій его предписанія, оказался бы великимъ грѣшникомъ; значитъ — законъ не хорошъ, а если онъ теперь таковъ, то и прежде былъ дуренъ и, слѣдовательно, онъ — отъ злаго бога.

Святые. Иконы. Мощи. Гл. XI и XII.

«Богомилы признають святыми только упоминаемыхъ въ родословныхъ Матеея и Луки, также 16 пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, убитыхъ за непоклоненіе идоламъ. Священниковъ (*ιεράρχας*) и всѣхъ отцовъ, какъ почитателей идоловъ —

²⁵) Thilo, Cod apocr. p. 891—892. Подъ тремя деревьями Тило разуметь невькъ, кедръ и кипарисъ, изъ которыхъ, по преданію, былъ сдѣланъ крестъ. Вотъ гдѣ, между прочимъ, скрывается причина крайняго презрѣнія богомилловъ ко кресту (*Nagrat. de Bogom. p. 24, гл. XIV*).

иконъ, α) они считаютъ нечестивыми; благочестивыхъ царей они не признаютъ христианами; православными и вѣрующими считаютъ однихъ только императоровъ-иконоборцевъ и во главѣ ихъ Копронима. β) Почитаніе иконъ они отвергаютъ, называя ихъ языческими идолами, золотомъ и серебромъ, дѣломъ рукъ человѣческихъ ²⁶⁾. Мощи святыхъ они называютъ кестами мертвыхъ (στέα νεκρῶν). Мощамъ они не кланяются, γ) потому что, будто бы, съ мощами святыхъ живутъ во грѣбахъ демоны, которые были наставниками ихъ при живаніи, и подъ личиною ихъ совершаютъ чудеса. Этими бѣсы обманываютъ людей неопытныхъ, побуждая ихъ принимать нечестивцевъ за святыхъ: демоны могутъ дѣйствовать на полную своей воли, получивъ свыше власть до предѣла семи вѣковъ (ζῶνων). Богомилы считаютъ ложными пророками и Василия Великаго и Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, которыхъ они осыпаютъ разными клеветами. Въ VI главѣ 23 ст. Мѣ. Богомилы видятъ указаніе на православныхъ іерарховъ и святыхъ отцовъ, которые пророчествовали, изгоняли бѣсовъ и совершали другія чудеса силою бѣсовъ ²⁷⁾.

α) Пресвитеръ Козма говоритъ, что богомилы считали почитаніе иконъ еллинскимъ обычаемъ ²⁸⁾. По ихъ понятіямъ было бы неразумно приносить поклоненіе *веществу*, дѣлу злаго духа. Кромѣ того, отверженіе иконъ было вызвано можетъ быть народными суевѣріями въ почитаніи ихъ, что видно въ послѣдующихъ словахъ Козмы: «*бѣсы боятся образа Господня, но дѣсиъ написана; еретицы же не кланяются иконамъ, но кумиры наричутъ я*» ²⁹⁾.

β) Свидѣтельство Панонліи объ отношеніи богомиловъ къ памяти Копронима заключаетъ въ себѣ весьма важный намекъ на историческое происхожденіе богомильства. По извѣстію Кедріна (у Gieseler'a II, I, 400) Копронимъ первый переसे-

²⁶⁾ Narrat. de Bogom. гл. XI.

²⁷⁾ Narrat. de Bogom. гл. XII.

²⁸⁾ Правосл. Соб. 1864. II, 92.

²⁹⁾ Правосл. Собес. 1864 г. I, 492.

диль во Фракію (752) множество павликіанъ. Очень естественно, что память объ немъ перешла отъ павликіанъ вмѣстѣ съ ученіемъ объ отверженіи иконъ (Tolli p. 146) и къ богомиламъ.

γ) Взглядъ богомиловъ на тѣло, какъ на произведеніе діавола естественно долженъ былъ привести ихъ къ непочитавію мощей. Пресв. Козма говоритъ о томъ же слѣдующее: «бѣсы боятся костей праведниковъ Божіихъ, несмѣюще приблизятся къ ковчегамъ, въ нихъ же лежитъ безцѣнное сокровище, данное христіанамъ на избавленіе всякой бѣды, еретицы же ругаются имъ и намъ смѣются, видяще ны кланяющася имъ просяще отъ нихъ помощи» ⁴⁰⁾.

Демоны и ихъ почитаніе у богомиловъ.

13, 20 38.

«Богомилы говорятъ, что только отъ нихъ бѣгають демоны съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука. Во всякомъ другомъ человѣкѣ живутъ демоны и научаютъ его преступленіямъ и порокамъ. По смерти чловѣка демонъ живетъ въ его гробѣ въ ожиданіи его воскресенія. Тогда и демонъ и чловѣкъ вмѣстѣ подвергнутся наказанію ⁴¹⁾. Василій увѣрялъ, что въ его экземплярѣ Евангелія стояли слѣдующія слова, сказанныя Господомъ: «почитайте демоновъ не потому, чтобы они доставляли вамъ пользу, а чтобы не вредили вамъ.» Такимъ образомъ живущихъ въ храмахъ демоновъ нужно почитать, увѣрялъ Василій, для того чтобы они не разгнѣвались и не погубили непочитающихъ ихъ: они имѣють огромную силу вредить; противъ нея не могъ устоять самъ Христосъ и Св. Духъ. Это потому, что самъ Отецъ щадитъ демоновъ, не отнимаетъ у нихъ власти и подускаетъ имъ господствовать надъ міромъ до его кончины. Даже, когда Сынъ Божій, посланный въ міръ, просилъ Отца о совершенномъ истребленіи демоновъ, не получилъ просимаго по благости Отца ⁴²⁾. Мѣсто изъ Еванг.

⁴⁰⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. ч. I, 492.

⁴¹⁾ Narrat. de Bogom. гл. XIII.

⁴²⁾ Narrat. de Bogom. гл. XX.

Матѳея 5, 25 ст.—люби врага твоего—они объясняютъ такъ: подь врагомъ нужно разумѣть діавола. Это мѣсто убѣждаетъ, что нужно заискивать его расположеніе и служить ему поклоненіемъ (*θεραπεύειν διὰ προσκυνήσεως*), для того чтобы онъ не предалъ насъ Отцу въ день суда на погибель⁴³⁾.

Въ благоговѣніи передъ демонами, котораго мы не видимъ у другихъ христіанскихъ дуалистовъ⁴⁴⁾, нельзя не видѣть остатковъ языческой старины, когда славяне видѣли въ зломъ духъ не нравственно злое существо, согласно съ вѣрованіемъ христіанъ, а физическое зло, приносящее горе и несчастія, которыя, по понятію язычниковъ, можно отклонить, заискивая благорасположеніе ихъ виновниковъ⁴⁵⁾. О существованіи у древнихъ славянъ поклоненія злomu началу мы имѣемъ несомнѣнное историческое свидѣтельство бэзовскаго священника Гельмольда путешествовавшаго между померанскими славянами во второй половинѣ XII вѣка. «Удивительное заблужденіе славянъ, говоритъ Гельмольдъ въ своей хроникѣ; на сходбищахъ своихъ и играхъ, они обносятъ круговую чашу, возглашая надъ ней слова не скажу благословенія, но проклетія, имеемъ боговъ добраго и злаго, ибо они ожидаютъ отъ добраго бога счастливой доли, а отъ злаго — несчастливой, потому злаго бога и называютъ на своемъ языкѣ діаволомъ или чернобогомъ, т. е. богомъ чернымъ, а добраго—бѣлымъ»⁴⁶⁾. Христіанское названіе чернубога показываетъ, что христіанскіе проповѣдники, рисуя самыми мрачными красками діавола и его царство съ цѣлю обращенія язычниковъ въ христіанство, должны были достигать совершенно противоположной цѣли: язычники нашли, что діаволъ вполне отвѣчаетъ понятію ихъ о зломъ началѣ и принимая, повидимому, христіанство, стали больше прежняго бояться демоновъ. Отъ преувеличеннаго суевѣрнаго страха передъ демонами—одинъ шагъ къ ихъ почи-

⁴³⁾ Ibidem гл XXXVIII.

⁴⁴⁾ Wolf. Histor. Bogomil. p. 79.

⁴⁵⁾ Über den Dualisme dr. Slav. Theolog. Stud. 1837 г. X. 361.

⁴⁶⁾ Schmidt. II, p. 272, n. 3.

танію, даже къ обоготворенію. А это, именно, и есть *дуализмъ*, лежащій въ основѣ богомильскихъ заблужденій ⁴⁷⁾.

Крестъ. Гл. XIV и XV.

«Богомилы презирають крестъ, воелюку онъ послужилъ орудіемъ смерти Спасителя. На вопросъ—почему одержимые бѣсами прибѣгаютъ ко кресту и издають вопли, Василий отвѣчалъ: демонамъ, поселившимся у бѣсноватыхъ, весьма любезенъ крестъ, какъ собственное произведеніе ихъ, изобрѣтенное для погубленія Искушителя. Но иногда они притворно ругаются надъ нимъ и бѣгутъ отъ него часто добровольно, для того чтобы люди, видя это, стали еще больше почитать крестъ».

Пресвитеръ Козма также говоритъ о современныхъ ему богомилахъ: «бѣси креста Христова боятся, еретицы же *посѣкають* кресты и своя орудія творять ими ⁴⁸⁾, о крестъ Господни еще блазняющесе глаголють: како си ему есть кланятя? Сына-бо Божія жидовы на немъ распаша; да вражда есть паче Богу крестъ, аще бы кто царева сына убилъ крестомъ древомъ, можетъ ли древо то быти любо царю ⁴⁹⁾. Крестъ они называли вистълицею ⁵⁰⁾. Крестнаго знаменія богомилы также не изображали на себѣ: «кресташесе, не творять креста на лиці своемъ» ⁵¹⁾. Почитаніе креста не согла-

⁴⁷⁾ Мы знаемъ, что система занугиванія, практиковавшаяся средне-вѣковыми проповѣдниками, не разъ приводила къ этому новообращенныхъ, малопросвѣщенныхъ христіанъ. Известно преданіе о томъ, какъ подіанскій король Ягайло, уже католикъ, увидѣвъ фигуру Христа, поднимаемую къ сводамъ храма, чтобы представить его вознесеніе, спросилъ, что это такое? и когда ему объяснили онъ сказалъ: „поставьте же ему свѣчку“. Вслѣдъ за тѣмъ упала фигура, изображающая діавола. „Что это такое? спросилъ новообращенный король“.—Это діаволъ свергнуть съ неба. „Поставьте же ему два огарка“—приказалъ король, и когда хотѣли узнать у него причину таковаго страннаго приказанія, то новообращенный католикъ отвѣчалъ русскою пословицей: „Богу служи, а черта—не гнѣви“. (Staroz dzieje Nar. Lilewskiego. Narbutt. t. V.

⁴⁸⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. I, 492.

⁴⁹⁾ Ibidem II, 494.

⁵⁰⁾ Ap. Töllі р. 120.

⁵¹⁾ Ibidem II, 199.

созалось и съ богомильскнхъ воззрѣнiемъ на дерево, какъ на произведенiе злаго начала ⁵²⁾ и на призрачность страданiй Искупителя.

Крещенiе и принятiе въ секту.

Гл. XIV, XV и XVI.

«Совершаемое въ христіанской церкви крещенiе водою богомилы называютъ крещенiемъ Іоанна: α) свое же крещенiе, какъ крещенiе душою, они называютъ христовымъ крещенiемъ. На этомъ основанiи они перекрещиваютъ перешедшихъ въ нихъ секту христіанъ. β) Перешедшему назначается определенное время для покаянiя (ἐξομολόγησις), очащенiа (ἀγνισία) и продолжительныхъ моленiй. Потомъ неопиту кладутъ на голову Евангелiе Іоанна, призываютъ Святаго Духа и поютъ «Отче нашъ». Послеъ этого крещенiа (βάπτισμα) они опять назначаютъ вступающему время для осмотрительнаго поведенiа, воздержной пищи и усердныхъ молитвъ. По истеченiи этого срока требуютъ засвидѣтельствовать — сохранилъ ли, исполнилъ ли все это вступающій? Когда подтверждать это мужчины и женщины, надъ неопитомъ совершаютъ великое посвященiе (ἀγρουν ἐπὶ τὴν φρουλαομένην τελείωσιν). Его поставляютъ лицомъ къ востоку, на голову его снова возлагаетъ Евангелiе Іоанна; а мужчины и женщины кладутъ на него свои руки и поютъ благодарственный гимнъ, въ которомъ выражается благодарность за то, что посвящаемый соблюлъ все предписанное ему» γ).

α) На вопросъ Іоанна Богослова ⁵³⁾ «почему не дѣйствительно крещенiе водою?» Спаситель отвѣчалъ: «передъ пришествiемъ Христа Сатана послалъ одного изъ своихъ ангеловъ, пророка Ілiю, который явился подъ именемъ Іоанна и крестилъ водою. Потому-то крещенные водою, но примѣру служителя Сатаны, Іоанна Крестителя, не увидятъ царствiа

⁵²⁾ Снеси Thilo, Cod. apocr. 891—892, п. 7.

⁵³⁾ „Вопросъ Іоанна Богосл.“ ар. Тiло, р. 893.

Божія». Вотъ почему богомилы называли Іоанна Крестителя «Антихристомъ»⁵⁴).

β) Крещеніе младенцевъ—въ какой бы то ни было формѣ—богомилы вовсе отвергали. Пресвитеръ Козма говоритъ, что богомилы «гнушаются крестныхъ младенцевъ. Аще бо ся имъ случится видѣти дѣтищъ младъ, то они, аки смрада зла гнушаются»⁵⁵).

γ) Обрядъ «духовнаго крещенія» и принятія въ секту описанъ въ Панопліи весьма кратко, необходимо: второе посвященіе почти не отличается отъ перваго; не указана причина двоякаго посвященія. Изъ содержанія Панопліи и изъ аналогій этого обряда съ обрядами посвященія у катаровъ видно, что «великое (второе) посвященіе» совершалось только надъ вступающими въ общество *еостоковъ* («совершенныхъ») ⁵⁶). Послѣдніе преимущественно передъ другими членами должны были отличатся строгою жизнію, а потому и обрядъ принятія ихъ въ общину сопровождался особенною торжественностію. У западныхъ писателей сохранилось болѣе подробное описаніе его, изъ котораго мы видимъ, что онъ составленъ греческими или славянскими богомилами по образцу православнаго «*послѣдованія малой схимы*».

Посреди комнаты ставили, покрытый бѣлою скатертью, столъ, на которомъ лежалъ новыи завѣтъ. Вокругъ стола стояли по старшинству совершавшіе обрядъ и между ними неопитъ. Старшій изъ присутствующихъ, съ новымъ завѣтомъ въ рукахъ, поучалъ вступающаго еретическими догматами. (Въ требникѣ: игуменъ оглашаетъ брата сице: «отверзи сердца твоего ушеса, брате, и т. д.—и отвѣщай намъ противу ихже нами вопрошенъ быти имаши»). Предстоятель, изобразивъ трудности и живенія неизбѣжныя при вступленіи въ общину, увѣщевалъ его при этомъ быть твердымъ и непоколебимымъ въ по-

⁵⁴) Правосл. Собес. 1864 г. II, 90.

⁵⁵) Ibidem, II, 106.

⁵⁶) Narrat. de Bogom гл. XXII в XLIV. Schmidt. II, 139—150.

вой вѣръ до послѣдняго вздыханія. Послѣ наставленія предстоятель обращается къ вступающему съ вопросомъ: «братъ, желаешь ли принять нашу вѣру?» Послѣдній отвѣчалъ: «да». (Въ требникѣ: «желаши ли сподобитися ангельскаго образа и вчинену быти лику монашествующихъ?» «Еи... честный отче». Послѣ сего неофитъ, кланяясь каждому до земли, испрашивалъ благословеніе (въ требникѣ: «вводится отъ епископа братъ, творя въ *трехъ мѣстѣхъ коленнопреклоненія*)... и произносилъ клятву: «я обещаю служить Богу и Его Евангелію; никогда не клясться, не прикасаться женщины, не ѣсть ни мяса, ни молока и проч.». (Въ требникѣ.... «виждь, чадо, якова *обътованія* даеши Владыцѣ Христу»).... Далѣе настоятель, предложивъ вступающему поцѣловать Евангеліе, возлагалъ его на главу брата (въ требникѣ: «полагаетъ настоятель *верху главы его книги* и чтетъ молитву въ слухъ всѣхъ, поющимъ братіямъ: Господи помилуй») и всѣ присутствующіе «христіане» возлагаютъ свои правыя руки на голову и плечо брата, произнося: «слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Въ это время настоятель молился о ниспосланіи на обращеннаго Св. Духа утѣшителя (въ требникѣ: священникъ чтетъ молитву: Господи Боже нашъ, упованіе и прибѣжище).... Затѣмъ всѣ присутствующіе читали «Отче нашъ» и предстоятель заключалъ обрядъ чтевіемъ Евангелія Іоанна: «въ началѣ бѣ Слово». Новаго члена препоясывали льняной или шерстяной ниткой. (Въ требникѣ: братъ нашъ препоясусть чресла своя силою истины). Наконецъ, всѣ присутствовавшіе цѣловали брата. (Въ требникѣ: и бываетъ цѣлованіе). По совершеніи обряда вступившій проводилъ въ уединеніи 40 дней, соблюдая строгій постъ и испрашивая у Бога благодатное содѣйствіе на предлежащій ему подвигъ (гробн. сицевый монахъ долженствуетъ пребывать въ *церкви* дней пять, усаждаясь отъ всякаго дѣла промѣ чтенія, аще вѣсть) ⁴¹⁾.

⁴¹⁾ Ср. Schmidt II, 128;—Cunitz, Ein katharisches Rituale, Jena. 1852.

Причащеніе. Гл. XVII.

«Богомилы презирають таинственную и страшную жертву, α) называя ее жертвоприношеніемъ демонамъ, живущимъ въ храмахъ. Это они оправдываютъ ссылкой на 65 гл. II ст. Исаи. Далѣе, они утверждаютъ, что прошеніе молитвы Господней «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» означаетъ хлѣбъ общенія (1 Кор. X, 16), чаша же общенія—завѣтъ, упоминаемый въ Евангеліи. Ибо сказано: сія чаша—новый завѣтъ. Участіе въ томъ и другомъ они называютъ тайною вечерею. Если же кто спроситъ ихъ: «какимъ образомъ *Отче нашъ*—тѣло Господне раздробляется и раздвѣляется»: или—какимъ образомъ *ныкъ прославися Сынъ Человѣчскій*, «какъ кровь у васъ проливается», — они отвѣчаютъ: «мы этого не знаемъ» β).

α) Пресвитеръ Козма (I. 497) прибавляетъ, что богомилы отвергали также и *литургію*, утверждая, что ея не было въ первыя времена христіанства: «глаголютъ, не суть апостоли литургіа предали, но Іоаннъ Златоустый».

β) Вообще же богомилское ученіе о причащеніи изложено авторомъ Павопліи довольно темно. Причащеніе (черезъ «Отче нашъ») было символомъ возстановленія Иисусомъ Христомъ того *единенія съ Отцемъ*, въ которомъ пребывали духи до паденія, когда они славили Господа, *dicendo: Pater noster*. Вотъ значеніе причащенія посредствомъ молитвы «Отче нашъ», по объясненію апокрифа⁵⁴⁾, значеніе, котораго не объяснили спрошенные Евеміемъ, можетъ быть, потому что принадлежали къ непосвященнымъ членамъ секты.

Покаяніе.

Авторъ Павопліи ничего не говоритъ о томъ, было ли у богомиловъ таинство покаянія. Но изъ слова пресвитера Козмы видно, что они исповѣдывали свои грѣхи—только же передъ духовникомъ, а передъ собраніемъ еестоковъ: «еретичы

⁵⁴⁾ Ср. Neander; V, II, 4088 л.: I.

сами себя исповѣдь творять и рѣшать, сами суще связаны дьяволами узами; неже точію мужи того творять, но и жены»⁵⁷⁾. Нѣтъ сомнѣвія, что богомилы не придавали этому обряду значенія таинства, также какъ они не считали таинствомъ:

Бракъ⁶⁰⁾.

Мнѣніе о томъ, что дьяволъ соединилъ Адама и Еву брачными узами (см. «Вопросы Іоанна Божьего») было прямой поддержкой и объясненіемъ отрицанія брака, которое составляло одинъ изъ существенныхъ пунктовъ богомилскаго ученія. Бракъ—въ формѣ ли законнаго супружества или беззаконнаго сожитія—считался изобрѣтеніемъ дьявола для размноженія рода человѣческаго; цѣль размноженія—увѣковѣченіе царства дьявола, черезъ введеніе людей въ грѣхъ; того (дьявола) повелѣніе жены поимати... женающаяся человѣки и живущая въ міру мамонины слуги зовуть⁶¹⁾.

Храмы. Гл. XVIII и XLII.

«Въ храмахъ живутъ демоны, подѣливъ ихъ между собою соотвѣственно съ достоинствомъ и силою каждаго. Самъ Сатана избралъ себя въ жилище храмъ въ Іерусалимѣ, а по разрушеніи его—Софійскій храмъ въ Константинополѣ. Небо служитъ жилищемъ Бога; въ рукотворенныхъ храмахъ онъ не живетъ (Дѣян. 7; 48). Рукотворенные храмы—гробницы съ костями мертвыхъ (п. 6. съ мощами), а погону молиться въ нихъ не слѣдуетъ, какъ и само Евангеліе (Мат. 6. 6) заповѣдаетъ».

«Церкви распутія нити суца», говоритъ пресвитеръ Кюма⁶²⁾. Презрительное отношеніе богомиловъ къ храмамъ простиралось до того, что они не только никогда не коронили

⁵⁷⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II; 207.

⁵⁸⁾ О немъ Евеній упоминаетъ только мелькомъ въ XXXIX гл.

⁵⁹⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. II, 101; 226.

⁶⁰⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II, 280.

⁶¹⁾ Leo Allat. L. II. c. XII p. 673, de carne. ...

своихъ мѣрцедовъ внутри или вблизи храма, но даже нарочно выкапывали тѣла всѣхъ, похороненныхъ при храмахъ ⁶¹⁾. Для молитвы они собирались въ уединенныя мѣста, ради покоя—какъ говорили они, собственно же,—убѣгая преслѣдованій» ⁶²⁾.

Молитвы. Гл. XIX.

«Богомилы не употребляютъ никакихъ молитвъ кромѣ молитвы Господней «Отче нашъ». Последнюю они читаютъ днемъ семь разъ, а ночью—пять. Вообще она употребляется ими при каждомъ моленіи—иными по десяти разъ, съ колѣнопреклоненіемъ, другими—по пятнадцати; одними—чаще, другими—рѣже. Всѣ остальные молитвы они отвергаютъ, называя ихъ пустословіемъ (*βαττολογία*), приличнымъ только язычникамъ».

Пресвигерь Козма присовокуляетъ, что во время молитвы богомилы дѣлали земные поклоны—четырежды днемъ и ночью» ⁶³⁾.

Лицемеріе и притворство. Гл. XXI.

«Богомилы говорятъ, что въ Евангеліи содержится слѣдующее изреченіе: *всякимъ образомъ спасеніе ваше содѣвайте*, т.-е. всякаго рода хитростями и обманомъ притворяйтесь исповѣдующими вѣру вашихъ гонителей и этими способомъ спасайтесь отъ опасности и смерти со стороны ихъ. Если тѣ прикажутъ вамъ сдѣлать что-нибудь — вы лицемерно исполняйте, а дѣламъ ихъ не подражайте (Мѡ. 28, 3). И самъ Господь откровенно говорилъ только съ своими учениками, а съ невѣрующими онъ объяснялся — въ притчахъ, прибѣгая къ обману и притворству (*ἀπάτη καὶ ὑπόκρισις*), для того чтобы они слушая не слышали» ⁶⁴⁾.

Эта система лицемерія и притворства есть прямой выводъ изъ ученія богомиловъ о призрачности страданій Искушителя. Вся земная жизнь Его, страданіе на крестѣ, смерть и воскресе-

⁶¹⁾ Оυ Αναζητ. у Engelhardt. S. 185.

⁶²⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II, 198.

⁶³⁾ Narrat. de Bogomil. XXI гл.

сеніе, все это — пустой притрактъ, обманъ, разыгранный съ цѣлю обезоружить діавола, запутать его въ свѣти. Скрытность и лицемѣріе еретиковъ вызывались и востоянными гоненіями на нихъ ⁶⁷⁾. Неудивительно поэтому, что еще во времена пресвитера Козмы еретики съ клятвою отрекались отъ своихъ мѣвній, окружали тайною свои дѣла и моленія; лицемѣрно соблюдали все церковные уставы: «страха дѣла человѣческа и въ церковь ходить и крестъ и икону цѣлуютъ, яко же вы повѣдаютъ, иже отъ нихъ обратившася въ вашу истинную вѣру, глаголюще: яко вся си творимъ человекъ дѣла, а не по сердцу, въ тайнѣ же крѣпимъ свою вѣру» ⁶⁸⁾. Система притворства раньше богомиловъ практиковалась и павликіанами ⁶⁹⁾.

Одежда и посты. Гл. XIV—XV.

«Богомилы носятъ монашескую одежду, для того чтобы подъ ея прикрытіемъ этимъ волкамъ удобнѣе было найди доступъ всюду и обольстить другихъ вкрадчивою, напитанною ядомъ, рѣчью, не возбуждая подозрѣнія. Они заповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ поститься по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ каждой седмицы до 9 часовъ α) (вечера). Если же кто-нибудь пригласитъ ихъ къ столу, они, забывая свои правила, наѣдаются и напиваются, какъ слоны. β) Ясно, что эти мнимо-безплотныя «невещественныя» существа ведутъ жизнь невоздержную, хотя и презираютъ на словахъ блудъ и всякую нечистоту».

α) Пресвитеръ Козма говоритъ, что богомилы даже въ *востресеніе постятся*, плачутся, ручная дѣла творять ⁷⁰⁾; считаютъ не позволительнымъ употребленіе мяса и вина. Изъ

⁶⁷⁾ Смотри. Козма: Правосл. Собесѣдн. II, 96; Αλεξιας L. XV; Leo Allat. L. II с. 11 р. 671—686.

⁶⁸⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II 92. Наши хлысты, во многомъ похожіе на богомиловъ, отвергая весь строй церковно-обрядовыхъ учреждений, по наружности представляются самыми усердными христіанами. См. Русск. Вѣстн. 1869 г. мартъ.

⁶⁹⁾ См. Fleury, t. XII. р. 53.

⁷⁰⁾ Правосл. Собесѣдн. 64. II, 199.

сравненія обонхъ извѣстій можно заключить, что едва ли было опредѣлено положительно время поста и его строгость. Постились больше или меньше, смотря по усердію каждаго, и только для есотоковъ былъ установленъ строгій постъ, протравившійся до запрещенія вообще вкушать мясо и пить вино.

3) На строгость поста и увѣренность въ пищу, по крайней мѣрѣ у есотоковъ, указываютъ даже ярые противники ихъ. Тощій, блѣдный, изможденный *постомъ* видъ служивъ, по извѣстію Анны Комаровой ⁷¹⁾, однимъ изъ признаковъ богомила. Пресвитеръ Косма говоритъ, что еретики *блѣдны отъ лицомѣрнаго поста* ⁷²⁾. Изъ этого видно, что авторъ Памплин въ этомъ случаѣ не вполне безпристрастенъ.

Постепенное оглашеніе. Гл. XVI.

«Вступающимъ они сначала преподаютъ простое ученіе (ἀπλῶς διδάσκουσι) вѣры въ Отца, Сына и Св. Духа; учатъ, что Христосъ облекся въ плоть и преподалъ своимъ апостоламъ священное Евангеліе. Приказываютъ соблюдать евангельскія заповѣди, молиться и поститься, соблюдать себя въ целомудріи и чистотѣ, отказываться отъ имущества, хранить кротость, смиренномудріе, истинность и любовь къ ближнимъ. Вообще вступающимъ они преподаютъ только все хорошее и этимъ самымъ льстивымъ ученіемъ скоро привлекаютъ ихъ къ себѣ—на погибель. Послѣ этого уже къ пиеницѣ они пристѣваютъ и плевели. Приведши въ подчиненіе и послушаніе себѣ этихъ несчастныхъ и онутавъ ихъ своими сѣтями, они напояютъ ихъ ядомъ, открыто развращаютъ ихъ и на-учаютъ таинствамъ діавола».

Эта глава показываетъ, что у богомиловъ, точно такъ же какъ и у западныхъ казаровъ ⁷³⁾ было своего рода раздѣленіе членовъ на простыхъ вѣрующихъ (credentes) и совершенныхъ

⁷¹⁾ Αλεξίος XV, 384.

⁷²⁾ Правосл. Собес. 64 г. I, 489.

⁷³⁾ Schmidt, Histoire des Kathares I p. 139—150.

(perfecti)²⁴⁾. Последние имели огромное значение въ средѣ сектантовъ и потому принятіе ихъ въ этотъ чинъ совершалось съ большою торжественностію (см. гл. «о крещеніи»). Они назывались—

Θεοτόχοι. Гл. XXIX.

«Богомилы утверждаютъ, что послѣдователи ихъ ученія, въ которомъ живеть духъ свѣтлый, должны быть и именоваться богородителями (θεοτόχοι), ибо и они носятъ въ утробѣ своей Слово Божіе (λόγον τοῦ θεοῦ) и раждаютъ его, когда учатъ другихъ. Слово отъ первой Богородицы ничѣмъ не отличалось отъ ихъ слова (μηδὲν πλεον αὐτῶν ἔχειν τῆν πρώτην θεοτόχον). У нихъ не хватаетъ настолько смысла, замѣчаетъ Евонній, чтобы понять различіе между Словомъ, какъ самостоятельную личность, и словомъ, произносимымъ устами. Θεοτοки не умираютъ, но какъ бы во снѣ преобразуются (μετέστανται), слагая съ себя безъ всякаго страданія этотъ бранный тѣлесный покровъ и облекаясь въ нетлѣнную и божественную ризу Христа; принимаютъ Его тѣло и Его образъ и въ сопровожденіи ангеловъ и апостоловъ, идутъ въ царство Отца. Совлеченное съ нихъ тѣло превращается въ пыль и прахъ и никогда уже не воскреснетъ. Подъ воскресеніемъ они разумѣютъ собственно покаяніе и жизнь по Евангелію» (Ме. 5. 32).

Взглядъ богомиловъ на свою секту и на православную церковь.

Гл. XXVII, XXXI, XXXIV, XXXV, XXXVII, XLIV, XLIX.

Объ этомъ предметѣ мы не находимъ у Евоннія специальныхъ главъ, но за то въ разныхъ мѣстахъ апокариптической части его труда не мало разсѣяно замѣчаній о взглядѣ богомиловъ на свою секту и православную церковь. Въ своей общинѣ богомилы видятъ чистую и совершенную церковь, а

²⁴⁾ Смесн: Narrat de Bogom. гл. ХУЦ, XXVI, XLIV, XXII.

христіанскую церковь считают испорченною выродившеюся и доловоклонницей. Этотъ свой взглядъ они подтверждаютъ многими мѣстами Священнаго Писанія, которое они толкуютъ произвольно. Свою общину они называютъ Внелеемомъ, потому что у нихъ рождается Христось, Слово Божіе, возвѣщающее истину вѣры, а христіанскую церковь они признаютъ Иродомъ, потому что она ищетъ убить рожденное у нихъ слово истины. Они смотрятъ на себя, какъ на евангельскихъ волхвовъ, христіанскую церковь сравниваютъ съ Іерусалимомъ, а звѣзду—съ закономъ Моисея, приведшимъ ихъ сначала къ нашей (христіанской) церкви. Но здѣсь они были потомъ научены священниками, книжниками и учителями христіанской церкви α), что Христось рождается въ Внелеемъ (въ сектѣ). Первые ихъ учителя вышли изъ среды христіанской церкви. (XXVIII). Членовъ христіанской церкви они называютъ тѣми *фарисеями и саддукеями*, которые приходили къ Ісавну Крестителю (Мѡ. 3, 7) и которыхъ онъ назвалъ «порожденіемъ ехидны, сѣменемъ змія — отъ совокупленія его съ Евою». (XXXI). *Сапоги* (ὀποδύματα) Христа (Мѡ. 3 11) означаютъ чудеса, которыя онъ показывалъ народу. Этихъ сапоговъ не могъ носить (βατάκια) Іоаннъ, потому что онъ не могъ совершить такихъ чудесъ. β) *Плюновеніемъ Христа* (Мѡ. 3, 12) называютъ слово Евангелія, которое вышло изъ устъ Христа. Подъ *гумномъ* они понимаютъ христіанъ, между которыми есть православные (ὀρθόδοξοι) и инославные (ἑτεροδόξοι), подъ *ишеницею*—свою вѣру — чистую и спасительную (τρίβινον), а *плеселами* именуютъ нашу вѣру, какъ непотребную и достойную сожженія. (XXXII). Христіанскую церковь они называютъ Назаретомъ, а свою секту — Камерсаумомъ, потому что теперь Христось и живетъ у богомиловъ и оставилъ нашу церковь. (XXXIV). Въ общинахъ Христомъ *блаженства* (Мѡ. 5, 3), богомилы отвѣсятъ къ своимъ посядателямъ. Они—*нишіе духомъ, платучіе, алчущіе и жаждущіе правды* и проч. Они называютъ себя *солю земли, свѣтомъ міра* (Мѡ. 5; 13, 14) и прилагаютъ къ себѣ все тѣ, что Христось

сказалъ объ апостолахъ. (XXXV). Мѣсто изъ Еванг. Матѳея 5 гл., 20 ст., *аще не преизбыточествова правда ваша паче книжникъ и фарисей...* богомилы объясняли такъ: фарисеи и книжники это—учители православной церкви, которые занимаются науками и гордятся этимъ. Но на сторонѣ богомиловъ больше *правды*, потому что ихъ ученіе болѣе истинное и болѣе приспособленное къ установленію правой и чистой жизни, чѣмъ ученіе христіанской церкви: такъ богомилы воздерживаются отъ употребленія говядины, баранины, отъ брака и т. под. (XXXVII). Мѣсто Еванг. Матѳея—6 гл. 26 ст. они толковали такъ: подъ «святѣмъ» нужно разумѣть простѣйшее (*ἀπλοῦστερον*) ученіе богомиловъ, а подъ «бисеромъ» тайное и совершеннѣйшее ихъ ученіе. «Собаками» и «свиньями» они называютъ нашихъ благочестивыхъ людей, какъ идолослужителей. Этому основному взгляду они слѣдуютъ при принятіи въ свою общину членовъ христіанской церкви. На вступающихъ они дѣйствительно смотрятъ какъ на собакъ и свиней, ихъ (низшую природу) они очищаютъ постомъ и молитвою, прежде чѣмъ допустить ко крещенію. Послѣ крещенія, вступившихъ постепенно совершенствуютъ и наконецъ уже ввѣряютъ имъ *святое* и *бисеры* (XLIV). Подъ новымъ виномъ (Мѳ. 9, 17) они разумѣютъ свое ученіе, подъ ветхими мѣхами—не принимающихъ его, а подъ новыми мѣхами тѣхъ, которые принимаютъ это ученіе и сохраняютъ его (L). Книжниками, о которыхъ упоминаетъ Евангелистъ Матѳеи (8, 20), называются ученые вообще. Богомилы поэтому не принимаютъ къ себѣ людей ученыхъ изъ подражанія Христу, какъ они говорятъ, который не принялъ книжника. *Лисицами* они называютъ заключенныхъ въ тѣсныхъ келіяхъ аскетовъ, *птицами*—столпниковъ, какъ недостойныхъ общенія (*ἐπιδημίας*) со Христомъ (XLVIII). Два бѣсноватые, вышедшіе изъ гробницъ (Мѳ. 8, 28 и сл.) означаютъ два чина: чинъ клириковъ и монаховъ. И тѣ и другіе живутъ въ храмахъ—гробницахъ съ костями мертвыхъ. Оба они представляются богомиламъ весьма опасными, такъ что никто изъ нихъ не рѣ-

шится идти этимъ путемъ. Стадомъ свиней богомилы называютъ простыхъ, невѣжественныхъ людей, живущихъ подобно свиньямъ; къ такимъ приходятъ духовные и монахи и ввергаютъ ихъ въ море грѣховъ» (XLIX).

α) Это преданіе, сохранившееся въ богомильской сектѣ, имѣетъ историческое основаніе. Изъ слова пресвитера Козмы видно, что *попъ* богомилъ былъ однимъ изъ первыхъ учителей секты ⁷⁵⁾. Онъ былъ родомъ болгаринъ и проповѣдывалъ въ царствованіе Петра (927 — 968) сына царя Симеона, при которомъ былъ золотой вѣкъ славянской письменности. Память о первомъ основателѣ секты долго хранилась въ Болгаріи; имя его торжественно прокливалось въ недѣлю православія еще въ XIII вѣкѣ ⁷⁶⁾.

β) О какихъ чудесахъ здѣсь рѣчь идетъ—мы не видимъ. Пресвитеръ Козма говоритъ, что богомилы не вѣруютъ чудесамъ Господнимъ, понимая ихъ чисто въ духовномъ смыслѣ. Богомилы не могли вѣрить въ чудесное исцѣленіе, утоленіе голода или воскрешеніе людей, по основному взгляду своему на тѣло, какъ на преграду душевному совершенствованію, какъ на дѣло діавола: «Христа не исповѣдаютъ сотворша чудеса,—глаголюще: нѣсть Христось слѣпа просвѣтилъ, ни хрома не исцѣлилъ, ни мертва воскресилъ, но притчи то суть точію и бляди: грѣхи бо, рѣша, косными бо евангелисти положиша. Народомъ же напитаннымъ въ пустыни пятю хлѣбъ не вѣруютъ, глаголюще: не суть то хлѣбы были, но четыре евангелисты, пятое опракъ (*ἄπραχος*-недѣльный, воскресный) апостоль ⁷⁷⁾.

γ) Презрительное отношеніе богомиловъ къ духовенству и къ разнымъ формамъ иночества (гл. XLV) заставляетъ насъ припомнить, что время то было временемъ замѣтнаго уаадка греческаго иночества. Благороднѣйшій и образованнѣйшій человекъ

⁷⁵⁾ Правосл. Собес. I 48 ч. 64 г.

⁷⁶⁾ См. Студникъ Ц. Бориса у Гильфердинга I. 131.

⁷⁷⁾ Правосл. Собес. 64 г. II, 108.

своего времени (XII в.) Евстафій, архіеп. сессалоникійскій, изображаетъ монаховъ «лицежърами съ головы до ногъ»; для привлеченія народа въ монастыри они выдумывали ложныя чудеса, приписывали себѣ разныя видѣнія свыше, чтобы прихвастнуть своею мнимою святостию. Въ большинствѣ это былъ народъ грубый, высокоумѣрный, презрительно смотрящій на всякую науку и образованіе: Аскетизмъ доходилъ до крайностей; иногда онъ становился страшнымъ: такъ *Икетъ* имѣли обыкновеніе плясать съ монахинями, на манеръ пляси Моисея съ Маріамой по переходѣ черезъ Черное море. Ихъ обличили въ неправославіи ⁷⁸⁾.

V.

Авторъ Паноупліи, поставивъ себѣ задачею изложеніе и опроверженіе еретическихъ мнѣній богомиловъ, почти не касается ихъ исторіи. Онъ дѣлаетъ только краткія замѣчанія объ открытіи ереси въ Константинополь и о судьбѣ главы ея Василия богомила. Поэтому, оставляя въ сторонѣ исторію богомильства, обратимъ вниманіе—насколько справедливо мнѣніе автора Паноупліи, что богомилы происходятъ отъ *мессалианъ*, прибавивъ къ ученію послѣднихъ нѣчто *свое*. Для подтвержденія этого мнѣнія Евонній неоднократно указываетъ на сходство въ вѣрованіяхъ тѣхъ и другихъ сектантовъ ⁷⁹⁾. Мистически-религіозное настроеніе мессалианъ, признаніе двухъ началъ—добраго и злаго божества, изъ коихъ послѣднее подчинено первому (умѣренный дуализмъ), *докетизмъ* въ ученіи о Христвѣ, воздержаніе отъ брачной жизни, ученіе о существованіи демона при каждомъ человѣкѣ; монашескій обрядъ посвященія и одежда — все это дѣйствительно указываетъ на близкую аналогію богомильства съ воззрѣніями мессалианъ. Но авторъ Паноупліи умалчиваетъ о *времени, степени и пути*

⁷⁸⁾ Neander. Algem. Kirchengesch. V. II, 1034—1041.

⁷⁹⁾ См. Narrat de Bogom. гл. VII, XIII, XX и др.

вліянія мессалианъ на образованіе богомилства; умалчиваютъ объ этомъ и другіе источники для изученія богомилства.

Первое извѣстіе о появленіи мессалианства во Фракіи въ X—XI в. относится къ началу XI в. ⁸⁰⁾. Энгельгардтъ производить ⁸¹⁾ еракійскихъ евхитовъ отъ смѣшенія сирійско-гностическихъ воззрѣній съ древнимъ мессалианствомъ, но онъ не объясняетъ, какъ и когда образовалось это смѣшеніе. Такъ какъ нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ о существованіи евхитовъ во Фракіи раньше XI в. ⁸²⁾, то естественно думать, что они произошли не прямо отъ древнихъ мессалианъ, а подъ вліяніемъ гностическихъ понятій, принесенныхъ павликіанами изъ Сиріи (мѣста обширнаго разлива мессалианства, по свидѣтельству Іеронима) въ Европу. Если это такъ, то весьма правдоподобно предположеніе нѣкоторыхъ, что еракійскіе евхиты были просто «приверженцы богомилства изъ монашеской братіи во Фракіи» ⁸³⁾, какъ и смотрѣли на нихъ современники, отождествляя эти два явленія (*Bogomilorum sive Messalianorum haeresis* ⁸⁴⁾).

Такимъ образомъ мнѣніе автора Паноупліи о происхожденіи богомиловъ отъ мессалианъ не вполне точно. Тѣхъ и другихъ скорѣе можно назвать отраслью обширной, волновавшей нѣсколько столѣтій греческую церковь, ереси павликіанской. Самъ Евоній Зигабень, не производя прямо богомиловъ отъ павликіанъ, ссылается однакожь неоднократно на аналогію въ ученіи обоихъ ⁸⁵⁾. Анна Комнена положительно производитъ

⁸⁰⁾ Пселлъ: *peri énervtias dikrónov dialoyos*.

⁸¹⁾ Kirch. Gesch. Abhandl. s. 151 sqq.

⁸²⁾ Ср. Gieseler. Lehrbuch d. K. G. II, I 403.

⁸³⁾ Хр. Чт. 1870. январь.

⁸⁴⁾ Впрочемъ извѣстіе Пселла о нравственной разнузданности евхитовъ и Кедрина (у Geiseler'a II, I, 403, 404) о несоблюденіи ими постовъ указываетъ въ этихъ *монахахъ* — богомилахъ характерическую особенность, нѣсколько отличающую ихъ отъ другихъ богомиловъ. Эта особенность, на которую не обращаетъ вниманія г. Левицкій, — крайнее самообольщеніе своею святостію, для которой излишни всѣ предписанія, стѣсненія нравственнаго закона. Собственно-богомилы отличались, какъ мы видѣли, строгимъ нравственнымъ ригоризмомъ.

⁸⁵⁾ Narrat. de Bogom. гл. I, VII, IX, X, XVI.

богомилъ отъ манихеевъ т. е. павликианъ и мессалианъ ⁸⁶⁾. Житіе Иларіона Могленскаго (жилъ во второй половинѣ XII в.) показываетъ, что въ его епархіи большая часть населенія была манихейская, армянская, еще же и богомильская ⁸⁷⁾. Почему житіе называетъ манихейство армянскою ересью — мы сейчасъ увидимъ. Еще въ VIII в., по свидѣтельству Кедрина ⁸⁸⁾, Константинъ Копровимъ (741—775) населилъ Фракію колонистами изъ Сиріи и *Арменіи*, въ числѣ которыхъ были и павликиане. Во время спора Рима съ Константинополемъ о церковномъ главенствѣ надъ Болгаріей павликиане, пользуясь смутами, посылали изъ Арменіи въ 869 г. своихъ проповѣдниковъ съ цѣлью пропаганды между нетвердыми въ христіанствѣ болгарами ⁸⁹⁾. Такимъ образомъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о вліяніи павликианъ на образованіе секты богомиловъ, не говоря уже объ аналогіи въ ученіи ихъ обоихъ. Приводимъ еще нѣкоторые факты. Около 970 года Іоаннъ Цимисхій (969—975 г.) переселилъ много павликианъ въ окрестности Филиппополя для защиты отъ наваденія варваровъ на византійскую имперію ⁹⁰⁾. «Все кругомъ Филиппополя сдѣлалось еретическимъ», говоритъ Анна Комнена, и съ тамошними еретиками слѣзся еще другой горькій потокъ, исходившій изъ армянскаго источника, — она разумѣетъ туземныхъ слав. дуалистовъ, богомиловъ. Проповѣдь павликианъ между болгарами должна была имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что нашла уже здѣсь подготовленную почву. Ибо уже при царѣ Симеонѣ (888—927 г.) дуалистическая ересь является въ Болгаріи опаснѣйшимъ врагомъ православія ⁹¹⁾. Послѣ блестящей эпохи Симеона является замѣтное оскуднѣніе ду-

⁸⁶⁾ Alexias L. XV, p. 384.

⁸⁷⁾ П. Собр. Р. Лѣт., т. IX, стр. 145.

⁸⁸⁾ У Geiseler'a II, I, 400.

⁸⁹⁾ Ab ipsismet impiis et delirantibus cognovi, quod e suo conciliabulo missuri essent qui in Bulgaria quoscunque essent a catholica religione ad suam execratam et nefariam sectam converterent. Gieseler: Historia Manicheorum, Göttingen 1846.

⁹⁰⁾ Анна Комненъ Alexias L. XIV, p. 357 ed. Venet.

⁹¹⁾ Палаузовъ. Вѣкъ болгарск. ц. Симеона 92.

ховной жизни въ православной церкви болгарской ⁸²⁾), — и вотъ уже, при Петрѣ Симеоновичѣ, выступаетъ между славянами знаменитый проповѣдникъ дуализма пошъ богомилъ. Сосѣди славянъ по мѣсту жительства, пропагандисты по своему характеру, издавна заклятые враги византійскаго правительства ⁸³⁾, павликіане естественно могли найти успѣхъ своей проповѣди между неутвержденными въ христіанствѣ болгарами ⁸⁴⁾. Павликіане были тѣмъ болѣе опасными пропагандистами между болгарами, что, по замѣчанію византійскихъ писателей (Петръ Сицилійскій) отличались хитростію, изворотливостію, «камелеоновскою измѣнчивостію» ⁸⁵⁾, умѣнемъ привраиваться къ свойствамъ тѣхъ лицъ, которыми еретики проповѣдывали свое ученіе. Петръ Сицил. считаетъ опаснымъ для христіанъ даже вступать въ разговоръ съ ними: такъ обольстительно дѣйствовала ихъ проповѣдь ⁸⁶⁾. Греки съ болгарами были притомъ весьма часто во враждебныхъ отношеніяхъ и полуязычники болгары должны были съ удовольствіемъ слушать враждебные возгласы павликіанъ противъ грековъ вообще и противъ благаго и монашествующаго духовенства, которое въ большинствѣ было греческое ⁸⁷⁾. Неудивительно, что, при столь близкихъ и дѣятельныхъ связяхъ павликіанъ съ болгарами, мы находимъ поразительную аналогію павликіанской ереси съ богомилскою. Какъ богомилы, такъ и

⁸²⁾ Гильфердингъ I, 130.

⁸³⁾ Гильфердингъ I, 226.

⁸⁴⁾ Иоаннъ Экзархъ говоритъ: „да ся срамляють убо вси пошибени и сквернии Манихеи и вси погани словени и вси языци зловѣрнии“. (Вѣкъ Б. Ц. Сим. Палаузова 92 с.). Изъ этихъ словъ видно, что еще во время Иоанна Экзарха, спустя около 100 лѣтъ послѣ принятія христіанства болгарами, языческія преданія были еще сильны въ народѣ. Такое неуспѣшное распространеніе христіанства между славянами, значительно обусловливаемое внѣшними отношеніями болгаринъ (припомнимъ между прочимъ соблазнъ, какой должны были производить препирательства Рима и Византіи изъ-за Болгаринъ), должно было открыть обширную дорогу вліянію на Болгаръ антицерковной и антиправительственной ереси.

⁸⁵⁾ Fleury XIII, 54.

⁸⁶⁾ Fleury XII, 49.

⁸⁷⁾ Гильфердингъ, 138.

павликіане признавали два начала, божества—доброе и злое, одинаково почитали нисшее начало творцемъ видимаго міра и Богомъ ветхозавѣтнымъ; согласно извращали понятіе о таинствахъ; единомысленно отвергали Ветхій Заветъ; нападали на одни и тѣже пункты обрядоваго ученія церкви, не признавали церковной власти, ненавидѣли иноковъ и клявниковъ, враждебно относились къ гражданскому правительству *) и вполнѣ сходны были по духу и характеру своему. Стараясь отпечатлѣть въ своей жизни мнимо апостольскій идеалъ, павликіане особенно увлекательно дѣйствовали на массу народа, которая не способна была различить въ этомъ направленіи антихристіанскую подкладку—гностическій дуализмъ, и мы можемъ смѣло сказать, что въ основу догматическихъ воззрѣній богомильства легло главнымъ образомъ ученіе павликіанъ, а не мессалианъ, какъ думаетъ авторъ Панопліи **).

*) Въ другомъ своемъ трудѣ позднѣйшаго происхожденія (ἐπιφυρεσ) авторъ Панопліи уже прямо отождествляетъ ихъ ученіе съ мессалианскимъ. Онъ приписываетъ имъ обоимъ заблужденія общія, намекая тѣмъ на общность происхожденія ихъ изъ одного источника (павликіанства). Въ этомъ позднѣйшемъ трудѣ есть, какъ мы видѣли выше, и другія показанія, не всегда согласныя съ 23 титломъ Панопліи. Вообще нужно замѣтить, что послѣднее титло въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, отражаетъ на себѣ слѣды поспѣшной работы, несовершеннаго ознакомленія съ предметомъ, о которомъ авторъ пишетъ. Этимъ объясняются его промахи, увлеченія, противорѣчія самому себѣ. При всемъ томъ это единственный источникъ для подробнаго ознакомленія съ ученіемъ богомиловъ, хотя мы называемъ его подробнымъ—только сравнительно съ другими источниками для изученія богомильства. Наряду съ Панопліей, по важности сообщаемыхъ свѣдѣній о богомилахъ, стоитъ памятникъ, принадлежащій болгарскому обличителю ихъ, Козмѣ пресвитеру (X или нач. XI в.). Но послѣдній обращаетъ больше вниманія на внѣшнюю сторону ереси, на практическія послѣдствія основныхъ положеній ея и весьма мало касается догматическихъ началъ. Современница автора Панопліи, Анна Кюмнена подробно описываетъ исторію открытія богомильства въ Константинополѣ во времена Алексѣя Комнена, рисуетъ передъ нами характеръ ереси въ лицѣ божѣ извѣстнаго тогдашняго ея представителя, Василія богомила; но догматовъ ея вовсе не касается, отсылая желающаго познакомиться съ ними къ Панопліи Евеміи Злгабена. Другіе памятники, о которыхъ мы упоминали при разборѣ Панопліи, весьма кратки, необстоятельны и служатъ къ уясненію только нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ ученія или характера богомильской ереси.

**) Прав. Соб. 64 г. II, 202.

VI.

Прямое свидѣтельство пресвитера Козмы ¹⁰⁰⁾ показываетъ, что ересь находила себѣ поддержку и опору въ простой, непросвѣщенной достаточно свѣтомъ Евангелія массѣ народа, неспособной понимать разныя догматическія тонкости. Богомилство въ существѣ дѣла вовсе не походило на стремленія древнихъ гностическо-манихейскихъ сектъ, въ основѣ которыхъ легли уже довольно развитыя философскія представленія Востока и Греціи, которыя (секты) видѣли въ толпѣ вѣрующихъ недостаточное пониманіе истинъ вѣры, изложенныхъ въ Н. Завѣтѣ, и старались дополнить, исправить, осмыслить ихъ своими философскими соображеніями: Библия у нихъ отходила на задній планъ; ученіе апостоловъ требуетъ поправки и дополненій: философія вытѣсняла религію. Ничего подобнаго не представляетъ богомилство. Совершенствованіе жизни, нравственности *сообразно идеалу апостольскаго христіанства*, которое теперь въ церкви утратило свой чистый характеръ, затемнилось ложными преданіями—вотъ основная тенденція богомиловъ. Этою стороною они были особенно опасны для церкви: проповѣдуя высшій, хотя односторонне представляемый идеалъ нравственности, будучи сами съ виду образцомъ воздержанія и аскетизма, чистой богоугодной жизни, они неволью привлекали къ себѣ толпу простаго народа, такъ склоннаго заключать о чистотѣ и истинности ученія по внѣшнему поведенію его представителей, проповѣдниковъ. Посреди разбоевъ, грабежей, притѣсненій и поборовъ власти, посреди военнаго террора и нестроенія въ церкви ¹⁰¹⁾, — въ Болгаріи

¹⁰⁰⁾ Прав. Соб. 1864. II, 420.

¹⁰¹⁾ Причину распространенія ереси пр. Козма видитъ именно въ нестроеніяхъ церковныхъ, которыя онъ описываетъ весьма мрачными красками. Попы упиваются, грабятъ, лѣнны, невѣжественны, епископы, поставленные на издѣ, заботятся только о поборахъ съ подчиненнаго духовенства, а народъ ничему не учатъ, по невѣжеству и грубости. „Откуда исходятъ волки сн, зліи пси, еретическая ученія? Не отъ лѣнности ли грубости пастушескы? Откуда ли разбойници и татіе, рекше грѣси и неправды? Не отъ неказанія ли епископска“. Пр. Соб. 1864 г., II, 420.

являются одушевленные проповѣдники чистой евангельской праведности; такъ, наглядно, такъ доступно простому уму, про-
никнутому еще языческими взглядами, объясняютъ они при-
чину всѣхъ золъ и нестроенія въ господствѣ злаго начала
надъ міромъ. Выводы отселѣ просты, несложны. Все, что но-
ситъ печать внѣшнихъ, вещественныхъ отношеній, заслужи-
ваетъ презрѣніа духовнаго христіанина. Вѣтхій Заветъ пред-
ставитель злаго начала, опутавшаго людей разными внѣшними
предписаніями, требовавшаго кровавыхъ жертвъ, обрѣзанія
плоти и т. п., они должны были отвергнуть. Таинства съ ихъ
внѣшними знаками, почитаніе иконъ, крестовъ, все это болѣе
прилично язычникамъ, чѣмъ имъ, «истиннымъ христіанамъ».
Церковную іерархію они учили презирать, но говенія съ ея
стороны заставляли ихъ притворно исполнять предписанія
церкви. Вотъ немногосложный кодексъ нравственно-религіоз-
ныхъ предписаній богомильства въ первый періодъ его суще-
ствованія, какимы мы его знаемъ изъ слова пр. Козмы ¹⁰²).

¹⁰²) Слово пр. Козмы явилось въ свѣтъ подъ однимъ общимъ загла-
віемъ: „Недостойнаго Козмы пресвитера бесѣды на новоявившуюся ересь
богомилу. (Здѣсь 13 бесѣдъ. Первая бесѣда безъ заглавіа; потомъ слѣ-
дуютъ бесѣды; 2) о комканіи (причащеніи); 3) о литургіяхъ; 4) о про-
родѣхъ; 5) о ненавидѣніи еретическомъ; 6) о исповѣданіи еретическомъ;
7) о матушихся черницѣхъ; 8) о хотящихъ отъйти въ черныя ризы; 9) о
затворницѣхъ; 10) о добрыхъ черницѣхъ; 11) о вѣрѣ; 12) о богатыхъ;
13) о епископѣхъ и попѣхъ). Бесѣды очевидно составлены съ цѣлію
опроверженія еретиковъ; почему же Козма не подвергаетъ подробному
разбору ихъ ученія и больше всего обращаетъ вниманіе на внѣшнюю
практику ихъ, на поведеніе въ жизни—какъ оно служитъ выразителемъ
ихъ догматическихъ воззрѣній? Козма жилъ въ вѣкъ перваго славнаго
ересеучителя, попа богомила, присутствовалъ при широкомъ разливѣ
ереси между своими единосемцами, зналъ тайну ея вліанія и успѣховъ
и если не излагаетъ съ большею подробностію ихъ ученія, то, можно
думать, что оно не было еще развито, что сектанты не успѣли еще
тогда подробно выработать догматическихъ воззрѣній. Такъ напр. на
вопросъ: „почто Богъ діаволу попускаетъ на человекъ“! Богомилы отвѣ-
чали ученіемъ о дуализмѣ, объ участіи злаго начала въ твореніи міра
и человека (Пр. Соб. 1846 г., II, 98). Но предѣлы этого участія иными
суживались почти до отрицанія его. Простые вѣрующіе можетъ быть
и совсѣмъ не знали этого злаго творца (Петрановичъ 50). Между тѣмъ,
повидному, дуализмъ долженъ былъ служить исходнымъ пунктомъ всего
ихъ догматическаго и нравственнаго ученія. Дуализмъ долженъ былъ

Съ теченіемъ времени реформаторскія стремленія славянскихъ богомилловъ нашли себѣ прозелитовъ и между болѣе образованными греками. Это было время крестовыхъ походовъ, пора всеобщаго религіознаго энтузіазма въ Европѣ, сознанія неудовлетворительности настоящаго своего положенія. Народныя массы встрепенулись отъ вѣковаго усыпленія; оглянувшись вокругъ себя нашли, что современные церковныя и гражданскія порядки весьма далеки отъ начертаннаго Спасителемъ идеала, и отшатнулись отъ развратившагося церковнаго общества. Являются грозныя секты казаровъ, которые, подъ разными именами, производили смуты въ церкви цѣлыя столѣтія. Богомилство, проникшее въ Константинополь незадолго до времени Алексѣя Комнена, было отголоскомъ тѣхъ же реформаторскихъ стремленій горячихъ поборниковъ мнимо-евангельской праведности¹⁰³⁾. Склонный къ утонченнымъ мудрствованіямъ греческій умъ не довольствуется только одними практическими тенденціями секты: онъ старается обосновать ихъ на аллегорическомъ толкованіи Библіи, сколачиваетъ нѣчто похожее на цѣльную систему вѣроученія. Но видно и здѣсь, на новой почвѣ, богомилство продолжало пріобрѣтать себѣ adeptовъ преимущественно своими практическими стремленіями. Богомилская догматика, попрежнему, оставалась мало развитою, смѣшанною съ мифологическими воззрѣніями, исполненною крайнихъ несообразностей и внутреннихъ противорѣчій. Мы не знаемъ даже—существовали-ль въ этотъ періодъ какія нибудь символическія книги у еретиковъ, была ли у нихъ своя литература? Судя по трудности, съ какою приходилось собирать свѣденія объ ученіи еретиковъ (одному ихъ обвинителю приходится для этого нарочно отыскивать челоуѣка,

опредѣлять взглядъ ихъ и на тайну искупленія, и на церковныя таинства, и на обрядовое ученіе. Они признаютъ себя истинными послѣдователями апостольскаго ученія, изложеннаго въ Св. Писаніи, но на дѣлѣ І. Крестителя называютъ „антихристомъ“, вопреки явнымъ свидѣтельствамъ принимаемаго ими писанія.

¹⁰³⁾ Ср. Neander, *Algem. Kircheng.* II, I, 1080.

который могъ бы сообщить ему свѣдѣнія объ еретикахъ), можно думать, что въ полномъ составѣ оно было хорошо извѣстно только немногимъ избраннымъ членамъ общины, такъ-называемымъ посвященнымъ еотокамъ, которые имѣли право учить другихъ, подъ руководствомъ Духа св. Неудивительно, что ученіе, отданное на произволь отдѣльныхъ учителей, не заключенное въ какія нибудь символическія книги, могло подвергаться постоянно измѣненіямъ, искаженіямъ, дополненіямъ, которыя иногда могли противорѣчить другъ другу и основному характеру секты. Все это не могло не ставить въ тупикъ православныхъ, мало знакомыхъ съ бытомъ секты, съ ея основными мотивами. Въ догматикѣ сектантовъ они видятъ нелѣпости, крайнія несообразности, непримиримыя противорѣчія. Такъ, Евѣмій, наслышавшись нелѣпостей отъ приверженцевъ секты, дѣлаетъ объ еретикахъ весьма нелестный отзывъ называя ихъ грубыми *невъжами* (гл. III, VI, XLI), глубцами (гл. XVII, XXII, XXVII, XLVII), безстыдными софистами (гл. X); ученіе ихъ называетъ пустою болтовнею (LII), баснями (VII).

Но Евѣмій видѣлъ, что при всей нелѣпости своего ученія, сектавы имѣли большой успѣхъ въ обществѣ; указать, по примѣру пр. Козмы, на дѣйствительныя причины этого успѣха Евѣмій не рѣшается въ полемическомъ сочиненіи, можетъ быть потому что это значило бы обнаруживать свои большыя мѣста, выставлять ихъ на посмѣваніе еретикамъ. Успѣхъ еретиковъ, возбудившій противъ нихъ преслѣдованіе со стороны гражданской власти, ставитъ въ неестественное отношеніе къ нимъ и тѣхъ, кому приходилось дѣйствовать противъ нихъ *non gladio sed calamo*. Евѣмій называетъ ихъ опасными *обманщиками* (гл. II, VI, LII), *бѣшенными собаками съ ядомъ аспиды на устахъ* (XLVII); *смердный гробъ—уста этихъ нечестивцевъ; богомерзкія уста ихъ каплотъ разрушительный ядъ* (XLVIII). Евѣмій призываетъ на нихъ небесный огонь и всѣ кары ада (XLV, XVI). Почитаніе демоновъ набрасывало на нихъ особенно невыгодную тѣнь въ глазахъ православныхъ. Между тѣмъ, какъ многіе увлекались стро-

гимъ аскетизмомъ, смиреніемъ, постоянною молитвою еретиковъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, ревнители православія склонны были видѣть въ этихъ *друзьяхъ и почитателяхъ демоновъ* (гл. XIII, XXI, XXII, XXIII, XX) служителей всякаго порока, нечестія. Такъ пр. Козма говоритъ, что тайныя собранія богомиловъ «прелести тысяща суть». Пселль замѣчаетъ, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ сектанты предавались свальному грѣху, причащались тѣломъ закланнаго младенца и дѣляли другія непотребства ¹⁰⁴). Анна Комнена замѣчаетъ, что Василія богомила окружалъ сонмъ женщинъ завѣдомо развратнаго поведенія (Alexias LXV, p. 384). Безъ сомнѣнія отзывъ автора Паноплии, Анны Комненой и др. писателей о крайней безнравственности еретиковъ значительно преувеличенъ. Последніе на дѣлѣ умѣли доказать, что нравственность ихъ была выше ученія, привлекая къ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, соблазнявшихся именно строго-нравственнымъ образомъ ихъ жизни.

Страстное отношеніе къ нимъ Евеннія и другихъ писателей объясняется громадною опасностію, какою грозила эта ересь церкви, тѣми опасными принципами, которые ставили секту во враждебное отношеніе къ церкви. Объявивши протестъ противъ неудовлетворительнаго современнаго строя церкви, противъ іерархіи и церковнаго преданія, богомилы отрицали вообще христіанство въ его исторіи. Порвавши связь съ прошедшимъ, они хотѣли видѣть въ своей сектѣ осуществленіе истиннаго, *апостольскаго* христіанства. Но огромное разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ религіи Христа; различіе между ними не въ какомъ нибудь частномъ догматѣ, оно — существенное, основное. Въ этомъ смыслѣ богомильство нельзя даже назвать ересью въ смыслѣ уклоненія его отъ *нѣкоторыхъ частныхъ истинъ* христіанства. Богомильство, сохранивъ отчасти форму христіанства, отрицало его въ *сущности*, ставя на мѣсто одного двухъ боговъ. Богомилы содержатъ только повидимому

¹⁰⁴) Gieseler. Lehrb. d. Kirch. Gesch. II, I, 404.

Евангеліе; Христось для нихъ — обманчивый призракъ, тѣнь. Исторію его они превратили въ мѣологію. Ихъ строгая нравственность — не христіанскаго характера, потому что христіанство не требуетъ уничтоженія тѣлесной природы, презрѣнія твари, отрицанія всѣхъ отношеній между людьми. Съ уничтоженіемъ брака у нихъ уничтожается семья; остаются только индивидуумы, изъ которыхъ каждый служитъ себѣ центромъ и цѣлью; прямое слѣдствіе этого ученія — царство эгоизма и разрушеніе человѣческаго рода. У христіанъ наоборотъ, бракъ — основа церкви и общества, между его членами — братство и безконечное совершенствованіе до цѣли, назначенной провидѣніемъ. Богомилы воображали силою одной своей воли достигнуть идеальнаго совершенства на землѣ; христіанство, открывая слабость человѣка и подавая надежду на благодатную помощь, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ природы человѣческой. Если такъ, что же значать ихъ попытки олицетворить въ своемъ лицѣ «истинныхъ христіанъ»? Зачѣмъ у нихъ Христось?! Это былъ обманъ ихъ чувства, недостаточно просвѣщеннаго свѣтомъ Евангелія; они собственно ни безбожники, ни лицемерные *обманщики*, какъ называетъ ихъ авторъ Паноплии ¹⁰⁵⁾ и др., они искренно вѣрили въ свои ошибки, трудно распознаваемые, повидимому основанныя на весьма разумныхъ основаніяхъ и на высшемъ мистическомъ толкованіи Н. Завѣта. Боясь затеряться въ матеріальности внѣшнихъ формъ, они хотѣли одухотворить все — религію, богослуженіе, жизнь; съ одной стороны ставили міръ, а съ другой духъ, и между ними — непроходимую пропасть, не желая видѣть особаго дѣйствія промысла въ двоякомъ составѣ природы и освященія его христіанствомъ. Считая себя представителями чистаго евангельскаго ученія, они хотѣли возвести церковь въ первобытной чистотѣ, понимали ее *духовно* и представляли святою и идеально-совершенною. Православную церковь они упрекали за низкое, плотское пониманіе хрис-

¹⁰⁵⁾ Narrat. de Bogom. гл. II, IV, LII, VI, XXII, XXVIII.

тіанства и смѣшеніе его съ іудействомъ, протестовали противъ преданій и учрежденій византійской церкви, противъ сложной обрядности богослуженія и пороковъ клира. Церковь подвергла ихъ за это осужденію; свѣтская власть, видѣвшая въ нихъ опасныхъ враговъ всего гражданского строя, подняла противъ нихъ мечъ, прибѣгала къ кострамъ, какъ наиболѣе сподручнымъ, по ея мнѣнію, средствамъ потушить заразу (LII). Но не въ пламени костровъ погибла ересь; возникши изъ мрака невѣжества, она сама собою должна была исчезнуть посреди свѣта христіанской цивилизаціи ¹⁰⁶⁾.

Григорій Кипріяновичъ.

¹⁰⁶⁾ Schmid. II, 162.

С Л О В О

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДА-
РЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ *).

Истинно, что изъ всѣхъ добродѣтелей христіанской жизни, послѣ любви къ Богу, нѣтъ можетъ быть другой, которая бы имѣла такую цѣну у Бога, какъ любовь и милосердіе къ ближнимъ. Вотъ по свидѣтельству Евангелія, что изречетъ творящимъ милосердіе въ день суда и воздаянія міру, Христосъ Господь и Судія его: *аминь глаголю вамъ, скажетъ Онъ Мо. XXV, 40. имъ въ тотъ день: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе!*

Это слово—что означаетъ оно? То, что всякій разъ, какъ при видѣ нужды или несчастія ближняго мы не проходимъ мимо его, какъ чуждаго и сторонняго намъ существа, но признавая въ немъ брата и искренняго нашего спѣшимъ, движимые состраданіемъ, помочь его нуждѣ, облегчить его скорбь, сколько и какъ только можетъ, всякій разъ, какъ мы дѣлаемъ то,—въ лицѣ сего брата, благотворимаго нами, мы благотворимъ Христу самому, коему онъ также—братъ! *Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.*

*) Признено въ церкви Воспитательнаго Дома 22 іюля 1875 года, при служеніи его высокопреосвященства Иннокентія митрополита московскаго.

Не дивно ли такое крайнее снисхожденіе къ намъ любви Христа? Сему ли будемъ дивиться? Помыслимъ: уже если эта любовь возмогла подвигнуть Его, нашего Искупителя, сойти нѣкогда къ людямъ на землю и принявъ здѣсь на Себя ихъ плоть и образъ, пожить среди нихъ въ семъ образѣ Своемъ, какъ среди братьевъ и присныхъ Своихъ, и тѣмъ подъять и понести на Себѣ всѣ до единой ихъ скорби, нужды и немощи, включая сюда и самую смерть,—то что удивительнаго, если Онъ милосердый благоволитъ и нынѣ не разлучаться Духомъ Своимъ и любовію со всѣми, подобно Ему скорбящими, нуждающимися немощствующими на землѣ. А послѣ сего, что удивительнаго, если, утѣшая несчастныхъ, врачуя недугующихъ, помогая немощнымъ, словомъ, служа ближнимъ въ томъ или другомъ дѣлѣ благотворенія имъ, мы служимъ тѣмъ истинно и дѣйствительно Христу самому, въ лицѣ сихъ меньшихъ братій Своихъ самымъ дѣломъ скорбящему, страждущему, изнемогающему предъ нами! Такъ истинно это слово Его: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе!*

Въ виду сего слова, какимъ вдвойнѣ близкимъ сердцу дѣломъ становится дѣло милосердія! На что, на какую жертву для блага ближняго не сильна подвигнуть того, кто любитъ Христа,—мысль, что въ лицѣ ближняго своего онъ благотворитъ Христу самому? Что предъ симъ побужденіемъ къ благотворенію всѣ другія проповѣдуемая въ мірѣ? И если, строго говоря, нѣтъ блага столь дорогаго намъ, въ которомъ бы мы были въ правѣ отказать нашему брату, имѣющему нужду въ немъ, то есть ли хотя одно благо въ мірѣ, въ которомъ бы могли по совѣсти отказать Христу, Источнику и Подателю всѣхъ благъ? И какимъ вмѣстѣ чистымъ, святымъ, плодотворнымъ является милосердіе наше, когда мы творимъ его съ этою цѣлію о Христѣ и во имя Его! Зная и помня, что Самъ Христосъ предстоитъ предъ вами въ лицѣ ближняго, ожидающаго дара отъ васъ, вы не подадите сему послѣднему камня вмѣсто хлѣба, и не прострете также заботы о тѣлѣ

его далье полезнаго и необходимаго, не забывая о тѣхъ, не оставите безъ вниманія и его бессмертной души, возлюбленной Христомъ и искупленной кровію Его! А что сказать о тѣхъ небесныхъ и земныхъ благословіяхъ, которыя привлекаетъ милосердіе на главу самихъ творящихъ его, когда они творятъ его ради Христа и въ любви къ Нему? Чего не смеютъ даровать имъ Онъ, Владыка неба и земли? И чего могли бы они не ожидать и не надѣяться найти себя въ любви Его—Его, принимающаго какъ милость, какъ благодѣаніе Себѣ, всякій даръ, всякую лепту нашей любви къ людямъ и благотворенія имъ! *Помогите сотвористе единому сизъ братій Моихъ меньшихъ, Милъ сотвористе.*

О, какое это великое слово и какъ нужно намъ чаще и искреннѣе углубляться въ смыслъ его! Мы хрістіане, а законъ хрістіанства—милосердіе! Чѣмъ былъ бы хрістіанствъ, чуждый дѣлу милосердіа? Но что такое и милосердіе, не освященное и не управляемое духомъ хрістіанства? Необходимо, говорю, намъ чаще и болѣе углубляться въ смыслъ сего слова. Мы живемъ въ мірѣ, а кто не знаетъ, какъ легко и для сердца добраго и сострадательнаго отъ природы, среди шума и суеты жизни міра, въ виду вѣчно смѣющихся въ немъ и довольныхъ собою людей или другихъ, печалющихся о томъ, что не заслуживало бы даже смѣха, какъ легко, среди и въ виду всего подобнаго въ мірѣ, не замѣтить тамъ часто слезы истинной нужды, непритворнаго горя, найти скучною или незаслуживающею вѣроятіа ихъ повѣсть о себѣ, не внять ихъ воплю, опустить случай и поводъ помочь имъ! Мы живемъ въ мірѣ, а кто не знаетъ, что мірѣ вообще скорѣе не прочь поглумиться надъ нуждою и бѣдствіемъ, чѣмъ удосужиться помочь имъ, и что если онъ любитъ иногда помогать имъ и помогаетъ, то по своему: преслѣдуя подъ видомъ помощи другимъ часто цѣли личныя и корыстныя, или простирая въ семь случаевъ свою заботу о счастіи людей на землѣ настолько далье полезнаго, необходимаго и даже возможнаго, что эта забота его для тѣхъ, кого она избрала предметомъ

своими, становится часто новымъ, тягчайшимъ прежняго бременемъ, отгнавъ у нихъ въ этой погонѣ его для нихъ за счастьемъ невозможнымъ, только воображаемымъ и ту хотя малую долю счастья дѣйствительнаго, какая до сего могла бы быть доступна имъ, и, что еще хуже, убивая тѣмъ въ нихъ умахъ—всякую мысль о жизни на небѣ, въ ихъ сердцахъ—всякій порывъ и стремленіе къ небу!... Въ виду сего, кто поручится за себя, что живя въ мірѣ и дыша часто однимъ воздухомъ съ нимъ, онъ не впитаетъ въ себя хотя нѣкоторой доли сихъ мязмовъ его, не привнесетъ ихъ болѣе или менѣе въ свои отношенія къ людямъ и чрезъ то не отступить хотя частію отъ того образа любви къ ближнему, какой завѣщанъ намъ всѣмъ въ словѣ и примѣрѣ Христа?—Мы живемъ въ мірѣ, а міръ далекъ отъ того, чтобы возлагать упованіе на Христа и давать цѣну благословеніямъ любви Его; онъ любитъ полагаться во всемъ на себя одного и всего ожидать для себя только отъ любви къ себѣ самому; не простирая къ тому же своихъ видовъ далѣе земнаго и временнаго, онъ не цѣнитъ и не способенъ цѣнить наградъ вѣчности; въ силу того онъ учитъ сыновъ своихъ первѣе и выше всего заботиться о самихъ себѣ, чтобы припасать себѣ здѣсь возможно большую сумму счастья, недумая и не заботясь о томъ, что будетъ тамъ, и, не воспрещая имъ при семъ дѣлать добро другимъ и часто даже поощряя къ тому, учитъ держаться въ семъ строгой средины, дабы, обогащая другихъ, не обездоливать самихъ себя.... Кто опять поручится за себя, что слыша такіа правила и видя столько людей, живущихъ и поступающихъ по нимъ, онъ не заразится хотя отчасти сими духомъ и примѣромъ, не утратитъ должнаго упованія на Бога, не измѣнитъ въ чемъ-либо чаяніямъ и надеждамъ вѣры, живущей въ немъ, и гнетомый нуждами и требованіями жизни своей, мнимыми или истинными, не будетъ по временамъ уходить въ себя при видѣ нужды и требованій жизни другихъ, и тѣмъ не заглушить въ себѣ хотя отчасти того духа любви и самоотверженія для блага ближнихъ, какой бы

долженъ исполнять его всецѣло, какъ ученика и послѣдователя Христова?...

Не очевидно ли отсюда, какъ необходимо намъ, живя въ мірѣ, стоять всегда насторожѣ нашей любви къ людямъ, живущей въ насъ, дабы мірѣ не могъ лишить ее насъ или какъ-либо умалить и повредить ее въ насъ, и въ силу того какъ необходимо намъ чаще и искреннѣе восходить мыслию къ тому духу и образу сей любви, къ какимъ возводитъ насъ это слово Христа: *покаже сотворите единому сикъ братій Моихъ меньшихъ, Минъ сотворите?*

Отрадно при семъ остановиться мыслию на этомъ учрежденіи милосердія, водъ кровомъ коего мы собраны вылъ здѣсь, настолько осуществляющемъ въ себѣ заповѣдь сего слова Христова къ творящимъ милосердіе, что въ семъ отношеніи, можно сказать о немъ, что существуя въ мірѣ, оно само не отъ міра сего! И прежде всего не видимъ ли мы памятovanія о сей заповѣди положеннымъ уже въ самой основѣ сего учрежденія? Не желаніе ли въ лицѣ его послужить, какъ можно полнѣе и самоотверженнѣе, тѣмъ, конхъ Господь именуетъ Своими меньшими братіями, подвигло основателей сего дома, — да будетъ навѣки благословенно имя ихъ! — посвятить его, первѣе всего, прирѣвнію и воспитанію дѣтей, — этой воистину и сугубо меньшей братіи Христа, которую, еще живя на землѣ, Онъ такъ любилъ приближать къ Себѣ, какъ бы находя отдыхъ Своему сердцу отъ гордости и лукавства взрослыхъ въ простотѣ и чистосердечіи сикъ малыхъ, и служеніе которой Онъ оцѣнялъ такъ высоко, когда однажды, поставивъ *отроча* посреди учениковъ Своихъ и обнявъ его, сказалъ имъ: *уже аще единое таковыхъ отрочатъ прииметь во имя Мое, Мене прииметь?* Марк. IX, 36, 37.... И одна ли только немощь дѣтства, по мысли основателей дома, должна была находить, какъ и находить, пріютъ себѣ въ немъ? Не видно ли въ этомъ многообразіи нуждъ скорби и бѣдности, удовлетворяемыхъ здѣсь, какъ бы не дававшей покоя ихъ сердцу заботы — обнять однимъ великимъ дѣломъ служенія

люди какъ бы все виды и способы служенія имъ? Но какъ по-христіански задуманное и основанное, могло ли это учрежденіе милосердія не явиться истинно христіанскимъ и въ своей жизни и дѣятельности, какимъ оно и является доселѣ? Не оказываетъ ли въ цѣломъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ его живѣйшая забота какъ первыхъ основателей, такъ и настоящихъ руководителей его, о возможно полномъ истинномъ удовлетвореніи нуждъ, собранныхъ въ немъ, и первѣе всего той нужды, которая есть главнѣйшая въ человѣкѣ, разумѣю нужду религіи, которой, какъ видимъ, отведено въ немъ дѣйствительно первое мѣсто, о чемъ говоритъ намъ и этотъ храмъ столь величественно приютившійся подъ кровомъ его и наше настоящее нарочитое молитвенное собраніе въ семъ храмѣ?... А послѣ сего что удивительнаго, если, существуя вотъ уже болѣе столѣтія, оно всегда привлекало, какъ и нынѣ привлекаетъ, на главу всѣхъ пекущихся о немъ и служащихъ ему благословіе Бога и людей, небесное и земное, и само, благославляемое отъ Бога и людей, растетъ, обновляется и совершенствуется въ себѣ, можно сказать, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе?...

Отъ сего поминанія великаго дѣла и учрежденія милосердія можно ли не вознестись нынѣ мыслию къ Той, отъ коей оно, какъ отъ источника своего, заимствуетъ и духъ и силу и жизнь,—къ августѣйшей покровительницѣ его, тезоименитой днесь благочестивѣйшей Монархинѣ нашей? Не отрадно ли въ высшей степени видѣть царственное величіе, такъ поучительно олицетворяемое ею, первѣе всего, въ дѣлахъ самоотверженнаго служенія меньшей братіи Христа? Да будетъ за сіе благословенно имя ея отъ Бога и людей! Да утѣшитъ Господь сердце ея, болѣзнующее о всякой скорби и нуждѣ другихъ, всѣми благословеніями любви своей, небесными и земными, нынѣ и во вѣки.

Воодушевляемые сими царственнымъ примѣромъ, потщимся, каждый въ томъ дѣлѣ, на которое онъ поставленъ, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ своихъ и въ цѣлой жизни, являть

ДУХЪ ИСТИННО ХРИСТІАНСКАГО МИЛОСЕРДІЯ КЪ ЛЮДЯМЪ, ДАБЫ ВЪ ТОТЪ ДЕНЬ, КОГДА ВСѢМЪ И КАЖДОМУ ИЗЪ НАСЪ БУДЕТЬ ВОЗДАНО ПО ДѢЛАМЪ ЕГО, МЫ МОГЛИ УДОСТОИТЬСЯ НАЙТИ СЕБЯ ВЪ ЧИСЛѢ ТѢХЪ, КОИМЪ БУДЕТЬ СКАЗАНО ТОГДА ЭТО ТОРЖЕСТВЕННОЕ И ВОЖДѢЛЕННОЕ СЛОВО: *аминь* глаголю вамъ: *понеже сотвористе единому сикъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе!* АМИНЬ.

СВЯЩ. Н. ПРОТЕЦЕНОВЪ.

КЪ ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ВИЗАНТИИ: СПОРЪ О ПЛАТОНѢ И АРИСТОТЕЛѢ ВЪ XV В.

Gennadius und Pletho, Aristotelismus und Platonismus in d. griech. Kirche. Bresl. 1844.

Boivin, Querelle de Philosophes du XV siècle; Memoires de l'Academie des inscriptions. t. II, p. 725, 599.

Изъ всѣхъ философовъ языческой древности Платонъ и Аристотель оказали наиболѣе вліянія на христіанство въ лицѣ ученыхъ мужей его. Тому и другому поэтому принадлежитъ извѣстное мѣсто во внутренней исторіи христіанства, но значеніе того и другаго въ этой исторіи далеко не одинаково. Если въ твореніяхъ ученыхъ мужей христіанства различать *матеріальную* сторону его, т. е. самое содержаніе ученія, и *формальную*, т. е. изложеніе, систематизацію ученія: то на первую имѣлъ вліяніе болѣе Платонъ, — и это вліяніе особенно замѣтно въ первые вѣка христіанства. Въ это время церковь всего болѣе заботилась объ утвржденіи догматовъ. Съ VI вѣка, когда главные догматическіе вопросы были уже достаточно обсуждены, и стала чувствоваться необходимость привести догматическій матеріалъ въ систему, начинаетъ усиливаться значеніе Аристотеля въ ущербъ Платону. Въ это время нѣкто Іоаннъ Филопонъ, учитель грамматики въ Александріи, составилъ множество комментариевъ къ сочиненіямъ Аристотеля и приложилъ его философскія категоріи къ богословію. Хотя слѣдованіе этой философіи привело Филопона къ нѣкоторымъ мнѣніямъ, подвергшимъ его соборному осужденію (на 6-мъ вселенскомъ соборѣ),—такъ онъ признавалъ

тритеизмъ (три бога), оспаривалъ ученіе о воскресеніи тѣла, — тѣмъ не менѣе его философскія сочиненія пользовались большимъ уваженіемъ, и философія Аристотеля съ его легкой руки пошла въ ходъ. Въ VIII вѣкѣ въ сочиненіи Іоанна Дамаскина «Πηγή τῆς γνώσεως» мы видимъ уже опытъ и самой систематизаціи христіанскаго ученія по категоріямъ Аристотеля.

Господство Аристотеля въ области греческаго богословія далеко однакожь не было такъ безусловно, какъ въ области богословія латинскаго. Ульманъ не безъ основанія называетъ греческихъ богослововъ среднихъ вѣковъ, сравнительно съ латинскими схоластиками, — только полусхоластиками (Nicolaus v. Methone, Euthymius Zigabenus u. Niketas Choniates, oder d. dogm. Entwickel. d. griech. Kirche im 12 Jahrh. *Theolog. Studd. u. Krit.* 1833). Рядомъ съ Аристотелемъ здѣсь, въ греческой церкви, никогда не терялъ совершенно своего значенія и Платонъ. Случались даже увлеченія имъ, выходившія изъ границъ полагаемыхъ доктриною православія или даже вообще христіанства. Такъ въ XII в. Николай, епископъ мессонійскій въ Мессинѣ, долженъ былъ писать нарочитое сочиненіе противъ такихъ увлеченій Платоновою философіею (Ἀνάπτυξις (Refutatio) τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόκλου Πλατωνικοῦ). Еще большее увлеченіе этою философіею мы встречаемъ въ XV вѣкѣ въ знаменитомъ своєю ученостію — Гемистѣ Плевонѣ. Мы наложимъ здѣсь не лишній интереса споръ, возникшій по этому поводу между греческими философами, жившими впрочемъ большею частію уже не въ Греціи, а на западѣ — во Флоренціи, Венеціи, Римѣ и другихъ частяхъ Италіи.

Гемистъ Плевонъ далъ себѣ задачу унизить значеніе Аристотеля, издавна уже царившаго въ западныхъ школахъ, гдѣ поддерживали его кредитъ ученики Аверроаса, Авиценны и другихъ арабскихъ философовъ, и съ этою цѣлію написалъ сочиненіе: «Περὶ τῆς ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρειται» (различіе между ученіемъ Платона и Аристотеля), въ которомъ

отдавалъ рѣшительное предпочтеніе Платону предъ Аристотелемъ. Это сочиненіе вызвало полемику. Первымъ противникомъ Плевона является Георгій Схоларій, бывший тотомъ патриархомъ константинопольскимъ, подъ именемъ Геннадія. Въ нарочитомъ сочиненіи онъ старался доказать, что принципы Аристотеля болѣе согласны съ христіанскимъ богословіемъ, чѣмъ принципы Платона; отъ этого сочиненія до насъ сохранилось только то, что передаетъ самъ Плевонъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Προς τὰς Σχολαρίου ὑπερ Αριστοτέλους ἀντιλήψεις».

На это сочиненіе Плевона, написанное съ раздражительностію чловѣка, задѣтаго за живое, и въ высокомъвѣрномъ тодѣ учителя, дающаго урокъ своему ученику, Геннадій не нашелъ нужнымъ возражать тотчасъ же; онъ выжидалъ благопріятной минуты, которая дѣйствительно ему скоро представилась и которою онъ не преминулъ воспользоваться. Онъ зналъ, что Плевонъ написалъ сочиненіе въ подражаніе «республикѣ Платона», въ которомъ старался утвердить новую систему религіи, богословіе чисто языческое. Итакъ, оставивъ Платона и Аристотеля, Геннадій вступилъ въ полемику непосредственно съ авторомъ этой новой системы, обличая его въ намѣреніи испровергнуть христіанскую религію и возстановить идолопоклонство.

Устрашенный этимъ обличеніемъ, Плевонъ не рѣшился своего сочиненія обнародовать. Послѣ его смерти, Димитрій, греческій принцъ изъ фамиліи Палеологовъ, у котораго это сочиненіе было на сохраненіи, передалъ его Геннадію, тогда уже патриарху. Послѣдній, на скоро просмотрѣвъ сочиненіе, осудилъ его на сожженіе. Сохранилось одно письмо (манускриптъ королевской бібліотеки въ Парижѣ) Геннадія къ Іоанну экзарху, въ которомъ подробно разсказывается все это дѣло и съ усиленіемъ опровергается, какъ нечестивое, ученіе, заключающееся въ сочиненіи Плевона. Если судить объ этомъ сочиненіи по письму Геннадія, то въ немъ авторъ открыто училъ язычеству. Такъ онъ признаетъ многихъ бо-

говъ, одни въ нихъ въспіе, которыхъ онъ называетъ *ὑπεροφάνιοι*, а другіе—нистіе—*οἱ ἑυτὸς οὐρανῶν*; одни старшіе, другіе—моложе. Царя надъ всеми этими богами называлъ языческимъ именемъ *Ζεὺς*. Звѣзды, по его ученію, имѣютъ души, ширь въченъ; жены должны быть общи. Общее заглавіе сочиненія такое: «Сочиненіе разсуждаетъ о законахъ, о лучшей формѣ правленія, о томъ, что должны люди наблюдать въ жизни общественной и частной, чтобы жить, по возможности, правильно и счастливо».

Хотя осужденіе, которому Геннадій подвергъ сочиненіе Плевона, не касается прямо ни Платона, ни его системы, но явво, что цензоръ имѣлъ намѣреніе оправдать то, что онъ писалъ нѣкогда противъ философіи Платона и показать, какъ пагубно чтеніе сочиненій этого философа, когда оно въ такой степени развратило умъ Гемиста, родивши въ немъ странную идею преобразовать такимъ образомъ, какъ проектируется въ его книгѣ, государство и религію.

Кромѣ Геннадія знаменитыми защитниками Аристотеля были Феодоръ Газа и Георгій Критскій, извѣстный также подъ именемъ Требизондскаго. Газа писалъ прямо противъ Плевона; Георгій началъ нападеніями на извѣстнаго по исторіи флорентійской уни, епископа никейскаго, потомъ кардинала римской церкви, Виссаріона, который самъ разсказываетъ начало этого спора въ 6-й книгѣ своей апологіи Платона. Дѣло было вотъ въ чемъ. Аристотель во второй книгѣ своей физики говоритъ: «все, что творитъ натура, она творитъ съ какою-нибудь цѣлію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не творитъ ничего сознательно, преднамѣренно». Это положеніе было опровергаемо Плевонемъ, который, вмѣстѣ съ Платономъ, утверждалъ, что натура производитъ все съ разумомъ. Газа напротивъ взялъ сторону Аристотеля и писалъ къ Виссаріону, прося его высказать по сему предмету свои мысли. Виссаріонъ, ученикъ Плевона, съ любовію предававшійся разсужденіямъ о матеріяхъ философскихъ, далъ очень короткій, въ примительномъ тонѣ, отвѣтъ, въ которомъ, объяснивъ терминъ, упо-

требленные Платономъ и Аристотелемъ, доказывать, что мысли того и другаго по означенному предмету не такъ противорѣчивы, какъ кажется.

Георгій Тривизондскій давно досадовалъ на Виссаріона, который предпочелъ ему въ чемъ-то Газу, а также и на самаго Газу. Когда ему попался въ руки отвѣтъ Виссаріона; онъ сдѣлалъ видъ, будто авторомъ этого отвѣта считаетъ не Виссаріона, а Газу, и написалъ на послѣдняго рѣшительное опроверженіе, чѣмъ за разъ оскорбилъ Виссаріона, Газу и Плеѳона.

Въ дальнѣйшемъ разгарѣ спора одни принимаютъ сторону Газы, другіе Плеѳона. Михаилъ Апостолій, молодой человѣкъ преданный Плеѳону или вѣрнѣе Виссаріону, желалъ подслужиться послѣднему и съ этою цѣлю въ рѣзкомъ бранчивомъ тонѣ писалъ противъ Газы и Аристотеля.

Андроникъ Кадлисть написалъ отвѣтъ на такое сочиненіе Апостолія.

Эти два сочиненія, явившіяся почти въ одно время, имѣли неодинаковый успѣхъ. Тогда какъ мало обращали вниманія на сочиненіе Апостолія, сочиненіе Андроника было одобрено всѣми серіозными людьми. Съ особеннымъ сочувствіемъ отвѣсся къ нему Николай Секондинъ (бывшій переводчикомъ на соборѣ флорентійскомъ, потомъ жившій при дворѣ Альфонса неаполитанскаго и нѣкоторое время бывшій секретаремъ венеціанской республики): «Я имѣлъ счастье, писалъ онъ автору, — найти и прочесть ваше сочиненіе противъ Апостолія. Этотъ человѣкъ, котораго я вовсе незнаю, издалъ въ свѣтъ, подъ предлогомъ защиты Платона и платониковъ, ругательное сочиненіе противъ Θεодора Газы. Недавно одинъ изъ моихъ друзей доставилъ мнѣ это сочиненіе; я остался имъ очень недоволенъ... Я былъ возмущенъ клеветами на Θεодора: въ это время мнѣ попало ваше сочиненіе въ его защиту. Судите сами о моей радости... Я люблю и уважаю отъ всей души Θεодора; я удивляюсь въ немъ не одному только краснорѣчію и глубиной знаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и глупымъ

образомъ, его нравамъ, его строгой жизни, его склонности ко всему доброму и прекрасному. Можно не оскорбляя истины сказать, что Феодоръ въ настоящее время выше всѣхъ грековъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и образованію. Поэтому-то, дорогой мой Андроникъ, я и радъ такъ, что вы взяли на себя его защиту; я со вниманіемъ прочиталъ написанное вами, и это чтеніе доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я увидалъ, что клевета опровергнута и ея желчная горечь уничтожена сладостію и, если позволено такъ выразиться, медомъ вашихъ рѣчей. Истина восстановлена и явилась во всемъ блескѣ своей красоты... Ко всему сказанному я долженъ, наконецъ, прибавить, что для меня въ высшей степени пріятна мысль, что вы—авторъ этого прекраснаго письма, что оно—произведеніе дорогой для меня руки».

Этотъ Андроникъ, которому было адресовано такое лестное письмо отъ Секундина, не былъ собственно врагомъ ни Плевона, ни его сторонниковъ. По своей профессіи онъ былъ перипатетикъ и такимъ образомъ по самой должности своей долженъ былъ защищать мнѣніе Аристотеля; но его привязанность къ этому философу не была слѣпою,—поэтому, хотя онъ и написалъ опроверженіе на сочиненіе Апостолія, но въ тонѣ весьма умѣреннымъ. И чтобы показать, что онъ насколько не желаетъ сдѣлать оскорбленія кардиналу Виссаріону, который явственъ былъ, какъ усердный почитатель Платона и въ которомъ, потому, можно было предполагать сочувствіе къ Апостолію, послалъ къ нему письмо этого послѣдняго вмѣстѣ съ своимъ опроверженіемъ на него, представляя кардиналу, по его собственному усмотрѣнію, рѣшить,—на чьей сторонѣ правда.

Прочитавъ и рассмотрѣвъ внимательно присланное, Виссаріонъ осудилъ Апостолія и весьма одобрилъ отвѣтъ Андроника. Въ королевской бібліотекѣ въ Парижѣ хранятся посему предмету два письма Виссаріона отъ одного отъ одного и того же числа. Первое, адресованное къ Андроннику, не представляетъ впрочемъ ничего замѣчательнаго. Это

собственно обертка второго. «Я прочиталъ, говорить онъ здѣсь, спутанное и недостаточно обдуманное письмо Миханла Апостолю противъ нашего друга, Θεодора Газы, вмѣстѣ съ вашимъ умнымъ отвѣтомъ автору этого письма,—и по прочтеніи произнесъ свое сужденіе объ немъ, копію съ котораго и посылаю вамъ». Сужденіе это, передаваемое въ коніи Андроннику, изложено было Виссаріономъ въ особомъ подробномъ письмѣ Миханлу Апостолю. Здѣсь Виссаріонъ тономъ учителя высказываетъ Апостолю наставленіе касательно почтенія къ великимъ людямъ, потрудившимся на поприщѣ науки и искусства, въ особенности такимъ, авторитетъ которыхъ утверждёнъ вѣками. «Андроникъ, сынъ Каллиста, писалъ Виссаріонъ Апостолю, разсмотрѣвъ твое сочиненіе въ защиту Плеэона, прислалъ мнѣ его вмѣстѣ съ своимъ на него отвѣтомъ. Твое усердіе къ Платону и его послѣдователямъ мнѣ очень нравится, но я не могу одобрить у тебя способа ихъ защиты: не бранью, а доказательствами разумными и солидными нужно защищать друзей и поражать враговъ. Плеэонъ дурно отнесся къ Аристотелю, Θεодоръ—къ Плеэону, ты дурно говорилъ о Θεодорѣ—всѣ вы трое заслуживаете порицанія. Можно ли неуважать Аристотеля, — этого великаго философа, которому мы столько обязаны нашимъ знаніемъ и образованіемъ? Плеэонъ человекъ, безспорно, весьма ученый и откровенно умный; ничего нельзя сказать противъ него, кромѣ развѣ того, что своимъ нападеніемъ на Аристотеля онъ далъ право нападать на него самаго; но и Θεодоръ также изъ числа видныхъ, значительныхъ личностей между греками. Тебѣ не приходится дерзко говорить о такомъ человекѣ: ты молодъ, онъ человекъ почтенныхъ уже лѣтъ; ты еще неизучилъ, какъ слѣдуетъ, правилъ логики, Θεодоръ прошелъ сполна курсъ литературы и другихъ наукъ. Не пристало тебѣ становиться на пьедесталъ, когда дѣло идетъ о такихъ вопросахъ: вѣдь это самые важные вопросы философіи, которые во всякомъ случаѣ выше пониманія толпы,—нельзя рѣшать ихъ правильно безъ предварительнаго усидчиваго изученія философіи и соприкосно-

венныхъ съ моею наукою... Итакъ, я не могу простить тебѣ уже и того, что ты обвиняешь въ невѣжествѣ человека столь ученнаго, какъ Θεодоръ; но когда ты также дурно отозвался и объ Аристотелѣ — этомъ вождѣ и учителѣ нашемъ по всѣмъ частямъ нашего знанія, когда ты и его дерзнулъ обозвать невѣждою, сумасбродомъ и подобными именами; тогда, о праведное небо! Я читалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ... Я не могу вообразить дерзости, подобной твоей, я едва могу извинить и Плевона, или лучше, — при всемъ уваженіи къ нему, я не извиняю его, что у него прорываются неуважительныя слова противъ Аристотеля: могу ли извинить тебѣ твой бранчивый отзывъ объ Аристотелѣ, когда ты не изучилъ, какъ слѣдуетъ, ни одного изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ берешься разсуждать? Послушайся меня, относись впередъ съ одинаковымъ уваженіемъ и къ Платону и къ Аристотелю, какъ двумъ великимъ мудрецамъ древности, слѣдуй за ними шагъ за шагомъ, изучай ихъ, размышляй объ нихъ, и съ помощію способныхъ учителей постарайся проникнуть въ глубину ихъ умствованій... Послѣ этого, если въ чемъ нибудь будешь расходиться съ ними, не вини ихъ въ невѣжествѣ, а смотри скорѣе на эту разницу, какъ на признакъ ихъ умственной силы, величія ихъ гевія и того, что вопросы, о которыхъ они разсуждаютъ, по самому существу своему темны и проблематичны. Это самое лучшее, что могу я рекомендовать тебѣ, это и для тебя будетъ полезно, и мнѣ, а равно и всѣмъ разсудительнымъ людямъ, доставить удовольствіе; ты думалъ услужить мнѣ своимъ сочиненіемъ, а на самомъ дѣлѣ глубоко оскорбилъ меня — оскорбилъ впервые тѣмъ уже, что неуважительно отнесся къ людямъ, достойнымъ всякаго уваженія, и во вторыхъ тѣмъ, что показалъ недостаточное знакомство съ ихъ сочиненіями. Ты поступишь благоразумно, если послушавшись меня, будешь оказывать должное уваженіе и Θεодору. Почитай его, какъ своего учителя: онъ можетъ научить тебя многому и очень полезному и не только тебя, но и многихъ, которые лучше тебя... Итакъ знай, что я люблю Платона.

люблю и Аристотеля и оказываю тому и другому подобающее уваженіе. Что касается Плевона, я удивляюсь величію его ума, но не одобряю въ немъ его упорной вражды противъ Аристотеля. Я хотѣлъ бы, чтобы, когда Плевонъ нападаетъ на Аристотеля, когда и другой кто нибудь нападаетъ на двухъ корифеевъ древней философіи, или на самаго Плевона, или на кого бы то ни было, чтобы въ этомъ случаѣ наблюдалась та умѣренность, образецъ которой показалъ намъ Аристотель. Расходясь во мнѣніяхъ съ предшественниками, онъ всегда приводитъ резоны на то, что утверждаетъ, и очень часто при этомъ онъ даже проситъ тѣхъ, кто его слушаетъ или къ кому онъ обращается, простить ему его смѣлость. Онъ никогда не говорилъ въ тонѣ оскорбительномъ... А ты, маленькій человекъ, въ сравненіи съ этими великими людьми, осмѣливаешься обзывать ихъ невѣждами и смѣешься надъ ними самымъ непозволительнымъ образомъ! Такое поведеніе по истинѣ странно и безумно. Недумай, наконецъ, мой дорогой Апостолій, что если древніе критики, одушевленные духомъ Платона и Аристотеля,—люди обладавшіе обширнымъ умомъ и знаніемъ, исправляли этихъ великихъ философовъ древности и иногда даже порицали ихъ,—то это дозвоительно и намъ съ тобою, когда мы во всѣхъ отношеніяхъ — много ниже ихъ и когда авторитетъ ихъ, утвержденный вѣками, достигъ теперь до такой высокой степени. Итакъ, воспользуйся моимъ совѣтомъ, я люблю тебя и не менѣе тебя самаго. Желаю тебѣ пользы. Откажись отъ того, что ты неразумно говорилъ противъ лицъ, заслуживающихъ уваженіе, и загладь свои клеветы похвалами и свидѣтельствами въ пользу этихъ лицъ. Прочти съ размышленіемъ и спокойнымъ духомъ отвѣтъ Андроника на твои возраженія. Не откажись признать истину, за которую онъ стоитъ; узнай сначала въ той степени, въ какой знаетъ онъ, грамматику, орхографію, реторику; поучись излагать свои мысли точно и съ изяществомъ. Послѣ этого можешь уже, пожалуй, перейти къ чему нибудь болѣе высокому и наконецъ, пожалуй, и къ философіи. Береги свое здоровье и слѣдуй

концѣ дружескихъ совѣтатѣ». Въ то время, когда было писано это письмо, Гемистъ Плевонъ, своръ изъ-за котораго раздѣлилъ такимъ образомъ философовъ греческихъ при дворѣ кардинала Виссаріона, былъ весьма старъ и жилъ въ Пелопонезѣ, куда онъ удалился уже съ давнихъ поръ. Его лѣта и видѣствъ авторитетъ его врага Схоларія, сдѣлавшагося теперь патріархомъ Константинопольскимъ, не позволяли ему защищать своего дѣла съ прежнею живостію и прежнимъ усердіемъ. Тѣмъ не менѣе однакоже враги его изъ уваженія ли къ нему, или изъ страха предъ нимъ, оставили на время его въ покоѣ. Но лишь только онъ уверъ, они тотчасъ же возстали противъ Платона и его самаго...

Сначала явилась латинская книжка подъ заглавіемъ: «Comparatio Platonis et Aristotelis.» Въ концѣ этой книги весьма бранчиво на счетъ Платона и его защитниковъ говорится слѣдующее:

«Между нами родился и воспитался другой Магометъ, и этотъ второй Магометъ, если мы не остережемся его — настолько превзойдетъ перваго по гибельнымъ послѣдствіямъ его злонамѣренной доктрины, на сколько первый превосходитъ въ этомъ отношеніи Платона. Будучи ученикомъ этого философа по части красворѣчія, науки и религіи, онъ основалъ свое пребываніе въ Пелопонезѣ. Его обыкновенное имя было Гемистъ; самъ же онъ называлъ себя Плевономъ. Можетъ быть Гемистъ, чтобъ легче заставить насъ вѣрять, что онъ низшелъ съ неба и чтобы вѣрѣе обязать насъ къ принятію его ученія и его новаго закона, хотѣлъ переимѣнить имя по примѣру древнихъ патріарховъ, о которыхъ говорится, что въ то время, какъ переимѣнялось ими имя, они призывались къ величайшимъ дѣламъ. Онъ съ большимъ искусствомъ и весьма изящно излагалъ новыя правила для поведенія и жизни, и говорятъ, что при этомъ случаѣ онъ изрыгалъ безчисленныя хулы противъ православной вѣры. Но что не сомнѣнно, это то, что онъ былъ такимъ ревностнымъ платоникомъ, что о природѣ боговъ; душѣ человеческой, о жертвахъ и тому по-

добныхъ предметахъ, не имѣлъ другихъ мыслей, кромѣ мыслей Платона. Я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ во Флоренціи (куда онъ прибылъ для присутствованія на соборѣ), что наступитъ время, когда всѣ люди по всей землѣ единодушно будутъ исповѣдывать одну и ту же вѣру. И когда я спросилъ его: «чтоже это будетъ за вѣра: вѣра ли Иисуса Христа, или вѣра Магомета?» онъ отвѣчалъ мнѣ: «ни та, ни другая, но третья, которая ничѣмъ не будетъ отличаться отъ язычества: слова возбуждившія во мнѣ такое негодованіе, что съ этого времени я возненавидѣлъ его, я боялся встрѣчи съ нимъ, какъ съ ядовитой змѣю, и не могъ принудить себя ни видѣть, ни слышать его.»

Такую идею о Плеѳонѣ даетъ намъ авторъ названной книги. Остальное въ книгѣ наполнено такими же нападками противъ самаго Платона. Сочиненіе подобнаго рода не могло остаться безъ дѣйствія, особенно между платониками. Кардиналъ Виссаріонъ, наиболѣе уважавшій Платона, наиболѣе ревностный къ его славѣ, особенно спѣшилъ увидать, что это за новая книга. Онъ прочиталъ ее и очень былъ пораженъ ея содержаніемъ. Онъ счелъ своею обязанностію написать на нее опроверженіе, что и сдѣлалъ въ сочиненіи: «In calumniatorem Platonis.» Этотъ клеветникъ (calumniator) былъ Григорій Трѣбизондскій, съ которымъ, какъ мы замѣтили, Виссаріонъ былъ уже въ спорѣ, по поводу отличительныхъ мнѣній Платона и Аристотеля. Сочиненіе Виссаріона было раздѣлено на пять главъ, къ которымъ присоединена была потомъ шестая, касавшаяся прежнихъ споровъ по этому предмету.

Замѣчательно, что въ этихъ пяти книгахъ ни слова не говорилось въ оправданіе Плеѳона. Незавѣстно, чему приписать это молчаніе кардинала, который вообще уважалъ Плеѳона, какъ своего учителя и какъ замѣчательнаго человѣка, если не невозможности оправдать его въ означенномъ обвиненіи по поводу новой системы, которой онъ считался авторомъ.

Дѣйствительно, обвиненіе это основывается на доказательствахъ весьма сильныхъ, и не одинъ Григорій Трѣбизондскій

высказывалъ его и даже не онъ первый пустилъ его въ ходъ. Можно полагать даже, что это былъ фактъ общепризнанный въ то время, когда кардиналъ Виссаріонъ обнародовалъ свою апологію Платона, ибо это было близко къ тому времени, когда книга Плевона, просмотрѣнная Геннадіемъ, была обречена на сожженіе, по причинѣ нечестыя, какова, по словамъ патріарха, она была проникнута.

Это обстоятельство до такой степени помрачило славу Плевона, что сами друзья его должны были отказаться теперь отъ его защиты.

А. ЛЕВЕДЕНЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ДЕКАНА СТАНЛЕЯ О СТАРОКА-
ТОЛИЦИЗМѢ.

Въ концѣ минувшаго 1874 года появилась въ Англии, напечатанная въ Лондонѣ, книга переводовъ на англійскій языкъ рѣчей, писемъ и отрывковъ извѣстнаго Патера Гиацинта Луазона (Hyacinthe Louyson), переведенныхъ его супругой г-жею Луазонъ. Къ этому изданію приложено довольно обширное предисловіе, написанное весьма извѣстнымъ въ богословской литературѣ и весьма знакомымъ русской публикѣ Вестминстерскимъ деканомъ Артуромъ Станлеемъ. Книга имѣетъ слѣдующее названіе: *Catholic Reform. Letters, fragments, discourses by father Hyacinthe, translated by M-me Hyacinthe Louyson with a preface by Arthur Stanley, Decan of Westminster.* На заглавномъ листѣ стоитъ слѣдующій эпиграфъ:

«Для священника нѣтъ ничего столь предосудительнаго предъ Богомъ, ничего столь постыднаго предъ людьми, какъ не высказывать свободно своихъ убѣжденій.»

Св. Америкій.

Интересъ означенной книги заключается не столько въ произведеніяхъ Патера Гиацинта, личность котораго давно уже потеряла свою обаятельность, и литературный талантъ котораго далеко не изъ первоклассныхъ, сколько въ предисловіи, принадлежащемъ знаменитому Вестминстерскому декану. Мысли и взгляды высказываемые авторомъ предисловія, какъ

относительно нѣкоторыхъ церковно-религіозныхъ вопросовъ вообще, такъ и относительно старокатолическаго движенія въ частности, получаютъ особенное значеніе отъ высокаго положенія, занимаемаго имъ въ англиканской церкви, не говоря уже о вполне заслуженной извѣстности, приобретенной имъ въ литературно-богословскомъ мѣрѣ. Такимъ образомъ сужденія и мысли, высказанныя въ предисловіи, являются уже не одними личными мнѣніями автора, а выраженіемъ нѣкотораго, быть-можетъ и не малочисленнаго отбѣнка того церковнаго общества, въ которомъ онъ занимаетъ столь видное мѣсто, и возбуждаютъ вслѣдствіе того тѣмъ сильнѣйшій интересъ.

Что всего болѣе поражаетъ при чтеніи остроумной, исполненной мѣткихъ замѣчаній и ученыхъ указаній статьи декана Станлея — это тѣ понятія, которыя высказываются въ ней о существѣ церкви. Подъ словомъ церковь авторъ видимо разумѣетъ съ одной стороны всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, взятая въ ихъ совокупности, съ другой каждое изъ этихъ исповѣданій въ отдѣльности. Но церковь не понимается имъ, какъ богоучрежденное общество, связующее всѣхъ своихъ членовъ единствомъ вѣрованія и представляющее имъ надежное ручательство въ правильности этого вѣрованія, какъ хранительница неповрежденнаго откровеннаго ученія. Напротивъ того, только въ постоянной и упорной борьбѣ противоположныхъ воззрѣній усматриваетъ онъ сущность церковной жизни и единственное условіе духовнаго преуспѣванія того или другаго церковнаго общества. Онъ заходитъ въ этомъ воззрѣніи такъ далеко, что вводитъ оправдываетъ настоячивое требованіе такъ-называемой либеральной фракціи французской реформатской общины, (отвергающей, какъ мавѣство, божественность Спасителя и богодуховенность Священнаго Писанія), быть признаваемою составною частью этой общины¹⁾, находя въ этомъ совмѣстномъ существованіи двухъ радикально

¹⁾ См. *Revue des deux mondes*, 15 декабря 1874 г. Томъ 6-й. Станлею I. Милсонъ подъ заглавіемъ: *L'église réformée et le dernier mémoire des libéraux*.

противоположныхъ ученій самое благопріятное условіе для религіозной жизни той церковной общины, въ которой происходитъ эта прискорбная борьба. Для почтеннаго составителя разбираемой статьи типомъ правильнаго и желаннаго церковнаго быта служить, какъ кажется, политическое устройство англійскаго общества, въ которомъ борьба двухъ главныхъ политическихъ партій — торій и виговъ, попеременно смѣняющихся у кормила правленія и своимъ антагонизмомъ сдерживающихъ другъ друга въ благоразумныхъ предѣлахъ, обеспечиваетъ правильное теченіе политической и гражданской жизни. Но многоученный авторъ должно быть не принялъ при этомъ въ надлежащее соображеніе, что вѣчное далеко не то, что временное, и безусловное не то, что условное.

Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло, вѣроученіе какой бы то ни было церковной общины является для автора истинною только условною, и по существу своему измѣнчивою, и что въ отдаленномъ будущемъ онъ увидитъ такой исходъ религіознаго развитія, въ которомъ должна исчезнуть всякая церковная организація и каждая отдѣльная личность будетъ считать себя въ правѣ вѣровать по своему собственному усмотрѣнію. Нельзя не сознаться, что подобный выводъ есть единственно логичный при полномъ отсутствіи пониманія того, что есть Церковь и въ чемъ состоитъ ея спасительное вліяніе на христіанское общество.

Вестминстерскій деканъ ставитъ въ заслугу англиканской церкви неопредѣленность ея вѣроопредѣленій и простирающееся изъ того несогласіе между собою богословскихъ толкованій ея представителей. Онъ утверждаетъ при этомъ, что ни одна изъ церквей въ христіанствѣ не избавлена отъ подобной несостоятельности, и что сама римская церковь, гордящаяся своимъ единствомъ и точностью своихъ вѣроопредѣленій, исполнена въ своемъ ученіи противорѣчій. Подобное заявленіе вполне соотвѣтствуетъ общему взгляду автора на церковь; но для насъ здѣсь достойно примѣчанія то во первыхъ, что онъ весьма категорически подтверждаетъ то болѣе или менѣе уже

известное обстоятельство, что въроученіе англиканской церкви содержитъ въ себѣ не мало противорѣчій, будучи лишено твердой основы для своихъ въроопредѣленій; и восторыхъ, что говоря о римской церкви авторъ утверждаетъ, что она сама посѣяла въ свои нѣдра первоначальный зародынь (онъ прибавляетъ и *блескъ*) протестантской свободы въ то время, когда она произвольными измѣненіями вселенскаго въроученія отдѣлила себя отъ привославной церкви Востока. Такимъ образомъ хотя мимоходомъ и не придавая своимъ словамъ особеннаго значенія, достопочтенный г-нъ Станлей какъ бы невольно свидѣтельствуешь о томъ, что вселенское единство въры существовало, что оно нарушено западною церковью, что церковь восточная осталась върною хранительницею вселенскаго въроученія и что ежели и существуютъ противорѣчія въ ученіи церкви римской, то онѣ являются естественнымъ послѣдствіемъ ея раскола, прервавшаго для нея то вселенское общеніе въ вѣрѣ, которое служило твердымъ ручательствомъ неповрежденности исповѣдуемой христіанской истины. Расколъ этотъ авторъ называетъ зародышемъ протестантской свободы, въ чемъ мы конечно и не сомнѣваемся; но ежели имъ порождены противорѣчія въ церкви римской, то тѣмъ болѣе должны были проявиться эти противорѣчія въ происшедшемъ изъ него протестанствѣ, какъ между возникшими разнообразными церковными общинами, такъ и въ нѣдрахъ самихъ отдѣльныхъ общинъ, что такъ краснорѣчиво и доказываетъ авторъ въ своей замѣчательной статьѣ.

Статья эта можетъ несомнѣнно имѣть для насъ весьма поучительную сторону, если только мы станемъ на діаметрально противоположную точку зрѣнія той, на которой ставится ея составитель. Какъ сужденія въ статьѣ высказываемыя, такъ и факты въ ней выставляемые, ясно свидѣтельствующіе о безъисходной и можно сказать почти безплодной борьбѣ мнѣній, направленій, върованій, происходящей въ нѣдрахъ протестанства и начинающей проявляться и въ нѣдрахъ церкви римской,—естественнымъ путемъ приводять къ такому заключенію,

что отсутствіе правильнаго пониманія того, что есть Церковь, и отчужденіе отъ нея, порождаютъ самую страшную спутанность понятій въ сферѣ религіозной, и что лишенное церковной основы христіанское общество, распаясь на безчисленное множество отдѣльныхъ сектъ, другъ съ другомъ враждующихъ и въ своей собственной средѣ носящихъ зародыши разложенія, теряетъ всякую возможность провѣрки того, что истинно и что ложно; и этимъ путемъ оно неизбѣжно подвигается къ тому роковому исходу, на который и указываетъ авторъ, когда каждая отдѣльная личность будетъ имѣть свою личную вѣру, и религія (religio) перестанетъ быть началомъ, связующимъ человѣчество въ одно великое и священное цѣлое и въ полномъ его составѣ соединяющимъ его съ Божествомъ.

Внѣ Церкви, это доказываетъ даровитый составитель разбираемой статьи, нѣтъ и быть не можетъ твердой вѣры; все условное, измѣнчивое, спорное. Внѣ спасительнаго корабля — волненіе, бури, опасность потопленія; и изъ умозаключеній автора очевидно оказывается, что выгода принадлежности къ церкви (какъ бы это слово имъ ни понималось) далеко не та только, чтобы принадлежать, какъ онъ говоритъ, къ болѣе обширной средѣ, а та именно, чтобы находясь не только у источника христіанской истины, но такъ сказать въ нѣдрахъ самой истины, постоянно имѣть передъ собою твердую, незыблемую основу для своего вѣрованія и живое руководство для нравственной жизни, — опираться на то, что есть столпъ и утвержденіе истины.

Отстраняя всякое представленіе о томъ, что есть или чѣмъ должна быть Церковь, многоученый авторъ впадаетъ въ очевидную спутанность умозаключеній. Онъ смѣшиваетъ понятіе о направленіи, или правильнѣе о настроеніи духа той или другой части вѣрующихъ среди извѣстнаго церковнаго общества съ понятіемъ объ упорномъ отрицаніи вѣроопредѣленій церкви тѣми или другими изъ ея членовъ. Онъ преднамѣренно или по страшному заблужденію игнорируетъ ту сво-

боду духа, которая въ Церкви (разумѣя подъ этимъ словомъ истинную вселенскую Церковь) остается неприкосновенною и широкою въ предѣлахъ утвержденного вселенскимъ единомыслиемъ вѣроученія. Что ультрамонтанское направленіе, какъ его понимаетъ и объясняетъ почтенный деканъ Станлей, можетъ существовать не говорю уже въ каждой отдельной церковной общинѣ, но и въ церкви, измѣняясь, разумѣется, подобно съ той религіозной средой, въ которой оно проявляется, это не требуетъ, полагаемъ, доказательствъ. Но отъ направленія или настроенія духа до сопротивленія основнымъ догматамъ церковнымъ—цѣлая бездна; и чтобы явно и упорно отвергающіе все вѣроученіе церкви или нѣкоторые существенныя части онаго имѣли право требовать признанія ихъ членами церкви наравнѣ съ покорными и вѣрующими ея чадами, и чтобы подобное отрицаніе и даже сопротивленіе было существеннымъ и необходимымъ элементомъ церковной жизни — это такого рода афоризмы, которые сами въ себѣ заключаютъ свое опроверженіе.

Взглядъ вестминстерскаго декана на старо-католическое движеніе вполне соотвѣтствуетъ, какъ само собою разумѣется его понятіямъ о церковной жизни и ея основахъ. Онъ ставитъ въ особенную заслугу и достоинство этому движенію то, что съ другой точки зрѣнія—скажемъ даже—съ нашей поставлено было бы ему въ упрекъ. Такъ неясность и неопредѣленность стремленій старо-католичества, признаваемая авторомъ за несомнѣнныя, составляютъ для него одну изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ вновь возникшаго церковнаго общества. Авторъ не желаетъ видѣть въ старо-католикахъ людей, доведенныхъ черезъ провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости до убѣжденія въ томъ, что римская церковь, постепенно возвышая папской авторитетъ въ ущербъ авторитету Церкви, утратила тѣ начала, на которыхъ зиждется церковная истина, и вслѣдствіе такого убѣжденія ищущихъ восстановить эту истину и ея невыблемыя основы, а смотреть на нихъ, какъ на протестующую партію въ нѣдрахъ самой

римской церкви, получающую свой смысл и свое значеніе только во имя этого протеста, такъ какъ протестъ вообще составляетъ по его понятіямъ необходимый и самый плодотворный элементъ всякаго церковнаго общества. Тѣмъ не менѣе почтенный авторъ не сомнѣвается въ томъ, что протестъ развѣ возникшій не остановится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Онъ съ сочувствіемъ приводитъ сдѣланное старо-католическимъ церковнымъ обществомъ категорическое заявленіе о томъ, что несмотря на глубокое (быть можетъ преувеличенное, по мнѣнію автора) уваженіе имъ питаемое къ непрерывности христіанскаго преданія, оно не усомнится въ выборѣ между авторитетомъ науки и исторіи съ одной стороны и авторитетомъ церковнымъ съ другой, подчинившись не колеблясь первому, въ случаѣ усмотрѣннаго развогласія между тѣмъ и другимъ. Это восхваляемое почтеннымъ англиканскимъ богословомъ заявленіе, быть можетъ не совсѣмъ правильно имъ истолковываемое, предоставляло бы очевидно самый широкій просторъ развитію ученія протестующаго общества. Но авторъ идетъ еще далѣе въ оцѣнкѣ значенія возникшаго движенія. Изъ того, что на бывшихъ старо-католическихъ конгрессахъ руководители этого движенія встрѣчали съ сердечнымъ привѣтомъ духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій (какъ будто подобныхъ встрѣчъ дружелярныхъ и мирныхъ никогда прежде не бывало), вестминстерскій деканъ заключаетъ, «что старокатолики оказались способными возвести общія нравственныя истины христіанства до высоты, много превосходящей понятія о томъ же предметѣ *четвертаго, пятаго, седьмаго, тринадцатаго и пятнадцатаго столѣтій*, и что они тѣмъ самымъ провозгласили вѣчный догматъ, провозглашеніе котораго умалило и отравило переходящія мнѣнія отцовъ соборовъ и палъ и опровергло существующее въ ультрамонтанской партіи мнѣніе, что нѣтъ спасенія внѣ ограды частныхъ церквей или внѣ формулы частныхъ символовъ». Что кромѣ ограды частныхъ церквей или формулы частныхъ символовъ есть ограда церкви вселенской и формула ея символа,

авторъ и знать не хочетъ, хотя въ совокупности этихъ частныхъ церквей онъ несомнѣнно видитъ по своимъ понятіямъ церковь вообще, не признавая ни за однимъ изъ церковныхъ обществъ характера вселенства, а тѣмъ болѣе непогрѣшимости.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ соответствуетъ подобный отзывъ понятіямъ самихъ старокатоликовъ о характерѣ ихъ движенія, и на сколько они признать могутъ, что ихъ привѣтствія представителямъ различныхъ исповѣданій были манифестаціей столь многозначительной, что все то, что изрекли вселенскіе соборы и великіе учителя церкви, блѣднѣетъ и теряетъ цѣну передъ ея значеніемъ, но нельзя не замѣтить однакоже, что высказанное въ разбираемой статьѣ мнѣніе о томъ, что ограда церкви и формула церковнаго символа не имѣютъ важнаго значенія въ дѣлѣ вѣры и нравственнаго преуспѣянія, до известной степени раздѣляется руководителями старо-католичества, если судить по нѣкоторымъ изъ ихъ публичныхъ заявленій.

Довольно страннымъ является и сопоставленіе четвертаго и пятаго вѣковъ христіанства съ тринадцатымъ и шестнадцатымъ, или иначе сказать вѣковъ Афанасіевъ, Василіевъ, Златоустовъ, Амвросіевъ, Августиновъ, перваго Никейскаго собора съ его знаменитыми представителями, сопоставляемыхъ съ вѣками ознаменованными одинъ полнымъ развитіемъ на Западѣ схоластическаго богословія, столь неблагопріятно повліявшаго на судьбы западной Церкви; другой—крайними злоупотребленіями папскаго самовластиа и произшедшею изъ того реформаціей, поставившею авторитетъ личнаго пониманія въ дѣлѣ вѣры выше авторитета Церкви и тѣмъ самымъ окончательно сдвинувшею христіанское вѣроученіе съ его незыблемыхъ основъ.

Авторъ разбираемаго предисловія далеко не увѣренъ въ томъ, чтобы старо-католическое движеніе произвело какіе-либо положительные результаты, но сомнѣніе это нисколько не уменьшаетъ тѣхъ чувствъ симпатіи, которыя возбуждены въ немъ

этимъ движеніемъ. Онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что уже одно энергическое заявленіе протеста противъ постановленій Ватиканскаго собора не останется безъ самыхъ благотворныхъ послѣдствій какъ для западной церкви, такъ и для христіанства вообще. Этотъ взглядъ, не лишенный, полагаемъ, въ настоящемъ случаѣ относительной справедливости, является самымъ естественнымъ послѣдствіемъ того убѣжденія автора, что только въ борьбѣ противоположныхъ началъ, въ столкновѣніи либерализма съ консерватизмомъ въ сферѣ религіозной заключаются условія плодотворной церковной жизни. Но къ этому слѣдуетъ добавить, что почтенный деканъ почти съ одинаковымъ сочувствіемъ относится, какъ къ либеральной, такъ и консервативной сторонѣ церковныхъ общинъ.

Какковы бы ни были однако же взгляды и выводы содержащіяся въ разбираемомъ предисловіи къ изданію переведенныхъ на англійской языкъ рѣчей и писемъ о. Гіацинта, статья эта не можетъ не возбудить интереса въ читателяхъ. Помимо ея несомнѣнныхъ и можно сказать блестящихъ литературныхъ достоинствъ, ея тонъ откровенный и благодушный возбуждаетъ невольнымъ образомъ сочувствіе. Авторъ въ своихъ заключеніяхъ не останавливается на полпути, не скрываетъ своей мысли, не пугается выводовъ изъ своихъ положеній, и тѣмъ самымъ сообщаетъ своей статьѣ привлекательность и что еще болѣе поучительность, которая именно не должна бы пройти для насъ незамѣченною. Такъ въ концѣ статьи, какъ бы въ заключеніе всѣхъ своихъ разсужденій, вестминстерскій богословъ не безъ сочувствія приводитъ слова сказанныя на кельнскомъ старо-католическомъ конгрессѣ. «Какъ въ прежнихъ церковныхъ превіяхъ каждая церковь присвоивала себѣ обладаніе безусловной истиной, такъ принципомъ церкви *будущаго* должно быть то положеніе, что каждое формулированіе истины только *относительное*, а не безусловное.»

Ежели припомнить эпиграфъ, поставленный въ заголовкѣ книги, которой предпослана разбираемая статья, гласящій, что для священника нѣтъ ничего предосудительнѣе передъ

Богомъ, какъ не высказывать свободно своихъ убѣжденій, то все сказанное въ этой замѣчательной статьѣ получаетъ новую силу.

Ө. Сухотинъ.

Іюль.
1875 года.

ДЕКАНЪ СТАВЛЕЙ О СТАРОКАТОЛИЦИЗМЪ.

Исполняя выраженное мнѣ желаніе, чтобы я написалъ для англійской публки введеніе къ переводу на англійскій языкъ писемъ и рѣчей знаменитаго французскаго проповѣдника Гіацинта Луазона, болѣе извѣстнаго подъ своимъ прежнимъ именемъ отца Гіацинта, я нашелъ, что было бы не бесполезно выяснитъ при этомъ тѣ общія начала, на основаніи которыхъ даже отвергающіе многое изъ того, что въ этихъ началахъ содержится, не могутъ отказать себѣ въ живомъ сочувствіи движенію, котораго онъ, ежели не самый вліятельный, то по крайней мѣрѣ самый популярный представитель.

Это общее основаніе живаго сочувствія заключается въ глубоко-религіозномъ принципѣ, проявляющемся въ старокатолической борьбѣ. Принципъ этотъ слѣдующій: настоящее призваніе тѣхъ изъ членовъ той или другой церкви, которые расходятся съ господствующимъ въ ней воззрѣніемъ или съ какимъ-либо отдѣльнымъ ея вѣроученіемъ или учрежденіемъ, состоитъ не въ томъ, чтобы покинуть эту церковь, но въ томъ, чтобы стремиться открыто и честно къ осуществленію въ ней самой ихъ собственнаго идеала христіанства.

Два другіе пути, но не болѣе двухъ, представляются еще въ подобныхъ случаяхъ. Одинъ изъ нихъ—это стремленіе порожаемое каждымъ разногласіемъ, къ основанію собственной секты. Изъ людей развитыхъ, серьезно смотрящихъ на всю совокупность положенія христіанства въ нынѣшнее время, найдутся вѣроятно весьма немногіе, которые подобный путь сочтутъ удобнымъ. Другой путь—это полное личное отстраненіе отъ какой бы то ни было церковной организаціи. Быть-можетъ это и есть

крайній исходъ, къ которому направляется человѣчество. Но существуетъ много причинъ, заставляющихъ смотрѣть на подобный исходъ какъ на весьма еще отдаленный. Тѣмъ не менѣе однакоже принципъ, на который опираются либеральные или старые католики, вполне заслуживаетъ вниманія всякаго мыслящаго человѣка, и не бесполезно будетъ указать здѣсь на то, что дѣятельное усвоеніе такого принципа не ново и не безъ предшествовавшихъ въ исторіи примѣровъ.

Борьба старо-католиковъ противъ ультрамонтанъ есть въ сущности та же самая борьба, которая съ большею или меньшею силой ведется противъ того, что можетъ быть названо ультрамонтанствомъ въ каждой изъ церквей христіанства—католической или протестантской, конформистской или конконформистской. Считаю не излишнимъ, говоря объ ультрамонтанахъ въ этомъ общемъ смыслѣ, сдѣлать два замѣчанія для уясненія высказанной мысли. Слово ультрамонтанство, какъ довольно извѣстно, совершенно утратило въ настоящее время свое географическое значеніе, и употребляется въ римской церкви для обозначенія тѣхъ изъ ея членовъ, къ сѣверу или къ югу отъ Альпъ, которые исключительно и безусловно подчиняются опредѣленіямъ и предписаніямъ римскаго двора. Но это, такъ сказать, специальное значеніе само постепенно поглощалось тѣмъ болѣе общимъ значеніемъ, которое въ этомъ наименованіи заключается и которое довольно ясно выражается въ слѣдующемъ опредѣленіи, высказанномъ въ одномъ изъ недавнихъ парламентскихъ засѣданій докторомъ Лейономъ Плефэромъ (Lyon Plaifair): «ультрамонтане, сказалъ онъ—это церковные коммунисты. Коммунизмъ—это приведеніе собственности подъ одинъ общій уровень. Ультрамонтанство — приведеніе подъ одинъ уровень религіознаго духа и умственной дѣятельности». Но употребляя слово въ этомъ смыслѣ и соболѣзнуя о вредномъ вліяніи подобнаго направленія въ церкви вообще, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не признать, что многія превосходныя качества украшаютъ не рѣдко личный характеръ тѣхъ, которые могутъ быть названы этимъ именемъ въ той или другой церкви. Ко многимъ изъ такихъ личностей мы питаемъ глубокое уваженіе, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что вліяніе ихъ далеко не лишено весьма полезной стороны, во сколько однакоже они являются не исключительными руководителями.

Такимъ образомъ борьба старокатоликовъ въ сущности та же самая борьба, которая велась въ англійской церкви отъ временъ лорда Фалькланда до настоящаго дня тѣми, которые ставили себѣ цѣлью проводить болѣе разумныя религіозныя воззрѣнія въ противоположность іерархическимъ или пуританскимъ воззрѣніямъ, получавшимъ по временамъ перевѣсъ отъ духа времени или преобладанія извѣстной партіи. Это та же самая борьба, которую, при нѣсколько другой обстановкѣ, велъ Джонъ Веслей (John Wesley). «Я разногласу, говорилъ онъ, съ англійскою церковью, но я никогда ее не покину». Это тотъ же самый принципъ, хотя конечно въ нѣсколько иной формѣ, на который опираются такъ-называемые либеральные протестанты французской національно-протестантской церкви. Это тотъ же принципъ, который провозглашается или можетъ провозглашаться въ каждой, нонконформистской церковной общинѣ. Это борьба тѣхъ доблестныхъ нонконформистовъ, которые поддерживаютъ свой протестъ противъ извѣстнаго направленія, весьма часто руководящаго ихъ церквами, и которые противятся тому, чтобы всѣ церковныя учрежденія были сведены къ общему уровню однообразнаго сектанства; которые хорошо знаютъ, что ни церковь не можетъ быть совершенно отдѣлена отъ христіанскаго общества, ни религія отъ національнаго обученія въ странѣ. Это борьба всѣхъ тѣхъ членовъ пресвитеріанской церкви Шотландіи, *установленной, свободной* или такъ-называемыхъ *соединенныхъ пресвитеріанъ*, которые противъ стараго кальвинистскаго знамени ихъ церкви поддерживаютъ то, что Норманъ Маклеодъ (Norman Macleod) называлъ «драгоценное—несмотря на то»—доктора Чалмерса (D-r Chalmers).

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ возгласы господствующей партіи одиѣ и тѣже — не всегда одинаковые по формѣ, не всегда выражаемые въ томъ же повелительномъ тонѣ, но всегда тождественные по своему значенію: «мы не желаемъ, чтобы вы оставались съ нами—вы не наши—мы анаемствуемъ васъ — вы предатели между нами — ежели вы покинете насъ, мы будемъ уважать васъ—доколѣ же вы остаетесь съ нами, мы ненавидимъ васъ, мы презираемъ васъ». Отвѣтъ на подобные возгласы со стороны ли старо-католиковъ или англиканъ, отгѣнка Чиллинворта (Chillingworth) или Тиллотсона (Tillotson), французскихъ

ли гугенотовъ до-методистской эпохи, послѣдователей ли древнихъ нонконформистовъ, подобныхъ Бакстеру (Baxter), Веслею (Wesley), или Роберту Голлю (Holl), долженъ бы быть одинаковый по смыслу. «Мы не желаемъ оставить вѣсть; мы удерживаемъ свое положеніе, какъ вполнѣ законное, и въ католической, и въ англиканской, и въ гугенотской, и въ пресвитеріанской, и въ нонконформистской церквахъ; мы очень цѣнимъ тѣ выгоды, не только внѣшнія, но и духовныя, которыя доставляетъ намъ принадлежность къ *болѣе обширной средѣ*; мы смотримъ даже на наше присутствіе въ этой средѣ, какъ на благопріятное для нея самой; мы отказываемся признавать себя отверженцами; мы утверждаемъ, что представляемъ собою хотя не единственныхъ, но нѣкоторые изъ лучшихъ началъ непрерывности и жизни въ церкви; мы сознаемъ себя прямыми потомками по духу, хотя не всегда по буквѣ, тѣхъ людей, которые въ древнія времена были признаваемы за лучшихъ и мудрѣйшихъ руководителей церкви; мы смотримъ на исключительное преобладаніе въ церкви *исподствующей* партіи въ извѣстное данное время, какъ на оскорбительное для церкви самой и вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливое въ отношеніи къ намъ; мы утверждаемъ, что наши уклоненія отъ учрежденій, ученія или дисциплины церкви нисколько не значительнѣе вашихъ».

Возьмите, для примѣра, въ римско-католической церкви вопросъ о безбрачій духовенства или догматъ о папской непогрѣшимости. «Мы утверждаемъ, (старокатолики могли и должны бы были сказать) что уклоненія наши отъ ученія современной римско-католической церкви въ этомъ отношеніи нисколько не значительнѣе того чувства недовѣрія, которое весьма извѣстные и высоко-чтимые въ римско-католической церкви лица оказываютъ церковнымъ или папскимъ предписаніямъ, запрещающимъ имъ помѣщать деньги въ банкахъ, имѣть какія бы то ни было сношенія съ еретиками, читать и хранить книги, осужденныя въ индексъ; повелѣвающимъ имъ вѣрить астрономической системѣ Птолемея, высшему и непогрѣшимому авторитету библейскаго перевода Вульгаты, дѣйствительности колдовства и демонологіи. Подобныя уклоненія идутъ прямо въ разрѣзъ съ строго понимаемою католическою ортодоксальностію.» «Мы убѣждены (точно также могутъ возразить англійскіе латитудинаріи или пуритане),

что мы отнюдь не болѣе отклоняемся отъ предписаній или ученія англиканской церкви, чѣмъ тѣ, которые оправдываютъ свое положеніе строгимъ истолкованіемъ извѣстныхъ тридцати девяти членовъ; чѣмъ тѣ, которые приписываютъ свойство непогрѣшимости опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, считаемыхъ въ упомянутыхъ членахъ погрѣшными; чѣмъ тѣ, которые отвергаютъ принципъ королевскаго главенства въ церкви, проведенный черезъ весь составъ нашей конституціи; которые затрудняются признавать кальвинистскія или лютеранскія положенія объ оправданіи и предопредѣленіи; которые принимаютъ только одну изъ содержащихся въ англиканскихъ формулярахъ формъ произношенія священныхъ словъ при совершеніи таинствъ, и отвергаютъ остальные, и которые весьма не высоко ставятъ, быть можетъ и вопль отрицая его, то важное значеніе, которое во всѣхъ частяхъ этихъ формуляровъ приписывается упомянутымъ изреченіямъ для христіанской жизни и нравственности, ставя эти послѣднія выше формы или ея истолкованія». «Мы считаемъ себя (могутъ сказать либеральные протестанты Франціи) такими же прямыми потомками древнихъ руководителей французскаго протестантизма, какъ и вы, господствующая партія, отвергающая Ла-Рошельское исповѣданіе». «Мы утверждаемъ (такъ могли бы сказать тѣ новоконформисты въ Англии или тѣ члены свободной церкви въ Шотландіи, которые склонны видѣть въ церкви государственной или церкви съ казеннымъ содержаніемъ ужаснѣйшее зло), что мы имѣемъ столько же права на принятое нами положеніе, какъ и вы, входящіе безъ всякаго зазрѣнія совѣсти въ парламентъ и пользующіеся хорошо оплаченными профессорскими мѣстами».

«Мы утверждаемъ (такъ могутъ сказать лучшіе люди всѣхъ шотландскихъ церквей), что если мы отступаемъ въ нѣкоторомъ отношеніи отъ буквы вестминстерскаго исповѣданія, то не менѣе нашего отступаютъ отъ него самыя усердныя защитники этого ученія въ другихъ отношеніяхъ».

И не только это такъ, но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ развогласящія партіи имѣютъ весьма часто болѣе права смотрѣть на себя, какъ на истинныхъ представителей церкви, къ которой онѣ принадлежатъ, чѣмъ тѣ, которые желали бы отлучить ихъ: какъ французскіе либеральные протестанты несомнѣнно болѣе

проникнуты духомъ Антонія Курта (Antoine Court), втораго основателя гугенотской церкви, чѣмъ ихъ такъ-называемые *ортодоксальные* противники; какъ англійскіе латитудинаріи безъ всякаго сомнѣнія гораздо болѣе близки по духу къ первымъ реформаторамъ, Эразму и Колету, Тиндалю и Кранмеру, и ко множеству высокообразованныхъ духовныхъ лицъ настоящаго и прежнихъ поколѣній, чѣмъ ихъ противники; какъ защитники установленныхъ церковныхъ учрежденій между нонконформистами могутъ не безъ основанія сказать, что они гораздо болѣе вѣрные сыны вестминстерскаго собранія, Веллея и Чалмерса, чѣмъ исключительные приверженцы современнаго волунтаризма; какъ древнія постановленія шотландской церкви гораздо вѣрнѣе выражаются въ умѣренномъ, *философскомъ* и практическомъ направленіи, никогда вполнѣ ее не покидавшемъ, чѣмъ въ ея чисто кальвинистскихъ принципахъ:—такъ точно и старокатолики могутъ съ увѣренностью утверждать, что они гораздо болѣе имѣютъ права на наименованіе католиковъ, чѣмъ тѣ ультрамонтане, которыхъ самъ Монталамберъ называлъ новыми католиками девятнадцатаго столѣтія. По видимости они могутъ быть въ меньшинствѣ, но по внутреннему значенію они представляютъ собою не высказывающееся большинство образованныхъ римско-католиковъ всей Европы. Они также, гораздо болѣе чѣмъ ихъ противники, являются представителями умѣреннаго направленія древняго галликанизма—направленія Боссюэта, Фенелона и Гюё; тѣхъ знаменитостей Поръ-Рояля, которые составляютъ славу французской церкви—Николя, Флѣри, Паскаля. Подчиненіе епископовъ папской непогрѣшимости составляетъ прямое нарушеніе произносимой ими при рукоположеніи присяги, которою они обязываются не принимать нныхъ толкованій Священнаго Писанія, кромѣ тѣхъ которыя имѣютъ на своей сторонѣ общее согласіе Отцевъ. Докторъ Лейонъ Плеферъ во время преній касательно ирландскаго университета, о которыхъ мы уже упоминали, замѣтилъ совершенно справедливо, что въ дѣлѣ воспитанія юношества, современная римско-католическая іерархія, а не кто иной, измѣнила знамени, водруженному въ католической церкви во времена предшествовавшихъ реформацій; что она, а не ея оппоненты, отступила отъ принципа свободнаго преподаванія, провозглашеннаго папою Климентомъ V и канцлеромъ Герсономъ. Генрихъ IV, са-

мый популярный и самый любимый изъ французскихъ королей, умѣлъ сочетать протестантскіе и католическіе элементы христіанства въ такой степени, какая въ наше время рѣдко встрѣчается. Стоитъ только прочесть его рѣчь при провозглашеніи имъ Навтскаго эдикта для того, чтобы усмотрѣть, какъ далеко онъ расходится, въ самыхъ важныхъ вопросахъ, съ современнымъ ультрамонтанствомъ и какъ много сходится онъ съ воззрѣніями старокатоличества. Крайніе принципы современныхъ легитимистовъ весьма часто являются въ настоящее время принципами преобладающими во французской церкви. Энергическіе протесты противъ папской непогрѣшимости и іезуитскаго богословія обзываются господствующею въ наше время въ римской церкви партіею антихристіанскими и еретичными. Очень вѣрно было замѣчено, по поводу одного изъ многочисленныхъ манифестовъ главы легитимизма, однимъ весьма компетентнымъ лицомъ, имѣвшимъ безъ сомнѣнія примѣръ Людовика Святаго передъ глазами: «графъ Шамборъ упорно устремляетъ взоръ свой на Ватиканъ, какъ дѣлали это и его предки; но разница состоитъ въ томъ, что онъ смотритъ на Ватиканъ, восхищаясь его выходками и желая подражать имъ, между тѣмъ какъ его предки устремляли взоръ на Ватиканъ съ цѣлью огражденія себя отъ его излишнихъ требованій, или съ цѣлью покровительства свободѣ ихъ собственной церкви и народа противъ папскаго самовластія».

На основаніи всего вышесказаннаго мы имѣемъ полное право утверждать, что ультрамонтане различныхъ церквей въ дѣйствительности точно такіе же разногласящіе члены той церкви, къ которой они принадлежатъ, какъ и тѣ, которыхъ часто выставляютъ измѣнниками и возмутителями. Выгоды же, доставляемыя церкви отъ совмѣстнаго существованія въ ней этихъ различныхъ направленій, всегда однѣ и тѣ же. Католики ультрамонтане, освобожденные отъ присутствія элемента, представляемаго старокатоличествомъ, постепенно низвели бы свое древнее достопамятное учрежденіе до степени упадка, который легко могъ бы привести къ совершенному его уничтоженію. Либеральные католики, оторванные отъ общаго потока историческихъ и національныхъ преданій ихъ церкви, обратились бы вѣроятно въ сухую, раздраженную секту, которая, еслибы и продлилась ея

существованіе, постоянно оставалась бы въ одностороннемъ, полемическомъ положеніи, едва стоящемъ того, чтобы за него держаться. Англійскіе латитудинаріи, по самому существу своего направленія, какъ во времена лорда Фалькланда, такъ и во время кембриджскихъ платониковъ или епископа Бутлера, не считали желательнымъ для себя занимать одно изъ многихъ, весьма неопредѣленныхъ положеній, принятыхъ различными англійскими сектами. Либеральные протестанты Франціи, уже страдающіе отъ узкости и сдавленности, происходящихъ частью отъ неуступчивости французской партіи, частью отъ ограниченности того круга, среди котораго вращается французскій протестантизмъ, стали бы чувствовать все это гораздо сильнѣе по мѣрѣ того, какъ они становились бы отдѣльною церковною общиною; между тѣмъ, какъ съ другой стороны, пуританское направленіе ихъ общей церкви утратило бы то *возбуждающее* вліяніе, которое оно въ настоящее время, черезъ соприкосновеніе съ такими личностями, какъ Колани, Кокрель и Фонтанесь, можетъ въ извѣстной степени воспринимать, умѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ то, что въ направленіи противной имъ партіи можетъ быть предосудительнаго. Вслѣдствіе, поддерживающіе великіе принципы вселенскаго братства и привязанности къ отечественной церкви, провозглашенные ихъ основателемъ, гораздо бы лучше сдѣлали, ежели бы продолжали свой протестъ въ средѣ методистской общины, а не образовывали новой немногочисленной секты внѣ ея.

И необходимо еще замѣтить при этомъ, что стремленіе принадлежать къ болѣе обширному церковному обществу, несмотря на нѣкоторое разногласіе съ нимъ, проявляется по временамъ и между самими ультрамонтанами. Это стремленіе обнаруживали іезуиты во времена своего упадка, какъ на примѣръ, когда папа нападалъ на нихъ за ихъ поведеніе въ Китаѣ, или когда Климентъ XIV уничтожилъ ихъ орденъ. — упорно домогаясь оставаться въ нѣдрахъ римской церкви. Подобное же тому выражалось и въ англиканской церкви послѣдователями іерархическаго направленія въ тѣ времена, когда направленіе это, весьма несправедливо конечно, подвергалось притѣсненіямъ ради тѣхъ зачатковъ или отрывковъ іерархическаго или сакраментальнаго ученія, которые содержатся въ англиканскихъ формулярахъ.

Каждая церковь заключаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ два на-

правленія, составляющія ея сущность и ея жизнь. Любимое орудіе нападенія на англиканскую церковь состоитъ въ томъ аргументѣ, что невозможно защищать правоту церкви, заключающей въ себѣ несогласныя между собою богословскія толкованія. При допущеніи подобной невозможности не найдется въ христіанствѣ ни *одной* церкви, которая могла бы устоять на своихъ основахъ въ теченіе даже одного года. И именно въ смыслъ протеста противъ стремленія къ подобному однообразію, такъ сильно привлекаетъ къ себѣ вниманіе открывшійся въ римской церкви замѣчательный расколъ между признающими и отрицающими догматы папской непогрѣшимости. Гораздо прежде реформаціи существовали уже партіи и секты подобныя тѣмъ, которыя существуютъ въ реформатскихъ церквахъ. Богослужбные уставы, вѣроопредѣленія, преданія, постановленія католической церкви наполнены противорѣчіями, столь же непримиримыми, какъ и богослужбные уставы и вѣроченія Англии, Аугсбурга и Женевы. Церковь или церкви, состоящія въ общеніи съ римскимъ престоломъ, волнуются въ настоящее время съ верху до низу разногласіями, болѣе глубокими въ своемъ принципѣ, чѣмъ существующія между протестантами. Это служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ того, что римская церковь далеко не обладаетъ безусловнымъ единствомъ вѣрованія, и не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ обыкновенныхъ законовъ челоуѣческаго общества. Но это само по себѣ не можетъ конечно быть предметомъ укора. Это есть слава или немощь, которую римская церковь раздѣляетъ вообще со всѣми *цивилизированными* церквами. Ея униженіе и стыдъ заключаются въ недостойномъ и тщетномъ усиліи скрывать или отрицать такое положеніе.

Возразить ли кто, что невозможно и не должно останавливаться иначе, какъ на самомъ крайнемъ выраженіи своихъ мнѣній, и что отсутствіе подобнаго условія составляетъ собственно слабое мѣсто старокатолическаго движенія, — то на подобное возраженіе можно отвѣтить тѣмъ, что такого рода несостоятельность составляетъ неизбѣжное условіе каждаго серьезнаго религіознаго движенія и свойство каждаго большого церковнаго общества во всемъ мірѣ. Безъ сомнѣнія есть предѣлъ такимъ колебаніямъ, и компромиссы могутъ иногда заходить слишкомъ далеко. Но фактъ тѣмъ не менѣе существуетъ. Само христіан-

ство въ его вышнѣмъ положеніи не есть ли *компромиссъ* между религіею перваго и религіею девятнадцатаго столѣтія, и отъ мудрости и искусства какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и общинъ, зависитъ правильное сочетаніе разнородныхъ элементовъ и возможность ладить съ ними наусупнѣйшимъ образомъ. Римская церковь, со всѣми своими сасердотальными претензіями, глубоко посѣяла въ свои нѣдра первоначальный зародышъ—мы можемъ почти сказать первоначальный *блескъ*—той протестантской свободы, которую эта церковь себѣ присвоила въ то время, когда она отдѣлилась отъ святой православной церкви Востока и по соображеніямъ, которыя въ настоящее время названы бы были раціоналистическими или скептическими, уничтожила древнюю вселенскую практику пріобщенія младенцевъ, и гораздо болѣе почтенную и когда-то безусловно необходимую практику крещенія черезъ погруженіе.

Но и кромѣ того, въ этой мнимой несостоятельности есть вѣчто само по себѣ превосходное. Нѣкто принадлежащій къ шотландской епископальной церкви, человекъ умный и даровитый, сказалъ однажды одному англичанину, котораго онъ звалъ съ собой въ пресвитеріанскій храмъ, говоря о двухъ общинахъ обоимъ имъ друзьямъ: «Онъ пресвитеріанецъ по недоразумѣнію, а *тотъ* (т.-е. другой) епископалъ также по недоразумѣнію. Но эти обѣ, не вопліѣ сознающія себя личности, составляютъ самую соль ихъ взаимныхъ церквей». Такимъ образомъ самая неопредѣленность и неясность старо-католическаго движенія составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ его сторонъ. «Что значать полумѣры? Что значить несостоятельность?» спрашивалъ профессоръ Губеръ на кельнскомъ старо-католическомъ конгрессѣ? «Это значить быть на пути, не достигнувъ еще цѣли. Это есть неизбѣжное свойство каждаго правильного развитія. Каждый человекъ въ этомъ смыслѣ только половина самаго себя. Но въ единственномъ смыслѣ, въ которомъ подобное указаніе могло бы быть дѣйствительнымъ укоромъ—мы подобнаго укора не заслуживаемъ; мы не малодушествуемъ, ибо мы желаемъ правды, всецѣлой правды, и ничего кромѣ правды; мы вступили на широкій путь историческаго изысканія—мы усиливаемся отдѣлить вѣчное отъ временнаго, существенное отъ несущественнаго въ христіанствѣ, и усердіе и серьезность, съ которыми мы ведемъ это дѣло, служатъ поводомъ къ нападкамъ на насъ».

Несомнѣнно, что кромѣ этихъ общихъ основаній для вниманія, возбуждаемаго къ себѣ старокатолическимъ движеніемъ, существуютъ и другія, болѣе частнаго свойства. Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ послѣднихъ, считаемъ не лишнимъ предупредить возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано, какъ по поводу общаго характера, движенію этому приписываемаго, такъ и по поводу нѣкоторыхъ частныхъ соображеній, которыя будутъ приведены далѣе.

Не рѣдко выставляется, какъ причина невозможности существованія симпатій между либеральными католиками въ римской церкви и либеральными протестантами въ протестантскихъ церквяхъ, то обстоятельство, что богословское направленіе большинства старо-католиковъ весьма сходно съ тѣмъ направленіемъ, которое въ церквяхъ Англій и Германіи весьма часто и не безъ основанія, обзывается ультрамонтанскимъ, въ самомъ конечно обширномъ смыслѣ этого слова. Но когда какія-либо части двухъ разнородныхъ церквей постепенно приближаются одна къ другой, то непремѣнно долженъ существовать пунктъ пересѣченія, на которомъ идущіе съ одной стороны впередъ и отступающіе съ другой сходятся вмѣстѣ, при чемъ взоры ихъ тѣмъ не менѣе могутъ быть обращены въ совершенно противоположныя стороны. Когда Донъ-Уллоа посѣтилъ Кито, то на полу-дорогѣ восхожденія на андійскій хребетъ онъ встрѣтилъ путешественниковъ, изъ коихъ одни только что спустились съ вершины, между тѣмъ какъ другіе только что подвигались съ нижнихъ удушливо жаркихъ равнинъ. Эти путешественники находились всѣ вмѣстѣ въ одной и той же гостинницѣ; но спустившіеся съ горы ощущали испарину отъ теплоты той атмосферы, которая окружила ихъ послѣ холода снѣговъ покинутой ими вершины; взошедшіе же почти дрожали отъ холода при воспоминаніи объ атмосферѣ равнинъ, только что ими оставленныхъ. Взаимныя чувства этихъ двухъ категорій путешественниковъ весьма близко подходятъ къ чувствамъ тѣхъ людей, которые по временамъ сталкиваются между собою въ приливъ и отливъ богословскихъ интересовъ. Когда мы припомнимъ въ какомъ духѣ докторъ Деллингеръ говорилъ о Лютерѣ, какъ о великомъ геніи шестнадцатаго столѣтія, и сравнимъ съ этимъ неизмѣнно порицательный тонъ, принятый относительно великаго реформатора оксфорд-

ской школой, начиная съ доктора Ньюмана; когда мы припомнимъ, что католическій мюнхенскій профессоръ объявилъ во всеуслышаніе, что протестантское богословіе Германіи по крайней мѣрѣ въ шесть разъ превосходитъ своимъ достоинствомъ все написанное по этой части католическими нѣмецкими богословами въ тотъ же періодъ времени, и сопоставимъ это съ обычными выраженіями, употребляемыми вышеупомянутой школой въ Англии относительно германскаго богословія (исключая однакоже превосходной, но къ несчастью устранинной и забытой въ настоящее время книги доктора Пьюзея), то невозможно не усмотрѣть значительнаго различія стремленій, взаимно одушевляющихъ оба разряда мыслителей къ достиженію преслѣдуемыхъ ими цѣлей.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какой именно свѣтъ на наши современныя умственные движенія проливаетъ старокатоличество?

1. Вопросъ весьма часто возникающій «что есть авторитетъ?» разрѣшается старокатоликами въ такомъ смыслѣ, который въ предѣлахъ обозначенной ему области не допускаетъ недоразумѣній. Они безъ всякаго сомнѣнія питаютъ глубокое, быть можетъ преувеличенное уваженіе къ непрерывности историческихъ преданій христіанства, и вслѣдствіе того не пожелали измѣнить древняго церковнаго устройства своей церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они весьма опредѣлительно заявили, что если они найдутся вынужденными сдѣлать выборъ между авторитетомъ науки и исторіи съ одной стороны и официальнымъ церковнымъ авторитетомъ съ другой, они не колеблясь предпочтутъ первый. Для нихъ епископы очевидно не являются преемниками апостоловъ, въ смыслѣ предоставляющему имъ власть учительства. Девять сотъ епископовъ—самое большое число, которое когда-либо собиралось, признали (съ однимъ быть можетъ исключеніемъ) папскую непогрѣшимость, въ противность выраженныхъ многими изъ нихъ убѣжденій въ томъ, что эта непогрѣшимость есть нелѣпость, и признали ее не только просто за истину, но даже за принадлежащую къ вѣчнымъ истинамъ христіанства. Когда съ преступнымъ равнодушіемъ европейскія правительства отказались поддержать ихъ, церковные оракулы христіанства отреклись отъ своей духовной независимости и вполне покорились

вліянію римскаго двора. Это согласіе всѣхъ въ совокупности епископовъ отвергнуто старокатоликами, какъ и всѣми сочувствующими имъ. Такое отверженіе не есть ли рѣшительное провозглашеніе того убѣжденія, что исключительное право духовнаго разсужденія и учительства не связано съ епископскимъ преемствомъ. Епископаты тѣмъ не менѣе имѣютъ великолѣпное призваніе въ христіанскомъ мірѣ, подъ условіемъ, чтобы епископы употребляли свое великое историческое положеніе для того, чтобы громко высказывать свои убѣжденія, вмѣсто того чтобы скрывать ихъ, развивать и уяснять, вмѣсто того, чтобы сѣять раздоры.

2. Старокатолики сдѣлали по крайней мѣрѣ шагъ впередъ къ разрѣшенію вопроса объ основаніяхъ для единенія христіанскихъ исповѣданій. Они выказали себя способными возвести нравственныя истины нашего общаго христіанства до высоты много превосходящей понятія о томъ же предметѣ четвертаго, пятаго, седьмаго, тринадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. Когда ихъ руководители съ сердечнымъ привѣтомъ встрѣтили на кельнской платформѣ греческихъ священниковъ, англиканскихъ епископовъ и протестантскихъ пасторовъ разныхъ отбѣнковъ,—не было ли это провозглашеніемъ вѣчной истины, или какъ мы имѣемъ основаніе выразиться, вѣчнаго догмата, *умалившаго и отстранившаго* преходящія мнѣнія отцевъ и учителей, папъ и соборовъ, мнѣнія, которымъ въ это послѣднее время наименованіе *догмата* почти исключительно было приписываемо. Ничего не могло быть отличнѣе одно отъ другаго, какъ положеніе принятое старокатоликами въ этомъ отношеніи, отъ положенія ультрамонтанской партіи, провозглашающей, что нѣтъ спасенія внѣ ограды частныхъ церквей или внѣ формулы частныхъ символовъ. Всѣ ихъ выраженія дышали самыми братскими чувствами, не только относительно членовъ англиканской или восточной церквей, но и относительно лютеранскихъ и реформатскихъ церквей Германіи. Это не было чѣмъ-либо новымъ въ ихъ партіи. Когда Деллингеръ провозгласилъ въ своихъ лекціяхъ, что всѣ протестанты въ силу совершеннаго надъ ними крещенія принадлежатъ къ католической церкви, онъ открылъ путь къ признанію членами церкви тѣхъ, которыхъ столько духовныхъ авторитетовъ его церкви такъ долго признавали совершенно отчужденными отъ

нея. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ утверждалъ въ своей рѣчи въ Мюнхенѣ, что точно также должно признавать ересь возведеніе въ предметъ обязательнаго вѣрованія того, что не составляетъ члена вѣры, какъ и объявленіе обязательнаго члена вѣры не обязательнымъ, когда онъ провозглашалъ, что на единеніе вѣроисповѣданій нельзя смотрѣть, какъ на органическое, непосредственное сліяніе, какъ на поглощеніе одной церкви другою, но какъ на процессъ очищенія, всѣмъ одинаково необходимый, съ цѣлью взаимнаго отстраненія недостатковъ и односторонностей каждаго изъ нихъ, — онъ принялъ положедіе, могущее низвести до правильныхъ размѣровъ ультрамонтанскія претензіи каждой церкви: римской, англиканской, пуританской. Профессоръ Блунчли, представлявшій въ Кельнѣ протестантскія церкви Германіи, выразилъ мысль, что «тогда какъ въ прежнихъ церковныхъ преніяхъ, каждая церковь присвоивала себѣ обладаніе безусловной истиной, принципомъ церкви будущаго должно быть то положеніе, что каждое формулированіе истины только относительное, а не безусловное. Принципъ взаимнаго угнетенія и поглощенія миновалъ, — водворяется принципъ нравственнаго единенія церквей». Профессоръ Мхелисъ описывалъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ онъ, еще студентомъ, увидалъ въ первый разъ знаменитый кельнскій соборъ неоконченнымъ, полуразрушеннымъ; башни въ немъ отшатнулись отъ самого зданія; главная часть зданія — отъ алтарнаго выступа, и какъ въ настоящее время онъ увидалъ этотъ соборъ быстро подвигающимся къ полному окончанію, всѣ части храма соединенными вмѣстѣ, величественные его размѣры восстановленными, его оригинальный планъ осуществленнымъ. «Въ этомъ внѣшнемъ явленіи я усматриваю, сказалъ онъ, то, что можетъ ожидать разъединенную, разрушенную Христову церковь, когда ей суждено будетъ вновь соединиться и разрозненнымъ ея частямъ быть сокупленными во едино. И уподобленіе это», прибавилъ онъ, «получаетъ еще большее значеніе отъ того обстоятельства, что реставрація этого католическаго собора исполнена королемъ протестантскимъ; точно также только съ помощію протестантства можетъ католичество быть воссоединено и возрождено». Профессоръ Рейкенсъ, избранный съ тѣхъ поръ епископомъ вновь возникшей церковной общины, посвятилъ цѣлую рѣчь, задушев-

ную и сильную, на развитіе той мысли, что новыя надежды на единеніе въ вѣрѣ основываются на возрастающемъ убѣжденіи, что единеніе не заключается въ однообразіи и въ уничтоженіи національныхъ особенностей; не въ неподвижности, но въ свободномъ развитіи; не въ стремленіяхъ оффиціальныхъ авторитетовъ, но отдѣльныхъ христіанскихъ личностей. Въ этомъ-то собственно (гораздо болѣе чѣмъ въ остроумныхъ соглашеніяхъ разногласій различныхъ церквей, какъ бы соглашенія эти ни были впрочемъ поучительны), заключается обще-полезная сторона боннской конференціи. Это же самое, по нашему твердому убѣжденію, составляетъ цѣль стремленій и душевныхъ желаній самыхъ благородныхъ и благонамѣренныхъ личностей восточной церкви, приносящихъ съ собою на подобныя совѣщанія миролюбивый и дружелюбный духъ, вполне ихъ характеризующій.

3. Сверхъ всего, этого старокатолическое движеніе служить доказательствомъ тому, что міръ не вполне еще подпалъ подъ власть современнаго измышленія, раздѣляемаго всѣми ультрамонтанами, будь то въ Италіи, во Франціи или въ Англіи, о независимости духовенства отъ государства. Старокатолики Германіи и Швейцаріи оставили въ сторонѣ фикцію «свободной церкви въ свободномъ государствѣ». Безъ всякаго сомнѣнія отношенія церкви къ такому правительству, которое проникнуто къ ней чувствами антагонизма и индеферентизма, усѣяны трудностями, поразительный примѣръ которыхъ мы видимъ въ современныхъ столкновеніяхъ въ Пруссіи и Швейцаріи. Но въ принципѣ — воззваніе къ кесарю, къ государственной власти у старокатоликовъ составляетъ *эразміанизмъ*, который они провозглашаютъ не стыдясь, потому что это есть не только защита ихъ національныхъ правъ, но и потому еще, что это есть воззваніе къ самой интеллигентной, самой патріотической, самой честной части націи. Они хорошо понимаютъ какъ слабо было бы развитіе реформаціи, ежели бы Фредерикъ мудрый въ Саксоніи и протестантскіе принцы въ Спирѣ, и Елисавета въ Англіи и Коллинъ и Конде во Франціи отстранились отъ возникшаго движенія. Они знаютъ, что здоровыхъ условій религіозной жизни невозможно найти тамъ, гдѣ культура и общественная жизнь націи стоятъ въ сторонѣ отъ нея.

4. Безъ всякаго сомнѣнія, не мало слабыхъ сторонъ въ старо-

католическомъ движеніи, какъ и во всѣхъ движеніяхъ этого рода. Движеніе это не чуждо логическихъ непослѣдовательностей, о которыхъ мы уже говорили. Являются сложныя затрудненія внутренней организаціи. Во многихъ изъ руководителей замѣтно, съ нашей точки зрѣнія, слишкомъ жесткое, слишкомъ рѣзкое, слишкомъ строгое порицаніе пороковъ и даже добродѣтелей великой и знаменитой церкви, подъ гнетомъ которой они такъ долго находились. Въ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей обнаруживается, быть-можетъ, слишкомъ слабое сознаніе тѣхъ выгодъ, которыя являются послѣдствіемъ историческаго развитія христіанства; въ другихъ же слишкомъ безусловная привязанность ко внѣшней формѣ *черстваго* *) христіанства пятаго, шестаго и седьмаго столѣтій. Проявляется и слабость, которая быть можетъ есть и сила, присущая такому дѣлу, успѣхъ котораго зависитъ отъ поддержки образованных мѣрянъ, весьма часто или слишкомъ равнодушныхъ или слишкомъ боязливыхъ для того, чтобы громко выразить свои симпатіи, вполне однакоже, по внутреннему убѣжденію ихъ, заслуженныя. Проявляется нетерпѣливое ожиданіе общества, требующаго немедленныхъ результатовъ, и не желающаго обратить даже бѣглое вниманія на явленіе, не связанное никакими видимыми нитями съ современными политическими партіями. Сверхъ всего этого неизбѣжныя разногласія, возникающія во всѣхъ подобныхъ пробужденіяхъ ума или совѣсти—не только вслѣдствіе различныхъ оттѣнковъ мнѣній, возбуждаемыхъ и питаемыхъ подобными движеніями, но и вслѣдствіе обвиненій, которыя весьма естественно, хотя и несправедливо, высказываются послѣдователями на руководителей за медленность и осторожность, и руководителей на послѣдователей за безразсудную торопливость. По этимъ и многимъ другимъ причинамъ не трудно конечно допустить предсказаніе, весьма часто высказываемое, въ Германіи и другихъ странахъ, что «возникшее движеніе затеряется въ пескахъ». Но отвѣтъ на это предсказаніе данъ былъ въ Кельвѣ краснорѣчивымъ ораторомъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался официальнымъ главою новой церковной общины. Взглянувъ прямо

*) Названіе христіанства V, VI и VII столѣтій *черствомъ* принадлежитъ къ выходкамъ протестанта, который не признаетъ и не цѣнитъ заслугъ, оказанныхъ Отцами и Соборами сихъ вѣковъ догматикѣ и каноническому праву вселенской Церкви. *Денз.*

въ глаза всѣмъ безчисленнымъ затрудненіямъ, возникающимъ на пути старокатолическаго движенія, онъ прибавилъ, обращаясь къ патріотическимъ чувствамъ своихъ слушателей: «да оно можетъ затеряться въ пескахъ, подобно тому какъ германскій Рейнъ теряется въ пескахъ у береговъ Океана, — но прежде чѣмъ затеряться, онъ въ своихъ верховьяхъ образовалъ уже обширныя озера, проложилъ путь цивилизаціи, и одарилъ плодородіемъ и жизнью долины имъ орошаемая». Такъ безъ сомнѣнія случиться можетъ и съ этимъ движеніемъ. Быть-можетъ, оно не произведетъ никакихъ видимыхъ результатовъ. Но достоинство и польза борьбы такого рода не зависятъ отъ ея видимыхъ или непосредственныхъ результатовъ. Мы не говоримъ здѣсь о томъ, что засвидѣтельствовали присутствовавшіе на различныхъ собраніяхъ старокатолическаго общества. Право этого церковнаго общества на наше вниманіе—это засвидѣтельствованная имъ сила независимаго и честнаго убѣжденія, возстающаго противъ громко провозглашенной неправды. Открытое и мужественное выраженіе несогласія, свободное и твердое требованіе реформъ, гораздо болѣе, чѣмъ тѣ частныя вопросы, противъ которыхъ или ради которыхъ высказывается протестъ, составляютъ достоинство предпринятой попытки, и оправдываютъ такое реформаторское движеніе въ какой бы церкви оно ни происходило. Несомнѣнно, весьма многіе въ римской церкви, и изъ духовенства и изъ мірянъ, держатся мнѣній старокатоликовъ, но лишь немногіе высказываются; и тогда какъ молчаніе многихъ составляетъ язву и позоръ церкви, къ которой они принадлежатъ, раздавшійся голосъ немногихъ составляетъ единственное условіе возможности для первыхъ оставаться законно и добросовѣстно въ оградѣ церкви, съ которой они могутъ пребывать въ общеніи только въ надеждѣ устраненія изъ нея дурныхъ и развитія въ ней хорошихъ элементовъ.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ,

КАКЪ МОРАЛИСТЪ ¹⁾.

Счастье, по учению Милля, составляет единственную и конечную цель человеческой жизни и служитъ въ утилитарной морали верховнымъ ея принципомъ, придающимъ особенный смыслъ и своеобразный характеръ всѣмъ частнѣйшимъ ея сторонамъ и подробностямъ. Отсюда вопросъ о томъ: что преимущественно способствуетъ счастливой жизни и достижимо ли счастье, имѣть первостепенное значеніе въ вопросѣ о состоятельности или несостоятельности утилитарнаго ученія. Милль самъ не скрываетъ того, что какъ скоро было бы доказано, что счастье недостижимо для человѣка, то вѣсть съ этимъ утилитарное ученіе было бы подорвано и неспровергнуто въ самомъ основаніи своемъ. Потому-то Милль и употребляетъ всѣ возможные усилія къ тому, чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ возможно-благопріятномъ для утилитаризма смыслѣ. Это обстоятельство и насъ обязываетъ съ надлежащимъ вниманіемъ отнестись къ аргументаціи Милля и оцѣнить ее во всѣхъ ея существенныхъ сторонахъ. Прежде, чѣмъ заботиться о пресловутой краткости изложенія, которая въ большинствѣ случаевъ граничитъ съ поверхностностью и легкостью анализа оцѣниваемой доктрины, мы обязаны позаботиться о полнотѣ и вѣскости возраженій противъ такого моральнаго ученія, которое наиболѣе исповѣдуется нашимъ образованнымъ обществомъ и представителями такъ-называемой свѣтской журналистики. Сперва мы по-

¹⁾ См. янв. и март. кн. „Правосл. Обзорніа“ за текущій годъ.

пытаемся сдѣлать анализъ понятія о счастьѣ, опредѣляемаго Миллемъ, и посмотрѣть, говоритъ ли самое опредѣленіе понятія о счастьѣ, предложенное Миллемъ, въ пользу утилитарной доктрины. Затѣмъ рассмотримъ мысль Милля о томъ, будто счастье въ бѣдльшихъ размѣрахъ доступно людямъ, отличающимся высшимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, а равно людямъ добродѣтельнымъ, между тѣмъ, какъ люди не развитые и порочные, по мнѣнію Милля, обречены въ жизни на меньшее счастье. Наконецъ, мы перейдемъ къ рѣшенію вопроса о достижимости или недостижимости счастья.

Слово «счастье» само по себѣ до крайности неопредѣленно. Не только каждый народъ, но чуть не каждый отдѣльный человѣкъ понимаетъ счастье по своему, такъ что въ этомъ отношеніи между людьми всегда существовало и доселѣ существуетъ поразительное разногласіе. Смотри по тому или другому духовному складу и характеру людей, и самое понятіе о томъ, въ чемъ заключается счастье, разнообразится до непримиримой противоположности и взаимной исключаемости. На низшихъ ступеняхъ духовнаго и общественнаго развитія еще скорѣе можно найти нѣкотораго рода однообразіе въ пониманіи счастья, чѣмъ тогда, когда общество переходитъ отъ патриархальной простоты понятій, нравовъ и образа жизни къ такъ-называемой цивилизованной жизни, допускающей больше оригинальности и въ большинствѣ случаевъ способствующей развитію въ людяхъ индивидуальнаго начала. Въ самыхъ даже нравственно-философскихъ системахъ, извѣстныхъ подъ именемъ эвдемонистическихъ, мы встрѣчаемъ это же разнорѣчіе въ понятіи о томъ, въ чемъ нужно поставлать счастье. Этого рода несогласіе выражается въ самыхъ поразительныхъ формахъ и тогда, когда мы обращаемся къ представленіямъ разныхъ народовъ о загробной блаженной жизни. Такъ, рай еврея—полонъ золота и серебра; рай турка—гаремъ, населенной гуріями; рай краснокожаго американца—множество дичи; въ скандинавскомъ раю идетъ вѣчное сраженіе и раны излечиваются чудотворной силою; австралиецъ мечтаетъ о томъ, какъ онъ послѣ смерти обгонитъ бѣлаго и какое множество мелкой монеты будетъ у него. Даже у одного и того же человѣка, въ разные періоды жизни, по мѣрѣ измѣненій его духовнаго міра и вслѣдствіе измѣняющихся обстоя-

тельствъ его жизни, понятіе о счастіи видоизмѣняется нѣсколько разъ и большей частью весьма существенно. Очевидно, нравственное ученіе не должно построиваться на такомъ до крайности шаткомъ и неопредѣленномъ началѣ, съ точки зрѣнія котораго одинаково правы и законны всѣ человѣческіе инстинкты и стремленія, каковы бы они ни были—хороши и дурны: оно уни-чтожаетъ даже самую нравственную точку зрѣнія на человѣческую жизнь и ея разнообразныя проявленія.. Но, быть можетъ, Миллю удалось въ его опредѣленіи понятія о счастіи, стать на болѣе опредѣленную и положительную почву, чѣмъ всѣ эти противорѣчивыя понятія о счастіи, какія имѣли и имѣютъ мѣсто въ дѣйствительной жизни? Посмотримъ. «Минуты полнаго упоенія, говоритъ онъ, среди существованія наполненнаго немногими преходящими страданіями, многочисленными и многоразличными наслажденіями съ рѣшительнымъ преобладаніемъ актива надъ пассивомъ, и въ довершеніе ко всему этому отсутствіе такихъ требованій отъ жизни, которыхъ жизнь не въ состояніи выполнить, вотъ жизнь, которая по мнѣнію всѣхъ тѣхъ, кому только она доставалась на долю, достойна назваться счастіемъ». Оказывается, что Милль, кромѣ общихъ и безсодержательныхъ фразъ, ничего здѣсь не сказалъ о томъ, какъ же нужно понимать и въ чемъ поставлять счастіе, какъ единственную цѣль человѣческой жизни и какъ верховный принципъ утилитарной морали. Крайне неопредѣленное понятіе о счастіи остается таковымъ же и у Милля. Понятіе Милля о томъ, что нужно разумѣть подъ счастіемъ, до такой степени обще и отвлеченно, что оно примиряетъ въ себѣ и какъ бы освящаетъ собою самыя непримиримыя различныя представленія о счастіи, существующія между людьми, не устраняя собою ни одного изъ нихъ, какъ бы оно дико и безнравственно ни было. Въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и каковъ бы ни былъ по своему умственному и нравственному складу, можетъ испытывать въ своей жизни минуты полнаго упоенія среди существованія, наполненнаго немногими преходящими страданіями, многочисленными и многоразличными наслажденіями съ рѣшительнымъ преобладаніемъ актива надъ пассивомъ, и воздерживаться отъ такихъ требованій отъ жизни, которыхъ жизнь не въ состояніи выполнить. Всѣмъ этимъ можетъ отличаться и

жизнь людей развитыхъ въ умственномъ, художественномъ и нравственномъ отношеніи, и жизнь людей, по своему духовному складу представляющихъ рѣзкій контрастъ съ первыми. Кромѣ того, въ чемъ же можно найти ручательство, что такая жизнь, какую ее изображаетъ Милль, заслуживаетъ вполне названія дѣйствительно счастливой жизни? Милль ссылается на общее мнѣніе людей, испытавшихъ такую жизнь. Но это еще вопросъ: какъ мы должны понимать слова тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они счастливы? Бываютъ въ жизни человѣка такіа мгновенья, когда, подъ вліяніемъ какого бы то ни было состоянія, намъ все представляется въ радужныхъ краскахъ и когда самая печальная дѣйствительность какъ бы покрывается въ глазахъ нашихъ розовымъ флеромъ. Нерѣдко одна надежда на лучшее будущее примиряетъ насъ съ самой суровой дѣйствительностью и представляетъ ее намъ совершенно иною, чѣмъ какова она есть *de facto*. Намъ припоминается здѣсь одно стихотвореніе Рюгге, отрывокъ изъ котораго мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь. Бѣдные люди, натерпѣвшіеся въ родной странѣ отъ ближайшихъ соотечественниковъ много горя и скорбей и вынужденные покинуть для далекой чужбины родное гнѣздо, надѣясь найти тамъ счастье, говорятъ о себѣ:

Годы долгіе мученья
 Забыли мы въ прощальный часъ,
 И только свѣтлыя мгновенья
 Съ прошедшимъ связывали насъ...
 Базалось намъ, что каждый встрѣчный
 Глядитъ на насъ, какъ добрый братъ
 И шепчетъ намъ въ тоскѣ сердечной:
 „Вернитесь, милые, назадъ!
 Останьтесь здѣсь, останьтесь дома,
 Бываетъ легче тяжкій гнетъ
 Въ семьѣ родной, въ семьѣ знакомой,
 Гдѣ каждый нашу скорбь пойметъ”.
 И въ этотъ скорбный часъ разлуки
 Друзьямъ и недругамъ былымъ
 Мы грустно пожимали руки
 И тихо говорили имъ:
 „Прощайте, съ словомъ примиренья
 На вѣкъ уходимъ мы отъ васъ,

И вы за наши прегрѣшенія
 Не помяните лихомъ насъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ будущемъ, собратья,
 Вамъ лучше прежняго жилось...
 И ни единого проклятъ
 Имъ съ нашихъ устъ не сорвалось.

Проходить эти мгновенія, и тогда нерѣдко даже все лучшее въ прежней жизни кажется намъ дурнымъ. До такой степени здѣсь все зависитъ отъ случайнаго настроенія. Минувшія невзгоды и пережитыя страданія вообще представляются иными при измѣнившихся обстоятельствахъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что иначе представляется жизнь, исполненная самыхъ тяжелыхъ невзгодъ и самыхъ ѣдкихъ скорбей, людямъ, ставящимъ цѣлью жизни наслажденіе, и людямъ, смотрящимъ на жизнь съ болѣе возвышенной точки зрѣнія. Люди послѣдней категоріи могутъ благодарить Провидѣніе и находить счастливой такую жизнь, которая для людей первой категоріи представляется тяжелою до невыносимости. Люди, ищущіе въ жизни прежде всего счастья, меньше всего могутъ назвать охарактеризованную Миллемъ жизнь дѣйствительно и вполнѣ счастливою. Счастливая жизнь, по Миллю, отнюдь не исключаетъ страданій, хотя бы и преходящихъ, и необходимо предполагаетъ отреченіе отъ такихъ желаній и влеченій, удовлетвореніе которыхъ невозможно при данныхъ условіяхъ жизни. Но не значитъ ли это одною рукою созидать, а другою разрушать и безъ того шаткое зданіе утилитарной доктрины, держашееся скорѣе силою предрасудковъ человѣческаго ума и односторонняго направленія практическихъ стремленій челоѵка, чѣмъ внутренней своей силою, т.-е. своей разумностью, своимъ соответствіемъ съ требованіями нашей нравственной природы? Когда идетъ рѣчь о дѣйствительно счастливой жизни, нужно говорить о томъ, что удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ стремленіямъ и потребностямъ, что заставляетъ насъ переживать именно радости, наслажденія. Не станемъ же мы опредѣлять понятіе о добромъ, включая сюда такія представленія, которыя относятся къ области зла. Между тѣмъ Милль въ своемъ опредѣленіи понятія о счастливой жизни допускаетъ такія представленія, которыя существенно противорѣчатъ другъ другу и другъ друга исключаютъ. Какъ бы ни были преходящи

наши страданія, они не могут не чувствоваться нами и не могут не отравлять самыхъ наслажденій нашихъ. Бываютъ въ жизни людей такія страданія, которыя хотя длились и весьма недолго, однакожь въ теченіе всей жизни не позабываются человекомъ и глубоко омрачаютъ самыя лучшія его радости и удовольствія, такъ или иначе напоминающія пережитое страданіе. Хороша или дурна эта черта въ человекѣ, это другой вопросъ. И чѣмъ больше человекъ привыкаетъ въ своей жизни испытывать многочисленныя и многообразныя наслажденія, тѣмъ сильнѣе онъ долженъ испытывать поджидающія его страданія: привычку не даромъ называютъ второй природою... Значить, счастье такихъ людей ставится болѣе и болѣе сомнительнымъ. Милля ставитъ необходимымъ условіемъ счастья отреченіе отъ такихъ желаній и стремленій, которыхъ дѣйствительная жизнь не можетъ удовлетворить. Но это, по нашему мнѣнію, окончательно подрываетъ возможность счастливой жизни, которая, по мнѣнію Милля, единственно желательна. Дѣйствительная жизнь большей частью такъ складывается, что она частѣе не можетъ удовлетворить самыхъ законныхъ человѣческихъ желаній. Известный французскій астрономъ Фламмаріонъ рѣшился прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій въ пользу семействъ двоихъ французскихъ ученыхъ Кресе и Сивеля, погибшихъ въ апрѣлѣ текущаго года при поднятіи на воздушномъ шарѣ на 8½ верстъ отъ земли. Но жизнь помѣшала выполнить это доброе желаніе. Публика, горячо сочувствовавшая семействамъ ученыхъ, пожертвовавшихъ жизнью ради процвѣтанія науки, раскупила было всѣ билеты, но капризъ сильныхъ міра разрушилъ надежды и осиротѣлыхъ семействъ на щедрую помощь, въ которой они такъ нуждались. Это—одинъ фактъ изъ тысячи однородныхъ съ нимъ, возможныхъ повсюду. Да и такъ ли легко отказаться отъ нашихъ желаній, какъ это могутъ думать? Когда римскихъ рабовъ, въ послѣдній періодъ республики и при императорахъ, бросали въ добычу хищнымъ звѣрямъ, заставляли сражаться въ качествѣ гладиаторовъ; изобрѣтали для нихъ самыя жестокія наказанія и подвергали ихъ ужаснѣйшимъ пыткамъ по малѣйшему подозрѣнію въ стремленіи къ освобожденію отъ своихъ господъ, могли ли они не желать этого освобожденія, не смотря на всѣ непреодолимыя препятствія къ нему? Не чаще ли желанія наиболѣе

разжигаются въ насъ и усиливаются до послѣдней степени напряженности именно тогда, когда дѣйствительная жизнь выдвигаетъ массу самыхъ желѣзныхъ пренятствій къ осуществленію ихъ? Съ другой стороны, развѣ мы меньше должны страдать отъ признанія, что наши желанія невыполнимы, какъ скоро эти желанія въ насъ сильны? Конечно, тому лучше живется, чѣмъ желанія вродѣ гармонируютъ съ наличными средствами къ ихъ удовлетворенію. Но можно ли найти такихъ людей, чьихъ желанія всегда и во всемъ соотвѣтствовали бы тому, что даетъ жизнь и можетъ дать? Не чаще ли наши желанія выступаютъ за предѣлы дозволеннаго и легко выполняемаго? Значитъ, съ этимъ вмѣстѣ и самыя страданія становятся болѣе и болѣе частыми и возможными въ нашей жизни. Нѣкоторые утилитаристы дѣлятъ наши желанія на естественныя и искусственныя, и утверждаютъ, что люди должны заботиться только объ удовлетвореніи первыхъ изъ этихъ желаній и что въ удовлетвореніи нашихъ нормальныхъ потребностей или желаній и состоитъ счастье. Но на это усталый, измученный страданіями плаватель по безбрежному житейскому морю можетъ, но справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ знатоковъ философіи, отвѣтить утилитаристамъ слѣдующее: дѣленіе потребностей на искусственныя и естественныя основано на вашемъ произволѣ, т. е. естественными вы называете тѣ, которыя имѣете или оправдываете сами, а искусственныя, по вашему, всѣ тѣ, которыхъ вы не имѣете. Я имѣю такое же право называть естественными тѣ, которыя образовались у меня и безъ удовлетворенія которыхъ мнѣ жить тяжело. Нормы ваши также произвольны, выдуманы въ кабинетахъ путемъ арифметическихъ операций надъ мертвыми числами, а я живой человекъ, каждую минуту подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ условій мѣняющійся, потому для меня на каждую минуту должна быть составлена особая, именно только для этой минуты годящаяся норма. Да и кромѣ того въ вашихъ нормахъ вы далеко несогласны: одинъ рекомендуетъ одну, другой—другую». Съ другой стороны, гдѣ же предѣлъ, за который наши желанія отнюдь не должны переступать, если мы желаемъ быть счастливыми? Чѣмъ мы должны руководиться, подавляя одни желанія, какъ невыполнимыя при данныхъ условіяхъ жизни, и раздвигая другія насчетъ ихъ? Человекъ хочетъ жить

семейной жизни и быть обезпеченнымъ на случай какой-либо невзгоды, между тѣмъ и эти желанія могутъ быть невыполнимы при данныхъ условіяхъ жизни. Неужели и съ этими желаніями человекъ долженъ распрощаться и подавить ихъ въ себѣ? По Миллю именно такъ и выходитъ. Мы уже говорили, что Милль въ экономическихъ видахъ требовалъ, чтобы бѣдные люди воздерживались отъ вступленія въ бракъ, и проектировалъ полное политическое забавленіе забытыхъ и бѣдныхъ людей богатыми и вліятельными особами. Наконецъ, не поднашивается ли подъ основныя требованія ученія Милля о томъ, что люди должны отречься отъ такихъ желаній, которыхъ жизнь не въ состояніи удовлетворить? Вѣдь это ученіе весьма и весьма растлительно и ведетъ съ необходимостью ко многимъ слѣдствіямъ весьма не высокаго качества. Женщина, лишенная всякихъ средствъ къ жизни утратою родителя или мужа, какъ, съ точнѣе зрѣніемъ этого ученія, должна поступить въ томъ случаѣ, если развращенное общество закрываетъ ей всѣ другіе пути къ честному зарабатыванію необходимыхъ средствъ къ жизни и толкаетъ въ объятія грязныхъ и отвратительныхъ развратниковъ, которыхъ повсюду не мало, и которыхъ весь интересъ состоитъ въ совращеніи почему-либо сдѣлавшихся несчастными женщинъ съ честнаго пути? Съ точнѣе зрѣніемъ ученія Милля о необходимости приспособленія къ наличнымъ условіямъ жизни, именно такъ должна поступить эта женщина, какъ требуютъ эти условія, т.-е. пожертвовать своимъ добрымъ именемъ и броситься въ омутъ разврата. Вѣдь приспособиться къ условіямъ жизни значитъ имѣть только такія желанія, которыя вполне удовлетворимы именно при этихъ условіяхъ. Заключение вполне естественное и законное, хотя бы личное нравственное чувство/илихъ утилитаристовъ протестовало противъ такого исхода для женщины. Если данъ известный принципъ, то какое мы имѣемъ право уклоняться отъ его неизбежныхъ логическихъ выводовъ? Пусть утилитаристы откажутся отъ самаго принципа, и тогда они могутъ по праву возражать противъ тѣхъ, которые упрекаютъ утилитарное ученіе въ безнравственности. И такъ, еслибы мы и согласились съ Миллемъ, что для достиженія счастья необходимо отреченіе отъ такихъ желаній, которыхъ жизнь не въ состояніи удовлетворить, то необходимо должны были бы признать;

что это ученіе поощряетъ самыя пошлыя и гнусныя сдѣлки съ жизнью окружающей, а съ другой стороны, оно враждебно счастью всѣхъ тѣхъ, чьи желанія не гармонируютъ съ наличными условіями жизни. Счастье становится возможнымъ лишь для людей крайне заурядныхъ и пошлыхъ, если только можно допустить, что ихъ желанія никогда не поднимутся выше наличныхъ условій жизни, а и это крайне сомнительно: и эти люди, добившись возможнаго, не могутъ убить въ себѣ желанія еще лучшаго, еще большаго... Какой же выводъ получается изъ нашего анализа предложеннаго Миллемъ опредѣленія понятія о счастьи?

Проницательный и глубокомысленный англійскій мыслитель, котораго сами утилитаристы считаютъ «лучшимъ истолкователемъ и необходимымъ защитникомъ» утилитарнаго ученія, ничего, какъ оказывается, не сказалъ, кромѣ самыхъ общихъ и безсодержательныхъ фразъ, о томъ, какъ именно нужно понимать верховный принципъ утилитаризма. Въ чемъ же нужно искать причины этого обстоятельства? Не таковъ ли самъ по себѣ этотъ принципъ, что онъ устраняетъ всякую возможность къ точному и положительному опредѣленію его и допускаетъ непремѣнно самыя произвольныя истолкованія его? По нашему мнѣнію, понятіе о счастьи даже неопредѣлимо. «Кромѣ общихъ мѣстъ, лишенихъ всякаго значенія, объ немъ нельзя сказать ничего, замѣчаетъ Кавелинъ. Счастье есть чувство, столько же различное, сколько есть людей на свѣтѣ, и столько же разнообразное, какъ впечатлѣнія, представленія и мысли, которыя живутъ въ челоуѣческой душѣ... Эвдемонизмъ предполагаетъ, что у людей есть одинъ идеалъ благополучія, а это возможно только въ первобытныхъ, мало развитыхъ и притомъ небольшихъ челоуѣческихъ обществахъ, да и то при крѣпкихъ нравахъ, сильномъ господствѣ обычая, составляющаго для всѣхъ членовъ общества предметъ непоколебимаго вѣрованія. Только такой идеалъ счастья можетъ имѣть очень опредѣленную положительную форму, хотя и здѣсь мыслимы у отдѣльныхъ, выдающихся надъ общаго уровня, лицъ иные идеалы. Когда всякій подѣ счастьемъ разумѣетъ одно и то же, ничто весьма простое, опредѣленное и практически достижимое, эвдемонистическая теорія имѣетъ еще свой смыслъ, который хотя не выраженъ, но яед-

разумѣвается. Но при сильно развитомъ индивидуализмѣ, въ обществѣ, гдѣ формы общенія едва сдерживаютъ безконечно разнообразныя идеалы личнаго счастья, эвдемонизмъ, какъ теорія, есть бессмыслица, понятіе субъективное, подъ которое подходитъ все, что угодно. Это разнообразіе идеаловъ личнаго счастья и въ будущемъ отдаленномъ отнюдь не можетъ быть устранено. Невозможно даже мысленно представить, чтобы когда-нибудь, чрезъ нѣсколько тысячелѣтій и даже миллионъ лѣтъ, наступило такое время, въ которое весь человѣческій родъ до такой степени проникся тождествомъ возрѣвннхъ, стремленій, симпатій и вкусовъ, чтобы каждая личность въ этомъ отношеніи походила на другую. Но только въ этомъ случаѣ и возможно согласіе и единство въ понятіи о счастьи. Всего меньше могутъ говорить объ этомъ позитивисты, мнящіе себя далекими отъ какихъ бы то ни было фантазій неоправдывающихся исторіей, опытомъ. Такимъ образомъ, полное и рѣшительное до противоположностей разногласіе въ пониманіи счастья никогда даже неустранимо. А если такъ, то не отрицается ли этимъ однимъ утилитарное ученіе въ самомъ своемъ основаніи? Это ученіе мечтаетъ указать общую и единую цѣль для всего человѣчества. Между тѣмъ эта общность и это единство превращаются въ чистѣйшій нуль, такъ какъ счастье люди всегда понимали, понимаютъ и будутъ понимать до противоположности разнообразно. Эта общность и единство въ сущности пустыя слова. На самомъ же дѣлѣ, благодаря различному до противоположностей пониманію счастья, люди и въ будущемъ будутъ стремиться къ такимъ цѣлямъ, изъ которыхъ однѣ находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ другими. Достиженіе общаго счастья, о которомъ съ такимъ, повидимому, благороднымъ рвеніемъ говорятъ Милль, становится самой бессмысленной и непонятной въ позитивистѣ фантазійей. Мало того, главнымъ препятствіемъ къ достиженію этого общаго счастья является само утилитарное ученіе, несмотря на то, что оно поставляетъ цѣлью человѣческой жизни достиженіе не личнаго только, но и общаго счастья. Въ послѣдствіи мы съ надлежащей обстоятельностью и возможной доказательностью разовьемъ эту мысль. Въ настоящемъ же случаѣ ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. Утилитаризмъ, поставляя цѣлью человѣческой жизни счастье, но нисколько не устраняя

хаоса въ пониманіи счастья, тѣмъ самымъ открываетъ широкій просторъ для самой ожесточенной борьбы между людьми въ-за достиженія счастья, понимаемого каждымъ по своему. Мы уже не говоримъ о томъ, что утилитаризмъ самъ безопадно поражаетъ себя, когда, указавши на счастье, какъ на единственную и конечную цѣль человѣческой жизни, въ тоже время, какъ мы выше видѣли, въ самомъ опредѣленіи счастья отрицаетъ возможность достиженія его. Такимъ образомъ выходитъ, что человѣчество должно стремиться къ такой цѣли, которая рѣшительно недостижима. Можно ли безопадно подкапываться подъ самыя основанія защищаемаго ученія, какъ это дѣлаетъ Милль? Уже на основаніи этого одного мы затрудняемся даже признать утилитарное ученіе философской нравственной системой. Всѣ нравственныя ученія въ сущности стремятся отвѣтить на вопросъ: какъ оріентироваться человѣку среди разнообразныхъ и противорѣчивыхъ воззрѣній, симпатій, вкусовъ и стремленій, какіе изъ нихъ должны быть развиваемы съ подавленіемъ другихъ и къ какой общей цѣли должна быть направлена наша жизнь? Между тѣмъ общій принципъ утилитаризма таковъ, что онъ одинаково благопріятствуетъ всѣмъ этимъ разнообразнымъ и противорѣчивымъ вкусамъ, наклонностямъ и симпатіямъ и въ сущности не указываетъ чрезъ то общей цѣли человѣческой жизни, хотя въ громкихъ и трескучихъ фразахъ распространяется о томъ, что эта цѣль—общее счастье человѣческой жизни. Итакъ, анализъ опредѣленія понятія о счастьи, предложеннаго Миллемъ, приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) понятіе Милля о счастьи, по крайней своей неопредѣленности, одинаково благопріятствуетъ воззрѣніямъ на счастливую жизнь всякаго рода людей, какъ бы они ни различались между собою по своему духовному складу и развитію; б) Милль, поставляя цѣлюю человѣческой жизни счастье, самъ колеблется признать достижимость этой цѣли. Но, быть можетъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи Милль успѣлъ доказать, что 1) наибольшее счастье можетъ быть удѣломъ людей высшаго духовнаго развитія, а слѣдовательно чрезъ это утилитаризмъ получаетъ опредѣленный и вполне возвышенный характеръ, и 2) что счастье достижимо, если подъ счастьемъ разумѣть что-либо болѣе опредѣленное, какія-нибудь положительныя реальности, приобрѣтеніе опредѣленныхъ благъ. Послѣ

дуешь же за Миллемъ и носиботримъ, насколько ему удастся защита утилитаризма по этимъ важнѣйшимъ вопросамъ. Сперва мы постараемся оцѣнить, насколько тверда аргументація Милля въ пользу той мысли, будто бы наибольшее счастье составляетъ необходимую принадлежность людей, отличающихся высокимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ и выдающихся безукоризненнымъ въ нравственномъ отношеніи характеромъ.

Вопросъ о томъ, что больше благоприятствуетъ счастливой жизни—высокія-ли духовныя качества человѣка или наоборотъ низкія, составляетъ въ высшей степени важный вопросъ. Будучи рѣшенъ въ благоприятномъ для утилитаризма смыслѣ, онъ самъ собою рѣшаетъ съ полной выгодой для этой моральной теоріи вопросъ: имѣютъ ли утилитаристы разумное основаніе для предпочтенія духовныхъ наслажденій и высшихъ полезностей передъ чувственными наслажденіями и низшими полезностями и въ чемъ именно поставять должны послѣдователи этой теоріи свое счастье? Въ противномъ случаѣ послѣдователямъ утилитаризма необходимо признать вѣрною мысль Дидро, что три вещи необходимы для наибольшаго человѣческаго счастья: именно хорошее пищевареніе, дурное сердце и отсутствіе совѣсти, и согласиться съ тѣмъ, что утилитарное ученіе само по себѣ рѣшительно не даетъ никакой точки опоры для предпочтенія духовныхъ и высшихъ благъ передъ всякими другими, склоняясь собственно на сторону тѣхъ удовольствій, которыя приходится по вкусу человѣку, какова бы низкаго сорта удовольствія эти ни были. Мы уже видѣли, какъ одинъ разъ не удалось Миллю доказать, будто утилитарная доктрина благоприятствуетъ высшимъ стремленіямъ человѣка. Не придется ли намъ убѣдиться теперь въ этомъ окончательно?

Кто же можетъ рассчитывать на наибольшее счастье въ жизни: тотъ ли, кто отличается высокимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, или напротивъ тотъ, кто очень мало развитъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ? Мы согласны были бы съ Миллемъ, еслибы онъ намъ доказалъ, что лица, принадлежащія къ первой категоріи, могутъ испытывать болѣе возвышенныя и чистыя наслажденія, чѣмъ люди послѣдней категоріи. Но Милль объ этомъ не говоритъ. Еслибы даже онъ и говорилъ, это ничего не значило бы: утилитаризмъ самъ по себѣ, какъ мы ви-

дѣла, не въ состояніи даже установить мѣрила для различенія удовольствій высшихъ отъ низшихъ. Милль утверждаетъ, что для людей, отличающихся высокимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, существуетъ гораздо больше возможности быть счастливыми. Умственное и художественное развитіе, говоритъ Милль, превращаетъ для человѣка въ неистощимый источникъ наслажденій все окружающее: и предметы природы, и произведенія искусства, и созданія поэзіи, и событія исторіи, и настоящія и прошедшія и будущія судьбы человѣчества. Такимъ образомъ, по ученію Милля, выходитъ, что серьезно развитые люди имѣютъ въ своемъ распоряженіи болѣе болѣе большой кругъ удовольствій и наслажденій, чѣмъ люди неразвитые. Повидному, трудно не согласиться съ той мыслью англійскаго мыслителя, что наибольшее счастье—удѣлъ высоко развитыхъ людей. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, окажется, что мысль Милля имѣетъ лишь призракъ истины. Впервыхъ, для людей, почерпающихъ наслажденіе въ мірѣ науки и искусства, не существуетъ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ удовольствій, которыя улаживаютъ жизнь людей неразвитыхъ. Слѣдовательно здѣсь рѣчь можетъ быть не о томъ, что для истинно-развитыхъ людей область удовольствій раздвигается не сравненно шире, чѣмъ для людей неразвитыхъ, не о томъ только, что для первыхъ существуетъ свой кругъ наслажденій, а для послѣднихъ—свой. Именно вслѣдствіе того, что развитые люди отличаются какъ болѣе развитымъ вкусомъ, болѣе разборчивостью, болѣе требовательностью и даромъ строгой критики, кругъ пріятнаго для нихъ долженъ очерчиваться болѣе и болѣе тѣснымъ предѣломъ. Въ жизни и природѣ гораздо болѣе и чаще встрѣчаются всякаго рода посредственности, сносное, даже уродливое, чѣмъ противоположное всему этому. Къ этому нужно присоединить и тѣ неудовольствія, тѣ страданія, которыя существуютъ только для развитыхъ людей и которыя вызываются въ нихъ восторгомъ массы передъ посредственнымъ и даже пошлымъ. Значитъ, кругъ неудовольствій для развитыхъ людей расширяется насчетъ области наслажденій и восторговъ. Но этого мало. Понятія о наукѣ, искусствѣ слишкомъ общія, широкія понятія. При нынѣшней изумительной специализаціи научныхъ отраслей и постоянномъ нарожденіи новыхъ и новыхъ научныхъ

спеціальностей даже для серьезно развитыхъ людей утрачивается всякая возможность основательнаго знакомства съ наиболее даже общими спеціальностями. Знакомство же это существенно необходимо для того, чтобы въ насъ сформировалась самая способность находить наслажденія въ этой сферѣ. Въ будущемъ этого рода наслажденія должны сдѣлаться еще болѣе трудными. Тоже нужно сказать и объ искусствѣ. Не всякій человекъ можетъ понимать всякаго рода художественныя произведенія. Развѣ мы не видимъ постоянныхъ примѣровъ того, что люди, извѣстные даже своими замѣчательными произведеніями въ одной области искусства, оказываются профанами въ другой? Такимъ образомъ кругъ наслажденій для серьезно-развитыхъ людей все болѣе и болѣе суживается, все тѣснѣе и тѣснѣе замыкается. Значитъ, Милль слишкомъ поспѣшилъ сказать, будто для людей, отличающихся высокими умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, существуетъ манболѣе широкій кругъ наслажденій, чѣмъ для противоположныхъ людей. Вопросъ уже сводится къ тому: кто большія, — а не больше, — удовольствія могутъ испытывать развитые или неразвитые люди? Но еслибы мы и вынуждены были отвѣтить, что большія удовольствія доступны развитому человеку, утилитаризмъ въ рассматриваемомъ вопросѣ еще ничего не выигралъ бы. Людямъ можетъ нравиться число удовольствій, а не относительная сила каждаго изъ нихъ. Между тѣмъ мы неизбѣжно никакими основаніями утверждать, что большія удовольствія — достояніе развитыхъ людей. Ребенокъ испытываетъ самыя сильныя наслажденія отъ такихъ вещей, которыя взрослому рѣшительно не могутъ занимать. И еслибы мы могли извѣсить и опредѣлить степень силы наслажденія, испытываемаго ребенкомъ отъ самыхъ пустыхъ вещей, то ни въ какомъ случаѣ не могли бы сказать, что ученый или художникъ испытываютъ такое же сильное наслажденіе отъ предметовъ, составляющихъ ихъ любимую спеціальность. Самая непосредственность дѣтей, живость ихъ воображенія и преобладаніе у нихъ чувства надъ рефлексіей способствуютъ преимущественной силѣ ихъ наслажденій. Ничтожная бездѣлушка, кукла, деревянный солдатикъ, цвѣтокъ, бабочка, раскрашенная яркими красками, какая-нибудь блестящая вещь, куча песку и т. п. приводятъ дѣтей въ такой неописанный восторгъ, какого не переживаютъ

въ другой разъ люди, нибющіе въ своемъ распоряженіи самыя высокія наслажденія: Точно также неразвитый взрослый человѣкъ можетъ приходить въ восхищеніе отъ какой-нибудь плоской шутки, глупой остроты, пошлой пѣсни, безобразной пляски, балаганнаго паясничества, какого-нибудь не замысловатаго фокуса, грубаго разсказа, игры на балалайкѣ и т. д. Сравнивая наслажденіе, получаемое какииъ-нибудь неразвитымъ человекомъ отъ этихъ вещей, съ наслажденіемъ развитаго человѣка отъ предметовъ противоположныхъ, мы отнюдь не скажемъ, что наслажденіе развитаго человѣка сильнѣе. Такимъ образомъ, рассматривая дѣло и съ этой стороны, мы не имѣемъ права утверждать вмѣстѣ съ Миллемъ, будто болѣе счастливы развитые люди. Но это только начало нашихъ недоумѣній, порожденныхъ смѣлыми утвержденіями Милля. Не нужно опускать изъ виду того, что тѣ наслажденія, которыя выпадаютъ на долю людей, отличающихся серьезнымъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ и образованіемъ, окупаются и достаются гораздо дороже, чѣмъ наслажденія неразвитыхъ и невѣжественныхъ людей. Предварительная умственная и художественная подготовка требуетъ, не говоря уже о денежныхъ средствахъ, усложненныхъ занятій, борьбы съ влеченіемъ къ бездѣятельности, съ разными неблагоприятными обстоятельствами и нерѣдко даже съ ближайшими родными, разнообразныхъ и многочисленныхъ пособій, временное даже отсутствіе которыхъ причиняетъ глубокую скорбь, и тому подобнаго. Высокая степень умственнаго и художественнаго развитія и образованія нигдѣ и никогда не давалась и не дается даромъ. Какую иногда тяжелую и мучительную школу долженъ бываетъ пройти человѣкъ, чтобы отдаться именно тѣмъ занятіямъ, къ которымъ онъ чувствуетъ свое призваніе! Искать наслажденія и вообще отрадныхъ минутъ въ умственной и художественной дѣятельности болшей частью способны именно тѣ люди, которымъ пришлось въ вредные годы больше жертвовать наукѣ или искусству и которые предварительно прошли тяжелую школу настойчиваго труда и упорной борьбы съ обстоятельствами. Нерѣдко самое здоровье надламывается въ этихъ людяхъ и это отравляетъ имъ жизнь... Но и воспитавши въ себѣ любовь къ наукѣ или искусству и вмѣстѣ съ нею способность къ высшимъ наслажденіямъ, ученые и художники не дѣлаютъ

черезъ это самое для себя возможнымъ однимъ лишь наслажденіемъ даже въ области науки или искусства. Не нужно забывать, что если они и получаютъ наслажденія отъ своихъ занятій, однакожь эти наслажденія сопутствуютъ не всѣмъ ихъ занятіямъ. Мгновенія научной или художественной дѣятельности, доставляющей наслажденія, напротивъ, весьма и весьма рѣдки. Имъ предшествуютъ и за ними слѣдуютъ иногда такія жгучія страданія, какихъ не знаетъ неразвитый человѣкъ. Если радуютъ ученаго или художника успѣхи въ ихъ научныхъ изысканіяхъ или художественномъ творествѣ, то не могутъ не заставлять ихъ глубоко и сильно страдать всякія неудачи. Мы разумѣемъ здѣсь не внѣшній успѣхъ, т.-е. отношеніе образованной публики къ ихъ трудамъ, но успѣхъ, состоящій въ совершенномъ достиженіи желанныхъ надеждъ на открытіе какой-либо истины, на вполне удовлетворительное воплощеніе во внѣшней формѣ предносящагося художнику идеала. Но развѣ можно не брать въ соображеніе и отношеній собратовъ по наукѣ и искусству къ произведеніямъ данныхъ ученыхъ и художниковъ и затѣмъ публики? Здѣсь открывается новый источникъ самыхъ тяжелыхъ страданій для художниковъ и ученыхъ. Критическіе отзывы разныхъ судей не могутъ естественно вызывать къ себѣ полное равнодушіе въ художникахъ и ученыхъ. Напротивъ, огромное большинство ихъ слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу эти отзывы, хотя бы иногда они сами по себѣ не имѣли никакой цѣны. На Расина такъ сильно подѣйствовали не совсѣмъ благопріятные отзывы объ одной изъ лучшихъ его трагедій, что, несмотря на то, что авторъ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, онъ рѣшился ничего болѣе не писать для театра. Великій художникъ неоднократно повторялъ своему сыну, что неудобствія, причиняемыя ему самыми глупыми и нелѣпыми неблагоприятными отзывами, были всегда чувствительнѣе для него, чѣмъ удовольствія, доставляемыя самыми справедливыми и лестными похвалами. Всѣмъ извѣстна крайняя впечатлительность Вольтера къ самому легкому осужденію. Дунсиада Попа останется на вѣчныя времена памятникомъ того, что самый изящный, самый сладкозвучный, самый совершенный изъ англійскихъ поэтовъ могъ быть оскорбленъ критическими отзывами самыхъ невѣжественныхъ и самыхъ презрѣнныхъ писателей. Грай, при

возвышенности Мильтона обладавшій изяществомъ и сладковзвучностью Попаэ,—поэтъ, которому, быть можетъ, слѣдовало только больше писать, чтобъ быть первымъ между англійскими поэтами, до того оскорбленъ гнусной пародіей на двѣ свои прекрасныя оды, что съ тѣхъ поръ небрался ни за одно серьезное произведение. Такого рода впечатлительность, по справедливому замѣчанію Адама Смита, встрѣчается такъ же часто между прозаиками, какъ и между стихотворцами. И чтоже гарантируетъ художниковъ и поетовъ отъ недоброжелательныхъ отзывовъ, гнусныхъ интригъ и предательскихъ клеветъ?! Очевидно, чѣмъ наиболѣе крупнымъ талантомъ обладаютъ тѣ или другіе художники или поэты, тѣмъ больше они должны подвергаться самымъ крупнымъ неприяностямъ. Всегда и повсюду художники и поэты, не исключая и литературныхъ тружениковъ, разбиваются на кружки, члены которыхъ находятся въ непримиримой враждѣ между собою и прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы привлечь расположеніе публики къ своей партіи и погубить противниковъ. Безчестные люди, готовые на всякую гадость, чтобы лишь повредить выдающимся лицамъ, одинаково встрѣчаются и между учеными. Они пускаютъ также въ ходъ самыя неозволительныя средства, чтобы вредить другъ другу. Скажутъ утилитаристы: нужно приспособляться къ окружающей средѣ и быть хладнокровнымъ къ тому, что высказывается объ насъ. Но вслѣдствіе знаетъ, что легче давать совѣты, чѣмъ исполнять ихъ. Да и всегда ли пригодно, даже съ утилитарной точки зрѣнія, такая деревянность, если такъ можно выразиться, натуры? Кого невозмутчаютъ зложелательные отзывы, тотъ въ сущности не можетъ радоваться и въ виду похвалъ. Но чѣмъ меньше радостей у художника или ученаго, тѣмъ меньше онъ счастливъ. Далѣе могутъ сказать, что и дѣйствія и мнѣнія неразвитыхъ людей подлежатъ суду иногда самому несправедливому и безчестному. Совершенно вѣрно. Но, вопервыхъ, болѣе развитые люди отличаются большей чувствительностью и впечатлительностью. То, надъ чѣмъ иногда только посмѣется неразвитый человѣкъ, развитога можетъ глубоко возмущать. Вовторыхъ, совсѣмъ иное дѣло—лживый и зложелательный судъ, высказанный устно въ тѣсномъ кружкѣ и высказанный печатно, особенно если нѣтъ возможности разоблачить его. Но и разоблаченіе

клеветы или чего-нибудь подобнаго все-таки не освободить развитаго человѣка отъ самой ѣдкой скорби, причиняемой мыслью, что и въ средѣ образованныхъ людей возможны публичныя мерзости. Известный своими добросовѣтными и талантливыми трудами ученый печатаетъ напр. статью о взаимоотношеніи между религіей и наукой, знаиємъ и вѣрою, какъ это взаимоотношеніе понимается и опредѣляется въ позитивнаѣмъ контекстѣ. Волкому читателю лены тѣ требованія, съ которыми онъ, какъ судья, можетъ обратиться къ автору статьи. И что же? Вдругъ люди, несѣсляющіеся въ средствахъ для собственнаго возвышенія на счетъ чужой репутаціи въ глазахъ читателей, начнутъ печатно навязывать автору статьи такія задачи, преслѣдовать которыя онъ даже не могъ въ данномъ случаѣ, поучать его въ такихъ вещахъ, которыя ему самому гораздо больше и лучше извѣстны, чѣмъ критику, подсмѣиваться надъ наивностями автора статьи, созданными недобросовѣстностью или невѣжествомъ критика, и вопрошать: «для кого и для чего пишутся такого рода статьи?» Конечно, такая недобросовѣстность или вопіющее непониманіе дѣла со стороны критика рѣшаетъ только ту партію, къ которой онъ принадлежитъ, въ глазахъ серьезныхъ читателей, которыхъ, однакожъ, вездѣ мало. Но спрашивается: не только этуъ ученый, но даже всякій человѣкъ, знакомый съ дѣломъ, можетъ ли не скорбѣть до глубины души за то общество, въ которомъ печатно продѣлываются такія возмутительныя вещи? Не вносятъ ли подобныя общественныя явленія такія страданія въ жизнь наиболѣе развитыхъ людей, какихъ (т.-е. страдающіхъ) вовсе не знаетъ человѣкъ, неимѣющій никакого отношенія къ печати? Но и независимо отъ недобросовѣстныхъ отзывовъ и невѣжественной критики, особенно люди, выдающіеся изъ общей массы яркими талантами или гениемъ, обречены на страданія, которыя, съ точки зрѣнія утилитарной морали, никакъ не могутъ выкупаться тѣми рѣдкими и мимолетными наслажденіями, которыя сопутствуютъ ихъ производящей, творческой дѣятельности. Съ этимъ согласны и мыслители и поэты. Мы считаемъ необходимымъ привести хоть два свидѣтельства этого рода. «Умъ, достаточно развитой; чтобъ упиваться духовными наслажденіями, безъ сомнѣнія,—говоритъ Локки, выѣдетъ передъ собою неочередной источникъ ихъ, но тотъ, кто изъ этого вывелъ бы заключеніе, что высшее

умственное совершенство есть положеніе, наиболѣе способствующее счастью, впалъ бы въ непростительный обманъ. Волзненно нервная чувствительность, спутница усиленныхъ умственныхъ напряженій, мучительное и изнуряющее чувство незнанія и бесполезности труда, расслабленіе и унадокъ силъ—обыкновенные результаты глубокихъ изслѣдованій. Вотъ причины, почему въ литературѣ постоянно повторяются слова царственного мудреца: «гдѣ много мудрости, тамъ и много недовольства; кто скопляетъ знанія, тотъ скопляетъ и горе». Жизнь гениальныхъ людей по большей части ничто иное, какъ сознательное и хорошо обдуманное воплощеніе древняго сказанія: древо познанія и древо жизни стоять рядомъ, и эти люди предпочтительно избираютъ древо познанія передъ древомъ жизни». «Вамъ, говоритъ Гейне, простятъ все—богатство, знатность, красоту, вамъ просятъ даже дарованіе, но не простятъ гениальности. И, увы, если гениальному человѣку и посчастливится не встрѣчаться съ вышешнимъ врагомъ, онъ тѣмъ не менѣе найдетъ въ самомъ себѣ врага, готовящаго ему гибель. Вотъ почему исторія великихъ людей—всегда мученическая легенда. Если они не страдаютъ за великое человечество, то страдаютъ за свою великую самобытность, за свое отвращеніе къ низкому, за свое недовольство среди тщеславной пошлости и хлопотливой мелочности своего существованія». Справедливость словъ этого мыслителя и этого поэта—Лекки и Гейне не поддается никакому сомнѣнію. Чѣмъ развитѣе и способнѣе человѣкъ, тѣмъ выше его требованія по отношенію къ окружающей жизни и тѣмъ; слѣдовательно, больше и ошлѣе онъ долженъ страдать. Теорія приспособленія къ наличнымъ условіямъ жизни всегдѣ меньше приложима къ нимъ. Въ борьбѣ за существованіе, выходящей мѣсто и среди человечества, одолеваютъ, остаются въ выигрышѣ скорѣе всего люди посредственные, избѣгающіе возможность прилажаться къ окружающимъ условіямъ. До сихъ поръ; по справедливому замѣчанію Козлова, въ исторіи къ насущнымъ условіямъ всегдѣ прилажались люди рутинны, люди увенькаго разчета, люди безъ особенной энергіи, безъ особенно выдающихся способностей. Они росли и множились, по аналогіи они же будутъ расти и множиться. Если лучшими назвать тѣхъ людей, которые боролись за умственные и нравственные интересы, то они, по большей части, гибли сами, да и потомство!

ихъ ступенькалось. Гдѣ потомки Шекспира, Мильтона, Ньютона, Локка, Юма, Байрона? Ихъ или нѣтъ, или они затерялись въ толпѣ, а между тѣмъ какіе-либо Смиты и Джонсоны плодятся да плодятся, распространяють свою породу по всѣмъ городамъ и весямъ Великобританіи. Гдѣ потомки Лютера, Кальвина, Гуса, Коперника, Декарта, Спинозы, Лейбница, Лессинга, Канта, Гете, Руссо и т. д.? Ихъ или нѣтъ вовсе, или опять таки затерялись въ толпѣ: Мюллеры и Шарли плодятся и множатся по Франціи и Германіи. Знаетъ ли кто у насъ въ Россіи внуковъ и правнуковъ Ломоносова—отца русской новѣйшей литературы и науки? Гдѣ сыновья Пушкина и Грибоѣдова? Гдѣ потомки Лермонтова и Гоголя? Ихъ мы не знаемъ, а на каждомъ шагѣ процвѣтають Ивановы, Петровы и Поповы. Это приспособленіе къ окружающей средѣ съ ея понятіями, нравами и складомъ жизни менѣе всего возможно для людей, отличающихся оригинальностью, самобытностью мысли и характера. Но именно эта оригинальность составляетъ отличительное качество всякаго наиболѣе талантливаго и въ особенности гениальнаго человѣка. Въ этой оригинальности и самобытности собственно и заключаются главнымъ образомъ причины всѣхъ тѣхъ страданій и бѣдствій, которымъ подвергаются люди высокоталантливые, гениальные. Масса, которую всегда и вездѣ составляютъ люди посредственные и даже бездарные, не терпитъ людей, составляющихъ съ нею прямой и рѣзкій контрастъ по своимъ взглядамъ на вещи и стремленіямъ, пролагающимъ новые пути въ разнообразныхъ сферахъ чело-вѣческой жизнедѣятельности, провозглашающихъ новыя истины, дѣлающихъ крупныя и важныя открытія и т. д. Конечно, формы и виды этихъ страданій съ теченіемъ времени видоизмѣняются. Но отъ этого не становятся счастливѣе люди, опережающіе собою массу и невольны находящіеся въ антагонизмѣ съ нею. Въ прежнее время ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ подвергали варварскимъ пыткамъ и мучительной смерти, а теперь по клеветѣ или и по собственной винѣ ссылають ихъ въ каторжную работу или заключаютъ въ пенсильванскую тюрьму. Но можно ли сказать, что прежде больше страдали люди? Здѣсь все зависитъ отъ личнаго склада натуры и характера человѣка. Иной лучше готовъ пере-нести самыя жестокія страданія и мгновенную, хотя бы и жесто-кую смерть, чѣмъ свой невольный разрывъ съ близкими серд-

ду людьми, чѣмъ поставленное непреодолимое препятствіе къ дѣятельности на пользу общую, чѣмъ поруганіе его святыхъ убѣжденій, чѣмъ медленную моральную смерть въ заключеніи и т. д. «Кромѣ того, по справедливому замѣчанію одного ученаго, нужно принять въ расчетъ повышеніе впечатлительности въ нервной системѣ. Если судить о впечатлѣніяхъ по количеству и напряженности эффекта, т.-е. напримѣръ мышечнаго движенія или другихъ органическихъ отравленій, то можно смѣло сказать, что ударъ бича, полученный древнимъ рабомъ, равенъ ругательному слову, выслушанному современнымъ европейскимъ пролетаріемъ. Еще не найдешь тотъ патометръ, которымъ бы можно было измѣрить и сравнить напряженность страданій, которыя чувствовалъ придворный Петра Великаго, когда его разгнѣванный государь попросту наказывалъ палкою, или какія чувствуетъ современный придворный, котораго недозвольный современный монархъ наказываетъ сухимъ обращеніемъ или гнѣвнымъ взглядомъ. Если эффекты одинаковы, т.-е. если оба придворные одинаково напр. впадаютъ въ тоскливое расположеніе духа, теряютъ сонъ, аппетитъ, занематаютъ и т. п., то и впечатлѣнія, значитъ, равны, т.-е.: ударъ дубиной равняется гнѣвному взгляду». Но мы скажемъ даже больше. Нерѣдко бываетъ, что человѣкъ гораздо охотнѣе перенесетъ бы самое жестокое физическое страданіе, чѣмъ публичное несправедливое замѣчаніе; злую насмѣшку, нагнѣвленное отчужденіе дорогаго лица и т. д. Не видимъ ли мы примѣровъ того, какъ люди лишаютъ себя даже самой жизни изъ-за какого-нибудь оскорбленія, на которое другой не обратилъ бы никакого вниманія? Понятно, что такого рода слишкомъ чувствительные къ обидѣ люди не заслуживаютъ одобренія. Но это—другой вопросъ. Все дѣло въ томъ, что утилитаристы неимѣютъ никакихъ рациональныхъ основаній къ тому, чтобы утверждать, что современный или будущій человѣкъ, опережающій общество, долженъ страдать меньше, такъ какъ-де формы преслѣдованій и наказаній становятся якобы мягче, сноснѣе. Убивать человѣка можно, говорятъ христіанская церковь, не только мечемъ или другимъ какимъ-нибудь смертоноснымъ оружіемъ, но и словомъ. Глубоко-психологическій взглядъ на дѣло! Итакъ, хотя внѣшняя форма страданій и видоизмѣняется съ теченіемъ времени, однакожь сила страданій мо-

жетъ современемъ даже еще увеличиваться. И эти страданія составляютъ неизбѣжный удѣлъ именно тѣхъ, относительно которыхъ Милль утверждаетъ, что на нихъ долю выпадаетъ наибольшее счастье. Всякаго рода новаторство сопряжено съ страданіемъ. Между тѣмъ новаторами обыкновенно бывають лица, наиболѣе талантливыя, наиболѣе развитыя, наиболѣе чувствительныя въ тоже время къ наслажденіямъ и страданіямъ. Мы не будемъ говорить о тѣхъ ужасныхъ мученіяхъ и страданіяхъ, которыми ознаменовалось введеніе и распространеніе христіанства. Эти преслѣдованія и страданія неперемѣнно въ той или другой степени составляютъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто расходится такъ или иначе съ окружающею средою. Такъ, въ исторіи юриспруденціи терпѣли отъ феодаловъ средневѣковые юристы, проводившіе новый взглядъ на вопросъ о вѣнненіи при переходѣ отъ суда Божія къ римскому праву. Такъ и въ исторіи педагогики преслѣдовались обновители системъ воспитанія. Въ исторіи политическаго такта платились болѣе или менѣе всѣ предприниматели новыхъ политикъ: Решилье и Торквемада не могли даже пообѣдать безъ особыхъ предосторожностей и всю жизнь свою должны были быть на сторожѣ противъ заговоревъ. Преобразователи въ положительномъ правѣ или въ дѣйствительномъ бытѣ всегда терпѣли разныя страданія и тяжелыя неудобства своего положенія. Явленіе это такъ всеобще, что оно не обходитъ и самихъ правителей, самихъ государей, самихъ власть имѣющихъ, которымъ, повиднмому, страдать труднѣе, чѣмъ тѣмъ новаторамъ, которые имѣють противъ себя не только общество, но и самую власть. И однакожь, исторія Сервія Туллія, Іосифа II, Петра Великаго и т. д. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Но еще рѣзче законъ страданія сопутствуетъ обновленіямъ въ истинкахъ обществъ, въ общественныхъ мнѣніяхъ. Самыя незначительныя уклоненія отъ дѣйствующаго общественнаго мнѣнія, отъ привычнаго истинкта, словомъ отъ рутины, какъ напр. уклоненія даже отъ моды, отъ правилъ этикета, и тѣ наказываются всегда большимъ или меньшимъ страданіемъ. Что же касается уклоненій крупныхъ, не постепенныхъ, рѣзкихъ, внезапныхъ, крутыхъ, то они неперемѣнно ведутъ за собою болѣе или менѣе тяжкую катастрофу для уклонившагося. Нѣтъ нужды до того, по справедливому замѣчанію

Стронина, уклонился ли онъ въ сторону заблужденія или въ сторону истины: законъ страданія равно неумолимъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и уклоненіе истинное карается еще строже, чѣмъ ложное. Въ самомъ меньшемъ случаѣ эта кара есть презрѣніе, небреженіе, невниманіе общественное, которое всегда поражаетъ творчество бесплодностью, бесполезностью, ненужностью. Такъ, наиримѣръ, наказанъ былъ великій Рожеръ Бэконъ въ 13 вѣкѣ за то, что слишкомъ предвосхитилъ истины Бэкона Веруламскаго, Галилея, Коперника, Бертольда Шварца. Публика преслѣдовала Рожера Бэкона грубымъ и невѣжественнымъ подозрѣніемъ въ колдовствѣ и считала его чернокнижникомъ, а правительство воспрещало ему преподаваніе, запирало его въ келью, сажало въ тюрьму на цѣлые десять лѣтъ и т. д. Такъ-то тяжело, по замѣчавію Бокля, слишкомъ упреждать вѣкъ свой. Но хорошо еще, если упрежденіе это обходится только такъ дорого, какъ здѣсь. Въ другихъ случаяхъ оно оцѣнивается самой высшей цѣной, какая только есть для человѣка, — жизнью человѣческой. Такъ, наиримѣръ, заплатили за свои уклоненія Сократъ, Генуцій, Манлій Капитолійскій, Арвольдъ Брестанскій, Савонаролла, Гуссъ и множество другихъ лицъ. Точно также какъ новаторы страдаютъ и лица, пропагандирующія ихъ идеи, ихъ ученіе. Тутъ уже страдаютъ не единицы, а значительныя количества людей, отличающихся бѣльшимъ развитіемъ сравнительно съ другими людьми и большей воспримчивостью къ новымъ идеямъ и потому скорѣе переходящихъ на сторону провозглашающихъ какія-либо изъ этихъ идей. Пропаганда, даже самая незначительная, непременно требуетъ множества жизней и личностей, множества годовъ, а иногда даже многихъ вѣковъ и поколѣній. Такимъ образомъ оказывается, что именно на долю наиболѣе выдающихся своими талантами людей выпадали и выпадаютъ наибольшія страданія. Но природа вещей не представляетъ, говоритъ Милль, намъ ни малѣйшаго основанія предполагать невозможнымъ, чтобъ высокая степень умственного развитія сдѣлалась общимъ достоинствомъ *всѣхъ*, рожденныхъ въ цивилизованной странѣ. А если съ этимъ нельзя не согласиться, то мы должны признать, что съ одной стороны, умственные и художественныя наслажденія сдѣлаются доступными для всѣхъ въ одинаковой степени, а съ другой стороны, и самыя страданія,

испытывавшіяся выдающимися людьми вслѣдствіе неизменнаго и грубаго состоянія другихъ, должны исчезнуть. Мы скорѣе должны признать эти соображенія Милля прекрасной, утѣшительной мечтой, чѣмъ дѣльными и основательными разсужденіями. Впрочемъ, что это за природа вещей, о которой говоритъ Милль? Если онъ ищетъ въ виду природу человѣка, какова она сама по себѣ, по своей идеѣ, то о такой природѣ всего меньше можетъ и долженъ говорить послѣдовательный позитивистъ. Мы знаемъ человѣческую природу, какою она обнаруживается въ жизни и дѣятельности отдѣльныхъ индивидуумовъ и коллективныхъ человѣческихъ организмовъ, каковы народы и т. п. Но опираясь на наши свѣдѣнія о человѣческой природѣ, добытыя тысячелѣтнимъ опытомъ, имѣемъ ли мы хоть малѣйшее основаніе предположить возможность осуществленія мечтаній Милля? Неравенство, существующее въ настоящее время между развитыми и неразвитыми людьми, никогда не исчезнетъ: оно формально только можетъ видоизмѣняться. Пока безграмотные и неразвитые люди будутъ подниматься до того уровня, на которомъ стоятъ современные наиболѣе развитые люди, эти послѣдніе не станутъ же стоять на одномъ мѣстѣ и успѣютъ уйти очень далеко. Но это еще вопросъ: могутъ ли теперешніе безграмотные и невѣжественные люди даже въ цивилизованныхъ странахъ достигнуть такого умственнаго и художественнаго развитія, о какомъ говоритъ Милль? Вѣдь это развитіе не ниспадетъ же къ нимъ, какъ манна съ неба. Предполагается, что они должны собственнымъ трудомъ и собственными средствами приобрести его. Но кто же за теперешній рабочій и земледѣльческій классъ будетъ отбывать тѣ труды, которыя онъ несетъ? Кто за него будетъ нести государственныя и общественныя повинности? Кто обезпечитъ, далѣе, рабочій и земледѣльческій классъ въ матеріальномъ отношеніи на все то время, пока онъ не достигнетъ желаемой Миллемъ степени умственнаго и художественнаго развитія? Кто пробудитъ въ народѣ стремленіе къ такому именно умственному и художественному образованію, при которомъ единственно возможно сознательное и невольное предпочтеніе умственныхъ и художественныхъ наслажденій всякимъ другимъ? Обыкновенно и люди образованные посвящаютъ себя наукѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ по такимъ по-

бужденіямъ, которыя съ наукою имѣютъ очень мало общаго. Мало ли также такихъ художниковъ, которыя занимаются искусствомъ, рѣшительно не изъ-за любви къ искусству взявшись за него. Эти ученые и эти художники большей частью ищутъ наслажденій не въ наукѣ или искусствѣ, а въ такихъ вещахъ, которыми пробавляются и обыкновенные смертные. Для нихъ наука—официальный парадный мундиръ, доходная статья, павлиньи перья, не болѣе. Но наука доставляетъ наслажденіе только тѣмъ, кто вступаетъ въ ея область съ чистымъ сердцемъ, горящимъ любовью къ ней ради нея самой. Тоже самое нужно сказать и объ искусствѣ. Значитъ, и изъ среды такъ-называемыхъ просвѣщенныхъ людей лишь самое ничтожное число умѣетъ и можетъ находить наслажденіе въ наукѣ или искусствѣ. Да если бы въ народѣ и была пробуждена такая любовь, то какъ бы она удовлетворялась? Для удовлетворенія такой любви потребны такія условія, какія рѣшительно невозможны, какое бы отдаленное будущее мы ни взяли въ соображеніе. Но независимо отъ всего этого мы въ правѣ спросить: можно ли предположить, что нѣкогда совершенно исчезнетъ различіе между людьми, какъ болѣе способными, менѣе способными и совсѣмъ не способными? настанетъ ли когда-нибудь такое время, когда между людьми установится полное согласіе и единство во всемъ ихъ міровоззрѣніи и во всѣхъ ихъ симпатіяхъ и вкусахъ? На эти вопросы возможенъ лишь безусловно отрицательный отвѣтъ, поскольку онъ будетъ основываться на несомнѣнныхъ научныхъ аналогіяхъ, а не на фантастическихъ предположеніяхъ. Выбѣтъ съ этимъ исчезаетъ возможность наступленія такого времени, когда стали бы невозможны тѣ страданія высокоталантливыхъ и гениальныхъ людей, о которыхъ, т.-е. страданіяхъ, мы говорили выше. Итакъ, какъ бы ни фантазировали утилитаристы въ лицѣ Милля, мы должны сказать, что съ одной стороны, наслажденія въ области науки и искусства существуютъ для самаго ограниченнаго круга людей, а съ другой стороны, впереди и за этими наслажденіями будутъ всегда слѣдовать и такія страданія, какихъ не знаетъ масса, все остальное заурядное человѣчество. Этотъ законъ непреложенъ. Какъ бы ни смягчались, повидимому, внѣшнія условія жизни, въ которыхъ могутъ находиться лучшіе представители человѣческаго рода и какъ бы ни прогрессировала масса

въ своемъ развитіи, соотвѣтственно этому могутъ возвышаться и идеалы и требованія отъ жизни со стороны выдающихся людей, а равно не могутъ не возникать новыя идеи, не дѣлаться новыя открытія и т. д., которыя не по плечу современнымъ поколѣніямъ и которыя слѣдовательно будутъ стоять виновникамъ ихъ глубокихъ и тяжкихъ страданій.

Теперь остается намъ рассмотреть отношеніе между добродѣтелью и счастьемъ. Вопросъ объ отношеніи между добродѣтелью и счастьемъ въ исторіи развитія нравственныхъ ученій рѣшался различными моралистами различно. Одни, именно эвдемонисты, утверждали, что добродѣтель и счастье тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, причѣмъ счастье рассматривалось, какъ слѣдствіе добродѣтели. Само собою разумѣется, что это—наиболѣе серьезныя изъ моралистовъ этой школы. Другіе представители ея не стѣснялись высказать, что счастье скорѣе всего пріобрѣтается тѣми людьми, которые не особенно стѣсняются нравственными требованіями, и что слѣдовательно счастье и добродѣтель находятся въ нѣкоторомъ антагонизмѣ между собою. Въ новѣйшее время моралисты, примыкающіе по своему направленію къ эвдемонизму, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей, просто даже отождествляютъ понятія о добродѣтели и счастья въ томъ смыслѣ, что по ихъ ученію выходитъ, что добродѣтельный человѣкъ не можетъ не быть счастливымъ: сказать, что такой-то человѣкъ счастливъ, значитъ этимъ самымъ сказать, что онъ добродѣтеленъ, и наоборотъ. Эту мысль въ новѣйшее время проводили какъ нѣкоторые философы, напр. Шеллингъ, Спиноза и другіе, такъ и нѣкоторые западные богословы, какъ напр. Шварцъ, Круготтъ, Михаелисъ, Больцани, Мѣллеръ и другіе. Большинство представителей такъ-называемаго религіознаго утилитаризма высказывалось въ томъ смыслѣ, что повинновеніе и полное подчиненіе божественной волѣ неразлучно съ земнымъ счастьемъ, что Провидѣніе въ здѣшней еще жизни награждаетъ всяческими благами добродѣтель и т. д. Кантовская школа моралистовъ, по своимъ понятіямъ о взаимоотношеніи между добродѣтелью и счастьемъ, представляетъ рѣзкую противоположность съ философскимъ и богословскимъ эвдемонизмомъ или утилитаризмомъ. Хотя Кантъ и не отрицалъ того, что совершеннѣйшая добродѣтель требуетъ и соотвѣтственнаго ей

счастія, однакожь онъ вовсе не допускалъ мысли, что въ настоящей жизни добродѣтель имѣетъ своимъ спутникомъ и прямымъ слѣдствіемъ счастье. По Канту гармонія между совершеннѣйшей добродѣтелью и счастьемъ достигается лишь въ будущей жизни. Но этого недостаточно сказать о кантовскомъ взглядѣ на вопросъ относительно взаимоотношенія между добродѣтелью и счастьемъ. Кантъ училъ, что стремиться къ добродѣтельной жизни изъ-за надежды на счастье, на удовольствія и наслажденія значить не уважать добродѣтели, не понимать ея и даже разрушать. Какое же изъ этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣній на взаимоотношеніе между добродѣтелью и счастьемъ, между добрымъ дѣятельствомъ и наслажденіемъ болѣе справедливо? Вѣрнѣе ли то мнѣніе, по которому добродѣтельный человѣкъ испытываетъ больше наслаженій въ своей жизни и вообще болѣе счастливъ, или мнѣніе, составляющее съ этимъ прямую противоположность? Милль защищаетъ первое мнѣніе. Не касаясь пока вопроса о томъ, возможна ли истинная и дѣйствительная добродѣтель, какъ скоро человѣкъ стремится къ ней въ надеждѣ на полученіе наслажденія (съ этимъ вопросомъ мы встрѣтимся ниже и дадимъ на него должный отвѣтъ), мы остановимся на рѣшеніи вопроса: добродѣтельная ли жизнь или противоположная ей жизнь больше гарантируетъ приобрѣтеніе того, что Милль ставитъ въ числѣ необходимыхъ суррогатовъ счастливой жизни, именно: матеріальную обезпеченность, здоровье, расположеніе окружающихъ лицъ, внутреннее душевное спокойствіе, солидарность съ окружающимъ обществомъ, дорогія сердцу личныя привязанности: дружескія, семейныя и т. д. Мы уже достаточно говорили, что счастье понимается каждымъ по своему. Уже это одно свидѣтельствуетъ весьма сильно противъ мысли, будто добродѣтель условливаетъ собою наибольшее счастье: многіе такъ понимаютъ счастье, что добродѣтель можетъ служить самымъ главнымъ препятствіемъ для этихъ людей къ достиженію счастія. Утилитаризмъ нисколько не выпрыгаетъ въ томъ случаѣ, что, утверждая тѣсную связь между добродѣтелью и счастьемъ, онъ имѣетъ въ виду не просто счастье, а наибольшее счастье, которое и по Миллю достигается лишь при посредствѣ добродѣтели. Наибольшее счастье, по Миллю, какъ мы видѣли, есть преобладаніе въ жизни наслаженій. Но эти много-

численныя и многообразныя наслажденія доступны скорѣе всего людямъ невысокой нравственности, отличающимся неразборчивостью въ качественномъ достоинствѣ наслажденій и гоняющимся лишь за ихъ разнообразіемъ и многочисленностью. Добродѣтельный можетъ испытывать самыя высокія удовольствія. Это несомнѣнно. Но въ устахъ утилитариста слова: «высокія, низкія удовольствія» не болѣе какъ пустые звуки, лишенные всякаго смысла. Да и каковъ дѣло послѣдователю утилитарнаго ученія до этихъ высокіхъ удовольствій, когда ему дорого количество удовольствій и ихъ, такъ-сказать ви́шній размѣръ? Но станемъ на точку зрѣнія самого Милля и посмотримъ: добродѣтель ли благопріятствуетъ наибольшей матеріальной обезпеченности, здоровью и другимъ суррогатамъ счастливой жизни, или напротивъ, нравственно невысокій характеръ? Разсуждая же объ этомъ, мы должны имѣть въ виду положеніе добраго человѣка не среди какихъ-то идеальныхъ, не встрѣчающихся въ дѣйствительности людей, какъ это ради своихъ цѣлей дѣлаютъ фальшивыя защитники утилитаризма, но среди такихъ людей, каковы они бываютъ на самомъ дѣлѣ по свидѣтельству исторіи и современнаго наблюденія. При этомъ условіи мы должны неизбѣжно придти къ выводамъ, разрушительнымъ для утилитарнаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ, уже не разъ высказывалось самыми лучшими знатоками жизни, что «въ свѣтѣ только тотъ и счастливъ, кто умѣетъ искусно обдѣлывать разныя дѣла и хитро приспособляться къ окружающимъ обстоятельствамъ». Недавно, какъ пишутъ, знаменитый канцлеръ прусской имперіи, преисславленный Бисмаркъ, какъ-то проговорился, что человѣкъ, обладающій извѣстными моральными недостатками, гораздо скорѣе можетъ рассчитывать на большій успѣхъ въ жизни, чѣмъ люди, отличающіеся всеми возможными добродѣтелями. Биографъ Бисмарка при этомъ замѣчаетъ, что самъ пресловутый объединитель Германіи выдвинулся, именно благодаря этимъ недостаткамъ: хитрости, притворству, фальши, умѣнью выбирать средства, очень мало заботясь о томъ, насколько они нравственны. И относительно матеріальной обезпеченности въ жизни выигрываютъ тѣ, кто очень искусно умѣютъ эксплуатировать ближнихъ, не перемонятся въ выборѣ средствъ, отличаются смѣлой и беззаастѣнчивой предпримчивостью, не прибѣгаютъ къ суду совѣсти, рѣ-

шаясь на что-либо и совершая какую-нибудь житейскую операцию. Начиная съ какихъ-нибудь фокусниковъ, этихъ отщепенцевъ общества, и оканчивая журналистами, этими руководителями общественнаго мнѣнія, ловкіе и беззащитные люди въ жизни имѣютъ большій успѣхъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности и бездѣятельности (поприща общественной бездѣятельности, нерѣдко оплачивающейся весьма дорого, спеціально и существуютъ для ловкихъ людей, и создаются ими самими). Знаменитые французскіе фокусники, какъ напр. Лорамусъ, Луассе и др., извѣстные своимъ громаднымъ состояніемъ, обогатились сравнительно съ другими фокусниками, именно благодаря своей крайней нравственной легкости, своей необыкновенной способности приспособляться къ обстоятельствамъ, своей изворотливости и т. под. Лорамусъ, бывший сперва бѣднякомъ, кончаетъ тѣмъ, что онъ каждый день получалъ дохода отъ 2,500 до 3,000 франковъ. И какія только средства не употреблялъ этотъ человекъ, чтобы пожинать лавры въ жизни? Напр. онъ, благодаря своей ловкости и умѣнью прилаживаться къ людямъ, плѣняетъ сердце красавицы Лодонски, женится на ней и превращаетъ ее въ самую выгодную доходную статью. Между тѣмъ какъ ловкіе и нестѣсняющіеся въ средствахъ для достиженія богатства люди изъ среды фокусниковъ даже дѣлаютъ въ жизни такіе блестящіе успѣхи,—лица, отличающіеся развитымъ нравственнымъ чувствомъ, даже не рѣшатся взяться за это ремесло, при помощи котораго эксплуатируются карманы ближнихъ и люди безъ всякой церемоніи тунеядствуютъ, проводя жизнь въ праздности и развращая невѣжественную массу. Точно также ловкій и практичный журналистъ всегда сумѣетъ доставить большій успѣхъ своему журналу и тѣмъ создать себѣ состояніе, чѣмъ журналистъ, понимающій свое важное служеніе обществу и ни за какія блага нерѣшающійся угождать извращеннымъ вкусамъ публики, льститъ ея заблужденіямъ, поддѣлывается подъ духъ времени и проповѣдываетъ то, что въ ходу, что имѣетъ значеніе моды. Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей иностранной и русской журналистики и съ современными явленіями въ области ея, тотъ знаетъ, что для наибольшаго успѣха того или другаго журнала не столько нужны всесторонняя и глубокая образованность его дѣятелей, трезвость ихъ убѣжде-

ній, постоянство во взглядахъ на вещи и неподкупная правдивость, сколько умѣнье постигнуть потребности извѣстнаго кружка читающей публики, тонко льстить ей, ратовать за нее, когда даже она заслуживаетъ полнаго осужденія, умѣло подрывать достоинство другихъ журналовъ, самоувѣренно разсуждать обо всемъ, угадывать измѣненія, совершающіяся въ общественномъ мнѣнн, и т. д. Конечно, разные журналы въ разныхъ обществахъ имѣютъ успѣхъ, опредѣляющійся какими-либо специфическими причинами. Иной журналъ старается поддѣлаться къ сильному міра, нѣмѣнно отрываетъ въ библиотечныхъ архивахъ какіе-либо труды, нужные для закрѣпленія какойнибудь выдыхающейся и бессмысленной традиціи, добивается разныхъ оффиціальныхъ субсидій, осаждаетъ сильныхъ міра сего просьбами о содѣйствіи распространенію журнала, накидывается на другіе журналы съ упреками въ либерализмъ и т. д. Иной журналъ поддѣлывается всячески къ аристократическому кружку въ странѣ, другой—къ демократическому, третій—къ либераламъ, четвертый—къ консерваторамъ и т. д. Существовали и существуютъ и такіе журналы, которые ухитряются угождать самой разнохарактерной публикѣ. Чѣмъ искуснѣе и находчивѣе умѣютъ руководители того или другаго журнала прилаживаться къ наличнымъ условіямъ жизни, тѣмъ больше вообще они выигрываютъ. Положеніе журнала, руководители котораго всего меньше думаютъ о томъ, какъ бы приладиться къ разнымъ обстоятельствамъ, и заботятся единственно о распространеніи въ обществѣ началъ правды, истины и добра, никогда не будетъ наиболее выгоднымъ. Въ пользу этой мысли свидѣтельствуетъ вся исторія журналистики, сколько мы съ нею знакомы. Думать же, что въ будущемъ этотъ законъ измѣнится радикально, значить позабывать, что людямъ не суждено быть ангелами на землѣ. Мы не будемъ говорить о другихъ поприщахъ дѣятельности, обеспечивающихъ человѣку его матеріальное благосостояніе. Вездѣ, по нашему глубокому убѣжденію, выигрываетъ ловкій, а не истинно-нравственный человѣкъ, который готовъ скорѣе лишиться жизни, чѣмъ продѣлывать такія безобразія для своего матеріальнаго обезпеченія, на какія и въ наше просвѣщенное время рѣшаются многіе даже изъ такъ-называемыхъ образованныхъ, развитыхъ людей. Намъ могутъ замѣтить, что люди, без-

честными средствами составляющіе себѣ состояніе, нерѣдко не только клеймятся судомъ общественнаго мнѣнія, но и преслѣдуются судебнымъ порядкомъ. Но, вопервыхъ, есть люди, которые вполне презираютъ это общественное мнѣніе и, прислушиваясь къ нему, продолжаютъ обдѣлывать свои дѣла. Вторыхъ, общество, вмѣсто презрѣнія, нерѣдко даже удивляется наиболѣе выдающимся эксплуататорамъ ближнихъ и возводитъ ихъ въ идеалъ для подражанія. Третьихъ, въ самомъ обществѣ, проникнутомъ мыслию лишь о наживѣ, о матеріальныхъ благахъ и выгодахъ, понятіе о чести ослабѣваетъ или до крайности извращается. Четвертыхъ, подвергаются суду лишь наименѣе искусные эксплуататоры ближнихъ. Пятыхъ, громадные средства, приобретенныя человекомъ, большею частью выносятся его на свободу изъ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Шестыхъ, развѣ мы не видимъ грустныхъ примѣровъ на нашихъ судахъ, что судьи, выросшіе и воспитавшіеся въ обществѣ, нравственныя основы котораго не особенно крѣпки, очень часто выносятъ оправдательный приговоръ такимъ лицамъ, которые должны бы понести на себѣ всю тяжесть законной кары. Наконецъ, не всегда нужна какая-нибудь особенная поразительная безчестность для успѣха: большей частью для этого нужна просто нѣкоторая легкость нравственная. Скажутъ: нажитое недобросовѣтными средствами и проживается легко. Но всегда ли и даже часто ли это бываетъ? Большой частью умѣютъ беречь деньги именно люди, спеціально занимающіеся эксплуатаціей ближнихъ, между тѣмъ какъ добродѣтельные люди и свое достояніе растрачиваютъ на помощь разнымъ бѣднякамъ и немущимъ. Но, говоритъ Милль, добродѣтельный счастливѣе въ томъ отношеніи, что онъ, вмѣсто матеріальныхъ благъ, можетъ исключительно обладать такимъ важнымъ для счастья духовнымъ благомъ, какъ душевный миръ, бывающій результатомъ спокойной совѣсти. Однакожъ, къ чему же утилитаризмъ во главѣ условій счастливой жизни поставляетъ матеріальное довольство? Душевное спокойствіе, рассуждая съ утилитарной точки зрѣнія, хорошо тогда, когда при этомъ человекъ не чувствуетъ мучительныхъ приступовъ голода или не видитъ вокругъ себя жены и дѣтей, живущихъ въ холодной и сырой конурѣ, оборванныхъ и голодающихъ. Въ противномъ случаѣ не будетъ ли возму-

щемо и подавляемо самое это душевное спокойствіе? Семейныя привязанности и дружескія, на которыя указываетъ Милль, не послужатъ ли въ этомъ случаѣ для добродѣтельнаго источника новыхъ и сильныхъ страданій? Добрый человѣкъ скорѣе самъ одинъ готовъ переносить скорби и лишенія, чѣмъ видѣть страдающими другихъ. Онъ готовъ облегчить горькое положеніе семьи и друзей и найти въ этомъ отраду для себя, но не въ состояніи. Не новыя ли страданія съ этимъ начинаются у него? Конечно, добрая жена и добрыя дѣти готовы по возможности бодро переносить свои лишенія и не давать чувствовать главѣ семьи своихъ страданій. Но развѣ это его всегда облегчитъ и утѣшитъ? Не скорѣе ли самая эта кроткая терпѣливость и молчащее страданіе порой должны камнемъ ложиться на сердце его и удесатерять его страданія? Да часто ли случается въ жизни такое счастливое совпаденіе характеровъ всѣхъ членовъ семьи, что мужъ имѣетъ добрую жену, отецъ добрыхъ дѣтей? Въ дѣйствительной жизни строй семейныхъ отношеній далеко не завиденъ. Умному человѣку рѣдко попадается соотвѣтствующая ему жена. То же самое нужно сказать и о добромъ. Кто тутъ виноватъ? Это другой вопросъ. Біографія самого Милля свидѣтельствуетъ, какое значеніе для счастливой жизни имѣетъ хорошая жена. Значитъ, если добродѣтельный человѣкъ не имѣлъ случая встрѣтиться съ доброй женщиной и связалъ свою судьбу съ такой, которую никакія благія усилія не въ состояніи привести въ гармонію съ мужемъ, тогда для него перенесеніе тягостей и лишеній жизни становится въ нѣсколько разъ труднѣе. А дѣти? Сколько горя и непріятностей приносятъ часто честному и благородному отцу дурныя дѣти, надъ исправленіемъ которыхъ онъ напрасно трудится? Несомнѣнно, счастливъ тотъ человѣкъ, совѣсть котораго не запятана никакимъ преступленіемъ. Но, во первыхъ, не нужно забывать, что угрызения совѣсти возможны въ совѣстливомъ, тонко чувствующемъ человѣкѣ. Напротивъ, человѣкъ, привыкшій къ дурнымъ дѣламъ и не думающій о нравственномъ достоинствѣ своей жизни и своихъ дѣйствій, больше тревожится и страдаетъ, когда почему-нибудь ему не удаются его планы, чѣмъ тогда, когда онъ сознаетъ нравственную преступность своихъ дѣйствій. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о людяхъ, выступающихъ въ жизнь съ еди-

ственнымъ желаніемъ искать собственнаго счастія. Для нихъ дурной поступокъ долженъ собственно заключаться въ какой-нибудь неудачѣ, въ какой-либо опрометчивости при стремленіи къ благополучію, какъ бы они его ни понимали и въ чемъ бы ни поставляли. Вовторыхъ, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что нравственное совершенство, предполагающее отсутствіе угрызений совѣсти, составляетъ лишь идеаль, недостижимый въ здѣшней жизни. Большая нравственная развитость, отличающая извѣстныхъ людей, необходимо бываетъ сопряжена съ большей чуткостью ихъ совѣсти къ малѣйшимъ ненормальностямъ, допущеннымъ человѣкомъ не только въ дѣйствіяхъ, но и въ самыхъ затаенныхъ душевныхъ движеніяхъ. При этомъ укору совѣсти ощущаются гораздо сильнѣе, чѣмъ ея одобренія. Значитъ, страданія совѣсти скорѣе возможны въ людяхъ добрыхъ, чѣмъ порочныхъ. Втретьихъ, нужно имѣть въ виду, что борьба съ дурными наклонностями и влеченіями, большей частью весьма сильными и упорными, предполагающаяся необходимо во всякомъ добродѣтельномъ человѣкѣ, сопровождается такими страданіями, которыя неизвѣстны тѣмъ, кто идетъ на сдѣлки съ порокомъ и удовлетворяетъ своимъ склонностямъ и влеченіямъ. Скажутъ: дурной человѣкъ своимъ образомъ жизни, заключающимся въ сластолюбіи и распутствѣ, можетъ разрушать свое здоровье и чрезъ то дѣлать злосчастною свою жизнь. Здоровье же, и по Миллю, стоитъ въ числѣ главныхъ принадлежностей счастливой жизни. Но развѣ крѣпость здоровья еще при рожденіи дается тѣмъ людямъ спеціально, которые современемъ будутъ отличаться высокими нравственными качествами? Развѣ болѣзни посѣщаютъ только тѣхъ людей, которые ведутъ дурную жизнь? Въ жизни бываетъ весьма часто, что лучшіе въ нравственномъ отношеніи люди отъ природы обладаютъ хилымъ тѣломъ и умираютъ отъ самыхъ злыхъ болѣзней преждевременно, между тѣмъ какъ дурные люди обладаютъ такимъ желѣзнымъ организмомъ, который не надламывается при самой безобразной жизни. Несомнѣнно, что неумѣренное сладострастіе и другіе пороки не могутъ не служить причиною разрушенія здоровья. Но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы добродѣтельная жизнь необходимо сопряжена была съ цвѣтущимъ здоровьемъ? Вовсе нѣтъ. Порочный человѣкъ можетъ такъ разсчетливо удовлетворять своимъ сла-

столюбивымъ и другимъ наклонностямъ, что нисколько не повредитъ своему здоровью, между тѣмъ какъ добродѣтельный самымъ своимъ воздержаніемъ отъ удовлетворенія извѣстныхъ своихъ наклонностей и борьбою съ ними можетъ иногда сильно ослаблять свое здоровье. Такимъ образомъ оказывается, что нѣтъ необходимой связи и между здоровьемъ и добродѣтельной жизнью. Но, въ такомъ случаѣ, почему бы утилитаристъ сталъ предпочитать добродѣтель? — Не болѣе ли обезнечиваетъ добродѣтель расположеніе ближнихъ къ доброму человѣку и его солидарность съ окружающимъ обществомъ? Несомнѣнно, что постоянная честность, правдивость, дѣятельная любовь къ другимъ и тому подобныя нравственные качества вызываютъ расположеніе и почтеніе къ обладающимъ ими. Но не видимъ ли мы въ то же время, что это расположеніе и это почтеніе еще чаще выпадаютъ на долю тѣхъ, которые умѣютъ маскироваться такъ сказать въ разныя возвышенныя добродѣтели, отнюдь не обладая ими? Есть люди, которые выдаютъ себя гуманными, справедливыми и т. д., до такой степени искусно драпируются въ эти добродѣтели, что равнѣ самыя близкія лица узнаютъ настоящія ихъ качества и усиленно заглядываютъ въ ихъ душу съ ея черствымъ эгоизмомъ и фальшивостью. Эти-то послѣднія лица собственно и благоденствуютъ въ жизни. Подъ прикрытіемъ добродѣтели они весьма успешно осуществляютъ разныя свои своекорыстныя намѣренія и эксплуатируютъ окружающее ихъ общество. Но люди, отличающіеся дѣйствительною любовью къ людямъ, непоколебимою честностью и неизмѣнною справедливостью, обыкновенно встрѣчаютъ ожесточенную вражду противъ себя и нерѣдко положительныя преслѣдованія. Тотъ, кто дѣйствительно любитъ своихъ ближнихъ, душу свою готовъ положить за нихъ. Поэтому онъ не потерпитъ угнетенія слабыхъ и такъ или иначе встанетъ на защиту ихъ. Человѣкъ строгой и ненамѣнной правдивости не смолчитъ тогда, когда ложь и клевета пятнаютъ чье бы то ни было доброе имя. Человѣкъ справедливый на самомъ дѣлѣ не вынесетъ нарушенія правъ его ближнихъ и не приминетъ тѣмъ или другимъ способомъ положить конецъ безправію или по крайней мѣрѣ неостанется безъ энергическаго протеста. Такіе люди, для которыхъ исполненіе добра составляетъ задачу жизни, могутъ очень мало на-

слаждаться и очень жестоко страдать самымъ различнымъ образомъ. Солидарность съ обществомъ для нихъ скорѣе всего можетъ состоять въ борьбѣ съ самимъ же этимъ обществомъ за нравственное и умственное перевоспитаніе его. Но кто идетъ на упорную борьбу съ обществомъ во имя истины и добра и энергично ведетъ ее, путь того бываетъ усыпанъ не пѣтами а терніемъ. Эти люди, нося въ своей великой душѣ глубокую скорбь, поражаемую нестроеніемъ и зломъ общественнымъ, въ своей жизни испытываютъ гоненія и преслѣдованія со стороны того самого общества, которое они такъ пламенно любятъ и благо котораго такъ близко ихъ сердцу....

Мы съ достаточной обстоятельностью рассмотрѣли мысль Милля о томъ, что наибольшее счастье, будто бы, составляетъ удѣлъ людей, отличающихся высокимъ умственнымъ, художественнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Нашъ совершенно безпристрастный анализъ необходимо приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что утилитарное ученіе, каковымъ даже представляется оно у Милля, рѣшительно не въ состояніи доказать необходимую и постоянную связь между высшими духовными качествами человѣка и наибольшимъ счастьемъ. Не можемъ не замѣтить, что самъ Милль до такой степени не увѣренъ въ томъ, чтобы существовала *постоянная и необходимая* связь, — а въ ней то и вся суть дѣла, — между высокимъ умственнымъ, художественнымъ и нравственнымъ развитіемъ и наибольшимъ счастьемъ, что то онъ усиливается доказать существованіе этой связи, то позволяетъ тутъ же себѣ высказывать такіа мысли, которыми прямо отрицается эта связь. Такъ, онъ говоритъ: «чѣмъ большими способностями одаренъ человѣкъ, тѣмъ большее требуется для его счастья, тѣмъ сильнѣе чувствуются имъ страданія и тѣмъ самыя эти страданія его многостороннѣе». Но въ такомъ случаѣ, къ чему же эти усилія доказывать недоказуемое? Не лучше ли было бы прямо сознаться, что утилитарное ученіе оставаясь самимъ собою и не заимствуясь отъ болѣе серьезныхъ моральныхъ системъ, никакъ не въ состояніи оправдать и объяснить съ своей точки зрѣнія необходимость предпочтенія высшихъ благъ предъ низшими? Милль сперва, какъ мы знаемъ, указывалъ на голосъ развитыхъ людей въ пользу высшихъ благъ и въ немъ надѣялся указать основаніе для оцѣнки на-

слаженій по ихъ качественному достоинству и для предпочтенія духовныхъ наслаженій и высшихъ полезностей передъ чувственными наслаженіями и низшими полезностями. Но и тутъ онъ не могъ не видѣть всей бесплодности попытокъ установить, съ утилитарной точки зрѣнія, мѣрило для оцѣнки удовольствій въ качественномъ отношеніи. Но если по поводу этой своей попытки онъ могъ сказать, хотя и несправедливо, слѣдующее: «я вовсе не думаю утверждать, что высказанное мною мнѣніе по вопросу о качественности удовольствій имѣло такое значеніе, что его принятіе или непринятіе необходимо должно влечь за собою принятіе или непринятіе и самаго утилитарнаго принципа», то въ настоящемъ случаѣ Милль никакъ не можетъ этого сказать. Если утилитаризмъ безсиленъ доказать, что наибольшее счастье составляетъ прямое и естественное достоиніе болѣе развитыхъ людей въ умственномъ, художественномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то что же это за безобразное нравственное ученіе, которое нетолько индифферентно къ тому, какъ и чѣмъ наслаждаются люди, лишь бы они наслаждались, но даже склоняется несомнѣнно въ пользу низшихъ стремленій и инстинктовъ человѣческихъ? Пусть по личному вкусу сторонники утилитарнаго ученія стоятъ за высшія наслаженія, но съ точки зрѣнія основнаго его принципа нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ удовольствій: существуютъ лишь болѣе сильныя и болѣе чистыя наслаженія, и однакожъ они—достоиніе не людей, отличающихся высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Этотъ выводъ роняетъ утилитарное ученіе въ самомъ его основаніи, какъ это ученіе излагается Миллемъ. На вопросъ что именно благоприятствуетъ наибольшему счастью, утилитаризмъ долженъ отвѣтить: умственная и художественная неразвитость съ нравственной легкостью характера. Что же это за нравственная система? Кому она нужна?

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

А. Губовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ВОСТОЧНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ.

Миръ церкви іерусалимской, нарушенный низложеніемъ патріарха Кирилла и возведеніемъ на кафедру патріарха Прокопія, нельзя считать восстановленнымъ съ удаленіемъ послѣдняго отъ дѣлъ правленія и избраніемъ киръ Іероооя. Хотя новый патріархъ былъ, согласно желанію членовъ іерусалимскаго синода и большинства братства Гроба Господня, утвержденъ высокою портою въ должности, но христіане Палестины заявили было, что они не признаютъ киръ Іероооя своимъ патріархомъ. Новый патріархъ занялъ впрочемъ свою кафедру, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія. Можетъ быть арабы Палестины нынѣ подчинятся силѣ обстоятельствъ и перестанутъ до извѣстнаго времени волноваться, но ихъ спокойствіе, вѣроятно, не будетъ продолжительнымъ. Положеніе, въ которое ихъ ставитъ новый органическій регламентъ іерусалимской церкви, столь же неудовлетворительно для нихъ какъ и прежде.

Этотъ регламентъ предоставляетъ попрежнему всю церковную власть въ рукахъ греческаго духовенства, которое въ лицѣ патріарха и синода, состоящаго изъ шести архіереевъ и девяти архимандритовъ, управляетъ всѣми дѣлами іерусалимской церкви и завѣдуетъ всѣми принадлежащими ей имуществами и заведеніями. Мѣстному арабскому населенію дано, правда, право участія въ избраніи патріарха, но это право столь маловажно, что пользуясь имъ, арабы не могутъ имѣть никакого вліянія на вы-

боры. Арабскіе священники, прывыаемыя по одному изъ каждой епархіи въ избирательное собраніе, участвуя въ составленіи каталога кандидатовъ на патриаршую кафедру, могутъ лишь внести въ оный своего кандидата, но окончательное избраніе патриарха изъ назначенныхъ кандидатовъ находится въ рукахъ греческаго духовенства. Архіереи выбираются и назначаются исключительно синодомъ. Такой порядокъ вещей не удовлетворяетъ палестинскихъ христіанъ желающихъ возвратиться къ прежнимъ временамъ, когда іерусалимская церковь управлялась мѣстнымъ духовенствомъ находившимся въ живой постоянной связи съ населеніемъ страны и согласовавшимъ свои дѣйствія съ его желаніями и нуждами.

Вотъ какъ изъясняютъ свои желанія и доказываютъ неправильность нынѣшнихъ отношеній къ нимъ греческаго духовенства арабы Палестины.

Мы ¹⁾, говорятъ они, составляемъ народъ и духовенство іерусалимской кафедры, а патриархъ и архіереи—наши пастыри не имѣютъ безъ насъ ни гражданскаго, ни религіознаго существованія. За нами должно поэтому признать на основаніи каноновъ право участія въ ихъ избраніи и назначеніи. Мы законно владѣли этимъ правомъ въ лицѣ нашихъ предковъ, во множествѣ населявшихъ Палестину и отличавшихся своимъ благочестіемъ. Мы пользовались имъ также въ послѣдствіи, когда число ихъ вслѣдствіе историческихъ причинъ уменьшилось и когда, несмотря на постигшія насъ бѣдность и униженіе, мы наслаждались миромъ и спокойствіемъ подъ руководствомъ истинныхъ пастырей полагающихъ душу за овцы, потому что они были отъ насъ, знали насъ какъ своя овцы, и мы знали ихъ и шли за ними по указываемому ими пути православной вѣры. Раскройте страницы древней и новѣйшей церковной исторіи и, прослѣдивъ какъ происходило въ древнія времена избраніе патриарховъ и архіепископовъ въ константинопольскомъ, александрійскомъ, антиохійскомъ и іерусалимскомъ патриархатахъ, сравните его съ нынѣшнимъ порядкомъ выборовъ въ трехъ первыхъ

¹⁾ См. въ газетѣ Βορῆαίς отъ 31-го мая статью подъ заглавіемъ *Το σίγημα τῶν ἐν Παλαιστίνῃ ὀρθοδόξων* написанную отъ лица палестинскихъ христіанъ.

патріархатахъ и съ порядкомъ, котораго нѣкоторые требуютъ для іерусалимскаго. Прочтите исторію нашей іерусалимской церкви, прослѣдите дѣянія патріарховъ и архіереевъ, ихъ жизнь и дѣяствія въ сферѣ религіи и церкви и, положа руку на сердце, скажите, оставались ли чуждыми ихъ дѣяствіямъ въ этой сферѣ мѣстное населеніе и духовенство Палестины, были ли они, какъ нѣкоторые утверждаютъ, совершенно безгласными и безучастными въ дѣлахъ церкви предоставляя все въ этихъ дѣлахъ благоусмотрѣнію своихъ патріарховъ и архіереевъ, и не было ли наконецъ въ іерусалимской церкви того священнаго союза взаимной во Христѣ любви, который соединяетъ въ другихъ мѣстахъ пастырей съ паствами».

«Изъ исторіи повѣствующей о жизни и дѣлахъ патріарховъ и архіереевъ іерусалимской церкви мы знаемъ, что послѣдніе прежде не навязывались силой своимъ паствамъ, но выбирались мѣстнымъ духовенствомъ съ участіемъ народа, и что они были истинными отцами и пастырями этого народа, соединявшими свою судьбу съ судьбой ихъ словеснаго стада. Мы знаемъ, что пока наши предки говорили и писали на греческомъ языкѣ, что продолжалось до четырнадцатаго вѣка, наши патріархи и архіереи писали и говорили на томъ же языкѣ. Когда же арабскій языкъ взялъ перевѣсъ надъ греческимъ, вслѣдствіе переселенія многихъ племенъ изъ Аравіи въ Палестину, то духовенство и народъ послѣдней, равно какъ избираемые ими патріархи и архіереи, стали по примѣру сирійскихъ христіанъ говорить и писать на арабскомъ языкѣ. Мы узнаемъ также, что предки наши, хотя и приняли арабскій языкъ, не слились, однако, по народности съ переселенцами изъ Аравіи, сохранивъ собственную народность подъ названіемъ *ромеовъ*, какъ это видно изъ крисовуллы дарованной султаномъ Селимомъ I іерусалимскому патріарху Атталь, или Дороею въ 1518 году. Вслѣдствіе сего они смотрѣли на православныхъ ромеовъ въ остальныхъ областяхъ государства какъ на своихъ соплеменниковъ, принимали ихъ, когда они пріѣзжали на поклоненіе святымъ мѣстамъ, какъ братьевъ, и считали ромейскихъ монаховъ и іеромонаховъ своими, почему иногда и выбирали изъ нихъ своихъ патріарховъ и архіереевъ. Такое избраніе было на примѣръ въ 1538 году, въ лицѣ патріарха Германа, въ 1579 году въ лицѣ патріарха Со-

Фронія и въ 1608 году въ лицѣ патріарха Феофана, которые были уроженцами Пелопонеза. Названные іерархи возведены были на патріаршую кафедру общимъ избраніемъ духовенства и народа іерусалимской церкви. Изъ нихъ патріархъ Германъ, желая послѣ сорокапятилѣтняго патріаршества сложить съ себя правленіе, созвалъ къ себѣ духовенство города Іерусалима и почетнѣйшихъ лицъ изъ народа и, объяснивъ имъ свое желаніе удалиться отъ дѣлъ, поручилъ имъ избрать ему преемника, что они и сдѣлали, выбравъ на его мѣсто патріарха Софронія. Послѣдній, патріаршествовавъ 29 лѣтъ, подалъ въ отставку въ 1608 году также предъ собраніемъ духовенства и народа іерусалимскаго. Преемникомъ его избранъ былъ патріархъ Феофанъ, который по 37 лѣтнемъ правленіи умеръ въ 1645 году въ Константинополѣ. По смерти его, пребывавшіе въ этомъ городѣ монахи изъ монастыря Гроба Господня, въ числѣ пяти, самовольно приступили къ избранію новаго патріарха и, содѣйствіемъ сильнаго въ то время молдавскаго князя Василя, настояли, чтобы патріархомъ назначенъ былъ настоятель монастыря Галата, чтѣ въ Яссахъ, Паисій. Мѣстное духовенство и народъ воспротивились этому неправильному избранію, но принуждены были уступить насилію, видя вліяніе и рѣшительность новаго патріарха. Это нарушеніе законнаго порядка повело ко многимъ другимъ, въ ущербъ правамъ іерусалимскаго народа. Патріархъ Паисій обратилъ іерусалимское патріаршество въ монастырь, въ который ввелъ монаховъ и іеромонаховъ изъ ромеовъ другихъ областей. Послѣдніе, принявъ въ свои руки управленіе іерусалимскою церковію, устранили отъ него мѣстное духовенство и народъ. Съ того времени они одни стали управлять іерусалимскою церковію, они одни рукополагались архіереями, составляли синодъ, они одни представляли іерусалимскую церковь. Имѣя въ виду упрочить свое господство, они приняли за правило не допускать мѣстныхъ христіанъ въ свое общество. Если кто изъ послѣднихъ желалъ принять монашеское званіе, то онъ долженъ былъ выселиться изъ Палестины, такъ какъ здѣсь ему было невозможно поступить въ какой-либо монастырь. Этотъ порядокъ вещей продолжался до временъ патріарха Кирилла. При выборахъ этого патріарха, происшедшихъ въ 1845 году, православному духовенству и народу Палестины было возвращено праж-

нее право участія въ избраніи своего духовнаго начальника. Это подало было христіанамъ Палестины надежду, что прежняя исключительная система будетъ отмѣнена. Въ послѣдствіи однако оказалось, что патріархъ Кириллъ не былъ къ тому приго-товленъ. По изложеніи этого патріарха, монахи Гроба Господня, ни во что не ставя правъ мѣстнаго духовенства и народа, выбрали одни патріархомъ архіепископа Газы, киръ Прокопія, что возбудило всеобщее негодованіе среди христіанъ Палестины и заставило ихъ не признать этого избранія. Палестинскіе христіане принуждены были обратиться къ правительству Высокой Порты и къ великой константинопольской церкви съ просьбой о покровительствѣ и защитѣ противъ горсти притѣсняющихъ ихъ иностранныхъ монаховъ.

Изъ этого сдержаннаго заявленія желаній палестинскихъ христіанъ можно всякому убѣдиться, что если люди нынѣ управляющіе судьбами іерусалимской церкви не позаботятся объ удовлетвореніи ихъ въ извѣстной степени, то происходящія съ нѣкотораго времени въ этой церкви волненія не прекратятся, хотя и могутъ по временамъ затихать.

Новый іерусалимскій патріархъ, киръ Іерооей, бывший до его избранія повѣреннымъ братства Гроба Господня въ Смирнѣ, выѣхалъ изъ этого города для слѣдованія въ Іерусалимъ 15-го іюня. Предъ своимъ выѣздомъ, онъ отправился, въ сопровожденіи духовенства Смирны, въ церковь, гдѣ, по совершеніи молебствія, сказалъ прощальное къ жителямъ города слово. Въ отвѣтъ на его слово были произнесены два другія, первое однимъ изъ учителей евангельской школы, а другое однимъ изъ мѣстныхъ священниковъ. Вслѣдствіе протеста арабовъ Палестины и нѣсколькихъ архимандритовъ Гроба Господня противъ избранія кира Іерооея, Высокая Порта въ началѣ не спѣшила дать ему свое формальное утвержденіе въ должности, почему на первый разъ ему послано было лишь визирское письмо позволяющее ему отправиться въ Іерусалимъ для занятія своего мѣста, но чрезъ нѣсколько времени послѣ того новому патріарху отправленъ былъ также формальный султанскій берать. Киръ Іерооей прибылъ въ Іерусалимъ 23-го іюня, встрѣченный тамъ съ подобающими ему почестями. Такъ какъ онъ предъ его избраніемъ находился въ санѣ архимандрита, то 29-го іюня было совершено рукоположеніе его въ архіерея.

Въ первыхъ числахъ іюня скончался одинъ изъ архіереевъ іерусалимскаго престола, тиверіадскій митрополитъ, киръ Нектарій, принимавшій дѣятельное участіе въ низложеніи патріарха Кирилла и потомъ бывшій главой движенія противъ патріарха Прокопія. Какъ утверждаютъ нѣкоторыя изъ константинопольскихъ газетъ, онъ имѣлъ въ виду при этихъ волненіяхъ лишь занять іерусалимскую кathedру и, не усиѣвъ въ томъ, умеръ съ горести. Изъ его имущества, восходившаго, какъ говорятъ, до 140,000 рублей, найдена была по его смерти весьма незначительная часть. Прочее было расхищено окружавшими его людьми.

Одинъ изъ вопросовъ наиболее занимавшихъ въ послѣднее время великую константинопольскую церковь— есть такъ-называемый аеонскій вопросъ, возбужденный опасеніями грековъ касательно дѣлей пребыванія русскихъ монаховъ на Аеонѣ. Благодаря поверхностному взгляду и разглагольствіямъ большей части греческихъ газетъ, между греками распространилось мнѣніе, что русскіе монахи поселяющіеся на Аеонѣ служатъ дѣлямъ панславизма и что если противъ нихъ не будетъ принято нужныхъ мѣръ, они мало-по-малу захватятъ въ свои руки всѣ аеонскіе монастыри и тѣмъ не только лишатъ грековъ древняго отеческаго наслѣдія, но и ускорятъ подавленіе эллинизма въ окружающихъ Аеонъ странахъ. Греческіе монахи на Аеонѣ, подстрекаемые изъ Аеонъ и Константинополя, воздвигли всеобщее гоненіе противъ своихъ русскихъ братій, оспаривая у нихъ права и имущества законно ими пріобрѣтенныя. Вражда греческихъ монаховъ противъ русскихъ преимущественно обнаружилась въ монастырѣ св. Пантелеймона, гдѣ русскіе монахи, благодаря своему числу и собираемымъ ими въ пользу монастыря пожертвованіямъ, пользовались большимъ вліяніемъ. Живущіе въ этомъ монастырѣ греческіе монахи, упуская изъ виду, что монастырь, прежде находившійся въ упадкѣ и крайней нищетѣ, былъ приведенъ русскими монахами въ самое цвѣтущее состояніе и ими одними содержался, вознамѣрились въ началѣ прошлаго года или совершенно выгнать ихъ изъ монастыря или по крайней мѣрѣ лишить ихъ всякаго участія въ управленіи обителью и держать ихъ въ подлгомъ себѣ подчиненіи. Причиняя русскимъ непрестанныя непріятности и грозя сжечь самый мо-

настырь, они успѣли было захватить въ свои руки печать монастыря и организовать въ немъ согласное своимъ видамъ управленіе. Русскіе монахи жаловались на своеволие и нарушеніе порядка со стороны грековъ сначала аѳонскому протату, засѣдающему въ Кареѣ, и потомъ, когда послѣдній обнаружилъ явное въ дѣлѣ пристрастіе, великой константинопольской церкви. Къ послѣдней должны были обратиться, объяснивъ дѣло по своему, также греческіе монахи. Согласно съ ихъ стремленіями рѣшеніе карейскаго протата обнадеживало ихъ, что и высшая церковная инстанція приметъ ихъ сторону. Жалуясь константинопольской патріархіи, русскіе монахи объяснили, что, вслѣдствіе поселившейся между обоими братствами вражды, вслѣдствіе различія между ними по языку, народности и нравамъ, имъ невозможно будетъ впредь жить въ одномъ и томъ же монастырѣ съ сохраненіемъ согласія и любви, вслѣдствіе чего просили высшую церковную власть, чтобы она раздѣлила монастырь св. Пантелеймона на двѣ половины и дозволила имъ занять одну изъ нихъ на правахъ отдѣльнаго монастыря. Принявъ жалобы того и другаго братства, великая церковь положила, что для водворенія мира и порядка въ монастырѣ св. Пантелеймона должно ввести въ оный новый уставъ, обязательный для обѣихъ сторонъ. Обсужденіе этого устава должно было происходить въ общихъ засѣданіяхъ обонхъ учрежденій патріархата, священнаго синода и народнаго смѣшаннаго совѣта, который, по органическому регламенту, долженъ участвовать въ разсмотрѣніи всѣхъ не имѣющихъ исключительно духовнаго характера дѣлъ. Священный синодъ и народный совѣтъ сочли за лучшее прежде всего разсмотрѣть уставъ выработанный для монастыря св. Пантелеймона протатомъ въ Кареѣ и исправить его, но убѣдившись, что этотъ уставъ, прямо направленный противъ русскихъ, не удовлетворяетъ цѣли, оставили его на сторонѣ и приступили къ составленію новаго устава. При обсужденіи третьей статьи и проекта новаго устава, касавшейся вопроса о народности игумена, между членами обонхъ учрежденій патріархата возникъ большой разладъ. Одни изъ членовъ находили лучшее обойти нынѣ вопросъ о народности игумена и рѣшить его при обсужденіи общаго для всѣхъ аѳонскихъ монастырей устава, а другіе настаивали, чтобы онъ былъ теперь же рѣшенъ. Первое

мнѣніе поддерживалось большинствомъ членовъ, а за второе стояли лишь пять свѣтскихъ членовъ принадлежащихъ къ крайней греческой партіи произведшей болгарскій расколъ и желающей расторженія союза вѣры соединяющаго грековъ съ славянами. Послѣ продолжительныхъ преній между обѣими сторонами, отозвавшихся также въ печати, постановлено было, согласно мнѣнію большинства, отложить вопросъ о народности игумена монастыря св. Пантелеймона до разсмотрѣнія общаго аеонскаго устава. Несогласные съ этимъ рѣшеніемъ пять свѣтскихъ членовъ протестовали и пытались запальчивыми статьями въ газетахъ возбудить народъ противъ патріарха и большинства членовъ синода и совѣта, дабы провести свое мнѣніе, и не успѣвъ въ томъ, отказались участвовать въ обсужденіи устава, что должно было, по ихъ расчету, поставить въ затруднительное положеніе патріарха и большинство членовъ собранія и сильнѣе подѣйствовать на народныя страсти. Но народъ остался спокойнымъ, и патріархъ вскорѣ замѣстилъ упорныхъ членовъ народнаго совѣта новыми лицами. Послѣ этого синодъ и народный совѣтъ приступили снова къ обсужденію устава для Пантелеймоновскаго монастыря. Узнавъ, однако, что нѣкоторые изъ аеонскихъ монаховъ оспаривающіе верховную власть патріархата надъ Аеономъ агитируютъ въ этомъ смыслѣ среди всего аеонскаго монашества, они должны были прекратить свои занятія по этому предмету, дабы скорѣе приготовить общій аеонскій уставъ, въ которомъ опредѣляются права монастыря и ихъ отношенія между собою и къ великой константинопольской церкви, причемъ разработку вопроса о Пантелеймоновскомъ монастырѣ возложили на особую смѣшанную комиссію, состоящую изъ трехъ синодальныхъ архіереевъ и двухъ свѣтскихъ членовъ народнаго совѣта. Этой комиссіи было поручено прежде всего подробно изучить вопросъ о Пантелеймоновскомъ монастырѣ и представить мнѣніе, можетъ ли быть успѣшно улажена распря между обоями братствами введеніемъ въ монастырь новаго устава, или требуются для водворенія мира между ними другія средства. Согласно съ даннымъ ей порученіемъ комиссія, изслѣдовавъ всѣ относящіеся къ дѣлу документы, разсмотрѣвъ взаимныя обвиненія греческихъ и русскихъ монаховъ и допросивъ представителей тѣхъ и другихъ, пришли къ убѣжде-

нію, что водворить между ними миръ введеніемъ новаго устава невозможно и что необходимо ихъ раздѣлить и въ этомъ смыслѣ составила свой докладъ. Послѣдній былъ прочтенъ въ общемъ собраніи синода и народнаго совѣта бывшемъ 18-го прошлаго іюня. Выслушавъ докладъ, члены собранія не могли тогда, за недостаткомъ времени, обсудить мнѣніе комиссіи. Въ слѣдующемъ однако засѣданіи, происшедшемъ 30-го іюня, священный синодъ и народный совѣтъ, разсмотрѣвъ соображенія на коихъ основывала комиссія свое мнѣніе о раздѣлѣ монастыря, отвергли оное и постановили, чтобы оба братства попрежнему жили соединенно въ одномъ и томъ же монастырѣ и приступили къ новому избранію игумена.

Въ поясненіе послѣдняго постановленія о новомъ избраніи игумена должно сказать, что около полутора мѣсяца тому назадъ, въ монастырѣ св. Пантелеймона произошло событіе, которое произвело сильную тревогу въ рядахъ крайней греческой партіи. 10-го мая умеръ игуменъ этого монастыря, столѣтній старецъ Герасимъ, который управлялъ обителью сорокъ пять лѣтъ и котораго равно уважали какъ русскіе, такъ и греки, хотя въ послѣднее время, вслѣдствіе крайняго изнеможенія тѣлеснаго и ослабленія умственныхъ силъ, онъ былъ страдательнымъ орудіемъ виновниковъ раздора между двумя братствами. По смерти его, братія монастыря должна была подумать объ избраніи ему преемника. Но относительно этого среди оной возникло новое несогласіе. Тогда какъ одна часть находила нужнымъ немедленно приступить къ избранію новаго игумена монастыря, другая требовала отсрочки избранія до рѣшенія вопроса о будущемъ положеніи обители великою церковью. Къ первой принадлежали всѣ русскіе монахи, къ которымъ присоединились кромѣ болгаръ и благоразумѣйшіе изъ грековъ, а послѣдняя состояла лишь изъ грековъ. Такъ какъ первая составляла огромное большинство братіи, ибо состояла изъ 406 человекъ, тогда какъ въ послѣдней числилось не болѣе 120 человекъ, то она не могла принять во вниманіе желанія незначительнаго меньшинства, набраннаго виновниками раздора и вражды среди братіи изъ самыхъ простыхъ и невѣжественныхъ монаховъ. Въ назначенный для избранія день, девятый по смерти игумена, большинство братія собралось, по звону колокола, во храмъ и приступило

къ выборамъ. Когда пересмотрѣны были голоса, то оказалось, что вся присутствовавшая въ церкви братія единогласно избрала игуменомъ монастыря русскаго архимандрита Макарія. Греки отдѣлившіеся при выборахъ отъ прочей братіи протестовали противъ избранія. Обѣ партіи отнеслись одновременно къ протату въ Карей и къ патриархату въ Константинополь, одна прося объ утвержденіи избранія какъ совершенно законнаго, а другая о неутвержденіи онаго. Въ протатѣ голоса также раздѣлились. Одни изъ представителей монастырей высказались за утвержденіе избранія, а другіе, не раздѣляя этого мнѣнія, требовали чтобы дѣло отнесено было на судъ великой церкви въ Константинополь. На сторонѣ послѣдняго мнѣнія оказалось большинство голосовъ, и оно было принято за рѣшеніе, которое и сообщено было въ монастырь св. Пантелеймона. Великая Константинопольская церковь также не утвердила избранія, опредѣливъ какъ сказано выше, чтобы произведены были новые выборы, въ коихъ должны принять участіе и греческіе монахи устранившіеся отъ первыхъ выборовъ. Исполненія рѣшенія высшей церковной власти относительно примиренія и совмѣстнаго жительства двухъ разноплеменныхъ братствъ въ одномъ и томъ же монастырѣ, равно какъ и совокупнаго избранія ими настоятеля монастыря будетъ возложено на особаго патриаршаго представителя, который будетъ отправленъ для этой цѣли въ монастырь св. Пантелеймона въ непродолжительномъ времени. На какихъ основаніяхъ будутъ примирены монашествующіе въ обители св. Пантелеймона греки и русскіе, покамѣстъ еще неизвѣстно. Нельзя однако, сомнѣваться, что новые выборы будутъ имѣть такой же результатъ какъ и первые если за всѣми, монашествующими въ монастырѣ лицами будутъ признаны одинаковыя права и если избраніе будетъ произведено, какъ того требуетъ общій всѣмъ монастырямъ св. Горы обычай, по большинству голосовъ, то-есть настоятелемъ монастыря будетъ избранъ тотъ же русскій архимандритъ Макарій, на котораго указали первые выборы и котораго назначилъ было своимъ преемникомъ, пять лѣтъ тому назадъ, покойный игуменъ Герасимъ, подобно тому какъ и самъ получилъ въ свое время управленіе монастыремъ. по избранію и назначенію со стороны своего предшественника. Будучи въ томъ увѣрены, вожаки крайней

греческой партіи, имѣющей въ виду обезпечить власть за греками во всѣхъ аеонскихъ монастыряхъ, давно уже придумали средство къ устраненію избранія русскаго въ игумены Пантелеймоновской обители. Они доказываютъ въ своихъ органахъ, что русскіе монахи нарушили де условія своего согласія заключеннаго съ монастыремъ въ 1840 году, въ силу коего число ихъ не должно было превышать трети всѣхъ монашествующихъ въ монастырѣ, что прежде всего надобно де пересмотрѣть каталогъ братіи Пантелеймоновской обители и исключить изъ него всѣхъ русскихъ монаховъ приписанныхъ къ нему послѣ пополненія условленнаго ихъ числа и послѣ того уже пригласить братію къ избранію своего игумена. Но это требованіе, по всей вѣроятности, будетъ оставлено безъ вниманія, какъ и многія другія требованія этой крайне неблагоприятной и опрометчивой партіи.

Нынѣшній константинопольскій патріархъ, святѣйшій Іоакимъ соединяетъ съ благоразуміемъ, энергіей и твердостью воли большую опытность въ веденіи дѣлъ патріархата. Хотя при его вступленіи на кафедру, крайняя греческая партія управляла всѣми дѣлами, и онъ былъ избранъ въ патріархи, благодаря лишь содѣйствію этой партіи, надѣявшейся найти въ немъ твердаго поборника и ревнителя своихъ предначертаній, но онъ не отдалъ себя въ ея руки подобно своему предшественнику, Авениму изъ Эфеса. Хотя и не замѣтно, но дѣламъ патріархата дается направленіе противное желаніямъ и стремленіямъ названной безразсудной партіи. Замѣчая это, вожаки послѣдней давно уже пытаются подрывать положенія святѣйшаго Іоакима. Принадлежащіе этой партіи органы греческой печати давно уже порицаютъ его, обвиняя въ угодливости сильнымъ земліи и противныхъ де интересамъ греческой церкви и народа стремленіяхъ. Дабы возбудить подозрѣніе и недовѣріе противъ него среди греческаго общества, они представляютъ нынѣ всѣ дѣйствія патріархата въ ложномъ свѣтѣ и изъ всего стараются вывести заключеніе, что святѣйшій Іоакимъ не оправдалъ де возлагавшихся при его избраніи надеждъ.

При такомъ зоркомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебномъ наблюденіи за дѣйствіями патріархата, прямая попытка къ поправленію прискорбной ошибки прежняго патріарха и отиѣнѣ раскола

можетъ потерпѣть неудачу. Греческое общество въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ, по требованію коего провозглашенъ былъ расколъ недостаточно еще къ тому подготовлено, хотя страсти начинаютъ въ немъ повидимому утихать и уступать мѣсто разсудку. Ревнители мира святыхъ божіихъ церквей должны утѣшаться хотя тѣмъ, что прежнее рвеніе среди грековъ къ расколу, не находя себѣ пищи, изо дня въ день ослабѣваетъ. Съ другой стороны расположеніе умовъ среди болгарскаго народа теперь благопріятнѣе къ примиренію съ константинопольскою церковію чѣмъ прежде. Люди управляющіе судьбами болгарскаго экзархата живо чувствуютъ вредъ происходящій для юной церкви отъ ея обособленія и разобщенія съ прочими единобѣрными церквами и готовы при первомъ случаѣ сдѣлать все что отъ нихъ зависитъ для вступленія въ единеніе съ константинопольскою церковію.

Такъ какъ матеріальная часть вопроса, то есть число епархій которыя должны войти въ составъ болгарскаго экзархата была и будетъ главнымъ препятствіемъ къ примиренію болгаръ съ константинопольскимъ патріархатомъ, то болгарское духовное начальство, въ видахъ обогчить свое соглашеніе съ послѣднимъ нынѣ усердно заботится объ опредѣленіи числа принадлежащихъ ему епархій, за неимѣніемъ возможности вступить въ прямые переговоры съ патріархатомъ, чрезъ посредство одного турецкаго правительства. Оно думаетъ, что когда спорныя епархія будутъ тѣмъ или другимъ способомъ присоединены къ болгарской церкви, то греки не будутъ болѣе имѣть сильныхъ побужденій къ продолженію своего религіознаго разобщенія съ болгарами и скорѣе уступятъ совѣтамъ о примиреніи съ ними. Не принимая на себя разбирать на сколько справедливо это сужденіе болгарскаго духовнаго начальства, мы лишь замѣтимъ здѣсь что его старанія къ расширенію границъ экзархата, на основаніи учреждающаго его султанскаго фирмана, не остались безъ успѣха. Извѣстно, что по смыслу X статьи этого фирмана въ составъ болгарской церкви могутъ войти, кромѣ помѣщенныхъ въ фирманѣ епархій, также и другія епархія въ коихъ двѣ трети населенія заявятъ формальное о томъ желаніе. На этомъ основаніи къ болгарскому экзархату были присоединены, назадъ тому полтора года, охридская и скопійская епархія. Присоединенію предшествовалъ допросъ всѣхъ жителей чрезъ посредство правительственныхъ чиновниковъ касательно того патріархату или экзархату желаютъ они быть подвѣдомы въ церковномъ отношеніи. Въ послѣднее время болгарскій экзархатъ успѣлъ было склонить турецкое правительство сдѣлать этотъ запросъ жителямъ и другихъ спорныхъ епархій. Во многихъ городахъ и селеніяхъ явились чиновники спрашивавшіе

населеніе, которой изъ двухъ церковныхъ властей оно желаетъ подчиняться. Эта мѣра произвела тревогу среди грековъ. Они зашумѣли и въ провинціи и въ столицѣ. Враждебныя патриарху газеты воспользовались этимъ событіемъ для взведенія на него новаго обвиненія въ нерадѣніи объ интересахъ церкви и въ опрометчивости, поставляя на видъ, что онъ де причиной происходящаго нынѣ допроса жителей, такъ какъ выразился де въ своихъ разговорахъ съ правительственными лицами, что онъ принимаетъ въ принципѣ этотъ допросъ, хотя и обуславливалъ его требованіемъ, чтобы допрошены были жители всѣхъ безъ исключенія болгарскихъ епархій начиная съ тѣхъ, которыя нынѣ состоятъ въ вѣдѣніи экзарха. Эти газеты присовокупляя къ тому, что жителямъ задается вопросъ, болгары ли они или греки, а не отъ православнаго патриархата, или отъ схизматическаго экзархата желаютъ они завнѣсть, какъ того требовала сущность дѣла и какъ объ этомъ было условлено между патриархомъ и правительствомъ. Вопросъ, былъ представленъ въ послѣдней формѣ, но греческимъ публицистамъ нужно было переименовать ее дабы усилить тревогу и затормозить дѣло. Патриархъ Іоакимъ не остался впрочемъ равнодушнымъ къ смутившей грековъ мѣрѣ правительства. Онъ представлялъ послѣднему словесно и письменно о томъ, что не можетъ допустить частнаго допроса жителей только нѣкоторыхъ епархій и просилъ его прекратить оный. Говорятъ, что онъ имѣлъ полный успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ. Если это извѣстіе не окажется ложнымъ, то торжество патриарха во всякомъ случаѣ будетъ не продолжительнымъ. Ходатайство экзарха можетъ быть причиной возобновленія непріятной грекамъ мѣры. Попеременный успѣхъ той и другой стороны неоднократно повторялся, не приводя ихъ къ полному достиженію цѣли. Это не должно ли также убѣдить ихъ въ необходимости добровольнаго между собою примиренія?

Въ настоящее время въ болгарскихъ газетахъ разсматривается вопросъ о кааедрѣ экзархата. Нѣкоторыя изъ нихъ доказываютъ, что рѣшеніе этого вопроса неотложно и что кааедра ни въ какомъ случаѣ не должна быть въ Константинополѣ. Въ прежнее время ни одна изъ болгарскихъ газетъ не могла бы рѣшиться раскрывать эту мысль. Между болгарами сложилось почему-то убѣжденіе, что ихъ высшее церковное управленіе должно находиться въ Константинополѣ, и кто утверждалъ противное тому, тотъ прямо назывался врагомъ народа. Это заблужденіе, цутившее глубокіе корни среди болгаръ, теперь въ первый разъ выясняется народу, что также должно считать знакомъ лучшихъ временъ.

Ө. С. Б.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ С. - ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1874—1875 Г. *).

Въ минувшемъ 1874¹/₂ г., дѣятельность с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія была преимущественно, почти исключительно, посвящена сношеніямъ съ старокатоликами и изученію вопроса объ условіяхъ сближенія съ ними. Вопросъ этотъ особенно сильно выдвинулся и выяснился со времени боннской конференціи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1874 года. Какъ бы скептически ни относились къ конференціи въ Боннѣ, она останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ современной исторіи, даже независимо отъ тѣхъ политическихъ мотивовъ, съ которыми связано дѣло старокатоликовъ въ Германіи, Швейцаріи и Австріи.

Въ нашихъ глазахъ (равно какъ и въ глазахъ огромнаго большинства старокатоликовъ) мотивы политическаго свойства не только не помогаютъ дѣлу старокатолицизма, но положительно вредятъ ему и искажаютъ его характеръ. Какъ я выразился въ одномъ изъ прежнихъ моихъ отчетовъ, старокатолики лишь случаемъ поставлены рядомъ съ государствомъ и случаемъ же вынуждены бороться съ однимъ и тѣмъ же противникомъ. Политическіе мотивы старокатолическаго движенія хотя и придаютъ ему, такъ сказать, большіе размѣры, но въ сущности, нисколько не увеличиваютъ его значенія; значеніе это велико въ особенности въ томъ отношеніи, что оно доказываетъ силу религіознаго чувства въ нашешъ поколѣніи, невидимому занатомъ одними матеріальными вопросами; понятое въ этомъ смыслѣ оно представляетъ крайне утѣшительное зрѣлище. Что касается до самой боннской конференціи, то она есть выраженіе той потребности развитія и общенія, которая присуща всякой живой мысли, потребности, коей отсутствіе есть признакъ смерти, признакъ того, что мысль отжила свой вѣкъ и не имѣетъ будущности. До тѣхъ поръ, пока мысль жива, она не можетъ не стремиться къ развитію, къ расширенію того поля дѣйствія, которое отмежевано ей исторіею, не можетъ тоже и не искать соединенія со всл-

*) Отчетъ, читанный, въ годичномъ собраніи отдѣла, секретаремъ оного А. А. Кирѣевымъ.

кой другою родственной ей мыслью. Въ этомъ заключалась побудительная причина созыва боннской конференціи, равно и причина того, что на призывъ старокатоликовъ отозвались сочувственно и въ Россіи, и въ Греціи, и въ Англіи, и даже въ Америкѣ. Въ Боннѣ впервые встрѣтились православные, старокатолики, англичане и протестанты, и это разнообразіе въ составѣ конференціи не только не повело къ столкновеніямъ, но напротивъ еще рельефнѣе выставило добросовѣстное стремленіе всѣхъ участвующихъ дойти до братскаго, христіанскаго единенія; еще ярче проявилось искренность желанія работать сообща для достиженія предполагаемыхъ цѣлей,—цѣлей совершенно чуждыхъ какого бы то ни было стремленія къ преобладанію другъ надъ другомъ. Въ переговорахъ нашихъ съ старокатоликами, начиная съ самаго 1872 года, постоянно проводилась мысль діаметрально противоположная той мысли, которая высказалась въ униі флорентинской и ея дочери—униі брестской, оканчивающей нынѣ свое беззаконное существованіе въ предѣлахъ русскаго государства. Тамъ, все дѣло шло о *преобладаніи*, о томъ—кто кому долженъ *клясться*, здѣсь же лишь о томъ, во что всѣ должны *вѣровать*.

О сношеніяхъ нашихъ съ старокатоликами вамъ были постоянно представляемы подробные отчеты; то же, что происходило собственно на боннской конференціи послужило, кромѣ того, темой 2-хъ засѣданій отдѣла въ нынѣшнемъ году; поэтому я ограничусь здѣсь лишь подведеніемъ краткаго итога подъ результаты нашихъ сношеній съ старокатоликами. Вамъ конечно памяты тѣ основанія, которыя были приняты на кельнской конференціи за исходныя точки всѣхъ нашихъ послѣдующихъ сношеній. Совѣтъ отдѣла въ письменныхъ своихъ сношеніяхъ съ старокатоликами, и делегаты наши на конгрессахъ и конференціи никогда отъ нихъ не отступали; на нихъ же построена была и схема, послужившая канвою для переговоровъ между нами и старокатоликами въ Боннѣ. Въ этой схемѣ указывается на шесть догматическихкихъ и на семь обрядовыхъ и каноническихкихъ разностей. Посмотримъ на результаты, къ которымъ мы пришли:

Разности догматическія.

1) *О церкви и ея Главѣ*. Въ нашей схемѣ положеніе это раздѣляется на двѣ части: въ первой изъ нихъ говорится объ управленіи церковью и о первенствѣ римскаго епископа, исключительно въ смыслѣ первенствующаго между *равными*.

По поводу этой первой части положенія старокатолики отвѣтили, что они въ настоящее время не могутъ еще сдѣлать опредѣленнаго заявленія, тѣмъ болѣе, что затронутый здѣсь вопросъ еще между ними самими возбуждаетъ живыя разсужденія (*unter uns lebhaft wentilirt wird*); поэтому конференціею рѣшено оставить эту первую часть поло-

женія открытою до будущихъ совѣщаній. Что касается до второй части положенія „только вселенская церковь, законно представляемая епископами, есть непогрѣшимая истолковательница и хранительница вѣры“; то старокатолики выразили на нее свое безусловное согласіе, положивши этимъ заявленіемъ непреодолимую преграду между своимъ ученіемъ и ученіемъ римскимъ.

2) Вопросъ о *Св. Духѣ* тоже частію оставленъ открытымъ до будущихъ совѣщаній; онъ, какъ извѣстно, можетъ быть рассматриваемъ съ двухъ сторонъ, во 1-хъ со стороны чисто формальной, канонической, и во 2-хъ со стороны догматической, по существу. Что касается этой послѣдней части вопроса, которая и оставлена пока открытою, то на второмъ засѣданіи конференціи старокатолики заявили, что они не смотрятъ на ученіе объ исхожденіи Св. Духа какъ на догматъ. Очевидно, что такая постановка вопроса значительно уже облегчаетъ согласіе. О формальной сторонѣ вопроса будетъ сказано ниже.

3) Догматъ *непорочною зачатія Пресвятой Богородицы*, сдѣлавшійся въ послѣднее время наиболѣе популярнымъ на западѣ и юго-западѣ Европы, отвергнуть старокатоликами самымъ положительнымъ образомъ, не смотря даже на сильную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ англиканъ.

Въ письмѣ, присланномъ въ минувшемъ году комиссіею соединенія въ отвѣтъ на нашу схему, члены комиссіи выражались объ этомъ ученіи далеко не столь опредѣлительно.

4 и 5) Относительно положеній о *добрыхъ дѣлахъ* и о *зрѣлахъ* старокатолики объявили, что они отвергли въ нихъ все то, что могло быть неудобопріемлемымъ, смущающимъ для православныхъ (was ihnen Anstoss gab). И въ этомъ случаѣ они пошли дальше тѣхъ мыслей, которыя выражены ими въ отвѣтѣ на нашу схему; такъ напр. въ своемъ отвѣтѣ они до нѣкоторой степени еще держались той мысли, что человѣкъ можетъ дѣлать *добро сверхъ-должное* и *необязательное*, чѣмъ и увеличиваетъ награду, даруемую ему отъ Бога.

6) Положеніе о *затрѣбной жизни* показалось старокатоликамъ не совершенно яснымъ или, по крайней мѣрѣ, очень своеобразнымъ, поэтому они и не сдѣлали о немъ заявленія, но вопросъ этотъ не представляетъ непреодолимымъ препятствій для сближенія, ибо, какъ они выразились совершенно опредѣлительно, теорія индульгенцій въ пользу усопшихъ отбрасывается старокатоликами безусловно.

Перехода къ каноническимъ и обрядовымъ разностямъ, мы видимъ слѣдующее.

1) О *Символѣ вѣры*. Вставка словъ *filioque* въ символъ вѣры признана была незаконною. Относительно формальной стороны этого вопроса русскимъ и грекамъ, какъ выразился Деллингеръ, была дана

полная „сатисфакція“. Старокатолики безусловно согласились съ тѣмъ, что вставка была произведена незаконно, и соглашались даже на исключеніе *filioque* изъ символа; но этому воспротивились англикане ¹⁾. Конечно, согласіе старокатоликовъ относилось лишь къ формальной сторонѣ вопроса, истина или ложь самаго ученія этимъ еще не опредѣлялась и, какъ сказано выше, должна будетъ выясниться въ послѣдствіи; однако признаніе вопроса неправильнымъ, хотя бы только съ формальной стороны, составляетъ уже первый немаловажный шагъ къ примиренію.

2) Относительно *крещенія* старокатолики высказались совершенно опредѣлительно. Они признали, что форма погруженія есть первоначальная и древнѣйшая, и что она болѣе западной соответствуетъ значенію библейскаго слова *βαπτίζω*. Разность въ обрядѣ крещенія конечно не можетъ служить препятствіемъ къ воссоединенію тѣмъ болѣе, что и у насъ, во многихъ мѣстностяхъ, существовалъ еще недавно обрядъ „обливанія“.

3) Относительно *таинства мѣропомазанія* старокатолики признали несомнѣнно правильнымъ, что оно можетъ быть совершаемо не только епископами, но и священниками. Что касается до времени, когда именно это таинство должно быть преподаваемо, то старокатолики полагаютъ, что хотя восточный обрядъ мѣропомазанія дѣтей основывается на древнѣйшемъ преданіи, однако и западная церковь имѣетъ для своей практики серьезныя основанія, и находятъ, что оба обряда могутъ быть безпрепятственно удержаны.

4) Положеніе, относящееся до *таинства Евхаристіи*, раздѣляется въ нашей схемѣ на 4 пункта. Относительно 1-го (объ употребленіи на западѣ опрѣсноковъ) старокатолики сказали, что у нихъ не считается необходимымъ, чтобы хлѣбъ былъ непременно прѣсный. Относительно 2-го, о молитвенномъ призваніи Св. Духа, старокатолики признали безупречнымъ взглядъ, по которому, для дѣйствительности акта освященія Св. Даровъ, требуется молитвенное призваніе ²⁾, но прибавили, что древность обряда, нынѣ существующаго на западѣ, восходитъ до времени, предшествовавшихъ раздѣленію церквей. Относительно 3-го пункта, д-ръ Деллингеръ сказалъ, что введеніе на западѣ причащенія подъ обоими видами есть вопросъ времени. Старокатолики вообще говорятъ сочувственно о причащеніи подъ обоими видами. Наконецъ, 4) что касается до обычая не причащать малыхъ дѣтей, старокатолики

¹⁾ Въ *ответъ* своемъ на нашу схему, присланномъ минувшей весной, старокатолики говорили, что они не могутъ согласиться на устраненіе *filioque*, основываясь только на неправильности его внесенія въ символъ, и независимо отъ рѣшенія спора „по существу“.

²⁾ Молитвенное призваніе находится и въ западной литургіи.

повторили тоже самое, что ими было высказано и относительно муропозанія, т. е. что практика западной церкви восходит до первых вѣковъ христіанства, и что, повидимому, обѣ практики (и восточная и западная) могутъ быть удержаны и не должны бы считаться причиною разъединенія.

5) О таинствѣ *покаянія* старокатолики сказали, что они считаютъ вопросъ этотъ выясненнымъ тѣмъ, что говорилось о загробной жизни и о грѣхахъ (теорія индульгенцій въ латинскомъ смыслѣ отброшена).

6) Относительно *безбрачія* духовенства старокатолики выразились болѣе сдержанно, нежели можно было ожидать. Несмотря на то, что недостатки, присущіе этому установленію, очевидны для старокатоликовъ, они сказали, что эта дисциплинарная разность должна быть разсмотрѣна въ послѣдствіи на Вселенскомъ соборѣ. Причина такой сдержанности, повидимому, заключается въ опасеніи, чтобы ультрамонтане не воспользовались сговорчивостію старокатоликовъ въ вопросѣ объ отнѣніи безбрачія, дабы поднять крики противъ ихъ невоздержности, и постараться объяснить все старокатолическое движеніе желаніемъ его вожаковъ избавиться отъ целибата, и поставить всѣхъ ихъ на одну доску съ патеромъ Гіацинтомъ и т. п. Это—пріемъ, къ которому они уже прибѣгали не разъ.

7) Относительно таинства *елесвященія* старокатолики сказали, что оно можетъ быть совершаемо не только надъ тѣми больными, которые уже близки къ смерти, но и вообще надъ всѣми больными, желающими къ нему прибѣгнуть; они прибавили, что освященіе елея епископомъ не существенно.

Всѣ означенныя разности составили предметъ переговоровъ между старокатоликами и православными, на послѣднемъ, 6-мъ засѣданіи конференціи. Но и на предыдущихъ совѣщаніяхъ (съ англиканами) было затронуто и рѣшено въ правильномъ смыслѣ нѣсколько другихъ вопросовъ, по которымъ между восточною и западною церквами существовала и существуетъ разнида, между прочимъ о томъ, что литургія должна совершатся на языкѣ понятномъ народу, что чтеніе св. Писанія на народномъ (понятномъ) языкѣ не должно быть запрещаемо, что ученіе о вмѣняемости другимъ сверхдолжныхъ заслугъ святыхъ и основанная на немъ теорія индульгенцій несостоятельны; наконецъ, что никакой переводъ св. Писанія (при этомъ имѣлась въ виду Вульгата) не можетъ претендовать на большій авторитетъ сравнительно съ авторитетомъ оригинальнаго текста. Привода вышеназложенныя постановленія, дающія право надѣяться на сближеніе съ старокатоликами, нельзя не упомянуть о замѣчательной рѣчи, произнесенной др. Деллингеромъ по поводу вопроса о раздѣленіи церквей; конечно ни-

когда, никакой католическій ученый пользующійся такимъ громаднымъ авторитетомъ, не излагалъ такъ правдиво и вѣрно исторію раздѣленія церкви. Конечно, вопросъ этотъ не входитъ въ область догматическую; знаменитый ученый разбиралъ чисто историческій фактъ, тѣмъ не менѣе разборъ этотъ касался вопроса, который былъ преднамѣренно затемняемъ ультрамонтанскими учеными, и которыми, по словамъ І. Л. Япышева, отвѣчавшаго на рѣчь д-ра Деллингера, они пользовались для того, чтобы возрастить злостныя предубѣжденія противъ нашей церкви.

Я позволилъ себѣ подвести итоги подъ наши сношенія съ старокатоликами. Сравните, мм. гг., то положеніе, въ которомъ теперь находится вопросъ о воссоединеніи, съ тѣмъ—въ которомъ онъ находился четыре года тому назадъ, на соборѣ въ Мюнхенѣ, когда старокатолики впервые о немъ заговорили, но при этомъ считали возможнымъ стоять на почвѣ Тридентинскаго собора, и скажите—можемъ ли мы бросать теперь начатое дѣло, или, какъ нѣкоторые полагаютъ, воздержаться отъ всякаго въ немъ участія до тѣхъ поръ, пока старокатолики не придутъ къ какому-либо *окончательному* рѣшенію?

Конечно, по этому поводу можно высказать много сомнѣній, много „Bedenken“, какъ говорятъ нѣмцы. Можно, вопервыхъ, утверждать, что добытые результаты еще ничего не доказываютъ, что главнѣйшая разница между нашимъ вѣроученіемъ и вѣроученіемъ старокатоликовъ—*Filioque* рѣшена въ нашу пользу только съ формальной стороны, и что намъ можетъ быть и не удастся убѣдить старокатоликовъ въ неправоуности этого ученія, что они захотятъ, можетъ быть, отстоять его хотя бы въ видѣ частнаго необязательнаго, но *допустимаго* мнѣнія подобныя же соображенія можно высказывать и относительно вопроса о главенствѣ папы, который тоже остался открытымъ; можно говорить, что хотя непогрѣшимость и отвергнута окончательно, все же папѣ хотятъ, повидимому, приписать какое-то высшее значеніе сравнительно съ другими патріархами, что нѣкоторые старокатолики все-таки признаютъ полезнымъ удержать *матеріальное* выраженіе церковнаго единства и что вслѣдствіе этого всѣ остальные уступки теряютъ свое значеніе. Можно сказать наконецъ—и это возраженіе находитъ, повидимому, наиболѣе многочисленныхъ сторонниковъ,—можно сказать, что вѣдь до сихъ поръ все дѣло рѣшается на бумагѣ, что и формально тождественныя положенія могутъ все-таки пониматься очень различно, и что намъ вѣрнѣе выждать, пока старокатолики выяснятъ себѣ и окончательно установятъ догматическую и обрядовую сторону своего вѣроученія,—и тогда уже войдти съ ними въ соглашеніе. Богъ вѣсть, говорятъ намъ, какъ еще все это разыграется! что изъ всего этого

выйдетъ! Можетъ быть старокатолики поддадутъ подъ вліяніе англиканъ, которые относятся къ нимъ такъ сочувственно и въ значительномъ числѣ высылаютъ къ нимъ на конференціи и конгрессы своихъ священниковъ и даже епископовъ, или подъ вліяніе протестантовъ, съ которыми они сидѣли на одной и той же школьной скамьѣ, съ которыми они связаны общностию интересовъ и матеріальныхъ и политическихъ, и наконецъ чисто научныхъ, и что поѣтому намъ лучше и вѣрнѣе повременить переговорами, которые могутъ, въ концѣ концовъ, не привести ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ! Конечно это вѣрнѣе и безопаснѣе, да и покойнѣе! Но будетъ ли это *сообразно съ нашими долгами*? Мнѣ кажется, что всѣ эти аргументы должны напротивъ именно побудить насъ къ тому, чтобы избрать совершенно противоположный образъ дѣйствій, побудить насъ къ тому, чтобы, не теряя времени, высказать истину, представить ее въ настоящемъ свѣтѣ, объяснить ее и защитить отъ неправильныхъ толкованій; необходимо сдѣлать это именно въ настоящую минуту, когда истина эта обсуждается, когда вопросъ еще не затемнился и не успѣлъ, такъ сказать, кристаллизироваться, когда наконецъ насъ настойчиво просятъ принять участіе въ этомъ обсужденіи. Мнѣ кажется, что вліять на рѣшеніе вопроса гораздо легче, пока это рѣшеніе еще не состоялось, не выразилось въ окончательной формѣ. Перерѣшать дѣдо, даже и неправильно рѣшенное, очень не легко.

Старокатолики, убѣдившись въ необходимости подвергнуть строгой критикѣ все то, что сдѣлано въ области вѣроученія со времени раздѣленія церквей, обратились за помощію и къ намъ, и такое обращеніе дѣлаетъ конечно величайшую честь вождямъ старокатоликовъ, которые по учености стоятъ конечно не ниже остальныхъ христіанскихъ богослововъ. Первое ихъ обращеніе къ востоку относится къ самому началу движенія (1871 года); тогда между нами подымались голоса, упрекавшіе старокатоликовъ въ томъ, что они идутъ не довольно скоро; теперь, повидимому, обвинения обращены въ другую сторону, выражаются онасенія, чтобы старокатолики не пошли слишкомъ быстро, не вздумали неосмотрительно рѣшать слишкомъ важные вопросы. Но вѣдь ежели, какъ мы видимъ, многіе важные вопросы рѣшаются въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, то при этомъ можно опасаться лишь того, что мы потеряемъ трудъ, который будетъ употребленъ на сочиненіе опроверженій такихъ ученій, отъ которыхъ старокатолики сами откажутся, еще до появленія нашихъ опроверженій. Такого рода случай и былъ съ трудомъ почтеннаго профессора кievской академіи, архимандрита Сильвестра; нѣтъ въ виду отвѣты старокатоликовъ на посланную имъ схему, архимандритъ Сильвестръ написалъ между прочимъ

статью о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы, въ которой опровергъ то, что говорилось въ отвѣтахъ; между тѣмъ старокатолики, еще до присылки имъ труда арх. Сильвестра, стали относительно этого вопроса на православную почву и высказались въ этомъ смыслѣ на боннской конференціи. Но мнѣ кажется, что такой бѣдѣ можно только радоваться, и конечно почтенный отецъ Сильвестръ менѣе всѣхъ жалѣеть о своемъ трудѣ.

Въ минувшемъ 1874 году, по полученіи нами отвѣтной схемы старокатоликовъ, первый учредитель отдѣла обратился къ преосвященнѣйшимъ митрополитамъ с.-петербургскому, московскому и кievскому, а также и къ преосвященному архіепископу литовскому и виленскому съ письмами, въ которыхъ Его Императорское Высочество сообщалъ послѣдніе результаты переговоровъ съ старокатоликами и выражалъ надежду, что высшіе іерархи нашей церкви не откажутся поддержать насъ, и разрѣшать духовнымъ академіямъ, находящимся въ ихъ вѣдѣніи, принять участіе въ переговорахъ. Единновременно, Его Императорское Высочество обратился съ рескриптомъ къ ректорамъ академій петербургской, московской, кievской и казанской, прося ихъ о содѣйствіи.

Полученные нами письменные или словесные отвѣты, какъ и слѣдовало ожидать, выражали готовность почтенныхъ членовъ нашихъ ученыхъ корпорацій помочь дѣлу, которое не могло не быть близко ихъ сердцу.

Профессоры кievской духовной академіи взялись за разъясненіе слѣдующихъ вопросовъ: Архимандритъ Сильвестръ, — о „Св. Духѣ“, о „непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи“, о „добрыхъ дѣлахъ“, „о грѣхахъ“ и о „загробной жизни“. Профессоръ Малышевъ о „крещеніи и о миропомазаніи“. Доцентъ Ковальницкій „о церкви и ея Главѣ и о символѣ вѣры“. Казанской духовной академіи: Профессоръ Будринъ о „крещеніи“. Доцентъ іеромонахъ Тихонъ о „ветхозавѣтномъ канонѣ“. Доцентъ Бѣляевъ „объ удовлетвореніи (satisfactio) для спасенія“. Приват-доцентъ Терновскій „о церкви и ея Главѣ“.

Архимандритъ Сильвестръ прислалъ намъ минувшей осенью сочиненіе, относящееся до вопроса „объ исхожденіи Св. Духа“, а затѣмъ еще два другихъ сочиненія о „Пресвятой Дѣвѣ“ (о которомъ я упоминалъ выше) и о „добрыхъ дѣлахъ“. Всѣ эти три сочиненія были задуманы и написаны по поводу отвѣтовъ старокатоликовъ до появленія отчета о боннской конференціи, а такъ какъ на конференціи старокатолики отступились отъ латинской теоріи непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы и значительно измѣнили свои взгляды на теорію добрыхъ дѣлъ, то сочиненія проф. Сильвестра, трагующія о сихъ вопросахъ, потеряли свою

непосредственную примѣнимость въ данномъ случаѣ, что конечно несколько не умаляетъ ихъ значенія для богословской науки. Что же касается перваго сочиненія отца Сильвестра—о Св. Духѣ, составленнаго по оригинальнымъ источникамъ и изобилующаго драгоцѣнными цитатами, то оно конечно останется не безъ вліянія на исходъ переговоровъ нашихъ съ старокатоликами; въ настоящее время оно переводится на нѣмецкій языкъ и скоро будетъ разослано къ представителямъ старокатоликовъ.

Ко всѣмъ вышеозначеннымъ именамъ нельзя не присоединить именъ двухъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ, *И. Л. Янышева*—ректора и *Ив. Т. Осинина*—профессора здѣшней академіи, уже болѣе трехъ лѣтъ заступающихъ въ совѣтѣ Общества и жертвующихъ свой трудъ и свое время для достиженія всѣми нами желаемыхъ цѣлей.

Въ минувшемъ году окончилось трехлѣтнее служеніе предсѣдателя *И. В. Зинovieва*, секретаря *А. А. Биржева* и казначея *В. И. Нечаева*; лица эти избраны вновь на 3 года, т. е. до весны 1878 года. Членами совѣта состоятъ *И. Л. Янышевъ* и *П. Е. Покровский*, оба срокомъ до весны 1878 года, князь *Д. А. Оболенскій* и *К. П. Побѣдоносцевъ*, срокомъ до весны 1877 года, *И. Т. Осининъ* и *Т. И. Филипповъ* срокомъ до весны 1876 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ДУХЪ И ЗАСЛУГИ МОНАШЕСТВА ДЛЯ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА.

С.-Петербургъ. 1874.

Это небольшое сочиненіе совершенно неизмѣтъ научнаго значенія; но представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ характеристическая попытка—отстоять права и преимущества монашества. Съ этой только стороны мы и имѣемъ въ виду коснуться названнаго сочиненія.

Монашество для автора, само собою понятно, божественное учрежденіе. Въ немъ авторъ видитъ идеаль, высшую степень нравственнаго совершенства. Любовь къ Богу, по его понятію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совершенною въ человѣкѣ, не свободномъ отъ узъ и отношеній семейныхъ. Богъ представляется у него какимъ-то ревнивымъ существомъ, которое не можетъ выносить въ человѣкѣ никакихъ постороннихъ привязанностей, хотя бы и законныхъ. „Такъ какъ ис-

тинно дѣвственное сердце, рассуждаетъ авторъ, — свободно отъ самой сильной естественной любви, какова любовь къ женѣ или къ мужу и дѣтямъ, то оно всецѣло отдаетъ себя любви къ Богу (1 Кор. 7, 32, 39. Матѣ. 10, 37). А истинно любить Бога должно всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ умомъ и всею силою (Марк. 12, 30); любовь къ Богу требуетъ, чтобы душа думала только о Богѣ, наслаждалась и жила только однимъ Богомъ. Но какъ можно достигнуть сего, если въ сердцѣ находятся другія привязанности, хотя и законныя? Свой идеаль богослюбія авторъ возводитъ здѣсь на такую абстрактную высоту, что, очевидно, забываетъ даже изреченіе апостола любви: *аще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяи брата своего, его же видѣтъ, Бога, Его же не видѣтъ, какъ можетъ любить* (1 Иоан. 4, 20). Съ особеннымъ удареніемъ авторъ указываетъ на неистощимость святыхъ отцевъ въ похвалахъ дѣвству, которое называется, наприимѣръ, у нихъ цвѣтомъ въ вертоградѣ Божіемъ, красотою и благодѣніемъ благодати, вѣнцомъ, сплетеннымъ изъ цвѣтовъ добродѣтели, благоухающей розой, оживляющей всѣхъ, находящихся близь нея, пріятнѣйшимъ благоуханіемъ Господу Иисусу Христу и проч. и проч.

Даже и общія съ мірянами добродѣтели монаховъ, по мнѣнію автора, рѣзко отличаются отъ добродѣтелей и подвиговъ мірянъ, въ подтвержденіе чего ссылается онъ на слѣдующія слова Иоанна кармаейскаго къ монаху: „никакъ не позволю себѣ признать болѣе блаженнымъ мірянина, нежели инока,—мірянина, имѣющаго жену и дѣтей, утѣшающагося тѣмъ, что онъ благоворить многимъ и подаетъ обильную милостыню, не подвергаясь никакимъ искушеніямъ отъ бѣсовъ. Не признавай себя монахомъ меньшимъ такого мірянина въ благоугожденіи Богу. Говорю это не потому, чтобы ты жилъ непорочно, неся на себѣ трудъ иноческаго подвига, но если ты и очень грѣшешь. Скорбь души твоей, твое злостраданіе далеко честнѣе предъ Богомъ возвышеннѣйшихъ добродѣтелей мірянина, твоя великая печаль, твое недоумѣніе помысла, самоосужденіе, рыданія, плачь ума, плачевный вопль сердца, сокрушеніе, смущеніе, окалваніе и униженіе себя, все это и прочее, тому подобное, постигающее тѣхъ, которые ввергаются въ желѣзную печь искушеній, далеко честнѣе и благопріятнѣе Богу, нежели благоугожденіе мірянина.“ (Слово къ инокамъ Индіи.) А то упускаетъ пзъ виду, что *въ первое время монашества* Самъ Духъ Божій внушалъ пустынножителямъ, чтобы они не допускали въ себѣ мысли объ особенной важности ихъ подвиговъ. Въ этомъ отношеніи въ жизнеописаніи св. Антонія отмѣченъ слѣдующій характеристическій и весьма поучительный фактъ. Когда этотъ великій подвижникъ считалъ уже себя на высшей ступени духовнаго совершенства, Духъ Божій сначала указалъ ему идти

къ другому пустынножителю, Павлу египетскому, какъ болѣе совершенному въ подвигахъ аскетизма, а затѣмъ возвѣстия, что есть еще и другая болѣе святая и совершенная жизнь, чѣмъ жизнь этого ряда подвижниковъ, и привелъ его изъ пустыни въ Александрію — въ домъ обыкновенной христіанской семьи, гдѣ Антоній увидалъ двухъ молодыхъ женщинъ, занимавшихся рукодѣльемъ; это были жены двухъ братьевъ, жившія въ мирѣ и согласіи между собою и съ мужьями, дружно занимавшіяся хозяйствомъ и нисколько не подозрѣвавшія въ себѣ какой нибудь особенной высоты духовнаго совершенства, такъ что когда св. Антоній заговорилъ съ ними на счетъ ихъ святости, онѣ съ искреннимъ изумленіемъ отвѣчали: „въ чемъ же можетъ быть, отче, наша святость? мы—женщины молодыя, живемъ съ мужьями, вѣчно въ хлопотахъ, иногда не имѣемъ даже времени и въ церковь сходить.“ Вотъ объ этихъ-то женщинахъ Духъ Божій и сказалъ св. Антонію, что ихъ подвигъ выше его аскетическихъ подвиговъ.

Вмѣстѣ съ привилегіей на особую святость, авторъ, естественно, признаетъ за монахами привилегію и на особое, исключительное участіе въ чрезвычайныхъ дарахъ благодати. „Кто, говоритъ онъ словами Лѣстничника, между мірянами былъ чудотворецъ? Кто воскрешалъ мертвыхъ? Кто изгонялъ бѣсовъ? Никто; все это монаховъ почести, которыхъ міръ не можетъ вмѣстить.“ Въ силу этихъ преимуществъ святости и благодатныхъ дарованій монахи являются у автора лучшимъ украшеніемъ церкви, какъ бы свѣтильниками міру и солию земли. Они — естественные кандидаты епископства, какъ въ большей степени обладающіе для этого потребными качествами. „Инокъ, поставленный въ санъ епископскій, говоритъ между прочимъ по этому случаю авторъ, проходили свое служеніе въ духѣ апостольскомъ“, а того не беретъ въ расчетъ, что въ тотъ періодъ, когда епископское служеніе наиболѣе было проникнуто апостольскимъ духомъ, никакъ еще не думали устранять апостольскаго правила: „подобаетъ епископу бити единыя жены мужу.“ Въ своемъ увлеченіи монашествомъ, какъ необходимымъ условіемъ для епископства, авторъ доходитъ даже до того, что необинуясь говоритъ: „конечно, монашескій образъ жизни православныхъ епископовъ есть главная причина того, что православная іерархія чужда тѣхъ злоупотребленій, какими опозорила себя іерархія римской католической церкви.“ Тутъ на него, очевидно, нашло уже положительное затѣніе на счетъ того образа жизни, который именно составляетъ язву католической іерархіи! Авторъ выставляетъ на видъ подвиги монаховъ въ борьбѣ съ ересями, изображаетъ, какъ монахи на востокѣ за чистоту православія терпѣли всякія оскорбленія, гоненія, даже были лишены жизни; между тѣмъ забываетъ, что между монахами были и еретики,

производившіе столько волненій и смуть въ церкви, за что конечно они и были извержены Церковію. Совершенно незамѣными, по нашему автору, священныя иноки и въ воспитаніи юношества, особенно готовящагося къ духовному званію. Вотъ по истинѣ достопамятныя слова его на этотъ счетъ: „Духъ вѣка, враждебный духу подвижничества, въ настоящее время усиливается и клеветою и униженіемъ и преслѣдованіями всякаго рода удалить иноковъ отъ духовныхъ училищъ. Незвѣстно, успѣетъ ли онъ въ этомъ, но несомнѣнно, что духовныя училища много потеряютъ, когда въ нихъ будетъ преобладать мірское направленіе и воспитанники духовныхъ училищъ будутъ лишены примѣра строгой, подвижнической жизни. Мірскія забавы и разсѣянности, вводимыя подъ предлогомъ цивилизаціи и гуманности, остудятъ юныя сердца въ ревности къ благочестію.“ Но не будемъ однакоже слѣдить за нашимъ авторомъ до конца въ изображеніи имъ многообразныхъ заслугъ монашества для церкви и общества; онъ заключаетъ свое сочиненіе слѣдующимъ какъ бы прощескими словами: „до тѣхъ поръ не оскудѣетъ вѣра и благочестіе въ Россіи, доколѣ будутъ существовать въ ней св. обители. Св. Василій Великій, говоритъ авторъ же, такъ обращается къ монахамъ: „въ васъ, монахахъ, *долженъ сохраниться* (не справляясь съ подлинникомъ, а имѣя только въ виду текстъ, приводимый нашимъ авторомъ, замѣтимъ отъ себя: сватитель не сказалъ однакоже—*сохранится*, а — *долженъ сохраниться*) остатокъ благочестія, какой Господь пришедши, найдетъ на землѣ.“ Авторъ изобразившій такимъ образомъ, въ назиданіе вѣрующихъ, значеніе и заслуги монашества, скромно скрылъ свое имя. Отважнѣе явился издатель сочиненія, который заявивъ въ предисловіи, что „по его глубокому убѣжденію, предлагаемый трудъ достопочтеннаго автора достоинъ полнаго вниманія всѣхъ благомыслящихъ людей, къ какому бы классу они ни принадлежали, только бы искали истины безъ предубѣжденій“,—подписалъ свое имя: *Н. Елагинъ*.

ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА И ДОБРОЕ ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА ПРИХОДЪ.

Село Зятцы, открытое въ 1756 г., упраздненное въ 1826 г. и возобновленное въ 1863 г., въ приходѣ котораго 3000 душъ обоюго пола, въ томъ числѣ половина новокрещенъ изъ Вотяковъ и 200 д. раскольниковъ поморской секты, стоитъ въ самомъ углу Малмыжскаго уѣзда, примыкая къ границамъ Глазовскаго и Сарапульскаго уѣздовъ. Въ эту глушь очень мало проникало духовнаго свѣта. При возобновленіи села,

во всемъ приходѣ грамотныхъ было только 12 человекъ, изъ коихъ 5, по вышискѣ начальства, учились въ казенныхъ училищахъ, а прочіе были переселенцы изъ другихъ приходоѡ, научившіеся грамотѣ въ мѣстахъ перваго своего жительства. Если гдѣ, то особенно въ Зятцахъ настояла надобность въ приходской школѣ. По окончаніи постройки новой церкви, 1866 года 21 ноября,—въ день храмоваго праздника, и открыта была школа въ казенной избѣ, съ сохраненіемъ водосвятнаго молебствія послѣ литургій. Необходимыя учебныя вещи были заведены на счетъ причта, который принялъ на себя и обязанность бесплатно обучать дѣтей. Священникъ, который нѣкогда былъ въ числѣ наставниковъ вятской воскресной школы, сталъ распорядителемъ зятчинской школы и обучалъ Закону Божию сначала по исторіи Попова, а потомъ—Соколова на разсказъ, съ помощію Библии въ лицахъ Шворра. Обученіе же молитвамъ, во избѣжаніе большой траты времени, было взаимное между учениками по методу Ланкастера. Предъ классами за часъ и послѣ—съ часъ старшіе ученики, чередуясь по днямъ, обучали младшихъ молитвамъ устно, а священникъ въ классѣ переводилъ изучаемыя молитвы на русскій языкъ и пояснялъ смыслъ ихъ. Дьяконъ съ пономаремъ обучали письму и чтенію по звуковымъ методамъ сначала Главинскаго и Золотницкаго, потомъ Корфа. Дьячекъ обучалъ ариметикѣ во руководствѣ того же Главинскаго, съ употребленіемъ счетовъ. Обучали и церковному пѣнію. Учениковъ въ 1-й годъ съ большимъ трудомъ собралось только 12, во 2-й было уже 37, а съ 1868 по 1874 г. не менѣе 50, въ томъ числѣ до половины новокрещенскихъ дѣтей, изъ каждаго приходскаго селенія; были ученики и изъ другихъ приходоѡ Узинскаго и Игринскаго. Изъ нихъ окончилъ курсъ за восемь лѣтъ до 100, которые стали дома для своей семьи и другихъ читать религіозно-нравственныя книжки, пріобрѣтенныя на счетъ приходскаго попечительства, и выдаваемыя изъ училища; а нѣкоторые стали пѣть и читать на клиросѣ. Чтобы расположить прихожанъ къ отдачѣ дѣтей въ училище, кромѣ постоянныхъ убѣжденій о пользѣ образованія, особенно при осеннемъ крестномъ ходѣ, были дѣлаемы, по окончаніи учебнаго года, открытыя испытанія учениковъ, съ особымъ приглашеніемъ на нихъ волостныхъ начальниковъ, приходскихъ попечителей и всѣхъ прихожанъ.

Вскорѣ послѣ перваго выпуска учениковъ доброе вліяніе сельской школы обнаружилось открытіемъ небольшихъ школъ въ деревняхъ Зятчинскаго прихода и въ другихъ мѣстахъ. Отдаленныя селенія русскія и вотскія согласились имѣть школы въ своихъ деревняхъ, давши для нихъ квартиру, отопленіе и содержаніе учащимъ. Въ этихъ школахъ обучали одинъ крестьянинъ, одинъ унтеръ-офицеръ отставный и двое изъ окончившихъ курсъ въ приходской школѣ. Ученіе въ нихъ

производилось подъ наблюденіемъ и руководствомъ причта, который снабжалъ ихъ и учебными вещами и приплачивалъ учителямъ по одному рублю за каждаго ученика изъ числа отпускаемыхъ съ 1873 г. причту взмствомъ въ пособіе для училищъ 150 р. Таковыя школы были: въ 1872—73 учебн. г. въ деревнѣ Лазоворцахъ съ 12 мальчиками и 4 дѣвочками; въ 1873—74 г. сія школа перешла въ деревню Шундошуръ съ таковымъ же количествомъ учениковъ; въ томъ же 1873—74 г. открылась школа въ д. Утемѣ съ 4 мальчиками и 3 дѣвочками; въ 1874—75 г. въ деревнѣ Шушагуртѣ съ 6 мальчиками и въ поч. Кешурѣ съ 6-ю мальчиками. Въ 1873—74 г. одинъ изъ кончившихъ курсъ въ приходской школѣ, новокрещенный изъ Вотяковъ Стефанъ Макаровъ обучалъ дѣтей грамотѣ въ Селтинской приходской школѣ, а другой изъ таковыхъ калѣка Мерзляковъ русскій—въ деревнѣ Чутырскаго прихода.

И другіе ученики приходской школы приносятъ посильную духовную пользу не только дѣтямъ, но и взрослымъ. При крестныхъ ходахъ и при всякихъ выѣздахъ въ приходъ причтъ считаетъ непремѣнною своею обязанностію обучать приходскихъ дѣтей христіанскимъ молитвамъ. Однажды причтомъ предложено было обученіемъ дѣтей молитвамъ заняться ученикамъ приходской школы. Они оказались способными для этого дѣла и, по предложенію священника, согласились по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собирать дѣтей своего селенія отъ 6 лѣтъ, для обученія молитвамъ, въ дома попечителей приходскихъ или другихъ благочестивыхъ домохозяевъ, подъ надзоромъ ихъ. Имъ выданы молитвенники. Обученіе повѣряется причтомъ и усердѣйшіе изъ учащихъ поощряются подарками.

По случаю истребленія новой церкви въ 1873 г. молніею настала новая забота строить каменную церковь. Постоянныя занятія въ школѣ для причта стали затруднительны. Вслѣдствіе сего причтъ и прихожане просили земство принять приходскую школу въ свое вѣдѣніе, въ которое она и поступила съ 1 января сего 1875 г.; а школы въ деревняхъ остаются подъ руководствомъ причта, а также подъ наблюденіемъ его продолжается и домашнее обученіе молитвамъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Повѣряя послѣднее во время пасхальнаго крестнаго хода въ починкѣ Утемѣ, причтъ попыталъ съ учениками пропѣть праздничный тропарь и сиѣли они въ первый разъ порядочно, во второй разъ лучше; приглашены были къ участию въ пѣніи отцы и матери, и съ величайшимъ удовольствіемъ и истинною священной радостію для всѣхъ въ первый разъ въ нашей мѣстности огласилось общее народное пѣніе церковное. Пропѣли: „Христоръ Воскресе“, „Отче нашъ“ и „Вѣрую во единого Бога“. Тоже повторилось и въ другихъ деревняхъ, даже въ Вотскихъ. При слѣдующемъ крестномъ ходѣ Троицею общее сла-

вословіе совершалось на поляхъ, на которыхъ поселяне, собираясь всегда всѣ съ большаго до малаго, пѣли тропарь празднику „Благословенъ еси Христе Боже нашъ“, потомъ „Отче нашъ“, „Вѣрую“, „Богородице Дѣво, Радуйся“, „Владычице, пріими молитвы рабъ твоихъ“. Можно надѣяться, что когда либо при помощи Божіей, народное славословіе войдетъ въ обычай и въ самый храмъ, по примѣру первенствующей христіанской церкви, въ укрѣпленіе православія и ослабленіе раскола. (*Вятск. Еп. Вѣд.*)

Священникъ Михаилъ Шерстениковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ иностранныхъ газетахъ напечатано слѣдующее письмо Д-г. Деллингера: „Международная конференція друзей церковной уніи въ Боннѣ отзрется 12 августа и будетъ продолжаться этотъ и два слѣдующіе дни. Конференція имѣетъ слѣдующія цѣли: вопервыхъ, воспроизвести общее исповѣданіе тѣхъ главныхъ христіанскихъ ученій, которыя составляютъ сумму догматовъ вѣры, утвержденныхъ первоначально нераздѣленною церковію въ ея символахъ, и которыя служатъ и теперь еще нормой ученія для великихъ религіозныхъ обществъ, находящихся въ непрерывной связи съ древнѣйшимъ христіанствомъ. Далѣе конференція имѣетъ въ виду, на основаніи этого единогласнаго исповѣданія, установить взаимное общеніе и конфедерацію церквей, то есть взаимное признаніе, которое, не доходя до сліянія церквей и не стѣсня церковно-національныхъ и вообще завѣщанныхъ преданіемъ особенностей въ ихъ ученіи, управленіи и обрядѣ, обезпечивало бы членамъ другихъ обществъ участіе въ богослуженіи и таинствахъ наравнѣ съ собственными членами.

„Конференція вовсе не имѣетъ въ виду достигнуть каждагося соглашенія посредствомъ многосмысленныхъ, то есть неопредѣленныхъ фразъ, которыя потомъ каждый могъ бы истолковать по произволу; напротивъ, она желаетъ, посредствомъ всесторонняго изслѣдованія и разъясненія установить такія положенія, которыя просто и точно выражали бы сущность библейскаго ученія и отеческаго преданія, и потому самому могли бы служить связью и залогомъ желаемаго общенія.

„Особыхъ приглашеній не будетъ; приглашенными могутъ считать себя всѣ какъ духовные, такъ и міряне, имѣющіе достаточное богословское образованіе и сочувствующіе цѣлямъ конференціи.

Боннская конференція. 12 августа (по новому стилю), въ Боннѣ подъ предсѣдательствомъ каноника Деллингера открылись конференціи старокатоликовъ по вопросу о единеніи церквей. На сѣздѣ прибыли многія лица, принадлежащія къ восточной церкви, въ томъ числѣ румынскіе епископы Геннадій и Мельхиседекъ, архимандритъ Савва изъ (Бѣлграда), архимандриты Анастасиадесъ и Вриенній (изъ Константинополя), профессоръ Осининъ, ректоръ духовной академіи о. Янышевъ и гг. Филипповъ и Кирѣевъ (изъ Петербурга). Для присутствованія на конференціи прибыли также до 80 англійскихъ и американскихъ духовныхъ лицъ. Деллингеръ открылъ засѣданія конференціи длиною рѣчь, въ которой изложилъ церковно-историческое развитіе и сущность спора о догматахъ между восточною и западною церквами. Затѣмъ, подъ руководствомъ Деллингера, продолжались бесѣды между старокатоликами и членами восточной церкви по программѣ, начертанной Деллингеромъ. Слѣдующее совѣщаніе конференціи по вопросу о единеніи церквей велось на англійскомъ языкѣ, такъ какъ по предварительному соглашенію, представители восточной церкви не участвовали въ засѣданіи. Каноникъ Деллингеръ прочелъ обстоятельное посланіе уинчестерскаго епископа, Гарольда Броуна, о дѣйствительности англійскаго поставленія (Ordination), послѣ чего обсуждались всѣ бывшіе до настоящаго времени переговоры съ восточною церковью объ исхожденіи Св. Духа и относящееся къ этому вопросу изложеніе мнѣній, которое вручено представителямъ восточной церкви и было предметомъ дальнѣйшаго обсужденія на общемъ собраніи конференціи. Совѣщанія конференціи, какъ увѣряетъ телеграфическое извѣстіе отъ 16 августа, привели къ общему соглашенію съ представителями восточной церкви по самымъ существеннымъ пунктамъ догмата объ исхожденіи Св. Духа. Собраніе встрѣтило сообщеніе о томъ изъявленіями радости. 4 августа закрыты совѣщанія конференціи о единеніи церквей; продолженіе ихъ назначено на конецъ лѣта будущаго года. Архіепископъ Ликургъ и епископъ гибралтарскій выразили свою радость о достигнутомъ конференціею успѣхѣ, заявивъ надежду, что разъединенныя церкви, постоянно сближаясь, наконецъ сольются во единую, всеобщую церковь. Въ заключеніе старо-католическій епископъ Рейнкенъ произнесъ краткую молитву на латинскомъ языкѣ о единеніи въ вѣрѣ и любви.

Рѣчь г. Деллингера при открытіи боннской конференціи. *Bonner Zeitung* сообщаетъ слѣдующее извлеченіе изъ рѣчи г. Деллингера, которою онъ открылъ боннскую конференцію:

„Имѣющіе вѣковую давность споры, началъ г. Деллингеръ, между греческою и латинскою церковью объ исхожденіи Св. Духа стоятъ въ причинной связи съ теперешнимъ происшедшимъ въ Ватиканѣ перево-

ротомъ въ римско-католической церкви. Эта связь дѣлаетъ яснымъ почему именно теперь предпринимается опять попытка соглашенія съ Восточною церковью и почему успѣхъ этой попытки имѣеть столь великое значеніе для всеобщей религіозной жизни, а не прямо даже для политическаго положенія дѣлъ въ мірѣ. Я попытаюсь показать эту связь.

„Западная церковь, какъ и Восточная, первоначально стояла на томъ основоположеніи, что каеолическое заключается только въ томъ, во что всегда, вездѣ и всѣ вѣровали. Хотя и въ то время, когда обѣ части церкви твердо стояли на этомъ основоположеніи, случались несогласія, отчужденія и разединенія, но дѣло не могло доходить до того, чтобъ одна церковь осуждала въ ереси другую, такъ какъ это основоположеніе представляло средства къ устраненію возникающихъ разностей.

„Позднѣ этотъ общій базисъ былъ оставленъ не вслѣдствіе умозрительно-догматическихъ вопросовъ о тринитности, о воплощеніи и пр., но вслѣдствіе вопросовъ, касающихся церковнаго устройства, по поводу іерархическихъ вопросовъ. Съ конца V и начала VI столѣтія начинается рядъ огромныхъ въ іерархическомъ интересѣ подлоговъ и выдумокъ, между коими подлогъ псевдо-Исидора есть самый удачный. Затѣмъ, въ IX столѣтіи римскій престолъ, опираясь на эти подлоги, выступилъ съ своими притязаніями противъ восточныхъ церквей, стараясь подчинить ихъ своему владычеству.

„Догматическій вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа былъ вовлеченъ такъ сказать насильственно въ эту борьбу по вопросу объ устройствѣ: воспользовались догматическимъ различіемъ въ этомъ пунктѣ ученія, чтобы дѣлать противной сторонѣ упрекъ въ инославіи.

„Что на Западѣ своевольно и противозаконно прибавили къ Символу Вѣры слово *Filioque*, виновна въ этомъ не римская церковь. Прибавленіе прежде сдѣлано было въ VI, можетъ-быть и въ V столѣтіи въ Испаніи. Карлъ Великій въ 809 году требовалъ отъ папы Льва III ввести во всеобщее употребленіе это прибавленіе; Левъ отвергъ это требованіе, на томъ основаніи, что онъ не имѣеть никакого права нзмѣнять что-либо въ Символѣ. Въ 1014 году въ Римѣ уступили настоянію императора Генриха II и ввели повсюду *Filioque*.

„Такимъ образомъ съ этого времени обѣ половины церкви не имѣли болѣе одинаковаго исповѣданія вѣры. Между тѣмъ все болѣе развивались мысли о владычествѣ Рима. По завоеваніи Константинополя крестоносцами, въ греческой имперіи введена была латинская іерархія и по мѣстамъ даже латинская литургія. Дѣйствіями Иннокентія III, французовъ и венеціанцевъ усилена была противоположность между

Западомъ и Востокомъ. Среди этой неравной борьбы, въ коей Западъ былъ гораздо могущественнѣе, восточные воспользовались какъ орудіемъ своею вѣрностію древней формѣ Символа: они все рѣзче показывали возникшую въ этомъ отношеніи разницу. Теперь латинны должны были стараться оправдать прибавленіе, особенно въ виду того, что за него вступался римскій престолъ. Вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа сдѣлался теперь вопросомъ объ авторитетѣ папы, возвышающемся надъ авторитетомъ вселенскаго собора. На Западѣ дошли до того, что приписали папѣ право дѣлать измѣненія въ Символѣ, и такимъ образомъ ставили его выше вселенскаго собора и всей церкви. Иннокентій III уже болѣе не называлъ себя, какъ древніе папы, намѣстникомъ святаго Петра, или какъ позднѣйшіе, намѣстникомъ Христа, но называлъ себя намѣстникомъ „истиннаго Бога“. Такъ латинны требовали чтобы греки приняли одобренное папою прибавленіе *Filioque*.

„Вслѣдъ за упадкомъ могущества греческой имперіи, властители ея по политическимъ видамъ желали соединенія съ папою и Западомъ. Наконецъ, въ 1274 году, созванъ былъ второй соборъ въ Лионѣ. Чтобы приготовить унию, Фома Аквинатъ написалъ сочиненіе о правѣ папы утверждать исповѣданіе вѣры. Для этого онъ пользовался составленнымъ однимъ доминиканцемъ собраніемъ вымышленныхъ мѣстъ изъ писаній греческихъ отцовъ и соборовъ, которыми будто признавалось это право. Эта фальсификація, которой Фома Аквинатъ не подозрѣвалъ, была не столько іерархическаго, сколько догматическаго свойства. Около 1274 года Фома Аквинскій первый подробно разсмотрѣлъ вопросъ объ авторитетѣ папы въ изданіи догматовъ вѣры, о чемъ Петръ Ломбардъ въ 1150 году ничего не говорилъ. Конечно Аквинатъ говорить еще не совсѣмъ рѣшительно и не отрѣшился отъ старыхъ воззрѣній, но все-таки онъ уже составилъ себѣ теорію, что папа есть источникъ всякой юрисдикціи и верховный судья въ дѣлахъ церкви. Фома Аквинскій поставленъ былъ отъ папы и средневѣковыхъ монашескихъ орденовъ диктаторомъ въ теологическомъ мірѣ. Такимъ образомъ мы видимъ связь между спорами о *Filioque* и папскою непогрѣшимостію.

„Планъ униі втораго лионскаго собора не удался; и на соборѣ во Флоренціи въ 1439 году установившаяся по чисто-политическимъ видамъ униа не имѣла никакихъ прочныхъ результатовъ.

„Затѣмъ въ Западной церкви господствующимъ направленіемъ стало то, которое достигло извѣстнаго завершенія 18-го іюля 1870 года. Дѣло направлялось къ тому, чтобы практически провести въ Западной церкви систему которая приписываетъ папѣ всю власть юрисдикціи, такъ чтобы только онъ былъ источникомъ всякой юрисдикціи, а вся-

кій другой имѣлъ бы лишь отъ папы прямо или непрямо врученную власть; вмѣстѣ съ тѣмъ заботились провести непогрѣшимость папы, предъ которымъ и вселенскій соборъ имѣетъ значеніе только совѣщательнаго собранія. Въ этомъ направленіи дѣйствованіи неуклонно со второй половины XV столѣтія. Если чрезъ реформацію отдѣлилась отъ папы большая часть западнаго христіанства, именно въ Германіи и Англіи, то папская система была здѣсь главною причиною отдѣленія и существеннымъ препятствіемъ къ соединенію. По другимъ догматическимъ вопросамъ возможно было бы соглашеніе, но оно должно было сокрушиться объ абсолютный авторитетъ папы.

„Вскорѣ послѣ реформаціи возникъ іезуитскій орденъ, поставившій себѣ спеціальною задачею ввести папскую систему въ плоть и кровь западныхъ націй, не изъ платонической любви къ этой системѣ, но потому что это было самымъ пригоднымъ средствомъ достигнуть всеобщаго владычества; достигни папская система такого значенія и по пади Римъ во власть іезуитовъ,—они будутъ владыками всей церкви.

„И доминиканцы, которые долго занимали въ Римѣ вліятельное положеніе (именно въ конгрегаціи индекса и инквизиціи), преслѣдовали эту же цѣль; но ихъ привязанность къ папской системѣ, которая создана ихъ великимъ теологомъ Томою Аквинатомъ, была искреннѣе, чѣмъ привязанность іезуитовъ. Оба эти ордена до XVIII вѣка были главными опорами папской системы.

„Система эта въ продолженіе всего этого времени въ Западной церкви встрѣчала много противорѣчій. Но они постепенно подавлялись. Самое продолжительное противодѣйствіе этой системѣ было во Франціи въ парижскомъ университетѣ, въ епископатѣ и клирѣ. Долго работала римская партія надъ разрушеніемъ самостоятельности галликанской церкви. Подробное раскрытіе этого повело бы слишкомъ далеко. Но часъ смерти галликанской свободы пробилъ въ 18-е іюля 1870 года. Тогда именно ловко воспользовались спорами янсенистовъ, чтобъ устранить галликанскія воззрѣнія, которыя нашли свое выраженіе въ четырехъ членахъ 1862 года. Къ противодѣйствію этимъ воззрѣніямъ привлечены были кардиналы, министры и женщины, изъ коихъ послѣднія въ такихъ дѣлахъ всегда имѣли большое вліаніе во Франціи. Революціею 1789—94 французская католическая церковь на нѣкоторое время была разрушена. Она была восстановлена и казалось будто вступила въ свое галликанское наслѣдство. Но это только казалось. Наполеонъ I съ 1802—4 годъ былъ лучшимъ союзникомъ папѣ, и съ его помощью Пій VII произвелъ величественный маневръ, однимъ почеркомъ пера устранивъ весь французскій епископатъ.

„По крайней мѣрѣ теоретически все еще стоялъ столпъ галликан-

ской системы, выразительное отрицаніе папской непогрѣшимости. Въ разрушеніи этого столпа Римъ и іезуиты видѣли самую главную свою задачу.

„Одновременно направили взоры и на Германію. Въ Римѣ, какъ я самъ въ 1859 году слышалъ изъ устъ прелатовъ и самого папы, имѣли великое недоувѣріе къ нѣмецкой наукѣ и нѣмецкой теологіи. Къ разрушенію этой послѣдней, нашли необходимымъ утвердить папскую непогрѣшимость какъ *rocher de bronze*.“

„Такимъ образомъ Ватикану предстояла задача совершенно уничтожить свободу галликанской церкви и подчинить нѣмецкую науку власти іезуитовъ“. (*Моск. Вѣд.*).

Отзывъ протестантской газеты объ унионистскихъ стремленіяхъ Деллингера и его сообщниковъ. Деллингеръ, какъ извѣстно, считаетъ одною изъ задачъ старо-католицизма постепенное подготовленіе великаго всеобщаго церковнаго единенія. Онъ неоднократно высказывалъ эту мысль и недавно снова выразилъ ее въ своемъ письмѣ къ одному высокопоставленному духовному лицу, обнародованномъ въ кенигсбергской старокатолической газетѣ „*Der Katholik*“ (№ 30, 1875 г.). „Что касается меня, пишу въ этомъ письмѣ Деллингеръ, то я по убѣжденію причисляю себя къ старокатолической общинѣ; я увѣренъ, что она выполнитъ предназначенную ей высокую миссію: а) дать свидѣтельство въ пользу старокатолической истины и противъ новѣйшихъ римскихъ заблужденій о всевластїи и непогрѣшимости папы; б) возстановить, путемъ постепеннаго и послѣдовательнаго прогресса, истинную церковь, очищенную отъ заблужденій и суевѣрій, болѣе согласную съ идею древней, еще нераздѣленной церкви, и в) послужить орудіемъ и посредствующимъ звѣномъ будущаго великаго воссоединенія христіанъ и церквей.“ Вотъ что говорить по поводу этого писма лейпцигская церковная газета „*Allgemeine Evangelisch-Luthertische Kirchenzeitung*“ (№ 15, 1875).

„Въ миролюбивомъ настроеніи Деллингера, одушевляющемъ его въ дни глубокой старости, есть нѣчто трогательное, возбуждающее невольное сочувствіе. Мысль расширить эгоистическое римское понятіе о единствѣ церкви, соединить все христіанскіе народы узамъ всеобщей братской любви, безъ всякаго стѣсненія и нарушенія ихъ церковно-національныхъ правъ и особенностей, сама по себѣ—высокая мысль, заслуживающая полнаго уваженія. И однакоже, въ соединеніи съ тою увѣренностью, что все это осуществится при посредствѣ старокатолицизма, мысль эта теряетъ свою грандіозность и отзывается увлеченіемъ, граничащимъ почти съ наивностью, которая у такого серьезнаго и глубокаго знатока церковной исторіи, какъ Деллингеръ, можетъ быть объ-

яснена развѣ только воздѣйствіемъ на его образъ мыслей, можетъ быть даже не замѣтнымъ для него самого, обычныхъ римскихъ понятій о благотворномъ значеніи системы соглашенія и приспособленія въ дѣлѣ установленія церковнаго согласія между равномыслищими. Старокатолицизмъ думаетъ возстановить единеніе раздѣленныхъ церквей путемъ соглашенія и примиренія ихъ вѣроисповѣдныхъ системъ — взаимныхъ сдѣлокъ и уступокъ другъ другу изъ области ихъ догматическихъ убѣжденій. Деллингеру, конечно, очень хорошо извѣстно, что мысль эта не нова, что она не разъ уже практиковалась на католическомъ и протестантскомъ западѣ и никогда не приводила ни къ какому благопріятному результату для дѣйствительнаго сближенія церквей. Плодомъ этой именно мысли, родяною которой мы считаемъ Римъ, была унія грековосточнаго исповѣданія съ латинскимъ, которая въ настоящее время, кажется, доживаетъ послѣдніе дни своего неизбежнаго саморазложенія. Между тѣмъ отъ старокатолическаго проекта единенія церквей, даже при наиболѣе удачномъ осуществленіи его, нельзя ожидать иныхъ результатовъ, какіе принесла унія съ Римомъ. Старокатолики приглашаютъ къ дѣлу единенія съ собою восточныя церкви, можетъ быть не безъ нѣкотораго расчета на то, что народы, принадлежащіе къ этимъ церквамъ, остались очень неразвитыми въ догматическомъ отношеніи, что члены этихъ церквей мало интересуются догматическою стороною своего исповѣданія, болышею частью мало даже знакомы съ догматическими особенностями своихъ церквей и что потому ихъ можно склонить къ уступкамъ, которыя могутъ быть даже совсѣмъ и незамѣчены народными массами, коль скоро уступки эти будутъ сдѣланы представителями церквей. Однако же, по совершенно справедливому замѣчанію газеты, подобные расчеты крайне ошибочны; восточныя церкви имѣютъ свою опредѣленную индивидуальность, которая особенно сильно отпечатлѣвается на восточной обрядности и на церковной дисциплинѣ, такимъ образомъ на тѣхъ именно сторонахъ церковной жизни, которыя особенно популярны и особенно близко соприкасаются съ дѣйствительною народною жизнью. Если и допустить, уродождаетъ газета, что не только отдѣльные богословы, но даже официальные представители отдѣльных церковныхъ партій или какихъ нибудь обществъ пришли бы, путемъ совѣщанія и переговоровъ, къ какому нибудь соглашенію съ старокатоликами по вопросу о Filioque и по другимъ какимъ нибудь пунктамъ, все-таки чрезъ это ничего въ сущности не будетъ достигнуто для дѣйствительнаго единенія церквей: пока въ сознаніи массъ будутъ оставаться вѣроисповѣдныя разности, опредѣляемыя особенностями ихъ церковной жизни, цѣлымъ строемъ и складомъ ихъ религіознаго міросозерцанія; соглашенія, достигнутыя путемъ теологическаго и диплома-

тического искусства — совершенно помимо народа, въ практическомъ отношеніи никогда ни къ чему не приведуть.“ (*Церк. Вѣсти.*)

3 іюля сего года (по нов. стилю), папа Пій IX обратился къ архіепископу неаполитанскому, кардиналу Ріаріо Сфорца, съ письмомъ, въ которомъ онъ изрекаетъ отлученіе отъ церкви архіепископу города Лидды, *Доминику Панелли*, ставшему, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, во главѣ такъ называемой національно-италианской католической церкви. Папа очень сурово относится къ монсиньору Панелли и дѣлаетъ слѣдующій биографическій очеркъ его. По словамъ Пія IX, Панелли, получивъ въ Римѣ отказъ въ посвященіи въ высшія степени іерархін, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ученіемъ римско-католической церкви, передался греческимъ схизматикамъ (т. е. православнымъ) и тамъ, примкнувъ къ этой „гнусной схизмѣ“, постыдно отрекся отъ католицизма. Въ послѣдствіи, притворившись будто желаетъ примириться съ католическою церковію, Панелли сталъ увѣрять, что получилъ священническое и епископское посвященіе отъ схизматиковъ, приписывая силу церковнаго рукоположенія какой-то ночной и тайной церемоніи, предшествуемой чуждыми священнаго характера вечерами (агапами). Когда затѣмъ Панелли потребовалъ, чтобы священное сѣдалище признало правильность его рукоположенія, папа повелѣлъ верховной инквизиціи изслѣдовать это дѣло, и результатъ изслѣдованія оказался отрицательный, вслѣдствіе чего Панелли былъ признанъ простымъ клирикомъ и навсегда исключеннымъ изъ священнаго сана. При этомъ папа не упоминаетъ почему-то, что Панелли въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ подвергаемъ различнымъ истязаніямъ со стороны „священной инквизиціи“. По снмъ причинамъ, „своею апостольскою властію“, Пій IX осуждаетъ „схизматическое и еретическое скопище“, именуемое національно-италианскою католическою церковію и объявляетъ ее отлученною отъ единенія съ римско-католическою церковію, а относительно Доминика Панелли постановляетъ слѣдующее: „кромѣ того, властію всемогущаго Бога, св. Петра и Павла и нашею, мы снмъ торжественно отлучаемъ и анаематствуемъ вѣроотступника Доминика Панелли, не побоявшагося сдѣлаться орудіемъ разоренія для народа Божія и вобудителемъ нечестія, равно и всѣхъ тѣхъ, которые присоединились къ его дерзости и вѣроотступничеству и какимъ бы то ни было способомъ оказываютъ ему помощь и содѣйствуютъ ему дѣломъ, совѣтомъ, согласіемъ и благорасположеніемъ; и мы повелѣваемъ, постановляемъ и провозглашаемъ, дабы тѣ и другіе, какъ отсѣченные отъ тѣла церкви, были избѣгаемы всѣми“.

Мы не знаемъ, на сколько епископское посвященіе, принятое Доми-

никомъ Панелли на Востоѣ, правильно (вопросъ этотъ остается не разъясненнымъ и для насъ самихъ), но что дѣло, предпринятое этимъ лицомъ въ Италіи можетъ повести къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ, если доведено будетъ до конца также, какъ оно начато — въ этомъ для насъ православныхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Начала, положенныя въ основу національно-италианской католической церкви, какъ извѣстно читателямъ, сходны съ началами православія, и желательно только одного, чтобы основанная Доминикомъ Панелли церковь вошла въ ближайшія сношенія съ православною церковію.

Ц. Общ. Вѣстн.

В Ъ П А М Я Т Ь

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РУКАВИШНИКОВА,

8 августа неумолимая смерть сразила юношу 29 лѣтъ, въ цвѣтѣ силъ физическихъ и моральныхъ. Одинъ изъ трехъ сыновей богатыхъ родителей, рожденный и воспитанный въ нѣгѣ, довольствѣ, подъ нѣжнымъ, благопопечительнымъ надзоромъ родителей, опытныхъ и честныхъ педагоговъ, получившій съ дѣтства твердое начало строго христіанской нравственности подъ роднымъ кровомъ, почившій блистательно окончилъ курсъ естественныхъ наукъ въ московскомъ университетѣ въ 1867 году. Полный энергій, юноша не хотѣлъ было завершить въ Москвѣ свое образованіе. Съ жаждою знанія онъ посѣщаетъ аудиторію, въ качествѣ вольнаго слушателя въ с.-петербургскомъ горномъ институтѣ, но сердце, горяче любившее родителей, влечетъ въ Москву! Внутренняя борьба совершилась быстро. Желаніе знанія уступило силѣ любви къ родицѣ. И молодой юноша, пробывъ около двухъ лѣтъ въ Петербургѣ, вернулся въ Москву къ неописанной радости родителей. Но не для покоя или удовольствій вполне обеспеченной жизни Николай Васильевичъ возвратился въ родительскій домъ. Онъ искалъ новой дѣятельности, только не умственной, а такъ сказать—сердечной. Онъ рѣшился усовершенствовать себя въ любви чистой, самоотверженной,—истинно христіанской; онъ захотѣлъ вступить на трудное поприще служенія меньшей братіи Христовой,—онъ рѣшился послужить обращенію на путь добра такихъ мальчиковъ, которые успѣли уже подвергнуть себя

суду за кражу, бродяжничество, побѣгъ отъ хозяина и пьянство. Проникнутый духомъ евангельской истины, что *обратившій ирѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрѣтитъ множество ирѣховъ* (Іак. V, 20), Н. В., какъ директоръ исправительнаго пріюта, рѣшительно задался цѣлю съ христіанскою любовію исправлять въ малолѣтнихъ преступникахъ порочныя наклонности, неустанно заботясь сдѣлать ихъ честными ремесленниками-тружениками, полагая въ основу ихъ нравственнаго возрожденія страхъ Божій. Съ этою цѣлю онъ не только учредилъ, но и въ краткое время (съ 1869 года) довелъ до возможной степени совершенства мастерства: сапожное, портняжное, столярное, переплетное и брошюровочное. Выборъ мастерства всегда представлялся на волю мальчика. Сознывая, что мастерство, основательно изученное, будетъ несомнѣнно прочнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ воспитанника по выходѣ его изъ пріюта, Н. В. особенно старался пріучить мальчиковъ къ труду, а чтобы доставить имъ возможность изучать ремесла и сдѣлаться хорошими мастерами онъ нашелъ возможнымъ укомплектовать всѣ мастерскія лучшими мастерами, давъ имъ большое жалованье и принявъ семьи ихъ на свое содержаніе. Но главное вниманіе обращено было на религіозно-нравственное воспитаніе. Мальчики не только обучались по книгамъ Закону Божію, русскому языку, арифметикѣ, географіи и русской исторіи, но руководимы были живою бесѣдою самаго директора, какъ отца съ дѣтьми. Онъ вмѣстѣ съ ними молился, образовалъ хоръ пѣвчихъ, которые предъ святыми иконами, въ нарочито устроенномъ иконостасѣ, пѣли молитвы, стихиры, тропари и кондаки, а также причѣвы къ акаѳистамъ Спасителю и Божіей Матери, которые каждодневно самъ читалъ Николай Васильевичъ. Благоговѣйное предстоаніе, тихія воздыханія дѣтей, ихъ стройное пѣніе и умиленное чтеніе самого руководителя привлекали въ домъ пріюта и стороннихъ посѣтителей; но чаще другихъ участвовала въ молитвѣ дѣтей мать Николая Васильевича. Сколько было такта и истинно отеческаго и въ то же время дружескаго отношенія къ дѣтямъ, свидѣтельствуетъ то, что почившій только въ поздній вечеръ оставлялъ пріютъ подѣ надзорѣ своего помощника, уходя подѣ бровь родительскій, и съ раннимъ утромъ

спѣшилъ къ своимъ дѣтямъ! Чтобы не утомить дѣтей работами, онъ самъ дѣлалъ съ ними прогулки, впрочемъ и въ это время давая работу мысли или чувству. Такъ онъ или знакомилъ ихъ съ священными древностями Москвы, бывая съ ними въ кремлевскихъ соборахъ, патриаршей ризницѣ, или показывалъ имъ публичную бібліотеку, картинную галерею, или чудную панораму Москвы съ Ивановской колокольни или Воробьевыхъ горъ. Въ часы свободные отъ занятій или въ дни праздничные Н. В. самъ распоряжался дѣтскими играми, зорко наблюдая, чтобы все было мирно и въ порядкѣ. Такимъ образомъ все время, вся жизнь его была отдана дѣтямъ. Для того, чтобы успѣшнѣе идти къ дѣли, однажды имъ начертанной, онъ самъ отказался не только отъ свѣтскихъ удовольствій, посѣщенія напр. театровъ и т. под., но и рѣшился вести безбрачную жизнь, памятуя слова св. ап. Павла: *не оженившись печется о Господнихъ, какъ угодно Господеви* (1 Кор. VII, 32). Нужно ли говорить, что почившій спокойно принималъ разные толки и пересуды людей, которые, не желая вдуматься въ высшій смыслъ его служенія, смотрѣли на него неодобрительно; для нихъ образъ жизни Николая Васильевича казался страннымъ, при его счастливой обстановкѣ со стороны родителей и его собственнаго образованія. За то, какъ же радовался онъ, когда его питомецъ хорошо себя велъ и усердно занимался своимъ дѣломъ! Какъ онъ былъ доволенъ, когда призрѣваемые по выходѣ изъ пріюта поступали въ частныя мастерскія лучшими мастерами за хорошее жалованье, или снова возвращались въ пріютъ, чтобы здѣсь быть руководителями въ дѣлѣ для неопытныхъ!... Вотъ на какую степень могъ поставить двадцати осмилѣтній юноша свой пріютъ. Въ докладѣ за прошедшій годъ *Обществу распространенія полезныхъ книгъ* говорится, что «въ 1874 году не было ни одного случая побѣга, вообще поведеніе воспитанниковъ было весьма удовлетворительно; были лишь обыкновенныя дѣтскія шалости. Довозательствомъ ихъ хорошаго поведенія служить то, что изъ всего количества (73) нынѣ находящихся въ пріютѣ мальчиковъ только двое недавно поступившіе, не имѣютъ бляхъ, которыми мальчики очень дорожатъ и награждаются за хорошія отмѣтки по поведенію, мастерствамъ и наукамъ»....

И такой юной, но зрѣлой, направляющей силы, неожиданно не стало! Приютъ лишился такого директора, который въ молодыхъ лѣтахъ показалъ старческую опытность, мудрую распорядительность, строгость начальника, растворенную любовь отца, и смѣемъ сказать, нѣжностію матери, а главное — приютъ лишился того, кто на свое служеніе смотрѣлъ, какъ можетъ смотрѣть лишь понявшій во всей силѣ слово Христа Спасителя: *больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV; 13). И почившій дѣйствительно положилъ свою душу за своихъ друзей — дѣтей, когда угодно было Господу вызвать его отъ самоотверженныхъ трудовъ къ покою (Апок. XVI, 13)... Переплывая Москву-рѣку въ лодкахъ съ своими дѣтьми послѣ прогулки вечерней на Воробьевыхъ горахъ, онъ получилъ легкую простуду. Повидимому, не могло бы быть великой опасности, при цвѣтущемъ здоровьѣ: но здѣсь совершилось то, чего человѣку не дано видѣть. Мы впрочемъ знаемъ, что на подобные случаи есть объясненіе въ словѣ Божіемъ: *старость честна не многолѣтна... стодина же есть — мудрость челоуькомъ, и возрастъ старости — житіе нескверно. Благоуоденъ Божови бывъ, возлюбленъ бытъ: восхищенъ бытъ, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или леть прельститъ душу его... Скомчався въ малъ исполни мѣта дома. Уодна бо бѣ Господеви душа его: сего ради потщася отъ среды мукавствія.* (Премудр. Сол. IV, 8—14).

Свящ. І. Виноградовъ.

Августа 11 дня.
1875 года.

С Л О В О

ПРИ ОТПѢВАНІИ ТѢЛА ДИРЕКТОРА МОСКОВСКАГО ИСПРАВИТЕЛЬНАГО ПРИУТА МАЛОЛѢТНИХЪ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РУКАВИШНИКОВА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ МОСКОВСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ, ЧТО ВЪ ГНѢЗДНИКАХЪ, ЦЕРКВИ АВГУСТА 11-го ДНЯ 1875 ГОДА, ПРОТОІЕРЕЕМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ.

Родители, воспитывайте чадъ своихъ въ наказаніи и ученіи Господни.
Ефес. VI, 4.

Приличнымъ почитаю, сію апостольскую заповѣдь повторить при семъ гробѣ уже какъ исполненную, чтобы родители сего

усопшаго, воспомянувъ святую заповѣдь и помысливъ о ея исполненіи, обрѣли себѣ въ этомъ твердое и неложное утѣшеніе.

Наше время много заботится о воспитаніи,—о воспитаніи ученомъ, о воспитаніи дѣловомъ: но довольно ли оно заботится о воспитаніи нравственномъ и благочестивомъ? — Ученія человѣческія приготавливаютъ къ жизни временной; но и ея не могутъ сдѣлать счастливою безъ помощи ученія Господня. И наше многозаботливое о воспитаніи время представляетъ на это поразительныя и горькія доказательства. Никогда, какъ нынѣ, не было такого множества несчастныхъ случаевъ то умственного помраченія, то помраченія сердечнаго или же—мрачнаго недовольства жизнію, доходящаго до отчаянія. Это первое. Но еслибы одни ученія человѣческія и были достаточны для благоустройства жизни временной, тѣмъ не менѣе развѣ этою временною жизнію исчерпывается вся судьба человѣка? Чтѣ ни говорили бы люди заблуждающіеся, какъ бы не обманывали они себя и другихъ различными словесными мудростями, усѣкающими полноту человѣческой жизни, — цѣлость жизни какъ истина дѣйствительности Богомъ положенной не перестаетъ быть такою, какова есть, непреложною, неизмѣнною, неумалеюю. Земная жизнь—это не вся жизнь человѣка, временная жизнь есть только приготовленіе, время воспитанія къ дальнѣйшей, продолжительнѣйшей, вѣчной жизни. И въ этомъ своемъ истинномъ значеніи, временная жизнь сама есть часть жизни вѣчной. Что же собственно воспитываетъ человѣка благонадежно къ счастію, къ блаженству *всей* его жизни?—не что другое, какъ благочестіе. Посему-то слово апостольское научаетъ насъ: *тѣлесное обученіе мало есть полезно, благочестіе же на все полезно есть, имѣющее обѣтованіе живота настоящаго и грядущаго*. Посему-то и заповѣдь апостольская, обращенная къ родителямъ, которыхъ долгъ воспитать рожденную ими жизнь для ея истиннаго, всецѣлаго назначенія, внушаетъ имъ не что другое, какъ *воспитывать чадъ своихъ въ наказаніи и ученіи Господни*.

Если же таково значеніе жизни человѣческой, если такова для нея важность нравственнаго и благочестиваго воспитанія: какъ же велико должно быть утѣшеніе родителей въ самомъ

исходѣ ихъ дѣтей изъ жизни временной, когда сіи были воспитаны въ истинномъ благочестіи, еще же и до конца оказались воспитанными вѣрно и благонадежно!

Знаю сего почившаго—отъ юности его, и какъ самаго близкаго знакомаго и какъ сына моего духовнаго. По немощи человѣческой, и мнѣ горько провозжать его изъ сея жизни; но утѣшеніе обрѣтаю въ упованіи, что не неготовый идетъ онъ въ вѣчную жизнь. Ему тридцать лѣтъ, но онъ почтительнѣйшій до самоотверженія сынъ своихъ родителей; высоко честный гражданинъ своего отечества; добрый вѣрующій сынъ православной церкви; душа чистая кроткая, челоуѣколюбивая: какіе вѣрные залогн блаженства жизни вѣчной, — какъ удержаться отъ свидѣтельства о нихъ предъ церковію?—Но помню моего свидѣтельства, само собраніе церковное знаетъ нѣкоторый подвигъ жизни почившаго, подвигъ, которому несомнѣнно принадлежитъ *обѣтованіе живота грядущаго*. Тотчасъ по окончаніи ученія, вступивъ въ общественную жизнь, онъ всего себя посвятилъ на этотъ необычайный подвигъ. Это по истинѣ—подвигъ благочестія: служить нравственному исправленію и религіозному воспитанію несчастныхъ малолѣтнихъ. Ибо это—мысль христіанскаго милосердія, взыскающаго и спасающаго погибающее. Но кто доволенъ къ такому служенію? Мысль высокая, святѣйшая, но и самая трудная къ исполненію. Тутъ недостоточно одного внѣшняго учрежденія такъ-называемаго исправительнаго пріюта; во внѣшнее учрежденіе надобно вложить душу. Учрежденіе—нравственное и религіозное; и душа имѣющая одушевлять его должна быть высоко-нравственная и истинно религіозная. Внѣшнему учрежденію основаніе было положено другими, но почившій явился и былъ именно чистою душою учрежденія, которая оживляла его, возгрѣвала, возвращала вѣрно, постоянно, какъ душа оживляетъ тѣло. Въ самомъ дѣлѣ, взявши на свои руки пріютъ, почившій уже не принадлежалъ себѣ самому; но каждый его день и даже, безъ преувеличенія сказать, каждый его часъ принадлежалъ пріюту. Для вѣрнаго успѣха дѣла, иначе было и невозможно дѣлать оное. Что же, скажете, онъ тамъ дѣлалъ ежедневно съ ранняго утра до глубокаго вечера?—То же самое, что дѣлаетъ только самый благопопечительный и са-

мый благочестивый отецъ въ своемъ семействѣ. Онъ вмѣстѣ съ дѣтми пріюта каждодневно молился утромъ и вечеромъ, самъ читая положенныя церковію молитвы, присутствовалъ при занятіяхъ дѣтей въ классахъ и въ мастерскихъ, при ихъ обѣдѣ и ужинѣ читая имъ въ это время Евангеліе, неотлучно былъ даже при играхъ дѣтей, — зорко и вмѣстѣ тихо слѣдя за каждымъ, вразумляя одного, ободряя другаго, съ любовію, съ кротостію, съ терпѣніемъ. И вотъ тайна дѣйствительнаго успѣха пріюта, достойно получившаго названіе Рукавишниковскаго не по имени только, но по самому существу вещи.

Дѣти пріюта! Вѣдь это вашъ отецъ; Николай Васильевичъ родной вашъ отецъ—по душѣ, никто не любилъ васъ такъ, какъ онъ любилъ; никто не желалъ и не сдѣлалъ вамъ столько добра, сколько онъ желалъ и сдѣлалъ. Чѣмъ же вы возблагодарите его? Прежде всего, помните твердо чему онъ васъ училъ, и всегда старайтесь вести себя такъ, какъ онъ васъ училъ. Потомъ, каждый день утромъ и вечеромъ, и особенно когда бываете въ церкви такъ молитесь о немъ: «покой, Господи, даннаго намъ Тобою отца, раба твоего Николая».

Благочестивые родители усопшаго! Вѣдь и это—плодъ благочестиваго воспитанія сына вашего Николая, что свою жизнь онъ посвятилъ благочестивому воспитанію дѣтей погибающихъ. Помыслите, какимъ святымъ подвигомъ онъ подвизался, и съ какого подвига воззвалъ его Господь въ жизнь вѣчную. Гдѣ тутъ мѣсто скорби неутѣшной? Скорбь да уступитъ мѣсто умнотворящему чувству благоговѣнія предъ великими путями Божиими, о которыхъ такъ помышлять научаетъ насъ пророкъ: *вси путіе твои, Господи, милость и истина*. По вѣрѣ въ благое Провидѣніе, и въ упованіи жизни вѣчной, глаголите въ сердцахъ вашихъ мирнымъ гласомъ: *Отче Небесный! да будетъ воля Твоя! Се чадо, его же далъ еси намъ, Господи!* — Еще же радуйтесь, что можете нрещи сіе слово съ лицемъ непостыднымъ предъ Господомъ. Паки же радуйтесь и о почившемъ, что и онъ, не будучи плотскимъ отцемъ, возможетъ съ правостію сердца, въ радости блаженства вопіять предъ престоломъ Божиимъ о сихъ дѣтяхъ его по духу: *Се азъ и дѣти, яже ми далъ естъ Богъ!*

Прочее же, — братія — сродницы и знаеміи и вси христіане, помолимся: Господи челоуѣколюбче, смерть поправый и жизнь вѣчную людемъ твоимъ даровавый! Покой душу новопреставленнаго въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе. Всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ словомъ, дѣломъ, или помышленіемъ, яко Благій и Челоуѣколюбець, прости. Нѣсть бо челоуѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ: Ты бо Единъ еси безъ грѣха, правда Твоя — правда вѣчная, и Слово Твое истина, — яко Ты еси воскресеніе и жизнь и покой новопреставленнаго раба Твоего Николая, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и Святымъ и Животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

КЪ ХРИСТОЛЮБИВЫМЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЯМЪ.

Въ селѣ Деулинѣ, московской губерніи, дмитровскаго уѣзда, гдѣ въ 1618 году заключенъ былъ извѣстный миръ, охранившій на будущее время цѣлость русскаго государства отъ притязаній Поляковъ, церковь въ настоящее время требуетъ обновленія, а колокольня при ней на мѣсто погорѣвшей должна быть вновь устроена, на что получено разрѣшеніе епархіальнаго начальства. Причтъ и прихожане села Деулина усерднѣе просятъ христіолюбивыхъ благотворителей помочь устроению Дома Божія на мѣстѣ, которое по знаменательному историческому событію должно остаться навсегда памятнымъ для православнаго русскаго народа.

Пожертвованія могутъ быть присылаемы:

Въ Троице-Сергіевскій посадъ (моск. губ.) въ почтовую контору для передачи въ село Деулино священнику Сергію Воздвиженскому. А въ Москвѣ, въ редакцію *Православнаго Обозрѣнія*, или же протоіерею Александровскаго военнаго училища Иванцову-Платонову.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРАГО ТОМА
ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ
1875 Г.

МАЙ.

		<i>Стр.</i>
I.	Слово высокопреосвященнаго Димитрія, архієпископа ярославскаго и ростовскаго, въ день открытія дома призрѣнія ближняго	1 — 9
II.	Преосвящ. Гурія, епископа таврическаго и симферопольскаго, посланіе пастырямъ таврической епархіи	10 — 20
III.	Псалмы въ русскомъ переводѣ съ объясненіями. (Пс. 9—16). <i>М. В. Никольскаго</i>	21 — 39
IV.	Основанія рѣшеній святѣйшаго Синода по духовно-судебнымъ дѣламъ.	40 — 58
V.	Вынужденное слово въ защиту сочиненія: «Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству (отвѣтъ профессору казанской академіи. А. И. Гренкову). <i>А. Ѡ. Гусева</i>	59—106
VI.	Послѣднія событія въ іерусалимской церкви. <i>I. Ѡ. С. Б.— П. Г. Я.</i>	107—127
VII.	Современное обозрѣніе: борьба германскаго правительства съ католицизмомъ. <i>М. М. Воздвиженскаго</i>	128—142
VIII.	Извѣстія и замѣтки: общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Засѣданіе отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ.—Русская церковь въ Прагѣ. — 11 мая въ Холмской Руси.—Заграничныя извѣстія.	143—166

ВЪ ПРИЛОЖЕНІЯ:

IX.	Нилъ Исторія святой восточной церкви—патріархатъ александрійскій: нѣсколько словъ о Нилѣ	
-----	--	--

	<i>Стр.</i>
и его церковной истории предисловіе автора. — Глава I. Основаніе церкви александрійской. С.	1 — 32

ЮНЬ.

I.	Слово высокопреосвященнаго Димитрія, архієпископа ярославскаго и ростовскаго, во святыи и Великіи пятокъ.	167—176
II.	Слово при окончаніи учебнаго года во 2-й московской военной гимназій. <i>Свящ. М. М. Воздвиженскаго.</i>	177—183
III.	О Библейской исторіи творенія въ связи съ естественною исторією. <i>Прот. Н. А. Сергіевскаго.</i>	184—195
VI.	Общія начала въ приложеніи св. Синодомъ правилъ древней церкви	198—215
V.	Псалмы въ русскомъ переводѣ съ объясненіями. (17—19). <i>М. В. Никольскаго.</i>	216—230
VI.	Меодій Филимоновичъ, епископъ мстиславскій и оршанскій, блюститель кievской митрополіи (1661—1668 года). <i>Г. Θ. Карпова.</i>	231—267
VII.	Книга «Богъ въ природѣ» по Камиллу Фламариону изданная М. Чистяковымъ. <i>Свящ. А. А. Смирнова</i>	268—280
VIII.	Современное обозрѣніе: по вопросу объ уменьшеніи праздничныхъ дней въ народѣ. <i>Г.</i>	281—308
IX.	Извѣстія и замѣтки: рѣчь, произнесенная протоіереемъ Маркеломъ Попелемъ въ холмскомъ соборѣ 11 мая 1875 года. — Торжественное богослуженіе въ Холмѣ 22 мая. — Святѣйшій Синодъ о вырубаніи березокъ къ Троицыну дню. — Рѣчь протоіерея Маркела Пополя, при нареченіи въ епископа люблинскаго. — Старокатолическое движеніе въ Италіи. — Рѣчь И. Е. Троицкаго на докторскомъ диспутѣ въ петербургской академіи объ армянской церкви. — Казанское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ и его дѣятельность.	309—336

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

X.	О составѣ церковнаго общества. Изъ лекцій по каноническому праву профессора московскаго университета. <i>Н. К. Соколова</i>	945—355
XI.	<i>Нилъ</i> исторія святой восточной церкви—патріархатъ александрійскій: глава II. Основаніе церкви александрійской. С.	33 — 48

ЮЛЬ.

I.	Слово высокопреосвященнаго Димитрія, архієпископа ярославскаго и ростовскаго, въ Леонтьевской на кладбищѣ церкви.....	337—345
II.	Напутственное слово къ окончивающимъ курсъ воспитанницамъ института. <i>Свящ. Н. К. Протопопова</i>	346—352
III.	Положеніе богословской науки въ германскихъ университетахъ. <i>Прот. В. И. Д—аго</i>	353—377
VI.	Жизнь и ученіе богомилловъ по Панопліи Евеміа Зигабена и другимъ источникамъ. <i>Гр. Киприановича</i>	378—407
V.	Книга Секки: «Единство физическихъ силъ и тенденціи вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ. <i>Д. Ф. Голубитскаго</i>	408—439
VI.	По поводу миссіонерства на Дону. <i>А. И. Крылова</i>	440—443
VII.	Современное обозрѣніе: значеніе прусскихъ церковныхъ законовъ для протестантскихъ общинъ. <i>Свящ. М. М. Воздвиженскаго</i>	446—462
VIII.	Извѣстія и замѣтки: Осьмая годовщина церковнаго братства во имя святителя Николая и преподобной княжны Евфросиніи въ г. Полоцкѣ.— Отчетъ совѣта о состояніи Полоцкаго церковнаго братства за осьмой годъ его существованія, съ 26 мая 1874 года по 25 мая 1875 года. <i>Прот. А. Добрадина</i> . Новое изданіе твореній святителя Тихона Задонскаго. <i>А. Г. Заграничныя извѣстія: новый прусскій законъ о старокатоликахъ.— Избраніе епископа національной итальянской католической церкви</i>	463—499
IX.	Записка читанная въ общемъ собраніи миссіонерскаго общества 11 мая 1875 года.....	450—526

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

X.	<i>Нилъ</i> Исторія святой восточной церкви — патриархатъ александрійскій: глава IV, V.....	49 — 64
----	---	---------

АВГУСТЪ.

I.	Слово, сказанное преосвященнымъ Хрисанфомъ, епископомъ астраханскимъ, въ Николаевской Чуркинской пустынь, 9 мая 1875 года.....	527—532
II.	Жизнь и ученіе богомилловъ по Панопліи Евеміа Зигабена и другимъ источникамъ (<i>окончаніе</i>). <i>Гр. Киприановича</i>	533—572

	<i>Стр.</i>
III. Слово на день тезоименитства благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны. <i>Свящ. Н. К. Протопопова</i>	573—579
IV. Къ исторіи просвѣщенія въ Византіи: споръ о	
V. Платонъ и Аристотелъ въ XV в. <i>А. С. Лебедева</i>	580—591
Нѣсколько словъ по поводу статьи декана Стан- лея. <i>Ө. М. Сухотина</i>	592—601
VI. Деканъ Станлей о старокатолицизмѣ.....	601—617
VII. Джонъ Стюартъ Милль, какъ моралистъ. <i>А. Ө. Гусева</i>	618—633
VIII. Современное обозрѣніе: Изъ жизни восточныхъ церквей. <i>Ө. С. Б.</i>	634—666
IX. Извѣстія и замѣтки: О дѣятельности С.-Петербур- бургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія въ 1874—1875. — Библиографія. — Духъ и заслуги монашества для церкви и об- щества.—Приходская школа и доброе вліяніе ея на приходъ.—Заграничныя извѣстія.—Въ память Н. В. Рукавишникова. — Слово при отпѣваніи гѣла Н. В. Рукавишникова.....	667—696

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

IX. <i>Нилъ</i> Исторія святой восточной церкви — па- триархатъ alexandрійскій: глава VI, VII, VIII, IX. <i>С.</i>	65 — 96
--	---------

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

А. Л. ВАСИЛЬЕВА.

На Страстномъ бульварѣ, домъ Мусина-Пушкина.

ВЪ МОСКВѢ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ.

Святскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. *Н. Кантерова.* М. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер., 1 р. 75 к.

Опытъ о происхожденіи древне-русскаго домостроя. *И. С. Некрасова.* М. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Спасо-Беродинскій монастырь и его основательница. *Т. Толмачевой.* Изд. 2-е съ дополненіемъ и портретомъ игуменьи Тучковой. М. 1875 г. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

Гражданское обычное право Франціи въ историческомъ его развитіи. *П. Л. Карасевича.* М. 1875 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Пѣсни собранныя *П. В. Киртеевскимъ.* Вып. 10-й. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. *Томже.* 1—9 вып. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 10 р.

Философія безсознательнаго. Д-ра философіи *Эдуарда Фонъ Гартмана.* Вып. 2-й. М. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Его же. Вып. 1-й. М. 1873 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Соловки. *В. И. Немировичъ-Данченко.* М. 1875 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 80 к.

Памятникъ протекшихъ временъ. *А. Т. Болотова.* М. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Рѣчь Гиперида за Евксенина. Изслѣдованіе *А. Н. Шварца.* М. 1875 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Изд. 3-е дополненное и умноженное. *М. П. Погодина.* М. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Введеніе въ церковное право. Вып. 1-й. *Н. К. Соколова.* М. 1874 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ. *Владимира Соловьева*. М. 1874 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Россіи. *Сергія Соловьева*. Т. 24-й. М. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер., 2 р. 30 к.

— Томъ 1—19 по 2 р. каждый, съ пер. 2 р. 30 к.

Его же. Общедоступныя чтенія о Русской Исторіи. М. 1874 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Судьбы уни въ русской Холмской епархіи. *Нила Попова*. М. 1874 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Римскія женщины. *П. Кудрявцева*. Изд. 3-е. М. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. *Ю. Ѳ. Самарина*. Изданіе 3-е. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, августа 18 дня 1875 г.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

Александриѣ. Нѣкоторые изъ христіанъ, прежде открыто называвшіе себя такими, добровольно бѣжали къ идольскимъ жертвенникамъ, громко заявляя, что они никогда не были христіанами, и съ усердіемъ приносили жертвы; другіе, вынуждаемые своими сосѣдами, слѣдовали за ними къ жертвенникамъ, съ блѣдыми лицами и трясущимися членами, среди насмѣшекъ и издѣванія язычниковъ, которые ясно видѣли, что они равно боятся и сохранить жизнь чрезъ грѣхъ и умереть въ мученіяхъ. Другіе, исповѣдавшіе Христа передъ судьей, были ввергнуты въ тюрьму, и послѣ нѣсколькихъ дней страданія становились также отступниками; были и такіе, которые выдерживали пытку нѣсколько времени, но послѣ уступали жестокости мученій и приносили жертвы.

Св. Діонисій описывая то, что съ нимъ было, призываетъ Бога въ свидѣтели того, что говорить истину. Какъ только указъ о гоненіи дошелъ до Александриѣ, то префектъ Сабинъ послалъ полицейскаго пристава привести къ нему епископа. Діонисій оставался спокойно въ своемъ домѣ; между тѣмъ какъ отрядъ воиновъ тщетно искалъ его въ теченіи четырехъ дней, по всѣмъ мѣстамъ по дорогамъ, по рѣкамъ и полямъ; но по ослѣвленію отъ Бога не подумали искать епископа въ его собственномъ жилищѣ. На пятой день Діонисій получилъ сверхестественное повелѣніе бѣжать; дѣти его и нѣсколько пресвитеровъ послѣдовали за нимъ. Во время своего путешествія, онъ былъ полезенъ для многихъ изъ своей паствы, вѣроятно укрѣпляя ихъ мысли и облегчая ихъ страхъ.

При захожденіи солнца ¹²⁾, епископъ попалъ въ руки своихъ преслѣдователей, и такъ какъ было еще только пять или шесть часовъ, онъ былъ допрошенъ передъ суданцемъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ небольшой городъ Тапозирисъ, что въ Маретіи, на одинъ день пути отъ Александриѣ. Пресвитеръ, по имени Тимофей, почитаемый нѣкоторыми за сына епископа, былъ въ отсутствіи, когда Діонисій оставилъ свой домъ; возвратясь вечеромъ, онъ нашелъ домъ занятымъ солдатами, и узналъ, что

¹²⁾ Разсказъ св. Діонисія представляетъ много запутанности. Бейей, (гл. V), много положилъ труда объяснить его, и мы послѣдовали его предположенію.

епископа сослали въ Тапозирисъ. Тимошей тотчасъ пустился въ путь въ Марсеюю. На лицѣ его такъ живо изобразилась печаль, что встрѣтившійся съ нимъ поселянинъ спросилъ у него о причинѣ его волненія. Узнавъ о несчастіи постигшемъ Діонисія, этотъ человекъ, отправлявшійся на свадебной пиръ продолжавшійся по обычаю того времени во всю ночь, поспѣшилъ въ тотъ домъ, и рассказалъ о случившемся собравшимся гостямъ. Они встали какъ одинъ человекъ, вооружились чѣмъ могли, и окружили домъ, гдѣ содержался епископъ. Стража оочла ихъ за разбойниковъ и разбѣжалась. Діонисій, бывшій уже въ постелѣ, думалъ то же самое, и когда вѣрные вошли, указалъ имъ свои одежды, и просилъ ихъ взять все, что у него найдутъ, и уйти. Когда же узналъ объ истинномъ ихъ намѣреніи и понималъ, что они пришли освободить его, то отказался слѣдовать за ними, и просилъ, чтобы если они искренно хотятъ сдѣлать ему услугу, освободить его стражу отъ дальнѣйшаго труда и сами отвѣкли бы ему голову. Напрасно усердные христіане умоляли и заклинали его пожалѣть если не свою собственную жизнь, то по крайней мѣрѣ бѣдственное состояніе своей церкви; епископъ оставался непоколебимъ. Наконецъ они прибѣгли къ насилію; сняли его съ постели и унесли. Пресвитеры съ нимъ бывшіе послѣдовали за нимъ, и Діонисій взявъ себѣ въ спутники только двухъ изъ нихъ Петра и Каія, удалился въ пустыню, гдѣ оставался, доколѣ утихла свирѣпость гоненія.

Между тѣмъ въ Александріи не уменьшались ужасы гоненія. Одинъ изъ тамошнихъ жителей, именемъ Юліанъ ¹⁴⁾, христіанинъ преклонныхъ лѣтъ, былъ потребованъ къ суду: его такъ мучила подагра, что онъ не могъ идти безъ помощи двухъ человекъ, опираясь на нихъ онъ явился передъ судьей. Одинъ изъ важатыхъ, при первомъ взглядѣ на страшныя приготовленія къ мученіямъ, потерялъ мужество и сдѣлался вѣроотступникомъ; другой по имени Кроніонъ, котораго прозвали Евномъ, виждѣ съ Юліаномъ засвидѣтельствовалъ доброе исповѣданіе. Обоихъ привязали къ верблюдамъ и провели по всему городу, и сожгли живыхъ за городскими воротами. Въ то время когда Юліанъ и

¹⁴⁾ Евсевій VI, 41. Въ Александріи тоже была церковь во имя этого мученика, которая была возобновлена св. Евлогіемъ. Ruinart, 126.

Кривіонъ или къ костру, осыпавшіе ругательствами черни, одинъ изъ воиневъ по имени Безасъ охранялъ ихъ со всевозможнымъ усердіемъ; черни въ иступленіи кричала, что и онъ достоинъ той же самой казни. Его отвели передъ судилище; и онъ не повѣдовалъ себя христіаниномъ и былъ обезглавленъ. Не видно, чтобы надъ нимъ было совершено таинство крещенія; но вѣрованію древней церкви, въ этомъ случаѣ для него достаточно было крещеніе кровію, котораго онъ оказался достойнымъ. Потомъ Макарій, родомъ изъ Ливии, достойный по словамъ св. Діонисія, своего имени, (которое означаетъ блаженный) былъ сожженъ живымъ. Такимъ же образомъ Бинмахъ и Александръ, послѣ тягостнаго заточенія, истязанія посредствомъ желѣзныхъ ирюковъ и бичеванія, приняли вѣнцы мученичества. Діонисія, мать нѣсколькихъ дѣтей, была тоже въ числѣ мучениковъ; дѣва Аммонарія, объявившая съ самаго начала испытанія свою рѣшимость не отвѣчать на одного слова, была долго и ужасно мучена, но не измѣнила своему рѣшенію. Меркурія и другая Аммонарія остались непоколебимы въ исповѣданіи вѣры. Судія, раздраженный ихъ сопротивленіемъ, повелѣлъ обезглавить ихъ вмѣстѣ съ другими заключенными въ темницѣ женщинами. Геронъ, Атеръ и Исидоръ умерли со славою за имя Христова. Пятнадцатилѣтній юноша, по имени Діоскоръ, былъ приведенъ на судъ въ числѣ другихъ болѣе возрастныхъ христіанъ. Судья полагая, что для нѣжнаго возраста жизнь пріятнѣе, а смерть ужаснѣе, началъ увѣщевать его ласково; видя свою неудачу приказалъ мучить его, но также безъ успѣха, потомъ приказалъ мучить въ глазахъ юноши трехъ другихъ христіанъ и наконецъ сжечь ихъ. Тогда снова судья приступилъ къ Діоскору съ прежними увѣщаніями, надѣясь что видъ страданій друзей его превозможетъ его упорство. Наконецъ велѣлъ отпустить его на свободу, чтобы дать ему время подумать объ этомъ, и юноша удалился въ пустыню къ Діонисію. Немедля сначала былъ обвиненъ въ кражѣ; когда это обвиненіе было имъ опровергнуто, онъ былъ объявленъ христіаниномъ, дважды мученъ вмѣстѣ съ настоящими ворами съ которыми его судили; и наконецъ сожженъ вмѣстѣ съ ними. Скоро послѣ четыре воина и еще одинъ христіанинъ, явились передъ профектомъ; въ это время одинъ подсудимый былъ подвергнутъ пыткѣ, и терпѣніе

его казалось стало ослабѣвать. Приблизившись къ мѣсту, съ котораго онъ могъ видѣть ихъ, воины начали дѣлать знаки страдальцу, чтобы онъ потерялъ еще не много и упрочилъ за собою награду. Предстоящіе смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ; но прежде чѣмъ кто-либо возвысилъ голосъ въ обвиненіе ихъ, эти пришельцы добровольно выступили впередъ и исповѣдали себя христіанами. Утомленный своими жестокостями и изумленный широкимъ распространеніемъ христіанства, префектъ приказалъ немедленно предать казни мучениковъ,—рѣшеніе принятое ими съ живѣйшею радостію.

Не одни египетскіе исповѣдники пострадали и положили за вѣру жизнь свою въ Александріи. Въ другихъ городахъ многіе христіане были истерзаны въ куски разъяренной толпою; многіе бѣжали въ горы, и тамъ гибли отъ голоду и жажды, отъ холоду и утомленія; нѣкоторые попались въ руки арабовъ, и были отведены въ рабство; иные бѣжали отъ нихъ, но пропали безъ вѣсти. Между послѣдними былъ Херемонъ, епископъ Нилополиса, съ своею женою. Иные настигнутые посланными за ними воинами, подкупали начальника ихъ, чтобы получить свободу. Исхиріонъ, служившій при магистратѣ, получилъ приказаніе принести жертву идоламъ; онъ отказался; и претерпѣвъ сперва строгія порицанія, а потомъ истязаніе былъ проколотъ желѣзною палкою своею начальника.

Діонисій, сообщивъ Фабію вышезложенный разговоръ, упоминаетъ и о тѣхъ, которые пали во время гоненія. «Эти богоподобные мученики, — говоритъ онъ. — нынѣ обладатели Христа и соучастники Его царства и суда Его и будущіе сосудіи съ Нимъ, будучи еще на землѣ, приняли нѣкоторыхъ братій своихъ, падшихъ и принесшихъ жертву идоламъ; и имѣя въ виду обращеніе и раскаяніе отпадшихъ, и вѣруя, что оно угодно Тому, Которому пріятнѣе покаяніе, чѣмъ смерть грѣшника, допустили ихъ въ свое общеніе. Что вы, братіе мои, думаете касательно этого? Что намъ дѣлать? Оставаться намъ въ единомысліи съ мучениками и уважать ихъ рѣшеніе или скорѣе благодать имъ сообщенную и имѣть милость къ тѣмъ, которые помилованы ими; или признать рѣшеніе мучениковъ недѣйствительнымъ, сдѣлаться намъ самими судіями ихъ рѣшенія, отиѣнить дѣйствіе ихъ благодати, разорить установленный порядокъ и прогнѣвать Бога? Мы увидимъ важность Діонисіева вопроса.

Въ этотъ промежутокъ времени въ Александрію оставались пресвитеры Максимъ, Диоскоръ, Дмитрій и Луцій, о которыхъ съ похвалою упоминаетъ Діонисій ¹⁵⁾; а во внутренности страны оставались Фаустинъ и Аквила. Изъ діаконовъ Фавстъ, Херемонъ, особенно Евсевій ознаменовали себя и подвергались опасности чрезъ свою ревность въ посѣщеніи узниковъ и погребеніи умершихъ.

Находясь въ ливійской пустыни Діонисій написалъ увѣщаніе къ Оригену о мученичествѣ: послѣдній былъ тогда въ заключеніи, уже пострадалъ отъ мученій, и ему угрожали смертію огнемъ. Значительные отрывки остались отъ этого сочиненія ¹⁶⁾. Оно начинается признаніемъ ¹⁷⁾ краткости всѣхъ земныхъ страданій, говоритъ о томъ, что Высочайшія Божія ¹⁸⁾ премудрость назначаетъ мѣру и предѣлъ всѣмъ нашимъ скорбямъ: что хотя пути Божіи выше нашихъ понятій, тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ Іовомъ мы должны признать ихъ справедливыми ¹⁹⁾, что только посредствомъ испытаній можемъ получить знаніе о хитростяхъ сатаны, и только за невѣріемъ такой опытности Ева пала такъ невозвратно; что испытанное терпѣніе составляетъ единственный путь сдѣлаться истинными воинами Іисуса Христа ²⁰⁾; что Самъ Господь оставилъ намъ великій примѣръ не безчувствія къ страданію, но покорности ему, молитва Его была не о томъ, чтобы чаша никогда не приходила, но о томъ, чтобы прошла мимо;

¹⁵⁾ Въ своемъ посланіи къ Домніцію и Дидиму. Это посланіе, по мнѣнію Евсевія (Истор. Церк. VII, 11) относится къ гоненію при Валеріанѣ, и Бароній слѣдуетъ ему. Но Валезій не соглашается съ нимъ, и Бей, въ главѣ посвященной разсмотрѣнію этого предмета, повидимому доказалъ, что историкъ ошибся, и что это относится ко времени Деція.

¹⁶⁾ Этими мы обязаны Никиты Серропскому, (Nicetas Serropensis), который въ своемъ собраніи толкованій св. отцевъ на св. Іоанна и св. Луку, даетъ его подъ заглавіемъ: отъ Діонисія къ Оригену. Но никакого другаго сочиненія, обращеннаго къ послѣднему, не приписывали Діонисію, кромѣ книги о мученичествѣ; и все что сохранилось отъ него вполне приличествуетъ такому сочиненію. Впрочемъ, если бы намъ достоверно было извѣстно, что отрывки эти взяты изъ сочиненія Діонисія, мы бы скорѣе отнесли бы ихъ къ его же трактату объ искушеніяхъ, писанному къ Ефранору.

¹⁷⁾ Cap. I. Ed. Propaganda.

¹⁸⁾ Cap. iii.

¹⁹⁾ Cap. V.

²⁰⁾ Cap. VII.

что въ Его предсмертныхъ страданіяхъ мы должны находить самое лучшее утѣшеніе въ нашихъ собственныхъ, что мы должны обходиться съ врагами своими благодушно и съ любовью, какъ и Онъ ²¹⁾ поступалъ съ Иудой;—но на этомъ вдругъ оканчивается отрывокъ.

Діонисій не упоминалъ объ одномъ изъ страдальцевъ того времени, имя котораго въ послѣдствіи ставшее столь знаменитымъ, вѣроятно, было ему неизвестно. Это—св. Павелъ, первый пустыжникъ ²²⁾. Онъ былъ родомъ изъ нижней Фиванды и остался сиротой въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Его состояніе было значительное и приложено было особенное попеченіе объ его воспитаніи. Имѣя полную свободу избрать мѣсто для своего жительства, онъ помѣстился въ семействѣ замужней сестры своей, гдѣ жилъ до гоненія при императорѣ Деціи. Избѣгая его свирѣпости Павелъ удалился въ загородный домъ своего шурина; но узнавъ, что послѣдній хотѣлъ донести на него, въ надеждѣ воспользоваться его достоинствомъ, вынужденъ былъ удалиться въ пустыню, и скоро полюбилъ безмолвіе своего убѣжища. Молодой пустыжникъ часто чередилъ мѣсто своего пребыванія, постепенно подвигаясь въ самую глубокую глубину пустыни. Наконецъ найдя удобное мѣсто для той жизни, которую назывался вести, поселился тамъ окончательно. Это была пещера, отверстіе которой закрывалось тѣнію пальмоваго дерева; источникъ бѣжалъ изъ боковаго наклона горы, и опять не владелъ уходилъ въ землю. Листья пальмоваго дерева служили ему одѣяніемъ, а финики пищею до тѣхъ поръ, покуда не представился ему лучший способъ къ пропитанію. Ему было двадцать два года отъ роду, когда онъ удалился въ эту пещеру, и онъ пробылъ въ ней девяносто лѣтъ.

Слѣдующее дѣло, въ которомъ принялъ участіе св. Діонисій, представляетъ замѣчательный примѣръ огромнаго значенія въ эти ранніе вѣка александрійскаго престола. Римская каеэдра была пуста послѣ мученической кончины св. Фабіана, послѣдовавшей 20 января 250 года. Свирѣпость гоненія была такъ ужасна, что римское духовенство, состоявшее тогда изъ сорока

²¹⁾ Cap. XI.

²²⁾ Hieronim. vit. S. Paul. 4.

шести пресвитеревъ и семи диаконовъ, нашло невозможнымъ приступить къ новому избранію, потому что Деція, говоритъ св. Кипріанъ, скорѣе бы допустилъ соискателя на свой престолъ, нежели епископа въ своей столицѣ.

Въ то время былъ въ Римѣ пресвитеръ по имени Новаціанъ, первоначально философъ стоическій, послѣ одержимый демономъ, потомъ крещенный во время болѣзни и въ послѣдствіи не получившій муропомазанія: онъ получалъ санъ священства съ двойнымъ нарушеніемъ каноновъ; потому что крещеніе полученное во время болѣзни, и неполученіе «печати Господней», то и другое само по себѣ было преградой для полученія священнаго сана. Несмотря на то, Новаціанъ постоянно думалъ о достиженіи высшаго положенія въ церкви. Такое честолюбивое мнѣніе было поддерживаемо въ немъ прибывшимъ въ Римъ Новагомъ епископомъ ²²⁾ или пресвитеромъ африканскимъ, человекомъ весьма дурныхъ качествъ, который былъ вынужденъ страхомъ наказанія удалиться изъ Карфагена. Всевозможныя усилія были употреблены ими обоими для того, чтобы возвести Новаціана на престолъ римскій, однако старанія ихъ были безуспѣшны: въ іюнь, въ 251 году, духовенство и народъ, единодушнымъ согласіемъ избрали епископомъ римскимъ Корнелія.

Злые союзники, предвидя, что они всего должны бояться отъ рѣшительнаго характера новаго епископа, рѣшились употребить всевозможныя средства къ его низверженію. Новагъ, находясь въ Карфагенѣ, съ излишнею дерзостію обвинялъ св. Кипріана за допущеніе къ общенію съ церковью тѣхъ, которые отпали

²²⁾ Бароній полагаетъ, что Новагъ былъ епископъ, потому что св. Кипріанъ говоритъ (Ep. XLIX. Ed. Pamel.) qui Felicissimum satellitem suum diaconum—constituit, (254, lix). И конечно прямой смыслъ этихъ словъ тотъ, что онъ имѣлъ епископскую власть. Но Пажи (250, XV), а за нимъ большая часть церковныхъ писателей новѣйшаго времени, утверждаетъ что онъ былъ пресвитеръ, такъ какъ онъ не присутствовалъ при посвященіи своего друга Новаціана. Выше приведенное мѣсто изъ св. Кипріана они объясняютъ въ такомъ смыслѣ, что Новагъ способствовалъ руководженію Фелициссима. Впрочемъ легко истолковать причину отсутствія Новага при посвященіи Новаціана, предполагая, что онъ не хотѣлъ выставлять себя при этомъ случаѣ, думая лучше скрыть концы своей схизмы, когда будетъ держаться на заднемъ планѣ, или уклониться отъ изслѣдованія, которое могло возбудить его присутствіе, его поступковъ, за которыя изгнали его изъ Карфагена.

во время гоненія, теперь соединившись съ Новаціаномъ началъ оиъ на Корнеліа на противоположныкъ основаніяхъ. Новаціанъ привлекъ къ своей сторонѣ нѣсколькихъ людей, отличившихся твердостью исповѣданія во время Деціева гоненія; стараясь выказать свое дѣло въ лучшемъ видѣ, оиъ клятвенно отрেকся отъ всякаго притязанія на епископскій престолъ, который—утверждалъ оиъ—вслѣдствіе преступленій настоящаго его обладателя долженъ быть объявленъ празднымъ.

Споръ оказался очень не маловажнымъ, и Діонисій нашель нужнымъ виѣшаться въ это дѣло потому, что оиъ серьезно смотрѣлъ на дѣло о примиреніи падшихъ съ церковью, какъ доказалъ въ послѣдствіи. Оиъ написалъ два письма ²⁴⁾ о поманутомъ вопросѣ, первое въ Римъ ко всѣмъ вѣрующимъ вообще, относительно покаянія, какъ условія для принятія въ общеніе церкви и вѣроотступниковъ, съ увѣщаніемъ всѣхъ къ соблюденію мира и братской любви между ними;—второе письмо въ частности къ исповѣдникамъ. И то и другое кажется были написаны въ началѣ августа.

Чтобы имѣть болѣе твердую почву для своихъ дѣйствій, Новаціанъ послалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ на край Италіа, къ тамошнимъ тремъ епископамъ, съ извѣщеніемъ ихъ, что очень неотложная нужда требуетъ ихъ присутствія въ Римѣ. Но прибытія ихъ, оиъ пригласилъ ихъ на иршество, на которомъ гости, по настоянію хозяина, ѣли и пили слишкомъ много; въ этомъ то состояніи и сверхъ того въ неканонической часъ, въ четыре часа послѣ обѣда, они рукоположили и посвятили Новаціана въ епископы. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ исповѣдалъ потомъ грѣхъ свой и былъ принятъ св. Корнеліемъ въ общеніе: два другихъ остались нераскаянными; но всѣ трое были низложены.

Главное положеніе Новаціана было слѣдующее: падшіе во время гоненія не могутъ быть приняты въ общеніе церкви, какое бы ни совершали они покаяніе; что церковь не имѣетъ власти простить таковыхъ, и можетъ только предоставить ихъ

²⁴⁾ Евсѣвій (Истор. Церк. VI, 46. Бией сравнилъ эти письма съ посланіями св. Кипріана, которыя дошли до насъ, кажется удовлетворительно доказалъ, что они были написаны прежде посвященія Новаціана.

безпредѣльному милосердію Божию. Рѣшеніе католической (православной) церкви было всегда болѣе снисходительно къ падшамъ.

Въ это время еще не было установлено общаго правила, опредѣлявшаго воспринятіе отпадшихъ въ церковь. Въ бытность кафедры праздною, римское духовенство, составивъ свой соборъ, постановило, что раскаивающіеся отступники въ случаѣ смертной опасности могутъ быть допускаемы къ принятію святой Евхаристіи; о другихъ случаяхъ они не рѣшили ничего. Св. Киприанъ слѣдовалъ тому же образу дѣйствія. Св. Діонисій дѣйствовалъ мягче. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ Фабію: Я постановилъ, чтобы давалось причащеніе умирающимъ, если они того пожелаютъ, особенно если передъ послѣдней своей бодрствію они просили причастія; значить, по правиламъ римскому и карфагенскому, умирающій, если онъ въ здоровомъ состояніи не оказалъ знаковъ раскаянія, былъ лишаемъ напутствія св. Тайнами. Черезъ сто сорокъ лѣтъ, св. Григорій Нисскій устанавливалъ правило болѣе строгое. За вольное вѣроотступничество, виновный долженъ былъ всю жизнь изходиться въ числѣ кающихся; но на смертномъ одрѣ ему дозволялось принять св. Причастіе; а св. Василій прибавляетъ въ своихъ правилахъ о покаяніи, что такимъ людямъ причастіе можетъ быть дано съ надеждою на милосердіе Божіе. Но за отступничество случившееся изъ страха смерти или вслѣдствіе претерпѣнныхъ мученій, св. Григорій назначаетъ только девять лѣтъ покаянія; расколъ Новаціана главнымъ образомъ относился именно къ этому виду отпаденія отъ вѣры. Послѣдователи этого раскола назывались Катарамъ.

Новаціанъ согласно тогдашнему обычаю, тотчасъ послѣ своего посвященія, написалъ о томъ извѣстительныя письма къ главнымъ восточнымъ церквамъ, гдѣ лицемерно увѣрялъ, будто онъ поставленъ вопреки его сопротивленію. Эти посланія произвели во многихъ мѣстахъ большое смятеніе. Дѣло Новаціана представлялось на первой взглядъ справедливымъ; казалось, что тутъ дѣйствовала ревность къ сохраненію чистоты церкви, и имена подписавшихъ эти письма пользовались большимъ уваженіемъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были извѣстны какъ исповѣдники вѣры въ самомъ Римѣ, и посему не могли быть заподозрѣны въ потворствѣ расколу.

Корнелій, съ своей стороны, не оставался въ бездѣйствіи, но посланія двухъ соперниковъ были не одинаково приняты двумя великими восточными престолами. Фабій антиохійскій, склонялся къ партіи Новаціана, Діонисій напротивъ отвѣчалъ на посланіе послѣдняго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Діонисій ²⁵⁾ брата своего Новаціана привѣтствуетъ». «Если ты принужденъ противъ твоей воли (принять епископство), то докажешь справедливость твоего объясненія добровольнымъ устраненіемъ отъ него. Лучше претерпѣть все, что бы ни было, нежели произвести раздѣленіе въ церкви. Мученичество, претерпѣнное для предотвращенія раскола не менѣе славно, какъ и мученичество, понесенное за отказъ принести жертву идоламъ. Даже по моему мнѣнію; оно было бы еще славнѣе; въ первомъ случаѣ оно понесено ради пользы собственной души самаго мученика, въ другомъ для блага всей церкви. И если ты даже теперь, можешь убѣдить или даже заставить братію возвратиться къ единомыслію, то это благое дѣло превыситъ цѣною своюю грѣхъ твой. Послѣдній не причтется тебѣ въ обвиненіе; первое же послужитъ къ твоей чести. Если ты не имѣешь вліянія на братію, и они откажутся повиноваться тебѣ, по крайней мѣрѣ спаси хотя твою собственную душу. Умоляю тебя хранить свято миръ, который во Господѣ; и такъ прости».

Это посланіе, высоко цѣнимое и въ то время ²⁶⁾ и послѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, не произвело никакого дѣйствія на расколо-начальника; онъ упорно оставался въ отдѣленіи отъ церкви до самой смерти своей. Его расколъ уже началъ принимать характеръ ереси, потому что отрицалъ власть церкви вязать и рѣшить въ дѣлѣ отступничества; и въ послѣдствіи онъ усилилъ заблужденіе своего раскола, распространяя это отрицаніе власти церкви на преступленіе убійства и любодѣлія и осуждая вторые браки.

²⁵⁾ Евсевій (Истор. Церк. VI. 45).—Евсевій, (какъ и прочіе восточные писатели, исключая св. Діонисія), смѣшивая Новага съ Новаціаномъ, приписываетъ это письмо первому; а Руфинъ, усложняя ошибку, прибавляетъ: *Haec eadem etiam Novatiano scripsit*,—что совершенно негнѣно.

²⁶⁾ Бл. Іеронимъ, напримѣръ, цитуетъ его въ своемъ сочиненіи о знаменитыхъ людяхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Іеронимъ тщательно избѣгаетъ называть Новаціана епископомъ, хотя мы находимъ, что этотъ титулъ присоединенъ въ переводѣ писаній бл. Іеронима.

Письмо Діонисія къ Новаціану было писано, повидимому въ концѣ августа, и въ томъ же мѣсяцѣ или въ слѣдующемъ онъ получилъ посланіе отъ римскихъ исповѣдниковъ, въ которомъ они оплакиваютъ свое заблужденіе и говорятъ о своемъ возвращеніи въ лоно церкви. Соборъ карагенскій, подъ предѣлательствомъ св. Кипріана постановилъ уже, что принесшіе покаяніе отступники могутъ быть приняты въ общеніе церкви, впрочемъ если они были священническаго сана, только въ простое общеніе: эти каноны были подтверждены Корнелиемъ и шестидесятью епископами на римскомъ соборѣ, на которомъ Новаціанъ, упорствовавшій въ своемъ заблужденіи, былъ преданъ осужденію. Тогда онъ, съ своей стороны, послалъ Новата въ Африку, для поддержанія своей выдающей партіи; и отсутствіе этого виновника раскола вмѣстѣ съ посланіями св. Діонисія и св. Кипріана и вѣроятно и сочиненіемъ послѣдняго о единствѣ церкви, были причиной возврата римскихъ исповѣдниковъ. Епископъ александрійскій, въ сентябрѣ того же года, послалъ имъ по этому случаю два привѣтственные письма.

Ясно, что римская церковь была въ большой опасности страдать долговременнымъ расколомъ. Личный авторитетъ св. Корнелія былъ не такъ силенъ, чтобы разсѣять возникшія кругомъ его смуты; вліяніе исповѣдниковъ, соединившихся противъ него, было велико, страхъ гоненія тяготѣлъ надъ вѣрующими отъ него, а сверхъ того внутренніе раздоры ослабляли ихъ, такъ что послѣдствія для церкви были бы весьма пагубны, еслибы они не были отвращены усиліями и нравственнымъ вліяніемъ Кипріана и Діонисія. Но хотя Италия оставалась въ покоѣ, новаціанизмъ грозилъ обнять весь востокъ. Выше было сказано, что Фабіиъ былъ расположенъ къ новаціанству; къ нему то Діонисія писалъ письмо о гоненіи Деція, которому мы обязаны свѣденіями о его дѣйствіяхъ въ Египтѣ, и присоединилъ тутъ же исторію Серапіона²⁷⁾, какъ явное доказательство, что Богъ одобрилъ совер-

²⁷⁾ Серапіонъ, житель Александріи, провелъ многіе годы въ подвигахъ благочестія. Во время гоненія, побѣжденный мученіями, отрекся отъ вѣры. По минованіи бури, онъ былъ допущенъ къ покаянію, но лишень причастія св. Тайнъ. Онъ заболѣлъ, и три дня былъ безъ языка, на четвертый день, на нѣсколько минутъ возвративъ способность говорить, попросилъ приобщиться св. Евхаристіи, и опять впалъ въ преж-

женіе святаго причастія для умирающихъ кающихся, хотя бы они были виновны въ преступленіи вѣроотступничества. Онъ также обратился къ церквамъ своего округа съ объясненіями о томъ же предметѣ; и раздѣлилъ кающихся на разные разряды, смотря по различнымъ степенямъ ихъ виновности. О томъ же самомъ предметѣ онъ писалъ къ Конону епископу ²⁸⁾ Гермополя (Hermopolis Magna); его заботливость простиралась даже до предѣловъ Арменіи: онъ писалъ къ Мерузану ²⁹⁾ митрополиту севастійскому, который повидимому былъ склоненъ къ новаціанскому заблужденію, и къ Фелимидру ³⁰⁾, епископу лаодикійскому. Такъ какъ эта ересь повидимому имѣла нѣкоторый успѣхъ въ Александріи, Діонисій написалъ къ своей собственной паствѣ тщательно обработанное ³¹⁾ посланіе, которое успѣшно предотвратило разладъ мыслей вѣрующихъ.

Фабій, однако, не убѣдился посланіемъ Діонисія, ни четырьмя или пятью посланіями, написанными къ нему св. Корнилиемъ римскимъ. Кратковременное прекращеніе гоненія, по случаю смерти Деція и воцаренія Галла, доставило ему возможность

нее состояніе. Мальчикъ находившійся при немъ, побѣжалъ къ пресвитеру, это было въ ночное время, послѣдній по болѣзни не могъ придти. Отломивъ часть освященнаго хлѣба, онъ далъ его посланному, съ приказаніемъ: помочивъ его, положить въ ротъ Серапіона. Старецъ ожидалъ возвращенія мальчика, и какъ только услышалъ шаги его, воскликнулъ, что онъ знаетъ, что пресвитеръ придти не можетъ; „но дѣлай, какъ онъ велѣлъ, и разрѣши меня“. Мальчикъ исполнилъ повеленное, и Серапіонъ испустилъ духъ. Св. Діонисій выводитъ изъ этого происшествія, что Провидѣніе явно продлило жизнь старца до тѣхъ поръ, пока онъ не принялъ св. Евхаристію; и тѣмъ подтверждалъ свое одобреніе образу дѣйствія тѣхъ, которые въ смертномъ случаѣ допускали къ Причастію вѣроотступниковъ.

²⁸⁾ Евсевій называетъ просто Гермополисъ; но Северъ, который былъ епископъ яковитскій того же престола говорить, что Кононъ былъ епископомъ Ашумина, т. е. Гермополиса великаго (Hermopolis Magna), Renaudot, p. 36

²⁹⁾ Смотри Le Quien i. 419.

³⁰⁾ Le Quien ii. 791.

³¹⁾ *Епистротикъ*. Евсевія (Истор. Церк. VI. 46). Древнѣйшіе комментаторы переводятъ это слово „увѣщательный“, Флери также (ii. 266) называетъ его „увѣщаніемъ“ къ паствѣ александрійской, Валезій переводитъ это слово „укорительный“. Мы слѣдуемъ Гейнрихену (въ Евсев. Истор. Церк. IV. 28). Дану (de Euseb. p. 100; и Свицеру (i. 1194), разумѣя его въ смыслѣ „выработанный“; такъ и св. Кириллъ, (in Nov. cap. 11) употребляетъ *επιστροφικα*.

созвать соборъ въ Антиохіи для разрѣшенія этого вопроса. На соборъ и Діонисій получилъ приглашеніе отъ нѣкоторыхъ епископовъ, отправлявшихся на соборъ, между которыми были знаменитый Фирмилианъ и Феоктистъ кесарійскій, возстановившія дружелюбныя отношенія съ престоломъ александрійскимъ. Но вмѣстѣ съ приглашеніемъ на соборъ посланный привезъ также извѣстіе о кончинѣ Фабія и о возведеніи на мѣсто его Димитріяна. Наканувъ своего отъѣзда въ Антиохію, Діонисій сообщилъ Корнелію ²²⁾ объ этихъ событіяхъ, и вмѣстѣ съ симъ письмомъ отправилъ ²³⁾ исполненное братолюбія посланіе къ церкви римской.

На соборѣ, кажется, предсѣдательствовалъ новый епископъ антиохійскій ²⁴⁾. По прочтеніи посланія, въ которомъ папа Корнелій изложилъ исторію новаціанъ и актовъ римскаго собора, расколуучитель былъ осужденъ, какъ поощряющій грѣхъ своимъ ученіемъ о недействительности покаянія.

Во время отсутствія своего изъ Египта вли тотчасъ по своемъ возвращеніи Діонисій узналъ о кончинѣ Оригена. Послѣдній изнуренный трудами и старостію, былъ отозванъ, можно не безъ основанія надѣяться, чтобы принять прощеніе въ своихъ заблуж-

²²⁾ Евсевій (Ист. Церк. VI. 46).

²³⁾ *Διακονική*—смыслъ этого слова неизвѣстенъ. Гоаръ въ своихъ прилѣжавіяхъ на Георгія Синкелла думаетъ, что это было посланіе въ родѣ тѣхъ, которые назывались *synodicae* (соборныя), *dimissoriae* (отпускныя) и тому под. Валезій и Стротъ полагаютъ, что оно указываетъ на предметы, относящіяся къ діаконству, а Данцъ относитъ его къ Никострату римскому діакону или исповѣднику, одному изъ ревностныхъ послѣдователей Новата.

²⁴⁾ Бией (October Bolland. ii. 34), кажется находитъ затрудненіе тамъ, гдѣ его вѣтъ. Боскій Болландистъ (Iulius iv. Dissert. de Pat. Antioch. § 86) думаетъ, что Димитріянь только продолжаетъ соборъ, созванный его предшественникомъ. Бией старается доказать, что этого собора совсѣмъ не было и что подлинной соборъ состоялся не прежде 256 года по Р. Х. св. Діонисій въ письмѣ къ св. Стефану римскому (Евсев. Ист. Церк. VII. 5), говоритъ о Востокѣ, какъ о странѣ, тогда еще не возмущенной расколомъ Новаціана. Это письмо было написано въ 266 году не ранѣе, по мнѣнію Бией, соборъ не могъ быть за долго прежде. Но это не есть необходимый выводъ. Если опредѣленія Вселенскихъ соборовъ не вдругъ получали свою силу, отъ того что не вездѣ были принимаемы и признаваемы, тѣмъ болѣе это могло случится съ областнымъ соборомъ, каковъ былъ соборъ Антиохійскій, и не сразу овъ достигъ того порядка, который установился въ послѣдствіи.

деніяхъ и награду за свои страданія. Церковь александрійская, какъ ясно видно изъ сочиненія ему посвященнаго епископомъ ея, давно перестала считать его отлученнымъ.

Г Л А В А VI.

СПОРЪ О ТЫСЯЧЕЛѢТНЕМЪ ЦАРСТВѢ ХРИСТОВОМЪ НА ЗЕМЛѢ.

Естественно думать, что Діонисій по возвращеніи изъ Антиохіи посѣтилъ Александрію, хотя и не имѣемъ на то вѣрнаго доказательства. Въ то же время (252 г.) страшная моровая язва, которая съ промежутками длилась пятнадцать лѣтъ, распространилась изъ Египта въ Египетъ, а отсюда и на огромную часть римской имперіи.

Не видно, чтобы въ царствованіе Галла гоненіе на христіанъ распространилось на Египетъ; и бѣдствующая церковь александрійская имѣла время перевести духъ. Діонисій посѣщая церкви своего округа (254 *) прибылъ въ Арсиное †): этотъ городъ и окрестныя селенія находились подъ вліяніемъ одного ивѣнія, которое угрожало перейти въ ересь, еслибы не было остановлено во время. Съ самыхъ первыхъ временъ церкви многіе и въ томъ числѣ Керинезъ и Папія вѣровали, что послѣ общаго воскресенія Христосъ лично будетъ царствовать на землѣ, что въ теченіе тысячи лѣтъ святые подъ Его владычествомъ будутъ наслаждаться всѣми какъ духовными, такъ и тѣлесными благами; и что въ этомъ смыслѣ должно понимать предсказанія и изображенія Апокалипсиса. Непотъ, епископъ арсиноискій ‡), держался этого ивѣнія; при высокомъ уваженіи къ его личности за его ученость и чистоту нравовъ это ученіе было принимаемо съ жадностію,

*) Этого числа нельзя опредѣлить съ точностію. Смори св. Діонисія Ed Propaganda, p. 312; и Луппера, Historia Theol. Crit XIII, 67.

†) Смори Тильмона. М. Е. IV. 85.

‡) По крайней мѣрѣ, по замѣчанію Лекіена (ii. 581. 2) это кажется наиболѣе вѣроятнымъ, хотя мѣсто кафедръ епископа Непота ни гдѣ не означено.

и привлекло къ себѣ множество послѣдователей. Хилиасты (тысячелѣтники) встрѣтили однако противниковъ; въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній Непотъ написалъ книгу, которую послѣдователи его почитали несокрушимымъ оплотомъ его ученія. Такъ какъ противники его настаивали на томъ, что тѣ мѣста въ Апокалипсисѣ, на которыя онъ ссылался, должно понимать въ таинственномъ (Мистическомъ) только смыслѣ, то Непотъ своему сочиненію далъ заглавіе: «Опроверженіе иносказателей» (аллегористовъ). Доводы его были остроумны, языкъ убѣдителенъ, и потому не удивительно, что его считали неопровержимымъ.

Но еще прежде того времени, о которомъ мы пишемъ, Непотъ перешелъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ память благочестиваго, трудолюбиваго и ученаго епископа, память тѣмъ болѣе дорогую для его паствы, что онъ составилъ для нея много духовныхъ пѣснопѣній³⁾. По смерти его, тѣ, которые держались его мнѣній, начали отдѣляться отъ общенія съ прочими вѣрующими и руководимые нѣкоторымъ человѣкомъ по имени Корациономъ, начали обзывать ихъ неправославными.

Евсевій передалъ намъ разсказъ объ этомъ дѣяніи св. Діонисія. Тотчасъ по прибытіи въ Арсиное, св. Діонисій созвалъ пресвитеровъ и діаконовъ этого города и сосѣднихъ селеній, и вообще вѣрующихъ, которые пожелали быть, предложилъ разсудить о дѣлѣ спокойно и безъ запальчивости, и особенно разсмотрѣть сочиненіе Непота. Онъ объявилъ, что къ самому Непоту питаеъ высокое почтеніе за его благочестіе и за его дарованія, и въ особенности прибавилъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ Непотъ скончался. Предложеніе Діонисія единодушно было принято; и три дня съ раду, отъ утра до вечера, добрый епископъ сидѣлъ посреди собраннаго духовенства, читая и объясняя сочиненіе почившаго епископа, выслушивая возраженія, и отвѣчая на нихъ, оказывалъ всякому должное уваженіе къ его доводамъ, поправляя свои собственныя мнѣнія, или сознаваясь въ своей ошибкѣ, если доводы возражателей оказывались въ чемъ бы то ни было справедливыми. Діонисій говоритъ, что онъ восхищался

³⁾ Таковъ несомнѣнно смыслъ τῆς πολλῆς ψαλμοδίας; какъ Стротъ его объясняетъ: um der vielem von ihm gedichteten Lieder; а не такъ какъ Валезій: ob Psalmorum multiplices cantus, потому что св. Діонисій продолжаетъ: многія изъ нихъ и теперь восхищаютъ братію.

умѣренностію, свѣдѣніями и разумностію своихъ слушателей, ихъ искреннимъ усердіемъ дойдти до истины, равно какъ и порядкомъ и приличіемъ, которое соблюдали они во все время состязанія. Въ концѣ третьяго дня, Кораціонъ объявилъ себя убѣжденнымъ, и общался, что ни словесно, ни письменне никогда не будетъ поддерживать ученія Непота. Такимъ-то истинно евангельскимъ веденіемъ дѣла великій епископъ сокрушилъ расколъ въ его корнѣ.

Св. Діонисій, однако, нашелъ нужнымъ послѣ изустнаго опроверженія раскола опровергнуть его письменно, тѣмъ болѣе, что сочиненіе «противъ аллегористовъ» было довольно распространено въ разныхъ странахъ Египта. Поэтому онъ написалъ «сочиненіе объ обѣтованіяхъ», въ которомъ и рассказываетъ вышеизложенныя событія.

Въ разсужденіи объ Апокалипсисѣ, какъ объ одной изъ книгъ Св. Писанія, на которой только Непотъ основывалъ свое мнѣніе, особенная осторожность и скромность Діонисія могутъ объяснить и рѣдкій и счастливый успѣхъ арсинойскаго собранія. Самъ онъ очевидно склоненъ былъ считать сомнительнымъ авторитетъ книги Откровенія. «Но—прибавляетъ онъ, я не долженъ былъ отважиться отвергать его, когда такое множество нашихъ братьевъ высоко цѣнятъ его. Я признаю, что оно превышаетъ мѣру моего разумія, и полагаю, что оно содержитъ въ себѣ что-то сокровенное и таинственное; хотя я не понимаю его, но все же я предполагаю, что въ немъ скрывается болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ какой даютъ слова; и не измѣряю его, не сужу объ немъ по моему собственному разумію, но давая болѣе простора вѣрѣ, я та кого мнѣнія, что его содержаніе слишкомъ возвышенно для моего пониманія. Я не осуждаю того, чего не могу понять; и тѣмъ болѣе благоговѣю предъ нимъ, чѣмъ менѣе могу измѣрить глупину его.»

Входя въ изслѣдованіе книги, которое до насъ не дошло, Діонисій показавъ, что ее нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, принимается доказывать, что хотя Апокалипсисъ написанъ по вдохновенію свыше, но что авторъ его былъ другой кто-либо, а не св. Іоаннъ евангелистъ. Главное доказательство извлекается изъ того, что евангелистъ въ своемъ Евангеліи не называетъ себя, и въ трехъ своихъ посланіяхъ заявляетъ о себѣ только

своимъ характеромъ, а не всѣмъ вполне. Сочинитель Апокалипсиса повидимому выставляетъ имя свое при всякомъ случаѣ, гдѣ только предметъ ему позволяетъ: «И онъ послалъ и показалъ, чрезъ ангела своего рабу своему Іоанну», — «Іоаннъ семи церквамъ, находящимся въ Асіи», — «я Іоаннъ братъ вашъ и соучастникъ въ трудѣ, я Іоаннъ видѣлъ все это и слышалъ»⁴⁾). На основаніи разности изреченій того же апостола находящихся въ Евангеліи и въ Апокалипсисѣ, а также различной степени ихъ грамматической правильности, онъ приходитъ къ тому же заключенію⁵⁾).

Кажется, что Діонисій не нашелъ нужнымъ созвать соборъ по поводу заблужденій хиліастовъ; и что областной соборъ⁶⁾ осудилъ и низложилъ Непота послѣ его смерти, какъ утверждали нѣкоторые писатели, это очевидная басня.

Теперь рассмотримъ гораздо важнѣйшій споръ и увидимъ, что поведеніе Діонисія ознаменовано тою же умѣренностію и любовію къ миру, которыми онъ отличался въ Арсиное.

Г Л А В А VII.

ВОПРОСЪ О КРЕЩЕНІИ ЕРЕТИКОВЪ.

Хотя мы немного и уклонимся отъ строгаго хронологическаго порядка но здѣсь прилично сдѣлать краткое и послѣдовательное обзорѣніе несчастнаго раздѣленія, возникшаго по поводу о крещеніи еретиковъ, а также и участія Діонисія въ его разсмотрѣніи.

Агриппинъ, епископъ карагенскій, на соборѣ африканскихъ епископовъ постановилъ въ нарушеніе апостольскаго преданія, что крещеніе, совершаемое лицами находящимися внѣ ограды католической церкви, не можетъ быть дѣйствительнымъ; слѣдовательно крещеніе принятое отъ еретика ничтожно и не имѣетъ силы; и что тѣ, которые приняли такое крещеніе, должны, всту-

⁴⁾ Мнѣніе св. Діонисія о писателѣ Апокалипсиса несогласно съ преданіемъ вселенской церкви. *Перев.*

⁵⁾ Апокал. 1. 2. Апокал. 1. 4. Апокал. 1. 9. Апокал. XVII, 8.

⁶⁾ Labbe Conc. i. 832.

пая въ церковь, быть перекрещиваемы. Спусти болѣе пятидесяти лѣтъ, этотъ вопросъ снова былъ возбужденъ въ Африкѣ; и осьмнадцать нумидійскихъ епископовъ въ своей нерѣшительности спрашивали мнѣнія о семъ у св. Кипріяна, занимавшаго тогда престолъ карфагенскій. Письмо ихъ получено было въ то время, когда этотъ отецъ держалъ соборъ, на которомъ присутствовали тридцать одинъ епископъ; и они въ посланіи отъ собора отвѣчали на вопросъ своихъ братій: преданіе африканской церкви, сказали они,—должно быть соблюдаемо, и соборъ Агриппина рѣшилъ этотъ вопросъ. Св. Кипріанъ въ такомъ же тонѣ отвѣчалъ на этотъ вопросъ по распущеніи собора, но не вполне успокоилъ сомнѣнія возникшія въ его области.

Посему Кипріанъ призналъ необходимымъ созвать другой соборъ многочисленнѣе перваго: снова съѣхались въ Карфагенъ епископы африканскіе и нумидійскіе, въ числѣ 71, въ началѣ 256 года. Этотъ соборъ утвердилъ рѣшеніе перваго и соборнымъ посланіемъ сообщилъ о рѣшеніи африканской церкви св. Стефану римскому, съ просьбою утвердить его дѣянія. Стефанъ, въ послѣдствіи славный мученикъ, былъ человѣкъ вспыльчиваго характера: онъ отвѣчалъ гнѣвнымъ посланіемъ, въ которомъ не довольствуясь обвиненіемъ африканскихъ епископовъ въ отступленіи отъ апостольскаго преданія, угрожалъ имъ отлученіемъ, если они стануть упорствовать въ своихъ мнѣніяхъ.

Св. Кипріанъ, не устрасая такого посланія, созвалъ третій соборъ для обсужденія того же предмета, и приложилъ все возможное стараніе, чтобы составъ его былъ какъ можно многочисленнѣе. Съѣхалось восемьдесятъ пять епископовъ, и рѣшеніе Агриппина было утверждено въ третій разъ ихъ собственноручною подписью и сверхъ того подписью двухъ отсутствовавшихъ братьевъ чрезъ ихъ уполномоченныхъ. Акты этого собора были посланы въ Римъ съ нѣкоторыми изъ отцовъ. Но Стефанъ отказался принять посланныхъ; запретилъ вѣрующимъ оказывать имъ гостепримство и приказалъ имъ немедленно возвратиться въ Африку и извѣстить своихъ собратій, что если они не сознаютъ своего заблужденія, то онъ подвергнетъ ихъ отлученію, которымъ угрожалъ.

Св. Кипріанъ, видя, что африканская церковь не въ силахъ отстоять свое мнѣніе, искалъ вокругъ себя помощи. Онъ зналъ,

что это мнѣніе господствовало на востокѣ; что помѣстные соборы въ Иконіи и Синадѣ, бывшіе въ 230 году или около, тоже опредѣлили повтореніе крещенія, и что вѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ восточныхъ епископовъ, какъ Фирмилианъ Кесарійскій и Еленъ Тарсійскій, за свою приверженность къ опредѣленіямъ тѣхъ соборовъ, также навлекли на себя неудовольствіе Стефана. Онъ написалъ къ Фирмилиану прося его совѣта, какъ слѣдуетъ поступать въ настоящемъ непредвидѣнномъ случаѣ, когда общее имъ дѣло было въ опасности и когда престолъ римскій явно простеръ власть свою слишкомъ далеко.

Это письмо не дошло до насъ, но догадываются ¹⁾, что св. Киприанъ въ этомъ письмѣ просилъ Фирмилиана привлечь къ участию въ дѣлѣ Діонисія. Съ Фирмилианомъ епископъ александрійскій былъ лично знакомъ, потому что они встрѣтились на антиохійскомъ соборѣ; о Киприанѣ же онъ кажется не имѣлъ болѣе близкаго свѣдѣнія, кромѣ того, что всегда извѣстно о людяхъ высокаго положенія, носящихъ званіе предстоятеля церкви. Впрочемъ, кажется Стефанъ самъ еще прежде обращался съ этимъ дѣломъ къ Діонисію. Послѣдній въ отвѣтъ своему усердно просилъ папу дѣйствовать съ умѣренностію и не нарушать мира церкви, только что начинающей отдыхать отъ новаціанскаго раскола ²⁾, какимъ либо рѣзкимъ рѣшеніемъ въ отношеніи африканскихъ и восточныхъ епископовъ. Въ то же время онъ писалъ къ

¹⁾ Бошій Болландистъ въ его предварительномъ коментаріи къ жизни св. Стефана на 1 августа: но Бией (октябр. ii. 37) доказалъ, что это остроумное съ перваго взгляда предположеніе хронологически не возможно.

²⁾ Это посланіе приведено Евсевіемъ Ист. Церк. VII. 5. Порядокъ писемъ св. Діонисія слѣдующій: 1) къ папѣ св. Стефану, приведенное выше; 2) къ Филимону; 3) къ св. Діонисію Римскому, тогда пресвитеру. Изъ нихъ не осталась никакихъ отрывковъ, но они упоминаются въ слѣдующихъ; 4) первое къ св. Сиксту, приведенное Евсевіемъ VII. 5, 6; 5) второе къ Филимону, приведенное Евсевіемъ Ист. Ц. VII. 7; 6) второе къ св. Діонисію, приведенное Евсевіемъ Ист. Ц. VII. 8; 7) второе къ св. Сиксту приведенное Евсевіемъ Ист. Ц. VII. 9; 8) третье къ св. Сиксту не приведенное, но указываемое въ томъ же параграфѣ и въ той же главѣ. Изъ нихъ Евсевій въ своемъ исчисленіи не считаетъ 2-го и 3-го можетъ быть по ихъ краткости. *Πρίστρου μὲν ὄλγα*, самъ Діонисій

Діонисію и Филимону, которые спрашивали его мнѣнія о томъ предметѣ: оба они тогда были еще пресвитерами римской церкви; и первый впоследствии получилъ престолъ св. Петра.

Св. Киприанъ и св. Стефанъ, хотя не могли сойтись насчетъ тако-го дѣла, соединились за то въ славномъ и почти одновременномъ мученичествѣ во время гоненія Валеріана. Когда по смерти Стефана мѣсто его занялъ св. Сикстъ, то Діонисій снова писалъ ему о томъ же самомъ и вторично настаивалъ о необходимости единенія и взаимной терпимости. Онъ написалъ также къ Филимону и Діонисію еще два письма, и въ первомъ изъ нихъ, говоря о спорномъ предметѣ утверждаетъ (въ чемъ никто и сомнѣваться не можетъ) что преданіе принятое имъ отъ «блаженнаго папы Геракла» состояло въ томъ, чтобы требовать отреченія отъ заблужденія и исповѣданія вѣры, но не перекрещивать тѣхъ, которые были уже крещены въ церкви, но были вовлечены въ ересь, а потомъ снова желали присоединиться къ каеоплическому исповѣданію. Въ другомъ письмѣ своемъ къ св. Сиксту Діонисій рассказываетъ слѣдующее:

«Одинъ изъ нашихъ братій, составляющихъ собраніе вѣрныхъ церкви, и который давно уже почитался его членомъ не только прежде моего посвященія, но даже, я думаю, прежде посвященія блаженнаго Геракла, присутствовалъ при совершеніи крещенія. Услышавъ тѣ вопросы, которые сдѣланы были крещаемымъ и данные ими на нихъ отвѣты, онъ пришелъ ко мнѣ въ слезахъ и скорби, палъ къ ногамъ моимъ, и признался, что онъ получилъ крещеніе отъ еретиковъ, и отрекался отъ него, какъ не одинаковаго свойства и не имѣющаго ни малѣйшаго сходства съ истиннымъ крещеніемъ, напротивъ по его утверженію исполненнаго нечестія и богохульства; что душу его, говорилъ онъ, — терзаетъ самое горькое раскаяніе, и онъ не смѣетъ возвести глазъ своихъ къ Богу, такъ какъ началомъ его христіанской жизни были тѣ нечестивыя слова и дѣйствія. И потому онъ умо-

упоминая о нихъ говорить, *ἐπιστεῖλα*. Такимъ образомъ 4, 5, 6, 7, у него считаются 2. 3. 4. 5. Три первыхъ должно быть написаны въ 256 году по Р. Х. послѣднее пятое между августомъ 257 года и августомъ 258 году по Р. Х. Смотри Біел с. X.

лялъ меня преподавать ему чистѣйшее омовеніе, усыновленіе и благодать. Я не осмѣлился это сдѣлать и сказалъ ему, что въ семь случаевъ достаточно многолѣтнее его общеніе (съ церковію). Я убѣждалъ его быть благодушнымъ и безъ смущенія подходить къ принятію Святыхъ Таинъ. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ плакать, онъ трепещетъ мысли приступить къ Святой Трапезѣ, и при всѣхъ увѣщаніяхъ едва рѣшается присутствовать при молитвахъ». При такихъ обстоятельствахъ епископъ александрійскій просилъ совѣта у папы. По словамъ Евсевія, Діонисій вторично писалъ къ римской церкви относительно еретическаго крещенія отъ имени всей александрійской церкви, и разсматривалъ очень подробно этотъ вопросъ.

Возникли сомнѣнія касательно собственнаго мнѣнія Діонисія о дѣйствительности еретическаго крещенія: но едва ли возможно судить объ этомъ вопросѣ, потому что Евсевій оставилъ намъ крайне сбивчивый по его обычной манерѣ отчетъ о всей перепискѣ.

Кажется ясно, что взглядъ св. Діонисія былъ противоположенъ взгляду тѣхъ, которые держались перекрещиванія; но онъ былъ того мнѣнія, что каждая церковь должна дѣйствовать согласно съ своимъ собственнымъ преданіемъ. Бл. Іеронимъ говоритъ ³⁾, что онъ согласенъ былъ съ ученіемъ св. Кипріана и африканскаго собора, и что написалъ много писемъ о перекрещиваніи еретиковъ того времени. Но во первыхъ, очень сомнительно, чтобы Іеронимъ имѣлъ въ рукахъ еще какія либо его посланія кромѣ отрывковъ сохранныхъ Евсевіемъ; и во вторыхъ, если онъ и имѣлъ ихъ, такъ мы не можемъ допустить, чтобы Діонисій противорѣчилъ себѣ: въ утраченныхъ его письмахъ должно содержаться тоже ученіе, какое и въ дошедшихъ до насъ ⁴⁾.

Изъ пяти посланій Діонисія, отрывки которыхъ сохранились, первое—къ св. Стефану не содержитъ ничего такого, что могло бы быть приведено въ пользу или противъ нашего утвержденія. Тоже можно сказать и о четвертомъ посланіи, написанномъ

³⁾ Catalog. Illust. Vir. 69.

⁴⁾ И однако Флери (ii, 305) не колеблясь слѣдуетъ бл. Іерониму: „св. Діонисій еп. александрійскій былъ такого же взгляда какъ и св. Кипріанъ“.

къ св. Діонісію римскому. Но во второмъ посланіи (которое есть первое къ папѣ Сиксту), александрійскій епископъ говоритъ: «вникни въ важность предмета. На многочисленныхъ соборахъ, епископовъ было постановлено, какъ мнѣ о томъ сообщили, что тѣ, которые переходятъ къ намъ отъ ереси, должны быть сперва наставляемы ⁵⁾ въ истинной вѣрѣ, а потомъ быть омыты и очищены отъ скверны ихъ нечистой закваски». Потомъ, въ третьемъ посланіи къ Филимону говоритъ: «я узналъ также, что этотъ обычай не теперь лишь введенъ въ первый разъ, и онъ существуетъ не въ одной только африканской церкви, но еще гораздо прежде, во времена епископовъ, нашихъ предшественниковъ, да и въ другихъ великихъ церквахъ; и что онъ былъ одобренъ на соборахъ бывшихъ въ Иконіи и Синадѣ, и многими изъ нашихъ братьевъ. Если вы ниспровергнете ихъ рѣшеніе, то я не могу допустить, чтобы они подверглись пререканіямъ и спору. Потому что написано: «не отодвигай межи твоего сосѣда, которую отцы твои поставили».

Эти мѣста изъ писемъ Діонісіевыхъ съ перваго взгляда кажутся подтверждають увѣреніе бл. Іеронима, но при ближайшемъ разсмотрѣніи ничего болѣе не представляютъ какъ желаніе смягчить слишкомъ рѣзкій способъ защищенія того, что Діонісій признавалъ за истинное ученіе. Правда, какъ бы такъ говорилъ онъ римскому епископу и его пресвитерству, справедливость на вашей сторонѣ; но вспомните, сколькими епископами и какое продолжительное время противоположное мнѣніе было принято, и не ввергайте церковь въ смятеніе, отлучая держащихся перекрещиванія какъ причастныхъ ереси.

Разсказъ, приведенный выше изъ втораго письма Діонісія къ св. Сиксту, приводитъ насъ къ тому же заключенію. Этотъ епископъ конечно сомнѣвался, дѣйствительно ли крещеніе, принятое старцемъ, о которомъ онъ говоритъ, но ясно, что онъ сомнѣвался въ томъ, не потому, что оно было совершенно еретическими руками, но потому что оно было совершенно еретическимъ образомъ. Намъ ясно сказано, что это было крещеніе во все не похоже на крещеніе каѳоликовъ (православныхъ). Если

⁵⁾ Π. *εκατηχουβεντας*. См. Кутана (Contant) замѣчанія на примѣчаніе Вазелія Ed. Prop. S. Dion. 154.

даже въ такомъ крайнемъ случаѣ Діонисій сомнѣвался въ необходимости перекрещенія,—случай, въ которомъ всякій соборъ, разсуждавшій объ этомъ предметѣ, повелѣвалъ повтореніе крещенія: какъ сильно былъ долженъ онъ быть противъ втораго крещенія, когда обрядъ былъ совершенъ, хотя и еретиками, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Возражаютъ: св. Діонисій самъ указываетъ на другую причину отказа, въ этомъ случаѣ, перекрещиванія—именно, что обратившійся къ нему старецъ восполнилъ недостатокъ крещенія своимъ долгимъ пребываніемъ въ общеніи съ церковью. Это впрочемъ представляется болѣе доказательствомъ обращеннымъ къ самому просителю, чѣмъ основаніемъ предлагаемымъ на разсмотрѣніе папы. Пусть такъ,—какъ бы говорилъ онъ—почитай, если хочешь, твое еретическое крещеніе недѣйствительнымъ. Но утѣшься однако тѣмъ, что оно было восполнено частымъ твоимъ причащеніемъ Святыхъ Таинъ. Наконецъ, скажемъ въ заключеніе: въ подобномъ случаѣ есть ли какое сомнѣніе, что св. Киприанъ безъ малѣйшаго колебанія совершилъ бы надъ этимъ старцемъ второе крещеніе?

Мы узнаемъ еще одно обстоятельство изъ этого разсказа. Изъ него явствуетъ, что ранѣе—во время Димитрія практика александрійской церкви была противъ повторенія крещенія, иначе мірянинъ, о которомъ говоритъ Діонисій, по первому настоянію не былъ бы принятъ безъ перекрещенія. И какой бы авторитетъ ни имѣло свидѣтельство бл. Иеронима, оно не можетъ имѣть болѣе вѣса, чѣмъ свидѣтельство св. Василія *), который рѣшительно утверждаетъ, что Діонисій допускалъ дѣйствительность еретическаго крещенія, и изъявляетъ свое удивленіе, что такой знатокъ каноническаго ученія не отвергалъ даже крещенія пепузеновъ, хотя, говоритъ онъ, они крестили во имя Отца и Сына и Монтана и Прискиллы. Этимъ онъ просто хочетъ сказать, что подъ Святымъ Духомъ они разумѣли Духа, одушевлявшаго Монтана и Прискиллу, котораго воплощеніемъ Монтанъ признавалъ себя и выдавалъ.

*) Канон. посланіи къ Амфилохію § 5 и смотри Кутана замѣчаніе: Opp. S. Dionys Ed. Propagand. p. 158.

Споръ на время остался нерѣшеннымъ; или скорѣе, возрастающее свирѣпство гоненія Валеріана перенесло главныхъ составителей туда, гдѣ уже нѣтъ болѣе споровъ. Споръ о крещеніи былъ рѣшенъ на никейскомъ соборѣ; и до этого времени, повтореніе крещенія ⁷⁾ было оставлено всѣми кромѣ нѣсколькихъ нумидійскихъ епископовъ. Вмѣшательство св. Діонисія было не безплодно, и ему мы можемъ приписать, что Стефанъ воздержался отлучить св. Фирмилиана и африканскихъ епископовъ.

Г Л А В А VIII.

Споръ о крещеніи еще былъ во всей силѣ, когда неожиданное бѣдствіе постигло церковь. Валеріанъ, который до сихъ поръ въ значительной степени благопріятствовалъ христіанству, такъ что, по словамъ св. Діонисія ¹⁾, даже тѣ, ко торые открыто были взвѣстны какъ христіане, (то есть Филиппъ и Александръ Северъ), не показывали себя болѣе расположенными къ исповѣдующимъ христіанство,—теперь онъ перемѣнилъ свой образъ дѣйствія и началъ гоненіе, которое обыкновенно считается девятымъ. Къ этой перемѣнѣ онъ былъ побужденъ Макріаномъ, человѣкомъ, котораго, богатство, опытность и военные дарованія давали ему по вліянію второе мѣсто послѣ императора. Ему предсказалъ египетскій астрологъ, что онъ наслѣдуетъ императорскій престолъ: и вслѣдствіе этого, взялся покровительствовать всему сословію гадателей и предсказателей. Такъ какъ церковь не переставала обличать характеръ такихъ людей и незаконность ихъ искусства, Макріанъ рѣшился отместить тѣмъ, которые возставали и оскорбляли его любимцевъ.

⁷⁾ Что оно не было осуждено прежде того окончательно, и что никейскій былъ тотъ *полный Соборъ*, о которомъ св. Августинъ такъ часто говорить,—это кажется общепризнано всѣми по доказательствамъ Беллармина и Наталиса Александра; хотя другіе, какъ Ловуа (Lainou) и Сирмондъ (Sirmond) понимаютъ это выраженіе это о великомъ Соборѣ въ Арлѣ 314 года по Р. Х.

¹⁾ Евсевія Ист. Церк. VII, 10.

Какъ скоро указъ о преслѣдованіи христіанъ достигъ Александріи, префектъ Эмилианъ потребовалъ къ себѣ Діонисія. Онъ явился на судилище не одинъ ²⁾. Максимъ, въ то время одинъ изъ его пресвитеровъ, а послѣ его преемникъ, а также трое діаконовъ послѣдовали за нимъ, и одинъ христіанинъ изъ Рима, по имени Маркель, бывшій тогда въ Александріи, пошелъ съ патриархомъ къ префекту. О добромъ исповѣданіи, которые засвидѣтельствовали эти служители Христа, мы имѣемъ разсказъ изъ подъ пера Діонисія, который, однако, со свойственною скромностію скорѣе какъ бы переписываетъ публичные акты, чѣмъ передаетъ свои отвѣты по своему собственному воспоминавію.

«Префектъ Эмилианъ сказалъ: я теперь словесно, какъ прежде письменно, представляю вамъ милосердіе нашихъ властителей. Они даютъ вамъ возможность спасти вашу жизнь, если вы обратитесь къ тому, что согласно съ природою, и поклонитесь богамъ, хранящимъ ихъ имперію, и позабудете то что противно природѣ. Что скажете вы на это? Я надѣюсь, что вы не будете не благодарны къ ихъ милосердію, когда они заботятся объ обращеніи васъ къ лучшему. Діонисій отвѣчалъ: не всѣ люди поклоняются однимъ и тѣмъ же божествамъ, но всякій чтитъ тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ за боговъ. Мы поклоняемся и почитаемъ единого Бога, Создателя всего, который далъ царство въ руки Валеріана и Галіена, возлюбленныхъ Богомъ, и мы непрестанно молимся Ему, чтобы ихъ царство пребыло непоколебимымъ. Эмилианъ префектъ сказалъ имъ: кто мѣшаетъ вамъ поклоняться и Ему также, если, какъ вы говорите, Онъ Богъ, вмѣстѣ съ тѣми которые боги по естеству? Вамъ повелѣваютъ поклоняться богамъ такимъ, каковы всѣ боги. Діонисій отвѣчалъ: мы не поклоняемся никакимъ другимъ. Эмилианъ префектъ сказалъ имъ: я вижу, что вы неблагодарны и не сознаете милости нашихъ августѣйшихъ императоровъ. Поэтому вы не останетесь въ этомъ городѣ, но будете сосланы въ Ливію, на мѣсто называемое Кефро. Я назначилъ это мѣсто по приказанію императоровъ. Но никакимъ образомъ не дозволяется вамъ, ни кому либо другому дѣлать собранія или входить въ такъ-называемыя усыпальницы. Если кто будетъ обличенъ въ томъ, что не пошелъ въ указан-

²⁾ Евсевія Ист. Церк. VII, 11.

ное мною мѣсто, самъ навлечеть опасность на свою голову, и не избѣгнетъ заслуженнаго наказанія. И такъ отправляйтесь же куда вамъ приказано.

Кефро, или какъ называютъ его арабы, Валлори ³⁾, находится въ пустыняхъ Ливіи; сюда то Діонисій, хотя удрученный болѣзнію, былъ поспѣшно отправленъ. Множество христіанъ послѣдовали за нимъ, иные изъ Александріи, другіе изъ различныхъ частей Египта. Въ это мѣсто не достигала еще проповѣдь Евангелія; но тамъ, выражаясь словами самаго патріарха, Господь открылъ широкія врата слову. Потому что хотя малая дружина вѣрующихъ была унижена и подвержена личному насилію, но скоро послѣ большое число подопоклонниковъ перестало поклоняться идоламъ и обратилось ко Христу. Богъ видимо велъ своихъ служителей къ этому мѣсту, чтобы они были основателями одной изъ цвѣтущихъ церквей; и по исполненіи имъ этого служенія, Онъ повелъ ихъ въ другое мѣсто. Изъ товарищей ссылки епископа мы уже говорили о Максимѣ. Діаконъ Евсевій, посланный въ Сирію, чтобы противостать ереси Павла Самосатскаго, былъ тамъ поставленъ въ епископа Лаодокійскаго, а діаконъ Фавстъ, въ престарѣлыхъ лѣтахъ, кончилъ жпзнь свою мученичествомъ при Діоклитіанѣ ⁴⁾.

Эмилианъ, услышавъ о распространеніи истинной вѣры въ Кефро, далъ приказаніе удалить Діонисія въ Колуеіонъ, городъ Мареотін. Епископъ сознается, что онъ былъ сильно огорченъ, узнавъ объ этомъ назначеніи: мѣсто это было разоряемо разбойниками, и обитасмо дикимъ племенемъ. Однако друзья его представляли ему, что оно ближе къ Александріи; что если въ Кефро было большое стеченіе христіанъ, то жители митрополіи легче соберутся въ Колуеіонъ, какъ подгородное мѣсто; что его перемѣщеніе явно назначено Главою Церкви для ея блага. Такъ и было.

Между тѣмъ какъ Діонисій исполнялъ такимъ образомъ долгъ мужественнаго и неусыпнаго пастыря, и подъ конецъ гоненія, онъ подвергся сильной неприязни Германа ⁵⁾, египетскаго епис-

³⁾ Severus. ap. Renaud. p. 36.

⁴⁾ Евсевія Ист. Церк. VII, 11, ad fin. Le Guen ii, 791.

⁵⁾ Евсевія Ист. Церк. ii, 1.

копа, неизвѣстно какой кафедрѣ. Германъ обвинялъ патріарха въ безпечности и нерадивости къ его пастырскимъ обязанностямъ, особенно же въ томъ, что онъ не заботился, во время своей ссылки, собирать для богослуженія бывшихъ съ нимъ христіанъ. Діонисій отвѣчалъ ему письмомъ, которому мы обязаны подробностями о его дѣйствіяхъ во время гоненія Деція и Валеріана.

Въ то же время онъ былъ занятъ писаніемъ посланій, относящихся собственно къ его церкви и церквамъ другихъ странъ. Онъ велъ переписку съ св. Сикстомъ по вопросу о крещеніи, онъ также обращался къ пресвитерамъ александрійской церкви во время сильнѣйшей свирѣпости гоненія. Два другихъ его посланія, писанныя къ Флавиану, и къ Дидиму и Домицію, требуютъ нѣкоторыхъ замѣчаній.

Это были пасхальныя посланія, и, какъ полагаютъ ⁶⁾ иныя, первыя посланія этого рода. Но послѣдовалъ ли св. Діонисій примѣру своихъ предшественниковъ, или онъ былъ первоначальникомъ этого обычая, вѣрно то, что съ этого времени патріархи александрійскіе ежегодно объявляли, въ какой день должно быть начало поста и день праздника Воскресенія Христова. Впервые этотъ обычай сдѣланъ закономъ на соборѣ Никейскомъ ⁷⁾ и нѣкоторыя изъ этихъ пасхальныхъ посланій, особенно посланія Теофила, св. Кирилла, и можемъ прибавить св. Аѳанасія, сохранились до насъ. Они начинались проповѣдью на праздникъ, почему и извѣстны безразлично подъ названіемъ бесѣдъ (homiliae) или посланій, и кончаются надлежащимъ объявленіемъ. Пасхальныя посланія Діонисія кажутся были обращены къ разнымъ египетскимъ епископамъ, и не имѣли силы и притязаній на то далѣе предѣловъ его собственной епархіи. Въ послѣдствіи эта обязанность соблюдалась въ отношеніи ко всей церкви ⁸⁾ и была очень почетною,

⁶⁾ Vit. S. Dionys. в Ed. Propagand. p. ciii. Мы уже показали что нѣкоторые писатели приписываютъ ихъ происхожденіе св. Димитрію.

⁷⁾ Le Quien ii, 378.

⁸⁾ Св. Левъ въ посланіи къ Маркіану (ep. 94), говоритъ о разности касательно празднованія пасхи, „Studuerunt itaque Sancti Patres (sc. Nicoeni) occasionem hujus erroris auferre, omnem hanc curam Alexandrino Episcopo delegantes; quoniam apud Aegyptios hujus supputationis antiquitus tradita esse videbatur peritia“, etc. и смотри Le Quien ii, 377.

хотя и иногда трудною обязанностию престола александрийскаго.

Александрія, съ самаго начала, была такъ извѣстна своею школою математиковъ, что неудивительно, если епископы ея занимались вычисленіями относящимися къ календарю. Но мы должны справедливо удивляться ревности, которую показывалъ Діонисій въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ относящихся къ богослуженію и обрядамъ, когда мы видимъ, что во время жестокостей гоненія онъ занимался составленіемъ своего пасхальнаго круга. Этотъ кругъ заключалъ въ себѣ періодъ восьми лѣтъ ⁹⁾. Св. Ипполитъ сочинилъ уже кругъ шестнадцати лѣтъ; но пасхальный кругъ св. Діонисія былъ принятъ отцами никейскаго собора за основаніе болѣе обширнаго круга девятнадцати лѣтъ ¹⁰⁾, извѣстнаго подъ именемъ александрийскаго. Осмилѣтній періодъ времени безъ сомнѣнія былъ внушенъ патриарху *октастеридами* (осмилѣтниками) Клеострата, Гарпала и Евдокса. Въ вышеупомянутомъ посланіи къ Домицію и Дидаму онъ обнародовалъ этотъ кругъ; и включилъ ¹¹⁾ сюда свое знаменитое правило, что Пасха не можетъ быть празднуема прежде весенняго равноденствія.

Г Л А В А IX.

ПОЯВЛЕНІЕ ЕРЕСИ САВЕДЛІЯ.

До сихъ поръ Діонисій часто подвергался огорченіямъ и страданіямъ отъ болѣзни и лишеній, отъ угнетенія враговъ, и клеветъ своихъ ложныхъ друзей; но жизнь его была равно славная для него самого и полезная для управляемой имъ церкви. Онъ явился умиротворителемъ Востока и Запада, уничтожилъ въ самомъ началѣ опасную ересь; отличился своею ревностью какъ

⁹⁾ Странно, и Тильмонъ (if. 274) и Флери говорятъ объ немъ какъ о восьми-лѣтнемъ циклѣ, но безъ всякаго основанія.

¹⁰⁾ Vit. S. Dionys. ii, 1.

¹¹⁾ Евсевія Ист. Церк. VII, 10: смотри Строта переводъ и примѣчаніе.

въ установленіи дисциплины такъ и въ сохраненіи ученія церкви, и прославился исповѣданіемъ Христа во время двухъ разныхъ гоненій. Еще онъ призванъ былъ защитить единую вѣру противъ новой и еще болѣе опасной ереси; и хотя по слабости человѣческой природы, онъ едва не помрачилъ своей прежней славы, и изъ знаменитаго защитника вѣры сдѣлался сильнымъ противникомъ истины, но таже самая кротость и смиреніе, которыя расположили его выслушать доводы приверженцевъ Непота, заставили его внять увѣщаніямъ римскаго собора.

Въ началѣ гоненія Валеріана или даже немного ранѣе, Савеллій началъ распространять свое ученіе въ Пентаполѣ: отвергая дѣйствительное различіе лицъ Божества онъ уничтожалъ ученіе о Пресвятой Троицѣ. Ересь была не новая: она была сходна съ тою, которая въ болѣе ранній періодъ была проповѣдана Праксеємъ, и внушена Савеллію его учителемъ еретикомъ Ноэтомъ. Въ прежнихъ формахъ своихъ эта ересь имѣла мало успѣха; но теперь, принявъ болѣе опредѣленную форму и присоединивъ къ себѣ начала родственныхъ ей заблужденій, быстро охватила населеніе Пентаполя. Если правда, что Савеллій ¹⁾ былъ епископомъ Птолемаиды, какъ гласитъ недостовѣрное преданіе, въ такомъ случаѣ онъ могъ пользоваться своимъ положеніемъ для распространенія ереси. Совпадая, какъ мы уже замѣтили, съ мистическимъ направленіемъ умовъ жителей Египта, она скоро развила не только большую часть мірянъ съ значительнымъ числомъ пресвитеровъ, но и нашла одобреніе у нѣсколькихъ епископовъ ближайшихъ престоловъ особенно у Аммонія, епископа Верники. Ученіе вошедшее въ такую силу можно коротко выразить слѣдующимъ образомъ: что Отецъ, Сынъ и Духъ Святыи суть одна Ипостась, одно лицо съ тремя именами; что тоже лицо, въ Вѣтхомъ Заветѣ, какъ Отецъ далъ законъ; въ Новомъ Заветѣ какъ Сынъ, воплотился ради человѣка и какъ Духъ Святыи, сошелъ на апостоловъ въ день Пятидесятницы. Естественнымъ послѣдствіемъ распространенія этого ученія было то, что въ церквахъ не проповѣдывалось о Сынѣ Божіемъ. Но явились мужественные подвижники за истину Божію, препоясавшіе свои

¹⁾ Такъ утверждаетъ Зонаръ: но его свидѣтельство не подтверждается никакимъ другимъ писателемъ. Бѣй Octob. Holland ii, 47.

чресла, чтобы стать за истинную вѣру. Они доказали, словами св. Діонисія ³⁾, что новое ученіе полно нечестія и богоульства противъ Всемогущаго Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, и полно невѣрія въ Его Сына Единороднаго, перворожденнаго всякой твари, въ Слово, обитавшее между людьми,—и преисполнено безумія противъ Святаго Духа.

Такъ какъ приверженцы Савеллія ежедневно умножались, то обѣ стороны отнеслись къ Діонисію, бывшему тогда въ ссылкѣ, въ Кефрѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что спрашивали его мнѣнія письменно, они отправили къ нему надежныхъ людей для получения его рѣшенія изъ собственныхъ устъ его; и епископъ терпѣливо выслушалъ всѣ доводы и доказательства той и другой стороны. Когда они кончили, онъ не теряя времени высказалъ свое рѣшеніе, и написалъ нѣсколько посланій въ опроверженіе новаго еретика. О своихъ дѣвствіяхъ Діонисій сообщалъ Сиксту (римскому) въ первомъ своемъ посланіи къ этому епископу, написанномъ по вопросу о крещеніи, о которомъ мы уже упоминали. Писалъ также къ епископу Аммонію ⁴⁾ замѣчательному по своимъ умственнымъ дарованіямъ, котораго поэтому весьма важно было во всѣхъ отношеніяхъ убѣдить и удержать отъ заблужденія; писалъ къ Телесфору и Эфранору ⁵⁾, вѣроятно епископамъ въ томъ же Пентаполѣ, и потомъ вторично къ Аммонію и къ Эфранору вмѣстѣ.

Но послѣднее письмо, вмѣсто того чтобы утѣшить, только еще болѣе возбудило споръ. Такъ какъ савелліане, смѣшивая Отца съ Сыномъ, приписывали первому то, что относится къ человѣческой природѣ послѣдняго,—что прежде нихъ и дѣлали патрипассіане, то задача Діонисія была доказать, что то, что относилось къ человѣчеству Христа, не могло быть сказано объ Отцѣ ⁵⁾. Такимъ образомъ онъ полагалъ заставить своихъ про-

³⁾ Евсевія Ист. Церк. VIII, 6.

⁴⁾ Евсевія Ист. Церк. VII, 26. Мы могли бы полагать, что Аммоній, или какъ Евсевій его называетъ, Аммонъ, былъ одинъ изъ епископовъ, который поддерживалъ каеоплечское ученіе, но свидѣтельство св. Аѳанасія рѣшительно. De Sent. Dionys § 5 и § 13.

⁵⁾ Или Евпоргъ, по Евсевію. Но слова св. Аѳанасія имѣютъ гораздо болѣе вѣса.

⁵⁾ Св. Аѳанасій § 9. Смотри Биея Octob. ii, 48.

тивниковъ признать различіе между Лицами Отца и Сына; и это должно бы было составлять первую часть его доказательства. Затѣмъ онъ доказалъ бы божество Сына Божія; и опровергнувъ тѣхъ, которые смѣшивали Лица, пазбѣжалъ бы самъ обвиненія въ томъ что раздѣляетъ естество. Такой методъ ученія одобряется св. Аѳанасіемъ.

Аріане постоянно порицали Аѳанасія за то, будто онъ противорѣчилъ ученію изложенному св. Діонисіемъ; онъ написалъ сочиненіе въ опроверженіе ихъ возраженій, изъ котораго мы почерпаемъ болѣе полное понятіе о важности пентапольскаго спора, чѣмъ какое даетъ скудный и иногда невѣрный рассказъ Евсевія. Методъ, принятый св. Діонисіемъ, представился его великому преемнику согласнымъ съ тѣмъ, которому слѣдовали апостолы. Они, говоритъ онъ, выставляли іудеямъ сперва человѣческія дѣйствія Христа: такимъ образомъ старались убѣдить ихъ Его чудесами, что Мессія пришелъ, и потомъ, а не прежде показать имъ чрезъ разсмотрѣніе Его чудесныхъ дѣйствій, что этотъ самый Мессія есть Господь ихъ и Богъ ихъ.

Но къ сожалѣнію въ посланіи къ Аммонію и Эфранору заключалась только первая часть доводовъ патріарха. Повидимому Діонисій неосторожно излагалъ свое вѣрное утвержденіе о дѣйствительной личности и человѣчествѣ Спасителя къ ущербу раскрытія мысли объ Его божествѣ и единосущіи съ Отцомъ. Онъ ничего не утверждалъ такого (сколько мы можемъ о томъ судить), что было бы не согласно съ католическою истинною, но недостаточно охранилъ свои утвержденія отъ возможности ложнаго пониманія и перетолкованія. Когда онъ въ сущности говорилъ о человѣческомъ ествѣ Христа, его враги могли сказать, и слабые изъ братіи могли думать, что онъ говорилъ о Его Божественности. И одно извѣстное мѣсто дало поводъ къ формальному обвиненію его православія. «Сынъ Божій, писалъ онъ, былъ сотворенъ и произведенъ. Онъ не свойствененъ по своей природѣ, но различенъ въ существѣ отъ Отца, какъ виноградная лоза отъ виноградара, и ладья отъ своего строителя: такъ какъ Онъ былъ созданъ, то Его не было, прежде чѣмъ Онъ былъ произведенъ». Эти выраженія св. Діонисія возбудили не мало споровъ во всемъ Пентаполѣ. Нѣкоторое совершенно несогласныя съ ученіемъ Савеллія, видѣли такую же опасность

въ ученіи Діонисія, и ихъ ревность по вѣрѣ заставила забыть любовь. вмѣсто того чтобы отнестись къ своему собственному патріарху ⁶⁾, не сообразивъ того, что онъ могъ бы объяснить имъ свои слова или отказаться отъ того, что казалось имъ еретическимъ въ его положеніяхъ, они подали формальную жалобу св. Діонисію римскому, который вступилъ на кафедру послѣ св. Сикста въ 259 году. Обвиненія заключались въ двухъ пунктахъ: первый—что епископъ alexandрійскій утверждалъ, что Сынъ Божій сотворенъ, и—отвергалъ выраженіе и ученіе о единственности. Соборъ, собравшійся по другимъ ли какимъ дѣламъ или созванный папой именно для рѣшенія этого вопроса, не колеблясь осудилъ ученіе, содержащееся въ представленныхъ ему выпискахъ или выведенное изъ нихъ. Епископъ римскій написалъ, какъ отъ имени прочихъ епископовъ, такъ и отъ своего собственного ⁷⁾ своему соимянику alexandрійскому увѣдомляя его вмѣстѣ и объ обвиненіяхъ представленныхъ противъ него, и о рѣшеніи, которое постановилъ римскій соборъ. Въ то же время, можетъ быть желая отклонить отъ себя подозрѣніе, что онъ держится противоположнаго заблужденія, папа самъ написалъ очинненіе противъ савелліанъ ⁸⁾.

Получивъ папское посланіе, епископъ alexandрійскій увидѣлъ себя въ положеніи подсудимаго. Обвинителемъ его былъ Римъ, а вся церковь судьей. Онъ, котораго вся жизнь была продолжительной борьбою съ ересью, который—было время—самъ утверждалъ въ вѣрѣ или располагалъ къ единенію римскаго же папу, который теперь являлся его противникомъ, онъ призывался стать на свою защиту: это было для него горькимъ испытаніемъ. На его мѣстѣ кто другой, исполненный духа гордости, вѣроятно отказался бы отъ сего, хотя бы даже черезъ то повергъ всю церковь въ бездну смятенія. Но не таковъ былъ Діонисій.

Онъ уже прежде, повидимому ⁹⁾ писалъ письмо къ римскому

⁶⁾ S. Athanas. de Sentent. S. Dionysii § 13.

⁷⁾ S. Athanas. de Synod.

⁸⁾ Бароній (262, XXXVI) и Наталісъ Александръ впадаютъ въ странную ошибку отъ невѣрнаго перевода словъ св. Аѳанасія, приписывая это разсужденіе противъ Савелліанъ Діонисію Александрійскому.

⁹⁾ Это ясно изъ отрывка первой книги опроверженія, приводимаго св. Аѳанасіемъ, de Sentent. § 23.

Витебска 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 к. Вологды 5 к. Воронежска 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса 10 к. Гродно 11 к. Дербента 16 к. Екатеринодара 10 к. Екатеринослава 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 к. Иркутска 20 к. Казани 9 к. Каліша 15 к. Калуги 3 к. Каменецъ-Подольска 13 к. Кішинева 15 Кіева 9 к. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к. Купію 14 к. Курска 6 к. Кутайса 16 к. Кѣльцовъ 14 к. Ломжи 12 к. Лѣблина 12 к. Минска 8 к. Митавы 11 к. Могілева 6 к. Нижняго-Новгорода 5 Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Новочеркаска 11 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петрозаводска 11 к. Петрокова 14 к. Плоцка 14 Полтавы 9 к. Пскова 8 к. Радомы 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 к. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Петербурга 7 к. Саратова 9 к. Семипалатинска 18 к. Симбирска 9 к. Сѣмферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольск. губ. 14 к. Сувалокъ 12 к. Сѣдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к. Твери 3 п. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска. 18 к. Тулы 3 к. Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харькова 8 к. Херсона 13 к. Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 к. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ВЪ РЕДАКЦІИ „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

I. РАЗМЫШЛЕНІЯ О СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ Соч. Гизо. Переводъ *свят.* Н. Сергіевскаго. М. 1865 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

II. Вѣчная жизнь. Публичные чтенія Э. Навилля. Перев. *свят.* Н. Сергіевскаго. М. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

III. Публичные чтенія 1871 года, *профессора протоіерея Н. Сергіевскаго*: Объ основныхъ истинахъ Христіанства. М. 1872. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

IV. Сочиненія св. Іустина философа и мученика, изданныя въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свят.* П. Преображенскимъ. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 р.

V. Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Татіана, Афинагора, Теофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданы въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свят.* П. Преображенскимъ. М. 1867. Цѣна: 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

VI. Сочиненія св. Иринея Ліонскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданы *свят.* П. Преображенскимъ. М. 1871. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

VII. Вопросъ о злѣ. Публичные чтенія Эрнеста Навилля. Перев. *свят.* Н. Протопопова. М. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. сер.

VIII. О Евангеліи отъ Матѳея. Разборъ и опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. Соч. *священника* московской Троицкой на Арбатѣ церкви Владиміра Маркова. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

IX. Рѣчи произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ перваго десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища *священникомъ А. М. Иванновымъ-Шатоновымъ*. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

X. Изъ лекцій по церковному праву. О проф. моск. уни-
верситета Н. К. Соколова. Вып. I. Введеніе въ церковное право. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПОДПИСКА

на

Православное Обозрѣніе 1875 года продолжается.

Отдѣльные книжки «Православное Обозрѣніе» за прежніе годы продаются каждая по 50 к., съ перес. по 75 к.

Новые подписчики, не получавшіе въ прошломъ году «Православнаго Обозрѣнія», получаютъ 5 листовъ напечатанныхъ въ немъ лекцій по каноническому праву покойнаго профессора Н. К. Соколова «О составѣ Церковнаго Общества.»

въ РЕДАКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

**Указатель къ „Православному Обозрѣнію“
за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг.
составленный П. А. Ефремовымъ.**

Цѣна „Указателя“: 1) при выпискѣ *Православнаго Обозрѣнія* 75 к. съ перес. 1 р. 2) въ отдѣльной продажѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Печатать дозволяется. Августа 18 дня 1875 года.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1875

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—СЛОВО ВЪ ПРАЗДНИКЪ ДВѢНАДЦАТИ АПОСТОЛѢВЪ. П. Калининкова.
- II.—СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ АВГУСТА 12 1875 ГОДА. Свящ. Д. Ф. Тихірова.
- III.—ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНІЕ О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ КРАЙНОСТЯМИ УЧЕНІЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ. Прот. А. М. Иванова-Платонова.
- IV.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О Ф. И. ТЮТЧЕВѢ И ЕГО ВОЗЗРѢНІИ НА ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ ЗАПАДА.
- V.—Ф. И. ТЮТЧЕВЪ И ЕГО СТАТЬЯ: „Римскій вопросъ папство“. И. С. Аксакова.
- VI.—ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ, КАКЪ МОРАЛИСТЪ. А. Ф. Гусевъ.
- VII.—СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: пятидесятилѣтній юбилей высокопреосвященнаго Исаидора митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго.
- VIII.—ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: Первая годовщина православной церкви въ Прагѣ.—21 августа въ лицѣ Цесаревича Николая.—Библиографія.—Международный комитетъ для пособія герцеговинцамъ.—Воззванія къ пожертвованіямъ въ пользу герцеговинцевъ.—Бельгійская газета о старокатоличествѣ.—Боннская конференція.—Заграничныя извѣстія.—Письма о Гагарина и о Секки.—Памяти Н. В. Рукавишниковъ.—Воззваніе сербскаго митрополита

Объявленіе объ изданіи „Православнаго Обозрѣнія“ въ БУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ. (См. на оборотѣ)

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (Катковъ и К^о)
на Страстномъ бульварѣ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ.

«Православное Обозрѣніе» будетъ продолжаться въ слѣдующемъ 1876 году, оставаясь вѣрнымъ прежней своей программѣ, характеру и направленію, которое достаточно выяснилось читателямъ, какъ въ продолженіи прошлыхъ лѣтъ его существованія, такъ и въ настоящемъ году, когда оно нерешло подѣ редакцію *святц. П. Преображенскаго*.

Въ 1876 году «Православное Обозрѣніе» будетъ выходить еженеѣдно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 р. 50 к. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 р. е. Подписная цѣна съ «Указателемъ» за одиннадцать лѣтъ 8 р. е.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, при церкви Теодора Студита у Никитскихъ воротъ, домъ святц. П. Преображенскаго,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Полные экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869—по 3 руб. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874—по 5 руб. безъ пересылки, а за четырнадцать лѣтъ 1861—1874—сорокъ пять рублей. Цѣна Указателя къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., безъ пересылки 75 к., съ пересылкой 1 р. Выписывающее «Православное Обозрѣніе» за всѣ прежніе годы получаютъ Указатель безплатно. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 14 лѣтъ съ Указателемъ—за 100 фунтовъ—по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылки съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмоль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахани 15 к.
еву 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1875.

ТОМЪ III.

МОСКВА.

**Въ Университетской типографии (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.**

27 378.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
DEC 28 1925

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 3 дня 1875_г.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ ДВѢНАДЦАТИ АПОСТОЛОВЪ *).

*Вы есте соль земли.... вы есте святъ
міра (Мѡ. V. ст. 13, 14).*

Однажды, вскорѣ послѣ крещенія Иисуса Христа въ Иорданѣ, Іоаннъ Креститель стоялъ съ своими учениками на берегу Иордана. Въ это время Иисусъ, послѣ борьбы и побѣды надъ искушителемъ, возвращался изъ своего уединенія. Іоаннъ, не разъ говорившій о Немъ своимъ ученикамъ, указываетъ на Него и восклицаетъ: «се Агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра» (Іоан. I, 29). На другой день Іоаннъ съ двумя своими учениками опять стоялъ на Иорданѣ. Увидѣвъ въ другой разъ идущаго Иисуса, онъ повторилъ свое прежнее свидѣтельство о Немъ: «се Агнецъ Божій»... Эти слова были призваніемъ для учениковъ Іоанновыхъ: они тотчасъ оставили Іоанна и пошли за Иисусомъ. Иисусъ, обратившись и увидѣвъ ихъ идущихъ, сказалъ имъ: «что вамъ надобно?» Они отвѣтствовали Ему вопросомъ: «учитель, гдѣ Ты живешь?» Мы Тебя ищемъ, какъ бы такъ говорили они, позволь намъ идти къ Тебѣ. Господь говоритъ: «подите и увидите». Они пошли и увидѣли, гдѣ Онъ живетъ, и провели у Него весь этотъ день.

*) Пронесено въ церкви екатеринославской семинаріи, 30 іюня 1875 года.

Одинъ изъ этихъ учениковъ былъ Андрей, братъ Симона Петра, изъ мѣстечка Внѣсанды, который, поэтому, и называется первозваннымъ изъ апостоловъ; другой—евангелистъ Іоаннъ, самый любимый въ послѣдствіи ученикъ Господа. Оба ученика эти, проведши съ Божественнымъ Учителемъ незабвенный для нихъ день, пошли искать братьевъ своихъ Симона и Іакова. Андрей сначала нашелъ брата своего Симона и объявлялъ ему съ полнѣйшею радостію: «мы нашли Мессію». Когда Симонъ явился предъ Господомъ, Господь, провидя твердость и силу вѣры его, переименовалъ его Петромъ, что значитъ камень. На другой день, когда Іисусъ хотѣлъ идти въ Галилею, нашелъ Филиппа, который также былъ изъ Внѣсанды, отечества Андрея и Петра. Іисусъ сказалъ ему: «иди за Мною». Филиппъ тотчасъ пошелъ и съ этого часа сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ Господа. Филиппъ, въ свою очередь, находитъ Нааваила, о которомъ, при первой встрѣчѣ, Господь отозвался, что это истинный израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства. Проходя близь озера Геннисаретскаго, Іисусъ Христосъ увидѣлъ мытаря, именемъ Матѳея, сидѣвшаго у сбора пошлинъ. Господь сказалъ ему: «иди во Мнѣ». Матѳею не долго разсуждалъ. Онъ оставилъ все; съ радостію растался съ тревоженіями міра и своею должностію, которая болѣе всякой другой должности сопряжена была съ искушеніями для его души, всталъ и послѣдовалъ за Іисусомъ. Первые четыре ученика, призванные Господомъ, не всегда слѣдовали за Нимъ и нерѣдко возвращались къ своимъ занятіямъ: они были рыболовы. И вотъ Господь, показавши однажды опытъ своей чудодѣйственной силы въ чудесной ловлѣ рыбы, окончательно повелѣваетъ имъ идти за Собой: «идите за Мною, и я сдѣлаю васъ ловцамии челоуѣковъ». И они тотчасъ, оставивъ лодку и сѣти, прервавъ всѣ родственныя связи, послѣдовали за Господомъ—уже навсегда....

Вотъ простое и краткое повѣствованіе Евангелистовъ о призваніи первыхъ учениковъ Іисусомъ Христомъ! Велика сила слова, такъ могущественно дѣйствующая на сердце че-

ловѣческое; но это слово исходило отъ того Слова, которое было *искони у Бога*, которое вызвало изъ ничтожества вселенную, того вѣчнаго Слова, которымъ все произошло и безъ Него не начало быть ничто, что произошло.... (Іоан. 1, 2—3). Велика и сила вѣры, такъ безпрекословно покоряющаяся голосу Зовущаго! Оставить все—свои обыденныя занятія, давашія насущное пропитаніе, свои дома, всѣ родственныя привязанности, чтобы слѣдовать за бѣднымъ галилейскимъ учителемъ — нужно имѣть много твердости духа, самоотверженія, много любви къ призывавшему, много вѣры въ Его божественное посланничество!...

Изъ этихъ призванныхъ и другихъ своихъ послѣдователей Іисусъ Христосъ однажды, послѣ сердечной молитвы къ Богу въ уединенной ночной тишинѣ, вдали отъ мірскаго шума, избираетъ себѣ двѣнадцать мужей, чтобы они были постоянными Его спутниками въ Его странствованіяхъ по святой землѣ и служили Ему въ дѣлѣ проповѣди евангельской. Онъ назвалъ ихъ апостолами, т.-е. посланниками, чтобы этимъ обозначить съ одной стороны высокое ихъ полномочіе, которымъ они были облечены, а съ другой—назначеніе, которое они должны были исполнить — идти въ міръ во имя Его и проповѣдывать Евангеліе. И всѣ они дѣйствительно, за исключеніемъ предателя, оказались вполне достойными своего высокаго призванія; они, по истинѣ, по словамъ Спасителя, были *солью земли, свѣтомъ міра, друзьями Господа*.

Празднуя въ настоящій день память этихъ великихъ посланниковъ Божіихъ въ храмѣ, посвященномъ ихъ имени, всмотримся, слушатели, внимательно въ особенности характера каждаго изъ нихъ и черты ихъ служенія; подобный очеркъ можетъ особенно возбудить вниманіе со стороны предстоящихъ здѣсь юношей, готовящихся къ пастырскому служенію.

Предъ нами на первомъ планѣ въ святомъ обществѣ Господа является апостолъ Петръ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ по призванію и по своему нравственному характеру

всегда первенствовавшій между апостолами въ своихъ отношеніяхъ къ Господу. Это была душа пламенно вѣрующая и любящая, характеръ твердый и энергическій, но не рѣдко подчинявшійся болѣе порывамъ сердца, нежели голосу разсудка, увлекающійся иногда до самоотверженія, но не всегда благоразумно сдержанный въ своихъ увлеченіяхъ. Въ самыхъ обстоятельствахъ призванія его мы усматриваемъ уже эти особенности характера Петра. Чудесная ловля рыбы на озерѣ Геннисаретскомъ объяла всѣхъ священнымъ ужасомъ. Но тогда какъ другіе апостолы оставались въ нѣмомъ изумленіи отъ необычайнаго чуда, апостолъ Петръ не могъ удержать своихъ чувствъ, волновавшихъ его сердце. Чувство своего недостойнства было такъ въ немъ велико, что онъ совершенно не могъ понять, чего отъ него хочетъ Господь. Много есть книжниковъ, мудрецовъ, старѣйшинъ въ Израилѣ, съ которыми, думаетъ Петръ, приличнѣе Иисусу быть вмѣстѣ, а не подлѣ него, простаго, бѣднаго человѣка. Поэтому онъ падаетъ на колѣна и говоритъ Иисусу: «выйди отъ меня, Господи, потому что я: человекъ грѣшный». Но Господь успокоилъ его и сказалъ: «не бойся, отнынѣ будешь ловить человековъ». Это было для Петра и повелѣніе и обѣщаніе. Однажды, вскорѣ послѣ чудеснаго насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ народа, ученики плавали въ тихій вечеръ по прекрасному озеру, окруженному горами. Сердце ихъ было еще полно совершившимся, и они бесѣдовали о великомъ чудѣ, свидѣтелями котораго только что были. Вдругъ поднялся противный, сильный вѣтеръ и громадныя волны окружили небольшую лодку. Ученики изъ всѣхъ силъ трудились, чтобы добраться до берега, но мало подвигались впередъ. Иисусъ молившійся на горѣ видѣлъ ихъ бѣдственное положеніе и пошелъ къ нимъ навстрѣчу прямо по волнамъ. Ученики увидѣвъ, что кто-то идетъ по морю, никакъ не думали, что это былъ Иисусъ и говорили: «это призракъ», и отъ страха вскричали. Но Иисусъ, вида опасность, въ которой они находились и ихъ страхъ, заговорилъ съ ними и сказалъ: «ободритесь, это Я, не бойтесь!»

Между тѣмъ смѣлый и горячій Петръ былъ особенно пораженъ этими словами и явленіемъ Иисуса. Онъ говорилъ: «Господи! если это Ты, повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ». Иисусъ сказалъ: «иди!» Петръ выходитъ изъ лодки и идетъ по водѣ къ своему Господу и учителю. Пока держала его вѣра, онъ могъ ходить по водѣ, но когда онъ увидѣлъ, что находится далеко отъ Господа, что вѣтеръ не перестаетъ, то испугался, сталъ сомнѣваться—и тотчасъ сталъ утонать. Онъ погружался въ глубину морскую, но руки свои подымаетъ къ Господу и взываетъ: «Господи спаси 'меня!» Иисусъ видитъ его утопающаго и слышитъ его зовъ, простираетъ къ нему руку Свою и поддерживаетъ его, такъ что Петръ опять стоитъ твердо на ногахъ. Господь обращается къ нему съ упрекомъ: «маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?» и за тѣмъ оба они вошли въ лодку, вѣтеръ утихъ и они тотчасъ достигли берега. Не мало вообще приходилось Петру слышать отъ Господа горькихъ упрековъ за излишнюю горячность своего чувства, за самонадѣянность. И Петръ дѣйствительно болѣе другихъ нуждался въ воспитаніи и руководствѣ Господа. Когда Иисусъ Христосъ высказалъ мысль о предстоящихъ Ему страданіяхъ, Петръ, отъ избытка любви своей къ Господу, не хотѣлъ, чтобы совершилось это; Господь обратился къ нему и назвалъ его сатаною, давая понять, что это униженное состояніе совершенно необходимо, по плану божественнаго домостроительства о спасеніи рода человѣческаго и для посрамленія діавола. На тайной вечери, пламенная душа Петра не могла вынести мысли, что Христосъ, Сынъ Бога живаго, будетъ служить ему, вмѣсто раба. «Господи! говорить онъ, Тебѣ-ли умывать мои ноги?» — «Что я дѣлаю, сказалъ Господь, теперь ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ». Тихая и таинственная важность этихъ словъ требовала скорого и безусловнаго повиновенія. Но Петръ привыкъ въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовать болѣе чувству, нежели разуму. Что тутъ разумѣть, думалъ онъ, гдѣ дѣло идетъ о такомъ униженіи учителя и Господа? — «Не умыеши ногъ моихъ во вѣкъ». Всѣ

движенія говорящаго показывали, что онъ сдержитъ свое слово. Въ другое время такое смиреніе могло бы заслужить похвалу отъ Того, кто самъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ. Но теперь было не до новаго спора о томъ, кто смиреннѣе, учитель или ученикъ. Надлежало приподнять завѣсу. — «Если не умою тебя, отвѣчалъ Господь, не имѣешь части со Мною». При этихъ, хотя все еще таинственныхъ словахъ, уже нельзя было не понять, что дѣло идетъ болѣе, нежели о чувственномъ умовеніи. Петръ тотчасъ пробудился отъ сомнѣнія и весь пламень обратился въ противную сторону... «Господи, не только ноги мои, но и руки и голову». (Іоан. 13, 6—10). Твори со мною все, что тебѣ угодно, только не лишай части съ Тобою. — Во время великой и знаменательной прощальной бесѣды Иисуса Христа съ учениками Петръ опять заявляетъ свою самоувѣренность—слѣдовать за Господомъ даже до смерти. «Я душу свою положу за Тебя». (ст. 37). Господь отвѣтилъ: «душу свою положишь за Меня? Истинно, истинно говорю тебѣ; не пропоетъ пѣтухъ, какъ отречешься отъ меня трижды». Такая мрачная измѣна учителю для любви Петровой показалась положительною невозможностью. Чтобы сильнѣе отвратить отъ себя подобное нареканіе, дѣтская самонадѣянность не усумнилась употребить даже небезобидное для другихъ сравненіе. «Если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, сказалъ смущенный Петръ, я не соблазнюся. Я съ Тобою готовъ и въ темницу и на смерть». Симонъ, Симонъ! сказалъ ему Господь, съ чувствомъ глубокаго умиленія, — если бы ты зналъ, съ какими врагами должно имѣть вамъ дѣло! Се сатана проситъ, чтобы сѣять васъ, какъ пшеницу, т.-е. имѣть право поступать съ вами подобно тому, какъ онъ поступилъ нѣкогда съ Іовомъ. Но Я молился о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя—если не можетъ защитить тебя отъ паденія. Поэтому, когда возстанешь отъ паденія самъ, то утверди и братію твою (Лук. 22, ст. 31, 32). Предсказаніе Господа, какъ извѣстно, сбылось съ буквальною точностью.. Но что въ Петрѣ пламенѣла глубокая, искренняя любовь къ

своему Господу, при всѣхъ видимыхъ претыканіяхъ его, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Когда ученіе о таинствѣ тѣла Христова показалось многимъ изъ слушателей жестокимъ, труднымъ для пониманія, и многіе оставили Господа, Онъ спросилъ апостоловъ: «что же? и вы хотите оставить Меня? Петръ, отвѣчая отъ лица всѣхъ апостоловъ, сказалъ: «Господи! куда мы пойдѣмъ? Ты глаголы жизни вѣчной имѣешь въ себѣ». (Іоан. 6, 22—71). Онъ первый торжественно исповѣдалъ своего учителя Христомъ, Сыномъ Бога живаго. И онъ полное право имѣлъ говорить вопрошавшему его трижды Господу о любви: Господи, Ты все знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя». Своѣ отреченіе отъ Иисуса Христа онъ загладилъ горькими слезами раскаянія; свою любовь и всецѣлую преданность Господу онъ запечатлѣлъ мученическою смертію на крестѣ...

Въ нѣсколько иныхъ чертахъ рисуется предъ нами характеръ возлюбленнаго ученика Иисуса Христа—Іоанна Богослова. Въ своей ревности къ славѣ своего учителя онъ не уступалъ ап. Петру, такъ что за эту ревность Господь назвалъ его и брата Іакова *сынами грома*, когда они хотѣли низвести огонь на одинъ городъ Самарійскій, не принявшій Иисуса Христа. Но вообще—это была душа нѣжная, въ высшей степени симпатичная; его любовь не вспыхивала яркимъ пламенемъ, подобно Петровой, чтобы по временамъ ослабѣвать, но горѣла тихимъ, неугасимымъ свѣточемъ, таилась въ глубокихъ тайникахъ сердца и проявлялась тамъ, гдѣ особенно чувствовалась въ ней нужда. Онъ, вмѣстѣ съ другими избранными учениками, сопровождалъ Иисуса Христа на Фаворъ и созерцалъ славу Преображенія Господня; онъ сопутствовалъ Иисусу Христу на удивительный подвигъ молитвы въ Геесимапскомъ саду; онъ возлежалъ на персяхъ Господа—на тайной вечери; онъ провожалъ Иисуса Христа во дворъ первосвященника и видѣлъ неправедный судъ надъ Нимъ, хотя не могъ ничего сдѣлать въ пользу возлюбленнаго Учителя. Онъ присутствуетъ при крестѣ Спасителя и ему поручаетъ Господь на храненіе

Пречистую Матерь Свою... Больше любви и довѣрія къ ученику Своему со стороны Господа трудно представить... Онъ одинъ изъ евангелистовъ изображаетъ въ своемъ Евангеліи таинственное, предвѣчное рожденіе Іисуса Христа отъ Бога Отца и онъ же одинъ описалъ высокочинаменательную, исполненную глубочайшихъ тайвъ, прощальную бесѣду Спасителя съ учениками предъ Своими страданіями. Всѣ посланія его дышатъ самою теплою, искреннею любовію къ братьямъ о Христвѣ, но вмѣстѣ и горячею ревностію о славѣ Господа Іисуса Христа. Въ нихъ онъ рѣзкими, характеристическими чертами отдѣляетъ царство Христа отъ царства діавола, свѣтъ отъ тьмы, истину отъ лжи, жизнь отъ смерти, дѣтей Божіихъ отъ дѣтей діавола, и не хочетъ знать никакого примиренія между этими противоположностями. Евангелисту Іоанну, наконецъ, сообщено было таинственное Откровеніе о послѣднихъ судьбахъ міра и церкви...

Вотъ и другіе апостолы изъ святаго общества Іисуса Христа... Вотъ Филиппъ, неразлучный спутникъ Господа при всѣхъ Его странствованіяхъ по Палестинѣ, — по своему характеру наклонный болѣе къ видимому и вѣшнему. Его искушаетъ Господь, спрашивая, гдѣ намъ взять хлѣбовъ для такого множества народа (пяти тысячъ), хотя Самъ знаетъ, что хотѣлъ сдѣлать (Іоан. 6, 7). Въ бесѣдѣ предъ и Филиппа, по своей наклонности къ чувственному, проситъ прощальной бесѣды Іисуса Христа, проситъ Его Отца. Онъ повзвалъ имъ Отца Своего. И Господь разрываетъ сердце Филиппа, — объявивши ему кротко и вмѣстѣ величественно: «Сколько времени говорю вамъ, и ты не знаешь Меня, Филиппъ, видѣвшій Меня столько дѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: «Господи, покажи намъ Отца, и ты не вѣришь, что я въ Отцѣ?» Кто видѣлъ Отца, тотъ истинно знаетъ Меня. Ибо кто слышитъ Сына, говорящаго во Мнѣ, Онъ творитъ жизнь вечную» (Іоан. 14, 7-17).

Вотъ Матѳеи, оставившій все, чтобы послѣдовать за Нимъ и показавшій человеческое происхожденіе, проповѣдывавшій христіанство въ Антиохіи, гдѣ онъ и получилъ имя мученическую

смерть. Вотъ Симонъ Зилоть, проповѣдывавшій Евангеліе въ Месопотаміи и Персіи и пострадавшій также смертію мученика. Вотъ Іуда Іаковлевъ, написавшій соборное посланіе, проповѣдывавшій въ Аравіи, Сиріи и Месопотаміи и скончавшійся въ Эдессѣ. Вотъ Наананлъ, иначе Вареоломей, благовѣствовавшій въ Индіи и Арменіи, гдѣ и былъ распятъ внизъ головою. Вотъ Ѳома, отличавшійся откровенностью характера (Іоан. 11, ст. 16) и вмѣстѣ нѣкоторою взыскательностію разсудка. Онъ одинъ между апостолами долго и упорно сомнѣвался въ воскресеніи Іисуса Христа; но когда Господь показалъ ему прободенное ребро и язвы гвоздинныя, онъ съ сердечнымъ восторгомъ воскликнулъ: «Господь мой и Богъ мой!» По преданію, онъ проповѣдывалъ Евангеліе въ Персіи и Индіи. На Малабарскомъ берегу и теперь находится многочисленное общество, называемое христіанами Ѳомы и ведущее свое начало отъ ап. Ѳомы. Вотъ Іаковъ, младшій братъ Господень (Алфеевъ), первый епископъ іерусалимскій, столпъ церкви (Гал. 2, 9), заслужившій за свои высокія добродѣтели наименованіе праведнаго. Злобою іудеевъ, за твердое исповѣданіе имени Іисуса Христа, онъ былъ сверженъ съ вершины храма и побитъ камнями.

Мы перечислили весь свѣтлый ликъ избранныхъ апостоловъ, непосредственныхъ свидѣтелей жизни и чудесъ Іисуса Христа, Его смерти и славнаго воскресенія. Но нашъ очеркъ далеко не былъ бы полонъ, если бы мы не вспомнили при этомъ еще одного апостола, не принадлежащаго къ сонму двѣнадцати, но болѣе всѣхъ изъ нихъ по удившагося въ дѣлѣ распространенія царствія Божія по лицу вселенной. Понятно всякому изъ васъ, кого мы желаемъ выставить особенно на видъ... Да, это былъ св. Павелъ, особенный, избранный сосудъ благодати Божіей, величайшій учитель христіанскій и, вмѣстѣ съ Петромъ, первоверховный изъ апостоловъ. Это была душа истинно великая. Благодать, безъ сомнѣнія, преобразовала и усовершила въ немъ дары природы; но эти дары сами по себѣ были весьма велики. Нѣтъ ни одного качества, необходимаго для великихъ умовъ и характеровъ, котораго не усма-

тривалось бы въ Павлѣ. Св. Златоустъ равняетъ его по естественнымъ дарованіямъ съ греческимъ Платономъ. Сравненіе неопредѣленное; потому что тотъ и другой дѣйствовали при совершенно различныхъ обстоятельствахъ: одинъ въ свѣтѣ Духа Божія, другой при слабомъ свѣтильникѣ разума; но то несомнѣнно, что геній Павла, еслибы Промыслъ судилъ явиться ему подъ небомъ Греціи, не потерялся бы въ толпѣ послѣдователей Платоновыхъ и къ списку мудрецовъ греческихъ прибавилось бы еще одно великое имя.

Характеръ Павла есть характеръ вселенскаго учителя, характеръ посланника Божія къ роду человѣческому. «Когда, говоритъ Златоустъ, скажешь: апостоль, всѣ разумѣютъ Павла, точно также, какъ при имени Креститель всякому приходитъ на мысль Іоаннъ». У Павла все служить на пользу Евангелія, къ славѣ Божіей,—и довольство и нищета, и похвала, и поруганія, и свобода и узы, друзья и враги, жизнь и смерть. Предъ нимъ, какъ предъ Богомъ, котораго онъ посланникъ, нѣтъ ни іудея, ни еллина, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго: всѣ едино во Христѣ Исусѣ. Съ язычникомъ онъ язычникъ, бесѣдуетъ о естественной религіи; ссылается на ихъ поэтовъ, обвиняетъ лѣта ихъ невѣдѣнія объ истинномъ Богѣ; съ іудеями—іудеи, разсуждаетъ о знаменованіи обрядоваго закона, совершаетъ обѣты, наблюдаетъ различіе яствъ, предписанное закономъ; съ слабыми совѣстію—слабъ, умѣряетъ свободу христіанскую, воздерживается отъ идоложертвенныхъ, хотя совершенно увѣренъ, что идолъ есть ничто. Но во всѣхъ случаяхъ виденъ учитель истины, образецъ чистоты нравственной, сосудъ благодати. «Но погрѣшитъ тотъ, говоритъ Златоустъ, кто назоветъ душу Павлову моремъ и небомъ: небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Въ семь морѣ нѣтъ драгоцѣнныхъ зеренъ, но есть вещи, драгоцѣннѣшія всякаго перла. Кто пожелаетъ углубиться въ это море, тотъ найдетъ въ немъ всѣ сокровища, которыя сокрыты въ царствѣ небесномъ»¹⁾).

¹⁾ Бес. 55 на Дѣян. Апост.

Ни одинъ изъ апостоловъ не оставилъ намъ столько писаній, какъ ап. Павелъ. Духъ его посланій есть духъ живой вѣры во Иисуса Христа въ противоположность съ мертвою дѣятельностію подзаконной правды. Здѣсь видимъ, какъ падшій человѣкъ не способенъ самъ по себѣ и помыслить о чемъ либо добромъ, тѣмъ менѣе—исполнить съ точностію всѣ повелѣнія закона Божія; какъ Богъ Отецъ, по неизреченной любви Своей къ роду человѣческому, опредѣляетъ извлечь его изъ бездны золь, въ которую увлекло его паденіе протца; какъ Богъ Сынъ, въ тайнѣ предвѣчнаго совѣта, пріемлетъ на Себя великое дѣло искупленія, въ предопредѣленное время является на землѣ въ образъ человѣка, смертію Своею управляетъ царство грѣха и смерти, и потомъ, вознесшись на небо, посаждается одесную Отца, ожидая, доколѣ всѣ враги Его царства будутъ положены въ подножіе ногъ Его; какъ Духъ Святой, Своимъ благодатнымъ дѣйствіемъ, усваиваетъ вѣрующимъ заслуги Сына Божія, пишетъ новый законъ жизни на сердцахъ ихъ, изливаетъ въ нихъ любовь Божию, ходатайствуетъ за нихъ предъ Богомъ и содѣлываетъ ихъ новою тварію, созданною во Христѣ на дѣла благая. Павелъ часто вводитъ читателей въ мракъ ветхозавѣтныхъ прообразованій, но эти прообразованія теряютъ у него свою мрачность и являются свѣтлыми и живыми образами, въ которыхъ всякій безъ труда находитъ для себя назиданіе и утѣшеніе. Какъ учитель вѣры, онъ большею частію учитъ, обличаетъ и исправляетъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ утѣшенію вѣрующихъ, повѣствуетъ, какъ дѣеписатель и предсказываетъ будущее, какъ пророкъ. Ему принадлежатъ предсказанія объ умноженіи въ послѣднія времена лжеучителей и обращеніи народа іудейскаго къ Иисусу Христу предъ Его вторымъ прішествіемъ, о явленіи антихриста, о безумной его гордости, ложныхъ чудесахъ и ужасной казни. По высотѣ духовнаго созерцанія, Павелъ можетъ столько же справедливо, какъ и Іоаннъ, называться орломъ богословія.

И такъ, первые проповѣдники евангельскаго ученія не были люди знатные и богатые, но, большею частію, простые рыбари, взятые вообще изъ самаго низшаго класса общества; самъ великій учитель языковъ, ап. Павелъ, стоявшій выше другихъ по своему образованію, былъ простой дѣлатель палатокъ, добывалъ пропитаніе трудами рукъ своихъ. «Посмотрите, братіе, кто вы призванные, говорилъ онъ, не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, и незнатное міра и униженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее.» Не говоря уже о безпримѣрномъ въ исторіи, недосягаемомъ величіи самаго божественнаго Основателя христіанства, въ личномъ характерѣ и образѣ дѣятельности первыхъ распространителей его представляются черты самыхъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей и, вмѣстѣ, — лежитъ неизгладимый отпечатокъ божественнаго происхожденія христіанства. Въ этомъ отношеніи оно не боится никакихъ упрековъ, никакихъ возраженій. Обо всѣхъ изъ апостоловъ можно сказать, что сказалъ о себѣ ап. Павелъ: они подвигомъ добрымъ подвизались, теченіе скончали, вѣру соблюли; всѣ они запечатлѣли свои убѣжденія мученическою смертію, пронесши Евангеліе царствія Божія отъ Іудей и Самаріи и даже до послѣднихъ земли (Дѣян. 1, 18). Припоминаются намъ при этомъ слова одного изъ антагонистовъ христіанства, корифея и оракула прошлаго вѣка (Вольтера), предрекавшаго паденіе христіанства черезъ пятьдесятъ лѣтъ. «Двѣнадцать апостоловъ, писалъ онъ, нужно было для того, чтобы основать христіанство, и одного философа достаточно, чтобы уничтожить его.» Что увидѣлъ бы онъ теперь, еслибы раскрылъ глаза свои? Христіанство такъ же юно, какъ въ первый день своего бытія и въ своей безсмертной надеждѣ всегда готово начать снова жизнь. Не смотря на тьму, его облежавшую отовсюду; не смотря на полчища своихъ враговъ, являвшихся и являющихся подъ различными видами,

оно стоит непоколебимо, сия въ ореолъ своего божественнаго величія; свѣтъ его свѣтитя лучезарно въ ряду осмнадцати вѣковъ, просвѣщая и оживотворяя жизнь человѣческихъ обществъ во всѣхъ ея проявленіяхъ,—и никакая тьма не можетъ объять его... Все, что есть величайшаго, возвышеннѣйшаго и благороднѣйшаго въ человѣчествѣ, возрасло на почвѣ христіанства, стоитъ подъ знаменемъ креста Христова. Всѣ образованнѣйшія и могущественнѣйшія націи міра—христіанскія. Когда одинъ изъ негріянскихъ правителей желалъ узнать тайну величія Англіи, королева Викторія не показала ему своихъ гордыхъ кораблей, своей богатой казны, своихъ храбрыхъ воиновъ, своихъ нагруженныхъ пристаней. Она прислала ему Библию съ словами: «Слово Божіе составляетъ тайну величія Англіи.» Въ этомъ безконечно благотворномъ вліяніи христіанства на жизнь и судьбу обществъ человѣческихъ признаются самые возвышенные изъ умовъ человѣчества, даже самые враги креста Христова, хотя и не всегда. Даже одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ противниковъ христіанства (Штраусъ) сознается, что «изъ всѣхъ дѣлъ Божіихъ нѣтъ другаго, которое бы въ высшей степени, въ большемъ объемѣ и на болѣе долгое время осчастливило родъ человѣчскій болѣе продолжительными и возвышенными дарами, чѣмъ христіанство, и что его Основатель не только далеко превышаетъ всѣхъ тѣхъ, которые создавали что-либо великое въ какомъ-либо отношеніи, но и въ религіозной области Онъ остается одинъ и недосягаемъ»¹⁾.

Обращаемъ въ заключеніе свое слово къ вамъ—юные питомцы духовнаго образованія. Вы самымъ рожденіемъ и воспитаніемъ приготовляетесь на дѣло апостольскаго служенія; весь строй вашей жизни, вся внѣшняя обстановка направлена къ тому, чтобы приготовить изъ васъ достойныхъ дѣлателей на нивѣ царствія Божія, проповѣдниковъ людямъ евангельской

¹⁾ Истина и величіе христіанства. Ците, стр. 21. Франкф. на Майнѣ. 1869 года.

истины. Это своего рода—*призваніе*, хотя и не такое сильное и ощутительное, каковымъ былъ божественный голосъ, призывавшій апостоловъ. Обратитесь къ самимъ себѣ, во внутренній міръ своей совѣсти: чувствуете-ли вы въ себѣ внутреннее расположеніе къ исполненію своего высокаго назначенія? Способны-ли и готовы-ли вы также всецѣло и беззавѣтно посвятить себя на служеніе Евангельской проповѣди, на служеніе церкви Христовой? Сознаете-ли вы всю важность предлагающаго вамъ служенія? — Благо вамъ, если естественныя расположенія сердца вашего находятся въ гармоніи съ вѣдшимъ направленіемъ вашего воспитанія; потому что, къ сожалѣнію, въ средѣ вашей являются и такіе, о которыхъ сказано, что они *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*, которые только вѣдшимъ образомъ соприкасаются съ духовной наукой, а внутреннія симпатіи ихъ сердца лежатъ далеко за ея предѣлами, или которые, если вступаютъ на служеніе церкви, то по побужденіямъ не всегда чистымъ и искреннимъ. Мы далеки отъ мыслей предполагать въ комъ-либо изъ васъ подобное настроеніе; но опыты жизни и печальные примѣры побуждаютъ насъ высказать это предъ вами и вмѣстѣ преподать вамъ нѣкоторые добрые совѣты относительно будущаго вашего служенія. Нѣкоторые изъ васъ уже закончили поврище своего образованія и вступаютъ на широкій и скользкій путь жизни. Предстоящее служеніе не обѣщаетъ вамъ ни знатности, ни блестящаго положенія въ свѣтѣ; но и въ этой скромной долѣ, какова доля приходскаго священника или народнаго учителя можно найти высокіе нравственные интересы; нужно только понять надлежащимъ образомъ свое званіе, отдаться ему всѣми силами души своей—и какъ много можно заронить добра въ сердца человѣческія, разлить свѣта на окружающую среду, какъ много душъ ослабѣвающихъ или заблудшихъ можно направить на путь истины и добродѣтели! Все это могутъ быть невидимые, незримые для міра подвиги, но тѣмъ не менѣе они могутъ доставить истинное наслажденіе душъ любящей и вѣрующей и тѣмъ цѣннѣе они предъ очами правды Божіей.

Служеніе и подвиги апостоловъ, покровителей вашихъ—предъ глазами вашими. Читайте чаще, вникайте внимательнѣе въ духъ ихъ писаній (а какъ жаль, что у насъ вообще мало читаютъ ихъ!); здѣсь вы найдете для себя все—и подкрѣпленіе своей вѣры, и утѣшеніе въ скорбяхъ и искушеніяхъ жизни и прекрасные, высокіе примѣры разнообразныхъ пастырскихъ отношеній къ своимъ пасомымъ. Не забывайте и той науки, которой посвятили вы столько лѣтъ, свои молодые силы, въ стѣнахъ этого заведенія; вѣра и наука, по словамъ одного великаго ученаго, суть двѣ родныя дочери одного и того же божественнаго разума. И какъ много безконечныхъ утѣшеній доставляетъ намъ вѣра на тернистомъ пути жизни, такъ точно много высокихъ наслажденій можно находить и въ царствѣ мысли и знанія. Возгрѣвайте въ себѣ этотъ даръ Божій; старайтесь не позабыть уроковъ и наставленій, преподанныхъ вамъ здѣсь; — сохранить ту настроенность мысли и нравственныхъ силъ, которую вы приобрѣли здѣсь, подъ руководствомъ вашихъ воспитателей и наставниковъ. Все остальное—устроить благое Провидѣніе. Аминь.

П. Калининковъ.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ
АВГУСТА 12-го ЧИСЛА 1875 г.

Освятите это, пятьдесятое это.
(Лев. 25, 10.)

Этими словами Господь Богъ повелѣваетъ народу Израильскому праздновать юбилей каждый пятьдесятый годъ, считая отъ вступленія въ землю обѣтованную. Нынѣ не пятьдесятъ, а дважды пятьдесятъ лѣтъ исполнилось существованію Екатерининской больницы съ того времени, какъ Императрица Екатерина II-я повелѣла устроить ее на первоначальномъ ея мѣстѣ. Слѣдственно, вдвойнѣ преспѣло время *освятити ея это сугубо пятьдесятое*. И вотъ мы, подобно Израилю, посѣшили стать предъ Господомъ, чтобы общею молитвою, съ принесеніемъ Божественной безкровной жертвы, положить начало сему празднованію. Но при этомъ не будетъ излишне, если мы введемъ въ молитву размышленіе, которое бы ее возбудило и направило,—размышленіе о празднованіи юбилея, согласно волѣ Божественнаго законодателя.

Юбилейный годъ у Израильтянъ ознаменовывался кромѣ всенароднаго чтенія закона въ назначеный для того день, слѣдственно кромѣ дѣла молитвеннаго, такими еще особенностями въ бытѣ житейскомъ: прекращеніемъ земледѣлія и отложеніемъ права собственности на самородные плоды, оставленіемъ долговъ и отпушеніемъ рабовъ..

Наше поле, на которомъ мы трудимся и на которомъ сложились столѣтніе труды предшественниковъ, состоитъ не изъ участковъ земли, а изъ палатъ больныхъ, поступающихъ на излеченіе; и трудъ нашъ не земледѣльческая работа, требующая почти только силъ тѣлесныхъ, но практическое примѣненіе врачебной науки къ разнороднымъ болѣзнямъ, требующее преимущественно напряженія силъ умственныхъ. Эта работа происходитъ на такомъ полѣ, гдѣ воздухъ и тяжелъ для дыханія и неблагопріятенъ для здоровья: поэтому на немъ приходится переносить болѣе *тяготы дне и варъ* (Мѡ. XX, 17), нежели на полѣ земледѣльческомъ, которое имѣетъ лучшія условія для здоровья. Особенно тяжело бываетъ для духа и тѣла, когда наступаютъ болѣзни губительныя и заразительныя, которыя покрываютъ все поле своими жертвами и не щадятъ врачей и прочихъ служащихъ больнымъ. Вообще сколько дѣлателямъ этого поля во всякое время приходится выносить тяжелыхъ впечатлѣній, взираая на страданія больныхъ, слыша ихъ глубокіе вздохи, тяжелые стоны, плачевные вопли и нерѣдко пронзительные крики отъ жестокой боли или отъ отчаянія въ выздоровленіи! Сколько имъ приходится испытать непріятныхъ ощущеній, обмывая кровавыя и гнилыя раны, снимая жесткіе струпы, отсѣкая мертвѣющіе члены! И сколько при этомъ нужно твердости духа и силы воли, чтобы быть спокойнымъ исполнителемъ своего долга! Какъ все это вредно вліяетъ на здоровье тѣлесное и сокрушаетъ самыя крѣпкія силы! Вотъ каковъ трудъ на полѣ больничномъ! И такой то трудъ въ теченіе цѣлаго столѣтія не останавливался подобно земледѣльческому, который прекращается на цѣлый періодъ времени, но постоянно шелъ путемъ усовершенствованія, обогащая врачебную науку новыми опытами и открытіями. Отъ того учрежденіе сіе изъ первоначальнаго своего «скромнаго пріюта для нищихъ и калѣкъ» (Медиц. вѣд. № 33, 1874 г.) превратилось въ правильно организованную больницу, которая пріобрѣла большую извѣстность, и наконецъ по Высочайшему благоволенію Монарха теперь полу-

чила наименованіе Императорской Екатерининской больницы. Все это доказываетъ то, что врачебные труды здѣсь шли не только постоянно, но исполнялись прилежно и внимательно, съ значительною пользою для больныхъ. Иначе палаты больницы или опустѣли бы, или заросли бы болѣзнями нескороными, какъ поля заростають терніемъ отъ безпечности владѣльцевъ, и обратились бы въ палаты неизлечимыхъ.

Теперь какимъ же образомъ можно приложить синайскій законъ о прекращеніи земледѣлія во время юбилея къ нашему полю—къ палатамъ больныхъ, которые не терпятъ отлагательства врачебнаго труда?

Въ Господней заповѣди о прекращеніи земледѣлія въ юбилейный годъ лежитъ особенная мысль. Поля у изральтянъ въ годъ юбилея посвящались Господу Богу, приносились ему въ даръ какъ царю вселенной, и въ знакъ благодарности какъ величайшему благодѣтелю, и вотъ почему рука землевладѣльцевъ не касалась ихъ, какъ уже принадлежащихъ Богу. Эта особенная мысль юбилейной заповѣди, конечно, можетъ и должна быть проведена на рубежъ столѣтія больницы, не только безъ ущерба, но съ великою пользою для ея жизни.

Обозрѣвая нынѣ обширное поле столѣтнихъ трудовъ врачебныхъ, не должны ли и мы, подобно Израилю, посвятить его Господу Богу, какъ Верховному Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ?—Не должны ли огнести весь успѣхъ вѣковой къ Тому, кто *подаетъ премудрость и отъ лица котораго познаніе и разумъ?* (Прит. II 6.) Не должны ли въ чувствахъ искренней благодарности восклицать ему словами Давида: *не намъ, Господи, не намъ, а имени Твоему даждь славу о истинѣ твоей и милости твоей?* (Псал. 113, 4.) Ибо всѣ милости, какія получались въ теченіе вѣка при одрѣ больныхъ, въ ослабленіи ли болѣзни, въ совершенномъ ли ея излѣченіи, или въ сохраненіи собственнаго здоровья и жизни служившихъ болѣпнымъ получались отъ единого начальника и подателя жизни Бога;—всѣ истины, которыя открывались во вѣковомъ поприщѣ въ области врачебной науки, открывались при озаре-

ни Того, кто есть *свѣтъ истинный путь, истина и жизнь*. (Иоан. I, 4, XIV, 16.) Самое существованіе больницы могло ли продолжаться столько лѣтъ безъ охраненія Всевышняго? Кто спасъ ее отъ всеобщаго истребленія огня непріятельскаго въ 1812-мъ году, какъ не Тотъ, *которому повинуются и огонь, и градъ, и снѣгъ, и духъ буренъ?* (Псал. 148, 8.) Вообще, въ теченіе цѣлаго столѣтія сколько произошло на свѣтѣ разныхъ перемѣнъ, потрясеній, разрушеній и уничтоженій; но всѣ случавшіяся перемѣны въ больницѣ служили только къ ея улучшенію и возвышенію! Не есть ли все это знакъ Всевышняго благоволенія, подъ освѣщеніемъ котораго она благоденствуетъ? *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудитася зиждущій; аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣтъ стрѣій.*) (Пс. 126, 1.)

Относя внутреннее и внѣшнее благосостояніе больницы ко Всеблагому промыслу Божію, мы не умалимъ уваженія и достоюлжнкой благодарности къ Великой основательницѣ ея, Императрицѣ Екатеринѣ II-й, и ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые послужили къ ея пресвѣянію или своимъ трудомъ или матеріальными средствами. Но мы скажемъ, что и они въ этомъ случаѣ были избранными орудіями милостей Всевышняго къ несчастной судьбѣ меньшей братіи. Великая основательница больницы достойна нашего уваженія и незабвенной памяти не только какъ царица, какъ ближайшій органъ Божественнаго управленія государствомъ, но и какъ нѣжная мать, полная любви къ великому своему семейству государству. На материнскихъ чувствахъ она основывала свои царскія думы, намѣренія и дѣла для счастья своего народа; отъ того они были чисты и благотворны. Что побудило ее основать больницу съ богадѣльнею? Думала ли она увѣковѣчить тѣмъ свою славу? Нѣтъ; «намѣреніе наше, пишетъ она въ Указѣ,—стоитъ въ томъ, чтобы сею благодѣйствующею милостію воспользовались бѣдные, безгласные.» Вотъ ея единственное желаніе—отереть слезы несчастныхъ и дать имъ постоянный пріютъ съ необходимыми средствами къ жизни. И она, дѣй-

ствительно, материнскимъ взоромъ обняла всѣ потребности своего учрежденія, не только относительно леченія, спокойствія и пищи для болящихъ, но и обратила свое милостивое вниманіе на труды служащихъ въ немъ, опредѣливъ имъ щедрое, по тому времени, вознагражденіе. *Достоинъ бо дѣлатель мзды своей.* Да воздастъ Господь Богъ ей и всѣмъ благимъ дѣлателямъ больницы достойную награду въ своемъ вѣчномъ царствіи! Да пребудутъ имена ихъ неизгладимыми не только на стѣнахъ больницы, ¹⁾ но и на скрижаляхъ нашего сердца!

Какъ Екатерина II-я ознаменовала сей день благотворными учрежденіями больницы, богадѣльни и двухъ рабочихъ домовъ для спасенія погибающихъ отъ развратной праздности, такъ и царствующій нынѣ Императоръ благоволилъ ознаменовать сей же день открытіемъ Екатерининскаго благотворительнаго общества, съ цѣлію помогать бѣднымъ больнымъ и ихъ семействамъ. Тѣмъ знаменательнѣе дѣло этого благотворенія къ празднику нашего юбилея, что оно отражаетъ на себѣ другую священную черту ветхозавѣтнаго юбилея, выражающую святую мысль благотворенія ближнему, ибо такова другая мысль божественной заповѣди, по которой въ годъ юбилея рабамъ возвращалась свобода, а должникамъ наследственное ихъ имѣніе, котораго они лишались. Да благословитъ Господь Богъ сіе благотворительное общество обильнымъ числомъ его членовъ! *Всякая его жертва благотворенія, яко кадило благовоонное и всесожженіе тучное благоприятно ему да будетъ!* Благочестивѣйшаго же Императора нашего Александра Николаевича *долготою дней, оз непоколебимомъ здравіи Господь да исполнитъ,* къ продолженію и распространенію благотворныхъ и полезныхъ учрежденій въ его царствѣ, *оз славу имени своего святого.* Аминь.

Свещ. Д. Тихомировъ.

¹⁾ Имена благотворителей написаны на стѣнѣ, при входѣ въ палаты.

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ КРАЙНОСТЯМИ УЧЕНІЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ.

НА ПАМЯТЬ ВОСПИТАННИКАМЪ XII ВЫПУСКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВОЕННОГО
УЧИЛИЩА.

Я хочу поговорить съ вами о томъ, о чемъ много говорятъ въ настоящее время и о чемъ всегда стоитъ говорить, — о любви къ человечеству, о любви къ ближнимъ, преимущественно къ такъ называемымъ меньшимъ братьямъ нашимъ — о состраданіи и помощи бѣднымъ, слабымъ, беззащитнымъ, унижаемымъ, оскорбляемымъ, страждущимъ духовно и тѣлесно. Я не буду выдавать вамъ своего слова объ этомъ предметѣ за какое-нибудь новое особенное слово, какъ многіе это дѣлаютъ въ настоящее время. Я желалъ бы только представить вамъ нѣкоторое разъясненіе той великой идеи любви, которая всегда была присуща человечеству, и которая съ особенною полнотою, глубиною и жизненностью раскрывается въ христіанствѣ.

I.

Приступая къ раскрытію этой идеи, я прежде всего долженъ сказать вамъ именно о томъ, что напрасно многіе выдаютъ эту идею за какую-то новую особенную открытую или сознанныю лишь въ недавнее время (въ концѣ прошлаго и особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи), да и доселѣ остающуюся только достояніемъ избраннаго кружка передовыхъ личностей.

Идея любви къ человечеству стара, какъ старо само человечество. Чувство любви другъ къ другу глубоко лежитъ въ самой человеческой природѣ. Оно прежде всего имѣетъ свое основаніе въ одинаковости природы, въ единствѣ происхожденія всѣхъ людей по ученію религіи. Затѣмъ это чувство поддерживается одинаковостью нравственныхъ стремленій и взаимностью всѣхъ существенныхъ жизненныхъ интересовъ для всего человечества. Безъ любви другъ къ другу, безъ взаимной помощи не могло бы существовать никакое человеческое обществѣ, не могло бы имѣть мѣста никакое человеческое развитіе. Поэтому идея взаимной любви всегда болѣе или менѣе была въ уваженіи у людей; любовь къ ближнему, въ частности любовь къ тѣмъ, которые особенно нуждаются въ любви — состраданіе къ слабымъ, беззащитнымъ, нуждающимся, страдающимъ у всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ была признаваема великою добродѣтелью. Но въ древнемъ мірѣ до христіанства эта идея не могла раскрыться во всей полнотѣ. Множество враждебныхъ ей грубыхъ эгоистическихъ инстинктовъ и стремленій, множество фальшивыхъ религіозно-нравственныхъ понятій, развившихся въ падшемъ нравственно человечествѣ были причиною того, что великая идея взаимной любви стала затмѣваться въ самомъ сознаніи человечества. Потому-то у самыхъ высокихъ мудрецовъ древняго міра при изчисленіи человеческихъ добродѣтелей нерѣдко забывалось имя любви; назывались только имена мудрости, справедливости, мужества, воздержанія. Въ самомъ избранномъ народѣ Божіемъ, въ наибольшей чистотѣ сохранившемъ высшія религіозно-нравственныя понятія, идея любви получила такой узкій смыслъ, что самый законъ сталъ выражать эту идею въ такой ограниченной формулѣ: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Левитъ XIX, 17 — 18), а подъ ближними стали исключительно разумѣться лишь люди одного племени и одной религіи. А въ мірѣ языческомъ взаимныя столкновенія и притѣсненія, ненависть и вражда развились до того, что по древнему же выраженію люди для людей звѣрами подѣлались, и

это до такой степени сказалось упадкомъ всѣхъ личныхъ, семейныхъ, общественныхъ, національныхъ и международныхъ отношеній, что при такомъ порядкѣ вещей безъ великаго нравственно-религіознаго переворота становилось невозможнымъ дальнѣйшее развитіе, можетъ быть не могло бы на долго продолжаться самое существованіе человѣчества.

Въ христіанствѣ великая идея любви не только вновь возстановлена во всей чистотѣ, но и раскрылась съ такою полнотою и жизненностью, что заповѣдь о любви по истинѣ явилась въ христіанствѣ какъ бы новою заповѣдью, и любовь другъ къ другу сдѣлалась отличительнымъ свойствомъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ (Іоан. XIII, 34 — 35). Любовь объявлена въ христіанствѣ не только великою добродѣтелью, но коренною добродѣтелью, совмѣщеніемъ всѣхъ добродѣтелей, исполненіемъ закона и пророковъ, основаніемъ и завершеніемъ нравственной жизни. Въ любви указанъ христіанствомъ не только источникъ нравственной жизни, но и источникъ высшаго познанія—Богопознанія: только любящій можетъ познать Бога, который Самъ есть любовь, и всѣ его отношенія къ людямъ проистекаютъ изъ любви; и пребываніе въ любви есть поэтому не только познаніе Бога, но внутренняя жизнь — пребываніе въ Богѣ; а отсутствіе любви есть отсутствіе самой жизни—пребываніе въ смерти (1 Іоан. 18 гл.). Безъ любви въ христіанствѣ не имѣютъ значенія никакіе самые высокіе дары духовные, никакія величайшія нравственныя доблести. «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звѣнящая или кимвалъ звучащій. Если я имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчество прекратится, и языки умолкнутъ и знаніе упразднится (1 Кор. XIII, 1—3, 8). Широта и полнота любви въ христіанскомъ ученіи указана

такая, что ей ни въ степени силы, съ какою она должна обнаруживаться, ни въ числѣ и разнообразіи лицъ, на которыя она должна простираться, не должно быть никакихъ ограниченій и предѣловъ. По степени силы любовь должна простираться до полнѣйшаго самоотверженія — до готовности не только оказать всякую услугу, все свое отдать ближнему, и все претерпѣть отъ него (Лук. VI, 27), но и до готовности душу свою положить *за други своя* (Іоан. XV, 12—13). А друзьями и ближними по христіанству ученію должны быть всѣ люди, безъ различія національностей, религій, общественныхъ состояній, степеней образованія, преимуществъ одного пола и возраста предъ другимъ и т. д. Въ христіанствѣ *нѣтъ еллиновъ и іудеевъ, обрѣзаныхъ и необрѣзаныхъ, варваровъ и скивоовъ, рабовъ и свободныхъ*, (Колос. III, 11) *но все и во всемъ Христось*. Всѣ дѣти одного небеснаго Отца, всѣ братья по природѣ и по признанію въ царство или братство Христово, за всѣхъ принесена великая искупительная жертва, за всѣхъ пролита безцѣнная кровь Богочеловѣка. Тѣмъ мѣше въ христіанствѣ могутъ быть ограниченіемъ любви какія-либо личныя отношенія близости или отдаленности, расположенія или нерасположенія. «Если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники? Вы слышали, древнимъ было сказано; люби ближняго твоего и не навидь врага твоего. А я вамъ говорю: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ. Да будете сынами Отца вашего небеснаго, который повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, — да будете совершенными, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Матѣ. X, 43 — 48).

И какъ вообще заповѣдь о любви къ ближнимъ, такъ въ особенности заповѣдь о любви къ меньшимъ братіямъ — къ страждущему, бѣдному, больному челоуѣчеству сдѣлалась

основнымъ и отличительнымъ началомъ христіанской религіи. Что такое самая идея искупленія — основная христіанская идея, какъ не идея безконечной любви высочайшаго и всеблаженнѣйшаго Божественнаго Существа къ бѣдному, слабому, больному, грѣшному, страждущему и погибающему чело-вѣчеству? Какъ выразилась эта идея въ видимой земной жизни Того, кто явился на землѣ самою воплощенною Божественною любовью,—въ жизни Богочеловѣка Иисуса Христа? Чѣмъ была Его земная жизнь, какъ не постояннымъ служеніемъ страждущему чело-вѣчеству—исцѣленіемъ больныхъ, утѣшеніемъ печальныхъ, возвышеніемъ униженныхъ и т. д.? Какъ самъ Онъ словами древняго пророка опредѣлялъ цѣль Своего божественнаго служенія на землѣ?... «Духъ Господень помазалъ Меня благо-говѣствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу» (Лук. IV, 18). Къ кому по преимуществу обращалъ Иисусъ Христосъ Свою божественную проповѣдь, кого утѣшалъ общаніемъ великой награды на небесахъ. «Блаженны нищіе духомъ... Блажены плачущіе... Блажены алчущіе и жаждущіе правды... Блажены гонимые за правду.» Какую добродѣтель по преимуществу старался внушить Иисусъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ? За какіе подвиги обѣщалъ великую награду на небесахъ въ день славнаго Своего пришествія и всеобщаго суда? «Пріидите благословенные Отца Моего, наследуйте царство уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, а вы дали мнѣ ѣсть, жаждалъ и вы напоили Меня; былъ странникомъ и вы пріютили Меня; былъ нагъ и вы одѣли Меня; былъ боленъ и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ... Истинно говорю вамъ, если вы сдѣлали это одному изъ братьевъ моихъ меньшихъ (т. е. кому-либо изъ нуждающихся, страждущихъ людей), то сдѣлали Мнѣ» (Матѣ. XXV, 34—40).

Какія послѣдствія дала эта проповѣдь на практикѣ—въ исторической жизни чело-вѣчества?... Міръ, уже начинавшій разлагаться и умирать въ дѣйствіяхъ закоренѣлаго своекорыстія,

раздѣленія и вражды, сталъ воскресать къ новой жизни подъ вліяніемъ благодатнаго духа любви все объединяющей и устрояющей. До христіанства въ міръ господствовало крайнее раздѣленіе національное и религіозное. Каждый народъ смотрѣлъ на другіе народы, какъ на своихъ естественныхъ враговъ по плоти и крови, какъ на породу существъ имѣющихъ совершенно другую природу. Отсюда множество враждебныхъ и самыхъ жестокихъ столкновеній между народами; каждый народъ старался поработить себѣ или и совсѣмъ истребить другіе народы. Историческая жизнь человѣчества какъ будто представлялась непрерывнымъ истребленіемъ племенъ слабѣйшихъ сильнѣйшими. Передъ самымъ появленіемъ христіанства почти всѣ извѣстные народы сдѣлались жертвою алчности одного воинственнаго народа, который въ свою очередь и самъ видимо начиналъ разлагаться во множествѣ поработенныхъ имъ подъ свою власть враждебныхъ племенъ и народовъ. Съ поработеніемъ и истребленіемъ каждаго отдѣльнаго племени большею частію пропадали для человѣчества и всѣ плоды цивилизаціи, выработанныя имъ на поприщѣ историческаго развитія. Раздѣленіе и вражда между народами въ древнемъ мірѣ поддерживались самою идею религіозною; изъ взаимныхъ отношеній людей раздѣленіе и вражда переносилась въ царство самихъ боговъ, которые также на своихъ небесахъ враждовали между собою, какъ бы освящая тѣмъ подобныя же враждебныя отношенія существующія на землѣ. Христіанство своимъ ученіемъ о единомъ Богѣ—Отцѣ всѣхъ людей, о всеобщемъ братствѣ людей по плоти и духу, о призваніи всѣхъ народовъ къ великимъ нравственнымъ цѣлямъ положило начало другому порядку исторической жизни, при которомъ каждый народъ долженъ осуществлять свою нравственную задачу, не стѣсняя и не устраниая съ историческаго пути другихъ народовъ, также имѣющихъ свои особенныя призванія и задачи, но стараясь заимствовать отъ другихъ народовъ все, что выработано ими лучшаго въ ихъ самостоятельномъ развитіи, и самъ передавая другимъ народамъ лучшіе плоды своего

національнаго развитія... Затѣмъ въ каждомъ народѣ въ отдѣльности господствовали ненависть и вражда между различными классами общества, проиходящая главнымъ образомъ отъ того, что однимъ изъ членовъ общества предоставлялись всѣ преимущества и выгоды полноправныхъ гражданъ, а за другими не признавалось никакихъ человѣческихъ правъ. Первые смотрѣли на послѣднихъ, какъ на бездушную вещь, находящуюся въ полномъ распоряженіи своего владѣтеля, обращались съ ними, какъ съ животными и звѣрями. И зато сами эти послѣдніе относились къ своимъ властителямъ, какъ звѣри покорные имъ до тѣхъ поръ, пока крѣпка была цѣпь на ихъ шеѣ и плеть въ рукахъ господина, и готовые при первомъ удобномъ случаѣ по звѣрски мстить своимъ притѣснителямъ за всѣ притѣсненія и униженія переселенныя ими. И такихъ безправныхъ, униженныхъ и озлобленныхъ личностей въ громадной имперіи, среди которой въ первые вѣка должно было распространяться христіанство, было, полагаютъ, свыше полусотни милліоновъ—болѣе половины всего населенія имперіи. Христіанство своимъ ученіемъ о любви, о всеобщемъ братствѣ людей по природѣ и благодати, и одинаковой для всѣхъ ответственности передъ Богомъ произвело нравственный переворотъ и въ порядкѣ общественномъ, постепенно измѣняя враждебныя отношенія различныхъ общественныхъ классовъ на мирныя, сблизая низшіе классы общества съ высшими, смягчая отношенія между подданными и властителями, во всѣхъ возстановляя единую нравственную личность и одинаковыя человѣческія права, и чрезъ то производя постепенное улучшеніе въ судьбѣ униженныхъ и порабощенныхъ классовъ общества, и затѣмъ пролагая путь и къ совершенному ихъ освобожденію и полноправному гражданскому устройству. Въ кругу семьи въ древнемъ мірѣ также не могло быть правильныхъ отношеній; потому что и здѣсь вмѣсто любви взаимныя отношенія членовъ опредѣлялись принужденіемъ и страхомъ. Полной свободой въ семьѣ и всеми правами въ ней пользовался одинъ властелинъ семьи; ближайшая его подруга, мать

семьи почти не имѣла въ ней никакого нравственнаго значенія, и потому не могла имѣть никакого вліянія; остальные члены семьи совершенно зависѣли отъ произвола и иногда отъ каприза властелина, которому не положено было никакихъ границъ ни въ законѣ общественномъ, ни въ законѣ религіозномъ. Христіанство своимъ высокимъ ученіемъ о святости семейнаго союза, который долженъ быть ближайшимъ образомъ царства Божія на землѣ и первымъ питомникомъ чадъ Божіихъ, и который поэтому долженъ утверждаться не на другомъ какомъ-либо началѣ, какъ на началѣ любви, преобразовало семью, утвердивъ ее вмѣсто принужденія и страха на началѣ взаимной любви и преданности, возвысивъ нравственное значеніе и вліяніе матери семьи, и давъ мѣсто свободному развитію всѣхъ другихъ ея членовъ. Затѣмъ въ древнемъ государствѣ, обществѣ и семьѣ было много людей, почти совершенно оставляемыхъ безъ всякаго вниманія и государствомъ и обществомъ и семьей, равныхъ несчастливцевъ сдѣлавшихся такими отъ природы, отъ собственной вины или отъ стеченія неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, людей голодныхъ, жаждущихъ, нагихъ, безпріютныхъ, больныхъ, страдающихъ въ заключеніи и ссылкѣ иногда вопреки всякой справедливости и большею частию безъ всякаго снисхожденія и милосердія. На этихъ людей почти не обращали никакого вниманія, до нихъ не было никакого дѣла сытымъ, здоровымъ и болѣе счастливымъ членамъ общества. На нихъ, по собственной ли винѣ они страдали или по причинамъ отъ нихъ независящимъ, смотрѣли какъ на людей прогнѣвавшихъ Бога, и потому справедливо наказываемыхъ Богомъ. Ихъ поэтому чуждались, вмѣсто того, чтобы помогать имъ, ихъ ненавидѣли, презирали, объявляли отверженцами общества, иногда и прямо изгоняли изъ общества, иногда даже и лишали жизни, какъ бесполезныхъ и тяжелыхъ для общества членовъ. Христіанство явилось предъ человѣчествомъ съ особеннымъ ходатайствомъ за этихъ людей. Оно сняло съ нихъ клеймо исключительнаго проклятія и отверженія, вну-

шивъ всѣмъ людямъ, что безъ особенной милости Божіей и каждый человекъ и все вообще человечество подлежали бы гнѣву Божію, проклятію и отверженію; и потому тѣ, которые пользуются въ жизни большею сравнительно съ другими милостью Божіею, сами должны быть милостивы къ другимъ. Въ людяхъ бѣдныхъ, несчастныхъ, презираемыхъ и отвергаемыхъ христіанство научило видѣть такихъ же чадъ Божіихъ— братьевъ Христовыхъ, вмѣстѣ съ другими людьми призываемыхъ въ Божіе царство и Христово наслѣдіе. Имъ, слѣдуя слову самаго Христа, оно даже по преимуществу усвоило названіе меньшихъ братьевъ Христовыхъ, внушая всѣмъ другимъ людямъ, что все дѣлаемое для этихъ несчастныхъ дѣлается какъ бы для самаго Христа и принимается самимъ Христомъ, и получить себѣ воздаяніе отъ самого Христа. И вотъ такимъ образомъ стали воздвигаться въ мірѣ во имя Христова сиропитательницы для голодныхъ и жаждущихъ, страннопріимницы для безпріютныхъ, больницы для больныхъ, богадѣльни для вдовъ и сиротъ и т. д. Свѣтъ и теплота любви христіанской стали проникать въ самые дома заключенія преступниковъ и на мѣста ихъ наказанія и ссылки. И на этихъ несчастныхъ людей христіанство научало своихъ послѣдователей смотрѣть главнымъ образомъ именно какъ на несчастныхъ, остерегаясь безъ разбора провозносить строгій судъ надъ ними и помня, что въ числѣ находившихся въ темницѣ и казенныхъ позорною смертію находился и самъ святѣйшій Искупитель человечества Іисусъ Христосъ. Такимъ образомъ подъ влияніемъ новыхъ взглядовъ, внушаемыхъ христіанскою любовью, стали постепенно улучшаться мѣста заключенія подозреваемыхъ въ преступленіи, судъ надъ ними сталъ болѣе и болѣе проникаться началами внимательности и снисхожденія, и самыя наказанія стали получать болѣе исправительный и предупредительный, чѣмъ карательный характеръ. Жесточайшія пытки и казни, часто употреблявшіяся прежде, стали совсѣмъ выходить изъ употребленія, и ни одному изъ самыхъ великихъ преступниковъ христіан-

ская Вѣра не отказывается въ томъ, что главнымъ образомъ для него нужно, въ средствахъ духовнаго утѣшенія и примиренія съ совѣстью и Богомъ. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ христіанскаго ученія постепенно измѣняются и смягчаются въ человѣчествѣ понятія, нравы, взаимныя отношенія, и самыя законы и учрежденія государственныя....

Правда и доселѣ христіанское начало любви далеко еще не проникло во всѣ отношенія общественныя, и доселѣ—прямо можно сказать—нѣтъ ни одного народа, ни одного общества, въ которомъ бы во всей полнотѣ и жизненности осуществлялось великое начало христіанской любви; и доселѣ нвогда повторяются среди народовъ издавна уже находящихся въ христіанствѣ такія явленія и поддерживаются такія отношенія, которыя напоминаютъ собою жестокость и авѣрство древняго міра. Но нужно обратить вниманіе на путь пройденный христіанствомъ, и безпристрастно оцѣнить, что имъ уже сдѣлано для утвержденія въ человѣчествѣ начала любви. Нужно сравнить настоящее состояніе христіанскихъ народовъ въ ихъ понятіяхъ, нравахъ и отношеніяхъ съ состояніемъ народовъ древности или тѣхъ, которые доселѣ остаются внѣ христіанскаго вліянія. Нужно обратить притомъ вниманіе на ту почву, на тѣ условія, среди которыхъ должно было утверждаться христіанское вліяніе, и на множество препятствій, съ которыми постоянно оно должно было бороться. Нужно припомнить, каково, насколько благоприятно для началъ любви было состояніе римской имперіи въ то время, когда стало въ ней распространяться христіанство. Нужно сравнить затѣмъ и нынѣшніе цивилизованныя христіанскіе народы съ ихъ предками, каковы они были, когда только что начали утверждать свои поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только-что начали поддаваться вліянію христіанства. Нужно кромѣ того принять во вниманіе, что христіанство никогда не дѣйствовало и не могло дѣйствовать принудительнымъ образомъ при распространеніи въ человѣчествѣ началъ любви (ибо самое это начало отрицаетъ всякое принужденіе); и между тѣмъ

не только въ утвердившихся прежде отношеніяхъ общественныхъ, но въ самой природѣ человѣческой оно должно было встрѣтить множество грубыхъ истинятковъ и стремленій враждебныхъ вліянію любви. Сколько внутренней работы нужно, чтобы постепенно преодолевать и искоренять эти истинякты и стремленія! Нужно еще принять во вниманіе, что для большей части христіанскихъ народовъ такая внутренняя работа началась позже ихъ видимаго обращенія въ христіанство; на первыхъ порахъ народы большею частію принимаютъ христіанство, когда это дѣлается цѣлыми массами, только внѣшнимъ образомъ, мало сознавая значеніе проповѣдуемыхъ имъ нравственныхъ началъ, и только постепенно они болѣе и болѣе входятъ въ эти начала и проникаются ими. Нужно наконецъ принять во вниманіе, что христіанство еще не завершило своей миссиі въ мірѣ, не прошло до конца своего историческаго пути, и что его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы внутренно очищать и возвышать жизнь человѣчества до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться на землѣ само человечество. Мы не знаемъ, какъ долго еще будетъ стоять міръ и человечество будетъ развиваться въ настоящихъ условіяхъ жизни. Но мы знаемъ, что большая часть человечества остается пока не тронута и внѣшнимъ вліяніемъ христіанства, а внутреннему вліянію его, развитію въ жизни и отношеніяхъ людей нравственныхъ началъ христіанства остается еще многое и многое сдѣлать и измѣнить въ исторіи человечества.

И каждый вѣкъ въ этомъ отношеніи вноситъ свою долю въ исторію развитія христіанскихъ началъ въ жизни человечества. И весь нравственный прогрессъ въ новой исторіи человечества, все, что является въ новыхъ вѣкахъ лучшаго, болѣе свѣтлаго, чистаго, гуманнаго въ понятіяхъ, нравахъ и отношеніяхъ людей, все это имѣетъ несомнѣнную связь съ христіанствомъ, все это плодъ стѣмянъ имъ посвященныхъ въ жизни человечества. Такъ между прочимъ и все то, что есть лучшаго и болѣе чистаго въ современныхъ ученіяхъ о любви къ человечеству, въ современныхъ стремленіяхъ къ улучше-

нію положенія низшихъ классовъ народа, — все это имѣетъ несомнѣнную связь съ христіанскими началами. Нужды нѣтъ до того, что нѣкоторыя изъ современныхъ гуманистическихъ теорій не признаютъ своей связи съ христіанствомъ, и развиваются какъ будто внѣ всякаго вліянія со стороны видной представительницы христіанскихъ началъ въ мірѣ—Церкви. Христіанскія идеи въ настоящее время настолько уже проникли въ сознание и исторію человѣчества, и каждый изъ людей, рожденных и воспитанныхъ среди христіанскаго общества, настолько отъ самаго дѣтства пропитывается безсознательно этими идеями, что многіе изъ людей новаго времени являются потомъ служителями этихъ идей, сами того не сознавая, и не имѣя повидимому никакого прямого отношенія къ источнику ихъ происхожденія. Кругъ развитія христіанскихъ идей въ жизни человѣчества въ настоящее время простирается уже гораздо далѣе непосредственнаго вліянія Церкви. Вотъ поэтому-то мы и сказали въ началѣ своей рѣчи, что напрасно нынѣ въ настоящее время выдаютъ ученіе о любви къ человѣчеству и стремленія къ улучшенію положенія наиболѣе нуждающихся и бѣдствующихъ классовъ общества за что-то новое особенное, открытое лишь съ недавняго времени. Все, что есть въ этомъ ученіи и въ этихъ стремленіяхъ лучшаго, все это только раскрытіе одной и той же великой христіанской идеи о любви къ ближнему,—раскрытіе только къ сожалѣнію далеко неполное, неправильное и нечистое. И не только въ настоящее время, а и во всѣ будущія времена все, что можетъ быть придумано или сдѣлано на пользу нуждающагося, бѣднаго и бѣдствующаго человѣчества, все это только тогда будетъ имѣть какую-нибудь прочность, когда будетъ утверждаться на христіанскомъ началѣ, совершаться въ духѣ любви христіанской. Идея любви христіанской, какъ идея божественная, безконечно полна и глубока, и потому способна къ безконечному раскрытію. Въ каждомъ вѣкѣ, въ каждомъ поколѣніи людей могутъ появляться новыя теоріи, новыя формы, новыя примѣненія этой идеи;

но всё онъ въ лучшихъ своихъ сторовахъ будутъ раскры-
тиемъ одного и того же жизненнаго начала. И съ этой сто-
роны великая заповѣдь о любви къ ближнему останется для
человѣчества вѣчно новою заповѣдію, изъ вѣка въ вѣкъ,
изъ поколѣнія въ поколѣніе непрестанно раскрывающуюся въ
новыхъ разнообразныхъ формахъ и примѣненіяхъ во благо
человѣчества.

И еще въ томъ отношеніи заповѣдь о любви къ ближнему,
о состраданіи и помощи бѣдному и страждущему человѣче-
ству останется навсегда *новою* заповѣдію, что всегда между
людьми на землѣ будетъ широкое мѣсто для примѣненія этой
заповѣди. Всегда будетъ много на землѣ, какъ было и есть,
людей нуждающихся въ утѣшеніяхъ любви, помощи, состра-
данія — людей, бѣдныхъ, больныхъ, несчастныхъ, страдаю-
щихъ духомъ и тѣломъ. Въ новѣйшія времена нѣкоторые
мыслители и общественные дѣятели задаются несбыточ-
ными мечтами — изобрѣсти для человѣчества такое состояніе,
придумать такое общественное устройство, при которомъ бы
не оставалось мѣста бѣдности, болѣзни и страданіямъ между
людьми, устроить рай на землѣ, осуществить для человѣче-
ства полный идеалъ счастья... Напрасныя мечты, хотя и рож-
дающіяся иногда изъ благороднаго источника любви къ чело-
вѣчеству. Земля не имѣетъ условій необходимыхъ для устрой-
ства райской жизни. Полный идеалъ счастья не можетъ быть
достижимъ въ этой жизни. Нужда, болѣзнь и горе всегда бу-
дутъ спутниками жизни человѣческой въ ея настоящемъ со-
стояніи, потому что причина этихъ несчастныхъ явленій —
не внѣшняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая вну-
тренняя, заключающаяся въ ненормальномъ состояніи самой
природы человѣческой, уклонившейся отъ своего идеала и
назначенія, ставшей въ противорѣчіе съ самой собою и со
всѣмъ внѣшнимъ міромъ, нарушившей общеніе съ источни-
комъ всякаго блага и счастья — Богомъ. Пока такое состояніе
человѣческой природы будетъ продолжаться, пока не измѣ-
нятся въ корнѣ ненормальныя условія ея жизни, пока не воз-

становятся въ ней правильныя отношенія къ ея собственному идеалу и назначенію, къ вѣшнему міру и къ Высочайшему Существу — Богу, т.-е. пока настоящая жизнь человечества не смѣнится новою вѣчною жизнью, пока не откроется для человечества *новое небо и новая земля, въ которыхъ правда живетъ*,—до тѣхъ поръ всегда будутъ въ человѣческой жизни и бѣдность и болѣзнь и горе. Такъ учитъ объ этомъ предметѣ божественное Откровеніе, и внутреннее сознаніе человечества и тысячелѣтніе опыты его жизни вполне подтверждаютъ это ученіе Откровенія. Сколько работалъ умъ человѣческій въ продолженіе тысячелѣтій надъ тою задачею, чтобы сдѣлать положеніе людей на землѣ возможно лучшимъ!.. И въ частности, если брать во вниманіе отдѣльныя стороны человѣческой жизни, нельзя какъ будто не замѣчать въ нихъ постепеннаго улучшенія. Прогрессъ въ жизни человечества—прогрессъ научный, соціальный, экономическій, политическій есть несомнѣнно. Каждое столѣтіе, можетъ быть каждое десятилѣтіе, человечество развивается болѣе и болѣе, обогащается новыми званіями, новою опытностью, изобрѣтаетъ множество новыхъ средствъ противъ того или другаго изъ физическихъ и нравственныхъ золъ, удручающихъ его. Но что же, зла въ мірѣ дѣйствительно становятся меньше? Нужды, болѣзней, страданій въ наше время меньше, чѣмъ было за сто, за двѣсти, за тысячу, за пять тысячъ лѣтъ назадъ? Едва ли какой-либо серіозный и искренній мыслитель и наблюдатель человѣческой жизни сталъ бы съ рѣшительностію отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Зло человѣческой жизни—горе и страданіе всякаго рода—какъ будто растетъ со средствами, изобрѣтаемыми противъ него. Изъ вѣка въ вѣка, одну за другою открываетъ человѣкъ тайны природы, и изобрѣтаетъ средства управлять ея силами, и сколько изобрѣтеній до настоящаго времени уже сдѣлано на этомъ пути! Многое изъ того, чѣмъ мы въ настоящее время пользуемся въ этомъ отношеніи, по справедливости могло бы показаться чудеснымъ, невѣроятнымъ для людей, жившихъ за нѣсколько

столѣтій до насъ. И между тѣмъ и доселѣ въ природѣ остается еще столько непокореннаго власти человѣческой и столько страшнаго и враждебнаго для людей, что могущественныя силы природы и въ настоящее время, какъ прежде, безъ малѣйшаго повидимому усилія могутъ сокрушить плоды вѣковыхъ трудовъ ума человѣческаго и погребсти въ нѣдрахъ земли, въ разливѣ водной стихіи, въ истребительной силѣ огня тысячи людей со всѣми ихъ замыслами и дѣлами рукъ ихъ. И ни одинъ самый смѣлый мыслитель, разсуждая по естественному порядку вещей, не можетъ поручиться за то, чтобы вопреки всѣмъ расчисленіямъ и изобрѣтеніямъ человѣческаго ума страшныя силы природы въ одно мгновеніе или нѣсколько мгновеній не могли положить конецъ всякой жизни на всей той планетѣ, которую мы населяемъ. Точно также изъ вѣка въ вѣкъ люди изучаютъ условія своей собственной органической жизни и стараются изобрѣтать разнообразныя средства противъ разрушительныхъ вліяній, дѣйствующихъ на организмъ, изобрѣтаютъ различныя врачевства противъ болѣзней, измощающихъ человѣчество. И частныя условія органической жизни въ настоящее время дѣйствительно сдѣлались для людей гораздо извѣстнѣе, чѣмъ были прежде; и средствъ противъ различныхъ болѣзней изобрѣтено множество врачевною наукой. Но что же, вообще говоря, менѣе стало замѣчаться въ организмѣ человѣческомъ слабости и болѣзненности, чѣмъ было въ прежнія времена? Наоборотъ, не говоритъ ли общее наблюденіе о томъ, что поколѣнія людскія съ теченіемъ времени становятся все слабѣе и болѣзненнѣе, и что по мѣрѣ изобрѣтенія врачевныхъ средствъ какъ будто умножаются и принимаютъ новыя формы и самыя недуги человѣческіе?... Точно также издавна замѣчается умъ человѣческій наблюденіемъ законовъ и условій общественной жизни и старается противодействовать бѣдствіямъ людей, происходящимъ изъ неудовлетворительности экономическаго и соціальнаго ихъ положенія,—старается искоренить между людьми явленія нужды и бѣдности со мно-

жествомъ другихъ, происходящихъ отъ нихъ, золь физиче-скихъ и нравственныхъ. Многое придумано и сдѣлано людьми и на этомъ пути. Но что же опять, меньше ли стало между людьми жалобъ на нужду и бѣдность, чѣмъ было въ прежнія времена? Не видимъ ли мы наоборотъ, что и въ этой области зло какъ будто растетъ вмѣстѣ съ изобрѣтеніями различныхъ средствъ противъ него: экономическія и социальныя отношенія людей запутываются и усложняются болѣе и болѣе, и часто вслѣдствіе тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя придумываются для ихъ упрощенія и облегченія; нужды и потребности человѣческой жизни увеличиваются вмѣстѣ съ изобрѣтеніями средствъ къ ихъ удовлетворенію. Мы упомянули только объ однихъ вѣшнихъ и самыхъ общихъ бѣдствіяхъ людей, происходящихъ притомъ отъ самыхъ общихъ условій и отношеній, среди которыхъ развивается человѣческая жизнь. А сколько есть кромѣ того страданій внутреннихъ, индивидуальныхъ, зависящихъ отъ множества частныхъ и случайныхъ причинъ! Исслѣдовать эту область человѣческой жизни, сравнивать количество и силу внутреннихъ страданій настоящихъ поколѣній съ внутренними страданіями людей, жившихъ въ прежнія времена, чрезвычайно трудно, если не совсѣмъ невозможно. Но несомнѣнно однакожь то, что по мѣрѣ внутренняго развитія человѣческой природы и прогресса общественной жизни нравственныя страданія людей становятся не меньше, но больше. Потому что самая духовная организація людей по мѣрѣ ихъ внутренняго развитія становится тоньше и чувствительнѣе, ощущенія сильнѣе, стремленія разнообразнѣе, потребности шире, а силы и средства къ ихъ удовлетворенію на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія по прежнему остаются ограниченны. Все это причиняетъ людямъ безчисленное множество нравственныхъ страданій, которыя не менѣе самыхъ матеріальныхъ бѣдствій нищеты, болѣзни и под. все болѣе и болѣе удручаютъ человѣчество.... Наконецъ вся энергія ума человѣческаго, въ продолженіе тысячелѣтій борющагося съ бѣдствіями жизни, что могла

сдѣлать противъ величайшаго изъ этихъ бѣдствій, которыми завершаются всѣ прочія—противъ смерти? Законъ возрастанія, созрѣванія и затѣмъ увяданія и разрушенія организма есть общій законъ человѣческой жизни на всѣ времена. Никакихъ средствъ противъ этого закона умъ человѣческій придумать не можетъ. Эликсиръ вѣчной жизни, надъ изобрѣтеніемъ котораго въ прежнія времена трудилось не мало самообольщенныхъ умовъ, давно стнесенъ здравою мыслью въ область химерическихъ мечтаній, куда несомнѣнно будутъ отнесены въ свое время и самообольщенные мечтанія тѣхъ современныхъ умовъ, которые надѣются изобрѣтеніемъ новаго общественнаго устройства изгнать всѣ бѣдствія изъ человѣческой жизни. А до тѣхъ поръ пока помянутый законъ будетъ тяготѣть надъ человѣчествомъ, т.-е. пока человѣческая жизнь будетъ оканчиваться смертью, горю и страданію въ ней конца быть не можетъ. Потому что съ смертію, которая и сама по себѣ не иначе представляется, какъ величайшимъ несчастіемъ, кромѣ того соединено еще множество другихъ предшествующихъ и послѣдующихъ несчастій—предварительное ослабленіе силъ, необходимыхъ для дѣятельной и счастливой жизни, разнообразныя болѣзни, разрывъ самыхъ дорогихъ жизненныхъ связей, потеря близкихъ сердцу, несчастія вдовства и сиротства и т. д.

Что же послѣ этого, если тысячелѣтнія усилія ума и энергии не могли освободить человѣчества отъ золь и страданій тяготѣющихъ надъ нимъ: нужно ли человѣчеству еще и дalgе истощать свой умъ и энергію въ борьбѣ съ этою непреодолимою массою золь и страданій? не лучше ли будетъ склониться передъ нею съ покорностью и по возможности съ равнодушіемъ? Такой взглядъ на жизнь и проповѣдывали нѣкоторые изъ древнихъ религіозныхъ и философскихъ ученій. И въ настоящее время одна новѣйшая философская система проповѣдуетъ, что такъ какъ несчастіе есть неразлучный спутникъ жизни, — и самая жизнь, самое бытіе въ существѣ своемъ есть величайшее несчастіе, то людямъ и слѣ-

дуеть однажды навсегда отказаться отъ всякій иллюзіи и мечтаній о счастіи, утвердиться на томъ убѣжденіи, что небытіе лучше бытія, и пожалуй слѣдовать практически этому убѣжденію—искать спасенія отъ золь и страданій въ небытіи, въ смерти... Но не такой взглядъ на жизнь внушаетъ людямъ христіанское ученіе и внутреннее убѣжденіе самой человѣческой природы. Безъ прикрасъ и обольщеній христіанское ученіе раскрываетъ передъ человѣкомъ всю глубиву зла и страданія, въ которой находится человѣческая жизнь,—но не затѣмъ чтобы человѣкъ съ ужасомъ и отчаяніемъ останавливался передъ нею или съ равнодушіемъ оставался въ ней, но затѣмъ, чтобы человѣкъ употреблялъ съ своей стороны всѣ возможные усилія выйти изъ этой бездны. Христіанство не обѣщаетъ человѣческимъ силамъ самимъ по себѣ полной побѣды надъ зломъ, и совершенно отрицаетъ возможность такой побѣды въ предѣлахъ настоящей жизни. Побѣда надъ зломъ можетъ быть достигнута человѣкомъ только при помощи силы Божіей, и окончательное истребленіе зла совершится въ другой жизни будущей. Но самая помощь Божія подается человѣку только подъ условіемъ его собственной дѣятельности — его собственныхъ усилій въ борьбѣ со зломъ, и для того чтобы воспользоваться плодами окончательной побѣды надъ зломъ въ жизни будущей, человѣкъ долженъ много бороться съ нимъ въ жизни настоящей. Въ этой борьбѣ развиваются и укрѣпляются духовныя силы человѣка, постепенно становясь чрезъ то болѣе и болѣе способными къ наслажденію истиннымъ и чистымъ блаженствомъ безъ примѣси зла и страданій въ жизни будущей. Безъ этой борьбы напротивъ духовная жизнь человѣка болѣе и болѣе грубѣетъ и растягивается, и окончательно огрубѣвшій и растяжвшійся въ настоящей жизни духъ какъ бы самъ становится уже неспособнымъ къ воспріятію блаженства въ жизни будущей. Такимъ образомъ человѣку нужно много трудиться и бороться съ зломъ если не для того, чтобы окончательно поборотъ зло въ настоящей жизни, то для того,

чтобы при помощи Божіей приготовить себя къ побѣдѣ надъ нимъ въ жизни будущей, — если не для того, чтобы достигнуть на землѣ полного счастья, то для того, чтобы не сдѣлать свою жизнь еще болѣе несчастною. Пбо если люди своими усиліями не могутъ вполне улучшить свое положеніе на землѣ, то ухудшить его и для земной и для будущей жизни своею недѣятельностью, своимъ равнодушіемъ къ злу они безъ сомнѣнія могутъ. Такимъ образомъ всѣ благородныя усилія человеческой энергіи, всѣ полезныя изобрѣтенія ума человеческого имѣютъ свою цѣну въ томъ отношеніи, что если они не совсѣмъ искореняютъ зло на землѣ, то по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени ограничиваютъ его развитіе, облегчаютъ, парализуютъ его. Если, какъ мы сейчасъ говорили, при всѣхъ вѣковыхъ усиліяхъ и изобрѣтеніяхъ человеческихъ жизнь людей вообще говоря не сдѣлалась счастливѣе, чѣмъ была она за тысячи лѣтъ назадъ, то безъ этихъ усилій и изобрѣтеній она была бы еще несчаствѣе. И этого довольно для возбужденія человеческой энергіи въ предѣлахъ настоящаго существованія человечества. Притомъ если никакія человеческія усилія не могутъ окончательно искоренить зло въ жизни всего человечества, то ослабить его вліяніе по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, къ отдѣльнымъ сторонамъ и явленіямъ жизни человеческой они безъ сомнѣнія могутъ. Никто изъ насъ не можетъ дать идеальнаго счастья всему человечеству, но всякій можетъ что-нибудь сдѣлать для блага хотя и нѣсколькихъ ближнихъ своихъ. И этого опять съ насъ довольно... Христіанское ученіе научаетъ насъ любить не только все человечество въ его отвлеченной идеѣ, но каждаго изъ ближнихъ нашихъ въ его живой личности; и дѣлать добро не въ тѣхъ только расчетахъ, чтобы наши дѣйствія имѣли значеніе для жизни всего человечества, а для того чтобы хотя сколько-нибудь и въ чемъ-нибудь облегчить положеніе нуждающагося брата по человечеству... И съ этой стороны всякое доброе дѣло, какъ бы оно незначительно повидимому ни было — утоленіе голода

у бѣднаго брата кускомъ хлѣба, или облегченіе жажды ча-шею воды — имѣеть свою цѣну предъ Богомъ... И съ этой стороны открывается самое широкое поприще для дѣйствій любви, на которомъ не только сильныя, могучіе, знатныя, разумныя, но и слабыя, немощныя, простые, малоимущіе — всѣ могутъ что-нибудь дѣлать другъ для друга... Даже въ томъ самомъ, что зло и страданіе есть неизбежный удѣлъ человѣческой жизни на землѣ, и всѣ мы болѣе или менѣе подвержены злу и страданію, — въ этомъ самомъ христіанское ученіе указываетъ намъ новое побужденіе для взаимной любви, состраданія и помощи. Общая участь горя и страданія, таготѣющая надъ нами, тѣмъ тѣснѣе должна соединять насъ въ братскій союзъ. Всякій изъ насъ, по себѣ зная какъ тяжело переносить горе и страданіе, тѣмъ болѣе долженъ сострадать горю и страданію другихъ; и если никто не можетъ звать, что случится съ нимъ въ продолженіи жизни, и никто не можетъ быть застрахованъ отъ самаго великаго несчастія: то никто поэтому не долженъ относиться безъ участія и состраданія къ тѣмъ людямъ, которые уже терпятъ несчастія. Только при взаимномъ участіи, состраданіи и любви даруется намъ и благодать Божія облегчающая наши общія нужды и страданія. Господь общаетъ свою милость тѣмъ, которые сами милостивы къ другимъ. Богъ любитъ всѣхъ насъ, и всѣмъ желаетъ добра, и всѣмъ готовъ помогать въ нуждахъ и несчастіяхъ. Но ему, какъ общему Отцу, пріятно, если мы и сами, какъ братья, любимъ другъ друга и помогаемъ другъ другу. Пусть наша взаимная помощь другъ другу сама по себѣ не можетъ быть значительною; но она, привлекая и на насъ самихъ и на тѣхъ, кому мы желаемъ помочь, любовь Божію, при братской любви нашей, невидимо приумножается общемою къ намъ отеческою любовью Бога, который Своею всемогущею силою можетъ насъ избавить отъ всякой нужды и печали.

Таково въ общихъ чертахъ христіанское ученіе о любви къ ближнимъ, о взаимномъ состраданіи, помощи, въ частно-

сти о любви къ меньшимъ братіямъ, о состраданіи и помощи нуждающимся, страдающимъ и обремененнымъ всякаго рода житейскими тягостями.

II.

Въ новыя времена появляются такія ученія, въ которыхъ поставляется задачей раскрыть идею любви къ человѣчеству независимо отъ христіанства, на новыхъ оригинальныхъ началахъ, и съ большею полнотою и жизненностью, чѣмъ это сдѣлано въ христіанствѣ. Между этими ученіями въ настоящее время по силѣ своего распространенія и по направленію своему заслуживаетъ особеннаго вниманія социалистическое ученіе,—которое имѣетъ видимою цѣлю возбудить въ обществѣ преимущественное участіе къ положенію низшихъ, бѣднѣйшихъ, наиболѣе нуждающихся и бѣдствующихъ классовъ общества, и изыскиваетъ средства улучшить положеніе этихъ классовъ общества, сравнять ихъ съ высшими, наиболѣе обезпеченными и довольными классами. Ученіе это значительно распространяется и имѣетъ особенныя условія для своего распространенія въ западно-европейскихъ обществахъ. Но отсюда вмѣстѣ съ другими идеями, хотя перѣдко въ видѣ самомъ искаженномъ и уродливомъ, приходитъ оно и къ намъ и преимущественно распространяется въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ. Увлеченіе социалистическими идеями, распространяющееся между молодыми людьми, становится уже настолько значительнымъ, что имѣетъ рѣшительное вліяніе не только на внутренній строй понятій, но и на вѣдущую судьбу многихъ изъ нихъ, на миръ и счастье цѣлыхъ семействъ, можно сказать—въ значительной степени на направленіе всего нашего общественнаго развитія. Открываются такимъ образомъ настоятельныя побужденія обратить особенное вниманіе на это ученіе. Намъ въ настоящемъ случаѣ конечно нельзя задаваться задачею—разсмотрѣть это ученіе во всей подробности, оцѣнить его съ политической, экономической и другихъ сторонъ. Наше дѣло обратить вниманіе собственно на нравственную сторону, на нравственныя основы этого ученія, и преимущественно въ отношеніи его къ христіанству.

Каково это ученіе по своему нравственному характеру, задачамъ и цѣлямъ, и какое отношеніе имѣеть соціалистическая идея любви къ человѣчеству къ христіанскому ученію? Объ этомъ предметѣ существуютъ мнѣнія самыя противоположныя. Однимъ соціалистическое ученіе представляется, какъ самое прямое послѣдовательное, и потому достойное всякаго сочувствія, развитіе христіанскихъ началъ любви къ ближнимъ, и преимущественно къ меньшимъ братьямъ нашимъ. Другимъ напротивъ оно представляется какъ совершенно противоположное и враждебное христіанству, и чрезвычайно опасное и вредное для общественнаго ученія. Чтобы не измѣнить истинѣ, чтобы не увлечься въ ту или другую сторону несправедливыми предубѣжденіями, подъ вліяніемъ которыхъ и бѣлое нерѣдко представляется чернымъ и черное бѣлымъ, нужно безпристрастно и внимательно отличать въ соціализмѣ тѣ стороны, которыя сближаютъ его съ христіанствомъ, отъ того, что дѣйствительно въ немъ противоположно и враждебно христіанству. Не нужно при этомъ всѣ соціалистическія ученія подводить подъ одинъ разрядъ и приговоръ. Нѣкоторыя изъ нихъ болѣе близки къ христіанству; въ другихъ напротивъ нѣтъ почти ничего общаго съ христіанствомъ. Нужно наконецъ постоянно различать между самою основною идеею соціализма и развитіемъ этой идеи у разныхъ ея толкователей и послѣдователей. Общая идея соціализма можетъ быть достойна всякаго сочувствія; но развитіе и примѣненіе ея можетъ совершенно не соответствовать ея собственному основному характеру.

Что общая идея соціализма — идея общественнаго блага, идея любви къ человѣчеству, идея преимущественнаго участія къ низшимъ наиболѣе бѣдствующимъ и нуждающимся классамъ народа — имѣеть совершенно христіанскій характеръ, составляетъ самую основу нравственнаго христіанскаго ученія, и что эта идея всегда сознавалась въ христіанскомъ мірѣ, и служила источникомъ всего того, что лучшаго развилось подъ вліяніемъ христіанства въ понятіяхъ, нравахъ и от-

ношеніяхъ людей, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и это въ общихъ чертахъ раскрыто нами выше. Поэтому между приверженцами и почитателями христіанства повидимому не могло бы быть инаго отношенія къ социализму, какъ отношенія сочувственнаго; и проповѣдники ученія христіанскаго повидимому со всею искренностью должны были бы привѣтствовать проповѣдниковъ социализма, какъ новыхъ себѣ сотрудниковъ и помощниковъ въ великомъ дѣлѣ распространенія началъ любви между людьми. Соперничества здѣсь не можетъ быть; дѣла для всѣхъ можетъ быть довольно. Нуждъ и бѣдствій въ человѣчествѣ, требующихъ постояннаго возбужденія въ немъ чувствъ любви и братскаго состраданія другъ къ другу, въ настоящее время не менѣе чѣмъ когда нибудь было. Быть равнодушнымъ къ этихъ нуждамъ и бѣдствіямъ, отвергать самую необходимость возбужденія между людьми чувствъ любви и взаимнаго состраданія, говорить, что если я здоровъ, то мнѣ нѣтъ нужды до больныхъ, если я богатъ, то мнѣ нѣтъ нужды до бѣдныхъ, если я сытъ, то мнѣ нѣтъ нужды до голодныхъ—какъ разсуждаютъ нныя въ осужденіе социалистической проповѣди,—это не только безнравственно, но и неразумно: никто изъ людей хорошо обезпеченныхъ, сытыхъ и здоровыхъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, будетъ ли онъ всегда сытъ, здоровъ и хорошо обезпеченъ. Содѣйствовать по возможности пробужденію общества отъ этого тупаго и самодовольнаго равводушія къ чужой нуждѣ, котораго къ сожалѣнію остается еще очень много, содѣйствовать распространенію между людьми духа любви и взаимной помощи, возбужденію участія въ богатыхъ къ бѣднымъ, въ сытыхъ къ голоднымъ, въ здоровыхъ къ больнымъ—дѣло въ высокой степени полезное и благородное. И вельзя не отдать справедливости многимъ изъ проповѣдниковъ социалистическаго ученія въ томъ, что это дѣло ведется многими изъ нихъ горячо и повидимому искренно. По крайней мѣрѣ пока на виду одна только отрицательная сторона дѣла, пока проповѣдники социализма занимаютъся изображеніями нуждъ и несчастій бѣдствующихъ.

щаго народа и не переходятъ къ изложеніямъ своихъ мечтательныхъ плановъ относительно улучшенія его положенія, проповѣди ихъ дѣйствительно бываютъ очень живы, горячи и сильны. Иныя изъ нихъ по самымъ частнымъ своимъ приемамъ много напоминаютъ знаменитыя проповѣди о милосердіи и любви къ ближнимъ величайшихъ проповѣдниковъ христіанства и знаменитыхъ филантроповъ своего времени Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Амвросія Медиоланскаго и др. Эти-то горячія, сильныя и возбуждательныя проповѣди, въ связи съ общою высокою идеею социализма, и производятъ такое сильное впечатлѣніе на воспримчивыя умы людей молодыхъ, и вообще довѣрчивыхъ, простодушныхъ, не умѣющихъ за красивыми словами и общими идеями различать дѣйствительный смыслъ и сокровенныя цѣли, имѣющіяся въ виду при распространеніи того или другаго ученія.

Но всякою идеею самою высокою можно злоупотреблять; всякому ученію самому доброму можно давать живое толкованіе и зловѣренное примѣненіе. Подъ покровомъ высшей религіозно-нравственной идеи преслѣдовались иногда цѣли во все не религіозныя и не нравственныя, а грубыя, своекорыстныя и жестокія. Подъ знаменемъ науки проповѣдуются иногда идеи не имѣющія никакого отношенія къ здоровой, точной и строгой наукѣ. Подъ эгидою свободы совершаются такія дѣйствія и выполняются такіе замыслы, которые могутъ прокладывать путь къ самому жестокому деспотизму. Точно также и подъ покровомъ любви къ человѣчеству могутъ совершаться такія дѣйствія, проповѣдываться такія ученія и преслѣдоваться такія цѣли, которыя не имѣютъ ничего общаго съ любовью къ человѣчеству. Такое искаженіе чистыхъ и высокихъ идей неправильными толкованіями и зловѣренными примѣненіями, прикрытіе ими цѣлей, побужденій и дѣйствій вовсе имъ несоотвѣтствующихъ, называется лицемѣріемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. И справедливо говорятъ, что лицемѣріе есть одинъ изъ самыхъ гнусныхъ и отвратительныхъ пороковъ. И чѣмъ возвышеннѣе и чище та идея, которую зло-

употребляютъ лицемѣры, тѣмъ болѣе отвратительнымъ и вреднымъ представляется лицемѣріе. Почему напр. между людьми прямыми и благородными такъ презираются лицемѣры религіозные? Потому, что они злоупотребляютъ самою высокою и святою идеею — идеею религіозною для прикрытія своихъ личныхъ цѣлей не имѣющихъ ничего общаго съ религіею. Но не въ одной религіозной сферѣ могутъ быть лицемѣры; они могутъ находить себѣ мѣсто и въ области научной, литературной, государственной, филантропической, во всѣхъ высшихъ и благороднѣйшихъ сферахъ общественной жизни и дѣятельности. И во всѣхъ общественныхъ сферахъ лицемѣріе должно быть строго изобличаемо и искореняемо; потому что не изобличенное настоящимъ образомъ лицемѣріе не только обольщаетъ множество личностей, увлекающихся его благовидною личиною, но и вредитъ той самой идеѣ, которою оно прикрывается и во имя которой дѣйствуетъ; оно искажаетъ эту идею, мѣшаетъ ея правильному пониманію и развитію, подрываетъ довѣріе къ ней, возбуждаетъ противъ нея различныя недоразумѣнія и предубѣжденія.

Въ наше время изъ среды высшихъ идей преимущественно три идеи подвергаются искаженіямъ и злоупотребленіямъ — идея науки, идея свободы и идея блага общественнаго и любви къ человѣчеству. Причина этому заключается въ томъ, что лицемѣріе всегда старается поддѣлываться подъ господствующія идеи времени и общества; а въ наше время въ образованномъ обществѣ наиболѣе господствующія и преобладающія идеи — это именно идеи научныя, политическія и социальныя, какъ въ другія эпохи господствующими идеями были напр. религіозныя, эстетическія и т. д. (Ибо всякое время, всякая эпоха имѣютъ свои господствующія преобладающія идеи). Потому-то въ наше время имена науки, свободы, блага общественнаго и любви къ человѣчеству имѣютъ такое большое обаяніе для всѣхъ образованныхъ умовъ. Потому-то современная образованная молодежь, которая всегда особенно бываетъ чутка къ воспріятію идей своей эпохи, съ особеннымъ увле-

ченіемъ бросается на все, что выступаетъ передъ нею подъ знаменемъ науки, свободы, блага общественнаго и любви къ человѣчеству. Потому-то въ наше время о наукѣ, о свободѣ, о благѣ общественномъ; о любви къ человѣчеству любятъ съ жаромъ и самоувѣренностью говорить и такіе люди, которые собственно говоря, ни къ наукѣ, ни къ свободѣ, ни къ благу общественному не имѣютъ никакого серьезнаго отношенія. Даже и такіе люди, которые въ душѣ вовсе не сочувствуютъ идеямъ науки, свободы, блага общественнаго, которые въ другое время скорѣе стали бы противодѣйствовать развитію такихъ идей, не осмѣливаются прямо высказываться противъ нихъ, стараются поддѣлываться подъ нихъ, прижѣваться къ нимъ, лицемерить предъ ними. Такое большое вліяніе имѣетъ духъ времени надъ мнѣніями и расположеніями людей: неудивительно поэтому, что и при самомъ высокомъ настроеніи господствующаго духа времени, въ немъ всегда можетъ открываться самое широкое мѣсто лицемерію и злоупотребленію всякаго рода.

Говорить и дѣйствовать противъ лучшихъ стремленій своего времени, говорить противъ увлеченія идеями науки, свободы, блага общественнаго—по меньшей мѣрѣ неразумно; и не потому только что противъ господствующихъ идей какой бы ни было эпохи вообще бороться очень трудно; но и потому главнымъ образомъ, что упомянутыя вами господствующія идеи нашего времени — идеи науки, свободы, блага общественнаго и любви къ человѣчеству сами по себѣ высокія, прекрасныя, достойныя всякаго сочувствія и уваженія. И что наша современная образованная молодежь увлекается такими идеями, объ этомъ не только нѣтъ серьезныхъ основаній сѣтовать, но скорѣе этому нужно радоваться; потому что искреннее и серьезное увлеченіе такими идеями во всякомъ случаѣ должно свидѣтельствовать о серьезномъ нравственномъ настроеніи въ увлекающихся. Увлеченіе идеями науки, свободы, любви къ человѣчеству во всякомъ гораздо выше и благороднѣе, чѣмъ увлеченіе идеями личной наживы, даже личнаго честолюбія,

чувственныхъ наслажденій и т. д.. Нужно желать только, чтобы молодежь увлекающаяся идеями науки, свободы, любви къ человѣчеству, увлекалась ими серьезно и искренно, умѣла понимать, что такое истинная наука, свобода, любовь къ человѣчеству, и не принимала за эти высокія идеи того, что не имѣетъ къ нимъ никакого близкаго отношенія.

Но въ томъ-то и дѣло, что подъ знаменемъ высокіхъ идей науки, свободы и блага общественнаго распространяются въ настоящее время такія ученія, которыя къ этимъ высокимъ идеямъ не имѣютъ никакого отношенія, распространяются посредствомъ тайной пропаганды какъ прелесть запрещеннаго плода, какъ высшая мудрость, къ участию въ которой призываются самыя избранныя личности. И такими-то ученіями увлекаются многіе незрѣлые и несчастные молодые люди. И изъ-за такихъ-то увлеченій происходятъ величайшія несчастія, имѣющія рѣшительное вліяніе не только на судьбу многихъ личностей, но на судьбу цѣлыхъ семействъ, въ нѣкоторой степени на судьбу всего общественнаго развитія. Неразвившіеся, не окръпшіе и преждевременно извращенные умы лишаются средствъ къ дальнѣйшему развитію и укрѣпленію. Жизнь многихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ при добромъ направленіи могли бы выйти полезные общественные дѣятели, безвременно разбивается и пропадаетъ безъ всякой пользы для общества. Миръ и счастье цѣлыхъ семействъ разрушаются. Вслѣдствіе неразумнаго злоупотребленія идеями науки, свободы, блага общественнаго возбуждаются предубѣжденія противъ самыхъ истинныхъ идей науки, свободы и блага общественнаго, является недовѣріе къ нимъ, правильное развитіе ихъ задерживается и извращается. Нужно говорить и дѣйствовать противъ этихъ несчастныхъ увлеченій и злоупотребленій не только во имя блага и счастья отдѣльныхъ личностей, во имя живаго участія къ молодому поколѣнію, на которомъ покоятся лучшія надежды, озирается будущее общества, но и во имя истиннаго пониманія и высокаго достоинства самыхъ идей науки, свободы, блага общественнаго. Чѣмъ болѣе будутъ очн-

шаться эти идеи отъ фальшивыхъ перетолкованій и искаженій, тѣмъ правильнѣе и безпрепятственнѣе будетъ совершаться въ обществѣ развитіе ихъ.

Въ настоящемъ случаѣ, соотвѣтственно съ избраннымъ предметомъ рѣчи, мы остановимъ вниманіе на тѣхъ ученіяхъ, въ которыхъ по преимуществу искажается идея блага общественнаго, любви къ человѣчеству и преимущественно къ меньшимъ братьямъ, низшимъ, наиболѣе нуждающимся и бѣдствующимъ классамъ общества. Мы разумеѣмъ здѣсь именно тѣ крайнія и искаженныя социалистическія ученія, которыя распространяясь преимущественно посредствомъ тайной пропаганды производятъ столько зла между легковѣрною молодежью, и которыя подъ видомъ блага общественнаго и любви къ человѣчеству преслѣдуютъ тенденціи и цѣли не имѣющія ничего общаго съ благомъ общественнымъ и истинною любовью къ человѣчеству. Оговоримся еще—мы ничего не намѣрены говорить противъ социальной идеи самой въ себѣ, которая въ своемъ истинномъ смыслѣ и правильномъ развитіи могла бы представляться истинною, достойною всякаго сочувствія и уваженія и вполне согласною съ христіанствомъ идеею. Но мы будемъ говорить противъ тѣхъ крайнихъ и извращенныхъ толкованій и примѣненій социальной идеи, которыя къ истинному социализму имѣютъ также мало отношенія, какъ и къ истинному христіанству, и вслѣдствіе которыхъ основная идея социализма—сама въ себѣ добрая и высокая—сдѣлалась для общества какимъ то пугаломъ, страшилищемъ, — девизомъ всякихъ безбожныхъ, безнравственныхъ и противообщественныхъ тенденцій.

Чтобы понять, каковы эти фальшивыя и крайнія социалистическія ученія, обратимъ прежде всего вниманіе на ихъ отношенія къ христіанству и его видимой представительницѣ — Церкви. Еслибы приверженцы этихъ ученій дѣйствительно имѣли въ виду чистую любовь къ человѣчеству, которая раскрывается и въ христіанскомъ ученіи, и проповѣдуется церковью, почему бы имъ не становиться прямо

подъ великое знамя христіанства и не дѣйствовать въ союзѣ съ церковію въ осуществленіи своихъ идей? И однакожъ очень немногіе изъ нихъ показываютъ искреннее расположеніе къ христіанству и церкви. Большая часть соціалистовъ совершенно отрицаютъ всякую связь съ христіанствомъ, выдаютъ свое ученіе за ученіе новое, появившееся лишь въ недавнія времена, имѣющее свой источникъ не въ христіанствѣ, а въ разныхъ философскихъ и политическихъ ученіяхъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Въ этихъ новыхъ ученіяхъ великая идея любви къ человѣчеству обнимается будто бы глубже, полнѣе и живиственнѣе, чѣмъ въ христіанствѣ. Нѣкоторые изъ соціалистовъ стараются для виду давать своему ученію христіанскій характеръ, прикрашиваютъ свои проповѣди текстами и выдержками изъ Священнаго Писанія, примѣрами изъ церковной исторіи, но они дѣлаютъ это вовсе не потому, чтобы они на самомъ дѣлѣ искренно сочувствовали христіанству, а потому что подъ покровомъ ученія христіанскаго или огласнаго съ христіанствомъ имъ удобнѣе кажется привлекать къ себѣ и обольщать массы простодушныхъ и неопытныхъ людей, неспособныхъ проникать въ истинный смыслъ и сокровенныя цѣли ихъ ученія. Какъ извѣстно, такъ всегда поступали разные лжеучители старавшіеся распространять ложныя идеи подъ покровомъ христіанскаго ученія. Но какой странный извращенный смыслъ получаетъ христіанство въ толкованіяхъ подобныхъ учителей, какъ отрывочно берутъ, какъ произвольно объясняютъ и примѣняютъ они тѣ и другія мѣста изъ Свящ. Писанія, тѣ и другіе факты изъ священной исторіи!.. Для примѣра укажу на одно знаменитое положеніе, которое не такъ давно во Франціи однимъ изъ проповѣдниковъ соціализма развивалось въ публичныхъ лекціяхъ, будто бы объясняющихъ смыслъ христіанскаго ученія: это положеніе состоитъ въ томъ, что будто бы Іисусъ Христосъ любилъ только простой народъ и ненавидѣлъ всѣхъ знатныхъ людей и начальниковъ народа. Для укажу на то нелѣпное толкованіе евангельской притчи о сѣмени и плевелахъ, по которому будто подъ пше-

ницею предназначенною къ собранію въ житницу Божию разумѣтся одинъ простой народъ, а подъ плевелами обрекаемыми на безпощадное сожженіе въ день суда Божія всякія начальства и власти, и вообще всѣ такъ-называемые привилегированные классы общества. Изъ христіанства — ученія чистаго и кроткаго, полнаго любви всеобъемлющей и всеобъединяющей социалисты желали бы сдѣлать ученіе злобное и разрушительное, пристрастное къ однимъ классамъ общества и враждебное къ другимъ, не примиряющее, а возстановляющее людей другъ противъ друга.. Всѣхъ самыхъ высокихъ представителей христіанства они стараются представить въ образѣ революціонеровъ новѣйшаго времени. У нихъ и Іисусъ Христосъ революціонеръ, и Іоаннъ Предтеча коммунистъ, и апостолъ Павелъ агитаторъ, и Василий Великій социалистъ, и Іоаннъ Златоустъ—демагогъ и т. д. Таково у нихъ христіанство, и такова ихъ искренность и правдивость по отношенію къ нему. Къ христіанству положительному, какъ оно представляется церковью, къ самой церкви они большею частію относятся чрезвычайно враждебно. Церкви — въ ихъ планахъ построенія царства всеобщей любви и братства между людьми—большею частію не дается мѣста. Многие изъ нихъ самое построеніе этого великаго царства—этой всеобщей коммуны—прямо желали бы начать именно съ разрушенія церкви и искорененія всякой вообще религіи.

За что же? Если эти люди дѣйствительно имѣютъ въ виду распространеніе началъ любви и братства на землѣ, за что же они относятся съ ненавистью къ христіанству и церкви? Не могутъ же они отрицать того, что христіанствомъ и церковью всегда проповѣдывались именно эти самыя начала любви и братства, что они составляютъ самое основаніе—самую сущность христіанскаго ученія, и что все лучшее и гуманнѣйшее въ отношеніяхъ людей за послѣдніе восемнадцать вѣковъ болѣе или менѣе развилось подъ прямымъ или непрямымъ влияніемъ христіанства? Не могутъ они отрицать того, что благодаря влиянію христіанства и церкви смягчались въ мірѣ

международныя предубѣжденія и непріязни, улучшился самый образъ правленія государственнаго, законы государственныя стали болѣе проникаться началами гуманности и справедливости, общественныя отношенія сдѣлались болѣе чистыми и благородными, въ семьѣ устроились также болѣе чистыя и гуманныя отношенія, возвысилось въ семьѣ и обществѣ значеніе угнетенной и опозоренной женщины, улучшилось положеніе низшихъ классовъ народа, возвысилось значеніе чело-вѣческой личности независимо отъ ея внѣшняго положенія, возникло множество благотѣльныхъ благотворительныхъ учрежденій, распространились между людьми болѣе чело-вѣколюбивыя взгляды на людей бѣдныхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ, даже на нравственно падшихъ — на самыхъ преступниковъ. Ужели за все это христіанство можетъ заслуживать презрѣніе или ненависть, и отъ такихъ притомъ людей, кото-рые сами желаютъ быть въ обществѣ проповѣдниками братства и любви?...

«Но христіанство, говорятъ, недостаточно послужило имъ же провозглашенной великой идеѣ любви, недостаточно спо-собствовало распространенію и утвержденію ея между людьми. Въ церкви христіанской проповѣдь любви болѣею частію оставалась отвлеченною проповѣдью, мало проникавшею въ жизнь. Между христіанскими народами, послѣ восемнадцати вѣковъ существованія христіанства, доселѣ держатся явленія и отношенія прямо противоположныя началу любви. Въ самой церкви нѣтъ поддержки и создавались такія явленія и отношенія. Церковь поддерживала деспотизмъ и рабство, церковь возбуждала религіозныя войны, церковь создала ин-квизицію и т. д...» На эти упреки мы отчасти уже дали отвѣтъ выше. Еслибы и была въ этихъ упрекахъ нѣкоторая спра-ведливость, еслибы и въ самомъ дѣлѣ можно было сказать, что церковь не все сдѣлала, что могла сдѣлать, для распро-страненія въ чело-вѣчествѣ началъ братства и любви; развѣ все-таки ею сдѣлано мало, и развѣ за это несомнѣнно сдѣ-ланное она заслуживаетъ ворицанія и ненависти, а не се-

чувствія и благодарности? Что церковью сдѣлано много для распространенія любви между людьми, сдѣлано несмотря на множество препятствій, не смотря на самыя неблагопріятныя для такой дѣятельности условія прежнихъ временъ, этого конечно никто не станетъ отрицать: доказательства на лицо — въ современномъ состояніи христіанскихъ обществъ сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находились человѣческія общества до христіанства, и въ какомъ доселѣ онѣ находятся въ христіанства. Никто также не можетъ отрицать того, что христіанство, при своемъ несомнѣнно великомъ и несмотря на увѣренія противниковъ болѣе и болѣе распространяющемся влияніи на челоѣчество, можетъ и въ будущемъ очень много сдѣлать для нравственнаго усовершенствованія челоѣческихъ обществъ, особенно когда церковь, развивши внутреннія стороны собственно религіозной жизни — догматическую, обрядовую, по преимуществу станетъ обращать вниманіе, какъ это уже и замѣчается въ настоящее время, на развитіе нравственныхъ началъ христіанства въ примѣненіи къ внѣшнимъ условіямъ жизни общественной, государственной и т. д. Не лучше ли при этомъ, не полезнѣе и не благоразумнѣе ли всѣмъ новымъ ревнителямъ блага общественнаго и любви къ челоѣчеству соединиться съ этою великою силою, имѣющею влияніе на сотни миллионовъ людей, въ служеніи благу общественному, вмѣсто того чтобы при самомъ началѣ своей дѣятельности вступать во вражду съ нею и желать ея уничтоженія? Упрекаютъ церковь въ томъ, что она недостаточно послужила распространенію началъ любви въ челоѣчествахъ. Но кто же можетъ, кто имѣетъ право дѣлать такіе упреки? Какая другая историческая сила сдѣлала въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ сколько сдѣлано христіанскою церковью? Не социализмъ ли? Пока отъ него, кромѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ мечтаній въ теоріи и нѣсколькихъ волненій и беспорядковъ въ общественной и политической жизни, челоѣчество ничего прочнаго не получило. Когда социализмъ сослужитъ челоѣчеству такую же службу, какую сослужила

ему христіанская церковь, когда онъ столько же распростра-
нить въ челоувѣчествѣ добрыхъ понятій, нравовъ и отношеній,
столько устроить благотворительныхъ учрежденій, столько
несчастливыхъ избавить отъ нужды и горя, сколько всего этого
въ продолженіе многихъ вѣковъ сдѣлала христіанская цер-
ковь; тогда онъ пусть считаетъ себя въ правѣ порицать хри-
стіанскую церковь. Но тогда социализмъ не сталъ бы дѣлать
этого; онъ не сталъ бы тогда относиться къ христіанской цер-
кви съ ненавистью и ожесточеніемъ: ибо два серьезные ис-
торическіе дѣятели, имѣющіе въ виду одни и тѣ же начала и
цѣли, не могутъ относиться другъ къ другу иначе, какъ съ
взаимнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Наконецъ враги церкви съ особеннымъ злорадствомъ любятъ
указывать на такіе историческіе факты и случаи, когда церковь
видимо измѣняла своему высокому призванію, и поддерживала и
даже сама создавала между людьми отношенія, прямо противорѣ-
чащія духу любви, каковы напр. были дѣйствія свирѣпаго средне-
вѣковаго фанатизма, инквизиціи, религіозныхъ войнъ. Этихъ не-
чальныхъ фактовъ въ исторіи христіанства конечно отрицать
нельзя. Тѣмъ менѣе можно оправдывать ихъ во имя какихъ-либо
высшихъ нравственныхъ цѣлей. Но зачѣмъ же обращать внима-
ніе на одни темныя стороны въ исторіи христіанства и пре-
увеличивать ихъ, а свѣтлыя совсѣмъ забывать? Зачѣмъ явле-
ніямъ, имѣвшимъ частный характеръ, бывшимъ произведеніемъ
особеннаго духа времени, духа времени не христіанствомъ
созданнаго, а противодѣйствовавшаго, не подававшагося хри-
стіанскому вліянію, или дѣйствіямъ личностей вносившихъ въ
жизнь церковную вовсе не церковныя начала, зачѣмъ такимъ
явленіямъ придавать общее значеніе, и ставить ихъ въ связь
съ самыми основными началами жизни церковной, которая къ
этимъ явленіямъ не имѣютъ никакого отношенія? Всякою доб-
рою идеею можно злоупотреблять; и всякое могущественное
вліяніе даетъ поводъ къ тому, чтобы злоупотреблять имъ. Но
справедливо ли изъ-за частныхъ злоупотребленій, совершае-
мыхъ во имя известной идеи, возбуждать нареканіе и нева-

висть противъ этой самой идеи? И самый социализмъ современный можетъ ли быть свободенъ отъ упрека въ томъ, что онъ, проповѣдуя въ общей идеѣ любовь и братство, допускаетъ между тѣмъ покрываться его знаменемъ такимъ тенденціямъ, которыя совершенно противоположны началамъ любви и братства? Какъ мы увидимъ далѣе, социализмъ, при всей недавности своего развитія, и при всемъ томъ, что ему приходится развиваться на почвѣ уже смягченной христіанскимъ влияніемъ и въ эпоху болѣе свѣтлую сравнительно напр. съ средними вѣками, съ самаго же начала своей исторіи даетъ возможность прикрываться его именемъ такимъ тенденціямъ и дѣйствіямъ, которыя по своей жестокости и несправедливости далеко должны превзойти всѣ ужасныя дѣйствія средневѣковаго фанатизма, инквизиціи и религиозныхъ войнъ. Свирѣпыя дѣйствія религиознаго фанатизма, жестокости средневѣковой инквизиціи хотя и находили себѣ мѣсто въ церкви (притомъ главнымъ образомъ въ церкви неправославной, исказившей чистую истину христіанства), и прикрывались церковнымъ авторитетомъ (притомъ не самую церковь, а болѣе человѣческими страстями созданнымъ), но сама же церковь — въ лучшей, болѣе правильно понимающей духъ христіанства части своей — всегда произносила строгій судъ на эти жестокости. А въ современномъ социализмѣ произносится ли анаѳема противъ тѣхъ безобразныхъ и безчеловѣчныхъ дѣйствій и тенденцій, которыя между его приверженцами распространяются во имя блага общественнаго и любви къ человѣчеству? Къ сожалѣнію, нѣтъ; потому что едва ли не большая часть приверженцевъ социалистической идеи, какъ она понимается въ настоящее время, сочувствуетъ такимъ дѣйствіямъ и тенденціямъ, считаетъ ихъ существенно связанными съ самими основами социалистической идеи и необходимыми для осуществленія ея въ настоящее время.

Если современный социализмъ въ крайнихъ своихъ представителяхъ расположенъ враждебно относиться къ христіанству, и желалъ бы при предполагаемомъ имъ построеніи цар-

ства всеобщей любви и братства устранивъ совершенно вліяніе религіи, любопытно знать, на какихъ же основаніяхъ, помимо религіозныхъ, самъ онъ надѣется утвердить любовь и братство между людьми? Религія—христіанство представляетъ людямъ множество самыхъ высокихъ и священнѣйшихъ побужденій къ тому, чтобы они любили другъ друга и помогали другъ другу. Оно убѣждаетъ насъ къ этому во имя единства человѣческой природы, во имя всеобщаго братства людей, имѣющихъ одного Бога Творца и Отца и происходящихъ отъ одной первосозданной Имъ четы человѣческой; во имя достоинства человѣческой личности, созданной по образу Божію и призванной къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ непрестаннаго богоуподобленія; во имя единого для всѣхъ Искупителя, ходатая и примирителя—Богочеловѣка Іисуса Христа, всѣхъ людей призывающаго въ Свое братство и царство и всѣмъ заповѣдающаго любить другъ друга; во имя Его святѣйшей крови, пролитой за всѣхъ людей, во имя безсмертной трапезы, всѣмъ предлагаемой, въ которой мы, таинственно соединяясь со Христомъ, въ тоже время тѣснѣйшимъ образомъ соединяемся другъ съ другомъ,—во имя великихъ наградъ въ будущей жизни, по преимуществу обѣтованныхъ отъ Христа тѣмъ, которые помогаютъ своимъ братьямъ въ настоящей жизни; наконецъ во имя самой общей участи нашей здѣсь на землѣ, по которой мы всѣ находящіеся въ падшемъ состояніи подъ гнѣвомъ Божіимъ испытываемъ общія немощи, нужды и страданія, и потому всѣ должны сочувствовать и сострадать другъ другу, носить тяготы другъ друга. Всѣ эти высокія побужденія для людей отвергающихъ христіанство не имѣютъ значенія. Они не вѣруютъ ни въ единого Бога-Отца и Творца всѣхъ людей, ни въ Іисуса Христа—всеобщаго Искупителя и Примирителя, ни въ Его крестную жертву, принесенную за все человѣчество, ни въ святую трапезу тѣла и крови Господней, ни въ будущія награды и наказанія. Самое достоинство человѣческой природы, ея духовность, ея высшее нравственное призваніе, а также и одинаковость этой природы

у всѣхъ людей, происхожденіе всѣхъ людей отъ одного родоначальника и неизбѣжность для всѣхъ на землѣ общей участи нужды и страданія — все это для невѣрующихъ, отрѣшившихся отъ религіознаго убѣжденія можетъ представляться дѣломъ весьма сомнительнымъ. Что же послѣ этого можетъ располагать людей ко взаимной любви и помощи? На какихъ основаніяхъ можетъ быть утверждено въ человѣчествѣ всеобщее царство любви и братства? У людей, отвергающихъ религію, остается нѣсколько основаній такъ-называемаго естественнаго гуманизма или филантропіи, которыя повторяются иши при всякомъ случаѣ, чтобы ученіе ихъ совсѣмъ не казалось безъ всякаго смысла и опоры. Но всѣ эти основанія безъ твердой опоры религіозной сами представляются весьма шаткими. Какія это основанія? Общія права человѣчества, по которымъ каждый можетъ разсчитывать на участіе другихъ людей и одинаковую съ другими людьми долю счастья на землѣ? Но на чемъ же могутъ утверждаться эти права, когда и самое достоинство духовной человѣческой природы и одинаковость ея во всѣхъ людяхъ для невѣрующихъ, какъ мы сказали, остается дѣломъ сомнительнымъ? Возвышенность и благородство идеи гуманизма самой въ себѣ, внутреннее удовольствіе, которое всякій можетъ находить въ добромъ дѣлѣ, во взаимной любви и помощи? Но дѣйствительно ли такіа побужденія могутъ имѣть цѣну для всякаго? Дѣйствительно ли всякій или хоть большая часть людей болѣе можетъ испытывать удовольствія отъ того, чтобы отдать свой рубль нуждающемуся ближнему, чѣмъ отъ того, чтобы сберечь и употребить его для самаго себя? И дѣйствительно ли возвышенность и благородство идеи гуманизма самой въ себѣ такъ для всѣхъ убѣдительно, что они въ свою очередь не требуютъ для себя новаго подтвержденія и разъясненія?... Солидарность личныхъ интересовъ съ общими, по которой каждый дѣйствуя для блага другихъ получаетъ въ тоже время пользу себѣ? Вотъ еще основаніе, на которое особенно любятъ ссылаться въ настоящее время. Но это основаніе до такой степени шатко, что его съ такимъ

же удобствомъ можно обратить совершенно въ другую сторону—противоположную всякой идеѣ гуманизма и филантропіи. Если меня убѣждаютъ помогать ближнимъ во имя того, что это будетъ выгодно для меня самаго, то пусть уже мнѣ самому и предоставятъ сообразить, что для меня выгоднѣе—помогать другимъ или жить только для самаго себя. Большая часть людей навѣрное этотъ вопросъ рѣшила бы для себя такъ, что взаимной помощи людямъ другъ отъ друга послѣ этого и ожидать было бы нечего. На чемъ еще могутъ держаться филантропическія идеи помимо основаній религіозныхъ? Говорятъ иногда о законѣ историческаго прогресса, по которому идея гуманизма вмѣстѣ съ другими высшими идеями изъ вѣка въ вѣкъ должна болѣе и болѣе развиваться между людьми. Указываютъ въ общественномъ мнѣніи развитыхъ людей обязательство къ тому, чтобы люди поддерживали другъ друга и помогали другъ другу. Но всѣ эти основанія сами по себѣ до такой степени шатки и не ясны, что на нихъ рѣшительно ничего прочнаго утвердить нельзя. Какую несомнѣнность могутъ имѣть законы историческаго прогресса для людей отвергающихъ высшее духовное значеніе человѣческой жизни? Какую твердую обязательность можетъ имѣть общественное мнѣніе, часто само неизвѣстно на чемъ опирающееся и постоянно колеблющееся и измѣняющееся? По истинѣ можно сказать, что всякая естественная филантропія, разрушающая подъ собою религіозную основу, тѣмъ самымъ разрушаетъ и свое собственное существованіе. Безъ религіи не можетъ быть между людьми ни истинной нравственности, ни истинной гуманности. И если мы видимъ иногда въ настоящее время людей, отрѣшившихся отъ религіознаго убѣжденія и тѣмъ не менѣе проникнутыхъ высокими гуманными идеями и чувствами; то это объясняется только тѣмъ, что въ этихъ людяхъ независимо отъ ихъ собственнаго сознанія и расположенія еще держатся остатки религіозно-нравственныхъ вліяній, полученныхъ ими отъ того общества, среди котораго они родились и воспитались. Еслибы

остатки этихъ вліаній совершенно исчезли между людьми, вѣ-
стѣ съ тѣмъ исчезли бы между ними и всѣ добрыя чувства
и гуманныя отношенія, и люди опять возвратились бы къ
тому состоянію, когда человекъ для человека зѣрема былъ.

ПРОТОІЕРЕЙ А. ИВАНЦОВЪ-ПЛАТОНОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О В. И. ТЮТЧЕВѢ

И ЕГО ВОЗЗРѢНІИ НА ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ ЗАПАДА.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Русскаго Архива» за прошлый годъ была помѣщена богатая по своему содержанію, глубокая и серьезная по важности затрогиваемыхъ ею вопросовъ, біографія *Федора Ивановича Тютчева*, принадлежащая перу чловѣка, пользующагося заслуженною честною извѣстностію въ нашей литературѣ—И. С. Аксакова. Мы увѣрены въ томъ, что эта статья обратила на себя вниманіе читателей Русскаго Архива. Независимо отъ того удовольствія, которое доставила она сама по себѣ, какъ недюжинное литературное произведеніе, многіе изъ читателей конечно въ глубинѣ души остались благодарными почтенному составителю біографіи за предпринятый имъ трудъ познакомить русскую публику съ такою личностію, какою былъ Тютчевъ.

Рѣшаясь, съ позволенія достоуважаемаго автора, помѣстить на страницахъ нашего журнала нѣсколько выдержекъ изъ составленной имъ біографіи мы считаемъ нелишнимъ предварительно объяснить на счетъ причинъ, побудившихъ насъ сдѣлать это.

Изъ біографическаго очерка его жизни мы узнаемъ, что покойный Тютчевъ принадлежалъ къ числу натуръ, щедро награжденныхъ богатыми и блестящими силами духа, имѣвшихъ возможность развить ихъ при помощи тѣхъ средствъ которыя доставляетъ современное образованіе и до конца жизни

не перестававшихъ пользоваться тѣмъ, что служитъ для поддержания жизни духа. По своему внутреннему призванію это былъ болѣе поэтъ и художникъ, но онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые живутъ только въ созданномъ ими мѣрѣ творчества и художественныхъ образовъ и которые закрываютъ глаза на явленія окружающей ихъ дѣйствительности; напротивъ, явленія современной жизни, событія широко текущей жизни падали въ немъ и внимательнаго наблюдателя и глубокаго цѣнителя.

Происхожденіе и средства жизни, родственныя связи и образованіе доставили Тютчеву возможность избрать такой родъ службы, который открывалъ виды на блестящее общественное положеніе; таковымъ была служба по министерству иностранныхъ дѣлъ. Сколько потому, что того требовалъ самый родъ службы, столько, если не болѣе, и по влеченію собственной натуры, тянувшей его къ центрамъ европейскаго образованія, Тютчевъ свыше двадцати лѣтъ долженъ былъ провести за границею. Жизнь за-границею полюбилась Тютчеву, такъ какъ она доставляла ему возможность находить богатые источники для удовлетворенія высшимъ и разнообразнымъ потребностямъ своего духа. Но, къ чести его нужно сказать, что долговременное, продолжавшееся свыше 20 лѣтъ, пребываніе за границею не оторвало его отъ родной почвы и не вытравило въ немъ привязанности къ родной сторонѣ. Для многихъ, поставленныхъ въ условія жизни подобныхъ указаннымъ, и менѣе продолжительное пребываніе за-границею сопровождается послѣдствіями не особенно утѣшительными; какъ-то быстро оно выѣдаетъ въ человѣкѣ даже глубокія національныя особенности и, что всего хуже, отчуждаетъ человѣка отъ родной стороны. Съ Тютчевымъ, какъ мы сказали, этого не случилось. Онъ принадлежалъ даже къ числу такихъ немногихъ людей, которыхъ разлука съ родиною заставляетъ и научаетъ лучше цѣнить и любить свое родное. Онъ не пріобрѣлъ привычки судить о явленіяхъ русской жизни съ точки зрѣнія иностранца, а на оборотъ судилъ объ иностранныхъ явленіяхъ съ точки

зрѣнія русскаго; это, съ одной стороны, сдѣлало его способнымъ видѣть причины тѣхъ недуговъ, которыми страдаетъ современное европейское общество, и безпристрастнѣе судить о возможныхъ слѣдствіяхъ этихъ недуговъ, съ другой, спасло его отъ той болѣзни, которою заражаются наши объевропеившіеся соотечественники, видѣть одно только худое и безотрадное у себя дома. Характеристичны въ этомъ отношеніи слѣдующіе стихи Тютчева, обращенные къ Россіи:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Пребываніе Тютчева за-границею совпадаетъ между прочимъ съ такими крупными событіями, которыя имѣли важное значеніе въ отношеніи къ политическому состоянію Европы и которыя могли дать богатый предметъ для умственной работы мыслящаго челоуѣка. Ему пришлось быть очевидцемъ въ некоторыхъ изъ такихъ событій и судить о нихъ не изъ далека, не по наслышкѣ, не по сообщеніямъ газетныхъ корреспондентовъ, а подъ свѣжимъ, живымъ, и, что всего важнѣе, непосредственнымъ впечатлѣніемъ этихъ событій. Его воззрѣнія на характеръ и значеніе этихъ событій въ жизни европейскихъ народовъ и на отношенія въ некоторыхъ изъ нихъ къ Россіи изложены въ особыхъ политическихъ статьяхъ. Не имѣя въ виду раскрывать предъ читателями сущность всего политическаго міросозерцанія Тютчева, мы желали бы познакомить ихъ съ его воззрѣніями относительно одного изъ политическихъ вопросовъ, въ настоящее время даже приковавшаго къ себѣ общественное вниманіе Европы,—вопроса живаго со стороны своей современности, жгучаго со стороны тѣй запальчивости, съ которою идутъ къ его разрѣшенію. Мы разумѣемъ римскій вопросъ, какъ названъ онъ у Тютчева и Аксакова, церковно-политическій вопросъ Европы, какъ называетъ его современная печать.

Римскій вопросъ! Трудно опредѣлить паркою-другою пред-

ложеній сущность дѣла, обозначаемую этими двумя словами. Тутъ подразумѣвается цѣлая группа отдѣльныхъ вопросовъ. Это не просто вопросъ о свѣтской власти папы и его главенствѣ въ церкви и его непогрѣшимости. Тогда бы его и назвали такъ «папскимъ вопросомъ», а не римскимъ вопросомъ. Это одновременно вопросъ о верховенствѣ церкви, о ея отношеніи къ государству, объ учрежденіяхъ подлежащихъ ея вѣдѣнію и существующихъ въ зависимости отъ нея. Въ этомъ отношеніи это есть римскій, или что тоже, церковный вопросъ Запада. Въ тоже время—это есть вопросъ о роли церкви въ государственной, общественной, бытовой жизни европейскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи—это не просто церковный, а церковно-политическій вопросъ.

Въ настоящее время одинъ изъ подобныхъ вопросовъ рѣшенъ уже; исходъ франко-прусской войны помогъ разрѣшиться ему безъ кровопролитія. Но въ то время, когда писалъ о немъ Тютчевъ, онъ принадлежалъ къ числу згучихъ вопросовъ дня и насчетъ разрѣшенія его строились предположенія разнообразныя. Да и въ настоящее время нельзя еще сказать того, чтобы онъ сталъ воиновъ «дѣломъ минувшихъ дней», «преданіемъ старины», чтобы потому разсужденія о немъ были анахронизмомъ въ настоящее время. И въ настоящее время, не въ средѣ только итальянскихъ кардиналовъ, не въ средѣ даже духовенства римско-католической церкви, а въ средѣ вѣрующихъ разныхъ католическихъ націй существуетъ не мало людей мечтающихъ о возстановленіи свѣтской власти папы, желающихъ этого возстановленія и искренно убѣжденных въ необходимости его. Воззрѣнія Тютчева на этотъ предметъ, значитъ, могутъ представлять интересъ не лишенный современности.

Въ отношеніяхъ къ этому вопросу можно было примѣчать два направленія: одно враждебное свѣтской власти папѣ, другое благопріятствующее ему. Основаніями для перваго служили многія соображенія характера и политическаго и церковнаго. Важнѣйшія между ними заключались въ томъ, что свѣтская

власть папы служила помѣхою объединенію Италіи, что она сопровождалась вредными послѣдствіями для жителей Церковной Области, что она во многомъ несогласовалась съ современнѣмъ политическимъ устройствомъ Европы. Таковы были, такъ сказать, политическія причины вражды къ свѣтской власти папъ въ Европѣ. Но и между людьми, чуждавшимися политики, даже между искренними католиками не всѣ одинаково расположены были относиться благосклонно къ свѣтской власти папъ. Образованіе въ христіанской Европѣ учрежденія сходнаго съ магометанскимъ калифатомъ казалось противорѣчіемъ Христову ученію о духовности Его царства; присвоеніе первосвященнику правъ и обязанностей свѣтскаго властителя казалось несомѣстнымъ съ его другимъ и высшимъ служеніемъ, создавало тѣму затрудненій, имѣвшихъ ему «право править слово истины». По всѣмъ этимъ соображеніямъ секуляризація папскихъ владѣній признавалась дѣломъ необходимымъ столько же ради пользы и блага церкви, сколько и ради цѣлей политическихъ.

Но этихъ соображеній не раздѣляли сторонники и защитники свѣтской власти папъ. Въ Европѣ были, какъ и теперь есть, люди искренно повидимому убѣжденные въ необходимости свѣтской власти папъ. Нельзя сказать того, чтобы люди этихъ убѣжденій не имѣли никакихъ основаній для своихъ убѣжденій. Главѣйшимъ изъ этихъ основаній представляется необходимость свѣтской власти папъ ради сохраненія независимости и свободы церкви и ради предотвращенія отъ нея вреднаго для нея порабощенія государству. Занимая въ средѣ европейскихъ государей мѣсто равное съ ними по положенію, глава церкви имѣетъ болѣе средствъ оберегать интересы церкви отъ покушеній со стороны свѣтской власти; его власть для служителей церкви служитъ залогомъ и ручательствомъ той безопасности и неприкосновенности, чувство которой необходимо служителямъ церкви. Занимая же второстепенное и даже подчиненное положеніе въ известномъ государствѣ онъ долженъ быть, иной разъ въ интересахъ личной безопасности, согла-

шаться на уступки, одобрять мѣры, противныя прямому благу церкви, но угодныя свѣтской власти; создается положеніе дѣлъ, которое называется цезаропапизмомъ. Таковъ взглядъ папистовъ на свѣтскую власть папъ. Что касается до неудобствъ свѣтской власти папы въ политическомъ отношеніи, то по ихъ мнѣнію, это дѣло можно было бы устроить къ общему удовольствію, расположивши папу къ нѣкоторымъ намѣненіямъ въ системѣ своего управленія, болѣе сообразнымъ съ духомъ настоящаго времени.

Сужденіе и взглядъ Тютчева относительно этого предмета изложены въ особой статьѣ, которой толкователь мыслей Тютчева И. С. Аксаковъ отдаетъ преимущество предъ прочими его статьями. Въ своихъ воззрѣніяхъ на спорное дѣло онъ чуждъ того ослѣпленія, съ которымъ относились, да иначе пожалуй и не могли относиться къ этому вопросу на Западѣ; судить о дѣлѣ спокойно и безпристрастно, какъ наблюдатель сторонній, хотя въ тоже время и съ тою живостію, которая дается близостію къ наблюдаемому предѣмету. Изображая критическое состояніе римской церкви онъ указываетъ начало, исходный пунктъ этого состоянія въ отторженіи римской церкви отъ вселенской и въ стремленіи ея поработить своему частному и мѣстному авторитету авторитетъ вселенской церкви. Всѣ послѣдующіе недуги, которыми страдала римская церковь, а съ нею и западное общество, были только логическимъ развитіемъ той фальши, которая легла въ основаніе романтизма; грозный признакъ революціи, смущающій воображеніе современнаго человѣка, есть послѣдствіе, логическій выводъ изъ посылокъ, поставленныхъ реформаціею Лютера, а дѣло Лютера было чадомъ дѣла Григорія VII. Равнымъ образомъ, рассматривая вопросъ о свѣтской власти папъ Тютчевъ видитъ ненормальность въ положеніи папы съ атрибутами свѣтскаго властителя, фальшивость попытокъ и непрочность мѣръ касательно поддержанія ея и т. д. и въ концѣ своихъ разсужденій приходитъ къ мысли о неизбѣжности секуляризаціи папскихъ владѣній; событія оправдали предположенія его касательно

этого предмета. Произнося такой судъ надъ историческимъ фактомъ, созданнымъ на своеволиі, жи и лицемѣриі, Тютчевъ тѣмъ не менѣе не можетъ быть отнесенъ къ категоріи людей, въ паденіи папства видящихъ дѣло отрадное и вождедѣльное. Какъ ни представлялось бы распатаннымъ папство въ настоящее время, оно тѣмъ не менѣе служить на Западѣ единственнымъ оплотомъ вѣры; паденіе его доставило бы торжество началу антихристіанскому и повело бы за собою торжество всѣхъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя и теперь уже довольно громко заявляютъ о своемъ существованіи. Подобное явленіе включаетъ въ себя много трагическаго; оно показываетъ тотъ сложный и запутанный лабиринтъ противорѣчій, въ которомъ запуталось папство и въ которомъ запутались западные народы, съ политической и общественной жизнью которыхъ папство такъ тѣсно связало себя; оно заслуживаетъ искренняго и сердечнаго сожалѣнія: тѣмъ не менѣе оно есть.

Жизнь Тютчева приближалась уже къ концу, когда показались первые тревожные и зловѣщіе признаки того пожара, который съ такою силою свирѣпствуетъ въ настоящее время на церковно-политической аренѣ Запада. Дѣло, какъ извѣстно, началось съ ватиканскаго собора и съ провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Многихъ изумили и поразили ватиканскіе декреты,—какъ чудовищный обманъ, какъ выраженіе безмѣрной притязательности римскаго первосвященника, какъ безразсудное непониманіе требованій духа времени, свидѣтельствующее о конечномъ одряхлѣніи папства, какъ судорожный крикъ, конвульсивное движеніе умирающаго великана. Послышались разсужденія о пресловутомъ «началѣ конца». Но многое въ томъ, что казалось неожиданнымъ для другихъ, не могло поразить Тютчева неожиданностію; предъ его политическимъ взоромъ за долго до своего совершенія были открыты нѣкоторыя событія. Этимъ мы не хотимъ сказать того, чтобы Тютчевъ былъ чѣмъ-то въ родѣ пророка, предъ очами котораго открыта завѣса, скрывающая отъ другихъ темное и загадочное будущее. Нѣтъ, это простое, хотя и рѣдкое, умѣнье

дѣлать выводы изъ поставленныхъ посылокъ. Въ исторіи бываетъ какъ въ логикѣ; каждое событіе есть своего рода посылка; рядъ событий — рядъ посылокъ. Есть люди, которымъ достаточно узнать нѣсколько предшествующихъ посылокъ, чтобы съ безошибочностію предсказать рядъ имѣющихъ послѣдовать за ними посылокъ. Поэтому для него не было новостью услышать о провозглашеніи догмата папской непогрѣшимости, о возбужденіи преслѣдованій въ Германіи противъ ультрамонтанъ, іезуитовъ, и затѣмъ противъ католиковъ. Не появленіе этихъ событий, говоримъ, наиболѣе всего поражило Тютчева, а «недостатокъ разумной оцѣнки этихъ паважнѣйшихъ явленій современной эпохи».

Правда, что въ сознаніи и рѣшеніяхъ ватиканскаго собора Тютчевъ тоже видитъ «самоубійственный актъ», но едвали было бы правильно этому выраженію приписывать то значеніе, какое оно могло имѣть въ устахъ кого либо другаго, т. е. значеніе конечнаго «разложенія» западнаго христіанства. Называя декреты мнимо-вселенскаго собора въ Ватиканѣ самоубійственнымъ актомъ, Тютчевъ имѣлъ въ виду тѣ, чуждыя истинной сущности христіанства, наслоенія, которыя легли въ основу собственно «романизма». Воплотивъ убѣжденный въ томъ, что въ католическомъ мірѣ не изсякла еще истинная духовная струя, считая даже невозможнымъ, чтобы такой значительный церковный элементъ, совсѣми своими задатками и преданіями, вдругъ разсыпался и разлетѣлся на вѣтеръ, онъ ожидаетъ отъ собора ватиканскаго послѣдствій даже благотворныхъ для католической церкви съ точки зрѣнія православной церкви и въ отношеніи къ вселенскому единству. По его мнѣнію подобное событіе въ католическомъ мірѣ, какъ ватиканскій соборъ, должно способствовать очищенію церковно католической атмосферы, послѣ котораго станетъ невозможнымъ «то притворное, аффектированное смиреніе предъ папскимъ авторитетомъ, котораго доселѣ придерживались самые исключительные, самые убѣжденные противники ультрамонтанскаго ученія». По мнѣнію развитія этого начала въ средѣ католической церкви должна

созрѣть и окрѣпнуть мысль о необходимости крѣпче ухватиться за идею вселенской церкви. Нужно только подождать, нужно только не мѣшать развитію логически - неминуемыхъ послѣдствій означеннаго самоубійственнаго акта. Вопреки людямъ, сопровождающимъ кликами радости каждый новый ударъ, наносимый католической церкви, чуть ли не собирающимся уже справлять тризну по ней, Тютчевъ убѣжденъ въ томъ, что для нея, конечно очищенной отъ всѣхъ наслоеній романизма, предстоитъ свѣтозарная будущность, въ концѣ концовъ побѣда надъ своими врагами. Православная церковь, говоритъ онъ, несмотря на многовѣковую разлуку и всѣ человѣческія предубѣжденія не переставала признавать, что христіанское начало никогда не вымирало въ римской церкви, что оно всегда было въ ней сильнѣе лжи и человѣческой страсти, и вотъ почему она пытается внутреннее глубокое убѣжденіе, что *она пересилитъ всѣхъ своихъ враговъ...* Можетъ быть еще много превратностей и несчастій отдѣляютъ отъ этого мгновенія папство и подвластную ему церковь. И какъ въ виду того, что творится, въ виду этой новой организаціи зла, самой искусной, самой грозной, какую когда либо знавали люди, возбранить христіанамъ надежду, что Господь, во время потребно, уврачуеетъ Своею благою десницею язву на тѣлѣ церкви, нанесенную челоуѣками, «эту зіяющую язву, уже восемьсотъ лѣтъ не перестающую точить кровь».

Однимъ изъ неминуемыхъ послѣдствій обнародованія ватиканскихъ декретовъ было столкновеніе католической церкви съ гражданскими правительствами Европы. Этого ожидали всѣ, лишь только стали извѣстны тенденціи ватиканскаго собора. Это и случилось. Германія взяла на себя починъ въ великомъ походѣ на церковь католическую. Борьба эта длится вотъ уже сколько времени, а конца ей еще не предвидится. Вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ новымъ фазисомъ этой борьбы. Кто видитъ въ ней актъ самозащиты государства, вынужденный неумѣренными притязаніями папства, кто борьбу протестантизма, въ успѣхахъ прус-

скаго оружія почувствовавшаго свою силу, противъ католичества, въ пораженіи Франціи и Австріи почувствовавшаго собственное поражение, кто борьбу культуры противъ старыхъ помѣхъ ея движенію. Тютчевъ одинъ изъ первыхъ увидалъ въ этой борьбѣ нѣчто другое — борьбу христіанскаго начала съ антихристіанскими элементами, давно уже бродившими въ Европѣ, а теперь достаточно назрѣвшими, чтобы выступить открыто. Многія изъ дѣйствій, которыми ознаменовалась эта борьба, совершились уже послѣ того, какъ Тютчевъ сошелъ въ могилу. Но уже по первымъ приѣмамъ схватившихся противниковъ онъ опредѣлялъ характеръ и сущность борьбы. А истолкователь воззрѣній Тютчева, И. С. Аксаковъ сопровождалъ выдержки изъ его писемъ собственными примѣчаніями, въ которыхъ, оставаясь вѣрнымъ основному тону воззрѣній Тютчева, онъ изложилъ сущность его воззрѣній съ такою полнотою и ясностію, которая въ достаточной мѣрѣ освѣщаетъ совершающіеся факты. Рекомендуемъ нашимъ читателямъ остановить особенное вниманіе на той части, гдѣ рассматривается вопросъ объ отношеніяхъ государственной власти къ церкви, какъ онъ ставится въ современной западной Европѣ. Кто слѣдилъ и слѣдитъ за извѣстіями, касающимися современной борьбы въ Европѣ, тотъ встрѣтитъ не мало случаевъ повѣрить фактическими данными правильность воззрѣній ихъ, а равно и нѣкоторые факты, которые въ другомъ случаѣ остались бы можетъ быть незамѣченными, получаютъ особый смыслъ, если поднести къ нимъ свѣточъ воззрѣній Тютчева и Аксакова и посмотрѣть на нихъ при этомъ освѣщеніи.

Отыскивая источникъ, изъ котораго беретъ свое начало антихристіанское движеніе, откуда въ началѣ оно движется мало замѣтнымъ ручьемъ, который постепенно расширяется, наполняется впадающими въ него притоками, пока не переходитъ въ бурно ревущій потокъ, усиливающійся сокрушить всѣ преграды, встрѣчаемыя на пути, Тютчевъ указываетъ таковой въ «той самой средѣ, въ которой призвано жить и двигаться это антихристіанское движеніе,—въ дальнѣйшемъ выполненіи все

тогоже дѣла—обоготворенія человѣка человѣкомъ, въ возведеніи все тойже человѣческой воли въ нѣчто абсолютное и державное, въ законъ верховный и безусловный.» Путь, которымъ шло это антихристіанское движеніе на западѣ, для различныхъ западныхъ государствъ былъ не одинаковъ. Любопытенъ тотъ глубокой анализъ, съ какимъ изображаетъ И. С. Аксаковъ ходъ, внутреннюю работу этого антихристіанскаго движенія въ различныхъ западныхъ государствахъ. Однѣ изъ нихъ, начавъ съ попытки отвергнуть авторитетъ церкви и христіанства и замѣнить его авторитетомъ общества, но не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ понятій, привитыхъ христіанствомъ и церковію, осуждаютъ себя на постоянную работу созиданія и разрушенія все новыхъ и новыхъ формъ гражданскаго порядка и общественной жизни; неудовлетворяясь ниодною изъ нихъ, истощаются въ бесплодныхъ усиліяхъ отыскать такую форму государственнаго и соціальнаго устройства, которая бы отвѣчала важнѣйшимъ потребностямъ духа человѣческаго, видѣннымъ въ него христіанствомъ, но въ тоже время не давала чувствовать своей зависимости отъ христіанскихъ воззрѣній. Окончательный удѣлъ такихъ поисковъ, запечатлѣнныхъ характеромъ революціи, можетъ быть не иной какой, какъ анархія и конечное разложеніе государственной и соціальной жизни. Въ этомъ, по мнѣнію Аксакова, заключается ключъ къ уразумѣнію внутренней исторіи напр. Франціи за текущее столѣтіе.

Инымъ путемъ шло антихристіанское движеніе въ протестантизмѣ. Объявивъ свободу человѣка и независимость его въ дѣлахъ вѣры отъ церковнаго авторитета, поставивъ разумъ человѣка критеріемъ истины и чрезъ то подчинивъ послѣднюю первому, протестантизмъ проложилъ путь тому развѣдающему расудочному анализу, который медленно, но глубоко подтачивалъ существенныя основы, на которыхъ зиждется государственная и общественная жизнь и которыя доставляются христіанствомъ. Объединивъ и даже обнищавъ по собственной винѣ нравственно-религіознымъ достоинствомъ, протестантизмъ оказалъ

ся не въ состояніи дать государству инныя основы для устройства кромѣ тѣхъ, которыя указываетъ раціонализмъ. Окончательнымъ результатомъ такой работы раціонализма должно явиться такое эксъ-христіанское общество или государство, которое въ началѣ найдетъ себѣ поддержку въ радикалахъ, демократахъ социалистахъ, и т. п., но которое должно кончить или тоже анархією или такимъ рабствомъ, котораго міръ еще не извѣдалъ.

Таковъ въ основныхъ чертахъ взглядъ Аксакова на сущность того движенія, которое совершается въ западныхъ государствахъ. Въ этихъ воззрѣніяхъ многимъ иное покажется новымъ, неожиданнымъ, иное, можетъ быть, своеобразнымъ. Въ сущности же взглядъ Тютчева и Аксакова на религиозное состояніе Европы и на положеніе западныхъ вѣроисповѣданій не новъ, ихъ воззрѣнія служатъ дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей, высказанныхъ относительно этого дѣла покойнымъ Хомяковымъ. Для болѣе полнаго представленія настоящаго дѣла мы считаемъ нелишнимъ въ краткомъ очеркѣ представить сущность воззрѣній Хомякова на положеніе западныхъ религиозныхъ обществъ. По его мнѣнію раціонализмъ, угрожающій роковыми послѣдствіями для западной Европы и причиняющій столько страданій католической церкви, есть порожденіе ея самой, послѣдовательное и логическое развитіе начала, внесеннаго ею самою въ церковную жизнь. Это начало, которому онъ даетъ имя «раціоналистическаго своеволія», постарѣе даже протестантизма, оно введено въ область церкви посягательствомъ частной церкви на права Вселенской церкви; первый грѣхъ, которымъ согрѣшила западная половина христіанства противъ восточной ея половины, былъ грѣхъ противъ ученія о единствѣ церкви; и онъ, по мнѣнію Хомякова, заключалъ въ себѣ зловерное сѣмя раціонализма. Своимъ отпаденіемъ отъ церкви, говоритъ онъ, Римъ совершилъ актъ протестантизма; но въ тѣ времена духъ церкви даже еще на западѣ былъ столь силенъ и столь противоположенъ духу позднѣйшей реформы, что романнизмъ вынужденъ былъ укрыть отъ взоровъ христіанъ и отъ самаго

себя своей собственной характеръ, надѣвъ на внесенное имъ въ среду церкви начало рационалистическаго безначалія личину правительственнаго деспотизма въ дѣлахъ вѣры. Допущеніе извѣстной прибавки въ символъ, сдѣланное западною церковію помимо согласія церкви восточной, было со стороны западной церкви новымъ проявленіемъ рационализма. Вопреки церковному преданію, говоритъ онъ, западъ въ девятомъ вѣкѣ присвоиваетъ себѣ право измѣнять вселенскій символъ безъ содѣйствія своихъ восточныхъ собратій;—какое же необходимое вытекаетъ изъ этого посягательства логическое послѣдствіе? Какъ скоро логическое начало знанія въ изложеніи символа отрѣшилось отъ нравственнаго начала любви, выражающагося въ единодушій церкви, такъ этимъ самымъ на дѣлѣ установлялось протестантское безначаліе—анархія въ области вѣры. Опредѣливши сущность того недуга, которымъ заразилась западная церковь и который повлекъ за собою появленіе въ ней тѣхъ язвъ, которыми страдала она, Хомяковъ ясно видѣлъ и тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыя должны были потомъ появиться. Такъ наприм. въ то время, когда онъ произносилъ свое сужденіе о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, папская непогрѣшимость не была догматизирована Римскою церковію. Это было даже довольно задолго до ватиканскаго собора. Но для Хомякова уже въ то время необходимость этого догматизированія была ясна и казалась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ самой сущности романизма: отсрочка его, по его мнѣнію, была дѣломъ временнымъ и зависѣла отъ нерѣшительности римской куріи. Мнѣніе его относительно этого предмета было таково. Римъ, дозволявши себѣ поступить вопреки христіанскому закону вселенскаго единомыслія въ дѣлахъ вѣры, вводилъ такое начало, въ силу котораго и по отношенію къ нему самому какая либо отдѣльная епархія могла поступить также, какъ поступилъ онъ относительно вселенской церкви, какой либо отдѣльный приходъ—относительно своей епархіи и т. д. Потерявши, такимъ образомъ, точку опоры и спасаясь отъ неизбѣжныхъ слѣдствій самимъ же имъ введеннаго начала, Римъ

на мѣсто отринутаго имъ закона и вѣрнаго критерія истины долженъ былъ изобрѣсти другой критерій, и ему приписать признакъ непогрѣшимости, принадлежащей вселенской церкви. Необходимость въ этомъ кригеріѣ создала понятіе папской непогрѣшимости и притомъ *безусловной*. «Этому неизбѣжному послѣдствію, говоритъ онъ, должны бы по настоящему подчиниться всѣ латинствующіе. Тѣмъ неменѣе безусловная непогрѣшимость не была еще возведена на степень несомнѣннаго догмата; это все еще вопросъ, къ которому римская курія подступитъ не смѣетъ.» Такъ писалъ Хомяковъ за 15 лѣтъ до провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Позднѣе Аксаковъ эту основную мысль Хомякова о томъ, что латинскій новый догматъ непогрѣшимости есть логическое послѣдствіе самаго принципа романизма, раскрылъ съ полною ясностью, какъ въ этомъ убѣдятся сами читатели.

Изображая взаимное отношеніе главнѣйшихъ западныхъ вѣроисповѣданій — католицизма и протестантизма — Хомяковъ видитъ необходимость междусобной борьбы между ними, такъ какъ почва подъ обоими одна, права одинаковы и въ обоихъ одинаково все сводится на внѣшность, въ одномъ на внѣшнее единство, въ другомъ на внѣшнюю свободу. Эта борьба, какъ бы ни была блистательны побѣды, одерживаемыя по временамъ каждою изъ воюющихъ сторонъ, одинаково истощаетъ силы обѣихъ. Отрицательною своею стороною протестантство окончательно подпало господству явнаго рационализма, а положительное содержаніе, въ немъ еще уцѣлѣвшее, расплывается въ туманѣ произвольнаго мистицизма; сила безпощадной логики тянетъ его въ бездну лжефилософскаго невѣрія. Но и романизмъ сознаетъ себя пораженнымъ въ самое сердце необходимостью, въ которую онъ поставленъ, прибѣгать постоянно къ неправдѣ, чтобъ укрыть отъ взоровъ незаконность своего исходнаго начала. При невозможности примиренія сознаваемая каждымъ изъ нихъ невозможность достигнуть выгодныхъ результатовъ заставляетъ ихъ искать себѣ опоры въ союзѣ съ политическими мнѣніями и стрем-

леніями или въ сочувствіи народныхъ массъ или въ интересахъ престоловъ и привилегированныхъ сословій. Это обстоятельство, по мнѣнію Хомякова, только еще болѣе роняетъ религіозныя партіи запада и подрываетъ дѣло, защищаемое ими. «Есть какая-то глубокая фальшь въ союзѣ религіи съ социальными треволненіями, стыдно становится за церковь, до того низко упавшую, что уже не совѣстится рекомендовать себя правительствамъ или народамъ, словно наемная дружина, выторговывающая себѣ за усердную службу плату, покровительство или почетъ»¹⁾).

Свои разсужденія о теперешнемъ критическомъ положеніи западныхъ вѣроисповѣданій Хомяковъ въ концѣ концовъ сводитъ къ мысли о неизбежности крушенія, которое рано или поздно должно ихъ постигнуть. Наступленіе этого событія не за горами. Уже появляются передовые отряды, своимъ появленіемъ свидѣтельствующіе о приближеніи грознаго противника; на аванпостахъ церкви происходятъ столкновенія, предвѣщающія рѣшительную битву. Врагъ этотъ, намѣстіе котораго, по мнѣнію Хомякова, угрожаетъ разгромомъ западной церкви, есть невѣріе: «въ каждую минуту, говорятъ онъ изображая борьбу между католицизмомъ и протестантизмомъ, въ каждую минуту каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ похвалиться блистательною побѣдою; а между тѣмъ обѣ оказываются постоянно разбитыми, а поле битвы остается за невѣріемъ. Оно бы давно и окончательно имъ завладѣло, еслибы потребность вѣры не заставляла многихъ закрывать глаза предъ непослѣдовательностію религіи, принятой ими по невозможности безъ нея обойтись, и еслибы таже потребность не заставляла держаться разъ принятой религіи даже тѣхъ, которые серьезно въ нее не вѣрують»... Все ускоряетъ окончательное крушеніе западныхъ вѣроисповѣданій. И религіозный макіавелизмъ правительствъ и шаткая религіозность от-

¹⁾ См. Хомякова первую брошюру о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, напечат. въ Прав. Обозрѣніи 1863 г.

дѣльныхъ лицъ видятъ предъ собою въ близкомъ будущемъ угрожающее лице торжествующаго безвѣрія. Должно признаться, что съ каждымъ днемъ приемы невѣрія становятся болѣе и болѣе беззастѣнчивы, а слово болѣе и болѣе ясно. Оно сознаетъ въ себѣ столько силы, такъ твердо увѣрено въ своей побѣдѣ, что обращается съ христіанствомъ снисходительно, оказываетъ ему учтивости, даже подаетъ милостыни. Самый гнѣвъ, возбуждаемый невѣріемъ, постепенно утихаетъ по мѣрѣ того какъ становится очевидною слабость сопротивленія, и въ предчувствіи скорой смерти отъ изнеможенія западное христіанство перестаетъ уже бояться смерти насильственной».

Чтобы эти печальныя мысли, эти тревожныя предчувствія не смутили кого либо, спѣшимъ оговорить мысль Хомякова; онъ не трепещетъ за участь самой сущности христіанства, за то, что и въ западномъ христіанствѣ составляетъ драгоценное наследіе первыхъ вѣковъ христіанства; онъ разумѣетъ тѣ наслоенія въ западномъ христіанствѣ, которымъ даетъ названіе «романизма, горькіе продукты того раціонализма, которому допустила развиваться въ себѣ западная церковь. Его онасенія не касаются сущности христіанства. «А все это оттого, говоритъ онъ поясняя причины кризиса западнаго христіанства, что оно совершило самоубійство; оттого, что перестало быть христіанствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ перестало быть церковью; оттого, что присудило себя къ смерти вмѣстѣ съ тѣмъ какъ задумало быть религіозною монархіею, а не живымъ организмомъ; оттого, наконецъ, что жить и противостоять дѣйствію вѣковъ и человѣческихъ мыслей можетъ только истинно живое, т. е. только то, что въ себѣ имѣетъ начало неразрушимой жизни»³⁾.

Заключая свое предисловіе къ извлеченіямъ изъ статьи Аксакова о Тютчева мы чувствуемъ, что оно значительно пе-

³⁾ См. Хомякова вторую брошюру о западн. вѣроисповѣданіяхъ, напечат. въ „Прав. Обзор.“ 1864 г.

реступило тѣ границы, въ какихъ принято писать предисловія. Но мы сочли нужнымъ въ предварительномъ очеркѣ по возможности яснѣе очертить ту систему церковно-политическихъ воззрѣній, представителями которыхъ служатъ Хомяковъ, Тютчевъ и Аксаковъ. А система эта заслуживаетъ глубокаго вниманія особенно въ настоящее время и въ виду настоящихъ событій церковно-политической жизни запада. Нѣтъ спора, что за извѣстіями о ходѣ этихъ событій слѣдятъ всѣ съ болѣе или менѣе напряженнымъ вниманіемъ. Но, читая эти извѣстія, чувствуешь себя какъ бы въ положеніи чловѣка, очутившагося въ городѣ, полномъ достопримѣчательностей, но не имѣющаго подъ руками хорошаго путеводителя; незнаешь, на что попристальнѣе посмотрѣть, чему отдать предпочтеніе; засмотришься на то, чего и вездѣ много, проглядишь что нибудь крупное: хорошій указатель тутъ много поможетъ. Прилагаемыя при семъ извлеченія надѣмся сослужать службу хорошаго указателя въ дѣлѣ уразумѣнія и оцѣнки текущихъ событій запада. Можетъ быть нѣкоторые изъ читателей встрѣчаютъ всѣ такія извѣстія съ равнодушіемъ и участіемъ чловѣка, которому нѣтъ дѣла до того что сказалъ тотъ-то, что отвѣчалъ такой-то. Другіе, можетъ быть, показываютъ болѣе участія, но въ своихъ мнѣніяхъ, равно какъ и въ своихъ симпатіяхъ руководствуются или мнѣніями извѣстнаго кружка, партіи, мнѣніями по большей части окрашенными въ тотъ цвѣтъ, который полюбился этой партіи, или мнѣніями составляющимися подъ впечатлѣніями минуты, значить неимѣющими устойчивости. Хомяковъ и преемники его воззрѣній удостоверяютъ что безучастное, равно какое либо подобное отношеніе непростительно; изъ ихъ статей убѣждаешься, что церковныя событія запада должны быть предметомъ живаго интереса для члена православной церкви и что въ отношеніи къ нимъ у него должно быть опредѣленное свое мнѣніе.

О. И. ТЮТЧЕВЪ

И ЕГО СТАТЬЯ:

„РИМСКІЙ ВОПРОСЪ И ПАПСТВО“.

.... Приступимъ теперь къ третьей и послѣдней напечатанной политической статьѣ Тютчева, именно къ той, которая подъ заглавіемъ: *La Question Romaine et la Papauté* (Римскій вопросъ и Папство) появилась въ февральской книжкѣ журнала *Revue des deux mondes*, съ предпосланнымъ ей возраженіемъ редактора *Laurentie*. Эта статья къ сожалѣнію вовсе не была перепечатана въ Россіи, ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ, — а между тѣмъ она самая замѣчательная и самая блестящая по изложенію. Въ рукописи стоитъ подъ нею: 1 октября 1849 г. Для того, чтобы вполне понять связь этой статьи съ предъидущею, необходимо припомнить, что за два года передъ тѣмъ, именно въ 1847 году, съ восшествіемъ на папскій престолъ Пія IX, введены имъ были въ Римѣ разныя либеральныя преобразованія; что вспыхнувшая вслѣдъ за тѣмъ въ Парижѣ Февральская революція перекинула свое революціонное пламя и въ Римъ; папа бѣжалъ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ войска Французской республики, по повелѣнію президента Людовика Наполеона, осадили Вѣчный Городъ, чуть-чуть не разрушили его бомбами, наконецъ послѣ долгой осады овладѣли имъ, раздавили новосозданную Римскую республику и водворили папу снова въ Ватиканѣ. Февральская революція послужила Тютчеву богатымъ матеріаломъ для мысли. Будто вслѣдъ за ударомъ грома, ка-

КНИГЪ-ТО волшебствомъ, предъ испуганнымъ взоромъ міра встали воочию тѣни прошлаго и будущаго, высунулись, заслоненные пошлостью обыденной жизни, грозные роковые вопросы.... однимъ словомъ, — «подъ зримой оболочкой» исторіи, дано было людямъ «узрѣть ее самое,» безъ покрова. Понятно, что Тютчевъ именно это событіе взялъ за точку отравленія своихъ размышленій — именно въ немъ какъ въ зеркалѣ наблюдалъ отраженіе минувшихъ и грядущихъ явленій. Въ настоящей статьѣ Тютчевъ разсматриваетъ ту же Февральскую революцію, но съ ея новой стороны. Вотъ содержаніе статьи.

Изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ, говоритъ Тютчевъ, есть одинъ, который, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ аномаліи, всѣ противорѣчія, всѣ невозможности, о которыхъ бьется Западная Европа, — это именно вопросъ Римскій, благодаря той неутонченной логикѣ, которая, какъ скрытое правосудіе (*une justice cachée*), видѣна Богомъ въ событія міра... Глубокій, непримиримый разрывъ, свѣдающій Западъ, долженъ былъ наконецъ дойти до высшаго своего выраженія, проникнуть до самаго корня дерева... А никто не станетъ отрицать, что какъ во всѣ времена, такъ еще и донинѣ, Римъ — корень міра Западнаго. .. Этотъ вопросъ не то, что другіе вопросы: онъ не только соприкасается со всѣмъ, что есть на Западѣ, но можно сказать, даже переступаетъ его (*elle le déborde*)....“

„Можно безошибочно утверждать, что въ настоящее время все, что на Западѣ осталось еще отъ положительнаго христіанства (*christianisme positif*), „прямо или косвенно примыкаетъ къ Римскому католицизму, которому Папство (какимъ создала его исторія) служитъ какъ бы связью свода (*la clef de voute*) и условіемъ бытія.... Протестантизмъ, котораго едва достало на три вѣка, чахнетъ и вымираетъ,“ а если гдѣ еще и скрывается въ немъ кое-какая жизненная стихія, она стремится къ воссоединенію съ Римомъ... Однимъ словомъ, Папство — „вотъ послѣдній столбъ, кое-какъ поддерживающій на Западѣ этотъ край христіанскаго зданія, уцѣлѣвшій послѣ великаго рушенія XVI вѣка и послѣдовавшихъ обваловъ (*tout ce pan de l'édifice chrétien, resté debout après la grande ruine du XVI siècle et les écroulements successifs, qui ont eu lieu depuis*)... Подъ этотъ-то столбъ и направленъ теперь подкопъ...“ Наявно или лицемерно обращаются къ Риму съ предложеніемъ разныхъ уступокъ и сдѣлокъ: до папства, какъ до церковнаго учрежденія, касаться и не думаютъ, его сохраняютъ, предъ нимъ благоговѣютъ, — нужны, говорятъ, только нѣкоторыя частныя видоизмѣненія, нѣкоторыя вполне законныя реформы въ управленіи Рим-

скими владѣніями, только сокращеніе предѣловъ свѣтской власти, даже не совершенная ея отмѣна... „Но никакое самообогащеніе въ этомъ смыслѣ непозволительно для человѣка, кто уразумѣлъ самую сущность борьбы, волнующей Западъ, то, что стало, въ теченіи вѣковъ, самою его жизнью, — жизнью аномальною, конечно, однакожь дѣйствительною, — болѣзнию не со вчерашняго только дня и все еще возрастающею...“ Требования, предъявляемыя папѣ, большую часть касаются интересовъ, вполне и несомнѣнно справедливыхъ и законныхъ, нуждающихся въ немедленномъ удовлетвореніи, но таково роковое положеніе дѣла, что даже и эти интересы (свойства чисто мѣстнаго и значенія сравнительно мелкаго) держать отъ себя въ зависимости гражданскій вопросъ...¹⁾ Потому что неотвратимымъ результатомъ всякой серьезной, искренней реформы въ настоящемъ образѣ управленія Церковною Областью — будетъ, въ концѣ концовъ, „секуляризація папскихъ владѣній, т. е. отмѣна свѣтской власти Римскаго папы... Въ чью же пользу совершится эти секуляризація? Какей власти, какаго духа и свойства, передастся отнятая у папы свѣтская власть? подъ чью опеку поступитъ Папство?“

„Здѣсь опять туча иллюзій... „Мы знаемъ фетишизмъ людей Запада относительно всякой формы, формулы, политическаго механизма. *Этотъ фетишизмъ какъ бы послѣднее религіозное вѣрованіе Запада*; но только слѣпецъ могъ бы вообразить себѣ, что всѣ эти навязанныя папству либеральныя или полулиберальныя реформы удержатся во власти среднихъ, умѣренныхъ убѣжденій, а не будутъ тотчасъ же захвачены революціей и обращены въ военныя машины, — для сокрушенія не только свѣтской власти папы, но и всего церковнаго учрежденія“... „Какъ бы вы ни наказывали революціонному принципу, какъ Господь сатанѣ, мучить только плоть вѣрнаго раба Іова, не касаясь его души, революція, менѣе совѣстливая, чѣмъ ангелъ тьмы не станетъ стѣсняться вашимъ наказомъ.“

„Чтоже выйдеть?..“ Что Римскій вопросъ — безысходный лабиринтъ, что папство дошло до той поры, когда жизнь ощущается только трудностью бытія (*à cette période d'existence, où la vie ne se fait plus sentir que par une difficulté d'être*). Здѣсь то выступаетъ, словно солнце, та дивная логика, которая, какъ внутренній законъ, управляетъ событіями міра... Въ тотъ день, какъ восемь вѣковъ тому назадъ Римъ прервалъ послѣднее звено, связывавшее его съ православнымъ преда-

¹⁾ Тутъ слѣдуетъ такое сравненіе: *Ce sont de modestes et inoffensives habitations de particuliers, situées de telle sorte, qu'elles commandent une place de guerre, et malheureusement l'ennemi est aux portes.*

ніемъ Вселенской Церкви и создалъ себѣ свою отдѣльную судьбу, онъ рѣшилъ, на долгіе вѣки, и судьбу всего Запада“.

Авторъ не входитъ въ разборъ догматическаго различія, послужившаго Риму предлогомъ къ отдѣленію отъ Вселенской Церкви. Съ точки зрѣнія человѣческаго разума, говоритъ онъ, это догматическое различіе еще не достаточно объясняетъ, какъ «прорылась та бездна, какую мы видимъ теперь, не между двумя Церквами, — потому что Церковь *одна*, — а между двумя мірами, двумя человѣчествами, такъ сказать... Онъ обращается прямо «къ очевидному грѣху Рима.» къ измѣнѣ завѣту Спасителя:

„Христось сказалъ: „Царство мое не отъ міра сего“... Римъ, отторгшись отъ единства, отождествляя свой интересъ съ интересами христіанства, счелъ себя въ правѣ организовать Царство Христово какъ царство отъ міра. Не легко объяснить Западу настоящей смыслъ изрѣченія Христова: всякое истолкованіе, несогласное съ Римскимъ, понимается на Западѣ въ смыслѣ протестантскомъ, — но протестантское воззрѣніе отстоитъ отъ православнаго, какъ человѣческое отъ божескаго, не ближе православное воззрѣніе и къ воззрѣнію Рима, и вотъ почему.

„Если протестантизмъ уничтожилъ центръ христіанскій, который есть Церковь, въ пользу я человѣческаго, я личнаго, то Римъ поглотилъ этотъ христіанскій центръ въ самого себя, въ свое *Римское я* (elle l'a absorbé dans le Moi romain). Римъ не отвергъ преданія, а конфисковалъ его въ свою пользу. Но присвоеніе себѣ божественнаго тоже, что отрицаніе, и вотъ на чемъ зиждется эта страшная, роковая, но несомнѣнная солидарность протестантизма съ захватами (usurpations) Рима. Всякое же самовольное присвоеніе нигдѣ ту особенность, что оно съ одной стороны непременно созидаетъ, къ своей выгодѣ, цѣлое *подобіе права*; съ другой непременно же вызываетъ бунтъ... Современная революціонная школа и не далась въ обманъ. Революція, которая есть только апофеозъ человѣческаго я, достигшаго до своего полнѣйшаго развитія (arrivé à son plein et entier épanouissement), не замедлила причислить къ *своимъ*, и привѣтствовать, какъ своихъ славнѣйшихъ двухъ предковъ — Лютера, а равно и Григорія VII. Родственная кровь заговорила ей... Въ соотношеніи между собою этихъ трехъ терминовъ (Григорій VII, Лютеръ, революція), заключается основа исторической жизни Запада, — но первоначальной причиною, точкою отправления такой логической связи служитъ искаженіе Римомъ христіанскаго основнаго начала.“

Очертивъ вкратцѣ историческую характеристику Римской Церкви, ставшей наконецъ политическою силою, государствомъ въ государствѣ, авторъ уподобляетъ ее, въ средніе вѣка, *Римской колоніи водворившейся въ завоеванной землѣ*, и говорить, что «приковавъ себя къ интересамъ земнымъ, конечнымъ, она уготовила себѣ и участь конечную, смертную; воплотивъ священное начало въ тѣло немощное и глѣбное, она привила къ нему всѣ недуги и похоти плоти.» Отсюда эти притязанія, это соперничество, этотъ истинно-нечестивый поединокъ папскаго престола съ имперіей, — всѣ эти нагромоздившіяся вѣками насилія, войны, чудовищныя дѣянія, совершенныя ради укрѣпленія вещественной власти, необходимой, по понятіямъ Рима, для сохраненія единства церковнаго, — и разбившія это мнимое единство въ дребезги. Реформа XVI вѣка была въ основаніи своемъ законною реакціей оскорбленнаго христіанскаго чувства — противъ церкви, которая во многихъ отношеніяхъ была церковью только по имени. «Но такъ какъ уже цѣлые вѣки Римъ тщательно заслонялъ собою на Западѣ Церковь Вселенскую, то вожди реформы, вмѣсто того чтобъ обратиться къ суду высшей церковной власти, предпочли обратиться къ суду личной совѣсти, т. е. стали сами судьями въ собственномъ дѣлѣ.» Такимъ образомъ реформатское движеніе, совершенно христіанское въ своемъ основаніи, приняло затѣмъ ложное направленіе, пришло къ отрицанію авторитета Церкви и потомъ къ отрицанію самаго принципа авторитета вообще. «Въ эту-то брешь, пробитую протестантизмомъ, даже безъ его вѣдома такъ сказать,» но вслѣдствіе грубаго искаженія Римомъ основной идеи Церкви, «вторглось поздиѣе, въ самую общественную жизнь Запада, начало уже чисто антихристіанское...» И не могло быть иначе, говоритъ Тютчевъ, «потому что человѣческое я, предоставленное самому себѣ, антихристіанское по существу (*est antichrétien par essence*)...»

Эта часть статьи Тютчева, или вѣрнѣе сказать: тема о соотношеніи католицизма или романизма съ протестантизмомъ, послужила поводомъ и темою для извѣстныхъ Французскихъ брошюръ Хомякова. Хомяковъ вообще съ самымъ живымъ сочувствіемъ отнесся къ этой статьѣ. Вотъ, что мы читаемъ въ одномъ письмѣ Хомякова къ А. Н. Полову: «Статья Э. И. Тютчева въ

Revue des deux Mondes вещь превосходная, хотя и не думаю, чтобъ ее поняли у васъ въ Питерѣ, и въ чужихъ краяхъ. Она заграничной публикѣ не по плечу... Она есть не только лучшее, но единственно дѣльное, сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ гдѣ бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многъхъ...» Но въ своей первой брошюрѣ, озаглавленной: *Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de mr. Laurentie,* написанной и напечатанной (въ Парижѣ) въ 1853 г., Хомяковъ дѣлаеть слѣдующую оговорку. Приводимъ ее въ переводѣ:

„Статья, напечатанная въ *Revue des deux Mondes* и принадлежащая, какъ кажется, Русскому дипломату г. Тютчеву, приписывала затрудненія религіознаго вопроса на Западѣ духовенству Рима, и въ особенности смѣшенію интересовъ духовныхъ и мірскихъ въ лицѣ епископа-государя. Эта статья вызвала въ 1852 году печатный отвѣтъ г. Лоранси; зтотъ-то отвѣтъ и требуетъ опроверженія. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, высказалъ ли г. Тютчевъ въ своей статьѣ, которой достоинство, впрочемъ, представляется несомнѣннымъ даже его критику, мысль свою во всей ея полнотѣ, и не привалъ ли онъ, въ нѣкоторой степени, симптомы зла за его причины. Моя задача — не защита и не критика моего соотечественника, я хочу только оправдать Церковь въ странныхъ обвиненіяхъ, направленныхъ на нее г-мъ Лоранси, и буду держаться единственно религіознаго вопроса“ и пр.

И Хомяковъ, глубже окунувшись въ самую сущность религіознаго вопроса, спеціально изслѣдовавъ соотношеніе Римской церкви съ протестантизмомъ, доказываетъ, что обвиненіе въ рационализмѣ, направляемое обыкновенно противъ протестантовъ, прежде всего падаетъ на романизмъ, который вноситъ въ область вѣры чуждую ей стихію формальнаго логическаго разума, въ немъ ищеть опору для истины, (слѣдовательно въ самой истинѣ), и такимъ образомъ самое зданіе церкви зиждетъ не на истинѣ, а на внѣшнемъ авторитетѣ. Неминуемымъ послѣдствіемъ *логическаго рациональнаго отношенія* къ истинѣ вѣры является, конечно, совершенная невозможность для разума удовлетвориться внутреннимъ, уже во все нераціональнымъ, не поддающимся никакой логикѣ, свидѣтельствомъ истины о себѣ самой, познаніемъ истины любовью и вѣрой, затѣмъ выступаетъ логическая необходимость опредѣлить внѣшніе признаки, по которымъ познается истина, а такъ

какъ храмѣе истины вѣрено церкви, то этимъ внѣшнимъ признакомъ, по выводамъ логики, и должна была служить церковь. Слѣдовательно, церковь понята здѣсь не какъ сама живая истина, не какъ воплощеніе истины въ живомъ организмѣ любви и вѣры, а какъ нѣчто *внѣшнее* для истины, какъ авторитетъ, ее утверждающій и повѣряющій. Но логическая формальная работа разума на этомъ остановиться не можетъ. Съ понятіемъ о внѣшнемъ авторитетѣ неразлучно представленіе объ авторитетѣ правильномъ, формальномъ; возникаетъ потребность дать опредѣлительную, осязательную формулу идеѣ церкви, оградить авторитетъ точными внѣшними примѣтами. Романвизмъ, такимъ образомъ, мало по малу суживаетъ понятіе о церкви все тѣснѣе и тѣснѣе,—и съ перенесеніемъ этого понятія въ область внѣшнихъ формальныхъ представленій, онъ не могъ не придать и церкви атрибутовъ, свойственныхъ этимъ послѣднимъ. Разойдась со вселенскою церковію въ самыхъ существенныхъ основаніяхъ, именно въ понятіи о церкви; упустивъ изъ виду самое зиждительное начало церкви, — условіе ея бытія: духъ братской любви и единомыслія: — занятый лишь одной задачей — развить и утвердить формальный авторитетъ церкви, Римъ сосредоточилъ въ себѣ самомъ и идею авторитета и идею церкви, и придалъ церкви государственное устройство съ самодержцемъ-папою во главѣ. Католики и понынѣ спорятъ, т. е. либеральные изъ нихъ полагаютъ, что приличнѣе было бы дать Римской церкви устройство конституціонное съ аристократическою іерархіею, съ демократическою палатою и т. д. Но это нисколько не измѣняетъ вопроса, т. е. вопросъ состоялъ бы только въ томъ: гдѣ признакъ церковнаго авторитета, по существу своему *непогрѣшимого*? другими словами: гдѣ признакъ истины вѣчной, божественной, непогрѣшимой: въ опредѣленномъ ли *количествѣ*, т. е. *большинствѣ голосовъ*, означаемомъ баллотировкой или инымъ способомъ, или же въ верховномъ главѣ — папѣ? Въ сущности, это уже все равно. Если уже разъ допущено понятіе о Христовомъ намѣстничествѣ и главенствѣ церковномъ, то не совсѣмъ прилично подвергать представителя Христова на землѣ ограниченію въ правахъ и держать его подъ контролемъ. Какъ бы то ни было, но представленіе объ авторитетѣ неразрывно съ представленіемъ о непогрѣшимости, — иначе, какой же это

былъ бы авторитетъ? Слѣдовательно, все что олицетворяетъ въ себѣ этотъ авторитетъ (а въ чемъ нибудь, по логическому требованію разума, онъ долженъ же быть олицетворяемъ), по существу своему должно быть непогрѣшимо, а потому и провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости есть логическій выводъ изъ основнаго раціональнаго положенія, принятаго романизмомъ. Такимъ образомъ самая идея церковнаго авторитета, присущая Римской церкви и, по словамъ Тютчева, разбитая (*battue en brèche*) протестантизмомъ, была идеею живою, и созданіе Римомъ «царства Христова,» по образу и подобию земныхъ царствъ, явилось не первоначальною причиною (какъ можно было бы заключить изъ словъ Тютчева) всего позднѣйшаго ложнаго развитія христіанскаго начала въ исторіи Запада, а лишь *симптомомъ* того раціонализма, который выразился въ самой идеѣ авторитета, который таился въ самой глубинѣ Римскаго церковнаго духа и который, породивъ протестантизмъ, отъ искаженія христіанской истины довелъ Западъ до голаго ея отрицанія. Конечно Тютчевъ, какъ замѣчаетъ и Хомяковъ, не изложилъ и не имѣлъ намѣренія излагать свою мысль во всей полнотѣ, — да и самая идея Церкви особенно отчетливо Хомяковымъ, была выяснена *блословски* тѣмъ не менѣе великою является заслуга Тютчева, двадцать пять лѣтъ тому назадъ истолковавшаго внутренняго судьбы Запада, высказавшаго впервые то, что теперь отчасти уже пошло въ оборотъ, стало общимъ достояніемъ, но чего, по словамъ Хомякова, еще никѣмъ до Тютчева не было сказано. Возвращаемся къ его статьѣ.

„Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Тютчевъ — этотъ бунтъ, эти захваты человѣческаго я — явленіе постарше трехъ послѣднихъ вѣковъ; но что было тогда ново и впервые выступило въ исторіи, это возведеніе такихъ захватовъ и бунта въ достоинство принципа, въ право неотъемлемо-присущее человѣческой личности.... Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ вѣковъ, историческая жизнь Запада была не что иное, какъ непрекращающій натискъ на все, что еще было христіанскаго въ составѣ стараго западнаго общества. Этотъ трудъ разрушенія былъ долгъ, и прежде чѣмъ свалить учрежденія, понадобилось подточить ихъ связующую силу, ихъ цементъ — христіанское вѣрованіе. Тѣмъ и приснопамятна Французская революція, что она открыла новую эру: восшествіе анти-

христіанской идеи на степенъ политической власти, вручила ей управленіе гражданскимъ обществомъ (elle a inauguré l'avènement de l'idée antichrétienne au gouvernement de la société politique). Что въ этой идеѣ заключался весь смыслъ Революціи, о томъ свидѣтельствуемъ и повный догматъ, пущенный ею въ міръ — догматъ народнаго верховнаго владычества (souveraineté du peuple). Чтоже такое народное верховное владычество, какъ не верховное владычество того же человѣческаго я, только умноженное количественно, слѣдовательно опирающееся на силу (la souveraineté du moi humain, multipliée par le nombre, c'est à dire appuyée sur la force)?“

Здѣсь, во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны сдѣлать нѣкоторую оговорку. Въ упомянутомъ уже нами письмѣ Хомякова, по поводу этихъ строкъ Тютчева, встрѣчается такое замѣчаніе: «Въ народѣ дѣйствительно souveraineté suprême... И что дѣлать Мадагасамъ, если волею Божіею холера унесетъ семью короля Раваны? Я имѣю право это говорить потому именно, что я анти-республиканецъ, анти-конституціоналистъ и пр. Самое повиновеніе народа есть un acte de souveraineté.» Это замѣчаніе, разумѣется, вполне справедливо; но мы имѣемъ поводъ полагать, что Тютчевъ вовсе и не думалъ отрицать верховное значеніе народа въ смыслѣ, указанномъ Хомяковымъ. Стоитъ только поставить вопросъ: что ради чего существуетъ? власть ради страны или народа, или народъ ради власти? Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ; онъ и рѣшаетъ вопросъ. Здѣсь верховенство народа есть законъ, такъ сказать, естественный. Но великая разница между этимъ закономъ естественнымъ, «между понятіемъ о народѣ, какъ объ источникѣ власти,» и между souveraineté du peuple, провозглашеннымъ Революціей. Въ политической окраскѣ, приданной этому понятію западною демократіей, чувствуется ложь. Народъ, отправляющій власть, надѣвající вѣнецъ и порфиру, уже не народъ, уже искажаетъ свой нравственный образъ какъ народа, источника власти, а становится самъ олицетвореніемъ принципа власти. Это не одно и то же. Не одно и то же учреждать власть или отправлять власть, быть источникомъ власти или властвовать. Отвлекая отъ себя присущее ему начало власти и перенося это начало на лицо или учрежденіе, — вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно обязывая самого себя повиновеніемъ — этому, отвлеченному имъ отъ себя, элемен-

ту власти, — народъ совершаетъ безъ сомнѣнія «un acte de souveraineté,» но вмѣстѣ съ тѣмъ совершаетъ великій нравственный актъ самоограниченія, самообузданія себя какъ цѣлаго, и самообузданія личнаго я въ своихъ народныхъ единицахъ. Власть съ своей стороны, не будучи сама въ себѣ источникомъ власти, имѣя raison d'être, причину своего бытія *въ* себя, именно въ странѣ или народѣ, становится, какіе бы ни были ея атрибуты. *служеніемъ* этой странѣ или народу: вотъ идеальное, нравственное, и въ тоже время естественное взаимное отношеніе этихъ двухъ элементовъ... Но было бы горшею ложью, если бы народъ, въ смыслѣ западнаго новѣйшаго понятія о народномъ владычествѣ, самъ, такъ сказать, сѣлъ на престолъ, въ роли постоянно пребывающаго правителя; онъ при этомъ, во первыхъ, не совершилъ бы великаго нравственнаго акта повинновенія и самообузданія: кому же повинноваться? самому себѣ?! во вторыхъ власть, въ лицѣ народа, утратила бы ту нравственную, ту умѣряющую ее стихію *служенія*, которая присуща власти нормальнаго происхожденія. Будучи самъ источникомъ власти, состоя самъ внѣ всякаго контроля, *служа самому себѣ*, разнузданный отъ всѣхъ нравственныхъ узъ, не признавая никакого высшаго надъ собою начала, ни гражданскаго, ни религіознаго, — такой народъ-властитель былъ бы самымъ чудовищнымъ, безнравственнымъ явленіемъ въ мірѣ.

Но такая гипотеза никогда и не можетъ осуществиться вполнѣ, и если осуществлялась Революціею, такъ только отчасти, съ помощью самой злой и наглой жи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить, что такое народъ? Какъ придать ему уста, слухъ, очи, однимъ словомъ органы, которые бы давали возможность войти съ нимъ въ прямое, видимое и осязаемое отношеніе, какъ съ цѣльнымъ организмомъ? Обычныя формы народнаго представительства оказывались неудовлетворительными; онѣ недостаточно выражали западно-демократическую идею народнаго верховенства. Какъ-бы ни было велико число народныхъ делегатовъ, оно все же было ничтожно въ сравненіи съ народнымъ *количествомъ*; за стѣнами каждой палаты оставались массы народа, вовсе не расположенныя отрекаться отъ власти и слагать съ себя санъ и атрибуты владыки въ пользу своихъ уполномоченныхъ, т. е. вмѣсто непосредственнаго отправленія власти от-

правлять ее чрезъ двойное, тройное посредство, — чрезъ передачу власти, градаціей выборовъ, крохотному меньшинству. Какимъ же образомъ осуществить выраженіе непосредственной воли народной? Революція рѣшила эту трудную проблему по своему: или роль народа разыгрывалась Парижскою или иною горождою чернью, — или каждая демократическая партія сама себя выдавала за народъ, или же иной проходимецъ захватывалъ власть также во имя народа... Наконецъ революція попала въ собственные сѣти; революціонный принципъ народнаго верховнаго владычества привелъ къ провозглашенію принципа *suffrage universel*. Самъ въ себѣ принципъ *suffrage universel*, т. е. какъ «всенародный голосъ» или «всенародное мнѣніе», вполне вѣренъ и истиненъ. Но всенародное мнѣніе, какъ и общественное мнѣніе, не поддается какой нибудь внѣшней, осязательной, вполне уловляющей его организаціи. Это какъ бы нравственная стихія, какъ-бы историческая воздушная атмосфера, обуславливающая народное и государственное бытіе, — съ тою впрочемъ разницею, что атмосферическія явленія требуютъ только наблюденія, а народному мнѣнію должны быть предоставлены удобства выражаться съ полною искренностью... Однако и здѣсь нѣтъ возможности опредѣлить безошибочно, по наружнымъ примѣтамъ: это вотъ истинное, это не истинное народное мнѣніе или изволеніе: такая повѣрка принадлежитъ самому народному сознанию, выражается самою исторіею... Но именно и въ этомъ случаѣ, какъ и въ отношеніи къ церкви, какъ и въ отношеніи ко всякому явленію нравственнаго свойства, сказалась присущая Западу склонность къ формулѣ, къ внѣшнимъ формальнымъ признакамъ, которую Тютчевъ такъ мѣтко назвалъ *фетишизмомъ*, послѣднимъ вѣрваніемъ Запада. Западъ отнесся къ народу не какъ къ силѣ качественной, а какъ къ силѣ количественной; поэтому и принципъ *suffrage universel*, по его опредѣленію, есть принципъ *пополсной подачи голосовъ и счетовъ*. Здѣсь блистательно оправдывается слово Тютчева, что, по революціоннымъ понятіямъ Запада, народъ—*c'est la souveraineté du moi multipliée par le nombre*. Это уже не цѣльный организмъ, а агломератъ, количественное сборище единицъ, отдѣльныхъ человѣческихъ я, разнузданныхъ человѣческихъ эгоизмовъ, не признающихъ надъ собою (таково *требованіе*, таковъ идеалъ революціи) никакого выста-

го, нравственнаго, религіознаго начала. Революціонный идеаль оказался однакоже на практикѣ невыгоднымъ для идеалистовъ. Революція, посредствомъ ззобрѣтеной ею поголовной подачи голосовъ, заклала себя собственными руками. Эта революціонная формула обратилась въ орудіе цезаризма, такъ что революціонная партія, въ наши дни, частью уже совѣмъ отрекается отъ собственнаго дѣтища, частью изыскиваетъ средства: ловкостью, подкупомъ, терроромъ и обманомъ заворбовать въ свою пользу количество голосовъ, *долженствующее* выразить собою — Истину!! Впрочемъ корифей Парижской коммуны заявили иное мнѣніе: исключить изъ «народа» все многочисленное сельское населеніе, и признать «народомъ» только городское; а если-бы и городское населеніе оказалось съ ними, съ корифеями, несогласнымъ, то допустить и дальнѣйшія исключенія, такъ что подъ конецъ идея народа сошла-бы къ двумъ-тремъ самопоклоняющимся личностямъ, убѣждающимъ остальныхъ помощью петролея.

Многіе читатели можетъ быть посѣтуютъ на насъ за такія отступленія вовсе повидимому небіографическаго свойства. Но излагая мнѣнія Тютчева по вопросамъ высшей важности, до сихъ поръ самымъ современнымъ и жгучимъ, мы желали бы устранить всякія недоразумѣнія, къ которымъ могла бы подать поводъ случайная неточность выражений или недомолвка со стороны автора, почему и считаемъ своею обязанностью выяснить читателямъ его взгляды со всею надлежащею полнотою... Намъ остается прибавить, что Тютчевъ, обладая широкимъ историческимъ кругозоромъ, отводилъ, конечно, и революціи, какъ и всякимъ реакціоннымъ историческимъ фактамъ, подобающее мѣсто въ исторіи человѣчества, призывалъ ихъ логическую, такъ сказать законную причинность, — въ смыслѣ законности, напримѣръ, атмосферическихъ явленій, грозъ, бурь и т. д.; но ему ненавистно было, какъ уже и было говорено выше, возведеніе такого факта на степень принципа, доктрины, начала правящаго обществомъ, на степень политической власти; ненавистенъ духъ отрицанія, насилія, деспотизма, безвѣрія, самообожанія человѣческой личности — освобожденной отъ нравственныхъ идеаловъ и узъ, не признающей ничего выше себя, выше своего ограниченнаго разума и животной природы... Кто же

станеть утверждать, въ виду совершившихся и совершающихся фактовъ, что не таковъ духъ, внесенный революціею въ жизнь народныхъ западныхъ обществъ?... Что же касается до словъ Хомякова о томъ, что онъ антиреспубликанецъ, антиконституціоналистъ и т. д., то относительно Тютчева можно сказать, что онъ, точно также, относился довольно безразлично къ формамъ правленія въ смыслѣ теоретическомъ; онъ дорожилъ прежде всего историческими существующими формами и свободнымъ органическимъ, народнымъ развитіемъ; для него важнѣе внѣшняго строя учрежденій была ихъ внутренняя *душа*. Онъ никогда не рабствовалъ тому формальному либерализму, по которому у насъ въ Россіи любятъ опознавать свободномыслящаго чловѣка; онъ былъ вполне свободенъ и независимъ въ своихъ мнѣніяхъ и въ выраженіи своихъ мнѣній...

Послѣдуемъ снова за Тютчевымъ въ его статьѣ: *La question romaine et la papauté*.

Революція — говоритъ онъ — сама устранила всякое сомнѣніе на счетъ своихъ настоящихъ отношеній къ христіанству, выразивъ ихъ въ слѣдующей формулѣ, самой повидимому смягченной, не въ той, какая было появилась во времена Конвента: «государство, какъ государство, не имѣетъ религіи».

„Это было совершенною новостью въ мірѣ... Кто не знаетъ, что во всей исторіи, даже по ту сторону Креста, въ мірѣ языческомъ, который все же жилъ подъ сѣнію общаго вселенскаго преданія (язычествомъ, конечно, искаженного, но не прерваннаго), всякое градское или государственное устройство считало себя учрежденіемъ религіознымъ: это были какъ бы обломки общаго преданія, которое, воплощаясь въ отдѣльныя общества, образовывало всюду самостоятельные центры, — что-то въ родѣ религіи замкнутой мѣстностью и овеществленной (*de la religion, pour ainsi dire, localisée et matérialisée*). Въ первый разъ предложенъ революціею образъ государства, совершенно отвергающаго всякое высшее освященіе, всякое отношеніе къ какому-либо сверхчеловѣческому нравственному началу, — государства объявляющаго себя бездушнымъ, а если и съ душою, такъ не знающемою никакой вѣры“... „Но это притязаніе на *нейтральность* не есть дѣло серьезное и искреннее со стороны революціи. Она слишкомъ хорошо знаетъ, что, въ отношеніи къ ея противнику, такая нейтральность невозможна: „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня.“ Уже для того, чтобы обратиться къ христіанству съ предложеніемъ нейтральности, надобно было перестать

быть христіанномъ. Для того, чтобъ такое безразличное отношеніе было не ложью и западней, нужно бы, чтобъ государство согласилось отнять у себя всякое значеніе нравственнаго авторитета, низвело себя на степень простаго полицейскаго учрежденія, простаго матеріальнаго факта, неспособнаго по самой своей природѣ выражать какую бы то ни было нравственную идею... Но впрочемъ революція вовсе и не думаетъ довольствоваться для государства, ею созданнаго по своему образу и подобию, такимъ смиреннымъ положеніемъ, ни осуждать его на бездушіе. Она изгоняетъ изъ государствъ признанныя господствующія религіи (religions d'Etat) только потому, что замѣняетъ ихъ своею революціею, то есть религіею безвѣрія...“

Подъ «господствующей религіей» въ государствѣ Тютчевъ разумѣетъ преобладающую въ народномъ обществѣ, создавшемъ себѣ государственный организмъ, религіозную стихію, — то вѣроисповѣдное начало, подъ воздѣйствіемъ котораго народъ сложился какъ историческая и политическая личность, и посвятить на которое ни въ какомъ смыслѣ государство не имѣетъ права, не извративъ своихъ отношеній къ народу, давшему ему бытіе. Найдутся люди, которые въ приведенныхъ нами строкахъ Тютчева увидятъ, пожалуй, смѣшеніе понятія «божескаго» и «мірскаго» и т. д. Но это было бы совершенно ложно: Христосъ, отдѣливши свое Царство отъ міра («Царство мое не отъ міра сего» и «Божіе Богови, Кесарево Кесаревн»), тѣмъ самымъ поставилъ Бога внѣ и превыше кесаря, и Царство Божіе превыше земнаго. Церковь, обратившаяся въ царство отъ міра, какъ у Римскихъ католиковъ — ложь; государство, присвоивающее себѣ функціи Христовой церкви — такая же ложь. Но не меньшая, если не горшая ложь и тогда, когда кесарь забудетъ, что надъ нимъ есть Богъ и обоготворитъ себя самаго, когда идея государства возводится въ предметъ вѣроисповѣданія (въ самостоятельный «культъ»). Христіанское общество, для котораго государство служитъ вышнимъ покровомъ, средствомъ и формою общепитія, не можетъ допустить со стороны этой формы такого отношенія къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ своего общественнаго существованія, которое бы не хотѣло съ ними считаться; не можетъ, въ своемъ общественномъ организмѣ, облеченномъ въ государственную форму, признать другой души, другаго нравственнаго идеала, кромѣ той души и того идеала, которые оно само влагаетъ; не можетъ дозволить, чтобы эта

форма, это государство творило бы само себя кумпромъ. Начало государственное должно въ общественномъ сознаніи состоять въ отношеніи нравственнаго подчиненія къ духовному, высшему для человѣка началу; въ противномъ случаѣ, государство, какъ принципъ внѣшней, условной формальной правды и вещественной силы, переступивъ свои границы, задавить общество, задавить духъ и свободу. Если государство поставить само себя высшею истинною, не станетъ признавать надъ собою никакого высшаго нравственнаго начала, и внѣ себя никакой такой области, за предѣлы которой оно не имѣло бы права переходить, напримѣръ религій и церкви, то оно никогда не ограничится нейтральнымъ къ нимъ отношеніемъ, какъ и говоритъ Тютчевъ, а обнаружитъ тотчасъ же поползновеніе сломить ихъ нравственную силу, поработить ихъ себѣ, замѣнить ихъ однимъ собою. Блестательное подтвержденіе предсказаній Тютчева являетъ въ наше время, чрезъ двадцать пять лѣтъ, современная борьба государства и церкви въ Германіи...

Загѣмъ Тютчевъ переходитъ къ положенію Папы въ виду предъявленныхъ ему требованій преобразовать свою свѣтскую власть согласно съ началами современнаго государства. Между этими послѣдними началами и папствомъ не можетъ быть сдѣлки: всякая уступка со стороны Папы, который все такъ христіанинъ и священникъ, была бы въ тоже время вѣроотступничествомъ. Легче и удобнѣе совсѣмъ лишитъ его этой, въ сущности незаконной, власти, нежели заставить его подчиниться духу новѣйшей цивилизаціи. Тютчевъ осмѣиваетъ такъ называемое *умѣренное, разсудительное* мнѣніе многихъ людей на Западѣ, которые полагаютъ, что Папа могъ бы принять учрежденіе, откинувъ принципъ, т. е. самую душу учрежденія. «Еслибъ Папа былъ только епископомъ,» говоритъ Тютчевъ,

„еслибъ Папство осталось вѣрнымъ своему происхожденію, революція, подобно всякому гоненію, въ отношеніи къ нему была-бы безсильна. Но именно потому, что Папство приняло въ себя начало чужеродное, начало смерти и тлѣна, оно стало доступно ударамъ. Изъ всѣхъ учрежденій, созданныхъ Папствомъ, отторгшимся отъ единства съ Православною Церковью, сильнѣе всѣхъ подвигло къ окончательному разрыву учрежденіе свѣтской власти, — и теперь именно объ это учрежденіе и суждено ему преткаться, объ него сломиться. Такова грозная логика исторіи!..

...Конечно давно уже — говорить далѣе Тютчевъ — не видалъ міръ такого зрѣлища, какое представила несчастная Италія въ 1847 г., въ годъ восшествія на престолъ папы Пія IX... Случается иногда, что наканунѣ великой бѣды, людей охватываетъ внезапно яростный смѣхъ, бѣшеная веселость... Здѣсь цѣлый народъ былъ вдругъ обунанъ подобнымъ припадкомъ. И лозунгомъ такого бѣснующагося ликования было имя Папы... Сколько разъ, вѣроятно, содрогнулся бѣдный служитель алтаря, уединясь въ своихъ покояхъ, отъ доносившихся до него кликовъ оргіи, которой кумиромъ былъ онъ! Сколько разъ эти рычания любви, эти конвульсія энтузіазма должны были вносить смятеніе и сомнѣніе въ душу этого несчастнаго христіанина, преданнаго въ добычу ужасающей популярности?.. . . „Впервые еще выставлялось на видъ такое обожаніе Папы, а не Папства. Всѣ эти восхваленія и изъявленія преданности приносились человѣку въ надеждѣ — найти въ немъ сообщника противъ самаго учрежденія... Однимъ словомъ хотѣли праздновать Папу, сжигая Папство на потѣшномъ огнѣ... И ни въ чемъ тагъ не выказались ложь и лицемеріе этого возведенія въ апогеозъ главы католической церкви, какъ въ одновременномъ бѣшенномъ гоненіи на Іезуитовъ...

Не присоединяясь къ хору валовыхъ ругательствъ и нападокъ на Іезуитскій орденъ, ставшихъ такъ сказать общимъ мѣстомъ, Тютчевъ пытается взглянуть на это учрежденіе со стороны, серьезно и безпристрастно. «Іезуиты — говоритъ онъ — останутся всегда загадкой для Запада, ключъ отъ которой не у него. Іезуитскій вопросъ такъ тѣсно связанъ съ религіозною совѣстью Запада, что невозможно когда либо ожидать отъ него справедливаго рѣшенія»... Учрежденіе это возбуждаетъ къ себѣ вниманіе наблюдателя уже самою тою страшною, непримиримою ненавистью, которую оно внушаетъ къ себѣ всеѣмъ врагамъ христіанской религіи: это могло бы служить ему краснорѣчивѣйшею апологіей. Но еще болѣе замѣчательна, продолжаетъ Тютчевъ «та непреодолимая сила антипатіи, которую питали къ этому ордену многіе лучшіе люди католицизма, самые искренніе, самые преданные Римской церкви, отъ Паскаля до нашихъ дней». Это послѣднее явленіе, т. е. подобное отношеніе къ іезуитамъ въ значительной части римско-католическаго міра, по словамъ Тютчева, «едва ли не одно изъ самыхъ поразительныхъ и трагическихъ состояній человѣческой души. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть трагичнѣе той борьбы, которая должна про-

исходить въ сердцѣ человѣка, когда онъ, поставленный между чувствомъ благоговѣйнаго уваженія и отвратительною очевидностью, усиливается замѣть, заглушить свидѣтельство собственной совѣсти; только чтобъ не признать той тѣсной, неоспоримой солидарности, какую связаны предметъ его богопочтенія и предметъ его ненависти?»

А таково именно положеніе всѣхъ вѣрныхъ католиковъ, — прибавляетъ къ этому Тютчевъ; ослѣпленные враждою къ Іезуитамъ, они не хотятъ видѣть, какая глубочайшая, внутренняя солидарность связуетъ направление, доктрину, судьбы Іезуитскаго ордена съ направлениемъ, доктриной, судьбой самой Римской церкви, — и связуетъ такъ, что отдѣлить одно отъ другаго нѣтъ никакой возможности безъ органическаго поврежденія, безъ изувѣченія... Что же такое Іезуиты?

Въ самомъ дѣлѣ, что заставляетъ ихъ подвергаться преслѣдованіямъ, гоненіямъ, лишеніямъ, трудиться денно и нощно? Что же движетъ ими? Не вещественный же грубый интересъ каждаго члена лично, — въ этомъ никто ихъ и не обвиняетъ, — а идея (ложная или вѣрная, это другой вопросъ), идея, *добросовѣстное* служеніе которой побуждаетъ ихъ творить нерѣдко самыя *безсовѣстные* дѣла. «Іезуиты, продолжаетъ Тютчевъ:

это люди, одержимые ревностью пламенною, неутомимою, нерѣдко геронческою, къ дѣлу христіанской религіи. Но въ то же время они и великіе преступники противъ христіанства, потому что духъ личнаго эгоизма, человѣческаго *я* обладаетъ ими, не отдѣльными единицами, но ими какъ ордевомъ (*dominés par le moi humain non pas comme individus, mais comme Ordre*); потому что они отождествили дѣло христіанское съ своимъ собственнымъ, потому что собственное самоудовлетвореніе возвели въ значеніе побѣды Божіей, и въ стяжаніе побѣдъ Господу Богу внесли всю страсть и безразборчивость личнаго эгоизма... Ихъ грѣхъ — грѣхъ самого Рима, воплотившаго въ себѣ одномъ Вселенскую Церковь... Между Іезуитами и Римомъ связь истинно органическая, кровная. Орденъ Іезуитовъ концентрированное, но буквально вѣрное выраженіе Римскаго католицизма; однимъ словомъ: это самъ Римскій католицизмъ, но на положеніи дѣйствующаго и воинствующаго (*le catholicisme romain lui-même, mais à l'état d'action, à l'état militant*)"... Та часть западнаго общества, которая совсѣмъ оторвалась отъ христіанства, нападаетъ на Іезуитовъ только для того, чтобъ, прикрывшись ихъ непопулярностью, вѣрнѣе поражать настоящаго своего врага. Но за то католики, оставшіеся вѣрными Риму, поставлены въ такое положеніе, что хотя бы они, какъ христіане, были вполне пра-

вы въ своей враждѣ къ Ордену, однакоже, нападая на Іезуитовъ, подвергаютъ опасности поранить глубоко самую Римскую церковь“...

Баронъ Пфеффель въ своей статьѣ, о которой мы уже часто упоминали, приводитъ еще слѣдующее, чрезвычайно нѣткое выраженіе Тютчева: *En frappant les Jésuites, on espère démolir l'Eglise: supprimer les Jésuites c'est désosser le catholicisme* (поражая Іезуитовъ надѣются сломить Римскую церковь: уничтожить Іезуитовъ значитъ обезкостить католицизмъ). Но и стать подъ іезуитское знамя нельзя, не отрекшись отъ христіанской совѣсти и чистоты христіанскаго нравственнаго ученія... «Таково безвыходное положеніе вѣрныхъ сыновъ Римской церкви!»²⁾

Затѣмъ слѣдуетъ у Тютчева подробный анализъ разныхъ неслыханныхъ требованій, обращенныхъ къ Папѣ, при восшествіи его на престолъ, напримѣръ освобожденія Італіи отъ мноземнаго ига, возстановленія единой Італіи подъ властью Папы, чего-то въ родѣ христіанскаго калифата и т. п. Двусмысленность положенія не могла долѣе продолжаться: Пій IX порвалъ наконецъ всѣ связи «съ друзьями своей особы и врагами папства,» — вспыхнулъ мятежъ, — Пій IX бѣжалъ, — революція одѣлась въ образъ Римской республики. Впрочемъ, замѣчаетъ Тютчевъ, революціонная партія не удовлетворилась бы, конечно, никакими уступками со стороны Папы. Собственно говоря, ей нѣтъ никакого дѣла до очищенія церкви отъ чуждыхъ, нехристіанскихъ духовныхъ примѣсей; «ей ненавистенъ самый элементъ христіанскій, заявляемый существованіемъ Папства, по той же причинѣ этой партіи хотѣлось бы вычеркнуть все прошедшее Італіи, всѣ историческія условія ея бытія, какъ зараженные тѣмъ же церковнымъ началомъ; ей хотѣлось бы, *дѣйствіемъ чисто революціоннаго абстракта*, связать вновь создаваемую республику съ республиканскимъ строемъ древняго Рима!» Но вотъ теперь эта партія побѣждена, и папская власть возстановлена. Кѣмъ же? Къ довершенію роковой сложности и запутанности Римскаго вопроса — Французскою республикою подъ управленіемъ Людовика-Наполеона...

²⁾ И такова, прибавимъ, неспособность католиковъ оцѣнить это свое положеніе (истинное его уразумѣніе возможно только православному), что всѣ эти строки Тютчева кажутся барону Пфеффелю *защитой* Іезуитскаго Ордена, — а не смертнымъ приговоромъ, произнесеннымъ романизму съ Орденомъ включительно!

Въ этомъ дѣйстви Франціи — разсуждаетъ по этому поводу Тютчевъ (замѣтимъ: вслѣдъ за совершеиіемъ дѣйствія, еще въ 1849 г.) — видать обыкновенно или безразсудно-удалый поступокъ, un coup de tête, или ошибку. Чаще же всего говорятъ: Франція сама не знаетъ, чего хочетъ. Слѣдовало бы прибавить: Франція и не можетъ знать, чего она хочетъ. Для того чтобы знать, надо бы имѣть *единую волю*, а Франція, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ ³⁾, осуждена имѣть ихъ *двѣ*. Здѣсь дѣло не въ разногласіи мнѣній, что встрѣчается во всѣхъ обществахъ, управляемыхъ партіями; здѣсь дѣло въ постоянномъ, непреходящемъ и неразрѣшимомъ антагонизмѣ, который въ теченіи 60 лѣтъ составляетъ, такъ сказать, самую основу (le fond) народной совѣсти во Франціи: *раздвоена самая душа Франціи...* Революціи было возможно перевернуть, выдоямѣнить, исказить эту страну; но ей было не вмочь, и никогда не будетъ подъ силу усвоить ее себѣ вполне (elle n'a pu, ni pe-rougta jamais se l'assimiler entièremment). Что бы революція ня дѣлала, остъ стихія, начала въ нравственной жизни Франціи, которыя ей не поддадутся — долго, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, *пока будетъ Франція на свѣтѣ*: таковы — католическая церковь съ ея вѣрованіями и ученіемъ; христіанскій бракъ и семейство — и даже собственность. Но такъ какъ и революція вѣроятно не согласится отдать захваченное и уже вошла въ кровь и въ самую душу Французскаго общества, и такъ какъ мы не знаемъ въ исторіи міра ни одной формулы заклинанія (formule d'exorcisme), приложимой къ цѣлому народу, то слѣдуетъ полагать, что это состояніе непрерывной, глубоко-внутренней (intime) борьбы, раздвоенія непрестаннаго и такъ сказать органическаго, сдѣлалось на долго и очень на долго нормальнымъ состояніемъ Французскаго общества.... И вотъ почему мы, въ теченіи 60 лѣтъ, видимъ въ этой странѣ: государство, революціонное по принципу, влекущее за собою на буксирѣ цѣлое общество, которое однако не болѣе какъ взбунтовано (un état révolutionnaire par principe traînant à la remorque une société qui n'est que révolutionnée). Понятно, что правительство, которое сродни имъ обоимъ, должно непременно обрѣтаться въ положеніи самогъ фальшивомъ, непрочномъ, — осуждено на безсидіе.. Оно можетъ существовать только подъ условіемъ борьбы съ тою самою властью, которой обязано своимъ бытіемъ...

Все это вѣщія слова; они вполне оправданы послѣдующимъ ходомъ историческихъ событій. Въ теченіи послѣдней четверти вѣка *душа Франціи* не обрѣла цѣльности, — напротивъ этотъ недостатокъ духовной цѣльности сказался пагубнымъ образомъ

³⁾ Теперь уже 85.

даже въ такой мигъ народнаго бытія, когда живѣе чѣмъ когда либо дается народу ощутить себя органическимъ цѣлымъ: мы разумѣемъ мигъ вѣдшей опасности, войну 1870 г... Казалось бы такой простой, несложный, грубый фактъ, какъ нашествіе иноземцевъ, могъ бы хотъ на время слить во едино всѣ нравственныя силы Франціи и даже послужить ей къ обновленію духа, — но онъ обличилъ только во Франціи упадокъ патриотизма. Слѣдовательно духовная язва раздвоенія проникла въ область самаго естественнаго, непосредственнаго, инстинктивно-цѣльнаго чувства, — такую область, которая повидимому недоступна дѣйствию какихъ бы то ни было отвлеченныхъ принциповъ... Можно, кажется, съ достовѣрностью утверждать, что въ случаѣ окончательнаго торжества революціоннаго начала во Франціи, т. е. при логическомъ развитіи этого начала до его крайняго выраженія, т. е. до коммуны въ родѣ бывшей Парижской и до федераціи, Франція, вслѣдъ за утратою внутренней, утратитъ и вѣдшую цѣльность, т. е. перестанетъ быть — какъ Франція, какъ историческая индивидуальность.

Обрисовавъ нравственное и внутреннее положеніе Франціи, Тютчевъ возвращается къ поступку Французской власти въ 1849 г., т. е. къ ея вѣдшательству въ Римское дѣло и къ возстановленію ею Папства. Въ этомъ поступкѣ отражается, по его мнѣнію «вся двойственность стремленій и инстинктовъ, скрещивающихся, такъ сказать, въ сердцѣ и мысляхъ каждаго Французскаго правительства — вся глубина противорѣчія, на которое оно обречено... «Правительство революціоннаго происхожденія, говоритъ онъ — являясь посредникомъ между революціею и Папою, не могло конечно надѣяться примирить то, что по самой природѣ своей непримримо; въ чью бы пользу изъ двухъ противниковъ оно ни рѣшило тяжбу, оно бы непремѣнно поранило само себя, отреклось бы отъ цѣлой половины себя самаго. Этимъ обоюдо-острымъ вѣдшательствомъ оно достигнетъ только того, что еще пуще запутаетъ спутанное, еще сильнѣе раздражитъ и ухудшитъ рану, — въ чемъ оно вполне и успѣло... Нужно-ли напоминать, что это сужденіе буквально подтвердилось событіями? Продержавъ 20 лѣтъ свои войска въ Римѣ, для поддержанія власти Папы, Наполеонъ вынужденъ былъ наконецъ отозвать ихъ, не разрѣшивъ Римскаго вопроса и не упрочивъ

Папства; но самъ же Наполеонъ, въ силу той же внутренней двойственности, освободивъ Италію, двинулъ ее на Римъ, и въ концѣ концовъ окончательно испортилъ отношенія Франціи къ Италіи и погубилъ себя самого.

Далѣе Тютчевъ снова характеризуетъ уже окончательными чертами состояніе Римскаго вопроса, и въ послѣднемъ выводѣ указываетъ опять: съ одной стороны на неминуемость секуляризаціи Папства, и вмѣстѣ побѣды антихристіанскаго начала, — съ другой на нравственную невозможность для Папы согласиться на какую либо сдѣлку съ этимъ началомъ, совершить дѣло вѣроотступничества и предательства. Для всего многомилліоннаго западнаго христіанства Папство продолжаетъ служить единственнымъ оплотомъ вѣры въ ея борьбѣ съ безвѣріемъ; но безнадеженъ этотъ оплотъ, разшатаанный, подточенный въ самомъ своемъ основаніи ложью, виѣдрившеюся въ Римскую церковь. Такое роковое, безвыходное положеніе Западной церкви внушаетъ Тютчеву не глумленіе и хулу, а глубокое, искреннее страданіе. Его обращеніе къ ней звучитъ лирическимъ, возвышеннымъ строемъ, согрѣто любовью и вѣрой:

Что можетъ быть ужаснѣе для служителя Христова, какъ быть обреченнымъ на власть, отправлять которую ему нельзя иначе, какъ на погибель душъ, на разореніе церкви?... Нѣтъ, по истинѣ, такое ужасное, такое противоестественное положеніе продлиться не можетъ. Наказаніе или исмытаніе, — мыслимо ли, чтобъ Господь въ Своемъ милосердіи оставилъ еще на долго Римскую церковь охваченною этимъ огненнымъ кругомъ и не открылъ пути, не указалъ исхода, — исхода дивнаго, свѣтозарнаго, нечаемаго, — или лучше сказать чаемаго уже многіе вѣки... Можетъ-быть, еще много превратностей и несчастій отдѣлаютъ отъ этого мгновенія Папство и подвластную ему церковь. Можетъ, оно еще только при самомъ началѣ этихъ бѣдственныхъ временъ, — ибо не малое то будетъ пламя, не краткосрочный то будетъ пожаръ, который, пожирая, обращая въ пепель цѣлые вѣка суетныхъ притязаній и противухристіанской вражды, сокрушитъ наконецъ роковую преграду, заставляющую желанный исходъ.

И какъ, въ виду того что творится, въ виду этой новой организаціи зла, самой искусной, самой грозной, какую когда-либо знавали люди, — въ виду цѣлаго міра зла, вполне устроеннаго и вооруженнаго, съ его церковью безвѣрія, съ его иррациональнымъ мятежомъ, — какъ возбранить христіанамъ надежду, что Господь соблаговолитъ

преодать Своей Церкви крѣпость сорази́тельную съ новымъ подвигомъ ей указуемымъ, что предъ началомъ готовящагося боя Онъ возвратитъ ей полноту ея силъ, и Самъ, во время потребно, уврачуеъ Своею благою десницею язву на ея тѣлѣ, нанесенную людьми, — эту являющую язву, уже восемьсотъ лѣтъ непрестающую точить кровь!..

Православная церковь никогда не отчаивалась въ этомъ издѣленіи. Она ждетъ его, она не уповаетъ только, — она увѣрена въ немъ. Какъ тому, что едино по своему началу, что едино въ вѣчности, не преодолѣть раздѣленія во времени? Не смотря на многовѣковую разлуку и всѣ человѣческія предубѣжденія, она не переставала признавать, что христіанское начало никогда не вымирало въ Римской церкви, что оно всегда было въ ней сильнѣе лжи и человѣческой страсти, — и вотъ почему она питаетъ внутреннее глубокое убѣжденіе, что оно пересилитъ всѣхъ своихъ враговъ. Православная церковь знаетъ и то, что въ настоящую пору, какъ и въ теченіи столѣтій, христіанскія судьбы Запада все еще въ рукахъ церкви Римской, и вѣритъ, что въ день великаго воссоединенія, Римъ возвратитъ ей неповрежденнымъ (intacte) сей священный залогъ...

Загнѣвъ въ Тютчевѣ опять всплываетъ поэтъ, и вся его завѣтная дума воплощается имъ въ слѣдующемъ величавомъ образѣ:

Да позволено будетъ намъ, въ заключеніе, напомнить обстоятельства, сопровождавшія посѣщеніе Русскимъ Императоромъ Рима въ 1846 г. Вѣроятно еще памятно то всеобщее душевное волненіе, съ какии встрѣчено было его появленіе въ храмѣ Св. Петра, — появленіе православнаго императора, возвратившагося въ Римъ послѣ столькихъ вѣковъ отсутствія; памятенъ тотъ электрическій трепеть, пробѣжавшій по толпѣ, когда она его увидѣла молящимся у гробницы Апостоловъ. Это волненіе имѣло законную и праведную причину. Колѣнопреклоненный императоръ былъ тамъ не одинъ; вся Россія была тамъ, колѣнопреклоненная съ нимъ вмѣстѣ... Будемъ надѣяться, что не вотще вознеслась ея молитва предъ сватыми останками...

Такова статья Тютчева. Когда вспоминаешь, что эта статья написана четверть вѣка тому назадъ, то она, по истинѣ, представляется цѣлымъ событіемъ въ области мысли, въ области русскаго и общечеловѣческаго сознанія. Нельзя не повторить съ Хомяковымъ, что «она не только лучшее, но *единственное дальное* (т. е. единственное вѣрное) сказанное о Западѣ *иде бы то ни было.*» Нельзя кстати не вспомнить и этихъ словъ Хомякова, что «статья Тютчева заграничной публикѣ не по плечу.» Дѣло въ томъ, что сознать Западъ вполне возможно, ка-

жется, только русскому; ибо самому Западу трудно стать къ себѣ въ свободное, такъ сказать, объективное отношеніе, — найти точку зрѣнія внѣ себя самаго и выше себя самаго. Между тѣмъ русскій съ одной стороны на столько воспринимаетъ въ себя Западъ, что ему вѣдомы и близки всѣ біенія его сердца, всѣ радости, всѣ бѣды, всѣ чаянія, всѣ недуги Запада, вѣдомы и близки какъ будто свои, родные; съ другой стороны, оставаясь русскимъ, сохраняя свою духовную народную самобытность, онъ обладаетъ точкою зрѣнія самою близкою къ Западу и однакоже внѣ его, и можетъ познавать Западъ въ самомъ себѣ, при помощи собственнаго внутреннего опыта. Разумѣется эта точка зрѣнія дается только самостоятельною русскою мыслью, проникшеюся насквозь стихіей русской народности. Только съ высоты того церковно-историческаго созерцанія, которое доступно каждому русскому какъ православному (ибо русская народность не мыслима внѣ православной стихіи), открывается во всей своей ширинѣ историческій горизонтъ христіанскаго Запада, разъясняется весь смыслъ его внутренней борьбы, истинная сила и значеніе вопросовъ, его удручающихъ. На этой-то высотѣ и сталъ Тютчевъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, первый освѣтилъ историческую жизнь Запада свѣтомъ русской, христіанской, православной мысли, — первый заговорилъ съ западнымъ обществомъ языкомъ русскаго и православнаго, и не поколебался предъ лицомъ всего міра указать ему новый міръ мысли и духа — въ Россіи.

И. Аксаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ,

КАКЪ МОРАЛИСТЪ ¹⁾.

Въ самомъ опредѣленіи понятія о счастьи Милль, какъ мы видѣли, колеблется признать возможность достиженія его. Намъ остается теперь посмотрѣть, насколько удалось англійскому мыслителю доказать, что счастье достижимо при настоящихъ условіяхъ жизни и что въ особенноти въ будущемъ ожидаетъ человѣка свѣтлое, оградное существованіе, чуждое тѣхъ скорбей и непріятностей, отъ которыхъ теперь еще не свободно человѣчество. Утверждать, что счастье недостижимо для человѣка, значить, по мнѣнію Милля, если не играть словами, то, по крайней мѣрѣ впадать въ крайнее преувеличеніе. Въ этомъ мѣрѣ, гдѣ столь многое способно возбуждать въ насъ интересъ, гдѣ мы находимъ столько источниковъ для нашего наслажденія и гдѣ еще столь многое требуетъ улучшенія и исправленія, — въ этомъ мѣрѣ, продолжаетъ Милль, каждому человѣку, который только не лишентъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей, доступно такое существованіе, которое можно назвать даже завиднымъ. Но, спрашивается, пользуются ли люди этимъ завиднымъ существованіемъ, если оно такъ доступно имъ? Откуда же берутся всѣ эти разнообразныя сѣтованія и жалобы на жизнь, что въ ней столько горя и непріятностей, что она представляетъ столько препятствій къ осуществленію самыхъ дерзко законныхъ и скромныхъ нашихъ желаній, что къ самымъ радостямъ нашимъ примѣшивается столько скорби и печали, что она разбивается безжалостно самыми свѣтлыми представленіями о ней и т. д.? Если въ жизни такъ много предметовъ, способныхъ воз-

¹⁾ См. 1, 3 и 8 кн. „Прав. Обзор.“ за текущій годъ.

буждать въ насъ интересъ и такъ много источниковъ для нашего наслажденія, то откуда же берется та апатія ко всему, которая встрѣчается весьма часто въ очень образованныхъ людяхъ, та «скука жизнью», которая свиваетъ себѣ гнѣздо нерѣдко въ душахъ далеко не мелкихъ и не пустыхъ? Если въ этомъ мірѣ столь еще многое требуетъ улучшенія и исправленія, то почему же весьма многіе люди, относительно которыхъ вовсе нельзя сказать, чтобы они были лишены нравственныхъ и умственныхъ потребностей, послѣ нѣсколькихъ энергическихъ попытокъ къ этимъ улучшениямъ и исправленіямъ махаютъ на все рукой и приходятъ почти къ отчаянію? Не должно ли, наконецъ, именно то обстоятельство, что въ этомъ мірѣ чуть не все требуетъ улучшеній и исправленій, отравлять въ большинствѣ случаевъ жизнь людей, не лишенныхъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей и развѣвшихъ въ себѣ участіе къ коллективнымъ интересамъ человѣчества? Значитъ, то завидное существованіе, о которомъ говоритъ Милль, доступно скорѣе въ области фантастическихъ мечтаній, чѣмъ въ предѣлахъ дѣйствительной жизни, какою она является трезвому наблюдателю. Впрочемъ, Милль самъ чувствуетъ, что это завидное существованіе встрѣчаетъ въ дѣйствительной жизни весьма много препятствій. Онъ говоритъ, что это завидное существованіе было бы достигнуто при настоящихъ условіяхъ жизни въ томъ лишь случаѣ, еслибы были устранены дурные законы и произволъ, лишающіе человѣка свободы пользоваться доступными его средствамъ источниками счастья, и еслибы не поражали человѣка «положительныя несчастія жизни, эти великіе источники физическихъ и умственныхъ страданій, именно нищета, болѣзни, злоба, подлость, преждевременная потеря предметовъ личной привязанности». Такимъ образомъ, только—что указанная возможность завиднаго существованія тотчасъ же отрицается самимъ Миллемъ, несмотря на то, что онъ далеко неисчерпалъ всего того, что при настоящихъ условіяхъ жизни можетъ отравлять даже тѣ немногія радости, которыя наличная жизнь можетъ дать человѣку, ищущему и помогающемуся счастью. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не извѣстно, что нерѣдко томятся жизнью и страдаютъ жесточайшимъ образомъ даже такіе люди, которые обладаютъ значитель-

вымъ состояніемъ, отличаются цѣлѣтущимъ здоровьемъ, не менытываютъ людской злобы и подлости, не стѣсняются законами въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, ограждены отъ всякаго произвола, имѣютъ на лицо предметы личной привязанности? Дѣло въ томъ, что для каждаго человѣка бываютъ свои источники страданій, свое несчастье. Итакъ, повидимому, самъ Милль находитъ, что утверждать, что счастье достижимо при настоящихъ условіяхъ жизни, значить не только впадать въ крайнее преувеличеніе, но и положительно играть словами, говорить несбыточные вещи. Что же остается дѣлать людямъ, ищущимъ въ жизни счастья, которое между тѣмъ при настоящихъ условіяхъ жизни оказывается недостижимымъ? Милль не затрудняется отвѣтить и на этотъ вопросъ, имѣющій существенное значеніе для принятія или непринятія утилитарной доктрины. «При теперешнихъ условіяхъ человѣческаго существованія, говоритъ онъ, сознательная способность жить *безъ счастья* составляетъ самое надежное орудіе для достиженія всей той полноты счастья, какая только теперь достижима. Только чрезъ посредство такой сознательной способности можетъ человѣкъ стать выше случайностей жизни и сдѣлаться независимымъ отъ капризовъ судьбы, какъ бы судьба его ни преслѣдовала, и только достигнувъ этой независимости можетъ онъ безъ большого страха встрѣчать бѣдствія жизни и, подобно столпамъ лучшихъ временъ римской имперіи, спокойно пользоваться тѣми источниками наслажденій, которые ему доступны, не отравляя этихъ наслажденій мыслию о ихъ непрочности». Не заключаются ли въ этихъ словахъ отрицанія самой сущности утилитарнаго ученія? Утилитаризмъ поставляетъ цѣлью человѣческой жизни счастье, и однакожъ лучший представитель этой доктрины утверждаетъ, что для того, чтобы быть счастливымъ, нужно воспитывать въ себѣ способность жить безъ счастья. Что, еслибы мы сказали, что для того, чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно воспитывать въ себѣ способность жить безъ добродѣтели? Вѣдь это было бы крайней нецѣлѣсообразностью. Однакожъ, утилитаристы нисколько не стѣсняются утверждать подобныя вещи, во чтобы то ни было отстоять шаткіи принципы своей моральной теоріи. Милль указываетъ на то, что, по приобрѣтеніи сознательной способности жить безъ счастья, человѣкъ въ состояніи будетъ безпрят-

ственно пользоваться всею той полнотою счастья, какая ему доступна при данныхъ обстоятельствахъ. Но какая же это полнота счастья, когда обстоятельства, такъ или иначе сложившіяся, могутъ идти противъ удовлетворенія самыхъ сильныхъ и незаглушимыхъ потребностей человѣческой природы? Да и какимъ образомъ человѣкъ можетъ такъ себя выдрессировать, чтобы его желанія и стремленія непременно совпадали съ тѣмъ, что можетъ давать наличная жизнь для удовлетворенія ихъ? Откуда возьмется въ человѣкѣ эта желѣзная сила воли, какая необходима ему для того, чтобы спокойно переносить суровыя случайности жизни и капризные удары судьбы? Примѣръ стоиковъ, на которыхъ ссылается Мильтъ, нисколько не говоритъ въ пользу утилитаризма. Вопервыхъ, съ точки зрѣнія древнихъ стоиковъ единственной цѣлью человѣческой жизни служить добродѣтель. Всѣ блага жизни сравнительно съ добродѣтелью представлялись стоикамъ ничтожными. Самая жизнь человѣческая со всеми ея удовольствіями и наслажденіями, по мнѣнію стоиковъ, должна быть принимаема «за пустой закладъ, за ничтожную вещь, незаслуживающую и малѣйшаго вниманія». Но развѣ такова сущность утилитарнаго ученія? Здѣсь, напротивъ, наслажденія и радости жизни стоятъ на первомъ планѣ, а добродѣтель почитается настолько, насколько она обуславливаетъ собою счастье. Слѣдовательно, добровольное отреченіе отъ извѣстныхъ благъ жизни и примиреніе съ жизнью для утилитариста является всего менѣе понятнымъ и возможнымъ дѣломъ. Во вторыхъ, стоицизмъ питался и поддерживался вѣрою въ фаталистическое теченіе событій въ мірѣ, зависящее отъ мудрой и непреклонной воли Юпитера. Умѣть подчиняться этой волѣ и значить быть счастливымъ. Но въ чемъ же найдутъ успокоеніе и поддержку для себя тѣ, которые чужды какой бы то ни было вѣры въ Провидѣніе? Между тѣмъ эта поддержка, это успокоеніе существенно необходимы для того, кто хочетъ стоять выше случайностей жизни и сдѣлаться независимымъ отъ капризовъ судьбы, какъ бы судьба его ни преслѣдовала. Третьихъ, и сами стоики, чувствуя всю невозможность для себя сохранить полное спокойствіе при самыхъ мучительныхъ обстоятельствахъ жизни и отдѣлываться однимъ фальшивымъ равнодушіемъ къ капризамъ судьбы, признали законность и дозволительность самоубійствъ

въ виду наиболѣе тяжелыхъ условій жизни. О потерѣ жизни стоики рассуждали съ удивительнымъ равнодушіемъ. «Когда вы ужинаете съ такимъ-то человѣкомъ, говоритъ Эпиктетъ, то вы жалуетесь на его безконечные рассказы о мизійской войнѣ, въ которой онъ принималъ участіе. Рассказавъ вамъ, любезный другъ, какъ я овладѣлъ высотами, господствующими надъ мѣстностью, говоритъ болтунъ, я расскажу вамъ теперь, какъ меня атаковали въ другомъ мѣстѣ. Но если вы не хотите, чтобы онъ мучилъ васъ безконечными рассказами, то не принимайте его приглашенія на ужинъ, ибо если вы приняли его, то не имѣете права жаловаться на то, что онъ вамъ наскучилъ. То же самое слѣдуетъ сказать о томъ, что вы называете муками человѣческой жизни: вы ни въ какомъ случаѣ не должны жаловаться на то, отъ чего освободиться зависитъ отъ вашей воли». Если даже стоики пришли къ убѣжденію въ необходимости добровольной смерти при трудныхъ обстоятельствахъ жизни, то неболѣе ли должны подавляться тягостями и невзгодами жизни тѣ, для кого жизнь постольку имѣетъ цѣны, поскольку она улыбается имъ? Самоубійство въ этомъ случаѣ представляется единственнымъ спасеніемъ отъ золъ и бѣдствій жизни для тѣхъ, для кого жизнь неимѣетъ никакой другой цѣли кромѣ погони за счастіемъ ¹⁾. Тутъ могутъ служить поводомъ къ самоубій-

¹⁾ Не можетъ не сдѣлать при этомъ слѣдующаго замѣчанія. Нѣкоторые представители нашей журналистики совершенно справедливо объясняютъ болѣе и болѣе возрастающее число самоубійствъ (у насъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, начиная съ 1864 года, оно увеличилось на 300 процентовъ) развитіемъ въ обществѣ безвѣрія и религіознаго индифферентизма. Между тѣмъ другіе публицисты находятъ, будто „это мнѣніе опровергается безчисленнымъ множествомъ фактовъ (см. 26 № „Недѣли“ за 1875 годъ). Какіе же это факты? Газета указываетъ, что одинъ полицейскій надзиратель, передъ самоубійствомъ говѣя цѣлую недѣлю, исповѣдался и причастился, что въ одномъ городѣ трупъ повѣсившагося юноши былъ найденъ въ положеніи молящагося человѣка, обращеннаго прямо лицомъ къ кладбищенской церкви, что были случаи самоубійства со стороны священника и даже архимандрита. „Очевидно, говоритъ авторъ передовой статьи, что всѣхъ этихъ лицъ никакъ нельзя заподозрить въ религіозномъ индифферентизмѣ, а тѣмъ болѣе въ безвѣріи“. Но справедливо ли, спросимъ мы, будто эти и всѣ подобныя имъ факты доказываютъ отсутствіе непосредственной связи между увеличивающимся числомъ самоубійствъ и ненормальнымъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ общества? Авторъ статьи упустилъ изъ виду, что, рядомъ съ безвѣріемъ и религі-

ству даже такія вещи, которыя для послѣдовательнаго и выдержаннаго стоика—чистѣйшіе пустыи: жажда счастья, разжигаемая распространеніемъ утилитарнаго ученія, и сосредоточеніе въ мысли о наслажденіяхъ жизнью всѣхъ помысловъ и стремленій человѣческихъ дѣлаетъ людей слишкомъ неумѣренно чувствительными и воспримчивыми даже къ такимъ страданіямъ, которыя далеко должны быть несильными.... Такимъ образомъ мы никакъ не можемъ согласиться съ Миллемъ, чтобы тѣ, которые поставляютъ счастье единственной цѣлью своей жизни, расположены были руководиться въ своей жизни тѣмъ стоическимъ принципомъ, который рекомендуетъ имъ Милль, и чтобы они дѣйствительно чувствовали себя счастливыми, насильствен-

ознымъ индифферентизмомъ, могутъ существовать въ обществѣ крайне превратное понятіе о вопросахъ религіи и практическое безвѣріе, практической религіозный индифферентизмъ. Если не какимъ-либо психическимъ разстройствомъ, то именно неправильнымъ пониманіемъ христіанскаго ученія и упадкомъ религіозно-нравственной жизни въ нашемъ обществѣ мы въ правѣ объяснять указанныя явленія. Но и самое психическое разстройство въ концѣ концовъ сводится къ ненормальному религіозно-нравственному состоянію общества, хотя бы данное лицо, подвергшееся умственному разстройству, само и не было особеннымъ выразителемъ и представителемъ этого ненормальнаго религіозно-нравственнаго состоянія общества: въ жизни весьма часто мы расплываемся за пороги и грѣхи другихъ.... Не даромъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ психіатровъ, Маудсли, въ своемъ новомъ сочиненіи объ отвѣтственности при душевныхъ болѣзняхъ указываетъ, въ числѣ средствъ къ ослабленію заболѣванія этими болѣзнями, развитіе въ обществѣ разумной и истинной религіозности. Безвѣріе же и религіозный индифферентизмъ, будучи уже сами по себѣ болѣзненными душевными состояніями, при извѣстныхъ обстоятельствахъ легко могутъ приводить къ самоубійству. Для невѣрующаго или для безразлично относящагося къ религіи жизнь постольку должна имѣть значенія, поскольку она даетъ счастье такъ или иначе понимаемаго. То же самое нужно сказать и о тѣхъ, которые, хотя на словахъ и признаютъ себя христіанами, однакожь на дѣлѣ являются нерѣдко грубѣйшими и односторонними эпикурейцами. Какъ скоро личное счастье, личное благополучіе, такъ или иначе понимаемое, не только недостигается ими въ настоящемъ, но представляется недостижимымъ и въ будущемъ, какъ скоро постигаетъ ихъ какое-либо бѣдствіе, какой-либо крутой поворотъ въ ихъ судьбѣ, что же можетъ удерживать такихъ людей въ жизни и что заставитъ ихъ мужественно переносить горести существованія, выпадающія на ихъ долю? Уже не рекомендуемый ли Миллемъ стоицизмъ? Но вѣдь стоики разрѣшали самоубійство всякому, кому представляется жизнь слишкомъ тяжелой. Еще меньше эпикуреизмъ можетъ служить утѣшеніемъ и поддержкой въ

но подавляя и истребляя въ себѣ такіа желанія, въ удовлетвореніи которыхъ они, быть можетъ, видятъ верхъ счастья, самое сильное наслажденіе. Стоическій принципъ еще нѣсколько пригоденъ для людей, отъ природы отличающихся крайней умѣренностью своихъ желаній и большимъ запасомъ апатіи. Но что касается до людей противоположнаго склада, то для нихъ стоическій принципъ—медленное самоубійство въ большинствѣ случаевъ. Вся жизнь этихъ людей должна проходить въ мучительной и непрестанной борьбѣ съ собственными влеченіями и страстями. Эта борьба не давала бы имъ возможности спокойно наслаждаться даже тѣмъ, что находится въ полномъ ихъ распоряженіи. Мало того, это послѣднее могло бы потерять въ гла-

виду горестей и страданій жизни. Не даромъ Эпикуръ училъ какъ можно легче, благодумше смотрѣть на смерть. Нерѣдко дивятся тому, что самоубійства иногда происходятъ изъ-за денежнаго разстройства, неудавшейся любви, изъ-за непріятностей по службѣ и т. под. Но что же здѣсь въ сущности удивительнаго? Какъ ни дико и ни бессмысленны указанная явленія съ христіанской точки зрѣнія, они совершенно понятны съ точки зрѣнія эпикурейской. Каждый по своему понимаетъ счастье и въ разные периоды своей жизни добивается равныхъ благъ: что одному представляется верхомъ благополучія, наибольшимъ счастьемъ, въ сравненіи съ которымъ все другое—ничто, то самое можетъ не имѣть никакого значенія въ глазахъ другаго человѣка съ другими потребностями и страстями. Потому-то напр. человѣкъ, поставляющій все счастье своей жизни въ накопленіи богатства, не можетъ не страдать жесточайшимъ образомъ, окончательно лишившись своего состоянія. Эти люди, какъ скоро страсть къ богатству сдѣлалась въ нихъ всепоглощающей страстью, обыкновенно сходятъ съ ума или лишаютъ себя жизни въ случаѣ постигшей ихъ состояніе катастрофы. Не можемъ также не замѣтить и противъ того мнѣнія автора передовой статьи въ названной газетѣ, — мнѣнія, по которому самымъ лучшимъ средствомъ противъ возрастающаго числа самоубійствъ среди образованныхъ людей, будто бы, должно признать предоставленіе обществу большей самостоятельности и открытіе для лучшихъ силъ его наибольшаго простора. Въ настоящемъ случаѣ мы можемъ сослаться на Англию, нерѣдко называемую „страной самоубійствъ“, гдѣ, несмотря на то, что и этотъ просторъ для лучшихъ силъ существуетъ, и общественная самостоятельность находится въ благопріятныхъ условіяхъ, однакожь самоубійства въ послѣднее время стали еще чаще случаться. По нашему убѣжденію, независимо отъ другихъ средствъ, было бы значительнымъ противоядіемъ противъ эпидеміи самоубійствъ, еслибы въ нашей свѣтской журналистикѣ почаще раздавался сильный и искренній голосъ въ пользу религіи и еслибы, вмѣсто эвдемонизма и утилитаризма, представители и руководители нашего общественнаго мнѣнія проводили болѣе серьезный взглядъ на жизнь....

захъ ихъ всякое значеніе, всякій смыслъ. Но развѣ большая часть человѣчества, возражаетъ Милль, не довольствуется очень малой долей счастья? Впервыхъ, довольство жизнью и наслажденіе жизнью—вещи очень различныя, которыхъ смѣшивать отнюдь нельзя, когда идетъ рѣчь о счастьи. Но вѣдь утилитаризмъ ставитъ цѣлю жизни не довольство ею, а счастье, наслажденіе бытіемъ. Значитъ, Миллю не зачѣмъ и указывать на то, что есть много людей, которые довольны своей жизнью, тѣмъ болѣе, что и это довольство многимъ достается крайне тяжело и далеко не всегда ими чувствуется. Въ вторыхъ, люди, проникнутые христіанскими воззрѣніями на жизнь и живущіе мыслию о своемъ нравственномъ совершенствованіи, могутъ благодарить Бога и быть довольными своей судьбой даже и тогда, когда Провидѣніе посылаетъ имъ какія-либо тяжкія испытанія. Исторія христіанской жизни богата примѣрами подобнаго рода. Можетъ ли ссылаться на такіе факты сторонникъ и защитникъ утилитарнаго ученія? Мы думаемъ, что онъ не въ правѣ дѣлать это. Истинные христіане, между которыми только и можно встрѣтить благодушный и свѣтлый взглядъ на жизнь, несмотря на ея скорби и невзгоды, не считаютъ цѣлю жизни счастье. Отсюда и ихъ отзывы о жизни получаютъ совсѣмъ другое значеніе, тѣмъ отзывы людей, невидящихъ въ жизни ничего болѣе цѣннаго кромѣ наслажденій и пріятностей. Та самая жизнь, за которую истинные христіане могутъ съ полной искренностью благодарить Бога, можетъ казаться эпикурейцу тяжелѣйшимъ бременемъ и вызывать со стороны его самый желчный и злобный ропотъ на судьбу. Значитъ, то обстоятельство, что большая часть человѣчества довольствуется очень малой долей счастья, само по себѣ ничего еще не говоритъ въ пользу утилитаризма, особенно если это довольство—ничто иное, какъ вынужденное и невольное примиреніе съ суровой судьбой, нисколько не устраняющее частыхъ сѣтованій и ропота на жизнь, что въ дѣйствительности обыкновенно и случается. Говорятъ, что чело-вѣкъ привыкаетъ и къ тюрьмѣ. У южно-африканскихъ племенъ бѣлый господинъ, который не бьетъ своихъ невольниковъ, становится смѣшнымъ въ ихъ глазахъ, и они съ досадою укоряютъ его, что онъ не стоитъ названія господина. Бываютъ случаи и покуріозитѣ. Одинъ англійскій путешественникъ раз-

сказываетъ слѣдующій, замѣчательный въ настоящемъ случаѣ, фактъ. Наша нянька, говоритъ онъ, оставила насъ, чтобы выйти замужъ, и спустя не много времени явилась къ мѣстному начальнику съ жалобой на своего мужа. Онъ спросилъ ее, въ чемъ дѣло, и она холодно отвѣчала ему, что мужъ не любитъ ее. Онъ сталъ спрашивать ее, почему она такъ думаетъ? «Потому, что онъ никогда не билъ меня», отвѣчала она. Подобныхъ фактовъ можно было бы привести весьма много изъ исторіи нашего крѣпостнаго права. Но изъ всѣхъ подобныхъ фактовъ ничего нельзя вывести такого, на чемъ бы могъ утвердиться Милль. Итакъ, съ какой бы стороны мы ни рассматривали дѣло, выходитъ, что при настоящихъ условіяхъ жизни человѣкъ не можетъ быть счастливымъ, съ чѣмъ готовъ согласиться и Милль. Конечно, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы жизнь современнаго человѣка была сцѣпленіемъ однихъ горестей и страданій. Само собою разумѣется, что и въ настоящее время люди не мало испытываютъ радостей и наслажденій. Однакожь, все-таки до счастливой жизни тутъ еще очень далеко. Наслажденія и пріятности въ жизни обыкновенно являются какъ случайность, какъ метеоръ, а не какъ постоянная струя, не какъ вѣчно сплошное, причѣмъ перевѣсъ остается за такими психическими состояніями, которыя не суть наслажденія и съ ними даже не имѣютъ ничего общаго....

Но если Милль и признаетъ, что при настоящемъ положеніи вещей не только не представляется никакой возможности совершенно предохранить себя отъ равныхъ «положительныхъ несчастій», но часто оказывается невозможнымъ даже хотя только смягчить ихъ въ сколько-нибудь значительной степени, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію его, вѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, чтобы даже самыя величайшія бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ люди, были вовсе неустраняемы по самой своей природѣ и не могли бы быть, при другомъ порядкѣ вещей, если не вовсе устранены, то по крайней мѣрѣ сведены въ очень узкія границы. По взгляду англійскаго мыслителя главная трудность сдѣлать людей счастливыми заключается въ томъ, чтобы устранить, помимо дурныхъ законовъ и учрежденій, нищету, болѣзнь, злобу и подлость людскую и преждевременную потерю предметовъ личной привязанности. Мудрость общества, соеди-

нивъ свои усилія съ здравымъ смысломъ и предусмотрительностью индивидуумовъ, по увѣренію Милля, можетъ совершенно уничтожить бѣдность въ той ея степени, когда она уже становится страданіемъ. Даже и этотъ самый неукротимый врагъ человѣка, болѣзнь,—и та можетъ быть доведена до безконечно малыхъ размѣровъ съ помощью хорошаго физическаго и нравственнаго воспитанія и съ помощью надлежащей осмотрительности отъ вредныхъ для здоровья вліяній, не говоря уже о томъ, что прогрессъ наукъ общаетъ намъ въ будущемъ еще много рѣшительныхъ побѣдъ надъ этимъ ненавистнымъ врагомъ. Каждый шагъ на этомъ пути освобождаетъ насъ отъ нѣсколькихъ опасностей, угрожающихъ не только собственной нашей жизни, но, что еще важнѣе, жизни тѣхъ, въ комъ заключается наше счастье. Что же касается до тѣхъ страданій, которымъ подвергается человѣкъ вслѣдствіе какихъ-либо внезапныхъ перемѣнъ въ своей судьбѣ или вслѣдствіе какихъ-нибудь неудачъ, то это обыкновенно происходитъ или отъ его собственной неразумности или по причинѣ ложнаго направленія его желаній или, наконецъ, отъ дурныхъ или несовершенныхъ общественныхъ учрежденій. Однимъ словомъ, люди могутъ если не совершенно одолѣть, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени обезсилить всѣ тѣ великія бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ. Хотя прогрессъ на этомъ пути совершается крайне медленно, хотя, можетъ быть, пройдетъ еще длинный рядъ поколѣній, прежде чѣмъ одержана будетъ окончательная побѣда и будетъ, наконецъ, этотъ міръ превращенъ въ то, чѣмъ онъ легко могъ бы быть, еслибы у насъ не было недостатка воли и знанія,—но при всемъ этомъ каждый человѣкъ, достаточно развитый, чтобъ принимать какое-нибудь участіе въ борьбѣ противъ этихъ бѣдствій, какъ бы ни было это участіе мало и незначительно, въ самой этой борьбѣ можетъ найти столь высокое наслажденіе, что никогда не промѣняетъ его ни на какіе соблазны эгоизма. Такойъ взглядъ Милля на будущее человечества. Милль, повидимому, твердо увѣренъ въ томъ, что рано или поздно настанетъ этотъ золотой вѣкъ, когда люди будутъ пользоваться невозмутимымъ счастьемъ. Но имѣемъ-ли мы достаточныя основанія къ тому, чтобы раздѣлять эту увѣренность Милля?

Какъ мы видѣли, онъ придаетъ весьма важное значеніе въ вопросѣ о достижимости счастья хорошимъ учрежденіямъ и узаконеніямъ. Дѣйствительно, общественныя учрежденія и узаконенія могутъ или содѣйствовать общественному благополучію или ослаблять его. Отрицать это значило бы незнать дѣйствительной жизни. Но въ совершенно другомъ видѣ представляется дѣло, если мы спросимъ: возможны ли самыя совершеннѣйшія учрежденія и узаконенія и отъ нихъ ли зависитъ счастье человѣческой жизни? Чтобы появились самыя несовершенныя общественныя учрежденія и узаконенія, для этого требуются такія условія, какихъ никогда мы не можемъ найти въ дѣйствительной жизни. Мало того, эти несовершеннѣйшія учрежденія и узаконенія даже не мыслимы независимо отъ несовершенствъ человѣческаго ума и отъ невозможности предвидѣть всѣ послѣдствія какой-либо законодательной мѣры, къ какимъ она можетъ привести при своемъ практическомъ осуществленіи. Последнее обстоятельство одинаково важно, какъ и первое. Можно бы привести весьма много доказательствъ въ пользу той мысли, что нерѣдко узаконенія, имѣвшія цѣлю прекращеніе какого-либо зла, существующаго въ обществѣ, установленіе новаго порядка общественныхъ отношеній и т. д. давали далеко не тѣ результаты въ дѣйствительной жизни, чѣмъ какихъ можно было-бы ожидать отъ нихъ. Иногда извѣстныя послѣдствія того или другаго правительственнаго мѣропріятія такъ ясно и наглядно представляются законодательной власти, уже зарекомендовавшей себя глубокой проникательностью и знаніемъ общественной среды, что всякое сомнѣніе въ возможности получить ихъ въ жизни представляется нелѣпостью. Однакожъ, при практическомъ проведеніи данной законодательной мѣры получаютъ результаты, совершенно противоположныя ожидавшимся. Людовикъ XIV напр. шесть разъ въ теченіе своего царствованія порывался остановить расширеніе Парижа, при чемъ на сторонѣ желаній короля было и общественное мнѣніе. Однакожъ, не смотря на всѣ законодательныя мѣры Людовика, Парижъ все росъ и росъ по какимъ-то неизвѣстнымъ королю и лучшимъ представителямъ общественнаго мнѣнія законамъ. Это одинъ примѣръ изъ сотни фактовъ, извѣстныхъ каждому сколько нибудь наблюдательному и знающему человѣку. «Въ примѣненіи

къ столь сложному механизму, какъ общество, совершенно справедливо замѣчаетъ Спенсеръ въ своемъ новомъ сочиненіи: «наученіе социологін,» законъ рѣдко или даже никогда не производитъ того прямаго эффекта, котораго ожидали, и неизбѣжно производитъ косвенные эффекты, самые разнообразныя и многочисленныя, которыхъ никто не предвидѣлъ.» И чѣмъ сложнѣе та или другая общественная среда, на которую должно дѣйствовать законодательство, и чѣмъ разнообразнѣе составъ ея, тѣмъ больше трудностей и даже невозможности предвидѣть всѣ ближайшія и отдаленныя послѣдствія какой-либо законодательной мѣры. Не нужно, помимо этого, забывать, что какъ бы ни было повидимому хорошо и безумречно дѣйствующее въ данной странѣ законодательство, всегда будетъ оставаться мѣсто для еще болѣе совершеннаго законодательства. Этотъ законъ простирается на всякое отдаленное будущее человечества, какое бы мы себѣ ни представили. Но вмѣстѣ съ этимъ всегда возможно и чувство неудовлетворенности, чувство недовольства дѣйствующимъ законодательствомъ, существующими юридическими формами жизни. Само собою разумѣется, что чѣмъ лучше и больше соответствуетъ своей идеѣ дѣйствующее законодательство, тѣмъ лучше и больше устраняются неудобства и непріятности въ положеніи отдѣльных членовъ общества, условливаемыхъ прежними узаконеніями и постановленіями. Но устраненіе этихъ неудобствъ и непріятностей само по себѣ еще не даетъ счастья или наслажденій, когда новое положеніе уже устанавливается и когда люди оживаются съ нимъ, тѣмъ болѣе, что всякое положеніе, юридически устанавливаемое, вмѣстѣ съ выгодными сторонами имѣетъ и невыгодныя. А чѣмъ болѣе человекъ привыкаетъ къ своему новому положенію, тѣмъ менѣе онъ чувствуетъ выгодныя его стороны и тѣмъ болѣе утрачиваетъ способность легко переносить невыгодныя, непріятныя стороны. Развѣ неизвѣстно, что требовательность людей всегда растетъ вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ желаній? Развѣ неизвѣстно, что человеку хочется все большаго и большаго? При этомъ обыкновенно люди всего менѣе думаютъ о томъ, что правде они лишены. были и того, чѣмъ пользуются въ данное время. Напротивъ, вероятно, мерзотою, какъ бы оно ни было иногда тяжело, мерзотою не берется и въ соображеніе: человекъ чувствуетъ лишь данныя лишенія,

данныя непріятности, преувеличивая ихъ силу и значеніе. Современная жизнь представляетъ много такихъ фактовъ, что, вслѣдъ за удовлетвореніемъ однихъ претензій, вырастаютъ еще большія и рѣшительнѣйшія. Мы приведемъ одинъ фактъ, который по нашему мнѣнію, весьма знаменателенъ. Такъ-называемыя передовыя женщины, послѣ того какъ напряженная агитація въ пользу ихъ совершенной равноправности съ мужчинами въ значительной степени удалась и онѣ въ нѣкоторыхъ странахъ получили доступъ къ такимъ профессіямъ, о какихъ прежде и не мечтали, уже не довольствуются требованіемъ все большей и большей равноправности, но желаютъ совершеннаго преобладанія надъ мужчинами и полнѣйшаго подчиненія ихъ. Наиболѣе передовыя женщины въ одной американской газетѣ ²⁾ проповѣдуютъ, что съ преобладаніемъ женщинъ должна наступить новая эра въ исторіи человѣчества, которая по своей цивилизаціи и культурѣ будетъ превосходить эру господства мужчинъ. Эти передовыя женщины заявляютъ, что еслибы было устранено мужское вліяніе на нихъ, то онѣ сдѣлались бы совершеннѣйшими созданіями въ мірѣ. Признайте, кричатъ онѣ, наше превосходство надъ мужчинами, отдайте въ наше распоряженіе судьбы этого міра, и тогда вы не узнаете его: всяческіе беспорядки и всяческое зло, порожденные недостатками и несовершенствами мужчинъ, исчезнутъ, и настанетъ царство счастья и радостей. Но это далеко еще не всё. Самыя хорошія государственныя учрежденія и постановленія не обезпечиваютъ еще пользованія всѣми тѣми благами, какія, повидному, необходимо соединены съ господствомъ ихъ въ извѣстномъ обществѣ. Милль въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ касается вопроса о политической и гражданской свободѣ и даже спеціально посвящаетъ этому предмету особое изслѣдованіе. Онъ на разные лады повторяетъ, что свобода составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ условій счастливой жизни. Но спрашивается: всегда идутъ рука объ руку юридическія формы свободы и дѣйствительная свобода? не видимъ ли мы на примѣрѣ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ странъ, гдѣ формально существуетъ эта свобода, что рядомъ съ полной политической свободой, которую многіе

²⁾ „The Women's Journal.“

считаютъ единственнымъ условіемъ общественнаго благосостоянія, уживается, съ одной стороны, самый грубый деспотизмъ, а съ другой стороны, полное безправіе? Не видимъ ли мы, что даже литераторы, считающіеся горячими защитниками политической свободы, радуются каждому такому дѣйствию, которое связываетъ по рукамъ и ногамъ ихъ противниковъ, сами говорятъ о необходимости крутыхъ стѣснительныхъ мѣръ противъ представителей враждебной имъ партіи и пускаютъ нерѣдко въ ходъ самыя непопозволительныя средства для того, чтобы наиболѣе чувствительно повредить имъ? То, что происходитъ въ кружкахъ высшей интеллигенціи, повторяется нерѣдко въ еще болѣе суровыхъ формахъ въ другихъ слояхъ общества, на другихъ поприщахъ борьбы за преобладаніе. При полной номинальной политической свободѣ иногда устанавливается такой порядокъ вещей, при которомъ большинству становится невыносимо тяжело. «При учрежденіяхъ, которыя номинально обезпечиваютъ людей отъ всякаго гнета, замѣчаетъ Спенсеръ, люди все-таки могутъ жить въ *страшныхъ* стѣсненіяхъ, не имѣя права высказывать своихъ мнѣній и устраивать свою частную жизнь такъ, какъ имъ нравится.» Милль, какъ и многіе другіе писатели, думаетъ, что людямъ жилось бы лучше, еслибы они сами имѣли право избирать себѣ правителей и участвовать въ управленіи общественными дѣлами. Но кто не знаетъ, какъ пріобрѣтаются голоса путемъ угожденія безмысленнымъ предразсудкамъ или моднымъ идеямъ, господствующимъ въ обществѣ, неосуществимыми обѣщаніями, подпольной интригой, возбужденіемъ страстей и т. д., между тѣмъ какъ люди достойные проигрываютъ? Кто не знаетъ, что и при такъ называемомъ самоуправленіи могутъ выигрывать немногія единицы, а большинство несетъ на себѣ всѣ тяжелыя послѣдствія безобразій, продѣлываемыхъ этими ловкими и пронырливыми единицами? Эти печальныя явленія встрѣчаются и при конститудіонной формѣ правленія и при республиканской. Потому-то, въ настоящее время болѣе серіозные и положительные мыслители стали открыто высказывать, что благосостояніе гражданъ одинаково возможно при самыхъ противоположныхъ формахъ правленія: монархической, конститудіонной и республиканской. Тоже самое мы должны сказать и относительно всякихъ другихъ общественныхъ учрежденій и узаконе-

лнв. Злоупотребленіе, вызываемое чловѣческимъ эгоизмомъ и страстями, можетъ сдѣлать безсильнымъ самыя лучшія изъ нихъ. А изъ этого слѣдуетъ то, что жить при хорошихъ общественныхъ учрежденіяхъ и узаконеніяхъ не значитъ еще быть счастливымъ больше, чѣмъ при посредственныхъ и даже дурныхъ, особенно если мы не будемъ позабывать, что счастье — въ высшей степени субъективное чувство, способное вызываться самыми противоположными вещами. Наконецъ, здѣсь умѣстенъ вопросъ: всегда ли и во всякомъ ли обществѣ могутъ быть вводимы такія учрежденія и постановленія, которыя представляются лучшими, наиболѣе способными обусловливать собою благоестояніе общественное? Едва ли кто-нибудь изъ мыслящихъ людей будетъ спорить противъ того, что при введеніи тѣхъ или другихъ реформъ, легальныхъ постановленій и т. д. составляетъ весьма существенное обстоятельство тотъ или другой складъ общества, его политическое, гражданское и духовное состояніе и развитіе. Никакъ нельзя въ извѣстныхъ случаяхъ обвинять данное правительство за то, что оно не проводитъ такихъ-то реформъ, не вводитъ такихъ-то узаконеній и т. д. Иногда правительство бывало весьма расположено къ извѣстнымъ нововведеніямъ и дѣлало довольно смѣлые шаги въ этомъ направленіи, но встрѣчало такое упорное противодѣйствіе со стороны общества или такое убійственное равнодушіе, что должно было отступать отъ самыхъ благихъ своихъ предпріятій. Какъ на примѣръ, мы ссылаемся на исторію попытокъ къ уничтоженію въ Россіи крѣпостнаго права. Еще болѣе разительное доказательство противъ возможности введенія такихъ реформъ, которыхъ жизнь не можетъ еще принять и ассимилировать себѣ, представляетъ исторія революцій, какъ попытокъ грубою матеріальной силою низложить существующій порядокъ вещей и на мѣсто его поставить новый. Если еще законное правительство въ союзѣ съ лучшими гражданами и при неблагоприятныхъ условіяхъ можетъ кое-какъ провести реформы, несимпатичныя большинству, революціонеры, обыкновенно задающіеся самыми утопическими и недѣльными цѣлями, не только не успѣваютъ въ своихъ намѣреніяхъ, но еще больше закрѣпляютъ даже дѣйствительно дурныя стороны общественной организаціи, вызывая противъ себя напряженную реакцію консервативныхъ элементовъ

общества, изъ которыхъ дурные нерѣдко еще напряженнѣе отстаиваютъ свое существованіе. Отсюда революціонеры, не говоря уже о другихъ причинахъ, въ существѣ дѣла являются злѣйшими и сильнѣйшими врагами прогресса, хотя бы они и считали сами себя наиболѣе либеральными и служащими дѣлу цивилизаціи ²⁾. Относительно значенія насильственныхъ переворотовъ въ общественномъ строѣ замѣчательны слѣдующія слова англійскаго современнаго позитивиста, Спенсера. «Франція на трехъ поколѣніяхъ, говоритъ онъ, представляетъ *все новые и новые примѣры невозможности* произвести существенныя измѣненія въ типѣ соціальнаго устройства при помощи какихъ бы то ни было нововведеній, совершаемыхъ путемъ революціи. Какъ ни великимъ кажется въ извѣстное время преобразование, но первоначальная основа опять проглядываетъ въ немъ. Какъ только устанавливается номинально-свободное правительство, возникаетъ и новый деспотизмъ, который отличается отъ прежняго только тѣмъ, что у него новый лозунгъ и иные люди его произносятъ, но совершенно сходный съ прежнимъ по рѣшимости подавлять оппозицію и по средствамъ, употребляемымъ для этого. Приобрѣтенная свобода тотчасъ сдается какому-нибудь явному автократу, или, какъ мы видѣли недавно, передается въ руки человѣка, который требуетъ *всей сущности* автократіи, не требуя только ея титула». Чѣмъ крупнѣе какая-либо общественная реформа, чѣмъ шире и важнѣе то или другое узаконеніе, тѣмъ, очевидно, болѣе благоприятныхъ условій требуется для проведенія ихъ въ жизнь. Для успѣшнаго исхода реформы, затрагивающей интересы самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, требуется, чтобы всѣ они или по крайней мѣрѣ, большинство было на сторонѣ ея. Но какимъ образомъ это возможно, когда люди обыкновенно преслѣдуютъ личные интересы или по крайней мѣрѣ гораздо ближе принимаютъ ихъ къ своему сердцу, чѣмъ интересы другихъ людей? Между тѣмъ, реформа такого

²⁾ Какъ бы желательно было, чтобы органы нашей духовной и свѣтской журналистики какъ можно обстоятельнѣе и почаще развивали эту мысль гласно, чтобы хоть чрезъ это выяснить кому слѣдуетъ, какъ низко и недостойно разумаго человѣка мутить молодые умы, возбуждать въ нихъ революціонныя инстинкты и чрезъ то дѣлать ихъ врагами общественнаго преуспѣянія....

рода непременно вредитъ чьимъ-либо интересамъ, причиняетъ кому-либо болѣе или менѣе чувствительныя лишения. Это неизбежно при всякой важной реформѣ. Какъ скоро проектируемое преобразование сопряжено съ утратою правъ, привилегій и выгодъ цѣлаго класса людей, въ такомъ случаѣ естественно ожидать отъ нихъ, особенно если они сильны своимъ вліяніемъ и своими средствами, сильнѣйшей оппозиціи. Этотъ протестъ противъ проектируемыхъ преобразованій можетъ иногда опираться на такія силы, противъ которыхъ не пойдетъ иной разъ никакое правительство. Когда въ средніе вѣка сталъ раздаваться ропотъ противъ того, что католическое духовенство не только не возстаетъ противъ рабовладѣльчества, но еще само всякими мѣрами приобрѣтаетъ рабовъ, оно ухитрилось доказывать Св. Писаніемъ и преданіемъ слѣдующую антихристіанскую мысль. «Богъ, говоритъ одинъ средневѣковой писатель, по сотвореніи міра населилъ его тремя породами людей: дворянами, духовными и мужиками. Онъ даровалъ первымъ землю, вторымъ десятину и давія и осудилъ мужиковъ на пожизненную работу въ пользу тѣхъ и другихъ». Развѣ мы не видимъ и въ настоящее время, что подобнымъ же путемъ отстаиваются такія права, привилегіи и выгоды, которыя въ сущности совершенно расходятся съ духомъ и даже буквой символическихъ христіанскихъ книгъ? Почему мы не должны думать, что и на будущее время люди, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, будутъ прибѣгать къ самымъ сильнымъ въ извѣстное время средствамъ для рѣшительнаго противодѣйствія самымъ благимъ законопроектамъ, расходящимся лишь съ интересами тѣхъ или другихъ слоевъ общественныхъ? Натурально, что такого рода противодѣйствіе, болѣе или менѣе энергическое и стойкое, возможно всегда по отношенію къ такимъ узаконеніямъ и преобразованіямъ, которыя, обѣщая однимъ членамъ общества освобожденіе отъ тѣхъ или другихъ неудобствъ, посягаютъ въ тоже время на пріятное *statu quo* другихъ. Но съ возможностью этого противодѣйствія связана бываетъ часто невозможность проведенія законодательнымъ порядкомъ самой полезной реформы или, по меньшей мѣрѣ, совершенное искаженіе ея на практикѣ. вмѣстѣ съ этимъ и тѣ блага, которыя ожидалось отъ данной реформы, остаются въ области мечтаній и желаній до тѣхъ поръ, пока общество во

всѣхъ своихъ членахъ или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ не разовьется морально и граждански до такой степени, чтобы сдѣлаться способнымъ стать твердо на путь разумныхъ реформъ и сзумѣть провести ихъ въ жизнь. Изъ всего нами сказаннаго по вопросу объ общественныхъ учрежденіяхъ и постановленіяхъ кажется легко можно видѣть, что въ вопросѣ о достижимости положительнаго счастья далеко не такими представляются общественныя учрежденія и постановленія, какими ихъ считаетъ Милль. Если даже стать на его точку зрѣнія касательно значенія юридическихъ и политическихъ формъ жизни, то и въ такомъ случаѣ достиженіе положительнаго счастья даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ представляется невысказаннымъ уже потому одному, что, съ одной стороны, идеалъ счастья не можетъ быть тождественнымъ у всѣхъ людей; а съ другой стороны, самыя лучшія общественныя учрежденія и постановленія не устраняютъ возможности представленія о еще болѣе совершенныхъ и т. д. Вотъ, еслибы Милль доказалъ, что можетъ наступить такое время, когда вовсе ненужны будутъ разныя юридическія правоопредѣленія, когда судебная власть исчезнетъ и вообще принципъ принудительности, лежащій въ основѣ самаго существованія государствъ, благодаря достигнутому людьми нравственному совершенству, исключаящему насильственное воздѣйствіе на челоуѣческую волю и регулированіе ея, станетъ излишнимъ, въ такомъ случаѣ онъ еще могъ бы говорить о возможности достигнуть счастливой жизни...

Здѣсь мы естественно встрѣчаемся съ вопросомъ: болѣе ли люди страдаютъ отъ несовершенства общественныхъ постановленій и учрежденій, чѣмъ отъ пороковъ и дурныхъ собственныхъ страстей? Милль самъ говоритъ, что людская злоба и подлость служатъ великимъ источникомъ нашихъ моральныхъ и даже физическихъ страданій. Въ этомъ случаѣ мы совершенно согласны съ Миллемъ. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ, будто хорошія общественныя учрежденія и постановленія сами по себѣ способны долагать конецъ тѣмъ страданіямъ, которыя зависятъ отъ порочности людской. Мы утверждаемъ, напротивъ, что самыя дурныя общественныя учрежденія и постановленія, выгодныя для меньшинства и лежащіяся тяжелымъ гнетомъ на большинство, зависятъ существенно отъ господства

эгоизма, властолюбія и другихъ дурныхъ склонностей. Тамъ, гдѣ эти пороки подавлены или ослаблены, невозможны даже подобныя общественныя учрежденія и узаконенія. Эгоизмъ меньшинства нерѣдко даетъ такую постановку самымъ, повидимому, прекраснымъ реформамъ, при которой положеніе большинства дѣлается еще болѣе тяжелымъ и невыносимымъ. Напр. Людовикъ X, желая въ одно и тоже время добиться двойныхъ выгодъ, задумалъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной феодальной зависимости. Онъ издалъ самый либеральный манифестъ, въ которомъ очень краснорѣчиво говорилось о естественномъ равенствѣ между людьми и о необходимости эмансипаціи крестьянской. Но вслѣдъ почти за обнародованіемъ этого, повидимому, столь хорошаго манифеста Людовикъ долженъ былъ прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ для того, чтобы заставить крестьянъ покончить съ ихъ зависимостью отъ феодальнаго дворянства. «Кто вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ или собственной глупости, гласило распоряженіе короля, не пойметъ столь великаго благодѣянія и нашей милости, пожелавъ лучше оставаться въ рабствѣ, чѣмъ сдѣлаться свободнымъ, — со всѣхъ такихъ личностей мы приказываемъ и повелѣваемъ взимать для настоящей войны бесплатно и въ достаточномъ количествѣ пособія, какія только можно взять съ нихъ». Почему же, однако, крестьяне не хотѣли воспользоваться прелестями свободы и предпочли ей неволю? Дѣло въ томъ, что, освобождая крестьянъ за деньги и во имя принциповъ естественнаго права, ихъ не надѣляли землей, и вслѣдствіе этого масса отпущенниковъ превращалась въ нищихъ. Людовику же выгодно было воспользоваться крестьянскими грошами и въ тоже время поднять крестьянъ противъ своихъ феодальныхъ враговъ. Имѣя въ виду дурныя качества, свойственныя человеческой природѣ, мы и говорили выше, что и въ будущемъ существующимъ и сильнѣйшимъ препятствіемъ къ проведенію наиболѣе совершенныхъ преобразованій и узаконеній и къ надлежащему благодѣтельному вліянію ихъ должны служить недостатки и дурныя инстинкты, свойственныя людямъ. Самая всегдашняя потребность въ законодательствѣ и судѣ объясняется изъ этого же источника. Если же бѣдствія и страданія жизни скорѣе зависятъ отъ людскихъ пороковъ и дурныхъ страстей, то спрашивается: не наступить

ли въ будущемъ для человѣчества такое состояніе, когда окончательно исчезнетъ все дурное, что теперь замѣчается въ людяхъ: злоба, подлость, зависть, коварство, произвѣль, жестокость, своекорыстіе, зложелательство, несправедливость, безчестность и т. д.? Чтобы имѣть право дать тотъ или другой категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ-называемый положительный методъ мышленія требуетъ, чтобы былъ сперва рѣшенъ вопросъ: далеко ли мы ушли въ нравственномъ отношеніи сравнительно съ самыми отдаленнѣйшими нашими предками? На этотъ послѣдній вопросъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ мыслителей, именно Гартманъ, даетъ слѣдующій отвѣтъ. Безнравственность, если измѣрять ее по масштабу настроенія, нисколько, говоритъ онъ, не уменьшилась въ мірѣ отъ основанія перваго человѣческаго общества и до сихъ поръ: перемѣнилась только форма, въ которой обнаруживается злая воля. Вездѣ осталось то же отношеніе эгоизма къ любви къ ближнему. Указывающіе же на жестокости и грубость прошедшихъ временъ пусть не забываютъ принимать въ расчетъ, съ одной стороны, встрѣчаемыя нами у древнихъ первобытныхъ народовъ прямоту и честность, ясное чувство справедливости и почтеніе передъ освященными обычаями нравами, а съ другой растущія вмѣстѣ съ культурою ложь, обманъ, лесть, мошенничество, неуваженіе къ собственности и къ узаконеннымъ, но уже болѣе ничего не говорящимъ для инстинкта, обычаямъ. Воровство, обманъ и мошенничество, несмотря на положенныя за нихъ наказанія, увеличиваются въ болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ уменьшаются грубыя и тяжкія преступленія (напр. грабежъ, убійство, насиліе и т. д.). Самое подлое своекорыстіе безстыдно разрываетъ священнѣйшія узы семьи и дружбы, какъ скоро приходитъ съ ними въ столкновеніе, и звѣрская жестокость дикихъ временъ сдерживается только страхомъ передъ несомнѣннымъ возмездіемъ со стороны постановленныхъ государствомъ и обществомъ законовъ. Но какъ скоро узы закона и порядка ослаблены или порваны, то *тотчасъ же* даютъ себя знать жестокость и звѣрства человѣческія во всемъ ихъ ужасѣ, какъ это оказалось въ польской революціи, въ послѣдній годъ американской гражданской войны, въ парижской коммунѣ весной 1871 года. Имѣтъ, до сихъ поръ нисколько не улучшились злоба и тончу-

цій все чужое эгоизмъ человѣческой: они только искусственно приперты плетнями законовъ в гражданскаго общества и, не имѣя возможности произвести открытаго наводненія, все-таки просачиваются сивозъ эти плетни въ тысячи щелей! Стежень безнравственныхъ отрешеній осталась таже. Только они сняли лохмотья и ходять во фракъ... Но страданія у терпящаго отъ безнравственныхъ дѣяній нисколько не ослабляются отъ того, что эти дѣянія совершены въ усюченнои формѣ. Конечно, при постоянно расширяющейся замѣнѣ патріархальной безсознательной нравственности сознательною соціальною, дагѣе, при смягченіи чувствъ путемъ воспитанія, одна и таже мѣра нравственныхъ стремленій значительно расширила свои благотѣльные результаты въ учрежденіяхъ благотворительности, больницѣхъ, благотворительныхъ обществахъ и т. под. и вообще въ смягченіи нравовъ. Но эта выгода перевѣшивается болѣе изощренною чувствительностью у тѣхъ, которыя терпятъ отъ безнравственныхъ дѣяній: грубый человѣкъ съ юморомъ отнесется къ удару, которымъ у него чуть не проломить черепъ, между тѣмъ какъ образованный глубоко огорчится отъ самаго незначительнаго оскорбленія. Кромѣ того, съ повышеніемъ культуры вырастаетъ и нравственный масштабъ: одно и тоже дѣяствіе теперь считается болѣе безнравственнымъ, чѣмъ прежде. Это обстоятельство тоже служить къ перевѣсу страданій отъ безнравственныхъ дѣяствій и въ будущемъ. Хотя мы и не можемъ раздѣлять во всей силѣ мнѣніе новѣйшаго германскаго философа относительно нравственнаго развитія человѣчества, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимо измѣняетъ своему пессимистическому взгляду, однакожъ не можемъ не признать въ его словахъ преобладанія правды и истины надъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ. Несомнѣнно, что настоящее нравственное состояніе даде христіанскихъ цивилизованныхъ народовъ не слишкомъ въ общемъ ушло сравнительно съ другими народами отдаленной древности. Если такъ ничтоженъ нравственный прогрессъ человѣчества за громадный періодъ его жизни, то мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы предположить въ будущемъ совершенное исчезновеніе безнравственности: вѣдь мы должны признать, что она обусловлена настоящимъ состояніемъ нашей природы, такъ какъ въ противномъ случаѣ, борьба съ безнрав-

ственностью сопровождалась бы большими успѣхами, а съ другой стороны, въ насъ незамѣчалось бы какъ бы естественнаго влеченія къ злу, чувствуемаго каждымъ человѣкомъ. Милль возлагаетъ слишкомъ неумѣренныя надежды на воспитаніе въ этомъ случаѣ. Но хотя бы мы и предположили, что найдутся всюду самыя искуснѣйшіе воспитатели, мы не должны забывать, что воспитаніе безсилно пересоздать радикально человѣческую природу. А если это послѣднее невозможно, то мы не имѣемъ никакого основанія думать, что нѣкогда наступитъ такое время, когда безнравственность исчезнетъ, а съ этимъ станутъ невозможными всѣ тѣ страданія, какія порождаетъ безнравственность для терпящихъ отъ нея. Но этого недостаточно сказать. Можно утверждать даже съ полной несомнѣнностью, что въ будущемъ безнравственность увеличится сравнительно съ настоящимъ временемъ, если все болѣе и болѣе будетъ распространяться безвѣріе, а съ нимъ утилитарный взглядъ на жизнь, который нисколько не цѣнитъ добродѣтель, какъ добродѣтель. Отсюда, и человѣчество въ будущемъ будетъ страдать еще больше и сильнѣе, чѣмъ оно теперь страдаетъ. Злоба и подлость людская, въ которой Милль видитъ источникъ положительныхъ несчастій, можетъ сдѣлать невыносимымъ самое существованіе человѣческое...

По ученію Милля, бѣдность въ той ея степени, когда она становится уже страданіемъ, въ будущемъ можетъ быть совершенно уничтожена. Въ своемъ сочиненіи: «Основанія политической экономіи» Милль подробнѣе развиваетъ свои мысли касательно матеріальнаго человѣческаго благосостоянія. Самое лучшее для человѣческой природы состояніе то, рассуждаетъ Милль въ этомъ сочиненіи, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттолкнутъ назадъ усиліемъ другихъ пробиться впередъ. Лучшее распредѣленіе собственности—вотъ чего желаетъ и надѣется Милль. Измѣненія существующаго распредѣленія собственности Милль ожидаетъ «отъ соединеннаго дѣйствія благоразумія и воздержности въ отдѣльныхъ лицахъ и отъ законодательной системы, благопріятствующей равенству состояній, насколько оно соотвѣтствуетъ справедливому требованію каждаго лица на плоды его собственнаго труда, велики ли они или малы». Будущее рабочихъ классовъ представляется Миллю въ

такое видѣ. «Работники, получая хорошую плату, живутъ привольно; громадныхъ состояній нѣтъ, исключая заработанныхъ и накопленныхъ въ продолженіи жизни одного человѣка; но зато гораздо больше, чѣмъ теперь, будетъ тамъ людей, не только освобожденныхъ отъ грубыхъ формъ труда, но еще пользующихся достаточнымъ досугомъ отъ механическихъ мелочей—досугомъ физическимъ и умственнымъ, позволяющимъ свободно предаваться всему изящному въ жизни и служить въ этомъ приѣромъ для классовъ, обставленныхъ въ этомъ отношеніи менѣе благоприятно». Цѣны на пищу и одежды не будутъ до такой степени взвѣшаться, чтобы дѣлать жизнь трудною для людей, такъ какъ благоразуміе заставитъ ихъ позаботиться приостанавливать слишкомъ большое—увеличеніе народонаселенія. Но на какихъ же основаніяхъ Милль думаетъ, что рабочіе классы ожидаютъ такая судьба? Почему онъ воображаетъ, что съ достиженіемъ такого состоянія люди будутъ положительно счастливы? Не вдаваясь здѣсь въ критику политико-экономическаго взгляда Милля, мы отвѣтимъ на два, поставленныхъ нами, вопроса, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ вопросу о достижимости счастья. Милль самъ сознаетъ, что для счастливой жизни вовсе недостаточно того, чтобы лишь уничтожена была бѣдность въ той ея степени, когда она становится уже страданіемъ. Отсутствие страданія, происходившаго вслѣдствіе гнета крайней бѣдности, еще не есть положительное счастье: здѣсь на смѣну страданія, которымъ человѣкъ обязанъ былъ давленію нищеты, можетъ возникнуть страданіе, происходящее отъ неудовлетворенности стремленія къ обладанію такимъ состояніемъ, при которомъ человѣкъ могъ бы удовлетворять новымъ потребностямъ, отличающимся болѣе высокимъ характеромъ, болшею широтою. Бѣдность—понятіе въ высшей степени относительное. Нынѣшній бѣдный рабочій въ нѣкоторыхъ странахъ можетъ считаться богатымъ для рабочихъ другихъ странъ. Если же взять во вниманіе положеніе нынѣшнихъ низшихъ классовъ народа въ матеріальномъ отношеніи и сравнить его съ положеніемъ тѣхъ же классовъ въ прежніе вѣка, окажется, что напр. современный англійскій рабочій, добросовѣстно трудящійся, хорошо приспособившійся къ извѣстному мастерству и ведущій нерасточительную жизнь, является тѣмъ же

по отношенію къ рабочимъ прежнихъ вѣновъ, чѣмъ онъ является самъ по отношенію къ какому-нибудь богатому средней руки лорду. Между тѣмъ никогда въ такой степени не было развито въ низшихъ классахъ народа недовольство своимъ матеріальнымъ положеніемъ, какъ въ настоящее время. Если исторія Греціи и Рима въ значительной степени запечатлѣна борьбою между низшими и высшими классами изъ-за экономическихъ вопросовъ, то эта борьба въ настоящее время въ странахъ западной Европы принимаетъ мало-по-малу острый ужасающій характеръ. Во Франціи борьба эта достигла такого момента, когда высшіе классы, угрожаемые требованіями нисшихъ и устрашаемые перспективою буйной вспышки революціонныхъ инстинктовъ, ищутъ спасенія въ диктаторѣ. Но и во всей западной Европѣ, по замѣчанію Эмиля-де-Лавеле, социализмъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Въ Германіи социализмъ составляетъ организованную партію, которая имѣетъ свои журналы, ведетъ борьбу во всѣхъ большихъ городахъ и посылаетъ въ рейхсратъ представителей, число которыхъ постоянно возрастаетъ. Въ Австріи, въ Испаніи, въ Англии социалистскія идеи быстро проникаютъ въ рабочія массы, и, что очень замѣчательно, даже профессора политической экономіи дѣлаются такъ-называемыми *Catheder Socialisten*. Недавній циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія къ попечителямъ учебныхъ округовъ официально засвидѣтельствовалъ, что социалистская пропаганда имѣетъ и у насъ въ Россіи большой успѣхъ, несмотря на то, что, собственно говоря, ей не должно было бы имѣть и мѣста у насъ по отсутствію въ Россіи пролетаріата. Относительно распространенія социализма въ западной Европѣ сдѣлалъ весьма справедливое замѣчаніе Дизраэли, что «теперь это только легкій зефиръ, едва волнующій листву, но вскорѣ онъ можетъ обратиться въ неукротимый ураганъ, который ниспровергнетъ все на своемъ пути». Но гдѣ же источникъ этого крайняго недовольства нисшихъ классовъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ? Въ томъ ли, что это матеріальное положеніе для нихъ становится все хуже и хуже? Въ данномъ случаѣ вполне достаточный и справедливый отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Гартманъ. «Соціальный вопросъ нашего времени, говорятъ онъ, зависить въ концѣ концовъ *только* отъ повысившагося у рабочихъ массъ

сознанія бѣдственности ихъ положенія, между тѣмъ какъ фактически оно можетъ назваться золотымъ вѣкомъ сравнительно съ положеніемъ ихъ 200 лѣтъ тому назадъ, когда и рѣчи же было о социальномъ вопросѣ. Прежде живущій на границѣ голода слой народонаселенія чувствовалъ, а отчасти еще и теперь чувствуетъ свою бѣдность только тогда, когда ворчалъ голодный желудокъ, но чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ громче становится презрѣкъ бѣдности массъ, тѣмъ страшнѣе и полнѣе бѣднѣи проникаются сознаниемъ своей бѣдности. Но ничто въ такой степени не содѣйствуетъ увеличенію и прогрессивному возрастанію въ рабочихъ массахъ недовольства своимъ матеріальнымъ положеніемъ, какъ распространеніе среди нихъ такого ученія, по которому цѣлю жизни считается счастье и которое подрываетъ въ нихъ религіозныя вѣрованія. Не даромъ пропагандисты социалистическихъ идей всегда поставляютъ, въ числѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ возбужденію народныхъ массъ противъ существующаго экономическаго строя жизни, распространеніе въ народѣ атеистическихъ идей и утилитарныхъ тенденцій ⁴⁾. Тотъ, кто не видитъ въ жизни никакихъ другихъ цѣлей кромѣ гоньбы за счастьемъ и кто эмансипируется отъ всякихъ отношеній къ Высочайшему существу, которыя налагали бы крѣпкую узду на его своекорыстные инстинкты и заставляли бы довольствоваться лучше необходимымъ и переносить лишения, чѣмъ выступать съ притязаніями на большее и большее количество благъ жизни и даже не стѣсняться насильственнымъ захватомъ ихъ, меньше всего можетъ быть доволенъ своей судьбою, хотя бы она была далеко не бѣдна, и мириться совершенно съ уже приобрѣтен-

⁴⁾ Хотя по поводу упомянутого циркуляра далеко еще не вся высказалась наша пресса, однакъ, судя потому, что было сказано нѣкоторыми газетами, можно предполагать, что едва ли руководители нашего общественнаго мнѣнія укажутъ на то, что главнымъ средствомъ противъ распространенія у насъ социалистической пропаганды служить подъемъ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія народной массы и усиленіе *серіозной* полемической литературы (пока ея вовсе нѣтъ у насъ) противъ социалистическихъ и коммунистическихъ идей. Одни правительственныя иѣропріятія, клонящіяся къ удовлетворенію вопиющихъ нуждъ народа, по нашему убѣжденію, въ этомъ случаѣ еще далеко недостаточны. Наше духовенство и наша духовная журналистика снова вызываются на полезную службу церкви и обществу.

нымъ положеніемъ. Такииъ образомъ, по вашему убѣжденію, довольство такииъ матеріальнымъ положеніемъ, которое только что устраняетъ страданія, сопряженныя съ нищетою или сильной бѣдностью, *меньше* всего возможно для добывающагося положительнаго счастья. Тутъ, какъ мы говорили, возможноиъ всего противоположный порядокъ вещей, т. е. излишекъ претензій, недовольства, требовательности. Истинный христіанинъ можетъ чувствовать себя хорошо и при значительной бѣдности, не вѣрующій и гоняющійся только за благами жизни, каковымъ долженъ быть всякій *последовательный* утилитаристъ или эдемистъ, не способенъ къ этому. Это — аксіома, которую мы просили бы серьезно опровергнуть, кому она не кажется таковою. Хотя одинъ изъ основателей той доктрины, которую защищаетъ Милль, именно Эливеръ, и говорилъ, что можно быть счастливымъ, имѣя передъ собою кусокъ ячменнаго хлѣба и стаканъ воды, однакожъ это говорить скорѣе о его личномъ характерѣ, чѣмъ о свойствахъ его доктрины: противорѣчіе же дѣйствій съ принимаемыми принципами — вещь очень обыкновенная въ жизни.... Такииъ образомъ, мы не можемъ не признать того, что уничтоженіе крайней бѣдности само по себѣ еще не есть ручательство въ пользу счастья человѣческой жизни. Обыкновенно, съ расширеніемъ матеріальныхъ средствъ, у человѣка являюся новые расходы, новыя потребности, новыя прихоти даже. Тотъ, кто прежде страдалъ отъ того, что не могъ достаточно удовлетворять самымъ необходимымъ своимъ потребностямъ, начинаетъ теперь страдать отъ того, что не можетъ быть удовлетворена потребность въ такииъ вещахъ, о которыиъ прежде онъ вовсе не зналъ или не находилъ нужнымъ имѣть у себя. Не видимъ ли мы въ настоящее время того, какъ даже для вполне достаточныхъ людей жизнь становится гораздо труднѣе и тяжелѣе. Увеличеніе общаго благосостоянія, увеличивши потребности людей и утончивши ихъ вкусъ, усилило спросъ на большую часть предметовъ и возвысило цѣны почти на всѣ предметы потребленія въ нѣсколько разъ. Цѣнность недвижимаго имущества, домовъ и земель, быстро и сильно возвысились вслѣдствіе общаго благосостоянія: явилось болѣе охотниковъ приобрести собственность этого рода и болѣе

покупателей, могущихъ и желающихъ заплатить за нее высокую цѣну. Мясо и всѣ сельско-хозяйственные продукты поднялись въ цѣнѣ до такой степени, что причинили серьезныя неудобства для большинства даже достаточныхъ семействъ и дѣйствительное лишеніе для очень многихъ. Квартирная плата, жалованье и содержаніе прислуги то же возвысились мѣстами даже неизвѣстно высоко. При всеобщемъ повышеніи заработной платы во всѣхъ промыслахъ, издержки на большинство предметовъ, въ которыхъ трудъ занимаетъ большую долю въ качествѣ составнаго элемента, весьма существенно увеличились, и мы принуждены платить болѣе прежняго за всякую нужную для насъ подѣлку. «Говоря вообще, мы, вѣроятно, безъ преувеличенія можемъ сказать, замѣчаетъ Грегъ, что для семействъ, принадлежащихъ къ среднимъ классамъ, дѣйствительныя издержки жизни увеличились среднимъ числомъ на 25 процентовъ противъ суммы, существовавшей 25 лѣтъ тому назадъ». Но при этомъ неужно позабывать, что доходы и въ особенности жалованье вовсе не увеличились пропорціонально съ этимъ. Значитъ, жизнь стала и съ другой стороны болѣе трудною. Даже и въ томъ случаѣ, когда цѣны на нѣкоторые предметы потребления дѣйствительно упали сравнительно съ прежнимъ, сущность дѣла все таки не измѣнилась. Передвиженіе съ мѣста на мѣсто стало дешевле, но каждое семейство средняго класса путешествуетъ гораздо чаще, чѣмъ прежде. Вино, чай стоятъ меньше, но люди привыкли употреблять ихъ въ большемъ, чѣмъ прежде, количествѣ. Большинство предметовъ одежды можетъ быть куплено иногда по уменьшеннымъ цѣнамъ, но они требуются въ большемъ количествѣ, притомъ они должны быть болѣе дорогаго качества. Если мы перейдемъ къ воспитанію дѣтей и т. п. то еще болѣе убѣдимся, что положеніе вещей въ сущности измѣнилось къ худшему не смотря на то, что люди *повидимому* живутъ лучше, богаче прежняго. Если какому-либо современному рабочему, жившему въ бѣдности, и пришлось-бы попасть въ положеніе нынѣшнихъ такъ-называемыхъ достаточныхъ людей и пережить всѣ тягости ихъ жизни при кажущихся удобствахъ, едвали бы онъ чувствовалъ себя счастливѣе, чѣмъ тогда, когда его потребности находились на самомъ низкомъ уровнѣ и когда удовлетвореніе ихъ стоило такъ мало. Какое-же

основаніе Милль имѣеть къ тому, чтобы утверждать, что устраненіе бѣдности, характеризующей жизнь рабочихъ массъ, ведетъ эти массы къ счастью? Развѣ въ сущности не могутъ еще больше страдать представители среднихъ классовъ отъ своего мнимаго богатства? Случается-же, что люди, владѣющіе дѣйствительно большимъ состояніемъ сравнительно съ другими, все-таки жалятся на недостатокъ средствъ и на невозможность жить такъ, какъ хочется. Милль какъ бы позабылъ, что желанія людскія часто ничѣмъ не удовлетворяются. Почему-же это не должно случаться съ ними въ будущемъ? Если же мы при этомъ предположимъ, что и въ будущемъ вмѣстѣ съ расширеніемъ и уточненіемъ потребностей человѣческихъ будетъ идти рука объ руку несоразмѣрное увеличеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія и пользованія, то счастье, о которомъ говоритъ Милль, представится намъ еще болѣе недостижимымъ. Изъ сочиненія Милля по предмету политической экономіи мы видимъ, что ему самому не чуждо было еще большее, важнѣйшее опасеніе. Милль самъ говоритъ, что земной шаръ — величина ограниченная и плодородію его почвы есть предѣлы, такъ что можно представить себѣ такое время, когда его размножившееся населеніе займетъ все пространство и станетъ вымпрасть отъ «скудости природы» т.-е. отъ голода. Подобная мысль не нова: ее впервые высказалъ извѣстный экономистъ Мальтусъ. Въ наше время даже ученые, не раздѣляющіе во всей силѣ этой мысли, признають однакожъ, что въ землѣ дѣйствительно заключается лишь опредѣленное количество физическихъ и химическихъ силъ и веществъ, способныхъ поддерживать и создавать организмы растений, что пища можетъ создаваться тоже въ ограниченномъ количествѣ и что поэтому земля не въ состояніи кормить безпрестанно увеличивающагося населенія. Нѣкоторые ученые пытались даже опредѣлить тотъ моментъ, когда долженъ наступить роковой день для человѣчества. Многіе изъ нихъ приходили къ убѣжденію, что при томъ состояніи земледѣльческаго знанія и при тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми можетъ располагать цивилизованный міръ, Мальтусовъ законъ можетъ быть отдаленъ по крайней мѣрѣ еще на 400 лѣтъ. Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о счастіи человѣчества въ будущемъ, когда, по ученію самаго Милля, большая часть человѣчества въ этомъ будущемъ обре-

кается на вымирание отъ недостатка средствъ къ жизни? Чтобы отдалить или предупредить наступленіе указанной катастрофы, Милль рекомендуетъ рабочимъ массамъ половое воздержаніе, отреченіе отъ брака, отъ сношеній съ женщинами. Когда такимъ образомъ размноженіе человѣческаго рода будетъ ограничено и введено въ должныя предѣлы, тогда по взгляду Милля, благоденствіе его можетъ быть упрочено на возможно-продолжительное время. Само собою разумѣется, что вступленіе въ бракъ должно быть недопускаемо тѣмъ преимущественно лицамъ, которые меньше имѣютъ шансовъ надлежащимъ образомъ содержать свое семейство и воспитывать своихъ дѣтей. Не говоря уже о неудобовыполнимости этой мѣры и о могущихъ отсюда возникнуть ужасныхъ послѣдствіяхъ для нравственности человѣческаго рода, мы не можемъ не замѣтить, что здѣсь Милль снова отрицаетъ свое мнѣніе о достижимости счастья. Каково, въ самомъ дѣлѣ, должно быть положеніе тѣхъ, которые должны обречь себя на безсемейную жизнь, не смотря, быть - можетъ, на сильнѣйшее влеченіе къ ней? Такимъ образомъ Милль самъ съ разныхъ сторонъ подкапывается подъ собственное ученіе о достижимости счастья. Но, быть можетъ, осуществима мечта Милля о томъ, что наступитъ такое время, когда никто не пожелаетъ стать богаче другихъ, когда не будетъ бѣдныхъ, когда работники будутъ жить привольно, когда они получаютъ возможность свободно предаваться наслажденію всѣмъ изящнымъ и т. д. Ни одинъ христіански-развитый человѣкъ не найдетъ сколько-нибудь дурною саму по себѣ мысль о томъ, чтобы наступило такое время, когда исчезъ-бы гнетъ бѣдности и нищеты повсюду, когда представители самыхъ высшихъ общественныхъ слоевъ начали бы жить полной человѣческой жизнью и т. д. Всякій готовъ благословлять то правительство, которое считаетъ себя обязаннымъ гарантировать каждому человѣку часть производительнаго земельного имущества, полное пользованіе результатами своихъ трудовъ, извлеченіе всѣхъ законныхъ выгодъ изъ обладанія извѣстными знаніями и талантами, свободу отъ какой бы то ни было эксплуатаціи его силъ и собственности и т. д. Но при всемъ томъ мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы могло водвориться то равенство въ матеріальномъ отношеніи, при которомъ не было-бы бѣдныхъ, при которомъ люди

пользовались-бы одинаково всѣми благами жизни. Бѣдность далеко не всегда обусловливается какими-либо несправедливыми общественными учреждениями и узаконеніями. Напротивъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, она создается даже вопреки всѣмъ заботамъ правительства объ уничтоженіи или ослабленіи бѣдности. Лѣность, расточительность, пьянство, непредусмотрительность и десятки другихъ подобнаго рода причинъ обуславливаютъ въ большинствѣ случаевъ обѣдненіе людей, обладавшихъ даже всѣми средствами для исполнѣнія достаточной жизни. Съ другой стороны, жизнь такъ можетъ сложиться, что огромное большинство людей будетъ находиться сравнительно съ другими немногими въ такомъ положеніи, что удовлетвореніе самыхъ небольшихъ потребностей можетъ сдѣлаться крайне затруднительнымъ для этого большинства. Такое время, когда только люди выдающіеся богатствомъ своихъ силъ и энергіей выигрываютъ въ жизни, частію уже мы переживаемъ. Но и этнмъ людямъ успѣхъ достается крайне тяжело. Вотъ какъ объ этомъ разсуждаетъ одинъ изъ современныхъ англійскихъ ученыхъ. «Свѣтъ становится, говоритъ онъ, болѣе взыскательнымъ въ своихъ требованіяхъ, заявляемыхъ имъ всѣмъ работникамъ... Большіе призы соціальнаго существованія — успѣхи въ жизни профессиональной, общественной и коммерческой — требуютъ болѣе усиленнаго и изнурительнаго труда, большаго напряженія тѣлесныхъ и умственныхъ способностей, большихъ знаній и талантовъ, болѣе строгаго сосредоточенія усилій и цѣлей, болѣе суроваго и тяжкаго пожертвованія развлеченіями и пріятностями жизни, которая время доставляетъ людямъ беззаботнымъ и лишеннымъ честолюбія, — чѣмъ прежде. Извѣстный адвокатъ, докторъ съ огромной практикою, министръ и политикъ, мечтающій сдѣлаться министромъ, даже литературный труженикъ или ревнитель науки, всѣ они до единаго осуждены на такую сумму и непрерывную суровость напряженія, о которыхъ наши дѣды не имѣли понятія и которыя вынуждаютъ ихъ одного за другимъ остановиться или упасть на полове винѣ своего поприща разбитыми, парализованными и доведенными до преждевременнаго бездѣйствія и дряхлости.» Тоже въ большихъ или меньшихъ размахъ повторяется на всѣхъ стезяхъ жизни, на всѣхъ поприщахъ труда, дѣятельности. Если людямъ выдающимся успѣхъ

дается такъ трудно, то что же должно сказать о большинствѣ, которое представляетъ собою рядъ большихъ или меньшихъ-средственностей? Очевидно, эти послѣдніе должны платиться наибольшими лишениями и жертвами: сравнительная бѣдность — необходимый удѣлъ ихъ. Милль утверждаетъ, что сильные люди не захотятъ имѣть наибольшій успѣхъ сравнительно съ другими людьми. Но, во первыхъ, окрашивается: что же отнимаетъ у нихъ это желаніе? Миллю слѣдовало бы остановиться на этомъ вопросе, и тогда онъ вынужденъ былъ-бы признать, что мечтать о томъ, будто нѣкогда люди не захотятъ напр. стать богаче другъ друга, по меньшей мѣрѣ крайне нивно. Съ другой стороны, указанный наибольшій успѣхъ можетъ быть и независимо отъ хотѣній или нехотѣній. Кооперативный принципъ, въ которомъ Милль видитъ залогъ уравненія въ пользованіи результатами труда, въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ и т. д., въ сущности нисколько не можетъ и не долженъ устранять возможности преобладанія относительно успѣха однихъ передъ другими. Правильная и разумная ассоціація нисколько не ведетъ къ тому, чтобы нарушать законъ воздаянія каждому должнаго, смотря по мѣрѣ его талантовъ и личнаго усердія. Устройство ассоціацій необходимо должно предполагать, что больше и лучше трудящійся получаетъ и большее вознагражденіе, а лѣнливый и неумѣлый лишается правъ на участіе въ выгодахъ ассоціированнаго труда. Существованіе ассоціацій, при всей свободѣ ихъ устройства, нисколько не устраняетъ возможности существованія неравновѣрныхъ матеріальныхъ состояній и въ томъ отношеніи, что одна ассоціація, смотря по лицамъ, входящимъ въ составъ ея и по достоинству производимыхъ ею продуктовъ труда, можетъ имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ другими ассоціаціями и подрывать ихъ, при чемъ и самый родъ производимыхъ предметовъ необходимо долженъ имѣть вліяніе на относительное благосостояніе членовъ разныхъ ассоціацій. Такимъ образомъ, уже по этому одному нельзя представить себѣ въ будущемъ такого сообщенія, когда бы могло быть водворено равенство по количественному обладанію матеріальными благами. Мечты коммунистовъ, отъ коверыхъ, впрочемъ, далека и Милль, никогда не могутъ быть осуществлены. Невѣрность ихъ фантазіи до такой степени очевидна, что развѣ одно завитое мѣтже-

ство и нравственная разнузданность можетъ становиться на сторону ихъ... Но какъ скоро мы признаемъ, что ни въ какомъ отдаленномъ будущемъ невозможенъ тотъ порядокъ вещей, о которомъ говоритъ Милль, то мы необходимо должны признать, что недовольство, исключющее счастье, всегда будетъ нѣвѣе мѣсто въ человѣческихъ обществахъ. И чѣмъ напряженнѣе они будутъ добиваться счастья и чѣмъ больше они будутъ полагать его въ обладаніи возможно-большими матеріальными благами, тѣмъ напряженнѣе и больше будетъ и это недовольство.

Не можемъ мы согласиться съ Миллемъ и по вопросу объ уничтоженіи болѣзней въ человѣческомъ родѣ, какъ бы лично мы ни желали этого уничтоженія. Несомнѣно, что съ помощью хорошаго воспитанія, надлежащей осмотрительности отъ вредныхъ для здоровья вліяній и съ прогрессомъ наукъ, можно въ нѣкоторой степени ослаблять и предупреждать развитіе болѣзней. И благо тѣмъ, которые употребляютъ всѣ силы своего ума и нерѣдке жертвуютъ жизнью для изысканія средствъ къ ослабленію и предупрежденію болѣзней. Но надѣяться, чтобы когда-нибудь наступило такое время, когда не будетъ болѣзней въ этомъ мірѣ, значитъ предпочитать пріятныя фантазіи свидѣтельству опыта и указаніямъ здраваго разума. Во всякомъ, никакъ нельзя ожидать отъ всѣхъ людей, чтобы они могли и желали такъ устроить свою жизнь, чтобы случаи заболѣванія между ними не происходили. Развѣ мы не видимъ чуть не на каждомъ шагѣ, что даже грозныя эпидеміи, истребляющія массы людей, не могутъ въ большинствѣ пробудить готовность сообразоваться съ указаніями науки, опыта или здраваго смысла? Но часто и при полномъ желаніи люди не имѣютъ возможности предпринять всего того, что нужно для предотвращенія болѣзней. Въ тѣхъ, жизнь цѣлыхъ обществъ можетъ находиться въ такихъ условіяхъ, что здоровье большинства членовъ общества надламывается и разстраивается отъ самаго рода ихъ занятій. Существуютъ цѣлыя массы отраслей фабричной и ремесленной промышленности, занятія которыми необходимо сопряжены съ парней здоровья и съ увеличеніемъ смерти, причемъ, однако, большинство этихъ занятій обуславливается потребностями цивилизованной жизни. Наука не въ состояніи никогда сдѣлать рѣшительно безвредными эти занятія. Съ другой ста-

рой, экономическія условія жизни, о которыхъ мы говорили выше, могутъ *вынуждать* людей, посвящающихъ себя совершенно другимъ занятиямъ, чѣмъ только-что указанныя, на такую трудъ, который имѣетъ неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ разстройство ихъ здоровья и преждевременную горькую смерть. Втретьихъ, существованіе болѣзней весьма часто обуславливается такими вліяніями на насъ окружающей природы, каковыхъ мы никогда не въ состояніи устранить. Въ четвертыхъ, существуютъ извѣстныя болѣзни, сопряженныя неизбѣжно то съ половыми особенностями людей, то съ извѣстными періодами ихъ жизни. Эти болѣзни, иногда ведущія къ самымъ ужаснымъ результатамъ, неустранимы при содѣйствіи самой совершенной науки и при помощи самой твердой воли людей. Въ пятыхъ, до сихъ поръ мы видѣли въ исторіи человѣческихъ болѣзней лишь смену однихъ другими, исчезновеніе однихъ и появленіе другихъ. Прогрессъ цивилизаціи порождаетъ такія болѣзни, какихъ не знало человечество досель. Имѣемъ ли мы право утверждать, что въ будущемъ болѣзни вовсе исчезнутъ, а не зашинятся, быть-можетъ, только новыми, еще тяжелѣйшими и опаснѣйшими? Спорно всего мы можемъ предположить, что рядомъ съ прежними будутъ существовать еще новыя болѣзни по присутствію хроническаго. Значитъ, положеніе вещей скорее можетъ измѣниться къ худшему, чѣмъ къ лучшему, особенно если мы не будемъ опускаться къ виду того, что морбидная, болѣе цивилизованная, поколѣній становится болѣе и болѣе впечатлительными, чувствительными и воспріимчивыми во всѣхъ вредныхъ вѣншихъ вліяніяхъ. Не предположить, какъ это ни странно, что наступитъ вѣкъ, когда болѣзни станутъ неизбѣжными для всѣхъ? Сдѣлаютъ ли одне это ихъ счастливыми? Конечно, здѣсь возможно только отрицательный отвѣтъ. Далеко отъ того, что положительное наслажденіе здоровьемъ въ этомъ мірѣ возможно для человѣка только тогда, когда онъ испыталъ страданія, неудовольствія, сопряженныя съ болѣзненнымъ состояніемъ. Когда у насъ не болитъ напримѣръ рука или другой какойнибудь членъ тѣла, то мы вовсе даже не чувствуемъ какъ будто бы несамаго существованія ихъ. При этомъ нужно замѣтить, что страданія, причиняемыя той или другой болѣзненною

всегда чувствуются нами ослѣже, чѣмъ наслажденіе здоровьемъ. Это послѣднее, т. е. наслажденіе, обыкновенно бываетъ сильно только тогда, когда мы начинаемъ выдвигать отъ какой-нибудь тяжелой и продолжительной болѣзни. Впрочемъ, невозможность представить себѣ въ будущемъ совершенное исчезновеніе болѣзней въ человѣческомъ родѣ до такой степени велика, что Милль, при всемъ своемъ крайнемъ оптимизмѣ, не рѣшается допустить этой возможности. По его мнѣнію, въ будущемъ при извѣстныхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ болѣзнь можетъ быть доведена только до безконечно малыхъ размѣровъ. Какіе это безконечно малые размѣры, англійскій мыслитель не говоритъ. Не очевидно изъ выше-сказаннаго нами, что и это предположеніе Милля лишено всякихъ основаній. Такимъ образомъ, если и болѣзни, этотъ, по выраженію Милля, самый неустранимый и ненавистный врагъ человечества, не уничтожены, то мечты Милля, съ его собственной же точки зрѣнія, о достижимости счастья разбиваются въ прахъ. И въ самомъ отдаленномъ будущемъ люди также, если не больше, будутъ страдать сами отъ разнообразныхъ болѣзней и видѣть страданія своихъ близкихъ отъ той же роковой и неустранимой причины. Они также будутъ испытывать преждевременныя потери предметовъ личной привязанности какъ и теперь испытываютъ. Милль съ умысломъ ничего не говоритъ о томъ, сколько ужасныхъ страданій причиняетъ намъ смерть дорогихъ и близкихъ намъ лицъ, хотя бы эта смерть и не была преждевременной. Между тѣмъ, какъ бы ни казалась смерть близкихъ намъ лицъ непреждевременной, мы все-таки не можемъ не страдать, навсегда теряя тѣхъ, кто, быть можетъ, наполняетъ собой наше сердце и связанъ духовно со всемъ нашимъ существомъ. Развѣ и намъ самимъ всегда хочется разставаться съ жизнью, хотя бы она иногда и не была богата для насъ наслажденіями? Не самъ ли Милль говоритъ, что жизнь даже и на смертномъ одрѣ не только не теряетъ своего интереса, но сохраняетъ его въ той же силѣ, въ какой имѣла для нихъ во время ихъ молодости и здоровья? Онъ говоритъ это о людяхъ, развившихъ въ себѣ участіе къ коллективнымъ интересамъ человечества. Но и люди, не особенно богатые и сильныя своимъ сочувствіемъ къ коллективнымъ интересамъ чело-

вѣчества, нѣрѣдко обнаруживаютъ еще сильнѣйшую привязанность къ жизни. Но мечтать о томъ, что когда-нибудь наступитъ такое время, когда люди не будутъ умирать, не рѣшается Милль. Изъ всего этого слѣдуетъ, что достижимость счастья—чистѣйшая фантазія людей; не желающихъ трезво взглянуть на вещи или нахѣренно фальшивящихъ ради проведенія въ общество взлюбленныхъ идей.

Номиню дурныхъ общественныхъ учрежденій и узаконеній, подлости и злобы людской, болѣзней; преждевременной потери предметовъ личной привязанности, бѣдности, человѣческому счастью мѣшаютъ разныя внезапныя перемены въ судьбѣ людей и разныя неудачи, какъ говоритъ самъ Милль. Но устранимы ли эти послѣднія причины, отъ дѣйствій которыхъ не рѣдко такъ жестоко страдаютъ люди? Будьте, говорить людямъ англійскій мыслитель, разсудительнѣе, предусмотрительнѣе и избѣгайте ложнаго направленія вашихъ желаній, и тогда сами собой исчезнутъ тѣ страданія, которые выпадаютъ на вашу долю вслѣдствіе разныхъ неудачъ и переменъ въ вашей судьбѣ. Свѣтъ самъ по себѣ прекрасный, но въ большинствѣ случаевъ рѣшительно невыполнимый. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что очень нѣрѣдко разныя внезапныя и тяжелыя перемены въ судьбѣ и неудачи происходятъ отъ неразумности, непредусмотрительности и отъ ложнаго направленія человѣческихъ желаній. Россія въ прошломъ году понесла отъ пожаровъ убытку на сумму въ 66 милліоновъ рублей. По официальнымъ отчетамъ, напечатаннымъ въ июньскихъ номерахъ «Правительственнаго Вѣстника» за текущій годъ, видно, что втеченіе одного іюня мѣсяца въ нынѣшнемъ году Россія повесела убытку отъ пожаровъ на сумму въ 11,479,083 рублей, несмотря на то, что еще неопредѣленъ убытокъ по 224-мъ пожарамъ бывшимъ въ этомъ-же мѣсяцѣ ⁴⁾. Понятно, что многіе изъ этихъ

⁴⁾ При этомъ не можемъ не обратить вниманія читателей „Прав. Обозрѣнія“ на прекрасную мысль „Церковно-общественнаго Вѣстника“, этой живой и дѣльной газеты, —высказанную недавно въ статьѣ о задачахъ сельскаго духовенства. Авторъ статьи, выходя изъ той совершенно вѣрной мысли, что вся дѣятельность духовенства должна быть неразрывно связана съ истиннымъ благомъ и интересами народа, говорить, что сельское духовенство, помимо энергической борьбы съ пьянствомъ, принесло бы Россіи громадную даже матеріальную пользу,

пожаровъ произошли отъ неосмотрительности и неразумительности, имѣвшихъ своимъ результатомъ самую горькую переживу въ судьбѣ цѣлыхъ тысячъ народа. Большая осторожность и осмотрительность могли бы предохранить отъ этихъ несчастій. Но, во-первыхъ, не пришлось-ли здѣсь меньшинству неосторожныхъ и неосмотрительныхъ сдѣлаться причиною гибели благосостоянія большинства осторожныхъ и осмотрительныхъ? Сдѣлаются ли вездѣ въ будущемъ люди всѣ вполне осмотрительными и осторожными? Во-вторыхъ, весьма значительное количество пожаровъ происходитъ у насъ отъ поджоговъ и даже отъ молній. Но въ этихъ случаяхъ, за самыми ничтожными исключениями, оказываются часто безсилною самая бдительная осторожность: злые люди найдутъ всегда возможность причинить другимъ желаемое зло... Но пожары—не единственное бѣдствіе, которое можетъ обрушиваться на людей совершенно внезапно и въ конецъ измѣнять ихъ судьбу къ худшему. Наводненія, землетрясенія, бури, засухи, кораблекрушенія и т. д. съ одной стороны, а съ другой коварство, месть, зависть, и т. д. могутъ измѣнять нашу судьбу самымъ крутымъ и неожиданнымъ образомъ, несмотря на всю нашу осмотрительность и осторожность. Точно также далеко не всегда бываетъ легко отдѣлаться людямъ отъ ложнаго направленія ихъ желаній. Да и что разумѣетъ Милль подъ этимъ ложнымъ направленіемъ человѣческихъ желаній? Если онъ здѣсь имѣетъ въ виду такія требованія отъ жизни, которыми она не можетъ удовлетворить, то мы уже достаточно гоаорили, что человѣку не лучше станетъ отъ того, что онъ долженъ вести борьбу съ самимъ собою и не рѣдко считать неумѣстными такія желанія, которыя ему представляются совершенно естественными и законными...

еслибы, своимъ примѣромъ и совѣтами относительно предосторожностей отъ пожаровъ, уменьшило до послѣдней возможности количество пожаровъ въ Россіи, истребляющихъ у насъ въ конецъ народное благосостояніе вмѣстѣ съ пьянствомъ и другими причинами. Мы замѣтимъ отъ себя, что и городское духовенство могло бы быть полезнымъ въ этомъ же отношеніи. Собственная даже польза духовенства не говоря уже о его прямыхъ обязанностяхъ, должна заставить его послужить народу въ этомъ смыслѣ: чѣмъ лучше народъ живетъ въ матеріальномъ отношеніи и чѣмъ больше онъ видитъ въ духовенствѣ христіанскаго теплаго участія къ его положенію, тѣмъ благодарнѣе можетъ быть къ духовенству...

Итакъ, мы съ достаточной обстоятельностью разобрали ученіе Милля о достижимости счастья. Результатъ, къ которому необходимо приводить насъ анализъ этого ученія, чрезвычайно невыгоденъ для утилитарной нравственной теоріи: то, что она поставляетъ единственнымъ принципомъ челоуѣческихъ дѣйствій и единственной цѣлью челоуѣческой жизни, является съ одной стороны, лишеннымъ всякой определенности и окончательно субъективностическимъ, а съ другой стороны, въ смыслѣ цѣли никогда недостижимымъ. Милль хочетъ уклониться отъ этого неизбежнаго вывода не советемъ искусной логической эквивалентности. Еслибы намъ и доказали, говорить онъ, что счастье недостижимо, то и въ такомъ случаѣ мы могли бы оказать въ защиту утилитаризма, что если возможность достиженія счастья представляется химерой, то отнюдь нельзя считать за химеру возможность уменьшенія или устраненія несчастья, — что и должно быть цѣлю челоуѣческой жизни. Но, вопервыхъ, кто же удовлетворится такими отрицательными вещами? Челоуѣку хочется, чтобы всѣ его разнообразныя потребности и стремленія находили себѣ полное и безпрятственное удовлетвореніе и чтобы онъ наслаждался жизнью. Какъ бы ни измѣнялась жизнь челоуѣческая къ лучшему, люди никогда не перестанутъ желать еще лучшей, и такъ безъ конца. Но развѣ какая бы то ни было дѣйствительность въ состояніи удовлетворить въ этомъ случаѣ челоуѣка? Его желанія всегда будутъ стоять выше гѣхъ средствъ, которыми располагаетъ жизнь. Значитъ, и самыя страданія будутъ всегда сопутствовать челоуѣку. Эти страданія составляютъ даже условіе необходимое для того, чтобы челоуѣкъ въ этомъ мірѣ могъ испытывать наслажденія. Тотъ, кто не испыталъ горькихъ лишеній въ жизни, не умѣетъ наслаждаться находящимися въ его распоряженія благами, какъ таковыми, кто не испыталъ никогда тягостей неволи и давленія чужаго произвола, тотъ не можетъ такъ наслаждаться своей свободою, своей независимостью. И чѣмъ сильнѣе было пережитое горе, лишеніе, страданіе, тѣмъ бываетъ обыкновенно сильнѣе и продолжительнѣе наслажденіе отъ переменъ судьбы къ лучшему въ извѣстномъ отношеніи. Если челоуѣку пришлось долго голодать или испытывать жажду, то онъ переживаетъ сильнѣе наслажденіе, утоляя даже самыми неприхотливыми вещами свой голодъ и

свою жажду. Когда мы постоянно можем пользоваться известными вещами или быть вмѣстѣ съ известными лицами, то мы даже какъ бы утрачиваемъ способность наслаждаться или пользоваться или присутствіемъ. Но попробуете на время лишиться всего этого и даже въ известной степени утратить надежду на новое обладаніе или, на новую жизнь рука объ руку съ ними, и тогда только возвращеніе утраченнаго доставитъ вамъ величайшее наслажденіе. Повторяю, мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, что съ дальнѣйшимъ прогрессивнымъ движеніемъ жизни люди будутъ меньше страдать. Известный антропологъ Вайцъ совершенно справедливо утверждаетъ, что счастье не растетъ въ цивилизаціи, ибо по мѣрѣ увеличенія способности наслаждаться, разнообразія предметовъ наслажденія, напряженности наслажденій, растетъ и способность страдать и напряженность страданій. Мы же выше видѣли, что тѣ источники величайшихъ страданій, положительнаго несчастія, на которые указываетъ самъ Милль, вовсе неустранимы ни въ какомъ отдаленномъ будущемъ. Что счастье недостижимо въ особенности для тѣхъ, кто счастье считаетъ цѣлю своей жизни, блистательно доказываетъ это самъ Милль. Тѣмъ болѣе важно для насъ это свидѣтельство, что оно стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ мыслию Милля о томъ, что въ настоящее даже время лучшіе люди могутъ достигать счастья, если они будутъ принимать участіе въ борьбѣ противъ бѣдствій, удручающихъ человечество и неустранимыхъ, по мнѣнію даже Милля, втеченіи цѣлыхъ вѣковъ. Въ своей автобіографіи разсказываетъ Милль, что онъ сперва думалъ найти себѣ счастье въ дѣятельности, посвященной на пользу общую. Наконецъ онъ убѣдился, что онъ не былъ бы счастливъ даже и тогда, когда всѣ планы его, задуманные для общаго блага, были бы осуществлены. Это открытіе повергло Милля въ безысходное почти горе, временами граничившее съ отчаяніемъ. Наконецъ, послѣ продолжительнѣйшихъ страданій, Милль пришелъ къ слѣдующему убѣжденію. «Единственная возможность достигнуть счастья, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы считать не счастье, а что-либо другое цѣлю жизни. Въ жизни досугочно наслажденій, если мы беремъ ихъ en passant, не придавая имъ значенія главной цѣли нѣшего существованія. Придайте имъ такое значеніе, и они тот-

часть окажутся недостаточными и не выдержатъ строгата анализа. Спросите себя, счастливы ли вы, и вы перестаете быть счастливыми. Избравши другую какую-либо цѣль жизни, а не счастье, на служеніе этой цѣли употребите все свое самосознаніе, всю свою способность къ анализу, и *если другія обстоятельства вашей жизни удачно сложатся*, то вы будете счастливы, *вдыхая въ себя счастье виѣсть съ воздухомъ, не думая о немъ, не анализируя его*. Читатель невольно наумляется, почему же это непременно нужно къ теоріи считать счастье главной и единственной цѣлью жизни, а къ дѣйствительности, чтобы достигнуть ея, нужно считать цѣлю жизни не счастье, а что-либо другое: читателю невольно и совершенно резонно представляется, что всѣмъ этимъ защитамъ утилитаризма произносятся смертный приговоръ надъ защищаемой доктриной. Великій мыслящій человекъ не можетъ не видѣть, что если счастье является лишь *путышкомъ* такой жизни, которая направляется не къ счастью, а къ достиженію чего-то другаго, то значитъ, что необходимо и цѣлю жизни считать что-то другое, а отнюдь не счастье. Точно также давно слѣдовало бы рассуждать в сторонникамъ утилитаризма, если они сколько-нибудь уважаютъ логику и здравый смыслъ. Между тѣмъ они поступаютъ вовсе не такъ, напоминая напраныхъ дѣтей и женщинъ, готовыхъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ чувствъ утверждать, что 2 + 2 не 4, а пять или шесть. Какъ эти послѣдніе приходятъ чуть не въ бѣшенство, если вы станете убѣждать ихъ въ томъ, что они заблуждаются, такъ и утилитаристы требуютъ отъ васъ, чтобы вы соглашались съ ними, не думая, не анализируя. Итакъ, самъ Мидь очень категорически заявляетъ, что счастье недостижимо для тѣхъ, кто его поставляетъ цѣлю жизни, а не что-либо другое, и кто рѣшается спрашивать себя: «счастливъ ли ты». Но и тѣ, которые считают не счастье, а что-либо другое цѣлю жизни, боясь при этомъ думать и анализировать свои внутреннія состоянія, могутъ быть счастливыми только тогда, когда другія обстоятельства ихъ жизни удачно сложатся. А этимъ отрицается возможность достиженія счастья и для этихъ послѣднихъ лицъ. Вопервыхъ, развѣ можно отдѣлаться отъ требованій нашей природы и насильственно заставить себя не думать о томъ, счастливы ли мы? Во вторыхъ, комбинація разныхъ жизненныхъ об-

стоятельность находится въ большинствѣ случаевъ внѣ нашей воли, не говоря уже о томъ, что мы живемъ въ такомъ мѣрѣ, гдѣ возможны и дурныя или несовершенныя учрежденія и бѣдность и бѣдѣныи и злоба и подлость людская и преждевременная потеря предметовъ личной привязанности. Такимъ образомъ, какъ Милль ни изворачивается, все-таки выходитъ, что счастье недостижимо. Мало того, изъ собственныхъ же словъ англійскаго мыслителя выходитъ, что оно всего недостижимѣе для тѣхъ, кто считаетъ счастье цѣлюю человеческой жизни. Не въ правъ ли, поэтому, мы утверждать, что распространеніе въ нашемъ обществѣ утилитарнаго ученія въ связи съ другими антирелигіозными доктринами можетъ служить и дѣйствительно служить одною изъ существеннѣйшихъ причинъ все увеличивающагося недовольства жизнью, доходящаго нерѣдко до самоубійства?... Нѣкоторые изъ утилитаристовъ, сознавая силу возраженій, направленныхъ противъ ихъ ученія о достижимости счастья, и желая чѣмъ-либо поразить своихъ противниковъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему оружію, представляющемуся имъ весьма сильнымъ. И добродѣтель, говорятъ они, недостижима; однакожъ на основаніи этого люди, почитающіе добродѣтель цѣлюю жизни, не думаютъ же отвергать моральныя системы, основывающіяся на этомъ принципѣ. Вопервыхъ, замѣтимъ мы, развитіе въ человѣкѣ добродѣтели или нравственнаго совершенства не ограничивается предѣлами настоящей жизни, а продолжается въ будущей загробной, между тѣмъ какъ у утилитаристовъ рѣчь идетъ о достижимости счастья только въ предѣлахъ настоящей жизни, такъ какъ жизни загробной, по мнѣнію ихъ, вовсе даже не существуетъ или по крайней мѣрѣ мы ничего о ней не знаемъ и слѣдовательно не можемъ и говорить. Только богословы-утилитаристы допускаютъ бытіе загробной жизни, но и они, когда говорятъ о достижимости счастья, собственно разумѣютъ благополучіе здѣшней жизни. Вовторыхъ, какъ мы увидимъ ниже, стремленіе къ добродѣтельной жизни человѣкъ внутренне ставитъ выше и важнѣе стремленія просто только къ счастливой жизни. Въ третьихъ, никто и не думаетъ утверждать, что цѣль человеческой жизни сводится къ какому-либо одному моменту, какъ бы мы его ни опредѣляли. Наконецъ, на сторонѣ большинства моралистовъ, почитающихъ добродѣтель цѣлюю человеѣче-

ской жизни, находится и то преимущество, какъ увидимъ ниже, что они болѣе опредѣленно и ясно представляютъ себѣ природу той цѣли, которая, по ихъ мнѣнію, есть единственно достойная чело-вѣка цѣль жизни. Значитъ, мы имѣемъ полное основаніе говорить, что утилитарное ученіе — самая бессмысленная доктрина, такъ какъ она ставитъ единственной цѣлью чело-вѣческой жизни такую цѣль, къ которой тѣмъ болѣе стремится чело-вѣкъ, тѣмъ дальше отодвигается отъ нея, и которая никогда и рѣшительно недостижима...

А. Гусевъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

Высокопреосвященнѣйшаго Исидора митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго.

5 сентября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія въ священномъ санѣ первенствующаго члена Святѣйшаго Всероссійскаго Синода, высокопреосвященнѣйшаго митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго и финляндскаго Исидора. Пятьдесятъ лѣтъ прошло до тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ с.-петербургской духовной академіи (VI курса), при окончаніи высшаго образованія принявшій монашество, въ этотъ самый день былъ посвященъ въ іеромонаха. Столь продолжительный періодъ времени былъ ознаменованъ многими и разнообразными дѣлами и заслугами церкви и отечеству на различныхъ поприщахъ служенія, пройденныхъ досточтимымъ юбиляромъ.

Высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, въ мірѣ *Іаковъ Никольскій*, родился 1-го октября 1799 года въ селѣ Никольскомъ, тульской губерніи, каширскаго уѣзда. По окончаніи курса въ тульской духовной семинаріи, въ 1821 году, поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1825 г. Вскорѣ послѣ окончанія курса, на 26 году отъ рожденія, онъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Исидора, опредѣленъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ той же академіи и 29 августа рукоположенъ въ іеродіакона, а 5 сентября въ іеромонаха. Послѣ пятилѣтнихъ плодотворныхъ трудовъ учитель-

ства въ академіи, іеромонахъ Исидоръ, въ 1829 году, опредѣленъ былъ въ орловскую духовную семинарію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ и въ томъ же году возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ иудеевскаго петропавловскаго монастыря и присутствующимъ орловской духовной консисторіи. Въ 1833 году, онъ переведенъ ректоромъ московской духовной семинаріи и опредѣленъ настоятелемъ московскаго староопигиальнаго Заиконоспасскаго монастыря; а въ слѣдующемъ 1834 году, 11 ноября, по именному Высочайшему указу, хиротонисанъ во епископа дмитровскаго, викарія московскаго. Въ санѣ викарія московскаго, преосвященный Исидоръ проходилъ служеніе свое подъ руководствомъ знаменитаго московскаго іерарха, покойнаго митрополита Филарета, и какъ бы нарочно подготавлился къ той, требовавшей особенной опытности и мудрости, дѣятельности, которою ознаменовалъ онъ свое служеніе въ поолѣдствіи на кафедрѣ Бѣлорусіи и Грузіи. Высочайшимъ именнымъ указомъ въ 1840 г. епископъ дмитровскій Исидоръ переведенъ въ половецкую епархію, а въ слѣдующемъ 1841 году перемѣщенъ въ епархію моголаевскую и возведенъ въ санъ архіепископа. Высочайшимъ именнымъ указомъ отъ 12 ноября 1844 года архіепископъ моголаевскій Исидоръ назначенъ въ епархію карталинскую и кахетинскую и возведенъ въ званіе члена Святейшаго Синода и епископа Грузіи. Здѣсь почти 13 лѣтъ онъ неутомимо трудился надъ устройствомъ церкви и успѣлъ достигнуть того, что вся Грузія до сихъ поръ съ величайшимъ уваженіемъ и самою трогательною любовію воспоминаетъ имя его, какъ восстановителя упадшаго православія на Кавказѣ. Труды его и заботы о процвѣтаніи тамошней церкви дословно были оценены Монаршимъ благоволеніемъ: въ 1850 году, онъ «за ревностное служеніе церкви, отличающееся неутомимой заботливостію о благоустройствѣ въ ренныхъ его духовному надзору паствъ въ мѣстахъ разноплеменнаго населенія», причисленъ къ ордену св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Въ 1853 году, Высочайшимъ рескриптомъ награжденъ алмазнымъ крестомъ для ношенія на клобукъ, а въ 1856 году, Высочайшимъ указомъ возведенъ лично въ санъ митрополита, за «ревностные труды по общему управленію церковными дѣлами закавказскаго края и къ благо-

устройству въ немъ духовной части». Въ слѣдующемъ 1857 году, по смерти кievскаго митрополита Филарета, экзархъ Грузинъ Исидоръ назначенъ на митрополию кievскую, а въ 1858 г. удостоился получить алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго. Съ 1860 года высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Исидоръ занимаетъ кафедру митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго и финляндскаго. Со времени своего высокаго и вмѣстѣ многотруднаго служенія въ качествѣ первенствующаго члена св. Синода и митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, высокопреосвященнѣйшій Исидоръ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Монарха. Въ 1861 году онъ получилъ Высочайшее соизволеніе на принятіе и ношеніе ордена Спасителя 1 степени, пожалованнаго ему королемъ эллиновъ; въ 1863 году всемілостивѣйшше сопричисленъ къ ордену св. равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени, а въ 1872 г. Высочайше награжденъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго.

Высокопреосвященнѣйшій Исидоръ состоитъ членомъ разныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ: такъ, онъ состоитъ почетнымъ членомъ археологическаго и географическаго общества и комитета грамотности, учрежденнаго при обществѣ сельскаго хозяйства, членомъ королевскаго копенгагенскаго общества свѣрныхъ дѣяностей, почетнымъ членомъ совѣтовъ всѣхъ духовныхъ академій, императорскаго с.-петербургскаго университета и императорской с.-петербургской медико-хирургической академіи; дѣйствительнымъ членомъ академіи наукъ, главнымъ попечителемъ императорскаго человеколюбиваго общества; дѣйствительнымъ членомъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, предсѣдателемъ Высочайше утвержденаго Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, членомъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и другихъ обществъ.

Такова служебная лѣтопись, свидѣтельствующая о неутомимой и многоплодной дѣятельности іерарха, пятидесятилѣтній юбилей котораго собралось праздновать не только духовенство и паства избранной ему митрополіи, но многочисленная депутація и представители отъ другихъ вѣдомствъ и іерархій изъ другихъ епархій.

Торжество празднованія пятидесятилѣтняго юбилея митрополита Исидора началось еще наканунѣ всеобщимъ богослуженіемъ, совершеннымъ во всѣхъ городокихъ церквахъ. Въ Исаакиевскомъ соборѣ всеобщую совершалъ пресвященный Гермогенъ. 5-го сентября, въ Исаакиевскомъ соборѣ литургію служили три архіерея: Никандръ тульскій, Іоаннаванъ олонецкій и Гермогенъ выборгскій. Въ Александро-невской же лаврѣ обѣдную служили также три архіерея: Іоанникій нижегородскій, Германъ кавказскій и Никодимъ старорусскій. Самъ іерархъ юбиларъ совершилъ равную литургію въ своей домашней церкви, въ сослуженіи преосвященнаго Тихона саратовскаго. Литургіи съ молебнами были отслужены и во всѣхъ другихъ столичныхъ церквахъ. Съ одинадцати часовъ утра начали собираться въ митрополичьихъ палатахъ депутаціи отъ разныхъ обществъ и учреждений и духовенства бѣлаго и чернаго. Всѣ шесть прибывшихъ къ юбилею архіереевъ привѣтствовали митрополита рѣчами и поднесли икону. Епископъ викарный Гермогенъ, въ своей рѣчи, между прочимъ, живо и подробно разсказалъ дѣйствія пресвященнаго Исидора.

С.-петербургская духовная академія, семинарія и духовное училище, а также представители духовенства с.-петербургской епархіи, прочитали поздравительные адреса. Адресъ духовной академіи, между прочимъ говоритъ объ отношеніи митрополита Исидора къ развитію богословской науки въ отечествѣ и духовной печати. Особенно выдался адресъ петербургскаго духовенства, и, несмотря на то, что онъ довольно обширенъ, архипастырѣ съ полнымъ вниманіемъ и видимымъ удовольствіемъ выслушалъ привѣтствіе своей паствы и радушно благодарилъ ее, какъ за выраженныя чувства въ адресѣ, такъ, особенно, за учрежденіе духовенствомъ въ Александро-невскомъ домѣ призрѣнія бѣднымъ духовнаго званія 8 стипендій «имени митрополита Исидора», и, за поднесенную икону Покрова Пресвятыя Богородицы, передъ которою маститый архипастырѣ сдѣлалъ земный поклонъ и затѣмъ приложился къ образу. Изяцно переплетенный адресъ с.-петербургскаго духовенства богато переплетенъ въ фиблетовый бархатъ съ золотыми тисненіями. Поднесенный духовенствомъ образъ сдѣланъ на фабрикѣ художника Верховцева и отличается особеннымъ изяществомъ и тонкостью от-

дѣлалъ. Еще была поднесена икона Казанской Божіей Матери пріятномъ и старостомъ Казанскаго собора. Послѣ пріема разныхъ депутцій, юбиляръ имѣлъ удовольствіе принять привѣтствіе св. Синода. Но еще ранѣе Высочайшій Императоръ имѣлъ счастье получить новый знакъ монаршаго къ нему благоволенія—преспровожденный отъ Государя Императора при милостивомъ рескриптѣ архипастырской взохъ, осмыанный драгоцѣнными камнями, съ которыми юбиляръ въ тотъ день и служилъ раннюю литургію. Предлагаемъ теперь какъ Высочайшей рескриптъ, такъ и привѣтствія отъ разныхъ лицъ и учреждений.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

Преосвященный митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій, и финляндскій Исидоръ!

Сего числа исполняется пятьдесятъ лѣтъ со времени рукоположенія вашего во іеромонашескій санъ. Въ сей знаменательный для васъ день, мнѣ пріятно привести на память всѣ отличные труды ваши на пользу церкви и отечества. Съ самаго вступленія на служебное поприще, какъ наставникъ духовнаго юношества, вы обратили на себя вниманіе престопамятнаго митрополита Филарета, и были въ 1834 году призваны, въ званіи викарія дмитровскаго, нести часть трудовъ его по управленію московскою епархією. Затѣмъ, занимая преемственно катедру полоцкую и могилевскую, были участникомъ священнаго дѣла братолюбнаго возвращенія въ нѣдра православія пастей, оторгнутыхъ отъ онаго обманомъ и насиліемъ. По успѣшномъ воссоединеніи уни въ сихъ двухъ епархіяхъ, державная воля незабвеннаго родителя нашего указала вамъ новое поле дѣятельности въ епархіяхъ грузинскомъ. Неутомимые ваши труды по духовному благоустроенію областей, входившихъ въ древнее царство Карталинское, надолго останутся незабвенными, и неизгладимою пребудеть память о томъ, что вами утверждено чествованіе креста Христова во многихъ мѣстностяхъ Кавказа, прежде васъ не почитаемаго православными іерархами. Воздавая вамъ должную дань справедливости, я призналъ за благо, въ самый день священнаго воспріятія мною вѣнца прародительскаго, возвести васъ въ санъ митрополита, и, вскорѣ по перемѣщеніи на катедру кіевскую, призвать васъ къ непосредственному участію въ засѣданіяхъ св. Синода. Съ возведеніемъ

вась, въ 1860 году, въ званіе митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго и финляндскаго, вамъ выпала жребій руководить дѣяніями сего высшаго правительства церкви Всероссійской. Первоприсутствованіе ваше въ ономъ постоянно свидѣтельствуетъ о разумѣ вашемъ, изощренномъ опытѣ служенія въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества; лично изучивъ нужды духовенства, потребности духовнаго образованія и недостатки церковнаго хозяйства и управленія, вы неуклонно направляете труды св. Синода на устраненіе замѣченныхъ вами несовершенствъ. Несомнѣнные тому примѣры являютъ: самоличное участіе ваше въ оконченномъ нынѣ переложеніи книгъ Священнаго Писанія на русскій языкъ; заботы ваши объ обезпеченіи духовенства, доказанныя устроеніемъ вами богадѣльни для призрѣнія вдовъ и сиротъ; любвеобильное соединеніе вами правды и милости въ дѣлахъ суда духовнаго, въ рѣшеніи дѣлъ синодальныхъ всегда присущее.

Но заботы ваши не ограничиваются однимъ духовенствомъ. Съ 1860 года состоя главнымъ попечителемъ императорскаго человеколюбиваго общества, вы усилили въ теченіи пятнадцати лѣтъ вашего управленія учредить болѣе тридцати воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній и распространить дѣйствія общества до такой степени, что вмѣсто шестнадцати тысячъ неимущихъ, получавшихъ пособія при вступленіи вашемъ, общество оказываетъ нынѣ помощь семидесяти шести тысячамъ лицъ, и, несмотря на столь значительное расширеніе благотворительности своей, оно, благодаря благоразумному веденію вами хозяйства, возростило цѣнность своихъ денежныхъ и недвижимыхъ имуществъ болѣе чѣмъ на два съ половиною милліона рублей.

Всѣми такими подвигами на благо святой церкви и на пользу любезнаго нашего отечества, вы стяжали право на совершенное мое благоволеніе и полную мою признательность: во изъявленіе оныхъ всемилостивѣйше жалую вамъ архиастырскій посохъ, осыпанный драгоценными камнями, и молю Бога, да продлится еще на многіе годы плодотворное святительское служеніе ваше.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ всегда благоклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

5-го сентября 1875 года.

Адресъ с.-петербургской духовной академіи.

Ваше высокопреосвященство!

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ этотъ день с.-петербургская духовная академія привѣтствовала васъ, своего воспитанника и наставника, въ пресвитерскомъ санѣ. Въ настоящій день, спустя полстолѣтіе послѣ

того времени, мы имѣемъ счастье, отъ имени той же академіи, привѣтствовать васъ на высшей, давно уже занимаемой вами, ступени пастырскаго служенія. Въ нашей академической средѣ давно уже нѣтъ бывшихъ вашихъ сослуживцевъ и товарищей. Мы не можемъ, какъ могли бы они, вспомнить и раздѣлить съ вами всѣ тѣ свѣтлыя мысли и теплыя чувства, которыми вы были одушевлены въ этотъ день, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и которыя, безъ сомнѣнія, имѣли большое вліяніе на вашу послѣдующую пятидесятилѣтнюю дѣятельность. Но и мы, какъ наши предшественники вашего и близкаго къ нему времени, обладаемъ богатствомъ живыхъ воспоминаній,—воспоминаній о совершенныхъ вами съ того времени дѣлахъ. Тотъ свѣтильникъ православной науки, который возжигается въ нашихъ аудиторіяхъ, который даетъ высшее разумѣніе дѣлу церкви, и который, никогда не угасая у избранниковъ нашей академіи, дѣлаетъ ихъ всегда видимыми и знаемыми другъ другу, постоянно давалъ и намъ возможность видѣть и знать ваше высокопреосвященство даже и тогда, когда вы были вдали отъ нашей академіи.

Ваше сослуженіе знаменитому московскому святителю въ могущественномъ вѣроу и народною силою средоточіи Россіи, ваше самостоятельное пастырское служеніе въ бѣлорусской странѣ въ знаменательное и многотрудное время воссоединенія западно-русскихъ униатовъ, которыхъ вѣроу вы столь заботливо и благоуспѣшно утверждали вмѣстѣ съ другими знаменитыми возстановителями православія въ западной Россіи, ваши архипастырскіе труды въ санѣ экзарха и митрополита Грузіи, крайне нуждавшейся тогда въ духовномъ просвѣщеніи и благоустроеніи и до сихъ поръ наслаждающейся богатыми плодами ихъ, ваши заботы о возвелченіи православія въ древнѣйшемъ нашемъ русскомъ средоточіи—Кіевѣ, духовныя силы котораго, оживленныя вами, сказались и въ новомъ печатномъ словѣ, до сихъ поръ благотворно объединяющемъ пастырей и пасомыхъ во имя древняго нашего православія; ваше первосвятительство въ новомъ престольномъ русскомъ городѣ во времена многочисленныхъ преобразованій, гражданскихъ и церковныхъ, требовавшихъ отъ васъ напряженнаго вниманія и опытнаго мнѣнія, наконецъ, ваши труды по переложенію Священнаго Писанія на русскій языкъ—все это дорогія для насъ, какъ и для всѣхъ русскихъ, доказательства того, на какой высотѣ и съ какою твердостью вы держали свѣтильникъ богословской науки.

Ваши заслуги признаны правительствомъ и лучшими людьми вашихъ частей. Признаніе это многократно заявляли вамъ и многочисленныя ученныя учрежденія и ученныя общества наши и заграничныя, избирая васъ въ число своихъ членовъ. Эту достойную дань вашимъ заслугамъ

приносила вамъ и наша академія, когда еще не имѣла счастья находиться подъ вашимъ покровительствомъ.

Въ настоящій день, мы считаемъ нашею святою обязанностью принести вашему высокопреосвященству иную дань, которую, не сомнѣваемся, живо всегда будутъ помнить наши преемники и всѣ, кому дороги успѣхи духовнаго просвѣщенія. Подъ вашимъ покровительствомъ мы начали нашу новую, открытую передъ лицомъ всего русскаго общества, ученую жизнь; подъ вашимъ предсѣдательствомъ мы въ первые разы выступали публично съ результатами нашихъ ученыхъ изслѣдованій православной истины. Нашъ успѣхъ въ этомъ новомъ дѣлѣ зависѣлъ не только отъ ученаго достоинства нашихъ трудовъ, но и отъ вашего святительскаго свидѣтельства чистоты нашихъ стремленій. Ваше высокопреосвященство всегда давали намъ это свидѣтельство, и оно могущественно содѣйствуетъ распространенію въ обществѣ присущаго всегда намъ убѣжденія, что въ нашей ученой средѣ нѣтъ дѣйствительнаго разногласія между вѣрою и наукою, между церковнымъ авторитетомъ и свободными научными изслѣдованіями. Вы дали намъ возможность распространять это убѣжденіе и печатнымъ нашимъ академическимъ словомъ, болѣе прежняго оживленнымъ и приспособленнымъ къ современнымъ духовнымъ потребностямъ общества.

Объ этихъ заслугахъ вашего высокопреосвященства, въ которыхъ будущіе пастыри церкви, безъ сомнѣнія, будутъ усматривать образецъ для своихъ дѣйствій, мы, съ своей стороны, свидѣтельствуемъ въ этотъ торжественный день передъ современнымъ намъ обществомъ и передъ нашими преемниками, и молимъ Всевышняго, чтобъ Онъ сохранилъ на многіе годы столь свѣтлую, и въ дни мастятой старости, жизнь вашу.

Отъ с.-петербургской духовной семинаріи.

Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! С.-Петербургская духовная семинарія, сердечно привѣтствуя васъ со днемъ пятидесятилѣтняго служенія вашему православнои церкви, царю и отечеству, искренно радуется и благодаритъ Бога за то, что Онъ сохранилъ жизнь и силы ея любвеобильнаго архипастыря для такого торжества, которое выпадаетъ на долю только избранныхъ труженниковъ на нивѣ Христовой.

Пятнадцать лѣтъ пользуясь вашимъ теплымъ отеческимъ покровительствомъ и мудрымъ архипастырскимъ руководствомъ, семинарія считаетъ своимъ священнымъ долгомъ, въ настоящій знаменательный для васъ день, торжественно выразить вамъ искреннѣйшую свою благодарность за то добро, которое вы съ любовію дѣлали и неустанно продолжаете дѣлать ей.

Вы приняли нашу семинарію въ свое вѣдѣніе въ такъ-называемое переходное время для духовно-учебныхъ заведеній, когда порядки старой школы и самая постановка науки въ ней стали оказываться несостоятельными предъ требованіями жизни, когда чувствовались запросы въ новыхъ силахъ и нужда въ болѣе опытныхъ руководителяхъ школою. Мы не обинуясь можемъ сказать, что въ это трудное время Богъ послалъ нашей семинаріи въ лицѣ вашего высокопреосвященства именно такого добраго начальника и мудраго руководителя, въ которомъ она тогда нуждалась. Вы съ полною любовію стали содѣйствовать ей и своимъ высокимъ положеніемъ и своею педагогическою опытностію, приобретенною вами во время долголѣтняго служенія вашего на учебно-воспитательномъ поприщѣ въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Хорошо зная, что успѣхъ школьнаго дѣла зависитъ главнымъ образомъ сколько отъ привлеченія въ школу лучшихъ педагогическихъ силъ, столько же и отъ возмозно болѣе продолжительнаго служенія ихъ въ одной и той же школѣ, а это, при исключительныхъ требованіяхъ столичной жизни, обуславливается преимущественно матеріальнымъ обеспеченіемъ служащихъ въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, вы, по свойственной вамъ архипастырской любви и мудрости, прежде всего позаботились объ увеличеніи содержанія начальствующихъ и учащихся въ нашей семинаріи на средства вѣреннаго вашему управленію Александровской лавры, предупредивъ въ этомъ отношеніи нѣсколькими годами новый семинарскій уставъ. Заботы вашего высокопреосвященства не остались безплодными. Наша семинарія постоянно обладала достаточнымъ количествомъ опытныхъ и ревностныхъ педагогическихъ дѣятелей и, такъ сказать, заранѣе уже обновленная, смѣло шла на встрѣчу предстоявшей ей въ 1868 году реформѣ, которая мирно совершилась и скоро привилась въ ней, потому что пала на добрую почву, заботливо воздѣланную подъ вашимъ мудрымъ архипастырскимъ руководствомъ.

Введеніе въ нашей семинаріи новаго устава открыло намъ новую возможность испытать высокую доброту вашей души въ вашихъ благожелательныхъ отношеніяхъ къ нашей преобразованной школѣ. Относясь съ живымъ сочувствіемъ къ началамъ совершившейся реформы, вы всегда выражали ваше дорогое для насъ довѣріе къ дѣятельности нашей педагогической корпораціи. Отечески вникая въ нужды нашей семинаріи, вызываемыя отчасти условіями столичной жизни, вы всѣми мѣрами содѣйствовали удовлетворенію ихъ. Въ видахъ усиленія научныхъ пособій въ семинаріи, вы не разъ обогащали ученическую бібліотеку своими пожертвованіями; для увеличенія же штатнаго содержанія воспитанниковъ, оказавшагося для столичной семинаріи очень ограниченнымъ, а равно и для увеличенія штатнаго содержанія нѣкоторыхъ лицъ,

служащихъ при семинаріи, вы, съ свойственною вамъ отеческою заботливостію, принимала на себя ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ. Наконецъ, постоянною вашею заботою было поддержаніе издавна царствующаго въ нашей средѣ внутренняго мира и единства дѣйствій, безъ которыхъ немислимъ успѣхъ воспитанія въ школахъ.

Благодаря общимъ усиліямъ семинарскихъ дѣятелей, мудро руководимыхъ и милостиво поощряемыхъ вами, здѣшняя семинарія въ теченіе пятнадцатилѣтняго завѣдыванія вашего ею воспитала нѣсколько сотъ молодыхъ людей, которые съ честію и пользою трудятся на разныхъ поприщахъ служенія и, съ благодарностію вспоминая ваши отеческія заботы о нихъ, возсылаютъ вмѣстѣ съ нами и личными питомцами нашей школы теплыя молитвы къ Богу, да продлитъ Онъ драгоценную жизнь вашу на многіе годы.

Адресъ с.-петербургскаго духовенства.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Въ лицѣ насъ собралась передъ тобою, милостивѣйшій архипастырь и возлюбленнѣйшій отецъ нашъ, боговрученная тебѣ твоя петербургская паства, чтобъ сугубо, по всей силѣ своихъ искреннихъ чувствъ къ тебѣ, послѣ молитвы во всѣхъ нашихъ храмахъ, встрѣтить и привѣтствовать твой день,—многознаменательный, достославный день твоей жизни и необычайный и благословенный праздникъ нашей мѣстной церкви. Господь благословилъ тебя завершить въ нынѣшній день полувѣковое, многотрудное, доблестное и плодотворное твое служеніе русскою православной церкви и отечеству. Полвѣка неутомимыхъ трудовъ, полвѣка живыхъ подвиговъ святой вѣры и благочестія, полвѣка истинной любви къ ближнему и молитвы за русскій народъ, полвѣка учительства въ церкви и охраненія евангельскихъ истинъ и апостольскихъ преданій, и вотъ уже 15 лѣтъ предшества твоего въ сонмѣ нашихъ іерарховъ, стоящихъ на стражѣ правленія русской православной церкви! Въ тебѣ, именитѣйшій и богохранимый нашъ архипастырь, въ твоей полувѣковой церковно-общественной дѣятельности всеблагій Господь ниспослалъ благословеніе нашей церкви; а это даетъ намъ право признать настоящій день торжественнымъ праздникомъ не одной нашей первопрестольной паствы, но и всей російской церкви и всего православнаго русскаго народа, благодарнаго тебѣ за твои многія молитвы о немъ и охраненіе чистоты его прародительской вѣры.

Вотъ причина торжества, источникъ радости.

Петербургская паства удостоилась нынѣ быть свидѣтельницею того, какъ со всѣхъ концовъ нашего безпредѣльнаго отечества стекаются къ тебѣ радостныя и благожелательныя привѣтствія, выражающія чувства

любви и уваженія, и отголоски молитвъ, вызванныхъ ими. Но особенно преисполнена этихъ чувствъ и усердныхъ молитвъ твоя вышняя паства. Пятнадцать лѣтъ духовнаго союза съ нею сроднили ее съ тобою, по преимуществу дали ей отрадное право называть и чтить тебя своимъ отцомъ. Она есть та Божія вѣва, на которой тобою вынѣ бросаются и возвращаются сѣмена твоей просвѣтительной и многоопытной пастырской дѣятельности. Для блага ея ты отдаешь все, что открыли тебѣ наука и опытъ въ церковномъ управленіи, и что вѣщаетъ тебѣ твой разумъ, руководимый силою святительской благодати. Паства твоя радуется болѣе всѣхъ, что видитъ вынѣшній день твой. Она хотѣла бы собрать во едино чувства всѣхъ, чтущихъ твое торжество, олицетворить въ себѣ всѣхъ, привѣтствующихъ тебя.

И она благодаритъ Подателя всѣхъ благъ и за то, что настоящее торжество исполняется здѣсь, въ первопрестольномъ градѣ. Нашей столицѣ ты принадлежишь по высшему образованію въ здѣшней духовной академіи и по началу твоего служенія при ней на ученомъ поприщѣ.

Орелъ и Москва, куда назначали тебя для устройства духовно-учебныхъ заведеній, были продолженіемъ твоего почти десятилѣтняго служенія церкви по воспитанію духовнаго юношества.

Уже въ Москвѣ глубокой и свѣтлой умъ приснопамятнаго, знаменитѣйшаго святителя московскаго Филарета по достоинству оцѣнили твои высокія дарованія; изъ его святительскихъ рукъ, на 35 году жизни, ты получилъ пастырскій жезлъ, и подъ его богомудрымъ руководствомъ прошло около трехъ лѣтъ епископскаго твоего служенія. Великій и вдохновенный учитель земли русской воспиталъ въ тебѣ для русской церкви достойнаго ученика и благовѣстника Христова.

На западѣ, востокѣ, югѣ и сѣверѣ Россіи важныя событія въ жизни православной церкви разновременно и въ разныя мѣста вызывали тебя на святительскіе труды, и всюду ты являлся доблестнымъ воиномъ Христовымъ, мощнымъ защитникомъ православія, дѣятельнымъ насадителемъ святой вѣры и благочестія.

Полоцкъ и Могилевъ были свидѣтелями твоей неутомимой, истинно-пастырской дѣятельности, когда ты, во время возникшаго тогда религіознаго движенія между уніятами, то изучалъ и уяснял себѣ прошедшія печальныя судьбы Западнаго края, то зорко выискалъ въ тогдашній бытъ мѣстнаго духовенства, то защищалъ православіе отъ посягательствъ исконныхъ враговъ его, то возбуждалъ и содѣйствовалъ соединенію съ православною церковью черевъ унію отторгнутыхъ Римомъ духовныхъ ея чадъ, то, утверждая православіе, возстановлялъ древніе обычаи православной церкви, постоянно явля въ себѣ высокій примѣръ строго-

благочестивой, христіанской жизни. И твоя мудрая кротость, любовь и благоговѣніе убѣждали и побѣждали сердца колебавшихся въ вѣрѣ и разсѣивали навѣянные имъ сомнѣнія. Спустя много лѣтъ, Промыслу благоугодно было нынѣ вновь приблизить тебя къ тому же дѣлу, завершившемуся окончательнымъ воссоединеніемъ уніатовъ съ православною церковью. Ты имѣлъ отрадное утѣшеніе содѣйствовать рѣшенію святѣйшаго синода о принятіи въ нѣдра православной церкви послѣдней горсти русскихъ уніатовъ, нынѣшнихъ холмскихъ православныхъ. И намъ всецѣло понятны и твоя радость и твое любвеобильное гостеприимство, съ какими ты встрѣтилъ и облакалъ холмскую депутацію, съ какою благосердечною любовью молился о воссоединенныхъ и хиротонисаванномъ тобою люблинскомъ пастырѣ и вручалъ ему жезлъ правленія воссоединенными, въ духѣ православной истины.

Необходимость устройства во всѣхъ отношеніяхъ, большею частію покореннаго въ 40—50 годахъ, Закавказскаго края и распространенія въ немъ свѣта истинной Христовой вѣры потребовала здѣсь твоего присутствія и перенесенія твоей дѣятельности съ сѣверо-запада въ юго-восточную окраину государства. Сложныя и высокія задачи долговременнаго, неутомимаго твоего святительскаго служенія въ ней, отеческая заботливость о вѣреннѣхъ твоему бдительному надзору словесныхъ паствахъ, ревностные труды по общему управленію церковными дѣлами закавказскихъ епархій и постепенному благоустройству ихъ, пастырская попечительность и ревностное содѣйствіе къ возобновленію древнихъ и устройству новыхъ храмовъ въ мѣстахъ разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія.—служеніе, всегда сопровождаемое благочестивою и назидательною жизнью,—ознаменовались благодатными успѣхами просвѣщенія христіанскою вѣрою многихъ приобрѣтенныхъ чадъ церкви и положили прочное основаніе развитію православія въ краѣ. Всѣ эти важныя твои заслуги для Закавказья приобрѣли тебѣ отечественную славу и уваженіе и обратили на себя высокое вниманіе монарховъ.

Уже въ высшемъ іерархическомъ санѣ митрополита, лично присвоенномъ тебѣ, какъ экзарху Грузіи, ты оставилъ облагодѣствованныя тобою горы Кавказа, чтобъ перенести свою дѣятельность на югъ, на кіевскіе холмы, и два года ты украсалъ древнѣйшую каеэдру св. Ссфіи въ Кіевѣ.

Черезъ 30 лѣтъ, ты снова, по волѣ Божіей, возвращаешься на служеніе въ сѣверную столицу и являешься свѣтильникомъ церкви въ первопрестольномъ градѣ. Тогда начиналось многознаменательное время въ исторіи нашего отечества, — эпоха реформъ, обновляющихъ весь строй русской жизни. Занявъ первенствующее мѣсто въ высшемъ цер-

ковномъ управленіи, ты сталъ достойнымъ представителемъ всероссійской православной церкви, твердымъ защитникомъ и лучшимъ истолкователемъ ея правъ, современныхъ потребностей, ожиданій, постояннымъ охранителемъ чести духовенства, и, принимая непосредственное и ближайшее участіе въ ея управленіи, ты несешь великія обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, влчющихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, касающихся и быта духовенства. Предсѣдательствованіе твое въ Высочайше учрежденномъ присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства, при извѣстной твоей пастырской опытности, свѣтломъ взглядѣ на необходимыя реформы въ клирѣ и добромъ желаніи удовлетворить хорошо извѣстнымъ тебѣ многимъ нуждамъ духовенства, ручается за то, что наше дѣло находится подъ надежнымъ покровительствомъ. Заботясь удовлетворить насущной религіозной потребности русскаго народа, ты неутомимо, съ любовью, вель дѣло по переводу священныхъ книгъ на русскій языкъ. Въ интересахъ высшаго церковно помѣстнаго управленія не можетъ не имѣть особеннаго значенія то, что подъ своимъ мудрымъ руководствомъ, нравственною силою примѣра и совѣтомъ, ты воспитываешь и подготавливаешь достойныхъ пастырей-іерарховъ и благими наставленіями напутствуешь тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ изъ святительскихъ рукъ твоихъ право править православными паствами.

Говорить ли далѣе о томъ, что ты съ честію несешь званіе или предсѣдателя или члена во многочисленныхъ учрежденіяхъ, ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ, комитетахъ? Пришлось бы вести длинную лѣтопись твоихъ разнообразныхъ, многосложныхъ и неутомимыхъ трудовъ, чтобъ вполне изобразить твою разностороннюю и плодотворную дѣятельность на пользу церкви и отечества.

Но твоей паствѣ нынѣ принадлежитъ слово радости и благодарности о твоёмъ пятнадцатилѣтнемъ управленіи свято-петроградскою епархіею. И да будутъ сыновнія наши чувства глубокой радости и безпредѣльной благодарности пріятною и достойною жертвою тебѣ въ нынѣшній день пятидесятилѣтія твоего.

Возвратясь къ намъ, ты принесъ намъ заповѣдь любви и милосердія смиренія и труда, и ежечасно и словомъ и дѣломъ учишь насъ хранить и соблюдать ее. Возможно ли намъ нынѣ во всеуслышаніе не говорить передъ тобою о нашей радости и благодарности, видя, какъ высоко несешь ты знамя правителя Христовой паствы, какъ заботливо трудиться для блага цѣлой епархіи и каждого изъ насъ въ отдѣльности? Ты всегда желалъ быть для насъ болѣе любящимъ отцемъ, чѣмъ на-

чальникомъ. Мы дивимся, какъ въ твои преклонныя лѣта, ты неутомимо лично занимаешься всѣми дѣлами, самъ непосредственно во все вникаешь, и никакое дѣло или событіе изъ нашей епархіальной жизни не проходитъ безъ твоего личнаго разсмотрѣнія и мудраго рѣшенія. Да будетъ позволительно нашему смиренію упомянуть о твоёмъ, правдолюбивый архипастырь, извѣданномъ нами безпристрастн и осторожности при рѣшеніи иногда и самыхъ маловажныхъ дѣлъ: милостивое вниманіе къ заслугамъ каждаго изъ насъ, истинное, проникнутое христіанскою любовью, правосудіе и справедливость всегда сопровождаютъ твои рѣшенія. Твое архипастырское управленіе извѣстно и дорого намъ и по твоей отеческой доступности, по которой ты всегда какъ бы вблизи насъ и среди насъ: каждый изъ насъ всегда можетъ надѣяться получить твой добрый совѣтъ, святительское наставленіе, видѣть твою помощь. Разрѣшенныя тобою въ нашей епархіи, впервые въ Россіи, благочинническіе совѣты, а равно выборы помощниковъ благочинныхъ, открыли намъ способы къ самоуправленію и самоулучшенію многихъ сторонъ нашей жизни. Твоей преосвященной архипастырской заботливости много обязаны своимъ благоустройствомъ наши духовно-учебныя заведенія. Любовь твоя къ благолѣпію храмовъ Божиихъ ревностно изыскиваетъ всевозможные способы для украшенія и для поддержанія въ народѣ благочестиваго усердія къ нимъ. Весьма осязательны послѣдствія твоего кроткаго пастырскаго вліянія и на иновѣрцевъ, не говоря уже объ исповѣдующихъ единовѣріе, которые постоянно приходятъ въ болѣе ясное сознаніе своихъ заблужденій и болѣе и болѣе приближаются къ истинному православію, благодаря твоему любвеобильному и искреннему воздѣйствію на нихъ. Твое неутомимое усердіе къ богослуженію и высокорелигиозное благоговѣніе во время общественной молитвы постоянно и наглядно учатъ насъ достойному предстоянію у престола Господня. Какъ пастырь милостивый и благосердый, ты незамѣтнымъ образомъ и среди насъ водворяешь любовь и миръ, и съ благоснисхожденіемъ исправляешь наши недостатки. И отрадно видѣть, что доблестныя качества пастыря православнаго, ставшія его на высоту его великаго призванія, находятъ въ тебѣ лучшее себѣ выраженіе и примѣненіе къ жизни: любовь и милость у тебя живы и дѣйственны. Проводя свою подвижническую жизнь въ подвигахъ пнческаго благочестія, умѣренности и простоты, ты избытокъ отъ своихъ средствъ посвящаешь на дѣла благотворительности, на пользу многихъ немущихъ. Тебѣ, по всякому праву, принадлежатъ достойно носимое тобою званіе главнаго попечителя императорскаго челоувѣколюбиваго общества. Во имя тѣхъ же правъ, тебѣ давно и навсегда присвоено нами имя отца и попечителя нашихъ бѣдныхъ вдовъ и си-

ротъ. Въ теченіе полутогодія, въ разныхъ мѣстахъ, наблюдая и направляя жизнь духовенства, ты давно понялъ его многочисленныя нужды и увидѣлъ, что среди него бѣдность и беспомощное сиротство едва ли не сильнѣе даютъ себя чувствовать, чѣмъ во всякой средѣ. И съ первыхъ же лѣтъ, по прїѣздѣ въ нашу епархію, попеченіе о бѣдныхъ духовныхъ, призрѣніе вдовъ, воспитаніе и устройство сиротъ, ты поставилъ, между прочимъ, важною задачею своего архипастырскаго служенія. Лѣтъ четырнадцать назадъ, ты задумалъ устроить въ С.-Петербургѣ домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія и основать въ немъ училище для сиротъ. При благословеніи Божиемъ, тобою найдены нужныя средства къ постройкѣ дома, которая произведена была подъ ближайшимъ твоимъ наблюденіемъ; тобою указано обезпеченіе и для дальнѣйшаго существованія этого благотворительнаго учрежденія и училища при немъ. Въ 1869 г. обширный, благоустроенный во всѣхъ отношеніяхъ „Алексадро-Невскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія“ открытъ и навсегда останется незабвеннымъ памятникомъ твоей любви и милосердія къ ближнему; онъ во очію свидѣтельствуешь, какое великое дѣло благотворительности создалъ ты для нашихъ бѣдныхъ, особенно для круглыхъ малолѣтнихъ сиротъ, которымъ, безъ твоего попеченія, грозили нищета и грубое невѣжество. Въ тебѣ же, сердобольный владыко, наши сироты находятъ заботливаго отца, а въ устроенномъ тобою училищѣ при домѣ родной пріютъ и средства къ своему существованію и образованію.

Съ сыновнею радостію и глубокою признательностію къ тебѣ вспоминая полувѣковые апостольскіе труды на поприщѣ твоего служенія церкви и отечеству и съ благоговѣніемъ принося благодареніе Всевышнему Промыслителю, ниспославшему тебѣ благодатныя силы совершить твои святительскіе подвиги, всепочтительнѣйше и усерднѣйше просимъ тебя, милостивѣйшій архипастыръ, въ память нынѣшняго достославнаго твоего дня, съ отеческою благосклонностію принять и святителески благословить наше единодушное желаніе видимымъ образомъ почтить твой праздникъ. Для посильнаго выраженія нашихъ сыновнихъ, благодарныхъ чувствъ къ тебѣ, благостнѣйшій архипастыръ, твоя паства избрала дѣло близкаго твоему сердцу челоуѣколюбія. Удостой принять, добродѣтельный отецъ, наше приношеніе и нашу просьбу—въ устроенномъ тобою Александро-Невскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія учредить на вѣчныя времена восемь стипендій твоего имени. Нѣсколько призрѣнныхъ, во имя твоихъ добрыхъ дѣлъ, немного прибавятъ къ всегдашней памяти о твоёмъ милосердіи; но эти „стипендіи митрополита Исидора“ пусть, хотя отчасти, напоминаютъ изъ рода въ родъ, что мы глубоко цѣнили твою о насъ заботу.

Тѣже искреннія наши чувства къ тебѣ внушили намъ сердечное желаніе преподнести тебѣ св. икону Покрова Пресвятыя Богородицы, съ усердною молитвою къ Заступницѣ рода христіанскаго, да хранитъ Она тебя подъ своимъ божественнымъ покровомъ, да даруетъ тебѣ утѣшеніе видѣть новыя, непрерывно возрастающіе плоды святительскихъ твоихъ трудовъ, — видѣть большее и большее распространеніе и утвержденіе апостольскаго православія въ нашемъ отечествѣ и всюду за предѣлами его. Смиренно уповая на всеяльное ходатайство Богоматери, прилежно молимъ Божественнаго Сына Ея, Господа, Спасителя нашего и Пастыреначальника, да дастъ Онъ святой Своей церкви еще на многіе годы цѣла, чества, здрава и долгоденствующа, право правяща слово Его вѣчной, святой истины.

*Привѣтствіе, сказанное преосвященнымъ Гермогеномъ, викаріемъ петербургской епархіи *).*

1-го октября, 1799 года, въ день Покрова Божіей Матери, въ одномъ скромномъ семействѣ сельскаго діакона родился замѣчательный младенецъ, нареченный во святомъ крещеніи Іаковомъ, — замѣчательный, между прочимъ, тѣмъ, что какъ видно изъ всей дальнѣйшей службы его, Мать Божія, съ минуты его рожденія, взяла его какъ бы подъ особый свой покровъ, и стала его матерію, крѣпко его любящею: подъ Ея материнскимъ покровомъ онъ постепенно сталъ возрастать и тѣломъ и духомъ, быстро преуспѣвать въ духовной мудрости и наконецъ съ отличными успѣхомъ завершилъ свое образованіе въ высшемъ вертоградѣ духовнаго просвѣщенія. За тѣмъ Она, Пречистая Дѣва, указала ему, уже достаточно созрѣвшему духомъ, но еще юному лѣтами, на дѣвственный путь иночества. Покорный юноша, съ благословеніемъ Божиимъ и съ теплою молитвою къ своей небесной Путеводительницѣ и Покровительницѣ, вступилъ и бодро пошелъ твердою стопою по этому трудному и для многихъ скользкому и опасному пути, соединяя въ одно и тоже время тяжелыя подвиги иноческіе съ нелегкими трудами по воспитанію и образованію духовнаго юношества. Много уже онъ и на этомъ поприщѣ успѣлъ сдѣлать добра и себѣ и другимъ; но для силъ его это многое, видно, было еще не много: Промыслъ Божій предназначилъ ему высшее служеніе въ церкви Христовой, которое требовало отъ него и еще большихъ трудовъ. Чтобы облегчить предстоявшій ему тяжелый подвигъ высшаго служенія, Мать Божія, которую нѣкогда

*) Сказано при поднесеніи св. иконы Покрова Божіей Матери.

св. Андрей съ Епифаніемъ видѣлъ во Влахернскомъ храмѣ *на воздухѣ* молившеюся и простиравшею всечестный омофоръ на бывшихъ тамъ христіанъ, благоволила возложить и на рамена этого избранника Божія священный омофоръ;—и вотъ съ этой поры этотъ избранникъ, возросшій теперь уже *въ мужа совершенна*, при помощи благодати Божіей и при содѣйствіи своей мощной Покровительницы, съ честію и славою сталъ проходить высокое святительское служеніе въ разныхъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества: въ Москвѣ, Полоцкѣ, Могилевѣ, Грузіи, Кіевѣ и наконецъ въ престольномъ нашемъ градѣ. Этотъ замѣчательный младенецъ, впервые узрѣвшій свѣтъ Божій въ день Покрова Божіей Матери, потомъ, подъ ея мощнымъ покровомъ, все болѣе и болѣе созрѣвавшій духомъ, за тѣмъ съ честію и достоинствомъ проходившій разныя многотрудныя поприща служенія церкви Христовой и отечеству, и наконецъ ставшій во главѣ управленія церкви російской, — этотъ младенецъ — Ты, любимѣйшій нашъ старецъ, нашъ архипастырь благосердый!..

Духовенство твоей епархіи, всецѣло преданное Тебѣ душою и сердцемъ, какъ любимому и любящему отцу, нынѣ, въ этотъ памятный для Тебя и для насъ день Твой, — день, въ который совершилось уже полувѣковое славное служеніе Твое въ священномъ санѣ — нынѣ оно не могло не вспомнить съ сыновнею радостію и любовію и день Твоего рожденія, — и вотъ, въ избыткѣ этой радости и любви, приноситъ Тебѣ, какъ дань глубоко признательнаго сердца, эту святую икону Покрова Божіей Матери съ ликами тѣхъ святыхъ, въ дни памяти которыхъ совершились важнѣйшія событія въ Твоей жизни, — приноситъ съ горячею молитвою, да хранитъ и да продлитъ Она, Матерь Живота, подъ всечестнымъ покровомъ своимъ еще и еще свѣтлые дни Твои на землѣ, а когда настанетъ и для Тебя неизбѣжная для каждаго изъ насъ *ночь, въ которую никто же можетъ дѣлати*, да пріемлетъ Она Тебя и тамъ въ вѣчные, свѣтлые кривы!

Прими, любвеобильный нашъ архипастырь и отецъ, прими съ любовію приносимое Тебѣ нашею любовію.

Отъ с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго комитета:

С.-Петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета, отъ перваго дня своего основанія, нерѣдко обращался къ вашему высокопреосвященству съ разнообразными ходатайствами въ пользу нашихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ и вы всегда благовоительно шли на встрѣчу этимъ ходатайствамъ. Отдѣлъ также не можетъ не цѣнить глубоко того просвѣщенно-религіознаго сочувствія, ко-

торое вы, милостивый архипастырь, оказываете возобновленному въ нашей церкви чествованію памяти славянскихъ первоучителей и апостоловъ, возвышая, въ глазахъ нашего народа, вашимъ участіемъ въ служеніи, торжество церковное, утверждающее въ народной памяти имена тѣхъ, которыми славянскій міръ обязанъ своимъ духовно-нравственнымъ просвѣщеніемъ.

Отдѣлъ съ глубокою благодарностью воспоминаетъ, что устроенный имъ въ Чешской Прагѣ храмъ Святаго Николая вашими архипастырскими заботами получилъ достойный причтъ, успѣвшій снискать уваженіе нашихъ соплеменниковъ и иноземцовъ. Въ виду всего этого с.-петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета считаетъ не только пріятнымъ для себя долгомъ, но и священною обязанностію въ день совершившагося пятидесятилѣтія отъ начала вашего достохвальнаго священнослуженія, принести вамъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, свое искреннее поздравленіе, сопроводить его благожеланіями еще долго-долго пасти вѣренную вамъ духовную паству и просить васъ принять, какъ знаеъ глубокаго уваженія къ вашей многосторонней и многоплодной дѣятельности, званіе почетнаго члена отдѣла.

Сказанное преосв. архіепіск. тульскимъ Никандромъ.

Въ родственной вамъ енархіи сохраняется преданіе, что родительница ваша въ первыя и самыя тяжелыя минуты по смерти вашего родителя—главы и опоры семейства—въ безпомощномъ своемъ положеніи, принесла васъ—тогда еще младенца—въ приходскій свой храмъ и передала васъ непосредственному водительство и попеченію Пресвятой Дѣвы, предъ мѣстнымъ образомъ Боголюбской Божіей Матери.

Слезенъ и крѣпокъ былъ вопль вашей родительницы къ Утѣшительницѣ всѣхъ скорбящихъ,—но благодатно и мощно было и водительство и покровъ Божіей Матери на всѣхъ путяхъ вашей жизни.

Такъ стройно, такъ многоплодно и такъ славно проходитъ путь жизни и совершить на немъ пятидесятилѣтнее служеніе церкви и отечеству, какъ вы, высокопреосвященнѣйшій владыко, проходите и совершили—можно только при непосредственномъ, небесномъ водительствѣ и покровѣ...

Въ благоговѣйномъ вниманіи къ сему-то осозаемому и непосредственному небесному покрову надъ вами, въ день славнаго пятидесятилѣтнаго служенія вашему церкви и отечеству, усерднѣе приношу вамъ, отъ лица вѣренной мнѣ енархіи, то изображеніе небесной вашей Покровительницы, предъ которымъ вы переданы ея материнскому попеченію съ вашего младенчества.

Да сохранить Она васъ для блага церкви и отечества въ мирѣ, цѣла, честна, здрава, долгоденствующа—до крайняго предѣла земной человеческой жизни.

Отъ духовенства тульской епархіи.

Исполнившееся нынѣ пятидесятилѣтіе вашего служенія отечественной церкви, и притомъ болѣе 40 лѣтъ въ святительскомъ санѣ, поставили васъ высоко на свѣщницѣ нашей православной церкви. Для русскаго духовенства особенно знаменательно ваше служеніе въ Высочайше учрежденномъ главномъ присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства. Ваша благотворительная и мудрая дѣятельность во главѣ этого учрежденія, въ истинныхъ интересахъ духовенства и въ вѣрно понятыхъ видахъ правительства, привлекаетъ къ вамъ чувства почтительной признательности отъ всего духовенства.

Тѣмъ болѣе, тѣмъ искреннѣе, тѣмъ сердечнѣе эта признательность чувствуется родственнымъ вамъ тульскимъ духовенствомъ, которое всегда съ сочувствіемъ, даже съ нѣкоторымъ чувствомъ собственного достоинства, слѣдило за восхожденіемъ къ высокому полудню свѣтила, загорѣвшагося въ его самой скромной средѣ, — котораго сочувствіе всегда имѣло характеръ истинно-родственного чувства, благодаря тому, что вы сами, высокопреосвященнѣйшій владыко, никогда не забывали своей родины.

Мѣсто, гдѣ вы родились, доселѣ пользуется вашею, какою-то далеко необычайною, сыновнею привязанностію. То благоустроеніе, какое вы такъ заботливо старались всегда и доселѣ стараетесь дать вашей родной церкви, служащему при ней духовенству и даже приходу, являетъ въ васъ не просто благочестиваго благотворителя, но передоваго, современнаго и опереживающаго время прихожанина, улучшающаго и внѣшнія условія жизни духовенства нескуднымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, и нравственныя условія учрежденіемъ хорошей церковной бібліотеки, благодѣющаго немущимъ прихожанамъ роднаго села, благоуукрашающаго родной храмъ святынею и благолѣиемъ, упрочивающаго его существованіе новымъ каменнымъ зданіемъ.

Человѣколюбіе и благотворительность, составляя одинъ изъ видовъ вашего высокаго служенія, такъ какъ вы поставлены во главѣ широко распространеннаго свое дѣятельность человѣколюбиваго общества, это человѣколюбіе и эта благотворительность сдѣлались самымъ лучшимъ, самымъ виднымъ украшеніемъ вашего личнаго характера. Помня ту бѣдность и нужду, среди которой вы выросли, вы учредили благотѣлительный пріютъ для бѣднаго духовенства въ вашей епархіи и этимъ указали

путь, куда въ настоящее время, при улучшеніи быта служащаго духовенства, должна быть направлена его благотворительность.

Предоставляя исторіи обнять и одѣнить всю полноту вашей пятидесятилѣтней дѣятельности, несомнѣнно благотворной для отечественной церкви и духовенства, мы, какъ современники, какъ соотечественники ваши, какъ близкіе къ вамъ по родинѣ, не можемъ, наконецъ, не высказать благодарнаго чувства за то по истинѣ великое дѣло, которое такъ благовременно завершило и увѣнчало всю полноту вашей пятидесятилѣтней дѣятельности. Говоримъ объ изданіи послѣднихъ книгъ Священнаго Писанія ветхаго завіта въ русскомъ переводѣ, исполненномъ подъ вашимъ главнымъ руководствомъ. Благодарностью, или еще больше—какою-то радостью отозвалось вездѣ, во всѣхъ концахъ Россіи, недавнее извѣстіе о послѣднемъ выпускѣ русской Библии. Благодаря вашимъ трудамъ и вашей руководящей энергической дѣятельности, теперь мы, скажемъ словами апостола, *имамы извѣстнѣйшее пророчество слово*, которое является намъ какъ бы новымъ *свѣтиломъ, сіяющимъ въ темнотѣхъ мртвѣхъ* (2 Петр. I, 19).

Отъ астраханскаго священника Николая Егоровича Никольскаго, сына односельчанина и товарища владыки по семинаріи, астраханскаго же умершаго священника Егоро Никольскаго.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій архиастырь и отецъ! Въ томъ предположеніи, что вашему высокопреосвященству не непріятно будетъ съ высоты первосвятительской кафедрѣ въ день совершившагося пятидесятилѣтняго священнослуженія возвратиться воспомянаниемъ ко днямъ дѣтства и юности въ бѣдномъ Никольскомъ селѣ Каширскаго уѣзда и на школьной скамьѣ, осмѣливаюсь смиреннѣйше напомнить, милостивѣйшій архиастырь и отецъ, что въ этомъ селѣ и на этой школьной скамьѣ былъ товарищъ вашего дѣтства и юности, вашъ одноклассникъ.

Возросшіе вмѣстѣ — сынъ сельскаго діакона и пономарскій сынъ — далеко не равные по талантамъ, но выросшіе почти вмѣстѣ въ бѣдной деревенской обстановкѣ, неразлучные, дружные, проходили суровое школьное образованіе въ Тулѣ.

Промыслъ Вожей судилъ имъ разные жизненные пути. Одинъ изъ высшаго святилища духовной науки сталъ ея служителемъ, за тѣмъ просвѣтителемъ духовнаго юношества, святителемъ, наконецъ первосвятителемъ русской православной церкви, въ которой, какъ свѣтильникъ Богомъ возженный, свѣтилъ на всѣхъ ея высотахъ — и въ первопресольной Москвѣ, и для равнинъ Бѣлорусскихъ, и съ горъ Кавказскихъ,

и съ горь Кіевскихъ, освященныхъ стопами и благословеніемъ Перво-званнаго, а теперь на всю православную Русь свѣтитъ изъ престольнаго града Петрова.

Другому указанъ путь далеко на Восточную окраину, чтобы въ полуазіатской глуши занять незримое міру мѣсто приходскаго священника. Никому ничѣмъ за тѣсными предѣлами своей скромной службы неизвѣстный, не затерялся смпренный труженникъ изъ виду только у своего великаго сверстника и однофамильца—товарища по школьной скамѣ на всѣхъ разнообразныхъ путяхъ его великаго служенія, даже на высотѣ его первосвятительской каедрѣ! Будущій біографъ Первосвятителя съ благоговѣйнымъ вниманіемъ помянетъ эту неподлежащую наблюденіямъ прочность начавшейся въ дѣтствѣ — въ бѣдной деревенской хижинѣ, скрѣпленной трудами и лишениями на школьной скамѣ, пріязни, не ослабѣвшей и въ старости и на первосвятительской каедрѣ. Свидѣтельства этой пріязни были и радостью и гордостью астраханскаго священнослужителя въ его смиренной долѣ. Изъ этихъ свидѣтельствъ уцѣлѣла отъ пожара и хранится какъ самая дорогая изъ семейныхъ драгоценностей только книга (Собраніе проповѣдей студентовъ 7-го курса С.-Петербургской духовной академіи) съ надписью: „Незабвенному другу, пречестнѣйшему отцу Егору Ивановичу Никольскому. С.-Петербургской духовной академіи бакалавръ богословскихъ наукъ соборный іеромонахъ Исидоръ. 1827 года ноабря 7 числа“.

Долгомъ считаю засвидѣтельствовать, что бывший сверстникъ и однофамилецъ вашего высокопреосвященства, астраханскій священнослужитель, изъ своей полуазіатской глуши съ живѣйшимъ сочувствіемъ, съ рѣдкою преданностію, съ восторгомъ слѣдилъ за неизмѣрно быстрымъ возвышеніемъ своего бывшего товарища на іерархической лѣстницѣ! И едвали кто такъ радовался собственнымъ успѣхамъ на жлзвенномъ поприщѣ, какъ онъ радовался за своего бывшего товарища, и благословлялъ Бога, этимъ возвышеніемъ расширяющаго поприще для великаго дѣланія великому таланту.

Предстоящій юбилейный праздникъ въ честь бывшего его товарища по сельскому воспитанію и школьному образованію, а теперь великаго Первосвятителя, былъ бы для него самымъ свѣтлымъ праздникомъ.

Увѣренъ, что исполняю самое завѣтное желаніе его, если въ день совершившагоси пятидесятилѣтняго священнослуженія вашего высокопреосвященства вмѣсто его дерзаю отдать поклонъ до земли предъ первосвятительскою особою вашего высокопреосвященства, и при семъ выразить молитвенное пожеланіе долгоденственнаго и благоденственнаго продолженія вашего первосвятительскаго служенія на благо православной церкви, на славу православному отечеству, на радость всѣмъ знающимъ и съ любовію благоговѣйною помывающимъ ваше имя.

Примите милостиво, высокопреосвященнѣйшій владыко, смиренное привѣтствіе и астраханскую хлѣбъ-соль въ день вашего праздника отъ благоговѣнно чтущаго ваше имя и ваше высокое многоплодное служеніе.

Отъ пресвященнаго Макарія, епископа орловскаго.

Наступающій день пятидесятилѣтняго служенія вашего высокопреосвященства церкви и отечеству въ священно-монашескомъ санѣ служить особеннымъ знаменіемъ благоволенія Божія къ вашему святительству, а вмѣстѣ и побужденіемъ къ благодаренію за тѣ милости, которыя явилъ Господь чрезъ васъ русской православной церкви. Памятнымъ осталось и четырехлѣтнее служеніе вамъ во градѣ нашемъ среди вѣреннаго вамъ духовнаго вертограда. Но святительскіе труды ваши тѣмъ паче останутся незабвенными на воѣхъ мѣстахъ служенія. Ихъ видѣла въ свое время церковь московская подъ руководствомъ почившаго въ Бозѣ святителя московскаго Филарета, церковь полоцкая, могилевская, карпатинская и кievская. Послѣднія двѣ кафедры были высочими не по однимъ высотамъ видимымъ, но и по высочимъ доблестямъ, явленнымъ вами въ нихъ. Впрочемъ всѣ прежнія служенія ваши были только зарницею восходящаго надъ вашею святительскою главою солнца, освѣтившаго васъ въ послѣднія шестнадцать лѣтъ на первосвятительской кафедрѣ. Здѣсь, въ градѣ Святаго Петра, начало вашего служенія и конецъ вашему пятидесятилѣтію. Здѣсь русская церковь видѣла васъ съ знаменіемъ вѣрны переступающимъ изъ одного отечественнаго тысячелѣтія въ другое и за тѣмъ съ свѣтильникомъ той же спасительной вѣрны производящимъ многія благодѣтельныя реформы, начиная съ духовно-учебныхъ заведеній до окончательнаго перевода Библии на русскій языкъ. Ваше священное имя, безъ сомнѣнія, будетъ вписано на скрижаляхъ исторіи при воѣхъ церковныхъ преобразованіяхъ, совершаемыхъ хотя державною волею обожаемаго Монарха, но не безъ вашего первоначальнаго въ сомнѣ іерарховъ соучастія въ исполненіи Его неогннмыхъ благожеланій своему русскому царству. Въ настоящій юбилейный годъ вашего служенія благовременно пожелаемъ, чтобы всѣ церковныя преобразованія, произведенныя въ послѣднее время, оканчивались благоуспѣшно и приносили возделѣнные плоды если не для насъ, то для нашихъ преемниковъ. Но ближайшее благожеланіе наше въ предстоящій день вашего юбилея должно относиться къ вамъ самимъ, къ вашему благоденствію, къ вашему миру и спокойствію, а паче всего къ вашему спасенію. Въ знакъ этого сердечнаго благожеланія имѣю честь препроводить къ вашему высокопреосвященству святую икону Божіей Матери Троеручицы, находящейся въ подлинникѣ въ нашей Брянской Бѣлобережской пустыни и чтимой повсюду, съ усерд-

ною молитвою предъ Владычицею, чтобы Она Своєю невидимой силою поддержала вашу жизнь на многія глѣта и уготовляла вамъ мирное житіе на землѣ и вѣчное блаженство на небеси.

Отъ высокопреосвященнаго Иннокентія, митрополита московскаго. 2)

Ваша паства и соотечественники нинѣ привѣтствуютъ васъ съ совершеніемъ пятидесятилѣтняго вашего служенія церкви Божіей на разныхъ степеняхъ священства и священноначалія. Широко пройденное вами поприще, а настоящее предстоительство въ отечественной церкви вами возлюбленное составляетъ въ ней и послѣднюю степенъ чистоты и величія. Привѣтствуя васъ и принося благодареніе Господу за васъ и плодотворное служеніе ваше въ дѣятельности воспитательной, проповѣднической, святительской и правительственной, я не могу не вспомнить съ чувствомъ особенной радости за васъ о трудахъ подъятыхъ вами въ переводѣ всего Священнаго Писанія на современное русское нарѣчіе. Этотъ священный плодъ трудовъ вашихъ, преимущественно предъ другими, перейдетъ далеко въ потомство, и каждое доброе движеніе въ душахъ православныхъ соотечественниковъ, возбуждаемое увещаніями и приближеніями вами къ ихъ разумѣнію истинами слова Божія, будетъ вамъ наградою. А препровождаемому при семъ мною вашему высокопреосвященству св. икону Христа Спасителя покорнѣйше прошу принять, какъ знакъ моего постоянного молитвеннаго желанія, да продлитъ Господь еще на многіе годы вашу жизнь и ваше плодотворное служеніе церкви.

Отъ московской духовной академіи.

Въ приспомятныи для церкви московской 1821 годъ, когда на кафедру святителей древней столицы русской, только что вступилъ блаженной памяти Филаретъ, чрезъ Москву въ далекую столицу сѣверную проѣзжалъ для удовлетворенія жажды высшихъ духовныхъ ученій невѣдомыи людямъ юноша, которому чрезъ 12 глѣтъ послѣ того судилъ Господь временно водвориться въ санъ архимандрита и въ должности ректора семинарии, и затѣмъ черезъ годъ въ санъ епископа содѣлаться „сотрудникомъ и содѣйствователемъ“ митрополита Филарета по управленію епархіею московскою. Вручал Тебѣ епископскій жезлъ, архимастырь московскій изрекъ между прочимъ: „Верховный пастыреначальникъ да упасетъ и управитъ тебя и дарованныи тебѣ нинѣ даръ свой, да сохранить въ тебѣ и возроститъ и многоплоднымъ сотворитъ въ

²⁾ Адрессы изъ Москвы представлены юбиляру архимандритомъ московскаго Знаменскаго монастыря Сергіемъ.

благопотребное и полезное служеніе церкви". Молитвенное желаніе святителя московскаго волюю осуществилось: даръ благодатный въ Тебѣ возросъ и содѣялся многоплоднымъ, что давно зрѣть съ благодареніемъ Господу православная церковь россійская.

Весьма немногіе изъ насъ, учащихъ въ академіи, остались живыми свидѣтелями ученаго и святительскаго служенія Твоего въ древней столицѣ, и они съ чувствомъ, полнымъ отрадныхъ воспоминаній, передаютъ грядущимъ за нами по преемству времени о вѣсоть тогдашняго служенія Твоего церкви и наукѣ. Но академія отъ того времени имѣетъ и письменное свидѣтельство, что Ты съ участіемъ относился къ ея ученымъ трудамъ и что святитель Филаретъ дорожилъ Твоими о нихъ отзывами, повелѣвая руководствоваться ими труженниками духовной науки. И въ послѣдующее время, среди многотруднаго служенія Твоего церкви на двухъ окраинахъ нашего отечества, гдѣ дѣйствуя въ духѣ апостольскаго самоотверженія и ревности, оставилъ Ты по себѣ память возстановителя православія и священной христіанской древности, и тогда находилъ Ты время съ глубокимъ вниманіемъ слѣдить за учеными трудами, появившимися въ нашей академіи и украсилъ академическое изданіе одною изъ высокохристіанскихъ бесѣдъ Твоихъ.

Когда по изволенію возлюбленнаго Монарха нашего поставленъ Ты былъ на стражѣ древней митрополіи кievской, московская академія, чтя Твои высокія заслуги церкви, избрала Тебя почетнымъ членомъ конференціи и послѣ недавно совершившагося ея преобразования обновила и укрѣпила Твою духовно-ученую связь съ нею. Съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности слѣдила она потомъ, когда сталъ Ты первосвятителемъ въ сѣверной столицѣ, за подъятымъ и веденнымъ Тобою трудомъ преложенія Священнаго Писанія на языкъ россійскій, — трудомъ великимъ и благотворнымъ для науки духовной и для всей церкви россійской. Неутомимыми усиліями Твоими, ознаменованными проявленіемъ глубоко-ученаго вѣдѣнія и духовно-опытной мудрости, достигнуто то, что это сокровище труда Твоего чистымъ и блестящимъ явилось на свѣтъ во всей полнотѣ своей для блага и науки и вѣры, и благодарное потомство, имѣя въ рукахъ слово Божіе на доступномъ для общаго разумѣнія языкѣ, съ признательностью будетъ произносить имя Твое, глава и руководитель святаго дѣла.

Привѣтствуя Тебя съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ Твоего священнаго служенія церкви, академія усердно желаетъ и пламенно молить Господа, да сохранитъ Онъ еще и еще на многая глѣта драгоценную жизнь Твою, первостоятель церкви всероссійской, для блага Ея, для пользы духовной науки и для счастья управляемыхъ Тобою.

Отъ московской духовной семинаріи.

Въ сплетаемый Тебѣ нынѣ всероссійскою церковію и обществомъ столь достославный вѣнокъ дерзаетъ вложить свой малый и скромный цвѣтокъ и московская духовная семинарія, имѣвшая счастье видѣть Тебя нѣкогда своимъ отцомъ-ректоромъ. Глубоко признательныя за прошедшее, нынѣшніе дѣатели московской семинаріи, ближайшіе представители и епархіальные сотрудники ихъ, — конечно обще со всѣми другими духовно-учебными заведениями, — непрестанно помнятъ первѣе всего Твое святительски-молитвенное предстательство о нихъ предъ престоломъ Божиимъ, а потомъ истинно-попечительное, дерзновенное и мощное ходатайство Твое, во главѣ другихъ іерарховъ русской церкви, предъ престоломъ царскимъ о возвышеніи благосостоянія отцовъ и дѣтей въ моральномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. За все это, проникаясь чувствами живѣйшей благодарности и снвноне преданнѣйшаго почтенія къ Твоей особѣ, мы съишимъ повергнуть эти чувства свои, особенно въ нынѣшній, столь многознаменательный для Тебя день — день исполненія пятидесятилѣтія Твоего священнослуженія, къ Твоимъ архипастырскимъ стопамъ.

Отъ московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Общество любителей духовнаго просвѣщенія радостно привѣтствуетъ ваше высокопреосвященство съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ вашего священнослуженія. Исполненное глубокаго уваженія къ многообразнымъ заслугамъ, которыми ознаменовано пятидесятилѣтнее служеніе ваше церкви и отечеству, оно считаетъ высокою для себя честию то, что имѣетъ васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, своимъ почетнымъ членомъ, и потому съ живѣйшимъ участіемъ относится къ настоящему вашему торжеству, которому сочувствуетъ вся Россійская церковь. Со времени принатія священнаго сана много трудились вы на поприщѣ духовнаго просвѣщенія, сперва среди юношества, готовившагося къ служенію церкви, потомъ среди разныхъ обширныхъ частей великой Россійской церкви, преемственно ввѣряемыхъ верховною властію вашему духовному попеченію, и наконецъ во главѣ священнаго правительственнаго собора всероссійской церкви, и на всѣхъ пройденныхъ и проходимыхъ поприщахъ въ разныхъ странахъ — отъ Ботническаго залива до горъ Араратскихъ — много розлито вами духовнаго свѣта и назиданія. Послѣднимъ и самымъ важнѣйшимъ подвигомъ просвѣтительной вашей дѣятельности было дѣятельное и руководственное участіе вашего высокопреосвященства въ преложеніи Св. Писанія Ветхаго Завета съ еврейскаго подлинника на общеупотребительное Россійское нарѣчіе, столь давно всѣмъ желанное и столь всѣмъ благопотребное. Этотъ подвигъ

запишетъ исторія на своихъ неизгладимыхъ скрижаляхъ. Высокопреосвященнѣйшій владыко! Въ совершившемся нынѣ пятидесятилѣтіи священнослуженія вашего общество любителей духовнаго просвѣщенія, видя знаменіе благоволенія Божія не только къ вамъ, но и ко всей церкви росейской, возноситъ молитву къ Отцу свѣтовъ объ обновленіи вашей жизни чрезъ укрѣпленіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, а у васъ себѣ испрашиваетъ благословенія на распространеніе духовнаго просвѣщенія словомъ и дѣломъ въ православномъ народѣ.

Отъ полоцкой духовной консисторіи.

Управленіе ваше полоцкою паствою, полное истинно-христіанской любви, смиренія и апостольской ревности, неизгладимо запечатлѣно въ сердцахъ бывшихъ вашихъ пасомыхъ. Ваше высокопреосвященство приняли это управленіе почти въ самый періодъ воззванія этой паствы Всеблагимъ Промысломъ Божиимъ и соизволеніемъ незабвеннаго Монарха къ новой лучшей жизни, послѣ вѣковыхъ, тяжкихъ ея страданій. Вамъ, милостивѣйшій архипастыръ и отецъ, въ сонмѣ воссоединявшихся тогда приснопамятныхъ іерарховъ судилъ Богъ положить конецъ этимъ страданіямъ и совершить торжество воссоединенія уни съ православною церковію. За тѣмъ, ни время, ни пространство, ни постепенное по волѣ Божіей и власти предрержащей возвышеніе ваше до степени первенствующаго члена святѣйшаго собора всеросейской церкви не въ силахъ были изгладить, или даже умалить, въ вашемъ, полномъ христіанской любви, сердцѣ отеческаго почета о своемъ Рувимѣ, о первенцѣ своихъ пастырскихъ трудовъ — о паствѣ полоцкой. Видимымъ залогомъ этихъ пастырскихъ заботъ вашего высокопреосвященства служатъ многія и значительныя жертвы ваши въ пользу бѣдныхъ бѣлорусскихъ храмовъ Божіихъ.

Примите же, милостивѣйшій архипастыръ и отецъ, примите съ отеческою любовію, въ настоящій многознаменательный для васъ день, — день пятидесятилѣтняго доблестнаго служенія вашего церкви и отечеству, — отъ полоцко-витебской епархіи искреннѣйшее благожеланіе долгоденствія и благоденствія вашему высокопреосвященству. Примите и сей священный залогъ нашей христіанской благодарной любви къ своему бывшему архипастырю — св. икону преподобной матери нашей Евфросиніи, княжны полоцкой, нашей небесной покровительницы. Да сохранитъ милосердіе Божіе, молитвы и предстательство преподобной матери нашей Евфросиніи, для блага церкви и отечества, доблестные дѣла вашего высокопреосвященства на многія и многія лѣта!

Отъ высокопреосвященнаго Евсевія, архіепископа могилевскаго.

Могилевская епархія, за 30 лѣтъ предъ симъ, имѣвшая счастье находиться подъ архипастырскимъ вашимъ высокопреосвященствомъ началь-

ствомъ, помнить и съ признательностію вспоминаетъ вашу благопечительную заботливость объ ея нуждахъ и потребностяхъ, ваше архипастырское мудрое и твердое управленіе, вашу отеческую снисходительность къ немощамъ ея пастырей и пасомыхъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые не задолго передъ тѣмъ воссоединились съ православною церковію. По архипастырскому ходатайству вашего высокопреосвященства назначено денежное содержаніе причтамъ приходскихъ церквей опредѣлены законоположеніемъ, начала къ обезпеченію ихъ помѣщеніями и земельными угодьями, положено вознагражденіе за труды членамъ духовной консисторіи, возвышены оклады жалованья прочимъ дѣателямъ по епархіальному и духовно-учебному вѣдомству, увеличено содержаніе иноческихъ обителей и, мѣрами предпринятыми вашею архипастырскою ревностію, ветхіе и убогіе православные храмы стали приводиться въ благоустройство и благолѣпіе, подобающія святниѣ господствующей православной церкви.

Въ живомъ сознаніи и благодарномъ воспоминаніи неусыпныхъ трудовъ, подъятыхъ вашимъ высокопреосвященствомъ по управленію могилевской епархіи и приснопамятныхъ благодѣяній вашихъ, оказанныхъ ей, могилевская паства, по случаю совершившагося 50-лѣтняго служенія вашей святой церкви, принимаетъ смѣлость выразить глубочайшія чувства сыновней признательности предъ вами, милостивый архипастырь, и, смиреннѣйше принося искреннее привѣтствіе вашему высокопреосвященству, молитъ пастыреначальника, Господа Иисуса, да охранитъ и укрѣпитъ Онъ ваши силы для продолженія доблестнаго служенія вашей святой православной церкви на многіе годы, къ славѣ Его пресвятаго имени.

Привѣтствіе, сказанное преосвященнымъ Германомъ, епископомъ кавказскимъ.

Слава Господу, благодѣющему церкви Своей святѣй благохраненіемъ жизни вашей, посвященной трудамъ на ея пользу, до предѣловъ маситой старости. Отъ души, исполненной сыновнихъ во Христѣ чувствъ почтенія, любви и признательности къ святниѣ вашей, привѣтствую ваше высокопреосвященство съ совершившимся нынѣ пятидесятилѣтіемъ подвига вашего о Господѣ въ пастырствѣ и учительствѣ, въ архипастырствѣ и высшемъ церковномъ правительствѣ, и усердно молю небеснаго пастыреначальника, да соблюдетъ Онъ васъ еще на многіе, многіе годы въ крѣпости тѣла и силѣ духа для бодрого продолженія той многообъемлющей и многознаменательной дѣятельности, въ которой вы призваны въ вашемъ высокомъ положеніи. Купно со мною привѣтствуютъ васъ, владыко святѣй, и вѣренная мнѣ паства кавказская, въ которой

десетъ съ глубокой благодарностию и живымъ восторгомъ вспоминаемъ вамъ благодѣтельное попеченіе о нѣкоторыхъ ея частяхъ въ годы пребыванія вашего въ Грузіи, случаи вашего молитвеннаго съ нею общенія назидательнаго и умилительнаго, ваши при проѣздахъ святія благословенія всѣмъ и каждому отъ мала до велика, ваши мудрыя совѣты и наставленія и тысячу различныхъ проявленій отеческой вашей благодати и любвеобилія ко всѣмъ безъ различія, даже самымъ низменнымъ людямъ, несмотря на высоту вашего сана,—вспоминаютъ о всемъ этомъ и дѣтски радуются проявленіямъ милости Божіей на васъ, желая, чтобы она всегда изливалась на васъ изобильно.

Во свидѣтельство чувствъ нашихъ, благоволите отъ меня принять изображение, воспроизводящее святиню древнюю Кавказа — икону Иверскую Богоматери.

Отъ высокопреосвященнаго Арсенія, митрополита кіевскаго.

Достигла и до насъ пріятная вѣсть, что ваше высокопреосвященство, уступая общему желанію своей паствы, рѣшили наконѣцъ въ слѣдующемъ сентябрѣ праздновать свое, столь славное и благоплодное на востокъ и западъ, на югъ и сѣверъ, пятидесятилѣтнее служеніе святой россійской церкви и отечеству.

Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности самъ лично явиться къ вамъ, чтобы отъ всей души и сердца привѣтствовать васъ съ симъ многозначительнымъ не для васъ только, но для всей нашей церкви, днемъ вашей жизни, покорнѣйше прошу васъ, милостивый архипастырь, по крайней мѣрѣ въ сихъ строкахъ благосклонно выслушать отъ меня съ Лаврою, Софійскимъ соборомъ и всею кіевскою паствою сердечное поздравленіе и вмѣстѣ искреннее молитвенное благожеланіе, да Живодавецъ Господь продолжитъ жизнь вашу до самыхъ позднихъ лѣтъ, съ сохраненіемъ силъ духа и тѣла въ полной свѣжести, ко благу православной нашей церкви, во главѣ которой вы нынѣ стоите, составляя ея вѣнецъ и украшеніе, и да удостоитъ васъ и въ будущемъ вѣкѣ сопрічастія въ Своей славіи небесной; въ знаменіе же и залогъ сего благожеланія нашего благоволите принять отъ насъ подносимыя при семъ иконы Божіей Матери, а намъ, яко приснымъ чадамъ своимъ, ниспослать свое паствуеназначительское благословеніе.

Отъ святѣйшаго Синода, произнесенное членомъ оного протопресвитеромъ В. Б. Бажановымъ.

Святѣйшій Синодъ радостно привѣтствуетъ ваше высокопреосвященство, своего первенствующаго члена, съ совершившимся пятидесятилѣтнимъ достославнаго служенія вашего церкви и отечеству, и искренно

желаетъ, чтобы Господь Богъ даровалъ вамъ силъ и вѣрность бодрственно продолжать высокое и благотворное служеніе ваше еще многія лѣта.

Кромѣ того были получены привѣтственные телеграммы отъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, отъ оберъ-прокурора Св. Синода, отъ эвзарха Грузіи Высокопреосвященнѣйшаго Евсевія, отъ причта съ родины юбиляра, а также адреса отъ Кіевской Духовной Академіи и другихъ учреждений *).

Оканчивая описаніе юбилея первенствующаго іерарха Русской Церкви, столь достойно почтеннаго и Верховною властію и представителями разныхъ мѣстъ его служенія и учреждений, мы съ своей стороны не можемъ что либо прибавить къ торжественно и искренно высказанной оцѣнкѣ дѣяній и личныхъ достоинствъ юбиляра. Всею душою присоединяясь къ радостнымъ чувствованіямъ, выраженнымъ въ привѣтственныхъ адресахъ, вполне раздѣляя ихъ благожеланія досточтимому юбиляру, мы не можемъ умолчать и считаемъ долгомъ при столь торжественномъ случаѣ заявить отъ лица всего православнаго русскаго общества объ одномъ желаніи, давно и глубоко чувствуемомъ.

Не напрасно на конечной грани въ исходѣ своего пятидесятилѣтняго служенія Высокопреосвященный юбиляръ окончилъ одно изъ величайшихъ дѣлъ для православнаго русскаго общества, съ самаго начала имъ энергически и съ непосредственнымъ участіемъ веденное: мы говоримъ объ изданіи Св. Писанія въ переводѣ на русскій языкъ, коего послѣдній отдѣлъ (пророческія книги, маккавейскія и третья Ездры) оконченъ къ веснѣ нынѣшняго года и недавно вышелъ въ свѣтъ. Важность этой заслуги юбиляра съ глубокимъ чувствомъ признательности и полнотою выраженія высказана во многихъ адресахъ — изъ Тулы, Орла и особенно изъ Москвы — этого могущественнаго вѣрою и народною силою средоточія Россіи, гдѣ своимъ властнымъ духомъ живетъ и бодрствуетъ приснопамятный святитель

* Они напечатаны въ Церковномъ Вѣстникѣ.

Филаретъ и откуда съ высоты кathedры московской митрополіи устами настоящаго маститаго архипастыря, отъ почтенной корпораціи Московской Академіи и отъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія торжественно свидѣтельствуется величіе и плодотворность подвига чествуемаго первенствующаго Іерарха.

Да,—говорить духовенство тульской епархіи какъ бы отъ лица православнаго русскаго общества—не можемъ не выразить благодарнаго чувства за это по истинѣ великое дѣло, которое благовременно завершило и увѣнчало всю полноту пятидесятилѣтней дѣятельности юбилара.

Но этимъ великимъ дѣломъ все ли сдѣлано нужное для того, чтобы Слово Божіе, могущее умудрить во спасеніе, богато вселялось въ всей огромной массѣ православнаго русскаго народа, а не только въ образованныхъ классахъ его, имѣющихъ теперь русскій переводъ Библии для своего *домашняго* употребленія и назиданія? Неисчислимое большинство нашего народа еще не грамотно и не скоро все будетъ грамотно; и изъ умѣющихъ чтать многіе ли имѣютъ досугъ и другія благопріятныя условія для того, чтобы самимъ непосредственно поучаться въ Св. Писаніи? Большая часть православныхъ знакомится съ Словомъ Божиимъ слушая его чтеніе въ храмахъ при богослуженіи, посѣщаемомъ въ праздничные дни. А въ храмахъ Божиихъ, гдѣ онъ особенно любитъ, отрѣшаясь отъ житейскихъ заботъ и трудовъ, почерпнуть себѣ ободреніе и подкрѣпленіе для духовныхъ силъ, православный народъ слышитъ Слово Божіе, къ сожалѣнію невразумительное для него, не отъ небрежнаго и поспѣшнаго чтенія: этотъ недостатокъ все болѣе и болѣе устраняется при болшемъ вниманіи къ сему и приходскихъ пастырей и чтецовъ церковныхъ;—и не потому, чтобы слуху и смыслу народа была чужда рѣчь церковно-славянская: нѣтъ, она ему привычна, любезна и близка не только по ея употребленію при церковномъ Богослуженіи, но и по близкому коренному родству ея съ русскимъ языкомъ, развивавшимся подъ ея преимущественнымъ вліаніемъ.

Невразумительность эта зависитъ не столько отъ устарѣлыхъ словъ и выраженій древне-славянскаго церковнаго языка, сколько отъ неудовлетворительности по мѣстамъ, относительно ясности мысли и вѣрности ея передачи, самого текста Библейскаго, въ

разное время переведеннаго и разными лицами исправляемаго и не рѣдко искажаемаго. Нужду въ устраниніи этого недостатка чрезъ *исправленіе текста славянской библіи* сознавали еще въ XVII столѣтіи. «Грѣхъ великій есть намъ словеномъ, православнымъ христіаномъ, говоритъ Епифаній славеницкій, и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ яко не имамы библіи добрѣ переведенныя.» XVIII вѣкъ представляетъ дѣльный рядъ комиссій для исправленія славянской библіи, завершившійся въ царствованіе императрицы Елизаветы изданіемъ исправленнаго текста ея *), который впрочемъ представляетъ не мало недостатковъ, особенно сравнительно съ современнымъ состояніемъ изученія библейскихъ кодексовъ и вообще библейской науки.

Со времени Елизаветинскаго изданія прошло болѣе ста лѣтъ, и нынѣ снова настоятъ нужда въ тщательномъ пересмотрѣ и исправленіи текста славянской библіи въ цѣломъ ея составѣ, которое бы не ограничивалось случайными поправками, какъ это дѣлалось со стороны временныхъ справщиковъ при отдѣльныхъ изданіяхъ библіи, но было ведено въ одномъ духѣ, съ соблюденіемъ единства руководственныхъ началъ и приемовъ исправленія. Такое исправленіе удовлетворяло бы не только народной потребности религіознаго назиданія и просвѣщенія въ храмахъ, но и потребности религіознаго обученія и воспитанія нашего юношества, обучающагося въ школахъ; ибо, не говоря о свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ самыхъ семинаріяхъ духовныхъ, гдѣ на изученіе Св. писанія положены особенные классы, успѣхъ этого изученія весьма значительно затрудняется вслѣдствіе неисправности настоящей славянской библіи. Въ виду сего Свят. Синодъ уповательно не встрѣтитъ препятствія и не найдетъ неблаговременнымъ предпринять столь благотворное дѣло *исправленія текста славянской библіи*, имѣя во главѣ іерарха, «неутомимыми усиліями котораго, ознаменованными проявленіемъ глубоко-ученаго вѣдѣнія и духовно-опытной мудрости», отъ первой до послѣдней страницы библіи ведено и совершенно переложено ея на русскій языкъ.

Заключимъ молитвеннымъ желаніемъ, чтобы Господь продлилъ еще на многие годы жизнь досточтимаго первостоятеля Русской церкви и даровалъ ему силы и духовную бодрость къ подъятію и совершенію и этого великаго дѣла, столько благопотребнаго для православной школы, для русскаго народа и всего единствѣннаго славянства.

*) Исторія сего дѣла изложена въ статьѣ И. Чистовича, помѣщ. въ „Правосл. Обозр.“ 1860 г.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПРАГѢ.

4-го августа русскіе въ Прагѣ скромно праздновали первую годовщину освященія православной церкви. Утромъ отслужена была литургія съ благодарственнымъ молебствіемъ, причемъ было возглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, обладателю страны сей, послѣ того вѣчная память Великой Княгини Еленѣ Павловнѣ и боярину Александру (Гильфердингъ), затѣмъ опять многолѣтіе благотворителямъ, попечителямъ и устроителямъ храма. Послѣ литургіи Русскіе присутствовавшіе въ храмѣ, и человѣка три Чеховъ собрались въ числѣ семнадцати человѣкъ въ квартирѣ отца протоіерея, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ. Въ числѣ присутствовавшихъ изъ болѣе извѣстныхъ были слѣдующіе: М. П. Погонинъ, А. А. Котларевскій, Н. М. Эндагуровъ (отставной полковникъ болѣе года живущій въ Прагѣ, какъ и Котларевскій), А. Θ. Кистяковскій (профессоръ Кіевского университета), М. Я. Краснѣ (профессоръ Казанской академіи), Θ. И. Іезбера, изъ Варшавы (извѣстный поборникъ кириллицы), Ранкъ (лексикографъ), Патера и др. Немногочисленно, неумно было общество, но за то искренне, сердечно и дружелюбно. Предъ первымъ тостомъ отецъ протоіерей Лебедевъ сказалъ краткую рѣчь приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

„Милостивые государи! Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу нынѣшняго нашего праздника.

„Назадъ тому ровно годъ какъ въ нынѣшній день чешская Прага въ первый разъ огласилась необычайнымъ здѣсь, но столь приятнымъ для насъ звономъ русскихъ колоколовъ, ровно годъ какъ освященъ былъ здѣсь русскій православный храмъ, и въ немъ началось православное славянское богослуженіе.

„Нельзя не порадоваться намъ, Русскимъ, и не возблагодарить Бога что мы пережили этотъ первый и потому тяжелый годъ. Годъ былъ дѣйствительно тяжелъ; недоразумѣнія возникшія въ правительственныхъ сферахъ заставили было насъ очень и очень призадуматься надъ судьбою нашей только что освященной церкви. Но слава Богу, все кончилось благополучно; недоразумѣнія разрѣшены; православное богослуженіе дозволено, положеніе русской церкви въ австрійскомъ государствѣ опредѣлено данными правами и ограниченіями. Такимъ обра-

зомъ начало нами положено, и мы имѣемъ залоги на дальнѣйшее ея существованіе.

„Чему же мы обязаны въ этомъ благополучномъ исходѣ нашихъ затрудненій? Конечно, главнымъ образомъ и прежде всего, тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ какія существуютъ между Государями, нашимъ Русскимъ и здѣшнимъ австрійскимъ. Не будь этихъ добрыхъ отношеній, можно положительно сказать, не было бы здѣсь и нашего храма.

„Дай же Богъ чтобы союзъ этотъ продолжался, и чтобы община русская здѣсь увеличивалась, а церковь русская продолжала служить мѣстомъ душевнаго успокоенія, утѣшенія и услажденія для всѣхъ проживающихъ здѣсь православныхъ.

„Вседушевно пожелаемъ добраго здравія и во всемъ благополучія нашему Государственнѣйшему Монарху и здѣшнему Государю. Мм. гг., приглашаю васъ выпить за Ихъ здоровье“.

Послѣ этого провозглашена была здравница за Наслѣдника Цесаревича и за Великаго Князя Константина Николаевича, принимавшихъ живое участіе въ судьбѣ русской церкви.

Затѣмъ академикъ М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующую рѣчь.

„Въ московскихъ газетахъ прошлаго года сообщено было описаніе освященія Николаевскаго храма въ Прагѣ, и къ описанію приложена была подробная его исторія, въ продолженіи многихъ вѣковъ, со времени основанія, а какъ учредилось въ немъ православное богослуженіе, о томъ не сказано было ни слова. Да, и нигдѣ въ Россіи не встрѣчалось о томъ ни малѣйшаго упоминовенія. Радуюсь случаю восполнить этотъ недостатокъ на память для любезныхъ соотечественниковъ, у которыхъ она часто бываетъ коротка.

„Первая мысль принадлежитъ графу А. Е. Комаровскому. Живя долго въ Прагѣ со своимъ семействомъ, онъ почувствовалъ необходимость въ русской церкви какъ для себя, такъ и для многихъ русскихъ, которые останавливаются здѣсь часто, возвращаясь съ разныхъ богемскихъ водъ, а иногда и живутъ подолгу. Онъ написалъ въ Москву о возможности приобрести для православнаго богослуженія великолѣпный храмъ св. Николая, доставшійся когда-то городу, и находившійся съ давняго времени въ запустѣніи. Княжна Н. П. Шаликова, жившая въ Прагѣ, сообщила тѣ же вѣстія, и выразила тѣ же желанія. Они приняты были у насъ съ живымъ сочувствіемъ, и поднялся вопросъ какъ бы устроить это дѣло, вопросъ встрѣтившій сначала много затрудненій. Случилось вскорѣ открытіе Волжско-Камскаго банка. В. А. Кокоревъ предложилъ собранію за обѣдомъ подписку, изготовленную тутъ же И. С. Аксаковымъ, и въ нѣсколько минутъ собрано было больше шести тысячъ рублей на первые расходы. Славянскій комитетъ

отвеса циркулярно къ епархіальнымъ архіереямъ, и нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ. Митрополиты: московскій — Иннокентій, кіевскій — Арсеній, архіепископы: литовскій — Макарій, казанскій — Антоній, епископы: смоленскій — Серафимъ, нижегородскій — Филаретъ, полтавскій — Іоаннъ, прислали немедленно свои пожертвованія. Отецъ архимандритъ троїцкій Антоній, ректоръ духовной академіи Горскій, приняли живое участіе. Графъ А. Е. Комаровскій, П. П. Демидовъ доставили по 1,000 р. Княжна Н. П. Шаликова собрала значительную сумму. И. А. Ламинъ, отъ имени шестидесяти гласныхъ, предложилъ думѣ послать въ даръ дражской церкви полный сборъ колоколовъ, и дума, подъ предсѣдательствомъ князя В. А. Черкаскаго, назначила шесть тысячъ на пріобрѣтеніе колоколовъ отъ г. Самгина, сдѣлавшаго большую уступку. И. А. Ламинъ представилъ послѣ еще двѣ тысячи, собранныя имъ съ В. М. Бостанджого. Такимъ образомъ, поступило изъ Москвы до 30,000 р. на возобновленіе запущеннаго храма и припособленіе его къ православному богослуженію. Надзоръ за работами принялъ на себя графъ А. Е. Комаровскій, которому въ этомъ случаѣ оказалъ великую помощь докторъ Браунеръ, и въ послѣдствіи гг. Ранкъ и Патера.

„Московскія средства истощились, и остальные расходы, равно какъ и официальная часть дѣла, выпали на долю петербургскому отдѣленію московскаго лецитета: графъ Е. П. Кутузовъ заключилъ условіе съ городомъ Прагой, покойный А. Ф. Гильфердингъ началъ усердно ходатайствовать о принятіи церкви въ вѣдомство святѣйшаго Синода, о присканіи причта, о назначеніи ему содержанія, о покровительствѣ предпріятію министерства иностранныхъ дѣлъ. А. Д. Башмаковъ пожертвовалъ большую сумму на послѣднія издержки. И. П. Корниловъ, при содѣйствіи Т. И. Филиппова, Н. И. Любимова и прочихъ членовъ отдѣленія, приложили усердныя старанія къ скорѣйшему окончанію дѣла. Особами Царскаго Дома пожалованы богатныя нарчевныя и бархатныя резны, и Николаевскій храмъ былъ освященъ 4-го августа 1874 года протоіереями: Раевскимъ, Базаровымъ и Тачаловымъ, получивъ настоятелемъ достойнаго протоіерея А. А. Лебедева и помощниками ему отца діакона П. П. Сперанскаго, псаломщика Н. П. Апраксина. Ихъ попеченіями, вмѣстѣ съ заботами почтеннаго прихожанина Н. М. Евдогурова, храмъ доведенъ до того блестящаго положенія въ коемъ нынѣ находится на радость и утѣшеніе православнымъ христіанамъ.

„Помолитесь русскому Богу, — позвольте употребить это простонародное выраженіе, — услышать звуки роднаго языка на чужой сторонѣ, это для неповрежденнаго русскаго человѣка такое наслажденіе, съ каковымъ немногія сравниться могутъ.

„Должно благодарить австрійское правительство, которое, по исполненіи всѣхъ необходимыхъ формальностей, разрѣшило намъ имѣть это наслажденіе.

„Мы, русскіе, наблюдая вообще ходъ дѣлъ, увѣрены, скажу здѣсь кстати, въ неизмѣнномъ благоволеніи австрійскаго императора къ славянскимъ національностямъ составляющимъ большую часть его имперіи, и приписываемъ нѣкоторые мѣстные неудовольствія только случайнымъ недоразумѣніямъ и временному несчастному стеченію обстоятельствъ. Мы искренно желаемъ чтобы недоразумѣнія скорѣе вездѣ объяснились согласно законамъ справедливости, чтобы противныя обстоятельства отстранились и чтобы имя Франца-Иосифа благословлялось всѣми славянскими національностями, какъ благословляютъ у насъ, русскіе, имя Александра-Освободителя.

„Позвольте въ заключеніе предложить тостъ за здоровье всѣхъ добрыхъ людей, русскіе, чеховъ и австрійцевъ, которые принимали участіе въ совершеніи празднуемаго нынѣ нами событія.“

21-Е АВГУСТА ВЪ ЛИЦЕЪ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ.

Зданіе Лицея Цесаревича Николая, начатое постройкой въ апрѣлѣ минувшаго года, было освящено 21 августа, въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи.

Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Лицейъ, вмѣстѣ съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Эдмбургскимъ, въ 3 часа 10 минутъ пополудни. Окрестность зданія была полна народомъ, и перенаты народныхъ кликовъ неслись по всему протяженію Стоженки, еще издалека возвѣщая приближеніе Монарха.

Въ актовомъ залѣ Лицея ожидали прибытія Его Величества преосвященный Леонидъ со многочисленнымъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, министръ народнаго просвѣщенія и московскій генералъ губернаторъ, оба какъ предсѣдатели совѣта Лицея, члены совѣта, какъ-то: попечитель Московскаго учебнаго округа, помощникъ попечителя, ректоръ университета, членъ отъ университета, губерскій предводитель дворянства, московскій городской голова; многія почетныя лица, директоры учебныхъ заведеній, профессора университета, учащіе и учащіяся въ Лицеѣ, ихъ родители и родственники.

Его Величество былъ встрѣченъ на подъѣздѣ основателемъ Лицея, статскимъ совѣтникомъ Батковимъ.

Московскій генералъ-губернаторъ и министр народнаго просвѣщенія ожидали Его Величество внизу лѣстницы у входа. Государь Императоръ, вступивъ въ актовую залу, изволилъ подойти къ воспитанникамъ и милостиво привѣтствовалъ ихъ, яа что они отвѣчали какъ одинъ человѣкъ съ горячимъ одушевленіемъ.

Молебствіе и водосвятіе совершалъ преосвященный Леонидъ въ актовомъ залѣ, въ виду будущей церкви Лицея, которая еще не окончена отдѣлкой, но уже готова въ главныхъ частяхъ своихъ. Она принимаетъ къ актовому залу и будетъ отдѣлена отъ нея подвижною стѣной. Мраморная преграда и бронзовыя царскія врата устроены такъ чтобъ отдѣлять, но не скрывать священнодѣйствіе отъ взоровъ молящихся, согласно древнему устройству храмовъ и смыслу православнаго богослуженія. Послѣ водосвятія и многолѣтія, преосвященный Леонидъ, приблизившись съ крестомъ къ Государю, привѣтствовалъ миротворца Европы и обновителя нашего отечества приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

„Благочестивѣйшій государь!

„Исполняя Царево благое желаніе, святая Церковь вчера осватила основаніе хранилища отечественныхъ древностей, сегодня освящаетъ обитель ученія, гдѣ, послѣ христіанскаго вѣроученія, какъ основа самая твердая, положено изученіе языковъ древнихъ съ ихъ великою литературой.

„Такимъ образомъ, и своя, и чужая древность взывается Тобою на укрѣпленіе и расширеніе Твоихъ царственныхъ надеждъ на свѣтлую будущность Россіи, ибо, послѣ вѣры Христовой ничто столько не содѣйствуетъ преуспѣванію народовъ въ благоденствіи мирнаго жительства какъ почтеніе къ своему прошедшему и основательное ученіе.

„Въ этихъ плодотворныхъ и миротворныхъ мысляхъ, благочестивѣйшій возлюбленный Монархъ, Ты оставилъ одно изъ лучшихъ наслѣдій для отдаленнѣйшихъ Твоихъ преемниковъ. Но мы усердно молимъ Господа да продлится долго-долго жизнь Твоя, чтобы насладиться Тебѣ и цѣломъ, и плодомъ Твоего насажденія,—и кто можетъ лучше присмотрѣть за этими юными кроткими насажденіями мира какъ не Тотъ кого яко кроткаго Царя-Миротворца не только сыны Русской Земли, но и народы отдаленные и прославляютъ, и благословляютъ. Живи, Государь, Царь православный! И буди наслѣдникъ обѣтованій Христа-Бога рекшаго: „блаженіи кротцыи яко тии наслѣдуютъ землю, блаженіи миротворцыи яко тии сынове Вожиі нарекутся“!

Когда Государь Императоръ приложился къ кресту, архипастырь продолжалъ: „Почитаю священнымъ долгомъ свидѣтельствовать Вашему Императорскому Величеству, что здѣсь обращеніе съ языческими писателями не вредило христіанскимъ убѣжденіямъ, и я могъ видѣть плоды

теоретическихъ богословскихъ знаній въ практикѣ жизни воспитанниковъ, особенно при кончинѣ профессора Леонтьева. Они не только были при тѣлѣ его неотлучно и читали непрерывно псалтирь, но пришли ко мнѣ выразить желаніе говѣть и приобщиться св. Таинъ, чтобъ очищеною и освященою душою приходить о немъ молиться.

Государь Императоръ съ видимымъ участіемъ слушалъ эти слова, которымъ придавало особое значеніе и священное облаченіе архипастыря и крестъ въ его рукѣ.

Его Величество интересовался принадлежностями готовящагося храма и изволилъ осматривать иконы писанныя академиками Боткинныиъ, Горбуновыиъ и Васильевыиъ и картонны художника Соровина, причемъ Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе на копію съ известной картины Бруни *Моленіе о Чашѣ*, писанную для лицейской церкви и принесенную въ даръ ей бывшимъ воспитанникомъ Лицея, нынѣ студентомъ с.-петербургскаго университета, Клавдіемъ Степановыиъ.

Его Величество послѣдовалъ за духовенствомъ обходившимъ части зданія со святою водою. Изъ актовъ залы процессія вступила въ обширную рекреационную залу, а изъ нея нагѣво въ отдѣленіе старшихъ классовъ. Государь Императоръ съ интересомъ останавливался въ каждой комнатѣ и спрашивалъ о ея назначеніи. Обойдя всѣ части втораго этажа, гдѣ сосредоточивается общая жизнь Лицея, Его Величество пожелалъ ознакомиться съ организаціей отдѣльныхъ пансіоновъ и изволилъ подняться въ третій этажъ. Его Величество изволилъ входить во всѣ подробности устройства этихъ отдѣльныхъ воспитательныхъ средоточій.

По возвращеніи въ актовую залу, Его Величество изволилъ подойти къ лицейскимъ студентамъ, стоявшимъ особою группою, и пожелалъ имъ сохранить въ себѣ духъ воспитавшаго ихъ заведенія. „Я надѣюсь“, изволилъ присовокупить Его Величество „что вы будете вѣрными слугами отечества и своего Государя“.

Болѣе часа оставался Государь Императоръ въ зданіи Лицея. Когда Его Величество сошелъ внизъ, воспитанники, стояшіе по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, неудержимо устремились за Государемъ до самаго экипажа, и голосъ ихъ юнаго восторга слился съ кликами народа.

Это торжественное посѣщеніе Монарха есть величайшая честь для заведенія, которую оно обязано блюсти всѣми силами своими. Это великое для Лицея и для всей обновленной школы нашей событіе не только увѣковѣчится въ лѣтописяхъ нашего народнаго просвѣщенія и въ преданіяхъ Лицея, но будетъ жить въ сердцахъ его воспитанниковъ какъ благодатная сила, поддерживая и одушевляя ихъ на пути добра и чести. (*Моск. Вѣд.*)

БИБЛИОГРАФІЯ.

**РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛѢ ТРЕТЬЕГО И ЧЕТВЕРТАГО КЛАС-
СОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.**

Составилъ Левъ Поливановъ. Москва. 1875 г.

Русскій языкъ, между предметами преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, составляетъ едва ли не одинъ изъ самыхъ трудныхъ для преподавателя, по своей многосторонности и неустойчивости. Каждый учитель, которому это дѣло знакомо по опыту, не найдетъ въ нашихъ словахъ пустой фразы. Уже одно то, что на преподавателя русскаго языка лежатъ чтеніе механическое, объяснительное и выразительное, — знакомство учениковъ съ этимологическими и синтаксическими законами языка, — усвоеніе учениками орфографическихъ правилъ и фонетическихъ особенностей, — логическій анализъ данныхъ образцовъ и указаніе ихъ стилистическихъ особенностей, гармоническое развитіе въ ученикахъ воспримчивости и самодѣятельности — много говорить о сложности задачи, выполненіе которой лежитъ на плечахъ учителя. Если же обратить вниманіе на тѣ руководства и пособия, на которыя онъ можетъ опереться при своихъ занятіяхъ, то увидимъ, что задача его усложняется, трудъ увеличивается и ноца нога ногами колеблется. И этому не нужно удивляться: когда одно руководство противорѣчитъ другому, когда каждый составитель учебника настойчиво предлагаетъ свой методъ, какъ наилучшій, свои приемы, колыа которыхъ доказана личнымъ опытомъ, — когда одна хрестоматія, при видимой бездѣтельности, выставляетъ на видъ свою полноту, другая поражаетъ своею односторонностію, третья — совершенно бездѣтностью въ выборѣ статей и т. д., то что же мудренаго, что учитель русскаго языка совершенно теряется и приходитъ къ мысли руководствоваться преимущественно собственнымъ пониманіемъ и педагогическимъ тактомъ. Вслѣдствіе того каждый серьезный и внимательный въ своему дѣлу учитель выработываетъ на практикѣ свой методъ, составляетъ съ теченіемъ времени грамматику и создаетъ хрестоматію, которая въ томъ или другомъ видѣ и является предъ лицомъ свѣта. Этимъ, мнѣ кажется, объясняется главнымъ образомъ то обиліе вредныхъ руководствъ и пособій по русскому языку, которое за послѣднее время скрывается все болѣе и болѣе, а въ этомъ изобиліи заключается, несомнѣнно, та трудность, которую предстоитъ одолѣть учителю, чтобы найти для себя твердую точку опоры. При такомъ обиліи вустодѣта естественно дорожить зрѣлымъ опытомъ и съ нѣкоторою жадностію набрасываться на новую

книжку автора, составившаго себѣ ими въ учебной литературѣ. И нужно сказать правду, что то шлетное вниманіе, какое оказывается подобнымъ труженникамъ, совершенно ими заслужено. Вотъ предъ нами только что вышедшая въ свѣтъ Хрестоматія г. Поливанова. Кто, ознакомившись съ нею, не оотласится, что это одна изъ лучшихъ хрестоматій какъ по выбору статей, такъ и ихъ размѣщенію.

Обратимъ ли вниманіе на тѣ педагогическія требованія, удовлетворить которымъ должна хрестоматія въ данный дѣтскій возрастъ, отнесемъ ли критически къ самымъ статьямъ и размѣщенію ихъ — и въ томъ и другомъ случаѣ приходится сказать одно, что предъ нами нетленный трудъ педагога.

Назначая свою хрестоматію для учениковъ 3 и 4 классовъ, для которыхъ синтаксическій строй рѣчи при изученіи русскаго языка долженъ быть на первомъ планѣ, г. Поливановъ первый отдѣлъ книги наполняетъ небольшими прозаическими статейками, составляющими нѣчто цѣлое по своему содержанію и логической обработкѣ его. Эти статьи предназначены для объяснительнаго чтенія ихъ учениками въ классѣ, подъ руководствомъ учителя. Объяснительное чтеніе, какъ разумѣетъ составитель хрестоматіи, должно состоять въ томъ, чтобъ ученикъ сдѣлалъ синтаксическій и логическій анализъ даннаго образца и такимъ образомъ могъ примѣнить къ дѣлу съ одной стороны свои синтаксическія знанія, а съ другой — видѣть, какъ образцовые писатели пользуются синтаксическими законами для логическихъ и художественныхъ цѣлей. Излишне говорить, насколько необходимо въ указанномъ возрастѣ подобный анализъ; достаточно замѣтить, что только послѣ такихъ работъ ученикъ можетъ сдѣлать естественный переходъ къ опитамъ собственныхъ сочиненій и къ теоріи прозы.

Другая задача, которую составитель хрестоматіи имѣлъ въ виду, также вызвана педагогическими соображеніями. Г. Поливановъ справедливо заключаетъ, что въ ученикахъ 3 и 4 классовъ пробуждается особенная любовь къ чтенію, но они не находятъ удовлетворенія своей жаждѣ при настоящемъ состояніи учебной литературы. Наши хрестоматіи, расположенныя по сметамъ исторической или теоретической, вмѣсто того, чтобы развивать въ ученикахъ любовь къ чтенію, заглушаютъ ее, потому что статьи, помещаемыя въ этихъ хрестоматіяхъ, и не по плечу и не по вкусу мальчику, приступающему къ чтенію съ полною непосредственностью. Что же касается полнаго нежданія русскіихъ писателей, то онѣ рѣшительно вредятъ знакомству юнаго читателя съ родной поэзіей, такъ какъ тутъ онъ ностанно наталкивается на произведенія посредственныхъ, неопытныхъ или недоступныхъ ему, — знакомится съ будничною, далеко не поэтической стороною жизни писав-

теля и совершенно расхолаживается въ немъ. Слѣдствіемъ такого чтенія бываетъ то равнодушіе, холодное отношеніе къ лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ нашихъ писателей, которое не оставляетъ его и тогда, когда наступаетъ время полнаго и серьезнаго изученія писателей.

Въ виду такого-то безстраднаго положенія учениковъ 3 и 4 классовъ, г. Поливановъ составилъ хрестоматію, которая представляла бы имъ лучшихъ, въ литературномъ отношеніи, сочиненія нашихъ писателей, удовлетворяла бы эстетическимъ инстинктамъ дѣтей, переходящихъ въ юношескій возрастъ, дала бы надлежащій толчокъ ихъ воображенію и мысли. Но это послѣднее возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда мальчикъ будетъ останавливаться, подъ руководствомъ учителя, на мысли читаемаго произведенія, замечать въ своемъ воображеніи тѣ образы, въ которыхъ далъ уже себѣ полный отчетъ. При такомъ веденіи дѣла русскій классъ въ указанномъ возрастѣ будетъ для дѣтей „предваріемъ въ сокровищницу отечественной словесности“, чѣмъ онъ и долженъ быть.

Видѣть съ тѣмъ, чтобы объяснительное чтеніе литературныхъ произведеній не теряло своего образовательнаго значенія, оно должно быть самостоятельнымъ дѣломъ русскаго класса, а не какимъ-нибудь побочнымъ, въ видѣ примѣра, образца, не должно служить какимъ-либо постороннимъ соображеніямъ. Въ такомъ только случаѣ и требованіе программъ касательно чтенія литературныхъ произведеній въ классѣ получить полное удовлетвореніе.

Не довольствуясь общимъ взглядомъ на чтеніе литературныхъ произведеній и указаніемъ тѣхъ требованій, которымъ долженъ удовлетворить учитель при этомъ занятіи, г. Поливановъ приводитъ и образцы тѣхъ объясненій, какими должно сопровождаться чтеніе. Представленные образцы показываютъ, какъ грезю смутить на дѣло составитель хрестоматіи, какъ умѣетъ избѣгать ненужной болтовни „разучивающей учениковъ мыслить“, ограничивая свои объясненія только содержаніемъ данной статьи.

Такимъ образомъ г. Поливановъ, высказавъ раціональный, педагогическій взглядъ на хрестоматію и чтеніе избранныхъ произведеній, сразу ставитъ всякаго учителя на твердую почву и указываетъ ему прямой путь къ цѣли.

Собразно высказанному взгляду, г. Поливановъ представляетъ въ своей хрестоматіи богатый, приаровленный къ цѣлямъ языка, выборъ статей. Выборъ сдѣланъ изъ всѣхъ лучшихъ писателей, при чемъ обращено вниманіе на положительныя достоинства статей какъ въ художественномъ, такъ и логическомъ отношеніи. Поэтому мы въ его вре-

стоматин и встречаемся всего чаще съ Караванскимъ, Пущинскимъ и Жуковскимъ. Въ первыхъ отдѣлахъ книги прозаическія статьи постоянно сѣняются поэтическими, въ томъ очевидно педагогическомъ соображеніи, чтобы не дѣйствовать исключительно на одну способность ученика и не утомлять его однообразіемъ. Интересъ собраннаго матеріала самъ собою бросается ученику въ глаза. Весь четвертый отдѣлъ, который назначается для обязательнаго внѣкласснаго чтенія, онъ прочтетъ съ истиннымъ наслажденіемъ. При такомъ интересѣ, собранный матеріалъ представляетъ и богатый запасъ свѣдѣній, особенно касающихся Россіи, хотя составитель книги и не задавался цѣлію представить энциклопедію полезныхъ знаний. Для упражненія въ устной рѣчи назначены статьи, такъ какъ и въ первомъ томѣ, болѣе легкія для воспріятія при бѣгомъ чтеніи, именно о Крыловѣ и Суворовѣ. Въ отдѣлѣ басенъ замѣтна группировка ихъ по содержанию, что даетъ возможность дѣлать синонимическій разборъ. Не мало статей сходныхъ по содержанию находимъ и въ другихъ отдѣлахъ; подобныя статьи даютъ учителю прямую возможность дѣлать нужныя обобщенія и выводы темъ для сочиненій. Къ нѣкоторымъ переводнымъ произведеніямъ, какъ въ отдѣлѣ басенъ, такъ и въ отдѣлѣ балладъ, приложены оригиналы, сличеніе которыхъ съ переводами ясно показываетъ ученику достоинство тѣхъ и другихъ.

Нѣтъ нужды распространяться болѣе о хрестоматіи г. Поливанова; и сказаннаго вполне достаточно, чтобы оцѣнить ее. Пожелаемъ же ей полнаго успѣха, какого она заслуживаетъ по справедливости.

Н. Покровский.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТЪ ДЛЯ ПОСОБІЯ ГЕРЦЕГОВИНЦАМЪ.

„Голосъ“ извѣщалъ уже телеграфомъ объ образованіи въ Парижѣ „международнаго комитета пособія герцеговинцамъ“, президентомъ котораго избранъ митрополитъ Сербіи, Михаилъ. Теперь „Голосъ“ сообщаетъ, что въ числѣ основателей комитета значится много русскихъ, поляковъ, сербовъ, чеховъ, болгаръ, вообще, славянъ и сверхъ того, французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, шведовъ и датчанъ. Всѣ члены-основатели не-французы, тотчасъ же послѣ выбора президента, успѣли оставить Парижъ и отправились каждый въ свое отечество (между прочимъ, нѣсколько лицъ въ Америку) для открытія во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта мѣстныхъ отдѣленій международного комитета пособія герцеговинцамъ. Одинъ изъ учредителей комитета;

г. Веселитскій-Божидаровичъ, отправился уже въ Бѣлградъ, гдѣ долженъ передать сербскому митрополиту Михаилу и собранную уже въ Парижѣ сумму для раздачи нуждающимся, и адресъ комитета, въ которомъ, между прочимъ, наложены причины образованія комитета, цѣль его и образъ дѣйствія. Приводимъ дословный переводъ доставленнаго газетъ „Голосъ“ адреса:

„Високопреосвященнѣйшій владыка,
„Милостивый архимандритъ!

Великія державы, своими единодушными и безкорыстными усиліями прекратить страшное кровопролитіе, грозящее кончиться истребленіемъ всего населенія Герцеговины, подають свѣтлый примѣръ частнымъ лицамъ. Конечно, частныя лица не могутъ, не должны вмѣшиваться въ войну или политику чужихъ странъ; но есть область, имъ принадлежащая, доступъ въ которую не можетъ быть возбраненъ никому: это — область широчая и обширная, христіанской любви и милосердія.

„Когда правительства всѣхъ могущественныхъ государствъ Европы, любящихъ столь разнообразныя интересы и стремленія, сходятся нѣдѣ въ признаніи положенія Герцеговины ненормальнымъ, когда государственные люди и дипломаты вмѣиваютъ свои долготѣнія убѣжденія подъ вліяніемъ чувства челоуѣколюбія столько же, какъ и здравой политики, то какъ же намъ, простымъ граждавамъ, не сойтись въ дѣлѣ жалости и состраданія, на которое намъ уже указываетъ починъ правительства. Кто изъ насъ не терзаетъ близкихъ на войнѣ, кто не видѣлъ жертвъ этого взаимнаго разрушенія, не былъ свидѣтелемъ скорби утратившихъ? У кого не на памяти ближайшія катастрофы? Но бѣдствія войны, всѣми сознаваемые, уже давно вызвали, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, правительственную и частную дѣятельность для ихъ облегченія, если не уничтоженія. Кто перечислитъ всѣ различныя учрежденія, съ этою цѣлью основанныя? Медицинскія пособія всякаго рода, госпитали, больницы, богадельни, казитаы инвалидовъ, пенсіи раненымъ и ихъ семействамъ и т. д. Ненужно забывать также и всеобщее соревнованіе общества не только воюющихъ, но и нейтральныхъ странъ помочь и вознаградить. Все это, однако, лучшими умами вѣна признается недостаточнымъ. Философы, филантропы мечтають объ искорененіи войны; великій Государь, освободитель своего народа, имя котораго повсюду произносится съ благоговѣніемъ, стремится практическимъ путемъ точнаго опредѣленія правъ воюющихъ, сзуть сферу войны, оградить мирныхъ жителей и насколько возможно, очеловѣчить войну.

„Въ Герцеговинѣ, гдѣ безконечное отчаяніе борется съ безконечнымъ варварствомъ, есть ли хоть что нибудь облегчающее войну? Нѣтъ! но есть все отягчающее ее. Съ одной стороны, люди, невоенные по ре-

жесту, а взявшіеся за оружіе, потому что ихъ жизнь, семейство, религія—все въ опасности; съ другой — послѣдніа откритія и изобрѣтенія XIX вѣка въ услугѣ чувствъ времени монгольскаго нашествія. Пленныхъ, взятыхъ въ сраженіи, турки подвергаютъ истязаніямъ, рубятъ на куски, которые бросаютъ въ лагерь оставшихся. Всякій раія, даже неносящій оружіа, безъ различія пола и возраста, только потому, что онъ—христіанинъ, преданъ во власть всякаго мусульманна, который, по ачности, личной ненависти или фанатизму, вздумалъ бы отнять у него имущество, жизнь, честь... И раія не можетъ жаловаться, искать заступничества въ судѣ передъ властями: турецкій судъ руководствуется однимъ Кораномъ и не принимаетъ свидѣтельствъ неправовѣрныхъ; военныя и гражданскія власти видятъ въ фанатизмѣ мусульманъ вѣрнѣйшую себѣ поддержку. Всѣ газеты перепечатали прокламацію главнаго представителя Порты въ Босніи, приказывающую мусульманамъ нападать на всякаго христіанина, котораго они захоповали бы въ несовершенной преданности султану. Если даже это и неточно, то точно то, что турки всегда такъ поступали и что нынѣшнее возстаніе вызвано систематическимъ убиваніемъ почетнѣйшихъ христіанъ. До чего доведетъ отчаяніе! Кто можетъ носить орудіе, предпочтаетъ смерть жизни, которую онъ вель до сихъ поръ; все остальное спасается куда можетъ. Уже города Далмацкаго прибрежья и Военной Границы переполнены старцами, женщинами, дѣтьми, безъ имущества, безъ силъ къ труду, безъ пристанища на свѣтѣ. Конечно, тамъ они находятъ добрыхъ людей; конечно, и власти займутся ими. Но могутъ ли эти бѣдныя, рѣдко населенныя, отдаленныя отъ центровъ мѣстности прокормить, пріютить такое множество? Не скорѣе ли истощатся ихъ средства, чѣмъ утолятся нужды страждущихъ? Да и справедливо ли оставлять эти населенія нести все бремя пособія бѣдствію, когда многолюдныя, процвѣтающія, чрезмѣрно богатая страны могли бы помочь такъ дѣйствительно изъ своего излишка? Влаготворительность христіанской Европы ищетъ себѣ предмета; не удовлетворяясь своею частью свѣта, она посылаетъ милліоны въ Индію, Персію, Малую Азію, откуда только услышите о бѣдѣ и нуждѣ въ помощи. Правда, до сихъ поръ, Герцеговина была менѣе посѣщаемая и менѣе извѣстная, чѣмъ острова Ледовитаго Океана или степи Внутренней Африки. Но теперь, когда мужество ея жителей, когда ихъ военные успѣхи обратили на нее вниманіе всей Европы, теперь настало время помощи.

„Нѣсколько лицъ разныхъ національностей и вѣроисповѣданій составили международный комитетъ пособія раненымъ герцеговинцамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ. Члены комитета, которымъ можетъ сдѣлаться всякій сочувствующій дѣлу, будутъ собирать пособія, каждый по своему мѣсту

жительства, и высылать ихъ президенту, который уже будетъ распределять ихъ между нуждающимися посредствомъ выбранныхъ имъ уполномоченныхъ; эти уполномоченные должны будутъ представлять президенту отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, которые будутъ публикуемы, для свѣдѣнія комитета, въ журналахъ всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ будутъ находиться его члены. Мнѣ поручено, какъ уже съ давнихъ поръ имѣющему честь быть вамъ лично извѣстнымъ, испросить у вашего высокопреосвященства соизволенія на принятіе званія президента международного комитета. Авторитетъ вашего имени, ваше знаніе людей и мѣстностей, ваши молитвы нужны нашему дѣлу, и мы надѣемся, что вы въ этомъ не откажете.

„Пока пойдетъ публикація въ журналахъ, откроется подписка и станутъ прибывать деньги, пройдетъ время, многіе перейдутъ въ вѣчность необлегченные, неутѣшенные. Считаю васъ уже нашимъ президентомъ, а прошу разрѣшенія вашего—съ моими малыми средствами и тѣми, которыя уже представлены въ мое распоряженіе другими членами начать, отъ имени комитета, раздачу пособій наиболѣе нуждающимся. Смѣю сказать, что никто не сдѣлаетъ этого съ большою любовью. Происходя, какъ вы изволите знать, отъ древнихъ жупановъ (удѣльныхъ князей) этого несчастнаго края, я горячо принимаю къ сердцу постигшія его бѣдствія. Я не принадлежу къ тѣмъ „счастливымъ братьямъ, которые не слышатъ жалобъ, криковъ отчаянія своихъ братьевъ въ неволѣ и несчастіи“. Связь съ страной происхожденія моего рода могла бы скорѣе ослабнуть въ дни ея счастья и благоденствія; теперь она свѣжѣе, тѣснѣе, чѣмъ когда либо. Я былъ бы несказанно счастливъ, еслибъ это начинаніе удалось, еслибъ мои слабыя труды принесли вѣкоторое облегченіе. Во имя нашей святой вѣры, во имя бѣдныхъ страдальцевъ, прошу, благочестивый архипастырѣ, вашего благословенія на немедленное начало дѣла.

Гавриилъ Веселитскій-Божидаровичъ.

— Сербскій митрополитъ Михаилъ отвѣчалъ слѣдующею телеграммой на адресъ парижскаго международного комитета пособій герцеговинцамъ, избравшаго его своимъ президентомъ:—„Международному комитету пособій герцеговинцамъ. Принимаю ваше предложеніе и благословляю ваше намѣреніе. Дѣлайте всевозможное для страждущихъ. Митрополитъ Михаилъ.“

— Изъ Бѣлграда доставлена въ газету „Голось“ копія письма сербскаго митрополита Михаила къ Веселитскому-Божидаровичу, отъ 30 августа, слѣдующаго содержанія:

„Получивъ письмо ваше, отъ 17 (29) августа изъ Парижа, я воскликнулъ: „Слава Богу! наконецъ-то нашимъ братьямъ оказывается хри-

стіанское и челоѣколюбивое сочувствіе въ Европѣ, которая была до сихъ поръ глуха ко всѣмъ раздражающимъ наше сердце воплямъ близкихъ намъ страдальцевъ.

„Вы вѣрно изобразили все, что нужно знать христіанскимъ народамъ о состояніи христіанъ Босніи и Герцеговины, лишенныхъ всѣхъ челоѣческихъ правъ, и даже въ обыкновенное время терпящихъ неописанныя страданія.

„Пора, наконецъ, просвѣщенной Европѣ узнать и принять къ сердцу судьбу жителей этихъ странъ и благодѣтельствовать изъ избытка, дарованнаго ей Богомъ, несчастныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые были принуждены бѣжать на чужбину. Европа удовлетворитъ этимъ чувству челоѣколюбія, влекущему добрыхъ людей дѣлать добро страждущимъ. Спаситель сказалъ: кто дѣлаетъ добро бѣднымъ, дѣлаетъ это Ему Самому.

„Сердечно благодарю васъ, дорогой другъ, за пламенную ревность вашу въ этомъ дѣлѣ, которое благословляю и живо принимаю къ сердцу. Радостно готовый всѣмъ слѣжить ему, я принимаю предложенное мнѣ предсѣдательство въ международномъ комитетѣ благотворительности родному вамъ и мнѣ народу; прошу васъ продолжать съ вашими друзьями дѣлать все, что нужно, строго избѣгая вишательства въ политику и ограничиваясь исключительно дѣломъ челоѣколюбія и милосердія.

„Призывая на васъ и всѣхъ вашихъ, отнынѣ и моихъ, друзей благословіе Господа, остаюсь и т. д.

„Михаилъ, сербскій митрополитъ.“

— Президентъ международнаго комитета вспомошествованія христіанамъ въ Босніи и Герцеговинѣ, сербскій митрополитъ Михаилъ, извѣщая газ. „Голосъ“, что делегатъ комитета, г. Веселитскій-Божидаровичъ, отправился въ настоящее время на пароходѣ по Савѣ, чтобы „ближе ознакомиться съ несчастіемъ боснійскаго народа“, прибавляетъ въ письмѣ изъ Бѣлграда, отъ 10 сентября: Страданія ужасны; не знаемъ, какъ ихъ уменьшить, особенно теперь, когда начинается зима. Бѣдные люди лишены всего, что необходимо для поддержанія тяжелой своей жизни. Не найдете ли возможнымъ пособить горю? Если можно просимъ васъ содѣйствовать доброму дѣлу христіанскаго милосердія. Россія всегда оказывала челоѣколюбіе къ несчастнымъ.“ Какъ бы въ подтвержденіе увѣренности высокопреосвященнаго митрополита, что христіанское милосердіе и челоѣколюбіе составляютъ лучшую черту русскаго характера, въ газ. „Голосъ“ пишутъ изъ Орла о значительномъ фактѣ: „въ воскресенье, 14 сентебря, орловское уѣздное земское собраніе постановило пожертвовать въ пользу пострадавшихъ отъ возстанія герцеговинцевъ 1000 р., отнеся этотъ расходъ на проценты съ свободнаго капитала, принадлежавшаго земству“.

ВОЗЗВАНІЯ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ ВЪ ПОЛЪЗУ ГЕРЦЕГОВИЦЕВЪ.

Въ Моск. Вид. приводятъ переводъ слѣдующихъ воззваній:

1) *Отъ дамскаго комитета въ Рагузъ.* Возстаніе въ сосѣдней Герцеговинѣ заставило огромное число несчастныхъ искать у насъ убѣжища. Изнеможенные старики, слабыя женщины, невинныя дѣти сами ежедневно бѣгутъ къ намъ отъ ужасовъ войны. Изнуренные, оборванные, въ отчаяніи, они скитаются по улицамъ, безмолвно, однимъ взглядомъ, просятъ любви и братскаго сожалѣнія. Съ наступленіемъ зимы ихъ жалкое положеніе сдѣлается невыносимѣе, ибо у нихъ нѣтъ крова, чтобъ укрыться отъ непогоды; нѣтъ плаща, чтобъ прикрыть тѣло; нѣтъ пищи, которая бы поддержала ихъ силы. Предоставимъ умѣнью, мудрости и совѣсти нашихъ мужей употребить всевозможныя средства, по мѣрѣ силъ и возможности, облегчить ихъ будущую участь; мы же, женщины, поспѣшимъ имъ на помощь въ настоящемъ ихъ несчастіи. Голосъ нашъ найдетъ отголосокъ въ сердцѣ каждой матери, каждой дочери и невѣсты. Если Провидѣніе не назначило насъ управлять судьбой людей, то оно обильно вознаградило насъ, даровавъ намъ сладкій удѣлъ облегчать силой любви, милосердія и вслѣскихъ жертвъ людскія страданія. Поэтому нижеподписавшіеся считаютъ долгомъ пригласить всѣхъ къ принатію мѣръ для облегченія несчастнаго положенія бѣглецовъ. Пожертвованія всякаго рода тотчасъ по поступленіи будутъ употреблены по назначенію. Мы надѣемся, что мѣстныя власти одобратъ наше предпріятіе, участники котораго найдутъ себѣ вознагражденіе въ удовлетвореніи собственной совѣсти, въ слезахъ благодарности облагодѣтельствованныхъ несчастныхъ, въ благословеніи Бога, положившаго любовь къ ближнимъ основаніемъ нашей христіанской религіи.

Дубровникъ, 20 августа 1875 года.

Анна Банацъ, Иозе Берса, Тоде Вошковицъ, Драгойла Деджулли, Филе Фабровицъ, графиня Анна Пусичъ, Миле Гаркавацъ, Драгойла Казначичъ, баронесса Иванга Лихтенбергъ, Матильда Сарака, Оре Шаричъ, Криже Сераљи, Луиза Заре.

2) *Отъ черногорскаго комитета.* Сего 3 августа составился здѣсь въ Цетиньѣ комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ герцеговинцевъ, а также съ цѣлью позаботиться объ ихъ семействахъ, которыя перешли нашу границу (въ Черногорію) и будутъ еще переходить. Между тѣмъ возстаніе вспыхнуло и въ Босніи, такъ что и съ этой стороны требуются отъ насъ жертвованія. Поэтому при-

глашаемъ черногорцевъ, сербовъ, славянъ и всѣхъ вообще чело­вѣко­любивцевъ скорѣе и но мѣрѣ силъ помочь, дабы улучшить участь герой­скихъ борцевъ и жалкое положеніе ихъ семействъ. Всѣ пожертвованія благоволятъ присылать въ комитетъ. Цѣль настоящаго воззванія со­стоитъ не въ возбужденіи народнаго воодушевленія, ибо наредѣ по­всюду воодушевленъ и готовъ на всякую жертву. Это намъ пріятно, и было бы дурно еслибы нашъ народъ уклонился отъ своей обязанности въ отношеніи къ страждущимъ, которую не только родственныя и воз­вышенныя чувства, но и чело­вѣко­любіе налагаетъ на каждаго чело­вѣка по отношенію къ страждущимъ. Особенно же въ настоящее время онъ приглашается на благое дѣло, когда сердце каждаго серба возбуждено великимъ національнымъ движеніемъ въ Турціи. Черногорскій народъ всегда готовъ на жертву за свободу своихъ братьевъ и теперь готовъ всѣмъ подѣлиться съ братьями, страдающими подъ игомъ. Въ комитетъ уже присланы заявленія изъ нѣкоторыхъ мѣстъ нашего отечества о готовности народа на всевозможныя жертвованія. Комитетъ надѣется и убѣжденъ, что народъ отзовется на его воззваніе, а также что и близкіе намъ по крови братья не замедлятъ проявить свое сочувствіе, какъ это было въ 1862 году.

Цетиње, августа 8 дня 1875 года.

Члены комитета: митрополитъ Иларіонъ, войвода Машо Вербица, Л. П. Ненадовичъ, протоіерей Стефанъ Капичичъ, инспекторъ народнаго училища Спир. Ковачевичъ, проф. богословія Божо Новаковичъ, редак­торъ Симо Поповичъ.

Архимандритъ сербскаго подворья въ Москвѣ, Савва обращается къ русскому обществу съ слѣдующимъ приглашеніемъ:

Часть православнаго сербскаго народа, намъ единовѣрнаго и едино­кровнаго, вынужденная взяться за оружіе для охраненія своей жизни, вѣры и своего семейства противъ турокъ, въ настоящее время нахо­дится въ самомъ бѣдственномъ и тяжкомъ положеніи. Старцы, жены и дѣти храбрыхъ сподвижниковъ бѣгутъ отъ угрожающей имъ смерти изъ своей собственной земли; плѣнныхъ, взятыхъ въ сраженіи, турки под­вергаютъ истязаніямъ, рубятъ на куски, которые бросаютъ въ лагерь оставшихся. Каждый православный преданъ во власть мусульманина, который имѣетъ право не только отнять у него имущество, но и жизнь. Святые обители, храмы и дома жителей разграблены и многіе изъ нихъ разрушены или сожжены. Кто можетъ носить оружіе — предпочитаетъ смерть жизни; прочіе же спасаются, куда могутъ. Столь великія бѣд­ства народа въ Босніи и Герцеговинѣ возбудили не только между сла­вянами и греками, но и между французами и англичанами живое уча­стіе. Въ Сербіи и Черногоріи, подъ предсѣдательствомъ митрополитовъ,

открыты добровольныя подписки, которыя идутъ усильно. Въ виду столь тяжкаго страданія нашихъ братьевъ, ми, отъ лица православнаго сербскаго народа, обращаемся къ православнымъ русскимъ и усерднѣйше просимъ къ вспоможенію обѣдующимъ, присыламъ въ вѣрѣ, ибо этииъ они, по ученію апостола исполнять христіанскій долгъ.

„Братіе, не ожесточите сердецъ вашихъ, но приложите слухъ ихъ къ стонамъ и воплямъ своимъ несчастныхъ братьевъ, пятое столѣтіе стонущихъ подъ игомъ магометанскимъ. Облегчите безотрадное страданіе семействъ храбрыхъ воиновъ, поднявшихъ оружіе за вѣру православную и свое отечество.

Пожертвованія просятъ адресовать въ Москву, на Сербское подворье, что на Солянкѣ, архимандриту Саввѣ.

Всѣ пожертвованія будутъ немедленно отправляться на мѣсто чрезъ митрополита сербскаго.

Желающіе же могутъ опускать пожертвованія въ кружку, находящуюся у церкви Благовѣщенія, что при подворьѣ, на Солянкѣ.“

Архимандритъ Савва.

БЕЛГІЙСКАЯ ГАЗЕТА О СТАРОКАТОЛИЧЕСТВѢ.

Религіозное движеніе, возникшее въ католическомъ мірѣ со времени ватиканскаго собора подъ именемъ *старокатоличества*, въ настоящее время вступаетъ въ новую фазу. Этотъ новый характеръ придаетъ движенію несравненно болѣе широкое значеніе, чѣмъ прежде, когда оно еще не выходило изъ тѣсныхъ рамокъ обыкновенной религіозно-политической партіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ усугубляетъ интересъ, возбуждаемый имъ въ европейской печати. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ органовъ общественнаго мнѣнія, „*Indépendance Belge*“, даже посвящаетъ этому вопросу особый отдѣлъ подъ знаменательнымъ названіемъ „*Реформа въ католической церкви*“. Хотя эта газета въ началѣ августа мѣсяца сочла долгомъ еще разъ напомнить своимъ читателямъ, что корреспонденціи о реформѣ въ католической церкви доставляются ей съ разныхъ сторонъ, что она придаетъ имъ значеніе только простыхъ извѣстій, а слѣдовательно не отвѣчаетъ за взгляды, въ нихъ приводимые, однако безпристрастное отношеніе къ вопросу, столь глубоко затрогивающему религіозный міръ, и значеніе, придаваемое газетою этому движенію, производятъ сильное впечатлѣніе. Вотъ очеркъ нѣкотораго состоянія старокатоличества, какъ его рисуютъ корреспон-

денты „Indépendance Belge“. „Боннская конференція о воссоединеніи церквей, пишетъ изъ Бонна корреспондентъ этой газеты, въ нынѣшнемъ году открылась при обстоятельствахъ слишкомъ любопытныхъ и важныхъ, чтобы о ней можно было судить непосредственно, прежде чѣмъ ея совѣщанія будутъ закрыты и заключенія изложены въ окончательной формѣ. До тѣхъ же поръ я желалъ бы вернатѣ указать на тѣ особенности, которыя представляетъ старокатолическое или вселенско-христіанское движеніе въ разныхъ странахъ, гдѣ оно существуетъ.

„Старокатолическое движеніе въ Германіи развивается осторожно и медленно. Здѣсь оно прежде всего сосредоточилось на своей организаціи и внѣшнемъ благочиніи, дабы тѣмъ обезпечить правильное дѣйствіе органовъ своего управленія, и эта первая задача была выполнена вождями движенія съ мудростію и благоразуміемъ. Теперь же когда предварительная работа окончена, умы приступили къ самымъ существеннымъ сторонамъ этого преобразованія, къ тому, что касается не только обрядовъ и таинствъ, но даже самыхъ вѣрованій и вѣроученій. Синодъ нынѣшняго года окончилъ свои труды по изданію служебника и катехизиса, такъ что конференція, засѣдающая теперь въ Боннѣ, если не успеетъ представить полного изложенія тѣхъ началъ, на которыхъ долженствуетъ произойти соединеніе христіанскихъ церквей, то по крайней мѣрѣ значительно его подготовить. Я не имѣю намѣренія вдаваться здѣсь въ сужденіе о томъ, дѣйствительно ли способъ, избранный старокатоликами Германіи, есть наилучшій какъ съ политической, такъ и съ религіозной точекъ зрѣнія. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить тотъ фактъ, что шестнадцать церковно-политическихъ законовъ, изданныхъ въ Германіи съ 10-го декабря 1871 по 4-е іюля текущаго года, не способствовали численному увеличенію старокатоликовъ, на что можно было бы первоначально рассчитывать. Численность ихъ безъ сомнѣнія постепенно возрастаетъ, но тѣмъ не менѣе во всей Германіи насчитывается еще только 100 старокатолическихъ приходовъ съ 47,738 прихожанами и 54 священниками. Изъ этого числа на Пруссію приходится лишь 18,755 мірянъ старокатоликовъ, на великое герцогство баденское до 15,000 и на Баварію до 13,000. Вновь присоединившихся къ старокатолицизму въ нынѣшнемъ году было 1,727 мірянъ и 3 священниковъ. Кромѣ того на богословскомъ факультетѣ боннскаго университета числится 11 студентовъ старокатоликовъ. Очевидно, что на основаніи этихъ цифръ невозможно сдѣлать никакихъ прочныхъ выводовъ. Что же касается способа, избраннаго Деллингеромъ въ его попыткѣ къ воссоединенію церквей, то быть можетъ онъ не совсѣмъ удобенъ для достиженія полнаго успѣха. Впрочемъ, со вре-

вони съѣзда 1871 года старокатолики и особенно Деллингеръ уже сильно подвинулись впередъ, а потому очень возможно, что они уйдутъ еще дальше. Желаніе и усердіе къ дѣлу исправляютъ многія ошибки какъ въ способахъ, такъ и въ методѣ.

„Старокатолическое движеніе въ Швейцаріи почти столь же раздѣлено какъ протестантское; въ немъ можно различить четыре преобладающія направленія: бернское, женевское, базельское и ольтенское. Бернское, въ лицѣ своихъ вождей, преслѣдуетъ лишь цѣли политическія, оставляя въ сторонѣ вопросъ о религіозной реформѣ; оно энергически борется противъ ультрамонтанскаго кнѣра, но въ то же время весьма легко мирится съ новымъ духовенствомъ, удовлетворяясь тѣмъ, что это послѣднее отвергаетъ ватиканскій соборъ и подчиняется государственнѣмъ законамъ. Женевское направленіе распадается на двѣ партіи—на лѣвую, или правительственную, и на правую, независимую и даже враждебную государству. Представителемъ этой послѣдней является Лойсонъ, находящій себѣ поддержку въ партіи ортодоксальныхъ протестантовъ, которые по своимъ приѣмамъ и стремленіямъ весьма сходны съ ультрамонтанами. Лойсонъ въ общественномъ мнѣніи сдѣлалъ скорѣе за ультрамонтана, чѣмъ за анти-ультрамонтанскаго преобразователя. Базельское направленіе близко къ женевскому, хотя его послѣдователи, не ограничиваясь порицаніемъ Лойсона, идутъ еще далѣе священниковъ, официально поддерживаемыхъ женевскимъ правительствомъ. 14-го іюня они сдѣлали черезъ священника Ваттериха ольтенскому синоду четыре предложенія о священническомъ облаченіи, о церковномъ языкѣ, о таинствѣ покаянія и о безбрачій. Эти предложенія были сильно оспариваемы однимъ изъ представителей ольтенскаго направленія, деканомъ бернскаго старокатолическаго факультета Фридрихомъ. Восторжествуетъ ли базельское направленіе — это еще вопросъ, потому что хотя профессоръ Фридрихъ и переходитъ изъерна въ Мюнхенъ, однако на мѣсто его поступаетъ секретарь Деллингера, безъ сомнѣнія раздѣляющій взгляды Фридриха. Кромѣ того ольтенскій священникъ Герцогъ, весьма вліятельный въ Швейцаріи, неоднократно заявлялъ, что онъ не отступитъ отъ направленія, даннаго старокатолическому движенію въ Германіи.

„Въ Австріи старокатоличество отказалось отъ излишнихъ радикально-демократическихъ и унитарныхъ стремленій, какія въ немъ обнаруживались въ первое время. Но лишь только оно стало вступать на твердую почву, какъ министръ вѣроисповѣданій постарался преградить путь къ дальнѣйшему его развитію. Несмотря однакоже на такое протѣиводѣйствіе со стороны Штремайера, старокатолики успѣли пріобрѣсти нѣкоторыя выгоды, которыя со временемъ конечно могутъ

лись увеличиться. Присоединеніе гра Кавали къ протестантскому унитаризму воспренятствовало развитію всякихъ зародившей католической реформы въ Венгріи.

„Во Франціи теперь пока еще невозможно никакое народное движеніе въ смыслъ религіозной реформы, потому что законъ возбраняетъ тамъ всякія религіозныя собранія, а бюджетъ духовнаго вѣдомства предназначенъ исключительно для римско-католиковъ. Поставленные въ невозможность организоватья внѣшнимъ образомъ, сторонники преобразования приняли направленіе противоположное тому, которому слѣдуютъ старокатолики въ Германіи, и ведутъ дѣло реформы прямо съ догматической стороны. Если до времени они должны оставаться въ незначительномъ числѣ, то на ихъ сторонѣ не крайней мѣрѣ та выгода, что они уже не могутъ разойтись въ ушамъ вѣри.

„Старокатолическое движеніе въ Италіи по всей вѣроятности давно бы охватило собою страну, потому что почти вездѣ находится большое число мірянъ и низшаго духовенства, для которыхъ стала невыносимъ произволъ и гнетъ со стороны всемогущихъ епископовъ, еслибы они не боялись очутиться между двухъ огней—епископствомъ и правительствомъ. Но недавнее рѣшеніе мантуанской палаты гражданскаго суда должно было сильно ободрить тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ стремились произвести реформу посредствомъ систематическаго введенія избирательнаго начала при замѣщеніи должности приходскаго священника. Въ мантуанскую палату поступила жалоба отъ преосвященнаго Рота и нѣкоторыхъ прихожанъ церкви Санъ-Джованни-дель-Доссо, требовавшихъ изгнанія отца Леонарди, избраннаго въ приходскіе настоятели большинствомъ прихожанъ по правиламъ древней вселенской церкви. Однако палата взглянула на выборы отца Леонарди не съ римской канонической точки зрѣнія и въ рѣшеніи сообразовалась не съ правилами тридентскаго собора, а лишь съ гражданскимъ законодательствомъ. Она отказала въ жалобѣ, признавъ, что выборы были произведены по добровольному соглашенію и правильно, а церковный храмъ составляетъ общественное имущество приходской общины, если не будетъ доказано противнаго. Такое рѣшеніе должно было оказать могущественное вліяніе на распространеніе старокатолицизма въ Италіи. Дѣйствительно, броженіе въ низшемъ духовенствѣ обнаружилось почти непосредственно и до такой степени озаботило Ватиканъ, что тамъ безотлагательно были приняты противъ „схизматиковъ“ самыя суровыя дисциплинарныя мѣры. Папа написалъ даже письмо въ архіепископу неаполитанскому, въ которомъ отлучилъ отъ церкви епископа Панелли, пріѣхавшаго въ Неаполь съ цѣлію организовать движеніе и возобновить попытку создать народное духовенство. Въ сожалѣ-

нію, неаполитанскіе старокатолики поддались на слова Панелли, который вообще не зарекомендовалъ себя ни стойкостью, ни умѣніемъ руководить такимъ религіознымъ движеніемъ, каково неаполитанское. Но вѣроятно здѣсь, какъ и въ Германіи, старокатолики найдутъ средство устранить это неудобство. Прота Джурлео теперь кажется совершенно понаглъ, въ чемъ можетъ заключаться сила преобразовательнаго движенія въ Италіи. Съ одной стороны, онъ постарался заручиться поддержкою со стороны общества освободителей, которое прежде преслѣдовало цѣли политическія, а теперь сосредоточилось главнымъ образомъ на вопросахъ религіозныхъ, а съ другой—вмѣстѣ съ своими сторонниками составилъ уставъ, который, за исключеніемъ нѣсколькихъ двусмысленныхъ статей, проникнутъ чистымъ, безукоризненнымъ, искренно противоричскимъ духомъ христіанскаго ученія. Изъ постановленій западныхъ соборовъ онъ съ своими послѣдователями признаетъ лишь тѣ, которыя согласны съ постановленіями семи вселенскихъ соборовъ, и считаетъ за догматъ только то, что всегда и вездѣ признавалось происходящимъ отъ Христа. Его единственный символъ вѣры— есть символъ никео-константинопольскій, и единственный глава церкви— Христосъ. Этотъ уставъ, почти совершенно одинаковый съ уставомъ парижскихъ старокатоликовъ, можетъ быть одобренъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ еще невыясненныхъ пунктовъ, восточною церковью. Такимъ образомъ воссоединеніе съ нею можно будетъ легко совершить. Вотъ чего опасается всего болѣе римскій дворъ и это доставило неаполитанскимъ старокатоликамъ честь подвергнуться отлученію со стороны Піа IX“.

БОННСКАЯ КОНФЕРЕНЦІА

29 іюля (10 августа) — 4 (16) августа.

I.

Семь дней, проведенныхъ членами второй конференціи въ Боннѣ въ концѣ іюля и началѣ августа сего года, были посвящены главнымъ образомъ разсужденіямъ объ ученіи древней нераздѣленной церкви по важнѣйшему изъ вопросовъ, отдѣляющихъ всѣ западныя вѣроисповѣданія отъ восточной церкви, именно по вопросу объ *исхожденіи Святаго Духа*. Эти разсужденія происходили не столько въ общихъ засѣданіяхъ конференціи, собиравшейся, какъ и въ прошломъ году, въ такъ-

называемой музыкальной залѣ боннскаго университета, и состоявшей, подъ предсѣдательствомъ Деллингера, изъ старокатоликовъ, православныхъ и англо-американцевъ ¹⁾, сколько въ предварительныхъ частныхъ собраніяхъ въ домѣ епископа Рейнхенса, которыя составлялись то изъ старокатоликовъ и православныхъ, то изъ старокатоликовъ и англо-американцевъ, то изъ депутатовъ отъ всѣхъ этихъ трехъ группъ. Само собою разумѣется, что каждая изъ этихъ группъ имѣла и свои частнѣйшія собранія, въ которыхъ участвовали принадлежащіе только одному вѣроисповѣданію. Продолжительныя чтенія церковно-историческаго содержанія, которыми Деллингеръ начиналъ каждое изъ общихъ и нѣкоторыя изъ частныхъ засѣданій конференціи, только отчасти относились къ вопросу объ исхожденіи Св. Духа; преимущественно же они направлены были или къ раскрытію вліянія папальной системы на усиленіе догматическихъ и обрядовыхъ разностей, отличающихъ Западъ отъ Востока, и на бѣдственное церковно-общественное состояніе народовъ, безусловно подчинившихся этой системѣ, напр. въ Польшѣ, Южной Америкѣ, Испаніи, Италіи, Франціи, Австріи, — или на болѣе подробное разъясненіе нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ, затронутыхъ на прошлагодной конференціи, каковы были чтенія: объ ученіи древней церкви относительно молитвъ за умершихъ и о церковныхъ антиміяхъ въ противоположность позднѣйшему западно-римскому ученію о чистилищѣ и индульгенціяхъ; — и о законности англиканскаго священства. Всѣ эти чтенія, отличавшіяся богатствомъ историческаго знанія, ясностію изложенія и одушевленіемъ оратора, до глубины души убѣжденнаго въ гибельности во всѣхъ отношеніяхъ значенія папскаго абсолютизма въ христіанскомъ мірѣ, хотя и выслушивались съ живѣйшимъ интересомъ, какъ выраженія взгляда старокатолическаго вождя на разные явленія церковно-исторической жизни, не представляли однакоже чего-либо существенно новаго для православныхъ слушателей; ихъ содержаніе не возбуждало никакихъ преній и не резюмировалось въ какихъ-либо положеніяхъ, которыя бы конференція должна была обсуждать, принимать или отвергать. Интересъ конференціи, какъ замѣчено выше, былъ сосредоточенъ главнымъ образомъ на вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа.

Въ ожиданіи имѣющаго появиться въ печати, какъ и въ прошломъ году, подробнаго отчета о рѣчахъ и заявленіяхъ членовъ конференціи,

¹⁾ Присутствовали на общихъ засѣданіяхъ конференціи и нѣмецкіе и американскіе протестанты, между прочимъ, профессоръ боннскаго университета Крафтъ и извѣстный историкъ Schaff; но они по вопросу объ исхожденіи Св. Духа не отдѣлялись отъ англо-американцевъ.

занисывавшихся, какъ и тогда, во время самыхъ засѣданій, считаю долгомъ сообщить читателямъ „Церковнаго Вѣстника“ результатъ, къ которому пришла вторая боннская конференція по вопросу объ исхожденіи Св. Духа.

Этотъ результатъ, по моему мнѣнію, можно выразить такъ: старокатолическіе и англо-американскіе богословы, участвовавшіе въ конференціи, вопервыхъ, признали безусловно истиннымъ и обязательнымъ для себя вселенское ученіе объ исхожденіи Св. Духа, какъ оно изложено въ никео-цареградскомъ символѣ, т.-е. *Духъ Святый исходитъ отъ Отца*; богословски-научное раскрытіе этого ученія, или богословскія мнѣнія по этому вопросу они обязались, вовторныхъ, излагать не иначе, какъ только въ духѣ древне-отеческаго ученія нераздѣленной церкви. Этотъ именно смыслъ и имѣютъ слѣдующія четыре положенія, предложенныя къ обсужденію на одномъ изъ первыхъ общихъ засѣданій конференціи:

1) *Мы согласны въ принятіи вселенскихъ символовъ и вприсовѣдатель дравней нераздѣленной церкви.*

2) *Мы согласны въ признаніи того, что прибавленіе Filioque къ символу сдѣлано незаконно съ церковной точки зрѣнія (nicht in kirchlich rechtmässiger Weise erfolgt sei).*

3) *Мы все обязываемся излагать (wir bekennen uns allerseits zur Darstellung) ученіе о Св. Духѣ такъ, какъ оно преподавалось отцами нераздѣленной церкви.*

4) *Мы отвергаемъ всякое представленіе и всякій способъ выраженія, въ которыхъ бы заключалось принятіе двухъ началъ, или духи или аѳѣи въ Троицѣ.*

Къ сему слѣдуетъ прибавить, что епископъ Рейкенсъ заявилъ членамъ конференціи о твердомъ намѣреніи старокатоликовъ, при предстоящемъ изданіи старокатолическаго служебника (Missale), исключить Filioque изъ символа.

Вышеизложенныя четыре положенія приняты были на общемъ собраніи конференціи безъ всякихъ преній.

Но старокатолическіе, равно какъ и англо-американскіе, богословы, не ограничились принятіемъ только этихъ общихъ положеній объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца.

Признавъ ученіе никео-цареградскаго символа вселенскою, неприкосновенною истинною и обязавшись въ раскрытіи этой истины руководствоваться мнѣніями отцовъ древней нераздѣленной церкви, иновѣрные богословы предложили православнымъ теперь же составить болѣе подробныя положенія объ исхожденіи Св. Духа собственными словами или многихъ древнихъ отцовъ, которые спеціально разсуждали объ

томъ предметѣ, хотя и не въ виду, конечно, позднѣйшаго римскаго прибавленія, или одного какого-либо изъ нихъ, и притомъ принадлежащаго восточной церкви; потому что греческіе или вообще восточные св. отцы, какъ неоднократно и совершенно вѣрно заявлялъ Дёллингеръ, были и остаются учителями всего Запада въ вопросахъ богословія, понимаемаго въ тѣсномъ смыслѣ сего слова (т. е. *ученія о Боге*, въ отличіе отъ богословскаго *ученія о человекахъ*), и навсегда останутся судьями западныхъ отцовъ и писателей по этимъ вопросамъ.

Осуществленіе этого предложенія вызвало много разсужденій, протестовъ и наконецъ образованіе комитета изъ нѣсколькихъ членовъ конференціи, избранныхъ отъ лица всѣхъ православныхъ^{*)}, англо-американцевъ и старокаатоликовъ, явившихся на конференцію. Комитетъ пришелъ къ соглашенію въ томъ, чтобы въ 6-ти нижеслѣдующихъ положеніяхъ наложить ученіе объ исхожденіи Св. Духа, какъ богословское раскрытіе этого догмата, собственными словами св. Іоанна Дамаскина. Этотъ святой отецъ набранъ по предложенію старокаатоликовъ, какъ представитель ученія древней церкви объ исхожденіи Св. Духа не только потому, что онъ по времени своей жизни заключаетъ собою рядъ греческихъ св. отцовъ-богослововъ древней нераздѣленной церкви, но и потому, что въ своемъ богословіи онъ представляетъ сокращенный сводъ мнѣній предшествовавшихъ ему греческихъ отцовъ и самъ пользуется авторитетомъ святаго отца и ученаго богослова одинаково какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ.

Въ числѣ изреченій св. Іоанна Дамаскина объ исхожденіи Св. Духа, какъ извѣстно, неоднократно встрѣчаются и такіа, въ которыхъ положительно говорится объ исхожденіи Св. Духа (*ἐκπορεύεται*) чрезъ Сына (4: Υἱοῦ). Это мнѣніе и выраженіе св. отца, внесенное въ 3-е положеніе, православные не считали себя въ правѣ отвергать, не только потому, что оно не отвергнуто и не осуждено вселенскою церковію, но и потому, что говоря объ исхожденіи Св. Духа чрезъ Сына, св. отецъ говоритъ не *о началѣ Его бытія*, которое (начало) онъ положительно относитъ къ одному Отцу (о чемъ говорятъ первыхъ два положенія и буквально приведеныя подъ 3-мъ положеніемъ слова св. отца), а *о явленіи Его* (о чемъ свидѣлствуютъ не только тѣ же слова отца, но и все 4-е положеніе).

При всемъ томъ православными сдѣлано и къ этимъ изреченіямъ св. отца предварительное замѣчаніе о томъ, что самъ св. отецъ долженъ

^{*)} Отъ православныхъ были избраны депутатами въ комитетъ: архіепископъ Скры и Тиноса Ликургъ, профессоръ И. Т. Осининъ, протоіерей І. Л. Янышевъ и прибывшіе изъ Константинополя архимандриты: Вріевній и Анастасіадисъ.

быть толкуемъ не иначе, какъ въ смыслѣ ученія всей древней нераздѣленной церкви, и по прочтеніи этихъ положеній на конференціи, председатель ея заявилъ, что восточные принимаютъ эти положенія условно, не прехищая того сужденія, какое могутъ произнести объ нихъ тѣ помѣстныя православныя церкви, къ которымъ они принадлежатъ.

Вотъ эти положенія:

1) Св. Духъ исходитъ отъ Отца (ἐκ τοῦ Πατρὸς;) какъ изъ начала (ἀρχὴ), причины (αἰτία), источника (πηγή) божества (De recta sententia n. 1. Contra Manich. n. 4).

2) Св. Духъ не исходитъ изъ Сына (ἐκ τοῦ Υἱοῦ), потому что въ Божествѣ только одно начало (ἀρχὴ), одна причина (αἰτία), которою произведено все, что есть въ божествѣ (De fide orthod. 1, 8: ἐκ τοῦ Υἱοῦ δι' τὸ Πνεῦμα οὐ λήρμεν, Πνεῦμα δὲ Υἱοῦ οὐ μαζόμεν).

3) Св. Духъ исходитъ изъ Отца чрезъ Сына (De fide orthod. 1, 12: Τὸ δὲ Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκραντορικῆ τοῦ κυρίου τῆς θεότητος δυνάμεις τοῦ Πατρὸς, ἐκ Πατρὸς μὲν δι' Υἱοῦ ἐκπερευόμεν. Ibidem: Υἱοῦ δὲ Πνεῦμα, οὐχ ὡς ἐξ αὐτοῦ, ἀλλ' ὡς δι' αὐτοῦ ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπερευόμενον с. Manich, n. 5: διὰ τοῦ λόγου αὐτοῦ ἐξ αὐτοῦ τὸ Πνεῦμα αὐτοῦ ἐκπερευόμενον. De hymno Trisag n. 28: Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκ τοῦ Πατρὸς διὰ τοῦ Υἱοῦ καὶ λόγου προίεν).

Ном. in Sabb. s. n. 4: τοῦτ' ἡμῖς ἔστι τὸ λατρευόμενον... Πνεῦμα ἅγιον τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὡς ἐξ αὐτοῦ ἐκπερευόμενον, ἔπειρ καὶ τοῦ Υἱοῦ λέγεται, ὡς δι' αὐτοῦ φανερούμενον καὶ τῆ κτίσει μεταδιδόμενον, ἀλλ' οὐκ ἐξ αὐτοῦ ἔχον τὴν ὑπαρξιν).

4) Св. Духъ есть образъ Сына—образа Отца, исходящій изъ Отца и въ Сынѣ почивающій, какъ проявляющая ³⁾ Его сила (De fide orth. 1, 7: τοῦ Πατρὸς προερχομένην καὶ ἐν τῷ λόγῳ ἀναπαυμένην καὶ αὐτοῦ οὐσαν ἐκραντικὴν δύναμιν. Ibidem 1, 12: Πατὴρ... διὰ λόγου προβλεψὺς ἐκραντορικῶς πνεύματος).

5) Св. Духъ есть личное произведеніе изъ Отца, свойственное Сыну, но не изъ Сына, потому что онъ есть Духъ Усть Божества, извѣщавшій Слово (De hymno Trisag. n. 28: τὸ Πνεῦμα ἐνοπίστατον ἐκπερευμα καὶ πρόημα ἐν Πατρὸς μὲν, Υἱοῦ δὲ, καὶ μὴ ἐξ Υἱοῦ, ὡς Πνεῦμα στόματος Θεοῦ, λόγου ἐξαγγελτικῶν).

6) Св. Духъ образуетъ посредство между Отцемъ и Сыномъ и чрезъ Сына соединенъ съ Отцемъ (De fide orth. 1, 98: μέσον τοῦ συνυῆτου καὶ τρυνητοῦ καὶ δι' Υἱοῦ τῷ Πατρὶ συναπτόμενον).

Долгъ богословской науки выяснитъ и опредѣлитъ смыслъ вышеприведенныхъ мнѣній св. отца, которыя онъ самъ отчасти буквально заимствовалъ изъ предшествовавшихъ ему отцовъ, отчасти составилъ на основаніи ихъ разсужденій. Во всякомъ случаѣ, старокатолики не

³⁾ Als dessen ausstrahlende Kraft; δύναμις ἐκραντικὴ въ другихъ мѣстахъ — ἐκραντορικῆ — via declarans, manifestans. П. I. Я.

только рѣшились исключить *Filioque* изъ вселенскаго символа, они отвергаютъ тотъ смыслъ этого изреченія, по которому *Св. Духъ* будто бы исходитъ не только изъ Отца, но и изъ Сына. Этими они снова доказали готовность и увеличили свои права на общеніе съ восточною церковью.

Если бы вышеприведенныя положенія оказались не препятствующими этому общенію, то не видится болѣе ни одного вопроса, по которому бы старокаатолики существенно расходились съ вѣроученіемъ восточной церкви. Если они, признавая равноправность всѣхъ епископовъ въ христіанской церкви, не отказываются отъ мысли о *нервенствѣ чести* одного изъ нихъ, то не по задней мысли о новомъ будущемъ папствѣ, отъ котораго они однажды навсегда отъязались, а единственно потому, что эта мысль освящена вселенскими соборами, имѣла въ древности и доселѣ въ восточной церкви имѣть практическое примѣненіе, и потому должна подлежать обсужденію. Если они, безусловно признавая авторитетъ древнихъ семи вселенскихъ соборовъ *съ вѣроученіемъ*, доселѣ не выразили своего безусловнаго же подчиненія всѣмъ *каноническимъ постановленіямъ* этихъ соборовъ, то опять потому, что эти постановленія еще въ древней нераздѣленной церкви были не одинаково прилагаемы къ жизни на Востокѣ и Западѣ, да и доселѣ въ самой православной церкви не всѣ и не во всемъ буквально и одинаково осуществляются въ церковной практикѣ. И этотъ вопросъ, по справедливому мнѣнію старокаатоликовъ, долженъ подлежать предварительному тщательному обсужденію, если ихъ общеніе съ восточною православною церковью должно быть вполне сознательнымъ, искреннимъ и прочнымъ. А между тѣмъ они выработали уже и ввели въ свою жизнь свой церковный *уставъ*, которымъ съ точностью опредѣляются взаимныя отношенія клира и мірянъ, устройство приходовъ, составъ и права епархіальныхъ синодо въ, съ епископомъ во главѣ, равно синодальнаго представительства, управляющаго ихъ мѣстною церковію въ промежутокъ времени отъ собранія одного синода или собора до другаго, — и этотъ уставъ, признанный и гражданскими правительствами, они считаютъ согласнымъ именно съ духомъ древнихъ церковныхъ постановленій; составили и печатаютъ свой *катихизисъ, требникъ*, готовятъ къ печати и *служебникъ*, въ которомъ они думаютъ, по крайнему разумѣнію, выразить свою вѣрность духу древней западной церкви, составившей одно съ восточною, и избѣгать тѣхъ нововведеній, которыми западная, собственно папская и въ послѣдствіи іезуитская система окончательно отдѣлила западныхъ христіанъ отъ единенія съ восточною церковью. Во всякомъ случаѣ, они рѣшительно отдають себя на судъ древней нераздѣленной церкви и напередъ готовы безусловно подчиниться ея

приговору. Съ этою, между прочимъ, дѣлю они устрояютъ свои конференціи и потому сердечно радуются участию, какое доселѣ принимали въ нихъ члены восточной церкви.

Это участіе съ особенною силою выразилось во второй боннской конференціи. Кромѣ русскихъ депутатовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія изъ С.-Петербурга: И. Т. Осинина, Т. И. Филиппова, А. А. Кирѣева, висбаденскаго протоіерея Тачалова и меня, и изъ Москвы: М. М. Сухотина,—въ Боннѣ на этотъ разъ прибыли изъ Константинополя два архимандрита — наставникъ высшаго народнаго училища въ Константинополѣ Вріенній ⁴⁾, профессоръ богословскаго училища на островѣ Халки Анастасіадисъ, и діаконъ Вафидисъ; изъ греческаго королевства — архіепископъ Сиріи и Тимоса Ликургъ, профессора аемискаго университета Дамаласъ и Россисъ; изъ Сербіи (Бѣлграда) — архимандритъ Савва; изъ Далмаціи—ректоръ Зарской духовной семинаріи архидіаконъ Милашъ; изъ Македоніи—директоръ учительской семинаріи д-ръ Марулисъ; изъ Румыніи—два епископа взанловскій Мельхиседекъ и живущій на покой въ Букарестѣ Геннадій; изъ Лондона—д-ръ Овербекъ. Всѣмъ намъ православнымъ, изъ которыхъ многіе уже и прежде встрѣчались другъ съ другомъ въ Россіи, на Востоцѣ или въ Германіи, чрезвычайно пріятны были какъ новая взаимная встрѣча или знакомство въ Боннѣ, такъ и общее живое наше участіе въ старокатоликахъ, отдѣленныхъ отъ насъ дѣлою бездною различій въ національныхъ и историческихъ условіяхъ жизни, и однакоже стремящихся къ сближенію съ нами на самой идеальной и въ тоже время самой надежной почвѣ, на почвѣ истинной вѣры въ Бога и въ единую святую соборную и апостольскую церковь. Не разъ мы православные, сами принадлежащіе къ различнымъ національностямъ, всѣ вмѣстѣ собирались не только въ засѣданіяхъ конференціи, но и въ квартирѣ гостепріимнаго преосвященнаго Мельхиседека (который пріѣхалъ въ Боннѣ вмѣстѣ съ епископомъ Геннадіемъ и нѣсколько раньше преосвященнаго архіепископа Ликурга), — и всякій разъ мы чувствовали себя одною родною семьею, въ которой царствовало полное единодушіе и не было ни малѣйшей тѣни того разлада, который будто бы, по словамъ „Times“, замѣченъ въ „Голосѣ“, обнаруживали греки относительно русскихъ. Если гдѣ, то именно на чужбинѣ, необычайно живо чувствуется сила того глубочайшаго, ни чѣмъ не сокрушимаго единенія разныхъ націй и племенъ, которое можетъ создать только единство вѣры.

Православная церковь, какъ истинная церковь, не можетъ не носить

⁴⁾ По только что полученному извѣстію, архимандритъ Вріенній назначенъ на днѣхъ митрополитомъ Серрской (Σερρών) епархіи. *Ред.*

въ себѣ сознанія этой силы вѣры, и потому не должна и не может съ недоуміемъ или равнодушіемъ отворачиваться даже и отъ одного серьезнаго западнаго христіанина, коль скоро онъ, несмотря на тысячи предубѣжденій и на враждебныя чувства, отдѣляющія Западъ отъ Востока, заявляетъ, что онъ не желаетъ безосознательно раздѣлить этикъ предубѣжденій и чувствъ, что онъ самъ отвращается отъ тѣхъ заблужденій и нововведеній, которыми глава западной церкви отдѣлила ее отъ восточной, и въ тоже время старается уловить себѣ тотъ строй церковной жизни и тотъ образъ вѣрованія, какіе были достояніемъ всей древней нераздѣленной церкви. Члены восточной церкви, отиравшаяся на боннскую конференцію, повиновались, безъ сомнѣнія, только влеченію этого духа любви и единенія, живущаго въ истинной Христовой церкви. (*Изъ Церковнаго Вѣстника*).

Протоіерей Іоаннъ Ямышевъ.

II.

Конференція по вопросу о соединеніи церквей, недавно происходившая въ Боннѣ, можетъ быть отнесена къ числу важныхъ событій въ исторіи христіанства. Прошлогодняя конференція была только попыткою и почти не имѣла представительнаго характера. Главными виновниками ея были высоко поставленныя лица изъ членовъ „Общества духовнаго просвѣщенія“ въ Петербургѣ, и изъ восточныхъ церквей только русская имѣла на ней своихъ представителей; исключеніе составлялъ одинъ профессоръ изъ Аеннѣ. Въ нынѣшнемъ же году восточная церковь, какъ заявилъ д-ръ Дѣллингеръ въ своей привѣтственной рѣчи, имѣла представителей въ такомъ большомъ числѣ, какого Западу не приходилось видѣть со временъ флорентинскаго собора. Россія выставила сильный отрядъ способнѣйшихъ и образованнѣйшихъ богослововъ. Представителями историческаго константинопольскаго престола были два архимандрита, которые очевидно самымъ тщательнымъ образомъ приготовились къ всестороннему обсужденію того важнаго вопроса, который въ продолженіе столь многихъ столѣтій раздѣлялъ восточное и западное христіанство. У одного изъ нихъ была книга, въ которой были тщательно выписаны и процитованы всѣ мѣста изъ греческихъ отцовъ, имѣвшія какое-либо отношеніе къ вопросу о двойственномъ исхожденіи. На конференціи присутствовали также представители со стороны Румыніи, Сербіи и Далматин. Тутъ собрались болѣе 20 членовъ восточнаго вѣроисповѣданія, въ числѣ которыхъ былъ одинъ архіепископъ, два епископа, три архимандрита и пять профессоровъ богословія. Старокатолики имѣли также представителей хорошихъ и спо-

собныхъ; были тутъ и англичане, хотя достойно сожалѣнія, что ни одному изъ англиканскихъ епископовъ не удалось посѣтить конференцію. Епископъ винчестерскій былъ бы на конференціи, еслибы позволяло ему состояніе его здоровья, а епископъ линкольскій, которому д-ръ Деллингеръ съ такою любезностію изъавлялъ готовность уступить председательское кресло, былъ удержанъ непредвидѣнными обстоятельствами. Такимъ образомъ епископу гибралтарскому выпалъ жребій быть представителемъ англискаго епископата. Хотя онъ исполнилъ свое дѣло съ великимъ умѣніемъ и тактомъ, все-таки на его присутствіе едва ли можно смотрѣть какъ на достаточное вознагражденіе за отсутствіе всего нашего епископата. Вѣроятно сентябрь мѣсяцъ былъ бы болѣе удобнымъ временемъ для англискихъ churchmen'овъ чѣмъ августъ, а равно удобнымъ былъ бы онъ и для представителей восточной церкви и старокатоликовъ. Во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что обстоятельства сложатся болѣе благоприятнымъ образомъ для того, чтобы слѣдующую конференцію могъ посѣтить болѣе чѣмъ одинъ изъ нашихъ епископовъ.

Еще прежде было извѣстно, что главнымъ, если не единственнымъ вопросомъ конференціи нынѣшняго года будетъ вопросъ о двойственномъ исхожденіи. Богословская сторона была уже почти исчерпана въ истекшемъ году. Всѣ соглашались, что вставка въ символъ *filioque* была незаконною интерпелляціею, но только послѣ жаркихъ споровъ и многихъ сопротивленій со стороны восточныхъ богослововъ они согласились допустить, что *filioque* выражаетъ истинное ученіе ¹⁾. Подобно западнымъ они допускали временное исхожденіе или посланіе Духа Святаго отъ Сына, но они съ рѣшительностію отказались принять какую бы то ни было словесную форму, дававшую возможность подразумѣвать вѣчное исхожденіе отъ Сына. Эта непреклонность со стороны восточныхъ богослововъ, казалось, не предвѣщала ничего добраго на будущее время въ дѣлахъ соглашенія. И однакоже соглашеніе было достигнуто въ такой мѣрѣ, что превзошло самыя горячія ожиданія д-ра Деллингера и что ему можетъ быть суждено залѣчить вѣковую язву. Считаемо не лишнимъ наше сообщеніе о достигнутомъ соглашеніи предварить краткимъ рассказомъ о дѣйствіяхъ, его подготовившихъ. Конференція въ нынѣшнемъ году была назначена на 12 августа, но большая часть представителей восточной церкви собрались двумя днями ранѣе; этотъ промежутокъ времени они употребили на обсужденіе между собою и съ старокатоликами тѣхъ вопросовъ, которые всего болѣе должны были послужить предметомъ обсужденія на предстоящей

¹⁾ Этого восточные богословы не признали и не могли признать, оставаясь вѣрными ученію православной церкви. *Ред.*

конференціи. Представителями восточной церкви въ прошломъ году были все русскіе, за исключеніемъ одного; значить они настолько достаточно ознакомились съ образомъ мыслей другъ друга, что всякія предварительныя разсужденія становились ненужными, однако вслѣдствіе значительнаго стеченія весьма разнообразныхъ представителей восточнаго православія въ нѣкоторомъ году, восточные богословы сочли благоразумнымъ согласиться касательно той постановки дѣла, которую они предполагали сдѣлать на конференціи, особенно же по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Результатъ былъ тотъ, что когда конференція была торжественно открыта, восточные уже подготовлены были къ тому, чтобы въ нѣкоторой мѣрѣ выступить изъ того строгаго положенія, котораго требовало возвращеніе богослововъ прошлаго года, хотя все-таки не представлялось надежды на полное соглашеніе. Д-ръ Деллингеръ заявилъ объ нихъ, что, еслибы достигнуто было соглашеніе по главному вопросу, то они не находятъ ничего такого, что бы могло отдѣлять восточную церковь или отъ старокаатоликовъ или отъ церкви англиканской. Въ продолженіе послѣдняго года они изучили вопросъ объ англиканскомъ священствѣ и пришли къ тому заключенію, что историческія доказательства противъ него были вымышленны. Но есть одинъ пунктъ, относительно котораго они желали бы получить большее разъясненіе. Дѣйствительно ли отрицаетъ англиканская церковь, что рукоположеніе есть таинство? Послѣ совѣщанія между собою англо-американскіе представители отвѣчали, что не соответствовало бы ихъ достоинству разсужденіе о силѣ ихъ посвященія, какъ будто бы это дѣло было спорное. Но они соглашались на то, чтобы д-ръ Деллингеръ изложилъ восточнымъ богословамъ истинное ученіе англиканской церкви объ этомъ вопросѣ. Это онъ исполнилъ въ послѣдній день конференціи и его разъясненіе дѣла, одобренное англо-американскими богословами и признанное удовлетворительнымъ со стороны восточныхъ, состояло въ слѣдующемъ: въ виду злоупотребленій, которыя соединились съ нѣкоторыми изъ меньшихъ таинствъ, богословы англиканской церкви время реформаціи практически, но не догматически, ограничили слово таинство только тѣми двумя, которыя были установлены самимъ Христомъ и были „всеобще необходимы для полученія спасенія“, т. е. необходимы для рода человѣческаго. Но англиканская церковь никогда не отрицала того, что существуютъ другія таинства, которыя восточные богословы обыкновенно обозначаютъ словомъ *mysteria* и между этими *mysteria* они полагаютъ и священство. Замѣчательно, что между восточными богословами, присутствовавшими на конференціи и принявшими это объясненіе, былъ профессоръ Дамаласъ изъ Аѳинъ, восемь лѣтъ тому назадъ издавшій сочиненіе противъ англиканскаго свя-

шенства. Другой вопросъ, относительно котораго восточные жаждали получить разъясненіе, былъ вопросъ объ чистилищѣ; относительно и этого вопроса Дёблингеръ далъ пространное объясненіе въ послѣдній день конференціи. Ученіе восточной церкви въ настоящее время, какъ и всей церкви до времени Григорія Великаго, состоитъ въ томъ, что вообще говоря, состояніе людей умершихъ съ вѣрою есть состояніе свѣта и упокоенія, мира и отдохновенія, состояніе блаженства большаго, чѣмъ какое можетъ дать настоящая жизнь, но меньшаго въ сравненіи съ тѣмъ, которымъ будутъ наслаждаться послѣ воскресенія и послѣдняго суда, когда души праведныхъ будутъ наслаждаться полною блаженнаго лицезрѣнія. Точно также всегда содержимо было вѣрованіе, что души въ нѣкоторомъ среднемъ состояніи могутъ получать пользу отъ молитвъ церкви на землѣ. Господствующее ученіе латинянъ, съ другой стороны, состоитъ въ томъ, что вообще говоря, состояніе умершихъ съ вѣрою есть состояніе мученія въ вещественномъ огнѣ. Церковь, однакоже, благодаря своей системѣ индульгенцій или можетъ облегчать мученія чистилища, или освобождать души заключенныхъ въ немъ и открывать имъ доступъ на небо. Вполнѣ естественно, что папа требуетъ, чтобы его считали владыкою неба, земли и чистилища. "Мы же, сказалъ д-ръ Дёблингеръ, отвергаемъ всякое чисто папское ученіе относительно этого предмета, но мы принимаемъ все то, что содержимо было относительно этого въ нераздѣленной церкви." Восточные представители сопровождали это заявленіе сильными рукоплесканіями.

Теперь мы можемъ возвратиться къ вопросу объ двойственномъ происхожденіи и постараемся сообщить читателямъ все, что было сдѣлано относительно этого вопроса. Конечно, ограниченность мѣста, предоставленнаго намъ, не позволяетъ описать всѣ шаги, которые привели къ окончательному соглашенію. Споры были горячіе, подъ часъ утонченныя и иногда вращались вокругъ понятій, которыя слѣдуетъ соединять съ нѣкоторыми техническими выраженіями и которыя довольно трудно представить неспеціалисту читателю. Западные богословы не разъ имѣли случай удивляться не столько проницательной остротѣ, утонченной игрѣ восточнаго ума, сколько основательной учености, удивительной вѣрности истинѣ, которыя отличали восточныхъ богослововъ. Они сдѣлали заявленіе, въ искренности котораго нельзя было сомнѣваться, что они сердечно желаютъ достигнуть соглашенія съ своими западными братьями. Въ случаяхъ, когда одна за другою формулы оказывались недостаточными, они всегда заявляли готовность разсмотрѣть и обсудить новую. Но при этомъ они всегда давали понять, что при всемъ ихъ стремленіи къ соединенію, они скорѣе согласятся оставить проломъ незадѣланнымъ, чѣмъ подвергнуть опасности одну іоту истины.

Было не мало перемѣнъ при ходѣ разсужденій; надежды, возбуждшіяся было въ сей часъ, разбивались на мелкіе куски поворотомъ спора въ слѣдующій часъ. Но въ продолженіи всего спора ни разу не было сказано какое-либо жесткое выраженіе; большею рѣдкостію было даже легкое выраженіе нетерпѣнія. И восточные и западные одинаково стремились къ тому, чтобы согласиться въ истинѣ, а не въ тому, чтобы добиться побѣды. Были самыя искреннія усилія сгладить разности, но ни разу не обозначилась попытка взять перевѣсъ надъ другимъ. Въ слѣдующихъ резолюціяхъ весьма скоро согласились и восточные и западные: 1) соглашаемся въ принятіи всееленскихъ символовъ и догматическихкихъ опредѣленій нераздѣленной церкви; 2) въ признаніи, что прибавка къ символу *Nicome* была сдѣлана несогласно съ церковными правилами; 3) принимаемъ по всѣмъ сторонамъ то изложеніе ученія о св. Духѣ, которое находится у отцовъ церкви нераздѣленной; 4) отвергаемъ всякое такое изложеніе и всякую такую форму выраженія, которую предполагается допущеніе въ Троичности двухъ началъ, или *archai*, или *entia*.

Все это, однако, составляло не болѣе какъ только разъясненіе основаній къ разсужденіямъ о спорномъ вопросѣ; еще до утра понедѣльника не было достигнуто соглашенія въ отношеніи къ слѣдующимъ шести положеніямъ ¹⁾. Утромъ въ субботу полковникъ Кирѣевъ былъ еще полонъ надежды, что соглашеніе будетъ достигнуто въ продолженіе дня. Вечеромъ онъ уѣхалъ для соединенія въ Парижѣ съ великимъ княземъ Константиномъ, но утреннія надежды уже были въ немъ значительно омрачены. Однакоже утромъ въ воскресенье представители старокатолической и англо-американской стороны оставили шесть слѣдующихъ положеній и предложили ихъ на разсмотрѣніе восточной стороны, которая, по небольшомъ разсмотрѣніи приняла ихъ, за исключеніемъ третьяго. Вечеромъ этого дня д-ръ Лиддонъ долженъ былъ уѣхать разстроенный и разочарованный. Но въ понедѣльникъ утромъ архіепископъ Сиръ сообщилъ, что восточные согласны принять всѣ шесть положеній и что они теперь въ существенномъ согласны. Это сообщеніе было принято всѣми съ выраженіями удовольствія; и д-ръ Деллингеръ сказалъ съ великою торжественностію, что очевидно на ихъ дѣлѣ пребываетъ благословеніе Божіе съ того времени какъ они собрались съ искреннимъ желаніемъ мира въ дѣлѣ истинны, а не съ цѣлію обмана и интриги, чѣмъ отличались прежнія попытки къ соглашенію.

Всякій знакомый съ богословскимъ языкомъ и съ сущностію этого

¹⁾ Эти положенія приведены выше въ отчетѣ протоіерея Яншвева. *Ред.*

продолжительнаго спора съ разу увидить, что означенныя положенія сближаютъ восточное и западное пониманіе этого догмата гораздо болѣе, чѣмъ какъ это было со времени великаго раздѣленія. Положенія говорятъ нѣчто болѣе чѣмъ о временномъ посланіи Святаго Духа отъ Сына. Признавая нераздѣляемымъ свойство Отца, какъ источника начала Божества они допускаютъ, что исхожденіе Святаго Духа отъ Сына есть нѣкоторымъ образомъ исхожденіе вѣчное. Понятное дѣло, что выраженія, употребляемыя въ означенныхъ положеніяхъ „начало“ (origin) „произведеніе“ (production) и подобныя имъ, суть выраженія въ строгомъ смыслѣ техничeskія и должны быть читаемы при свѣтѣ пониманія, даваемого имъ преданіемъ.

Конференцію характеризовали нѣкоторые случаи, которые стоятъ того, чтобы о нихъ упомянуть. Англиканцы были очень удивлены увидѣвши между восточными богословами д-ра Овербека. Можетъ быть не лишнимъ будетъ замѣтить, что о д-рѣ Овербекѣ мѣръ впервые узналъ какъ о горячемъ ультрамонтанскомъ священникѣ. Потому онъ сдѣлался лютераниномъ, затѣмъ — англиканскимъ священникомъ; въ настоящее время онъ является членомъ восточной церкви. Несмотря на всѣ свои теологическія круговращенія онъ однакоже остался вѣренъ окраскѣ своего ультрамонтанскаго воспитанія и въ качествѣ члена православной церкви всю свою энергію употребилъ на то, чтобы съ силою порицать оставленныя имъ общины. Первый признакъ несогласія на конференціи былъ внесенъ имъ и только благодаря такту и твердости д-ра Дѣллингера и благородному примирительному настроенію восточныхъ былъ предотвращенъ разрывъ. На слѣдующій день Овербекъ занялъ свое мѣсто уже не между восточными богословами, а между газетными репортерами. Очевидно, онъ понялъ сдѣланный ему намекъ. Другимъ нарушителемъ спокойствія, но совершенно въ иномъ духѣ и при совершенно иныхъ тенденціяхъ, былъ деканъ Честерскій. Кажется, что нѣкоторые изъ его друзей въ Англіи дѣлали ему выговоръ за согласіе на резолюціи, принятыя прошлагоднею конференціею относительно евхаристической жертвы. Поэтому, въ субботу онъ воспользовался случаемъ, чтобы сдѣлать родъ отреченія на конференціи. Намѣреніе декана было конечно похвальное, но мы несомнѣваемся, что, пораздумавши онъ согласится съ нами, что болѣе удобнымъ мѣстомъ для его объясненій былъ *Record*. Перетолкованіе, которое ему такъ хотѣлось устранить, имѣло важность скорѣе мѣстную, чѣмъ международную.

Прежде чѣмъ покончить съ боннскою конференціею нельзя незамѣтить о способѣ, которымъ обсуждалась она двумя или тремя органами столичной прессы. Одинъ извѣстный германскій богословъ справедливо замѣтилъ, что нѣкоторые изъ главныхъ англійскихъ журналовъ кажется

думаютъ, что чѣмъ болѣе несвѣдущъ человѣкъ въ богословіи и церковной исторіи, тѣмъ способнѣе онъ писать объ этомъ предметѣ. Одинъ англійскій корреспондентъ, напримѣръ, прехладнокровно увѣрялъ англійскую публику, что „Деллингеръ представилъ пространную статью, содержащую извлеченія изъ греческихъ отцовъ, благоприятствующую повидному ученію *объ исхожденіи Сына отъ Духа Святаго*“. Другой, прислушавшись къ разсужденіямъ перваго дня, пришелъ къ важному заключенію, что двойственное исхожденіе (processio) было между восточными и протестантами вопросомъ о религіозной процессіи на Востоцкѣ, подобный вопросу объ оранжистскихъ и ультрамонтанскихъ процессіяхъ въ Ирландіи. Англійскіе издатели, конечно, могутъ мало интересоваться этими предметами, но они лучше бы сберегли свою репутацію, еслибы совсѣмъ воздержались отъ разсужденія о подобныхъ предметахъ, которыхъ они не понимаютъ, чѣмъ дозволить толковать о нихъ писателямъ, которые не обладаютъ даже элементарными свѣдѣніями объ этомъ дѣлѣ. Міръ, говоритъ *Times*, пережилъ уже то время, когда его могъ взволновать споръ изъ за двугласной буквы. Насиѣшка отзывался единственнаго изъ Гиббона и кажется хотеть сказать то, что міръ пережилъ то время, когда онъ былъ достоинъ спорить за истину Христова Божества, ибо отъ этой двугласной буквы зависѣлъ вопросъ о томъ, истинный ли Богъ Христосъ или только твореніе. На самомъ дѣлѣ ли хотѣлъ это сказать писатель статьи въ *Times*'ѣ? Или онъ только хотѣлъ щегольнуть красивою фразою не понимая ея смысла, не разумѣя ея исторіи? Съ удовольствіемъ отворачиваемся отъ этихъ грубыхъ кривляній англійскаго филистинизма, чтобы воздать должную дань уваженія достопочтенному старцу, предсѣдательствовавшему на боннской конференціи. Его такту и учености и удивительному терпѣнію нужно приписать счастливые результаты, достигнутые боннскою конференцію. Мы увѣрены, что изумительное множество адресовъ, которые разсылалъ онъ ежедневно, будетъ опубликовано вмѣстѣ съ дѣйствіями конференціи. Не менѣе удивительна и его физическая энергія. Онъ почти несадился. Свои собственные адреса онъ читалъ стоя, а будучи немного глухъ онъ становился подлѣ каждаго оратора, чтобы не проронить ни одного слова изъ того, что говорилось. И что такой человѣкъ, исполненный учености, краснорѣчія, благочестія и простоты подвергся проклятію церкви, для славы, которой онъ сдѣлалъ столь много, это служитъ знаменательнымъ комментариемъ духа, теперь господствующаго въ Ватиканѣ.

(Изъ *Saturday Review*).

„Конференція старокатоликовъ и представителей церквей восточной и англиканской,—пишетъ берлинскій корреспондентъ газеты „le Nord“,—повидному не произвела большаго впечатлѣнія за границую, но тѣмъ

не менѣе болонскимъ съѣдомъ открылся новый фазисъ противоримскаго движенія, названнаго ватиканскимъ соборомъ. Сначала д-ръ Деллингеръ вмѣстѣ съ другими старокатоликами думалъ отвергнуть лишь послѣднія догматическія нововведенія, въ особенности догматы непогрѣшимости, допуская безъ всякихъ оговорокъ все предшествовавшее догматическое развитіе, котораго вѣнцомъ явились постановленія ватиканскаго собора. Въ такомъ положеніи невозможно было оставаться, особенно тѣмъ, которые стремились къ объединенію различныхъ христіанскихъ церквей. Очевидно, что восточная церковь никогда не приняла бы догматическихъ опредѣленій тридентскаго собора, а англичане не примирились бы съ фракціею католицизма, сохранившею догматы и обряды, бывшіе причиною великаго разрыва въ XVI вѣкѣ. Эти затрудненія теперь отчасти устранены. Д-ръ Деллингеръ формально заявилъ, что тридентскій соборъ не можетъ быть признанъ истинно вселенскимъ соборомъ, и что напское ученіе о чистилищѣ не имѣетъ никакихъ основаній въ преданіяхъ первобытной церкви. Словомъ, старокатолики сдѣлали новый оборотъ, сближающій ихъ съ восточною церковью, но съ тѣмъ вмѣстѣ отнимающій у нихъ послѣдніе шансы на успѣхъ въ средѣ католиковъ, которые, при всемъ ихъ недовольствѣ ученіемъ о напской непогрѣшимости и политической теократіей, не намѣрены однако подвергать пересмотру догматы, которые признавало до 1870 года громадное большинство католиковъ. Быть-можетъ, старокатолики сдѣлаются соединительнымъ звеномъ между восточною церковью и партіею высокоцерковниковъ (high church) въ Англии; что же касается до ихъ пропаганды въ странахъ, остающихся католическими, то они, кажется, должны будутъ ограничиться лишь одною подготовкою къ достиженію со временемъ перемѣны въ религиозныхъ убѣжденіяхъ“.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІА.

Евангелическій обер-кирхенратъ въ Берлинѣ 29 іюня нынѣшняго года исполнилось 25 лѣтъ со времени учрежденія въ Берлинѣ евангелическаго обер-кирхенрата. 1850 года, 29 іюня король Фридрихъ Вильгельмъ IV высочайшимъ указомъ повелѣлъ, „чтобы прѣжнее отдѣленіе министерства духовныхъ дѣлъ по внутреннимъ дѣламъ евангелической церкви на будущее время носило названіе“ евангелическаго обер-кирхенрата“. Въ прѣжнее время высшее завідываніе

церковными дѣлами нѣмецко-французскихъ реформаторовъ и лютеранъ предоставлено было реформатской церковной директоріи, (учрежденной 10 іюля 1713 г.), французской оберъ-консисторіи (учрежд. 26 іюля 1701 года) и лютеранской оберъ-консисторіи (учрежд. 4 октяб. 1750 года). При преобразованіи правительственныхъ мѣстъ, бывшемъ въ 1808 и 1809 г. означенные церковные органы были уничтожены и ихъ обязанности были переданы сначала министерству внутреннихъ дѣлъ, а съ 1817 г. министерству духовныхъ дѣлъ. Но въ 1846 г. по докладу генеральнаго синода высочайшимъ указомъ отъ 26 января была учреждена евангелическая оберъ-консисторія, которая имѣла цѣлю содѣйствовать развитію церковной самостоятельности. Но прежде чѣмъ она вступила въ дѣятельность послѣдовало ея закрытіе министерскимъ циркуляромъ отъ 15 апрѣля 1848 г. Послѣ этого все настойчивѣе стала заявлять себя потребность въ какомъ либо органѣ для самостоятельнаго управленія внутренними церковными дѣлами, который бы могъ замѣнить собою евангелическое отдѣленіе министерства духовныхъ дѣлъ. Какъ уже сказано, высочайшимъ указомъ отъ 29 іюля 1850 г. учрежденъ былъ евангелической оберъ-kirchenratъ для евангелическаго церковнаго управленія. Вѣденію оберъ-kirchenrata вручено было слѣдующее: 1) синоды 2) надзоръ за богослуженіемъ его въ догматическомъ и литургическомъ отношеніяхъ, надзоръ за религиознымъ обученіемъ въ согласіи съ закономъ объ обученіи, изданныхъ 31 января 1850 г. узаконеніе церковныхъ торжествъ, освященіе церквей и дозволеніе употреблять церкви для иныхъ цѣлей; 3) надзоръ за испытаніями на церковныя должности и приготовленіемъ къ церковному служенію, и надзоръ за духовною семинаріею въ Виттембергѣ; 4) разсмотрѣніе прошеній на пастырскія мѣста низшихъ церковныхъ служителей равно какъ и споры о правахъ представительства и выборовъ; 5) надзоръ за посвященіемъ, введеніемъ въ должность и приведеніемъ къ присягѣ духовныхъ лицъ; 6) надзоръ за дисциплиною въ духовенствѣ; 7) разсмотрѣніе вопросовъ о вознагражденіи, о дозволеніи пользоваться частію дохода умершаго пастора, о разрѣшеніи пользоваться доходами въ виду негосударственные средства, распоряженія объ отправленіи вакантной должности викаріями; 8) разсмотрѣніе жалобъ на притязательство или неисполнительность духовныхъ лицъ евангелическаго исповѣданія при неисполненіи обязанностей пастыря, а равно споры о церковной отчетности; 9) утвержденіе въ низшихъ церковныхъ должностяхъ, неимѣющихъ отношенія къ завѣдыванію церковнымъ имуществомъ, когда окажется надобность въ подобныхъ людяхъ; 10) назначеніе церковныхъ диспенсацій; 11) наблюденіе за церковными взысканіями въ предѣлахъ

мѣстнаго права; 12) церковныя визитаціи и обвѣдѣтельствованія архивовъ пасторовъ и суперинтендентовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ оберъ-кирхенратъ пользуется преимуществами высшей инстанціи и правомъ общихъ распоряженій въ согласіи съ существующими законами и постановленіями. Сверхъ того отъ оберъ-кирхенрата зависятъ и только отъ него одного: центральное учрежденіе діакониссъ въ Берлинѣ и монастырь Св. гроба въ Остригницѣ; подъ его же непосредственнымъ надзоромъ, производимымъ впрочемъ совмѣстно съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ; состоитъ придворная церковь въ Берлинѣ и соединенныя съ нею учрежденія. Наконецъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ оберъ-кирхенрату находимъ извѣстное число заграничныхъ евангелическихъ общинъ, частію европейскихъ, частію неевропейскихъ, которыя находятся или подъ покровительствомъ короля, или съ высочайшаго соизволенія присяваны къ прусской мѣстной церкви и подчинены надзору оберъ-кирхенрата по отношенію къ своему богослуженію и дисциплинѣ своего духовенства, или которыя находятся въ иной какой либо связи съ нимъ, въ особенности которыя обращаются къ его посредству при избраніи своихъ духовныхъ лицъ. Этими дѣлами вѣренными его наблюденію, къ числу которыхъ недавно отнесенъ верховный надзоръ за церковными книгами, оберъ-кирхенратъ управляетъ коллегіально подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго королемъ; онъ находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ прочими присутственными мѣстами и непосредственно ниже короля, но компетенція оберъ-кирхенрата не простирается на тѣ мѣстности, которыя впервые только въ 1866 г. соединились съ прусскою монархіею и которыя были присоединены къ ней. Предсѣдателями оберъ-кирхенрата со времени учрежденія его были: Ихтлицъ (1850—65 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ Матисъ (1865—72 г.) а преемникомъ послѣдняго былъ теперешній предсѣдатель д-ръ Германъ назначенный высочайшимъ указомъ отъ 26 октяб. 1872 г. Коллегія состоитъ въ настоящее время, кромѣ президента, изъ оберъ-консистеріальрата д-ра Тилена, оберъ-священника Арміи, ординарнаго профессора богословія—Дорнера; Штана; Гермеса; д-ра Кундлера, генераль-суперинтендента Врукера.

Церковное состояніе евангелическихъ приходовъ въ Берлинѣ въ 1874 году. Недавно явился „статистическій за 1874 г. обзоръ церковнаго состоянія евангелическихъ приходовъ въ Берлинѣ“. Изъ отчета видно, что 48 евангелическихъ приходовъ имѣютъ членовъ 814,509 человекъ, изъ которыхъ 46,368 принадлежатъ къ отдѣльнымъ общинамъ, каковы наур. придворно-приходская община, французская церковь, богемско-лютеранская, богемско-реформатская и военная общины, — 6957 принадлежатъ къ приходамъ

при казенныхъ заведеніяхъ и 761,284 къ приходскимъ общинамъ. Всѣ 48 приходовъ владѣютъ 40 церквами и 23 капеллами, въ которыхъ отправляютъ службу 118 духовныхъ лицъ, включая сюда 25 помощниковъ духовныхъ лицъ. Крещено было 31,024 дѣтей, между ними 27,193 законнорожденныхъ и 3831 незаконнорожденныхъ и между ними 4 подкидыша въ больничной церкви Елизаветинской; конфирмовано 11,502. Вѣнчаній было 8069; число причащающихся простиралось до 98,810. Погребеній было 23,898; между ними съ участіемъ духовенства только 4553, безъ этого содѣйствія 19,345. Сравнивая эти числа съ данными 1873 г. видимъ, что число евангеликовъ хотя возросло (на 17,621 душъ) однако же не въ такой мѣрѣ какъ въ 1873 г., когда это возрастаніе простиралось до 65,614 душъ. Число богослужебныхъ зданій однако же оставалось тоже, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь считается 40 церквей и 23 капеллы вмѣсто 37 церквей и 26 капеллъ прошлаго года; только число духовныхъ лицъ увеличилось на 3 человека, между ними 2 помощника. Въ цѣломъ, значитъ, печальный образъ общепризнаннаго бѣдственнаго состоянія Берлина мало измѣнился. Отъ возрастанія евангеликовъ въ нынѣшнемъ году болѣе всѣхъ выигралъ приходъ Св. Фомы увеличившійся на 5000 душъ, такъ что въ немъ теперь считается не менѣе 85000 душъ. Не смотря на то на службѣ при этомъ приходѣ состоятъ только шесть духовныхъ лицъ и три помощника; приходъ имѣетъ только одну церковь и одну капеллу. Приходъ Св. Креста считаетъ теперь своихъ членовъ до 36,800 человекъ, и однако же онъ имѣетъ только одного пастора и двухъ помощниковъ, а богослужебнымъ мѣстомъ для него служитъ только одна капелла. Столь же многочисленный приходъ Св. Андрея имѣетъ двухъ духовныхъ и одну церковь; точно также и приходъ Сіона, который увеличился на 2000 душъ и общее число членовъ котораго простирается до 42,000. Въ виду этихъ фактовъ становится понятнымъ, что при послѣднемъ собраніи окружнаго синода д-ръ Кегель имѣлъ право сказать. „Я не называю это общинами; это массы расположенныя около церкви и причисленныя къ извѣстному пастору и извѣстному приходскому совѣту, но ни пасторъ, ни приходскій совѣтъ не въ состояніи какъ слѣдуетъ позаботиться о церковныхъ нуждахъ такой общины. Извѣстно, что предложеніе Кегеля клонившееся къ тому, чтобы содѣйствовать раздробленію приходскихъ массъ, было отвергнуто синодомъ „какъ дурно прикрытая оппозиція противъ общиннаго принципа“. При возрастающемъ значеніи Берлина, говорить по этому слушаю „Ev. kirchl. Anz.“, для провинцій и для великой отчизны, при умножающемся ежегодно въ нашемъ городѣ революціонномъ матеріалѣ, при неудержимо-развивающемся развращеніи цѣлыхъ народныхъ массъ въ нашемъ городѣ, нельзя не признать, ка-

кія задачи выпали на долю церкви. Мы можемъ только повторить то, что еще прежде мы называли настоятельнѣйшею потребностію времени, т.-е. что настонтъ нужда во взаимодействіи всѣхъ факторовъ и церкви и государства и городскихъ властей, равно какъ и свободныхъ союзовъ, чтобы по возможности въ скорѣйшемъ времени произвести плесообразную, на опредѣленнѣйшихъ принципахъ утверждающуюся реформу берлинскихъ церковныхъ отношеній. Указанныя выше статистическія свѣденія показываютъ, что на каждую изъ 40 церквей Берлина (о капеллахъ не говоримъ, такъ какъ опытъ показываетъ что онѣ весьма немногими поощряются) приходится 20,362 души; но извѣстно, что въ церкви мѣсто найдется только для 1500—2000 людей; на каждого изъ 118 духовныхъ лицъ, считая въ томъ числѣ и 25 помощниковъ ихъ, приходится 6903 прихожанина. Хотя число причащающихся возросло на 2124 человека, однако же къ общему числу душъ это число относится какъ 12,18%, между тѣмъ какъ въ 1872 г. оно относилось какъ 13,63%. Крещенія законнорожденныхъ дѣтей возросли на 592, напротивъ крещенія незаконнорожденныхъ упали на 332, такъ же общее число постѣднихъ теперь простирается до 12,34% между тѣмъ какъ въ 1873 г. оно составляло 13,6%. Общее число вѣнчаній упало не менѣе какъ на 2979 (1873: 11048; 1874: 8069); это подтверждаетъ мысль, высказанную нами прежде, что вѣнчанія падаютъ въ большей мѣрѣ; чѣмъ крещенія, для поддержанія которыхъ спящими побужденіями еще являются обычные подарки при крещеніи и кофирмаціи. Число вѣнчаній безъ вѣнца возросло на 1243=2,2% и теперь составляетъ 32,4% общаго числа вѣнчаній. Наконецъ и число погребеній безъ духовныхъ упало на 2746=2,86%, такъ что теперь оно простирается до 80,81% общаго числа погребеній, чему причиною служитъ прекращеніе со введеніемъ гражданскихъ метрикъ обычая дѣлать извѣщенія о случаяхъ смерти при церквахъ. Кратко сказать: въ церковномъ состояніи приходскихъ общинъ Берлина въ прошломъ году не только не произошло никакого улучшенія, но оно остается при прогрессивномъ ухудшеніи. Большая часть *церковныхъ кассъ* уже къ 1 апрѣля не въ состояніи были производить положенное содержаніе духовнымъ лицамъ и церковно-служителямъ, да и гдѣ производится оно, это совершается не съ надлежащею скоростію, такъ что по мѣстамъ стали уже обнаруживаться печальныя слѣдствія такого положенія дѣла. Кромѣ того выдача жалованья пѣтуется въ виду только на ближайшіе два года, а въ слѣдующіе затѣмъ министерскій циркуляръ требуетъ соблюденія извѣстныхъ предварительныхъ формальностей, чтобы употребленіе средствъ

необходимыхъ для производства содержанія и для покритія прочихъ нуждъ церковныхъ совершалось съ согласія прихожанъ.

— Католическій конгрессъ въ Пуатье. Дѣятельность его заслуживаетъ вниманія по выражающимся въ ней стремленіямъ современнаго ультрамонтанства. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ, находились многія высокопоставленныя лица судебного сословія, какъ напримѣръ Луи де-Сиссе (братъ военнаго министра), многіе депутаты, въ томъ числѣ Дюташиль, и два англичанина—мордъ Эман (бывшій генераль-почтмейстеромъ при Гладстонѣ) и Зонъ. Въ первомъ засѣданіи депутатъ парижскаго католическаго комитета, Лаллеманъ, внесъ слѣдующія два предложенія: 1) „Всѣ члены конгресса обязываются, при помощи духовныхъ властей, содѣйствовать образованію католическихъ комитетовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не существуетъ. 2) Комитеты должны поддерживать необходимое единство съ основанными ими учрежденіями“. Задача комитетовъ заключается, по заявленію Лаллемана, въ нравственной и матеріальной поддержкѣ папскаго престола, а именно: въ безусловномъ согласіи съ его догматами и въ денежныхъ пожертвованіяхъ; въ борьбѣ съ испорченностію нравовъ, въ религіозномъ воспитаніи юношества и въ христіанскомъ разрѣшеніи соціального вопроса путемъ рабочихъ учрежденій. Послѣ Лаллемана говорилъ архіепископъ Нового-Орлеана, отнесшійся съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣлу „католическаго союза“. Мысль о такомъ учрежденіи явилась ему во время аудіенціи, которую онъ имѣлъ у папы въ 1871 г. Пій IX сказалъ ему: „До настоящаго времени существовало единство вѣры между католиками, отнынѣ же должно установиться между ними единство дѣйствій“. „Сорокъ лѣтъ тому назадъ, продолжалъ архіепископъ, никто не понималъ необходимости распространять по мѣрѣ силъ свою религію и поддерживать солидарность между всѣми людьми, исповѣдующими одну и ту же вѣру. „Интернаціональ“ показала католикамъ, какаѣ сила кроется въ солидарности. Нынѣшнее столѣтіе, которое назовется вѣкомъ Пія IX, должно явиться эпохой торжества церкви, благодаря единству между католиками“. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ обращаютъ на себя вниманіе доклады Гюйо-деСадена и іезуита Самбона. Первый старался доказать, что католики должны составить фалангу, въ которой каждый является солдатомъ, безусловно повинующимся папскому престолу и духовной іерархіи. Второй указывалъ на необходимость новыхъ юридическихъ факультетовъ, основанныхъ на католическихъ началахъ. Вся нынѣшняя учебная система должна быть брошена, въ университетахъ не должно быть преподаваемо ничего, что противорѣчило бы ученію силлабуса; всѣ усилія должны быть направ-

леніи къ согласованію современнаго гражданскаго законодательства съ церковными законами. Конгрессъ единогласно одобрилъ слѣдующія предложенія Самбона: 1) „Учрежденіе въ непродолжительномъ времени возможно большаго числа католическихъ юридическихъ факультетовъ составляетъ предметъ крайней необходимости, и къ осуществленію этой цѣли должны быть направлены всѣ усилія. 2) Слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы во французской юридической наукѣ образовалась школа въ полномъ смыслѣ католическая и безусловно преданная вѣрѣ предписаніямъ церкви и святаго престола. 3) Члены конгресса должны приискывать и указывать въ обитаемой ими мѣстности докторовъ права, способныхъ занять мѣста профессоровъ въ католическихъ юридическихъ факультетахъ“. Далѣе, конгрессъ утвердилъ докладъ о печати іезуита Топена, составленный въ духѣ сыллабуеа. Во время преній по этому докладу, Бодоль, президентъ парижскаго католическаго комитета, выставилъ безразличность основанія новыхъ католическихъ журналовъ, такъ какъ и существующіе не читаются даже членами собственной партіи. Вслѣдствіе этого конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы католическая печать приняла болѣе оживленное направленіе.

— Въ засѣданіи конгресса католическихъ учреждений для рабочихъ, происходившемъ въ Реймсѣ 25 августа, секретарь централизаго комитета, графъ Гастонъ Иверъ, сообщилъ отчетъ о положеніи комитетовъ въ епархіяхъ. Изъ отчета видно, что 88 архіепископовъ и епископовъ учредили въ своихъ епархіяхъ комитеты, для содѣйствія развитію учреждений для рабочихъ и установленію между ними взаимной связи. 40 корреспондентовъ находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральнымъ комитетомъ, который принимаетъ мѣры къ созданію такихъ же учреждений и въ остальныхъ 38 епархіяхъ. Только 10 епарцій не состоятъ въ официальныхъ сношеніяхъ съ „Сюзетомъ“, обнимающимъ собою самія разнообразныя учрежденія для рабочихъ — ремесленныя и фабричныя ассоціаціи, общества попеченія о малолѣтнихъ и сиротахъ и т. д. Кромѣ того, къ „Сюзету“ принадлежатъ многочисленныя мелкія учрежденія, преимущественно въ селахъ, не имѣющія особеннаго значенія, но показывающія, какъ ревностно хлопочетъ сельское духовенство объ интересахъ Ватикана. Число всѣхъ извѣстныхъ католическихъ рабочихъ учреждений, приключившихъ къ „Сюзету“, составляетъ 1127 съ 136,078 членами.

— Французскіе епископы неутомно работаютъ надъ учрежденіемъ католическихъ университетовъ. Архіепископъ тулузскій пожертвовалъ на основаніе университета въ Тулузѣ 200.000 франковъ, а сукфраганъ его епархіи—400.000, такъ что университетъ можетъ быть открытъ къ 1-му ноября нѣкѣшняго года. *Овъ будетъ*

состоятъ изъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ. Другіе французскіе епископы не отстаютъ отъ тулузскаго, и въ 1876 году открываются, вѣроятно, еще два другіе католическіе университета. Епископъ анжерскій, Фреппель, предполагаетъ, по словамъ „*Seine Religieuse*“, воспользоваться слѣдующими средствами для основанія католическаго университета въ Анжерѣ: 1) Основать кафедры, которыя будутъ носить имена своихъ учредителей; существованіе двухъ такихъ кафедръ уже обезпечено и каждая изъ нихъ стоила своему великодушному учредителю 80.000 фр.; 2) открыты подписку на сумму не менѣе 500 фр. и каждое лицо, сдѣлавшее такое пожертвованіе, имѣетъ право на званіе учредителя университета; нѣкоторые лица уже пожертвовали до 60.000 фр., и 3) устроить сборъ пожертвованій во всѣхъ церквяхъ, подъ названіемъ „университетской кассы“. „*Bien Public*“ утверждаетъ, что Фреппель предложилъ различнымъ профессорамъ государственнаго университета перейти въ учреждаемый имъ католическій университетъ, съ вышнимъ содержаніемъ, но профессора единогласно отвергли это предложеніе.

— Пій IX по провозглашеніи догмата Неворочнаго Зачатія увѣковѣчилъ это событіе памятникомъ воздвигнутымъ въ Римѣ на Испанской площади. По провозглашеніи догмата непогрѣшимости, рѣшено было и его увѣковѣчить памятникомъ, для чего тогда же составленъ былъ планъ и назначено мѣсто. Монуменъ этотъ, украшенный мраморомъ и бронзой, уже оконченъ, и по словамъ римскаго корреспондента „*Echo Universel*“, отъ 27 августа, будетъ воздвигнутъ на площади Св. Петра въ Монторіо. Кардиналъ Антонелли въ качествѣ префекта апостольскихъ дворцовъ условится съ правительствомъ относительно необходимыхъ на этотъ предметъ распоряженій и полагаютъ, что открытіе памятника послѣдуетъ въ скоромъ времени.

— Не лишены интереса, пишетъ корреспондентъ „*Кольской Газеты*“, — отношенія, въ которыхъ находятся клерикалы въ Италіи и особенно въ Римѣ къ герцеговинскому восстанію. Въ то время, какъ публично они показываютъ видъ сочувствія къ положенію угнетенныхъ христіанъ, въ глубинѣ души всѣ ихъ симпатіи на сторонѣ ислама. Такая двойственность объясняется весьма просто. Всѣ капиталы католическаго духовенства и ихъ единомышленниковъ затрачивались въ послѣдніе годы на облигаціи турецкихъ займовъ, а государственной ренты собственнаго своего отечества никто изъ нихъ не хотѣлъ приобретать, во первыхъ, потому, что Италія считалась величайшимъ врагомъ Паллы, а вторыхъ, она давала гораздо меньше процентовъ, чѣмъ турецкія облигаціи, которыя притомъ же стоили на биржѣ на 16⁰/₀ ниже итальянскихъ; наконецъ, можетъ быть еще и потому, что, по выраже-

нью одного римскаго прелата, „султаны единственныи государь въ Европѣ, на котораго можетъ положиться его сватѣйшество“. Вся неудовольствія изъ-за армянъ-католиковъ охотно прещались турецкому правительству, пока агенты его исправно уплачивали проценты по купонамъ. И теперь вдругъ все поставлено на карту. Каждая денеша объ успѣхахъ христіанъ и о распространеніи востанія заставляетъ содрогаться католическое духовенство“.

— Въ „Indépendance Belge“ снова появилась статья о *Реформѣ католической Церкви*, написанная ея парижскимъ корреспондентомъ. По его словамъ, большинство католиковъ, дѣятельно занимающихся преобразованиемъ своей церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ трудится и надъ воссоединеніемъ всѣхъ христіанскихъ церквей; они увѣрены, что частное, отдѣльное преобразование никогда не можетъ имѣть общаго значенія; что въ такомъ предпріятіи — согласіе есть существенное условіе успѣха и что лишь одно единеніе можетъ создать достаточныя силы для восторженствованія надъ разсѣянными и разлученными. Съ тѣхъ поръ, какъ мысль о соединеніи христіанскихъ церквей впервые была выдвинута старокатоликами въ 1872 г., возродилась надежда, что благодаря добросовѣстному стремленію и искренности со стороны предельвателей разныхъ вѣроисповѣданій, протестанты, англикане, восточные христіане и старо-католики могутъ соединиться на почвѣ общаго божескаго, а не почвѣ единой объективной вѣры. Англичане, протестанты и старо-католики дѣйствительно дѣлали покровенія и серьезныя уюнія въ этомъ отношеніи, но нѣльзя того же сказать относительно протестантовъ. Судя по рѣчамъ, произнесеннымъ Блумахъ въ 1872 г. на вельскомъ съѣздѣ и Гольцмюхомъ въ сентябрѣ 1873 г. на констанцскомъ, они не обнаруживаютъ въ дѣлу большаго рвенія. Изъ числа протестантовъ, которые участвовали въ первой и второй болонскихъ конференціяхъ, явились на послѣдующіе совѣщанія лишь весьма немногіе и играли на нихъ оцель неманигельную роль; что о нихъ и ихъ участіи едва заходила рѣчь. Во Франціи омытъ сближенія между протестантами и старо-католиками было не болѣе удачно. Совѣщанія 1872 года въ Парижѣ означались тѣмъ, что вмѣсто отдаленной изъ преобразования калыбинности выразили нахвѣреніе наизаать старо-католикамъ свое вѣроученіе. Нѣкоторые лютеране и протестанты конечно съ радостію встрѣтили бы попытку снова завязать омыженія, но калыбинскимъ теперь похищены собственными внутренними расприли и ни о чемъ другомъ не думаютъ. Въ маѣ текущаго года пресвитеріанскія церкви Англій, Шотландіи и Америки пригласили всѣ прочія пресвитеріанскія церкви прислать своихъ уполномоченныхъ на конференцію, которая должна была состояться въ Лондонѣ между 21 и 25 іюля, но постоянная ком-

миссія синода французской реформатской церкви отказалась отъ этого. Впрочемъ, мысль о союзѣ между пресвитеріанскими церквами была сочувственно принята въ 1872 году на большомъ митингѣ въ Филадельфіи, происходившемъ по поводу празднованія 300-лѣтняго юбилея шотландской реформации, и въ 1873 г. на общемъ собраніи представителей пресвитеріанскихъ церквей Соединенныхъ Штатовъ и Ирландіи. Сорокъ восемь церквей, организованныхъ по системѣ пресвитеріанской, чувствуютъ, наравнѣ съ другими, потребность положить предѣлъ гибельному раздѣленію между христіанами. Они желали бы начать это дѣло прежде всего объединеніемъ въ средѣ самыхъ пресвитеріанъ, но эта мысль показалась постоянной комиссіи французской реформатской церкви подозрительною и не нашла въ ней ни малѣйшаго сочувствія.

ВОЗЗВАНІЕ СЕРБСКАГО МИТРОПОЛИТА.

„С.-Петербург. Від.“ получили слѣдующее воззваніе предсѣдателя международнаго комитета состраданія и попеченія о бѣдствующихъ христіанахъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, митрополита сербскаго, пресвященнаго Михаила:

«Православные братья славяне! Въ вамъ уже донеслиа тяжелые стоны и раздрающіе душу вопли роднаго вамъ сербскаго народа въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, стоны и вопли той бѣдной райи, которая нятъсоотъ гѣтъ страдаетъ въ мученіяхъ тѣлеснаго гнета азіатскихъ варваровъ!.. Подобно христіанскимъ мученикамъ временъ азіатскихъ гоненій, этотъ геройскій народъ выносилъ и выноситъ всѣ обиды и несчастія, какія только можетъ выдумать зѣрское своеволие безбожныхъ азіатскихъ угнетателей—Турокъ, желающихъ погнѣбить и уничтожить православный славяно-сербскій народъ на Балканскомъ полуостровѣ!..

„Да позволено будетъ намъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ многихъ фактовъ, несличающихъ варварскихъ дѣяній съ бѣдною райей и тѣмъ воскресить забыта вами, братья русскіе! времена монгольско-татарскаго ига, котораго вы не потеряли и тѣмъ давне избавились отъ многихъ ужасовъ и бѣдъ, заставляющихъ бѣдную райю покидать свою родину, очаги и спасать жизнь свою въ бѣгствѣ. Пени, всевозможныхъ родовъ налоги, довели ее до колнаго нищенства; убійства, долгодѣтняя сенила и каторга въ мрачныхъ подземныхъ тюрьмахъ въ тяжелыхъ кандалахъ, „гдѣ ползають змѣи и скорпионы“; ненасытная страсть варваровъ обезчещиванія женщинъ, матерей и сестеръ бѣдной райи; убіенія невинныхъ грудныхъ дѣтей, или обвариваніе ихъ кипяткомъ, въ

насибіику надъ святѣмъ крещеніемъ—вотъ какія неслыханныя варварства совершаются на глазахъ просвѣщенной Европы въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи.

„Но, о ужасы! Во второй половинѣ XIX столѣтія, наперекоръ христіанской цивилизаціи, наперекоръ человѣческой гуманности—живыхъ людей, привязавъ къ вертелу, жарятъ на огнѣ?! Богъ свидѣтель, все это дѣлають Турки съ бѣдною райей...

„Кажется, безчувственная скала зарыдала бы при видѣ этихъ бѣдъ, несчастій и золь, которыя переносятъ страдальцы-мученики наши братья въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи!...

„Но не то еще переносятъ они въ настоящія минуты, когда съ оружіемъ въ рукахъ—какъ и многократно прежде, хотя, увы! доселѣ безуспѣшно, выведенная крайностью райи защищаетъ свои человѣческія права. Десятки тысячъ нагихъ, голодныхъ женщинъ, дѣтей, безпомощныхъ стариковъ, уходя отъ врага, ищуть защиты и помощи у насъ, въ Сербіи, Черногоріи и у австрійскихъ братьевъ. Что будетъ съ ними?

„Безъ крова и пріюта несчастные скитаются въ лѣсахъ. Наступаетъ зима, холодъ и голодъ, а ни хлѣба, ни денегъ нѣтъ!

„Кромѣ того, каждый день сотни изъ нашихъ лучшихъ сыновъ погибають на рунталахъ дорогой отъчизны и тысячи раненныхъ требуютъ немедленной помощи...

„Родные мамы братья и сестры! Вы счастливо наслаждающіеся драгоценною свободою, вспомните всѣ бѣды, которыя перенесли въ борьбѣ изъ за нея ваши дѣды, воспряните духомъ и услышите призывающій васъ голосъ, полный мольбы, бѣдной гибнущей райи, и во имя славянской національности, во имя единой святой православной церкви, наконецъ, во имя гуманности, братья русскіе! вы не откажетесь подать несильную помощь бѣднымъ, брошеннымъ всѣми на произволъ судьбы, вашимъ братьямъ славянамъ!

„Вспомните слова Спасителя: „Понеже сотвористе единому сикъ братіи Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“ (Мате. 25 г. 40).

Митрополитъ сербскій *Михаилъ*.

Вѣйградъ, 14 сентабря 1875 г.

ПИСЬМА О. ГАГАРИНА И О. СЕККИ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ О ПЕРЕВОДѢ ЕГО КНИГИ НА РУССКІЙ
ЯЗЫКЪ.

Редакція „Православнаго Обозрѣнія“ получила письмо бывшего князя, нынѣ о. іезуита Гагарина на имя своего сотрудника, профессора московской дух. академіи Д. Ф. Голубинскаго по поводу статьи его о вятскомъ переводѣ книги Секки на русскій языкъ (см. „Прав. Обозр.“ майскую и июльскую кн. сего года), и приложенное къ нему письмо о. Секки къ о. Гагарину по тому же поводу. Находя, что оба эти письма не лишены интереса и для нашихъ читателей, мы предлагаемъ имъ первое письмо въ подлинныхъ словахъ, а второе—въ переводѣ съ итальянскаго, которымъ мы обязаны благосклонному содѣйствію профессора московскаго университета К. К. Герца.

Парижъ. 35 rue de Sévres. 1/16 августа 1875.

Милостивый государь!

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я въ майской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ вашу статью о книгѣ о. Секки и о ея вятскомъ переводѣ. Мнѣ чрезвычайно пріятно извѣдать вамъ чувства, возбужденныя во мнѣ чтеніемъ вашей превосходной статьи. Очевидно, вамъ дорога истина, дорога правда, вамъ особенно дороги начала служащая основаніемъ христіанской вѣрѣ. Духъ отрицанія и невѣрія, который здѣсь, около насъ, въ продолженіи полтора столѣтія погубилъ столько душъ и произвелъ столько злодѣяній и бѣдствій, этотъ духъ проникаетъ и къ вамъ, ослабляетъ многихъ и дѣйствуетъ заразительно на многихъ не поддающихся ему совершенно, но сознательно или не сознательно докоряющихся его вліянію. Рѣдко, слишкомъ рѣдко доходятъ до насъ голоса мужественно возстающіе противъ этой умственной заразы. Честь и хвала вамъ, за то, что вы не усумнились прямо выступить въ бой съ этими тѣмными силами.

Но кромѣ того имѣю я другую причину обратиться къ вамъ. Вѣроятно вамъ извѣстно, что преподобный отецъ Секки, также какъ и я, священникъ смщества Іисуса, то есть іезуитъ. По этому я началъ моею обязанностію увѣдомить моего собрата о существованіи и вашей статьи и вятскаго перевода его книги. Онъ на это мнѣ отвѣчалъ и я имѣю честь сообщить вамъ копию съ его письма. О. Секки и я, были бы вамъ очень благодарны, еслибы вы могли такимъ или другимъ способомъ передать публикѣ сущность протеста автора противъ переводчика искажившаго его твореніе.

Пользуюсь симъ случаемъ изъяснить вамъ, милостивый государь, уваженіе въ совершенномъ почтеніи и преданности съ которыми имѣю честь быть.

Вашъ покорный слуга
Иванъ Гагаринъ,
Свяд. Общ. Іерусова.

Препредобному во Христѣ отцу Гагарину.
Римъ 30 іюня 1875 г.

Очень благодаренъ В. П. за сообщеніе о томъ, что книга моя *О единствѣ физическаго снмъ* переведена на русскій языкъ. Слншкомъ большая честь, до которой я право никогда бы не сталъ доходить! Но мнѣ очень не нравится, что опущены тѣ мѣста, въ которыхъ я говорю о Богѣ, и тѣмъ болѣе о томъ сожалѣю, что въ послѣднемъ изданіи 1874 г. нарочью старался отнять вслкій предлогъ у матеріалистовъ, во зло употребившихъ иныя выраженія перваго изданія. Въ этомъ послѣднемъ я даже старался доказать, что въ концѣ концовъ невозможно отодвигать въ безконечность физическія и непосредственныя причины, но необходимо придти къ заключенію о первоначальной причинѣ, и что наука никогда не освобождаетъ отъ этого конечнаго умозаключенія. Это такъ справедливо, что профессоръ изъ Перуджинъ, нѣкто г. Поццо (бывшій варшавскій и священникъ), въ одномъ своемъ обзорѣиіи моего труда не поведу работъ Фуаншьери, нападаетъ на меня именно за то, что я *догматикъ*, какъ онъ говоритъ, и вся моя книга ему кажется сплетенною съ іезуитскою хитростью, для того, чтобъ довести читателя до необходимости сознать высшее Существо, съ которымъ по его взгляду—разрушается всякая наука. Ясно, что онъ намекаетъ на тѣ мѣста моего труда, въ которыхъ я доказываю, что наука отлично соединяется съ положеніемъ о существованіи Бога, свободнаго Создателя и законодателя, въ то же самое время безконечно мудраго, никогда не сотворившаго ничего нелогичнаго, и не послщаго въ себѣ зародыша разрушенія.

Ваме препредобіе видите, что я даже гермусъ критикой г. Поццо, но негодую на вольность русскаго переводчика, который не соблюлъ должную честность, ни даже самую обыкновенную учтивость, перевода книгу я не давал о томъ знать автору. Но поватно изъ того, что пишеть в. п., что у него былъ интересъ скрыть отъ меня свое дурное дѣло.

Пусть в. п. сдѣлаеть изъ моего письма, какое ему угодно употребленіе, зная лучше меня, какимъ образомъ довести мой образъ мыслей до свѣдѣнія какъ переводчика, такъ и того, кто раскрылъ его подлогъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и т. д.

П. А. Сехки S. I.

С Л О В О

ВЪ 20-й ДЕНЬ ПАМЯТИ Н. В. РУКАВИШНИКОВА, ДИРЕКТОРА МОСКОВСКАГО ИСПРАВИТЕЛЬНАГО ПРИЮТА МАЛОЛѢТНИХЪ ГОВОРИТЕЛЬНОЕ ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЦЕРКВИ АВГУСТА 27-го ДНЯ 1875 Г., ПРОТОІЕРЕЕМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ.

Покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего.

Въ двадцатый день по кончинѣ новопреставленнаго раба Божія Николая творимъ молитвенную память о немъ въ томъ храмѣ, подъ осѣненіемъ котораго совершалось и завершилось его образование для жизни, и въ которомъ онъ и во всю послѣдующую жизнь по преимуществу искалъ свѣта и святости душъ своей. *Господи храма, покой сію душу со святыми, въ церкви небесной, и въ наслажденіи быти сподобится неприступнаго Твоего свѣта* (мол. свѣтильн.).

Растворяя сію молитву размысленіемъ, благопотребнымъ для мѣлающихся, естественно спросить: почему счисляются съ особеннымъ вниманіемъ даже дни душъ преставльшихся? Мы сочли двадцать дней: велико ли это время, что въ немъ знаменательнаго?

Правда для скорби присныхъ о почившемъ, даже для знаемыхъ искренно принимающихъ къ ихъ скорби, эти двадцать дней были пережиты нелегко. Дни печали для чувства представляются продолжительнѣйшими, нежели дни радости. Впрочемъ сія *тягота дней*, по милости Божіей, была и облегчаема паче всего ежедневною молитвою о усопшемъ, не мало же еще — почти ежедневными отзывами добраго напутствія ему, приходившими изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ, но какъ бы отъ единыхъ устъ, — отзывами согласной хвалы почившему и особенно извѣстному его подвигу челоуѣколюбія. Не обнулъ скажу: это — не челоуѣческая только хвала; похвала за челоуѣколюбіе — отъ Господа Челоуѣколюбца. Итакъ Божественное утѣшеніе, растворяя скорбь, безъ сомнѣнія, сокращало тяжкую длительность времени.

Но, братія христіане, какъ бы то ни было, не отъ скорби живущихъ о почившемъ зависитъ внутренняя значительность

первыя дни по преставленіи души. Мы считаемъ оныя за Церковію Божию; она первая считаетъ до извѣснаго предѣла дни усопшихъ, и она сама увеличиваетъ ихъ значительность; не конечно, не для того, чтобъ напрасно отягчить кого-либо. Церковь Божія считаетъ съ точностію первые сорокъ дней отъ кончины чадъ своихъ. Двадцатый день есть преполовленіе сей сорокатины. Видно этотъ періодъ, великій для кратковременности земной, великъ и значителенъ для вѣчности отшедшихъ отъ земли. Итакъ надлежитъ измѣрять его не мѣрою только нашихъ чувствъ, не мѣрою только времени, но еще и по преимуществу степеню его внутренней значительности и его отношенію къ вѣчности, отрывающейся для души отшедшей отъ насъ. Но въ вѣчности и *одинъ день яко тысяча лѣтъ*; какъ же значителенъ періодъ сорока дней представляющагося въ вѣчность! Но этотъ періодъ, по ученію церкви, есть еще въ нѣкоторой степени рѣшительный для всей вѣчности; какъ же велика его внутренняя значительность! Что значатъ наши прекодащія скорби, болѣе или менѣе отягчающія для насъ невеликое наше время, что значатъ вообще все совершающееся съ нами во всей этой временной жизни, въ сравненіи съ тѣмъ, что совершается съ душею отшедшаго отъ насъ въ первую сорокатины ея жизни въ вѣчности?

Вотъ почему сама церковь, какъ любвеобильнѣйшая мать считаетъ первую сорокатины отшедшихъ чадъ своихъ, и наблюдаетъ оную, особенно же нѣкоторые дни ея приношеніемъ святѣйшей Жертвы и молитвою за усопшаго. Вхожденіе въ вѣчную жизнь подобно рожденію въ жизнь временную: новорожденное, какъ бы ни было крѣпко, нуждается въ питающей любви и помощи матерней. Возрастаніе въ жизни вѣчной подобно возрастанію въ жизни временной; невозрастное нуждается въ попеченіи, охраненіи и руководствѣ. Молитва церкви питаетъ, охраняетъ, руководитъ представляющагося по преимуществу до его рѣшительнаго возраста; а сей возрастъ объемлетъ именно первую великую сорокатиною отъ дня преставленія.

Итакъ братія—сродники и знаменіи представляющагося, о которомъ творимъ молитвенную память нынѣ, въ сей день преполовенія его сорокатины,—*всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе*; отложивъ помышленіе о себѣ, о нашей потерѣ, о на-

шей скорби, войдемъ истиннѣе въ нисла Св. Церкви о почившемъ. Если можно, усилимъ вашу молитву о немъ, молитву любви, вѣры, утѣшенія. Мы вѣроятно помыслимъ, что онъ не готовый прешелъ въ вѣчную жизнь; но онъ едва преполовилъ мѣру возраста совершеннаго для той жизни, онъ еще въ подвигѣ. Да питаетъ его, да охранитъ его, да руководитъ его молитва церкви до волной мѣры возрастанія и до степени исполненія блаженнаго покоя. *Покой, Господи, душу усопшатаго раба Твоего!*

Дѣти любви почившаго, дѣти его челоуколюбивіи! И выцѣ къ вамъ обращаюсь, какъ обращался при гробѣ вашего благодѣтеля, вашего истиннаго отца. Въ сей день и въ оставшіеся двадцать дней, усерднѣе молитесь о немъ въ простотѣ дѣтскихъ сердець: *Покой, Господи, душу усопшатаго отца нашего раба Твоего Николая.* Упокоившись въ Господѣ, онъ самъ не забудетъ васъ, будетъ молиться за васъ предъ Отцемъ Небеснымъ, и умолитъ Его, чтобъ послалъ вамъ иного благодѣтеля, который былъ бы вамъ также во отца, какъ былъ и есть усонній.

Паки и паки помолимся всаю Церквю: *Покой, Господи, душу нами нами Тебѣ молящуюся. Аминь.*

С Л О В О

ВЪ 40-й ДЕНЬ ПАМЯТИ Н. В. РУКАВИШНИКОВА, ДИРЕКТОРА МОСКОВСКАГО ИСПРАВИТЕЛЬНАГО ПРИЮТА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ МОСКОВСКОМЪ НОВОДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ, СЕНТЯБРЯ 16 ДНЯ 1875 ГОДА ПРОТОІЕРЕЕМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ.

Влаженіи жертви умирающіи о Господи отнынь; ей; многолетъ Душъ, да почютъ отъ трудовъ своихъ; дла бо иже ходятъ въ атоу мѣ. Апост. XIV, 15.

- Исполнилась чтыредсѣтница молитвъ церкви о рабѣ Вѣжнѣмъ Николаѣ умершемъ о Господѣ. Исполнилась и чтыредсѣтница его подвига въ жизни новой, никогда неумирающей. Чтѣ послѣ сего? — Какъ молитвы церкви ижѣли въ виду по преимуществу

этотъ подвигъ души, дабы оказать ей-благотатную помощь; какъ молитва церкви руневодится Духомъ Божиимъ; наконецъ какъ душа сія перешла въ новую жизнь *съ отъръ и благодетей*: то имѣемъ основаніе вѣрить, что *отнынѣ* она уже внусила блаженства, обѣщаннаго умирающимъ о Господѣ, и слуха ея коснулся утѣшительный гласъ Духа Господня — по реченному: *блаженны мертвыи; умирающыи: о Господѣ отпавъ; съ, гласлетъ Духъ, да почиюа отъ трудовъ своихъ*; <довольно они потрудились въ благодѣланіи, и дѣла ихъ идутъ въ слѣдъ за ними, давая имъ блаженство: первая совѣсть>; *да почиюа отъ трудовъ своихъ, дѣла ба ихъ ходять въ слѣдъ ихъ*.

Да, братія; дѣла христіанскаго благочестія, съ вѣрою совершаемыя въ земной жизни, по истинѣ, идутъ въ слѣдъ за нихъ дѣлателямъ и въ жизнь небесную. какъ дѣлающее негибнущее сокровище души, какъ залогъ ея вѣчнаго богатства, вѣчнаго довольства, вѣчнаго спокойствія или покоя, который и составляетъ блаженство души: отшедшей. Пріимлемъ еще надлежитъ важную особенность въ означенномъ выраженіи: *дѣла ихъ ходять въ слѣдъ за ними*. То-есть: *не перестаютъ* восходить за ними. Какъ это?—Такъ, что доброе дѣло никогда не перестаетъ быть дѣйственнымъ, его дѣйствіе не прекращается, но продолжается въ его плодахъ, и сіи плоды также вчинаются первому дѣлательу въ его собственность, какъ вообще плодъ есть своего рода собственности сѣмени. Итакъ дѣла христіанскаго благочестія, съ вѣрою совершаемыя въ земной жизни, непрерывно *ходятъ* въ слѣдъ дѣлателя въ вѣчную жизнь и такимъ образомъ постоянно приумночиваютъ сокровище его души, и слѣдственно приумножаютъ блаженство ея: упокоенія. Не могу удержаться, чтобъ не сказать здѣсь, среди церкви, насколько нужно это для назиданія, — о нѣкоторомъ на сихъ только дняхъ созрѣвшемъ новомъ плодѣ благочестиваго дѣланія почившаго раба Божія Николая. Многогрудное и паче всѣхъ спасительное дѣло *взысканія и спасенія пошибающихъ*, которому была посвящена вся жизнь почившаго, плодоносить и по отшествіи его. Знающіе знаютъ, о чемъ я говорю. Но я спрашиваю, кому принадлежитъ этотъ плодъ — необыкновенное проявленіе дѣтскаго простосердечія и честности, достойнаго удивленія въ семьѣ, набранной изъ погибающихъ?—Восрадуйся, христілюбивая душа, это плодъ изъ вертограда

твоего, онъ восхедитъ къ тебѣ въ приумноженію твоего вѣчнаго покая! Ибо по реченію самнхъ Госнодемъ: *радость бываетъ на небеси о единомъ кающемся* и исправляющемся.

Дѣти любезные сердцу почившаго, о которомъ молился, и за котораго радуемся радостію великою, дѣти благочестивыхъ его заботъ и трудовъ! Продолжайте радовать вашего усопнаго отца, то-есть продолжайте вести себя такъ, какъ онъ училъ васъ. Отъ этого зависитъ и ваше собственное счастье и спасеніе, а онъ и здѣсь только и желалъ что вашего счастья и спасенія; о томъ только заботился — что о нашемъ счастьи и спасеніи; и тамъ въ обители Отца Небеснаго—къ вамъ его желанія и о васъ его молитва. Воздайте взаимностію, почитте отца вашего и благо вамъ будетъ.

Братія — сродники и знаменіи почившаго, и все о Христѣ братія!

Имѣя крѣпкую надежду о блаженномъ упокоеніи невопреоставленнаго раба Божія Николая, широкими душами да творитъ христіанскую память о немъ. *Во благодати уснени сплннхъ приумножающійся покой подавай Госноди рабу твоему и сотвори ему великую память.* Аминь.

Въ сороковой день по кончинѣ Николая Васильевича Рукавишника поминовеніе въ Дѣвичьемъ монастырѣ совершалъ преосвященный Леонидъ епископъ Дмитровскій. На могилѣ собрались члены Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ съ почтенною предсѣдательницей своею А. Н. Стрелаловой во главѣ. Собрало ихъ здѣсь желаніе почитать память незабвеннаго директора основаннаго Обществомъ пріюта. Одинъ изъ присутствовавшихъ, почетный членъ Общества и бывший долгое время его секретаремъ, М. Н. Капустинъ, произнесъ слѣдующее пречувствованное и произведшее глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ слово:

«У этой дорогой намъ могилы вспоминаются заветныя черты неутомимаго труженика, котораго такъ рано лишилось наше Общество. Постараемся возстановить эти черты насколько это возможно подъ впечатлѣніемъ еще свѣжей утраты.

«Мы помнимъ первое вступленіе Николая Васильевича въ наше Общество. Онъ принесть съ собою ту теплоту душевную, которая служить залогомъ силъ въ каждомъ дѣлѣ, какъ бы оно трудно ни было. А ему на долю выпало дѣло въ высшей степени трудное и мовее не только у насъ, но и повсюду: помощь теоріи и опыта весьма слабы въ вопросѣ объ исправленіи, нужно все создавать самому, и притомъ не въ видѣ общихъ неизмѣнннхъ положеній, а въ примѣненіи къ каждому исправляемому.

«Скоро оказалось, что Николай Васильевичъ былъ способенѣе всѣхъ насъ вести порученное ему дѣло. Нравственный подъемъ его съ избыткомъ замѣнялъ знаніе и опытность. Отдавшнсь пріюту безраздѣльно, со всею силой свѣтлой юношеской души своей, онъ легко освоился съ дѣломъ и выработалъ для себя систему исправленія, отвѣчавшую складу его ума и чувства. Онъ вѣрилъ глубоко въ доброе начало, которое есть въ каждомъ человѣкѣ и старался пребудить его силой любви. Предъ этою силой не могло устоять ничто дурное и порочное; согрѣтнн любовью сердца мальчиковъ отелкались на все свѣтлое и прекрасное; они очищались подъ вліяніемъ Николая Васильевича, каждый взглядъ и каждое слово котораго были проникнуты любовью. Кто видѣлъ его въ пріютѣ тотъ невольно испытывалъ всю прелесть почти родственннхъ отношеній связывавннхъ воспитателя и питомцевъ; казалось, здѣсь совершалось общее семейное дѣло съ его общими радостями и общимъ горемъ.

«Выработанная Николаемъ Васильевичемъ система могла быть приводима въ исполненіе только имъ самимъ. Дѣтски чистый и любящій, онъ обладалъ удивительною способностью угадывать особнн свойства каждаго вѣрннаго ему мальчика. Онъ умѣлъ найти въ каждомъ доброе зерно, которое возвращалъ потомъ съ любовью. Въ довѣрчивнхъ дружескнхъ бесѣдахъ съ дѣтьми онъ извучалъ ихъ душевную исторію и въ ней находилъ указаніе какъ нужно дѣйствовать.

«Темннн стороны этой исторіи не приводили его въ отчаяніе, а возбуждали энергію. Чѣмъ болѣе было этихъ сторонъ, тѣмъ труднѣе становилось достиженіе цѣли—открытіе здороваго зерна среди наносннхъ плевелъ, тѣмъ съ болѣею горячностью принимался Николай Васильевичъ за очищеніе и возрожденіе.

«Упорство мальчиковъ огорчало его, но не ослабляло его ус-

лій. И за то какъ свѣтло было у него на душѣ, когда онъ видѣлъ первый проблескъ раскаянія, слышалъ первый голосъ пробуждающейся совѣсти. Труды, заботы, лишения—все забывалось при этомъ желанномъ для него переломѣ въ жизни мальчиговъ.

«Только эту радость видѣли посторонніе. Имъ можно казаться, что Николаю Васильевичу легко далось его дѣло, что въ немъ не было никакого подвига. Скромный до крайности, самъ Николай Васильевичъ избѣгалъ всего, что могло имѣть видъ похвалы или поощренія. Ему самому казалась естественнымъ и легкимъ то, что въ дѣйствительности было необычайнымъ и труднымъ. При жизни покойнаго нужна была осторожность чтобы не оскорбить его выраженіемъ похвалы; теперь мы можемъ съ полною искренностью засвидѣтельствовать, что дѣло его было дѣйствительно подвигомъ. Жить для другихъ, сосредоточить всѣ свои мысли на томъ чтобы просвѣщать, направлять къ добру, приучать къ труду, и какъ вѣнецъ всего утвердить въ сердцѣ неизблемое основаніе вѣры: таково было правило Николая Васильевича, которому онъ слѣдовалъ неутомимо.

«Его подвигъ не можетъ забыться или пройти безслѣдно. Имя Николая Васильевича останется навсегда въ лѣтописяхъ нашего Общества. Если жизнь человека измерять не годами, а количествомъ принесенной имъ пользы, то Николай Васильевича мы должны считать самымъ дѣятельнымъ членомъ Общества.

«Смерть отняла у насъ любимаго наставителя. Но его жизнь и труды останутся для насъ дорогимъ завѣтомъ. Онъ завѣщалъ намъ любовь къ созданному имъ пріюту, въ который положила такъ много души своей. Пріютъ долженъ быть для насъ теперь сто кратъ дороже прежняго: въ немъ хранится великое сокровище, которое мы обязаны блюсти и которое оставлено намъ въ наслѣдство. Николай Васильевичъ завѣщалъ не однимъ намъ, но всѣмъ способнымъ изучаться прихѣромъ—память о своемъ подвигѣ самоотверженія и любви: сочувствіе и дѣятельное участіе такихъ людей служить ободреніемъ нашему Обществу и оправданіемъ тѣхъ задачъ которыя оно себѣ поставило».

Витебска 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 к. Вологды 5 к. Воронежска 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса 10 к. Гродно 11 к. Дербента 16 к. Екатеринодара 10 к. Екатеринослава 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 к. Иркутска 20 к. Казани 9 к. Каліина 15 к. Кадуги 3 к. Каменецъ-Подольска 13 к. Киншинева 15 к. Києва 9 к. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к. Куопіо 11 к. Курска 6 к. Кутайса 16 к. Къльцовъ 14 к. Ломжи 12 к. Люблина 12 к. Минска 8 к. Митавы 11 к. Могилева 6 к. Нижняго-Новгорода 5 к. Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Новочеркаска 11 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петрозаводска 11 к. Петрокова 14 к. Плоцка 14 к. Полтавы 9 к. Пскова 8 к. Радома 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 к. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Петербурга 7 к. Саратова 9 к. Семиналатинска 18 к. Симбирска 9 к. Симферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольск. губ. 14 к. Сувалокъ 12 к. Сѣдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к. Твери 3 к. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска. 18 к. Тулы 3 к. Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харькова 8 к. Херсона 13 к. Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 к. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ВЪ РЕДАКЦІИ „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

I. Размышленія о сущности христіанской вѣры Соч. Гизо. Переводъ *свящ. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

II. Вѣчная жизнь. Публичныя чтенія Э. Навиля. Перев. *свящ. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

III. Публичныя чтенія 1871 года, *профессора протоіеря Н. Сергіевскаго*: О вѣ основныхъ истинахъ Христіанства. М. 1872. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

IV. Сочиненія св. Іустина философа и мученика, изданныя въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свящ. П. Преображенскимъ*. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 р.

V. Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Тагіана, Аѳинагора, Теофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитена Сардійскаго и Минудія Феликса. Изданы въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свящ. П. Преображенскимъ*. М. 1867. Цѣна: 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

VI. Сочиненія св. Иринея Лионскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданы *свящ. П. Преображенскимъ*. М. 1871. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

VII. Вопросъ о злѣ. Публичныя чтенія Эрнеста Навиля. Перев. *свящ. Н. Протопопова*. М. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. сер.

VIII. О Евангелии отъ Маттея. Разборъ и опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. Соч. *священника московской Троицы на Рубатѣ церкви Владиміра Маркова*. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

IX. Рѣчи произнесенныя при выпускѣхъ воспитанниковъ перваго десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища *священникомъ А. М. Ивацковимъ-Платоновимъ*. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

X. Изъ лѣтцій по церковному праву. О. проф. моск. уни-верситета Н. К. Соколова. Вып. I. Введеніе въ церковное право. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПОДПИСКА

на

Православное Обозрѣніе 1875 года продолжается.

Отдѣльныя книжки «Православное Обозрѣніе» за прежніе годы продаются каждая по 50 к., съ перес. по 75 к.

Новые подписчики, не получавшіе въ прошломъ году «Православнаго Обозрѣнія», получаютъ 5 листовъ напечатанныхъ въ немъ лекцій по каноническому праву покойнаго профессора Н. К. Соколова «О составѣ Церковнаго Общества.»

ВЪ РЕДАКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

**Указатель къ „Православному Обозрѣнію“
за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг.
составленный П. А. Ефремовымъ.**

Цѣна „Указателя“: 1) при выискѣ *Православнаго Обозрѣнія* 75 к. съ перес. 1 р. 2) въ отдѣльной продажѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Печатать дозволяется. Октября 3 дня 1875 года.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1875

О К Т Я Б Р Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—СЛОВО ПРИ ОКОНЧАНИИ УЧЕБНАГО КУРСА ВЪ ТОВОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ. Свящ. П. Головина.
- II.—ПСАЛМЫ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ (Псалмы 20—22). М. В. Никольскаго.
- III.—СЛѢДЫ ХРИСТИАНСТВА ВЪ ПОМПЕѢ (СЪ РИСУНКАМИ). К. К. Герца.
- IV.—ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНІЕ О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ КРАЙНОСТЯМИ УЧЕНІЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ. Прот. А. М. Иванцова-Платонова.
- V.—СЛОВО ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВЕННОГО АКТА МОСКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ГИМНАЗИИ ФР. КРЕЙМАНА. Прот. П. А. Сергѣевскаго.
- VI.—О. И. ТЮТЧЕВЪ И ЕГО СТАТЬЯ: „Римскій вопросъ и дѣтство“. И. С. Аксакова.
- VII.—КЪ ВОПРОСУ О ПОЗИТИВИЗМѢ. М. И. Каринскаго.
- VIII.—СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: по поводу циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія отъ 24 ма и.
- IX.—ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: Отчетъ приходскаго попечительства о бѣдныхъ при московской Смоленской на Арбатѣ церкви. — Отчетъ о Саратовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Заграничныя извѣстія. — Протоіерей А. В. Горскій †. — Отъ славянскаго комитета.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- X.—НИИЯ ИСТОРИЯ СВЯТОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ—ПАТРИАРХАТЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ: глава VII—IX. Объявленіе объ изданіи „Православнаго Обозрѣнія“ въ БУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ.
(См. на оборотѣ).

МОСКВА.

Digitized by Google

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (Катковъ и Ко)
на Страстномъ бульварѣ

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ.

«Православное Обозрѣніе» будетъ продолжаться въ слѣдующемъ 1876 году, оставаясь вѣрнымъ прежней своей программѣ, характеру и направленію, которое достаточно выяснилось читателямъ, какъ въ продолженіи прошлыхъ лѣтъ его существованія, такъ и въ настоящемъ году, когда оно перешло подъ редакцію *святи. П. Преображенскаго*.

Въ 1876 году «Православное Обозрѣніе» будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 р. 50 к. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 р. с. Подписная цѣна съ «Указателемъ» за одиннадцать лѣтъ 8 р. с.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, при церкви Феодора Студита у Никитскихъ воротъ, домъ святи. П. Преображенскаго,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Полные экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869—по 3 руб. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874—по 5 руб. безъ пересылки, а за четырнадцать лѣтъ 1861—1874—сорокъ пять рублей. Цѣна Указателя къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., безъ пересылки 75 к., съ пересылкой 1 р. Выписывающее «Православное Обозрѣніе» за всѣ прежніе годы получаютъ Указатель бесплатно. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 14 лѣтъ съ Указателемъ—за 100 фунтовъ—по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылокъ съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмолль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахань 15 к.
Баку 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к.

С Л О В О

ПРИ ОКОНЧАНИИ УЧЕБНАГО КУРСА ВЪ ТОБОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ *).

*Ты же пребывай, въ нѣхъ же наученъ
еси, и яже вътрена суть тебѣ, вѣдый
отъ кою научился еси (2 Тим. 3, 14).*

Такъ писалъ св. апостоль Павелъ въ посланіи къ возлюбленному о Христвѣ ученику своему Тимоѳею, поставленному отъ него епископомъ въ мало-азійскомъ городѣ Ефесѣ. Св. Тимоѳей вуждался въ мудрыхъ совѣтахъ своего великаго учителя, ибо былъ довольно молодыхъ лѣтъ и положеніе его на новомъ поприщѣ по справедливости представлялось ему многотруднымъ. На смиренное сознаніе Тимоѳеемъ своего недостатка апостоль Павелъ долженъ былъ отвѣчать ему словами ободренія и утѣшенія, и преподавая совѣты стойкаго и успѣшнаго дѣйствованія на пользу церкви ефесской, писалъ между прочимъ, чтобы среди своей дѣятельности онъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ тому ученію, которое преподано ему, и всегда памятовалъ бы своего учителя-апостола, неоднократно имѣвшаго случай на самомъ дѣлѣ доказывать искренно-

*) Произнесено 15 Іюля 1875 г. законоучителемъ гимназіи магистромъ свѣщ. П. Головининымъ.

ность своихъ убѣжденій и полную преданность Иисусу Христу и Его ученію.

Что въ свое время ап. Павелъ писалъ св. Тимоѳею, то имѣетъ свое значеніе и въ приложеніи къ вамъ, юные питомцы науки, преимущественно къ тѣмъ изъ васъ, которые нынѣшнимъ днемъ завершаютъ свое образованіе въ здѣшнемъ питомникѣ наукъ. Молодые, въ первый разъ вступающіе въ жизнь, для васъ еще новую и во многихъ отношеніяхъ неизвѣстную, гдѣ однако вамъ предстоитъ дѣйствовать болѣе самостоятельно по собственному самоопредѣленію, вы нуждаетесь въ словѣ ободренія, утѣшенія и наставленія. Слова ап. Павла да послужатъ исходнымъ пунктомъ и нашего наставленія.

Ты же пребывай, говорятъ апостолъ, въ нихъ же наученъ еси, и яже вѣрjena суть тебѣ, вѣдый, отъ кого научился еси. Иначе сказать, прилагая сказанное апостоломъ къ вамъ, благовоспитанные юноши: оставляя то заведеніе, въ которомъ до сего времени вы воспитывались, будьте вѣрны ученію, преподанному вамъ, и образованію, усвоенному вами, съ благодарностію вспоминая о тѣхъ лицахъ, которыя потрудились въ дѣлѣ вашего наученія и образованія.

Всѣ разнообразныя науки, которыя вы изучали въ теченіе пройденнаго вами курса, служили ближайшимъ образомъ къ обогащенію вашего ума познаніями. Но этимъ не исчерпывается полученное вами образованіе. За изученіемъ вами тѣхъ или другихъ наукъ лежало нѣчто дальнѣйшее и болѣе главное: это—желаніе образовать изъ васъ самостоятельныя личности съ опредѣленнымъ характеромъ, которыя были бы въ жизни и дѣятельности своей Богу на славу, родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу. Сводя во едино тѣ начала, на которыхъ основывалось полученное вами образованіе, должно сказать, что воспитавшіе васъ старались вкоренить и развить въ васъ начала христіанской вѣры и нравственности и чувство гражданскаго долга. Эдѣхъ-то началъ вы и должны отнынѣ неизмѣнно держаться. Будете ли вы

теперь же самостоятельными гражданами нашего отечества или пожелаете еще продолжать свое образование въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — въ томъ и другомъ случаѣ усвоенное вами направленіе, основныя начала полученнаго вами образованія вы никогда не должны упускать изъ виду, напротивъ еще болѣе должны укрѣплять и развивать ихъ въ себѣ.

И прежде всего вы должны неизмѣнно держаться, укрѣплять и развивать въ себѣ чувства христіанской вѣры и нравственности. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, что за послѣднее время не въ рѣдкость встрѣтить людей, дерзающихъ ниспровергать самыя основы религій. Предохранить васъ отъ вліянія этихъ людей и желательно отъ всей души. Не время выяснять здѣсь историческое происхожденіе противохристіанскаго направленія въ нѣкоторой части современнаго общества. Спросимъ и скажемъ объ одномъ: къ чему стремится современное противохристіанское направленіе? какаа его цѣль? Повидимому, ниспровергнуть всякій авторитетъ; на самомъ же дѣлѣ не иная, какъ замѣнить авторитетъ божественный авторитетомъ человѣческимъ. Если такъ, то какихъ благъ достигаетъ отъ сего современное человѣчество? По истинѣ — никакныхъ: одинъ авторитетъ замѣняется другимъ, болѣе и совершеннѣйшій уступаетъ мѣсто низшему и ограниченному. И мы видимъ, что отрицающіе христіанскаго Бога, какъ древній израиль, вмѣсто Іеговы, поклоняются Ваалу и золотому тельцу; вмѣсто Бога вѣчнаго, создаютъ себѣ идоловъ изъ среды жившихъ людей, которыхъ то возводятъ на пьедесталъ, то низводятъ съ него, — и что ни годъ и день, то и новый идолъ, предъ которымъ они преклоняютъ колѣна и воскуряютъ еиміамъ до собственнаго одуренія. Та ли это религія, которая не потворствуетъ страстямъ людей, которая не даетъ человѣку опуститься въ бездну чувственности и разврата? И какіе плоды водительства этимъ новымъ родомъ идолослуженія? Не иные, какъ низращеніе коренныхъ началъ жизни частной, семейной и общественной, грубость нравовъ и интересовъ людскихъ. Напрасно говорятъ при этомъ, что хри-

стіанство задерживаетъ умственное развитіе челоѣчества, не даетъ простора научнымъ изслѣдованіямъ, которыя, будто бы, идутъ въ разрѣзъ съ библейскимъ ученіемъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что эта задержка вытекаетъ изъ современной религіи самообожанія. А что касается христіанства, то не Господь ли нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ своимъ послѣдователямъ: *будьте совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѣ. 5, 48). Что можетъ быть выше этого побужденія къ усовершенности челоѣка? Относительно же случаевъ кажущагося несогласія выводовъ современнаго естествознанія съ ученіемъ библейскимъ должно сказать, что такихъ непримиримыхъ мѣстъ въ Библии нѣтъ; по крайней мѣрѣ на всѣ возраженія, такъ-называемой, библейско-отрицательной критики и противохристіанскихъ возражателей доселѣ давались богословами отвѣты съ удовлетворительными доводами и опроверженіями. Къ тому же надобно знать, что христіанство не есть научная система и что современному естествознанію, выдающему себя за непогрѣшимую науку, преждевременно еще свои частные выводы прилагать къ истинѣ Христовой и ко всему библейскому ученію, которое имѣетъ полное свое оправданіе въ будущихъ судьбахъ челоѣчества. Пусть наука сдѣлаетъ окончательные выводы и скажетъ послѣднее свое слово; тогда можно будетъ свѣрять съ нею и Слово Бога Вѣчнаго. А до того времени, еслибы частныя несогласія науки съ Библиею были, то для вѣрующаго челоѣка они не могутъ имѣть значенія. Истинный христіанинъ вполне увѣренъ, что наука въ окончательныхъ своихъ изслѣдованіяхъ отнюдь не можетъ дать выводовъ, противоположныхъ ученію библейскому, ибо онъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ словъ Спасителя: *преидетъ небо и земля, іота едина или едина черта не преидетъ отъ закона, дондеже вся будутъ* (Мѣ. 5, 18). Но—будемъ смотреть пока на христіанство въ его настоящемъ значеніи для челоѣчества, цѣнить его по тому вліянію, какое оно оказываетъ на жизнь, по той пользѣ, которую оно приноситъ че-

ловѣку. Что мы при этомъ усматриваемъ? То, что христіанское ученіе пледетворитъ всякаго другаго, выдуманнаго и приложеннаго къ жизни за послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ возбуждать болѣе энергіи и стремленія къ усовершенствованію человѣка и предохранять его отъ грубыхъ увлеченій въ жизни: ученіе ли Іисуса Христа о человѣкѣ, увѣряющее въ его божественномъ происхожденіи или ученіе современныхъ естествовѣдцовъ, стремящихся, во что бы ни стало, доказать, что человѣкъ имѣетъ родоначальникомъ своимъ орангутанга? На этотъ вопросъ отвѣчать уклончиво можетъ только человѣкъ, добровольно завязывающій себѣ глаза предъ очевидною истиною. Да и вообще сказать, есть ли и было ли ученіе, болѣе вліяющее на нравственный ростъ человѣчества, кромѣ христіанскаго ученія? Какіе народы стоятъ въ исторіи выше по всестороннему своему развитію? Не христіанскіе ли? И этого развитія они достигли, хотя еще, нося имя христіанъ, не вполне усвоили сердцемъ и приложили къ жизни свасительное ученіе Христа. Зачѣмъ христіанскіе народы доселѣ не оставляютъ личныхъ своихъ страстей и неразучатся, по выраженію пророка, *ратоватися* (Ис. 2, 4)? Зачѣмъ до сего времени не расковали они своихъ мечей на орала и кошии на серпы, напротивъ годъ отъ году увеличиваютъ число смертоубійственныхъ орудій? Зачѣмъ не стремятся они къ тому возделънному миру, который воспѣтъ былъ св. небожителемъ при рожденіи Спасителя міра? А сколько бы благъ могло уже достичьъ человѣчество, если бы осуществило въ жизни спасительныя истины Христа. И не удивительно видѣть въ христіанствѣ высокое вліяніе на жизньъ человѣчества. Кто изъ современныхъ моралистовъ высказалъ, что-нибудь новое, чего давно уже не было бы извѣстно не только міру христіанскому, но еще еврейскому народу? Укажите въ современной ученій естествовѣдцовъ идеальнѣе нравственнаго человѣка, равный тому, какой рисуется намъ ветхозавѣтный богодуховенный пивецъ. Давидъ, «Господи!» восклицаетъ онъ, кто можетъ обитать на святой горѣ Твоей;

или кто можетъ пребывать въ жилищѣ Твоемъ? Тотъ, кто ходитъ непорочно, и дѣлаетъ правду; кто говоритъ истину, и не клеветаетъ языкомъ своимъ; кто не дѣлаетъ испривному своему злу, и не принимаетъ поощенія на ближняго своего; кто клянется хотя бы злему, и не измѣняетъ; кто серебра своего не отдастъ въ ростъ, и не принимаетъ даровъ противъ невиннаго» (Пс. 14). Если христіанинъ и на половину осуществить въ жизни своей этотъ высокій нравственный идеалъ, невѣстный міру еще за 1000 лѣтъ до Р. Х.; то, думаемъ, онъ отнюдь не будетъ ниже человека современной нравственности, опредѣляющаго свою дѣятельность и свои отношенія къ ближнему побужденіями, такъ-называемаго на современномъ языкѣ, «благороднаго эгоизма», при чемъ другіе люди—ближніе его цѣнятся ими на столько, на сколько они необходимы только для его собственнаго благосостоянія. Такимъ образомъ, если христіанство отнюдь не ставитъ человека ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи ниже, чѣмъ онъ можетъ быть при руководствѣ началами современной науки; то къ чему и унижать христіанство, и не только унижать, но и дерзать испровергать его, какъ это не въ рѣдкость встрѣтить нынѣ? Нѣтъ, юные питомцы науки не стыдитесь носить имя христіанъ, и не только носить, но и открыто исповѣдывать св. ученіе Господа нашего Іисуса Христа. Знайте, что для васъ нѣтъ и не можетъ быть выше и благотворнѣе началъ христіанской вѣры и нравственности, въ которыхъ вы воспитаны и которыми посему вы должны дорожить, не отъзываясь отъ водительства ими въ жизни. Тѣмъ болѣе вы должны дорожить началами христіанской вѣры и нравственности, что христіанская вѣра есть отеческое наше достояніе, подлѣ ея въ теченіе вѣковъ собиралась, крѣпла и возмалачивалась Россія, самостоятельными гражданами которой вы и должны будете слагаться.

Конечно, такъ, мы ни въ чемъ въ виду дать вамъ другой совѣтъ, не только предьмудраго, но и необходимого для васъ, именно: вы не должны извѣщать гражданскому чувству долга, палочко-

ному также въ основаніе вашего образованія. Въ нынѣшнее время нешло много непривычныхъ учителей, которые увлекались духомъ времени, желали бы все перестроить въ Россіи на свой ладъ. Лица эти—самозванные печальники русскаго народа, впрочемъ совершенно не признаваемые этимъ народомъ, который не понимаетъ ихъ и въ нѣрѣдкихъ случаяхъ признаетъ ихъ прямо душевно больными. Таковыми учителями печальниками нѣрѣдко проповѣдуются блестящія и заманчивыя ученія характера социалистическаго или коммунистическаго ¹⁾, которыми и увлекаются молодые и неопытные люди, только что почувствовавшіе себя самостоятельными и свободными по выходѣ изъ стѣнъ тѣхъ или другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Нѣрѣдко подпольный способъ ученія приковываетъ вниманіе сихъ послѣднихъ, а новизна ученія вполне овладѣваетъ этимъ вниманіемъ. Бывали случаи, что таковыми учителями молодые и неопытные люди увлекаемы были въ свои стѣны не во имя сознанія истинности своего дѣла, а для прикрытія своихъ собственныхъ интересовъ и выгодъ. При этомъ рѣшившіеся быть орудіемъ просвѣщенія молодежи, въ достиженіи поставленныхъ ими для себя цѣлей, не пренебрегали никакими средствами, подъ часъ крайне грязными и низкими ²⁾, чѣмъ уже доказывали всю нравственную несостоятельность проповѣдуемаго ими ученія. И кто сіи проповѣдники? кто сіи ревнители блага народнаго? Не тѣ ли, которые, потерпѣвъ различныя неудачи среди своего народа, отказались отъ жизни среди его, или—не бывъ никогда членами общества, въ полномъ отрѣшеніи отъ жизни, создаютъ несбыточные планы, съ цѣлію переустройства жизни общественной, мало сего—даже и государственной? Что сказать о такихъ проповѣдникахъ и ревнителяхъ блага

¹⁾ См. циркул. мин. нар. просв. на имя попечителей учебн. округовъ отъ 24 мая 1875 г.

²⁾ См. тотъ же циркул. мин. нар. просв.,

народнаго? То, что они или враги своего народа, или слишкомъ недалновидны и односторонни по уму и дѣтски-паньвы по чувству. Во всякомъ случаѣ, ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи они недостойны быть нашими руководителями. И что ихъ ученіе? зиждется оно большею частію на началахъ, чуждыхъ русской народной жизни или отрывочно взято бываетъ изъ жизни другихъ народовъ. О достоинствѣ перваго рода ученія не приходится много говорить, ибо доброе дѣло и ученіе узнается прежде всего по плодамъ своимъ. Извѣстная парижская коммуна 1870 г. наглядно доказала, чего можно ожидать отъ подобныхъ ей общинъ, устроаемыхъ во имя братства и равенства. Но и второе, т.-е. исключительное стремленіе ко всему иностранному, не можетъ быть одобрено, ибо это стремленіе вытекаетъ изъ ложнаго предразсудка, что нельзя же намъ отставать въ своемъ развитіи отъ такъ - называемыхъ образованныхъ народовъ. То правда, что международныя отношенія необходимо должны имѣть вліяніе на насъ русскихъ и, входя въ общую семью европейскихъ народовъ, мы должны глубоко проникаться интересами народно-европейской семьи и даже не чуждаться жизни европейскихъ народовъ. Но при этомъ намъ не слѣдуетъ забывать, что у каждаго народа есть своя частныя задачи, выработанныя исторіею, что народъ главнымъ образомъ подпадаетъ вліянію другихъ не путемъ матеріальнаго гнета, а путемъ нравственнаго воедѣйствія, усвоенія началъ жизни чуждаго народа, его возарній, воспитанія и того или другаго строя жизни его. Такимъ образомъ, привнося въ свою жизнь взгляды и строй жизни другихъ народовъ, мы сами будемъ разрушать свою жизнь, растронивать свое благополучіе, а вмѣстѣ съ симъ отдаваться въ опеку другихъ народовъ, если не будемъ съ потребною разборчивостію относиться къ тѣмъ или другимъ явленіямъ жизни европейскихъ народовъ. Между тѣмъ модные учителя дня, изъ подражанія иностранному, шерьдко безъ разбора желали бы пересаживать на русскую почву западно-европейскую жизнь

въ ея добрыхъ и худыхъ проявленіяхъ. Знакомаясь съ жизнью и литературою запада, они нерѣдко поражаемы бываютъ силою и смѣлостію мыслей, высказываемыхъ тѣмъ или другимъ ученымъ, увлекаются этими мыслями и стараются просвѣтить своимъ свѣтомъ другихъ, какъ бы во тьмѣ и сѣни смертнѣй сѣдущихъ, при чемъ оказывается, что тѣ затѣи, которыя на самомъ западѣ признаются иногда хорошими только, какъ говорится, въ идеѣ своей и остаются тамъ безъ приложенія къ жизни, у насъ провѣряются на дѣлѣ, и послѣдствіемъ сего бываетъ гибель немалого числа молодыхъ людей. Давно бы пора мнимымъ ревнителямъ блага народнаго познать, что тотъ же, наприимѣръ, германскій народъ, либеральный въ своихъ измышленіяхъ по всемъ отраслямъ наукъ и знаній, въ жизни далеко не всегда оказывается таковымъ. Правда, нынѣ среди его совершаются явленія, повидимому, выходящія изъ ряда обыденныхъ, какъ-то: борьба противъ духовенства, введеніе гражданскихъ браковъ и т. п., но эти явленія стоятъ тамъ въ тѣсной связи съ прежнею историческою жизнію германскаго народа, и еще неизвѣстно, чѣмъ эти явленія кончатся для него. Для насъ же они должны быть только нагляднымъ урокомъ того, какъ, при современной живни европейскихъ народовъ, слѣдуетъ строго держаться началъ своей народной жизни, выработанныхъ исторіею. Вообще, чтобы понимать смыслъ проповѣдуемыхъ нынѣ ученій, понимать—далѣе значеніе современныхъ событій въ жизни европейскихъ народовъ, ихъ приложимость или неприложимость къ нашей жизни, нужно выработать въ себѣ строгое критическое начало и руководиться имъ. Выработать это начало можно не инымъ путемъ, какъ основательнымъ и продолжительнымъ изученіемъ различныхъ отраслей знанія. Посему на этотъ предметъ и должны быть направлены ваши молодые силы, если представится къ тому случай, вмѣсто того, чтобы увлекались невразумными учителями и понапрасну тратить время и силы свои на усвоеніе деприводныхъ ученій, проповѣдуемыхъ ими, опасаясь при этомъ лишиться права на гражданскую жизнь среди своего народа.

Исполняя требованіе заповѣди апостола о вѣрности полученному ученію и воспитанію, исполните, наконецъ, и то, что онъ заповѣдуетъ относительно лицъ, потрудившихся надъ вашимъ развитіемъ и образованіемъ, именно, чтобы съ благодарностію вспоминать о нихъ. Повидимому, не слѣдовало бы и говорить объ этомъ предъ благовоспитанными юношами. Но если уже о чемъ дѣйствительно наличнымъ находимъ говорить предъ вами, то это — о чувствахъ признательности, благодарности, любви и всегдашней преданности своимъ родителямъ, которые, желая сдѣлать васъ счастливыми въ жизни, не другой путь избрали къ сему, какъ дать вамъ образованіе въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній мѣстнаго края, помѣстивъ въ сіе заведеніе, не отказывая вамъ въ матеріальныхъ средствахъ, а болѣе всего не оставляли васъ своими заботами и совѣтами, томительно слѣдили за каждымъ шагомъ вашей учебной жизни, искренно сочувствовали вашимъ радостямъ, утѣшались вашими успѣхами и глубоко страдали за васъ и съ вами при временныхъ вашихъ учебныхъ неудачахъ. Мы увѣрены, что таковыя чувства къ своимъ родителямъ какъ доселѣ исполняли ваши сердца и оставались при васъ неизмѣнными, такъ и на будущее время ни на одно мгновеніе не оставятъ васъ и будутъ однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ вашего благовоспитанія, которое вы выносите изъ стѣнъ оставляемаго заведенія. Но не можемъ сказать, чтобы излишне было упомянуть о заповѣди апостола, возлагающей на насъ нетрудную и немногосложную обязанность въ отношеніи лицъ, заступавшихъ вамъ, въ бытность въ заведеніи, мѣсто отсутствовавшихъ родителей, именно въ отношеніи начальниковъ, учителей и воспитателей. Дѣло воспитанія такого рода, что необходимо вредоносаетъ въ нѣкоторой степени чувства недовольства въ воспитываемыхъ по отношенію къ воспитывающимъ. Еще древніе греки о воспитаніи говорили: «кого не выпрямляютъ, того не воспитываютъ» (Менандръ). Такимъ образомъ, по самому существу своему, дѣло воспитанія предполагаетъ сградательное положеніе учащихся.

и воспитываемых; а такое положеніе, очевидно, должно вызывать въ нихъ по временамъ чувства непріятныя, желчныя, чувства неудовольствія. Еслибы, сверхъ всякаго чаянія, такковыя чувства могли быть въ комъ нибудь изъ васъ въ настоящую минуту; то вы должны отнынь искоренить ихъ во имя святыхъ цѣлей воспитательнаго дѣла. Конечно, всѣ воспитывавшіе васъ могли бы заслужить полное ваше расцѣлованіе, если бы по временамъ, во дни вашего обученія, «не искушали васъ уставами мудрости» Сир. 4, 19. Но это могло равняться потворству, при которомъ невозможно достигнуть благопріятныхъ послѣдствій воспитанія, и сами же вы, равно и родители ваши, стали бы впоследствии сѣтовать на учителей и воспитателей, какъ на неправедныхъ приставниковъ учебнаго дѣла. Къ тому же слѣдуетъ присовокупить и то, что если воспитывавшіе васъ, вынуждаемы были иногда прибѣгать къ мѣрамъ взысканія, то въ этомъ случаѣ они и сами лишались душевнаго мира и спокойствія, страдая вмѣстѣ съ вами и за васъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ самыя мѣры взысканія, указываемыя уставомъ, могли быть тяжелы для подвергшагося имъ. Вообще, сказать, въ сей благознаменитый день для васъ, когда сердца ваши полны радости, вы должны сосредоточить свои мысли и чувства не на томъ, какими путемъ шло ваше развитіе и воспитаніе, а на томъ, что вы теперь есть на самомъ дѣлѣ. «Сынъ мой! такъ говоришь нѣкогда премудрый Сирахъ своему ученику, приступай къ мудрости, какъ пашущій и сѣющій, и оживай добрыхъ плодовъ ея: ибо малое время потрудишься, и скоро будешь ѣсть плоды ея (6, 19—20). Сначала мудрость пойдетъ съ тобою путями извилистыми, наведетъ на тебя страхъ и боязнь, и будетъ мучить тебя своимъ водительствомъ, доколѣ не увѣрится въ душѣ твоей и не искуситъ тебя своими уставами. Но потомъ она выйдетъ къ тебѣ на прямомъ пути откроетъ тебѣ тайны свои и обрадуетъ тебя» (4, 18—21) «Посему, говоритъ онъ далѣе, мудрость должно назвать тяжелымъ камнемъ испытанія. Но ты, сынъ мой, послушай мое мнѣніе, и прими мой совѣтъ. Наложь на ноги твои пути муд-

рости, и на шею твою цѣпь ея; подставь ей плечо твое, и носи ее и не тяготись узами ея. Ибо наковецъ ты найдешь въ ней успокоеніе и она обратится тебѣ въ радость. Пути ея будутъ тебѣ крѣпкою защитою и цѣпи ея славнымъ одѣяніемъ. Ибо на ней украшеніе золотое, и узы ея—гіацинтоваыя нити. Какъ одеждою славы ты облечешься ею, и возложишь ее на себя, какъ вѣнецъ радости» (6, 22—32). Радость ваша, благовоспитанныя юноши, нынѣ исполнена, и да покроетъ она, во имя заповѣди апостола, всѣ другія противоположныя чувства, еслибы, говоримъ, сверхъ всякаго чаянія, таковыя могли волновать ваше сердце. Воздайте благодарность учившимъ и воспитывавшимъ васъ, ибо, по слову Спасителя, *достоинъ дѣлатель мзды своя* (Мѣ. 10, 10)!

Но, благодаря потрудившихся надъ вашимъ образованіемъ и развитіемъ, отдайте прежде всѣхъ славу Богу, давшему вамъ силы пройти многотрудное учебное поприще въ здѣшнемъ питомникѣ наукъ. Не оставляйте, какъ доселѣ не оставляли, благодарить Бога и молить Его о милостяхъ къ себѣ. Помните слова Господа: *не можете творити безъ Мене ничего же. И яко же розга не можетъ плода творити, аще не пребудеть на лозѣ: тако и вы аще не пребудете въ Немъ* (Іоанн. 15, 4), милосердомъ нашимъ владыкѣ и Господѣ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Св. вщ. Петръ Головинъ.

ПСАЛМЫ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

ПСАЛОМЪ 20-И.

Молитва за царя, отправляющагося на брань.

(народъ).

2. Услышитъ тебя, Иегова, въ день печали,
Защититъ тебя имя Бога Іакова!
Пошлетъ тебѣ помощь отъ святилица
И отъ Сиона подкрѣпитъ тебя;
Вспомнитъ всѣ приношенія твои,
И тучное всесоженіе охотно приметъ Онъ!

5. Дастъ тебѣ по сердцу твоему
И все нахѣреніе твое исполнитъ!
Восторжествуемъ о спасеніи твоёмъ
И во имя Иеговы Бога нашего поднимемъ знамя:
Исполнитъ Иегова всѣ твои прошенія!

(первосвященникъ).

Теперь я знаю, что помогаетъ Иегова помазаннику Своему,
Увеличитъ его отъ Святаго неба Своего
Съ спасительными обнудженіями десницы Своей!

Тѣ колѣсницами, а сіи конями,

Мы же именемъ Иеговы Бога нашего будемъ хвалиться;

Тѣ сокрутся и падутъ:

Мы же возстанемъ и будемъ стоять твердо.

(народъ).

10. *Иегова, помоги царю*

Отъ ружища, да съ въ день, когда мы преддемъ Бого!

Псаломъ 20-й есть молитва о царѣ отъ лица народа и священниковъ. Снарядившись на войну съ иноплеменными народами, царь является въ храмъ для принесенія жертвы и полученія священническаго благословенія. Здѣсь встрѣчаетъ его народъ выраженіемъ своихъ благожеланій и надеждъ, вознося за него дерзновенную молитву къ Іеговѣ. Въ то время какъ помазанникъ Іеговы молится и приноситъ жертву, народъ съ увѣренностію, какою вливаетъ дерзновенная молитва, дѣлаетъ къ нему утѣшительное обращеніе, что въ тяжелые дни брани Іегова услышитъ его, и Его *имя* т. е. проявляющееся во внѣ Его могущество и благость, доставитъ ему торжество надъ врагами, сообщивъ ему помощь отъ того самаго святилища Своего на Сіонѣ, въ которомъ царь приноситъ свою молитву. вмѣстѣ съ молитвою Іегова также охотно приметъ отъ хлѣбное приношеніе и его всесоженіе, и исполнитъ всѣ намѣренія и планы, какіе имѣетъ царь по отношенію къ начатому предпріятію (2—5). Ожидаемое торжество царя надъ непріятелями побуждаетъ къ ликованію самый народъ, такъ какъ побѣда царя есть побѣда религіи народа Божія, заславляющая его выше поднять знамя Іеговы, его Бога (6).

Между тѣмъ какъ народъ пѣлъ, царь окончилъ свое жертвоприношеніе, послѣ чего происходитъ нѣкоторая пауза, за которой снова возвышается голосъ, но уже не отъ лица народа, а (въ единственномъ числѣ), по всей вѣроятности отъ лица первосвященника и выражаетъ болѣе смѣлыя надежды и увѣренія, основанныя на совершенной увѣренности въ милостивомъ принятіи со стороны Іеговы жертвы царя. «*Теперь я знаю*», говоритъ онъ, — т. е. когда онъ получил явное указаніе, что Іегова принялъ милостиво жертву царя, — «что помогаетъ Іегова помазаннику Своему»; въ этой совершенной увѣренности онъ какъ бы созерцаетъ самый фактъ будущаго исполненія молитвы. Іегова услышитъ царя, по словамъ первосвященника, не отъ святилища, но отъ самаго *святаго неба*, гдѣ истинное жилище Іеговы, между тѣмъ какъ храмъ есть какъ бы чуждое преддверіе этого жилища; отсюда-то Іегова

обнаружить полноту своихъ силъ для спасенія царя (7). Въ силу этой чрезвычайной помощи они не нуждаются ни въ какихъ человѣческихъ средствахъ для успѣха въ войнѣ; пусть враги величаются множествомъ своихъ вошей и колесницъ, Всесильный Іегова замѣнитъ ихъ, Онъ есть ихъ гордость! И несмотря на видимое превосходство сихъ силъ, они будутъ низвергнуты, между тѣмъ какъ стѣсненный ими народъ Божій возстанетъ и будетъ непоколебимъ (8—9). Первосвященникъ кончилъ. За нимъ снова поднимаетъ голосъ вся церковь и въ краткомъ восклицаніи повторяетъ свое прежнее прошеніе о спасеніи царя и надежду объ услышаніи молитвы (10); такимъ образомъ пѣснь снова возводится къ своему началу и прекрасно какъ бы округляется.

ПСАЛОМЪ 21-й.

Благодареніе за побѣду царя и надежда на новую.

(народъ).

2. Іегова, силою Твоею возведется царь,
И Твоею помощію какъ сильно восторжествуетъ онъ!
Желаніе сердца его далъ ему.
И хотѣнію устъ его не отказалъ.
Потому что Ты идешь ему навстрѣчу съ благословеніями добрыми,
Полагаешь на глазъ его вѣнецъ изъ золота.
5. Жизни онъ просилъ у Тебя, Ты далъ ему
Продолжительность дней на всегда, на вѣчно.
Велика слава его въ силу Твоей помощи,
Блескъ и величіе полагаешь на него;
Потому что Ты дѣлаешь его полнымъ сосудомъ благословеній на
вѣчно,
Увеселяешь его радостію предъ лицею Твоимъ,
Такъ какъ царь полагается на Іегову
И благословеніемъ Всевышняго не колеблется!

(первосвященникъ).

Достигнетъ рука твоя всѣхъ враговъ твоихъ,
Десница твоя достигнетъ ненавистниковъ твоихъ,

10. Превратишь ихъ въ пещь огненную, когда явишь лице свое,
 Иегова во гнѣвъ Своемъ уничтожить ихъ и съѣсть ихъ
 огонь,—

Плодъ ихъ истребишь отъ земли

И сѣмя ихъ отъ синовъ человѣческихъ.

Такъ какъ они замыслиють противъ тебя злое,

Выдумываютъ планы—ничего не сдѣлають они;

Потому что ты отбросишь ихъ назадъ,

Луками твоими прицѣлишься на лица ихъ.

(народъ).

Возстань, Иегова, въ Твоей силѣ!

Въ пѣніи и игрѣ мы будемъ прославлять могущество Твое!

Въ предшествующемъ псалмѣ народъ провожаетъ царя въ походъ выраженіемъ благожеланій и несомнѣнной увѣренности, что Иегова «дастъ ему по сердцу», «все намѣреніе его исполнить», «исполнить всё его прошенія»; въ псалмѣ же 21-мъ выражаетъ свою благодарность, что Иегова «желанія сердца его далъ ему и хотѣнію устъ его не отказалъ», что такимъ образомъ предпріятіе царя увѣнчалось успѣхомъ. Впрочемъ возвратившійся въ святилище царь не одержалъ побѣды надъ *всѣми* врагами; ст. 9—13 отвѣчаютъ полный успѣхъ его еще къ будущему: еще кромѣ побѣжденныхъ враговъ у царя остается множество другихъ, требующихъ чрезвычайныхъ съ его стороны усилій. Первый успѣхъ ручается за несомнѣнную помощь въ будущемъ; но прежде всего сердце торжествующаго народа въ присутствіи царя изливается въ выраженіи своей благодарности за помощь царю. Все, чего желало сердце царя и выражало тогда въ тихой молитвѣ, теперь исполнено божественною силою и помощію Иеговы; надеждѣ царя Иегова вышелъ на встрѣчу съ полнотою Своихъ чрезвычайныхъ милостей, и народъ, если не въ дѣйствительности, то въ представленіи недалекаго будущаго созерцаетъ царя украшеннымъ новыми золотымъ вѣнцомъ, какъ видимымъ знакомъ распространенія и прославленія его владычества (2—4). Мы знаемъ, что Давидъ по завоеваніи главнаго города аммонитянъ Раббы возложилъ на свою голову золотой вѣнецъ

возмущенія, разрушенія? Да, таковъ на самомъ дѣлѣ характеръ крайняго современнаго соціализма, не истиннаго соціализма, каковъ онъ долженъ бы быть по своей идеѣ, еслибы развивался согласно съ христіанскою идеею о любви къ человѣчеству, но того крайняго и ложнаго соціализма, который ставши во враждебное отношеніе къ Христіанству, равняется въ духъ совершенно противоположномъ ему — въ духъ революціонномъ. Не мы приписываемъ современному соціализму революціонный характеръ, который по существу дѣла не долженъ бы имѣть ничего общаго съ соціальной идеей; а самъ онъ принялъ этотъ характеръ, вслѣдствіе чего и сдѣлался предметомъ ужаса и отвращенія для людей мира и порядка. Революціонное начало не есть начало любви и мира. Оно есть начало вражды, возмущенія, насилій и жестокостей всякаго рода.

Соціалисты водружаютъ на знамени проповѣдуемаго ими ученія великіе принципы всеобщаго братства и любви къ человѣчеству. Но присмотритесь получше къ этимъ новымъ проповѣдникамъ всеобщей любви, прислушайтесь къ ихъ рѣчамъ, вникните въ характеръ распространяемаго ими ученія, обратите вниманіе на тѣ средства, какія они употребляютъ для распространенія ученія, и на результаты приносимые этимъ ученіемъ въ той средѣ, гдѣ оно распространяется, обратите наконецъ вниманіе на отдаленнѣйшіе планы и мечты, временами высказываемые ими, — и вы поймете, можно ли этимъ людямъ повѣрять, будто они только и думаютъ и заботятся о распространеніи между людьми началъ братства и любви. Что особенно бросается на видъ въ характеръ этихъ людей, по отзывамъ всѣхъ знающихъ ихъ, и какія свойства характера они сами въ особенности любятъ выставлять на показъ? Желчьность, раздражительность, озлобленіе, недовольство всѣмъ и всѣми, жесткость и рѣзкость во всѣхъ личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Съ этими ли свойствами можно быть проповѣдниками истинной любви? Какія свойства они стараются также развивать въ своихъ послѣдова-

теляхъ—въ тѣхъ неопытныхъ юношахъ или въ тѣхъ доврчивыхъ людяхъ изъ простаго народа, которыхъ имъ удается привлекать къ своему ученію? Тѣ же самыя: недовольство всѣмъ, жесткость, грубость, раздраженіе, озлобленіе. Изъ такихъ ли элементовъ можно создать всеобщее царство братства и любви? Прислушайтесь къ печальнымъ разговорамъ въ тѣхъ семьяхъ, куда этимъ ученіямъ удается распространить свое вліяніе. Сколько отцовъ и матерей жалуется на то, что сыновья и дочери ихъ, прежде покорные, кроткіе и преданные семьѣ, начинаютъ чуждаться семьи, становятся холодны, дерзки, грубы съ того времени, какъ начинаютъ поддаваться вліянію этихъ новыхъ ученій. Можно ли ожидать, чтобы такія ученія, разрушающія миръ и любовь въ тѣснѣйшемъ кругу семьи, создали братство и любовь во всемъ человечествѣ? Какимъ тономъ большею частію отличаются горячія рѣчи проповѣдниковъ этого ученія, которыми они такъ сильно дѣйствуютъ на неопытные умы своихъ прозелитовъ? Большею частію эти рѣчи также исполнены ненависти, страстной злобы, раздраженія. Даже тогда, когда они стараются преимущественно говорить въ духѣ любви, когда они напр. стараются возбудить участіе къ положенію нуждающихся и бѣдствующихъ классовъ народа, нельзя не замѣтить, что ихъ горячія рѣчи — страстныя изображенія нужды и бѣдствій народныхъ выходятъ главнымъ образомъ не изъ искренней любви къ народу, а изъ страстной ненависти противъ тѣхъ, кого они считаютъ виновниками бѣдствій народныхъ. Въ этой обаятельной пропагандѣ всеобщаго братства и любви нѣрѣдко можно услышать и такія слова, какъ ножъ, топоръ, кровь, огонь, убійство, разграбленіе, возстаніе. Это ли слова истинной проповѣди о братствѣ и любви? Всѣмъ извѣстно, что когда представителямъ революціоннаго социализма представлялся случай провести свои слова и мечты въ дѣло, они и на самомъ дѣлѣ нѣрѣдко ознакомили себя всѣми тѣми злодѣйствами, о которыхъ такъ свободно говорятъ въ своихъ рѣчахъ: заговорами, возстаніями, убійствами,

грабежами и т. д. Наконецъ къ чему въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ сводится проповѣдь социалистовъ, какими цѣлями и планами она задается, какими средствами предполагаетъ достигнуть устроенія на землѣ всеобщаго братства и любви? Средства и планы эти именно состоятъ въ томъ, чтобы распространить недовольство и раздраженіе сколько возможно въ большей массѣ людей, возстановить одни общественные классы противъ другихъ, и затѣмъ при помощи этого повсюду возбужденнаго недовольства и озлобленія виспровергнуть всѣ существующія общественныя, экономическія отношенія, не разбирая въ нихъ лучшаго и худшаго, т.-е. отнять у людей то, съ чѣмъ они сжились цѣлыми поколѣніями въ продолженіи многихъ вѣковъ, что для нихъ близко и дорого,—уничтожить установившіяся въ обществѣ права, преданія, собственность, привязанности, перевернуть вверхъ дномъ весь порядокъ, все развитіе, всѣ законы исторіи, и затѣмъ на развалинахъ разрушеннаго утвердить новый порядокъ общественныхъ отношеній. А такъ какъ безъ сомнѣнія при этомъ страшномъ переворотѣ найдется не мало людей, которые не захотятъ расставаться съ старымъ порядкомъ и станутъ защищать его; то такихъ людей не только насильственно можно принуждать къ тому, чего они не желаютъ, но и безъ всякаго стѣсненія истреблять всевозможными средствами. По отношенію къ такимъ людямъ не имѣютъ мѣста никакія нравственныя обязательства, никакое снисхожденіе, не даже требованія самой простой честности и справедливости. По отношенію къ нимъ позволительны и ложь и обманъ и вѣроломство всякаго рода, и ножъ и адъ и грабежи и поджоги и всѣ самыя жестокія и безнравственныя дѣйствія. И еслибы такихъ людей оказалось не только десятки и сотни, но тысячи, десятки тысячъ и сотни тысячъ; и еслибы между ними оказались люди связанныя съ послѣдователями новаго ученія родственными или другими какими узамъ,—никому изъ нихъ не должно быть снисхожденія и пощады ради будущаго блага челоѣчества.

Мы далеки отъ того, чтобы всѣмъ приверженцамъ социалистическаго ученія приписывать такія мысли и планы. Многие изъ нихъ, особенно тѣ, которые только привлекаются къ новому ученію и передъ которыми еще не раскрываются вполне его тайные планы и замыслы, можетъ-быть вовсе и не подозреваютъ въ немъ всего того, чѣмъ оно задается и къ чему ведетъ общество; неопытные прозелиты новаго ученія обольщаются его внѣшнею благовидною стороною, увлекаются громкими и пышными фразами о благѣ общественномъ и любви къ человечеству. Тѣмъ болѣе мы далеки отъ того, чтобы связывать всѣ темныя замыслы и планы революціонно-соціалистической пропаганды съ самою сущностью соціальной идеи: къ истинному социализму, каковъ онъ долженъ бы быть по своей идее, она также мало имѣютъ отношенія, какъ инвизиція къ истинному христіанству. И, какъ мы уже сказали прежде, именно во имя самой же соціальной идеи нужно отвергнуть и осудить эти темныя и превратныя ученія, чтобы очистить отъ нихъ соціальную идею, высокую и благородную саму въ себѣ для болѣе правильнаго развитія въ будущемъ. Но что нынѣшніе крайніе представители соціалистической идеи, желающіе дѣйствовать революціоннымъ путемъ, имѣютъ всѣ эти темныя замыслы, и постепенно стараются привлечь къ нимъ своихъ послѣдователей—молодыя поколѣнія и рабочіе классы народа, этого отрицать нельзя. Это неопровержимо доказывается не только какими-нибудь тайными проектами и уставами революціонно-соціалистическихъ кружковъ, но и тѣми общими и популярными изложеніями ихъ мечтаній, которые подъ именемъ воззваній и прокламацій предназначаются ими даже для распространенія въ средѣ простаго народа.

И такъ вотъ это новое—оригинальное, возвышенное и поистинѣ необыкновенно замысловатое ученіе, въ основаніи котораго полагается насиліе и неправда всякаго рода, разграбленія, похищенія, грабежи, убійство, возстаніе,—а въ результатахъ обещается царство всеобщей любви, мира, справедливости и полнѣйшаго довольства и счастья. Трудно понять

только, какимъ же это образомъ можетъ выйти изъ всеобщаго недовольства—довольство, изъ возмущенія—миръ, изъ вражды — любовь, изъ неправды — высшая справедливость и т. д.?...

«Но это, говорятъ, только мѣры временныя, вызываемыя крайними неустройствами существующаго порядка вещей. Это необходимое разчищеніе сорной почвы для построения новаго зданія. Противъ насилія необходимо бороться насиліемъ, противъ неправды неправдою, противъ зла зломъ. Безъ этихъ мѣръ невозможно искоренить на землѣ тѣхъ дурныхъ порядковъ и отношеній, которые препятствуютъ осуществленію между людьми всеобщаго братства мира, и счастья. Когда эта цѣль будетъ достигнута, когда установятся между людьми новыя экономическія и политическія отношенія на новыхъ гуманныхъ и справедливыхъ началахъ, — тогда сами собою исчезнутъ вражда, насиліе и жестокость, распространится повсюду всеобщій миръ и довольство, настанетъ царство всеобщей любви, всѣ будутъ равными и братьями, расбуются мечи на плуги, копыя на серпы и т. д.»

И такъ въ новомъ ученіи восстанавливается старый іезуитскій принципъ—для добрыхъ цѣлей позволительно употреблять дурныя средства, противъ насилія и неправды нужно дѣйствовать насиліемъ и неправдою. Разница съ іезуитствомъ здѣсь только та, что іезуиты никогда не позволяли себѣ рекомендовать употребленіе преступныхъ средствъ такъ открыто и въ такихъ размѣрахъ, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе социаллисты. Тамъ если дозволялось нарушать клятвы, совершать подлоги, убивать или отравлять кого-нибудь, то все-таки дозволялось это дѣлать со всевозможною скрытностью и въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. А здѣсь самымъ открытымъ образомъ проповѣдуется вѣроломство и насиліе, грабежъ и безчеловѣчная рѣзня для достиженія добрыхъ цѣлей, въ которыхъ притомъ большая часть предводителей социализма сама едва ли искренно вѣритъ. За что же послѣ этого, въ наши времена такое негодованіе противъ іезуитской морали, про-

тивъ безправственности іезуитскихъ принциповъ? Развѣ только за то, что іезуитское ученіе при всей своей безправственности все-таки хотѣло сохранить хоть какой-нибудь религиозный смыслъ и характеръ: а это новое ученіе открыто хвалится и своею безправственностью и своимъ безбожіемъ?...

Но не будемъ много говорить о нравственности или безнравственности этого принципа, будто для добрыхъ цѣлей позволительно употреблять дурныя средства. Эта сторона дѣла для всякаго обладающаго хоть сколько-нибудь нравственнымъ смысломъ и чувствомъ не можетъ быть непонятной. Обратимъ вниманіе на логическую и практическую вѣрность этого принципа, независимо отъ его нравственного достоинства; съ этой стороны дѣло, къ сожалѣнію, многимъ далеко не представляется такимъ яснымъ, какимъ оно должно быть по существу своему. Несмотря на давнюю общеизвѣстность христіанскаго принципа, что только добромъ можетъ быть побѣждаемо зло, очень многіе изъ людей все еще остаются склонными думать напротивъ, что съ зломъ необходимо бороться только его собственнымъ оружіемъ. На этомъ основаніи у многихъ создаются убѣжденія такого рода, что тамъ, гдѣ господствуютъ плутовство и обманъ, нельзя самому прожить безъ плутовства и обмана; тамъ, гдѣ личность человѣческая можетъ часто подвергаться насилию, оскорбленію, грубости, клеветѣ, единственное средство обезопасить себя отъ всего этого можетъ состоять только въ томъ, чтобы всегда быть готовымъ отвѣчать на насиліе насиліемъ, на обиду обидою, на грубость грубостью, на клевету клеветою. Изъ этого же источника беретъ свое начало и то убѣжденіе, что тамъ, гдѣ приходится дѣйствовать хотя бы и для добрыхъ цѣлей при дурныхъ общественныхъ условіяхъ, необходимо бываетъ прибѣгать къ дурнымъ средствамъ. Въ дѣйствительности этотъ расчетъ оказывается ошибочнымъ. Если брать во вниманіе и одни ближайшія послѣдствія всякаго дѣйствія, весьма рѣдко замѣчается, чтобы насиліе могло быть искореняемо насиліемъ, чтобы распространеніе клеветы могло быть останавли-

ваемо новою клеветою, чтобы противъ обиды и грубости дѣйствительнѣйшими средствами могли быть обратныя обиды и грубости,—и чтобы вообще отъ какого-либо дурнаго дѣйствія могли происходить хорошія послѣдствія. Напротивъ большею частію бываетъ такъ, что если противъ насилія начинаютъ дѣйствовать насиліемъ, насиліе чрезъ то еще болѣе закрѣпляется, если клевету стараются отражать клеветою, клевета чрезъ то еще болѣе распространяется; если на обиды и несправедливости отвѣчаютъ обидами и несправедливостями, источникъ для обидъ и несправедливостей увеличивается чрезъ то болѣе и болѣе. И вообще всякое дурное дѣйствіе непременно сопровождается и какимъ-нибудь дурнымъ послѣдствіемъ. Это, мы говоримъ, большею частію замѣчается даже и тогда, когда обращается вниманіе на одни ближайшія послѣдствія всякаго дѣйствія. А еслибы, не ограничиваясь ближайшими послѣдствіями, можно было серіозно разсматривать всякое дѣйствіе во всѣхъ его отдаленнѣйшихъ послѣдствіяхъ, то непременно и необходимо всегда оказывалось бы такъ, что только отъ добрыхъ дѣйствій могутъ происходить добрыя послѣдствія, а отъ дурныхъ дурныя.

Такъ оно и должно быть по существу дѣла, по непреложнымъ законамъ міровой жизни. Въ мірѣ нравственномъ въ этомъ отношеніи господствуетъ тотъ же законъ, что и въ мірѣ физическомъ: всякая причина производитъ соотвѣтственное себѣ дѣйствіе, всякое дѣйствіе сопровождается соотвѣтственнымъ себѣ послѣдствіемъ, какъ всякое дерево производитъ соотвѣтственные себѣ плоды. Только отъ добра можетъ происходить добро, отъ свѣта свѣтъ, отъ любви любовь. Напротивъ отъ зла, вражды, насилія, несправедливости не иное что можетъ произойти, какъ зло, вражда, насиліе и несправедливость. Утверждать противное, предполагать, что справедливость, миръ и любовь могутъ быть основаны на неправдѣ, насиліи и враждѣ — это все равно, что бѣлое обращать въ черное, и черное въ бѣлое, изъ свѣта производить тьму и изъ тьмы свѣтъ, теплою замораживать и холодою согрѣвать.

Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ должно бы быть совѣстно повторять и доказывать такія простыя элементарныя истины. Но къ сожалѣнію въ наше просвѣщенное время многіе до того запутались въ разныя хитрыя и сложныя комбинаціи мысли, что отъ времени до времени становится необходимымъ возвращаться именно къ самымъ простымъ и элементарнымъ нравственнымъ положеніямъ.

Люди, не имѣющіе твердыхъ нравственныхъ принциповъ и склонные на нравственную сдѣлку, допускаютъ нравственныя различія между человѣческими дѣйствіями, одни дѣйствія призываютъ важными, другія неважными, одни дѣйствія имѣющими цѣль въ самихъ себѣ, другія только служащими средствомъ для другихъ цѣлей, и говорить, что нужно заботиться о нравственной чистотѣ только важнѣйшихъ дѣйствій, а на другія можно и не обращать вниманія, что только цѣли наши должны быть хороши, а средства для нихъ могутъ быть употребляемы и дурныя. Но по отношенію къ высшему нравственному закону не должно быть такого различія между человѣческими дѣйствіями; по отношенію къ высшему нравственному закону всѣ человѣческія дѣйствія должны быть хороши и нравственны, какъ тѣ, въ которыхъ заключаются существеннѣйшія цѣли жизни, такъ и тѣ, которыя служатъ только средствами для этихъ цѣлей. Въ нравственной жизни главное состоитъ въ чистотѣ того источника, изъ котораго она развивается, въ чистотѣ того внутренняго настроенія, которыми опредѣляются частныя нравственныя дѣйствія. У кого душа чиста, у кого внутреннее расположеніе нравственно, тотъ не станетъ давать себѣ разрѣшеніе на безнравственныя дѣйствія хотя бы и въ виду высшихъ нравственныхъ цѣлей. Напротивъ, когда мы видимъ, что человѣкъ совершаетъ нехорошія дѣйствія, у насъ справедливо является предположеніе, что у этого человѣка душа нехороша, нравственное расположеніе испорчено; и къ такому человѣку мы уже не можемъ имѣть нравственнаго довѣрія; если у него нехорошія дѣйствія прерываются и хорошими нравственными цѣлями,

у насъ естественно раждается подозрѣніе относительно чистоты и искренности этихъ самыхъ цѣлей. Поэтому-то весьма опасно бываетъ, и при самомъ искреннемъ расположеніи къ добру, позволять себѣ итти на нравственную сдѣлку, рѣшиться на завѣдомо дурныя дѣла хотя бы и ради самыхъ хорошихъ цѣлей. Человѣкъ, рѣшающійся вступить на такой путь, самъ не можетъ твердо ручаться за свое нравственное будущее. Разрѣшивъ себѣ въ продолженіе извѣстнаго времени совершать дурныя дѣйствія ради доброй цѣли, онъ можетъ настолько свыкнуться съ такими дѣйствіями и втннуться въ нихъ, что для него уже трудно будетъ отстать отъ нихъ и тогда, когда предположенное время пройдетъ, и когда цѣль, ради которой первоначально избранъ былъ дурной путь, уже и будетъ достигнута. Говорятъ, многіе скупцы, доходящіе до крайняго развитія своей страсти—тѣ скупцы, которые нищенствуютъ и умираютъ съ голоду, имѣя у себя состояніе въ сотни тысячъ рублей, начинаютъ съ того, что рѣшаются отказывать себѣ во многомъ только до тѣхъ поръ, пока у нихъ накопится извѣстная сумма, могущая обезпечить имъ безбѣдное существованіе на дальнѣйшіе годы жизни. А потомъ, когда и эта сумма и вдвое и вдесятеро большая накапливается, скупость все болѣе и болѣе растетъ вмѣстѣ съ нею. Точно также многіе воры постепенно доходятъ до крайняго развращенія, на первый разъ допустивши себѣ совершить безчастное дѣло только по нуждѣ или подъ какими нибудь благовидными предлогами. При слабости человѣческой природы, при легкости, съ какою могутъ развиваться въ ней всякіе дурныя инстинкты, весьма опасно подъ какими бы то ни было благовидными расположеніями сознательно давать развиваться въ жизни дурнымъ расположеніямъ. Начавшись съ какихъ нибудь частныхъ дурныхъ поступковъ, зло постепенно заражаетъ и портитъ самые источники нравственныхъ дѣйствій—внутреннія расположенія человѣческія. А отъ тѣхъ людей, у которыхъ испорчены самыя внутреннія нравственныя расположенія, уже труднѣе ожидать добраго и въ дальнѣйшемъ будущемъ. Повѣтътеперь, къ чему можетъ при-

вести людей то новое ученіе, которое предполагает вести ихъ къ царству всеобщаго довольства, мира и братства путемъ недовольства, раздраженія и вражды, которое хочетъ существующія въ мірѣ несправедливости и насилія искоренять новыми несправедливостями и насиліями, которое ради высшихъ проповѣдуемыхъ имъ цѣлей дозволяетъ употреблять такія средства, какъ обманъ, вѣтвопреступленіе, грабежъ, убійство и даже всеобщую рѣзню — всемірную революцію. Разумѣется такое ученіе въ случаѣ успѣха своего не могло бы привести ни къ чему другому, какъ къ большому укорененію между людьми несправедливости, насилія, раздраженія и вражды, — ничего другаго не могло бы дать людямъ, кромѣ бдльшаго зла и страданія, и ничего другаго не могло бы воспитать въ людяхъ, кромѣ бдльшаго равнодушія ко всякаго рода преступнымъ и безнравственнымъ дѣйствіямъ — къ обману, вѣроломству, грабежу, убійству и т. д. По свойствамъ дерева можно предполагать, какіе должны быть плоды отъ него.

Всему своему раздраженію и озлобленію, всѣмъ насиліямъ и неправдамъ, всѣмъ преступнымъ и беззаконнымъ дѣйствіямъ проповѣдуемымъ во имя высшей идеи, социалисты даютъ временное значеніе. Это, говорятъ, необходимо только до тѣхъ поръ, пока идетъ борьба съ старымъ порядкомъ вещей; въ борьбѣ всякія средства позволительны. Какъ скоро эта борьба будетъ кончена, какъ скоро по ниспроверженіи стараго порядка нужно будетъ приступить къ созданію новаго, всякое раздраженіе и вражда должны быть оставлены, на мѣсто ихъ должны явиться всеобщее братство, миръ и любовь. — Но какъ же это изъ раздраженія и вражды могутъ вдругъ явиться миръ и любовь? Какимъ образомъ въ людяхъ, пропитанныхъ злобою и недовольствомъ и всюду старающихся сѣять злобу и недовольство, вдругъ пробудятся мирныя братскія расположенія и чувства? И можно ли такимъ людямъ, привыкшимъ все ниспровергать и разрушать, повѣрить, что они могутъ явиться когда — нибудь устроителями всеобщаго братства и

мира? Выражаясь языкомъ старыхъ аллегорій, это было бы все равно, что повѣрить волку обвѣщающемуся превратиться въ ягненка, еслибы ему поручили стеречь овчарню, давши только напередъ перерѣзать охраняющихъ ее собакъ и сторожей, или повѣрить лисицѣ, желающей стеречь курятникъ. Не скорѣ ли можно полагать наоборотъ, что эти раздраженные и озлобленные люди явились бы еще болѣе злыми и жестокими, въ настоящемъ свѣтѣ показали бы свою волчью и лисью натуру, еслибы имъ удалось достигнуть своихъ цѣлей?— Не такъ ли всегда оказывалось на самомъ дѣлѣ? Не являлись ли эти устроители всеобщаго братства и равенства путемъ революціоннымъ жесточайшими тиранами и деспотами, какъ скоро имъ приходилось хоть на короткое время гдѣ нибудь захватить власть въ свои руки? Справьтесь съ дѣяніями мюнстерскихъ пророковъ въ Германіи въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка, когда послѣ крестьянскихъ войнъ имъ удалось на нѣкоторое время устроить въ Вестфаліи коммунистическое царство. Припомните страшный революціонный терроръ во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Или припомните, какъ въ недавнее время въ 1871 году среди великаго и несчастнаго европейскаго города, осажденнаго непріятельскими войсками и истерзаннаго борьбою народныхъ партій и измѣнами всякаго рода, неистовая толпа коммунистовъ свирѣпствовала и безобразничала надъ всѣмъ, что составляло славу и гордость ихъ собственнаго отечества. Вотъ поэтому-то никогда и нигдѣ не могло быть прочно торжество революціонныхъ и коммунистическихъ началъ, и никогда ничего само по себѣ оно не могло дать народамъ, кромѣ безпокойствъ и несчастій всякаго рода. Несчастный народъ, временно увлекавшійся этими идеями и помогавшій мнимымъ проповѣдникамъ свободы и братства испровергать существующіе въ государствѣ порядки и власти, всегда въ короткое время разочаровывался въ своихъ увлеченіяхъ, тяжелымъ опытомъ испытывалъ, что подъ опекою этихъ устроителей братства и свободы ему приходилось жить хуже, чѣмъ когда-нибудь, и большею частію

искалъ отъ нихъ спасенія въ возстановленіи тѣхъ самыхъ властей и порядковъ, которые въ революціи были отвергнуты имъ... Опасно вступать на путь зла, хотя бы и на время, и брать въ руки орудія зла, хотя бы и для добрыхъ цѣлей. Мы не можемъ сказать того, чтобы всѣ эти проповѣдники братства и свободы, рѣшающіеся итти къ своимъ цѣлямъ революціоннымъ путемъ, съ самаго начала задавались деспотическими и террористическими цѣлями. Многіе изъ нихъ при началѣ своей дѣятельности можетъ быть искренно бываютъ одушевлены идеями или по крайней мѣрѣ мечтами высокими и благородными. Но, вступая на дурной путь вражды и насилія, привыкая постепенно пользоваться дурными средствами въ достиженіи своихъ цѣлей, раздражаемые постоянно борьбою съ тѣмъ, въ чемъ они видятъ противодѣйствіе своимъ идеямъ, постепенно привыкая сливать свою идею съ своею личностью, и постепенно переходя отъ борьбы за идеи къ борьбѣ личнаго самолюбія и личныхъ интересовъ, они незамѣтно для самихъ себя къ концу своего поприща могутъ такъ втянуться во всякія дурныя дѣйствія и тенденціи, что когда и приходитъ имъ удобное время осуществлять свои первоначальныя благородныя мечтанія о благѣ человечества, отъ этихъ мечтаній, каковы они были въ первоначальномъ чистомъ видѣ, не остается и слѣда: на мѣсто общественнаго блага выступаютъ личные счеты и интересы съ пріобрѣтенною привычкою пользоваться для предположенныхъ цѣлей самыми неразборчивыми средствами. Поэтому-то такіе люди оказываются неспособными не только къ устроенію общественнаго блага, не только къ утверженію началъ братства, любви и мира въ цѣлыхъ массахъ народныхъ, но и въ своемъ тѣсномъ кружкѣ— въ кружкѣ послѣдователей однихъ и тѣхъ же идей— они рѣдко бываютъ способны надолго поддержать миръ и согласіе. Большею частію между ними поднимаются личные счеты, враждебныя другъ противъ друга подозрѣнія и интриги, измѣны и вѣроломства всякаго рода, уже при самомъ началѣ ихъ дѣятельности. Самое большее, если между ними поддер-

живается хотя наружный союзъ во все то время, пока имъ приходится бороться съ тѣми, кого они считаютъ своими общими врагами. Но какъ скоро эта борьба оканчивается, какъ скоро имъ удастся отдѣлаться отъ всего, что имъ противно было, и захватить въ свои руки то, о чемъ они мечтали, они обыкновенно, какъ звѣри, начинаютъ терзать другъ друга, не щадя при этомъ и своего общаго дѣла. Доказательства на это въ исторіяхъ революцій всѣхъ странъ и вѣковъ. И это ли путь ко всеобщему благу и счастію? И это ли устроители всеобщаго довольства, мира и братства между людьми?..

Далѣе, если первые сѣятели революціонныхъ идей способны еще ручаться за себя, что для нихъ мѣры насилія и вражды должны послужить только временными мѣрами для достиженія цѣлей братства и любви, то могутъ ли они ручаться въ томъ же и за всѣхъ своихъ послѣдователей, которыхъ они стараются привлечь къ своему ученію отовсюду, и большею частію даже безъ вниманія къ нравственнымъ качествамъ и умственнымъ настроеніямъ ихъ, только бы оказывалась въ нихъ рѣшимость и смѣлость итти избраннымъ путемъ? Не могутъ ли найтись между этими послѣдователями такіе, которые способны будутъ воспринятому ученію дать болѣе широкое толкованіе? Не могутъ ли насиліе, обманъ и вражда, которыя на первыхъ порахъ допускаются въ этомъ ученіи какъ средство, какъ временная мѣра, обратиться для иныхъ въ самую цѣль—въ самую сущность новаго ученія? Начало этому мы уже и видимъ въ настоящее время. Уже и теперь между приверженцами революціонно-соціалистическихъ идей есть много такихъ, у которыхъ прежнее соціалистическое ученіе, по крайней мѣрѣ прикрывавшееся высокими идеями общаго блага и любви къ человѣчеству, перешло уже прямо въ ученіе о личномъ благѣ,—о личной выгодѣ, какъ послѣдней цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій, — объ эгоизмѣ, какъ основномъ началѣ всякихъ дѣйствій. Есть и такіе, которые соотвѣтственно новому, недавно провозглашенному будто бы научному принципу, примѣняютъ къ человѣческой жизни и

общественнымъ отношеніямъ чисто звѣриный принципъ борьбы за существованіе. Есть цѣлая революціонная партія, въ планахъ которыхъ всеобщая смута, вражда и разрушеніе проповѣдуются какъ послѣднія цѣли сами въ себя безотносительно ко всему дальнѣйшему, которыя прямо говорятъ, что имъ нужно только низпровергнуть ненавистный существующій порядокъ, потопить его въ потокахъ пламени и крови — въ неудержимомъ разливѣ всякихъ дурныхъ инстинктовъ и страстей; а тамъ можетъ ли что другое возникнуть на мѣсто разрушеннаго порядка, имъ до этого дѣла нѣтъ. Чего можно ожидать человѣчеству отъ распространенія такихъ идей и ученій?—Но, скажутъ, такіа идеи не имѣютъ ничего общаго съ истинною социалистическою идеею? Пусть такъ. Но развѣ распространители подобныхъ идей не становятся также подъ знамя социалистической пропаганды? Развѣ представители болѣе серьезно понимаемой социальной идеи отдѣлили ихъ отъ себя, произнесли на нихъ анаѣмъ? И развѣ во многихъ жалкихъ головахъ хотя бы и нашихъ иныхъ неразвитыхъ и сбитыхъ съ толку юношей и не-юношей неукладываются рядомъ одна подлѣ другой такіа идеи какъ любовь къ человѣчеству и личный эгоизмъ, всеобщее братство и звѣриный принципъ борьбы за существованіе, какъ идеи одной и той же пропаганды, одного и того же новаго ученія?... Опасно пролагать путь злу: зло въ своемъ развитіи можетъ пойти гораздо далѣе тѣхъ предѣловъ, въ какихъ первоначально рассчитываютъ допустить его. Опасно въ общественномъ дѣлѣ давать мѣсто смутѣ и насилію, дурнымъ инстинктамъ и страстямъ: одни могутъ допускать ихъ только въ виду высшихъ и общихъ цѣлей, а другіе станутъ пользоваться ими для цѣлей личныхъ и самыхъ низкихъ. Въ мутной водѣ всегда, говорятъ, находится не мало охотниковъ рыбу ловить. И если самые высшіе принципы и идеи подвергаются злоупотребленіямъ, служатъ иногда прикрытіемъ для цѣлей и тенденцій безчестныхъ; то тѣмъ болѣе нравственный принципъ сомнительнаго свойства, прямо допускающій употребленіе дурныхъ средствъ въ

виду общихъ далекихъ цѣлей, можетъ дать мѣсто самому широкому развитію всякихъ дурныхъ инстинктовъ и страстей. Если подъ самыми чистыми знаменами правды и добра укрываются иногда люди безъ чести и совѣсти — воры и мошенники, то тѣмъ болѣе свободный пріютъ и разрѣшеніе на все можетъ дать такимъ людямъ общественное знамя съ сомнительнымъ и прямо дурнымъ нравственнымъ оттѣнкомъ.

Еще болѣе—могутъ ли пропагандисты революціонно-соціалистическихъ идей поручиться за тотъ самый народъ, во имя котораго они ведутъ свою пропаганду, что онъ воспользуется результатами ихъ пропаганды въ случаѣ ея успѣха именно такъ, какъ они желаютъ и рассчитываютъ? Пропагандисты стараются распространить въ массахъ народныхъ всеобщее раздраженіе и недовольство, чтобы при помощи ихъ низпровергнуть существующій порядокъ вещей. Но не можетъ ли это раздраженіе и недовольство, еслибы революціонной пропагандѣ удалось распространить его въ народныхъ массахъ въ такой степени, въ какой имъ желается, обратиться въ послѣдствіи противъ нихъ самихъ и противъ того новаго порядка общественныхъ отношеній, какой имъ желается устроить на смѣну существующему порядку? и можно ли на самомъ дѣлѣ придумать такой планъ общественнаго переустройства, который бы могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ народныхъ массъ, требованіямъ притомъ искусственно возбужденнымъ и раздраженнымъ до крайней степени революціонной пропагандой? Известно, что и въ этомъ отношеніи ни одна революція не отвѣчала обѣщаніямъ возбуждавшихъ ее агитаторовъ и желаніямъ возбужденныхъ ими народныхъ массъ. Рассказываютъ, что когда во Франціи въ 1848 году парижскіе рабочіе возбужденные соціалистическою пропагандой помогли, кому это нужно было, произвести революцію, глава народныхъ массъ ремесленникъ Альберъ приступилъ къ одному изъ главныхъ вождей социализма Луи Блану, чтобы онъ далъ народу давно обѣщаемый соціалистическою пропагандой планъ лучшей организаціи рабочаго труда. Луи

Бланъ благоразумно уклонился отъ того, чтобы предлагать народу какой ли свой планъ общественнаго переустройства, и предложилъ самому Альберу высказать отъ имени рабочихъ, какихъ постановленій и гарантій они желали бы для обезпеченія лучшей организаціи труда. Сколько однакожъ, говорятъ, ни думали эти два устроителя народнаго блага о планѣ лучшей организаціи труда, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ они не могли ничего придумать для него, кромѣ общаго заглавія «организація труда». (А послѣ, хотя и придуманы были такъ названныя «національныя мастерскія, но эти мастерскія оказались такимъ неудавшимся средствомъ къ дѣйствительному улучшенію быта народныхъ массъ, что само же республиканское правительство принуждено было скоро закрыть ихъ, и опять не безъ насильственныхъ мѣръ). Въ подобномъ же положеніи, говорятъ, находились, и вожди парижской коммуны 1871 года, когда возбужденная ими же чернь стала требовать отъ нихъ ясныхъ и опредѣленныхъ плановъ общественнаго переустройства. Вообще порицать все существующее и разрушать гораздо легче, нежели придумывать что нибудь лучшее и вновь созидать... Въ революціонно-соціалистической пропагандѣ одна изъ самыхъ дурныхъ сторонъ есть именно та, что не имѣя въ виду ясныхъ и опредѣленныхъ мѣръ къ дѣйствительному улучшенію положенія народныхъ массъ, эта пропаганда распространяетъ между ними крайнее недовольство и раздраженіе противъ ихъ существующаго положенія. Этимъ пропагандисты всего болѣе дѣлаютъ зла именно тѣмъ самымъ народнымъ массамъ, о которыхъ повидимому они такъ хлопочутъ. Тяжело безъ сомнѣнія во многихъ отношеніяхъ положеніе рабочихъ классовъ, особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они совершенно лишены всякой осѣдлости, всякой прочной собственности, гдѣ вся земля—первый источникъ народнаго благосостоянія—находится въ рукахъ однихъ крупныхъ и богатыхъ собственниковъ. Но если они такъ или иначе привыкли къ своему положенію, и умѣютъ жить сообразно съ доставляемыми имъ средствами, если въ нихъ не возбу-

дено желаній и мечтаній, далеко выходящихъ за предѣлы этого положенія: оно все-таки остается для нихъ терпимымъ, сноснымъ; и въ немъ они находятъ для себя радости и счастье. Но когда въ нихъ возбуждается крайнее недовольство и озлобленіе противъ своего положенія, зависть и ненависть къ другимъ лучше поставленнымъ классамъ общества, когда въ нихъ искусственно разжигаются такія потребности и мечтанія, какимъ не могли бы удовлетворить никакія условія общественнаго порядка: жизнь ихъ поистинѣ отравляется; у нихъ отнимается послѣднее и самое дорогое въ жизни благо—миръ души, миръ семьи, возможность находить источникъ какого нибудь довольства и счастья въ своей жизни. И тѣ люди, которые это дѣлаютъ съ простымъ бѣднымъ народомъ, поистинѣ дѣлаютъ ему гораздо болѣе зла и страданія, чѣмъ всякіе другіе враги, притѣснители и эксплуататоры народа.

Какъ же именно социалисты думаютъ устранить существующія въ человѣческихъ обществахъ несправедливости и несовершенства, и устроить на землѣ такой порядокъ общественныхъ отношеній, который бы удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ и потребностямъ людей и сдѣлался источникомъ всеобщаго довольства и счастья? Плановъ для этого у разныхъ современныхъ мечтателей много; и намъ нѣтъ надобности разсматривать ихъ подробно. Но главная мысль социалистической пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы устранить существующія въ человѣческихъ обществахъ неравенства общественныхъ положеній, неравенства, по мнѣнію социалистовъ, основывающіяся только на насліп и несправедливости, уничтожить между людьми всякія отличія и привилегіи власти, знатности и богатства, и установить возможное равенство во всемъ и общее или по крайней мѣрѣ равномерное пользованіе всякими благами жизни. Согласимся на нѣкоторое время съ этою мыслью. Допустимъ, что эти неравенства общественныхъ положеній — величайшее зло; отъ нихъ дѣйствительно происходитъ не мало зла, хотя при нынѣшнихъ условіяхъ человѣческой жизни есть въ нихъ и добрая сторона: они возбуж-

даютъ соревнованіе въ человѣческой дѣятельности, способствуютъ общественному прогрессу, постепенно поднимая развитіе нисшихъ классовъ общества вслѣдъ за высшими. Допустимъ, что всѣ эти неравенства—всякія общественныя привилегіи основаны на насиліи и несправедливости, хотя и это неправда: въ приобрѣтеніи этихъ привилегій и пользованіи ими дѣйствительно бываютъ и несправедливости и насилія; но въ основѣ ихъ лежитъ идея справедливости—разность пользованія общественными благами соотвѣтственно съ разностью самыхъ личностей человѣческихъ—съ разностью ума, таланта, энергій, труда, заслуги для общества, вознаграждаемыхъ частію въ лицѣ самыхъ обладателей этихъ самыхъ умовъ, талантовъ, трудовъ, заслугъ и т. д., частію въ ихъ потомствѣ—родѣ, судьба котораго не можетъ не быть въ большей или меньшей степени связана съ судьбою главы рода. Допустимъ наконецъ, что устраненіе всѣхъ этихъ привилегій и неравенствъ дѣйствительно могло бы уврачевать всѣ недуги и несовершенства человѣческихъ обществъ, и всѣхъ людей сдѣлать довольными, богатыми и счастливыми, хотя и это не можетъ быть признано справедливымъ: сумма всѣхъ привилегій, которыми пользуются такъ-называемые высшіе классы общества относительно всей массы общественныхъ благъ, составляющей достояніе всего человѣчества, на самомъ дѣлѣ далеко не такъ велика, какъ это представляется многими. Черезъ отнятіе всѣхъ этихъ привилегій у тѣхъ, которые ими пользуются, и равномерное распредѣленіе ихъ между всѣми остальными людьми положеніе первыхъ несомнѣнно ухудшилось бы; но положеніе послѣднихъ едва ли бы значительно улучшилось, т. е. люди богатые и знатные чрезъ такую мѣру, дѣйствительно бы сдѣлались менѣе довольными и счастливыми, но люди бѣдные едва ли бы много приобрѣли довольства и счастья ¹). Притомъ далеко же конечно не отъ одного равен-

¹ Пояснимъ нашу мысль цифрами; такъ какъ въ наше время многіе по преимуществу даютъ вѣсь цифровымъ доказательствамъ. Предположимъ въ обществѣ между членами его такіа отношенія въ распредѣ-

ства или неравенства внѣшнихъ общественныхъ положеній зависить счастье или несчастье людей, совершенство или несовершенство человѣческихъ обществъ; есть для этого много условій внутреннихъ духовныхъ — гораздо болѣе важныхъ. Но пусть такъ. Допустимъ, что всеобщее уравненіе людей по ихъ общественному положенію могло бы быть дѣйствительно источникомъ всеобщаго довольства, мира и счастья, и что это уравненіе дѣйствительно могло бы быть достигнуто тѣми средствами, какія предлагаютъ социалисты. Но какъ поддержать это уравненіе въ родѣ человѣческомъ на всѣ будущія времена? Какъ предупредить тѣ явленія, чтобы на будущее время люди болѣе талантливые и энергичные не стали сами собою возвышаться надъ другими, и люди склонные къ хищ-

ленію имущества. Все общество, состоящее изъ десяти тысячъ семействъ, владѣть пяти милліоннымъ состояніемъ. Въ этомъ обществѣ есть богачъ владѣющій цѣлою пятою частью всего общественного имущества — дѣльнымъ милліономъ. Другимъ милліономъ владѣть десять семействъ (среднею цифрой по 100,000 каждое). Третьимъ милліономъ владѣть сто семействъ (по 10,000 каждое). Четвертымъ милліономъ владѣть тысяча семействъ (по 1000 каждое). Остальной милліонъ распределяется между остальными 8999 семействами такъ, что на каждое изъ нихъ среднимъ числомъ приходится лишь по сту съ небольшимъ рублей. Въ дѣйствительности неравномѣрное распределеніе имущества въ существующихъ обществахъ едва ли въ средней пропорціи доходитъ до такихъ крайнихъ различій. Но предположимъ такъ: предположимъ далѣе, что всѣ эти пять милліоновъ отбираются у частныхъ владѣльцевъ и равномерно распределяются между всѣми десятью тысячами семействъ. На каждую семью придется такимъ образомъ по 500 р. Что же изъ этого выйдетъ? Безъ сомнѣнія перемѣна въ образѣ жизни весьма значительна будетъ для тѣхъ семействъ, которыя съ милліоннаго или стотысячнаго или хоть десяти тысячнаго состоянія сойдутъ на пятисотенное. Но слишкомъ ли много измѣнится положеніе тѣхъ семействъ, которые вмѣсто ста или двухсотъ рублей будутъ имѣть пятьсотъ? Едва ли такъ много, чтобы изъ за этого можно было даже съ точки зрѣнія личной выгоды рѣшиться на радикальный общественный переворотъ, на насиліе, грабежи и убійства. Намъ могутъ сказать, что мы представляемъ социалистическій планъ общественной переустройства въ самомъ грубомъ видѣ, и употребляемъ противъ него грубый способъ доказательствъ. Такъ; мы знаемъ, что болѣе серьезные изъ современныхъ социалистовъ уже не станутъ говорить о поголовномъ отобраніи всѣхъ частныхъ имущества и совершенно равномерномъ распределеніи ихъ между членами общества; у нихъ рѣчь только о болѣе справедливомъ вознагражденіи личныхъ способностей и трудовъ соотвѣтственно съ степенью и качествомъ ихъ. Но

ничеству и преобладанію не стали вновь насильственными путями захватывать въ свои руки привилегіи предъ остальными людьми? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ довести это всеобщее общественное уравненіе до того, чтобы сдѣлать всѣхъ людей равными и по талантамъ и по образованію и по энергіи дѣятельности? Мечтаютъ и объ этомъ—трудно повѣрить, чтобы до такихъ нелѣпостей могла доходить мысль человѣческая—мечтаютъ и объ этомъ нѣкоторые изъ самыхъ крайнихъ и самыхъ сумасбродныхъ послѣдователей разсматриваемаго нами новаго ученія. Но превратить порядокъ природы дѣло конечно еще болѣе трудное, чѣмъ превратить порядокъ исторіи. Нельзя также конечно и совершенно искоренить во всѣхъ людяхъ инстинкты хищничества и насилія, особенно тѣми

вопервыхъ мы направляемъ свою рѣчь именно противъ тѣхъ крайнихъ социалистовъ, которые толкуютъ о радикальномъ общественномъ переворотѣ, и всеобщее счастье человѣческаго рода полагаютъ именно въ всеобщемъ уравненіи общественныхъ состояній. Такихъ крайнихъ социалистовъ несомнѣнно и теперь есть много, особенно между тѣми, которые, не довольствуясь разработкою социал. стическихъ идей въ кабинетахъ, дѣлаютъ изъ нихъ общенародную проповѣдь. Нужно при этомъ сказать, что и тѣ изъ социалистовъ, у которыхъ въ кабинетахъ слабаются и въ книгахъ развиваются болѣе серьезные и умѣренные представленія социальной реформы, выступая на поприще народной пропаганды, также любятъ представлять свои теоріи въ наиболѣе наглядномъ, наиболѣе возбудительномъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ въ наиболѣе грубомъ и нелѣпомъ видѣ. Вообще въ пропаганду между народомъ попадаютъ всего болѣе тѣ именно изъ социалистическихъ идей и теорій, которыя отличаются наибольшою грубостью и нелѣпостью. Противъ такихъ то идей и теорій, которыми въ особенности развращаются легковѣрные и малосмысленные, и есть особенно настоятельная надобность говорить. Способъ доказательствъ, употребляемыхъ нами противъ нихъ, безъ сомнѣнія можетъ представляться грубымъ, но онъ совершенно соответствуетъ самой сущности этихъ теорій, и вполне подходитъ въ тѣмъ доказательствамъ, какія употребляются самими социалистами въ пропагандѣ ихъ идей. Что касается до болѣе серьезныхъ социалистическихъ теорій, въ которыхъ рѣчь идетъ о болѣе справедливой оцѣнкѣ личныхъ трудовъ и способностей соответственно ихъ степени и качеству,—съ этими теоріями намъ нѣтъ надобности спорить здѣсь. Только если и эти теоріи для своего осуществленія опираются на насильственные средства, сводятся на революціонный путь, въ такомъ случаѣ и по отношенію къ нимъ можетъ быть примѣнимо почти все то, что говорится нами противъ крайнихъ и грубыхъ социалистическихъ теорій.

мѣрами, которыя рекомендуетъ революціонно-соціалистическая пропаганда, и которыя сами всего болѣе могутъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію въ обществахъ инстинктовъ хищничества и насилія. Такимъ образомъ — въ концѣ концовъ — еслибы и удалось новымъ благодѣтелямъ человѣчества довести человѣческія общества до того идеальнаго состоянія, о какомъ они мечтаютъ, это состояніе не могло бы держаться долго. Мало-по-малу въ немъ опять стали бы обнаруживаться все тѣже явленія, которыя существуютъ при настоящемъ порядкѣ вещей: потому что эти явленія имѣютъ глубокое основаніе въ свойствахъ и инстинктахъ человѣческой природы, какою по крайней мѣрѣ мы знаемъ ее при настоящихъ условіяхъ ея существованія.

Но, говорятъ, при устроеніи новаго порядка вещей могли бы быть изобрѣтены такія мѣры и гарантіи, которыя навсегда могли бы обезпечить правомѣрныя отношенія между людьми, и не только предотвратить проявленія насилія и хищничества, но и сдѣлать невозможнымъ захватъ излишнихъ привилегій даже для такихъ людей, которые бы и дѣйствительно возвышались надъ другими своими талантами, трудами и заслугами. Каковы могутъ быть эти мѣры и гарантіи, объ этомъ устройтели новаго общественнаго порядка большею частію не любятъ говорить опредѣленно, потому что и трудно въ этомъ отношеніи придумать что либо серьезное и опредѣленное. Большая часть изъ нихъ на всѣ подобныя вопросы отговариваются общими фразами такого рода, что опредѣленіе всѣхъ частныхъ новаго порядка вещей есть дѣло будущаго; между тѣмъ этими-то именно частностями и должно опредѣляться то, на сколько предполагаемый новый порядокъ можетъ быть желателенъ или нежелателенъ. Но пусть такъ. Пусть на самомъ дѣлѣ провозвѣстниками новаго ученія могли бы быть придуманы твердыя мѣры и гарантіи не только къ устроенію идеальнаго порядка на землѣ, но и къ поддержанію его на всѣ будущія времена... Но что же это все внѣшнія мѣры да гарантіи? Ужели на самомъ дѣлѣ возможно внѣшними мѣрами и

гарантіями создать и навсегда утвердить счастье и благо людей? И уже ли на самомъ дѣлѣ было бы желательно, не довольствуясь тѣми частными мѣрами и гарантіями къ обезпеченію общественнаго порядка, которыхъ и теперь уже очень много во всѣхъ странахъ, придумать еще надъ всею жизнью человѣчества общія мѣры и гарантіи—общій такъ сказать—полипейскій контроль, опредѣляющій дальнѣйшее развитіе общественной жизни лишь въ указанномъ направленіи и въ предначертанныхъ предѣлахъ? Но увы, что же тогда стало бы съ свободою человѣческой личности, съ творчествомъ человѣческаго генія, со всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ человѣческаго рода? Гдѣ бы могла найти мѣсто себѣ несчастная человѣческая мысль, родившаяся въ гениальномъ умѣ, мысль свѣтлая и глубокая, но несоответственная общепринятымъ понятіямъ объ общественномъ благѣ? Или какой путь могло бы найти себѣ свободное стремленіе человѣческой воли, одушевленной самыми лучшими побужденіями и направленной поистинѣ ко благу человѣчества, но не по тому масштабу, который заранѣе однажды навсегда предудказанъ для человѣческой дѣятельности? И чѣмъ тогда должно бы было сдѣлаться все человѣчество, какъ не нѣкоторымъ подобіемъ великаго стада, долженствующаго весь вѣкъ пастись на однихъ и тѣхъ же значныхъ пастбищахъ, уготованныхъ для него его великими радѣтелями?.. И такую-то будущность желали бы приготовить для человѣчества люди говорящіе о личной свободѣ и объ историческомъ прогрессѣ!..

Вотъ нами, кажется, уже настолько достаточно собрано частныхъ чертъ крайняго революціоннаго лже-соціализма, что раскрывается наконецъ въ настоящемъ видѣ и его общій обликъ, разоблаченный отъ всѣхъ прикрасъ, которыми онъ украшаетъ себя для обольщенія простодушныхъ людей... Вопреки высокимъ понятіямъ послѣдователей этого ученія о его необыкновенной глубинѣ и мудрости, захватывающей будто бы въ корнѣ всѣ задачи жизни человѣчества, оно напротивъ отличается прежде всего самымъ поверхностнымъ, вѣшнымъ

близорукимъ отношеніемъ къ человѣческой жизни и серьезнымъ задачамъ представляемымъ ею. Остановливаясь на одной внѣшней матеріальной сторонѣ дѣла и не проникая въ его внутреннія глубочайшія основанія, соціаллисты естественно не только не рѣшаютъ вопросовъ, которыми задаются, но и запутываются въ крайнихъ безысходныхъ противорѣчіяхъ. Такъ, прежде всего задаваясь вопросомъ о благѣ и счастіи людей, они почти совершенно сводятъ этотъ вопросъ на частный о матеріальной сытости или несытости. Поэтому бѣдность матеріальная является въ ихъ глазахъ не только величайшимъ, но единственнымъ кореннымъ несчастіемъ, отъ котораго происходятъ всѣ прочія бѣдствія, какъ физическія такъ и моральныя—и невѣжество и безнравственность и несправедливость и т. д. Естественно поэтому, что всѣ ихъ усилія исключительно направляются къ тому, чтобы избавить человѣчество отъ этого кореннаго несчастія: съ устраненіемъ бѣдности, мечтаютъ они, сами собою установятся въ жизни человѣческой нравственность, справедливость и счастіе. И между тѣмъ сами же они говорятъ, что люди богатые, не испытывающіе лишней бѣдности, и безнравственнѣе и несправедливѣе и въ существѣ дѣла несчастливѣе бѣдныхъ. Какъ далье избавить человѣчество отъ этого великаго несчастія? Гдѣ найти коренную причину его и какъ уничтожить эту причину? Этотъ вопросъ соціаллисты также рѣшаютъ чрезвычайно поверхностно: бѣдные нуждаются въ необходимыхъ потребностяхъ жизни оттого, что богатые слишкомъ много благъ земныхъ захватили въ свои руки, и пользуются ими для удовлетворенія своихъ прихотей, т. е. иваче сказать бѣдность въ мірѣ оттого, что одни имѣютъ мало, а другіе много; или еще проще бѣдность отъ того, что одни бѣдны, а другіе не бѣдны... Выводъ отсюда тотъ, что нужно взять излишки у богатыхъ и раздѣлить между бѣдными. Мы уже говорили выше, что чрезъ эту операцію имѣющимъ много дѣйствительно станетъ гораздо хуже, но станетъ ли отъ этого много лучше имѣющимъ мало, это весьма сомнительно; соціаллисты въ этомъ случаѣ обманчи-

вають себѣ слишкомъ преувеличенными представленіями о массѣ благъ земныхъ, находящихся въ рукахъ богатыхъ людей, сравнительно со всѣмъ количествомъ ихъ, составляющимъ достояніе всего человѣчества. Какъ далѣе произвести предполагаемую операцію уравненія благъ земныхъ между богатыми и бѣдными? Богатые конечно не отдадутъ добровольно своихъ излишковъ; поэтому всего надежнѣе бѣдныхъ довести до такого состоянія, чтобы они сами взяли эти излишки у богатыхъ. Какимъ образомъ? Нужно возбудить въ бѣдныхъ недовольство своимъ состояніемъ и довести его до такой степени, чтобы это состояніе сдѣлалось для нихъ невыносимымъ, чтобы они готовы были на всякія крайнія, хотя бы насильственные и преступныя мѣры—на заговоръ, возстаніе, грабежъ и убійство, чтобы выйти изъ этого состоянія. И такъ вотъ рѣшеніе существеннѣйшаго жизненнаго вопроса. Требуется улучшить матеріальное положеніе бѣдныхъ; для этого нужно сдѣлать ихъ настоящее матеріальное положеніе невыносимымъ для нихъ. Требуется улучшить нравственное положеніе ихъ; для этого нужно извратить въ нихъ нравственный смыслъ и совѣсть, приучить ихъ къ насиліямъ и преступленіямъ всякаго рода. Требуется вообще сдѣлать бѣдныхъ людей счастливыми; для этого средства—отнять у нихъ послѣдній источникъ возможнаго въ ихъ положеніи счастья—довольство своимъ положеніемъ, неприхотливость желаній, спокойствіе духа и миръ совѣсти!.. Подобнымъ же образомъ рѣшается социалистами и другой существеннѣйшій жизненный вопросъ о совершенствѣ или несовершенствѣ существующаго общественнаго и политическаго устройства. Остановливая вниманіе на общественныхъ отношеніяхъ людей социалисты видятъ въ нихъ много несовершенствъ, насилій, несправедливости и т. д. Видятъ и сознаютъ эти несовершенства и другіе люди имѣющіе очи видѣть. Но социалисты съ одной стороны останавливая вниманіе на самыхъ рѣзкихъ исключительныхъ явленіяхъ общественной жизни, слишкомъ уже преувеличиваетъ ея неустройства, съ другой стороны указывая причину этихъ неустройствъ

и путь къ ихъ искорененію они останавливаются на такихъ объясненіяхъ, которыми никакая серьезная мысль не можетъ удовлетвориться. Отчего дурны общественныя отношенія, отчего много въ нихъ несправедливости, насилія и т. д.? Отъ того, что устроители и правители обществъ дурные люди. Но откуда берутся эти дурные правители общества и отъ чего они сами дурны? Они выходятъ изъ того же общества и отражаютъ на себѣ его недостатки; они продуктъ дурнаго общественного устройства. Такимъ образомъ здѣсь причина производитъ извѣстное слѣдствіе, и сама происходитъ отъ этого самаго слѣдствія... Дурно общество отъ того, что правители его дурны; слѣд. чтобы общество сдѣлалось лучше, нужно дать ему хорошихъ правителей. Но откуда возьмутся эти хорошіе правители? Не изъ того же ли общества? И не будутъ ли они также отражать на себѣ его недостатки?... Далѣе чѣмъ особенно дурны настоящіе правители обществъ и самыя общества управляемая ими? Тѣмъ, что отъ нихъ общество много терпитъ, говорятъ, насилія и несправедливости. Чего по этому въ особенности нежелательно было бы видѣть въ новыхъ правителяхъ общества и въ новомъ общественномъ устройствѣ? Насилія, несправедливости. Но какимъ же путемъ можно измѣнить старый порядокъ на новый, и замѣнить старыхъ правителей новыми? Опять насиліемъ, несправедливостью. Такимъ образомъ здѣсь для искорененія болѣзни рекомендуется то самое средство, которое и вызвало и поддерживаетъ болѣзнь. Такова логика у послѣдователей новаго ученія; и такова мудрость ихъ въ рѣшеніи тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые они сами считаютъ коренными вопросами общественной жизни. Посмотримъ теперь, какова искренность ихъ въ заявленіи и раскрытіи своихъ идей. Революціонный социализмъ, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, держится на началѣ насилія и вѣрить только въ насиліе. Но онъ не хочетъ открыто сознаться въ этомъ; социалисты понимаютъ, что открытая проповѣдь насилія не можемъ привлечь къ себѣ многихъ послѣдователей,—и что собственно говоря, есть глубокое противорѣчіе

въ томъ ученіи, которое, возставая противъ насилія, само же проповѣдуетъ насиліе. Поэтому они, дабы сдѣлать свою пропаганду болѣе привлекательною, изображаютъ на своемъ знамени совсѣмъ другіе принципы и идеи — братства, любви, свободы. Въ существѣ дѣла эти идеи совершенно чужды имъ и характеру ихъ ученія. Они вообще совсѣмъ не вѣрятъ въ духовную силу идей самихъ въ себѣ. Они понять не могутъ того, чтобы добро само по себѣ своею внутреннею силою могло одержать побѣду надъ зломъ, любовь надъ враждою, правда надъ неправдою. Эти понятія принадлежатъ къ кругу высшаго духовнаго порядка идей, котораго они не понимаютъ и не признаютъ. Они, останавливаясь на одной внѣшней матеріальной сторонѣ жизни, вѣрятъ только въ господство внѣшней матеріальной силы. Поэтому, по ихъ представленію, самыя высшія духовныя идеи для своего развитія и утвержденія непременно требуютъ также внѣшней силы — насилія, и не могутъ безъ этого получить въ мірѣ никакого значенія; только насиліемъ можно дѣйствовать противъ насилія, враждою противъ вражды, неправдою противъ неправды. Такимъ образомъ высшія идеи добра, правды, любви, свободы остаются у социалистовъ какими-то отвлеченными идеями, во внутреннее значеніе которыхъ они вовсе не вѣрятъ, а въ дѣйствительности подъ ихъ знаменемъ проповѣдуются и совершаются насиліе, неправда, вражда, зло. Соціалисты не могутъ конечно не сознавать, что между ихъ словами и дѣйствіями, между принципами выставляемыми на показъ и принципами осуществляемыми на самомъ дѣлѣ есть глубокое противорѣчіе. И вотъ по этому-то они стараются какънибудь замаскировать или затушевать это противорѣчіе, и выдумываютъ оговорки такого рода, что насиліе, ненависть и неправда для нихъ имѣютъ только временное значеніе, что это только мѣры для утвержденія въ мірѣ добра, правды, любви. Такимъ образомъ для подкрѣпленія новаго превратнаго и безпрямственнаго ученія привлекается здѣсь другое, давно выдуманное и также давно осужденное нелѣпое и безпрямственное ученіе, будто

для добрыхъ цѣлей могутъ быть употребляемы дурныя средства, будто бы отъ дурныхъ мѣръ могутъ происходить хорошія послѣдствія и т. д. Всѣ подобныя ученія, сами въ себѣ носящія внутреннее противорѣчіе и потому сами себя разрушающія, происходятъ именно отъ поверхностнаго матеріальнаго взгляда на жизнь, отъ невѣрія въ высшую духовную силу добра и правды самихъ въ себѣ, и отъ лицемѣрнаго желанія какъ нибудь соединить въ нравственной жизни два совершенно противоположные принципа: принципы добра и зла, свѣта и тьмы, правды и неправды, любви и вражды.

Вотъ здѣсь-то открывается и та сторона дѣла, въ которой ученіе соціалистическое ближайшимъ образомъ соприкасается съ другимъ современнымъ ложнымъ ученіемъ—матеріалистическимъ. Повидямому между этими двумя ученіями не должно быть ничего общаго. Соціализмъ съ перваго взгляда представляется высокою идеализаціей; матеріализмъ есть отрицаніе—противоположность всякой идеализаціи. Соціализмъ—мечта о будущемъ; матеріализмъ—жизнь въ настоящемъ. Соціализмъ—вѣра въ торжество высшей духовной идеи, матеріализмъ—признавіе господства одного животнаго инстинкта и вѣншей матеріальной силы. Соціализмъ проповѣдуетъ ообщемъ благѣ; матеріализмъ знаетъ только благо, имѣющее основаніе въ личномъ ощущеніи. Соціализмъ проповѣдуетъ о самоотверженной любви къ человѣчеству; матеріализмъ признаетъ безразсчетную любовь развѣ только въ смыслѣ полового инстинкта; всѣ же сознательныя и произвольныя дѣйствія людей, по его представленію, имѣютъ въ основаніи своемъ эгоизмъ, желаніе или расчетъ получить выгоду отъ другихъ, пожалуй и чрезъ доставленіе выгодъ другимъ. Соціализмъ мечтаетъ о всеобщемъ братствѣ, мирѣ и счастіи, послѣдовательный матеріализмъ не можетъ признать этихъ мечтаній; для него вѣчный законъ жизни, переносимый новѣйшею наукой изъ области жизни животной матеріальной и въ сферу самыхъ высокихъ нравственныхъ явленій, есть борьба за существованіе и личное наслажденіе, и слѣдуетъ.

всеобщая вражда, насиліе и взаимно—истребленіе, утвержде-
ніе блага и счастья однихъ на страданіи и уничтоженіи дру-
гихъ. Отчего же однако между современными социалистами
много материалистовъ? Отчего социалистическая пропаганда
идеть рядомъ съ материалистическою пропагандою—подъ од-
ними и тѣми же знаменами, въ однихъ и тѣхъ же лагеряхъ?
Отчего во многихъ несчастныхъ головахъ, увлекаемыхъ этою
пропагандой, укладываются рядомъ такіа видимо противорѣ-
чащія понятія, какъ всеобщее благо и личный эгоизмъ, все-
общее братство и борьба за существованіе, всеобщій миръ
и счастье и революціонная смута и рѣзня? Оттого, что въ
существовѣ дѣла социализмъ и материализмъ держатся на од-
номъ и томъ же принципѣ. Это есть именно принципъ вѣн-
шей матеріальной силы—принципъ личнаго эгоизма и борьбы
за существованіе, принципъ насилія, неправды, вражды. Это
тотъ принципъ, который дѣйствительно господствуетъ въ мірѣ
звѣрей, въ жизни животныхъ, и которому новѣйшее міро-
созерданіе, приравнивающее человѣка къ животнымъ, ста-
рается дать также господство въ жизни человѣческой. Это
тотъ принципъ, который уже однажды въ древнія времена
заглушилъ было въ родѣ человѣческомъ всѣ высшія идеи
добра, правды и любви, и едва не обратилъ весь родъ чело-
вѣчскій въ царство животныхъ и звѣрей, и который на нѣ-
сколько вѣновь будучи задержанъ въ своемъ развитіи влія-
ніемъ христіанства, вновь теперь вызывается къ господству
въ родѣ человѣческомъ ученіями отрѣшившимися отъ почвы
христіанской. Материализмъ проповѣдуетъ этотъ принципъ от-
крыто, послѣдовательно, и прямо водружаетъ на своемъ зна-
мени принципъ матеріальной силы, личнаго эгоизма и борьбы
за существованіе т.-е. всеобщей вражды. Социализмъ же не
хочетъ или не находитъ удобнымъ открыто и послѣдователь-
но заявлять эти принципы и старается прикрывать ихъ прин-
ципами совершенно другаго противоположнаго порядка, прин-
ципами общаго блага, самоотверженной любви къ человѣче-
ству, всеобщаго братства, правды, мира, свободы и т. д. Но

въ существѣ дѣла эти высшіе духовные принципы остаются также чужды социализму, какъ и матеріализму. Въ существѣ дѣла социализмомъ также, какъ и матеріализмомъ постоянно проводятся матеріалистическія начала личнаго эгоизма, насилія, вражды, и на практикѣ даже революціонеры—соціалисты проводятъ эти начала еще съ большею послѣдовательностью и крайностью, чѣмъ матеріалисты, довольствующіеся по преимуществу теоретическимъ развитіемъ своего принципа. Понятно теперь, къ чему въ концѣ-концевъ могутъ вести чело-вѣчество эти ученія. Къ тому, чтобы опять постепенно заглохли въ родѣ чело-вѣческомъ всѣ высшія идеи и благороднѣйшія чувства, — къ тому, чтобы всѣ нравственныя стихіи чело-вѣческой жизни уступили свое мѣсто господству грубой силы, и родъ чело-вѣческой обратился бы въ стадо животныхъ или царство звѣрей. Послѣдовательный матеріализмъ не станетъ и отказываться отъ такихъ крайнихъ результатовъ своей системы; по его системѣ люди никогда и не переставали и не могутъ перестать быть животными и звѣрями. Но социализмъ закрываетъ глаза передъ этими послѣдствіями, и старается обольщать себя фальшивыми представленіями о всеобщемъ братствѣ, всеобщемъ мирѣ и счастіи, которыя должны будто бы образоваться изъ всеобщей вражды и всеобщаго разрушенія. Въ существѣ дѣла однакожь, если присмотрѣться по ближе и къ этимъ мечтательнымъ представленіемъ о будущемъ братствѣ и счастьи людей, эти самыя мирѣ и счастье представлятъ намъ образъ чисто животного состоянія людей, прозябающихъ въ однихъ и тѣхъ же заранѣе предначертанныхъ рамкахъ и условіяхъ жизни,—такого состоянія, при которомъ не можетъ быть мѣста ни личной свободѣ, ни общественному прогрессу. А если при этомъ принять во вниманіе, что для приготовленія людямъ этого будущаго блаженнаго состоянія соціалисты стараются предварительно развивать въ людяхъ звѣрскіе инстинкты насилія, вражды, разрушенія, и что эти инстинкты возбужденные до крайней степени не могутъ конечно потерять свою силу и исчезнуть,

какъ скоро это угодно будетъ устроителямъ будущей общечеловѣческой коммуны, то при этомъ должно оказаться, что въ предполагаемой всемірной коммунѣ человѣчество должно ожидать себѣ не только мирно — животнаго состоянія, при которомъ бы агнцы могли спокойно пастись вмѣстѣ съ волками, но и свирѣпо - звѣрскихъ отношеній, при которыхъ волки истребившіе пастуховъ и стражей стада обратятъ затѣмъ свою свирѣпость противъ поддавшихся имъ овецъ и другъ противъ друга....

IV.

Послѣ всего сказаннаго становится ясно и то, почему социалистическое ученіе также, какъ и матеріалистическое, съ крайнею враждою относится къ христіанству. Потому что христіанство держится на началѣ прямо противоположномъ матеріалистическому и революціонно-социалистическому началу — на началѣ силы духовной, силы правды, любви и свободы, а не началѣ силы матеріальной — силы принужденія, неправды и вражды. Христіанство вѣритъ въ духовную силу правды, добра и любви самихъ въ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣритъ въ духовную природу людей, которая потому самому, что она духовна, имѣетъ естественную воспримчивость къ высшимъ духовнымъ вліяніямъ добра, правды и любви. Христіанство, хотя и признаетъ природу человѣческую падшею, находящуюся въ ненормальномъ состояніи, тѣмъ не менѣе оно признаетъ въ ней болѣе сохранившагося духовнаго благородства и болѣе воспримчивости ко всякимъ высшимъ духовнымъ вліяніямъ и стремленіямъ, чѣмъ всѣ естественныя ученія, не признающія человѣческаго паденія, но представляющія однакожь природу человѣческую по самому существу ея гораздо въ худшемъ состояніи, чѣмъ въ какомъ представляетъ ее христіанство. Признавая въ душѣ человѣческой, хотя и падшей, нескоренимое сродство съ міромъ духовнымъ, и потому нескоренимую воспримчивость къ высшимъ духовнымъ

вліяніямъ добра, правды и любви, признавая неотразимую силу этихъ высшихъ духовныхъ началъ надъ душою человѣческою, христіанство поэтому надѣется, что сколько бы ни властвовали надъ родомъ человѣческимъ противоположныя начала зла, ненависти и неправды,—добро, правда и любовь въ концѣ концовъ все-таки должны одержать торжество надъ ними, торжество относительное въ этомъ мірѣ, насколько то будетъ зависѣть отъ собственной свободы и усилій самихъ людей, и торжество окончательное въ жизни будущей, когда грѣховное начало будетъ вполне покорено духовнымъ началомъ. Поэтому христіанство, признавая и благословляя всякій естественный шагъ въ духовномъ развитіи рода человѣческаго, невидимо содѣйствуемому и управляемому высшею всемогущею рукою Промысла Божія, отвергаетъ насильственные перевороты въ исторіи человѣчества, отвергаетъ употребленіе средствъ и дѣйствій грубыхъ и жестокихъ, особенно употребленіе ихъ для высшихъ духовныхъ цѣлей добра, правды и любви. Христіанство держится на томъ убѣжденіи, что высшія начала добра, правды и любви не только сами по себѣ своею внутреннею силою безъ пособія грубыхъ матеріальныхъ средствъ могутъ пріобрѣтать себѣ торжество въ родѣ человѣческомъ; но что употребленіе насильственныхъ и грубыхъ средствъ въ этомъ случаѣ даже вредитъ дѣлу, замедляетъ въ мірѣ развитіе правды, добра и любви, потому что въ ихъ собственной такъ сказать области дѣлаетъ уступку, даетъ временное господство противоположнымъ началамъ—злу, неправдѣ, насилію, враждѣ. Извѣстно, что сказалъ Іисусъ Христосъ въ великую ночь самоотверженнаго шествія на страданія за людей ученику своему, желавшему силою защищать личность любимаго Учителя (Матѣ. XXVI, 52—54; Іоан. XVIII, 11). «Петръ, вложи мечъ въ ножны» (грубая внѣшняя сила не должна быть употребляема на поддержку высшей духовной силы), «Всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ» (насиліе естественно вызываетъ противъ себя также насиліе, и потому само въ себѣ носитъ начало гибели). Или ты думаешь, что я не могу теперь умо-

лить Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ Ангеловъ?» (духовная сила, еслибы стала считаться съ враждебными ей началами, безъ сомнѣнія могла бы выставить противъ нихъ и внѣшнюю силу самую могущественную). Но какъ же сбудутся Писанія, что такъ должно быть? (міръ долженъ увидѣть, что духовная сила добра, правды, любви сама по себѣ безъ пособія внѣшней силы, и при самомъ крайнемъ внѣшнемъ униженіи, можетъ одержать побѣду надъ всѣми враждебными ей началами зла, неправды и ненависти). И Иисусъ Христосъ непосредственно затѣмъ показалъ истину своихъ словъ на самомъ дѣлѣ. Онъ показалъ, что одно слово Его могло повергнуть на землю высланную противъ Него силу; и тѣмъ не менѣе безпрекословно отдалъ себя въ руки враговъ, и претерпѣлъ всякія поруганія и мученія и позорнѣйшую и жесточайшую казнь. И послѣ того увидѣли люди, что Любовь и Добро, оповоренное и истерзанное, убитое и погребенное, запечатанное и стражею огражденное, вновь воскресло въ божественной славѣ, — и враги; преслѣдовавшіе Его, остались посрамленными или сами склонились предъ Его непобѣдимую силою.

Если Добро, Правда и Любовь для своего распространенія между людьми не нуждаются въ грубыхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ, если грубыя и насильственныя дѣйствія только мѣшаютъ распространенію въ мірѣ этихъ началъ; то конечно такія дѣйствія, по смыслу христіанскаго ученія, не могутъ быть употребляемы ни какъ средство противъ неправды, насилія и зла, ни какъ возмездіе за сдѣланную неправду, насиліе и зло. Единственнымъ средствомъ къ распространенію правды, добра и любви и единственнымъ способомъ возмездія на неправду, ненависть и зло, по христіанскому ученію, опять-таки представляются Правда, Добро и Любовь. Только правдою можно побѣдить неправду, добромъ зло, любовью ненависть... «Если ударятъ тебя по щекѣ, подставь другую; если станутъ снимать съ тебя верхнюю одежду, отдай рубашку. Не воздавай зломъ за зло, но побѣждай добромъ зло. Любите

враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обидящихъ и гонящихъ васъ... Кроткіе наследуютъ землю. Нищій духомъ, гонимымъ за правду принадлежить царство небесное».

«Но это, говорятъ, такое идеальное ученіе, которое не можетъ имѣть мѣста на землѣ—въ обычныхъ отношеніяхъ людскихъ. Раскрытіе его въ Евангеліи: но само же христіанство называетъ Евангеліе ученіемъ божественнымъ, а не человѣческимъ. Осуществленіе его въ жизни Иисуса Христа; само же христіанство исповѣдуетъ Иисуса Христа не простымъ человѣкомъ, а Богочеловѣкомъ, съ которымъ не могутъ равняться другіе простые и слабые люди. Это идеаль христіанства, оставшійся неосуществленнымъ для него самаго. Въ дѣйствительности между христіанами всегда имѣли мѣсто и насиліе, и зло и вражда. И сама церковь нерѣдко призывала вѣдшую силу на помощь проповѣдуемой ею истинѣ. И подъ кровомъ христіанства создано то ученіе, что можно употреблять дурныя средства для добрыхъ цѣлей, что можно допускать вѣдствопреступленіе, обманъ, присвоеніе чужой собственности и убійство — *ad majorem Dei gloriam*. и т. д. Такъ. Дѣйствительно, Евангеліе и земная жизнь Иисуса Христа останутся навсегда для людей идеаломъ, съ которымъ сойтись вполне не можетъ жизнь ни одного человѣка. Но не затѣмъ существуютъ идеалы въ жизни, чтобы люди по причинѣ ихъ высоты совершенно отвращались отъ нихъ и направляли свою жизнь совершенно въ противоположную сторону, а затѣмъ, чтобы хоть сколько нибудь приближались къ нимъ. Мы безъ сомнѣнія по своимъ нравственнымъ совершенствамъ никогда не можемъ сравняться съ Богомъ. Но Иисусъ Христосъ прямо заповѣдалъ намъ уподобляться Богу: *будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ*. Наша жизнь по нравственной чистотѣ и самоотверженной любви никогда не можетъ стать на высоту жизни Христовой; но апостолъ Павелъ прямо заповѣдуетъ намъ стремиться *въ мѣру исполненія возраста Христова*. Всего мы не можемъ сдѣ-

лать; но каждый можетъ сдѣлать что нибудь. Впоишь осуществить евангельскій идеалъ не можемъ; но осуществить его въ какой нибудь мѣрѣ при помощи Божіей всякій можетъ. И во всякомъ случаѣ, если мы не можемъ впоишь осуществить нравственный идеалъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы совсѣмъ оставляли его, и намѣренно утверждали въ жизни начало противоположное ему. Изъ того, что мы не можемъ во всей полнотѣ исполнить требованія правды и любви христіанской, не слѣдуетъ, чтобы мы прямо возводили для себя въ жизненный принципъ неправду и зло.

Что между христіанами всегда имѣли мѣсто несправедливости, обиды, взаимныя притѣсненія, плата зломъ за зло, — что сама церковь (т. е. люди дѣйствовавшіе отъ ея имени, хотя и не проникнутые ея духомъ) употребляла насиліе и неправду ради распространенія самой истины, что наконецъ подъ покровомъ христіанства создалось ученіе разрѣшающее зло и преступленіе для славы Божіей, это дѣйствительно такъ. Но, какъ мы уже объясняли выше, это не имѣетъ отношенія къ самому христіанскому принципу. Это произошло не отъ него, а вопреки ему, — оттого, что жизнь человѣчества, и даже нерѣдко жизнь тѣхъ, которые по преимуществу считаютъ себя представителями церкви, недостаточно прониклась христіанскими началами, и доселѣ сохраняетъ въ себѣ много началъ враждебныхъ христіанству. Но изъ того, что эти начала доселѣ удерживали свою силу между христіанами, слѣдуетъ ли, чтобы ихъ нужно было сознательно и намѣренно поддерживать и даже еще болѣе укрѣплять въ христіанскихъ обществахъ и на будущее время? Изъ того, что средневѣковая инквизиція хотѣла страхомъ, пытками и казнями охранять истину Божію, изъ того, что іезуитство разрѣшало вѣтвопреступленія, грабежи и убійства для славы Божіей, слѣдуетъ ли, чтобы и въ настоящее время нужно было возстановлять и укрѣплять такіе принципы? Въ жизни человѣчества и особенно въ жизни христіанскихъ обществъ несомнѣнно долженъ быть нравственный прогрессъ. То, что признано ложнымъ и

вреднымъ, и надъ чѣмъ проаннесено справедливое осужденіе въ прежнія времена, не должно быть вновь призываемо къ жизни во времена повзрѣнія. Не провозноситъ ли современная мысль безусловнаго осужденія надъ принципами инквизиціоннаго террора и іезуитской морали? Зачѣмъ же она сама въ другой области и въ другой формѣ старается возстановлять и распространять тѣ же принципы?... Нѣкоторые пытаются въ самомъ Евангеліи находить такія мѣста, изъ которыхъ будто можно вывести, что христіанство и въ самомъ принципѣ своемъ не отвергаетъ совершенно употребленія насилія для торжества добраго дѣла и даетъ такимъ образомъ оправданіе революціоннымъ переворотамъ въ исторіи человѣчества. Такой смыслъ находятъ въ словахъ Спасителя своимъ ученикамъ: «Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ, но мечъ. Я пришелъ раздѣлить сына съ отцемъ, дочь съ матерью и невѣстку съ свекровью. Возстанутъ братья на братья, и родители на дѣтей, и дѣти на родителей» (Матѣ. X, 34—35; 21). Въ другой разъ Иисусъ Христосъ сказалъ, что Онъ своимъ учениемъ огонь бросилъ на землю, который непременно долженъ воспламениться (Лук. XII, 49). Не похоже ли это на зажигательныя рѣчи революціонно-соціалистической проаганды, которая вызываетъ къ огню и мечу для распространенія своихъ началъ и къ возстанію братьевъ на братьевъ и дѣтей на родителей? Но чтобы понять, какой смыслъ заключается въ приведенныхъ словахъ Евангелія, нужно обратиться вниманіе на то, какъ относятся эти слова ко всему духу и смыслу Евангелія, и еще болѣе на то, какое истолкованіе они находятъ себѣ въ жизни самаго Иисуса Христа и Его ближайшихъ послѣдователей. Да. Дѣйствительно велѣдъ за появленіемъ христіанства страшное пламя загорѣлось на землѣ: и мечъ сталъ посѣкать головы тысячъ людей. Раздѣленіе возникло между самыми близкими людьми, и буквально братья встали противъ братьевъ и родители противъ дѣтей. Но кто же это — христіанскіе проповѣдники употребили огонь и мечъ для распространенія своего ученія, и христіанскіе родители

возставали противъ своихъ дѣтей и братья противъ братьевъ за то, что тѣ не принимали ихъ убѣжденій? Нѣтъ, этого никогда не бывало. Но тысячи самихъ христіанъ погибали въ пламени костровъ и отъ меча палачей. Но родители не-христіане поднимали руку противъ своихъ дѣтей и братья противъ братьевъ, сдѣлавшихся христіанами (исторія христіанства знаетъ нѣсколько такихъ примѣровъ, буквально оправдавшихъ словахъ Спасителя; припомните наиболѣе извѣстные вамъ примѣры св. великомученицы Варвары убитой рукою собственнаго отца, или царицы Александры осужденной на смерть по приказанію своего мужа). Свѣтъ евангельской истины среди облежавшей его тьмы язычества былъ такъ силенъ для омраченныхъ предрасудками умовъ человѣческихъ, и сила любви христіанской среди общества закоренѣвшаго въ жестокости и враждѣ была такъ невыносима для страстей человѣческихъ, что всѣ эти предрасудки и страсти съ ужаснѣйшею силою—съ огнемъ и мечемъ—возстали противъ христіанства. Вотъ истинный смыслъ пророчественныхъ словъ Спасителя. Не христіанство вызвало насиліе противъ когонибудь; а противъ христіанства возстало насиліе всякаго рода. Не христіанство зажгло костры и обратило мечи противъ непокорившихся ему іудеевъ и язычниковъ; а злобное противъ него язычество и іудейство зажгло костры и обратило мечи на христіанъ. И это продолжалось, какъ извѣстно, около трехъ столѣтій, — всѣ усилія человѣческихъ страстей свирѣпѣли надъ христіанами, всякія поруганія и мученія были истощены надъ ними, и христіанъ погибло въ то время отъ огня, меча и другихъ казней не десятки, не сотни, а десятки и сотни тысячъ. И замѣчательное дѣло, во все это время христіане, вѣрные духу и наставленіямъ своего Учителя, ни разу не подумали о томъ, чтобы противопоставить силу силъ, или чтобы по крайней мѣрѣ самихъ себя силою защитить отъ преслѣдованій язычества,—хотя сила ихъ напр. въ Ні въѣвъ была уже очень значительна; и по числу ихъ тогда уже было много, а по нравственной энергіи они были го-

раздо сильнѣе ослабѣвшаго язычества. Исторія не знаетъ ни одного примѣра, чтобы христіане первыхъ вѣковъ воста-вали противъ преслѣдовавшаго ихъ правительства или со-противлялись его распоряженіямъ; только въ свободномъ слогѣ они позволяли себѣ передъ правительствомъ и обществомъ защищать истину своего убѣжденія и обличать несправедли-вость направленныхъ противъ нихъ дѣйствій. Цари издавали противъ нихъ жестокіе указы; а они въ своихъ религиозныхъ собраніяхъ возглашали первую молитву за царей. Мѣстные правители лишали ихъ всякихъ гражданскихъ правъ; а они всегда были самыми вѣрными и исправными исполнителями гражданскихъ обязанностей. Чернь языческая клеветала на нихъ и рукоплескала ихъ пыткамъ и казнямъ; а они готовы были идти съ словомъ и дѣломъ состраданія и утѣшенія ко всѣмъ нуждающимся изъ среды самыхъ враговъ своихъ, что особенно обнаруживалось во времена общественныхъ бѣд-ствій — напр. заразительныхъ болѣзней, когда малодушные язычники бросали въ домахъ ближайшихъ родныхъ поражен-ныхъ заразою, а христіане шли въ эти дома, покинутые здо-ровыми, служить больнымъ, можетъ быть прежде клеветав-шимъ на нихъ и ненавидѣвшимъ ихъ. Вотъ въ это время хри-стіанство вполнѣ показало предъ лицомъ всего міра и самымъ неопровержимымъ образомъ (хотя, къ сожалѣнію, этого не-сомнѣннаго историческаго показанія доселѣ не понимаютъ и не принимаютъ многіе), что добро есть самое лучшее сред-ство противъ зла, любовь противъ вражды, истина противъ неправды. Язычество со всею своею силою создававшегося тысячелѣтіями и со всѣми своими насиліями и жестокостями не одержало побѣды надъ христіанствомъ, а само послѣ дол-гой и отчаянной борьбы должно было преклониться предъ христіанствомъ и признать его божественную истину и не-преодолимую силу.

И за это оцѣдъ современные мудрецы и благодѣтели чело-вѣчества порицаютъ христіанство, что оно всегда учило чло-твополагать насилію терпѣніе и побѣждать вражду любовью,

что оно не пыталось высшими мѣрами, силою проводить въ міръ тѣ высокіе идеалы любви и братства, какіе заключаются въ Евангеліи. «Сколько добра, говорятъ, могло бы сдѣлать христіанство, еслибы, при своихъ высокіхъ началахъ и при своемъ великомъ вліяніи на массы людей, оно отличалось большею энергіею въ осуществленіи своихъ началъ; еслибы, не довольствуясь отвлеченною проповѣдью о братствѣ и любви, оно болѣе дѣйствительными мѣрами—силою и въ случаѣ нужды хотя бы и насиліемъ—вводило въ человѣческія отношенія братство и любовь, искореняя въ обществахъ человѣческихъ всякія противорѣчащія этимъ началамъ порядки и отношенія.»

Такъ, христіанство не признаетъ, чтобы можно было одними высшими мѣрами проводить въ міръ высшія идеальныя начала и создавать между людьми идеальныя отношенія; тѣмъ болѣе по принципу своему оно не допускаетъ насильственныхъ мѣръ въ этомъ дѣлѣ. Христіанство вѣритъ въ духовную силу; и потому, не поставляя своею непосредственною задачею преобразование высшихъ формъ общественной жизни, оно старается дѣйствовать на духъ общества, на убѣжденіе и совѣсть людей, и дѣйствовать средствами нравственными, духовными — убѣжденіемъ, словомъ. Христіанство держится того убѣжденія, что когда духъ общества преобразуется, проникается высшими идеями и началами, тогда сами собою безъ насилій и переворотовъ естественно и послѣдовательно развиваются въ немъ и лучшія высшія формы и отношенія жизни. А когда духъ общества огрубѣлъ, нравственныя силы въ немъ разслаблены, никакими высшими мѣрами и гарантіями нельзя создать между людьми идеальныхъ нравственныхъ отношеній; всякія же насильственныя мѣры и перевороты только болѣе способствуютъ огрубѣнію духа, разслабленію нравственныхъ силъ и потому значить болѣе закрѣпляютъ между людьми дурныя порядки и отношенія. Не такъ ли на самомъ дѣлѣ и было всегда; не такъ ли и должно быть по самому существу дѣла?

Мы уже видѣли, что христіанство вполне ясно показало

истину своихъ принциповъ на самомъ дѣлѣ. Хотя оно и никогда не задавалось непосредственно преобразованиемъ вѣшнихъ формъ общественной жизни, законовъ, учрежденій, политическихъ отношеній въ обществахъ человеческихъ; тѣмъ не менѣе оно своими нравственными вліяніями на духъ и совѣсть людей такъ много содѣйствовало улучшенію и самыхъ вѣшнихъ общественныхъ порядковъ и отношеній, самыхъ государственныхъ законовъ и учрежденій, что едва ли какая историческая сила можетъ сравниться съ христіанствомъ по своему значенію въ этомъ отношеніи.

Если нашъ пужно еще видѣть силу нравственнаго христіанскаго принципа и вліянія въ той самой сферѣ человеческихъ отношеній, которая преимущественно служитъ предметомъ мыслей и заботъ для современныхъ преобразователей общества, т. е. въ сферѣ установленія между людьми лучшихъ экономическихъ отношеній,—исторія христіанства и въ этомъ отношеніи не оставляетъ насъ безъ высокаго указанія. Хотя христіанство никогда не задавалось прямо преобразованиемъ вѣшнихъ экономическихъ отношеній; тѣмъ не менѣе нравственнымъ вліяніемъ своимъ на духъ и совѣсть людей оно успѣло показать возможность между нами такихъ идеальнo-чистыхъ братскихъ отношеній, выше и чище которыхъ едва ли что либо представить себѣ можно.

На самыхъ первыхъ страницахъ первой исторіи христіанскаго общесва—въ кпигѣ Дѣяній апостольскихъ мы читаемъ: «У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося: ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну продаваго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду» (Дѣян. IV, 33, 35). Вотъ высокій идеалъ общественнаго устройства, далѣе котораго едва ли можетъ итти самая смѣлая фантазія преобразователей общества. Вотъ политичее экономическое общеніе съ совершеннымъ забвеніемъ раздѣ-

ленія между моимъ и твоимъ. Вотъ состояніе, въ которомъ не было ни богатства, ни бѣдности, въ которомъ не было мѣста ни крайней прихотливости и чрезмѣрному пресыщенію однихъ на счетъ другихъ, ни крайней нужды и лишенія другихъ, ни высокоумію и преобладанію высшихъ классовъ общества надъ низшими, ни зависти и ненависти послѣднихъ къ первымъ. Вотъ состояніе, въ которомъ всего для всѣхъ было довольно; потому что каждый готовъ былъ жертвовать всѣмъ для всѣхъ. И такія идеальныя отношенія были въ обществѣ повидимому бѣдномъ и слабымъ, только-что образовавшемся, находившемся въ самомъ неблагопріятномъ внѣшнемъ положеніи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ множествомъ самыхъ дурныхъ нравственныхъ примѣровъ и вліаній, возникшемъ среди такой нравственной среды, въ которой вовсе не было мѣста братству и любви, въ которой во всей силѣ развиты были эгоизмъ, жестокосердіе, зависть и вражда. Какимъ образомъ создалось это идеальное общественное устройство? Не видно, чтобы первые христіане задавались какими нибудь планами соціальной реформы. Не видно, чтобы были между ними какіе нибудь проповѣдники и организаторы новыхъ экономическихъ отношеній. Не видно, чтобы апостолы, устроители христіанскаго общества, отъ вступающихъ въ это общество прямо требовали отреченія отъ собственности и пожертвованія всѣмъ въ пользу общую. Но сами христіане, вступавшіе тогда въ христіанство по искреннему и глубокому убѣжденію, настолько проникались духомъ новаго ученія, что его нравственныя начала не могли, такъ сказать, не выражаться въ ихъ жизни. У христіанъ того времени не было противорѣчій между словомъ и дѣломъ, между вѣрованіемъ и жизнью. Когда они приняли новое ученіе, въ основѣ котораго положена была любовь, когда они стали называть другъ друга братьями и сестрами; тогда само собою для нихъ сдѣлалось невозможнымъ отнестись безучастно къ положенію другъ друга, однимъ жить въ довольствѣ и роскоши, а другимъ терпѣть нужду и горе, какъ не можетъ этого быть между настоящими род-

ними братьями искренно любящими другъ друга. Потому сами собою всѣ тѣ между ними, которые владѣли землями или домами, продавали ихъ, и цѣну проданнаго приносили къ апостоламъ, дабы каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду. Писатель книги Дѣяній апостольскихъ записалъ на память позднѣйшимъ вѣкамъ христіанства и имя того человека, которому по всей вѣроятности первому пришло на мысль сдѣлать такое доброе дѣло. Это былъ Іосія—левитъ, родомъ кипрѣанинъ. Апостолы прозвали его Варнавою, что значитъ сынъ утѣшенія: такъ онъ утѣшилъ общество своимъ добрымъ дѣломъ, которое естественно должно было послужить примѣромъ и для другихъ. За нимъ и другіе стали отдавать, что имѣли, на пользу общую; и такимъ-то образомъ возникли между первыми іерусалимскими христіанами тѣ идеальныя отношенія, которыя описываются въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Вся тайна этихъ отношеній раскрывается въ немногихъ первыхъ словахъ описанія: *у множества утѣровавшихъ было одно сердце и одна душа.*

Такъ, всякая причина производить соответственныя себѣ послѣдствія. Всякая идея выражается въ соответственныхъ себѣ формахъ. Когда духъ общества хорошъ, пропитанъ началами справедливости, братства, любви,—сами собою слагаются въ обществѣ и внѣшнія отношенія хорошія, основанныя на справедливости, братствѣ и любви. Еслибы и теперь въ христіанскихъ обществахъ былъ такой же духъ, какъ у христіанъ перваго времени, еслибы и теперь у христіанъ было *одно сердце и одна душа*: сами собою поддерживались бы между ними и тѣ идеальныя внѣшнія отношенія, какія были въ іерусалимской христіанской общинѣ при апостолахъ, и не было бы тогда надобности ни въ какихъ социалистическихъ преобразованіяхъ и переворотахъ; и не было бы даже повода къ самымъ мечтаніямъ о такихъ переворотахъ. Не было бы тогда ни той рѣзкой разницы между общественными классами, на которую такъ жалуются нынѣшніе социалисты,—ни той опасной непріязни между ними, которую болѣе и бо-

лѣе стараются возбудить проповѣдники социалистическихъ ученій; не было бы ни пренебреженія и притѣсненія отъ сильныхъ слабымъ, ни зависти и ненависти отъ слабыхъ къ сильнымъ, ни вообще всѣхъ тѣхъ моральныхъ и физическихъ неустройствъ и несчастій, которыя происходятъ отъ того, что одни люди слишкомъ эгоистически пользуются своимъ хорошимъ положеніемъ въ жизни, а другіе не имѣютъ средствъ къ удовлетворенію самыхъ необходимыхъ потребностей жизни.

Но возьмите во вниманіе совсѣмъ другое нравственное состояніе общества, когда у членовъ общества не только *не одно сердце и не одна душа*, но когда напротивъ большая часть ихъ заботится только о себѣ и о своемъ и наровитъ все себѣ, когда эгоизмъ болѣе и болѣе распространяется между людьми, и самыми проповѣдниками братства и любви поставляется въ основноіи нравственный принципъ общественной жизни, когда не только между членами различныхъ классовъ общества, но и между ближайшими членами одной семьи нравственные связи слабѣютъ и проповѣдниками новыхъ ученій разслабляются болѣе и болѣе,—потому что у большей части этихъ проповѣдниковъ вмѣстѣ съ отрицаніемъ собственности соединяется и отрицаніе семьи,—когда во имя самыхъ высшихъ идей братства и любви проповѣдуются насилие, раздраженіе и вражда, когда духъ христіанскій не только не проявляетъ себя живыми дѣйствіями между членами христіанскихъ обществъ, но намѣренно ослабляется и подавляется тѣми новыми учителями и преобразователями общества, у которыхъ въ планъ будущей социальной реформы прямо входитъ искорененіе христіанства;—возможно ли при такомъ состояніи общества и при такихъ нравственныхъ тенденціяхъ распространяющихся въ немъ, мечтать о возстановленіи между людьми тѣхъ идеальныхъ отношеній всеобщаго равенства, братства и общенія во всемъ, какія существовали въ первобытномъ христіанскомъ обществѣ, у котораго были *одно сердце и одна душа*?...

Всякое дерево производитъ соотвѣтственные себѣ плоды.

Много разъ въ подвѣйшіе вѣка разные религіозные и политическіе мечтатели мечтали возвратить человѣчество къ идеальному устройству первобытнаго христіанскаго общества, не забываясь въ то же время о восстановленіи въ современномъ обществѣ тѣхъ нравственныхъ свойствъ, какими отличались христіане первыхъ вѣковъ, не забываясь о воспитаніи такихъ свойствъ въ самихъ себѣ. Но обыкновенно подобныя попытки приводили къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ: въ коммунистическихъ обществахъ, созданныхъ искусственнымъ и тѣмъ болѣе насильственнымъ образомъ, обыкновенно вмѣсто всеобщаго равенства и свободы являлся деспотизмъ, вмѣсто братства и любви—вражда, вмѣсто всеобщаго довольства и счастья — невыносимое стѣсненіе: того же и только этого можно ожидать отъ распространенія революціонно-коммунистическихъ началъ и на всѣ будущія времена...

Но и между самыми первенствующими христіаннами недолго, говорятъ, поддерживалось то идеальное общественное устройство, которое описывается въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Мы видимъ его во всемъ высококомъ проявленіи духа любви только въ самой первой іерусалимской общинѣ христіанъ. Въ другихъ городахъ, гдѣ потомъ явилась христіанская церковь, мы уже не видимъ общенія имуществъ, хотя духъ христіанской любви въ болѣе обычной формѣ взаимной благотворительности проявляется еще живо и сильно во многихъ обществахъ. Между самыми іерусалимскими христіанами, по всей вѣроятности скоро послѣ возникшаго общенія имуществъ, стали открываться примѣры злоупотребленій, взаимнаго недовѣрія, подозрѣній, жалобъ, (Дѣян. V, VI) и т. д. Такъ, но это-то самое и показываетъ, что идеальное устройство общественныхъ отношеній возможно только при самомъ высокомъ уровнѣ нравственнаго состоянія общества. Пока духъ взаимной любви у самыхъ первыхъ христіанъ въ Іерусалимѣ находился на самой высокой степени нравственнаго состоянія; до тѣхъ поръ и могли поддерживаться между ними чистыя идеальныя отношенія въ самомъ внѣшнемъ быту. Но

какъ скоро съ умноженіемъ христіанскаго общества стали входить въ составъ его люди уже не столько высокіе и чистые духомъ; тотчасъ стали обнаруживаться въ обществѣ и злоупотребленія и лицемеріе и недовѣріе другъ къ другу и взаимныя жалобы и ропотъ. Поддерживать въ обществѣ принудительнымъ образомъ идеальныя внѣшнія отношенія, когда самый духъ любви и братства между христіанами сталъ ослабѣвать, сдѣлалось невозможнымъ: это только усиливало бы скрытый эгоизмъ, взаимный обманъ и взаимное недовѣріе и стѣсненіе между членами общества. Потому апостолы, при распространеніи христіанства въ другихъ городахъ, и не пытались поддерживать обязательность полнѣйшаго общенія и мушкетъ, довольствуясь тѣмъ, что взаимная любовь христіанъ, все еще стоявшая на довольно высокой степени, стала выражаться въ другой болѣе обычной формѣ проявленія — въ формѣ христіанской благотворительности ближайшимъ и отдаленнымъ братьямъ... Такъ, не долго держалась въ самомъ высокомъ по духу христіанскомъ обществѣ первыхъ временъ идеальная форма вполнѣ братскихъ и выше, чѣмъ братскихъ, общественныхъ отношеній: но по крайней мѣрѣ христіанство показало, при какихъ условіяхъ возможно, какимъ путемъ достижимо такое идеальное общественное устройство. Единственный путь къ этому есть нравственное очищеніе и возвышеніе общества, утвержденіе въ немъ христіанскихъ началъ, развитіе духа любви до полного самоотверженія, чтобы всякій готовъ былъ отдать все свое для всѣхъ, чтобы было въ обществѣ одно сердце и одна душа,—а конечно не противоположный путь нравственнаго развращенія и ожесточенія, не усиленіе въ обществѣ взаимнаго раздраженія и вражды, не проповѣдь насилія, эгоизма и борьбы за существованіе...

Но, скажутъ, путь нравственнаго очищенія и возвышенія — путь слишкомъ долгій и трудный, особенно когда дѣло касается не отдѣльныхъ личностей, а цѣлаго общества. И высокими результатовъ, къ которымъ человечество могло бы прийти по этому пути, можно ожидать только развѣ въ от-

далекомъ будущемъ... Такъ. Но это-то самое отчасти уже и ручается за вѣрность указываемаго пути: только на такомъ пути дѣло социальнаго усовершенствованія человѣческихъ обществъ можетъ развиваться естественно и послѣдовательно, какъ развиваются всякія другія человѣческія дѣла. Ибо какое же дѣло, особенно большое и серьезное, дѣлается безъ труда? Какой важный результатъ въ исторіи человечества достигается безъ надлежащей предварительной подготовки — какъ-нибудь на-скоро? Не мало бываетъ историческихъ и политическихъ дѣателей, которые увлекаясь кратчайшими и рѣшительнѣйшими путями къ осуществленію своихъ идей, приступаютъ къ выполненію ихъ безъ надлежащей подготовки для этого въ окружающей средѣ, производятъ разные искусственные опыты надъ жизнью, спѣшатъ скорѣе получить отъ нея такіе плоды, для произращенія которыхъ самая почва неготова. Но сама жизнь обыкновенно жестоко мститъ за такое насильственное обращеніе съ нею. Искусственные мѣры, насильственные опыты надъ жизнью, преждевременные и скороспѣлые результаты при осуществленіи историческихъ задачъ обыкновенно бываютъ самые неудачные, и только задерживаютъ правильное развитіе тѣхъ самыхъ идей и задачъ, для которыхъ они предпринимаются. Такъ, при разрѣшеніи великаго социальнаго вопроса, занимающаго современное человечество, могутъ придумываться скороспѣлыя рѣшенія и изобрѣтаться различныя выѣпнія мѣры къ лучшему устроенію обществъ человѣческихъ. Но все это не подвинетъ дѣла впередъ, а только болѣе запутаетъ и затянетъ разрѣшеніе вопроса. Формы общественной жизни могутъ мѣняться по нѣскольку разъ въ самое короткое время; каждая изъ такихъ переиравъ необходимо будетъ сопровождаться безпокойствами и потерями для многихъ членовъ общества, но если самое внутреннее содержаніе жизни—нравственное состояніе общества будетъ оставаться одно и то же и даже становиться хуже и хуже,—никакими выѣпними мѣрами, никакими рѣшительными переворотами въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ нельзя

будетъ привести общество къ желаемому совершенству и счастью. Частая перемѣна внѣшнихъ формъ безъ внутренняго усовершенствованія самаго духа общества есть самообольщеніе, лишь отвлекающее мысль общества отъ прямой постановки ея существеннѣйшихъ задачъ, — безцѣльная трата силъ и времени, стоящая притомъ нередко очень тяжелыхъ усилій и жертвъ. Христіанство указываетъ, хотя долгій и трудный, но единственно вѣрный путь къ социальному усовершенствованію человѣчества, такъ какъ этотъ путь есть настоящій историческій — естественный и послѣдовательный, на которомъ средства соответствуютъ предполагаемымъ дѣламъ, внѣшніе результаты развиваются изъ внутреннихъ основъ жизни, и постепенное совершенствованіе общества совершается безъ насильственныхъ переворотовъ и тяжелыхъ личныхъ потерь и стѣсненій. И если этотъ единственно вѣрный путь доселѣ оставляется безъ вниманія болышею частию общественныхъ преобразователей; то это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что люди по болышей части не любятъ прямо ставить предъ собою серьезнѣйшіе и существеннѣйшіе, особенно нравственные вопросы жизни, любятъ на-противъ серьезныя и важныя дѣла дѣлать сколько возможно легчайшими и скорѣйшими средствами, хотя эти средства и оказываются обыкновенно неудачными для предполагаемыхъ цѣлей....

Но что же, если идеальное устройство человѣческихъ обществъ возможно только при самомъ высокомъ развитіи общественнаго духа, которое конечно можетъ достигаться долгимъ путемъ (да еще и достигнется ли когда-нибудь): ужели при настоящемъ нравственномъ состояніи человѣческихъ обществъ мы должны относиться равнодушно ко всемъ социальнымъ неустройствамъ, къ крайнему неравенству общественныхъ состояній, къ нравственному и матеріальному подавленію однихъ классовъ общества другими, къ безнравности, стѣсненіямъ, сраманіямъ, жестокости, нравственной грубости нечисленныхъ народныхъ массъ, составляющихъ громадную боль-

шинство человечества?... Иначе сказать, ужели до того времени, когда разрѣшится въ человечествѣ вполне удовлетворительно нравственный вопросъ (а разрѣшится ли онъ когда въ настоящей жизни удовлетворительно для всего человечества, этого и не объщаетъ намъ христіанство); ужели до того времени мы должны относиться безучастно къ такъ-называемомъ социальному вопросу? Вовсе нѣтъ. Христіанство тѣмъ именно и отличается отъ всякихъ мечтательныхъ утопическихъ ученій, что оно ясно различаетъ идеаль и дѣйствительность, и указывая человѣческимъ стремленіямъ конечную цѣль въ идеаль, въ то же время никогда не теряетъ изъ виду дѣйствительности. Христіанство считаетъ возможнымъ полное счастье людей только при полномъ нравственномъ совершенствѣ, которое въ настоящей жизни и не можетъ быть достигнуто вполне, а только относительно, и притомъ не всѣмъ родомъ человѣческимъ, а только лучшею частию его. Въ какой именно мѣрѣ и какою частию людей достигнется это возможное на землѣ совершенство и счастье, и на этотъ вопросъ христіанство не даетъ намъ рѣшительнаго отвѣта, такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса въ будущемъ зависитъ отъ свободы людей, всѣхъ направленій которой во всѣ будущіе вѣка и во всей массѣ людей даже и приблизительно предусмотрѣть нельзя. Такимъ образомъ христіанство и не обольщаетъ людей надеждою на полное осуществленіе идеальнаго общественнаго устройства и счастья, какъ дѣлаютъ это другія утопическія ученія: христіанство скорѣе пожалуй отрицаетъ полное осуществленіе этого идеала при настоящихъ условіяхъ жизни, по крайней мѣрѣ относительно всей массы человѣческаго рода. Въ этомъ собственно мечтательномъ утопическомъ смыслѣ социальный вопросъ дѣйствительно не имѣетъ значенія для христіанства. Но христіанство вовсе не относится безучастно къ дѣйствительнымъ лишениямъ и страданіямъ огромной массы людей и не отрицаетъ возможности и необходимости посильнаго облегченія ихъ и при настоящихъ условіяхъ жизни. Напротивъ во всей силѣ

и глубинѣ оно признаетъ и раскрываетъ эти лишенія и страданія, какъ ни одно изъ человѣческихъ ученій; и со всею настойчивостію непрестанно проповѣдуетъ оно и широкую возможность и полнѣйшую обязательность для всѣхъ—для частныхъ людей, для цѣлыхъ обществъ и государствъ—посильно и со всевозможнымъ усердіемъ и искренностью облегчать эти лишенія и страданія. Въ этомъ смыслѣ социальный вопросъ выдвинутъ христіанствомъ и твердо поставленъ на видъ человѣчеству прежде всякихъ другихъ ученій, съ самаго начала его распространенія; и доселѣ твердо стоитъ и раскрывается въ немъ съ большею полнотою, глубиною и жизненностью, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ ученіи. Только христіанство указываетъ для разрѣшенія этого вопроса—т.-е. для послѣдшаго облегченія участи бѣдныхъ и несчастныхъ людей—не тѣ средства, какія рекомендуются современными социалистическими ученіями.... И прежде всего, глубоко сочувствуя скорбямъ и лишеніямъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, и не находя возможности облегчить вполнѣ ихъ внѣшнее матеріальное положеніе, христіанство старается отыскать для нихъ источникъ утѣшенія и возможнаго счастья, независимо отъ внѣшняго положенія, въ ихъ собственномъ духѣ—въ мирѣ совѣсти, въ успокоеніи духа, въ разумности и примирительномъ взглядѣ на земныя лишенія и страданія. Христіанство внушаетъ послѣдователямъ, чтобы они не смотрѣли на земную жизнь какъ на послѣднюю цѣль своихъ стремленій, и не ожидали отъ нея полнаго счастья, что полнаго счастья на землѣ и быть не можетъ, и что самые богатые и счастливые по виду люди имѣютъ свои скорби и страданія, что земная жизнь для людей есть только приготовленіе къ будущей, кратковременный искусъ, за которымъ послѣдуетъ полное воздаяніе по дѣламъ и свойствамъ людей въ другой жизни,—гдѣ не будетъ между людьми никакой разности состояній и внѣшнихъ положеній, гдѣ вѣчное счастье и несчастіе людей вполнѣ будетъ зависетьъ отъ ихъ собственного нравственнаго состоянія, отъ ихъ доброй воли,—

что при этомъ лишенія и страданія настоящей жизни могутъ имѣть для насъ даже благотворное воспитательное значеніе, и за нихъ повтому намъ нужно не роптать на свою судьбу, а благодарить Бога,— что никто въ жизни не терпитъ столько лишеній и страданій, сколько претерпѣлъ ихъ за насъ добровольно по любви къ намъ Господь и Искупитель нашъ Иисусъ Христосъ, что участвуя со Христомъ на землѣ въ страданіяхъ, мы будемъ участвовать съ Нимъ на небѣ въ Его вѣчной славы и блаженствъ и т. д. Такими внушеніями христіанство успѣваетъ утверждать во многихъ своихъ истинныхъ послѣдователяхъ, такое высокое нравственное настроеніе, что они не только примиряются съ земными лишеніями и скорбями, находя для себя источникъ утѣшенія въ своемъ духѣ—въ своихъ чаяніяхъ и вѣрованіяхъ, но и сами добровольно идутъ на нихъ, подражая своему Учителю Христу, ищутъ ихъ, находятъ въ этихъ самыхъ скорбяхъ и лишеніяхъ источникъ надеждъ и блаженства по слову Христа: блаженіи нищіе духомъ, яко ваше есть царствіе небесное, блаженіи алчущіе нынѣ, яко насытитесь, — блаженіи плачущіе нынѣ, яко возсмѣетеся и т. д. (Луки VI, 20, 21).

И за это христіанству дѣлаютъ еще болѣе жесткій упрекъ его противники. Христіанство, говорятъ, своимъ ученіемъ о примиреніи съ земными скорбями и лишеніями, о терпѣніи, о наградахъ и утѣшеніяхъ въ жизни будущей, только обольщаетъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, отнимаетъ у нихъ побужденія что-либо предпринимать для улучшенія своего состоянія, и такимъ образомъ только закрѣпляетъ въ обществахъ человѣческихъ тѣ дурные порядки и отношенія, тѣ лишенія и стѣсненія, отъ которыхъ страдаютъ они. Нѣкоторые даже заподозрѣваютъ христіанство въ томъ, что оно намѣренно дѣлаетъ это—изъ угожденія людямъ сильнымъ и богатымъ внушаетъ бѣднымъ и слабымъ примиреніе съ своимъ положеніемъ, дабы закрѣпить надъ ними гнетъ сильныхъ и богатыхъ,—намѣренно обольщаетъ людей проповѣдью о наградахъ жизни будущей, чтобы подавить и заглушить въ нихъ всякія

стремленія къ улучшенію своего состоянія въ жизни настоящей.

Но такіе упреки могли бы быть справедливы тогда, когда было бы доказано, что чаянія и обѣтованія христіанства относительно жизни будущей—пустая мечта, и что настоящая жизнь напротивъ представляетъ въ себѣ послѣднюю цѣль человѣческихъ стремленій и можетъ дать людямъ полное счастье. Но такихъ доказательствъ доселѣ никто не представилъ и представить не можетъ: напротивъ христіанскій взглядъ на жизнь земную находитъ себѣ постоянное подтвержденіе въ опытахъ и исторіи людей, и христіанская проповѣдь о жизни будущей имѣетъ для себя основаніе въ самыхъ глубочайшихъ потребностяхъ и лучшихъ чаяніяхъ человѣческаго духа *). Во вторыхъ путь, указываемый христіанствомъ къ облегченію участи людей бѣдныхъ и несчастныхъ чрезъ примиреніе ихъ съ своимъ положеніемъ и надежду на жизнь будущую, тогда могъ бы быть названъ путемъ невѣрнымъ и нехорошимъ, когда указанъ былъ бы къ этому другой путь болѣе надежный. Но такого другаго лучшаго пути не существуетъ. И въ особенности тотъ путь, который въ противоположность христіанству повѣйшими печальниками людей бѣдныхъ и несчастныхъ рекомендуется къ улучшенію ихъ положенія,—путь состоящій въ томъ, чтобы не примирять бѣдняковъ съ ихъ состояніемъ, но напротивъ всячески возбуждать, раздражать ихъ противъ него, раскрывать предъ ними тяжесть и невыносимость этого состоянія,—такой путь безъ сомнѣнія не приведетъ бѣдныхъ и несчастныхъ къ счастью, а только еще болѣе сдѣлаетъ ихъ несчастными. Ибо можетъ ли голодному и жаждущему принести облегченіе то, что въ немъ стараются раздражать и усиливать голодъ и жажду, не предлагая настоя-

*) Объ этомъ подробнѣе можете прочитать въ моей рѣчи пятому выпуску воспитанниковъ Александровскаго Военнаго Училища — на тему: „Что такое жизнь“.

Ом. Рѣчи, произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ 1-го десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища святи. А. М. Ивановымъ-Платоновымъ. Москва 1874.

щихъ средствъ къ удовлетворенію? Можетъ ли человѣку страдающему отъ раны доставить облегченіе то, что его рану только распространяють безъ надежды на исцѣленіе? Люди, отнимающіе у бѣдняковъ и страдальцевъ послѣднюю опору въ жизни—внутреннее спокойствіе, миръ души, надежду на жизнь будущую—дѣлають положеніе ихъ болѣе, чѣмъ вдвое, болѣе чѣмъ въ десятеро несчастнѣйшимъ. А когда мнимые печальники бѣдныхъ людей, не довольствуясь разрушеніемъ ихъ внутреннего мира, стараются еще кромѣ того подвигнуть ихъ на противозаконныя дѣйствія для улучшенія своего состоянія, на насильственное отнятіе чужой собственности, на заговоры и возстанія: это не только не улучшаетъ внѣшняго состоянія бѣдныхъ людей, а нерѣдко губить ихъ жизнь окончательно, — но еще болѣе это губить бѣдныхъ людей нравственно развращая ихъ, дѣлая преступниками. Бѣдный преступникъ несомнѣнно гораздо несчастнѣе бѣднаго, но честнаго человѣка. Христіанству, которое порицають за то, будто оно своею проповѣдью о терпѣннн принижаетъ и развращаетъ слабыхъ людей, дѣлая ихъ рабами сильныхъ, — по истинѣ никакъ нельзя сдѣлать того упрека, чтобы оно на самомъ дѣлѣ нравственно принижало и развращало бѣдныхъ людей. Христіанство никогда не проповѣдывало такихъ идей, что люди бѣдные и несчастные по внѣшнему положенію, непремѣнно должны быть и нравственно грубыми, развращенными людьми, рабы по внѣшности—рабами по духу, неспособными ни на какія возвышенныя стремленія и благородныя дѣйствія. Напротивъ, такія убѣжденія проповѣдуются только противниками христіанства, тѣми людьми, которые не вѣрятъ во внутреннюю силу и свободу духа и всѣ нравственныя свойства людей производять отъ ихъ внѣшняго матеріальнаго положенія. Но христіанство не только теоретически проповѣдуетъ, но и практически жизнью многихъ своихъ послѣдователей доказываетъ ту истину, что человѣкъ и въ самомъ низшемъ состояніи и въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ матеріальной жизни можетъ сохранять и внутреннюю свободу духа

и благородство характера и возвышенность стремлений и чистоту дѣйствій. И это есть другая заслуга—другое благодѣяніе, оказываемое христіанствомъ людямъ бѣднымъ и вообще находящимся въ невыгодныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни. Примиряя ихъ по возможности съ внѣшнимъ незавиднымъ положеніемъ, христіанство въ то же время поддерживаетъ въ нихъ нравственную чистоту и высоту. Замѣчено исторически, что никогда между людьми бѣдными, занимающими низкое общественное состояніе — рабами напр. не бывало столько личностей высокихъ, гуманныхъ, благородныхъ, какъ въ такія времена, когда и въ низшихъ классахъ общества твердо держатся добрыя христіанскія убѣжденія и чувства. Такъ напр. было въ первые вѣка христіанства, когда сами знатные и образованные язычники, привыкшіе считать своихъ рабовъ и вообще низшихъ людей животными не только по внѣшнему состоянію, но и по нравственнымъ свойствамъ, нерѣдко должны были удивляться нравственной чистотѣ, благородству, героизму, самоотверженію тѣхъ своихъ рабовъ и рабынь, которые дѣлались христіанами. Понятно послѣ этого, какую услугу бѣднымъ низшимъ классамъ общества оказываютъ тѣ люди, которые стараются искоренять въ нихъ христіанскія убѣжденія и чувства.

Наконецъ христіанству тогда можно было бы сдѣлать упрекъ, что оно проповѣдуетъ терпѣніе и примиреніе съ своею участію людямъ бѣднымъ и слабымъ какъ бы въ интересахъ людей богатыхъ и сильныхъ, еслибы оно не обращалось и къ богатымъ и сильнымъ съ постоянною проповѣдью о милосердіи и справедливости. Но христіанство въ этомъ упрекнуть нельзя. Проповѣдая бѣднымъ терпѣніе и успокоеніе, оно не расточаетъ лести предъ богатыми и сильными людьми и не внушаетъ имъ жестокосердія и самодовольства. Христіанство не говоритъ богатымъ, что они могутъ пользоваться своимъ богатствомъ для своихъ личныхъ потребностей безъ участія къ нуждамъ бѣдныхъ, не говоритъ сильнымъ, что они могутъ пользоваться своею силою для притѣсненія слабыхъ. Напротивъ христіан-

ство постоянно проповѣдуетъ богатымъ, что они должны всячески облегчать положеніе бѣдныхъ, и внушаетъ сильнымъ, что они должны употреблять свою силу на защиту и поддержку слабыхъ. Богатство и сила, по ученію христіанства, не личное право, не личная привилегія владѣющихъ ими, которыми можно пользоваться по произволу для личныхъ цѣлей и прихотей, безъ участія къ положенію другихъ. Богатство и сила—даръ Божій, временно даруемый тѣмъ, кого Господь въ этой жизни особенно взыскиваетъ своими милостями, дабы и они были милостивы къ другимъ, облегчали положеніе бѣдныхъ, давали утѣшеніе несчастнымъ, защищали и поддерживали слабыхъ. Въ этомъ дарѣ Божіемъ, не личными правами и заслугами пріобрѣтенномъ, а милостію Божіею даруемомъ,—въ правильномъ употребленіи этого дара владѣющіе имъ должны отдать строгій отчетъ передъ Богомъ. И нѣтъ такихъ обличеній и прещеній, съ которыми бы христіанство не обращалось противъ людей богатыхъ, неправедно умножающихъ свои богатства и пользующихся ими только для своихъ личныхъ цѣлей, и противъ людей сильныхъ, употребляющихъ свою силу на притѣсненіе слабыхъ. Христіанство не возбуждаетъ людей бѣдныхъ и слабыхъ, претерпѣвающихъ несправедливости и стѣсненія отъ извѣстныхъ общественныхъ порядковъ, прямо возставать противъ этихъ порядковъ и насильственно низпровергать ихъ; но христіанство и не одобряетъ и не поддерживаетъ такихъ порядковъ, отъ которыхъ могутъ терпѣть люди бѣдные и слабые, при которыхъ только не многимъ можетъ быть хорошо, а большей части людей дурно. Напротивъ по христіанскому ученію само собою слѣдуетъ, что такіе порядки несовмѣстимы съ христіанскою любовью, съ христіанскимъ братствомъ, съ духовнымъ равенствомъ всѣхъ людей предъ Богомъ, съ общимъ вѣчнымъ назначеніемъ людей; поэтому всѣ тѣ, отъ кого можетъ зависѣть поддержаніе или измѣненіе общественныхъ порядковъ, должны всячески стараться—улучшать, усовершенствовать ихъ, дѣлать ихъ болѣе и болѣе соответствующими началамъ братства, любви,

духовнаго равенства людей и высокаго вѣчнаго назначенія всѣхъ ихъ. Только все это должно совершаться не чрезъ насиліе, не съ враждою и раздраженіемъ, не тяжелыми переворотами, въ которыхъ разгараются страсти и страдаютъ личная совѣсть, личная свобода, личное благо, а по доброй волѣ, по совѣсти, въ духѣ любви, при которой самыя высокія подвиги самоотверженія и самыя великія усовершенствованія въ жизни общественной дѣлаются безъ стѣсненія личной совѣсти, личной свободы и личного блага.

И такъ вотъ путь, которымъ христіанство всегда шло къ той великой цѣли, къ которой издавна устремляются лучшіе помыслы и надежды людей, вотъ путь къ разрѣшенію того вопроса, надъ которымъ работаютъ многіе развитые и благородные умы и въ настоящее время—къ искорененію дурныхъ и тяжелыхъ общественныхъ порядковъ, къ улучшенію положенія бѣдныхъ и слабыхъ людей и вообще къ усовершенствованію жизни человѣчества. Это путь доброй воли, совѣсти, любви. По ученію христіанскому, какъ и по ученію социалистическому, чтобы всѣмъ людямъ по возможности было хорошо, богатые должны поступаться своимъ богатствомъ въ пользу бѣдныхъ, и сильныя должны употреблять свою силу на служеніе слабымъ. Но богатые и сильныя, по ученію христіанскому, должны дѣлать все возможное для бѣдныхъ и слабыхъ не по насилію и принужденію отъ нихъ (все достигаемое насиліемъ и принужденіемъ и нечисто и непрочно), а по внутреннему расположенію, по доброй волѣ, по совѣсти, по любви.

Противники христіанскаго ученія могутъ насмѣхаться надъ этимъ путемъ къ устроенію общественнаго благосостоянія. Могутъ говорить, что это путь слишкомъ мечтательный, идеальный, что на немъ предполагается слишкомъ много вѣры въ добрую совѣсть и добрую волю людей. Но христіанство по опыту знаетъ, что этимъ путемъ можно достигнуть многого; оно и въ прежнія времена и во времена самыя неблагопріятныя для возбужденія доброй совѣсти и доброй воли, многое сдѣлало на этомъ пути для блага человѣчества, для облегче-

нія участи бѣдвыхъ и несчастныхъ,—сдѣлало столько, сколько никогда не было сдѣлано никакимъ другимъ ученіемъ и никакими другими средствами. Христіанство въ томъ именно и полагаетъ вѣрность указываемаго имъ пути къ устроению общественнаго блага, что оно основывается на доброй совѣсти и доброй волѣ и на вѣрѣ въ добрую совѣсть и добрую волю. Опытами тысячелѣтней исторіи человѣчества доказано, что только тамъ и можно сдѣлать что-либо доброе, гдѣ есть добрая совѣсть и добрая воля и вѣра въ добрую совѣсть и добрую волю, а тамъ, гдѣ и добрая совѣсть и добрая воля изсякли и вѣра въ нихъ утратилась, тамъ никакими внѣшними мѣрами и гарантіями ничего прочнаго создать нельзя. Наконецъ христіанство потому увѣрено въ указываемомъ имъ пути къ устроению общественнаго блага, что этотъ путь чистъ: на немъ, если нельзя для людей сдѣлать добра болѣе того, чѣмъ сколько позволяютъ добрая совѣсть и добрая воля самыхъ людей (какъ этого нельзя сдѣлать и ни на какомъ другомъ пути), то по крайней мѣрѣ не сдѣлается имъ и никакого зла,—ни насилія, ни стѣсненія, ни развращенія для доброй совѣсти и доброй воли людей.

Остается еще одинъ вопросъ. Христіанство, говорятъ, не всегда исполняетъ въ человѣчествѣ ту высокую миссію, какую можетъ исполнять по самому смыслу своего ученія. Не всегда оно, проповѣдуя бѣднымъ и слабымъ терпѣніе и примиреніе, съ надлежащею силою внушаетъ богатымъ и сильнымъ справедливость и человѣколюбіе. Иногда, говорятъ, въ церкви христіанской слово правды и человѣколюбія предъ сильными міра почти замолкаетъ, и проповѣдь христіанская, обращенная только съ словомъ терпѣнія и примиренія къ бѣднымъ и слабымъ, дѣйствительно какъ бы содѣйствуетъ поддержанію и закрѣпленію гнета богатыхъ и сильныхъ надъ бѣдными и слабыми. Да покروется позоромъ въ исторіи христіанскихъ обществъ тѣ эпохи, когда въ самомъ высшемъ святилищѣ правды и любви—въ церкви христіанской замолкаетъ слово правды и любви. Да покроются позоромъ тѣ представители и

проповѣдники христіанства, которые самое святѣйшее слово истинны — проповѣдь евангельскую обращаютъ въ орудіе для человѣческой лести, для человѣческаго произвола, даже для человѣческой жестокости, которые своими внушеніями вмѣсто того, чтобы содѣйствовать распространенію въ обществѣ милосердія и правды, лишь болѣе возбуждаютъ и укрѣпляютъ немилосердіе и неправду. Но еслибы и такъ было, еслибы между видимыми представителями церкви христіанской и недоставало по временамъ живыхъ провозвѣстниковъ правды и любви, въ ней всегда останется предъ человѣчествомъ вѣчный проповѣдникъ, вѣчный ходатай предъ Богомъ и людьми за всѣхъ слабыхъ и бѣдныхъ, страждущихъ и обремененныхъ — Божественный Искупитель и Спаситель человѣчества Іисусъ Христосъ съ Его святѣйшею жертвою — жертвою безконечной любви, съ Его святымъ Евангеліемъ — евангеліемъ царствія Божія, царствія правды и любви, съ безчисленнымъ сонмомъ святыхъ Его учениковъ, послѣдовавшихъ божественному призыву правды и любви и другимъ подающихъ примѣръ слѣдовать за ними. И если бы между нами самими недостаточно было разумѣнія, усердія и силы къ устроенію нашихъ взаимныхъ отношеній по вачаламъ правды и любви, Онъ Самъ Своею всемогущею силою и любовію поможетъ намъ сдѣлать все, что можно и пужно: только бы не оскудѣвала въ насъ вѣра въ Него, надежда на Него и любовь къ Нему.

—

Вотъ мы рассмотрѣли сравнительно два ученія о любви къ человѣчеству и благъ общественномъ: ученіе христіанское давно извѣстное и много сдѣлавшее и не перестающее дѣлать для блага человѣчества, для облегченія участи бѣдныхъ и несчастныхъ людей, и ученіе соціалистическое новое, пока еще ничего прочнаго можно сказать не сдѣлавшее, но зато отличающееся самыми смѣлыми и рѣшительными замыслами. Въ какомъ изъ этихъ ученій болѣе полноты, широты, глубины, вѣрности истинному духу любви и добра, силы, жизненности, искренности, чистоты, — въ этомъ кажется нельзя

сомнѣваться. Къ какому изъ этихъ ученій мы поэтому должны обращаться съ своею вѣрою, надеждою и любовью и искать истинныхъ началъ какъ для своего личнаго, такъ и для всякаго общественнаго обновленія и улучшенія: это также не можетъ быть непонятнымъ. Какое напротивъ изъ этихъ ученій представляетъ въ себѣ подъ покровомъ высокихъ идей и добрыхъ цѣлей стороны весьма сомнительныя и прямо темныя и дурныя,—это также понятно.

Но христіанское ученіе о любви къ человѣчеству требуетъ отъ насъ не того только, чтобы мы сознавали его истину и превосходство предъ другими ученіями, но того по преимуществу, чтобы мы слѣдовали ему на дѣлѣ, въ жизни. И если иногда кажется инымъ, что другія ученія непріязненныя христіанству болѣе его представляютъ силы, жизненности и залоговъ для общественнаго обновленія и улучшенія: то это всего болѣе именно отъ того зависитъ, что послѣдователи этихъ ученій, несомнѣнно менѣе чистыхъ и истинныхъ, чѣмъ христіанство, относятся однакъжъ къ нимъ болѣе ревностно, чѣмъ многіе изъ насъ христіанъ относятся къ своему божественно чистому и истинному христіанскому ученію. Еслибы мы христіане не только въ мысляхъ и словахъ, но и на дѣлѣ, въ жизни всегда были вѣрными и ревностными послѣдователями закона любви христіанской; никакія другія ученія, помимо христіанства и вопреки ему мечтающія устроить общественное благо, не только бы не могли имѣть между нами никакой силы, но не имѣли бы даже повода къ своему появленію. Если бы въ обществахъ современныхъ, какъ выше объяснено, существовалъ истинно соціальный — христіанскій духъ любви, взаимнаго участія и дѣятельной помощи, не могъ бы имѣть тогда никакой силы, не могъ бы и распространяться въ христіанскихъ обществахъ никакой другой фальшивый и вредный соціализмъ.

И такъ намъ болѣе всего нужно быть не слышателями только, но исполнителями христіанскаго ученія о любви. Въ этомъ для всѣхъ насъ лучшее разрѣшеніе всякихъ соціальныхъ вопросовъ, лучшій исходъ для всякихъ искривленныхъ и чистыхъ соціальныхъ стремленій.

Я хотѣлъ было ко всему сказанному присоединить для васъ еще нѣсколько практическихъ разъясненій и совѣтовъ о томъ, какимъ образомъ въ наше время, въ извѣстномъ жизненномъ положеніи каждаго изъ насъ, при нашихъ общественныхъ условіяхъ и требованіяхъ, мы могли бы наилучшимъ образомъ исполнять законъ христіанской любви. Но моя бесѣда къ вамъ и безъ того затянулась слишкомъ надолго; а время зоветъ къ другимъ дѣламъ и обязанностямъ. Можетъ быть, не досказанное теперь скажу вашимъ преемникамъ, которыхъ послѣ васъ, если дастъ Богъ, придется благословлять при выходѣ изъ школы на жизненный путь... А бесѣду съ вами заключу молитвою, да укрѣпитъ васъ Господь въ духѣ любви и да поможетъ вамъ каждому въ его средѣ, по закону Христову съ скромностію и искренностію, безъ мечтаній и самообольщеній совершить дѣла любви и служенія человечеству!.

Р. S. Дѣла и событія большею частію лучше предварительныхъ соображеній и совѣтовъ указываютъ намъ, куда и какъ въ какое время направить свою любовь, свое участіе и дѣятельность во благо ближнихъ. Дѣла и событія текущаго времени, какъ и всякаго, представляютъ самое широкое поприще для дѣйствій любви... Когда вы слышите, что въ одномъ мѣстѣ тысячи семействъ остаются безъ крова и пищи отъ страшнаго ножа, — въ другомъ еще большія тысячи заранѣе предаются унынію отъ неурожая, — еще въ иномъ тысячи семействъ безпомощныя и бѣдныя бѣгутъ съ мѣста родины отъ невыносимыхъ притѣсненій варварскаго ига; еще голѣе, когда вы видите вблизи себя нужду, горе, болѣзнь, униженіе, страданіе: это все указанія Божія, призывающія васъ на дѣло любви. *Не ожесточите сердецъ вашихъ.* Помогайте, чѣмъ можно, чѣмъ далъ кому Господь возможность помогать. Что сдѣлаете для кого-либо изъ братій Христовыхъ меньшихъ во имя Его; то сдѣлаете для Него самаго!..

Прот. А. Иванцовъ-Платоновъ.

3 Октября. 1875 года.

С Л О В О

ПОСЛѢ МОЛЕБСТВІЯ ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВЕННОГО АКТА
МОСКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ГИМНАЗИИ ФР. КРЕЙМАНА 2 ОК-
ТЯБРЯ 1876 ГОДА.

День рожденія школы; ежегодно воспоминаемый, есть ея естественный праздникъ, и годъ отъ года болѣе и болѣе торжественный праздникъ. Особенно это должно сказать о школѣ частной, продолжительность существованія которой зависить преимущественно отъ ея внутренней прочности или состоятельности. Такой школѣ, вступающей въ восемнадцатый годъ своего существованія, есть что праздновать.

Но такой праздникъ не есть праздникъ только школы; это вмѣстѣ съ тѣмъ — праздникъ семейный, общественный, даже церковный. Потому что школа есть учрежденіе вспомогательное какъ для семейства и для общества, такъ и для церкви. Потому-то она правднуеть не одна, но съ семействами и съ лучшими членами общества, и открываетъ этотъ праздникъ церковнымъ священнодѣйствіемъ молитвы и слова.

Мы сказали, что школа есть учрежденіе вспомогательное для семейства, общества и церкви. Какія задачи вытекаютъ отсюда какъ для самой школы въ отношеніи къ этимъ великимъ кругамъ человѣческой жизни, которымъ служить школа, такъ равно для самихъ этихъ круговъ въ отношеніи къ служащей имъ школѣ, чтобъ *служеніе ея было непреткновенно?*— вотъ вопросъ и вотъ предеть настоящаго слова.

Семейство есть самое первое, самородное воспитательное учрежденіе въ міръ человѣческомъ. Установленное отъ начала бытія человѣческаго высшею Премудростію, впервые оно въ себѣ заключало *весь міръ человѣческій*, весь разумъ свѣше дарованный цѣлому человѣческому роду, всю цѣлость его воли, всѣ сокровища сердца и все богатство еще высшихъ Божіихъ откровеній, словомъ заключало въ себѣ весь нравственный человѣческій міръ. По этому идеалу семейство, съ постепеннымъ ходомъ и развитіемъ жизни человѣчества, должно быть естественнымъ хранителемъ всѣхъ наследственно получаемыхъ и вновь приобрѣтаемыхъ благъ нравственныхъ. По этому идеалу семейство всегда есть *цѣлый міръ* человѣческій, т.-е. нравственный міръ. Такимъ образомъ рождающееся дитя—въ семействѣ вступаетъ съ первымъ дыханіемъ въ великій нравственный міръ, и подъ вліяніемъ его духа, подъ его естественнымъ воспитательнымъ дѣйствіемъ возрастаетъ, недолгимъ путемъ, до послѣдней высоты этого духа. Христіанское семейство, храня въ себѣ величайшій даръ и святѣйшее благо человѣчества, высшую нравственную жизнь Богочеловѣка, приобщаетъ дитя и этой жизни и воспитываетъ его въ заповѣдяхъ этой жизни. Семейное воспитаніе совершается просто: отъ вѣры родителей сама собою загарается вѣра дитяти; любовь, нѣжность, кротость нрава матери,—ровность духа, справедливость и твердость отца, —сообразно съ этимъ весь строй семьи, общій ея духъ легко образуютъ въ дѣтяхъ добрыя качества сердца и воли: любовь, послушаніе, почтеніе. Общимъ духомъ семьи, общею ея властью, общимъ ея благомъ самъ собою ограничивается естественный эгоизмъ частной воли и легко воспитывается сердечная взаимность.

Но, по осложненному ходу развитія человѣчества, семья уже не можетъ быть представительницею и хранительницею устныхъ богатствъ человѣчества. Семья нуждается въ школѣ. Передавая дѣтей школѣ, семья безъ сомнѣнія не желаетъ поступиться тѣми нравственными благами, какими она напутствовала дѣтей въ школу. Итакъ школа обязана быть проникну-

тою душою нравственнаго семейства. Это истина непререкаемая и не требующая доказательствъ. Школа есть не только учебное, но и воспитательное учрежденіе. По такому свойству этого учрежденія, оно въ своемъ устройствѣ и уставѣ, въ положеніи и занятіяхъ воспитанниковъ, въ характерѣ, чувствахъ и убѣжденіяхъ воспитателя, должна представлять во возможности подобіе устройства и устава доброй семьи и положенія ея членовъ — дѣтей и родителей. Поручая дѣтей такой школѣ, семейство можетъ быть покойнымъ за свой нравственный идеалъ.

Но обязательства взаимны. Школа должна быть благоустроена согласно идеалу семейства. Чѣмъ же семейство въ свою очередь обязывается предъ такою школою? Въ наше время любятъ говорить больше о правахъ, нежели о обязанностяхъ. Что же? Отвѣтъ на предложенный вопросъ — даже съ этой точки зрѣнія будетъ благопріятенъ для успѣховъ школы. Пусть семейства, въ интересъ своихъ правъ получить изъ школы истинно нравственными и образованными дѣтей своихъ, съ уваженіемъ относятся къ уставу, обычаямъ, правиламъ, къ духу школы. Пусть семейства не колеблютъ въ дѣтяхъ своихъ этого уваженія какимъ бы то ни было образомъ, — не только прямымъ осужденіемъ общихъ порядковъ школы или частныхъ ея распоряженій, но и косвеннымъ поощреніемъ, на примѣръ равнодушіемъ къ нарушенію этихъ порядковъ и этихъ распоряженій; трудно воспитать послушаніе, довѣріе, любовь къ школѣ, но легко разрушить ихъ; по видимому поврежденное слегка, это вѣжное чувство повреждается обыкновенно въ корнѣ; и послѣ того самый тщательный уходъ за нимъ не всегда исцѣляетъ его. Уваженіе къ общему духу школы, къ общей власти въ ней, къ общему благу ея есть вмѣстѣ уваженіе къ собственному духу, къ собственной власти, къ собственному благу каждаго семейства, поручающаго своихъ дѣтей воспитанію школы.

Что сказать здѣсь дѣтямъ школы?—Слово о семьѣ должно быть близко ихъ сердцу; когда имъ говорить, что школа по

возможности старается быть для нихъ второю семьею, заботится о нихъ по-родительски, съ искреннею любовію къ ихъ благу, по родительски радуется о нихъ и по родительски скорбитъ: это должно быть имъ пріятно, это должно воодушевить ихъ любовію къ мѣсту воспитанія какъ къ родному дому, любовію къ воспитателямъ какъ къ самымъ искреннимъ благожелателямъ своимъ, наконецъ взаимною любовію другъ къ другу какъ къ братьямъ разныхъ возрастовъ въ одной большой семьѣ. Какъ бы я былъ радъ за васъ, любезныя дѣти, если бы это слово къ вамъ принято было вами къ сердцу. Любовь другъ къ другу какъ къ братьямъ легко научить сверстниковъ быть взаимно снисходительными, старшихъ быть заботливыми о младшихъ и назидательными для нихъ, наконецъ младшихъ быть почтительными къ старшимъ. Любовь къ воспитателямъ требуется естественнымъ благородствомъ сердца, — благородное сердце бываетъ благодарно; какъ въ семействѣ добрыя дѣти заботятся о родителяхъ, такъ въ школьной семьѣ благородныя дѣти будутъ заботиться о благѣ своихъ воспитателей, а не будутъ какъ эгоисты чувствовать себя только предметомъ ихъ заботливости. Наконецъ любовь къ мѣсту воспитанія—это такое великое дѣло, что нѣтъ словъ достаточно описать его. Здѣсь вѣдь вы получаете то, чего не могли бы получить даже въ семьѣ; здѣсь вы питаетесь отъ умственныхъ сокровищъ, вѣками собранныхъ, которыя предлагаютъ вамъ щедрою рукою, и при томъ, не обинуясь скажу, предлагаются не сухимъ сердцемъ, не съ равнодушнымъ взоромъ; это вы поймете впоследствии; наконецъ здѣсь вы вкушаете отъ безцѣннаго сокровища искренняго товарищества и можетъ быть первой дружбы, самой чистой, беззаветной дружбы. Итакъ здѣсь ваши сокровища, здѣсь и сердца ваши да будутъ.

Вторая, болѣе обширная, нежели семейство, но такая же неискусственная, самородная среда человѣческаго воспитанія есть общество. Съ тѣхъ поръ какъ единое семейство человѣческое разрослось во множество семействъ, неизбежно свя-

занныхъ между собою въ общую жизнь, — духъ семьи, духъ семейной власти, духъ общаго семейнаго блага необходимо живетъ и развивается подъ вліаніемъ духа общества. Слѣдственно и семейное воспитаніе уже не можетъ совершаться внѣ атмосферы общественной, независимо отъ устройства общества, независимо отъ нравовъ, убѣжденій, мнѣній, наконецъ предразсудковъ общества. И нѣтъ надобности уединять воспитаніе отъ этой атмосферы, если она чиста и здорова; подобно какъ нѣтъ надобности закрывать окна дома, когда внѣшній воздухъ чистъ и благоуханенъ; пусть входитъ онъ свободно и освящаетъ домъ. Но нѣтъ и возможности уединить воспитаніе отъ общественной атмосферы, если она и нечиста и нездорова; подобно какъ нѣтъ возможности закупорить домъ такъ, чтобъ не входилъ въ него внѣшній воздухъ, когда онъ бываетъ зараженъ миазмами. Итакъ вліаніе общества на воспитаніе всемошно.

Мы не будемъ вдаваться въ подробности, не будемъ говорить о вліаніи внѣшняго устройства общества на семейное воспитаніе, т. е. не будемъ говорить о томъ, какъ сословность предлагаетъ особенныя задачи воспитанію, сообразныя съ ея интересами, съ ея правами и обязанностями. Мы беремъ общество въ его внутренней нераздѣльной цѣлости.

Поскольку общество есть цѣлостный нравственный союзъ, оно въ отношеніи ко всѣмъ дѣтямъ безъ различія сословій преслѣдуетъ тѣже цѣли какъ и семейство, и потому, можно сказать, облечено семейнымъ правомъ. Дѣти, какъ будущіе члены общества, естественно встрѣчаютъ участіе, добрый примѣръ и добрый совѣтъ со стороны всякаго благомыслящаго члена общества, и съ своей стороны обязаны почтеніемъ ко всякому члену общества. Такъ воспитывается искренность отношеній человеческихъ въ болѣе обширномъ кругѣ жизни, такъ воспитываются общественныя добродѣтели; такъ эгоизмъ не только личный, но и семейный, родовый, и наконецъ — сословный находитъ свой необходимый предѣлъ въ чувствахъ общности или, что то же — человечности.

Въ интересахъ такого воспитанія, т. е. общечеловѣческаго воспитанія, соединеннаго съ образованіемъ и возвышаемаго образованіемъ, общество—также какъ и семейство, даже болѣе чѣмъ семейство—нуждается въ школѣ. Не имѣя ничего сказать противъ школъ сословныхъ, по необходимости и серьезному значенію сословій въ обществѣ, мы съ особеннымъ сочувствіемъ обращаемся къ такой школѣ, которая радушно принимаетъ всѣ сословія, которая чрезъ это самое представляетъ въ себѣ образъ цѣлости общества какъ единаго нравственнаго союза. Помянуто, какую великую услугу обществу дѣлаетъ такая школа, и чего можетъ ожидать общество отъ такой школы. Она охраняетъ дѣтей отъ преждевременнаго односторонняго духа сословности, собирая всѣхъ въ одну семью и давая всѣмъ одинаковое образованіе. Сословность раздѣляетъ людей; общая школа полагаетъ въ дѣтяхъ залогъ единства, сильнаго впоследствии положить омыотъ раздѣленію, чтобы естественное различіе званій и состояній не переходило въ соперничество и недоброжелательство однихъ членовъ общества къ другимъ. Единство духа школы есть залогъ единства духа общества. Общество, конечно, ожидаетъ отъ школы, чтобы она не была равнодушна къ его историческому устройству, его добрымъ правамъ, его искутанымъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ. Но школа, умѣющая понять важность нравственнаго единства общества, сумѣетъ приложить къ сему все прочее доброе требуемое отъ нея. И такой школѣ общество можетъ спокойно довѣрить своихъ будущихъ членовъ.

Чего въ свою очередь школа надѣется отъ общества?—Болѣе всего она надѣется, что общество ставитъ ей задачи серьезно, что оно серьезно смотритъ на дѣтей какъ на будущихъ своихъ членовъ, въ которыхъ желаетъ видѣть свои совершенства и не желало бы видѣть своихъ недостатковъ. Въ этой мысли, общество само знаетъ, что оно всеми своими органами должно помогать дѣлу школы, а не ставить ему преградъ,—поосирять дѣтей въ ихъ довѣрїи къ приязному воспитательно-образовательному направленію школы, а не возбуждать

или не поддерживать въ нихъ недоувѣрiя или сомнѣнiя, и т. п. Кто не знаетъ, какъ силенъ примѣръ взрослыхъ для дѣтей,—какъ особенно сильно желанiе юноши быть общественнымъ человѣкомъ; чему сочувствуютъ или не сочувствуютъ въ обществѣ, то увлекаетъ или отталкиваетъ и вниманiе юноши; и эти влiянiя общественной среды на юныя сердца бывають слишкомъ сильны, чтобъ школа могла съ успѣхомъ противо-дѣйствовать имъ, когда противо-дѣйствiе нужно бываетъ; за то и наоборотъ эта сила добрыхъ общественныхъ влiанiй несказанно облегчаетъ успѣхъ дѣятельности школы. Общество заботясь о школѣ заботится о самомъ себѣ.

Теперь опять слово къ дѣтямъ школы. Первое: да не будетъ между вами розни по сословiямъ. Всякое сословіе почтенно и каждое необходимо для общаго блага. Достоинство же чело-вѣка опредѣляется не сословіемъ, но внутренними его каче-ствами. Не сословіе красить чело-вѣка, но чело-вѣкъ украшаетъ сословіе. Второе: выходя изъ школы въ общество, будьте почтителны ко всякому его члену. Образы своихъ отца и матери переносите на лица одного съ ними возраста. Грубость или непочтительность мальчика или юноши предъ чужими служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что его отношенiя и къ родителямъ не имѣють надлежащей нравственной чистоты. Последнее: какъ еще будущiе члены общества, не рвитесь преждевременно во-всѣ тревоженiя его жизни; не старайтесь казаться старѣ своего возраста, будьте долѣ дѣтьми: ваше время впереди, иначе — вашего времени не будетъ. Будьте и кажитесь тѣмъ, чѣмъ вы есть дѣйствительно, вы члены не большаго, а малаго общества—школы. Въ этомъ маломъ об-щественномъ кругу и упражняйте свои силы,—чтобъ сдѣлать ихъ способными для будущей общественной дѣятельности. Здѣсь ничте своихъ интересовъ, здѣсь есть надъ чѣмъ вамъ по-работать съ величайшимъ интересомъ: любознательностию и тру-долюбиемъ боритесь противъ лѣности и праздности, вниманiемъ къ полезному и должному вооружайтесь противъ разсѣянности, в легкомыслия, духомъ повиновенiя общему уставу школы

учитесь удерживать порывы эгоистическаго своеволія, чувствомъ достоинства пытайтесь отражать могущее встрѣтиться неблагородное внушеніе или недобрый примѣръ; если сказать не объ одной только серьезной сторонѣ жизни, но еще объ удовольствіяхъ, то и здѣсь — игры допущенныя въ училищѣ какъ въ добромъ пріятномъ семейномъ кругу предпочитайте общественнымъ удовольствіямъ, предназначаемымъ не для дѣтей и устрояемымъ не въ цѣляхъ воспитанія.

Наконецъ высшая среда воспитанія есть христіанская церковь. Болѣе, чѣмъ семья, болѣе чѣмъ общество, церковь есть хранительница высшаго нравственнаго начала, и ея дѣйственное вліяніе на воспитаніе начинается съ самаго младенчества дитяти. Постепенно съ развитіемъ сознанія, дитя въ церкви вводится въ чистѣйшій нравственный міръ, въ богоподобный міръ, въ святой міръ. Идеалы этого міра церковь даетъ ему созерцать во всѣхъ эпохахъ человѣческой исторіи, начиная съ первобытнаго міра патриарховъ. Здѣсь дитя приучается думать и говорить: святой человѣкъ, угодный Богу человѣкъ, прославленный Богомъ человѣкъ. Очень легкомысленно смотрятъ на эти факты тѣ, которые не замѣчаютъ глубокаго очеловѣчивающаго вліянія церкви. — Церковная молитва въ храмѣ, гдѣ представляется гармоническое соединеніе и дѣйствіе всѣхъ высшихъ человѣческихъ искусствъ въ строгомъ служеніи ихъ нравственному идеалу, — какое всеобъемлющее средство воспитанія! Наконецъ весь уставъ церкви, съ ея строго определеннымъ богослуженіемъ, которое есть не что иное, какъ дѣйственное всякій разъ воспроизведеніе величайшихъ эпохъ нравственной исторіи человѣчества; съ ея правдивыми посѣдовательно предлагающими духовному созерцанію и такъ сказать переживавію одно за другимъ эти священнѣйшія времена для человѣчества; эта дисциплина церкви, когда всѣ ея члены безъ различія возрастовъ палагаютъ на себя постъ или сокращаютъ обыкновенное время сна, — какъ напр. въ ночь вождь свѣтлое воскресенье: есть ли въ цѣломъ свѣтъ среды, болѣе

воспитывающая мысли, желанія, дѣйствія, все и всѣхъ равно направляя къ единому, общему, высшему благу? — Недаромъ церковь называется училищемъ благочестія, и Господь церкви Единнымъ истиннымъ Учителемъ.

Тѣмъ не менѣе христіанская церковь, и можетъ быть, болѣе и искреннѣе всѣхъ признаетъ пужду и важность школы въ дѣлѣ воспитанія. Съ самаго свсего начала, личностію первоверхваго ап. Павла она засвидѣтельствовала свое отношеніе ко всему тому, что изъ плодовъ человѣческаго познанія даже древняго, языческаго міра могло содѣйствовать дѣлу Божию относительно человѣчества и въ человѣчествѣ. Большая часть греческихъ отцовъ церкви суть ученики древне-греческой мудрости. Отправлялись въ Аѳины, чтобы въ языческихъ школахъ достигать человѣческаго совершенства. Христіанская церковь считала весьма чувствительною болью для себя, когда Іуліанъ на короткое время лишилъ христіанъ средствъ классическаго образованія. Потомъ стали устроить уже самостоятельно христіанскія школы, какъ мѣста разработки наукъ. Всѣ школы новаго времени суть отрасли школъ церковныхъ. Монастыри были первыми рассадниками науки и образованія. Сего довольно, чтобы видѣть отношеніе церкви къ школамъ.

Но послѣ всего сказаннаго и отношеніе школы къ церкви очевидно. Устройство школы, духъ и теченіе ея жизни, будучи справедливо соображаемы съ идеалами семейства и общества, еще болѣе должны не упускать изъ вида высшій идеаль — церковь, ея духъ и жизнь. Хорошая школа, добрые руководители школы такъ и поступаютъ, когда не для внѣшняго только исполненія закона, но съ сознаніемъ его важности и готовности для воспитанія, съ особенною заботливостію стараются преподавать дѣтямъ простыя, но чистыя и свѣтлыя понятія о Богѣ Спасителѣ человѣчества, и возбуждать въ ихъ сердцахъ благоговѣніе, вѣру и любовь къ Нему. Они спѣшатъ сѣять святое сѣмя на землѣ сердца, еще влажнаго отъ живої воды святаго крещенія; они непрерывно сѣютъ отъ начала до конца ученія, дабы постоянный ростъ пшеницы Божіей пре-

пятствовалъ возникать и усиливаться плевеламъ и тернію грѣха человѣческаго. Хорошая школа и добрые руководители школы, сознавая глубоко-воспитательное дѣйствіе молитвы и преимущественное дѣйствіе церковной молитвы, съ особеннымъ вниманіемъ ежедневно слѣдятъ за дѣтскою молитвою домашнею, и на всякъ праздникъ приводятъ дѣтей въ духовный Иерусалимъ — въ храмъ Господень, да явится и въ нихъ нѣчто отъ премудрости Божественнаго Отрока Іисуса, явленной впервые являнно во храмъ. Наконецъ хорошая школа и добрые ея руководители съумѣютъ примѣнить къ дѣтской жизни дивный уставъ жизни церковной, равнаго которому нѣтъ по его истинности, нравственности и цѣлесообразности. На такой школѣ да почіютъ надежды и благословія и христіанскихъ семействъ и христіанскаго общества и самой церкви Божіей!

Дѣтямъ здѣсь напомяну слова Евангелія, читаннаго нынѣ: *во время оно приношаху къ Іисусови дѣти, да коснется ихъ; и объемъ ихъ, возложъ руки на нихъ, благословляше ихъ* (Марк. X, 13—16). И васъ приводятъ къ Господу Спасителю — въ преподаваемомъ вамъ Словѣ Его ученія, въ совершаемыхъ съ вами молитвахъ домашнихъ, приводятъ и прямо въ храмъ Господень, вводятъ по возрасту вашему во весь строй богоустановленной жизни; приступайте съ благоговѣніемъ и вѣрою, чтобъ и васъ коснулась любовь Господа, и достигло Его благословіе, да силою сего всемогущаго благословія надежно преуспѣете возрастомъ и разумомъ, на радость и утѣшеніе родителямъ своимъ и воспитателямъ, на славу отечества и церкви святой на утвержденіе.

Прот. Н. СЕРГІЕВСКІЙ.

В. И. ТЮТЧЕВЪ

И ЕГО СТАТЬЯ:

„РИМСКІЙ ВОПРОСЪ И ПАПСТВО“ *).

Статья о Римскомъ вопросѣ была единственною изъ статей Тютчева, замѣченной и у насъ, въ томъ небольшомъ кругу общества, гдѣ получался или читался *Revue des deux Mondes*. Но въ этомъ кругу, по преимуществу свѣтскомъ, всего менѣе могли раздѣлять мнѣнія Тютчева, особенно въ тѣ годы, когда обаяніе Европы было еще такъ сильно, и защитники народной духовной самостоятельности считались по пальцамъ. Всѣ, конечно, отдавали справедливость ея блестящему французскому изложению, но большею частью находили ее, какъ водится, исполненною «крайностей», чуждою любимой «умѣренности», и не отваживались въ такихъ европейскихъ вопросахъ сняться съ буксира европейскаго общественнаго мнѣнія. Въ бумагахъ Тютчева найденъ черновой отрывокъ или вѣрнѣе недоконченное письмо къ князю, не сказано какому, письмо чрезвычайно замѣчательное, поясняющее и пополняющее самую статью. Было ли оно когда окончено и послано, мы не знаемъ и воспроизводимъ его вполнѣ:

Мартъ 1850 г.

Я попробую, князь, отвѣтить вамъ на нѣкоторыя сомнѣнія и возраженія, возбужденныя въ васъ моею статьею о Папствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю васъ за то, что потрудились ихъ написать. Многіе, про-

*) См. сент. кн. „Прав. Обзор.“ сего года.

читавъ эту статью, говорили мнѣ, какъ и вы: „Но развѣ время теперь думать о соединеніи дѣрвей? Возможно ли это дѣло? А еслибъ и было возможно, не представить ли оно для насъ болѣе неудобствъ (*inconveniens*), чѣмъ выгоды?...“ Должно быть я дурно выразился въ моей статьѣ,—иначе не могло бы придти и въ голову, чтобъ я вѣдь рѣчь о возобновленіи флорентійскаго собора... Нѣтъ, не такъ становится теперь (*pas dans ces termes*) этотъ вопросъ. Разумѣется, въ сущности, это все тотъ же вопросъ, но онъ необъятно усложнился съ XV вѣка.

„Прежде всего, чтобъ нѣсколько оріентироваться въ вопросѣ, нужно дать себѣ ясный отчетъ въ современномъ кризисѣ, переживаемомъ Западомъ: потому что, только понявши—въ какомъ положеніи Западъ относительно самаго себя, будемъ мы въ состояніи опредѣлить свойство его настоящихъ и будущихъ къ намъ отношеній. Какъ ни трудна эта оцѣнка, но она для насъ трудна менѣе, чѣмъ для другихъ; потому что намъ, для того чтобъ оріентироваться, достаточно было бы только оставаться тамъ, гдѣ мы поставлены судьбою ⁴⁾ Но такова роковая участь, вотъ уже нѣсколько поколѣній сряду, тяготѣющая надъ нашими умами, что вмѣсто сохраненія за нашею мыслью, относительно Европы, той точки опоры, которая естественно намъ принадлежитъ, мы ее, эту мысль, привязали такъ сказать къ хвосту Запада. Я говорю—мы,—но не Россія. Ибо,—и это нужно твердо помнить,—умы въ Россіи, 60 уже лѣтъ, не переставали двигаться въ направленіи совершенно обратномъ къ тому направленію, куда увлекали Россію ея судьбы. *Наше* умственное будущее (*notre avenir intellectuel*),—собственно для насъ,—это былъ Западъ. Россія же, самымъ фактомъ своего существованія, отрицала будущее Запада.

Намъ твердятъ теперь каждый день, что кризисъ, которымъ одержима современная Европа, небывалый, безиримѣрный въ исторіи обществъ. Что тутъ правды, въ этихъ утѣреніяхъ? Политическія катастрофы, сверженія правительствъ, случались во всѣ эпохи: это принадлежность всѣхъ революцій. Стало быть, еще не въ этомъ отличительный характеръ настоящего движенія. Другими словами: въ чемъ именно разница между тѣмъ, что въ прежнія времена носило это названіе революціи, и тѣмъ, что называется теперь революціей по преимуществу (*par excellence*)? Вся загадка здѣсь.

Это нѣчто (чему, говорятъ, не было прецедента въ исторіи человечества,—и дѣйствительно нѣтъ), это нѣчто—не что иное, какъ сознательное и рациональное отрицаніе уже не только такой или другой вла-

⁴⁾ Здѣсь непереводимая игра словъ: „Car, tout jeu de mots à part, il suffirait pour nous *orienter*, que nous restassions à la place, où le sort nous a mis“... m. e. à l'Orient.

сти, но самаго принципа власти между людьми. Все это, я знаю, было уже сто разъ сказано; но какъ вообще часто, указывая фактъ, не умѣютъ распознать его настоящаго громаднаго значенія! А значеніе его неизмѣримо важно именно потому, что эта доктрина, отрицающая абсолютно самый принципъ власти, не какая нибудь доктрина частная, отдѣльная (*isolée*), случайная, произвольная, а послѣднее слово, крайній терминъ того долгаго умственного развитія, которое принято называть „современною цивилизаціею“. Да, надо имѣть мужество сознаться въ томъ, что литература, философія, все это преданіе современной мысли (*de la pensée moderne*), вся эта умственная среда, въ которой наши умы, такъ сказать, зачаты, выросли и жили,—все это пришло и неизбѣжно должно было придти къ результату, сейчасъ мною указанному. Потому что самая сущность современной мысли такова: человекъ зависитъ только отъ самого себя (*l'homme ne relève que de lui même*); въ немъ самомъ, а не въ чемъ либо другомъ, источникъ всякой власти. Когда я называю „современною“ мысль, которая также стара какъ человечество, я хочу сказать, что только въ мірѣ современномъ, только въ виду христіанскаго закона и изъ противодѣйствія ему могла эта мысль получить свое полное развитіе и приобрѣсть свою необъятную практическую важность. Почему же? Полагая за основаніе, что человѣческій разумъ довѣдетъ такъ сказать себя самому, — вся философія древности сводится собственно къ одной сущности: къ автономіи человѣческаго разума. Нѣтъ такого мнѣнія, нѣтъ такой доктрины, исходящей изъ этого начала, которая бы не была проповѣдана въ школахъ философовъ, отъ идеализма самаго трансцендентальнаго до матеріализма самаго грубаго. И однакоже все это движеніе умовъ ни разу не произвело на свѣтъ ничего подобнаго тому ученію, той власти, той силѣ, которую я называю революціей. Потому что, въ томъ возрастѣ міра и прежде явленія христіанства, философская мысль, добывая себя человека въ индивидуумъ, могла завладѣть, такъ сказать, только наименьшею его частью. Ибо *гражданинъ*, — этотъ рабъ государства, эта *вещь* государства (но именно только потому собственно и человекъ, — человекъ по преимуществу по понятіямъ древнихъ), — необходимо ускользалъ изъ ея рукъ. Государству же подлежалъ по праву не только индивидуумъ, но подлежала и сама мысль человѣческая. Только христіанство положило конецъ этой, возведенной въ законъ, неправоиспособности человѣческой души, провозвѣстивъ, предъ лицомъ индивидуума, какъ и предъ лицомъ государства, Того, Кто одинъ истинный Господинъ имъ обонимъ. Подчиненіе человека Богу сокрушило рабство человека человеку. Или вѣрнѣе, оно преобразило рабство въ добровольное и свободное повиновеніе; ибо таково по существу своему отношеніе христіанна къ вла-

сти, за которою онъ не признаетъ другаго авторитета, кромѣ того, которымъ она облечена отъ Верховнаго Владыки всяческихъ. И вотъ почему новѣйшая современная мысль, освобождая человѣка изъ подъ власти Божіей, эмансипируя человѣка отъ Бога, отнимаетъ тѣмъ самымъ всякій авторитетъ у власти земной, какая бы она ни была. То есть, другими словами, никакого принципа власти не можетъ въ наши дни существовать для общества, которое было христіанскимъ и перестало имъ быть“.

Таковъ основной тезисъ всего историческаго міросозерцанія Тютчева. Онъ не нуждается въ доказательствахъ; но во избѣжаніе недоразумѣній и для того, чтобъ устранить возможное, хотя и ошибочное, предположеніе, будто авторъ смѣшиваетъ или отождествляетъ принципъ христіанскій съ принципомъ гражданской власти, мы считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько пояснительныхъ словъ. Міръ древній, не вѣдавшій Откровенія, не знавшій надъ собою и внѣ себя никакого высшаго, нравственнаго начала; былъ, естественно и такъ сказать *de facto*, самъ для себя источникомъ всякой власти, самъ своею верховною совѣстью. Но и древній міръ, томимъ потребностью опредѣлить и формулировать въ самомъ себѣ свое высшее начало, старался отвлечь его отъ всего случайнаго и личнаго, и призналъ его въ идеѣ общаго, — а образомъ этого общаго было для него государство. Государство стало для него выраженіемъ высшей истины, совершенно поработило себѣ и, такъ сказать, втянуло въ себя человѣческую личность. Поэтому нигдѣ и не могла идея государства развиться въ такой строгой послѣдовательности и полнотѣ, какъ въ языческомъ мірѣ (въ формѣ ли монархической или республиканской — все равно); до своего же полнаго апогея она дошла въ Римѣ. Такое государство, само въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, альфа и омега человѣческаго бытія, само олицетворенное божество, — такое государство было уже немислимо въ мірѣ христіанскомъ. Христіанство, указавъ человѣку и человѣчеству высшее призваніе *внѣ* государства; ограничивъ государство областью внѣшняго, значеніемъ только средства и формы, а не цѣли бытія; поставивъ превыше его начало божественной истины, источникъ всяческой силы и власти, — низвело такимъ образомъ самый принципъ государственный на низшее, подобающее ему мѣсто. На такомъ, такъ сказать, подчиненномъ

отношеніи къ высшей истинѣ зиждется теперь въ христіанствѣ основаніе государства, основаніе земной власти, повиновеніе которой, въ предѣлахъ высшей истины, благословляется и повелѣвается для христіанъ Богомъ (какъ это и объяснилъ Тютчевъ). Но какъ скоро христіанскій міръ отрекся бы Бога, современное основаніе государства, основаніе всякой земной власти непремѣнно бы поколебалось: ему уже не на чемъ утвердиться. Выѣстъ съ тѣмъ упразднилось бы единственное начало, обуздывающее, сдерживающее въ предѣлахъ развитіе государственности, указующее ей границы. Чтобы утвердить принципы государства или власти снова на твердомъ фундаментѣ, слѣдовало бы міру возвратиться къ языческой вѣрѣ въ государство, къ представленію древнихъ о государствѣ, слѣдовательно къ признанію за государствомъ, т. е. за началомъ формальной правды и виѣшней, грубой, принудительной силы, значенія высшей истины, — къ признанію полноправности государственной не только надъ гражданиномъ, но и надъ *человѣкомъ*. Но однажды освобожденная изъ языческаго рабства государству человѣческая личность, которую христіанство превознесло такъ высоко, за которою признало такую полноту духовной свободы, уже не можетъ, уже не способна дать поработить себя снова. Что же выходитъ? Выходитъ сопоставленіе началъ несовмѣстныхъ: языческаго представленія о государствѣ съ христіанскимъ представленіемъ о человѣческой личности, — ибо если въ мірѣ дохристіанскомъ человѣкъ поглощался гражданиномъ, а идея личности идеею государства, то общество христіанское, хотя бы и отрехшееся отъ Христа, не властно уже отречься отъ сознанія человѣческой индивидуальности и ея правъ, — сознанія, которому нѣтъ мѣста въ языческомъ государствѣ. Такое общество, сдвигая гражданскій порядокъ съ христіанской основы, не въ состояніи уже обрѣсти для него никакой другой основы: или государство его задушить, задавить, — что едва ли мыслимо, — или же оно обречетъ себя на состояніе вѣчнаго бунта, — чему мы и видимъ примѣры. Такое общество, отрицая христіанство, но не отказываясь отъ вложенныхъ въ него христіанствомъ требованій высшей нравственной правды, индивидуальной свободы и другихъ христіанскихъ нравственныхъ идеаловъ, станетъ непремѣнно предъявлять эти требованія къ государству, возлагать на государство осуществленіе

всѣхъ этихъ невыполнимыхъ для государства запросовъ. Другими словами: оно вынуждено будетъ весь строй свободныхъ нравственныхъ отношеній, созданный христіанствомъ, вколотить въ букву, въ форму принудительнаго закона и поставить подъ охрану государственнаго жезла или дубины; оно будетъ палкой, гильотиной, петролсемъ водворять въ міръ любовь, равноправность, уваженіе къ человѣческой личности, къ человѣческой свободѣ. Откинувъ орудіе духовное, т. е. высшее нравственное побужденіе къ добру, даваемое вѣрою въ высшую надземную истину, — оно уже не можетъ дѣйствовать иначе, какъ орудіемъ зомнымъ, какъ вѣшнымъ, хотя бы и узаконеннымъ, насиліемъ. Слѣдовательно оно само налагаетъ на себя оковы, само обрекаетъ себя на такое рабство и на такое своеволие деспотизма, которыхъ не вѣдалъ даже языческій міръ и которыхъ само общество конечно стернѣть не будетъ въ силахъ; но, продолжая отрицать христіанскую основу, оно осуждено лишь безпрестанно сочинять и безпрестанно разбивать создаваемые имъ формы гражданскаго порядка, — не мирясь ни съ одною. Къ тому же человѣческая личность, какъ скоро она познала, вкусила однажды даннаго ей христіанствомъ значенія и свободы, и затѣмъ сошла съ себя христіанское освященіе, претворяется почти всегда не во что иное, какъ въ самый дикій, разнузданный эгоизмъ. Христіанинъ не можетъ просто перестать быть христіаниномъ и на томъ и покончить: онъ то и дѣло будетъ бороться съ своимъ бывшимъ Богомъ и въ себѣ самомъ и вокругъ себя; онъ не перестанетъ вѣчно бунтовать противъ начала, которымъ какъ воздухомъ проникнуто все его существо и все бытіе современныхъ историческихъ обществъ, бунтовать — непремѣнно озлобленно, вездѣ и всюду, въ тайникахъ души своей, на площадяхъ и улицахъ, — попирая, въ силу логической послѣдовательности, все что этимъ началомъ освящалось въ міръ, что такъ или иначе примыкаетъ къ этому началу. Такимъ образомъ окончательный удѣлъ всякаго христіанскаго общества, отрекшагося Христа, есть бунтъ или революція. Но бунтъ ничего не творитъ и не создаетъ, а лишь отрицаетъ и разрушаетъ, — и общество, положившее революціонный принципъ въ основаніе своего развитія, должно неминуемо, отъ революціи къ революціи, дойти до анархій, до совершеннаго самоотрицанія и самозакланія. Все это вполнѣ и буквально подтверж-

дается исторією Франціи отъ ея первой «великой» революціи до парижской коммуны включительно. Такъ первая французская революція пыталась снова воцарить въ мірѣ именно *языческое представление о государствѣ* и устроить республику по образу и подобию древнихъ классическихъ, но въ тоже время вводила въ свой республиканскій символъ вѣры, рядомъ съ неязыческими терминами «свобода и равенство», чисто-христiанскій терминъ «братство». Само собою разумѣется, что при такомъ неизбежномъ, роковомъ внутреннемъ противорѣчii, всѣ усилія революціи создать государство на прочномъ языческомъ основаніи оказались тщетными; такъ что для дрессировки «братій» и для закрѣпощенія государству «гражданъ» (citoyens), революція вынуждена была прибѣгнуть къ средству, невѣдомому въ языческомъ мірѣ—къ террору, и во имя свободы, равенства и братства, явила свѣту такую чудовищность деспотизма, съ которою можетъ только равняться поджогъ Парижа петролеемъ, учиненный парижскою коммуною...

Впрочемъ намъ еще придется вернуться къ этому основному тезису Тютчева нѣсколько ниже, по поводу того особеннаго, указываемаго имъ процесса, которымъ начало антихристiанское совершаетъ теперь свою работу въ мірѣ протестантскомъ, въ народахъ германскаго племени.

Нельзя не пожалѣть, что письмо Тютчева не окончено, и что, отправившись отъ вопроса о воссоединеніи церкви, онъ прервалъ цѣпь своихъ силлогизмовъ на серединѣ, хотя конечно эта цѣпь уже достаточно видна изъ самой его статьи о Папствѣ. Мы полагаемъ, что собственно въ письмѣ, ходъ его мысли былъ бы таковъ:

Папство, разумѣется, не отрицаетъ зависимости человѣка отъ Бога; оно исповѣдуетъ христiанское ученіе о Богѣ, какъ Превышей Истинѣ и Силѣ, отъ которой лишь одной принципъ земной власти получаетъ свое освященіе. Но наслѣдовавъ всѣ властолюбивыя похоти и духъ раціонализма древняго Рима, оно ввело въ христiанское міросозерцаніе понятіе о внѣшнемъ церковномъ авторитетѣ и устроило церковь какъ царство отъ міра, какъ государство. Въ противоположность революціи, низводившей такъ сказать Бога съ престола, Папство само себя, какъ церковь-государство, возвело на высоту Божьяго престола, отожд-

дествило себя съ Богомъ, признавъ себя въ лицѣ государя-папы непогрѣшимою истинною и источникомъ всякой власти, отъ котораго лишь одного исходить и зависеть всё власти земныя. Но въ борьбѣ съ мятежнымъ стремленіемъ, олицетворяемымъ революціею и несущимъ на своемъ знамени: «нѣсть Богъ», Папство представляется единственнымъ убѣжищемъ, единственнымъ церковнымъ знаменемъ для уstraшенныхъ революціею христіанъ запада. Тогда какъ обществу, заразившему плоть и кровь свою революціоннымъ принципомъ, мысль человѣческая отказывается предугадать исходъ,—для папства, насколько жива еще въ немъ христіанская стихія, казалось бы есть еще исходъ, и именно тотъ, о которомъ говоритъ Тютчевъ. Но само собою разумѣется, при современномъ положеніи дѣла, вопросъ о воссоединеніи церковей, какъ и упоминается въ письмѣ Тютчева, получаетъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ соглашеніе догматическихъ различій, хотя и оно конечно необходимо. Возвращеніе къ древне-церковному вселенскому единству возможно для Рима лишь подъ условіемъ: развѣнчанія себя какъ высшаго земнаго авторитета, смиренія предъ вселенскимъ единствомъ, отрѣшенія отъ всѣхъ мірскихъ атрибутовъ власти, возрожденія въ духѣ братской любви и свободы Христовой. Другаго спасительнаго исхода для Рима и для западнаго христіанства, безъ сомнѣнія, нѣтъ; но не подлежитъ также никакому сомнѣнію (какъ Тютчевъ и выразился вполне опредѣленно въ своей статьѣ), что этому исходу долженъ предшествовать дѣлныи ужасающій рядъ потрясеній, превратностей, бѣдствій...

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ статья Тютчева мало кого убѣдила: римскій вопросъ ни западнымъ, ни русскимъ политикамъ вовсе не казался неразрѣшимымъ, недоступнымъ какой-либо сдѣлкѣ. Двадцать пять лѣтъ спустя, тѣ же политики уже собирались было признать этотъ самый вопросъ почти вполне разрѣшеннымъ и сдать его въ архивъ. Но, къ изумленію ихъ, оказалось иное. Оказалось, что противникъ, считавшійся пораженнымъ на смерть, живучъ. Мы видимъ, что заключенный подъ стражею итальянскаго единства, онъ потрясаетъ однимъ своимъ бытіемъ могущественнѣйшую имперію міра,—и потрясаетъ именно потому, что наиское знамя есть единое христіанское знамя на Западѣ... Тютчевъ съ страстнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми

явленіями борьбы, за всѣми видоизмѣненіями въ судьбѣ Рима. Двадцатипятилѣтній историческій періодъ, наступившій по написаніи имъ своей статьи, столь богатый событіями, былъ только подтвержденіемъ основныхъ, разъясненныхъ Тютчевымъ, положеній римскаго вопроса. Несмотря на закоснѣлость папы и ультрамонтановъ въ заблужденіяхъ римской церкви, и даже благодаря этой закоснѣлости, благодаря тому, что римская ложь обличила себя собственными своими устами посредствомъ Силлабуса и провозглашенія догмата о непогрѣшимости, христіанская совѣсть дрогнула у многихъ искренно вѣрующихъ католиковъ. Гоненія, направленныя теперь въ Германіи на католическую церковь,—не на лживыя только ея притязанія, но на самую ея правду, т. е. на неотъемлемыя и священныя ея права, на ея свободу,—эти гоненія будутъ вѣролтно также способствовать очищенію христіанскаго сознанія. Если теперь западные католики, даже не вѣрующіе въ догматъ о непогрѣшимости, считаютъ нужнымъ становиться подъ папское знамя, то тѣмъ не менѣе, въ совѣсти этихъ самыхъ католиковъ, на первомъ планѣ стоитъ интересъ вѣры, угрожаемой опасностью,—а не вопросъ о притязаніяхъ папы. Поднимаются не во имя угнетеннаго папы, а во имя угнетенной вѣры. А эта внутренняя, даже не вполне сознаваемая, происходящая въ совѣсти перестановка будетъ имѣть послѣдствія нескончаемыя...

Почти на всѣ эти явленія Тютчевъ отозвался стихами и письмами. Мы считаемъ умѣстнымъ указать на нихъ здѣсь же, для того, чтобъ читатель могъ видѣть весь кругъ пройденный его мыслью, и объять его церковно-историческое христіанское міросозерцаніе во всей полнотѣ.

Вотъ какіе стихи внушила ему знаменитая папская энциклика 1864 года:

Былъ день, когда Господней правды молоть
 Громилъ, дробилъ ветхозавѣтный храмъ,
 И собственнымъ мечемъ своимъ заколотъ,
 Въ немъ издыхалъ первосвященникъ самъ.
 Еще страшнѣй, еще неумолимѣй
 И въ наши дни, дни Божьяго суда,
 Свершится казнь въ отступническомъ Римѣ
 Надъ лжеимѣстникомъ Христа.

Столѣтѣя шак, ему прощалось много,
 Кривые толки, темныя дѣла;
 Но не простится правдой Бога
 Его послѣдняя хула.
 Не отъ меча погнѣбеть онъ земнаго,
 Мечемъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ;
 Его погубить роковое слово:
 „Свобода совѣсти есть брѣдь“.

А вотъ другіе, писанные въ 1867 г., едва ли не по поводу кровавой схватки французскихъ и папскихъ солдатъ съ гарибальдійцами:

Свершается заслуженная кара,
 За тяжкій грѣхъ, тысячелѣтній грѣхъ...
 Не отвратить, не избѣжать удара,
 И правда Божья видима для всѣхъ.
 То Божьей правды праведная кара,
 И ей въ отпоръ чью помощь ни зови,
 Свершится судъ... и папская тиара
 Въ послѣдній разъ купається въ крови.
 А ты—ея носитель неповинный.
 Спаси тебя Господь и отрезви—
 Молнись ему, чтобы твои сѣдины
 Не осквернились въ пролитой крови...

Созваніе и рѣшеніе римскаго собора въ 1870 г. вызвало въ русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, сильныя толки. Многіе признавали нужнымъ, чтобы русская церковь подала оффиціально свой голосъ, или по крайней мѣрѣ, чтобы было заявлено предъ западнымъ католическимъ міромъ русское православное мнѣніе. На приглашеніе изъ Москвы взяты за перо снова и выступить на знакомое уже ему поприще, Тютчевъ отвѣчалъ (по русски) слѣдующимъ письмомъ отъ 13 марта 1870 г.

Хотѣлось бы откликнуться на вашъ призывъ, но что-то не чертится. Смысл не хватить, а можетъ быть и то, что среды нѣтъ, той животворной, воодушевляющей среды, внѣ которой ничто невозможно. Бъ тому же мнѣ сдается, что было бы теперь не совсѣмъ своевременно для насъ, въ данную минуту, выступить на сцену... Слишкомъ рано... Надобно дать развиться всѣмъ логически-неминуемымъ послѣдствіямъ того самоубійственнаго акта, который у насъ во очію совершается. Надобно дать полемику въ католической средѣ ожесточиться до зарѣзу, т. е. до расколу... Я знаю, что явнаго оффиціальнаго раскола все-таки не бу-

дѣтъ... Но вотъ что будетъ... Сознавшая себя оппозиція, въ полномъ сознаніи своего права, уже не будетъ пассивно, какъ прежде, относиться къ римской куріи. Многое, до собора еще существовавшее, фактически уничтожено соборомъ. Никакое самообольщеніе теперь невозможно, — и вмѣстѣ съ тѣмъ то притворное, афектированное смиреніе предъ папскимъ авторитетомъ, котораго доселѣ придерживались самыя исключительныя, самыя убѣжденные противники ультрамонтанскаго ученія... Полемика вступить въ новую фазу, но тутъ-то окажется вся юридическая несостоятельность оппозиціи. Подъ нею вдругъ не станетъ почвы, и она очутится на краю жи... Тутъ другаго для нея выбора быть не можетъ: или она отступится, т. е. покорится, что невѣроятно: нельзя же предположить, чтобы въ нашъ именно вѣкъ изсякла въ католической средѣ та духовная струя, которая пронизала всѣ наслоенія романизма; — а если она не уступитъ, то въ очень скоромъ времени раздадутся съ разныхъ сторонъ голоса, которые заговорятъ о необходимости созванія настоящаго *вселенскаго* собора... Исходъ въ протестанство можетъ быть дѣломъ частнымъ, дѣломъ личностей; но нельзя же предположить, чтобы такой значительный церковный элементъ, со всѣми своими задатками и преданіями, вдругъ бы рассыпался и разлетѣлся на вѣтеръ... Это невозможно, — и предположеніе, что въ послѣднюю минуту вся эта западная церковная оппозиція ухватится за идею вселенской церкви, по моему, правдоподобіе.. Вотъ эту-то минуту мы и должны выждать, чтобы вступить съ ними въ прямыя отношенія. Но все-таки стоять сложа руки не слѣдуетъ. Въ насъ смикъ, прежде всего, должно созрѣть и окрѣпнуть уразумѣніе вопроса, вполне сознательное...

Можетъ быть замѣтить, что Тютчевъ ошибся, не предвидѣвъ явнаго раскола тогда, какъ въ слѣдующемъ же году явились старокатолики съ своею программой. Но о старокатоличествѣ еще и теперь нельзя произнести рѣшительнаго сужденія: это скорѣе симптомъ начинающагося разложенія, нежели самостоятельное, крѣпкое внутреннее силою явленіе, знаменующее новую церковную эру. Впрочемъ мнѣніе Тютчева о старокатоликахъ видно изъ вышеприведеннаго его письма къ русской путешественницѣ въ Прагу. Гораздо замѣчательнѣе письмо, помѣщаемое нами ниже и диктованное Тютчевымъ въ февралѣ 1873 года, когда онъ лежалъ разбитый парализмомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины. Оно вызвано еще только извѣстіемъ о новыхъ церковныхъ законахъ, составленныхъ прусскимъ министерствомъ и утвержденныхъ палатами, — стало быть еще до начала тѣхъ преслѣдованій,

которымъ, съ такою смѣлою послѣдовательностью и нѣмецкою добросовѣстностью, подвергли потомъ католическихъ епископовъ прусскіе протестантскіе чиновники. Еще до исхода войны 1870 года, предвидя торжество Пруссіи, Тютчевъ, по свидѣтельству барона Пфееля, писалъ слѣдующее:

Торжество Пруссіи значитъ торжество протестантизма, ставшаго синонимомъ рационализма,—паденіе папства, угнетеніе совѣстей въ интересѣ безвѣрія, религіозное преслѣдованіе во имя цивилизаціи.

Вотъ письмо Тютчева отъ февраля 1873 года, о которомъ мы сейчасъ упомянули,—этотъ почти уже замогильный голосъ. Приводимъ его:

„Что меня наиболѣе поражаетъ въ современномъ состояніи умовъ въ Европѣ, это недостатокъ разумной оцѣнки нѣкоторыхъ наиблаженнѣйшихъ явленій современной эпохи,—напримѣръ того, что творится теперь въ Германіи: въ первый разъ еще, послѣ долгихъ временъ, гражданская власть заходитъ такъ далеко въ явную войну съ христіанскимъ принципомъ или съ церковью. Чувствуется, что подъ предлогомъ борьбы съ такими направленіями, какъ ультрамонтанизмъ или іезуитизмъ, кроется на самомъ дѣлѣ этой борьбы присутствіе элемента антихристіанскаго, и съ изумленіемъ спрашиваешь себя: откуда онъ? А однако же нѣтъ ничего проще: онъ исходитъ изъ среды, въ которой призванъ жить и двигаться,—онъ привносится самимъ современнымъ человѣкомъ. Это дальнѣйшее выполненіе все того же дѣла, обоготворенія человѣка человѣкомъ,—это все та же человѣческая воля, возведенная въ нѣчто абсолютное и державное, въ законъ верховный и безусловный. Таковою проявляется она въ политическихъ партіяхъ, для которыхъ личный ихъ интересъ и успѣхъ ихъ замысловъ несравненно выше всякаго инаго соображенія. Таковою начинаетъ она проявляться и въ политикѣ правительствъ, этой политикѣ доводимой до края, во чтобы ни стало (*à outrance*), которая, ради достиженія своихъ цѣлей, не стѣсняется никакою преградой, ничего не щадитъ и не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ, способнымъ привести ее къ желанному результату. Это просто на просто возвратъ христіанской цивилизаціи къ римскому варварству, и въ этомъ отношеніи князь Бисмаркъ не столько возстановитель германской имперіи, сколько возстановитель преданій имперіи римской. Отсюда этотъ характеръ варварства, которымъ запечатлѣны приемы послѣдней войны,—что-то систематически беспощадное, что ужаснуло міръ. Вотъ этотъ-то элементъ, который въ древнемъ Римѣ былъ такъ сказать личнымъ врагомъ Христа, этотъ-то элементъ, по міру того какъ онъ болѣе и болѣе становитъ овладѣвать политикою современныхъ европейскихъ государствъ,

онъ-то и поселить въ нихъ, даже безъ ихъ вѣдома, личную враждебность къ христіанской церкви и въ особенности къ католической. Ибо между абсолютизмомъ человѣческой воли и закономъ Христовымъ не мыслима мирная сдѣлка: это и есть кесарь, что вѣчно воюеть со Христомъ... Какъ только надлежащимъ образомъ опознають присутствіе этой стихіи, такъ и увидятъ поводъ обратить болѣе пристальное вниманіе на возможныя послѣдствія борьбы, завязавшейся теперь въ Германіи, — послѣдствія, важность которыхъ способна, для всего міра, достигнуть размѣровъ неизслѣдимыхъ. Потому что, вводя въ жизнь европейскаго общества окончательное поработеніе христіанской совѣсти, эта борьба можетъ также повести Европу къ состоянію варварства, не имѣющему ничего себѣ подобнаго въ исторіи міра, и въ которомъ найдутъ себѣ оправданіе всяческія иныя угнетенія. Вотъ тѣ размышленія, которыя, казалось бы, чтеніе о томъ, что дѣлается въ Германіи, должно вызывать въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ, помимо тѣхъ пошлостей и обшихъ мѣстъ, которыми усложняется эта борьба (какъ, напримѣръ, ненависть къ іезуитамъ, и проч.) и которыя только отводятъ вниманіе общественнаго мнѣнія отъ серьезныхъ опасностей, — а опасностей еще много, помимо тѣхъ, на которыя указываютъ партіи. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы не допускать князя Бисмарка до превращенія Пія IX въ послѣднаго представителя независимости человѣческой мысли, и отворотить отъ нея, во чтобы ни стало, возможность капитуляціи въ родѣ Седанской...

Этими выводами замыкается и пополняется начерченный Тютчевымъ тотъ историческій кругъ, внутри котораго, по его мнѣнію, вращается современная жизнь Западной Европы. Во избѣжаніе недоразумѣній, сведемъ въ краткомъ очеркѣ, разсѣянные въ статьяхъ и писъмахъ черты его общей мысли. Уже объяснено было выше, что только въ мірѣ языческомъ могла идея государства получить свое полное развитіе, именно потому, что этотъ міръ не вѣдалъ вышей надъ собою истины и что государство было для него учрежденіемъ, получающимъ освященіе изнутри себя самого, вышею нормою и цѣлью человѣческаго бытія, — само источникомъ всякой власти. Въ христіанскомъ же мірѣ надъ государствомъ, съ его внѣшнею правдою и грубою силою, вознеслась правда Божія, высшая сила и власть, — такъ что самая власть земная была ограничена въ своихъ предѣлахъ, поставлена въ своемъ существованіи въ зависимость отъ отношеній своихъ къ этому высшему принципу: она уже не могла держать въ рабствѣ, считать собственностью

государства человѣческую личность, освобожденную и освященную христіанствомъ, не могла простираться на область совѣсти, и самый авторитетъ свой, въ сознаніи христіанскихъ обществъ, заимствовала отъ власти Божіей: только послѣдняя дѣлала для христіанъ послушаніе нравственно-обязательнымъ.

Съ воцареніемъ въ христіанскомъ обществѣ духа антихристіанскаго въ лицѣ революціи, человѣческое я, отказавшись признавать надъ собою высшее нравственное начало въ Богѣ, тѣмъ менѣе оказалось способнымъ признать этотъ авторитетъ за государствомъ, и воплотило въ себѣ элементъ вѣчнаго бунта, отрицанія и разрушенія, чему и служить свидѣтельствомъ Франція. Но въ протестантскихъ земляхъ замѣчается повидимому нѣчто иное,—впрочемъ, какъ объяснится ниже, только повидимому. Въ нихъ, въ этихъ земляхъ, начало антихристіанское называется теперь именно въ попыткѣ создать государство по типу древняго языческаго Рима. Дѣло въ томъ, что антихристіанскій процессъ въ Германіи и вообще въ протестантскомъ мірѣ совершался и совершается иначе, чѣмъ въ мірѣ романскомъ. Реформація, какъ извѣстно, была въ своемъ основаніи движеніемъ искренно-религіознымъ; она стремилась возратить христіанской человѣческой личности ту свободу, которая ей дана завѣтомъ Христовымъ и которой лишилъ ее церковный Римъ. Но, отвергнувъ церковно-государственный деспотизмъ Рима, реформація вмѣстѣ съ тѣмъ отвергла самую идею церкви въ смыслѣ христіанскомъ. Она высоко вознесла личное нравственное значеніе человѣка, поставила человѣка, такъ сказать, на свои ноги, въ отношенія личной отвѣтственности къ Богу; но она препоясала его оружіемъ только личной, единичной вѣры и единичнаго разума,—отняла у него опору и свѣтъ братской любви и единомыслія, соборной совѣсти и соборнаго разума. Церковь низведена была протестантизмомъ на степень простаго дисциплинарнаго учрежденія, и церковныя функціи перешли сами собою на государство. Крѣпко было возбуждено реформаціей личное христіанское сознаніе въ человѣкѣ,—и долго держался протестантскій міръ этимъ личнымъ христіанскимъ элементомъ (а отчасти держится и теперь, и еще крѣпко держится, какъ на примѣръ въ Англіи); но невозможно ему было устоять въ своей цѣльности при томъ внутреннемъ противорѣчій, которое

внесено реформаціей въ самую область вѣры. Освободивъ чело-
вѣка отъ рабства Риму и отрицая съ тѣмъ вмѣстѣ начало
церкви, протестантизмъ *уединилъ* челоѣка, предоставивъ его
своимъ собственнымъ одинокимъ силамъ. Стремясь вознести его
на высоту,—конечно подобающую каждой христіанской лично-
сти, но лишь подъ условіемъ нравственнаго закона любви, слѣ-
довательно подобающую только личности, *смирляемой въ своемъ*
эгоизмъ и восполняемой въ своей ограниченности братскою лю-
бовью и союзомъ, котораго выраженіе есть церковь,—проте-
стантизмъ не только отрѣшилъ челоѣческую личность отъ
этого союза (стало быть, отъ элементовъ ее укрощающихъ и
восполняющихъ), но еще поставилъ ее въ отрицательное отно-
шеніе къ этимъ элементамъ, къ самому принципу церкви,—и въ
такомъ видѣ вознесъ ее одинокою на самостоятельную высоту,
препоручилъ ей храненіе истины. Провозгласивъ свободу ра-
зума и отвергая, съ тѣмъ вмѣстѣ, принципъ церкви, протестан-
тизмъ оголилъ эту свободу отъ всякой нравственной, обузда-
вающей и опредѣляющей ее стихіи, а разумъ отъ высшей по-
знавательной нравственной силы, и затѣмъ—въ такомъ оголен-
номъ, формальномъ, логическомъ разумѣ указалъ міру опору для
вѣры. Само собою разумѣется, что при этомъ должна была не-
избѣжно произойти перестановка центровъ тяжести или истины.
Истина, зависящая отъ виѣшней опоры или авторитета, въ сущ-
ности не есть уже истина: то что даетъ ей точку опоры и сви-
дѣтельствуемъ о ней, безъ сомнѣнія, стоитъ уже выше. Такимъ
образомъ протестантскій рационализмъ, призванный къ полно-
правному контролю подчиненной его охранѣ истины, мало-по-
малу лишилъ ее своей опоры и доработался до совершеннаго
ея отрицанія. Въ этомъ отрицаніи еще не было мятежа; оно не
служило выраженіемъ взбунтовавшейся противъ всякаго нрав-
ственнаго авторитета, разнуздавшейся челоѣческой воли,— а
было только результатомъ логическаго, даже отвлеченнаго ум-
ственнаго процесса, которому, конечно, нельзя было удержаться
въ своей отвлеченности и не сказаться постепенно на прак-
тикѣ въ жизни. Протестантъ послѣдовательный, признающій ав-
торитетъ личнаго *разума*, не можетъ не отвергнуть,—какъ пдѣ-
лаютъ открыто многіе протестантскіе пасторы,—божественность
или, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, *безуміе* исповѣдуемой хри-

стіанами истины (la folie de la Croix, по выраженію Тютчева); протестантъ же, вѣрующій въ божественность истины, въ ея супра-натуральное происхожденіе, осуждаетъ самъ себя на антагонизмъ съ основнымъ началомъ протестантизма, съ авторитетомъ логическаго разума. При такихъ условіяхъ положеніе личнаго христіанскаго элемента, который еще живетъ въ совѣсти народныхъ массъ, которымъ пока стоитъ протестантскій міръ, разумѣется, самое ненадежное и зыбкое. Германскіе протестантскіе правители, хорошо понимая, что не только этотъ христіанскій элементъ служитъ основаніемъ общественному, нравственному и гражданскому строю, но что на немъ до сихъ поръ покоится самый принципъ государственной власти, пытались было поднять ослабѣвшія церковно-политическія узы и даже придать нѣсколько религіозный характеръ своему званію верховныхъ командировъ церкви; но подобныя попытки такъ расходились съ господствующимъ теченіемъ общественной мысли, что не принесли никакихъ существенныхъ результатовъ. Что же касается до нѣмецкой интеллигенціи, то она, совершая свою абстрактную логическую работу и безъ усталости подкапываясь подъ основаніе христіанской вѣры, въ то же время весьма наивно и съ полнымъ для себя практическимъ комфортомъ продолжала пробавляться накопленнымъ въ обществѣ, въ теченіи вѣковъ, капиталомъ христіанской нравственности и жить подъ охраною тѣхъ самыхъ христіанскихъ предразсудковъ, которые она такъ усердно расшатывала. Однакожь и она не могла не обезпечиться быстро возрастающею убылью капитала. Однимъ словомъ, въ протестантскомъ мірѣ Германіи почувствовалась потребность выдти изъ развѣдающаго противорѣчія и осадить гражданское бытіе на логическія основы. Эти основы, внѣ христіанскаго сверхъестественнаго элемента, не могли быть въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ только языческими. Последнее слово чистой и истой нѣмецкой философіи, провозгласивъ разумность дѣйствительности, возвело государство въ значеніе воплощеннаго реальнаго разума. Оставалось осуществить такой идеалъ на практикѣ, и эта миссія естественно принадлежала Пруссіи, какъ свободной отъ средневѣковыхъ и католическихъ преданій, какъ носительницѣ и представительницѣ стремленій протестантскаго германскаго духа. Когда, во второй половинѣ

XIX вѣка, пришлось созидать въ центрѣ цивилизованной Европы новую имперію, новое государственное могущество,—то зиждительнымъ для нея элементомъ не могъ конечно служить христіанскій элементъ протестантскаго общества, недостаточно сильный для духовнаго освященія новой власти; еще менѣе были пригодны начала, провозглашенныя французскою революціей, начала, эманципировавшія личную волю отъ какого бы то ни было авторитета. Единственнымъ зиждительнымъ элементомъ явился другой факторъ протестантскаго духовнаго міра, раціональный, логическій разумъ, жаждавшій поклониться самому себѣ въ своей реальной формѣ,—въ государствѣ. Онъ еще не объявлялъ практической открытой войны личной христіанской вѣрѣ, не проповѣдывалъ абсолютизма личной воли, не бунтовалъ, какъ человѣкъ романскаго племени, противъ идеи какого бы то ни было авторитета, а шелъ, по свойству племени германскаго, свободнымъ путемъ отвлеченно-логической мысли, указаннымъ ему самою реформаціей, медленно, но постепенно обязычиваясь и обязычивая общество,—не ломая въ дребезги, но вытравливая въ человѣкѣ остатки вѣры въ божественную истину. Вотъ почему созданіе государства,—оказавшееся невозможнымъ во Франціи, для христіанскаго общества, переставшаго быть христіанскимъ—стало возможно въ Германіи, въ мірѣ протестантскомъ, на основахъ раціонализма. Но это еще не значить, чтобъ такое созданіе могло удержаться. Напротивъ,—окончательный результатъ по всей вѣроятности будетъ и въ романскомъ и германскомъ христіанскомъ мірѣ одинаковъ, только полученный двумя совершенно-противоположными процессами. Пока дѣло пребывало въ абстрактѣ, еще можно было уживаться съ противорѣчіемъ, вносимымъ во внутреннюю жизнь вѣры началомъ логическаго разума, но когда пришлось человѣческой совѣсти встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, въ его практическомъ примѣненіи, и человѣческой свободѣ столкнуться съ его внѣшнею логическою послѣдовательностью въ дѣйствительности,—тогда обозначилось, какова природа возникающаго государственнаго могущества.

Въ самомъ дѣлѣ, чтò видимъ мы теперь въ Германіи, или вѣрнѣе сказать, въ этомъ, высящемся надъ Германіей, гордомъ твореніи Бисмарка?—Германскіе философы и идеологи преклони-

лись предъ законнымъ дѣтищемъ рационализма, и скрѣпи сердце, признали и такъ сказать окрестили, во имя логическаго разума и необходимости, принципъ государственнаго насилія: имъ ничего другаго дѣлать и не оставалось. Это единственное, что возможно было для нихъ въ области *созиданія*: инаго *создать* рационализмъ не въ состояніи; далѣе начинается для него уже *разрушеніе*, анархія. Но имъ, либераламъ-философамъ, отъ такого сознанія не легче, потому что никакому *ex*-христіанину никогда не удастся искоренить изъ своей души христіанскій критеріумъ, идеаль высшей нравственной истины и свободы; отрицаемый, отвергаемый, онъ продолжаетъ жить въ душѣ, какъ не удовлетворенная, пожалуй ничѣмъ не оправданная, но тѣмъ не менѣе томительная потребность. Далѣе, за этими философами-идеалистами слѣдуетъ цѣлая туча философовъ, которые отъ философскихъ попытокъ созиданія перешли сперва къ философскому же, а потомъ, отчасти, и къ практическому труду голаго отрицанія и разрушенія,—т.-е. радикаловъ, революціонеровъ, коммунистовъ, демократовъ, социалистовъ и т. п. Они еще не возстаютъ явно противъ имперіи, но точатъ топоры и готовятъ для себя почву, озлобляя сердца противъ христіанства и снмая съ душъ всякое освященіе,—а между тѣмъ дорого продаютъ имперію своею, пока еще пассивное, отношеніе, или даже иногда и содѣйствіе. Затѣмъ остается громадная масса населенія—католиковъ и протестантовъ. Еслибъ правительство способно было воздержаться отъ прямой, явной борьбы съ христіанскимъ началомъ, оно могло бы вѣроятно еще протянуть на довольно долгое время религіозный миръ имперіи, конечно двусмысленный, неискренній, но все же менѣе опасный, чѣмъ открытый разрывъ. Но оно было увлечено роковою логическою послѣдовательностью своего основнаго принципа. Какъ только государство пришло въ столкновеніе съ христіанскою стихіею тамъ, гдѣ она оказалась наиболѣе живучею, именно въ католическомъ населеніи; какъ только государство вынуждено было обнаружить свои языческія притязанія поработить себѣ личную человѣческую совѣсть и объявить себя самого верховною совѣстью, выпыхнула борьба, и конечно неугасимая; смутилась совѣсть не однихъ католиковъ, но даже и лютеранъ, еще не отречшихся Христа и только теперь догадавшихся объ опасностяхъ, грозящихъ не лютеран-

ству только, но христіанству вообще. Для успѣха борьбы, для оправданія насилій, князю Бисмарку потребовалась помощь другой стихіи, антихристіанской, уже и теперь достаточно сильной; — онъ вынужденъ вступить въ союзъ противъ церковнаго и христіанскаго элемента съ открытыми врагами Христа, — не въ союзъ съ философами-либералами, еще по старой памяти держащимися за преданія либерализма и ставшими теперь въ тупикъ, въ безъсходномъ противорѣчій съ твореніемъ своихъ рукъ, а въ союзъ съ радикалами. Радикалы, разумѣется, охотно соглашаются на все, что подрываетъ силу самого правительства, т.-е. на всякія угнетенія христіанской свободы, очищающія поле для побѣдъ радикализма, — и конечно не упустятъ, въ рѣшительную минуту, потребовать отъ государства, чтобы оно прямо и неукоснительно объявило себя нехристіанскимъ. Въ этомъ именно смыслъ и говоритъ Тютчевъ, что всякое торжество Бисмарка надъ христіанскимъ католическимъ элементомъ готовитъ міру горшее рабство, чѣмъ то, которое сулила ему римская церковь, и что принципъ, выражаемый германскою имперіею, есть принципъ древняго Рима, но тѣмъ болѣе ужасный на практикѣ, что матеріаломъ для новаго языческаго Рима призвано послужить общество просвѣщенное христіанствомъ. Это возведеніе сѣзнова въ апоѳеозъ голаго, бездушнаго и потому безнравственнаго государственнаго начала, — это узаконеніе и освященіе насилія, — этотъ милитаризмъ, какъ вѣнецъ современнаго гражданскаго развитія, — все это уже начинаетъ оказывать свое вредное дѣйствіе и на государства, лежащія за предѣлами Германіи. Но конечно этотъ принципъ германской имперіи можетъ пользоваться только временнымъ, хотя бы болѣе или менѣе долгимъ, успѣхомъ: антихристіанское начало, олицетворяемое государствомъ, овладѣвъ душою и совѣстью людей, не замедлитъ свергнуть съ себя и это иго государственнаго авторитета, — и логическій разумъ, не останавливаясь въ своей работѣ, логическимъ же путемъ отрицанія, приведетъ общество къ анархіи. Основное положеніе Тютчева представляется, по нашему мнѣнію, истинною неопровержимою: всякое христіанское общество, переставъ быть христіанскимъ, осуждается на безвыходную анархію и революцію.

Такимъ образомъ, все движеніе современной исторіи европей-

скаго запада можетъ быть обозначено тремя крайними пунктами тяготѣнія или тремя терминами, опредѣляющими смыслъ трехъ главныхъ современныхъ направленій общественнаго духа. Это:

Римскій папа—съ его свѣтскою властью и догматомъ о непогрѣшимости,—единственное пока убѣжище и оплотъ христіанскаго церковнаго элемента на Западѣ, осужденнаго, для «спасенія души», кривить душою и лукавить уомъ.

Бисмаркъ—пришествіе языческаго, государственнаго начала въ силѣ и во власти, со всѣми вышеуказанными атрибутами.

Парижская коммуна—неминуемый жребій и неизбежный предѣлъ антихристіанскаго революціоннаго принципа и отрицательной дѣятельности логическаго разума, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

Овеществленіе духа, безграничное господство матеріи вездѣ и всюду, торжество грубой силы, возвращеніе къ временамъ варварства,—вотъ къ чему, къ ужасу самихъ европейцевъ, торопится на всѣхъ парахъ Западъ,—и вотъ на что русское сознаніе, въ лицѣ Тютчева, не переставало, въ теченіе 30 лѣтъ, указывать европейскому обществу.

Если, по поводу поэтическихъ произведеній Тютчева, одинъ изъ русскихъ его критиковъ примѣнилъ къ нему слова поэта, что онъ «создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть», то позволительно сказать, что и въ области мысли онъ пролилъ лучи яркаго, неугасимаго свѣта, не только озарившаго прошлое и настоящее въ судьбахъ человѣчества, но и пронизающаго въ даль грядущихъ вѣковъ...

И. АКСАКОВЪ.

КЪ ВОПРОСУ О ПОЗИТИВИЗМЪ.

Такъ называемая позитивная философія существуетъ уже нѣсколько десятилѣтій; не разъ подвергалась она и критическому разбору: тѣмъ не менѣе согласія во взглядахъ на нее не установилось и доселѣ. Для однихъ она составляетъ безспорную истину: привѣтствуя распространіе ея въ средѣ образованнаго общества, они общаются ей въ будущемъ полное господство надъ человѣческой мыслию. Другіе наоборотъ на процвѣтаніе ея въ наше время смотрятъ какъ на вѣрный признакъ упадка научно-философскаго мышленія; оспаривая ея основныя положенія, они не хотятъ признавать за ней вовсе никакого серьезнаго научнаго значенія. Чѣмъ объяснить такой фактъ разногласія въ сужденіяхъ о системѣ, всѣмъ достаточно знакомой и не разъ подвергавшейся внимательному обсужденію? Въ наше время безъ сомнѣнія не много найдется людей, которые были бы способны всѣхъ безъ исключенія противниковъ своихъ во взглядѣ на позитивизмъ обвинить въ научной неразвитости или невѣжествѣ или даже въ недобросовѣстности. Но если и не прибѣгать къ такого рода обвиненіямъ, все же останется еще много предположеній для объясненія указаннаго нами факта. Можно предположить напримѣръ, что или позитивизмъ или теоріи враждебныя ему стоятъ въ связи съ какими нибудь стремленіями или наклонностями нашего времени и въ нихъ находятъ опору для своего существованія, а потому научная критика оказывается безсильной противъ нихъ. Можно предположить далѣе, что во всѣхъ спорахъ изъ за позитивной философіи, бывшихъ у насъ, существовало какое нибудь недоразумѣніе относительно пониманія самаго предмета спора, а вслѣдствіе этого истина и не могла быть вполне разъяснена. Можно наконецъ

предположить, что борьба между защитниками и противниками позитивизма вращается около какой нибудь еще не рѣшенной въ наукѣ проблемы, а потому и не можетъ притти къ опредѣленному результату. Какое же изъ этихъ предположеній вѣрно? Или можетъ быть есть доля истины въ каждомъ изъ нихъ? Окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ безспорно принадлежить будущему. Но его съ извѣстной степенью вѣроятности можно, повидимому, предугадывать даже и въ настоящее время. Нѣсколько замѣчаній о сущности позитивизма, его связи съ нашимъ временемъ и его отношеніи къ основной задачѣ новой философіи будутъ можетъ быть не бесполезны для разъясненія этого дѣла.

I.

Едва ли можно оспоривать, что названіе позитивизма въ наукѣ, равно какъ и въ общественномъ сознаніи имѣетъ довольно опредѣленный смыслъ и достаточно характеризуетъ образъ воззрѣній, къ которому прилагается. Тѣмъ не менѣе нѣсколько замѣчаній, касающихся понятія о немъ, оказываются не излишними. Прежде всего необходимо поставить внѣ всякаго сомнѣнія ту простую мысль, что позитивная философія не есть система въ смыслѣ одного опредѣленнаго, цѣльнаго и законченнаго міровоззрѣнія. Когда говорятъ о позитивной философіи какъ о системѣ, мысль обращается естественно къ системѣ Огюста Конта, родоначальника позитивизма. Однако Конткову систему въ ея цѣльномъ составѣ принималъ, какъ кажется, одинъ только человекъ, именно самъ Контъ. Лица, которыя объявляютъ себя его послѣдователями, во многомъ расходятся съ нимъ, не во всемъ соглашаясь и другъ съ другомъ. Еще болѣе расходятся съ нимъ тѣ, которые сами не хотятъ считать себя простыми послѣдователями Конта, но которыхъ также не безъ основанія относятъ къ представителямъ позитивизма. Значитъ, когда дѣло идетъ о позитивизмѣ какъ такомъ философскомъ воззрѣніи, которое раздѣляется очень многими лицами, его было бы несправедливо отождествлять какъ съ системой Огюста Конта, такъ и съ воззрѣніемъ кого нибудь другаго изъ позитивистовъ. Къ содержанію позитивной философіи слѣдуетъ отнести тогда лишь тѣ положенія, которыя согласно признаются всѣми, кого научное или общественное сознаніе причисляетъ къ позитивистамъ.

Но эти положенія, взятые отдѣльно отъ другихъ положеній которыми позитивисты отличаются другъ отъ друга, конечно не дадутъ цѣльнаго и законченнаго философскаго міровоззрѣнія. Онѣ будутъ составлять лишь родовыя черты свойственныя нѣсколькимъ системамъ, родственнымъ одна другой, составляющимъ одну группу. Сказать иначе, онѣ будутъ характеризовать не опредѣленную систему, а опредѣленное философское направленіе, которое можетъ развиваться въ цѣломъ рядѣ системъ. Эта мысль до того представляется безспорной, что едвали можетъ вызвать возраженія. Между тѣмъ, если она не высказана ясно, легко впасть въ ошибку, представляя себѣ позитивизмъ съ такими частными чертами, которыя были бы пригодны лишь для характеристики опредѣленной системы, напримѣръ Контовой, а не цѣлаго направленія. Вопросъ о сущности позитивизма получаетъ теперь болѣе опредѣленный смыслъ, именно: чѣмъ отличается позитивистическое направленіе философіи отъ всѣхъ другихъ? Какое его знамя? При рѣшеніи этого вопроса, намъ кажется, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что позитивизмъ и въ сознаніи своихъ послѣдователей и по суду его противниковъ стоитъ въ болѣе рѣзкой противоположности со всѣми другими философскими направленіями, чѣмъ послѣднія одно съ другимъ. Это соображеніе должно прямо вести къ заключенію, что основаніе позитивизма, его сущность должна состоять въ особомъ отличномъ отъ другихъ направленіи взглядѣ на познаніе. Вопросъ объ условіяхъ, границахъ и достовѣрности человѣческаго познанія безспорно въ новой философіи сдѣлался основнымъ вопросомъ не только въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе его выдвигается на передній планъ, но и въ томъ, что рѣшеніе другихъ вопросовъ ставится въ прямой отъ него зависимости. А поэтому, если позитивизмъ дѣйствительно стоитъ въ рѣшительной противоположности со всѣми другими философскими направленіями, то онъ долженъ различаться отъ нихъ въ рѣшеніи именно этого вопроса; оно должно составлять его истинную характеристическую черту. Теорія знанія, признаваемая позитивизмомъ—есть эмпиризмъ. Значитъ эмпиризмъ и составляетъ сущность позитивизма. Далѣе мы убѣдимся, что это и на самомъ дѣлѣ такъ. Но теперь слѣдуетъ точнѣе уяснить себѣ ту форму эмпиризма, представительницей которой является въ наше время позитивизмъ.

Эмпиризмъ существовалъ задолго до новой философіи. Общая мысль его всегда состояла въ томъ, что нѣтъ другаго знанія кромѣ опыта. Но этимъ положеніемъ опредѣлялся лишь источникъ, изъ котораго, какъ думали лица, принадлежавшія къ этому направленію, единственно могло быть заимствовано все наше знаніе. Затѣмъ оставались недостаточно разъясненными два очень важные вопроса. Надлежало во первыхъ опредѣлить, чтó именно доступно этому единственному источнику знанія, т. е. очертить для области знанія ея предѣлы, и во вторыхъ слѣдовало точнѣе объяснить, въ чемъ должны состоять тѣ процессы, при помощи которыхъ мы могли бы убѣждаться въ истинѣ. Точное рѣшеніе этихъ вопросовъ очевидно должно было придать эмпиризму болѣе опредѣленный характеръ. Путь къ этому проложила философія Юма. Все наше знаніе, думалъ Юмъ, есть или знаніе отношеній, знаніе математическое, или знаніе фактовъ, которое обнимаетъ всю остальную область науки. Юмъ не даетъ подробнаго анализа знанія перваго рода; онъ просто утверждаетъ, что математическое знаніе выводится изъ понятій исключительно дѣятельностію мысли безъ пособія опыта. Все свое вниманіе Юмъ обратилъ на послѣднюю безспорно обширнѣйшую и важнѣйшую часть знанія—знаніе фактовъ. Онъ нашелъ, что все оно необходимо предполагаетъ причинную связь между явленіями и изъ нея выводится. Поэтому онъ подвергнулъ остроумному и тщательному анализу понятіе причинной связи и пришелъ къ тому выводу, что нашъ опытъ свидѣтельствуетъ только о внѣшней связи между явленіями, т. е. простой послѣдовательности ихъ другъ за другомъ. Замѣчая, что одно явленіе всегда съ неизмѣнною послѣдовательностію слѣдуетъ за другимъ, мы, такъ рассуждалъ Юмъ, называемъ послѣднее причиной, первое дѣйствіемъ, однако изъ причины никогда не объяснимъ, логически не выведемъ дѣйствія. Причина и дѣйствіе всегда на самомъ дѣлѣ два факта, неимѣющіе никакой внутренней связи другъ съ другомъ, соединенные лишь извѣстнымъ закономъ послѣдовательности. Только привычка видѣть, что одинъ изъ этихъ фактовъ постоянно слѣдуетъ за другимъ, заставляетъ насъ вѣрить тому, что ихъ связь неизмѣнна, и думать, что мы понимаемъ ихъ внутреннее соотношеніе. Не будь этой привычки, мы сколько бы ни разсматривали одинъ изъ этихъ фактовъ, ни-

когда бы не догадался, что за нимъ послѣдуетъ этотъ другой, и не какой либо иной, никогда бы не могли придти даже къ тому выводу, что за нимъ необходимо послѣдуетъ что-бы-то ни было. Таковъ былъ результатъ изслѣдованій Юма. Не трудно видѣть, что въ этомъ результатѣ очень недвусмысленно указывалось направленіе, чѣмъ какомъ должны быть разрѣшены вопросы, точнаго отвѣта на которые не доставало эмпиризму. Единственнымъ источникомъ знанія служить опытъ—говорилъ эмпиризмъ до Юма. Знаніе опытное, добавляетъ Юмъ, во всемъ, что касается фактовъ, ограничивается простымъ знаніемъ законовъ, или точнѣе правильныхъ однообразій послѣдовательности этихъ фактовъ, а всякое человѣческое убѣжденіе въ концѣ концовъ можетъ основываться только на наблюденіи частныхъ случаевъ. На долю позидѣйшаго эмпиризма выпало двѣ задачи: ему слѣдовало первую половину Юмова результата, которая у самаго Юма простиралась только на знаніе фактовъ, расширить на все знаніе; затѣмъ послѣднюю половину этого результата слѣдовало раскрыть во всей ея послѣдовательности, т. - е. подвергнуть анализу всѣ методы знанія и на этомъ анализѣ показать, что всякое научное убѣжденіе дѣйствительно можно свести къ простому наблюденію фактовъ. Эмпиризмъ такъ и сдѣлалъ. Юмъ говорилъ о законахъ фактовъ, законахъ послѣдовательности. Позидѣйшій эмпиризмъ присоединилъ къ нимъ законы отношеній или сходства (математику); теперь стали утверждать, что убѣжденіе и въ послѣднихъ также основывается на наблюденіи частныхъ случаевъ, изъ котораго всѣ математическія истины должны выводиться, или непосредственно или посредствомъ чрезъ рядъ другихъ положеній. Въ тоже время эмпиризмъ старается въ подробности показать, что всѣ послѣднія послыжки знанія (положеніе о законсообразности природы, аксіомы математики) дѣйствительно основываются на простомъ наблюденіи подтверждающихъ ихъ случаевъ, а всѣ методы доказательствъ суть лишь разнообразныя приспособленія, которыя на основаніи предшествующихъ наблюденій дѣлаютъ мысль съ цѣлію доказать, что то или другое положеніе есть или законъ сходства или законъ послѣдовательности явленій. Законченный такимъ образомъ эмпиризмъ и слѣдуетъ признать послѣднимъ основаніемъ или сущностію позитивизма. Онъ со-

стоитъ такимъ образомъ изъ трехъ положеній: 1) единствен-нымъ источникомъ всякаго знанія служитъ опытъ; 2) знаніе ограничивается изученіемъ законовъ сходства и послѣдовательности явленій; 3) всякое научное убѣжденіе прямо или косвенно основывается необходимо въ послѣдней инстанціи на извѣстномъ количествѣ частныхъ случаевъ, существовавшихъ въ наблюденіи. Не излишне замѣтить, что послѣднее положеніе вполне послѣдовательно развито только у Милля; мнѣнія другихъ относительно этого предмета или не ясны (какъ у Конта), или представляютъ нѣкоторыя уклоненія (какъ напр. у Льюиса). Впрочемъ разногласіе въ этомъ вопросѣ условливается, повидному, лишь степенью послѣдовательности въ проведеніи принятаго принципа, а поэтому здѣсь особаго вниманія не заслуживаетъ.

Что позитивизмъ неразлученъ съ этой формой эмпиризма,— это безспорно: у всякаго сознающаго себя позитивиста мы навѣрное встрѣтимъ положенія близкія къ высказаннымъ сейчасъ нами. Сомнительнѣе представляется другая сторона дѣла, именно, что въ эмпиризмѣ и состоитъ все существенное содержаніе позитивизма. Какъ послѣдователи, такъ и критики позитивизма приучаютъ насъ придавать въ немъ наиболѣе существенное значеніе извѣстной теоріи о трехъ фазисахъ умственнаго развитія. Не погрѣшаемъ ли мы, ставя эмпиризмъ намѣсто этой теоріи?

По смыслу этой теоріи, все человѣчество, каждый народъ, а также и каждая наука переживаютъ послѣдовательно три главные степени развитія. На первой изъ нихъ, теологической, человѣкъ все явленія объясняетъ по аналогіи съ явленіями своего духа: онъ предполагаетъ невидимыхъ таинственныхъ дѣятелей, существующихъ позади явленій и руководящихъ ими подобно тому, какъ духъ человѣка руководитъ по его сознанію его дѣйствіями. На второй ступени развитія, метафизической, невидимые дѣятели замѣняются отвлеченными понятіями о сущностяхъ; изъ этихъ сущностей хотятъ теперь объяснить явленія и смотрятъ на послѣднія какъ на простой и совершенно понятный результатъ первыхъ. Наконецъ на третьей ступени, позитивной, наука, отказываясь отъ всякаго познанія сущностей, ограничивается стремленіемъ узнать неизмѣнные законы послѣдовательности и сходства явленій. Если мы сопоставимъ эту тео-

рію трехъ фазисовъ умственнаго развитія съ высказанными нами основными положеніями эмпиризма, то прежде всего увидимъ, что она ихъ предполагаетъ и безъ признанія ихъ теряетъ свой дѣйствительный смыслъ. Предположимъ на минуту, вопреки эмпиризму, что человѣкъ можетъ познавать нѣчто болѣе законовъ сходства и послѣдовательности явленій, или даже, что его способности знанія не ограничены вообще опытомъ, тогда необходимо будетъ признать, что тѣ способности человѣка, которыя игнорируются эмпиризмомъ, существуя дѣйствительно, должны найти себѣ когда нибудь примѣненіе; и будь теорія трехъ фазисовъ справедлива въ отношеніи къ прошлымъ судьбамъ знанія, мы все же должны будемъ предположить, что когда нибудь наступитъ четвертый фазисъ развитія, въ которомъ найдутъ себѣ правильное примѣненіе и другія способности человѣка, кромѣ способности его къ эмпирическому знанію. Но чрезъ такое предположеніе теорія трехъ фазисовъ, очевидно, потеряетъ принадлежачій ей смыслъ въ позитивизмѣ, такъ какъ она имѣетъ цѣлью не установить только законъ, объясняющій прошлое, но и норму, которая должна господствовать надъ будущимъ. Отсюда слѣдуетъ, что эмпиризмъ есть необходимое предположеніе этой теоріи.

Пойдемъ далѣе. Законъ умственнаго движенія, открытый Контъ, вообще говоря вызываетъ согласіе со стороны приверженцевъ этого направленія. Тѣмъ не менѣе никто не будетъ утверждать, что всякое даже незначительное измѣненіе въ этомъ законѣ, если бы оно вызвано было или болѣе точнымъ изученіемъ исторіи или какими либо сторонними соображеніями, было бы измѣной позитивизму. Конечно нельзя было бы отказать въ имени позитивиста тому, кто напр. нашелъ бы необходимымъ выставить одинъ или нѣсколько промежуточныхъ моментовъ между тѣми ступенями умственнаго развитія, которыя признаетъ Контъ, или измѣнилъ бы порядокъ первыхъ двухъ моментовъ. Последнее измѣненіе было бы явнымъ противорѣчіемъ исторіи; но не будь этого противорѣчія, позитивизмъ могъ бы допустить его, не дѣлаясь чрезъ то новымъ направленіемъ философской мысли. Какія же стороны Контова закона нужно признать неизмѣнными догматами позитивизма, съ отрицаніемъ которыхъ необходимо соединялось бы и отрицаніе позитивизма? Ихъ пови-

дному двѣ. Впервыхъ какія бы переходныя ступени развитія ни указывались, послѣдней ступеню его должно быть признано позитивное возрѣніе; во вторыхъ теологическое и метафизическое міровозрѣнія должны быть отнесены къ несовершеннымъ ступенямъ развитія. Безспорно, что обѣ эти черты составляютъ характеристическія принадлежности позитивизма. Но составляютъ ли онѣ что либо дѣйствительно новое въ сравненіи съ эмпиризмомъ послѣдовательно развитымъ въ направленіи Юма? Что такое позитивная ступень умственного развитія по Контю? Это та ступень, гдѣ мысль признаетъ законы сходства и послѣдовательности явленій единственными предметами знанія. Но въ этомъ именно и состоитъ, какъ мы видѣли, одно изъ основныхъ положеній новаго эмпиризма. И кто признаетъ вѣрность эмпиризма, тому естественно считать его за результатъ болѣе правильнаго и слѣдовательно болѣе высокаго умственного развитія сравнительно съ другими взглядами на познаніе, тому естественно также смотрѣть на него какъ на такое міровозрѣніе, которое неминуемо въ будущемъ должно восторжествовать надъ человѣческою мыслию. Такимъ образомъ первая изъ обозначенныхъ нами основныхъ чертъ Конттовой теоріи есть простое выраженіе гносеологическаго положенія эмпиризма въ формѣ историческаго закона. — Отрицаются ли эмпиризмомъ возрѣнія метафизическое и теологическое? Эмпиризмъ въ той формѣ, какая раскрыта нами выше, утверждаетъ, что человѣческому знанію доступны только явленія (въ законахъ ихъ сходства и послѣдовательности). Метафизика по основной своей задачѣ хочетъ познать вѣчто болѣе явленій съ ихъ сходствомъ и послѣдовательностію. Заключение понятно. Для Юма, какъ и для позитивистовъ законъ причинности можетъ быть только закономъ однообразія въ слѣдованіи фактовъ другъ за другомъ: о *произведеніи* событія извѣстнымъ предметомъ, объ *объясненіи* его въ его характеристическихъ чертахъ изъ его причины на Юмовой точкѣ зрѣнія не можетъ быть и рѣчи. Но какъ можно бы было заключать о сущности предметовъ, о которой прежде всего хочетъ учить метафизика, когда такое толкованіе причинности лишаетъ всякой возможности отъ свойствъ событія заключать къ свойствамъ его метафизической причины? Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что отрицаніе важнѣйшихъ вопросовъ ме-

метафизики стоитъ во внутренней необходимой связи съ этой формой эмпиризма. Эта связь такъ ясна даже на первый взглядъ, что была усмотрѣна уже Юмомъ. Совершенно понятно поэтому, что отвѣсти метафизическія воззрѣнія къ менѣе совершенному состоянію умственнаго развитія опять значитъ только мысль эмпиризма выразить въ формѣ исторической истины. Метафизика учить не объ одной сущности явленій; кромѣ этой основной задачи въ ней есть другія, которыя, повидимому, точнѣе примыкаютъ къ міру явленій. Доселѣ въ эмпиризмѣ не пришли къ согласному рѣшенію вопроса: можетъ ли разрѣшенію такихъ менѣе существенныхъ задачъ метафизики способствовать изученіе законовъ послѣдовательности явленій. Это обстоятельство для насъ очень важно. Если отрицаніе метафизики, которое выражается въ историческомъ законѣ Конта, имѣетъ въ позитивизмѣ совершенно самостоятельное значеніе, независимое отъ эмпиризма, то позитивизмъ долженъ во всякомъ случаѣ отрицать метафизику сполна, все равно—признаетъ ли онъ, что изъ открытыхъ наукой законовъ послѣдовательности можно дѣлать нѣкоторыя частныя и болѣе или менѣе гадательныя заключенія по метафизикѣ или отрицаетъ это. Если же отрицаніе метафизики наоборотъ въ позитивизмѣ есть чистый выводъ изъ эмпиризма, тогда очевидно позитивизмъ долженъ тотчасъ же ограничить это отрицаніе, какъ скоро представляется возможность говорить о метафизическихъ предметахъ не измѣняя эмпиризму. Какъ же на самомъ дѣлѣ поступаетъ позитивизмъ? Прекраснымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ послѣдняя книга Льюиса о духѣ и жизни. Льюисъ, въ противоположность другимъ позитивистамъ, пришелъ къ мысли, что границы, которыя очерчиваетъ эмпиризмъ знанію, не закрываютъ для человѣка вполне метафизической области, что можно составить нѣкоторыя метафизическія сужденія, не выходя изъ предѣловъ эмпиризма, — и вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же переходитъ на сторону людей не отрицающихъ сполна метафизики. Онъ не отвергаетъ историческаго закона Конта, но подъ метафизическимъ воззрѣніемъ, которое устраняется этимъ закономъ, хочетъ разумѣть только метафизику, основывающуюся на иныхъ, не-эмпирическихъ данныхъ. Между тѣмъ Льюисъ слишкомъ открыто заявляетъ о своей связи съ Контовой философійю и дѣйствительно слишкомъ

сроденъ съ ней по духу, чтобы отказать ему въ принадлежности къ позитивистическому направленію. Значитъ отрицаніе метафизическаго воззрѣнія въ историческомъ законѣ Конта не только имѣетъ несомнѣнную связь съ эмпиризмомъ, но и можетъ быть признано характеристическою принадлежностію этого направленія лишь настолько, насколько стоитъ въ связи съ гносеологическими взглядами эмпиризма. Къ иному заключенію повидному мы должны придти, если сравнимъ эмпиризмъ съ позитивизмомъ по ихъ выводамъ относительно религіознаго міровоззрѣнія. Въ историческомъ законѣ Конта религіозныя міровоззрѣнія прямо отодвигаются въ область безвозвратно прошедшаго. Напротивъ того между эмпиризмомъ и религіозными міровоззрѣніями, какъ намъ кажется, нѣтъ необходимаго противорѣчія. Правда эмпиризмъ отрицаетъ всякое знаніе за областію явленій съ законами ихъ сходства и послѣдовательности, тогда какъ религія высказываетъ истины касающіяся предметовъ сверхчувственныхъ. Правда также и то, что эмпиризмъ признаетъ неизмѣнную законосообразность порядка физическихъ явленій, тогда какъ религія подчиняетъ ихъ свободной и разумной волѣ. Но, отрицая возможность познанія о сверхчувственномъ, эмпиризмъ имѣетъ въ виду *знаніе* въ собственномъ смыслѣ, тогда какъ религіозныя положенія составляютъ предметъ вѣры, а не знанія. Точно также, говоря о механической законосообразности событій, эмпиризмъ имѣетъ дѣло съ естественнымъ порядкомъ явленій, созерцанія же религій направлены преимущественно на область, лежащую далѣе явленій; даже когда касаются они области явленій, они имѣютъ дѣло лишь съ экстраординарнымъ, сверхъестественнымъ—такимъ, что не можетъ быть предметомъ научнаго знанія. Мы ни въ какомъ случаѣ не думаемъ утверждать, что бы положенія эмпиризма нельзя было развивать въ противорелигіозномъ духѣ или чтобы нельзя было отыскать частныхъ пунктовъ, гдѣ было бы довольно затруднительно примиреніе его съ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Но всѣ эти трудности намъ кажутся не болѣе тѣхъ, какія встрѣтились бы при примиреніи религіознаго міровоззрѣнія съ любымъ другимъ философскимъ міровоззрѣніемъ—изъ тѣхъ, которыя имѣли историческое значеніе. И нельзя не удивляться, что у насъ составилось, повидному, объ эмпиризмѣ мнѣніе, противоположное вы-

связанному. Оно основывается, конечно, на томъ совершенно вѣрномъ фактѣ, что теорія эмпиризма приучаетъ мысль относиться скептически ко всему сверхфеноменальному, тогда какъ ничего подобного не можетъ быть при другихъ направленіяхъ мысли. Но указывая на этотъ фактъ, забываютъ, что тѣсная ассоціація двухъ представленій, хотя бы фактически она и вліяла на наши убѣжденія, вовсе не тождественна съ логическимъ выводомъ одного изъ этихъ представленій изъ другого. Эмпиризмъ можетъ приучать мысль сомнѣваться въ сверхчувственномъ, но между эмпиризмомъ и такимъ сомнѣніемъ, а тѣмъ болѣе безусловнымъ отрицаніемъ всего сверхфеноменальнаго, можетъ и не быть никакой логической связи. А между тѣмъ, если эмпирикъ разъ допускаетъ область сверхчувственнаго для вѣры, послѣдняя необходимо получаетъ у него полную свободу развивать свои представленія, такъ какъ никакихъ другихъ представленій объ сверхчувственномъ онъ имѣть не можетъ. Наоборотъ въ другихъ философскихъ міровоззрѣніяхъ и при дальнѣйшемъ ихъ развитіи всегда могутъ встрѣтиться случаи, вызывающіе нужду въ различныхъ толкованіяхъ вѣры, въ попыткахъ согласенія положеній вѣры съ положеніями философской системы. Обращаясь къ нашей главной мысли, мы должны, повидному, какъ сказали выше, признать, что историческій законъ Конта идетъ далѣе эмпиризма въ взглядѣ на религиозное міровоззрѣніе: онъ онъ отрицаетъ его. Однако прежде чѣмъ произнести рѣшительное сужденіе, слѣдуетъ точнѣе опредѣлить, что означаетъ это отрицаніе. Иные думаютъ, что имъ вовсе исключается религія. Но этому противорѣчитъ тотъ извѣстный фактъ, что самъ Контъ пытался составить новую религію, имѣющую даже свой опредѣленный культъ. Можетъ быть укажутъ на то, что почти всѣ послѣдователи позитивизма отрицаютъ созданную Контомъ религію? Но чтобы вѣрно оцѣнить это обстоятельство, не слѣдуетъ забывать, что умнѣйшіе изъ позитивистовъ, напр. Миаль, отрицая Контову религію, тѣмъ не менѣе признаютъ, что она не стоитъ ни въ какомъ существенномъ противорѣчій съ «курсомъ позитивной философіи». И между позитивистами навѣрное не мало найдется такихъ, которые не будутъ въ пользу той мысли, что позитивной философіей вовсе исключается всякая религія. Болѣе повидному справедливо мнѣніе тѣхъ, которые

считаютъ позитивную философію враждебною христіанству. По крайней мѣрѣ способъ, какимъ Контъ примѣняетъ теорію трехъ фазисовъ умственнаго развитія къ исторіи человѣчества, будетъ безспорнымъ подтвержденіемъ этой мысли. Но примѣненіе этой теоріи у Конта слѣдуетъ отличать отъ ея сущности. У насъ дѣло идетъ не о системѣ собственно Конта, а о совокупности возможныхъ позитивистическихъ міросозерцаній. И мы едва ли поступили бы справедливо, если бы исключили изъ этого направленія такихъ напр. лицъ, которыя, признавая эмпиризмъ, понимали бы подъ теологической ступенью Контова закона не ту или другую религію въ собственномъ смыслѣ, а лишь особый взглядъ на нее, по которому религіозныя положенія примѣняются къ рѣшенію научныхъ вопросовъ и сами принимаютъ видъ научныхъ положеній. Не слѣдуетъ забывать, что теорія трехъ фазисовъ умственнаго развитія прежде всего имѣетъ цѣлю опредѣлить различныя формы отношенія человѣка къ научнымъ вопросамъ, фазисы собственно научнаго сознанія; а поэтому естественно и религіозное міровоззрѣніе, когда оно полагается въ числѣ этихъ фазисовъ, можетъ (и должно?) быть понимаемо въ качествѣ міровоззрѣнія опредѣляющаго отношеніе человѣка къ научнымъ вопросамъ или даже представляющаго систему научныхъ положеній. Если же понимать послѣдній фазисъ умственнаго развитія въ позитивизмъ въ указанномъ смыслѣ, то какъ бы ни смотрѣли на его научную состоятельность, должны бы, кажется, признать, что онъ не ставитъ позитивизмъ въ безусловно отрицательное отношеніе къ христіанству. Мы не думаемъ, чтобы невозможно было представить себѣ форму христіанскаго сознанія, которая бы совмѣщала въ себѣ признаніе Контова закона въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ теорія трехъ фазисовъ умственнаго развитія и по отношенію къ религіозному міровоззрѣнію не будетъ содержать въ себѣ ничего такого, что не условливалось бы эмпиризмомъ. Весьма не удивительно впрочемъ, что найдутся такіе люди, которые сочтутъ вовсе невозможнымъ толковать историческій законъ Конта въ такомъ смыслѣ, чтобы съ нимъ не соединялось безусловное отрицаніе христіанства. Но даже и въ этомъ случаѣ онъ раздѣлитъ судьбу эмпиризма. Не мало конечно найдется и такихъ толкователей эмпиризма, которые сочтутъ послѣдовательное проведеніе его не сов-

мѣстнымъ съ вѣрой въ христіанство. Смыслъ позитивизма такимъ образомъ опять сольется со смысломъ эмпиризма. И такъ можно, повидимому, не безъ права утверждать, что сущность позитивизма составляетъ разъясненная нами выше форма эмпиризма, а извѣстная теорія Конта лишь настолько характеризуетъ его, на сколько даетъ эмпиризму форму историческаго закона.

Контъ съ блестящими дарованиями соединялъ замѣчательную ученость. Но въ его эрудициіи былъ, повидимому, пробѣлъ: онъ не былъ обстоятельно знакомъ съ философскою литературою новаго времени. Это было одной изъ немаловажныхъ причинъ, почему на первомъ планѣ въ его системѣ стала теорія трехъ фазисовъ умственнаго развитія. Другая причина, конечно, заключалась въ томъ, что эта теорія могла сдѣлаться средоточіемъ всѣхъ историческихъ объясненій и поэтому представлялась мыслию самую значительною въ цѣлой системѣ. Неудивительно затѣмъ, что излагатели и критики позитивизма въ своихъ взглядахъ на его сущность стояли подъ вліяніемъ системы Конта. Это тѣмъ болѣе понятно, что теорія трехъ фазисовъ умственнаго развитія правда необходимо предполагаетъ эмпиризмъ, но, будучи проведена послѣдовательно по всей исторіи человечества, сама можетъ сдѣлаться, хотя и нерѣшительнымъ, но очень сильнымъ и увлекательнымъ доказательствомъ въ пользу эмпиризма. Поэтому-то и случилось, что сущность позитивизма въ общемъ сознаніи отождествилась не съ тѣмъ воззрѣніемъ, какое выражаетъ ее всего точнѣе.

Если справедливо, что сущность позитивизма состоитъ въ эмпиризмѣ, то отсюда можно сдѣлать тотъ практическій выводъ, что борьба противъ него можетъ имѣть лишь тогда рѣшительный характеръ, когда она направлена противъ гносеологіи эмпиризма. Возражать непосредственно противъ теоріи трехъ фазисовъ умственнаго развитія, вовсе игнорируя эмпиризмъ, конечно возможно, но при этомъ всегда слѣдуетъ ожидать, что цѣль будетъ достигнута лишь въ половину. Уклоняясь отъ направленныхъ противъ нея возраженій, эта теорія легко можетъ измѣнять свою форму, пока останется цѣль ея фундаментъ. Это какъ нельзя лучше подтверждается обыкновенною полемикою противъ нея. Оспоривая историческій законъ Конта, обыкновенно указываютъ на то, что религіозное и философское міросо-

зерцанія имѣютъ свое особое содержаніе, совершенно отличное отъ содержанія той положительной науки, которую характеризуетъ Контъ въ своемъ третьемъ фазисѣ, а поэтому они не могутъ быть замѣнены ею. Мы охотно соглашаемся, что такая мысль естественно возникаетъ, когда защитники позитивизма и иногда и самъ Контъ говоря объ замѣнѣ религіознаго или метафизическаго міровоззрѣнія естественно-научнымъ такъ представляютъ дѣло, какъ будто бы естествознаніе вполне можетъ занять мѣсто религіи и философіи, т.-е. отвѣтить на тѣ же вопросы любознательности, на которые отвѣчаютъ и онѣ, только отвѣтить болѣе научно. Но предположимъ, что позитивисты, развивая теорію трехъ фазисовъ, будутъ имѣть въ виду прежде всего (не замѣну одного міровоззрѣнія другимъ, а) замѣну однихъ методовъ познанія другими (несостоятельныхъ болѣе надежными); смѣну же міровоззрѣній будутъ считать простымъ слѣдствіемъ замѣны методовъ менѣе научныхъ болѣе научными. Существенный смыслъ теоріи въ такомъ случаѣ нисколько не пострадаетъ. Но высказанное возраженіе противъ нея, конечно, потеряетъ тогда свою силу. Когда извѣстный методъ признается несостоятельнымъ и замѣняется другимъ, весьма можетъ случиться, что съ нимъ измѣнится не только система положеній, претендующихъ на права знанія, но даже и тѣ задачи, которыя наука преслѣдуетъ, такъ какъ прежнія задачи могутъ оказаться неразрѣшимыми для новаго метода. Если бы напримѣръ было справедливо, что въ исторіи человѣчества философскіе методы мало по малу теряли къ себѣ довѣріе и замѣнялись методами естествознанія, то нечего было бы удивляться и тому, что не только нѣкоторые прежніе вопросы стали бы разрѣшаться иначе, чѣмъ разрѣшались доселѣ, но и задачи знанія должны бы были постепенно измѣниться. И такую замѣну очевидно нельзя было бы оспаривать, ссылаясь на то, что новое міровоззрѣніе не можетъ сполна во всѣхъ пунктахъ замѣнить прежняго. На такое возраженіе позитивисты легко могли бы отвѣчать что прежнее міровоззрѣніе падаетъ не потому, что новое можетъ вполне замѣнить его, а просто въ силу своей обнаружившейся научной несостоятельности.

II.

Позитивизмъ по своей сущности есть извѣстная форма эмпиризма, проведенная послѣдовательно. Выше мы видѣли, что послышки для этого направленія и основныя положенія его даны были уже въ философіи Юма. Отсюда слѣдуетъ, что позитивизмъ по своей сущности ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ за результатъ движенія философской мысли послѣ Юма и вообще не можетъ считаться направленіемъ выработаннымъ въ позднѣйшее время. Позитивисты имѣютъ полное право утверждать, что основанія ихъ міровоззрѣнія заложены уже въ давнее время. Но съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо признать и то, что если позитивизмъ имѣетъ по самой своей сущности какое либо дѣйствительное научное значеніе, то онъ не получилъ его только въ настоящее время, но сохраняетъ его съ прошлаго вѣка. Между тѣмъ безспорно, что распространеніе въ извѣстной части мыслящаго общества, значеніе въ интеллектуальной жизни массы это направленіе получило въ наше время. Отсюда слѣдуетъ, что каково бы ни было его научное значеніе, своимъ общественнымъ значеніемъ оно обязано не ему одному, а какимъ нибудь особенностямъ, отличающимъ наше время. Въ чемъ состоятъ эти особенности. Здѣсь будетъ рѣчь лишь объ особенностяхъ интеллектуальной жизни, хотя подобное же значеніе могутъ имѣть и особенности жизни чувства и воли.

Позитивизмъ общему сознанію рисуется прежде всего какъ міровоззрѣніе враждебное метафизическому умозрѣнію, отрицающее его. Сказать, что общественное сознаніе предрасположено къ усвоенію такого воззрѣнія, значить сказать, что въ обществѣ господствуетъ недоувѣріе къ метафизическимъ изслѣдованіямъ, вообще не благопріятное къ нимъ отношеніе. Указывая на такой фактъ, мы конечно высказываемъ очень не новую истину. Не ново будетъ и то, если мы прибавимъ, что недоувѣріе къ философской мысли, обнаружившееся въ новое время, не есть явленіе исключительное, что оно повторялось въ исторіи философіи не одинъ разъ. Философская мысль въ своемъ прогрессивномъ движеніи не шла всегда и уклонно въ одномъ и томъ же направленіи. Послѣ опредѣленнаго ряда философскихъ си-

стемъ, связанныхъ однимъ общимъ направленіемъ и исчерпывавшихъ сполна это направленіе, она искала обыкновенно новаго пути, на который вступала съ новой энергіей. Но пока не былъ указанъ этотъ новый путь или пока онъ оставался неизясненнымъ для общаго сознанія, являлось разочарованіе въ успѣхахъ философской мысли, сомнѣніе въ возможности достигнуть философскаго знанія. Это разочарованіе обыкновенно искало себѣ выраженія въ какой либо скептической системѣ, возникавшей на развалинахъ прошлаго и привлекавшей себѣ общественное вниманіе. Чѣмъ сильнѣе была напряжена въ извѣстный періодъ философіи философская мысль, чѣмъ болѣе процессы ея привлекали на себя общее вниманіе, тѣмъ впечатлительнѣе, конечно, становилось общественное сознаніе къ скептическимъ міровоззрѣніямъ послѣ разочарованія въ силѣ философской мысли. Но теперь едва ли кто будетъ оспаривать, что Кантовскій періодъ философіи былъ однимъ изъ блестящихъ ея періодовъ и по напряженію философской мысли и по вліянію его на общество. Безспорно, повидному, и то, что этотъ періодъ въ настоящее время нужно считать законченнымъ, исчерпавшимъ сполна свое содержаніе. Между тѣмъ въ философской неурядицѣ настоящаго мыслы искала бы тщетно инаго свѣтильника, общающаго свѣтъ ясный и устойчивый. Удивительно ли поэтому, что общество сдѣлалось склоннымъ къ усвоенію такихъ міровоззрѣній, которыя возводятъ въ научную теорію испытываемое имъ самымъ разочарованіе въ философіи? Съ этой точки зрѣнія, позитивизмъ оказывается скептицизмомъ, въ который разрѣшается отрицательное отношеніе къ метафизикѣ, отличающее наше время. И онъ такъ типиченъ въ этомъ отношеніи, что на немъ мы можемъ изучать характеристическія черты, отличающія скептицизмъ новаго времени отъ скептицизма древняго. Въ новое время человѣкъ приступалъ къ философствованію уже не какъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ; позади его стоитъ опытъ древняго міра съ его порывами къ знанію, съ его величавыми системами, но и съ его неудачами. Конечно вѣра въ силу мысли оттого не исчезла: она одушевляла философовъ новаго времени не менѣе чѣмъ древняго Парменида или Платона. Но она потеряла свою непосредственность, т.-е. то свойство, по которому человѣкъ беззавѣтно отдавался процессу мысли и его резуль-

татамъ, мало тревожась вопросами о достовѣрности этихъ процессовъ, о возможности въ нихъ ошибокъ, о достаточности условий для философскаго знанія и ир. нед. Прямо наоборотъ въ новое время выдвигаются на первый планъ вопросы о познаніи. Декартъ начинаетъ свою систему вопросомъ о критеріи истины. Локкъ, Кантъ поднимаютъ грозный вопросъ объ основаніяхъ, правахъ и предѣлахъ философскаго знанія. Естественно, что и сомнѣніе въ философскомъ знаніи должно было получить особый характеръ. Въ древнемъ мірѣ оно искало себѣ опоры въ уваженіи, напримѣръ, на противорѣчивые результаты одинаково надежныхъ повидимому умозаключеній или ссылалось на необходимость безконечнаго ряда доказательствъ (*regressus in infinitum*) для убѣжденія въ какомъ бы то ни было сужденіи. Теперь оно должно было искать себѣ оправданія прежде всего въ анализѣ процессовъ человѣческаго познанія. Скептицизмъ въ лицѣ Юма и дѣйствительно дѣлаетъ опытъ подобнаго анализа. На немъ опираются, какъ мы видѣли выше, и его продолжаютъ позитивисты. Ближайшая цѣль, какую преслѣдуетъ этотъ анализъ, также должна была получить свою характеристическую особенность въ наше время. Разочарованіе въ успѣхахъ мысли въ древнее время часто имѣло своимъ результатомъ сомнѣніе въ *цѣломъ* знаніи. Въ новое время естествознаніе успѣло достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, стало на такую твердую почву, что поневолѣ приходилось выдѣлять его, когда возникало сомнѣніе въ успѣхахъ человѣческаго знанія. Юма совершенно справедливо называютъ самымъ рѣшительнымъ скептикомъ новаго времени. Однако Юмъ употребляетъ все усилія, чтобы спасти естествознаніе отъ своихъ скептическихъ выводовъ. Онъ не только высказываетъ полную вѣру въ законосообразность природы, составляющую необходимое основаніе естествознанія, но и считаетъ такую вѣру совершенно законной для человѣка, старается оправдать ее какъ результатъ его духовной конституціи, которая по всей вѣроятности стоитъ въ согласіи съ законами цѣлаго бытія. Позитивизмъ еще болѣе отвѣчаетъ тому же настроенію времени, удаляя теологію и метафизику въ область прошлаго и въ тоже время возвышая положительную науку на степень бѣспорнаго знанія. Эта особенность скептицизма новаго времени дѣлаетъ для насъ понятнымъ, почему онъ ищетъ

для себя выраженія въ эмпиризмѣ. Чтобы анализъ познанія, отнимая права у метафизики, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалъ законность естествознанія, онъ долженъ былъ, очевидно, доказывать, что въ процессъ человѣческаго познанія существуютъ лишь тѣ элементы, какіе необходимы для естествознанія въ широкомъ смыслѣ (включая сюда и математику). Но естествознаніе познаетъ лишь законы послѣдовательности и сходства явленій, т.-е. познаетъ лишь то, что составляетъ содержаніе знанія по эмпиризму. Такимъ образомъ, чтобы спасти естествознаніе, скептицизмъ новаго времени долженъ былъ сдѣлаться эмпиризмомъ. Наконецъ слѣдуетъ указать и еще на одну черту скептицизма новаго времени, стоящую въ связи съ указанными выше. Скептицизмъ древній обыкновенно стоялъ въ двойной связи съ тѣмъ періодомъ философіи, къ которому онъ относился. Онъ появлялся, когда оканчивается этотъ періодъ и съ этой стороны выражалъ собою моментъ вообще упадка философскаго мышленія, а съ нимъ и надеждъ на философское знаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ искалъ для себя оправданія въ недостаткахъ этого періода, напримѣръ въ противорѣчіяхъ, къ какимъ пришла въ то время философская мысль, въ критикѣ предположеній, какія она дѣлала и т. н., онъ былъ такъ сказать самоотрицаніемъ этого періода, его обратной стороною. Вслѣдствіе этого каждый періодъ скептицизма въ древнемъ мірѣ несетъ съ собою свою особую форму сомнѣнія. Свидѣтельствуя вообще объ упадкѣ философской мысли, онъ представляетъ особый, своеобразный моментъ философскаго сознанія, потому что стоитъ во внутренней самой тѣсной зависимости отъ того періода исторіи философіи, который онъ закончиваетъ. Скептицизмъ новаго времени вмѣстѣ свое положительное содержаніе. Онъ признаетъ тѣ методы изслѣдованія, какими пользуются естественныя науки, онъ вмѣстѣ свою очень отчетливо развитую теорію знанія, которую можетъ одинаково противопоставлять всякой метафизической системѣ. Поэтому для него нѣтъ необходимости ни искать для себя оправданія въ разъясненіи ошибокъ и несостоятельности предшествующихъ философскихъ системъ, ни вообще отражать на себѣ какимъ бы то ни было образомъ это развитіе. Онъ можетъ правда бороться съ тою или другою философскою системою, но такая борьба вовсе не необходима для самаго его суще-

ствованія. Такого рода скептическое направление получаетъ возможность жить своею особою жизнью. Существенное отношеніе его къ движенію метафизическихъ системъ будетъ состоять лишь въ томъ, что оно само сдѣлается замѣтнѣе для общественнаго сознанія, болѣе будетъ привлекать къ себѣ научныхъ силъ и общественнаго вниманія по мѣрѣ оскудѣнія философскаго генія и разочарованія въ успѣхахъ философской мысли. Такими именно чертами и отличается позитивизмъ. Съ того времени какъ смыслъ эмпиризма съ замѣчательною точностію былъ разъясненъ Юмомъ, скептицизмъ новаго времени нашелъ въ немъ опору и твердо продолжаемъ стоять до нашего времени на этой почвѣ. Новѣйшія позитивистическія системы всего менѣе могутъ назваться результатомъ того философскаго движенія, которое отдѣляетъ Юма отъ Огюста Конта. Даже тѣ черты, которыя отличаютъ ихъ отъ философіи Юма, не стоятъ въ существенной зависимости отъ Кантова періода философіи; онѣ составляютъ результатъ частію внутренняго саморазвитія въ этомъ направленіи, частію вліянія развившихся болѣе реальныхъ наукъ. Что соединяетъ его съ блестящимъ періодомъ нѣмецкой философіи, такъ это то, что внутреннее разложеніе послѣдней, возбуждая недовѣріе къ чистой мысли, предрасполагало къ скептицизму, возбуждало къ нему вниманіе общества и съ тѣмъ вмѣстѣ привлекало къ нему и болѣе научныхъ силъ. Такимъ образомъ о позитивизмѣ нужно сказать, что онъ не только въ качествѣ скептическаго міровоззрѣнія даетъ научное выраженіе современному равнодушію общества къ философской мысли, но и представляетъ именно ту форму скепсиса, которая наиболѣе отвѣчаетъ наклонностямъ времени.

Есть и еще очень серьезная связь между стремленіями нашего времени и позитивизмомъ. Естественное беретъ на себя, повидному, самую скромную задачу подмѣтить законы послѣдовательности явленій и свести ихъ къ наименьшему по возможности числу самыхъ общихъ и простѣйшихъ законовъ. Но если внимательнѣе вѣсмотрѣться въ стремленія новой науки, то такая задача сама оказывается средствомъ для достиженія другой, лежащей за нею цѣли. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы объяснить *первоначальное происхожденіе* всего сложнаго, всего стоящаго на

высшей ступени развитія ¹⁾. Наука молчаливо предполагаетъ, что все сложное, совершеннѣйшее не можетъ быть первоначальнымъ и должно оказаться продуктомъ постепеннаго образованія изъ простѣйшихъ элементовъ подъ условіемъ дѣйствія общихъ законовъ природы. Отсюда задача прослѣдить это постепенное образованіе. Всякія попытки приблизиться къ рѣшенію такой задачи въ наше время возбуждаютъ въ обществѣ живой интересъ. Этаизъ объясняется наврѣньзъ то участіе, съ какииъ слѣдитъ современное общество за разнообразными геологическими изслѣдованіями, на сколько они пролагаютъ путь къ разрѣшенію вопроса о постепенномъ образованіи нашей планеты. Такой быстрый и удивительный успѣхъ теоріи Дарвина, которыми далеко не могли похвалиться великія и безспорныя открытія прежняго времени, для насъ легко объясняется, когда мы подумаемъ, что она идетъ на встрѣчу этому стремленію науки—все наиболѣе сложное и совершенное разрѣшить въ болѣе простое и элементарное. Сочувствіе, какииъ въ не очень давнее время пользовались психологическія теоріи Бенке и Гербарта въ Германіи и особенно то сочувствіе, которое привлекаетъ къ себѣ англійская школа психологій, мы легко поймемъ, если обратимъ вниманіе на общую ихъ тенденцію—изъ самыхъ первоначальныхъ элементовъ психической жизни, дѣйствующихъ по опредѣленнымъ законамъ, объяснить весь сложный механизмъ развитой душевной жизни. Наконецъ недавнее преобладаніе матеріалистическихъ взглядовъ, которое не совсѣмъ прошло еще и доселѣ, не включаетъ ли въ себѣ много загадочнаго, когда мы подумаемъ о сравнительно значительномъ философскомъ развитіи новаго времени? Эта загадка будетъ для насъ менѣе трудна, какъ скоро мы признаемъ, что въ числѣ побужденій, привлекавшихъ къ матеріализму, незначительное мѣсто занимало и это стремленіе науки возводить все совершеннѣйшее къ простому и элементарному. Матеріализмъ только переноситъ это стремленіе изъ области естествознанія, изъ области науки о явленіяхъ, въ область метафизики, науки о дѣйствительно существующемъ. Матеріализмъ

¹⁾ Такое стремленіе явилось далеко не въ наше время; но едва ли когда прежде оно было такъ сильно и такъ распространено, какъ теперь.

ставилъ наукѣ очень привлекательную задачу, — начать съ механическихъ соединеній, при помощи только осложненія явленій, развить постепенно явленія химическія, затѣмъ органическія и наконецъ психическія. Последнее основаніе позитивизма, какъ мы видѣли, есть его теорія познанія. Эта теорія и составляетъ въ позитивизмѣ ту сторону, по которой онъ кажется наиболѣе близкимъ къ новой наукѣ по своимъ стремленіямъ. Эмпиризмъ все наше знаніе со всѣми его методами, какъ и со всѣми его послылками сводитъ къ самому простѣйшему и элементарному, что только имѣемъ мы въ душевной жизни, къ ощущеніямъ и къ самому общему закону соединенія между ними. Великая попытка иначе объяснить тѣ или другіе факты знанія представляется какъ бы измѣной завѣтной цѣли знанія. И такимъ образомъ эмпиризмъ представляется такой теоріей, къ которой всего желательнѣе свести вопросы о познаніи и къ которой рано или поздно они должны быть сведены. То стремленіе науки, на которое мы здѣсь указываемъ, безспорно составляетъ одну изъ самыхъ могучихъ силъ современной интеллектуальной жизни. Все общаетъ и въ будущемъ не ослабленіе, а усиленіе этого стремленія. А между тѣмъ, — фактъ замѣчательный, оно, какъ особый дѣятель, вовсе не обращаетъ на себя серьезнаго вниманія; мы не имѣемъ доселѣ безпристрастныхъ научныхъ изслѣдователей ни объ психическихъ и историческихъ основаніяхъ его развитія, ни о значеніи его въ наукѣ.

Слѣдуетъ указать еще на одно обстоятельство, также отчасти благоприятствующее распространенію позитивной философіи въ наше время. Юмъ поставилъ внѣ всякаго сомнѣнія ту истину, что во внѣшнемъ опытѣ мы имѣемъ дѣло только съ явленіями, а никакъ не съ силами, производящими эти явленія. Отсюда безспорно слѣдовало, что естествознаніе не можетъ говорить только о законахъ связи между явленіями, и ни о какихъ причинахъ или силахъ производящихъ явленія въ немъ не можетъ быть и рѣчи. Эта истина была усвоена философіей Канта и съ того времени не исчезала изъ философскаго сознанія. Въ наше время нельзя найти серьезнаго философа, который отрицалъ бы ее. Тѣмъ не менѣе по печальному недоразумѣнію многіе видятъ въ ней истину, признаваемую исключительно позитивной философіей. Основаніе недоразумѣнія понятно. Другія направленія не огра-

ничиваютъ связи между предметами одною послѣдовательностію явленій и не признаютъ предмета исключительно только явленіемъ. Хотя задача естествознанія и въ этомъ случаѣ остается таже, и изученіе всего, что не касается связи между явленіями, тщательно выдѣляется изъ науки о природѣ, однако людямъ, не привыкшимъ отличать метафизическую сторону предмета отъ его феноменальной стороны, все же кажется, что признавать въ предметѣ нѣчто болѣе простой послѣдовательности явленій, значить воротить естествознаніе къ изгнаннымъ изъ него причинамъ и силамъ ³⁾. Потому-то торжество позитивизма въ философіи часто считаютъ особенно благоприятнымъ для естествознанія.

III.

Если позитивизмъ есть послѣдовательное только проведеніе эмпиризма въ той формѣ, какую далъ ему Юмъ, то ему можетъ въ философскомъ отношеніи принадлежать лишь то научное значеніе, какое принадлежитъ этому эмпиризму. Въ чемъ же состоитъ это значеніе?

Въ нашей мысли не мало встрѣчается такихъ сужденій, съ которыми мы охотно соглашаемся, вовсе не спрашивая объ основаніяхъ ихъ достовѣрности. Таковы напримѣръ аксіомы математики, таковы нѣкоторыя изъ самыхъ общихъ положеній естествознанія, напримѣръ: каждое событіе имѣетъ свою причину; при всѣхъ перемѣнахъ въ состояніи вещи остается неизмѣнной ея сущность. На чемъ основывается вѣрность такихъ сужденій? Существовали два противоположныхъ отвѣта на этотъ вопросъ: одинъ принадлежитъ рассматриваемому нами эмпиризму, другой — рационализму. Всѣ другія воззрѣнія, неподходящія подъ эти два типа, не представляютъ ничего устойчиваго. Рационализмъ признаетъ, что истина положеній такого рода основывается на про-

³⁾ Что такое мнѣніе въ средѣ лицъ занимающихся различными отраслями естествознанія явилось только въ наше время, слѣдовательно много времени спустя послѣ Юма, это объясняется медленнымъ распространеніемъ результатовъ философіи въ средѣ людей, не занимающихся ею спеціально. Конечно и въ наше время еще не мало найдется даже такихъ лицъ, которыя думаютъ, что ограниченіе знанія областію законовъ и исключеніе изъ него силъ впервые повѣдано міру Контровой философіей.

цессахъ часто умозрительнаго свойства; ближайшее подтвержденіе своимъ взглядамъ рационализмъ находитъ въ томъ, что въ нашемъ убѣжденіи эти положенія являются съ такими свойствами, которыя очевидно не могутъ быть выведены изъ простой ссылки на подтверждающіе ихъ факты. Положеніе напримѣръ, что всѣ прямые углы равны одинъ съ другимъ, можно доказать на безчисленныхъ примѣрахъ; однако изъ всѣхъ этихъ примѣровъ слѣдовало бы только, что всѣ извѣстные намъ, встрѣчавшіеся въ нашемъ опытѣ, прямые углы равны одинъ другому. Отсюда, конечно, мы съ большею вѣроятностію могли бы заключать, что и тѣ прямые углы, которые мы въ будущее время встрѣтимъ, окажутся съ подобнымъ же свойствомъ; но никакой опытъ, никакая масса примѣровъ не могли бы поручиться съ несомнѣнностію за то, что исключенія изъ такого положенія *никогда не будутъ и быть не можетъ*. А между тѣмъ высказанной математической аксіомѣ мы придаемъ именно это значеніе, т.-е. считаемъ ее безусловно всеобщей и необходимой истиной. Къ этимъ очень давнимъ соображеніямъ можно бы прибавить еще слѣдующее. Нѣкоторымъ изъ этихъ аксіомъ обычное убѣжденіе придаетъ такой смыслъ, который также никакъ нельзя доказать внѣшними фактами. Положеніе напримѣръ, что всякое событіе имѣетъ причину, правда подтверждается всѣмъ нашимъ опытомъ, однако по нашему обыкновенному убѣжденію причина должна *произвести* событіе, т.-е. должна быть чѣмъ то такимъ, изъ чего могло бы быть выведено, объяснено самое возникновеніе событія. Но выше мы показали, что еще Юмъ въ своихъ изслѣдованіяхъ пришелъ къ тому результату, что наблюдаемая нами во внѣ событія вовсе не относятся одно къ другому какъ производящее и произведенное, а просто какъ предшествующее и послѣдующее. Значитъ, еслибы мы захотѣли наше убѣжденіе въ законѣ причинности возвести къ внѣшнимъ фактамъ, намъ не только нельзя было бы утверждать, что онъ безусловно не допускаетъ никакого исключенія, но мы должны бы измѣнить самый его смыслъ. Мы должны бы признавать только, что каждое событіе имѣетъ свое неизмѣнное предшествующее, а вовсе не то, что оно производится своею причиною. Всѣ эти соображенія, повидному, безспорно склоняли рѣшеніе вопроса въ пользу рационализма. Но когда рационализмъ пытался объяснить

самое основаніе, на которомъ должна была опираться истинность этихъ положеній, онъ впадалъ въ неразрѣшимыя затрудненія. Рационализму предстояла задача объяснить убѣжденіе въ аксіомахъ, не выходя изъ границъ чистой мысли. Для этого существовало два пути: слѣдовало или основать это убѣжденіе на содержаніи самыхъ аксіомъ или отнести его на счетъ природы человѣческой мысли. Но въ томъ и другомъ случаѣ встрѣтились не малыя трудности. Сказать, что ручательство истинности извѣстнаго положенія заключается въ немъ же самомъ, это значитъ сказать, что въ немъ сказуемое приписываетъ подлежащему нѣчто такое, что уже содержится въ самомъ подлежащемъ, т.-е. что въ предложеніи раскрывается лишь содержаніе того понятія, которое въ немъ обсуждается. Прежде объ аксіомахъ обыкновенно такъ и думали. Но со времени Канта, который впервые внесъ въ этотъ предметъ нѣкоторый свѣтъ, стали явнѣе понимать, что въ понятіи наиримѣръ вещи никакъ не заключается того признака, что при всѣхъ измѣненіяхъ въ ней должно нѣчто оставаться неизмѣннымъ, или въ понятіи прямой линіи еще не заключается того признака, что она кратчайшій путь между двумя точками. Слѣдовательно если мы вѣримъ, что прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками, то для этого должно существовать какое-нибудь другое основаніе, а не анализъ понятія прямой линіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что если бы въ аксіомахъ приписывалось подлежащему нѣчто, что уже заключалось въ немъ, то не только они сами не расширили бы нашего знанія, но и ни въ какомъ случаѣ не могли бы вообще помогать достиженію новаго знанія, на сколько оно ново. Однако всѣми признается, что безъ нихъ не можетъ обойтись ни математика, ни естествознаніе и именно при доказательствахъ новыхъ истинъ. Такимъ образомъ причисленіе аксіомъ къ сужденіямъ аналитическимъ скоро должно было оказаться несостоятельнымъ. Кантъ сдѣлалъ затѣмъ то, что казалось теперь единственно возможнымъ въ предѣлахъ рационалистическаго направленія. Онъ отнесъ истинность аксіомъ на счетъ природы познающей дѣятельности, сдѣлалъ изъ нихъ кодексъ основоположеній чистой мысли и представленія. Но и это предположеніе встрѣчаетъ не мало неразрѣшимыхъ возраженій. Изъ нихъ достаточно указать на то, которое касается отношенія между

этими законами мысли и представленія и внѣшнимъ бытіемъ. Если въ аксіомахъ выражаются законы *нашей* мысли, *нашего* представленія, то спрашивается: какимъ образомъ ихъ значеніе можетъ простираться и на *внѣшнее* бытіе? На этотъ вопросъ можно отвѣчать троякимъ образомъ. Можно впервыхъ утверждать, что все наше знаніе ограничено міромъ нашихъ представленій и не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ внѣшнему бытію, до котораго по этому нѣтъ никакого дѣла законамъ нашей мысли и нашего представленія. Но критика давно уже показала, что такой взглядъ лишилъ бы насъ всякой возможности объяснить возникновеніе и продолженіе самой жизни представленія. Какъ начало нашей психической жизни, такъ и каждый актъ ея очевидно обусловлены, и эти условія также очевидно не полагаются нашимъ духомъ самому себѣ, и слѣдовательно необходимо ведутъ къ признанію нѣкотораго бытія, существующаго за границами нашего представленія и влияющаго на него. Можно во вторыхъ предположить соотвѣтствіе законовъ внѣшняго бытія законамъ познанія и сдѣлать ту или другую догадку для объясненія этого соотвѣтствія. Но въ такомъ случаѣ какъ могли бы мы убѣдиться, что законы внѣшняго бытія дѣйствительно согласно нашему предположенію соотвѣтствуютъ законамъ нашего духа? Для этого одно средство: мы должны обратиться за доказательствомъ къ внѣшнему опыту, такъ какъ въ немъ извѣщается внѣшнее бытіе. Опытъ правда подтвердитъ наше предположеніе; онъ повсюду свидѣтельствуетъ, что внѣшнее бытіе согласно съ аксіомами. Но тогда мы будемъ вынуждены признать, что истинность аксіомъ основывается на опытѣ. Вѣдь если мы допустимъ существованіе внѣшняго бытія, то подъ истинностію аксіомъ мы должны будемъ разумѣть согласіе ихъ съ этимъ бытіемъ; а именно за убѣжденіемъ въ такомъ согласіи мы и принуждены бы были обращаться къ опыту. Есть наконецъ и еще одно средство рѣшить предложенный вопросъ. Можно, не отрицая ни внѣшняго бытія, ни его взаимодѣйствія съ душою, тѣмъ не менѣе утверждать, что существуетъ только мышленіе и одно мышленіе, что слѣдовательно и внѣшнія вещи какъ и нашъ духъ суть только проявленія этого мышленія, различныя ступени его развитія, и въ силу этого онѣ подчинены тѣмъ же самымъ законамъ какимъ и душа. Безспорно, исторія философіи не пред-

ставляетъ взгляда болѣе смѣлаго и болѣе глубокаго чѣмъ сейчасъ высказанный. Но съ рѣшеніемъ вопроса, который насъ теперь занимаетъ, и онъ не могъ справиться. Распространеніе законовъ познанія на все бытіе,—говорять, есть простое слѣдствіе тождества всего бытія съ мыслию. Пусть такъ. Но какъ мы увѣримся въ этомъ тождествѣ? Конечно не путемъ внѣшняго опыта. Если бы опытъ и способенъ былъ представить данныя, подтверждающія такую мысль, это все же не принесло бы намъ пользы, такъ какъ сослаться на нихъ значило бы призвать, что въ концѣ концовъ истина аксіомъ основывается на фактахъ опыта. А это было бы очевидной измѣной раціонализму. Поэтому тождество мысли со всѣмъ бытіемъ остается доказывать лишь умозрительно, т.-е. пришлось бы чисто умозрительно вывести изъ понятія всю дѣйствительность. Гегелева система своимъ примѣромъ достаточно доказала, какъ невозможна такая попытка ³⁾.

Такъ раціонализмъ оказался несостоятельнымъ въ разрѣшеніи той задачи, которая съ научной точки зрѣнія всего болѣе оправдывала самое его существованіе. Если для рѣшенія этой задачи существовало только два направленія, раціонализмъ и эмпиризмъ, и если одно изъ нихъ оказалось несостоятельнымъ, то это, повидимому, рѣшало дѣло въ пользу другаго. Однако и эмпиризму приходится бороться съ такими затрудненіями, одолѣть которыя ему очевидно не подъ силу.

Аксиомы составляютъ послѣднія послышки знанія. Эмпиризмъ думаетъ, что они основываются просто на огромномъ количествѣ частныхъ случаевъ. Мы замѣчали уже выше, что никакое количество случаевъ, подтверждающихъ извѣстное положеніе, не можетъ поставить всеобщность его выше сомнѣнія, не можетъ завѣрить, что исключеніе изъ него невозможно. Отсюда слѣдуетъ, что будь теорія эмпиризма вѣрна, аксіомы, разсматриваемыя какъ всеобщія истины, были бы только вѣроятными, но не несомнѣнными положеніями. А вмѣстѣ съ ними всѣ другія научныя истины также должны быть лишь вѣроятными истина-

³⁾ Неудачи раціонализма Кантовой школы заставляютъ думать, что есть какая нибудь основная ошибка въ самыхъ его предположеніяхъ. Эту ошибку мы старались объяснить въ нашемъ „Критическомъ обзорѣ послѣдняго періода германской философіи“.

ми, если смотрѣть на нихъ какъ на всеобщія положенія, такъ какъ строгое доказательство всякаго положенія необходимо предполагаетъ какую-либо аксіому. Слѣдовательно не будетъ точнаго знанія съ характеромъ всеобщности и необходимости. Что станется тогда съ идеаломъ науки, который требуетъ именно такого знанія? Мы видимъ такимъ образомъ, что скептицизмъ, который вносится эмпириками въ философію, вопреки ихъ ожиданію проникаетъ во всю науку. Оказывается, что въ цѣлой наукѣ не можетъ существовать ни одного положенія, изъ котораго не были бы возможны исключенія. Если всмотрѣться внимательнѣе, легко замѣтить, что скептицизмъ проникаетъ въ науку даже несравненно глубже, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Каждое научное положеніе обнимаетъ собою неопредѣленное количество случаевъ, не только существовавшихъ когда либо или существующихъ теперь, но и которые могутъ существовать въ будущемъ. Наука ищетъ общихъ положеній; она хочетъ доказывать, что съ извѣстными свойствами всегда должны соединяться извѣстныя другія свойства, или что при существованіи извѣстныхъ условій всегда должно происходить такое-то событіе. Только такія общія положенія, въ которыхъ игнорируется различіе настоящаго, прошедшаго и будущаго, имѣютъ смыслъ дѣйствительнаго закона, только они расширяютъ наше знаніе за предѣлы непосредственнаго наблюденія, и только они даютъ возможность практически примѣнять къ дѣйствительности результаты знанія. Но теперь мы должны сказать, что на точкѣ зрѣнія эмпиризма не только должна быть допущена возможность исключенія изъ всякаго положенія, но и вообще господство найденнаго закона не надъ настоящими только или прошедшими, но и надъ будущими возможными случаями, т. е. безспорно самая важная сторона закона не можетъ имѣть значенія *точною знанія*. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Если основаніе убѣжденія въ аксіомахъ составляютъ лишь подтверждающіе ихъ случаи, то на этихъ же случаяхъ очевидно должна быть основана и наша увѣренность въ томъ, что аксіомы будутъ оправдываться и въ будущее время. Но уже Юмъ съ отличающимъ его остроуміемъ замѣтилъ, что одно не слѣдуетъ изъ другаго; изъ того, что двѣ вещи соединены въ предшествующемъ, никакъ не слѣдуетъ, что онѣ будутъ соединены и въ будущемъ.

Доселѣ каждое событіе, предположимъ, имѣло свою причину, но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы будущія событія подчинялись такому же закону. Одно будетъ дѣйствительно слѣдовать изъ другаго, но только тогда, когда мы напередъ увѣрены, что порядокъ природы однообразенъ. Если я увѣренъ, что природа всегда дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, то конечно стоитъ мнѣ только подмѣтить законы явленій въ настоящее время, чтобы съ увѣренностію заключать, какъ будутъ происходить они въ будущемъ. Такимъ образомъ при всѣхъ нашихъ выводахъ эта мысль объ однообразіи природы и должна подразумѣваться, чтобы выводъ не висѣлъ на воздухѣ. На чемъ же, спросимъ теперь, основывается она сама? Съ точки зрѣнія эмпиризма она можетъ основываться лишь на томъ же, на чемъ основываются всѣ послѣднія послышки, т. е. на подтверждающихъ ее наблюденіяхъ. Здѣсь мы очевидно попадаемъ въ заколдованный кругъ. Наблюденія говорятъ намъ только о томъ, что было доселѣ, а законъ объ однообразіи природы имѣетъ въ виду не прошедшій только, но и будущій порядокъ вещей. Но что бы изъ прошедшаго дѣлать точныя заключенія о будущемъ, вужно уже, какъ мы видѣли, имѣть заранѣе увѣренность въ однообразіи порядка природы. Слѣдовательно доказательство этой истины на точкѣ зрѣнія эмпиризма всегда предполагаетъ ее же самую. Что сказано объ аксіомахъ, то опять можетъ и должно быть примѣнено ко всѣмъ истинамъ. Такимъ образомъ выходитъ, что послѣдовательный эмпиризмъ необходимо долженъ отрицать точное знаніе не только въ смыслѣ всеобщихъ положеній, но и вообще въ смыслѣ положеній, переступающихъ предѣлы непосредственнаго наблюденія. Отъ такихъ скептическихъ выводовъ напрасно пытаются спасти естествознаніе Юмъ и его новѣйшіе послѣдователи. Юмъ, какъ мы замѣчали выше, желая спасти знаніе отъ полнаго скептицизма, ссылаясь на конституцію человѣческой мысли. Вслѣдствіе этой конституціи, мы необходимо дѣлаемъ, думалъ Юмъ, то заключеніе отъ прошедшаго къ будущему, которое логически оказывается несостоятельнымъ. Если для правильности такого заключенія нужна мысль объ однообразіи природы, то по взгляду Юма должно было выходить, что умъ по самой своей природѣ дѣйствуетъ такъ, какъ бы онъ вѣрилъ этой истинѣ или какъ будто бы она не вуждалась въ

доказательствѣ. У нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ мы находимъ попытку объяснить подобныя инстинктивныя дѣйствія ума при помощи теоріи постепеннаго развитія человѣчества, совершающагося по закону наслѣдственной передачи всякихъ случайныхъ уклоненій и благопріобрѣтенныхъ навыковъ. Но какъ ни остроумны всѣ подобныя попытки объясненія, отъ скептицизма онѣ избавить не могутъ. Онѣ могутъ объяснить, почему человѣкъ вѣрить опредѣленнымъ положеніямъ, почему онъ въ дѣйствительныхъ заключеніяхъ своей мысли дѣйствуетъ такъ, а не иначе, но логически онѣ не оправдуютъ положеній, которымъ вѣрить мысль. Психологическія объясненія вѣры нужно остерегаться смѣшивать съ логическими объясненіями ея основаній. То обстоятельство, что человѣкъ всегда дѣйствительно заключаетъ отъ настоящаго къ будущему, не докажетъ намъ законности такого заключенія, еслибы съ Юмомъ мы и признали его неминуемость для человѣка. Точно также той точности знанія, какою не могутъ дать намъ всѣ *наши* опыты, не дадутъ намъ и опыты прежнихъ поколѣній, на которые могли бы сослаться защитники постепеннаго развитія навыковъ мысли путемъ наслѣдственности.

Взглядъ эмпиризма на аксіомы и самъ по себѣ не можетъ возбуждать довѣрія. Иныя изъ аксіомъ таковы, что каждый безъ малѣйшаго колебанія считаетъ безусловно невозможнымъ исключеніе изъ нихъ, и призналъ бы положительнымъ абсурдомъ самое предположеніе о возможности случаевъ, имъ противорѣчащихъ. Кто бы рѣшился, напримѣръ, утверждать, что нѣтъ ничего невозможнаго въ существованіи прямыхъ угловъ, которые при наложеніи другъ на друга не совпали бы, или что два приложенные къ двумъ могутъ дать не четыре, а напримѣръ пять или три? ⁴⁾ Несмотря на это послѣдовательный эмпиризмъ не долженъ видѣть въ этихъ абсурдахъ ничего невозможнаго. Вотъ почему говорить о томъ, что всѣ послѣднія посылки знанія опираются на подтверждающихъ ихъ частныхъ случаяхъ, гораздо удобнѣе въ отвлеченіи, чѣмъ въ примѣненіи къ частнымъ примѣрамъ. И, конечно, не часто можно встрѣтить эмпирика, ко-

⁴⁾ Послѣдняя истина обыкновенно не относится къ аксіомамъ, но для нашего вопроса это обстоятельство не имѣетъ важности.

торый развилъ бы свой взглядъ во всей его послѣдовательности на примѣрахъ, подобныхъ высказаннымъ сейчасъ. Это доказываетъ, какъ шатко это воззрѣніе. Раціонализмъ, оказывающійся несостоятельнымъ въ своихъ результатахъ, былъ силенъ и сохраняетъ нѣкоторое значеніе и доселѣ именно потому, что даетъ удовлетворительное, повидимому, объясненіе безусловной всеобщности и необходимости одной части знанія. Въ эмпиризмѣ она остается неразрѣшимой загадкой. И пусть не думаютъ, что эту загадку въ эмпиризмѣ находятъ лишь люди, не соглашающіеся съ его мнѣніями. Въ ней невольно признаются и приверженцы этого направленія. Не даромъ Юмъ сдѣлалъ исключеніе изъ своей теоріи знанія въ пользу математическихъ истинъ и такимъ образомъ допустилъ непослѣдовательность, которая была слишкомъ замѣтна, чтобы ее проглядѣлъ такой талантливый писатель. Очевидно Юмъ понималъ, что простая теорія эмпиризма здѣсь рѣшительно непригодна. То же сознание обнаруживается и въ школѣ позитивистовъ. Въ то время, какъ другія важнѣйшія положенія эмпиризма охотно раздѣляются всѣми приверженцами этой школы,—какъ скоро вопросъ заходитъ о математическихъ аксіомахъ, тотчасъ является разногласіе. Льюисъ, напримеръ, въ своей послѣдней книгѣ оспариваетъ тотъ взглядъ на нихъ, который высказанъ Миллемъ и который составляетъ только послѣдовательное проведеніе этой формы эмпиризма. Онъ самъ считаетъ ихъ воззрѣніями, которымъ придано всеобщее значеніе. Разборъ этой теоріи повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ здѣсь существенно важно самое разногласіе главныхъ представителей эмпиризма въ вопросѣ такой фундаментальной важности. Оно показываетъ, какимъ шаткимъ представляется ученіе эмпириковъ въ этомъ пунктѣ даже для ихъ собственнаго сознанія.

Послѣ этихъ замѣчаній легко понять научное значеніе эмпиризма. Онъ представляетъ одну изъ попытокъ къ рѣшенію очень серьезнаго научнаго вопроса. Не давая удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но не встрѣчая подобнаго отвѣта и на противоположной сторонѣ, онъ указываетъ собою на неразрѣшенную научную проблему, на большое мѣсто науки.

Если будущее сулить филосоіи вмѣсто блестящей смѣны философскихъ системъ господство одного устойчиваго и постоянно развивающагося міровоззрѣнія, то этимъ міровоззрѣніемъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ позитивная философія. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы она и теперь уже была чужда всякой жизни и всякаго значенія. Потеряетъ свою силу надъ обществомъ она лишь тогда, когда ослабнутъ благопріятствующія ей наклонности времени или когда будетъ расторгнута ея связь съ ними. Въ научномъ отношеніи она сдѣлается рѣшительнымъ анахронизмомъ только послѣ точнаго рѣшенія вопросовъ о познаніи,—послѣ такого рѣшенія, которое не допускало бы ни сомнѣнія, ни разнорѣчій. До того времени она въ качествѣ скептической теоріи новаго времени будетъ всегда антиподомъ для появляющихся отъ времени до времени разнообразныхъ попытокъ построить метафизическую систему. Нѣтъ ничего безусловно невозможнаго въ томъ, что измѣнившіяся особенности времени сдѣлаютъ общественное вниманіе болѣе чуткимъ къ вопросамъ метафизики, вызовутъ новыя попытки осмыслить бытіе во всей его цѣлости и тѣмъ самымъ отодвинуть на задній планъ скептическія воззрѣнія, какъ было это въ блестящій періодъ философіи съ Канта до Гегеля. Но подобно тому, какъ скептицизмъ Юма не былъ безусловно уничтоженъ этимъ движеніемъ, но продолжалъ жить своею жизнью и ждалъ болѣе благопріятнаго переворота въ общественномъ сознаніи, чтобы развернуться въ новомъ рядѣ скептическихъ системъ, такъ и новый позитивизмъ не будетъ убитъ окончательно метафизикой, но можетъ быть только смѣненъ ею, чтобы выступить снова въ новой формѣ. Такъ ли и будетъ на самомъ дѣлѣ? Должны ли мы отъ будущаго ожидать той же, какъ и въ прошломъ, смѣны противоположныхъ періодовъ — то напряженія философскаго генія, то торжества философскаго сомнѣнія? Или можетъ быть наше время уже созрѣло для точнаго разрѣшенія проблемъ знанія? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только само же будущее.

М. Каринскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПО ПОВОДУ ЦИРКУЛЯРА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ОТЪ 24 МАЯ 1875 Г.

Въ іюньской книжкѣ журнала «Министра Народнаго Просвѣщенія» за текущій годъ напечатанъ циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ. Этотъ правительственный документъ представляетъ собою такое глубоко-знаменательное явленіе, что мы не можемъ же перепечатать его здѣсь въ цѣльномъ видѣ.

„Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1874 года я препроводилъ,—говоритъ г. министр,—къ вашему превосходительству списовъ книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія съ цѣлію поставить о нихъ въ извѣстность директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ при обзорѣни ими школы. Нынѣ министръ юстиціи доставилъ мнѣ печатную записку о преступной пропагандѣ, обнаруженной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи. Посылая при семъ одинъ экземпляръ этой записки, прошу васъ, при личныхъ объясненіяхъ съ начальниками учебныхъ заведеній, сообщить мнѣ о содержащихся въ ней вполне достоверныхъ свѣдѣніяхъ.—Оказывается, что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды то, что для каждаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка составляетъ предметъ особой заботливости и охраны — юношество и школу. Понятно, что коммунистическія ихъ ученія, клонящіяся къ ниспроверженію всего общественнаго строя и къ водворенію, въ замѣнъ его, анархіи, до такой степени нелѣпы и дикі, что они могутъ найти успѣхъ развѣ между дѣтьми, недоучившимися юношами и неразвитыми простолюдинами. Но, къ сожалѣнію, эти дѣти и юноши, вмѣсто того, чтобы найти въ окружающей ихъ средѣ и въ своихъ семействахъ отпоръ преступнымъ увле-

ченіямъ и политическимъ фантазіямъ, встрѣчаютъ иногда, напротивъ того, ободреніе и поддержку. Только этимъ и можно объяснить распространеніе социалистическихъ теорій, давно осужденныхъ здравою наукою. Въ 37 губерніяхъ, какъ обнаружилъ судебное изслѣдованіе, нѣкоторые отцы и матери подбивали къ нимъ своихъ дѣтей. Это явленіе, въ моихъ глазахъ, гораздо прискорбнѣе самой пропаганды: оно показываетъ, до какой степени поверхностна, — и скажу, — невѣжественна извѣстная часть нашего общества. Оно еще болѣе подкрѣпляетъ меня въ убѣжденіи, что у насъ нѣрѣдко не семья поддерживаетъ школу, а школа должна воспитывать семью, чего нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ и что значительно усложняетъ и безъ того не легкую задачу воспитанія. Министръ юстиціи весьма вѣрно характеризуетъ это положеніе слѣдующими словами: „Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ яснаго отчета въ значеніи и дѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ, такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандою, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается“. Пусть же наставники замѣнятъ въ этомъ случаѣ родителей, — это ихъ прямое призваніе; пусть, при случаѣ, и когда, по ихъ мнѣнію, встрѣтится надобность, они расскажутъ болѣе взрослымъ и понятливымъ ученикамъ, что несчастные политическіе фанатики, недоученые юноши, затѣваютъ провѣсти въ народъ свои несбыточные фантазіи, не гнушаясь при этомъ, какъ тоже обнаружено слѣдствіемъ, ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни даже убійствомъ, и что именно ихъ-то и вознамѣрились они избрать своимъ орудіемъ. Этого будетъ достаточно для честной молодежи, все болѣе и болѣе нынѣ трудящейся, для того, чтобы современемъ сдѣлаться полезными гражданами. Истина не боится свѣта, и потому я не только не нахожу основанія скрывать это печальное явленіе въ нашей общественной жизни отъ наставниковъ юношества, но, напротивъ того, поручаю вашему превосходительству передать отъ меня начальникамъ учебныхъ заведеній, что я ихъ уполномочиваю рассказать о немъ преподавателямъ и наставникамъ. Государь Императоръ изволить прилагать столько великодушныхъ попеченій объ упроченіи и развитіи нашего отечественнаго просвѣщенія, что не только прямой нашъ долгъ, но и совѣсть обязываютъ насъ приготовить для службы Его Императорскаго Величества и страны вѣрноподанныхъ не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, людей достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ, во-

торые сознательно поддерживали бы государственный порядок и осмысленно противодействовали всякимъ нехлѣбнымъ ученіямъ, откуда бы они ни происходили“.

Независимо отъ статей, какія помѣщены и предполагается помѣстить въ «Православномъ Обзорѣніи» относительно коммунистическихъ и крайнихъ социалистическихъ ученій, мы считаемъ далеко не бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу этого циркуляра указывающаго, какія разрушительныя силы растутъ и зрѣютъ въ нашемъ обществѣ.

Уже тотъ одинъ фактъ, что правительство рѣшилось прибѣгнуть къ гласности, свидѣтельствуешь, что зло, посѣваемое революціонными агитаторами, далеко не такъ ничтожно, какъ готовы думать нѣкоторые. Но, помимо циркуляра министерскаго, другія данныя самаго разнообразнаго характера громко говорятъ о томъ, что зло организуется всяческими средствами въ чудовищную силу, съ которою давно пора бы считаться руководителямъ и представителямъ нашего общественнаго мнѣнія. Изъ многихъ данныхъ указаннаго рода нельзя не обратить вниманія на сообщеніе корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», Щербаня, сдѣланныя имъ въ недавнее время. За границей существуетъ цѣлая революціонная литература, предназначенная для распространенія въ Россіи и постоянно пополняющаяся трудами нашихъ революціонеровъ-эмигрантовъ. Эту литературу составляютъ «и книги, и брошюры, и пѣсенники, и газеты, и сборники». Въ Лондонѣ издается специальный революціонный журналъ подъ пресловутымъ названіемъ «Впередъ». Куда же приглашаютъ слѣдовать за собою люди, руководящіе этимъ журналомъ? На этотъ вопросъ мы находимъ слѣдующій отвѣтъ въ статьѣ Щербаня, составляющей буквальное извлеченіе изъ англійскаго революціоннаго изданія. Идеалы прежнихъ республиканцевъ для нихъ — «старая, старая сказка». Гарибальди и Феликсъ Піа для нихъ — «отсталые» дѣятели. Къ парижской коммунѣ они выражаютъ нѣсколько болѣе уваженія и одобренія, признавая день ея провозглашенія «великимъ днемъ» и называя ея поджигательства и пожары «лучомъ свѣта для будущаго». Но и парижская коммуна, по ихъ сужденію, неудовлетворительна, потому что она «не сдѣлала ни одного рѣшительнаго шага» къ «концу» стараго міра и, поставивъ программу социальную революцію, не

рѣшилась выполнить этой программы. Люди, командующіе журналомъ «Впередъ», обѣщаютъ работать цѣлесообразнѣе и не ограничиваться какими-нибудь полумѣрами, чѣмъ довольствовались коммуна, сантиментально растрѣливавшая заложниковъ не болѣе, какъ десятками. Они «не остановятся ни передъ какой суровостью». Имъ нужна безпощадная «война противъ общества, война въ одиночку, война воровствомъ, поджогомъ, грабежомъ, убійствомъ», которая *все* охватила бы и низвергла бы, которая вдребезги разбила бы *весь* теперешній строй: того «требуется, говорятъ они, живая современная наука», и во имя этой *живой науки* они призываютъ къ *умерщвлению* чуть ли не всего существующаго». Лишь социальная, лишь народная революція можетъ спасти народъ русскій, учать революціонеры, — лишь она можетъ спасти и человѣчество. «Подготовляйте же народную революцію». Подготовляйте ее *въ народъ*, который одинъ можетъ совершить ее. Организуйтесь для крѣпкаго единого дѣяствія. Организуйтесь съ помощью пропанды. «Организуйтесь среди народа, съ народомъ вмѣстѣ». Не жертвуйте даромъ ни однимъ человѣкомъ, ни одной силою: когда же придетъ минута настоящей борьбы, идите съ народомъ противъ стараго порядка, «не оглядываясь назадъ». Пусть рушится гнилое старье! При этомъ лондонское революціонное изданіе хвалится даже успѣшнымъ распространеніемъ въ Россіи революціонныхъ стремленій и идей. Журналъ «Впередъ» не можетъ «досыта нахвалиться успѣхомъ пропанды своего кружка». «Социальныя заграничныя изданія, по словамъ его корреспондентовъ, цѣлыми транспортами проникаютъ въ предѣлы имперіи, циркулируютъ въ ней, доходятъ въ самые дальніе углы. Слово истины проникаетъ всюду, — даже въ ту среду, гдѣ нельзя было ожидать плодовъ, которые теперь получились, — въ буржуазную мѣщанскую среду, гдѣ тоже начинаютъ являться протестующія личности. Люди съ *положеніемъ* стараются помочь намъ своими силами. Агитаціонная литература, несмотря на массы захваченныхъ, отобранныхъ, сожженныхъ книгъ, циркулируетъ быстро. Она есть во *всѣхъ* губернскихъ городахъ. Ее можно встрѣтить въ центральныхъ губерніяхъ даже «между сельскими учителями». Редакція «Впередъ» увѣряетъ, что «имѣетъ свѣдѣнія о распространеніи агитаціонной литературы «между солдатами», но не считаетъ возможнымъ напечатать ихъ». Корреспонденты

же этого изданія увѣряютъ, будто революціонныя изданія «швидко идутъ между мастеровыми и извозчиками», не исключая и земледѣльцовъ, и будто распространяющія ихъ личности постоянно жалуются на недостаточное число этихъ книгъ, которыхъ наличный запасъ не удовлетворяетъ требованіямъ». Эти отзывы о распространеніи революціонныхъ сочиненій получаютъ редакціей журнала «Впередъ» отъ «собственныхъ» корреспондентовъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи: изъ Петербурга, Москвы, Самары, Иркутска, Гжатска, села Павлова и т. д. Самый составъ книжекъ этого журнала свидѣтельствуетъ, что редакція его организована серьезно и что ею заведены болѣе или менѣе обширныя связи съ Россіей. Въ каждомъ номерѣ находятся руководящія статьи, обзоръ рабочаго движенія за прошлое время, лѣтопись теперешнихъ рабочихъ волненій, замѣтки по текущимъ вопросамъ и «цѣлая масса» корреспонденцій изъ разныхъ угловъ и мѣстъ Россіи. Редакція усиленно поощряетъ своихъ агентовъ въ Россіи постоянными воззваніями самаго зажигающаго свойства: «бросайте сѣмя, вызываетъ она, — продолжайте бороться; брошенное сѣмя арѣветъ»... Но, рядомъ со всѣми этими воззваніями и извѣщеніями объ успѣшномъ ходѣ революціонной пропаганды, вожди ея усиливаются хитрить, подсмѣиваясь надъ «горячешною фантазіей» высшихъ русскихъ правительственныхъ сферъ, которой «мерещится, будто есть у насъ господа, намѣреваюціеся пропагандировать, бунтовать рабочихъ» и т. п. Очевидно, что этой фальшью и ложью они нытаются усыпить бдительность нашего правительства.

Эти свѣдѣнія, сообщаемыя корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей» изъ-за границы, въ общемъ вполне согласуются съ указаніями министерскаго циркуляра, проливаютъ новый свѣтъ на силу революціонной пропаганды въ Россіи, указывая самый ея источникъ. Недавній политическій процессъ снова подтверждаетъ заявленіе правительственное о сущности и цѣляхъ революціонной пропаганды въ Россіи. Говоря словами газеты: «Голосъ», революціонеры обращаются къ русскому обществу съ слѣдующими словами: «Мы хотимъ раздѣлить вашу собственность и притомъ такъ, что земля и дома будутъ общіе. Не будетъ болѣе отдѣльнаго хозяйства; плоды общихъ трудовъ будутъ дѣлиться *поровну*. Мы закроемъ ваши церкви; мы разрушимъ вашу

семейную жизнь; мы запремъ ваши высшія школы, чтобы никто не выдвигался изъ *уравненной* массы даже талантами и образованіемъ; мы разрушимъ государство, терпѣливо и самоотверженно созданное русскимъ народомъ; мы отдадимъ западныя окраины полякамъ, возстановимъ Малороссію; мы разрушимъ институтъ государственной власти, какую бы она ни имѣла форму: даже американская власть кажется намъ деспотическою и обременительною. Если вы не примете всѣхъ этихъ предложеній добровольно, мы начнемъ безплощадную, невиданную рѣзню, отъ которой содрогнулся бы Стенька Разинъ — недаромъ «онъ нашъ идеалъ». *Всѣ* средства «хороши» для нашей цѣли. Чтобы создать недовольныхъ, мы будемъ «поджигать»; чтобы избавиться отъ неприятныхъ намъ людей, мы «прибѣгнемъ къ яду», къ книжалу... Обвинявшіеся на судѣ государственные преступники старались распространить среди фабричныхъ, солдатъ и т. д., между прочимъ, слѣдующія брошюры: «хитрую механику», «сказку о четырехъ братьяхъ», «сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсень», «Емелку Пугачева», «исторію французскаго крестьянина», «о мученикѣ Николаѣ», «о самарскомъ голодѣ», листовъ «Чтой-то братцы» журналъ «Впередъ» и т. п. Хотя каждая изъ этихъ брошюръ имѣетъ свое частное содержаніе, при всемъ томъ онѣ проникнуты одной общей мыслью. Всѣ онѣ рассчитаны на возбужденіе населенія къ поголовному насильственному возстанію противъ государя и государства съ цѣлію сокрушенія всего государственнаго строя и общественнаго порядка. Какъ показываетъ рѣчь товарища оберъ-прокурора, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ книжекъ въ подробности указывается, какъ надлежитъ произвести возстаніе. Въ одной изъ книжекъ прямо говорится, что Пугачевымъ пролиты были рѣвки крови, а что «въ настоящее время прольются *моря крови*». Недавній политическій процессъ замѣчательнъ и по самымъ обвинявшимся лицамъ. Это: 1) студенты университета и медико-хирургической академіи, изъ которыхъ студентъ Вячеславъ Дьяковъ—сынъ діакона и бывший воспитанникъ вологодской духовной семинаріи, а студентъ Алексѣй Сиряковъ—сынъ священника и воспитанникъ той же семинаріи, 2) петербургскіе мѣщане и 3) солдаты. Наиболѣе важными виновными судъ справедливо призналъ студентовъ Дьякова и Сирякова ¹⁾ и

¹⁾ Дьяковъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ, а Сиряковъ—на шесть. Съ глубокимъ прискорбіемъ снова приходится

мѣщанъ Герасимова и Александрова. Изъ мѣщанъ послѣдній съ увлеченіемъ разсказывалъ, какъ «Пугачевъ собиралъ народъ, грабилъ помѣщиковъ, вѣшалъ и сажалъ ихъ на колъ, какъ войска переходили на сторону его» и какъ благоразумно вообще онъ поступалъ, желая свергнуть правительство,—сообщалъ свѣдѣнія о французской революціи, объ убійствѣ французскаго короля и т. п., представляя все это, какъ примѣръ, достойный подражанія,—настоячиво толковалъ солдатамъ, что такая революція будетъ и въ Россіи, что двѣ части Россіи *уже* подготовлены, а одну часть подготовить не трудно, что солдаты не должны идти противъ отцовъ и матерей, а перейти на сторону мужиковъ, которыхъ къ тому же больше, чѣмъ солдатъ (первыхъ дескать 82,000,000, а послѣднихъ 800,000), что еслибъ не было царя и господъ, то жить было бы лучше, потому что теперь-де мы работаемъ на господъ и на казну, платимъ подати, а еслибы *не* *ребитъ* ихъ всѣхъ, то что мы бы сработали, то раздѣлили бы поровну, что тогда не было бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ и т. д. Такія-то идеи были внушены коноводами революціи мѣщанамъ, а эти послѣдніе, при непосредственномъ участіи Дьякова и Сврякова, распространяютъ ихъ среди нижнихъ чиновъ лейб-гвардіи московскаго полка, т.-е. среди такихъ лицъ, которыя, по самому существу своихъ обязанностей, призваны къ защитѣ престола и отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Это послѣднее обстоятельство, съ одной стороны, свидѣтельствуешь, что лондонское революціонное періодическое изданіе было въ извѣстной степени вполне справедливо, увѣряя, что оно имѣетъ свѣдѣнія объ успѣшной пропагандѣ среди самого войска революціонныхъ идей, а съ другой стороны, оно само собою дѣлаешь болѣе и болѣе настоятельнымъ систематическое и твердое противодѣйствіе замысламъ заграничной революціонной клики, отнюдь неограничиваемое одними правительственными мѣропріятіями. Само общество должно идти на встрѣчу усиленіямъ правительства положить конецъ преступной и губительной ре-

видѣть, что и изъ среды людей, принадлежащихъ къ духовному сословию и обучавшихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, являются революціонеры. Было бы несправедливо винить изъ-за этого духовенство и духовно-учебныя заведенія уже потому одному, что „въ семьѣ не безъ урода“.

волюціонной пропагандѣ. Еслибы только въ обществѣ началось сильное, энергическое и осмысленное движеніе противъ всякихъ покушеній на подрывъ самыхъ основъ государственной и общественной жизни, тогда можно было бы вполне ручаться, что эти покушенія, еслибы не сдѣлались невозможными, то во всякомъ случаѣ не имѣли бы никакого успѣха. Тотъ фактъ, что революціонная пропаганда не безъ значительнаго успѣха велась въ 37 губерніяхъ, ложится, по справедливому замѣчанію двухъ гг. министровъ, тяжелымъ осужденіемъ на само же общество. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Изъ такъ-называемыхъ свѣтскихъ газетъ, высказавшихся по поводу министерскаго циркуляра, двѣ газеты, именно «Гражданинъ» и «Голось», касаются обвиненія нашего общества въ апатическомъ, равнодушномъ и частію даже сочувственномъ отношеніи этого общества къ растлѣнію молодежи разными химерическими ученіями и къ увлеченію его въ революціонную пропаганду. Заслуживаютъ вполне вниманія мнѣнія той и другой газеты: они обрисовываютъ взглядъ этихъ газетъ на положеніе общества и на его теперешнее состояніе. «Гражданинъ» не ограничивается разсужденіемъ о томъ только, можно ли называть общество равнодушно относящимся къ политической и соціальной революціонной пропагандѣ, но задается рѣшеніемъ вопроса: какимъ образомъ общество могло дойти до такого печальнаго состоянія. Вотъ что говоритъ «Гражданинъ»: «Трудно, зная, какъ шла у насъ въ эти послѣдніе 20 лѣтъ семейная и общественная жизнь, не обвинять общество въ индиферентизмѣ къ нравственному міру нашей молодежи, но дѣло въ томъ, что оно не такъ виновато, какъ кажется, если принять въ соображеніе тѣ условія, при которыхъ семья принимала участіе въ общественной современной жизни. Ей такъ-сказать навязывали со всѣхъ сторонъ нравственную распущенность и безпринципность, какъ доктрину прогресса, и навязывали люди, которымъ семья русскаго человѣка поневолѣ должна была вѣрять. Стоитъ припомнить то, еще недавнее, время, когда въ извѣстныхъ сферахъ правительственной дѣятельности, даже въ самомъ вѣдомствѣ воспитанія дѣтей и народнаго образованія, все, что имѣло характеръ напоминанія о нравственной дисциплинѣ, о строгости къ дѣтямъ, о необходимости извѣстныхъ принциповъ, все это не

только не признавалось въ этихъ вѣдомствахъ святыми и строго-обязательными законами, но, напротивъ, считалось чѣмъ-то противорѣчащимъ духу времени и требованіямъ прогресса. Стоитъ только перелистовать за эти 20 лѣтъ всѣ наши псевдо-либеральные журналы и газеты, и мы поразимся тѣмъ фактомъ, что ни разу въ эти 20 лѣтъ ни одна изъ этихъ газетъ, выдающихъ себя органами общественнаго мнѣнія, не обратилась къ русской семьѣ или къ русскому юношеству со словами упрека за безпорядки въ ихъ мысляхъ и съ проникнутымъ темнымъ чувствомъ словомъ увѣщанія, гдѣ порицалось бы все безусловно дурное и поощрялось бы положительно корѣшее; стоитъ, говорю я, припомнить эти факты, чтобы придти къ несомнѣнному убѣжденію о меньшей виновности семьи, какъ агента растлѣвающихъ началъ, сравнительно съ виновностью нашей псевдо-либеральной печати, съ одной стороны, и подчасъ нѣкоторыхъ официальныхъ мировъ съ другой. При такихъ условіяхъ, когда вседневная псевдо-либеральная печать играла въ молчанку насчетъ всего духовно-нравственнаго міра юношества, а съ другой стороны извѣстныя официальныя сферы покровительствовали когда-то и сочувствовали этой печати, что могла сдѣлать несчастная семья? Помысли, что «ей оставалось только слѣпо и благодушно подчиниться духу безпринципности», какъ вѣянію духа времени, «и говорить себѣ: на что мы будемъ толковать дѣтямъ о религіи и о нравственности, когда современная литература молчитъ объ этихъ предметахъ, а иногда даже смѣется надъ ними, и когда нравственное направленіе въ учебныхъ и воспитательныхъ учрежденіяхъ относится къ этой религіи и къ этой нравственности скорѣе несочувственно, чѣмъ сочувственно». Недалеко идти за фактами... Стоитъ только перечитать напр. тѣ перворазрядныя учебныя заведенія въ столицахъ, гдѣ отмѣнялись въ одинъ прекрасный день общія молитвы подъ предлогомъ свободы совѣсти для десятилѣтнихъ дѣтей. Примѣру этихъ правительственныхъ заведеній слѣдовали «частныя» пансіоны, «частныя» гимназіи... Стоитъ просмотрѣть тѣ сотни книжечекъ и книгъ, которыя за эти 20 лѣтъ, подъ названіемъ книжекъ, одобренныхъ тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ, вводили наши семьи и наши школы подъ видомъ руководствъ и книгъ для дѣтскаго чтенія и проникли даже съ ихъ растлѣвающимъ вліяніемъ въ народную школу:

сколько такіа разрѣшенныя и даже одобренныя официальными властями книжки внесли фальши, матеріализма, грубаго отрицанія и т. п. въ души и умы неисчислимаго количества юношей, въ этомъ фактѣ нельзя сомнѣваться. Спрашивается: что могли дѣлать несчастные родители, когда имъ навязывали такіа официально рекомендованныя книжки для ихъ дѣтей, а книгъ нравственныхъ одно время даже надобно было искать, какъ библиографическихъ рѣдкостей. Все это не можетъ и не должно быть забываемо, когда рѣчь идетъ объ обвиненіи русской семьи въ равнодушіи къ направленію дѣтей въ религіозно-нравственномъ духѣ. Семья не могла въ окружавшемъ ее воздухѣ выдѣлать себѣ для домашняго обихода другой воздухъ, болѣе чистый и полезный для духовнаго развитія, и мало-по-малу она свыклась съ этимъ безпринципнымъ направленіемъ до такой степени, что утратила «даже представленіе» о другомъ направленіи мыслей, болѣе правильномъ. Но кромѣ семьи сильное вліяніе этого вреднаго воздуха воспріяла школа. Вездѣ школа на Руси, вверху и внизу, признала единственнымъ авторитетомъ духъ тогдашняго времени; воспитаніе въ школахъ было проникнуто такъ-сказать насквозь однимъ только духомъ—духомъ лжелиберальнаго фельетона; учителя и учительницы, директора и директрисы, — все такъ-сказать учебное начальство заботилось не о томъ, чтобы воспитывать дѣтей въ началахъ церковныхъ, нравственныхъ и государственныхъ, но исключительно о томъ, чтобы образъ веденія дѣтей и обученія ихъ были «современны», и научая дѣтей кое-какимъ свѣдѣніямъ, пользовались ими, чтобы проводить растлѣвающее вредно-матеріальное направленіе и при этомъ толковать дѣтямъ о какомъ-то новомъ кодексѣ ихъ правъ въ обществѣ.

Во всемъ этомъ весьма много горькой, но несомнѣнной, правды. Тѣмъ не менѣе здѣсь есть вещи, съ которыми трудно согласиться. На нихъ-то мы и остановимъ свое вниманіе. «Гражданинъ» усиливается оправдать общество и семью, но это, по нашему убѣжденію, совершенно несправедливо. Развѣ здоровое и развитое общество способно раболѣпствовать передъ періодической печатью и «нѣкоторыми официальными мірами», преклоняться передъ ихъ рѣшеніями, когда дѣло идетъ о судьбѣ самаго общества и о воспитаніи дѣтей, и сидѣть сложа руки въ виду совершающихся безобразій? Доказали ли русское общество, рус-

ская семья, что они всевозможно и упорно боролись съ враждебными обстоятельствами и уступили лишь превосходящей их силѣ? Развѣ отцы и матери не могли коллективно требовать отъ представителей «нѣкоторыхъ официальныхъ сферъ», чтобы дѣтямъ въ школахъ, хотя бы и перворазрядныхъ, давалось такое образованіе и воспитаніе, для которыхъ религіозно-нравственное образованіе и воспитаніе служило бы главной основой и подкладкою? Тутъ ничего нѣтъ невозможнаго. Достаточно было нѣсколькихъ рѣшительныхъ и настойчивыхъ заявленій, чтобы «нѣкоторые официальные міры» перестали портить дѣтей и проводить въ воспитаніи разныя узенькія и непереваренные современныя идеи. Что же касается до частныхъ пансіоновъ и гимназій, то они еще болѣе должны находиться подъ непосредственнымъ и «влиятельнымъ» контролемъ родителей. Да и не странно ли вообще снимать съ родителей отвѣтственность за то дурное направленіе, которое имъ сообщала школа? Можно ли доказать, что большинство родителей, и при домашнемъ воспитаніи, сообщаетъ правильное направленіе дѣтскимъ умамъ и сердцамъ? Что касается до религіозно-нравственнаго воспитанія, какое получается дѣтьми въ большей части семействъ, то оно до крайности жалко. Да и большая ли часть взрослыхъ и даже образованныхъ людей трезво и разумно смотритъ на значеніе религіи въ жизни? Для большинства лицъ, считающихъ себя даже религіозными, религія заключается въ разныхъ внѣшностяхъ, формальностяхъ и обрядностяхъ, за которыми они не видятъ духа, сущности истинной религіозной жизни. Такіе родители желаютъ, конечно, чтобы въ школахъ въ извѣстное время читались общія молитвы для дѣтей и дѣтьми и т. п., но дальше этого они нейдутъ. Многіе не хотятъ понять того, что при «кажущемся» религіозномъ характерѣ воспитанія и образованія возможна полная безрелигіозность. Исторія говоритъ намъ, что изъ іезуитскихъ школъ, гдѣ воспитанники вели чуть не монашескую жизнь, могли выходить такіе экземпляры, какъ Вольтеръ и другіе. Чѣмъ больше вдумываешься въ дѣло, тѣмъ менѣе представляется возможности согласиться съ «Гражданиномъ», будто наша семья не повинна въ безрелигіозномъ направленіи большей части молодыхъ образованныхъ людей. Еслибы въ самой семьѣ было живо, осмысленно и влиятельно религіозное начало, она не только сама слу-

жила бы рассадникомъ людей, глубоко проникнутыхъ религіозно-нравственнѣмъ духомъ, но никогда не допустила бы формироваться въ общественной средѣ такимъ школамъ, которыя давали превратное направленіе воспитывающимся въ нихъ: семья нашла бы сотни средствъ повліять на школу и направить ее къ достиженію тѣхъ цѣлей, къ которымъ должна стремиться всякая разумная и благоустроенная школа. Точно также нельзя слагать съ общества на литературу вину въ порожденіи того порядка вещей, который вызываетъ теперь недовольство правительства и лучшихъ представителей самаго общества. Нельзя отрицать существованіе органической связи между этимъ порядкомъ вещей и нашей псевдо-либеральной журналистикой. Тѣмъ не менѣе находимъ несправедливыми обвиненія одной только этой журналистики. Какъ-то уже пріѣлись и надоѣли жалобы на растлѣвающее вліяніе «либеральной прессы». Нельзя же забывать, что само общество выдѣлило изъ себя и сформировало тѣ литературныя силы, дѣятельность которыхъ отличалась отрицательнымъ и разрушительнымъ направленіемъ. Съ другой стороны, не недостатки ли нашей общественной жизни и разныя темныя явленія ея часто давали пищу этому направленію? Но, что особенно важно, наше общество не только терпѣливо выслушивало, какъ разные «сочинители» глумились иногда надъ самыми святыми вещами и зло подсмѣивались надъ самыми дорогими убѣжденіями человѣческими, но въ лицѣ большей части своихъ образованныхъ представителей готово было все это поощрять. Между тѣмъ это же общество, еслибы оно дѣйствительно обладало крѣпкими убѣжденіями и благими стремленіями, всегда могло бы выдѣлить изъ среды себя такую могущественную литературную силу, которая въ состояніи была бы противодѣйствовать наплыву ложныхъ идей, способствовать торжеству здоровыхъ началъ мысли и жизни. Мы нисколько не позабываемъ, что у насъ и прежде были и теперь существуютъ журналы, неподходящіе подъ то направленіе, въ господствѣ котораго нельзя не видѣть подготовленія и созданія такого порядка вещей, который начинае ть обнаруживаться весьма печальными результатами. Повидимому, они должны были служить и служить сильнымъ противоудіемъ распространенію пукорененію разныхъ ложныхъ ученій и превратныхъ идей. Несомнѣнно, что эти журналы приносили и

приносить нѣкоторую пользу. Однакожъ, все-таки нельзя не сказать слѣдующаго. До сихъ поръ наши свѣтскіе журналы, отличающіеся наиболѣе трезвымъ направленіемъ, *вовсе* не вели послѣдовательной и систематической борьбы съ наплывомъ разныхъ модныхъ ученій и доктринъ. Замѣчателенъ фактъ, что до сихъ поръ въ нихъ не появлялось напр. *ни одной* статьи, посвященной безпристрастному анализу разныхъ коммунистическихъ и социалистическихъ ученій, несмотря на то, что тѣ и другія проводились въ другихъ органахъ нашей журналистики. Между тѣмъ политическая экономія читается не въ однихъ нашихъ университетахъ, но и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Профессора и преподаватели этой науки не дали себѣ труда посвятить хоть журнальную серьезную статью этому предмету, не говоря уже о другихъ писателяхъ! Если нѣкоторые изъ нашихъ, наиболѣе сочувственныхъ журналовъ и вступали иногда въ полемику съ журналами крайняго направленія, то эта полемика, можно сказать, никогда почти не затронула самыхъ основъ той или другой враждебной доктрины, большей частью вращалась въ области мелочей, выдвигала ничтожные аргументы, какъ будто бы не зная о сильнѣйшихъ, совершенно пропускала крупныя литературныя и псевдо-научныя явленія, исхолившія изъ противоположнаго лагеря, нисходила иногда до личной перебранки, хваталась за инсинуаціи, чего нѣтъ вреднѣе въ спорѣ, и т. под. Все это скорѣе содѣйствовало распространенію извѣстныхъ ученій и теорій, чѣмъ препятствовало. Тогда какъ представители противоположнаго направленія употребляли всѣ средства для болѣе успѣшной пропаганды извѣстныхъ ученій и идей, съ лихорадочной торопливостью перевода одну книгу за другою, популяризуя эти ученія и идеи въ живыхъ, бойкихъ и общедоступныхъ статьяхъ и пользуясь для этой же цѣли безметрической формой изложенія, представители «трезвой журналистики» обыкновенно почти ничего такого не дѣлали для проведенія своихъ убѣжденій и идей. Это—фактъ, котораго отрицать нельзя. А развѣ въ настоящее время эта журналистика не представляетъ чего-то мертваго, вялаго, безжизненнаго? Между тѣмъ какъ напр. у насъ существуетъ не только нѣсколько периодическихъ изданій, держащихся крайняго позитивнаго направленія, но существуетъ кружокъ лицъ, выпускающихъ въ свѣтъ одно

за другимъ большей частью, конечно, переводныя сочиненія, отличающіяся этимъ направлеиіемъ, въ нашихъ «трезвыхъ» журналахъ за нѣсколько лѣтъ появится какая нибудь одна статья въ родѣ статьи: «Искусство и позитивизмъ», и довольно... Какъ же послѣ всего этого не винить общество въ индиферентизмъ, въ апатіи и т. под.? Оно, въ лицѣ представителей «трезвой журналистики», безъ боя сдается въ кабалу разнымъ лжеученіямъ и скороспѣлымъ теоріямъ. Къ чему же тутъ плаксивыя жалобы на монополию «жelibеральной прессы?» Какъ будто бы она силою, противъ нашей воли, захватила себѣ вліяніе! Нѣтъ! мы сами виновны въ томъ, что любимъ сибаритствовать, сидѣть сложа руки и ожидать отъ всего этого торжества нашихъ убѣжденій и здравыхъ идей. Намъ нужно больше учиться и трудиться, чѣмъ учатся и трудятся люди противоположнаго лагеря, и тогда только побѣда можетъ быть на нашей сторонѣ. Напрасно общество стало бы рассчитывать на правительственныя мѣры, стѣсняющія и сдерживающія распространеніе разныхъ злокачественныхъ идей. Опытъ показываетъ, что эти мѣры ведутъ нерѣдко къ дурнымъ результатамъ. Мы сами должны сплотиться, организоваться и противопоставить усиліямъ распространителей этихъ идей наши усплія содѣйствовать торжеству религіи, истинной науки, здравыхъ соціальныхъ идей. Въ противномъ случаѣ, всякій человекъ, богословъ ли то или политико-экономистъ по специальности, долженъ нести отвѣтственность предъ Богомъ и грядущими поколѣніями, какъ скоро онъ, будучи одаренъ отъ Бога даромъ публичнаго слова, зарывалъ свой талантъ въ землю, жилъ для себя только и ничѣмъ не постарался споспѣшествовать торжеству въ жизни истины и добра.

Вслѣдъ за «Гражданиномъ» является защитникомъ общества отъ упрековъ въ апатіи и равнодушіи и газета «Голось». «Общество до настоящаго времени, говорить это изданіе, не знало и не имѣло возможности познакомиться съ революціонной проповѣдью во всемъ ея объемѣ. Какъ ни велико число привлеченныхъ къ слѣдствію, но оно, будучи разбросано по 37 губерніямъ, въ каждой изъ нихъ отдѣльно не могло произвести глубокаго, грознаго впечатлѣнія. Въ каждой губерніи десятокъ-другой безумцевъ производилъ впечатлѣніе безумцевъ. Только въ общемъ своемъ составѣ, собранная въ одно слѣдственное дѣло, революціонная проповѣдь

могла произвести потрясающее дѣйствіе, какое она, очевидно, произвела на высшія сферы, вполнѣ съ нею ознакомившіяся. Мы твердо убѣждены, продолжаетъ газета, что при своевременномъ обнародованіи *всѣхъ* подробностей дѣла, съ описаніемъ всего его хода, общество наше встрепенулось бы не хуже римлянъ время Катилины». Эта защита общества, по нашему крайнему разумѣнію, еще неудачнѣе, чѣмъ защита со стороны «Гражданина». Во-первыхъ, мы не можемъ не находить ошибочною мысль «Голоса», будто равнодушіе общества въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что общество до настоящаго времени не знало и не имѣло возможности познакомиться съ революціонной проповѣдью во всемъ ея объемѣ. Конечно, общество незнакомо надлежащимъ образомъ съ подробностями революціонной проповѣди. Общее же содержаніе революціонной проповѣди несомнѣнно извѣстно каждому образованному члену общества, слѣдующему за событіями нашей общественной жизни. Такъ-называемое нечаевское дѣло и рядъ другихъ политическихъ судебныхъ процессовъ не только должны были раскрыть въ глазахъ нашего общества во всей ужасающей яркости сущность и цѣли революціонной проповѣди, но указать ему силу и живучесть революціонныхъ стремленій. Да и нужно ли знать обществу подробности революціонной проповѣди, когда оно знаетъ общій ея духъ и направленіе, чтобы отнестись съ единодушнымъ суровымъ порицаніемъ къ ней и ея глашатаямъ? Иное дѣло—люди, служащіе на литературномъ и журнальномъ поприщѣ выразителями и руководителями общественнаго мнѣнія. Имъ необходимо основательное знакомство съ подробностями и частностями революціонной проповѣди уже для того одного, чтобы направлять свое слово не противъ только общихъ положеній ея, но и противъ частныхъ и подробностей. Но, что особенно мы должны замѣтить «Голосу», едва ли можно защищать то общество, которое способно пробудиться отъ апатіи и равнодушія только тогда, когда оно увидитъ и убѣдится, что революціонная проповѣдь достигла такихъ размѣровъ и успѣховъ, что грозитъ разрѣшиться несомнѣнною и близкою катастрофой. Нужно заранѣе принимать всѣ зависящія отъ насъ мѣры для предупрежденія малѣйшей катастрофы и устраненія всего того, что служитъ къ ея подготовленію. Не мѣшаетъ помнить каждому члену

общества, что пожары возникаютъ и отъ одной искры. Значить, необходимо напередъ обезопасивать зданіе общественнаго порядка хотя бы отъ малѣйшаго соціального и политическаго пожара. Громкое выраженіе общественнаго негодованія, хотя бы въ виду малѣйшихъ попытокъ къ революціонной коммунистической пропагандѣ среди неопытной и незрѣлой молодежи, дало бы почувствовать коноводамъ революціонныхъ затѣй, что общество на сторожѣ, что оно встанетъ, какъ одинъ человекъ, на защиту существующаго законнаго порядка и т. д. Впрочемъ, газета «Голосъ», только что высказавши приведенныя нами слова, снѣшить оговориться. И эта оговорка производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе. «Едва ли не напрасно было бы думать, говоритъ она, что общество относится апатично только къ революціонной проповѣди. Странно было бы подозрѣвать его въ тайномъ сочувствіи тому, что должно разрушить всѣ его основы. Оно—грустно признаться—апатично относится ко *всему*. Литература, даже лучшія ея произведенія, не возбуждаютъ его интереса; земскія и городскія собранія иногда не могутъ состояться за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ; *о церковной жизни, конечно, и говорить нечего*. Гдѣ причина такого отношенія къ дѣлу? Почему не смотря на такъ-называемый здравый смыслъ русскаго человека, *самыя безпутнѣйшія идеи* свободно гуляютъ по безпредѣльнымъ пространствамъ нашего отечества? Два министра говорятъ, что революціонная проповѣдь не находитъ отпора въ обществѣ. Но что же находитъ въ немъ отпоръ? И *спиритизмъ* не находитъ себѣ сопротивленія; нѣтъ такой вздорной идеи, которая встрѣтила бы что нибудь, напоминающее отпоръ. Общество можетъ встрепенуться при *крайней* опасности, какъ это было въ 1863 году, какъ это можетъ быть при первомъ успѣхѣ революціонной проповѣди, при первомъ собственникѣ, убитомъ или сожженномъ по принципу. Но до тѣхъ поръ оно пребудетъ спокойно. Въ настоящее время оно, очевидно, не живетъ никакими идеями — ни дурными, ни хорошими». Значить, справедливъ безусловно взглядъ правительства на состояніе общества. «Голосъ» рисуетъ это состояніе такими мрачными красками, что страшно становится за общество, находящееся въ такомъ полумертвомъ состояніи. Гдѣ же ручательство того, что такое общество пробудится и встанетъ при

первомъ убитомъ собственникѣ? Для кого же тайна, что очень значительная часть нашихъ пожаровъ обязана своимъ происхожденіемъ преступнымъ злоумышленіямъ революціонеровъ? Но что же общество? Оно по словамъ же «Голоса», продолжаетъ спать. Мало ли и другихъ безобразій прошло безъ энергическаго протеста со стороны общества? Самыя дикія и циническія глумленія надъ религіей, о которыхъ не разъ сообщались въ газетахъ, не вызвали общество на единодушное публичное и суровое осужденіе. Конечно, общество не станетъ сидѣть сложа руки въ виду *крайней* для себя опасности. По чувству самосохраненія оно поднимется на защиту себя. Но развѣ нужно допускать эту катастрофу, въ которой, быть можетъ, встанетъ не только гражданинъ противъ гражданина, но и сынъ противъ отца? Дѣятели нашей литературы и журналистики обязаны *всевозможно* будить и шевелить общественное сознаніе. Нельзя же, какъ это дѣлаетъ «Голосъ», ждать этого пробужденія общества только отъ правительственныхъ мѣропріятій. Нельзя же правительство представлять какой-то нявкой общества. Лучшіе представители общества должны что-либо дѣлать съ своей стороны для того, чтобы выводить мало-по-малу общественное сознаніе изъ того состоянія летаргіи, въ которомъ оно находится. Правительство ли виновато въ томъ напр., что земскія и городскія собранія иногда не могутъ состояться за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ? Правительство ли виновато въ томъ, что самыя безпутнѣйшія идеи свободно гуляютъ по безпредѣльнымъ пространствамъ нашего отечества? Очевидно, во всемъ этомъ виновато само общество, каждый членъ котораго преслѣдуетъ лишь свои личные мелкіе интересы и знать не хочетъ объ общественномъ дѣлѣ. Еслибы мы не были совершенно равнодушны къ тому, какія идеи гуляютъ по безпредѣльнымъ пространствамъ нашего отечества, и распространеніе истины ставили выше своего спокойствія и комфорта, развѣ эти идеи могли бы бродить гдѣ бы то ни было въ нашемъ обширномъ отечествѣ? Наша позорная лѣньность и мелкій эгоизмъ, которыхъ не чужды многіе служители вѣчной истины и дѣятели духовной науки, заставляютъ насъ предаваться гнусному «кейфу» — бездѣльному спокойствію тогда, когда многіе въ обществѣ томительно ждутъ себѣ помощи въ борьбѣ съ невѣріемъ или когда какойнибудь

штундизмъ отрываетъ отъ церкви лучшихъ, но мало вѣдующихъ ея членовъ. Тоже нѣжно сказать и о коммунистической революціонной пропагандѣ. «Голосъ» усиленно указываетъ на то, что у насъ и спиритизмъ не находитъ себѣ сопротивленія. Но развѣ печать такъ же въ самое недавнее время отнеслась къ спиритическимъ продѣлкамъ Бредифа? Въ томъ-то и дѣло, что далеко не такъ. Мы не знаемъ такого свѣтскаго журнала, такой свѣтской газеты, въ которыхъ бы не осуждался и не критиковался спиритизмъ. Въ нѣкоторыхъ же журналахъ, какъ напр. въ «Вѣстникѣ Европы», было даже нѣсколько статей противъ спиритизма. Мало того, петербургское общество естествоиспытателей, по предложенію профессора Менделѣева, рѣшилось даже образовывать комиссію для изслѣдованія спиритическихъ явленій. И вотъ тѣ же самые журналы и газеты упорно молчатъ, когда зашло дѣло не о пропагандѣ спиритизма, но о пропагандѣ ученія, грозящаго смертью всему общественному и государственному порядку. Только двѣ-три газеты рѣшились сказать о послѣдней пропагандѣ свое слово. Гдѣ же источникъ этого молчанія? Почему «мнѣшіе себя быть руководителями общества» не будятъ горячимъ словомъ этого общества отъ его опаснаго усыпленія? Не потому ли уже, что они также апатично относятся къ революціонной пропагандѣ, какъ общество, и что они также въ настоящее время не живутъ никакими идеями—ни дурными, ни хорошими, *сбывая* такія идеи, которыя *навыкли* проводить? Было бы очень горько, еслибы такое предположеніе имѣло вѣроятность.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О Т Ч Е Т Ъ

ПРИХОДСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ, СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОЙ СМОЛЕНСКОЙ НА АРВАТЪ ЦЕРКВИ, ЗА 1874—1875 Г.

(Годъ четвертый).

Приходское попечительство о бѣдныхъ въ прошедшемъ году продолжало свою дѣятельность какъ въ раздачѣ пособій бѣднымъ, такъ и въ содержаніи церковно-приходской школы для бѣдныхъ дѣтей.

Согласно принятой задачѣ, попечительство продолжало раздачу пособій не случайнымъ просителямъ, а такимъ, бѣдность коихъ была дѣйствительно дознана. Конечно, нельзя ругаться, чтобы въ нашемъ приходѣ не нашлись лица болѣе нуждающіяся, чѣмъ наличные пенсіонеры попечительства; сдѣлать безошибочный выборъ изъ нихъ дѣло едва ли впрочемъ и возможное. Но можемъ смѣло утверждать, что пользующіеся нинѣ пособіями отъ попечительства лица вполне достойныя того, какъ по состоянію своему, такъ и по поведенію. По большей части, это—перестарѣлыя женщины, мало или даже вовсе неспособныя къ труду. Увѣренность въ такомъ цѣлесообразномъ вспоможеніи бѣдности, при множествѣ встрѣчающихся повсюду злоупотребленій благотвореніями, какъ поддерживаетъ связь прихожанъ съ попечительствомъ, такъ и побуждаетъ даже лицъ, не принадлежащихъ къ кругу здѣшняго прихода, обращать въ нашу общину тѣ лепты, кои имъ назначены, по долгу христіанскому, на дѣла благотворенія. Въ прошедшемъ году присоединилось къ составу членовъ попечительства еще нѣсколько лицъ изъ сосѣднихъ приходовъ, не имѣющихъ у себя подобнаго рода учреждений, такъ что общее число такихъ внѣшнихъ членовъ превышаетъ четвертую часть всего состава членовъ попечительства. Особенно же попечительство было удивлено и обрадовано полученіемъ извѣстія, что одно благотворительное лицо,

лично неизвѣстное никому изъ членовъ, намѣрено оказать капитальное обезпеченіе нашему дѣлу. Нѣкто Н. Н. П. чрезъ своего нотаріуса извѣстилъ попечительство, что составленнымъ имъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ поручаетъ своей супругѣ, по смерти его передать въ приходское попечительство о бѣдныхъ при Смоленской на Арбатѣ церкви 5.000 руб. благонадежными процентными бумагами съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала были раздаваемы бѣднымъ здѣшняго прихода. По всей вѣроятности, свѣдѣніе о нашемъ учрежденіи дошло до г-на П. чрезъ годовые отчеты онаго, опубликованные въ изданіи «Православнаго Обзорнія». Принявъ это извѣщеніе съ чувствомъ глубокой благодарности къ благотворителю, попечительство при этомъ не могло не придти къ той мысли, что учрежденіе, основанное съ благотворительною цѣлю и въ христіанскомъ духѣ, само уже говоритъ о своемъ достоинствѣ и привлекаетъ къ себѣ вниманіе добрыхъ людей.

Въ дѣлѣ нашего попечительства знаменательно еще то обстоятельство, что оно, несмотря на то, что никогда не задавалось мыслию о составленіи запаснаго капитала, но весь ожидаемый годовою доходъ предназначало на раздачу бѣднымъ, даже съ большею щедростію, нежели сколько требовала того расчетливая осторожность, основанная на измѣчивости состава членовъ, — несмотря на это, говоримъ, попечительство не только никогда не выступало изъ годоваго своего бюджета, но успѣло въ четыре года сберечь болѣе тысячи рублей запасной суммы.

Въ прошедшемъ году (отъ 1 марта 1874 г. до 1 марта 1875 г.) попечительство производило пособія 30-ти лицамъ, отъ двухъ до трехъ рублей въ мѣсяцъ каждому, всѣмъ же по 70 р. въ мѣсяцъ. Сверхъ сего были выданы безпроцентныя ссуды четыремъ бѣднымъ лицамъ отъ 5 до 10 р., на срокъ отъ одного до десяти мѣсяцевъ, всего же было выдано 30 р., и деньги сіи своевременно были уплачены кредиторами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такого рода ссуды оказывались столь же благотѣльными для заемщиковъ, какъ для иныхъ — безвозвратныя пособія.

Въ церковно-приходской школѣ въ отчетномъ году (отъ 1 сентября 1874 г. до 1 сентября 1875 г.) состояло отъ 23 до 29 учениковъ, среднимъ же числомъ 26 чел. Недостатка въ желавшихъ обучаться не было, но тѣснота помѣщенія не дозволяла прини-

мать болѣе показаннаго количества. Къ концу учебнаго года число учениковъ обыкновенно уменьшается: родители часто берутъ изъ школы своихъ дѣтей послѣ недолгаго обученія, для устройства въ какое-нибудь ремесленное заведеніе. Но восполнить эту убыль среди учебнаго года новыми учениками оказывается неудобнымъ безъ нарушенія послѣдовательнаго хода ученія.

Въ занятіяхъ по Закону Божию ученики были раздѣлены на двѣ группы. Младшіе изучали главнѣйшія молитвы, символъ вѣры и 10 заповѣдей и изучили 1-ю половину ветхо-завѣтной Свящ. исторіи; старшимъ ученикамъ были объяснены символъ вѣры, заповѣди и литургія; повторена ветхозавѣтная Свящ. исторія и вновь изучена новозавѣтная.

Въ занятіяхъ по русскому языку ученики раздѣлялись на три группы. Вновь поступившіе ученики были обучаемы грамотѣ по звуковому способу барона Корфа, и затѣмъ прочитали 25 уроковъ 1-й части Роднаго Слова Ушинскаго; съ учениками 2-й группы прочитана вторая половина той же книги (съ 20 урока) и 56 уроковъ первой учебной книги Паульсона; ученики 3-й группы читали хрестоматію Паульсона съ разборомъ и повтореніемъ прочитаннаго, и писали подъ диктантъ; при чемъ были сообщены имъ главныя правила правописанія.

Изъ ариметики съ младшими учениками пройденъ всустный счетъ до 100 и разложеніе первыхъ десяти чиселъ на составныя числа; ученикамъ 2-й группы преподавъ порядковъ чиселъ и первыя два дѣйствія ариметики; ученикамъ 3-й группы преподаваны первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми простыми и именованными числами. Руководствомъ служила ариметика Евтушевскаго.

Сверхъ сего занимались чистописаніемъ, по методу прописей изданныхъ московскою дѣтскою педагогическою бібліотекою.

Произведенныя по окончаніи учебнаго года испытанія показали достаточныя успѣхи учениковъ приходской школы.

Предлагаемъ денежный отчетъ по обѣимъ учрежденіямъ по-мечительства:

1) По выдачѣ посовій взданнымъ.

Остатокъ.

Къ 1-му марта 1874 г. состояло на лицо: два билета 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрышами займовъ, пріобрѣтенные 13

марта 1871 г. за 288 р. 10 к., билетъ моск. купеческаго банка въ 300 р. и наличными деньгами 288 р., всего 876 р. 10 к.

Приходъ.

Въ теченіе года поступило: а) членскихъ взносовъ отъ 40 лицъ 759 р.; б) единовременныхъ пожертвованій 37 р.; в) процентовъ по билетамъ и процентной прибыли по оборотнымъ суммамъ 37 р. 72 к.; г) кружечнаго сбора: въ мартѣ 1874 г. 20 р. 50 к., въ апрѣлѣ 7 р., маѣ 14 р., юнѣ 7 р., юлѣ 8 р. 70 к., августѣ 10 р., сентябрѣ 8 р. 60 к., октябрѣ 8 р. 50 к., ноябрѣ 10 руб. 30 к., декабрѣ 15 р. 50 к., январѣ 1875 г. 9 р. 65 к., февралѣ 10 р. 50 к., всего 130 р. 25 к. Итого 963 р. 97 к., а съ остаткомъ отъ прошедшаго года было 1840 р. 7 к.

Расходъ.

Ежемесячныхъ пособій выдано: въ мартѣ 1874 г. 31 лицу 71 р., апрѣлѣ 31 лицу 71 р., маѣ 30 лиц. 68 руб., юнѣ 31 л. 72 р., юлѣ 31 л. 72 р. августѣ 31 л. 72 р., сентябрѣ 31 л. 72 р., октябрѣ 30 л. 70 р., ноябрѣ 30 л. 70 р., декабрѣ 30 л. 70 р., январѣ 1875 г. 30 л. 70 р., февралѣ 30 л. 70 р., всего 848 р. На погребеніе 4 лицъ выдано 9 р., за отпечатаніе 150 экз. отчета уплачено въ типографію 3 руб. Всего же израсходовано 860 руб.

Остатокъ.

Затѣмъ къ 1-му марта 1875 г. состояло въ процентныхъ бумагахъ 588 р. 10 к. и наличными деньгами 391 р. 97 к., всего 980 р. 7 к. (Если же полагать цѣнность выигрышныхъ билетовъ по курсу 1 марта сего года, то остатокъ будетъ простирается до 1090 р.

2) По церковно-приходской школѣ.

Остатокъ.

Къ 1 сентября 1873 г. состояло 335 руб. 90 коп. въ томъ числѣ 200 р. взноса неизвѣстнаго на слѣдующіе два года.

Приходъ.

Членскихъ взносовъ поступило отъ 37 лицъ 411 руб. Единовременныхъ пожертвованій и по сборнымъ книжкамъ членовъ 81 р. За обученіе платящихъ дѣтей 78 р. Процентовъ по оборотнымъ суммамъ 25 р. 67 к. Всего же 595 р. 67 к., а съ остаткомъ отъ прошедшаго года было 931 р. 60 к.

Расходъ.

На жалованье двумъ учителямъ употреблено 200 р., на наемъ квартиры 150 р., на отопленіе 36 р., на книги 22 руб. 79 к., классныя принадлежности 14 р. 85 к., всего 423 р. 64 к.

Остатокъ.

Затѣмъ въ 1-му сентября 1874 г. состояло 100 руб. взноса неизвѣстнаго на слѣдующій годъ и 407 р. 96 к. чистаго остатка, всего 507 р. 96 к., изъ коихъ 300 руб. состоятъ въ билетѣ волжско-камскаго банка.

Всего же по обоимъ учрежденіямъ попечительства за отчетный годъ было: въ остаткѣ 1212 р. 3 к., въ приходѣ 1559 р. 64 к., въ расходѣ 1283 р. 64 к., въ остаткѣ къ слѣдующему году 1488 р. 3 к.

С П И С О КЪ

членовъ Смоленскаго приходскаго попечительства о бѣдныхъ.

Предсѣдатель: 1) свящ. С. С. *Владимірскій.*

Товарищъ предсѣдателя: 2) Алекс. *Ив. Колесовъ.*

Непремѣнные члены: 3) діаконъ В. В. *Остролазовъ,* 4) церк. староста А. В. *Выгодчиковъ.*

Дѣйствительные члены: 5) *Аверинъ* Ив. Авер., 6) *Ананьевъ* Ив. Θεод., 7) *Андреевъ* Пав. Ег., 8) *Беневоленскій* Влад. Павл., діаконъ, 9) *Богдановъ* Ив. Вас., 10) *Вавилова,* 11) *Васильева,* 12) *Васильевъ* Ник. Вас., 13) *Верховскій* Ив. Ил., 14) *Волковъ* Дорим. Петр., 15) *Гвоздевъ* Θεод. Вас. 16) *Гинце* Ад. Θεод. 17) *Гречаниновъ* Тих. Гер., 18) *Давыдовъ* Петръ Вас., 19) *Замятинъ* Петръ Сем., 20) *Зотовъ* Мих. Степ., 21) *Иванова,* 22) *Ивановская* Надежда Вас., 23) *Капустинъ* Ег. Мих., 24) *Карамышевъ* Ник. Ив., 25) *Кикина* Мар. Алек., 26) *Козловская* Екат. Ник., 27) *Конюховъ* Вас. Еліазар., 28) *Косолапкииъ* Григ. Ал., 29) *Крылова,* 30) *Кузнецова* Елиз. Павл., 31) *Кузнецовъ* Мих. Назар., 32) *Ломоносова* Елиз. Ник., 33) *Минаевъ* Вас. Конст., 34) *Михайловъ* Степ. Ероф., 35) *Мосоловъ* Θεод., Алекс., 36) *Назаровъ* Никита Вас., 37) *Налетова* Евген. Ник., 38) *Налетова* Мар. Ник., 39) *Н-ая,* 40) *Неизвѣстный,* 41) *Никитовскій* Карлъ Адольф., 42) *Новиковъ* Григ. Ник., 43) *Обръзковъ* Алекс. Петр., 44) *Остроградскій* Серг. Алекс., 45) *Перина* Елиз. Ильин., 46) *Р-ая,* 47) *Р. А. Θ.,* 48) *Родионовъ* Петръ Фил., 49) *Савельевъ*

Ег. Павл., 50) *С—ва* К. Д., 51) *Синюшинъ* Григ. Семен., 52) *Синюшинъ* Вас. Григ., 53) *Скорняковъ* Ник. Яковл., 54) *Словущевъ* Ив. Марк., 55) *Соколовъ* Алекс. Ив., 56) *Спиридоновъ* Серг. Влад., 57) *Ушаковъ* Мих. Захар., 58) *Финиковъ* Дим. Сем., 59) *Шаровъ* Пав. Ив., 60) *Щербакова* Анна Никит.

З А П И С К Ъ

О СОСТОЯНІИ САРАТОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА ВЪ 1873 И 74 УЧЕБНЫХЪ ГОДАХЪ, ЧИТАННАЯ И. Д. ИНСПЕКТОРА ВО ВРЕМЯ АКТА, ПО ПО ВОДУ 2-ГО ВЫПУСКА ВОСПИТАНИЦЪ УЧИЛИЩА.

Настоящій выпускъ воспитанницъ есть второй со времени учрежденія училища. Въ настоящей запискѣ моей я желаю дать краткій отчетъ о состояніи училища за послѣдніе два года и о всѣхъ произшедшихъ въ немъ за это время переменъ, касающихся внутренняго, учебно-административнаго его строя, и его экономическаго быта.

За отчетный періодъ времени училищный совѣтъ при воспитаніи и обученіи воспитанницъ преслѣдовалъ ту главную и существенную цѣль, чтобы развивая умъ воспитанницъ посредствомъ сообщенія имъ научныхъ свѣдѣній и пріученія ихъ въ самостоятельной умственной работѣ, возвысить и облагородить ихъ характеръ, развить и воспитать въ нихъ чувство любви ко всему прекрасному. Изъ всѣхъ степеней общественной дѣятельности, доступныхъ для современной намъ женщины, семья есть по преимуществу родственная для нея сфера. Какъ ни скромнѣе, какъ ни малѣе, повидимому, этотъ кругъ, но вліяніе умной, образованной и строго нравственной женщины не отразимо распространяется изъ этого скромнаго круга на весь общественный строй человѣческаго общества. „Женщина, по выраженію одного историка, даетъ извѣстный ходъ и тонъ нашей исторической жизни, начиная съ дѣтской и кончая гостинной, школой, кабинетомъ мужа, брата и сына, направляетъ и мужа, и брата, и сына то добрымъ совѣтомъ, то любовью, то лаской, то слезами по тому направленію, которое женщина скорѣе чѣмъ мужчина избираетъ, въ силу чуткости своего сердца и своей впечатлительности и руководитъ мужчиной въ добромъ, или обратномъ этому направленіи“. Потому главная задача воспитанія женщины и должна состоять въ томъ, чтобы изъ нея самой сдѣлать рассадникъ всѣхъ высшихъ и благородныхъ идей и стремленій. Но гдѣ же найти образецъ и идеалъ всего высокаго и прекраснаго, въ высшемъ значеніи этого слова? Этотъ образецъ и идеалъ въ Евангеліи и въ христіанствѣ. Изъ этого основанія и

нужно выходить, чтобы правильно поставить воспитаніе женщины. Къ этому именно и была направлена главнымъ образомъ дѣятельность училищнаго совѣта при веденіи воспитательнаго дѣла за отчетный періодъ времени.

Преждь окончаніемъ курса воспитанницъ 1 выпуска и. д. инспектора училища былъ возбужденъ вопросъ о введеніи въ училищѣ обученія музыкѣ. Въ представленной училищ. совѣту запискѣ о. инспекторъ указывалъ на тѣ данныя, что музыка сама по себѣ составляетъ не только одно изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ, возвышающихъ и облагораживающихъ характеръ человѣка и возбуждающихъ въ немъ стремленіе и вкусъ къ высшимъ духовно-нравственнымъ наслажденіямъ, но можетъ имѣть въ послѣдующей жизни воспитанницъ полезное практическое приложеніе. Изъ всѣхъ болѣе доступныхъ для женщины въ настоящее время благороднѣйшихъ профессій обученіе музыкѣ есть самое удобное и болѣе распространенное. Я не могу сказать, чтобы эти часто очень нелегкіе труды всегда давали возможность обезпеченнаго существованія; но они на столько важны, что не дадутъ умереть съ голоду. Имѣя въ виду то страшное положеніе, въ какомъ весьма часто остаются сироты—дѣти духовныхъ лицъ, и предполагая, что нѣкоторыя изъ таковыхъ найдутъ для себя исходъ въ жизни путемъ изученія и обученія музыкѣ, совѣтъ училища призналъ полезнымъ ввести при училищѣ обученіе музыкѣ, поставляя его въ число обязательныхъ предметовъ обученія.

До начала истекшаго учебнаго года училище состояло изъ трехъ классовъ, съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Опытъ предшествовавшихъ лѣтъ показалъ, что система двухгодичныхъ курсовъ, вредная въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, можетъ быть чрезвычайно тяжелою для воспитанницъ. Система эта вела къ тому, что воспитанницъ нужно было переводить изъ класса въ классъ, несмотря на неудовлетворительные успѣхи нѣкоторыхъ изъ нихъ, что, конечно, вредно вліяло на учебное дѣло. Въ противномъ случаѣ, послѣднихъ нужно было оставлять въ томъ же классѣ на четыре года. Понятно само собою, что эта мѣра должна быть слишкомъ тяжелою какъ для воспитанницъ, такъ и для родителей. Указывая на эти неудобства, и. д. инспектора вошелъ съ представленіемъ въ училищ. совѣтъ объ измѣненіи двухгодичнаго курса на одногодичный и о преобразованіи училища изъ трехкласснаго въ шестиклассное. Имъ же были предложены на обсужденіе совѣта двѣ возможныя системы преобразования: или одновременное преобразование, которое должно быть произведено посредствомъ раздѣла каждаго класса на два, или же постепенное введеніе этого преобразования. Въ виду важности этого вопроса, онъ былъ предложенъ на обсужденіе общаго епархіальнаго съѣзда духовенства, и, къ чести послѣдняго, нужно

сказать, что оно весьма серьезно и сочувственно отнеслось какъ къ этому вопросу, такъ и къ вопросу о введеніи музыки. По вопросу о преобразованіи училища епархіальное духовенство, признавши необходимость оного, рѣшилось принять систему постепеннаго преобразованія, и съ послѣдняго отчетнаго года училище уже состояло изъ 4-хъ классовъ. Вопросъ о введеніи музыки рѣшенъ духовенствомъ не только въ положительномъ смыслѣ, но и въ назначенъ пѣть своихъ средствъ каждаго года 200 р. на предметъ обученія музыкѣ казенныхъ воспитанницъ, которыя изъ нихъ окажутся способными къ тому.

Многіе изъ родителей выражали училищному совѣту желаніе свое, чтобы при училищѣ было введено преподаваніе французскаго языка. Уважая это желаніе, совѣтъ училища призналъ возможнымъ ввести въ видѣ опыта обученіе оному. Но въ настоящемъ учебномъ году обученіе оному ограничено пока двумя недѣльными уроками, что, конечно, недостаточно для серьезной постановки дѣла.

Предъ окончаніемъ курса воспитанницъ 1-го выпуска имѣлось въ виду вакантное мѣсто воспитательницы при училищѣ. Совѣтъ призналъ полезную мѣру, чтобы мѣста воспитательницъ при училищѣ, по возможности, предоставлялъ воспитанницамъ, окончившимъ курсъ въ нашемъ же училищѣ, и преимущественно сиротамъ, если изъ нихъ окажутся желающія и къ тому способныя. При этомъ однимъ изъ членовъ совѣта былъ возбужденъ вопросъ, что на случай выбытія, или болѣзни воспитательницы, необходимо имѣть одну кандидатку, въ качествѣ пенинъерки, съ половиннымъ окладомъ жалованья. Занимая должность помощницы, кандидатка имѣетъ возможность и время приобрѣсти необходимый навыкъ къ педагогическимъ занятіямъ. Мѣра эта признана возможною и полезною и была принята училищнымъ совѣтомъ. Въ разсматриваемый нами періодъ времени двѣ окончившія курсъ сего училища воспитанницы поступили на должность воспитательницъ и занимаютъ ихъ доселѣ, а третья изъ бывшихъ же воспитанницъ занимаетъ мѣсто помощницы.

Епархіальныя женскія училища, открываемыя съ предварительнаго разрѣшенія св. Синода и организованныя въ учебномъ и экономическомъ отношеніяхъ, согласно Высочайше утвержденнымъ въ 14 день ноября 1868 г. уставу и штату, пользуются важнымъ преимуществомъ. По § устава, окончившія курсъ воспитанницы таковыхъ училищъ имѣютъ право на званіе домашнихъ учительницъ, безъ экзамена въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онѣ оказали удовлетворительные успѣхи. Указомъ св. Синода 1873 г., послѣдовавшимъ на имя его преосвященства, сообщено, что училище наше, какъ удовлетворяющее указаннымъ условіямъ, имѣетъ право на такое преимущество, и нѣкоторыя изъ воспитанницъ 1-го выпуска воспользовались и продолжаютъ пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ.

За отчетное время произошли слѣд. перемѣны въ личномъ составѣ училища: оставилъ службу при училищѣ одинъ изъ членовъ совѣта. Такъ какъ члены училищнаго совѣта, по уставу, избираются епархіальнымъ духовенствомъ, то впредь до епархіальнаго сѣзда, по распоряженію его преосвященства, на эту должность назначенъ одинъ изъ городскихъ священниковъ.

По семейнымъ обстоятельствамъ оставили должность двѣ воспитательницы, замѣщенные окончившими курсъ сего училища воспитанницами, а также выбылъ учитель пѣнія и чистонисанія, получившій другое назначеніе.

Составъ воспитанницъ въ эти два года былъ слѣдующій.

Въ 1873 учебномъ году состояло въ училищѣ 99 воспитанницъ. Изъ нихъ: на казенномъ содержаніи 25, приходящихъ 14 и 60 пансіонерокъ; среди года одна изъ воспитанницъ 1 класса выбыла изъ заведенія; въ 1874 г. въ училищѣ состояло 149 воспитанницъ. Изъ нихъ: на казенномъ содержаніи 30 и 1 стипендіатка преосвященнаго Іоаннікія, еп. нижегородскаго, пожертвовавшаго въ училищный совѣтъ банковый билетъ въ 800 р., въ память своего служенія на саратовской кафедрѣ, съ тѣмъ, чтобы на % съ него содержалась при училищѣ одна изъ воспитанницъ — сиротъ, по назначенію совѣта; приходящихъ 19 и пансіонерокъ 99.

Въ теченіе года по разнымъ обстоятельствамъ выбыло изъ училища 10 воспитанницъ; изъ нихъ: двѣ умерли въ заведеніи отъ скарлатина.

Со времени открытія училища, съ каждымъ годомъ въ средѣ епархіальнаго духовенства сталъ усиливаться запросъ на женское образованіе, и уже въ 1872 г. оказалось, что училищное зданіе, могущее помѣстить не больше 50 пансіонерокъ, кромѣ классныхъ комнатъ, не можетъ удовлетворить всѣхъ желающихъ. Явилась необходимость въ распространеніи училищнаго зданія и въ томъ же году была сдѣлана значительная къ нему пристройка. Но и пристройка не удовлетворила запроса. Въ слѣд. же 1873 г. было приступлено къ совершенной перестройкѣ всего училищнаго зданія, съ накладкою надъ нимъ 3-го этажа. Большая постройка потребовала и большихъ денежныхъ средствъ, и она была бы не мыслима для духовенства, если бы оно не имѣло особаго источника доходовъ, *церковно-свѣчнаго завода*. Собственно надстройка этажа надъ всѣмъ училищнымъ зданіемъ была сдана по контракту за 16000 р. Но за тѣмъ устройствомъ духовой печи въ училищномъ зданіи, плата архитектору за составленіе плана, смѣты и наблюденіе за работами, помѣщеніе больницы въ отдѣльномъ флигелѣ, повлекшее за собою перестройку и приспособленіе другаго нежилаго флигеля, стоило до 4000 руб. Всѣ эти весьма крупные расходы сдѣланы на счетъ доходовъ церковно-свѣчнаго комитета.

При этомъ нельзя не отнестись съ глубокою благодарностію къ почтенному старостѣ училищ. церкви, саратовскому купцу В. А. Смирнову. Капитальная перестройка всего училищ. зданія потребовала устройства новой церкви при училищѣ. Расходы по ея устройству В. А. призналъ на свой счетъ, и, благодаря его достойному полному уваженію усердію, училище имѣетъ прекрасный и цѣнный храмъ.

Слишкомъ бѣдственно и тяжело положеніе дѣтей духовенства остающихся въ сиротствѣ. При выходѣ изъ заведенія, гдѣ онѣ были всѣмъ обеспечены, большинство таковыхъ сиротъ—воспитанницъ могутъ оказаться въ самомъ крайнемъ положеніи, не имѣя самой простой и необходимой экипировки. При первомъ выпускѣ воспитанницъ училищ. совѣтъ обратилъ вниманіе епархіальнаго духовенства на это обстоятельство. Духовенство, собственнымъ опытомъ зная всю горечь такого положенія, съ благороднымъ сочувствіемъ отнеслось къ ходатайству совѣта, назначивъ 400 р. въ пособіе окончившимъ тогда курсъ 4 воспитанницамъ—сиротамъ, по 100 руб. каждой. Но при этомъ особенно важно то, что тогда же было выражено желаніе образовать постоянный фондъ въ пособіе сиротамъ. Въ теченіе отчетнаго времени училищ. совѣтъ успѣлъ отчислить изъ училищ. суммъ 234 р. на сей предметъ, вложивъ ихъ за 6 и за 7%, и признавши ихъ неприкосновеннымъ капиталомъ. Правда, что нужно слишкомъ много времени для того, чтобы этимъ путемъ составить сколько нибудь достаточный для пособія сиротамъ капиталъ. Но благо уже и то, что положено этому начало.

Какіе источники для содержанія училища?

Это а) взносъ за право обученія и содержанія воспитанницъ. Съ полной пансіонерки, пользующейся отъ училища содержаніемъ, бѣльемъ, обувью и одеждою платится 60 р. въ годъ, если она дочь духовныхъ родителей, и 120 р., если она свѣтская; б) попечительство о бѣдныхъ д. званія платитъ по 40 р. въ г. за полное содержаніе сироты, каковыхъ вакансій по штату положеніе 30; в) % съ принадлежащаго училищу капитала, около 240 р. въ г.; д) пожертвованія епархіальнаго духовенства въ различныхъ формахъ и наименованіяхъ; какъ-то: личныя пожертвованія духовенства, производимыя имъ или посредствомъ отчисления извѣстнаго % съ получаемого имъ скромнаго жалованья, или столь же скромнаго дохода, или посредствомъ сбора по имѣющимся въ церквахъ книжкамъ, или посредствомъ пригласительныхъ листовъ. Этотъ родъ пожертвованій духовенства составлялъ: въ 1873 учебномъ году 1732 р. 33 к., а въ 1874 г. 1485 р. 98 коп. Такимъ образомъ всѣ эти указанные источники доставили дохода: въ 1873 г. 5691 р. 63 к., а въ 1874 г. 7505 р. 64 к. На сколько состоятельны подобныя источники дохода, показываетъ сумма училищныхъ расходовъ за то же время.

На содержаніе личнаго училищнаго состава израсходовано: въ 1873 г. 3583 р. 35 к., въ 74 г. 3905 р. 8 к.; училищной прислугѣ — въ 73 г. 380 р. въ 74 г. 539 р.; на содержаніе воспитанницъ пищею, одеждою и обувью въ 1873 г. 4272 р., въ 74 г. 6465 р.; другихъ расходовъ по содержанію заведенія, какъ-то: на освѣщеніе и отопленіе, ремонтъ зданій, содержаніе больницы и библіотеки и проч. было въ 1873 г. 3434 р., а въ 74 г. 4153 р.

Такимъ образомъ, кромѣ показанныхъ источниковъ, далеко не могущихъ удовлетворить потребностямъ заведенія, необходимъ другой болѣе самостоятельный и надежный. Такой источникъ — *есть церковно-свѣчной епархіальный заводъ*. Изъ суммъ церковно-свѣчнаго завода на содержаніе училища въ дополненіе къ указаннымъ средствамъ поступило: въ 1873 г. 7610 р., а въ 74 г. 7891 руб. Безъ этого источника существованіе училища, при скудости средствъ еп. духовенства, не возможно и не мыслимо.

Принимая во вниманіе то, что училище обязано своимъ существованіемъ почти исключительно средствамъ церковно-свѣчнаго завода, нельзя не вспомнить съ глубокою благодарностію бывшаго преосвященнаго Іоаннікія, нынѣ епископа нижегородскаго, воззвawsаго къ жизни церковно-свѣчной заводъ, нельзя не отнестись съ глубокою благодарностію и къ преосвященнѣйшему Тихону, епископу саратовскому, своимъ вниманіемъ и сочувствіемъ покровительствующему сему весьма полезному учрежденію; нельзя не отнестись съ искреннею благодарностію и ко всему духовенству епархіи, сочувственно и дѣятельно относящемуся къ нуждамъ заведенія, имѣющаго своею задачею — образованіе его дочерей.

Результаты произведенныхъ училищныхъ училищнымъ совѣтомъ съ 9 по 22 сего іюня годичныхъ испытаній оказались слѣдующіе: изъ 31 воспитанницъ IV класса 21 переведены въ V кл., 7 оставлены въ томъ же кл. по малоуспѣшности, двѣ воспитанницы, за болѣзнію не сдававшія экзамена, будутъ допущены къ нему послѣ канбулярнаго времени, и одной воспитанницѣ назначена переэкзаменовка. Изъ 44 воспитанницъ II класса четыре оставлены въ томъ же кл. и одной назначена переэкзаменовка, а 39 переведены въ III кл. Изъ 40 воспитанницъ I кл. три оставлены въ томъ же кл., двѣ воспитанницы вслѣдствіе болѣзни будутъ допущены къ отдѣльному испытанію послѣ канбуль, одна за болѣзнію и по желанію отда уволена изъ заведенія. Воспитанницы VI кл., какъ окончившія полный курсъ училища, въ количествѣ 25, увольняются изъ заведенія съ аттестатомъ, дающимъ имъ на основаніи Высочайше утвержденнаго устава право на званіе домашнихъ учительницъ.

Открытый въ настоящемъ году при училищѣ епархіальный дѣтскій пріютъ, гдѣ въ настоящее время уже имѣется 32 человѣка дѣтей обоаго пола и различныхъ возрастовъ, начиная съ 5-ти-лѣтняго, и оканчивая десятилѣтнимъ, воспитанницамъ VI кл. давалъ возможность на практикѣ приложить свои педагогическія способности, и приобрести хотя нѣкоторый къ нимъ навыкъ, если бы которая изъ нихъ рѣшилась посвятить себя педагогической дѣятельности. И по уставу пріюта, и на основаніи постановленія училищнаго совѣта, воспитанницы старшаго класса ежедневно, раздѣлившись на двѣ очереди, участвовали въ обученіи дѣтей, подъ надзоромъ и руководствомъ преподавателя педагогін. Воспитанницы и воспитанники пріюта, по мѣрѣ возраста и развитія, раздѣлены на нѣсколько группъ, и съ каждой группой одна изъ воспитанницъ, по заведенной между ними очереди, давала урокъ, а прочія наблюдали за ходомъ урока. Преподаватель педагогін, присутствующій при урокѣ, дѣлалъ необходимыя указанія и разъясненія, когда таковыя требовались. Такимъ образомъ воспитанницы старшаго класса были и будутъ весьма полезны для пріюта, постепенно подготавливая дѣтей къ поступленію въ мужскія духовныя училища и въ епархіал. женское, а пріютъ будетъ въ свою очередь полезенъ для воспитанницъ, давая имъ практику и возможность прилагать къ дѣлу свое образованіе.

И. д. инспектора священникъ П. Советовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

25-лѣтняя годовщина современнаго возстановленія въ Англіи римско-католической іерархіи. Лондонскіе католики отпраздновали 25-лѣтнюю годовщину изданія папской буллы 1850 г. о возстановленіи римско-католической іерархіи въ Англіи торжественнымъ богослуженіемъ въ Кенсингтонской кафедральной церкви. Послѣ службы, совершенной епископомъ Дамеллемъ, кардиналь-архіепископъ Маннингъ произнесъ проповѣдь, въ которой, между прочимъ, указалъ на то, что съ возстановленіемъ римско-католической іерархіи, въ британскомъ королевствѣ, удвоилось число школъ, семинарій, конгрегацій и различныхъ другихъ учреждений, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія римско-католической церкви. По словамъ кардинала папская булла 1850 г. сообщила релігіознымъ сплтамъ страны такой мощный толчокъ,

что въ теченіе четверти столѣтія было совершено то, на что въ былое время не хватило бы дѣлаго столѣтія. Въ мрачныхъ краскахъ изобразилъ прелать результаты церковнаго законодательства короля Генриха VIII, „благодаря которому Англія была оторвана отъ прочаго христіанскаго міра“. Если, замѣтилъ онъ, Англія снова расторгнетъ свою связь съ католицизмомъ, то, въ такомъ случаѣ, рационализмъ ереси подавитъ собою остатки христіанскихъ вѣрованій. „Но кардиналъ Маннингъ надѣется, однако, что до этого разрыва дѣло не дойдетъ, такъ какъ до сихъ поръ еще истина и вѣра не утратили всей своей силы и свѣтъ религіи достаточно ярко возсіялъ во дни мрака невѣрія, чтобы предотвратить подобную катастрофу въ будущемъ. Англичане сознаютъ, что католическая церковь не имѣетъ ничего общаго съ политикою и съ интересами свѣтской власти; церковь не обращаетъ собою какое-либо отдѣльное сословіе, а крѣпко зиждется на широкихъ основахъ вмѣстѣ съ англійскимъ народомъ, не домогалась никакихъ привилегій“.

Рѣчь папы къ французскимъ паломникамъ. Въ началѣ сентября однимъ изъ важныхъ событій церковной жизни въ католическомъ мірѣ была рѣчь папы, произнесенная имъ французскимъ паломникамъ изъ лавальской епархіи, поднесшимъ ему серебряную статую Мадонны и 80,000 франковъ деньгами. Въ началѣ своей рѣчи папа, по обыкновенію, сравниваетъ гоненія, постигшія его и церковь съ гоненіями первыхъ христіанъ. Потомъ онъ указываетъ на то, что невѣрующимъ и вольнодумцамъ, какъ нельзя лучше, удалось сблизиться съ правительствами. Отличительнымъ качествомъ всѣхъ политическихъ и религіозныхъ „новыхъ людей“ папа выставляетъ ихъ „жажду денегъ“. Затѣмъ, папа рисуется картину современнаго состоянія итальянскаго королевства; нельзя сказать, чтобы изображеніе это было особенно лестно, но въ то же время оно и не ново, такъ какъ папа говорилъ то же самое ужъ не одинъ разъ. „Эта грустная картина, продолжалъ папа, которую я набросалъ въ общихъ чертахъ, помрачается все болѣе и болѣе, если обратить вниманіе на одиночество, въ которомъ обрѣтается церковь Христова; никто не утѣшаетъ ее, напротивъ на нее нападаютъ сильные враги. Окиньте взглядомъ различныя страны земнаго шара и посмотрите, противъ какихъ нападений приходится защищаться церкви. На сѣверѣ есть могущественная имперія, которая вопреки истинѣ, называетъ себя „православною“. Съ постоянствомъ и рѣшительностію, какъ несчастію, заботится она уже въ теченіе многихъ лѣтъ о гибели католицизма въ ея владѣніяхъ. Другая имперія, возникшая лишь недавно, которая открыто называетъ себя „протестантскою“, стремится къ тому, чтобы уничтожить католическую религію и

только въ своихъ предѣлахъ, но и на всемъ земномъ шарѣ; для достиженія этой цѣли она пускаетъ въ ходъ всѣ средства преимущественно самыя грубыя, насильственныя и несправедливыя, и все для того, чтобы добиться желанной погибели. Въ республикѣ, называющейся республикою кантоновъ, встрѣчаются также иногда правительства, которыя не гнушаются подражать нѣмецкому, относительно преслѣдованій. Когда, съ грустію и горечью на сердцѣ, мы обращаемъ взглядъ на противоположный берегъ океана, чтобы хоть тамъ отдохнуть, то что же мы видимъ? Новый поводъ къ грусти и къ слезамъ. Мы видимъ что тамъ, гдѣ Испанія и Португалія водрузили Крестъ Христовъ, епископы и духовенство томятся въ заточеніи, будучи жертвами масонскаго гнѣва, вездѣ исключющаго католическое вліаніе“. Далѣе папа утверждаетъ, что президентъ экуадорской республики, отличившійся непоколебимою вѣрностію, умерщвленъ на дняхъ дерзкими еретиками за преданность его католической церкви. „Даже мусульманнѣ, продолжаютъ папа, который въ послѣдніе годы придалъ себѣ оттънокъ терпимости, откидываетъ ее въ сторону и сдѣлался защитникомъ новыхъ схизматиковъ, возобновляя тѣмъ самымъ проявленія своей давней злобы противъ христіанства“. Какъ на лучъ свѣта во тьмѣ смотритъ папа на то, что дѣлается во Франціи: „Богъ, говоритъ онъ по этому поводу, благословилъ во Франціи первыя стремленія къ единству на столько, что изъ нихъ выработалась свобода обученія; да утвердить это торжество союзъ вѣры, связующій превосходную католическую націю со св. престоломъ“. Въ заключеніе папа указываетъ какъ на примѣръ, заслуживающій подражанія, на О'Коннеля, память котораго праздновалась въ прошломъ мѣсяцѣ въ Ирландіи: „Онъ никогда не упускалъ случая поддерживать въ народѣ духъ протеста и его неутомимость увѣнчалась желанною побѣдою, которая почти освободила его отечество. Вслѣдствіе ходатайства верховныхъ пастырей, вслѣдствіе великодушнаго постоянства и, въ особенности, вслѣдствіе молитвъ и заступничества безпорочной Дѣвы и святыхъ—Богъ возстанетъ отъ сна и услышитъ наши просьбы“.

Рѣчь пали въ засѣданіи консисторіи.—Учрежденіе въ Ватиканѣ центрального отдѣленія для противодѣйствія старо католикамъ. Въ недавнемъ засѣданіи консисторіи папою по обыкновенію была произнесена рѣчь, съ содержаниемъ которой впрочемъ большинство газетъ не сочи нужнымъ знакомить публику по причинѣ ея исключительно религіознаго характера, не выходящаго изъ области церковной политики. Пій IX, по обыкновенію, повторилъ въ ней все то, что уже было имъ неоднократно говорено по поводу современнаго положенія католической церкви, ея

страданій и надеждъ на благость Провидѣнія. Папа объявлялъ, что церковь и ея опоры—кардиналы переживаютъ нынѣ тяжкую годину звѣрскихъ гоненій, но онъ не сомнѣвается, что кардиналы римской церкви сумѣютъ выполнить свой долгъ и въ случаѣ нужды не поколеблѣтся „пролить свою кровь для защиты утѣаемой церкви“. Въ этомъ отношеніи опоры римской церкви должны дѣйствовать неуклонно и воодушевиться примѣромъ одного изъ своихъ соотаварщай, который, не взирая на преслѣдованія могущественнаго правительства, на угрозы министровъ и на ярость враговъ католицизма, въ тюремномъ заточеніи отстаивалъ побѣдоносно неотъемлемыя права церкви. Во время этой рѣчи кардиналу Античи Маттеи сдѣлалось дурно и его вывели изъ зала засѣданія.

Папа не ограничивается, однако, одними голословными сокрушеніями о бѣдствіяхъ церкви и, какъ видно, готовится дѣйствовать энергически противъ вредныхъ идей и вліаній, извращающихъ, по его словамъ, чистоту католическаго ученія. Такъ изъ Рима телеграфируютъ вѣнскимъ газетамъ, что въ Ватиканѣ будетъ учреждено особое центральное отдѣленіе для противодѣйствія старокатолическому движенію. Отдѣленіе это будетъ имѣть свои развѣтвленія въ различныхъ странахъ. Католическія ассоціаціи въ Европѣ будутъ поставлены въ непосредственную зависимость отъ епархіальныхъ епископовъ и черезъ нихъ будутъ находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Римомъ. Подобная же организація будетъ введена и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ кардиналъ—архіепископъ Макъ-Клоскей будетъ единственнымъ посредникомъ между католическими союзами и ватиканскимъ дворомъ. Послѣдній надѣется при помощи этой системы тѣснѣе обобщить интересы католицизма и придать болѣе единства его противодѣйствію современнымъ идеямъ и вліаніямъ.

Католическій конгрессъ во Флоренціи. 22 сентября во Флоренціи происходило открытіе католическаго конгресса. Архіепископъ флорентійскій привѣтствовалъ конгрессъ и передалъ ему папское благословеніе. По произнесеніи другихъ рѣчей прочитанъ былъ папскій бреве, рекомендующій членами конгресса твердо соблюдать принципы и не склоняться къ идеямъ примиренія, которыя суть ни что иное, какъ ловушки со стороны либеральнаго католицизма. По словамъ Osservatore Romano конгрессъ раздѣленъ на пять отдѣловъ: 1) о религиозныхъ дѣлахъ и ассоціаціяхъ; 2) о благотворительности; 3) о преподаваніи и воспитаніи; 4) о печати; 5) о христіанскомъ искусствѣ. Въ засѣданіи 28 сентября католическій конгрессъ получилъ нѣсколько депешъ отъ католическихъ ассоціацій, совѣтующихъ членамъ конгресса учредить „Лигу О'Коннеля“ (о высшемъ преподаваніи). Выраженія со-

чувствія занятіямъ конгресса прислали изъ Лондона, Парижа, многихъ городовъ Германіи. Письма Луи Вельо и герцога Норфолка, прочитанныя на конгрессѣ, вызвали восторженные рукоплесканія. Въ засѣданіи 24 сентября конгрессъ получилъ телеграмму отъ папы, благословляющую его занятія. Приветственная депеша монсеньора Мермильода была принята съ восторгомъ. Отправлены: телеграмма къ монсеньору Ледоховскому и адресъ къ папѣ. Конгрессъ пригласилъ католиковъ принять участіе въ административныхъ выборахъ и протестовалъ противъ конверсіи фондовъ, принадлежащихъ благотворительнымъ заведеніямъ. Въ засѣданіи 25 сентября конгрессъ принялъ нѣсколько предложеній касательно конскрипціи и религіознаго преподаванія солдатамъ, утвердилъ петицію къ парламенту объ изданіи закона противъ богохульства, наконецъ утвердилъ проектъ постройки итальянской часовни въ Паралемоніалѣ въ честь Святаго Сердца. Въ томъ же засѣданіи пронашенены были рѣчи объ организаціи будущихъ народныхъ ассоціацій и о ередетвахъ возстановить традиціонное религіозное и нравственное вліаніе церкви на низшіе классы итальянскаго населенія. Въ засѣданіи этомъ присутствовалъ предводитель пилигримовъ лавальской епархіи. 26 сентября происходило закрытіе католическаго конгресса. Прочитаны были многочисленныя депеши съ выраженіемъ сочувствія конгрессу, въ томъ числѣ отъ центральной фракціи германскаго рейхстага, а также и петиція, требующая свободы преподаванія. Конгрессъ разсматривалъ вопросъ о религіозныхъ орденахъ и выразилъ похвалу Обществу Исуса. Монсеньоръ Нарди представилъ отчетъ о своемъ путешествіи въ Англію и Ирландію и заявилъ, что Ирландія приведетъ къ успѣшному окончанію дѣла начатое О'Коннелемъ. „Католическія школы въ Англіи, присовокупили ораторъ, гораздо свободнѣе чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Бельгіи религія пользуется свободою, между тѣмъ какъ въ Германіи она терпитъ гоненія. Во Франціи все стремится къ религіозной и соціальной реставраціи“. Затѣмъ произнесъ рѣчь каноникъ Соре, участвовавшій въ пилигримствѣ лавальской епархіи. Архіепископъ флорентинскій благодарилъ городъ за его гостепримство; онъ сказалъ, что дѣлъ конгресса бороться съ заблужденіями, а не съ заблуждающимися лицами. Послѣ этой рѣчи сессія конгресса была объявлена закрытою.

Циркуляръ папскаго нунція въ Мадридѣ. Недавно вниманіе европейской публики было сильно возбуждено циркуляромъ, адресованнымъ папскимъ нунціемъ монсеньоромъ Симеони во приказанію кардинала Автонелли къ испанскимъ епископамъ, съ изложеніемъ видовъ папскаго престола на религіозное законодательство Испаніи. Поводомъ въ этому циркуляру, встревожившему и новое испан-

ское министерство, была слѣдующая редакція двухъ параграфовъ 11-й статьи проекта конституціи: „ни одно лице не будетъ тревожимо на испанской территоріи за его религіозныя мнѣнія или за отправленіе его богослуженія, если соблюдается уваженіе, подобающее христіанской нравственности. Во всякомъ случаѣ не допускаются никакія публичныя церемоніи или манифестаціи, кромѣ тѣхъ, кои относятся къ религіи государственной“. Циркуляръ объявляетъ, что „содержаніе и форма этихъ параграфовъ не могутъ не послужить справедливымъ поводомъ къ беспокойству и даже къ жалобамъ со стороны папскаго престола, разсматривать ли ихъ по отношенію къ конкордату 1861 года, нивѣщаго силу закона во владѣніяхъ его католическаго величества, или же принимая въ соображеніе гибельныя послѣдствія, которыя обнародованіе таковаго закона можетъ имѣть для испанской націи, обладающей съ незапамятныхъ временъ драгоцѣннымъ сокровищемъ католическаго единства“. По словамъ циркуляра, ни правительство, ни кортесы, никакая иная гражданская власть королевства не имѣютъ права искажать, ослаблять или измѣнять никакую статью конкордата безъ согласія папскаго престола. А папскій престолъ наче всего имѣетъ въ виду соблюденіе во всей непримосовенности 1-й статьи конкордата, гласящей такъ: „Религія католическая, апостольская, римская, которая, съ устраненіемъ всякаго другаго исповѣданія, продолжаетъ быть единственною религіею испанской націи, будетъ сокращена всегда во владѣніяхъ его католическаго величества со всѣми правами и прерогативами, коими она должна пользоваться на основаніи закона Божія и распорядженій священныхъ каноновъ“. Затѣмъ циркуляръ подробно излагаетъ различіе между этою статьею конкордата и двумя вышеприведенными параграфами проекта конституціи. Онъ заявляетъ, что статья 2-я и 3-я конкордата ввѣрили религіозное преподаваніе только однимъ католическимъ прелатамъ, между тѣмъ какъ проектъ новой конституціи, постановляя, что „ни одно лицо не будетъ тревожимо на испанской территоріи за его религіозныя мнѣнія, или за отправленіе его богослуженія, если соблюдается уваженіе подобающее христіанской нравственности“, приводитъ къ тому результату, что даже публичное или частное преподаваніе анти-католическихъ доктринъ останется въ вліяніи закона и что ему не могутъ воспрепятствовать ни гражданская, ни церковная власть; другими словами, что имъ возложено только допускается и разрѣшается то, что, по словамъ циркуляра, есть явное нарушеніе 2-й статьи конкордата. Циркуляръ монсеньора Симеони заключается слѣдующимъ грознымъ воззваніемъ: „Изъ вышеизложенныхъ соображеній не трудно предугадать нагубныя послѣдствія, къ которымъ поведетъ 11-я статья новой конституціи въ случаѣ,

если она будетъ принята кортесами, такъ какъ дѣло идетъ о введеніи кагубнаго принципа въ среду націи, отвергающей свободу или терпимость исповѣданій и громко требующей восстановленія въ Испаніи того религіознаго единства, которое, если позволено такъ выразиться, воплотивсь въ ея исторіи, въ ея правахъ и въ ея славныхъ преданіяхъ. И да припомнить, что неблагодарность прежнихъ правительствъ относительно религіознаго единства была одною изъ причинъ междоусобной войны, которая продолжается и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ королевства. По всѣмъ этимъ причинамъ и въ виду прискорбныхъ послѣдствій, о которыхъ говорится выше, лиссабонскій престоль счелъ своимъ настоятельнымъ долгомъ обратить вниманіе испанскаго правительства на сіи краткія соображенія, приглашая его не допускать въ конституцію означенной 11-й статьи проекта, такъ какъ допущеніе его можетъ разстроить столь желанную гармонию между наисскимъ престоломъ и испанскимъ правительствомъ“.

— Мадридская газета *Politica* налагаетъ исторію означеннаго документа слѣдующимъ образомъ „Нота эта была редижирована самимъ кардиналомъ Антонелли и вручена имъ г. Бенавидесу, испанскому послу при папскомъ престолѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ была отправлена копія съ нея монсиньору Симеони съ предписаніемъ сообщить ее епископамъ. Если правительство не получило ея, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что или г. Бенавидесъ сохранилъ ее у себя, чему повѣрить трудно, или же что сообщенія между кардиналомъ Антонелли и нунціемъ въ Мадридѣ быстрое и вѣрное, чѣмъ сообщенія между представителемъ Испаніи при ватиканскомъ дворѣ и его правительствомъ. Если г. Бенавидесъ, не приписывая большой важности означенному документу, заблагоразсудилъ обождать отсылкой его до отправленія своей обычной эстафеты, онъ все-таки долженъ былъ сообщить своему правительству по крайней мѣрѣ извѣстіе о немъ по телеграфу. Такимъ образомъ правительство, имѣя телеграфъ въ своемъ распоряженіи, и пользуясь возможностью переговаривать во всякое время съ папскимъ нунціемъ могло въ нѣсколько минутъ удостовѣриться въ подлинности ноты“.

— 25 сентября въ Римѣ получено было свѣдѣніе, что монсиноръ Симеони извѣстилъ папскій престоль, будто бы испанское правительство обѣщало сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы не разстроивать добраго согласія съ Ватиканомъ и будто бы оно рѣшило выждать столько времени, сколько потребуется для тщательнаго изслѣдованія вопроса, возбужденнаго циркуляромъ нунція къ испанскимъ епископамъ. Въ Ватиканѣ ожидали новаго донесенія монсиньора Симеони.

Староватоизмъ въ Португаліи. Лиссабонскій кор-

респондентъ сообщаетъ въ *Journal des Débats* слѣдующее содержаніе рѣчи, произнесенной въ іюлѣ мѣсяцѣ епископомъ города Порта. „Признавая себя поставленнымъ волею Божіею и милостію короля во главѣ своей епархіи для того, чтобы направлять души путемъ вѣры и охранять ихъ противъ забужденій, суевѣрій и ложныхъ ученій, покушающихся исказить истинную Христову религію, епископъ говоритъ, что теперь приходится имѣть дѣло съ такими ученіями, которыя проповѣдуются любочестивыми лицами, усиливаящимися поставить себя на мѣсто Бога и сдѣлать Его рабомъ ихъ намѣреній; вслѣдствіе чего, повинувшись своему званію, онъ объявляетъ догматъ папской непогрѣшимости противорѣчащимъ свободѣ и верховенству церкви, единственнымъ критеріемъ вѣрности ученія которой служитъ вселенское согласіе, а не воля и капризъ одного человѣка, который, какъ бы ни былъ великъ его авторитетъ, роковымъ образомъ подлежитъ закону погрѣшимости, свойственной природѣ человѣческой. Онъ говоритъ, далѣе, что этотъ догматъ служитъ причиною раздѣленія въ церкви и что онъ противорѣчитъ законному праву тѣхъ властей, почитать которыя и повиноваться которымъ Господь повелѣлъ какъ властямъ, которымъ Онъ вручилъ управленіе народами. Епископъ прибавляетъ, что силлабусъ есть покушеніе противъ права народовъ, отрицаніе гражданскаго общества, дѣйствующаго въ полнотѣ своихъ силъ, факель раздора въ рукахъ служителей мира и любви, обнаруженіе гнѣва, самолюбія, заговора противъ прогресса человѣческаго ума, которому принадлежитъ свобода и который не можетъ быть рабомъ другаго человѣка, ибо никто, кого Христосъ называетъ братомъ, не можетъ быть рабомъ. Епископъ говоритъ, что догматъ о Непорочномъ Зачатіи противорѣчитъ ученію объ Искушеніи, что не можетъ быть дозволено создавать новыя божества, или считать кого-либо изъ рожденныхъ или имѣющихъ родиться чистымъ отъ первороднаго грѣха; одинъ Христосъ былъ чистъ отъ этого грѣха, ибо Онъ есть Богъ и второе Лице Св. Троицы. Обманы, продолжаятъ прелать, подобныя чудесамъ въ Лурдѣ и Салеттѣ, и другіе подобнаго рода имѣютъ свою цѣлю не другое что, какъ поработить совѣсть народовъ и подчинить ихъ той власти, которая желаетъ управлять міромъ чрезъ извращеніе существенныхъ принциповъ христіанскаго закона, и чрезъ введеніе суевѣрій, осуждаемыхъ церковію. Торжество возведенія папы есть дѣло политики, ибо оно не было совершаемо до настоящаго времени, есть изобрѣтеніе людей, задавшихся цѣлю сдѣлать изъ религіи родъ оружія, употребляемаго на то, чтобы вдохнуть ненависть въ сердца людей въ другихъ случаяхъ склонныхъ къ добру. Велико то преступленіе, продолжаятъ онъ далѣе, очернять правительство и законы извѣстной страны, говоря что они суть дѣло

ирексноподней, ибо Христосъ заповѣдуетъ почитать учрежденныя власти и повиноваться законамъ воздавая Божіа Богови и кесарева кесареви. Еще большее преступленіе составлять заговоръ противъ законовъ извѣстной страны съ тою цѣлію чтобы вмѣсто ихъ утвердить силабусъ, чудовищное произведеніе разстроеннаго ума, такъ сказать новое изданіе извѣстной *Bulla Casuae Domini*, которая уже была осуждена въ Португаліи и христіанскими князьями. Та вражда, которую большая часть духовенства и католическихъ ассоціацій возбуждаетъ противъ существующаго общественнаго строя несогласна съ духомъ католической церкви; вотъ причина будущихъ и многочисленныхъ искушеній, предстоящихъ для всѣхъ истинныхъ христіанъ, которые увидятъ лодку Петра, угрожаемую бурями, спасти отъ которыхъ можетъ только благоразуміе и истинно евангельскій духъ. Наконецъ, епископъ внушаетъ своимъ священникамъ истребить всѣ рѣчи, которыя не запечатлѣны евангельскимъ духомъ. Онъ умоляетъ озаботиться о томъ, чтобы вѣрными ихъ попеченію души имѣли ясное понятіе о чудесныхъ видахъ и другихъ обманахъ, которыми жалкіе спекулянты пользуются для того, чтобы получать большія выгоды отъ легковѣрной публики; и въ заключеніе всего онъ рекомендуетъ священникамъ (*curés*) охранять чистоту вѣры и содержать въ умѣ то печальное положеніе, въ которое пришла церковь вслѣдствіе невѣроятныхъ заблужденій со стороны называющихъ себя лучшими христіанами на каждомъ шагу вызывающихъ новыя столкновенія и не помышляющихъ о томъ различіи, которое существуетъ между церковію XVI столѣтія и церковію нашихъ дней.

— Почти всѣмъ европейскимъ государствамъ приходилось вести борьбу съ притязаніями римской курии. Теперь очередь дошла и до Греціи. Въ вѣнскую „Политическую Корреспонденцію“ пишутъ изъ Аѳинъ, что едва король возвратился съ Іоническихъ острововъ, какъ ему пришлось заняться разрѣшеніемъ спора, который „хотя и не представляетъ никакой опасности для самой Греціи, но можетъ поставить въ непріятное положеніе правительство“. Далѣе говорится: „Извѣстно, что уже давно Ватиканъ назначилъ въ Аѳины римско-католическаго архіепископа. Это не есть назначеніе *in partibus infidelium*, а дѣйствительное учрежденіе католическаго архіепископства. Между тѣмъ послѣднее является совершенно излишнею роскошью для Аѳинъ, такъ какъ въ столицѣ Греціи находится лишь самое ничтожное число эллинскихъ католиковъ. Въ Сирѣ, на островахъ Наксосѣ, Тиносѣ и Санторинѣ дѣйствительно живетъ много католиковъ, но для попеченія о ихъ духовныхъ интересахъ совершенно достаточно существующихъ тамъ четырехъ епископствъ. Учрежденіе католической митрополіи въ Аѳинахъ, мѣстѣ пребыванія синода государственной православной церкви, вызн-

ваетъ здѣсь сильное неудовольствіе и раздраженіи. Мѣстная печать, обсуждая настоящій вопросъ, рѣзко порицаетъ не только поступокъ римской курии, но даже правительство за его уступчивость въ сношеніяхъ съ Ватиканомъ. Общественное мнѣніе въ Англии и другихъ городахъ Греціи настоятельно требуетъ, чтобы правительство отказало въ официальномъ утвержденіи учреждаемой Ватиканомъ католической митрополіи. Такое требованіе вызвано, повидному, неблагоразумнымъ образомъ дѣйствій самого католическаго духовенства, несмѣннаго торжествовать свою побѣду“.

— „Нѣсколько дней тому назадъ сообщали, говоритъ газета „République Française“, будто она пригласилъ римско-католическое духовенство турецкой имперіи къ *противодѣйствию инсуррекціонной пропанды* противъ оттоманскаго правительства. Мы не знаемъ, насколько основателенъ этотъ слухъ, но тѣмъ не менѣе ясно, что въ отношеніяхъ турецкаго правительства къ христіанамъ, признающимъ надъ собою духовную власть папы, недавно произошелъ неожиданный, доселѣ еще необъясненный, поворотъ. Вѣнская „Presse“, которую невозможно заподозрить въ пристрастномъ отношеніи къ этому факту, замѣчаетъ, что турецкія власти въ возставшихъ провинціяхъ замѣтно благоволятъ къ католикамъ, тогда какъ къ православнымъ они обнаруживаютъ одну лишь жестокость, нерѣдко чрезмерную. Съ другой стороны, сообщаютъ, что Порта, доселѣ особенно благоволившая къ анти-римскимъ армянамъ, надняхъ отозвала преосвященнаго Хассуна и признала за армянами, оставшимися вѣрными иалскому престолу, одинаковыя права съ диссидентами. Спрашивается, что за причина такого поворота? Желаетъ ли султанъ выразить этимъ папѣ свое удовольствіе за поведеніе, приписываемое римской курии въ дѣлѣ возстанія, или же онъ намѣревается, какъ думаютъ другіе, посѣять раздоръ въ средѣ возставшаго населенія? Въ доказательство тщетности этихъ усилій мы должны сказать, что нынѣшнее движеніе есть чисто-политическое, неимѣющее ничего религіознаго, какъ это видно изъ участія, принимаемаго въ немъ послѣдователями всѣхъ вѣроисповѣданій; притомъ число римско-католиковъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Турціи сравнительно съ числомъ православныхъ весьма незначительно“.

— Лордъ Абердеръ, одинъ изъ величайшихъ противниковъ тѣснаго наказанія, сообщилъ на конгрессѣ социальныхъ наукъ въ Брайтонѣ много весьма любопытныхъ данныхъ по вопросу о нищенствѣ и статистикѣ преступленій въ Англии. На основаніи его словъ корреспондентъ „Indépendance Belge“ говоритъ, что „если подумать о громаднѣмъ населеніи англійскихъ городовъ, о многочисленныхъ соблазнахъ, окружающихъ бѣдняковъ, о недостаточномъ охраненіи частныхъ имѣ-

ресовъ, о легкости, съ какою можно мѣнять свою фамилію, и о значительномъ числѣ солдатъ и полицейскихъ стражей, охраняющихъ общественную безопасность, то невольно удивляешься, какъ мало преступленій совершается въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ. Англійскіе законы долгое время способствовали къ развитію этого зла. Нищенство, какъ источникъ всякихъ преступленій, съ каждымъ днемъ принимало все болѣе и болѣе размѣры, полиція была безсилна, школъ недостаточно, библиотекъ не было, словомъ не существовало ничего, что могло бы способствовать къ поднятію нравственнаго состоянія низшихъ классовъ городского населенія. Въ добавленіе къ этому, устройство тюремъ было весьма неудовлетворительно и послѣднія служили школою порока и преступленія. Въ 1851 году Портсъ писалъ, что съ начала нынѣшняго столѣтія преступленія въ Англіи увеличилось вчетверо, въ Шотландіи втрое и въ Ирландіи въ двѣнадцать разъ. Движеніе преступности въ Англіи и Уэльсѣ съ 1857 г. было слѣдующее:

	Населеніе .	Число преступленій .
1857	19.256.000	57.253
1861	20.119.000	50.809
1871	22.704.000	45.149
1874	23.304.000	47.724

По статистическимъ свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, представителей такъ-называемыхъ „опасныхъ классовъ“, т. е. воровъ, бродягъ, содержателей притоновъ и пр. въ 1864 году насчитывалось 56.723, а въ 1874 году только 43.155. Такое уменьшеніе на 13.168, происшедшее въ теченіе десяти лѣтъ, весьма замѣчательно. Причинами этой спасительной перемѣны въ движеніи преступности является распространеніе просвѣщенія, улучшеніе въ общественномъ положеніи низшихъ классовъ и уменьшеніе нищенства. Нищета, невѣжество и преступленіе—вотъ три страшные врага современнаго общества, противъ которыхъ борется цивилизація. Чѣмъ болѣе распространяется просвѣщеніе, тѣмъ менѣе совершается преступленій; это подтверждается слѣдующими статистическими данными: съ 1836 по 1848 г. на 335.429 обвиненныхъ приходилось неграмотныхъ 304.772, умѣющихъ читать и писать 23.324 и получившихъ нѣкоторое образованіе только 1.333. Въ 1874 году изъ 157.780 обвиненныхъ оказалось неграмотныхъ 153.383.

— Въ ультрамонтанской газетѣ „Туд“ напечатанъ папскій декретъ отъ 25-го августа, которымъ отлучаются отъ церкви и предаются проклятію яansenисты—архіепископъ утрехтскій Гейкампъ и епископъ гарлемскій Рингель. У епископовъ такъ называемой янсе-

нистской церкви въ Нидерландахъ искони установился обычай извѣщать Папу о своемъ избраніи, на что этотъ послѣдній каждый разъ неизмѣнно отвѣчаетъ изреченіемъ противъ нихъ анаемы (отлученія). То же самое повторилось и съ вновь избраннымъ архіепископомъ Гейкампомъ.

ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

11-го сего октября скончался послѣ продолжительной болязни ректоръ Московской Духовной Академіи, докторъ богословія, протоіерей *Александръ Васильевичъ Горскій*. Въ лицѣ его не только академія, но и вообще наша богословская и историческая наука понесла великую и тяжкую утрату. Надѣясь въ послѣдствіи напечатать на страницахъ нашего журнала обстоятельный некрологъ о почившемъ труженникѣ науки, мы на сей разъ воспроизводимъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ слѣдующія глубоко трогательныя строки, написанныя однимъ изъ питомцевъ Академіи.

„Съ 17-лѣтняго возраста, со своего студенчества, Александръ Васильевичъ почти не разлучался съ Академіей, посвятивъ ей всю силу своего многообъемлющаго труда и своихъ богатыхъ дарованій. Въ качествѣ профессора всеобщей и русской церковной исторіи, съ рѣдкою любовью этотъ человѣкъ вышелъ на едва початое у насъ поле изслѣдованія и сразу занялъ на немъ положеніе видное далеко за стѣнами скромнаго разсадника богословскихъ знаній. Обширное, глубокое, въ высшей степени точное изученіе памятниковъ русской исторіи, обнаружившееся не только курсомъ прекрасныхъ лекцій, но открытіемъ новыхъ памятниковъ старины, ихъ описаніемъ и самостоятельными высокою цѣнью изслѣдованіями въ области нашей церковной исторіи, вотъ что обратило на молодаго ученаго вниманіе Академіи Наукъ, университетовъ и всѣхъ умѣвшихъ понимать и цѣнить выступившую подъ покровомъ скромности крѣпкую силу. Не принимая на себя перечисленіе изслѣдованій по русской исторіи, принадлежащихъ Александру Васильевичу, мы не можемъ не обратить вниманіе на его предпринятый вмѣстѣ съ покойнымъ Невоструевымъ обширный трудъ *Описание рукосей синодальной бібліотеки*, открывшій и угладившій путь научнаго пользованія ея богатствами.

„Но Александръ Васильевичъ не принадлежалъ къ числу заурядныхъ специалистовъ. Рѣдко можно встрѣтить людей съ такимъ разностороннимъ и вмѣстѣ основательнымъ образованіемъ, какимъ обладалъ

докопанный. Едва ли въ обширной академической библіотекѣ найдется хоть одна замѣчательная книга, которая не была бы прочтена со вниманіемъ покойнымъ ректоромъ. Рѣдкая богословская книга не испещрена собственноручными дѣльными замѣтками и цитатами его. За то всѣ знавшіе Александра Васильевича умѣли цѣнить собранныя имъ сокровища знаній. Къ нему обращались за совѣтомъ и учеными указаціями, въ продолженіе слишкомъ сорокалѣтней академической службы его, и студенты и профессора. И каждый обращавшійся къ нему получалъ подробныя и точныя указанія на всю литературу даннаго вопроса, начиная съ самыхъ давнихъ сочиненій и до послѣднихъ книжекъ нѣмецкихъ журналовъ, съ основательною оцѣнкой того, что было сдѣлано по данному предмету и съ опредѣленіемъ того, что предстоитъ сдѣлать. Поэтому всѣ воспитанники Академіи и всѣ профессора ея были его учениками, не въ томъ только смыслѣ, что слушали его лекціи, но и въ томъ, что всѣ они въ своихъ научныхъ работахъ болѣе или менѣе пользовались руководствомъ Александра Васильевича и стояли подъ его плодотворнымъ вліяніемъ.

„Что касается его лекцій, то онѣ, какъ и всѣ произведенія Александра Васильевича носили на себѣ слѣды не только глубокой учености, но и вѣстѣ запечатлѣны духомъ крѣпкой вѣрности началамъ нашей церкви“.

„О почившемъ можно сказать, что онъ при всей пытливости своего ума хранилъ въ своемъ сердцѣ младенчески чистую и цѣльную вѣру. Стоило видѣть, какъ религиозный духъ, оживлявшій чтенія покойнаго по догматическому богословію, разгорался въ немъ яркимъ пламенемъ во время священнодѣйствій и проповѣди и проникалъ молившуюся съ нимъ и слушающую его молодежь и всѣхъ присутствующихъ. Величественная фигура этого одушевленнаго старца, напоминавшая древнихъ святителей, при этомъ преображалась. Совершенно понятно, что душа, пронизанная столь возвышенными стремленіями, была чиста во всей своей жизни и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Академію онъ любилъ всею силой своей души, ей посвящалъ всѣ свои труды, заботы, мысли и чувства. Каждая радость Академіи была его личною радостью, каждая скорбь отзывалась болью въ его любящемъ сердцѣ. Студенты потеряли въ немъ не просто отличнаго профессора, а любящаго и любимаго отца. Неудачи ихъ онъ принималъ такъ близко къ сердцу, какъ принимаетъ только любящій отецъ. Стоило видѣть, какъ тревожился и хлопоталъ онъ, когда заболѣвалъ кто-либо серьезно изъ студентовъ, по скольку времени просиживалъ онъ у изголовья больнаго, поправляя его подушки. Смерть и похороны студента обнаруживали, всѣмъ какъ онъ любилъ своихъ учениковъ... Ручьями лились слезы изъ глазъ старца

при прощаніи съ юнымъ покойникомъ... Рыданія отца по безвременно утраченномъ смѣѣ слышались среди надгробныхъ рѣчей его, рѣчей полныхъ высокаго истинно-христіанскаго лиризма... При окончаніи академическаго курса такой человекъ иначе и не могъ отпускать своихъ питомцевъ изъ Академіи въ разные концы Россіи какъ со слезами и благожеланіями и встрѣчать ихъ у себя послѣ долгой разлуки иначе какъ съ неподдѣльною радостью. Любовь, вотъ что связывало Александра Васильевича сорокъ два года съ Духовною Академіей и ея питомцами, вотъ что создало тѣ отношенія между нимъ и управляемымъ учрежденіемъ, которыя нынѣ разрываются, причиняя боль живой текущей кровью раны. Можетъ-быть горячность этой любви, чрезмерность ея безпокойствъ, заботъ и огорченій и подорвали крѣпкія отъ природы силы Александра Васильевича. Неустройство переформированной жизни Академіи, нѣкоторыя нестроенія въ ея коллегіи, неправильности въ совѣтскихъ выборахъ, все это слишкомъ тяжело ложилось на душу покойнаго, не умѣвшую холодно относиться къ ненормальностямъ въ жизни дорогаго его сердцу учрежденія....

„Теперь же да успокоится его духъ въ томъ царствѣ свѣта, правды и мира, къ которому постоянно устремлялись его помыслы и желанія его сердца, и да хранится въ любимой имъ Академіи поучительная память о его научныхъ трудахъ, его любящемъ, исполненномъ вѣры сердцѣ, и великихъ заслугахъ отечественной богословской наукѣ“.

N. Z.

ПОСЛАНИЕ ЧЕРНОГОРСКАГО МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА КЪ СЛАВЯНСКОМУ КОМИТЕТУ ВЪ МОСКВѢ.

Славянскій комитетъ! Цетинскій комитетъ вспомошествованія получилъ извѣстія отъ пограничныхъ окружныхъ начальствъ черногорскихъ что до сего дня болѣе 25.000 герцоговинецъ должны были покинуть свои жилища и перешли въ Черногорію, а къ тому времени, какъ наступитъ зима, ихъ явится еще столько; теперь же они бродятъ около нашихъ границъ съ своими стадами. Весь этотъ народъ голъ, босъ и голоденъ; всѣ они размѣщены по домамъ черногорцевъ; назначены уже дома и для тѣхъ, которые еще будутъ вынуждены искать убѣжища у насъ; но и тѣ и другіе лишены всего необходимаго, чтобы пережить лютую зиму, которая уже наступаетъ. Нужно хлѣба! заботу о немъ пришло на себя наше правительство. Но у нихъ нѣтъ съ собой никакой монеты, никакой одежды, нѣтъ постелей, а все это необходимо, какъ и

пища; ибо кромѣ раненныхъ между этими страдальцами много дѣтей, женщинъ и старцевъ, немощныхъ и больныхъ; а если кто здоровъ то и тому всё эти вещи необходимы. Въ виду всего этого Цетинскій комитетъ обращается къ челоуѣколюбію и милосердію славянскаго благотворительнаго комитета, да придетъ онъ возможно скорѣе на помощь страдальцамъ, какъ денежными пожертвованіями, такъ и предметами первой потребности въ домашнемъ обиходѣ, бѣльемъ, оуѣвнїемъ и т. п. Всё эти вещи будутъ столько же полезны Цетинскому комитету, какъ и деньги, которыя прежде всего будутъ обращены на покупку всего нужнаго. Жизнь нѣсколькихъ тысячъ страдальцевъ зависитъ отъ помощи, и притомъ скорой помощи вашей! Цетиньѣ 20 сентября 1876 г.

Предсѣдатель Митрополитъ Черногорскій *Иларіонъ*.

Секретарь *Ковачевичъ*.

ОТЪ СЛАВЯНСКАГО КОМИТЕТА.

Московскій Славянскій благотворительный комитетъ, выражая глубочайшую благодарность лицамъ доставившимъ ему пожертвованія въ пользу Сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, вновь обращается къ русскому обществу всѣхъ сословій и классовъ съ напоминаніемъ, что прїемъ пожертвованій продолжается по прежнему, что бѣдствія несчастной страны возставшей за свою свободу, за свою народность, за свою вѣру противъ мусульманскаго гнета, часть отъ часу множатся; что потребна дружная, обильная помощь для облегченія участи десятковъ тысячъ семействъ, оставшихся безъ крова и безъ пищи, а собранная комитетомъ сумма къ сожалѣнію пока еще незначительная. О размѣрѣ самаго бѣдствія и претерпѣваемыхъ нуждъ, о насилїяхъ и истязанїяхъ совершаемыхъ магометанами въ христіанской Европѣ, во второй половинѣ XIX вѣка, надъ христіанскимъ, православнымъ, намъ единоплеменнымъ, славянскимъ народомъ, комитетъ считаетъ излишнимъ распространяться: о томъ краснорѣчиво и непреложно свидѣтельствуетъ недавно напечатанное во всѣхъ газетахъ посланіе къ русскимъ людямъ высокопреосвященнаго митрополита сербскаго Михаила. Комитету остается только прибавить, что помощь быстрая и щедрая необходима во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ политическій результатъ борьбы, ибо подобная борьба уже сама по себѣ ведетъ къ опустошенію края. Вопросъ политическій подлежитъ рѣшенію правительства. Дѣло общества выразить свое сочувствіе въ области ему доступной. Это выраженіе не только не возбранено, но находитъ себѣ опору въ недавно воспослѣдовавшемъ и опубликованномъ Высочайшемъ Государя Императора разрѣшеніи: открыть подписку въ пользу семействъ жите-

лей Босніи и Герцеговини потерпѣвшихъ отъ возстанія по всей имперіи. Взоры православныхъ славянъ съ молабою и упованіемъ устремлены на Россію. Они еще вѣрятъ, вѣрятъ упорно въ духовную силу своей единоплеменности и единовѣрія съ могучею, великою державою, стоящею во главѣ православно-славянскаго міра. Обманемъ ли ихъ вѣру? Что же дадимъ имъ въ отвѣтъ? Неужели ментѣ, чѣмъ Парижъ и Лондонъ, откуда неоскудѣвая шлетса щедрая помощь?

Пособить братьямъ, пострадавшимъ за защиту своей славянской народности и Христовой вѣры — это для русскаго общества не только долгъ кровнаго родства и единства въ вѣрѣ, не только долгъ христіанскаго милосердія и человеколюбія, — это долгъ нашей народной чести.

Пожертванія принимаются: у вице-президента комитета *Ивана Сергѣевича Аксакова* (въ Правленіи Московскаго общества взаимнаго кредита на Варваркѣ домъ Баранова), у секретаря комитета *Нила Александровича Попова* (на стѣнной у Смоленскаго бульвара, домъ Брока) у казначея комитета *Николая Абрамовича Зубкова* (на Плющихѣ, Неопадимовскій переулокъ, домъ Григорьевой); у членовъ комитета: *Николая Петровича Ланина* (въ его конторѣ у Биржи, домъ Чижовой и Лопатной), у *Алексѣя Дмитріевича Лопашева* (на Варваркѣ, домъ Николевой), у *Александра Васильевича Назарова* (Яузской части, въ приходѣ церкви Іакова апостола, свой домъ), у *Николая Васильевича Павлова* (въ правленіи Московско-ярославской желѣзной дороги); на текущій счетъ комитета въ *Московскомъ Купеческомъ Банкѣ* (на Ильинкѣ домъ банка).

Какъ собранные уже съ 12 сентября пожертванія, такъ и имѣющія поступить впредь, будутъ отсылаемы Славянскимъ комитетомъ въ помощь бѣдствующимъ православнымъ семействамъ въ Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи двоякимъ путемъ: чрезъ Бѣлградъ на имя митрополита Сербіи, высокопреосвященнѣйшаго Михаила, и чрезъ Петинье въ имя митрополита Черногоріи, высокопреосвященнѣйшаго Иларіона.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ законенное число экземпляровъ. Москва, октября 21 дня 1875 г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

Витебска 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 к. Вологды 5 к. Воронска 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса 10 к. Гродно 11 к. Дербента 16 к. Екатеринбургска 10 к. Екатеринбургска 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 к. Иркутска 20 к. Казани 9 к. Каліша 15 к. Калуги 3 к. Каменец-Подольска 13 к. Бишинева 15 Кіева 9 к. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к. Куопіо 11 к. Курска 6 к. Кутаіса 16 к. Кѣльцовъ 14 к. Ломжи 12 к. Люблина 12 к. Мінска 8 к. Митавы 11 к. Могилева 6 к. Нижнего-Новгорода 5 Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Новочеркаска 11 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петрозаводска 11 к. Петрокова 14 к. Плоцка 14. Полтавы 9 к. Пскова 8 к. Радома 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 к. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Петербургска 7 к. Саратова 9 к. Семпалатинска 18 к. Симбирска 9 к. Симферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольск. губ. 14 к. Сувалокъ 12 к. Сѣдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к. Твери 3 к. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска. 18 к. Тулы 3 к. Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харькова 8 к. Херсона 13 к. Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 к. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ВЪ РЕДАКЦІИ „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

I. Размышленія о сущности христіанской вѣры Соч. Гизо. Переводъ *свѣц. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

II. Вѣчная жизнь. Публичныя чтенія Э. Навилля. Перев. *свѣц. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

III. Публичныя чтенія 1871 года, профессора протоіерея *Н. Сергіевскаго*: Объ основныхъ истинахъ Христіанства. М. 1872. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

IV. Сочиненія св. Іустина философа и мученика, изданныя въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свѣц. П. Преображенскимъ*. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 р.

V. Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологитовъ: Таціана, Аениагора, Феофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитена Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданы въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свѣц. П. Преображенскимъ*. М. 1867. Цѣна: 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

VI. Сочиненія св. Иринея Лионскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданы *свѣц. П. Преображенскимъ*. М. 1871. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

VII. Вопросъ о вѣр. Публичныя чтенія Эрнеста Навилля. Перев. *свѣц. Н. Протопопова*. М. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. сер.

VIII. О Евангелии отъ Маттея. Разборъ и опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. Соч. *свѣщеника московской Троицкой на Арбатѣ церкви Владиміра Маркова*. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

IX. Рѣчи произнесенныя при выпускѣ воспитанниковъ перваго десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища *свѣщеникомъ А. М. Ваицковымъ-Платоновымъ*. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

X. Изъ лекцій по церковному праву. О проф. моск. университета Н. К. Соколова. Вып. I. Введеніе въ церковное право. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

РЕДАКЦІЯ
„ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

покорнѣйше просить читателей издаваемого ею журнала на получение его въ БУДУЩЕМЪ 1876 году подписываться ЗАБЛАГОВРЕМЕННО для соображенія о потребномъ количествѣ печатаемыхъ экземпляровъ и для большей исправности въ доставкѣ чрезъ почту; при чемъ не выписывавшихъ «Православнаго Обозрѣнія» въ 1872 году просить заявлять о семъ редакціи для бесплатной выдачи напечатанныхъ тогда 5 листовъ СОЧИНЕНІЯ СВ. ИПОПОЛИТА «ПРОТИВЪ ЕРЕСЕЙ», которое будетъ продолжаться въ 1876 г.

Подписка на „Православное Обозрѣніе“ 1875 года продолжается.

Отдѣльныя книжки «Православное Обозрѣніе» за прежніе годы продаются каждая по 50 к., съ перес. по 75 к.

Новые подписчики, не получавшіе въ прошломъ году «Православнаго Обозрѣнія», получаютъ 5 листовъ напечатанныхъ въ немъ лекцій по каноническому праву покойнаго профессора Н. К. Соколова «О составѣ Церковнаго Общества.»

въ редакціи можно получить

Указатель къ „Православному Обозрѣнію“

за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг.

составленный П. А. Ефремовымъ.

Цѣна „Указателя“: 1) при выпискѣ *Православнаго Обозрѣнія* 75 к. съ перес. 1 р. 2) въ отдѣльной продажѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1875

Н О Я Б Р Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ БРАТСТВА СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ. Прот. А. О. Ключарева.
- II.—ЗАМѢТКА О ДВѢТЕЛЬНОСТИ МИТРОПОЛИТА ГАВРИЛА (ПЕТРОВА) ПО ВОПРОСУ О РАСКОЛѢ. С. М. Соловьева.
- III.—ИРВИНГИЗМЪ. Н. Орлова.
- VI.—МЕФОДІЙ ФИЛИМОНОВИЧЪ ЕПИСКОПЪ МСТИСЛАВСКІЙ И ОРШАНСКІЙ ВЪЮСТИТЕЛЬ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИ (1661 — 1668 Г.). Гл. V—VI. Г. О. Карпова.
- V.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СТАТЬѢ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТEOFAHA: „по поводу изданія священныхъ книгъ Вѣтхатаго Завета въ русскомъ переводѣ“. П. И. Горскаго-Платонова.
- IV.—ДВА СЛОВА ОБЪ ИСПРАВЛЕНІИ ТЕКСТА СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ.
- VII.—НОВЫЙ ГОЛОСЪ ПО ВОПРОСУ О ДУХОВНО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ. Г. М.
- VIII.—СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: по поводу циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія отъ 24 мая 1875 г. X.
- IX.—ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: Распоряженіе св. Синода о Ллонской миссіи.—Протоіерей Е. И. Поповъ †.— Воззваніе преосв. Платона о пособіи семействамъ герцеговинцевъ.— Заграничныя извѣстія.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- X.—О ПРОЕКТѢ УСТАВА ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ДУХОВЕНСТВА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.
Объявленіе объ изданіи „Православнаго Обозрѣнія“ въ БУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ.
(См. на оборотъ).

МОСКВА.

Digitized by Google

Въ университетской типографіи (Катковъ и І.)
на Страстномъ бульварѣ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ.

«Православное Обозрѣніе» будетъ продолжаться въ слѣдующемъ 1876 году, оставаясь вѣрнымъ прежней своей программѣ, характеру и направленію, которое достаточно выяснилось читателямъ, какъ въ продолженіи прошлыхъ лѣтъ его существованія, такъ и въ настоящемъ году, когда оно перешло подъ редакцію *святи. П. Преображенскаго*.

Въ 1876 году «Православное Обозрѣніе» будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 р. 50 к. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 р. с. Подписная цѣна съ «Указателемъ» за одиннадцать лѣтъ 8 р. с.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, при церкви Феодора Студита у Никитскихъ воротъ, домъ святи. П. Преображенскаго,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Полные экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869—по 3 руб. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874—по 5 руб. безъ пересылки, а за четырнадцать лѣтъ 1861—1874—сорокъ пять рублей. Цѣна Указателя къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., безъ пересылки 75 к., съ пересылкой 1 р. Выписывающее «Православное Обозрѣніе» за всѣ прежніе годы получаютъ Указатель бесплатно. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 14 лѣтъ съ Указателемъ—за 100 фунтовъ—по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылки съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмоль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахани 16 к.
Баку 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ БРАТСТВА
СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ¹⁾.

*Да будутъ... купующіи яко не содер-
жатъ: и требующіи міра сего яко не
требующе: преходитъ бо образъ міра
сего (1 Кор. 7, 29—31).*

На годичномъ праздникѣ нашего Братства, имѣющаго ха-
рактеръ благотворительнаго учрежденія, мы почитаемъ неиз-
лѣпнымъ для общей пользы коснуться весьма важнаго совре-
меннаго вопроса объ *источникахъ благотворенія*.

Вопросомъ этимъ заняты во всемірѣ образованномъ мірѣ ре-
вители челоуѣколюбія, политико-экономисты, нужи государ-
ственныя, и наконецъ философы, безъ участія которыхъ не
обходится рѣшеніе ни одного высшаго вопроса челоуѣческой
жизни. Такая усиленная дѣятельность разнородныхъ мысли-
телей можетъ быть вызвана только настоятельною нуждою. И
нужда эта есть,—нужда дѣйствительная, неотложная, вопію-
щая. Все просвѣщенные народы жалуются на чрезвычайное
развитіе бѣдности, какъ какого-то общественнаго недуга, и изоб-
рѣли для этого недуга особе названіе — *пауперизмъ*, бѣд-
нота. Въ странахъ отличающихся наибольшимъ, поведеніюму,

¹⁾ Произнесено 19 октября въ московской Николаевской церкви
протоіереемъ А. Ключаревымъ.

благосостояніемъ бѣдные классы общества, гнетомые нуждой, и чувствуя себя какъ бы обиженными, начинаютъ возмущаться противъ богатыхъ. Картины нищеты самыя поразительныя являются въ городахъ самыхъ богатыхъ: тамъ бѣдные подбираютъ остатки нищи выбрасываемые съ соромъ, задыхаются въ подвалахъ безъ свѣта и воздуха, спятъ стоя, умираютъ на улицахъ. Въ этихъ явленіяхъ обнаруживается какой-то новый, доселѣ мезамъченскій, законъ человѣческой жизни, именно тамъ, гдѣ наиболѣе живищою и увлекательною является жизнь богатыхъ, наиболѣе ужасными и поразительными представляются и страданія бѣдныхъ.

Филантропы выбиваются изъ силъ отыскивая и собирая пособія для бѣдныхъ. Весьма разумно на одно дѣло человѣколюбія они призываютъ силы многихъ, и не отягощая благотворителей большими пожертвованіями, изъ множества малыхъ составляютъ иногда огромныя суммы и сооружаютъ великія благотворительныя учрежденія. Но бѣдность такъ увеличиваетъ ся, что едва устроить благотворительное общество для облегченія одного ея вида, является множество другихъ, требующихъ учрежденія новыхъ обществъ. А благотворители все одни и тѣ же, частые сборы понемногу составляютъ малое и начинаютъ прислуживать жертвователямъ. Встрѣчая холодность въ благотворителяхъ, филантропы начинаютъ соблазнять ихъ наградами и увеселеніями въ пользу бѣдныхъ, пускаются на разныя навороты и хитрости, и такимъ образомъ только засоряютъ чистые источники благотворенія.

Политико-экономисты возлагаютъ надежды на успѣхи просвѣщенія, на разработку сокровищъ накопленныхъ въ камнѣ въ нѣдрахъ земли, на облегченіе труда съ помощію машинъ, на развитіе промышленности, на умноженіе удобствъ жизни; но отчего-то на опытъ выходитъ такъ, что почти всѣ плоды современныхъ изобрѣтеній и улучшеній достаются въ руки богатыхъ, а на долю бѣдныхъ выпадаетъ опять большею частію одинъ суровый трудъ; жизнь становится дороже; при умноженіи удобствъ жизни, а съ ними и новыхъ привычекъ, нужда

становится еще тяжелѣе, и бѣдность при образованіи — еще больнѣе, еще унижительноѣе.

Мужи государственные и правители озабочены облегченіемъ участи бѣдныхъ, готовы открывать имъ пути къ улучшенію ихъ быта, облегчать налоги, прощать недоимки; но строй государственной жизни годъ отъ году становится все сложнѣе и напряженнѣе, такъ что власть государственная едва успѣваетъ удовлетворять потребностямъ защиты отечества, общественной безопасности, просвѣщенія, правосудія и порядка; съ нею довольно нынѣ быть справедливою и человѣколюбною, а быть еще и благотворительною почти невозможно.

Въ виду такихъ затрудненій новые философы-соціалисты и коммунисты, восходя къ высшимъ точкамъ зрѣнія, предлагаютъ совершенное переустройство современныхъ человѣческихъ обществъ. По ихъ понятіямъ, богатые, вслѣдствіе вѣковыхъ злоупотребленій, несправедливо присвоили себѣ большія имущества въ ущербъ бѣднымъ, и пользуются ими такъ, что иногда одинъ человѣкъ или небольшое семейство проживаютъ такой доходъ, какого доставеть для безбѣдной жизни многихъ сотенъ и даже тысячъ людей. Надобно, говорятъ, отобрать у нихъ эти имущества и раздѣлить поровну всѣмъ людямъ одного племени или одной страны. Далѣе, другая несправедливость въ дѣйствіяхъ богатыхъ, по ихъ мнѣнію, та, что пуская въ обороты свои капиталы и приглашая бѣдныхъ на тяжкія работы въ ихъ заведеніяхъ, они одни пользуются большими выгодами отъ своихъ предпріятій, а бѣднымъ уступаютъ только малую поденную заработную плату. Надобно, говорятъ, капиталы сдѣлать общественными и раздѣливъ между всѣми участниками коммерческихъ предпріятій труды раздѣлять поровну и прибыль.

Много книгъ написано въ разъясненіе этихъ новыхъ началъ общественной жизни; много незрѣлыхъ умовъ увѣровало въ это новое ученіе; много добродушныхъ молодыхъ людей въ разныхъ странахъ погибло въ попыткахъ примѣненія его къ практической жизни. Главный недостатокъ этого ученія,

видный сразу для ума непредубъжденнаго, есть его односторонность; причина односторонности—незнаніе или отрицаніе внутренней духовной стороны человѣческой жизни. По началамъ матеріализма, приравнивая человѣка и его жизнь къ неизмѣнному порядку видимой природы, новые философы думаютъ, что надобно только вещи разложить на новыя мѣста и людей разставить въ новомъ порядкѣ, — и машина общественной жизни пойдетъ лучше и всѣ будутъ благоденствовать. Но исторія всѣхъ вѣковъ свидѣлствуетъ, что главный дѣятель въ жизни человѣчества есть духъ человѣческій и затѣмъ умъ человѣка съ безконечнымъ разнообразіемъ дарованій, знаній и любимыхъ мыслей; его совѣсть съ неуволнимыми видоизмѣненіями понятій о правѣ и правдѣ, о чести и добродѣтели; его свобода со всѣми уклоненіями подъ вліяніемъ его убѣжденій, привычекъ, пороковъ и страстей. Приведите сначала въ желательный для васъ порядокъ и единообразіе этотъ внутренний міръ человѣчества, и потомъ уже устанавливайте новыя начала вѣшной человѣческой жизни. Безъ этого условія, если вы раздѣлите утромъ между бѣдными мѣтніа отнятыя у богатыхъ, къ вечеру явятся новыя бѣдныя и новыя богачи; если приставите нынѣ къ общему дѣлу людей на твердо-поставленныхъ условіяхъ, завтра увидите, какъ эти условія различно будутъ поняты и неравномѣрно соблюдаемы. Бѣдный, чтобъ онъ могъ поправиться, требуетъ помощи, поддержки, попеченія, но онъ вѣчно будетъ бѣденъ, если не способенъ, не умѣетъ и нравственно безсиленъ поддержать свое улучшенное положеніе. Всегда будутъ люди малоумные, малоспособные, больные, малолѣтніе, вдовы и сироты; съ другой стороны, всегда будутъ люди грѣшныя, порочныя, развратныя, — и отъ всѣхъ этихъ недостатковъ для самостоятельной и правильной дѣятельности всегда будутъ люди бѣдные. Иисусъ Христосъ ясно сказалъ намъ это: *Всегда нищія имате съ собою* (Мате. 26, 11). Итакъ, бѣдная часть человѣчества, это—бремя, которое должны носить на своихъ плечахъ люди даровитыя, умныя, способныя, сильныя и богатые, и носить

съ сознаниемъ, убѣжденіемъ, свободно, съ искреннею любовію; но никакъ не согласно съ здравымъ разумомъ и справедливостію, чтобъ эти лучшіе люди въ человѣчествѣ черезъ насильственный раздѣлъ имуществъ періодически были ограбляемы въ пользу бѣдныхъ.

Вопросъ о пауперизмѣ въ ученіи Христа Спасителя изъясненъ всесторонне и рѣшенъ окончательно, но истины и правила жизни заповѣданныя по сему предмету Иисусомъ Христомъ и Его апостолами, и опыты жизни указанные истинными христіанами кажутся слишкомъ строгими для плотскихъ людей нашего времени. Имъ хотѣлось бы сохранить для себя во всей полнотѣ всѣ наслажденія жизни и совершенно уничтожить на землѣ бѣдность и нищету.

По ученію Божественнаго Откровенія, у насъ вѣтъ ничего своего, а все Божіе, и потому всѣмъ мы должны распорядиться по волѣ Божіей. На землѣ мы не вѣчные жители, а временные жильцы, проходящіе путемъ земной жизни въ другой міръ. Цѣль земной жизни есть пріобрѣтеніе вѣчнаго блаженства въ жизни будущей. Оно пріобрѣтается борьбой съ грѣхомъ и преуспѣваніемъ въ добродѣтеляхъ, дѣлающихъ человѣка достойнымъ блаженной жизни въ вѣчности. Отсюда постоянная забота объ устраниеніи препятствій на пути добродѣтели, каковы страсти корыстолюбія, сластолюбія, гордости и пр., и всѣ разслабляющія душу плотскія удовольствія. Отсюда цѣлое ученіе о христіанскомъ смиренномудріи, духовной нищетѣ и самоотверженіи, на которое указываетъ Апостолъ: «Да будутъ покупающіе какъ не пріобрѣтающіе и пользующіеся міромъ какъ не пользующіеся; ибо преходитъ образъ міра сего». Введите это ученіе въ жизнь, исполняйте его требованія какъ исполняли во всѣ времена добрые христіане, и ваши избытки потекутъ рѣкою въ руки бѣдныхъ. Вамъ нельзя много пить и ѣсть, потому что тѣло ваше должно быть легко для сохраненія чистоты сердца и совѣсти, и бодро для труда добродѣтели. Вамъ нельзя много предаваться свѣтскимъ удовольствіямъ изъ опасенія разсѣян-

ности, разлѣненія духа, воспламененія страстей плоти. Вамъ стыдно будетъ строить себѣ дворецъ при мысли о внутреннеишъ убожествѣ, которое откроетъ вамъ христіанское самоиспытаніе; совѣстно будетъ изысканныхъ одеждъ, потому что строгость вашего собственнаго христіанскаго взгляда укажетъ вамъ въ этомъ суетность и дѣтское легкомысліе. Вы не пойдете во многолѣтнія сложныя спекуляціи, потому что мысль о смерти и внутренняя честность заставятъ васъ держать дѣла ваши въ строгомъ порядкѣ. Дѣла ваши будутъ цвѣсти сами собою, потому что вы всегда трезвы, умъ вашъ чистъ, время не тратится даромъ. При такомъ настроеніи, при заботѣ о спасеніи своей души, объ очищеніи грѣховъ, о приобрѣтеніи милости и благоволенія Божія, вы не можете не проникнуться любовію къ ближнимъ и жалостью къ бѣднымъ. Ваше сердце, ваша совѣсть непрестанно будутъ напоминать вамъ о нихъ, и вы будете почитать преступленіемъ употреблять ваши избытки на прихоти, а не на помощь имъ. Вотъ свободный раздѣлъ богатствъ между бѣдными, вотъ божественный планъ уничтоженія пауперизма, вотъ единственный способъ уравниенія и примиренія богатыхъ съ бѣдными, вотъ неизсякающій источникъ благотворенія. Одно изъ двухъ: или богатые должны подчиняться этимъ правиламъ жизни, или видѣть неизбежное и постоянно возрастающее умноженіе бѣдныхъ и общественныхъ безпорядковъ. Здѣсь хитрые проекты не помогутъ: *сильные должны немощи немощныхъ носить, а не себѣ гно- ждати.*

Образованная часть современнаго человѣчества, увлекаемая матеріалистическимъ духомъ времени, задалась мыслію устроить себѣ рай на землѣ. Отсюда стремленіе ко всевозможнымъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ, нужнымъ и ненужнымъ, отсюда гигантскія предпріятія, пожирающія громадныя капиталы, лишающія иногда богатыхъ свободы въ распоряженіи своими средствами, притягивающія милліоны людей на черную тяжелую работу, и порабощающія ихъ неизмѣнному плану предпріятія, неумолимой цифрѣ разчета. Умноженію утончен-

ныхъ удобствъ жизни конца нѣтъ. Чтобы воспользоваться некоторыми изъ нихъ, надо добиваться большаго достатка, а чтобы имѣть всё — большаго богатства. Но что еще замѣчательно, нынѣ хотятъ сдѣлать жизнь не только удобною, но и изящною. Мало имѣть домъ просторный, чистый, теплый, надо имѣть художественный, чтобы все въ немъ до послѣдней незначущей вещицы было изящнымъ произведеніемъ искусства; мало имѣть одежду чистую, даже цѣнную, приличную званію и состоянію челоуѣка, надобно одѣваться такъ, чтобы представлять и изъ самого себя нѣчто художественное, и чтобы возможно чаще обновлять весь рисунокъ своей особы изъ опасенія наскучить себѣ и другимъ однообразіемъ. Этотъ вкусъ къ изящному простирается и на всѣхъ людей окружающихъ современнаго богатаго челоуѣка, и на всѣ принадлежности его ховліства, разбросанныя иногда не только по разнымъ мѣстностямъ отечества, но и по разнымъ государствамъ. Здѣсь никакое богатство не велико, здѣсь всякаго дохода мало. И на этотъ рай современной роскоши смотрять милліоны небогатыхъ людей, и въ нихъ разгорается жажда удобствъ и наслажденій жизни; смотрять съ овлбленіемъ и бѣдныя, не имѣющіе необходимаго для себя и дѣтей. При общемъ стремленіи къ роскоши, нисшіе классы общества, чувствуя себя пристыжаемыми и унижаемыми изысканною жизнью высшихъ, особенно при равенствѣ по образованію, стремятся не отстать отъ нихъ, и живя не по состоянію, разоряются и умножаютъ собою количество бѣдныхъ. Развитіе новыхъ потребностей простирается и на рабочіе классы, и имъ нужно прожить больше прежняго, и потому надобно возвышать плату за работу. Вотъ отчего жизнь становится дороже, отчего на всѣхъ, отъ великаго до малаго, лежитъ, какъ гнетъ, забота покрыть постоянно 'увеличивающіеся расходы по содержанію себя и семействъ. Какъ тутъ думать о бѣдныхъ? Что удѣлять имъ? Самимъ не доставтъ.

Намъ скажутъ: «Чего вы хотите? къ чему усиливаетесь? Неужели вы думаете измѣнить направленіе вѣка»? Нѣтъ; мы

знаемъ, что направленіе вѣковъ и духа времени измѣняются по законамъ историческаго движенія событій, руководимаго перстомъ Божественнаго Провидѣнія. Мы знаемъ что вѣковыя заблужденія людей врачуются только тяжкими опытами, великими переворотами. Но мы исполняемъ нашу обязанность — охранять по возможности въ средѣ вѣрныхъ чадъ православной церкви правильный взглядъ на современное теченіе жизни и убѣжденіе, что только ученіе Христово и жизнь христіанская могутъ приводить въ порядокъ дѣла человѣческія и устроить благосостояніе людей, что одно *благодѣаніе на все полезно есть, обѣтованіе именуемое животомъ нынѣшнимъ и грядущимъ* (I Тимое. 4, 8). Въ частности, думаемъ, что можетъ быть кто-нибудь при размышленіи о томъ, что возрастающая роскошь однихъ людей увеличиваетъ страданіе другихъ, иногда и удержится отъ исполненія какой-либо своей прихоти, съ цѣлью пожертвовать ее для бѣднаго. А какъ много останется изъ нашихъ расходовъ въ пользу бѣдныхъ, если мы только въ своей жизни отсѣчемъ прихотливое, изысканное, излишнее, вредящее намъ самимъ! Св. царь Давидъ, помѣстившись въ новопостроенномъ своемъ домѣ и размышляя о замѣнѣ скинии свидѣнія благолѣпнымъ храмомъ Богу Израилеву, говорилъ съ заботою пророку Нафану: «Вотъ я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ» (2 Цар. 7, 2). Да не умираетъ подобное чувство въ сердцахъ нашихъ по отношенію къ бѣднымъ, которыхъ Господь назвалъ Своею братіею! Мы живемъ въ довольствѣ, покоѣ, мы жизнию наслаждаемся, а у сосѣдей нашихъ и холодно и голодно, дѣти и босы и наги! Одно это чувство есть уже сѣмя благодѣанія и не останется безъ благословенія Господа, *какъ насъ ради обнища, богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9).

Десятилѣтнее существованіе Братства Св. Николая и его благоуспѣшная дѣятельность, какъ и многихъ другихъ обществъ въ нашемъ отечествѣ, представляютъ намъ утѣшительное свидѣтельство, что христіанскія чувства любви къ Богу и ближнимъ еще живы и дѣйственны въ сердцахъ православныхъ.

Принося благодареніе Господу за прошедшее, помолимся, чтобъ я въ будущемъ Онъ не допустилъ возобладать надъ нами духу времени, чтобы соблазны вѣса и ложныя ученія не затмили въ душахъ нашихъ вѣчной истины, что съ любовію къ наслажденіямъ богатства и роскоши нельзя совмѣстить успѣшное служеніе дѣлу челоуѣколюбія: *никто же можетъ дѣла господина работать: не можете Богу работать и мамонѣ* (Матѣ, 6, 24). Аминь.

ЗАМѢТКА

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МИТРОПОЛИТА ГАВРИЛА (ПЕТРОВА) ПО ВОПРОСУ О РАСКОЛѢ.

Гавріилъ Петровъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій занималъ, по смерти Димитрія Свѣчнова, самое видное мѣсто между русскими архіереями въ знаменитое царствованіе Екатерины II. Онъ славился какъ ученый, какъ ораторъ, какъ человѣкъ государственный. Это былъ «мужъ острый и резонабельный» по отзыву императрицы; ему посвященъ былъ Велисарій Мармонтеля, переведенный Екатериною сообщая съ приближенными людьми, и въ посвященіи говорилось, что Гавріилъ мыслями и добродѣтелию съ Велисаріемъ сходенъ». Гавріилу посчастливилось и у потомства: позднѣйшіе ученые дѣятельно занялись его трудами и дорого оцѣнили ихъ достоинство. Намъ не нужно поэтому повторять уже много разъ сказаннаго; мы обратимъ вниманіе только на одну черту его дѣятельности, которую онъ заявилъ уже въ концѣ своего поприща.

Царствованіе Елисаветы въ русской исторіи XVIII вѣка составляетъ переходъ между двумя половинами вѣка не въ одномъ хронологическомъ отношеніи: въ это царствованіе, подъ вліяніемъ новыхъ началъ въ литературѣ и жизни, воспитались люди, которымъ суждено было дѣйствовать въ царствованіе Екатерины. Въ царствованіе Елисаветы новое дѣло шло медленно, постепенно, осторожно; въ короткое царствованіе ея преемника люди, воспитавшіеся въ новыхъ началахъ,

поспѣшили высказать свои взгляды на разные явленія, имъ не нравившіяся, и подѣ влияніемъ этихъ взглядовъ состоялись извѣстные указы — объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи, о вольности дворянства, объ облегченіи участи раскольниковъ. Екатерина II не могла вооружиться противъ этихъ взглядовъ, потому что она раздѣляла ихъ, сама воспиталась въ нихъ при Елисаветѣ; но такъ какъ они были высказаны очень поспѣшно, то въ царствованіе Екатерины они подверглись болѣе или менѣе медленному пересмотру, переработкѣ.

Въ царствованіе Петра III, между прочимъ, высказаны были и относительно раскола взгляды, долженствовавшіе произвести сильное впечатлѣніе на людей, которыхъ дѣло ближе всего касалось, именно, на раскольниковъ взглянули какъ на людей, принадлежащихъ къ другому христіанскому исповѣданію или исповѣдающихъ другую, нехристіанскую вѣру: если послѣднихъ не преслѣдуютъ за ихъ вѣру, то за что же преслѣдовать раскольниковъ? Если не преслѣдуются идолопоклонники и магометане, то за что же преслѣдовать христіанъ, отличающихся отъ православныхъ какими-нибудь обрядами только? Легко понять, какое движеніе произвелъ указъ Петра III между раскольниками, и это движеніе досталось въ наслѣдство Екатеринѣ II.

Раскольники, вызываемые изъ-за границы, куда бѣжали отъ гоненій, требовали, чтобъ по возвращеніи на родину имъ предоставлена была свобода богослуженія. Императрица въ 1763 году обратилась къ Синоду за разрѣшеніемъ вопроса; Синодъ раздѣлился въ своихъ мнѣніяхъ. Двое преосвященныхъ петербургскій Гавриилъ (Кременецкій) и крутицкій Амвросій подали мнѣніе, что раскольниковъ должно принять и содержать безъ всякаго притѣсненія, но только на такомъ основаніи, какъ содержатся записные раскольники, не допуская ихъ строить особыя церкви, держать своихъ священниковъ, употреблять старопечатныя книги и жить при тѣхъ же обрядахъ, какъ они живутъ за границею. Но Димитрій (Съченовъ) новгородскій и Гедеоновъ псковской представили такое мнѣніе:

«раскольники требуютъ сохраненія нѣкоторыхъ только своихъ обрядовъ, семи просвиръ, двуперстнаго сложенія и проч., общая во всемъ другомъ повиноваться церкви и принимать нашихъ священниковъ. Первый вопросъ здѣсь: можемъ ли мы это позволить, когда эти обряды на соборахъ прокляты? Отвѣчаемъ: не обряды, но больше содержащія ихъ сей клятвѣ подвергаются, и то не за обряды точно самыя, но за сопротивленіе ихъ св. церкви и отторженіе самовольное отъ нея, а паче еще за произносимыя отъ многихъ изъ нихъ на оную хулы и ругательства разныя, въ чемъ и мы правильную находимъ причину; если же бы за одни обряды проклятiе то было положено, то была бы причина почитать оное за недействительное и отъ непомятой не по разуму ревности происходящее. По апостолу Павлу по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ, то уже премѣненіе обрядовъ или обычаевъ не большаго измѣненія въ вѣрѣ причинять не должно. Пусть только они во всемъ, хотя кромѣ обрядовъ, будутъ съ православною нашею церковію единомысленны, то въ такомъ случаѣ и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ ихъ принять и присоединить православному нашему обществу, а прочее устроить Богъ».

Прошло послѣ этого безъ малаго 30 лѣтъ, в знаменитый Гавріилъ (Петровъ), митрополитъ новгородскій и петербургскій, подалъ мнѣніе опять по поводу возобновленія раскольничьяго вопроса. 9 ноября 1792 года онъ представилъ записку: «старообрядцы петербургскіе подали мнѣ прошеніе, чтобъ имъ быть въ числѣ сыновъ православной греко-россійской церкви и отъ меня получать священниковъ равно какъ въ екатеринославской епархіи. Притомъ приобщили копію съ прошенія отъ старообрядцевъ московскихъ, поданнаго главнокомандующему въ Москвѣ; въ ней написано: 1) что они имѣютъ деревянные при кладбищѣ молитвенные храмы; 2) что отъ дней Никона патріарха терпятъ отъ духовныхъ властей гоненіе; 3) чтобъ дозволено строить имъ церкви для служенія литургіи по старопечатнымъ книгамъ, какъ и въ екатери-

нославской епархіи, умалчивая, что сіе дозволеніе отнесено къ епархіальному архіерею, и что они имѣютъ порокъ, что бѣглые попы у нихъ служатъ,—и просятъ: 1) чтобъ имъ построить церковь; 2) имѣть священниковъ, приходящихъ къ нимъ; 3) чтобъ быть у нихъ архіепископу, приходящему самопроизвольно на такомъ положеніи, какъ они пребываютъ; 4) чтобъ онъ не былъ подъ вѣдомствомъ духовныхъ властей, отдѣлясь отъ нихъ, какъ въ городскомъ положеніи, въ статьяхъ 124, 125 и 126 о иностранныхъ предписано; 5) чтобъ имъ въ чиноположеніи ихъ быть вѣдомыми по духовнымъ дѣламъ въ ихъ консисторіяхъ, не сообщаясь великороссійскимъ духовнымъ властямъ. Сія просьба довольно изъясняетъ намѣреніе ихъ: стараются начать свою церковь, отдѣлясь отъ господствующей въ Россіи, и имѣть своего архіепископа и консисторіи. Начали строить церковь, превышающую пространствомъ и огромностію Успенскій соборъ, чтобъ огромностію сего храма унижать первую въ Россіи церковь въ мысляхъ простаго народа. Въ Москвѣ приверженныхъ къ расколу больше 20,000; многія епархіи, особливо нижегородская до того доходятъ, что церкви лишаются своихъ приходоу. Ежели изъ губерній соберутся чиновачальники ихъ въ такой пространной церкви, въ которой до 3000 народа можетъ вмѣститься, когда они предполагаютъ быть у нихъ архіепископу и консисторіи, когда сія толпа фанатиковъ сдѣлаетъ соборы, каковыя уже и были и положенія свои возвѣстятъ въ губерніяхъ, изъ которыхъ они придутъ въ Москву, сіи, не имѣющіе привязанности къ правительству, могутъ ли обвадеживать безоопасностію столицы. Они просятъ, чтобъ ихъ почитать такъ удаленными отъ господствующей церкви, какъ удалены католики и лютеране: можно ль надѣяться, чтобъ ихъ фанатизмъ, распространяющійся по всей Россіи, почиталъ государя правовѣрнымъ? Великій Петръ, монархъ провинцательнѣйшій, нарекъ ихъ лютыми неприятелими государству и государю, непрестанно зло мыслящими. Внимая симъ обстоя-

тельствомъ, думаю: 1) Чтобъ начатую ими церковь обратить на другія предписанныя закономъ монархіи для призрѣнія бѣдныхъ, или для пользы общественной установа. 2) Дозволить имъ построить часовню, какая для погребенія усопшихъ на кладбищѣ потребна безъ колокольни».

О. Соговьевъ.

ИРВИНГИЗМЪ.

Наивная замѣтка «Голоса»¹⁾ о совершенной безвредности, если даже не положительной пользѣ проповѣдниковъ втораго пришествія Иисуса Христа, появившихся въ Петербургъ еще въ 1857 году, но теперь очевидно уже подготовившихъ тамъ для своей дѣятельности восприимчивую почву и успѣвшихъ приобрести вліятельныхъ защитниковъ и поклонниковъ²⁾, побуждаетъ насъ предложить читателямъ плоды своего долговременнаго, теоретическаго и практическаго, изученія на мѣстѣ англійской секты ирвингитовъ, которая усволяетъ исключительно своимъ послѣдователямъ наименованіе Каеолической и Апостольской церкви (Catholic Apostolic Church), съ негодованіемъ отвергая всякое другое.

Мы изволяемъ себѣ надѣяться, что нашъ краткій очеркъ происхожденія и образованія ирвингитской секты, вмѣстѣ съ разборомъ тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется колоссальное зданіе ея чудовищнаго ученія, дастъ православнымъ соотечественникамъ нашимъ возможность съ *большою легкостью* исследовать столь пригодному особенно въ наше время увѣщанію Апостола—не всякому духу вѣровать, но исцѣтовати, аще отъ Бога суть...

¹⁾ Въ одномъ изъ мартовскихъ, кажется, номеровъ сего года.

²⁾ Отъ самихъ ирвингитовъ мы знаемъ, что министру иностранныхъ исповѣданій подава была въ 1871 году просьба о разрѣшеніи устроить въ Петербургѣ ирвингитскую церковь и совершать въ ней открыто Богослуженіе. Содержаніе прошенія намъ извѣстно (отъ ирвингитовъ же и подъ особеннымъ секретомъ), но о результатѣ мы ничего не слышали.

На западѣ, гдѣ ирвингитство впервые появилось (въ Англии и затѣмъ въ Германіи), оно встретило на первыхъ порахъ почти весь протестантскій міръ и вызвало множество горячихъ полемическихъ статей ³⁾ (хотя и мелкихъ, лишенныхъ научности), въ которыхъ—въ жару ли ожесточенной борьбы и спора или же просто въ видахъ скорѣйшаго его подавленія, по крайней мѣрѣ остановки его быстрого распространенія, ирвингитство представлялось въ самомъ чудовищномъ видѣ. Ему приписывались такіе ереси, которыхъ оно не только никогда не держалось, но всегда отрицало съ негодованіемъ и во всеуслышаніе признавало и объявляло еретическими (таково напр. приписываемое имъ еретическое ученіе о лицѣ Иисуса Христа). Понятно, что, при такомъ способѣ отношенія къ новой сектѣ, при такомъ недобросовѣстномъ приписываніи ей совершенно чуждыхъ для нея мыслей и мнѣній, отнюдь не могла быть достигнута та цѣль, для которой статьи эти предназначались. И такъ какъ ирвингизмъ былъ порожденіемъ духа своего времени, ко- стію отъ костей и плотію отъ плоти протестантской (хотя и въ видѣ реакціи, отрицательно) и—притомъ—чѣмъ-то такимъ, что восполняло такъ или иначе крайніе недостатки протестантизма и исправляло до нѣкоторой степени то, что въ немъ требовало исправленія: памфлеты эти (въ англійскомъ и даже русскомъ значеніи этого слова) отнюдь не могли задержать ирвингизма въ его развитіи и замѣчательно быстромъ распространеніи; напротивъ, послужили даже нѣкоторымъ образомъ ему въ пользу и сдѣлали то, что онъ не только безостановочно распространялся до послѣдняго времени, но, вѣроятно, и будетъ распростра-

³⁾ Не говоримъ уже о множествѣ пересмотрѣнныхъ нами газетныхъ статей напечатанныхъ въ разное время (съ 1831—36 г.) въ *The Times*, *The New Times*, *The Morning Chronicle*, *The Examiner* и въ особливости „*John Bull*“ и „*Cobbet's Register*“, которыя, уже потому одному, что писались для ежедневныхъ изданій, не могли быть ни огромны по объему, ни серьезны по содержанію. Такими же поверхностными оказываются и статьи напечатанныя въ недѣльныхъ и церковныхъ изданіяхъ, каковы *The Quarterly*, *Westminster*, *Edinburgh Reviews*, *The Pulpit*, *The Christian Observer*, *The Evangelical Magazine*, *The old Church Porch*. Къ этой же категоріи западныхъ и не совсемъ добросовѣстныхъ ми должны отнести до десятка, перечитанныхъ нами, и нѣсколько разобранныхъ въ журналѣ *Morning Watch* отдѣльныхъ брошюръ.

ваться, пока самъ протестантизмъ не измѣнится къ лучшему, не избѣгнетъ тѣхъ крайнихъ недостатковъ, исправленіе которыхъ и явилось въ формѣ ирвингизма.

Мы—православные—отнюдь не имѣемъ нужды подымать тревогу, опасаться проникновенія этой секты и въ нашу православную Россію. Глубоко-жизненная, всецѣло и вполне вѣрная типу древняго первобытнаго православія, наша церковь чужда тѣхъ крайностей и недостатковъ, которыми страдаетъ западный міръ. Но, помимо даже факта легкомысленнаго отношенія къ ирвингитской сектѣ нашихъ публицистовъ, претензій, ею заявляемыхъ, сами по себѣ такъ интересны и достойны вниманія, что просто въ видахъ научныхъ, въ видахъ изученія тѣхъ многочисленныхъ, хотя, какъ и слѣдовало ожидать, недостаточныхъ, а потому и недостижавшихъ цѣли, попытокъ самаго протестантизма исправить свои недостатки,—стоитъ всмотрѣться по пристальнѣе въ эту секту, разобрать эти новыя средства къ исправленію, приносимыя ею, оцѣнить и указать ихъ несостоятельность.

Литература предмета громадна и почти вся въ видѣ сыраго матеріала. Одинъ голый перечень книгъ, брошюръ, газетъ и журналовъ потребовалъ бы покрайней мѣрѣ 5 листовъ. Вотъ болѣе солидныя сочиненія: 1) по обзору состоянія міра религіознаго (католическаго и протестантскаго) и гражданскаго: а) *The Collected Writings of E. Irving* edited by Carlyle—5 vol. London 1864 г, и въ особенности: *The signs of the times*, 3 edit. Lond. 1829 *Babylon und infidelity foredoomed of God*—2 vol. Glasgow 1829. *Lectures on the Book of the Revelation*—3 vol. Lond. 1829. *The Church and State responsible to Christ* London 1828; б) *The Elijah Ministry*—Boase, Edinburgh, 1868. в) *The Signs of the times*, by Böhm translated from the German, Lond. 1861. *Lights and shadows in the present condition of the Church*, его же, Lond. 1860. и *Babylon the Great*, Lond. 1866. 2) по предмету образованія и развитія ирвингизма. I) журналы: а) *Morning Watch* (издававшійся ирвингитомъ) 1830—1833—7 vol: б) *The Investigator* 1831—1836; в) *The Evangelical magazine* 1829—1835; г) *The Edinburgh Review*; д) *The Christian Observer* vol. XXIX—XXXI; II) брошюры: а) *The Catholic Apostolic Church*, by Andrews, 1868. б) *A chronicle of certain events* 1852 в) *Narrative of events affecting the position of the whole christian Church*—1847, г)

Narrative of facts by Baxter—1833; д) Irvingism its rise, progress 1836, его же, е) The new apostles—1859., ж) The restoration of Apostles und prophets—1861; з) M-rs Oliphants Life of M-r Irving, 3 edit, 1864. и) Kers observations on M-rs Oliphants book—1861. i) E. Irving by w. Wilcks. к) The original constitution of the Church, by Hodges—1864; л) The new apostles—1861. м) A letter on certain statements in the old church Porch—1867; н) Geschichte des Protestantismus—Joerg, 1858; о) Briefwechsel—Bötger.

I.

И мнози лжепророци возстанутъ, и прельстятъ многия. (Мѡ. 24, 11).

Вы же блюдитесь: се прежде рече вамъ вся. (Марк. 13, 23).

Долго томился западный міръ подъ духовнымъ и матеріальнымъ гнетомъ католицизма; съ изумительнымъ, безпримѣрнымъ долотѣ въ исторіи терпѣніемъ переносилъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій самую грубую насилія надъ своею совѣстію, самое безчеловѣчное и безжалостное подавленіе истинно-религіозныхъ чувствъ и мыслей въ самомъ ихъ зародышѣ. Онъ почти не осмѣливался протестовать, видя, какъ папство постепенно вырождалось изъ простаго епископскаго сѣдалища въ престолъ преемника апостола Петра, его намѣстника, наконецъ, намѣстника самаго Иисуса Христа и видимаго главы всей Церкви. Онъ даже поддерживалъ папъ въ ихъ стремленіи овладѣть двумя мечами—духовнымъ и свѣтскимъ, совмѣстить въ одномъ лицѣ двѣ власти—духовную и свѣтскую, чтобы имъ сдѣлавшись мірскими владыками, подчинить своей власти всѣхъ христіанскихъ царей и царства, повелѣвать всѣмъ христіанскимъ міромъ. Онъ почти свыкъся съ непроходимомъ бездною, отдѣлявшею духовенство отъ мірянъ, съ привилегіями, по которымъ духовенство изъято было отъ всякаго подчиненія свѣтскимъ властямъ, отъ всякихъ обязательствъ и повинностей, имѣло свое собственное устройство и управленіе и всецѣло подлежало вѣдѣнію римскаго престола. Постепенно и неза-

мѣтно онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ всякое право на участіе въ избраніи своего духовенства. Борьба папъ съ епископами за главенство, еще болѣе съ государями за власть и наконецъ между собою, когда бывало по два и даже по три папы въ одно и тоже время, — вмѣсто искомага цѣною такихъ чрезвычайныхъ пожертвованій и ожидаемаго мира, принесла только нескончаемыя войны и раздоры, дала мѣсто всѣмъ возможнымъ интригамъ, гдѣ истина и право попирались съ презрѣніемъ и гдѣ по большей части торжествовали ложь и неправда. Невѣжество самое глубокое и грубое царило въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и тѣ, которымъ подобало бы быть свѣтильниками и стоять на свѣщницѣ, чтобы освѣщать путь другимъ, — сами находились въ глубочайшей тмѣ, сами нуждались въ освѣщеніи, хотя, по своей гордости, не хотѣли признать своего жалкаго положенія и употребляли всѣ усилія, чтобы угасить появлявшіяся отъ времени до времени искры свѣта при первомъ ихъ появленіи. Эти служители слова оказывались безмолвными, безсловесными; а ихъ жизнь, вмѣсто того чтобы быть образцемъ, достойнымъ подражанія, выраженіемъ на дѣлѣ евангельской чистоты и истины, была такъ порочна, гнусна и развратна, что сами язычники временъ римской имперіи могли бы смотрѣть на нее не иначе, какъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Народу не дали даже слова Божія и такимъ образомъ лишили его и послѣдней возможности быть лучше своихъ пастырей.

Но лучъ просвѣщенія, наконецъ, зажегся и съ открытіемъ книгопечатанія постепенно все болѣе и болѣе усиливался; а вмѣстѣ съ тѣмъ и этотъ страшный гнетъ сталъ чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе. То тамъ то здѣсь слышались громкіе протесты противъ различныхъ злоупотребленій, развившихся подъ вліяніемъ этого гнета и имъ поддерживавшихся. Мысль реформировать церковь во главѣ и членахъ начала пріобрѣтать себѣ все болѣе и болѣе приверженцевъ: она выражалась уже не только частными лицами и въ незначительныхъ кружкахъ, но высказывалась и обсуждалась

на соборахъ, и уже не могла быть подавлена никакими усилиями неразборчиваго на средства папства. Инквизиція съ ея ужаснѣйшими пытками и кострами для такъ называемыхъ еретиковъ, не дававшая покоя даже избѣжавшимъ при жизни ея преслѣдованій,—отнюдь не успокоивала умы, томившіеся жаждою освобожденія и самихъ себя отъ тяжкихъ оковъ, наложенныхъ на нихъ папствомъ, и церкви отъ тѣхъ грубыхъ заблужденій, какія постепенно привошли въ нее, и отъ той крайней степени упадка, на какой она находилась тогда; а напротивъ, еще болѣе возбуждала, поощряла и заставляла сосредоточиваться все глубже и глубже на мысли о необходимости реформировать церковь во главѣ и членахъ. Такимъ образомъ, еще за долго до реформаціи, почва для нея была уже совершенно обработана и была готова во всякое время принять и возрастить сѣмя реформаціи. Но народъ не желалъ раскола, тѣмъ болѣе ереси; онъ все еще ждалъ, что само папство пойметъ нужды и потребности времени и удовлетворить имъ законнымъ образомъ. И что же? Соборъ слѣдовалъ за соборомъ, одинъ папа смѣнялся другимъ; а дѣло реформаціи не подвигалось ни на шагъ: всѣ признавали ея необходимость, сами папы не отрицали настоятельной въ ней потребности и даже включали ее въ программу своей дѣятельности при вступленіи на престоль, но признанія такъ и оставались одними только признаніями, а обѣты или оказывались вынужденными и отвергались вмѣстѣ съ минованіемъ этихъ побужденій, или же, при искренности, встрѣчали на самыхъ первыхъ порахъ такія непреодолимые затрудненія и такую необоримую оппозицію, что давашіе ихъ вынуждены были оставаться при одномъ благочестивомъ намѣреніи и готовности исполнить ихъ при первой возможности. Но возможности не представлялось. Напротивъ того, вмѣсто подавленія заблужденія встрѣчали самую дѣятельную поддержку въ лицѣ папъ и потому безпрепятственно усиливались и распространялись; пороки поощрялись тоже самими папами и дошли до крайней степени наглости и разврата. Народу, совершенно

истощившему всякое долготерпѣніе, не оставалось ничего болѣе, какъ взяться за реформацію самому и совершить ее независимо и внѣ столь глубоко павшей церкви. Вотъ почему достаточно было одного, ничтожнаго сравнительно, повода (продажа индульгенцій существовала на практикѣ и прежде) для смѣлаго протеста простаго монаха и этого протеста частнаго лица для всеобщей реформаціи, отторгшей почти цѣлую половину католическаго міра.

Главные задачи реформаціи ярко обрисовывались уже самыми недостатками католицизма, исправленіе которыхъ было ея первостепенною цѣлю. Очевидно, она должна была дать всякому вѣрующему возможность читать слово Божіе и притомъ на его родномъ языкѣ, уменьшить бездну, отдѣлявшую духовенство отъ мірянъ, устранить вмѣшательство духовенства во всѣ мірскія дѣла и предоставить мірянамъ право участія въ избраніи духовенства. Выполненіе этихъ задачъ было дѣломъ крайне необходимымъ и въ должныхъ предѣлахъ могло бы быть въ высшей степени полезнымъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, реакція чудовишнымъ крайностямъ католицизма не могла и сама удержаться въ должныхъ границахъ а въ силу естественнаго закона противоположностей, должна была впасть и дѣйствительно впаала въ другую, совершенно противоположную крайность. Въ самомъ дѣлѣ, давъ слово Божіе въ руки каждаго вѣрующаго, реформаторы предоставили ему не только чтеніе, но и разумѣніе и даже истолкованіе онаго, постановивъ своимъ основнымъ принципомъ субъективное, индивидуальное пониманіе. Освободившись отъ тяжелыхъ оковъ опеки папской, причемъ невыслимо было даже малѣйшее уклоненіе отъ тѣсныхъ предписанныхъ рамокъ, — не обуздываемая и не сдерживаемая болѣе никакимъ авторитетомъ мысль реформаторовъ дала полную волю своему врожденному стремленію къ свободѣ и независимости и увлеклась этою свободою до того, что, какъ ни велико количество символическихъ книгъ, оно отнюдь не могло удовлетворить всѣхъ вѣрующихъ: почти каждое десятилѣтіе порождало новыя и но-

выя секты, почти каждый пункт вѣроученія подвергался самымъ разнообразнымъ, противорѣчивымъ толкованіямъ, каждое изъ этихъ толкованій имѣло своихъ послѣдователей, отрицавшихъ всѣ другія. Мало того: не много оказывалось общаго во взглядахъ различныхъ лицъ, принадлежавшихъ одной и той же сектѣ, даже одной и той же конгрегаціи; не осталось ни одного пункта въ вѣроученіи, нравоученіи и обрядахъ, въ подробностяхъ взгляда на который не существовало бы болѣе или менѣе замѣтной разницы. Дошло до того, что утратился всякій смыслъ словъ: «вѣрую во единую Церковь». По истинѣ, протестантскій міръ представляетъ Вавилонское столпотвореніе ⁴⁾: у него нѣтъ нарѣчій, общаго даже немногихъ индивидуумамъ; каждая единица говоритъ своимъ собственнымъ языкомъ, и потому неудивительно, что каждая удаляется отъ другой, избѣгаетъ ея и всѣ оказываются до безконечности раздробленными, разсѣянными и раздѣленными. Такой рѣзкій переходъ отъ слишкомъ замкнутаго, мертваго и безжизненнаго единства (или точнѣе—единообразія) къ крайнему разнообразію и даже разъединенію въ мысляхъ и взглядахъ совершился, конечно, не вдругъ, а постепенно: но онъ былъ прямымъ, непосредственнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ поставленнаго принципа субъективности. Къ неменѣе горькимъ результатамъ привело реформацію и выполненіе другихъ лежавшихъ передъ нею цѣлей и задачъ. Частію въ силу перваго основнаго принципа—права каждаго вѣрующаго читать и истолковывать слово Божіе по своему, когда уже не было никакой нужды въ особомъ, священномъ классѣ учителей; частію потому, что число таинствъ доведено было до двухъ, а ихъ значеніе утратило совершенно свой прежній глубоко-таинственный смыслъ, такъ что они введены были на степень простыхъ обрядовъ, причемъ не оказалось уже необхо-

⁴⁾ Сравненіе это можно встрѣтить въ любомъ нравственномъ сочиненіи, но въ приложеніи, очевидно несправедливомъ, во всѣхъ существующихъ церквахъ. Ирвингиты, вообще говоря, чрезвычайно краснорѣчивы и патетичны, когда дѣло касается соотношеній церквей.

димости и въ особомъ классѣ строителей таинъ Божіихъ, и наконецъ, потому, что управленіе церковію вмѣсто единоличнаго, папскаго присвоено было каждому вѣрующему въ лицѣ избираемыхъ общинами делегатовъ, причеиъ небыло уже мѣста и особому классу правителей церкви,—въ силу всего этого духовенство потеряло всякое значеніе, какъ особый классъ, совершенно смѣшалось съ паствою и въ нѣкоторыхъ крайнихъ проявленіяхъ реформаціи даже вовсе не существуетъ, и должность проповѣдника ввѣряется или по очереди или по случаю... Само собою разумѣется, что о вмѣшательствѣ духовенства въ мірскія дѣла уже не могло быть и рѣчи; наоборотъ, даже и тамъ, гдѣ духовенство еще существуетъ, міряне вмѣшиваются въ его даже собственно церковныя дѣла. Церковь съ ея іерархіею и тайнствами низведена на степень обыкновеннаго человѣческаго общественнаго учрежденія и какъ таковая, должна была и всецѣло подчинилась волѣ и власти государства, которое и есть не *de facto* только, а и *de jure* глава этой церкви, если только такому человѣческому учрежденію можетъ быть усвоено наименованіе Церкви⁵⁾.— Въ концѣ концовъ протестантская церковь раздробилась на безчисленное множество раздѣленныхъ и подраздѣленныхъ мелкихъ общинъ, которыя объединялись только въ ненависти къ католицизму, во у которыхъ ни въ ученіи вѣры, ни въ таинствахъ, ни въ управленіи не оказывалось почти ничего общаго. Изъ всего сгубола осталось у нихъ общимъ только: «вѣрую во единого Бога»⁶⁾. Такимъ оказался тотъ *примитивизмъ* (первобытное христіанство) къ которому такъ стремились всѣ реформаторы и которымъ доселѣ продолжаютъ хвастаться! Правда, каждая изъ вѣтвей протестантизма, отдѣляясь отъ общаго, имѣла въ виду исправить и иногда, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени исправляла недостатки и крайности этого общаго; но за то

⁵⁾ Не говоримъ уже о другихъ крайностяхъ, до которыхъ дошла реформація въ своемъ реакціонномъ направленіи, которыя всѣ имѣли большее или меньшее вліяніе на образованіе првингизма.

⁶⁾ Имѣемъ въ виду при этомъ социніанъ, унитаріанъ и др.

сама впадала въ другія крайности, не избѣгала другихъ, иногда еще худшихъ, недостатковъ. Даже каждая изъ партій, видимо принадлежавшихъ къ одной и той же вѣтви, не рѣдко къ одной и той же конгрегаціи, стремилась къ улучшенію и усовершенствованію. Но недостатки, притомъ неисправимые, продолжали существовать; а между тѣмъ испробованы уже были всѣ возможные пути и средства, которыми умъ и силы человѣческіе еще надѣялись исправить и улучшить это безотрадное положеніе своей церкви. Что оставалось? — Что казалось одному лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ врачеванію язвъ церкви,—отрицалось, какъ никауда негодное, другимъ, предлагавшимъ и выдававшимъ за столь полезные свои пути и средства, а эти послѣдніе постигала та же участь со стороны противниковъ. Неудивительно, что люди благоразумные и богобоязненные повторяли вмѣстѣ съ однимъ изъ древнихъ философовъ, что, если не явится на помощь самъ Богъ,—дальнѣйшее существованіе будетъ совершенно невозможно... Между тѣмъ такое жалкое положеніе вѣры и церкви въ средѣ протестантизма привело многихъ весьма естественно къ совершенному безвѣрію, къ отрицанію Божественнаго промысла, Божественнаго управленія вселенною и, въ связи съ другими причинами, породило ту страшную революцію 1789—1792 года съ ея ужасающими послѣдствіями, для которой не было ничего священнаго, которая отвергла всякую религію и разрушила всѣ существовавшія до того учрежденія и порядки. Эта ужасная ломка не могла не произвести потрясающаго вліянія на весь христіанскій міръ. Удивительно ли, что она привела протестантовъ, давнымъ давно уже видѣвшихъ антихриста въ лицѣ папы, къ мысли о кончинѣ міра и заставила заняться по преимуществу пророчествами, чтобы понять смыслъ совершавшихся политическихъ событій, и по нимъ опредѣлить время пришествія антихриста и кончины міра?...

Вотъ данныя, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ объяснить и появленіе ирвингизма и принятіе имъ именно той формы,

въ какой онъ является и теперь. Съ этой точки зрѣнія, появленіе его было дѣломъ крайне необходимымъ; его притязанія, ожиданія и надежды могутъ быть, хотя отчасти, оправданы нуждами и потребностями времени; ею же можно объяснить и тотъ, съ перваго взгляда довольно разительный, фактъ, что ирвингизмъ быстро распространяется только и почти исключительно между протестантами: принятіе его католиками—событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій; а принятіе православными дѣло, доселѣ не бывалое, да и едва ли когда либо возможное, хотя онъ и близокъ къ православію по своей обрядовой сторонѣ и ученію о таинствахъ.

Но обратимся къ нашему очерку. Когда церковь протестантская дошла до такого безотраднaго положенія, что всѣ попытки различныхъ ея вѣтвей на улучшеніе приводили, вопреки всякимъ усиліямъ и ожиданіямъ, къ результатамъ совершенно противоположнымъ: съ появленіемъ каждой новой вѣтви, или даже отпрыска, побѣга, ея положеніе все болѣе и болѣе ухудшалось, и она раздробилась на такіа маленькія частички въ видѣ общинъ, что нхъ дѣйствительно, вмѣстѣ съ Йэргомъ⁷⁾, можно уподобить атомамъ; когда она истощила всѣ средства, какія только могъ придумать умъ человѣческій и какія могли быть приведены въ исполненіе человѣческими силами, такъ что уже ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ ожидать помощи отъ нѣбъ, свыше; а между тѣмъ политическія событія своими потрясающими результатами приводили къ мысли о послѣднихъ временахъ и еще болѣе давали чувствовать потребность и настоятельную нужду въ этой сторонней помощи: въ это-то, до крайности возбужденное время среди англійскаго протестантизма раздался призывъ⁸⁾ молиться о новомъ и обильнѣйшемъ изліаніи Св. Духа и, разумѣется, немедленно же нашелъ отголосокъ въ средѣ духовенства и мірянъ. По всей Англии образовались общества, поставившія своею ис-

⁷⁾ Geschichte des Protestantismus... Freiburg. 1858.

⁸⁾ Thoughts on the importance of special prayer for the outpouring of the Holy Ghost, 4 ed. Hammersmith, 1827. by Stewart.

ключительною задачею собираться отъ времени до времени для молитвы объ изліаніи Св. Духа; весьма многія семейства по крайней мѣрѣ дважды въ недѣлю посвящали этому свою домашнюю молитву. Само собою разумѣется, Лондонъ, гдѣ впервые раздался этотъ кличъ, первый подалъ примѣръ въ этомъ отношеніи. Мало того: онъ расширилъ задачу этихъ общественныхъ митинговъ и изученіе пророческихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, на которыя было устремлено особое вниманіе еще со времени реформаціи и къ которымъ оно еще болѣе привлечено было послѣ французской революціи,— дѣло совершенно частное, личное сдѣлалъ занятіемъ общественнымъ, второю цѣлю этихъ митинговъ. Въ 1826 году въ Лондонѣ образовалось общество изъ духовенства и міранъ, принадлежавшихъ всѣмъ тогдашнимъ англійскимъ сектамъ, котораго цѣлю было собираться ежегодно на нѣсколько времени въ Лондонъ—какъ для молитвы объ изліаніи Св. Духа, такъ и для совѣстнаго чтенія и уразумѣнія пророческихъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта. Съ 1826 по 1830 годъ общество это дѣйствительно собиралось ежегодно, по большей части въ ноябрѣ мѣсяцѣ; около трехъ, четырехъ недѣль продолжало свои засѣданія и плоды своихъ занятій издало въ трехъ огромныхъ томахъ подъ заглавіемъ: «Conversations on Prophecy»⁹⁾). Всѣ члены этого общества были согласны въ томъ, что современное имъ положеніе протестантской церкви, раздираемой на безчисленное множество дробленій и подраздѣленій, было крайне безотраднo и могло быть улучшено не иначе, какъ только при помощи свыше; нити не сомнѣвался въ томъ, что кончина міра слишкомъ близка и что исканіе помощи свыше—самая настоятельная, насущная потребность и неотложная необходимость. Удивительно ли, послѣ этого, что уже на первомъ митингѣ рѣшено было всячески содѣйствовать повсюдному распространенію призыва къ молитвѣ объ обильнѣйшемъ изліаніи Св. Духа¹⁰⁾). Мысль о томъ, что чу-

⁹⁾ Мы пользовались изданіемъ Nisbet'a 1830. London.

¹⁰⁾ Conversations on Prophecy pages 370 и 371.

десныя дарованія прекратились не потому, чтобы въ нихъ не было нужды для церкви, а по причинѣ упадка вѣры,—высказанная также на этомъ митингѣ ⁴¹⁾, была совершенно справедлива и слишкомъ умѣренна для того, чтобъ привести къ какой либо крайности въ практическомъ ея приложеніи. Но въ этихъ собраніяхъ принимала участіе такая эксцентричная личность, какъ Эдуардъ Ирвингъ ⁴²⁾, шотландско-пресвитеріанскій священникъ въ Лондонѣ, звѣзда первой величины въ средѣ англійскихъ проповѣдниковъ того времени,—личность, которая, разъ увлекшись какою либо идеею, уже не могла остановиться на полдорогѣ въ ея развитіи и которая, доходя до крайностей, даже абсурдовъ, во всемъ, за что бы ни принималась она, не могла и въ этомъ случаѣ удержаться въ должныхъ предѣлахъ.

Мы отнюдь не имѣемъ особенной нужды вставать на томъ, что мысль о прекращеніи даровъ духовныхъ отъ упадка вѣры была впервые высказана Ирвингомъ, какъ это усиливаются доказать нѣкоторые ⁴³⁾, на основаніи тождества имени (Anastasius ⁴⁴⁾ имя Ирвинга и другаго лица, присутствовавшего на этихъ митингахъ), вопреки довольно вѣскимъ и въ высшей степени запальчивымъ опроверженіямъ ирвингианъ ⁴⁵⁾; мы готовы даже допустить, что въ это время (1826 г.) Ирвингъ, сравнительно говоря, почти безучастно относился и къ самой мысли о необходимости молиться объ обильнѣйшемъ изліяніи Св. Духа. Но, тогда какъ рвеніе другихъ мало-по-малу охладѣвало, или по крайней мѣрѣ не заходило далѣе простаго

⁴¹⁾ Ib. p. 363.

⁴²⁾ Мы имѣли подъ руками три жизнеописанія его: а) Washington Wicks'а, свѣдѣющее главнымъ образомъ за умственнымъ развитіемъ и дѣятельностію Ирвинга и потому заключающее множество выписокъ изъ его сочиненій; б) M-rs Oliphants, имѣющее въ виду главнымъ образомъ его общественную дѣятельность и в) Keel'a—очень коротенькое, только дополняющее и исправляющее свѣдѣнія, сообщаемыя M-rs Oliphants.

⁴³⁾ Irvingism, p. 289, in The Old Church Porch.

⁴⁴⁾ Conversations on Prophecy, p. 368.

⁴⁵⁾ См. напр., A letter on certain statements, p. 12 и 13.

теоретическаго признанія этихъ двухъ положеній (о прекращеніи даровъ духовныхъ и необходимости молитвы о новомъ ниспосланіи ихъ), Ирвингъ постепенно все глубже и глубже входилъ, такъ сказать, въ духъ ихъ, принималъ ихъ ближе къ сердцу, все болѣе и болѣе увлекался ими, такъ что уже въ концѣ 1827 или въ самомъ началѣ 1828 года онъ выразилъ въ одной изъ своихъ проповѣдей (homily) о крещеніи ¹⁶⁾ мысль, что подъ словами: «и вы приимите даръ Святаго Духа» (Дѣян. 2, 38) одинаково нужно разумѣть какъ внутренніе дары благодатнаго освященія, такъ и дарованія, обнаруживающіяся во внѣ,—и высказалъ, какъ свое непоколебимое убѣжденіе, мысль, что хотя церковь и утратила эти послѣднія, составлявшія прежде необходимую принадлежность всякаго крещеннаго, она будетъ имѣть и сообщать ихъ чрезъ крещеніе снова, если Господь найдетъ нужнымъ ихъ проявленіе. Мало того: со всею силою своею увлекательнаго краснорѣчія онъ возсталъ при этомъ противъ раздѣленія (по его мнѣнію, совершенно произвольнаго) дарованій духовныхъ на обыкновенныя и чрезвычайныя ¹⁷⁾. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы прійти къ той теоріи, на которой основано все специфическое ученіе ирвингянъ, которой оно поддерживается и вмѣстѣ съ опроверженіемъ которой неизбежно рушится. Въ своемъ крайнемъ, хотя и обычномъ для него, увлеченіи Ирвингъ не остановился и передъ этимъ опаснымъ шагомъ и въ 1829 году начертилъ неподражаемую, по ея поэтическимъ красотамъ, картину первобытной церкви со всѣми ея чрезвычайными дарованіями ¹⁸⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со всею убѣдительностію своею, непобѣдимой въ заключеніяхъ, хотя и шаткой въ посылкахъ (особенно большей или основной), логики, онъ старался доказать, что такъ-называемые чрезвычайные дары суть обыкновенныя для церкви дарованія, что они составля-

¹⁶⁾ Homilies on Baptism. Vol. 1, p. 98. London 1828.

¹⁷⁾ Id. pp. 102—105.

¹⁸⁾ „The Church and her endowments“ заглавіе этого сочиненія, напечатаннаго въ Morning Watch и полномъ собраніи сочиненій.

ютъ необходимую ея принадлежность и даны ей навсегда, такъ что безъ нихъ церковь почти не мыслима. При той гордой увѣренности, которая свойственна только англійской натурѣ ¹⁹⁾ и по которой все, чего бы ни просилъ онъ отъ Бога, несомнѣнно должно быть получено, — очевидно, оставалось только помолиться о ниспосланіи Св. Духа, чтобъ получить удовлетвореніе и увидѣть церковь снова обладающею тѣми же благодатными дарованіями и въ такой же, если не большей мѣрѣ, какими и въ какой изобиловала церковь первобытная, напр., въ Коринѣ ²⁰⁾. Понятно, что эта теорія, съ одной стороны, еще болѣе возбуждала отозваться на призывъ къ молитвѣ объ обильнѣйшемъ изліяніи Св. Духа, а съ другой — открывала чрезвычайно широкій путь самообольщенію, суевѣрію и даже обманамъ ²¹⁾.

Между тѣмъ, теорія эта ревностно проповѣдывалась и самимъ Ирвингомъ и его приверженцами; его помощникомъ А. Скоттомъ ²²⁾ занесена была, между прочимъ, и въ Ферникарри и тамъ нашла себѣ слишкомъ воспримчивую почву въ умѣ одной молодой, чрезвычайно красивой и способной дѣвушки, по имени Мэри Кэмпбелъ (Mary Campbell ²³⁾).

Личность эта и обстоятельства, въ которыхъ она находилась, были слишкомъ благоприятны для того, чтобы пущенная въ ходъ Ирвингомъ новая теорія получила здѣсь, въ Ферникарри, свое первое практическое приложеніе, сопровождавшаяся важными для послѣдующаго дѣла результатами и принесла обильный плодъ. Нужно замѣтить, что мысль о безусловной любви Иисуса Христа ко всему человѣчеству и вообще

¹⁹⁾ См. любопытное признаніе самаго англичанина въ Old Church Porch, въ статьѣ „Irvingism I стр. It is a lofty claim, говоритъ онъ объ ирвингитскихъ апостолахъ. somewhat in the character of our island people who are wont to think that we and all which belongs to us, are so far superior to whatever is found anywhere“.

²⁰⁾ Именно такую мысль, даже почти въ тѣхъ же словахъ, выразилъ самъ Ирвингъ въ „The Church and her endowments“, стр. 58—60.

²¹⁾ Memoir of Robest Story, of Rosneath 1862., стр. 194—212.

²²⁾ M-rs Oliphanth life of M-r Irving 4-th ed., стр. 275—276.

²³⁾ Memoir, by Rob. Story, стр. 195, и id. стр. 288.

около этого времени съ особеннымъ жаромъ проповѣдывалась братомъ Мэри Кэмбелъ и что Мэри сильно увлеклась этою мыслию и сдѣлалась самою ревностною ея поборницею; какое обстоятельство еще болѣе усиливало въ ней увѣренность въ томъ, что о чемъ бы она ни молилась, чего бы ни просила отъ Бога,—удовлетвореніе несомнѣнно и скоро должно послѣдовать. Далѣе, записки ²⁴⁾ только что передъ этимъ умершей сестры ея Изабеллы, распространившіяся почти по всей Англіи и пріобрѣвшія такую громкую извѣстность, доставила и Мэри, какъ сестрѣ, о которой, притомъ, такъ часто упоминалось въ нихъ, значительную популярность, привлекли въ домъ ея множество посѣтителей съ разныхъ, иногда и очень отдаленныхъ, мѣстностей и не могли не возбудить въ ней мысли о томъ, что и отъ нея самой ожидаютъ чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго; тѣмъ болѣе, что по своему уму и образованію, Мэри стояла несравненно выше той среды, въ которой находилась, и могла бы съ достоинствомъ занимать гораздо высшее положеніе въ обществѣ. Энтузіастка отъ природы, одаренная живымъ воображеніемъ и необузданною фантазією, развившимися еще болѣе отъ и во время ея продолжительной болѣзни отъ чахотки (не обыкновенной туберкулезной, а отъ періодическаго образованія огромныхъ нарывовъ въ легкихъ, которые, сами собою созрѣвая и отъ времени до времени лопааясь, давали мѣсто появленію другихъ), — Мэри была глубоко убѣждена, что находилась въ непрерывныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ Богомъ, Имъ была руководима и направляема во всѣхъ, самыхъ малѣйшихъ, подробностяхъ ея ежедневной жизни,—и обладала дѣйствительно замѣчательною способностію представлять все, что бы она ни дѣлала, какъ дѣло по истинѣ вдохновенное, законное и необходимое, и заинтересовать даже своихъ противниковъ. Если, наконецъ, прибавить къ этому, что она, особенно въ послѣднее время, постоянно занята была мыслию о миссіонерствѣ среди язычниковъ; то

²⁴⁾ Memoirs Rosneath, 1828.

заключеніе, какое съ неизбѣжною необходимостію будетъ вытекать изъ всего этого, можетъ быть только одно: эта личность, по своей природѣ, расположенію и наклонностямъ, была именно одною изъ тѣхъ, которыя столь способны были впадать въ самый крайній мистицизмъ, въ родъ Іоанны Саузскотской и Шведенбора (по-ирвингитски: «личность, пменно способная быть орудіемъ въ рукахъ Божіихъ и достойная избранія для такого великаго дѣла» ²⁵⁾). И вотъ на эту-то почву, такъ хорошо подготовленную для подобнаго сѣмени и самую природою и окружающими обстоятельствами, брошено было то сѣмя, которое быстро привилось и принесло обильный плодъ въ видѣ ирвингизма. Въ 1829 году, Александръ Скоттъ, помощникъ Ирвинга, посѣтилъ, между многими другими мѣстностями Шотландіи, и Ферникарри и какъ вездѣ старался и здѣсь внушить раздѣляемое имъ съ Ирвингомъ убѣжденіе, что духовные дары должны были бы проявляться и въ то время и что христіане, какъ крещенные во увѣреніе дара Духа Святаго точно также, какъ покаяніе и отпущеніе грѣховъ, не только имѣютъ право, но и обязаны молиться о ниспосланіи этихъ даровъ. Въ связи съ этимъ ученіемъ, имъ же внушена была и та, въ основѣ своей справедливая, но въ развитіи и приложеніи доведенная до крайности, мысль, что тѣлесныя болѣзни, какого бы рода отъ ни были, суть не что иное, какъ дѣйствіе діавола, и что потому исцѣленіе отъ нихъ возможно чрезъ молитву и только чрезъ нее одну. Послѣ всего этого, Мэри Кэмбель весьма естественно могла придти и къ той мысли, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ готовности Бога говорить и ей, какъ Онъ говорилъ Елисею, что она и другіе, проникнутые тѣмъ же убѣжденіемъ, обладали всѣми свойствами тѣхъ лицъ, на которыхъ Богъ обѣщалъ излить въ послѣдніе дни Св. Духа и даръ пророчества. Не удивительно, далѣе, и то, что горя страстнымъ желаніемъ отправиться въ отдаленныя языческія страны съ проповѣдію

²⁵⁾ The restoration of the apostles and prophets, стр. 25.

Евангелія, она вообразила себя одаренною способностію говорить на туземномъ нарѣчїи. Такъ или иначе, только въ одинъ изъ мартовскихъ воскресныхъ вечеровъ 1830 года она начала произносить такіе звуки, которыхъ никто изъ присутствовавшихъ при этомъ друзей ея не могъ понять, но которые, по ея мнѣнію, были языкомъ группы острововъ на южной части Тихаго Океана (излюбленное ею для проповѣди мѣсто), т. е. были проявленіемъ того же самаго дара иныхъ языковъ или родовъ языковъ, который обильно излитъ былъ на первыхъ учениковъ Господа въ Іерусалимѣ въ день Пятидесятницы и на церковь коринѳскую. Такимъ образомъ, цѣль была достигнута: молитва събъ изліяніи Св. Духа услышана, и первые слѣды этого изліянія обнаружались въ дарѣ иныхъ языковъ. Оставалось только ожидать и желать изліянія этого дара на другихъ и проявленія другихъ видимыхъ знаменій изліянія Св. Духа. Но и удовлетвореніе этихъ ожиданій и желаній не замедлило послѣдовать, когда трудное начало было уже сдѣлано.

Въ Портъ-Глязго, отстоящемъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ферникарри, жило въ то время семейство Макдональдъ, состоявшее изъ двухъ братьевъ и трехъ сестеръ и находившееся съ давняго времени въ близкомъ знакомствѣ съ семействомъ Кэмбелъ. Одинаковость убѣжденій еще болѣе сближала ихъ между собою. Какъ въ Ферникарри, такъ и здѣсь, собирались довольно часто для молитвы объ обильнѣйшемъ изліяніи Св. Духа; здѣсь также былъ Скоттъ съ своею проповѣдью и также успѣлъ внушить безусловное упованіе, что Господь не подаетъ камня просящимъ хлѣба (каковымъ на этотъ разъ было изліяніе Св. Духа), а потому здѣсь также не усумнились признать за даръ языковъ тѣ непонятные звуки, которые пронесены были Мэри Кэмбелъ и вѣсть о которыхъ дошла до нихъ немедленно. Слѣдствіе понятно: съ еще большимъ рвеніемъ и увѣренностію семейство Макдональдъ стало молиться объ изліяніи даровъ Св. Духа и на своихъ членовъ. Разницы между ними и Кэмбелъ не было дѣйствительно никакой; на-

противъ, между одною изъ сестеръ и Мэри было замѣчательное сходство—какъ въ настроеніи и расположеніи духа, такъ и во внѣшнемъ положеніи: и Маргарита Макдональдъ была такая же энтузіастка, какъ и Мэри Кембелъ, и она, также въ теченіе долгаго времени, лежала въ постель и казалась иногда положительно умирающею. При той увѣренности и нетерпѣливости, съ какими они ожидали изліянія Св. Духа, весьма неудивительно, что и обыкновенное экстатическое состояніе Маргариты, всецѣло погружившейся однажды утромъ въ созерцаніе Бога, Его чистоты и святости, Его безконечной любви къ роду человѣческому,—до полного забвенія о себѣ и объ окружающихъ ее друзьяхъ (такъ что она, вмѣсто продолженія только что начатаго 106 псалма, присоединила своей голосъ къ слышанному ею безчисленному лику ангеловъ, воспѣвавшихъ: «адмилуія; яко Господь Богъ всемогущій царствуетъ», и много говорила о безконечной любви Іисуса Христа къ людямъ о необходимости обращенія къ Нему невѣрующихъ, безпорочной чистотѣ и святости Бога, который не можетъ безъ отвращенія смотрѣть на грѣхъ, и необходимости для каждаго именующаго себя христіаниномъ удалиться отъ беззаконія, и это-то, необычное даже въ самой Маргаритѣ явленіе, подъ вліяніемъ нетерпѣливо выжидательнаго состоянія, было признано за необычайный даръ Св. Духа, даръ пророчества (въ смыслѣ глубокаго проникновенія въ тайны божественнаго домостроительства). За симъ не замедлилъ послѣдовать и даръ исцѣленія, ниспосланный старшему брату Маргариты Іакову, и имѣвшій первое свое приложеніе на самой же Маргаритѣ. Мы вовсе не хотимъ заподозрѣвать Маргариту въ лицеизврѣніи и заранѣе обдуманномъ обманѣ, хотя послѣдующія событія ясно показываютъ, что все семейство Макдональдъ, особенно Іаковъ, о неблаговидномъ поведеніи котораго даже родная сестра не могла умолчать ²⁶⁾, приписывая его, конечно, вліянію

²⁶⁾ Вотъ ея слова „Satan, alas! was busy also, trying to create confusion and mar the work of God, and, unhappily, *too far* succeeded in some, to our grief, but especially that of James“.

злаго духа, — отнюдь не прочь было воспользоваться этимъ явленіемъ, какъ наилучшимъ средствомъ пріобрѣтенія себѣ популярности, славы и улучшения финансоваго своего положенія. Но, не говоря уже о мнѣніи докторовъ ²¹⁾, пользовавшихся Маргариту и утверждавшихъ, что выздоровленіе ея — довольно обычное слѣдствіе чрезвычайнаго душевнаго напряженія и что болѣзнь ея была именно такого рода, что нуждалась и могла быть исцѣлена почти только однимъ этимъ напряженіемъ,—самый рассказъ одной изъ старшихъ сестеръ ея объ этомъ необычайномъ событіи, написанный — нужно замѣтить — не безъ предвзятой мысли о чудесности явленія, намъ кажется, не можетъ не привести къ мысли о томъ, что еще до повелѣнія брата: «востани и исправися» (Пс. 19, 9), необыкновенное напряженіе духа уже пересилило тѣлесную немощь, придало бодрость всему организму и исцѣвило его отъ болѣзни. Такимъ образомъ, слова брата и поднятіе ея съ постели были только поводомъ къ обнаруженію уже совершившагося переворота, исцѣленія. Но въ умахъ, совершенно иначе настроенныхъ, ожидавшихъ и искавшихъ чудеснаго, — и это обыкновенное явленіе должно было принять характеръ чуда, оказаться слѣдствіемъ ниспосланія дара исцѣленій.

Понятно, что для Мэри Кэмбелъ и одного рассказа о чудесномъ исцѣленіи Маргариты было совершенно достаточно, чтобъ произвести необычайное потрясеніе во всеѣ ея организмъ: ибо это была вѣсть объ исполненіи наконецъ, всеѣхъ ея ожиданій, надеждъ, прошеній и молитвъ, — вѣсть, не оставлявшая уже въ ней болѣе мѣста для сомнѣнія въ томъ, что дары Духа Святаго излиты снова и притомъ въ такомъ же обиліи, какъ и въ первенствующей церкви. Такъ или иначе, съ нею совершилось тоже самое, что и съ Маргаритою: она также внезапно почувствовала полное исцѣленіе по полученіи письма отъ Іакова Макдональдъ, который сообщалъ ей подроб-

²¹⁾ Сполна напечатаны въ 53 ст. *Edinburgh Review* на стр. 260—265. См. также полемику по этому поводу „*Edinburgh Review*“ 53 т., стр. 265 и *Morning Watch*. т. 2, съ стр. 560.

ности восстановления Маргариты и повелѣвалъ точно также, какъ и первой, встать и ходить.

Почти непосредственно за симъ слѣдовалъ даръ языковъ, полученный Георгіемъ и Іаковомъ Макдональдъ и ихъ сестрою, Маргаритою; даръ истолкованія языковъ, когда кто-то изъ присутствовавшихъ напомнилъ о его необходимости, немедленно же обнаружился въ Георгіи, истолковывавшемъ постепенно—одно за другимъ—краткія изреченія Іакова; не было недостатка также и въ даръ «разсужденія духовомъ». Однимъ словомъ, въ концѣ концовъ оказалось, что въ Портъ-Гляво Духъ Святый излился такъ обильно, что все, о чемъ повѣствуютъ намъ Дѣянія апостольскія и 1-е посланіе къ Коринѳянамъ, какъ чрезвычайныхъ дарахъ церкви первенствующей, можно было найти и среди этихъ христіанъ. Мало того: въ средѣ ихъ дѣйствительно не оказалось никакого различія между мужемъ и женою (женщины говорили и пророчествовали даже болѣе и чаще), рабомъ и свободнымъ (за служанками также не отрицали возможности и права получить даръ языковъ), взрослыми и дѣтьми (сіи послѣдніе ²⁹⁾ также говорили на иныхъ языкахъ и пророчествовали) и, какъ утверждали и утверждаютъ доселѣ, только на нихъ излился Духъ Святый такъ обильно, какъ предсказалъ пророкъ Іоиль, такъ что Пятидесятница была только частнымъ исполненіемъ этого пророчества,—первымъ, не столь обильнымъ, какъ сей послѣдній, дождь. Естественно, что слухи обо всѣхъ этихъ событіяхъ, обличенныхъ во всѣ возможные и невозможные атрибуты чудеснаго, привлекли въ домъ Макдональдовъ, вслѣдъ за только-что исцѣлившеюся Марі Кэмпбелъ, еще большія толпы народа со всѣхъ концовъ Шотландіи, Ирландіи и Англіи. Въ числѣ послѣднихъ явились также и три члена Ирвинговой конгрегаціи.

²⁹⁾ Особенно замѣчательенъ рассказъ о двухъ сыновьяхъ близнецахъ одного деревенскаго священника, сначала признанныхъ за дѣйствительно одаренныхъ Духомъ Божиимъ, а потомъ за одержимыхъ духомъ нечистымъ. *The Restoration of Apostles and Prophets*, стр. 75.

Ирвингу, который принималъ столь дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, конечно, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ признать его за дѣло Божіе, за то обильное изліяніе Св. Духа, за возможность и необходимость котораго онъ такъ много ратовалъ въ своихъ краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ и о которомъ такъ горячо молился шибѣть съ своею конгрегаціею. И онъ не только призналъ его таинъ; но, со всею горячностію своей пылкой натуры, возсталъ на защиту этого движенія противъ всѣхъ органовъ общественнаго мнѣнія, съ еще большимъ рвеніемъ началъ молиться объ этомъ изліяніи и на свою конгрегацію и, когда нѣкоторые изъ его поклонниковъ, хотя и принадлежавшіе англиканской епископальной церкви, начали говорить иными языки и были отвергнуты своими пастырями, какъ самообольщенные или обманщики, открылъ для нихъ двери своей церкви, принявъ ихъ подъ свое пастырское попеченіе и руководство. Мало-по-малу церковь его обратилась въ убѣжище всѣхъ одаренныхъ лицъ, в богослуженіе въ ней сдѣлалось временемъ обнаруженія такъ-называемыхъ даровъ духовныхъ. Гоненіе, воздвигнутое на него по этому со стороны его властей, совершенное изгнаніе изъ этой церкви въ 1832 году и запрещеніе священнослуженія не только не поколебали его убѣжденій и рѣшимости, но еще болѣе укрѣпили его, такъ что онъ не остановился уже передъ мыслию и о совершенномъ отдѣленіи отъ шотландской церкви и образованіи своей новой — сначала на базарѣ въ Грейзъ-Иниъ-Лэнгъ, а потомъ въ Ньюманъ-Стритъ. Всѣ, признававшіе это движеніе за дѣло Божіе и видѣвшіе въ непонятныхъ звукахъ и краткихъ изреченіяхъ дары языковъ и пророчества, сгруппировались около него и составили особую конгрегацію, громадную по своей численности, единственнымъ пастыремъ, учителемъ и главою которой былъ Ирвингъ. Но ни эта особенность положенія, ни даже отлученіе его отъ общенія съ шотландскою церковію не поколебали ни на минуту его всецѣлой преданности пресвитеріанскимъ принципамъ. Здѣсь-то вполнѣ обнаружилось, какъ дороги были для Ирвинга

эти принципы, всосанные имъ вмѣстѣ съ молокомъ матери, какъ трудно было ему разстаться съ ними: онъ отнюдь не хотѣлъ и не намѣренъ былъ допускать какія бы то ни было отступленія отъ принятыхъ въ шотландской церкви обычаевъ и порядковъ. Его новая конгрегация была, такимъ образомъ, тою же шотландско-пресвитеріанскою церковію, какою она была въ Риджентъ Скуэръ. Единственнымъ нововведеніемъ и отличіемъ ея было дозволеніе мірянамъ (личностямъ одареннымъ) говорить въ церкви, прерывая нерѣдко даже ходъ самаго богослуженія.

Но это-то нововведеніе и было первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ шагомъ къ тому, чѣмъ является ирвингитство теперь. Съ нимъ начинается вторая эпоха въ образованіи и развитіи ирвингизма. Долго колебался Ирвингъ, долго не хотѣлъ онъ допускать этого нововведенія, хорошо, конечно, предвидя его послѣдствія; много жестокихъ укоризнъ и упрековъ перенесъ онъ, прежде чѣмъ рѣшился дозволить такъ-называемымъ одареннымъ личностямъ говорить въ общественныхъ собраніяхъ. Но онъ не могъ выдержать до конца; онъ не могъ устоять противъ самыхъ настоятельныхъ требованій со стороны личностей одаренныхъ, желанія большинства членовъ своей конгрегации и неумолимой логики заключеній изъ его же собственныхъ взглядовъ. Во всеуслышаніе провозгласивъ наліяніе Св. Духа на свою конгрегацию и признавъ непонятные звуки и краткія изреченія нѣкоторыхъ изъ ея членовъ за дары языковъ и пророчества, онъ не могъ уже, безъ явнаго противорѣчія себѣ, противодѣйствовать обнаруженію этихъ, такъ-называемыхъ божественныхъ, дарованій въ церкви, — вмѣстѣ наиболѣе для этого приличномъ. Указывать для этихъ обнаруженій мѣсто и время, — значило бы, съ точки зрѣнія ирвингитовъ, ставить въ подчиненное отношеніе Духа Божія, дѣйствовавшаго въ этихъ личностяхъ, — угашать Духа, а не радоваться Его присутствію и всячески поддерживать Его обнаруженіе. Между тѣмъ, противодѣйствіе Ирвинга являлось отнюдь не неизбежнымъ слѣдствіемъ какого либо твердо поста-

повлѣннаго и разумно обоснованнаго принципа, а просто невольною уступкою всосанному съ молокомъ матери пресвитеріанскому взгляду и, затѣмъ, пріобрѣтенному въ жизни навыку видѣть одну только пресвитеріанскую форму богослуженія,—и, разумѣется, чѣмъ далѣе заходило дѣло, тѣмъ болѣе должно было казаться однимъ неразумнымъ упорствомъ. Ирвингъ уступилъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжно поступился и своею властію, утратилъ по крайней мѣрѣ половину того вліянія, какое имѣлъ онъ на ходъ дѣлъ своей конгрегаціи. Теперь онъ уже по необходимости сдѣлался почти только служебнымъ орудіемъ въ рукахъ такъ-называемыхъ одаренныхъ лицъ: ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ резюмировать и приводить въ исполненіе то, что высказывалось въ такъ-называемыхъ пророчествахъ и изреченіяхъ. Такимъ образомъ, то, чѣмъ должна была явиться ирвингская община, зависѣло уже не отъ Ирвинга, а отъ лицъ одаренныхъ, ихъ взглядовъ на вещи, ихъ пониженія положенія дѣлъ и отъ предложенныхъ ими средствъ для улучшенія этого положенія.

Нужно замѣтить, что первые два-три года, 1831—1834, были для послѣдователей Ирвинга временемъ самаго крайняго возбужденія и самаго горячаго увлеченія. Не оставалось почти ни одной личности, которая бы, какъ имъ казалось, не получила такого или инаго дара. Дары языковъ и пророчества излились въ особенности такъ обильно, что говорилъ почти каждый, пророчествовали и сѣдые старцы и малые дѣти, предсказывали и пожилыя женщины и 15—16-лѣтнія дѣвушки, изрекали судьбы человѣчества и члены парламента и простые безграмотныя служанки. Естественно было явиться своего рода соревнованію между одаренными лицами. И дѣйствительно, при тщательномъ наблюденіи, даже въ ирвингскихъ исторіяхъ то тамъ, то здѣсь можно подмѣтить указанія, съ неотразимою силою приводящія къ мысли о томъ, что одаренныя лица — или старались превзойти другъ друга въ силѣ выраженія, или говорили объ одномъ и томъ же предметѣ, или же изыскивали

другія, постоянно новыя и новыя темы для своихъ пророчествъ. Невѣсть положенія, далеко еще не получившаго должной устойчивости, частыя столкновенія съ властями церковными и гражданскими, вопіющія несправедливости въ управленіи тѣхъ и другихъ, состояніе крайняго религіознаго раздѣленія и разединенія, упадокъ нравственности въ средѣ окружавшаго общества, гоненіе, воздвигнутое на нихъ шотландскою церковію, изгнаніе изъ великолѣпнаго зданія въ Ридженгъ Скуэръ и необходимость собираться для молитвы даже подъ открытымъ небомъ и затѣмъ переселяться изъ одного мѣста въ другое, пока наконецъ найдено было постоянное и приличное мѣсто для богослуженія и проповѣди, все это виѣсть поддерживало нравственное возбужденіе и напряженіе духа въ послѣдователяхъ Ирвинга, а каждое порознь давало обильную пищу для говорливыхъ (спичелюбивыхъ) и въ этомъ состояніи крайняго напряженія чрезвычайно изобрѣтательныхъ ирвингитовъ.

Что же слышалось среди одаренныхъ лицъ? Оттолкнутые, еще на самыхъ первыхъ порахъ въ Ферникарри и Портъ Глазго вожаками всѣхъ существовавшихъ тогда религіозныхъ партій, какъ самообольщенные или обманщики, въ виду притомъ разединенія между членами однихъ и тѣхъ же общинъ, они естественно должны были воіпать о необходимости тѣла (to cry for a Body), т. е. религіознаго общества независимаго, совершенно отдѣльнаго отъ всѣхъ другихъ и притомъ такого, которое бы плотно и твердо объединяло между собою всѣхъ своихъ членовъ. Утихшій на нѣкоторое время, въ виду приближѣнша и крова открытаго для нихъ Ирвингомъ, воішь этотъ еще болѣе усилился, когда самъ Ирвингъ изгнанъ былъ изъ нарочито для него построенной церкви, и принялъ теперь форму самыхъ ожесточенныхъ нападокъ на всѣ существовавшія тогда религіозныя общества и гражданскія учрежденія. Вавилонъ, непотребная женщина—вотъ названія, которыя постоянно слышались въ собраніяхъ ирвингианъ относительно всей церкви христіанской, состояніе ея описывалось самыми мрачными

красками, какія только можно было найти въ повѣствованіяхъ Свящ. Писанія объ отступленіи и крайнемъ развращеніи іудейскаго народа; времена представлялись чисто апокалипсическими, послѣдними, такъ сказать, кануномъ появленіи антихриста; холера, свирѣпствовавшая въ 1832 году на континентѣ и грозившая разразиться и въ Англии, дала поводъ объяснять ея язвы результатомъ изліянія тѣхъ чашъ, о которыхъ говоритъ Апокалипсисъ; въ концѣ концовъ, одинъ изъ такъ-называемыхъ пророковъ, Бакстеръ, возвѣстилъ, что конецъ міра уже наступилъ, что остающіеся 1260 дней или 3½ года будутъ днями приготовленія къ ожесточенной послѣдней борьбѣ діавола въ лицѣ антихриста и Господа, что именно въ видахъ этого приготовленія явятся два апокалипсическихъ свидѣтеля, или что то же—два чина духовныхъ служителей, которые имѣютъ разсѣяться по всей землѣ для проповѣданія Евангелія всей твари, для обращенія и собранія къ Богу вѣрныхъ, и что въ концѣ этого періода времени, вѣрнѣе, вмѣстѣ съ воскресшими святыми, будутъ восхищены на небо для встрѣчи небеснаго жениха Христа, грядущаго судить живымъ и мертвымъ, а оставшіеся на землѣ подвергнутся такимъ искушеніямъ со стороны антихриста, которыя въ состояніи были бы прельстить и самыхъ избранныхъ, и мукамъ, не только доселѣ неслыханнымъ, но такимъ, которыхъ и представить себѣ невозможно. Такимъ образомъ, естественно выдвинулся на первый планъ и другой, не менѣе важный, вопросъ объ устройствѣ для вновь имѣвшаго образоваться тѣла или общества вѣрныхъ, устройствѣ такоужъ, которое давало бы несомнѣнное ручательство, что оно въ состояніи будетъ готовить своихъ членовъ къ восхищенію на небеса.

Само собою разумѣется, пресвитеріанское устройство общины не могло удовлетворить ни лицъ, принадлежавшихъ къ англиканской епископальной церкви, которые составляли довольно видный элементъ въ составъ Ирвинговой конгрегации, ни тѣмъ, которые принадлежали прежде сектамъ всѣхъ возможныхъ наименованій. Недостатки шотландскаго пресвите-

рианизма были слишкомъ велики, слишкомъ ярко и рѣзко выдавались, чтобы можно было съ ними примириться. Самое изліяніе даровъ Св. Духа прежде всего среди пресвитеріантъ, изліяніе, которое, еслибы оно было дѣйствительно такимъ, должно было бы служить ручательствомъ за возможное совершенство его учрежденій, какъ знакъ благоволенія Божія къ этой церкви, предпочтительно предъ другими избранной и удостоенной столь великихъ благодѣяній Божиихъ, не убѣдило въ ея совершенствѣ даже ея членовъ. Въ глазахъ лицъ, принадлежавшихъ другимъ наименованіямъ, недостатки ея оказывались еще большими и худшими, чѣмъ были они на самомъ дѣлѣ. Очевидно, нужно было дать отдѣлившейся съ Ирвингомъ конгрегаціи какое-либо иное устройство, дать ей учрежденія совершенно отличныя отъ шотландскаго пресвитеріанизма. Но какія же? Всѣ религіозныя общества, существовавшія тогда въ Англіи, оказывались крайне недостаточными и требовали болѣе или менѣе радикальнаго исправленія; и именно эту свою неудовлетворительностію и вызвали настоящее движеніе, возбудили желаніе искать сверхъестественной помощи, молиться о непосредственномъ содѣйствіи Божиѣмъ. Между тѣмъ, каждая секта, при первоначальномъ отдѣленіи своемъ, старалась или по крайней мѣрѣ имѣла въ виду и желала, сколько возможно болѣе приблизиться къ идеалу церкви, начертанному въ Свящ. Писаніи, чтобы придать своимъ нововведеніямъ какъ бы божественную санкцію, сдѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, божественными. Очевидно было, что недостатки являлись или какъ слѣдствіе неправильнаго пониманія давняго идеала, или же какъ слишкомъ неполное и крайне свободное подражаніе первобытному типу. Нужно было, значитъ, взять его цѣликомъ, буквально скопировать и перенести въ настоящія условія жизни, хотя бы то и безъ всякаго приспособленія къ нимъ. Такая мысль могла быть въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе естественною, что дары пророчества и испѣленій и въ особенности даръ языковъ — отличительная черта первобытной церкви — признанные теперь

возстановленными, давали нѣкоторое право и указывали и на устройство церкви, тождественное съ первобытнымъ. Въ церкви первенствующей, какъ она первоначально основана была Главою ея, были апостолы. Значить, естественно было возникнуть мысли о возстановленіи апостолатя, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ можно было избѣгнуть крайностей единоличнаго римскаго управленія, которыми уже угрожало диктаторство Ирвинга, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить церковь коллегіи такихъ высокихъ авторитетовъ, которые могли бы вліять и на одаренныхъ лицъ, доходившихъ въ своихъ изреченіяхъ до частныхъ противорѣчій и не хотѣвшихъ подчиниться авторитету простаго пастыря, какииъ былъ Ирвингъ. Далѣе, еще при жизни апостоловъ, въ церкви первенствующей были пророки, хотя и не составлявшіе особаго класса или чина въ средѣ тогдашняго священноначалія; и — вотъ основаніе для учрежденія пророческаго чина, тѣмъ болѣе, что фактъ пророчествованія былъ уже допущенъ и признанъ. Кромѣ того, апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ефессеямъ не только говорить, что «Богъ далъ овы убо апостолы, овы же пророки», но прибавляетъ, что Онъ же далъ: «овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя». Ввести въ практику и всѣ эти подраздѣленія священноначалія могло показаться совершенно необходимымъ тѣмъ болѣе, что по прямымъ словамъ апостола, они даны къ созиданію тѣла Христова. Казалось бы, что этого должно быть совершенно достаточно, особенно въ виду той простоты и несложности, которыя такъ поражаютъ въ устройствѣ церкви пресвитеріанской. Но отъ одной крайности къ другой переходъ чрезвычайно легокъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ еще легче: ибо личности одаренныя (по большей части женщины), мало знакомыя съ смысломъ и тѣмъ болѣе духомъ Свящ. Писанія, заботились главнымъ образомъ только о томъ, чтобы выполнить до малѣйшей іоты то, о чемъ гласила буква. Потому къ вышеозначеннымъ не только прибавлена была должность, не новая, правда, въ существѣ дѣла, такъ какъ она вполне соотвѣтствуетъ должности епископской, хотя и съ

чрезвычайно рѣдко встрѣчающимся названіемъ ангела, заимствованнымъ изъ Апокалипсиса; но введены также должности старцевъ (elders) и ихъ помощниковъ (helps), діаконовъ и діакониссъ. Такимъ-то естественнымъ путемъ должна была явиться между ирвинитами та замѣчательная по своей страшно запутанной сложности, до крайности доведенному излишеству въ своемъ составѣ (оно особенно поражаетъ въ будни и притомъ за утреннимъ богослуженіемъ, когда алтарь бываетъ полонъ, а церковь пуста), и слишкомъ обременительная для кармавовъ ея послѣдователей, система церковной іерархіи, въ которой централизація несравненно полезѣе и гораздо ярче и рѣзче выдается, чѣмъ даже въ самой римской церкви, и по которой, какъ бы ни было важно и спѣшно дѣло (и даже—чѣмъ важнѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе этотъ путь), оно должно пройти всѣ эти инстанціи, начиная съ самой низшей—діакона или діакониссы, чтобы достигнуть апостоловъ и тѣмъ же долгимъ и постепеннымъ путемъ идти назадъ, чтобы сообщить мірянину рѣшеніе апостольское. Само собою разумѣется, эта система священноначалія явилась не вдругъ, а постепенно, шагъ за шагомъ развиваясь и раскрываясь; причемъ не обошлось дѣло безъ препятствій и противорѣчій, безъ борьбы и притомъ довольно ожесточенной со стороны даже тѣхъ, которые подали первую мысль объ этой системѣ, кому принадлежала вся ея сущность.

Уже въ Портъ-Глязго, еще при самомъ первоначальномъ обнаруженіи дара языковъ и пророчества, раздавался молитвенный вопль «send us apostles», даждь намъ апостоловъ», хотя тѣ же люди отказались потомъ въ избранныхъ лицахъ признать искомымъ ими апостоловъ. Вопль этотъ съ рѣдкимъ единодушіемъ раздавался также и среди одаренныхъ лицъ въ Лондонѣ и чѣмъ далѣе шло дѣло, тѣмъ чаще и громче раздавался онъ и тѣмъ болѣе находилъ себѣ приверженцевъ. Непреклоннымъ оставался почти одинъ только Ирвингъ и, намъ кажется, только его нерасположеніе и было главною причиною неудовлетворенія въ теченіе довольно дол-

гаго времени этого почти всеобщаго желанія. Но потребность въ апостолахъ такъ сильно чувствовалась и такъ энергично поддерживалась многими, что рѣшились постепенно подготовить къ этому Ирвинга и его сторонниковъ. Такъ, напр., 19 октября 1832 года, въ заключеніе перваго молитвеннаго собранія въ Ньюманъ-Стритъ, когда Ирвингъ готовился преподавать народу свое обычное благословеніе, Друммондъ (въ послѣдствіи апостоль) неожиданно всталъ и благословилъ народъ. На слѣдующій день примѣру Друммонда послѣдовалъ Кардейль (тоже апостоль). Когда Ирвингъ оставилъ это вмѣшательство безъ протеста и призналъ его дѣломъ дѣйствовавшего въ этихъ лицахъ Духа Святаго, нашли возможнымъ приступить уже и къ самому призванію апостоловъ, хотя и постепенному. Нѣсколько дней спустя, послѣ этого, какъ Кардейль рѣшился благословить народъ, одинъ изъ присутствовавшихъ такъ называемыхъ пророковъ объявилъ, что Господь призываетъ его быть апостоломъ. Но, не смотря на то, что самъ же Ирвингъ допустилъ Кардейля преподавать благословеніе народу и такимъ образомъ, и не подозревая того, призналъ его первенство — то, что Ирвингъ называетъ первыми, только что начинавшими распускаться почками будущаго апостольства, въ виду торжественнаго призванія Кардейля къ апостольству, Ирвингъ высказалъ, хотя и не прямо, всю свою нерасположенность къ этому нововведенію, заклиная вновь избраннаго быть вѣрнымъ, разъясняя ему страшную приводящую въ содрганіе отвѣтственность, съ какою сопряжена эта должность, и что еще яснѣе — увѣщевая народъ отнюдь не воздавать апостолу какого-либо особаго почтенія, отнюдь не превозносить надъ всѣми другими людьми, на томъ основаніи, что *вся церковь* апостольская и не только имѣетъ нужды полагаться, уповать на кого бы то ни было, но сама — столпъ и утвержденіе истины. Какъ бы, впрочемъ, ни было, послѣдствія показываютъ, что несочувствіе Ирвинга къ апостолу высказывалось, вѣроятно, еще рѣзче и прямѣе, такъ что первозванный въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ничего рѣши-

тельно не дѣлалъ и первый его апостольскій актъ былъ совершенъ не въ Ирвинговой конгрегаціи. Странное совпаденіе назначенія пастыря для маленькой конгрегаціи изъ 20 лицъ въ небольшой деревушкѣ Албури (нынѣ сѣдалищѣ апостольскомъ) однимъ изъ пророковъ, принадлежавшихъ конгрегаціи Ирвинга, именно съ тѣмъ временемъ, когда въ Лондонѣ искали во чтобы то ни стало возстановленія апостолята и не могли склонить Ирвинга на призваніе его, еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли о томъ, что именно въ виду непреклонности Ирвинга рѣшено было перенести даже самый центръ дѣятельности новой секты въ другое мѣсто. Устраненіе самаго Ирвинга отъ апостольства возводитъ нашу мысль до несомнѣнности.

Впрочемъ, упорное противодѣйствіе Ирвинга имѣло весьма резонное основаніе, которое въ состояніи было бы всякаго, не увлекшагося до крайности этимъ движеніемъ, поставить на сторонѣ Ирвинга. Дѣло въ томъ, что, въ жару увлеченія и соревнованія, такъ называемыя одаренныя личности придумали такъ много обѣтованій для духовнаго чина служителей, какъ они называли, апостоловъ, что, въ виду рѣшительнаго отсутствія чего бы то ни было необыкновеннаго, трудно, даже вовсе невозможно было признать призываемыхъ къ апостоляту за Богомъ избранныхъ апостоловъ. Первозванный, напр., остался и послѣ призванія тѣмъ же обыкновеннымъ смертнымъ, какъ и до него. Возлагалъ онъ, правда, свои руки на призываемыхъ къ священнымъ должностямъ, но Духа Святаго не низводилъ; по сознанію даже самыхъ завзятыхъ ирвингитовъ, и единственнымъ и то только по мнѣнію ихъ—видимо сверхъестественнымъ актомъ его было то, что онъ, яко бы движимый Духомъ Божиимъ, преподавалъ благословеніе народу, вмѣсто Ирвинга и въ присутствіи его, каковое обстоятельство и подало поводъ считать его однимъ изъ избранныхъ самимъ Богомъ будущихъ правителей ирвингитскаго общества. Совсѣмъ не тѣмъ должны были являться апостолы, по предсказанію лицъ одаренныхъ. Они должны были обла-

дать даромъ чудесъ въ такой степени, въ какой не обладали имъ и призванные самимъ Господомъ; Духъ Святой долженъ былъ вселяться и опочивать на каждомъ, кто только удостоивался бы получить возложеніе ихъ рукъ; крещеніе, ими сообщаемое должно было быть крещеніемъ огненнымъ, т.-е. такимъ, которое уничтожало бы всякій грѣхъ и содѣлало церковь — не какъ цѣлое только, а по частямъ—святою и непорочною. Мало того: обѣтованія эти поставлены были за непремѣнное предварительное условіе и рѣшительное знаменіе, безъ котораго никто не могъ быть признанъ апостоломъ. Не даромъ же главные пророческія личности въ Шотландіи (семейство Макдональдъ, напр.) отказались совершенно признавать апостолами тѣхъ, которые призывались къ этой должности. Но проходили дни за днями, а призванный апостоль не обнаруживалъ никакихъ сверхъестественныхъ дарованій; а назначались особыя молитвенныя собранія съ специальною цѣлю вопіять къ Богу объ исполненіи изреченныхъ обѣтованій; указывалось нѣсколько дней, какъ сроковъ для этого чрезвычайнаго ниспосланія Св. Духа; словомъ, сдѣлано было все, что можно было придумать въ объясненіе оказывавшихся, очевидно, ложными пророчествъ и для поддержанія начинавшаго уже истощаться терпѣнія послѣдователей Ирвинга. По истинѣ, здѣсь почти вполнѣ повторилась исторія жертвоприношенія на горѣ Кармилльской, съ тою, однакожь, громадною разницею, что тамъ весь присутствовавшій народъ воскликнулъ: «великъ Богъ Израилевъ!» и совершенно отказался отъ ложныхъ пророковъ и служенія Ваалу, а здѣсь, наоборотъ, почти всѣ послѣдователи Ирвинга удовольствовались единственнымъ знаменіемъ апостольства — *терпѣніемъ* (*patience*, по объясненію ихъ пророковъ, *is the only sign of apostleship*). Самъ Ирвингъ, въ виду съ такимъ жаромъ проповѣданной имъ теоріи о возстановленіи даровъ первобытной церкви (въ томъ числѣ и апостоловъ, по греческому тексту), въ виду единогласнаго утѣшенія со стороны пророковъ о скоро имѣющемъ послѣдовать исполненіи божественныхъ обѣ-

тованій относительно апостольскихъ дарованій, замѣтно началъ мало-по-малу уступать напору общественнаго мнѣнiя; тѣмъ болѣе, что зарождавшееся общество, поставившее одною изъ главныхъ своихъ цѣлей объединеніе всѣхъ разрозненныхъ и до крайности разъединенныхъ обществъ и ихъ членовъ, — само, въ своей еще очень ограниченной средѣ, не могло похвалиться единствомъ, не могло блюсти единенія духа въ союзѣ мира, и что апостольскій авторитетъ и практика церкви первенствующей давали нѣкоторое ручательство за возможность достиженія этой цѣли по крайней мѣрѣ въ сферѣ ограниченной.

Но сфера эта начала мало-по-малу расширяться: число послѣдователей новаго ученія расло и увеличивалось, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Въ виду настойчиво провозглашаемой чрезвычайной близости втораго пришествія Иисуса Христа, воодушевленные предсказаннымъ для нихъ успѣхомъ и наградами, обѣтованными ревнителямъ о славѣ Божіей и спасеніи міра отъ конечной гибели (на краю которой стояли человечество и церковь, по взгляду Ирвинга, и отъ которой можно было ихъ избавить только обращеніемъ къ ирвингизму), — ярые ирвингиты отправлялись цѣлыми десятками на проповѣдь этого новаго Евангелія въ улицахъ Лондона и другихъ городовъ Великобританіи, заходили даже въ мѣстечки и села, возвышая свой голосъ всюду, куда только могли проникнуть. Противодѣйствіе правительства и церковныхъ властей еще болѣе усиливало ихъ ревность, и потому неудивительно, что поражающіе своею неутомимостію труды ихъ, при всеобщемъ недовольствѣ положеніемъ церковныхъ дѣлъ и смутномъ ожиданіи непосредственнаго содѣйствія Божія къ улучшенію этого безотраднаго положенія, увѣнчивались довольно значительнымъ успѣхомъ. Явилась возможность образовать нѣсколько другихъ конгрегацій, кромѣ Ирвинговой, въ самомъ Лондонѣ; равнымъ образомъ внѣ Лондона оказалось много послѣдователей, изъ которыхъ возможно и необходимо было составить особыя конгрегаціи. Естественно, такимъ обра-

зомъ, выдвинулся вопросъ объ устройствѣ этихъ частныхъ конгрегацій и управленіи ими.

Въ виду словъ апостола: «Той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя»,—чинъ священноначалія долженъ былъ быть четверичнымъ. Но такъ какъ апостоловъ невозможно было приурочивать къ частнымъ конгрегаціямъ,—ихъ мѣсто въ этихъ церквахъ предоставлено было пресвитерамъ. Всѣ остальные должности, разумѣется, могли остаться неизмѣнными, и церкви могли страдать развѣ отъ излишества въ священноначаліи, а не отъ недостатка въ немъ. Между тѣмъ вторая и третья главы Апокалипсиса состоятъ изъ посланій апостола къ *ангеламъ семи* малоазійскихъ церквей. И вотъ, намъ кажется, только потому, что иначе не все было бы скопировано, не все было бы введено, о чемъ упоминаетъ Свящ. Писаніе,— и не обращая вниманія ни на число послѣдователей, ни на мѣстныя пространственныя условія рѣшено было и въ Лондонѣ устроить именно такое же (седмичное) число церквей и дать каждой изъ нихъ своего особаго ангела. Насколько при этомъ имѣли въ виду и заботились объ удовлетвореніи дѣйствительныхъ, настоятельныхъ потребностей жизни и времени,—можно судить по тому, что (какъ намъ приходилось нерѣдко слышать въ откровенной бесѣдѣ съ ирвингитскими евангелистами и какъ объ этомъ же свидѣтельствуеетъ довольно недвусмысленно ирвингитскія же «*narratives*») ангелы для нѣкоторыхъ, нынѣ существующихъ въ Лондонѣ, церквей были посвящены тогда, когда въ мѣстностяхъ, предназначенныхъ для устройства этихъ церквей, или вовсе не было членовъ, или же число ихъ не превосходило пяти-шести. Очевидно, въ этомъ случаѣ старались только о введеніи въ практику всего того, о чемъ говорила буква. Еще болѣе разительный примѣръ этого можно указать въ седмичномъ числѣ діаконовъ, избранномъ единственно потому, что въ Дѣяніяхъ апостольскихъ говорится о семи діаконахъ, и представляющемся иногда въ высшей степени страннымъ, потому что число

числовъ нѣмкъ конгрегацій едва-едва достигаетъ сотни, а въ другихъ доходитъ даже до 5 — 6 сотъ, при одномъ и томъ же числѣ діаконовъ. Число пресвитеровъ также не обуславливается числомъ членовъ конгрегацій. Оно обозначено было тогда, когда нѣкоторыя конгрегаціи и вовсе еще не существовали, а число приверженцевъ новаго ученія въ набранныхъ для построенія церквей мѣстностяхъ не восходило даже до десяти. За неизвѣнѣмъ положительныхъ данныхъ въ Новомъ Завѣтѣ воспользовались тѣмъ взглядомъ Новаго Завета на Ветхій, по которому сей послѣдній служилъ свѣтлю перваго, его ковчегъ завета былъ прообразомъ христіанской церкви, и старались выдержать эту параллель между ними до послѣдней крайности, провести этотъ взглядъ до мельчайшихъ подробностей. Такимъ образомъ, семь церквей лондонскихъ, какъ одно цѣлое и притомъ—образчикъ, модель, по которой должны быть устроены и всѣ христіанскія церкви,—должны были являться для христіанскаго міра тѣмъ, чѣмъ былъ ковчегъ завета для іудеевъ. Архитектурныя подробности, каковы, напр., столбы, должны были представляться здѣсь въ видѣ различнаго рода служителей, которыхъ число и назначеніе должны были строго соответствовать своимъ прообразамъ въ ковчегѣ завета. Поэтому, въ соответствіе 60 столбамъ вѣншнаго двора свѣтлю должны были быть избраны 60 евангелистовъ, которыхъ спеціальною цѣлю было бы имѣть дѣло съ необращенными, проповѣдывать имъ искупленіе отъ грѣха смертію Ісуса Христа и очистительное дѣйствіе Его слова и таинства и тѣмъ какъ бы поддерживать алтарь и умывальницу; тогда какъ пять евангелистовъ, соответствующихъ 5 столбамъ при входѣ въ святилище, стоя во главѣ 60 раздѣленныхъ на пять частей,—должны были имѣть своимъ назначеніемъ приготовленіе уже содѣлавшихся чадами Божиими къ истинному и полному служенію святилища. Боновымъ доскамъ, въ количествѣ 48, должны были соответствовать шесть старцевъ каждой изъ семи церквей, съ шестью апостолами во главѣ. Кромѣ того, седмичное число,

въ соотвѣтствіе седмисвѣщнику, должно было имѣть важное значеніе и обширное приложеніе. Въ силу этого, всѣ чины іерархіи каждой изъ частныхъ (лондонскихъ, разумѣется, прежде всего и главныхъ образомъ) церквей должны были представлять число семь въ различныхъ комбинаціяхъ. Такъ, ангелъ (центральный свѣтильникъ) съ шестью старцами (боковыми свѣтильниками) должны были представлять старейшинство церкви, соединяющее въ себѣ судебную и административную власти, и имѣть каждый въ подчиненіи у себя пророка, евангелиста, пастыря и діакона.

Вотъ та постепенность, съ какою совершалось осуществленіе этихъ предначертаній. Наканунѣ Рождества Христова, въ 1832 году, апостолъ и пророкъ отправились въ Албурнъ, гдѣ конгрегація изъ 20 лицъ также молилась объ изліяніи даровъ Св. Духа, также получила ихъ въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ членовъ и теперь нуждалась въ посвященіи уже указанного ей пастыря въ лицѣ хозяина конгрегационнаго зданія. Здѣсь всѣ, даже ребяческія, средства употреблены были въ дѣло, чтобы придать какъ можно болѣе торжественности этому первому апостольскому акту посвященія и притомъ—перваго же ангела (епископа прямо изъ мірянъ). Между тѣмъ Ирвингъ, доселѣ только устраненный изъ настроенной для него церкви въ Риджентъ Скуэръ, весной 1833 года лишень былъ, наконецъ, и пресвитерскаго сана за еретическое ученіе о воплощеніи нашего Господа, и этотъ актъ пресвитеріанскаго совѣта въ городѣ Апканъ—мѣстѣ рожденія и посвященія Ирвинга, былъ вполне признанъ такъ-называемыми пророками и апостолами. Ирвингъ дѣйствительно воздержался на нѣсколько дней отъ исполненія священническихъ обязанностей и ограничился исправленіемъ должности діаконской и проповѣданіемъ слова Божія; пока, 5-го апрѣля, согласно высказанному ему въ утѣшеніе предсказанія о дарованіи ему новаго, лучшаго и высшаго посвященія, онъ не былъ также посвященъ въ ангела для своей конгрегаціи, какъ хозяинъ молитвеннаго зданія въ Албурнъ для албурской. Почти непо-

средственно воздѣтъ за посвященіемъ Ирвинга въ апрѣлѣ совершенно было посвященіе шести пресвитеровъ (elders), нѣхъ помощниковъ (helpers), двухъ евангелистовъ и семи діаконовъ. При этомъ, діаконы посвящены были возложеніемъ на нихъ рукъ ангела и пресвитеровъ и уже потомъ представлены были авостолу только для благословенія (черезъ возложеніе же рукъ); а пресвитеры и евангелисты получили возложеніе рукъ сперва апостола, а потомъ Ирвинга, какъ ихъ ближайшаго начальника. 13-го мая образовалась еще новая конгрегація изъ индепендентской, когда бывший предстоатель ея, Мидлеръ, былъ посвященъ для нея ангеломъ, а вмѣстѣ съ нимъ призвано было такое же, какъ въ церкви Ирвинга, количество кляра.

Но существованіе одного апостола было бы рѣшительно необъяснимымъ и даже положительно вреднымъ явленіемъ: оно не имѣло бы за себя никакого примѣра въ Свящ. Писаніи, которымъ бы можно было оправдывать его существованіе и не избавило бы церкви ни отъ единоличной тирании, въ родѣ римской, которой, впрочемъ, и вообще, говоря англичане, не терпятъ, — ни отъ раздѣленій и разъединенія, которыя не замедлили бы явиться вслѣдствіе этого, и потому съ самаго начала было очевидно, что число авостоловъ будетъ довольно значительно, — именно, въ силу рабскаго подражанія буквѣ, двѣнадцатичное. Довольно значительныя промежутки между призваніемъ къ апостольской должности легко объяснятся, съ одной стороны, ожиданіемъ на посланія обиданныхъ даровъ на призванныхъ уже, а съ другой — крайнею необходимостію отыскать людей по преимуществу способныхъ къ управленію — и притомъ впервые — такой высокой должности. Такимъ образомъ, неудивительно, что между призваніемъ перваго и втораго авостоловъ прошло около 10 мѣсяцевъ. Обязательства призванія втораго авостола, 25 сентября 1833 года, еще болѣе странны и объяснимы только желаніемъ придать сему акту какъ можно болѣе торжественности, чтобы, за отсутствіемъ обещанныхъ дарованій, какъ несомнѣнныхъ

званіи Божіи благоволеніи къ сему избранію, самою обстановкою внушить вѣрующимъ, что антъ этотъ именно дѣло Божіе, а у нерасположенныхъ къ апостольству отнять всякую возможность противиться этому призванію.

Впрочемъ, собственно въ отношеніи своей конгрегаціи Ирвингъ, и по призваніи втораго апостола, все-таки, если можно такъ выразиться, игнорировалъ нѣкъ существованіе. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствовался своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и, если и допускалъ вліяніе чего-либо посторонняго, соображался только лишь съ такъ-называемыми пророческими изреченіями членовъ своей конгрегаціи; притомъ же истолкованіе этихъ изреченій принадлежало всецѣло самому Ирвингу. Онъ отнюдь не хотѣлъ допускать вмѣшательства апостоловъ въ дѣла своей конгрегаціи, которыя считалъ своими, такъ сказать, домашними. Мало того: до самаго конца своей жизни, онъ председательствовалъ на соборѣ всѣхъ ирвингскихъ іерарховъ, хотя бы то въ присутствіи самихъ апостоловъ. Даже при богослуженіи, въ своей церкви, онъ обыкновенно занималъ кресло (въ родѣ трона и возмѣщавшееся точно также, какъ и наше горнее мѣсто), тогда какъ апостолы, вѣсть съ пресвитерами, предоставляли только мѣста боковыя (въ родѣ нашихъ сокрестолій). Его конгрегація была такъ предава ему, что предоставляла ему всецѣло управленіе собою и никакъ не могла помириться съ мыслию о зависимости отъ кого-либо другаго, кромѣ обоимъ ему пастыря. Очевидно, не оставалось никакого другаго средства для безпрепятственнаго введенія новой системы и пріученія къ ней и ирвингской конгрегаціи, кромѣ продолженія Ирвингу какой-либо миссіи, которая бы, на время по крайней мѣрѣ, устранила его вліяніе на конгрегацію и на общій ходъ дѣлъ. И вотъ, намъ кажется, между прочимъ, причина того, почему именно на Ирвинга выпала миссія устройства и умиротворенія конгрегаціи, образовавшейся въ Единбургѣ, между старыми личностями которой произошли безпорядки и высказано было нежеланіе подчиняться какъ избранному апо-

столанъ, такъ и вообще новому строю церкви. Для столь энергической личности, какъ Ирвингъ, не знавшій никогда усталости, миссія эта была тѣмъ болѣе желательна, чѣмъ труднѣе она представлялась; и онъ тѣмъ охотнѣе выдвинулся за ея исполненіе, что по словамъ одного изъ такъ-называемыхъ пророковъ, онъ имѣлъ сдѣлаться величайшимъ изъ пророковъ, главою цѣлаго сонма пророковъ шотландскихъ, подобно тому, какъ Самуилъ, Ілія и Елисей имѣли подъ своимъ начальствомъ сыновъ пророческихъ. Возложенныя на Ирвинга надежды дѣйствительно оправдались какъ нельзя лучше: порученіе устройства конгрегаціи онъ выполнилъ самымъ блистательнымъ образомъ, такъ что явившіеся тотчасъ же послѣ Ирвинга апостолы уже безпрепятственно могли посвятить для этой конгрегаціи ангела въ лицѣ Тэтъ, бывшаго ея пресвитеріанскаго проповѣдника. Съ другой стороны, и дѣло введенія новыхъ порядковъ значительно подвинулось впередъ, такъ что, въ отсутствіе Ирвинга, призваны были одинъ за другимъ *четыре* новыхъ апостола и образовано въ различныхъ мѣстностяхъ Англіи до 15 новыхъ конгрегацій съ ангеломъ во главѣ каждой и соотвѣтствующимъ числомъ пресвитеровъ, ихъ помощниковъ, діаконовъ и діакониссъ. Въ самомъ Лондонѣ явилось еще четыре конгрегаціи и наименованы были священнослужители для седьмой, устроить которую еще не было, однакожъ, никакой физической возможности. Кромѣ того, въ это же время узаконено было отправленіе богослуженія въ 6 часовъ утра и 5 часовъ вечера (первый и послѣдній часы дня, по-ирвингитски), въ соотвѣтствіе съ утреннимъ и вечернимъ, жертвоприношеніями закона Моисеева. Между тѣмъ неутомимо трудившійся Ирвингъ до того разстроилъ свое здоровье, что, хотя и возвратился къ своей конгрегаціи въ іюль 1834 г., не долго оставался съ нею и въ началѣ осени того же года вынужденъ былъ, по настоянію врачей, снова покинуть ее и Лондонъ и искать болѣе благопріятнаго для своего здоровья климата внѣ Англіи. 8 декабря показало,

что уже никакой климатъ не въ состояніи былъ восстано-
вить его унавшія силы и что жизнь загробная, безконечная,
чуждая всякихъ житейскихъ тревогъ и столь лихорадочныхъ
треволненій, — была именно тѣмъ, что для него было
нужно!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МЕЕОДІЙ ФИЛИМОНОВИЧЪ

ЕПИСКОПЪ МСТИСЛАВСКІЙ И ОРШАНСКІЙ, БЛЮСТИТЕЛЬ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИ (1661—1668 ГОДА).

Г Л А В А V.

Пребываніе епископа Мееодія въ Москвѣ въ 1666 и 1667 годахъ; доносы Брюховецкаго и его сторонниковъ на Мееодія и кіевское духовенство; въ Москвѣ совѣтуются съ Мееодіемъ о малороссійскихъ дѣлахъ; челобитная Мееодія передъ возвращеніемъ въ Малороссію. Пребываніе въ Москвѣ Лазаря Барановича; его письмо о судѣ надъ патриархомъ Никономъ.

Первое и могущественное лицо въ Малороссіи, епископъ Мееодій, среди представителей восточной церкви, собравшихся на соборъ въ Москвѣ въ 1666 году, стало на іерархической лѣстницѣ послѣднимъ; выше Мееодія, но только вторымъ отъ конца, стоялъ епископъ Лазарь Барановичъ. Во время суда надъ патриархомъ Никономъ толковали и о законности поставленія Мееодія епископомъ въ Москвѣ; но сколько намъ извѣстно, это дѣло ограничилось только слѣдующимъ. Когда во время суда прочитали въ письмѣ Никона къ патриархамъ мѣсто, гдѣ говорилось о Мееодіи, то царь по этому поводу сказалъ: «епископъ Мееодій посланъ въ Кіевъ не митрополитомъ, а блюстителемъ, и объ этомъ я писалъ къ константинопольскому патриарху». Затѣмъ Александръ Вятскій подавалъ собору записку, въ которой, на основаніи примѣровъ, заимствованныхъ и изъ русской исторіи (главнымъ

образомъ на основаніи поставленія св. Іоны въ митрополиты по Фотіи) доказывалъ законность Мееодіева поставленія. Въ запискѣ указывалось на то, что западнорусская церковь, отдѣлившись отъ московской при помощи Исидорова ученика Григорія, должна теперь снова воссоединиться съ великороссійской; царь-де поставленіемъ Мееодія не сдѣлалъ въ церковныхъ дѣлахъ ничего новаго, а только возстановилъ старое единеніе.

Но въ то время какъ рѣшалась судьба знаменитаго патріарха и его преобразованій и малороссійскій Никонъ являлся въ Москвѣ тоже въ роли подсудимаго, но только по дѣламъ своей родины. Вскорѣ по отъѣздѣ Мееодія въ Москву Шереметевъ говорилъ (въ срединѣ сентября мѣсяца) одному изъ бывшихъ въ Кіевѣ московскихъ посланцевъ ⁶⁹⁾: «у епископа Мееодія съ гетманомъ совѣтъ худъ, невѣдомо, кто межъ ими ссорить. Вѣренъ государю конечно епископъ Лазарь Барановичъ; какъ изволить государь, а мнѣ кажется, будетъ лучше, чтобъ Лазарю Барановичу былъ въ Кіевѣ на епископствѣ. Московскому же митрополиту въ Кіевѣ быть нельзя; печерскій архимандритъ говоритъ: буде услышимъ, что ѣдетъ съ Москвы митрополитъ, и я, собравъ старцевъ, запрусь въ монастырѣ и вы насъ доставайте». Тогда же и Брюховецкій на вопросъ изъ Москвы, какія причины шатости запорожцевъ, отвѣчалъ (30 сентября): причины бунтовъ въ Малороссіи происходятъ между прочимъ и отъ того, что епископъ Мееодій, еще въ то время какъ ѣхалъ отъ великаго государя съ Москвы, разсѣвалъ въ Бѣлгородѣ смутныя слова. Но гетманъ не ограничился только такими объясненіями: во время самаго суда надъ патріархомъ Никономъ былъ представленъ въ малороссійскій приказъ отъ черваго попа Анатолія доносъ на Мееодія и его сторонниковъ ⁷⁰⁾: «исповѣды-

⁶⁹⁾ Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 6, стр. 147—149.

⁷⁰⁾ Госуд. Арх., Дѣло Патр. Никона. Доносъ этотъ здѣсь въ подлинникѣ: «подаль то писмо въ малороссійскомъ приказѣ Кирилловскаго монастыря съ Бѣлаозера служка Игнатій Феодосѣевъ, а послалъ съ нимъ то писмо того монастыря архимандритъ Моисей».

ваю твоихъ государевыхъ враговъ, которые твою государеву землю пусту сотворяютъ. Первый врагъ игуменъ можиторскій, и другой есть, который во короля ходилъ поднимать, хотячи твою государеву землю сдать; что и приходилъ король тому два года. А тотъ игуменъ замѣнилъ еще въ ту пору, какъ избѣнилъ Иваша Выговскій, и во всякой думѣ бывалъ съ твоими врагами съ Тетерею и съ Хмельницкимъ и съ митрополитомъ твоимъ замѣнникомъ (Діонисіемъ Балабаномъ), и его со всѣми думами посылали до короля и до патриарха цареградскаго. Онъ (игуменъ) все знаетъ, которые воруютъ, въ Кіевѣ сидятъ; да тотъ же игуменъ твое царское величество проклиналъ предъ королемъ и предъ всѣми королевскими бояры. Того игумена гетманъ схватилъ и прислалъ въ Кіевъ, чтобы его епископъ послалъ къ Москвѣ; и онъ, епископъ, его простилъ за все то воровство, что воровалъ въ прежнихъ годахъ; да онъ же епископъ въ Кіевѣ далъ ему игуменство. Третій врагъ тоже игуменъ. Когда боярина Вас. Бор. Шереметева съ ратными людьми полки и татары взяли и послѣ того король польскій прислалъ въ послѣхъ оца Чаплинскаго, то онъ въ Кіевѣ былъ задержанъ и сидѣлъ за карауломъ, а сбѣжавъ изъ-за караула, прибѣжалъ въ монастырь и тотъ игуменъ обрилъ ему бороду и усы, и другаго сотника, и нарядилъ какъ старичу и велѣлъ старичу изъ города вывести, когда животину выгоняютъ. А сію сказку знаетъ другой мой товарищъ, какъ онъ то дѣлалъ. Четвертый (врагъ) намѣстникъ софійскій: какъ бояринъ Василій Борисовичъ выходилъ изъ Кіева противъ Литвы, и тотъ намѣстникъ изъ города убѣжалъ и съ собою взялъ изъ церкви на дильницу да у ратмистра двое лошадей; того намѣстника гетманъ Иванъ Брюховецкій прислалъ въ Кіевъ и онъ нынѣ живеть въ Кіевѣ и даеть вѣсти безирестанно всякій; а которые люди были у короля, и онъ ихъ знаетъ всѣхъ до одного. И я за твое государево дѣло страдалъ въ Кіевѣ полтора года и для того мы пришли къ Москвѣ вскорѣ и насъ твоему царскому величеству оговорили тотчасъ, чтобъ мы не биле: че-

ломъ твоему царскому величеству, что они воруѣютъ непре-
станно. Великій государь, умилосердился, пожалуй, вели нашь
доставить предъ себя государя и съ товарищемъ моимъ, а
мы тебѣ великому государю извѣстимъ все поряду, что все
зло дѣлается отъ нихъ». Хотя мы не можемъ точно уста-
новить даже имена лицъ, упоминаемыхъ въ приведенномъ до-
носѣ, однакоже предполагаемъ, что этотъ доносъ былъ сдѣ-
ланъ не безъ вѣдома Брюковецкаго. Последний рѣшился те-
перь какъ поднять дѣло о неблагонамѣренности кievскаго ду-
ховенства, такъ и добиться рѣшенія на свой проектъ объ
уничтоженіи самостоятельности малороссійской церкви. Въ
концѣ января мѣсяца 1667 года прибыли въ Москву послы
отъ гетмана, дворядницъ и полковомъ киевскій Яковъ Лизо-
губъ и войсковой канцеляристъ Карлъ Манріовичъ; въ ихъ
информациі ⁷¹⁾ во второмъ пунктѣ читаемъ: «извѣстить его цар-
скому величеству о безчиніи нѣкоторыхъ духовныхъ, кото-
рые людей обоего пола ввѣчаютъ и беззаконно жить полу-
скаютъ и разводиться дозволяютъ. А тоя ихъ безчиніе бого-
мерзкое и богометительное и каестату государскому вредное
не отъ чего иного происходитъ, какъ только отъ того, что
отъ пастырей, противъ правилъ святыхъ отецъ поставлен-
ныхъ, никакого каранія не ищють. Поэтому бить челомъ,
какъ и прежде били челомъ, о присланіи въ Кіевъ митрово-
лита русскаго, чрезъ котораго станъ духовный отъ своихъ
безчинствъ престаъ бы. Духовенство въ Малой Россіи дво-
душіе ииють и на обѣ стороны оглядываются; а когда рус-
скій отъ святѣйшаго патріарха московскаго съ Москвы на
митрополию въ Кіевъ прислать будетъ, то между духовен-
ствомъ шатости, двоедушія и безчинія не будетъ». Здѣсь за-
служиваетъ вниманія на то, что Брюковецкій повидимому
не могъ найти лучшаго времени, какъ теперь для достиже-
нія своей цѣли, — сдѣлать величайшія неприятели мало-

⁷¹⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ; подлинн. Малор. документи, св. № 2, тетр.
№ 167; см. также Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 6, стр. 162.

россійскому духовенству. Въ Москвѣ находились нѣкоторые изъ восточныхъ патріарховъ съ уполномочіями отъ другихъ; былъ составленъ помѣстный соборъ, на которомъ и могло быть рѣшено дѣло о митрополитѣ для Кіева изъ Москвы. Но преслѣдуя это общее дѣло, Брюховецкій не забывалъ и своей частной вражды къ Мисодію⁷²⁾. Огвѣтъ правительства гетману на его напоминаніе статей московскаго постановленія еще не могъ быть полученъ въ Малороссіи, а онъ уже прислалъ новое заявленіе (отъ 2 февраля): «такъ какъ въ настоящее время епископа мстиславскаго на Украинѣ нѣтъ, то многими сдается, что иной свѣтъ стался. Лучше бы было, чтобъ епископу быть не на Украинѣ, а пребывать на житіи въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ или вовсе на Москвѣ или гдѣ милосердая твоя царскаго величества воля укажетъ. Да и переяславскіе бушты вескоро бы упротились, еслибы не состоялся прешлага ѣзта отъѣздъ его епископа на Москву». Затѣмъ, приведа примѣры будто бы подговорозъ епископомъ Мисодіемъ подозрительныхъ лицъ на дурное, Брюховецкій въ заключеніе просилъ: «чтобъ его епископова житія на Украинѣ отнюдь не было. Да еще быю челомъ тебѣ великому государю: всѣмъ казакамъ, которые на Москвѣ бывають, чтобъ съ епископомъ видѣться было не вельно, потому что онъ обыкля на все злое всякаго скоро уговаривать». Ограничились ли допросы Брюховецкаго на Мисодія сейчасъ приведеннымъ или были еще другіе, не знаемъ; въ послѣдствіи же самъ Мисодій показывалъ: «Брюховецкій писалъ на меня не одинъ разъ нѣмъну, будто я, епископъ, городъ Кіевъ хотѣлъ королю польскому едать и нивыа затѣвныя слова. И писалъ то статьями, а тѣ статьи писалы бѣлорусскимъ письмомъ; а о тѣхъ статьяхъ писалъ будто къ Брюховецкому съ Иваномъ Ушаковымъ бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ съ товарищи».

⁷²⁾ Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 6, №№ 61 и 57; т. 7, стр. 75—81.

Когда епископъ Мееодій въѣхалъ въ Москву, то въ Малороссіи, кажется, были убѣждены, что ему будетъ дурно на столицѣ; но Мееодій, сколько было возможно, старался разсѣять подобное убѣжденіе. Въ письмѣ къ нему иѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича (отъ 2 ноября 1666 года) читаемъ: «писаніе вашего преосвященства до насъ дошло и многіе люди, прочитавъ его, обрадовались, *узнавши о прежней милости великаго государя къ вашему преосвященству.* А что ты нишесть, чтобы мы давали тебѣ знать о всякихъ вѣстяхъ, то *извѣщаемъ*... Затѣмъ, послѣ сообщенія разныхъ вѣстей, Симеонъ Адамовичъ въ замеченіе нишетъ: «а святительству вашему надобно бить челомъ царскому величеству, чтобы васъ отпустили съ Москвы малодушныхъ людей утѣшатъ и укрѣпятъ. Великии весь міръ скорбитъ, что по сіе несчастливое время преосвященства вашего нѣтъ въ Малороссіи». Но, какъ видно, милость великаго государя, о которой писалъ Мееодій въ Малороссію, была далеко не прежняя; доносы Брюховецкаго въ извѣстной мѣрѣ сдѣлали свое дѣло. Уже и тогда Мееодій жаловался, что ему на столицѣ оказываютъ мало чести; такъ въ письмѣ Брюховецкаго, въ которомъ онъ проситъ не дозволить приваживающимъ на Москву казакамъ видѣться съ епископомъ, говорится: «мнѣ извѣстно, что епископъ мстиславскій зазывалъ къ себѣ голодныхъ заворожцевъ, которые были на Москвѣ, и жаловалъ между иными разговорами, будто *изъ-за* меня ему епископу цѣлречному всякіе кормы со двора не доходятъ». Но надобно замѣтить и то, что кромѣ этого и тому подобнаго, какъ можно предполагать, униженій, съ Мееодіемъ, по доносамъ Брюховецкаго, положительно ничего не сдѣлали. Самъ же Мееодій обо всемъ этомъ впоследствии показывалъ такъ: «статьи Брюховецкаго съ обвиненіями на меня великій государь изволилъ мнѣ, епископу, показать и мнѣ было сказано, что великій государь тѣмъ статьямъ не повѣрилъ и велѣлъ покинуть просто».

Правительство оставило доносы Брюховецкаго на Мееодія

безъ великихъ послѣдствій ⁷³⁾ и даже въ концѣ концовъ вступило съ епископомъ въ разсужденія о различныхъ дѣлахъ, относящихся до Малороссіи. — Такъ знаемъ, что Меодій навѣщалъ великому государю, чтобы въ города Прилуки, Лубны, Полтаву, Батуринъ и въ нѣкоторые другіе прибавить ратныхъ людей; а буде зачѣмъ прибавить нельзя, и въ тѣхъ городахъ воеводѣ и ратныхъ людей вывести, чтобы она за малолѣтствомъ даромъ не пропала. По поводу этого заявленія Меодій, по государеву указу, имѣлъ объясненіе (въ празникъ Успенія Богородицы 1667 года, въ соборной церкви) съ бояриномъ Аванасіемъ Лаврентьевичемъ Ордынъ-Нащекинымъ одинъ на одинъ. Меодій, дѣлая свое заявленіе, высказывалъ

⁷³⁾ Брховецкій хотѣлъ при помощи восточныхъ патріарховъ сдѣлать неприязность Меодию и всему малороссійскому духовенству; какъ бы въ отвѣтъ на эту свою фатю бояринъ и гетманъ получили навѣстие, что собраніеся въ Москвѣ патріархи предали его самого соборному проклятiю! Кто смутилъ такую шутку съ Иваномъ Мартыновичемъ, не знаемъ; но только самъ онъ не приписываетъ ея Меодию. Получивъ такое извѣстiе, Брховецкій принялъ его за серьезное и написалъ къ государю грамоту (*Арх. Мин. Им. Дѣл., подлинн. Малор. докум. св. № 2, тетр. № 168*) слѣдующаго содержания: „повернувшись ко мнѣ, даждь Богъ счастливо отъ престола отеческаго вашего царскаго величества, посланники казевскій полковникъ Яковъ Ливогузь, съ товарищи, съ милостивникъ нашего царскаго величества словомъ, извѣстиво мнѣ учинили о томъ, что святѣйшіе вселенскіе четверопрестольные восточные патріархи и верховнѣйшій пастырь нашъ нынѣ въ славночѣ царствующемъ градѣ Москвѣ гнѣву купно и неблагословеніе будто похожили на меня, а кою мою вину отнюдъ невидѣвъ и видати не могу, а быль коли кою моею грубостію ихъ святительскихъ милостей навололъ на себя сей гдѣзь. Только хоба (развѣ) же по вся тне часы вѣрно и широ, нещадя моего здоровья, за достоинство вашего царскаго величества прежде на Низу съ Запорожцами и послѣ того ту въ малороссійскихъ городѣхъ на семъ и на томъ боку Днѣпра съ некрѣпцеами расираемъ. И того ради, ако правдивый восточные церкви матки нашей снѣтъ, чаемъ души моея подскати пользы, а не згуби, о которой нынѣ вѣдати мнѣ дошло; чого ради цѣльная болѣзнь снѣдаетъ сердце и утробу мою. Если бы зась тутюшіе жители на меня вѣрнаго холома вашего царскаго величества ожесточилися, то для цѣлости отчизны такъ я распоряжатъ и тутъ вни моея ничало не вижу“. Въ заключеніе этой грамоты Брховецкій проситъ государя, что если дѣйствительно на него положено проклятiе, то патріархи сняли бы его (данъ въ Гадичѣ, марта дня 1667 года).

нѣвніе: «ратныхъ людей нужно въ города прибавить или со-всѣмъ вывести потому, что Дорошенку легко за малолюдствомъ ихъ перебить; Дорошенку ничего не стоитъ прельстить сей стороны приднѣпровскихъ жителей, такъ какъ онъ былъ шесть лѣтъ полковникомъ въ Прилукахъ и въ заднѣпровскихъ городахъ у тамошнихъ жителей сродичей много». При объясненіи съ Ордынъ-Нащекиннымъ Мееодій на свое заявленіе услышалъ такой отвѣтъ: Дорошенко самъ по себѣ ничего не значить; ему теперь не на кого надѣяться, потому что нынѣ мирное время. Очень можетъ быть, что бояринъ высказалъ эту мысль рѣзко, въ такой формѣ: «*плевать на Дорошенко, не на кого ему надѣяться*».—Кромѣ того съ Мееодіемъ объяснялись о самомъ важнѣйшемъ тогдашнемъ событіи: въ настоящее-де время заключенъ съ Польшею въ Андрусовѣ миръ и хотя по договору Кіевъ оставленъ за государемъ только на два года, но государь никогда не уступитъ его полякамъ. При этомъ Мееодію было объявлено, что государь намѣренъ своею особою предпринять походъ въ Кіевъ для поклоненія тамошней святынѣ и что впередъ государя, для приготовленія всего необходимаго къ государеву походу, отправится бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ и т. п.—Въ Москвѣ, какъ бы ничего не бывало, объяснялись съ Мееодіемъ попрежнему о малоросійскихъ дѣлахъ; но блюститель митрополіи не забылъ не доданныхъ ему на столицѣ соборей, и ниже увидимъ, какъ онъ воспользовался для мести обидчивамъ откровенностію съ нимъ знаменитаго дипломата.

Должно быть, въ августъ мѣсяць 1667 года Мееодій подалъ на имя государю челобитную ⁷⁴⁾, содержаніе которой, вслѣдствіе ряда довольно любопытныхъ извѣстій, приводимъ здѣсь вполнѣ: «Росписка о чомъ бьетъ челомъ великому государю Мееодій епископъ.—Первое челобитье: о милостынѣ на церковное строеніе святой Софіи премудрости Божіей и чымъ ся питати живучы въ Кіевѣ, также о соборной казны на рав-

⁷⁴⁾ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; подлинн. Малор. докум. св № 2, тетр. № 161.

дѣчу.—Другое: мѣду, котораго по указу великаго государя зѣ Путявлѣ по сто пудъ на годъ южѣ два разы отдаваемо. Чтобъ великій государь велѣлъ на то грамоту указную къ воеводамъ путявльскимъ выдать, по которой бы воеводы путявльскіе на всякъ годъ отдавали безъ волокиты на Мѣсаву, а мѣду въ Кіевъ нужно надобѣнъ ради что подеянаго гостя. — Третье: о сумнѣ, котораго по указу великаго государя по семи половинокъ, цвѣтнаго по пяти, а чернаго по двѣ, зѣ казны великаго государя по два года юже отдаваемо, чтобъ великій государь указалъ прибавить еще три половинки, чтобъ десять было. — Четвертое: о золотѣ и серебрѣ сусальномъ, для построения святой Софіи иконъ, а нанначе въ предѣлѣ святаго великомученика Христова Георгія, гдѣ опочиваетъ великій князь Ярославъ въ лабастровомъ гробѣ, который аще великій государь изволитъ, надобно чымъ покрыть.—Пятое: о извести, которая въ Трубчевскомъ и Брянскомъ уздѣ отъ давнихъ временъ на берегу Десны рѣки лежатъ, а будеть, сказуютъ, ея на пятнадцать струговъ; чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ на святую Софію отдать и стругами спустить въ Кіевъ.—Шестое: о монастырхъ кіевскихъ, чтобъ великій государь пожаловалъ, въ нынѣшнее разореніе милостивымъ своимъ пожалованьемъ призрилъ такъ на монастырь Печерскій, по челобитію архимандрита печерскаго Иннокентія Гизела, яко и на прочіе монастыри кіевскіе, а нанначе на монастырь святаго архистратига Михаила Золотоверкаго, въ которомъ опочиваетъ святая великомученица Варвара; а тотъ монастырь для того вельми оскудѣлъ, что въ самомъ городѣ стоять и отчины такоже, яко и софійскія, извѣнники и ляхи до конца разворили.—Седьмое *самое нужное челобитіе*: пишуся я и называюся по Божіей и великаго государя милости епископъ мѣтиславскій и оршанскій, а престола своего не имѣю и не знаю, и не только города але и села ни единого въ своей епархіи не имѣлъ, все чаю за ляхами да и пусто. А тѣмъ епископомъ мѣтиславскимъ, оршанскимъ и могилевскимъ Тунальскій пишеться и называется, а мнѣ oprичъ скорби и отъ

навітинномъ наруганіи ничего не остается. О тоеды со словами милости у великаго государя прошу, чтобъ мнѣ богомольцу своему указалъ въ своемъ государствѣ певный и не певный престолъ, по которомъ бы мнѣ живучи по его великаго государя указу въ Кіевѣ и висатися и называти безсумнительства мощно. А наиваче о Бѣлгородѣ съ товарищи бую челомъ великому государю, потому что Бѣлгородъ не въ дальнихъ мѣстахъ отъ Кіева и всѣ бѣлгородскіе присуды города сливетъ то за одно съ его великаго государя малороссійскими городами. А что большая, всѣ слободы нашими черкасскими людьми и попами осѣли и желаютъ того вседушно чтобъ мнѣ вѣдати имъ въ дѣлахъ духовныхъ; а и теперь не мнѣ многіе становники (ставленники) прибѣгаютъ такъ отъ Бѣлгорода яко и отъ Сѣвска, потому что въ Кіевѣ отъ Бѣлгорода, Путивля и Сѣвска дорога добра, смирна и анзна (протѣжна). До того много и безчинства по тѣхъ слободахъ найдусся: на антминсахъ не вѣдати якихъ и въ сосудахъ древяныхъ служить, а мощно и проповъ втораженцовъ знайти по тѣхъ слободахъ; самъ (я) Охтырдѣ будучи своимъ видѣломъ (отамъ) много невораду, а въ Сѣвску при мнѣ джиною древяною причащалъ священникъ православныхъ христіанъ». Челобитная оканчивается такъ: «повторю и по десятое великому государю челомъ бую, чтобъ мене убогаго богомольца своего милостию своею прѣзрѣть, а ведѣть поменеными городами въ дѣлахъ духовныхъ вѣдати; откода бы въ тѣхъ породахъ чину духовному, яко и православнымъ христіанамъ, ограда была, и мнѣ бы далей не докучати великому государю отъ протитаніи, могло бы это подлежъ протитанію быти. — Смирный Мееодій епископъ мстиславскій и оршавскій руку приложилъ». Какія рѣшенія состоялись по этой челобитной — не знаемъ; но только послѣдняя просьба Мееодія, извѣство, какъ не была исполнена: вмѣсто просимой слободско-украинской за нимъ оставили прежнюю бѣлорусскую епархію.

Въ Москвѣ, относительно Мееодія и будущаго устройства малороссійскихъ церковныхъ ворядковъ, не послушали

ни Шереметева, ни Брюховецкаго, а напротивъ все оставили по старому. На напоминовеніе гетманомъ статей московскаго постановленія, относительно вопроса о присылкѣ на Кіевъ митрополита изъ Москвы, правительство, кажется, отвѣчало такъ, что государевъ указъ объ этомъ будетъ впредь ⁷⁵⁾. Въ ожиданіи же этого указа Меодій не былъ удаленъ изъ Малороссіи и въ началѣ осени 1667 года былъ отпущенъ изъ Москвы на прежнее свое мѣсто. При этомъ блюстителю митрополіи было приказано по возвращеніи на родину прежде всего отправиться къ гетману и помириться съ нимъ; какъ видно, тоже самое было предписано тогда и Брюховецкому, то-есть чтобы и онъ помирился съ Меодиємъ.

Если пребываніе въ Москвѣ для Меодія было сопряжено со многими непріятностями, то напротивъ Лазарь Барановичъ чувствовалъ себя на столицѣ очень хорошо ⁷⁶⁾.—Выше мы уже привели извѣстія, что въ Москвѣ были пожалованы Лазарю Барановичу маестности въ замѣнъ тѣхъ, которыми завладѣлъ Брюховецкій, и что тогда гетмаецъ написалъ къ черниговскому архіепископу письмо, въ которомъ обѣщаль не только впредь необижать церковныхъ имуществъ, но еще и пожаловать отъ себя новыя. Брюховецкій, поднимая тогда дѣло передъ правительствомъ о неблагонамѣренности кіевскаго духовенства, послѣднимъ обѣщаніемъ пожалованій, какъ видно, хотѣлъ пріобрѣсти себѣ въ Лазарѣ Барановичѣ союзника, но ошибся въ своемъ разчетѣ, потому что черниговскій архіепископъ вступился за политическую репутацію кіевскихъ монаховъ. Къ ректору братскихъ школъ, находившемуся, какъ можно предполагать, въ числѣ тѣхъ игуменовъ, которыхъ доносъ попа Апатолія называетъ врагами великаго государя, Лазарь Барановичъ писалъ изъ Москвы утѣшительное посла-

⁷⁵⁾ На извлеченіи изъ бумагъ Брюховецкаго подъ этимъ пунктомъ его информации поставлена только такая резолюція: „написать въ докладъ“.

⁷⁶⁾ Письма Лазаря Барановича №№ 24—39.

ніе; въ немъ между прочимъ читаемъ: «къ боярину (то-есть къ Шереметеву) посылается грамота, буква не убивающая, — это стрѣлы Господа любящаго. Да ниспошлетъ тебѣ Господь крѣпость и терпѣніе, ибо претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ». Вслѣдствіе ли ходатайства Лазаря Барановича или по другимъ причинамъ, но, какъ видно, доносы Брюховецкаго на кievскихъ игуменовъ, какъ и на Мееодія, были оставлены въ Москвѣ безъ послѣдствій. Въ письмѣ къ Иннокентію Гизелю Лазарь Барановичъ говоритъ: «принявъ участіе въ страданіи его милости пречестнаго отца ректора, вы исполнили слово апостольское. Благодарю васъ за эту отеческую милость. Къ боярину послана грамота, дающая слуху честнаго отца ректора радость и веселіе. Избавитель избавилъ его отъ клеветы, клеветника приказано доставить въ Москву». Лазарь Барановичъ, находясь на столицѣ «и плавая въ морѣ среди многихъ обуреваній внутреннихъ и вѣшнихъ», конечно, не безъ затрудненій достигалъ успѣховъ въ своихъ хлопотахъ. Такъ въ его письмѣ къ черниговскимъ монахамъ находимъ: «писали вы къ намъ о нуждахъ своихъ монастырскихъ и мы отверзохомъ уста къ его царскому величеству о васъ, но еще не привлекохомъ духа утѣшающаго насъ, еще бо указа нѣсть. Толкати будемъ, да отверзется намъ, и въ то время отверземъ и вамъ».—Но самое главное, чего достигъ Лазарь Барановичъ въ Москвѣ, было то, что на соборѣ рѣшили возвести черниговскую епископію на степень архіепископіи.

По возвращеніи въ Малороссію Лазарь Барановичъ писалъ ко многимъ лицамъ посланія и по нимъ можно судить, какъ онъ воспоминалъ свое недавнее прошедшее. Въ посланіи къ Брюховецкому, въ отвѣтъ на просьбу извѣстить о своемъ пребываніи въ Москвѣ, черниговскій архіепископъ писалъ: «по желанію благородія твоего извѣщаю о повожденіи моемъ: бѣ сила Божія въ немощи моей. Богъ, держай сердце царевое въ рукахъ своихъ, преклонивый небеса, преклони сердце его ко мнѣ, богомольцу своему, яви мнѣ лице свое, пріять мя лю-

безно, аки отецъ милостивый, словомъ утѣши мя, слуху моему даде радость, вопрошая мя о всемъ съ милости своей царской». Въ посланіи къ Иннокентію Гизелю (надо полагать отъ февраля мѣсяца 1668 года) читаемъ: «ахъ, съ какими восторгомъ, послѣ столь давняго свиданія, я прижалъ бы васъ къ сердцу моему. Сколько бы отъ избытка сердца наговорили уста! Но не суждено такъ и все скрылось какъ въ могилу. Я намѣренъ скоро посылать въ Кіевъ нарочнаго, котораго языкъ будетъ тростью скорописца; а теперь привѣтствую вашу вѣречность со всею братією письменно. При содѣйствіи вашихъ молитвъ я возвратился благополучно. Не могу умолчать и въ письмѣ моемъ къ вамъ, что его царское величество очень благосклоненъ къ вамъ; да увѣнчаетъ его царь небесный славою и честію». Изъ всѣхъ посланій Лазаря Барановича, писанныхъ имъ въ концѣ 1667 и началѣ 1668 годовъ, интереснѣйшимъ, кажется, является то, въ которомъ онъ тому же Иннокентію Гизелю описываетъ судъ надъ патріархомъ Никономъ. Здѣсь важны не факты, сообщаемые участникомъ суда, не его взглядъ на событія, а тотъ тонъ, съ которымъ разсказывается это серьезное дѣло. Вотъ содержаніе этого посланія: «по возвращеніи моемъ изъ московскаго края пишу къ вамъ въ другой уже разъ. Впрочемъ, какъ бы часто ни писалъ я, все это не вознаградитъ того, что пересказалъ бы вамъ при свиданіи, бесѣдуя лицомъ къ лицу. Вчерашняго дня не воротить, и помилуй Богъ, какъ я жалѣю о томъ, что нельзя догнать его; послѣ потери и ляхъ и русскій умны. — Бывшаго патріарха низложило собственное его упорство; онъ добровольно отказался отъ престола; всеародно, въ виду клира и народа, сложилъ съ себя патріаршескія отличія и что онъ самъ отказался въ томъ дерзновенно и призваніе учинилъ, слагая причину удаленія съ престола на гнѣвъ царскій; но смиреніе все бы побѣдило. Надобно было изумляться благодушію и кротости царя; заливаясь слезами, онъ исторгалъ слезы у зрителей. Доказано было со стороны царя, что не-

законно было оставлять паству безъ всякаго преслѣдованія; смиреніе одержало бы верхъ, но оно все оскудѣло.—Въ порывѣ гнѣва онъ (Никонъ) укорялъ и восточныхъ патріарховъ въ томъ, что они лишившись своихъ престоловъ, незаконно требуютъ его къ суду; всѣхъ противъ себя поставилъ, а прихѣру старшаго слѣдуютъ и прочіе. Сперва отняли крестъ, который онъ, какъ первосвятитель, приказалъ нести передъ собою, дабы онъ смѣя знаменіемъ не одержалъ побѣды. Потомъ въ другое засѣданіе изложены были противузаконные его поступки, жестокое управленіе клиромъ, низверженіе собственной властію одного епископа, что послужило причиною скоропостижной смерти его отъ умопомѣшательства. Опрежденіе это прочитано было всенародно сперва на греческомъ, а потомъ на славянскомъ языкѣ, въ домово́й патріаршей церкви. Послѣ сего велѣли ему снять клобукъ, украшенный серафимомъ; но онъ не послушался; тогда александрійскій патріархъ, какъ вселенскій судія, самъ сбросилъ съ него клобукъ и надѣлъ на него простой, дабы показать тѣмъ, что съ сего времени онъ монахъ простецъ. Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, несъ ужасы и палъ духомъ, *когда погасло великое свѣтило*. Исчисляющій количество звѣздъ и всѣ ихъ называющій именами тотъ утвердилъ сію звѣзду на небѣ церковномъ, — *пусть бы она и свѣтила долю еще; старость честна, пусть бы она была и многолѣтна*. Затѣмъ, сообщивъ навѣстія о постановленіяхъ и желаніяхъ властей относительно церковныхъ обрядовъ, Лазарь Барановичъ заканчиваетъ письмо такою фразою: «греки живутъ въ Москвѣ по-гречески, то есть весело». Въ разсказѣ Лазаря Барановича о судѣ надъ патріархомъ Никонѣмъ юморъ малороссіянина, если не ошибаея, играетъ непоследнюю роль.

Г Л А В А VI.

Пребываніе епископа Меодія въ Гадичѣ и Нѣжинѣ зимою 1667—1668 года; его толкованія малороссіянамъ условій андрусовскаго договора. Гетманъ Брюховецкій рѣшается поднять бунтъ противъ московскаго правительства; разговоръ Брюховецкаго съ Иннокентіемъ Гизелемъ и союзъ съ Дорошенкомъ.

Въ изложеніи событій политической дѣятельности епископа Меодія мы дошли до того времени, когда онъ изъ самаго вѣрнаго и преданнаго слуги великаго государя вдругъ превращается въ закятаго его врага, въ измѣнника. Какъ это случилось? Само собою разумѣется, что это случилось не отъ того, что въ послѣдній пріѣздъ Меодія въ Москву соболей и корму, сколько онъ хотѣлъ, ему не давали. Ставоваясь на личную точку зрѣнія Меодія и всматриваясь внимательно въ предшествующія событія, мы можемъ замѣтить, какъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ всталъ у кормила правленія, начинаетъ мало-по-малу разочаровываться въ томъ правительствѣ, которому прежде такъ вѣрно служилъ и которому наконецъ въ 1661 году предался совсѣмъ безотчетно. Въмѣсто проведенія своихъ плановъ Меодію приходилось исполнять почти одни только правительственные, иногда для него весьма непріятные, и которые притомъ очень часто измѣнялись то въ ту, то въ другую сторону. Этому бы еще можно было подчиниться; но Меодія иногда заставляли исполнять дѣла для него положительно неисполнимыя, причемъ объ его личномъ самолюбіи почти никогда не думали, не щадили его, да еще и откровенно показывали, что на него смотрять какъ на купленнаго правительствомъ чловѣка, для котораго поворотъ въ другую сторону не мыслимъ. Верхомъ этихъ личныхъ оскорбленій для самолюбія епископа Меодія было приказаніе, пріѣхавши въ Малороссію, непременно помириться съ Брюховецкимъ.

Изъ Москвы Меодій пріѣхалъ прежде всего въ свой родной городъ Нѣжинъ и здѣсь узналъ, что обиды ему отъ пра-

вительства одними московскими униженіями не кончились. Въ Нѣжинѣ Меѳодій понялъ смыслъ словъ боярина Ордынъ-Нащокина, почему не стоитъ обращать вниманія на затѣи Дорошенка. Дѣло состояло въ томъ, что московское правительство послѣ заключенія андрусовскаго договора вступило въ мирныя сношенія съ Чигириномъ объ обращеніи подъ руку великаго государя. О сущности этихъ сношеній мы можемъ судить по слѣдующимъ словамъ донесенія въ Москву къ боярину Ордынъ-Нащокину стряпчаго Вас. Тяпкина, на котораго главнымъ образомъ были возложены переговоры съ Чигиринымъ ^{7a)}: «гетманъ Петръ Дорошенко говоритъ: когда я буду при милости великаго государя, какой чинъ себѣ буду имѣть и кому изъ насъ гетманомъ быть, мнѣ или Брюховецкому? Что на это отвѣчать, о томъ бы прислали мнѣ государевъ указъ. Да также указали бы мнѣ, какой я долженъ давать отвѣтъ о митрополіи кіевской. По моему лучше бы было послать милостивую государеву грамоту къ митрополиту Тукальскому». Подробностей сношеній съ Чигиринымъ Меѳодій могъ и не звать, но что они ведутся и о чемъ ведутся, это было извѣстно; въ нихъ принимали участіе многія лица и въ томъ числѣ Иннокентій Гизель, который даже писалъ увѣщательную грамоту къ Дорошенку, чтобы гетманъ отсталъ отъ союза съ татарами и обратился подъ руку единовѣрнаго государя. Но въ этихъ сношеніяхъ Меѳодій могъ видѣть для себя только одно, что въ Москвѣ не только не цѣнятъ его заслугъ и преданности, но и не прочь посадить ему на шею Тукальскаго.

Указывая на факты, которыми естественно могъ оскорбляться Меѳодій, мы здѣсь не говоримъ о томъ, имѣлъ ли онъ право ими оскорбляться. Отдавшись безусловно правительству, какое онъ имѣлъ право выставлять потомъ ему на видъ свою самостоятельность и затѣмъ сердиться, что къ этой самостоятельности кромѣ презрѣнія ничего не показываютъ? Могъ ли напримѣръ Меѳодій считать свою ссору съ гетманомъ на-

• ^{7a)} А. Ю. З. Росс., т. VI, стр. 246 и № 68.

столько основательною, чтобы потомъ обижаться, когда правительство, въ виду вреда отъ нея себѣ, потребовало отъ епископа поднаго ея прекращенія? Но это только съ одной стороны, а съ другой мы здѣсь совсѣмъ не намѣрены разсуждать о томъ, хорошо ли дѣлало правительство, обращаясь довольно безцеремонно съ своими агентами. Такъ или иначе, но только Меодій, какъ прежде Никонъ, не выдержалъ своей роли и обидѣлся на правительство. Подъ впечатліемъ недавнихъ обидъ и страха грядущей бѣды Меодій отправился изъ Нѣжина въ Гадичъ для примиренія съ Брюховецкимъ и здѣсь, къ своему несчастію, встрѣтилъ вполне благопріятныя обстоятельства, чтобы отомстить московскому правительству. Тогда и Брюховецкій находился точно въ такомъ же положеніи какъ и Меодій: для гетмана приказаніе помириться съ епископомъ было также оскорбительно, а сношенія правительства съ Чигиринномъ грозили ему гибелью.

О пребываніи епископа Меодія въ Гадичѣ, кромѣ собственныхъ его показаній, которыя будутъ приведены ниже, мы имѣемъ очень мало извѣстій. Знаемъ, что при свиданіи прежніе враги помирились между собою и это примиреніе даже завершили кровнымъ союзомъ; епископъ Меодій стговорилъ свою дочь за племянника Брюховецкаго. Но кромѣ этого, судя по общему ходу дѣла, имѣемъ основаніе сказать, что въ Гадичѣ дѣло не ограничилось однимъ примиреніемъ и сватовствомъ: епископъ и гетманъ, забывъ прежнія благодѣянія къ себѣ правительства и помня только недавнія обиды, помирились между собою на томъ, чтобы уничтожить московскую власть въ Малороссіи. Какъ видно, Меодій побудилъ Брюховецкаго къ бунту тѣмъ, что смутилъ его толкованіемъ условій андрусовскаго договора. Условіе этого договора объ отдачѣ Кіева полякамъ черезъ два года должно было само по себѣ произвести впечатліе на малороссіянь. Но правительство при объявленіи этого условія въ Малороссіи, кажется, поступило еще такъ неосмотрительно, что подало поводъ заподозрѣть себя въ неискренности: въ грамотахъ къ гетману и

въ манифестахъ, назначенныхъ для прочтенія на благодарственныхъ молебнахъ о мирѣ, условіе объ отдачѣ Кіева полякамъ черезъ два года было пройдено молчаніемъ, во всякомъ случаѣ не было сказано, что Кіевъ *на вѣки* останется за государемъ. Цѣль этого умолчанія на первый разъ была достигнута и все было тихо въ Малороссіи. Но когда явился въ Гадичъ Меѳодій, то онъ уяснилъ гетману и всѣмъ кому слѣдовало, что это крайне непріятное условіе именно таково, какъ и слѣдуетъ его понимать: Кіевъ черезъ два года *долженъ быть отданъ* полякамъ и *непремѣнно будетъ отданъ*. Затѣмъ Меѳодій, можетъ быть только въ формѣ предположенія, но высказалъ Брюховецкому мысль, что оба правительства, московское и варшавское, помирились между собою не на одномъ томъ, что извѣстно изъ договора: правительства-державы рѣшились въ концѣ концовъ приняться взаимными силами за уничтоженіе малороссійскаго казачества. Вина казаковъ предъ правительствами состоитъ-де въ томъ, что въ теченіе тринадцатилѣтней изъ-за нихъ поднявшейся войны; они своими измѣнами на всѣ стороны и тому подобными поступками нанесли Россіи и Польшѣ неисчислимыя убытки и бѣды. Этотъ же злой планъ для Войска Запорожскаго, пояснялъ далѣе Меѳодій, принадлежитъ виновнику самаго андрусовскаго договора боярину Ордынъ-Нащокину. Разясняя Брюховецкому общее, Меѳодій конечно указывалъ ему и нѣкоторые частныя признаки бѣды грозящей имъ обоимъ и казачеству; такъ напримѣръ, какъ сейчасъ увидимъ, епископъ указывалъ на поведеніе кіевскаго воеводы Шереметева, на его ласковое обращеніе съ поляками и не совсѣмъ вѣжливое съ казаками и тому подобное.

Былъ ли убѣжденъ Меѳодій въ томъ, что говорилъ другимъ, не можемъ точно сказать; но Брюховецкій, какъ видно, повѣрилъ всѣмъ сообщеніямъ свата. Теперь слова боярина и гетмана, будто епископъ мстиславскій «обыкълъ на все злое всякаго скоро наговаривать», исполнились прежде всего надъ нимъ самимъ. Казаки знали за собою столько преступленій

противъ Россіи и Польши, что союзъ правительствъ для уничтоженія виновниковъ своихъ несчастій долженъ былъ показаться дѣломъ вполне естественнымъ. Но даже и помимо турецкаго способа истребленія правительства могутъ найти средства для уничтоженія казаковъ. Миръ былъ заключенъ, а что такое должно быть малороссійское казачество безъ войны? Мѣщане-мужики, по взглядамъ правительства; двадцать лѣтъ тому назадъ стремленіе польскаго правительства превратить казаковъ въ мѣщанъ и мужиковъ было однимъ изъ поводовъ возстанія Богдана Хмельницкаго. А что и теперь правительства не откавались отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, въ этомъ можно было убѣдиться познакомившись съ бояриномъ Аванасіемъ Лаврентьевичемъ Ордынъ-Нащокинымъ. «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель», находившійся теперь у царя почти въ такой же милости, какъ прежде Никонъ, довольно ясно показывалъ всѣмъ, что терпѣть не можетъ вообще безпорядокъ и особенно тотъ, представителемъ котораго являлось въ XVII вѣкѣ казачество. И вотъ въ виду всего этого Брюховецкій, точно такъ же какъ и Меодій, не выдержалъ своей роли: не разъ уже оскорбленный правительствомъ, онъ непрочъ былъ отомстить ему за это; изъ врага войсковыхъ вольностей, какимъ Брюховецкій являлся особенно до избранія въ гетманы, онъ теперь рѣшился сдѣлаться ихъ защитникомъ, желая разыграть роль Богдана Хмельницкаго. Спасая казачество, гетманъ хотѣлъ прежде всего спасти его главу, то есть самого себя.

Дѣло было рѣшено и епископъ Меодій, пробывъ съ недѣлю въ Гадичѣ, поѣхалъ оттуда, но не въ Кіевъ, какъ бы слѣдовало, а опять въ Нѣжинъ⁷⁹⁾. Разставшись съ Брюховец-

⁷⁹⁾ Дальнѣйшее изложеніе событій настоящаго послѣдованія основано главнымъ образомъ на документахъ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, напечатанныхъ въ 7 томѣ Актовъ Южн. и Зап. Росс., стр. 1—173; отрывки дѣла объ епископѣ Меодіи, дополняющіе напечатанное въ Актахъ, находятся въ Арх. Мин. Юст. Дѣла Малор. столб. № 6042.

кимъ, Меѳодій не хотѣлъ его и потому оставлять безъ нравственной поддержки. Не только на словахъ и чрезъ доверенныхъ лицъ, епископъ имѣлъ неосторожность даже на письмѣ высказывать свои мысли и возбуждать къ такому дѣлу какъ бунтъ. Намъ извѣстно одно письмо Меѳодія, отправленное имъ изъ Нѣжина къ Брюховецкому, слѣдующаго содержания: «для Бога не оплошайся милость твоя. Какъ вижу, идетъ не о ремешкѣ, но о цѣлой кожѣ нашей. Чаятъ, тотъ честной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобъ васъ купно жъ и насъ съ вами, взявъ за шею, выдать ляхамъ. Почему вѣдать, не на томъ ли и поприсягали себя? Яко жъ много знаковъ такихъ, что объ насъ торгуются: лучше бы намъ не манили, нежели такъ съ нами нынѣ лестно поступати. И впрямь въ великомъ остерегательствѣ живи, а запорожцевъ всячески удовляй; а буде сколько запорожцевъ вышло, ими укрѣплайся. А сверхъ того и тѣ города порубежные людьми своими досмотри, чтобъ больша Москва не засяли. И сей мой таковъ совѣтъ, занеже утопающій и за бритву емлется. И не послать ли тебѣ пана Дворецкаго для какого дѣла воинскаго до царскаго величества, а ему и своя бѣда и оболганіе отъ того безбожнаго Шереметева, чтобъ онъ, смедшися съ Нащокинымъ, выразишь, что отъ него и къ тебѣ бы послалъ, кого ты съ нимъ вѣрнаго и легкаго пошлешь, возвѣщаячи о его замыслахъ. Зане вижу, и онъ панъ Дворецкій зѣло жалостенъ своего безчестія отъ Шереметева. И то недобрый знакъ, что Шереметь самыхъ бездѣльныхъ ляховъ любовно приѣмлетъ и ихъ потчиваетъ; бѣдныхъ людей мучитъ, а ляховъ удовольствуетъ, изъ пушекъ стрѣляетъ, а казаковъ хотя бы какіе честные люди за яшскихъ собакъ не почитаютъ, а сверхъ того еще и похваляются на казаковъ неслучно, какъ мнѣ Дворецкій рассказывалъ. Да и съ Дорошенкомъ Шереметевъ ссылается, а ты ни о чемъ не вѣдаешь; также разумью, что съ тобою о семъ не ссылаются; а слышу, что Тяпкинъ съ Дорошенкомъ имѣетъ съѣзжаться негдѣ Богъ вѣсть. То все не намъ ли на зло? И впрямь надобно тебѣ

зѣло остерегательнымъ быти и къ Нащокину не вырваться, хотя бы и манилъ тебя. Панъ Романовскій, разумию, что тебѣ пространіе опишетъ, о чемъ мы говорили, а я свою мысль тебѣ объявляю, что мнѣ своя отчина мила. Храни Боже, чтобъ ляхомъ, взявъ насъ за шею, имѣли отдавати, также и къ Москвѣ водити! Лучше смерть, нежели золь животъ. И ты буди остерегательнъ, чтобъ, храни Боже, не похотѣли и тебя, какъ покойнаго Барабаша, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка ляхамъ отослать. А отъ насъ ужъ плохо будетъ».

Представители московской власти въ Малороссіи теперь, какъ и всегда, конечно наблюдали за дѣйствіями гетмана и блюстителя митрополіи. За конецъ 1667 года въ Москвѣ, относительно главныхъ лицъ нашего разсказа, получались такія извѣстія: Тяпкинъ писалъ къ Ордынъ-Нащокину: «Тукальскій наговариваетъ Дорошенка подъ высокую руку великаго государя, желаячи себѣ митрополіи, и пишется нынѣ кіевскимъ. Брюховецкій, полковники и вся старшина о Дорошенкѣ и слышать не хотятъ, боятся лишенія своей чести. Епископъ Меодій былъ у гетмана Ивана Мартыновича, поѣхалъ къ архіепископу Барановичу (то есть въ Нѣжинъ); а какія, межъ ими замыслы, Богъ вѣсть. Только о томъ подлинно извѣстно, радъ бы епископъ о Тукальскомъ и не слышать, не токмо его для того видѣть (то есть митрополитомъ кіевскимъ). Мѣщане и казаки, паче же черные народы по обѣ стороны Днѣпра зѣло любятъ и почитаютъ митрополита Тукальскаго и Дорошенка. Только то еще будетъ извѣстно: архимандритъ печерскій и Тукальскій великую любовь межъ собою и въ народѣхъ силу имѣють. Добро бы было архимандрита милостивою государевою грамотою обвеселить, а также и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ видѣть. Также послать бы грамоты и прочимъ игуменамъ и братіи кіевскихъ монастырей: чрезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться согласное, а развратное прійти въ кротость.» Эти вѣсти были получены въ Москвѣ 5 января 1668 года, а 19

числа того же мѣсяца стрявчій Фед. Март. Бредихинъ, привезшій отписки кievскихъ воеводъ, заявлялъ въ посольскомъ приказѣ уже слѣдующее: «приказывалъ мнѣ словесно бояринъ П. В. Шереметевъ: какъ пріѣхалъ съ Москвы епископъ Меодій и будучи у боярина и гетмана съ нимъ сгодился и свою дочь за его племянника стоворилъ, то съ того времени въ черкасскихъ городахъ учили мѣщане писаться въ казаки и воеводамъ перестали быть послушны. Бояринъ Петръ Васильевичъ признаетъ, что то началось съ епископскаго пріѣзда».

И такъ около первыхъ чиселъ января мѣсяца 1668 года кievскіе воеводы уже замѣтили какую то шатость въ малороссійскихъ городахъ и узнавъ что-то нехорошее объ епископѣ Меодіи, спѣшили обо всемъ этомъ извѣстить въ Москву. Дѣло заключалось въ томъ, что у Меодія, какъ видно, хватило характера на то, чтобы не смотря на дурное обращеніе съ нимъ на столицѣ, сколько было возможно промолчать предъ москлями, что это ему обидно; но пріѣхавши на родину, съ того времени, какъ увидѣлъ возможность отомстить обидчикамъ, епископъ далъ волю языку. 10 января Шереметевъ съ товарищи получили отъ нѣжинскаго воеводы Нв. Ржевскаго отписку такого содержанія: «6 января ходилъ я къ епископу Меодію къ благословенію съ головами стрѣльцами и иными людьми». И епископъ Меодій при насъ говорилъ: «вѣдомо-де ему епископу и гетману и малороссійскихъ городовъ жителямъ учинилось, что идетъ съ Москвы въ малороссійскіе города бояринъ Ае. Лавр. Ордынъ-Нащокинъ со многими ратными людьми, тысячь съ шестьдесятъ; и всѣ-де здѣсь сомнѣваются, что идетъ онъ для того, чтобы городъ Кіевъ польскому королю отдавать». Да онъ же епископъ говорилъ: сказывалъ-де ему гетманъ, что посылалъ онъ къ великому государю къ Москвѣ бунчужнаго съ товарищи въ двѣ посылки; и бунчужной былъ на Москвѣ всего три дня, а государевыхъ очей не видалъ и съ Москвы отпущенъ ни съ чѣмъ; а на отпускѣ-де бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ бунчужному будто говорилъ: «пора ужъ васъ къ Богу отпущать». Да наши же малороссійскіе жи-

тели жили на Москвѣ по году и пріѣхавъ гетману-де сказывали, что «однокозвенно Кіевъ королю польскому отдавать со всѣми людьми». Да онъ же епископъ говорилъ, что въ грамотахъ великаго государя, которыя присланы къ нему епископу и къ гетману, того не написано, что Кіевъ великому государю на вѣки отдашь. И будетъ королю польскому Кіевъ слѣдуетъ отдавать, то малороссійскихъ городовъ жители говорить: «смерть-де всѣ примуть, а королю польскому и слухомъ въ подданство быть не хотятъ». — Отписка Ржевскаго заканчивается наѣвотіемъ, что «о томъ сумнительствѣ епископъ Меодій писалъ къ великому государю къ Москвѣ января въ 7 день».

Получивъ такія извѣстія изъ Нѣжина, кіевскіе воеводы увидѣли, что со стороны Меодія идетъ уже настоящая агитація. И вотъ Щереметевъ съ товарищи, «опасаясь, чтобы отъ такихъ епископскихъ словъ малороссійскихъ городовъ у жителей людей не учинилось какія штатости» отправили къ епископу нарочно голову московскихъ стрѣльцовъ Ивана Лопатина. Последнему было наказано говорить Меодію слѣдующее: «вѣдомо тебѣ епископу, что въ прошлыхъ годахъ великій государь, истинный ревнитель благочестью, но челобитью гетмана Богдана Хмельницкаго, принялъ Войско Запорожское, съ городами и землями, подъ свою высокодержавную руку, не для какихъ-нибудь прибытковъ, а для единныя христіанскія православныя вѣры, не хотя видѣть ея въ поруганіи и всѣхъ жителей малороссійскихъ городовъ сохраняетъ во всякихъ свободахъ. Тебѣ также извѣстно, что нынѣ великій государь, за помощію Божіею, имѣетъ подвижность къ походу въ свою стародавнюю дѣдичную отчину въ Кіево-Печерскій монастырь помолитися и отъ желанія чудотворной Владычицы наша Богородицы: образъ и преподобныхъ отецъ многочюдесныя мощи видѣть, а свою стародавнюю отчину Кіевъ осмотрѣть, которая въхъ государская отчина изъ давнихъ лѣтъ ихъ государскимъ пришествіемъ на посѣщена. А тѣмъ своимъ пришествіемъ всѣхъ своихъ подданныхъ украинскихъ городовъ жителей великій

государь хотеть увеселить и во вѣки непоколебимыми въ вѣрѣ и въ подданствѣ учинить. И для того великій государь нашъ съ королевскимъ величествомъ миръ учинялъ, чтобы въ его государской стародавней отчинѣ во градѣ Кіевѣ и во всѣхъ малороссійскихъ городахъ всякой человекъ въ православіи, покоѣ и веселіи доброхотно жилъ». Затѣмъ Лопатину слѣдовало говорить: «боярина Аѳанасія Лаврентьевича великій государь посылаетъ напередъ себя для того, что такъ издавна нхъ царскій чинъ надлежитъ: всегда передъ государевымъ походомъ посылаются бояре и думные люди, чтобы все приготовить для государскаго прѣзда и собрать необходимые для того запасы и конскіе кормы; все это будетъ приказано жителямъ свозить не безденежно, а для продажи. А что говорилъ бунчужный про боярина Ордынъ-Нащонина и то все дѣло нестаточное: бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ человекъ умный, государскихъ великихъ дѣлъ положено на немъ множество, и не токмо такихъ словъ не станетъ бунчужному въ слухъ говорить, но и тайно не помыслить. Вѣроятно какой-нибудь врагъ креста Господня, сатаанинъ угодникъ и ненавистникъ роду христіанскаго такіа страшныя слова выщаеть. — И тебѣ бы епископу Меодію свое сумнительство оставя и увеселяя боярина и гетмана Ивана Мартыновича, къ нему писать, а въ Нѣжинѣ полковнику и всланимъ людямъ говорить, чтобы о прѣздѣ боярина Аѳанасія Лаврентьевича никакого сумнительства и страха не выбли и ни на какія шлевотворныя и плевосѣятельныя прелести не склонялись и жили бы въ добромъ покоѣ, безо всякаго озлобленія и въ непоколебимомъ упованіи на непремѣнную милость и жалованье великаго государя». Во всей этой рѣчи, которую Лопатинъ долженъ былъ говорить епископу при всѣхъ, совсѣмъ не упоминается о главномъ тогдашнемъ дѣлѣ, на чемъ основывалъ свою агитацію Меодій: черезъ два года будетъ ли Кіевъ отданъ польскому королю или нѣтъ? Что же касается того, что Лопатинъ долженъ былъ говорить Меодію наединѣ, то и содержаніе этой тайной рѣчи было только таково: «ты,

епископъ, видя къ себѣ премногую милость великаго государя, хотя бы и слышалъ, что плутишко бунчужной такіа нестачныя слова ропускалъ, в тебѣ бы то все разговаривать, что бунчужной все то солгалъ. Самому же тебѣ епископу, прїѣхавъ въ Нѣжинъ, повторять такіа смутныя слова не довелось: всякому человѣку, слыша отъ тебя такіа слова, опасно и въ народѣхъ можетъ зло вкорениться, а дѣлу великаго государя отъ того поруха учинится».

Если кїевскіе воеводы предполагали, что подобныя сейчасъ приведеннымъ увѣщаніа могутъ подѣйствовать на Меодія въ благопріятную для правительства сторону, то они жестоко ошибались. Впрочемъ воеводы, вслѣдъ за Лопатинимъ, «хотя о томъ подлинно вѣдати, отъ кого заводятся великіа воровскія дѣла и бунты», послали въ Нѣжинъ же еще Тяпкина. Последний только что прїѣхалъ тогда въ Кіевъ изъ Переяславля съ объявленіемъ воеводамъ, что замѣтилъ въ малороссійскомъ народѣ шатость. Тяпкину и Лопатину пришлось услышать въ Нѣжинѣ отъ епископа Меодія рѣчи еще болѣе рѣзкія, чѣмъ тѣ, о которыхъ передъ этимъ доносилъ Шереметеву Ржевскій. Епископъ Меодій открыто, при многихъ людяхъ, говорилъ такіа слова: «бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ, когда я ему сказывалъ о прибавкѣ ратныхъ людей въ города и о замыслахъ Дорошенка, онъ на мои слова плевалъ и говорилъ: «плевать на Дорошенка, не на кого ему надѣяться». Отъ такихъ боярскихъ словъ можно въ здѣшнихъ краяхъ бунтовъ и всякого дурна чаить. — Бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ идетъ сюда затѣмъ, чтобы Кіевъ королю сдать и вмѣстѣ съ ляхами всѣхъ малороссійскихъ городовъ жителей до ссущаго младенца посѣчь. Если бояринъ придетъ Кіевъ ляхамъ сдавать, то я возьму въ правую руку мечъ, а въ лѣвую крестъ, и буду противъ ратей обонхъ великихъ государей стоять». Произнося подобныя рѣчи, епископъ Меодій бранилъ и безчестилъ при этомъ всячески боярина П. В. Шереметева, говорилъ, что и повѣдка его епископа на Москву была по письму къ государю этого кїевского воеводы,

Въ доволненіе къ сейчасъ изложенному приведемъ здѣсь часть показанія Иннокентія Гизеля (давняго имъ впоследствии кievскимъ воеводамъ), бывшаго одновременно съ Лопатинымъ и Тяпкинымъ въ Нѣжинѣ. Иннокентій Гизель рассказываетъ, что въ самомъ концѣ 1667 года онъ находился въ маестности Печерскаго монастыря въ Смѣлой. Съѣздить сюда архимандритъ отпросился у кievскихъ воеводъ затѣмъ, что видѣлъ въ этой маестности великое развореніе отъ гетмана и казаковъ. Отправляясь въ Смѣлую, архимандритъ просилъ Шереметева отпустить съ нимъ кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ для засвидѣтельствованія справедливости жалобъ духовенства на то, что дѣйствительно гетманскіе казаки разворяютъ монастырскія маестности. Шереметевъ исполнилъ эту просьбу и отправилъ въ Смѣлую полковника Ѳ. Хвощинскаго съ рейтарамъ. Но теперь Иннокентію Гизелю не пришлось судиться съ Брюховецкимъ, потому что случилось совершенно неожиданное для него происшествіе: въ Смѣлую прискакало нѣсколько десятковъ знатныхъ казаковъ, приглашая архимандрита пріѣхать къ гетману въ Гадичъ. «Удивился я тому» говоритъ Иннокентій Гизель, — «и съ немалою болѣзнію то для меня было, что Брюховецкій столько лѣтъ ко мнѣ враждовалъ, а теперь въ Гадичъ къ себѣ ѣхать велитъ. О такой осылкѣ съ гетманомъ я никогда прежде и не думалъ; теперь же, боюсь тѣхъ казаковъ, радъ и не радъ, поѣхалъ; а казаки безъ меня ѣхаты не хотѣли». Въѣхавъ съ архимандритомъ поѣхалъ въ Гадичъ и Хвощинскій. Прибывъ сюда, рассказываетъ далѣе Иннокентій Гизель, онъ имѣлъ съ Брюховецкимъ такой разговоръ:

— Иннокентій Гизель: «счастливъ ты гетманъ велѣлъ мнѣ пріѣхать къ себѣ въ Гадичъ?»

Брюховецкій: «зачто вы на меня зло имѣете и за меня во святой великой Печерской лаврѣ Бога не молитесь?»

Иннокентій Гизель: «зла мы тебѣ никакого не хотимъ, а вельаску твою къ намъ видимъ. Мы къ тебѣ мнѣоградно мисали, съ великимъ слезнымъ прошеніемъ, что казаки Лавру разворяютъ и въ маестностяхъ подданныхъ быють; копей, во-

ловъ и всякій товаръ и хлѣбъ грабятъ. Меня архимандрита и братію мою, иноковъ людей честныхъ и набожныхъ, казаки безчестятъ и бьютъ. Ты же это наше слезное прошеніе презрѣлъ и справедливости намъ не учинилъ; и за такую неласку мы всѣ въ великой обители за тебя Бога не молимъ».

Брюховецкій: «то правда, что казаки много злаго учинили святой обители Печерской, потому что васъ мои полковники оскорбляли и я имъ вѣрилъ; отъ сего же часу вѣрить имъ и оскорблять васъ не буду». — Затѣмъ Брюховецкій перенесъ разговоръ на другой предметъ и повѣдалъ архимандриту: «слышу, ѣдетъ изъ столицы епископъ Мееодій. До сихъ поръ у насъ все было смирно, а какъ онъ пріѣдетъ, то не было бы намъ лиха. Ты бы архимандритъ поговорилъ епископу, чтобы онъ со мною помирился, зло укротилъ и жилъ бы въ совѣтѣ. Стали бы мы жить всѣ любовно, а люди во всемъ малороссійскомъ краю жили въ покоѣ и великому государю чистыми сердцами работали».

Если Брюховецкій дѣйствительно говорилъ такимъ образомъ Иннокентію Гизелю, то въ послѣднихъ его словахъ скрывалась такая то хитрость, такъ какъ передъ этимъ онъ видѣлся съ Мееодіемъ и помирился. Такъ или иначе, но только Иннокентій Гизель, по просьбѣ гетмана, отправился въ Нѣжинъ и здѣсь ему пришлось быть свидѣтелемъ того, что епископъ Мееодій у себя въ дому и въ людяхъ ругалъ и безчестилъ бояръ и вельможныхъ архіереевъ московскихъ, а также и кievскихъ воеводъ. Такъ на обѣдѣ у нѣжинскаго протопопа Мееодій началъ подобнымъ образомъ браниться въ присутствіи самого нѣжинскаго воеводы; послѣдній, не желая этого слышать, ушелъ среди обѣда. Иннокентій Гизель говоритъ, что онъ тогда хулилъ Мееодію такое его поведеніе. Бранилъ Мееодій московичей и за то, что будто ему на столицѣ было безчестіе, соблавы и корму, сколько хотѣлъ, не давано и клялся епископъ при этомъ, что уже никогда больше не поѣдетъ на Москву. Видя такіа дѣла, показываетъ далѣе Иннокентій Гизель,

онъ поспѣшилъ уѣхать въ Кіевъ и оттуда писалъ къ Меѳодію, совѣтуя ему отстать отъ той вражды и ѣхать въ Кіевъ.

Въ концѣ января мѣсяца воротились въ Кіевъ Лопатинъ (28 числа), а затѣмъ и Иннокентій Гизель съ Хвоцинскимъ, Тяпкинь же остался еще на нѣкоторое время въ Нѣжинѣ. Но кромѣ донесеній лицъ, прибывшихъ изъ Нѣжина, кіевскіе воеводы узнавали о тогдашнихъ дѣлахъ и изъ другихъ источниковъ довольно многое. Такъ между прочимъ они получили извѣстіе, что Брюховецкій и Меѳодій, готовясь къ бунту, хотѣли его вести не одними тѣми средствами, которыя находились у нихъ въ распоряженіи. Крайне непріятныя для себя свѣденія правительства съ Чигиринномъ сваты рѣшились повернуть по своему: они сами вступили въ переговоры о союзѣ съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ. 28 января вышедшій изъ крымскаго плѣна шляхтичъ Свѣножацкій показывалъ кіевскимъ воеводамъ: «былъ я долгое время въ Чигиринѣ у гетмана Петра Дорошенка. Мнѣ то подлинно вѣдомо, что Меѳодій епископъ и гетманъ Брюховецкій съ Дорошенкомъ, митрополитомъ Тукальскимъ и съ Юраской Хмельницкимъ спланиваются и осмысляются безпрестанно. Была при мнѣ рада у Дорошенка и на той радѣ были посланники хана крымскаго, отъ епископа Меѳодія чернецъ, а отъ гетмана Брюховецкаго казанъ или какой знатной человѣкъ, того довѣдаться неумѣлъ. И Дорошенко на радѣ присланному отъ Брюховецкаго говорилъ: «Брюховецкій человѣчекъ худой и не породный казанъ; для чего бремя такое великое на себя взялъ и честь себѣ, чего недостойнъ, принялъ и казаковъ русскимъ людямъ со всѣми поборами отдалъ, чего отъ вѣку не бывало». На это присланный отъ Брюховецкаго отвѣчалъ: «Брюховецкій то учинилъ неволею, потому что взять былъ къ Москвѣ со всею старшиною». И гетманъ Дорошенко на эти слова склонился и на радѣ было постановлено, что жители обѣихъ сторонъ Днѣпра будутъ въ соединеніи, а жить бы особно и давать дань тур-

скому царю и крымскому хану, какъ и вѣдоскій князь платитъ; а подъ великаго государя и королевскою рукою отнюдь не бывать; турецкому же царю и крымскому хану ихъ оборонять и стоять съ ними и ходить за одно на великаго государя московскіе украинныя города войною. Юраско Хмельницкій на той радѣ говорилъ: «я-де всѣ отцовскіе скарбы откупаю и татарамъ плату дамъ, только бы подъ великаго государя и королевскаго величества рукою не быть». А хочеть онъ, Юраска, чернецкое платье сложить и быть мірскимъ человѣкомъ. Да на той же радѣ положили, чтобы въ малороссійскихъ городахъ великаго государя воеводъ и ратныхъ людей побить».

Какъ договорились, такъ Брюховецкій и повелъ дѣло. Въ концѣ января мѣсяца онъ началъ бунтъ тѣмъ, что велѣлъ нечаянно перебить великороссійскихъ ратныхъ людей, находившихся у него въ Гадичѣ; это дѣло удалось, одни москаля были перебиты, а другіе разбѣжались. За рѣзней въ Гадичѣ послѣдовала таковая же и въ нѣкоторыхъ другихъ малороссійскихъ городахъ, хотя не вездѣ удачно; въ большей части случаевъ сопротивленіе москвичей было отчаянное. Начавши бунтъ, Брюховецкій сталъ всюду разсылать универсалы, поднимая народъ къ возстанію; при этомъ онъ искалъ себѣ союзниковъ не только у себя дома и въ тогочной Малороссіи, но также въ слободской Украинѣ и на Дону. Въ посланіи къ донскимъ казакамъ мы встрѣчаемъ весьма интересное мѣсто, относящееся до православной церкви: совѣтуя донцамъ быть съ господиномъ Стенькою (Разинымъ) единомысленными, а съ ними Войскомъ Запорожскимъ въ неразрывной любви и братскомъ союзѣ, Брюховецкій далѣе пишетъ: «воистину жесточе москвитяне всякихъ поганскихъ народовъ, чему а самое ихъ поганское дѣло свидѣтельствуеть, что верховнѣйшаго пастыря своего (то-есть патріарха Никона), который доброму ихъ дѣлу яко пастырь поучалъ, они же его свергли, не хотя заповѣди его быть послушными, что слѣдуеть имѣть

милость и любовь къ ближнимъ. Онъ же святѣйшій отецъ наставлялъ ихъ, чтобъ чиномъ христіанскимъ, а не поганскимъ утверждалися, наипаче же не присовокуплялися къ латинской ереси. Нынѣ же они сами приняли унию и ересь латинскую, дозволивъ ксендзамъ въ церквахъ служить. Самая Москва уже не русскимъ, а латинскимъ письмомъ писати начала».

Г. Карповъ.

(Окончаніе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СТАТЬѢ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЕПИСКОПА ТЕОФАНА:
«ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО
ЗАВѢТА ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ».

Въ ноябрьской книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія» за текущій годъ напечатана статья преосвященнаго еп. Теофана: *по поводу изданія Священныхъ книгъ въ русскомъ переводѣ*. Цѣль статьи показать истинное значеніе недавно изданнаго русскаго перевода. Значеніе это, по мысли автора, весьма невелико. Онъ думаетъ, что еврейскій текстъ Священныхъ книгъ испорченъ, и потому переводъ съ него *можетъ представлять только ничто для соображеній къ пониманію подлиннаго слова Божія*; думаетъ, что греческій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ (съ котораго сдѣланъ и нашъ славянскій) имѣетъ *точное соответствие и согласіе съ тѣмъ словомъ, какое первоначально изшло изъ устъ и рукъ пророческихъ на еврейскомъ*.

Чувство искренняго уваженія къ автору толкованій на посланія апостола Павла, представляющихъ замѣчательное явленіе въ русской богословской литературѣ, не можетъ удержать насъ отъ желанія высказать нѣсколько мыслей совершенно несогласныхъ со взглядами высокочтимаго автора. Оно должно только удержать насъ отъ рѣзкаго выраженія нашего несогласія.

Илагая основанія разногласій не будемъ повторять того, что съ замѣчательною тонкостію и глубиною изложено покой-

нымъ митрополитомъ Филаретомъ въ его статьѣ: *О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго семидесяти толковниковъ и славянскаго переводовъ Священнаго Писанія*. Не будемъ этого дѣлать въ увѣренности, что и автору разбираемой нами статьи и всѣмъ признающимъ важное значеніе ея предмета трудъ покойнаго митрополита Филарета хорошо извѣстенъ.

Разногласіе наше съ авторомъ разбираемой статьи состоитъ въ томъ, что основанія, приводимыя имъ въ пользу мысли о превосходствѣ греческаго перевода предъ вышшимъ еврейскимъ текстомъ Библии и, слѣдовательно, предъ всякимъ переводомъ съ еврейскаго, мы признаемъ недостаточными для подтвержденія этой мысли.

Для уясненія существа спора нужно напередъ опредѣлить точнѣе, какъ велика разность между еврейскою и греческою Библиею. Такова ли разность, что ее нужно признать существенною?

Можетъ показаться, что должно дать отвѣтъ утвердительный. Въ Библии греческой есть не только стихи, но цѣлыя главы, даже цѣлыя книги такія, которыхъ нѣтъ въ еврейской Библии. Разница, слѣдовательно, есть существенная.

Но совершенно иначе нужно отвѣтить на предложенный вопросъ, если обратить вниманіе на то, какъ сама церковь смотритъ на излишнія въ греческомъ переводѣ книги и главы Библии. Церковь не даетъ значенія каноническаго этимъ излишкамъ, то-есть не признаетъ, что они содержатъ въ себѣ непререкаемыя правила вѣры и благочестія; иначе сказать, церковь православная не признаетъ ихъ за несомнѣнное слово Божіе. Потому, когда рѣчь идетъ о Библии, какъ совокупности книгъ заключающихъ въ себѣ несомнѣнное слово Божіе, указанные излишки не могутъ служить основаніемъ для того, чтобы сказать: Библия еврейская и греческая существенно разнятся между собою. Въ частности, по отношенію къ вопросу о значеніи вновь изданнаго русскаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ мы не имѣемъ даже и малѣйшаго повода

говорить объ этихъ излишкахъ, какъ объ основаніи, въ силу котораго русскій переводъ можно было бы назвать существенно различающимся отъ греческаго. Въ русскомъ переводѣ всѣ эти излишки существуютъ; они вошли въ него изъ перевода греческаго, вошли цѣликомъ,—и стихи и главы и книги. Следовательно объ этомъ переводѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ въ указанномъ отношеніи существенно различается отъ перевода греческаго.

По исключеніи этихъ излишковъ изъ рѣчи о различіи между Библіею еврейскою и греческою вообще, и изъ рѣчи о различіи между ними и недавно изданнымъ русскимъ переводомъ въ частности, нужно точнѣе опредѣлить, какъ велика разность между еврейскимъ текстомъ и греческимъ въ канонической части послѣдняго.

Различіе между ними ограничивается тѣмъ, что нѣкоторые стихи, чаще части стиховъ и еще чаще отдѣльныя выраженія и слова представляютъ въ греческомъ переводѣ не тотъ смыслъ, какой представляютъ они въ текстѣ еврейскомъ. Такихъ разностей несравненно менѣе, чѣмъ сходства или тождества между текстами. Если переложить на цифры число случаевъ, когда оба текста совершенно сходны и когда они различаются между собою, то цифры по нашему убѣжденію, основанному на усиленномъ изученіи этого предмета, должны быть употреблены такія: на сто словъ приходится пять словъ разницы греческаго текста отъ еврейскаго, а въ девяносто пяти словахъ оба текста сходны между собою. Говоря это мы имѣемъ въ виду весь составъ Библіи. Въ иныхъ отдѣльныхъ книгахъ разности болѣе, въ иныхъ менѣе. Въ пятюннжнн напр. и въ историческихъ книгахъ этой разности менѣе, въ учительныхъ и нѣкоторыхъ изъ пророческихъ книгъ болѣе.

Этими счетами мы не хотимъ выразить ту мысль, что разность между еврейскимъ и греческимъ текстами не важна; мы хотимъ только указать ея истинные предѣлы. По нашему убѣжденію греческій текстъ только въ двадцатой своей долѣ расходится съ текстомъ еврейскимъ. Для насъ важенъ точный

размѣръ разностей между еврейскимъ и греческимъ текстами въ томъ отношеніи, что знаніе его можетъ помочь свести споръ изъ области преувеличенныхъ порицаній того или другаго текста въ область болѣе правильной оцѣнки предмета разногласій. Дѣло идетъ во всякомъ случаѣ о двадцатой доль текста. Важна, конечно, разность и въ двадцатой доль; но еще важнѣе сходство въ остальныхъ доляхъ. Если бы авторъ разбираемой статьи имѣлъ это въ виду: то едва ли бы онъ сталъ говорить о необходимости *чуждаться еврейской Библии*.

Почему за указанную долю разностей между еврейскимъ и греческимъ текстами нужно *чуждаться еврейской Библии*, а не греческаго текста,—на это авторъ указываетъ много оснований. Иныя изъ нихъ по своему источнику заслуживаютъ сочувствія и возбуждаютъ желаніе отнестись къ нимъ бережно; другія основаны на недоразумѣніи; а всѣ они никакъ не должны приводить къ тѣмъ слѣдствіямъ, ради которыхъ приводитъ ихъ почтенный авторъ.

Къ числу важнѣйшихъ *теоретическихъ* оснований, въ силу которыхъ авторъ желаетъ *чуждаться еврейской Библии*, нужно отнести слѣдующее соображеніе. «Если, говоритъ авторъ, преклонимся на сторону дающихъ большую цѣну еврейской Библии, какъ сдѣлали протестанты, то дадимъ мѣсто мысли, что св. церковь не умѣла указать намъ подлиннѣйшаго откровенія ветхозавѣтнаго».

Это соображеніе имѣло бы силу въ томъ случаѣ, если бы церковь опредѣлила, что греческій переводъ Ветхаго Завета нужно признавать за подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное. *Послѣ* такого опредѣленія всякая попытка ставить текстъ еврейскій выше греческаго перевода была бы равносильна попыткѣ обвинить церковь въ «неумѣннѣ указать подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное». Но подобнаго опредѣленія еще не было; была только попытка склонить предстоятелей русской церкви къ тому, чтобы она составила такое опредѣленіе. Попытка, какъ извѣстно, окончилась неудачею, за что и нужно искренно благодарить епископовъ православной церкви рус-

ской и во главѣ ихъ покойнаго митрополита московскаго Филарета. Если бы попытка окончилась удачею, тогда приведенное соображеніе автора сдѣлало бы насъ безответными предъ нимъ. А теперь его соображеніе должно обратиться въ слѣдующее умозаключеніе, съ которымъ бороться удобно:

«Если церковь русская пользуется для богослужебнаго употребленія переводомъ славянскимъ, сдѣланнымъ съ греческаго, а не съ еврейскаго текста; если церковь греческая такъ же пользуется для богослуженія переводомъ греческимъ, и для истолкованія Ветхаго Завѣта пользовалась почти всегда тѣмъ же переводомъ, а не еврейскимъ текстомъ: то отсюда слѣдуетъ, что церковь указала намъ въ греческомъ переводѣ подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное».

Противъ справедливости такого умозаключенія можно сказать многое.

1) Церкви русской данъ былъ переводъ, сдѣланный съ греческаго; она и хранила его и хранить доселѣ. Но переводъ этотъ никогда не почитался святынею неприкосновенною. Онъ былъ пополняемъ и неоднократно исправляемъ. Въ этомъ трудѣ принимали участіе и лица, причтенныя къ лику святыхъ, и соборъ русской церкви, и частныя лица. Последнее по времени исправленіе славянской Библии даетъ нерѣдко примѣры поправокъ, сдѣланныхъ на основаніи не греческаго текста, а еврейскаго. Отсюда выведемъ, по крайней мѣрѣ, то осторожное слѣдствіе, что церковь русская никогда не смотрѣла на употреблявшійся въ ней переводъ славянскій, сдѣланный съ греческаго, какъ на *подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтнов.*

2) Въ церкви русской не разъ предпринимаемо было дѣло перевода Священнаго Писанія ветхозавѣтнаго съ языка еврейскаго. Такъ переводимо было пятокнижіе, не разъ переводилась книга псалмовъ¹⁾; два раза въ нынѣшнемъ столѣтіи предпринимаемо было изданіе всей Библии на русскомъ языкѣ въ переводѣ съ еврейскаго и въ послѣдній разъ доведено до

¹⁾ Переводы эти остались въ рукописяхъ.

конца. Все это говорить, по крайней мѣрѣ, въ пользу той мысли, что церковь русская не смотрѣла на употребившійся въ ней переводъ, какъ на *подлиннѣйшее* откровеніе *ветхозавѣтное*.

3) И церковь греческая, къ которой перешелъ отъ евреевъ же переводъ греческій, обращалась въ лицѣ тѣхъ отцовъ и учителей церкви, которымъ знакомъ былъ языкъ еврейскій, къ еврейскому тексту для правильнаго истолкованія того или другаго мѣста Библии. Примѣровъ не указываю, потому что и самъ авторъ въ своей статьѣ признаетъ ихъ существованію, хотя и объясняетъ ихъ по своему. Эти примѣры *не должны были бы существовать*, если бы церковь греческая признавала въ доставшемся ей переводѣ *подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное*. Отъ подлиннѣйшаго текста обращаться за разъясненіями къ искаженному (по мнѣнію автора) тексту еврейскому было бы невозможно.

4) Въ церкви римской, во время ея единства съ церковію греческою, употреблялся со временъ Иеронима латинскій переводъ исправленный по еврейскому подлиннику, а не по греческому переводу. Какъ близокъ этотъ переводъ къ нынѣшнему еврейскому тексту и какъ далекъ онъ отъ греческаго, въ этомъ авторъ можетъ убѣдиться во всякое время. Отсюда будетъ слѣдовать, согласно воззрѣніямъ почтеннаго автора, что церковь римская, тогда православная, отвергла *подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное* и приняла откровеніе искаженное. И замѣчательно, что церковь греческая не укорила римскую въ этой винѣ и не прервала общенія съ нею.

5) Въ церкви сирской, православной, съ древнѣйшихъ временъ (съ начала втораго вѣка) употреблялся переводъ сирскій, сдѣланный съ еврейскаго, а не съ греческаго, и весьма отличный отъ этого послѣдняго. Церковь греческая не укорила православныхъ сиріянъ за то, что они не приняли *подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное*, сохранившееся на греческомъ языкѣ. Церковь греческая приняла въ ликъ святыхъ, чтимыхъ всюю церковію такихъ истолкователей Священнаго

Писанія, какъ напр. Ефремъ Сиринъ, изъяснявшій ветхозавѣтныя книги во многихъ случаяхъ вопреки *подлиннѣйшему откровенію* и согласно нынѣшнему тексту еврейскому.

б) Если въ греческомъ переводѣ *святая церковь указала намъ подлиннѣйше откровеніе ветхозавѣтное*; то въ какое затрудненіе придется стать автору предъ тѣми мѣстами Новаго Завѣта, въ которыхъ приводятся слова Ветхаго Завѣта по еврейскому тексту, не согласно съ текстомъ греческимъ? Таковы напр. мѣста: Матѳ. 11, 15. Ср. Ос. 11, 1, Матѳ. 8, 17. Ср. Исаиѳ 53, 4; Іоан. 19, 37. Ср. Зах. 12, 10; Рим. 9, 17. Ср. Исх. 19, 16. Авторъ, конечно, не согласится съ мыслью, что апостолы не умѣли опредѣлять подлиннѣйшаго откровенія ветхозавѣтнаго. Если же не согласится, то долженъ принять, что греческій переводъ не представляетъ собою подлиннѣйшаго откровенія ветхозавѣтнаго. Если бы онъ былъ таковъ: то апостолы пользовались бы въ указанныхъ мѣстахъ только имъ, а не еврейскимъ текстомъ отъ него отличнымъ и въ то же время одинаковымъ съ нынѣшнимъ текстомъ еврейскимъ. Если бы авторъ пожелалъ ослабить силу этого вывода мыслью, что будто во время апостоловъ текстъ еврейскій былъ другой, не похожій, на нынѣшній и что онъ возстаетъ только противъ нынѣшняго еврейскаго текста; то онъ, во первыхъ, нашелъ бы себѣ обличеніе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта, которыя приведены въ Новомъ Завѣтѣ и нами указаны, а во вторыхъ нисколько не ослабилъ бы вывода, что *и во времена апостоловъ греческій переводъ, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ мѣстахъ, не представлялъ подлиннѣйшаго откровенія ветхозавѣтнаго.*

Послѣ этихъ замѣчаній, думаемъ, не останется уже силы за словами автора, что церковь православная *«не знала и не знаетъ еврейской Библии. Съ самаго начала отъ апостоловъ, чрезъ всѣ соборы, и досель держалась и держится она Библии въ переводѣ 70-ти.»* Не останется силы и за словами автора о тѣхъ страшныхъ слѣдствіяхъ, на которыя онъ указываетъ, какъ на естественныя послѣдствія непринятія

разобраннаго нами положенія. «Если, говоритъ онъ, св. церковь не умѣла указать намъ, гдѣ чистое слово Божіе, то какой она столпъ и утверженіе истинны? Если она не узнала истиннаго богооткровеннаго слова, то какъ вѣрить, что она вѣрно знаетъ, опредѣляетъ и указываетъ намъ и всякую другую истину? Отсюда не можетъ не родиться подозрѣніе, истинны ли и всѣ догматы церкви, не слѣдуетъ ли и ихъ пересмотрѣть, чтобы опредѣлить подлиннѣйшее исповѣданіе вѣры. А кто станетъ на эту дорогу, тотъ въ душѣ стаетъ уже протестантъ». Всѣ эти страхи исчезаютъ, какъ скоро падаетъ положеніе, что «въ греческомъ переводѣ церковь указала подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное». Церковь, какъ мы видѣли, такого указанія не дѣлала.

Другое *теоретическое* основаніе, на которомъ авторъ создаетъ свою мысль о необходимости чуждаться еврейской Библии и считать переводъ греческій за подлиннѣйшее откровеніе ветхозавѣтное, состоитъ въ слѣдующемъ умозаключеніи:

«Если писанія въ новомъ (то есть въ недавно изданномъ русскомъ) переводѣ суть подлиннѣйшія, то тѣ же писанія, содержащія церковь въ переводѣ 70-ти, не суть подлинныя. А отсюда что выходитъ? Выходитъ то, что церковь Божія питала насъ доселѣ и питаетъ не чистымъ хлѣбомъ Слова Божія, а хлѣбомъ смѣшаннымъ съ соромъ и мякиною, и что стало быть она не мать, а хуже мачихи».

Сужденія автора утратятъ значительную часть своей силы, если исключить изъ нихъ понятія: *соръ*, *мякина*. Эти слова сильны; но они поставлены авторомъ неправильно. Въ устахъ неумѣренныхъ защитниковъ текста еврейскаго они могли бы относиться или къ тѣмъ мѣстамъ и книгамъ греческой Библии, которыхъ въ еврейской Библии совсѣмъ нѣтъ, или же къ тѣмъ мѣстамъ, которыя въ греческомъ представляютъ смыслъ отличный отъ смысла соотвѣтствующихъ мѣстъ еврейскаго текста. Ни къ мѣстамъ перваго рода, ни къ мѣстамъ втораго рода понятія *сора* и *мякины* не должны быть прилагаемы.

Они не приложимы въ первомъ случаѣ, потому что нека-

воинческія мѣста Библіи суть только такія мѣста, несомнѣнное Божественное происхожденіе которыхъ отъ церкви сокрыто. А называть соромъ и мякиною то, о божественномъ происхожденіи чего не можешь сказать ничего вѣрнаго, будетъ не только весьма странно, но и невозможно. «Неизвѣстно, по внушенію ли Духа Божія написана книга Премудрости Соломоновой; слѣдовательно эта книга—соръ и мякина.» Такъ разсуждать никто не будетъ.

Не слѣдуетъ прилагать понятія сора и мякины къ греческому переводу и въ томъ случаѣ, если брать во вниманіе мѣста перевода, представляющія смыслъ, отличный отъ смысла соотвѣтствующихъ мѣстъ еврейскаго текста. Изъ двадцати строкъ перевода одна окажется не сходною съ подлинникомъ. Предположимъ, что во многихъ (хотя и не во всѣхъ) изъ этихъ двадцатыхъ строкъ допущена дѣйствительная неправильность перевода, вслѣдствіе которой мысль священнаго писателя стала непонятною или получила другой видъ: и по отношенію къ этой строкѣ, закрывшей отъ насъ истинную мысль боговдохновеннаго писателя, мы не получаемъ права назвать ее соромъ и мякиною. Если въ ней есть неправильность перевода или неясность: пусть она и носитъ принадлежащее ей имя строки неправильной, неясной. Какъ увидимъ далѣе, разстояніе, раздѣляющее *неправильности* перевода отъ *кормленія соромъ и мякиною*, весьма велико.

Раскрываемая теперь нами погрѣшность получила свое начало отъ того, что авторъ принялъ за голосъ церкви то свое собственное положеніе, несправедливость котораго нами была уже указана, именно положеніе: «церковь указала въ переводѣ греческомъ подлиннѣйшее Слово Божіе.» Авторъ не можетъ, да конечно и не долженъ, примириться съ мыслью о возможности находить какія-нибудь неточности или неправильности въ томъ текстѣ, который (будто бы) признавъ церковію за подлиннѣйшее Слово Божіе. Этимъ убѣжденіемъ автора и нужно объяснить употребленіе словъ: соръ и мякина. Не будь этого убѣжденія: тогда автору не трудно было бы до-

пустить возможность существованія въ греческомъ переводѣ нѣкоторыхъ неправильностей; тогда автору не было бы затруднительно дать себѣ отвѣтъ на вопросы: какъ примириться съ церковнымъ употребленіемъ такого перевода, въ которомъ можетъ оказаться доля неправильностей? И почему за церковное употребленіе такого перевода нельзя называть церковью мачихою?

Отвѣтъ былъ бы не затруднителенъ и заключался бы въ слѣдующемъ.

Слово Божіе, преданное письменно, при всей заботливости объ его неповрежденномъ сохраненіи, должно было въ значительной степени подпадать общей судьбѣ всего писаннаго, И писцы и читатели могли оставлять на рукописяхъ Слова Божія слѣды человѣческаго несовершенства. Описки и переписки, замѣтки и поправки на первыхъ же экземплярахъ списковъ съ первой рукописи могли положить нѣчто, чему быть въ рукописяхъ не должно. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше привносилось въ рукописи разнаго рода неисправностей; къ ошибкамъ прежнимъ присоединялись новыя. Явится потребность очищенія, исправленія рукописей; болѣе или менѣе исправятся рукописи, и затѣмъ неизбежно повторяется прежняя исторія. Трудъ исправленія — трудъ тяжелый, школьный, не всѣмъ доступный. Не мудрено, что церкви Божіей во всѣхъ странахъ приходилось допускать существованіе разныхъ неисправностей въ рукописяхъ Слова Божія, даже употребляемыхъ при богослуженіи. Укорять за это какую бы то ни было церковь, — это значитъ требовать отъ церкви, чтобы она, начиная съ появленія первыхъ рукописей священныхъ книгъ, держала штатъ корректоровъ, неспособныхъ допустить ни одной ошибки въ каждой вновь являвшейся рукописи.

Съ переводами Слова Божія дѣло еще труднѣе. Раздвѣля общую судьбу рукописей, такъ легко подвергающихся порчѣ, переводы и сами въ себѣ въ заключаютъ много условій несовершенства. Ни одного перевода вполне соответствующаго подлиннику быть не можетъ даже и въ томъ случаѣ, когда переводчики

идеально безукоризненны; это потому, что слова и формы одного языка не могут совершенно точно соответствовать словам и формам другого языка. Здѣсь заключается первая, неустранимая, органическая причина несовершенства переводовъ. По невозможности передать совершенно точно въ переводъ на одинъ языкъ написанное на другомъ является неизбежнымъ разнообразіе переводовъ; одно и тоже можно перевести близко къ подлиннику, но въ тоже время различными словами, и въ каждомъ изъ переводовъ будетъ своя доля правоты и своя доля неправоты. Затѣмъ немощи человѣческой, присущія и лучшимъ переводчикамъ, всегда оставляютъ свои слѣды во всякомъ переводѣ. Всѣ эти причины въ совокупности допускаютъ и вызываютъ поправки переводовъ, которыя оказываются въ свою очередь источникомъ разнообразныхъ вариантовъ въ рукописяхъ переводовъ. Разности вызываютъ нужду сличенія и исправленій переводовъ, при чемъ выборъ того, а не другаго чтенія такъ же можетъ давать мѣсто новымъ неправильностямъ. При такомъ положеніи дѣла требовать отъ церкви, чтобы употребляемый въ ней переводъ былъ чуждъ всякихъ погрѣшностей,—это значить предъявлять требованія неисполнимыя; а тѣмъ болѣе укорять церковь за то, что она не дѣлаетъ того, чего нельзя сдѣлать, обзывать ее за это мачехою,—и совершенно неумѣстно.

Мы останавливали вниманіе читателей на рукописяхъ Слова Божія, а не напечатанныхъ изданійхъ, и потому что до появленія рукописей въ печати прошли тысячелѣтія, а печать есть дѣло сравнительно недавнее, и потому что печатное Слово Божіе взято изъ тѣхъ же рукописей; вслѣдствіе этого и печатные тексты не могутъ не заключать въ себѣ несовершенство оставшихся въ рукописяхъ. Печатные тексты Библии впрепятствуютъ дальнѣйшему развитію рукописныхъ погрѣшностей, но не искореняютъ всѣхъ допущенныхъ уже погрѣшностей; тѣмъ болѣе не могутъ они исправить органическихъ несовершенствъ переводовъ.

Изъ такого неизбежнаго состоянія вещей проистекаетъ,

между прочимъ, одно такое слѣдствіе, раскрытіе котораго должно, надѣмся, ослабитъ борьбу, начатую авторомъ въ пользу мысли о непререкаемой подлинности Слова Божія въ переводѣ семидесяти.

Сдѣлаемъ предположеніе nepозволительной смѣлости. Предположимъ, что подъ вліяніемъ разбираемой статьи церковь русская рѣшила признать переводъ семидесяти подлиннѣйшимъ Словомъ Божиимъ и поручила автору озаботиться новымъ изданіемъ этого перевода. Намъ кажется, это дѣло должно было бы повергнуть его въ неисходныя затрудненія. Оказалось бы, что доселѣ напечатанныя изданія этого перевода: во первыхъ, разнятся между собою во многихъ мѣстахъ; во вторыхъ, изданы, по большей части, съ внесеніемъ въ нихъ критическаго, рациональнаго элемента, то есть, издатели ихъ прилагали обычную ученую критику къ выбору тѣхъ или другихъ чтеній, при чемъ нерѣдко обращали вниманіе на текстъ еврейскій, избирали чтенія ему наиболѣе соответствующія. Оказалось бы еще, что даже изданія точно печатанныя съ болѣе древнихъ рукописей представляютъ значительныя разносги. На чемъ пришлось бы въ такихъ обстоятельствахъ основаться издателю при изданіи *подлиннѣйшаго Слова Божія*? Гдѣ онъ найдетъ руководящую нить, которая поможетъ ему дойти до открытія подлиннаго текста семидесяти? Ея не найдетъ издатель; онъ долженъ будетъ ограничиться результатами вѣроятными только, то есть, при помощи ученой критики признать, что въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ *слѣдуетъ* избрать чтеніе такое-то. При такомъ образѣ дѣйствій разумъ издателя окажется верховнымъ критеріемъ въ опредѣленіи *подлиннѣйшаго текста* Слова Божія. Церковь должна будетъ повѣрить разуму издателя, на его разумъ основаться, и слѣдовательно вступить въ дѣлъ величайшей важности подъ руководство такого начала, котораго авторъ разбираемой статьи отвращается, какъ начала протестантскаго. Самъ авторъ окажется протестантомъ *не въ душѣ* только, чѣмъ онъ думаетъ читателей, но и *въ дѣйствіи*, имѣющемъ значеніе величайшей важности.

Затрудненія возстануть и съ другой стороны. Авторъ, забываясь объ изданіи подлиннаго текста греческаго перевода, не можетъ, конечно, остаться равнодушнымъ къ вопросу, въ какомъ отношеніи будетъ стоять къ этому тексту нашъ славянскій переводъ. Нужно, само собою понятно, чтобы славянскій переводъ совершенно соответствовалъ греческому; нужно, чтобы и русская церковь имѣла въ своемъ переводѣ точнѣйшій снимокъ подлиннѣйшаго Слова Божія. Какъ будетъ относиться нашъ славянскій переводъ къ будущему, предполагаемому нами, изданію греческаго перевода, гадать объ этомъ невозможно; но несомнѣнно то, что сравниваемый съ теперь существующими изданіями перевода семидесяти нашъ славянскій переводъ представляетъ не очень малое количество разностей, представляетъ не смотря на то, что онъ долженъ бы быть точнымъ переводомъ съ греческаго. Исправлять греческій текстъ на основаніи славянскаго авторъ, конечно, не согласится; это была бы явная неправильность; да и греческая церковь не признала бы изданнаго имъ текста за свой. А рѣшившись исправить славянскій текстъ по греческому, авторъ можетъ подвергнуться тѣмъ укорамъ, которые онъ самъ предназначалъ для другихъ. Ему могутъ сказать: «Если писанія въ новомъ (славянскомъ исправленномъ) переводѣ суть подлиннѣйшія, то тѣ же писанія, содержащія церковію въ прежнемъ славянскомъ переводѣ, не суть подлинныя. А откуда что выходитъ? Выходитъ то, что церковь Божія питала насъ доселѣ и питаетъ не чистымъ хлѣбомъ Слова Божія, а хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ соромъ и макиною, и что стало быть она—не мать, а хуже мачихи.»

Читатель видитъ, что я не виноватъ въ такихъ умозаключеніяхъ. Они только неизбежно истекаютъ изъ положеній, высказанныхъ авторомъ.

Можетъ смущать мысль: какъ же согласить съ достоинствомъ, авторитетомъ и назначеніемъ церкви такое положеніе дѣлъ, при которомъ оказывается, что церковь не имѣетъ не-

подвижнаго текста Библии и предлагаетъ вѣрующимъ переводъ, можетъ быть, не чуждый недостатковъ?

Отвѣтъ не затруднителенъ. Если церковь не объявляла и не думаетъ, что употребительный въ ней переводъ безукоризненъ; если церковь готова во всякое время изъяснить неясности или неправильности этого перевода; если церковь всегда обращалась къ изслѣдованію Писанія во всѣхъ потребныхъ случаяхъ, не ограничиваясь готовымъ переводомъ; если въ употребительномъ переводѣ никто не отыскивалъ и не отыщетъ чего-либо несогласнаго съ ученіемъ истины, чего-либо увеличивающаго или уменьшающаго содержаніе догматовъ вѣры и правилъ нравственности; если наконецъ церковь вмѣстѣ съ употребительнымъ переводомъ предлагаетъ вѣрующимъ для ихъ наученія и другой болѣе ясный, болѣе точный переводъ: то къ церкви никто не можетъ обращаться съ укоромъ что она на самомъ дѣлѣ питаетъ чадъ своихъ не чистымъ Словомъ Божиимъ. Но силѣ всѣхъ указанныхъ условій она питаетъ ихъ въ дѣйствительности истиннымъ Словомъ Божиимъ. А при такомъ состояніи дѣла ни достоинство, ни авторитетъ, ни назначеніе церкви не могутъ подлежать тяжкимъ укоризнамъ за существованіе въ употребительномъ переводѣ тѣхъ или другихъ несправностей.

Могутъ сказать: «все же лучше будетъ, если несправности будутъ исправлены.» Спорить противъ этого не будетъ; даже стоимъ крѣпко за исправленіе. Замѣтимъ только, что дѣло исправленія употребительнаго перевода, дѣло приведенія его въ соотвѣтствіе съ церковнымъ разумѣніемъ каждаго мѣста Священнаго Писанія есть, по многимъ причинамъ, дѣло весьма трудное. Между прочимъ и исторія исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ даетъ этой мысли ясныя доказательства. Но старое время оставимъ въ покоѣ. Можетъ быть авторъ, съ которымъ мы споримъ, не станетъ отрицать, что наши богослужебныя книги и теперь, послѣ ихъ исправленія, не чужды нѣкоторыхъ несправностей. Новое исправленіе богослужебныхъ книгъ конечно легче, не-

жели исправленіе употребительнаго перевода Священнаго Писанія. Но можно ли думать, что это сравнительно легкое дѣло можетъ обойтись безъ весьма великихъ затрудненій и въ настоящее время? Думаемъ, что нѣтъ; тѣмъ болѣе думаемъ это объ исправленіи перевода Священнаго Писанія.

Назадъ тому три вѣка слишкомъ римской церкви предстояла нужда рѣшить вопросъ: не будетъ ли сообразнѣе съ достоинствомъ, авторитетомъ и назначеніемъ церкви признать, что употребительный въ этой церкви переводъ, Вульгата, есть подлинное Слово Божіе? По этому вопросу церковь римская дала на Тридентскомъ соборѣ такое рѣшеніе: «соборъ, видя, что не мало пользы можетъ выдти для церкви Божіей, если изъ всѣхъ существующихъ латинскихъ переводовъ священныхъ книгъ какой-нибудь будетъ признанъ за совершенно достовѣрный (или за подлинный, pro authentica), постановляетъ и объявляетъ, чтобы этотъ самый древній переводъ—Вульгата, одобренный долгимъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ, употребленіемъ въ церкви, считался за совершенно достовѣрный въ публичныхъ чтеніяхъ, разсужденіяхъ, проповѣдяхъ и толкованіяхъ, и чтобы никто не смѣлъ отвергать его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.» Правда, не безпрекословно принять былъ на соборѣ этотъ новый догматъ. Несогласные указывали на то, что въ древней церкви многіе переводы были въ употребленіи; на то, что только въ послѣдствіи въ Римѣ начали отдавать предпочтеніе переводу Іеронима; что въ Вульгатѣ многое требуетъ исправленія. Иные соглашались признать Вульгату за переводъ достовѣрный только въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и нравственности. Но возраженія остались безъ послѣдствій. Вульгата признана была за переводъ совершенно достовѣрный или даже за самый подлинникъ; но только соборъ призналъ необходимымъ пересмотрѣть этотъ подлинникъ и исправить.

Итакъ римская церковь сдѣлала опытъ въ томъ направленіи, которое находятъ себѣ сочувствіе и у нѣкоторыхъ изъ членовъ Православной церкви. Опытъ нельзя признать возбу-

дающимъ зависть уже и по тому одному, что собору, составившему выписанное нами опредѣленіе, пришлось составить и оговорку, уничтожающую всю силу опредѣленія; пришлось *только* признать необходимымъ исправленіе *достовернаго и подлиннаго перевода*, то есть достоверное признать недостовернымъ! «Чтобы эти два постановленія не показались кому-нибудь противорѣчащими», говорить официальный, одобренный папою историкъ собора, іезуитъ Паллавичини, «соборъ постановилъ оговорку эту выразить такъ: должно заботиться, чтобы въ послѣдствіи Вульгата издаваема была какъ можно тщательнѣе.» Можетъ быть это и хитро; можетъ быть хитро и то, что переводу положено «считаться за совершенно достоверный въ публичныхъ чтеніяхъ, разсужденіяхъ, проповѣдяхъ и толкованіяхъ»; но не думается намъ, чтобы отъ подобныхъ хитростей можно было ждать чего нибудь кромѣ ущерба достоинству, авторитету и назначенію церкви, вынужденной прибѣгать къ такимъ изворотамъ.

Теперь попробуемъ сдѣлать предположеніе, не имѣющее реальнаго значенія, но способное послужить къ нашему наученію.

Представимъ себѣ, что и православная церковь русская пожелала имѣть неподвижный текстъ, въ которомъ ни одна буква не можетъ быть замѣнена. Пойти къ этой цѣли можно было бы слѣдующими путями: или 1) признать безусловно подлиннымъ употребительный славянскій текстъ; или 2) признать его подлиннымъ, но съ оговоркою относительно нужды исправить нѣкоторыя неисправности; или 3) признать подлиннымъ текстъ греческій; или 4) усвоить значеніе непогрѣшимаго тексту еврейскому; или 5) признавъ нѣкоторыя неисправности и за еврейскимъ и за греческимъ и за славянскимъ текстами, создать новый видъ текста.

Первымъ путемъ нельзя пойти, потому что нѣкоторыя неисправности славянскаго перевода не только по отношенію къ тексту еврейскому, но и по отношенію къ греческому, такъ ясны и неопровержимы, что намъ никакъ невозможно будетъ

ни самимъ дойти до вѣры въ наше опредѣленіе, ни пріобрѣсти эту вѣру со стороны другихъ. Никто не признаетъ и того, что подлинный текстъ явился въ церкви только съ того времени, когда явился славянскій переводъ. И такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ исправляемъ: то предстояла бы нужда рѣшить, послѣ котораго исправленія этотъ переводъ пересталъ нуждаться во всякомъ исправленіи?

Вторымъ путемъ, какъ мы видѣли, уже хожено при пособіи іезуитскихъ хитростей, но съ плохимъ успѣхомъ. Сами католики и теперь, послѣ неоднократныхъ исправленій Вульгаты, послѣдовавшихъ вслѣдъ за объявленіемъ ея совершенно достоверною, признають въ ней существованіе многихъ погрѣшностей.

На третьемъ пути намъ предстануть неодолимыя преграды. Во первыхъ, безспорнаго, несомнительнаго во всѣхъ частностяхъ, греческаго текста еще нѣтъ; нужно создать его, а создать никто не въ силахъ. Во вторыхъ, греческій текстъ представляетъ несомнѣнныя погрѣшности, которыя придется напередъ исправить съ текста еврейскаго. Въ третьихъ, за невозможностію всѣмъ чадамъ церкви православной читать Священное писаніе по гречески придется напередъ исправить переводъ славянскій, а затѣмъ и на него простереть понятіе непогрѣшимости, и такимъ образомъ вмѣсто одного признать два текста непогрѣшимыми. Нужно будетъ, говоримъ, и на славянскій текстъ простереть понятіе непогрѣшимости, а иначе авторъ опять скажетъ, что церковь русская питаетъ чадъ своихъ *соромъ и мякиною*.

На четвертомъ пути придется встрѣтиться съ такими, хотя сравнительно и немногочисленными, погрѣшностями текста еврейскаго, существованіе которыхъ не дастъ намъ возможности успокоиться на мысли о непогрѣшимости и этого текста.

Наконецъ мысль о созданіи своего новаго текста на основаніи тщательнаго изученія еврейскаго и греческаго текстовъ и на основаніи сличенія древнѣйшихъ рукописей хотя и можетъ придти въ осуществленіе и дать намъ наилучшій по

возможности текстъ священныхъ книгъ Ветхаго Заѣвта; но исполненіе этой мысли и не скоро можетъ послѣдовать и дасть во всякомъ случаѣ только наиболѣе достовѣрный, а не несомнѣнный текстъ Библии.

Всѣ возможные пути пройдены въ нашихъ предположеніяхъ. Всѣ они не могутъ привести къ желанной цѣли, и всѣ они заставляютъ спросить: если достоинство и авторитетъ церкви неразрывно связаны съ существованіемъ неподвижнаго текста Библии; то до времени полученія тѣмъ или другимъ изъ указанныхъ путей такого неподвижнаго текста въ какомъ же положеніи находились достоинство и авторитетъ церкви? А прошло, какъ извѣстно, уже осьмнадцать вѣковъ существованія церкви Христовой.

Къ разряду такъ же теоретическихъ основаній нужно отнести слѣдующее основаніе, приводимое авторомъ противъ текста еврейскаго. «Еврейская Библия, говоритъ онъ, нравится очень протестантамъ; не по тому ли это, что въ ней есть сродный имъ элементъ, именно произвольныя соображенія и догадливости ума, которыя у нихъ господствуютъ во всемъ? По крайней мѣрѣ на эту мысль наводитъ то обстоятельство, что какъ только родилось протестантство, такъ взяло въ руки ветхозавѣтныя писанія въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ и упорно держится его на обличеніе, какъ ему кажется, православія, не чтущаго высоко той Библии.»

Протестанты обратились отъ переводовъ къ подлинному языку ветхозавѣтныхъ книгъ, равно какъ и къ подлинному языку новозавѣтныхъ писаній не по сочувствію къ «догадливостямъ ума», а совершенно по другому основанію. Они, какъ извѣстно автору, отвергли въ борьбѣ съ римскою церковію преданіе и пожелали руководствоваться въ своемъ ученіи однимъ Священнымъ писаніемъ. Имъ нуженъ былъ подлинный текстъ книгъ и Ветхаго и Новаго Заѣвта; только на немъ они хотѣли опираться. Естественно, что они искали подлиннаго текста Священнаго Писанія для книгъ Новаго Заѣвта на греческомъ языкѣ, а для книгъ Ветхаго Заѣвта на еврейскомъ.

Подлинными словами Писанія они хотѣли обличить римскую церковь, а «обличеніе православія не чтущаго высоко еврейскую Библію» имъ и на мысль не приходило; они его и не знали.

Кромѣ разобранныхъ нами теоретическихъ основаній, въ силу которыхъ авторъ статьи полагаетъ, что переводъ греческій «есть самый точный, есть истиннѣйшее представленіе подлинныхъ писаній пророческихъ», онъ указываетъ читателямъ не мало и другихъ положеній, изъ которыхъ одни имѣютъ цѣль возвысить значеніе перевода греческаго, другіе имѣютъ цѣль унижить значеніе текста еврейскаго. Ознакомившись съ этими положеніями.

Авторъ прежде всего желаетъ поставить греческому переводу въ заслугу и особенное преимущество значительное количество заключающихся въ немъ такихъ мѣстъ, которыя разумнѣю не поддаются. Это необыкновенное преимущество или эти «темноватости», какъ выражается авторъ, причину своего существованія имѣютъ, по его мнѣнію, въ точности перевода, въ буквальной передачѣ всего темноватаго и въ подлинникѣ.

Не можемъ признать этой мысли справедливою, во первыхъ потому, что въ греческомъ переводѣ есть весьма много мѣстъ такихъ, изъ которыхъ несомнѣнно видно желаніе переводчиковъ пояснить еврейскій текстъ,—желаніе совершенно противоположное тому стремленію, которое предполагаетъ авторъ. Вотъ почему, что во многихъ изъ темныхъ мѣстъ перевода до полной несомнѣнности ясны причины его темноты. Такими причинами чаще всего служили: неправильность значенія, даннаго еврейскому слову, пропускъ слова, неправильность въ раздѣленіи еврейскихъ словъ (они писались ась въ ряду, безъ промежутковъ), ошибки чтенія одной буквы вмѣсто другой. Если отъ насъ потребуютъ доказательствъ нашихъ словъ, то мы готовы представить ихъ въ такомъ количествѣ, которое удовлетворитъ самаго требовательнаго читателя, и такого качества, которое спору не оставитъ мѣста.

Авторъ желаетъ основаться на авторитетѣ іудеевъ, которые будто бы видѣли совершенное сходство еврейскаго текста и греческаго перевода и вполнѣ удовлетворялись переводомъ.

Несомнѣнно, что переводъ, вызванный нуждами египетскихъ іудеевъ забывавшихъ родной языкъ и усвоившихъ себѣ языкъ греческій, нѣкоторое время былъ въ употребленіи у части іудеевъ, подпавшихъ вліянію греческой образованности. Но мысль, что іудеи понимавшіе еврейскій языкъ «видѣли совершенное сходство» перевода съ подлинникомъ, ничѣмъ не можетъ быть подтверждена, кромѣ подложнаго сказанія Аристеев, вѣры не заслуживающаго. Извѣстно, что еще въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ іудеи осуждали этотъ переводъ, а въ слѣдующемъ вѣкѣ у нихъ явились три новыхъ перевода греческихъ: Акилы, Симмаха и Феодотіона, но и тѣ скоро вышли изъ употребленія. Въ новыхъ переводахъ не было бы нужды, еслибы іудеи видѣли совершенное сходство стараго перевода съ еврейскимъ текстомъ.

Авторъ желаетъ основаться на авторитетѣ всѣхъ вѣрующихъ христіанъ. «Вѣрующіе христіане, въ церкви Божіей, говоритъ онъ, всѣ до единого и не знали другаго Слова Божія кромѣ того, которое существовало въ переводѣ 70-ти толковниковъ».

Говоря это, авторъ не обращаетъ вниманія на то, что и апостолы знали «другое Слово Божіе, кромѣ существовавшаго въ переводѣ семидесяти»; ибо они въ разныхъ мѣстахъ приводятъ слова Ветхаго Завета въ переводѣ далекомъ отъ греческаго и близкомъ къ еврейскому тексту. Не обращаетъ вниманія на то, что христіане западные, православные читали съ четвертаго вѣка Слово Божіе къ такому латинскомъ переводѣ, который далекъ отъ греческаго текста и близокъ къ еврейскому. Не обращаетъ вниманія на то, что сирскіе христіане знали Слово Божіе въ переводѣ на свой родной языкъ, такъ же отличномъ отъ греческаго. Не обращаетъ вниманія и на то, что вѣрующіе же христіане и въ нашей русской церкви положили столько трудовъ на составленіе и изданіе русскаго перевода Ветхаго Завета съ языка еврейскаго.

Авторъ желаетъ основаться на мысли о поврежденіи еврейскаго текста. Эта мысль, безспорно, имѣетъ важное значеніе въ рѣшеніи вопроса о превосходствѣ греческаго перевода передъ еврейскимъ текстомъ. Посмотримъ, чего авторъ достигаетъ на этомъ пути.

Для автора *осязательнымъ доказательствомъ* порчи еврейскаго текста служатъ греческіе переводы Акилы, Симмаха и Θεодотіона. и Они не согласны между собою и съ переводомъ 70-ти, хотя всѣ были дѣланы съ еврейскаго. Это значить, что изъ переводчиковъ каждый читалъ и понималъ еврейскую Библию иначе, нежели другіе, и всѣ они иначе читали и понимали ее, нежели какъ она читалась и понималась въ то время, какъ переведена была 70-ю толковниками.

Здѣсь не только не заключается «осязательнаго» доказательства, но и никакого. Упомянутые переводы извѣстны намъ въ весьма немногихъ отрывкахъ, по которымъ мы не можемъ себѣ составить яснаго понятія о томъ, каковы были эти переводы. На основаніи отчасти самыхъ отрывковъ, отчасти стонервныхъ свидѣтельствъ, съ вѣроятностію лишь можно сказать, что Акила въ своемъ переводѣ, повидямому, старался быть буквально точнымъ; Симмахъ желалъ передать только смыслъ подлинника, не заботясь о точной передачѣ выраженій; Θεодотіонъ хотѣлъ соблюсти средину. Правда, что Θεодотіоновъ переводъ книги пророка Даніила уцѣлѣлъ въ переводѣ семидесяти: но какъ онъ относится къ переводу двоихъ другихъ переводчиковъ, и какъ относится къ утраченному переводу книги пророка Даніила, составленному семидесятью переводчиками, объ этомъ судить не имѣемъ никакихъ данныхъ. При такой скудости нашихъ познаній о переводахъ Акилы, Симмаха и Θεодотіона мы не можемъ ничего сказать ни о томъ, до какой степени разнились переводы между собою, ни о томъ, каковъ былъ еврейскій текстъ, находившійся у переводчиковъ подъ руками. А отсюда съ несомнѣностію слѣдуетъ, что «осязательное доказательство» не только не осязательно, но и не есть доказательство поврежденія еврейскаго текста. Прибавимъ

къ этому, что блаженный Феодоритъ въ своихъ толкованіяхъ два раза съ похвалою относится ко всѣмъ тремъ переводчикамъ: однажды за переводъ одного мѣста книги пророка Исаіи, другой разъ за переводъ одного мѣста книги пророка Авдія. Изъ словъ, какими онъ хвалитъ въ этихъ двухъ случаяхъ ихъ переводъ, видно, что всѣ трое переводчики перевели указан- ные мѣста одинаково. Прибавимъ еще отзывъ блаженнаго Иеронима о переводѣ Акилы, что онъ не только не представляетъ ничего противнаго христіанству, но даже представляетъ «многое для подтвержденія нашей вѣры». Въ заключеніе же этихъ свидѣтельствъ справедливо будетъ поставить свидѣтель- ство самаго автора разбираемой статьи, который, какъ мы ви- дѣли, признаетъ весь греческій переводъ за подлиннѣйшее Слово Божіе. А въ составъ греческаго перевода находится и Феодотіоновъ трудъ. Ему, а не кому другому, принадлежитъ переводъ книги пророка Даниїла, ему, «отщепенцу», по выра- женію автора, составлявшему переводъ «въ угоду евреямъ». И мы, къ удивленію, доселѣ пользуемся частію его трудовъ, изъ чего выведемъ, по крайней мѣрѣ, то заключеніе, что Феодо- тіоновъ переводъ не очень худъ.

Ошибки переписчиковъ составляютъ у автора другое дока- зательство въ пользу мысли о поврежденіи еврейскаго текста. Читатель припомнитъ, что выше нами была высказана мысль о неизбѣжности въ рукописяхъ ошибокъ, происходящихъ отъ переписчиковъ, и мы нисколько не склонны умалять ея зна- ченіе. Мы только не видимъ, почему же нужно дѣйствіе этого зла простирать на одинъ еврейскій текстъ. Думаемъ, что оно еще сильнѣе должно было отражаться на рукописяхъ грече- скаго перевода. Рукописи перевода наслѣдованы были хри- стіанами отъ евреевъ, которые дорожить ими должны были менѣе, чѣмъ рукописями еврейскими, а потому и не такъ тща- тельно заботиться объ ихъ исправности. Рукописей требова- лось для церкви Христовой много, потому что она распро- странялась очень быстро и сильно, а между тѣмъ смутныя и тяжкія времена гоненій едва ли могли давать удобства спо-

койно заниматься перепискою и проверкою рукописей греческаго перевода Ветхаго Завета. Школъ въ это время (то есть во время гоненій), подобныхъ школамъ іудейскимъ, гдѣ Священное Писаніе было главнымъ предметомъ изученія, христіане имѣть не могли; приходилось учиться или у частныхъ лицъ или въ школахъ языческихъ, которымъ не было дѣла до Священнаго Писанія. При такихъ условіяхъ судьба греческихъ рукописей Ветхаго Завета въ рукахъ христіанъ не могла быть достаточно обезпеченною. Онъ же, естественно, не въ такой степени важное значеніе имѣли для христіанъ первыхъ вѣковъ, какъ рукописи книгъ новозавѣтныхъ, заключающихъ ученіе собственно христіанское. Не удивительно, что еще во II вѣкѣ у одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, именно у св. Іустина мученика, оказался въ рукахъ такой кодексъ греческаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ, который носилъ на себѣ ясныя слѣды поврежденія. Неудивительно и то, что еще въ III вѣкѣ по Р. Х. раздался изъ устъ Оригена сѣтованія на «великое различіе» въ спискахъ греческаго перевода. Этими различіемъ были вызваны и критическіе труды пресвитера Лукіана въ Антиохіи († 311) и одного египетскаго епископа, которые трудились надъ новою редакціею греческаго текста. Во всякомъ случаѣ по пути укоровъ переписчикамъ никакъ нельзя придти къ мысли о преимуществaxъ греческаго текста передъ еврейскимъ.

Другой источникъ поврежденія еврейскаго текста авторъ находитъ въ особенностяхъ еврейскаго письма. Вниманіе его останавливается въ этомъ отношеніи на двухъ пунктахъ: во-первыхъ, на сходствѣ многихъ еврейскихъ буквъ, и во-вторыхъ, на отсутствіи гласныхъ въ еврейскомъ текстѣ, внесенныхъ въ текстъ, по мнѣнію автора, въ концѣ V вѣка по Р. Х. Въ указаніи связи, какую эти особенности имѣютъ съ поврежденіемъ еврейскаго текста, мысли автора имѣютъ нѣкоторую неопредѣленность, требующую предварительнаго разъясненія.

По словамъ автора, «поврежденіе еврейскаго текста произошло *то отъ переписчиковъ, замѣнявшихъ однѣ изъ сход-*

ныхъ между собою буквъ другими, *то отъ разнаго читанія словъ*: чему причиною служило отсутствіе гласныхъ, вставленіе которыхъ по догадливости измѣняло смыслъ рѣченій и предложеній. Можно не подозрѣвать въ немъ какую-либо злонамѣренность; все шло обычнымъ чередомъ человѣческихъ дѣлъ. *Евреи дорожили словомъ предковъ и не могли искажать его намѣренно*: но нельзя не допустить, что въ тѣхъ которыя говорили въ оужденіе евреевъ за невѣріе Евангелію, глазъ ихъ искалъ всякой возможности прочесть иныя слова, то такъ чтобы они казались болѣе понятными, то такъ, чтобы они снимали съ нихъ укоръ и лишали христіанъ опоры къ ихъ обличенію. *Говоримъ: глазъ, ибо у нихъ много сходныхъ буквъ, а поставь одну вмѣсто другой, выйдетъ другой смыслъ*; такъ же гласныя у нихъ не пишутся, а поставь одну вмѣсто другой, выйдетъ тоже другой смыслъ». Далѣе у автора читаемъ: «ученымъ евреямъ пришла не худая мысль установить однообразное чтеніе, придумавъ разные значки для показанія, какую гдѣ читать гласную. Этимъ занялись мазореты». Въ какомъ же видѣ писанія ветхозавѣтныя вышли изъ рукъ мазоретовъ? «Во многомъ тутъ допущены отступленія и измѣненія, то въ видахъ уясненія неяснаго, то съ цѣлю прикрыть неприятное обличеніе евреевъ, при помощи писаній пророческихъ, отъ лица христіанъ, *то можетъ быть для того, чтобы представить божественное откровеніе въ другомъ видѣ, нежели какъ оно было въ рукахъ христіанъ*. Ибо христіане говорили справедливо, что они суть наследники обѣтованій древнему Израилю, и что къ нимъ перешло и богооткровенное слово, составлявшее первое преимущество Израиля. Противъ этого *евреи и направились выставить Писаніе, подъ именемъ богооткровеннаго, такое, которое было бы сколько можно болѣе розно отъ того, какое было въ рукахъ христіанъ, прикрывая свое злоуміе еврейскимъ языкомъ.... Источниками отступленій новаго еврейскаго текста отъ первоначальнаго для мазоретовъ были разныя чтенія, происшедшія отъ замѣненія сходныхъ буквъ однихъ*

*другими, и указаніе посредствомъ знаковъ, гдѣ какую читать гласную, ввѣсившее во многомъ отъ ихъ произвола и дававшее ему просторъ. Эти два источника давали возможность, а сказанныя предъ симъ побужденія *разжигали усердіе мазоретовъ — представить ветхозавѣтныя писанія въ видъ, сколько можно выгоднѣйшемъ для евреевъ предъ лицомъ христіанъ.*»*

Въ выписанныхъ мѣстахъ статьи находимъ слѣдующія неопредѣленности.

Изъ одного мѣста статьи видно, что авторъ *недопускаетъ* намѣреннаго поврежденія текста евреями, изъ другаго мѣста видно, что онъ *предполагаетъ* намѣренное поврежденіе текста; а изъ двухъ еще мѣстъ видно, что онъ *утверждаетъ* намѣренное поврежденіе текста. Всѣ три мысли вмѣстѣ стоятъ не должны.

Другая неопредѣленность. Въ одномъ мѣстѣ авторъ замѣну однихъ еврейскихъ буквъ другими относитъ къ винѣ единственно переписчиковъ, въ другомъ мѣстѣ, по видимому, авторъ привлекаетъ къ отвѣтственности за эти замѣны и редакторовъ текста — мазоретовъ, предполагая, какъ кажется, (говоримъ: *по видимому, кажется, по неопредѣленности выраженій, употребленныхъ авторомъ*), что они намѣренно замѣняли одні буквы другими. Итакъ однимъ ли способомъ грѣшили мазореты,—подставляя подъ слова не тѣ гласныя, какія надлежало, или и другимъ способомъ,—подмѣняя одні согласныя другими?

Третья неопредѣленность, имѣющая не малое значеніе въ вопросѣ о намѣренномъ поврежденіи Библии, касается опредѣленія того, чѣмъ для евреевъ была Библия? По одному мѣсту статьи автора выходитъ, что Библия была для евреевъ только *словомъ предковъ*; по другому — *божественнымъ откровеніемъ*; по третьему—чѣмъ-то такимъ, что можно было *выставлявшъ подъ именемъ божественнаго откровенія.*

Среди такой неопредѣленности не будемъ доискиваться одного опредѣленнаго значенія въ словахъ автора. Предполо-

жимъ въ нихъ совмѣстное и мирное существованіе различныхъ значеній—и самыхъ неблагопріятныхъ для евреевъ и еврейскаго текста и, сравнительно, менѣе неблагопріятныхъ. Допустить это для насъ будетъ удобно по самому содержанию тѣхъ разъясненій, которыми мы удовольствуемся. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ евреи дорожили Словомъ Божиимъ, какъ тщательно занимались его изученіемъ, какіе труды принимали на себя, чтобы сохранить его въ *возможной* неповрежденности (говоримъ *въ возможной*, имѣя въ виду неизбежность и дѣйствительное существованіе нѣкоторыхъ недостатковъ еврейскаго текста); не будемъ говорить о законахъ постановки еврейскихъ гласныхъ; о способахъ провѣрить ихъ правильность путемъ сличенія съ средними языками арабскимъ, сирскимъ и халдейскимъ; о способахъ провѣрить ихъ путемъ изученія вавиловоассирійской пунктуаціи; о способахъ провѣрить ихъ путемъ сличенія съ различными древними переводами и съ таргумами перваго и втораго вѣка. Все доказательство, которыя могли бы быть получены изъ этихъ источниковъ и обращены противъ автора, по различнымъ причинамъ могутъ оказаться не достигающими цѣли. Ограничимся такими объясненіями, вслѣ которыхъ споръ, по нашему мнѣнію, окажется совершенно неудобнымъ.

Если евреи (мазореты или переписчики, наизвѣстно или неизвѣстно) повреждали еврейскій текстъ Священнаго Писанія, къ чему имѣли, по мысли автора, большія удобства, представляемая отсутствіемъ гласныхъ и сходствомъ многихъ (будто бы) согласныхъ; если они производили эти поврежденія по случаю (или: въ видахъ удобнѣйшей) борьбы съ христіанами: то все тѣ мѣста Ветхаго Завета, при помощи которыхъ производимы были іудеямъ *«со стороны христіанъ крикшія обличенія въ невѣрїи и упорствѣ»* должны были (или: всего легче могли) подвергнуться поврежденію, чтобы впредь обличать было *нечѣмъ*, нечѣмъ по крайней мѣрѣ въ глазахъ самихъ же евреевъ.

Прочтите же все произведенія древней христіанской письменности.

менности противъ іудеевъ, замѣтите тѣ мѣста Писанія, которыя приводятся противъ іудеевъ, и затѣмъ посмотрите, повреждены ли они въ еврейской Библии? Окажется, что нѣтъ, и спорить противъ этого невозможно, Библия у насъ въ рукахъ.

Но мысль человѣческая гибка. Можетъ быть она будетъ отыскивать такой изворотъ: въ дошедшихъ до насъ полемическихкихъ сочиненіяхъ противъ іудеевъ заключены, конечно, не всѣ тѣ обличенія, которыя направлены были противъ іудеевъ, многія можетъ быть остались незаписанными и неизвѣстными намъ, можетъ быть эти неизвѣстныя обличенія и вызвали порчу тѣхъ мѣстъ Ветхаго Завета, на которыхъ они основывались.

Такой оборотъ мысли не пригоденъ будетъ потому, что если извѣстныя намъ и общеупотребительныя обличенія не вызвали порчу тѣхъ мѣстъ Ветхаго Завета, на которыхъ они основывались: то нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать, что такое дѣйствіе произведено было обличеніями неизвѣстными и даже, можетъ быть, несуществовавшими.

Не пригоденъ будетъ и такой оборотъ мысли: можетъ быть дѣйствіе этихъ обличеній не прямо простерлось на мѣста Писанія, служившія основаніемъ для нихъ, а возбуждало въ іудеяхъ желаніе вести дѣло по хитрѣе, и именно такъ: «испортимы мы, подумали уличаемые христіанами злохудожные іудеи, равныя не относящіяся къ обличеніямъ мѣста своихъ священныя книгъ и тогда получимъ право сказать христіанамъ: ваши книги не сходны съ нашими; потому обличеніямъ вашимъ, основаннымъ на вашихъ священныя книгахъ, мы не даемъ силы.» Этотъ оборотъ мысли, приписывая іудеямъ великую хитрость, на самомъ дѣлѣ усвоитъ имъ весьма великую простоту. По поводу приведеннаго предполагаемаго отвѣта іудеевъ всякій и не хитрый христіанинъ могъ возразить іудеямъ: «я не касаюсь другихъ мѣстъ вашихъ писаній; вы мнѣ скажите только: написано въ вашихъ священныя книгахъ то, на основаніи чего я уличаю васъ, или нѣтъ?» Коварный іудей сознается, что написано, и не хитрый христіанинъ одерживаетъ легкую побѣду.

Окажется при разсмотрѣніи Ветхаго Заѣта, что «злоумышленны» іудеи не съумѣли, при всѣхъ удобствахъ, испортить ни одного мѣста изъ числа тѣхъ, которые имъ полезно было бы испортить, еслибы они этого когда-нибудь желали. Ни обличеніе ихъ нравственныхъ качествъ, упорства и невѣрія, ни пророчества относительно ихъ плачевной судьбы, относительно ихъ разсѣянія; ни пророчества о Мессіи, на одишшія постоянныя и ясныя приложенія къ лицу Іисуса Христа,—ничто подобное не было испорчено іудеями. Что-нибудь одно изъ двухъ: или іудеи, при всемъ своемъ коварствѣ, были очень просты и несообразительны; или же предположеніе о порчѣ ими Библіи, вслѣдствіе христіанскихъ обличеній, самую Библию разрушается совершенно.

Укажемъ другое доказательство противъ предположенія о намѣренной или полунамѣренной порчѣ Библіи, доказательство такъ же не допускающее серьезнаго спора.

Разсмотрите внимательно, въ какихъ мѣстахъ и книгахъ Ветхаго Заѣта встрѣчаются частыя и значительныя разности между еврейскимъ и греческимъ текстами? Почти исключительно въ книгахъ и мѣстахъ трудныхъ по языку, то есть, по изложенію. Возьмите Пятикнижіе, книги историческія, историческіе отдѣлы у пророковъ, не трудныя по языку. Тутъ обыкновенно переводъ соотвѣтствуетъ подлиннику; разности очень незначительны. Чѣмъ объяснитъ это? Предположеніе, что іудеи портили только трудныя мѣста, не можетъ удержаться какъ потому, что не подкрѣпляется никакимъ заслуживающимъ уваженія доказательствомъ, такъ и потому, что есть трудныя мѣста и даже книги, переведенныя удовлетворительно. Дѣло объясняется проще. Во многихъ трудныхъ мѣстахъ переводъ не удался переводчикамъ. Это объясненіе подтверждается такимъ множествомъ примѣровъ, которые исключаютъ всякую возможность спора. Въ этихъ мѣстахъ обыкновенно бываетъ очень легко объяснить, отчего и какъ именно произошла погрѣшность въ греческомъ переводѣ. Мы не поскупимся бы на примѣры, еслибы типографія могла печатать еврейскій текстъ.

Мысль о намеренной или полунанмеренной порчѣ текста еврейскаго должна быть кнута, какъ оружіе старое, теперь совсѣмъ непригодное. А поврежденія не намеренныя, по крайней мѣрѣ нисколько не вызванныя борьбою противъ христіанъ, дѣйствительно есть и теперь въ еврейскомъ текстѣ; есть въ немъ и такія мѣста, которыя могутъ и даже должны быть исправлены по руководству греческаго перевода. Взаимныя отношенія всѣхъ такихъ мѣстъ мы въ цифрахъ представляемъ себѣ (послѣ не малаго изученія дѣла) такимъ образомъ. Изъ ста случаевъ разности между еврейскимъ и греческимъ текстами въ девяносто случаяхъ несомнѣнна погрѣшность греческихъ переводчиковъ; несомнѣнно и то, что въ этихъ мѣстахъ переводчики имѣли предъ собою тотъ самый текстъ еврейскій, какой имѣемъ и мы теперь. Въ девяти случаяхъ изъ ста трудно рѣшить, ошибка ли на сторонѣ переводчиковъ или они безошибочно перевели съ кодекса несовсѣмъ исправнаго. Одинъ случай изъ ста бываетъ таковой, когда нужно исправить нынѣшній текстъ еврейскій по руководству греческаго перевода. Кромѣ указанныхъ случаевъ есть и такіе особые, не входящіе въ нашъ счетъ случаи, когда греческій текстъ сходенъ съ еврейскимъ, и однако же несомнительно, что и еврейскій и греческій тексты неудовлетворительны. Есть случаи и такіе, что тексты не сходны между собою, и въ тоже время оба неудовлетворительны.

Если взять во вниманіе всѣ мѣста несходныя въ еврейскомъ текстѣ и греческомъ и мѣста, въ которыхъ оба тексты являются неудовлетворительными и при сходствѣ и несходствѣ; и если сравнить эти мѣста со всѣмъ составомъ еврейскаго текста и греческаго перевода, то нельзя будетъ не удивляться не тому, что встрѣчаются погрѣшности, но тому, что ихъ такъ мало въ книгахъ, написанныхъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашего времени. Особенно возбуждаетъ наше удивленіе переводъ греческій. Переводъ, явившійся назадъ тому двѣ тысячи лѣтъ, составленный переводчиками, не одинаково знавшими еврейскій языкъ, перешедшій отъ одного народа къ

другому, распространенійся въ великомъ множествѣ списковъ, переводъ не свѣравшійся съ подлинникомъ, представляетъ однако же разности съ подлинникомъ не болѣе какъ въ двадцатой своей долѣ, не разнится съ нимъ ни въ чемъ существенномъ, а иногда даже даетъ основанія къ восстановленію истиннаго вида текста еврейскаго. Онъ драгоцененъ и тѣмъ, что несомнительно свидѣтельствуетъ, что никѣмъ не испорченъ подлинный текстъ откровенія ветхозавѣтнаго и что въ немъ есть только незначительное количество малыхъ погрѣшностей, неизбежныхъ при рукописномъ распространеніи книгъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Можно надѣяться, что и эти малыя погрѣшности при тщательномъ изученіи обоихъ текстовъ и при пособіи вновь открываемыхъ древнихъ рукописей будутъ сокращаться въ своемъ числѣ болѣе и болѣе. Если и не наступитъ время, когда можно будетъ сказать: «нѣтъ ни одной и малой погрѣшности въ текстѣ Слова Божія; мы имѣемъ теперь Слово Божіе въ томъ самомъ видѣ, какъ оно вышло изъ устъ и рукъ пророческихъ»; то наступитъ время, когда мысль о намѣренной портчѣ текста еврейскаго не будетъ имѣть возможности и зародиться, и когда теорія «темноватостей» нигдѣ не будетъ имѣть силы.

Недавно изданнымъ русскимъ переводомъ ветхозавѣтныхъ книгъ вносится свѣтъ во многое, что для многихъ было темнымъ. Онъ представляетъ слово Божіе подлиннѣйшее, но, конечно, понимая это слово въ сравнительной, а не превосходной степени. Найдутся въ немъ, какъ и во всякомъ переводѣ, мѣста, допускающія улучшенія: но такъ бываетъ и во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ. Судя по изданіямъ русскаго перевода Новаго Завѣта должно думать, что за улучшеніями дѣло и не остановится. Но дѣлать улучшенія по мѣстамъ, это совсѣмъ не такое великое и тяжкое дѣло, какъ то, которое теперь приведено къ концу.

—

Намъ хотѣлось бы закончить статью не большимъ приложеніемъ, которое можетъ въ нѣкоторой степени восполнить

существенный недостаток наших замечаній. Разумѣю недостатокъ примѣровъ, взятыхъ изъ еврейскаго текста и необходимыхъ для подтвержденія нѣкоторыхъ нашихъ сужденій о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ еврейскаго, греческаго и славянскаго. При всей готовности подтверждать свои слова достодолжными доказательствами, мы вынуждены были, преимущественно положеніемъ нашего печатнаго дѣла, не поддаваться своему влеченію. Теперь мы сдѣлаемъ только малую пробу, и то постараемся обойтись безъ еврейскихъ буквъ.

Возьмемъ для пробы какое угодно мѣсто изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Я предлагаю съ своей стороны избрать начало осьмой главы книги Іова, предлагаю по причинѣ совершенно безразличной для дѣла, совершенно случайной, именно потому, что въ послѣдній классъ занятій съ своими слушателями я началъ разборъ этой осьмой главы, — началъ не по выбору, а потому, что предшествующія главы мы успѣли перевести въ предшествующіе классы. Изъ этого ясно, что выборъ чуждъ намѣренности, и мы имѣемъ право сказать, что беремъ первое раскрывшееся мѣсто Библии. Посмотримъ, что эта проба дастъ для подтвержденія нѣкоторыхъ сужденій, высказанныхъ въ моей статьѣ.

На пространствѣ первыхъ десяти стиховъ осьмой главы встрѣчаемъ слѣдующія разности между текстами еврейскимъ, греческимъ и славянскимъ.

Ст. 2. Два слова еврейскаго текста означающія: *вътеръ бурный* по-гречески переведены: *πνεῦμα πολυρῆμον, духъ многорѣчивый*. Изъ этого видно, что переводчики читали въ подлинникѣ тѣ же самыя слова, какія стоятъ и теперь въ еврейскомъ текстѣ; они только предпочли образную рѣчь подлинника переложить въ болѣе простую. Существо дѣла ихъ переводъ соотвѣтствуетъ; ибо въ разбираемомъ мѣстѣ слова: *бурный вътеръ* относятся къ горячимъ, не сдержаннымъ рѣчамъ Іова. Сказано: *слова устъ твоихъ — бурный вътеръ*. Переводчики только пожелали пояснить слова подлинника.

Ст. 3. Два слова еврейскаго текста означающія: *искривитъ*

судъ по-гречески переведены: ἀδικήσει κρίνων, *неправедно поступитъ судья*. Изъ этого перевода видно, что переводчики читали въ подлинникѣ тѣже самыя слова, какія стоятъ и теперь въ еврейскомъ текстѣ, они опять только предпочли переложить образное выраженіе подлинника въ болѣе простое; и только по причинѣ этого переложенія у нихъ вмѣсто существительнаго *судъ* поставлено причастіе: *судя*; а въ славянскомъ переводѣ ἀδικήσει переведено не совсѣмъ точно словомъ: *обидитъ*, которое вноситъ въ рѣчь новыи отбѣнокъ.

Въ томъ же стихѣ еврейское слово, означающее: *искривитъ*, повторяется въ другой разъ. Въ этотъ разъ переводчики замѣняютъ образное слово подлинника *другимъ* словомъ: ταραξεί, *приведетъ въ безпорядокъ, возмутетъ* (слав.). Слѣдовательно, здѣсь опять встрѣчаемся только съ разрѣшеніемъ образнаго выраженія въ простое; только во второмъ случаѣ разрѣшается тропъ иначе, чѣмъ въ первомъ.

Въ томъ же стихѣ еврейское слово (шаддай), означающее: *всемогущій* переводчики выразили словами: ὁ πάντα ποιήσας, *все сотворившій*. Противъ правильности этого перевода возражать нечего; понятіе о сотвореніи всего хотя и не исчерпываетъ понятія о всемогуществѣ, однакоже беретъ такое проявленіе всемогущества Божія, которое даетъ ясное понятіе о самой силѣ этого свойства. Мы останавливаемъ въ настоящее время вниманіе читателей на переводѣ греческомъ только потому, что переводчики въ другихъ мѣстахъ обыкновенно ставятъ другое слово: παντοκράτωρ. Такъ они поступили и при переводѣ пятаго стиха.

Въ 4 стихѣ еврейскія слова, означающія: *и послалъ ихъ въ руку беззаконія ихъ*, то-есть предалъ ихъ въ руку ихъ собственнаго беззаконія, по-гречески переведены: ἀπέστειλεν ἐν χειρὶ τὴν ανομίαν αὐτῶν, *послалъ въ руку беззаконіе ихъ*; по другому чтенію: ἀπέστειλεν ἐν χειρὶ ανομίας αὐτῶν, *послалъ въ руку беззаконія ихъ*. И тотъ и другой переводъ смысла удовлетворительнаго не представляютъ. Вслѣдствіе этого въ славянскомъ переводѣ поставлено: *посла руку на беззаконія ихъ*,

что не согласно ни съ еврейскимъ текстомъ, ни съ греческимъ переводомъ.

Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ переводчики читали текстъ еврейскій точно такъ же, какъ и мы читаемъ теперь. Они только не поняли, что нужно перевести не: *ἐν χειρὶ, въ руку*, но *εἰς χεῖρα, въ руку*. На этомъ основаніи они оставили безъ перевода присоединенное къ еврейскому глаголу мѣстоимѣніе: *иъ*; безъ этого опущенія вышло бы у нихъ еще хуже: *послалъ иъ въ руку беззаконіе иъ*; тогда не выходило бы и грамматическаго смысла.

Ст. 5. Съ еврейскаго этотъ стихъ читается такъ: *если ты възыщешь Бога и Всемоущему помолишься*. По гречески: *Ὁ δὲ δὲ ὀφθρῖζε πρὸς χυρίον παντοκράτορα δεόμενος, ты же утренной къ Господу Вседержителю молясь*.

Разность здѣсь заключается во первыхъ въ отсутствіи слова: *если*. Переводчики пропустили этотъ союзъ, по нашему мнѣнію, въ силу такого соображенія. Они видѣли, что слѣдующій шестой стихъ начинается такъ же словомъ: *если*, и при томъ безъ союза: *и*. Потому пятый стихъ, начинающійся словомъ *если* и не заключающій въ себѣ другой половины періода, казался имъ неудовлетворительнымъ по смыслу. Этому: *если* нѣтъ соответствующаго: *то* ни въ пятомъ стихѣ, ни въ первой половинѣ шестаго стиха. Тамъ есть свое *если*. Опустивъ: *если*, переводчики для удержанія связи въ рѣчи поставили: *дѣ, же*.

Другая разность. Мы переводимъ съ еврейскаго: *возыщешь*. Греческіе переводчики переводятъ: *утренней*. Здѣсь опять разницы въ чтеніи еврейскаго текста нѣтъ никакой. Слово *утренневалъ* значить: *рано вставалъ для какого-нибудь дѣла*, т.-е. обнаружилъ сильное усердіе къ какому-нибудь дѣлу. Это понятіе усиленаго стремленія къ Богу, думаемъ, хорошо выражается нашимъ: *возыщешь*. У насъ будущее, тамъ повелительное; но это не потому, что переводчики греческіе иначе читали, чѣмъ мы. На еврейскомъ поставлена такая форма, которая переводится будущимъ временемъ, а не рѣдко и повелительнымъ наклоненіемъ.

Третья разность. Послѣ слова: *Бог* переводчики пропустили союзъ: *и*, и кромѣ того вмѣсто *помолишься* у нихъ поставлено причастіе: *молясь*. Почему союзъ: *и* пропущенъ, это не ясно; предполагаемъ, что пропускъ произошелъ не по винѣ переводчиковъ, а по винѣ бывшаго у нихъ еврейскаго кодекса. Предполагаемъ это вслѣдствіе дажѣ слѣдующей неправильности, которую не было причины допускать переводчикамъ, еслибы они имѣли у себя предъ глазами союзъ: *и*. Замѣна будущаго причастіемъ есть неправильность не потому только, что причастіе не соответствуетъ *типичной* формѣ глагола еврейскаго, но и потому, что постановкою причастія переводчики разрушили параллелизмъ стиха, по которому въ одной половинѣ стоитъ: *Бог*; въ другой: *Всемощному*; въ одной половинѣ: *взыщешь*; въ другой: *помолишься*. Параллелизмъ стиха несомнѣнно требуетъ, чтобы стихъ былъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь находится въ еврейскомъ текстѣ.

Ст. 6. Съ еврейскаго *теперь же будетъ бодрствовать надъ тобою*. По-гречески: *δείσωνς σου ἰπακοῦσεται, молитву твою услышитъ*. Опять переводъ греческій не заставляетъ предполагать разницу между ихъ еврейскимъ текстомъ и нашимъ. Переводчики пожелали только избѣгнуть антропоморфическаго выраженія, что они дѣлають *очень* часто; они выразили только *смыслъ* этого антропоморфическаго выраженія. ¶

Въ томъ же стихѣ съ еврейскаго: *умиротворитъ*; въ греческомъ: *ἀποκαταστήσει, возстановитъ*. Оба перевода переводятъ одно и тоже еврейское слово. Только по истолковательнымъ соображеніямъ нужно предпочесть первое значеніе.

Ст. 8. Съ еврейскаго: *вникни въ изслѣдованіе отцовъ твоихъ*. По-гречески: *εξιχνάσον δὲ κατὰ γένος πατέρων*. Въ славянскомъ: *изслѣди же по роду отцовъ*. И здѣсь переводчики читали еврейскій текстъ такъ же какъ и мы; только они пожелали дажѣ провести параллелизмъ стиха, нежели сколько это нужно по требованію хода рѣчи у священнаго писателя. Въ словахъ стиховъ 8 и 9 мысль священнаго писателя такова: «сами мы знаемъ мало; опытомъ небогаты, лучше повѣрь правильность

своихъ мыслей опытомъ и знаніями предшествующаго поколѣнія; да обратись и къ отцамъ этого поколѣнія, то-есть знанія, которыя получишь отъ предшествующаго рода, расширь наблюденіями тѣхъ, кто жилъ еще ранѣе этого предшествующаго тебѣ рода». Такимъ образомъ въ стихѣ 8-мъ слова второй половины стиха: *вникни въ изслѣдованіе отцовъ ихъ* совсѣмъ не представляютъ полнаго тождества мысли съ мыслью, выраженною въ первой половинѣ стиха: *спроси у рода прежняго*. Переводчики не обратили на это вниманіе и выразили во второй половинѣ стиха ту же мысль, какаю выраженъ и въ первой половинѣ стиха; при этомъ мѣстоимствіе *ихъ* для переводчиковъ утратило смыслъ, и они опустили мѣстоимствіе. А славянскіе переводчики не обратили должнаго вниманія на то, какое здѣсь значеніе имѣетъ предлогъ: *ххтѣ*. Онъ значить здѣсь не: *ко*, а: *относительно*. Отъ этого въ славянскомъ переводѣ затмѣненъ смыслъ и греческаго перевода.

Ст. 10. Въ переводѣ съ еврейскаго этотъ стихъ читается: *не научатъ ли они тебя, скажутъ тебѣ и изъ сердца своего изнесутъ слова*.

Греческимъ переводчикамъ показались въ этомъ стихѣ недостаточными слова: *скажутъ тебѣ*; на основаніи смысла всего стиха они изложили ихъ такъ: *ἀναγγελοῦσιν σοὶ σύνεσιν σοφίας, возвѣстятъ тебѣ разумъ премудрости*. Переводчики, говоря, нашли выраженіе: *скажутъ тебѣ* недостаточнымъ. Имъ показалось, что послѣ словъ: *не научатъ ли*, — словъ выражающихъ понятіе о действительномъ вразумленіи, оставить простыя слова: *скажутъ тебѣ*, когда и послѣдующее выраженіе: *изнесутъ слова* будутъ значить тоже самое, — неудобно. Они и дополнили ихъ прибавкою болѣе содержательныхъ понятій: *разумъ премудрости*. Съ подобными улучшеніями намъ часто приходится встрѣчаться въ греческомъ переводѣ и обыкновенно эти улучшенія не принадлежатъ къ числу действительныхъ улучшеній. Такъ и здѣсь; улучшенія никакого не требовалось. Мысль священнаго писателя идетъ все усиливаясь: «обратись къ предкамъ: они научатъ тебя, на-

учать не тѣмъ только, что ты самъ изъ ихъ исторіи извлече-
 чешь полезныя уроки; нѣтъ, они ясною рѣчью вразумятъ тебя;
 и рѣчь эта будетъ исходить изъ глубины души ихъ. Въ славянскомъ переводѣ греческая вставка вышнута.

Подведемъ же итогъ.

Въ выбранныхъ на пробу, совершенно случайно, десяти стихахъ Библіи оказалось, что:

еврейскій текстъ не представляетъ никакой порчи;

никакой существенной разницы между подлинникомъ и переводомъ нѣтъ;

греческіе переводчики одно и то же слово переводятъ различными словами;

перелагаютъ образную рѣчь подлинника на болѣе простую;

одно мѣсто перевели такъ, что оно не можетъ представлять удовлетворительнаго смысла, и причина этой неудовлетворительности сомнѣнію подлежать не можетъ;

переводчики произвольно опускаютъ слова, оставляя ихъ безъ перевода;

одну форму рѣчи измѣняютъ на другую;

иногда ограничиваются удержаніемъ только общаго смысла рѣчи;

вносятъ отъ себя дополненія;

изъ семидесяти семи словъ подлинника пятьдесятъ пять переведены безукоризненно хорошо;

худо переведены только два мѣста; остальные же неточности не такъ важны;

славянскій переводъ выкидываетъ дополненія, сдѣланныя греческими переводчиками;

славянскій переводъ неправильно переводитъ греческія слова;

славянскій переводъ исправляетъ неправильность греческаго перевода, но этою поправкою самъ дѣлаетъ неправильность.

Думаемъ, что для десяти стиховъ и этого достаточно.

П. Горскій-Платоновъ.

14 ноября.

ДВА СЛОВА ОБЪ ИСПРАВЛЕНИИ ТЕКСТА СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ.

Подведенный почтеннымъ авторомъ предшествующей статьи итогъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи сравнительнаго разбора 10 стиховъ одной книги библейской, какъ нельзя лучше подтверждаетъ высказанную нами въ заключеніи описанія 50 лѣтняго юбилея высокопреосв. Исидора (см. Современное Обозрѣніе въ сент. кн. текущаго года) мысль о настоятельной нуждѣ и благовременности нынѣ, по изданіи русскаго перевода Библии, заняться исправленіемъ славянскаго текста ея. Такое исправленіе—сказали мы—удовлетворяло бы не только народной потребности религіознаго назиданія и просвѣщенія въ храмахъ, но и потребности религіознаго обученія и воспитанія нашего юношества учащагося въ школахъ, ибо не говоря о свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — въ самыхъ семинаріяхъ духовныхъ, гдѣ на изученіе Св. Писанія положены особенные классы, успѣхъ этого изученія весьма значительно затрудняется вслѣдствіе неисправности настоящей славянской Библии. Говоря это мы имѣли въ виду исправленіе текста славянской Библии въ цѣломъ ея составѣ, такое исправленіе, которое бы не ограничивалось случайными поправками, какія дѣлались временными справщиками или корректорами при отдѣльныхъ изданіяхъ Библии, но было ведено въ одномъ духѣ, на основаніи однихъ руководственныхъ началъ и пріемовъ исправленія.

Въ прошломъ столѣтіи, при сравнительно низшемъ состояніи библейской науки вообще и слабомъ развитіи богослов-

ской учености у насъ въ Россіи, наше правительство признало потребнымъ и нашло возможнымъ исправленіе славянской Библіи; плодомъ посильныхъ трудовъ составленныхъ для сего комиссій того времени было такъ называемое Елизаветинское изданіе ея. Настоящее время представляетъ несравненно болѣе благоприятныхъ условій къ совершѣнію столь важнаго дѣла—и въ обиліи научныхъ пособій по критическому изданію и разработкѣ библейскихъ кодексовъ въ Европѣ и въ болѣе широкомъ развитіи библейскаго знанія у насъ въ духовенствѣ и духовныхъ школахъ и въ достаточномъ количествѣ научно-подготовленныхъ лицъ какъ для исполненія сего дѣла такъ и для надзора за веденіемъ его въ духѣ православія. Чтобы исправленіе славянской Библіи своимъ совершеніемъ не затянулось и не отдалилось на очень долгое время, а выѣсть съ тѣмъ велось съ надлежащею постепенностію и осмотрительностію, можно бы приступить къ нему, начавъ исправленіе съ тѣхъ книгъ и отдѣловъ Библіи, которыя наиболѣе употребляются для чтенія при Богослуженіи, и продолжая его въ порядкѣ библейскихъ книгъ по частямъ, издаваемымъ для употребленія въ училищахъ въ качествѣ *учебной Библіи*.

Мы съ своей стороны предлагаемъ сочувствующимъ дѣлу свѣдущимъ людямъ страницы нашего изданія для изложенія мѣстныхъ о руководительныхъ началахъ и для помѣщенія примѣрныхъ опытовъ по исправленію славянской Библіи. *Ред.*

НОВЫЙ ГОЛОСЪ

ПО ВОПРОСУ О ДУХОВНО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ.

„Сборникъ государственныхъ знаній“, подъ редакціей В. П. Безобразова. Т. II. Спб. 1875.

Въ этомъ второмъ томѣ *Сборника* помѣщено нѣсколько статей, въ которыхъ встрѣчаемъ рядъ извѣстій и сужденій, заслуживающихъ мѣста въ лѣтописи нашей церковной жизни. Эти статьи принадлежатъ профессору каноническаго права при петербургскомъ университетѣ свящ. Горчакову. Заглавія статей: *Научная постановка церковно-суднаго права; Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразования духовно-судебной части; Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ о томъ же; Письмо Н. Н. къ проф. Трейтшике по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви (разборъ)*. Всѣ эти статьи съ разныхъ сторонъ касаются современнаго состоянія русской церкви, вопросовъ, въ ней возбужденныхъ и еще ожидающихъ разрѣшенія. Если разобрать эти статьи въ совокупности, въ нихъ можно найти нѣсколько чертъ для опредѣленія минуты, на которой стоятъ теперь недавно возбужденныя и еще не прекратившіяся движенія въ нашемъ церковномъ обществѣ.

Первая изъ названныхъ статей имѣетъ характеръ руководящей къ двумъ другимъ. Она получаетъ особенное значеніе по своему отношенію къ тому, что еще недавно писалось по тому же вопросу. Горячая, даже шумная полемика, которую вызвало въ печати учрежденіе въ 1870 г. комитета для составленія основныхъ положеній духовно-судебной реформы, стала утихать

года два тому назадъ. Кто слѣдилъ за этой полемикой, тотъ не успѣлъ еще забыть изслѣдованій и сужденій о реформѣ церковнаго суда въ Россіи, которыми печать спѣшила облегчить комитету разрѣшеніе возложенной на него задачи. Если вопросъ до сихъ поръ не получилъ законодательнаго и практическаго разрѣшенія, то по крайней мѣрѣ онъ имѣетъ уже свою и очень значительную литературу. Историческій очеркъ этой литературы, составленный внимательно и безпристрастно, далъ бы не мало материала для характеристики религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества въ 70-хъ годахъ XIX вѣка. Со временемъ, безъ сомнѣнія, историкъ нравовъ и понятій воспользуется ею съ этой цѣлью. Ограничиваясь обязанностями простаго лѣтописца, мы остановимся на указанной статьѣ о Горчакова, какъ на новомъ фактѣ въ литературной судьбѣ вопроса. Мы не думаемъ полемизировать съ о. Горчаковымъ о церковномъ судѣ, не думаемъ даже критиковать его сужденій объ этомъ вопросѣ. Мы только хотимъ по обязанности и съ равнодушіемъ лѣтописца отиѣтить, что «бысть» въ такомъ-то году по такому-то дѣлу, и привести это событіе въ связь съ явленіями прошлыхъ лѣтъ.

Несмотря на недавнее время спора, не будетъ лишнимъ припомнить себѣ въ главныхъ чертахъ (его содержаніе. Если не ошибаемся, онъ сосредоточивался на двухъ вопросахъ церковнаго судоустройства, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ на каждомъ изъ нихъ: на вопросѣ о пространствѣ церковнаго суда и на вопросѣ о раздѣленіи власти судебной и административной или—говоря точнѣе—о предѣлахъ судебной власти епархіальнаго архіерея. Въ разборѣ этихъ вопросовъ обозначались двѣ противоположныя стороны: одну изъ нихъ по *отышимъ* признакамъ можно назвать консервативной, другую—прогрессивной. Первая по первому изъ указанныхъ вопросовъ настаивала на томъ, что ни слово Божіе ни церковныя правила ни задача церковно-судебной реформы, ясно выраженная комитету 12-го января 1870 г. свѣтскимъ и церковнымъ правительствомъ, не даютъ права стѣснять предѣлы, которыми ограничена область церковнаго суда нынѣ дѣйствующимъ государственнымъ законодательствомъ. Прогрессивная сторона или высказывалась за взятіе нѣкоторыхъ дѣлъ изъ области церковнаго суда или обходила вопросъ молчаніемъ, но такъ что въ развиваемыхъ ею

планахъ реформы это изъятіе подразумѣвалось само собою. Судебная власть епархіального архіерея составляла главный предметъ спора. Консервативная сторона довольно единодушно стояла на неприкосновенности этой власти. Между ея противниками не было такого единогласія ни въ принципахъ ни въ ихъ практическомъ приложеніи. Одни подвергали вопросу судебную власть епархіального архіерея въ существующихъ размѣрахъ; другіе, считая ее неотъемлемымъ правомъ архіерея, старались заключить ее въ такой механизмъ церковнаго суда, который лишилъ бы ее практической силы, прямого активнаго участія въ судѣ. Тѣ и другіе, а иногда одни и тѣже, въ разное время видоизмѣняя свои взгляды на дѣло, придумывали различные планы устройства духовнаго суда, которые впрочемъ сходились въ одной цѣли—ограничить участіе епархіального архіерея въ управленіяхъ духовнаго суда пассивной ролью или какой либо вспомогательной функціей. Это разнообразіе построеній, сдѣланныхъ въ печати, отразилось на извѣстныхъ проектахъ комитета духовно-судебной реформы, большинство котораго очевидно склонялось къ прогрессивной сторонѣ спорившихъ о реформѣ печатно.

Таково въ общихъ чертахъ сложное развитіе, полученное вопросомъ о реформѣ церковнаго суда, когда послѣдній проектъ, на которомъ остановился занимавшійся этимъ комитетъ при св. Синодѣ, въ 1873 г. предложенъ былъ на обсужденіе епархіальнымъ архіереямъ и духовнымъ консисторіямъ. Съ тѣхъ поръ движеніе въ обществѣ и печати, возбужденное этимъ дѣломъ, начало стихать; по крайней мѣрѣ не было, если не ошибаемся, написано ничего новаго, какъ будто для того, чтобы дать архіереямъ и консисторіямъ возможность спокойно и свободно высказаться о проектѣ. И вотъ въ то самое время, когда въ общество стали проникать слухи о характерѣ мнѣній, представленныхъ и представляемыхъ св. Синоду изъ епархій касательно проекта комитета, когда слѣдовательно вопросъ о реформѣ готовъ вступить въ новую фазу развитія, статья о. Горчакова встрѣчаетъ ее изслѣдованіемъ дѣла съ новой стороны, съ новой точки зрѣнія, ставя себѣ задачей «указать начала для научной постановки церковно-судебнаго права.

Прочитавъ заглавіе статьи о. Горчакова *«Научная постановка*

церковно-суднаго права», читатель безъ сомнѣнія попытается возстановить въ своей памяти читанное имъ прежде о церковно-судебной реформѣ и задастъ себѣ вопросъ: неужели всѣ эти изслѣдованія и споры о реформѣ, равно какъ и основанныя на нихъ проекты основныхъ положеній, совершенно лишены научной постановки? Прочитавъ статью о. Горчакова, онъ согласится, что дѣйствительно авторъ поставилъ вопросъ на новую почву, взглянулъ на него съ такой стороны, съ какой не смотрѣлъ никто изъ его предшественниковъ.

Передадимъ содержаніе статьи, насколько это возможно въ немногихъ словахъ.

Разъясняя заглавіе статьи, авторъ прежде всего предупреждаетъ читателя, что она чужда какой-либо практической тенденціи и имѣетъ единственно научную цѣль «содѣйствовать теоретическому разъясненію существа налагаемаго въ ней предмета». Такого разъясненія онъ не находитъ ни въ печати ни въ практическихъ сферахъ. Признавая отзывы енархіальныхъ архіереевъ и консисторій сильными критикой проекта, онъ не находитъ въ нихъ «основныхъ, положительныхъ принциповъ, на основаніи которыхъ должна быть произведена реформа». За всѣми, писавшими объ этой реформѣ, онъ признаетъ лишь ту заслугу, что ими доказана неотложная необходимость преобразованія церковныхъ судовъ въ Россіи; но онъ находитъ несправедливымъ утверждать, чтобы они «научно разъяснили начала, на которыхъ должно быть поставлено *церковно-судебное право въ Россіи (духовно-судебная часть на языкъ комитетскаго проекта)*. Борьба двухъ описанныхъ выше направленій, которыя авторъ называетъ бюрократическимъ и іерократическимъ и на которыя раздѣлялись и печать и комитетъ 1870 года, по мнѣнію о. Горчакова, не только не помогла законодательному движенію вопроса о реформѣ, но еще «служитъ главною причиною медленности и безуспѣшности законодательныхъ проектовъ» по этому вопросу и «даже грозитъ отсрочкой реформы на неопредѣленное время». Между тѣмъ бѣлое духовенство, преимущественно страдающее отъ существующихъ порядковъ церковнаго суда и обманутое въ своихъ надеждахъ принятыми доселѣ мѣрами для улучшенія его быта, «смотреть на духовно-судебную реформу именно со стороны ея практическаго значенія и въ ней часть найти на-

чло своего общественнаго возрожденія», выходя изъ своего «политическаго, общественнаго, гражданскаго и церковнаго безсидія и безправія». Доселѣ оно молчало въ спорѣ о реформѣ и о. Горчаковъ находитъ даже это молчаніе благоразумнымъ, потому что оно дало возможность свободно и откровенно высказываться представителямъ обѣихъ борющихся направленій и выяснитъ современное состояніе церковнаго устройства и управленія. Но теперь, когда реформѣ грозитъ опасность не сбыться, когда въ обществѣ эта неудача начинаетъ возбуждать сомнѣнія, «не заключается ли въ самомъ существѣ православной церкви условій, несоотвѣтственныхъ постановкѣ церковно-судебной власти на началахъ христіанской правды и справедливости», — теперь настала очередь высказаться и бѣлому духовенству, оно не можетъ и не должно болѣе молчать. Статья о. Горчакова, по словамъ ея автора, и есть «голосъ изъ среды бѣлаго духовенства по вопросу, относительно котораго оно сохранило доселѣ полное безмолвіе, голосъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ *научнаго* пониманія церковно-судебнаго права».

Самая постановка церковнаго суда на научныя основанія совершается по такому плану. Необходимо различать въ *церковно-судебномъ правѣ* два взаимно переплетающіеся элемента: юридическій и богословскій. Указать надлежащія границы между ними можно только при правильномъ пониманіи православнаго вѣроученія и существа церкви, права и государства. Юристъ и богословъ, каждый съ своей точки зрѣнія, обыкновенно смѣшиваютъ эти границы, распространяютъ одинъ элементъ за предѣлы другаго или уединяютъ одинъ отъ другаго. Оттого-то они спорятъ, разсуждаютъ о церковно-судебной реформѣ, а въ итогѣ ихъ десятилѣтней работы не оказывается «никакихъ результатовъ», «Общія начала правильной постановки должны быть выведены изъ понятій о существѣ церкви, права и государства согласно съ современными научными юридико-политическими воззрѣніями на отношенія государства къ церкви и къ общественнымъ союзамъ», — именно вотъ какъ. Выписавъ изъ Пространнаго Православнаго Катихизиса опредѣленіе церкви, авторъ выводитъ изъ него тройное значеніе послѣдней: она 1) божественное установленіе, 2) общество людей для релігіозныхъ цѣлей, 3) общество, занимающее опредѣленное положеніе въ государствѣ. Разсмотрѣ-

рѣвъ церковь съ этихъ трехъ сторонъ, авторъ излагаетъ и разбираетъ два «одностороннія въ государственно-юридическомъ отношеніи воззрѣнія» на церковь, существующія въ нашемъ обществѣ: по одному церковь исключительно божественное учрежденіе, по другому—простое вѣдомство въ строѣ государственныхъ установленій. Рѣзкое выраженіе обонхъ крайнихъ воззрѣній авторъ указываетъ въ архіерейскихъ и консисторскихъ отзывахъ о комитетскомъ проектѣ, который построенъ на второмъ изъ этихъ неправильныхъ взглядовъ. Потомъ авторъ рассматриваетъ основанія, по которымъ соотвѣтственно тройному значенію церкви принадлежитъ ей судебная власть. Какъ установленію божественному, ей принадлежитъ судъ въ дѣлахъ личной нравственно-религіозной жизни, осуществляемый въ таинствѣ покаянія. Органы этого суда—епископы и священники и первые здѣсь не должны имѣть больше власти чѣмъ послѣдніе, и потому «непосредственный архіерейскій судъ» въ томъ видѣ, какъ онъ формулированъ въ 165 статьѣ Устава консисторій 1841 г. и какъ практикуется въ епархіяхъ, долженъ быть уничтоженъ. Какъ обществу для достиженія религіозныхъ цѣлей, церковь усвоится *общественная* судная власть. Авторъ пространно излагаетъ различныя доказательства въ пользу этой власти церкви. Она принадлежитъ ей, какъ клубу и всякому другому общественному союзу, имѣющему свои уставы и признанному государствомъ. О томъ же свидѣтельствуетъ *consensus gentium*: по изслѣдованіямъ ученыхъ, «во всякомъ религіозномъ обществѣ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала и существуетъ своеобразная религіозная судная власть, проявляющаяся во внѣшнихъ формахъ по отношенію къ его членамъ». Далѣе, это право церкви выражено прямо въ словахъ Спасителя (Мате. 18, 15—17) и ап. Павла (1 Коринте. 5, 35. 6, 5). Церковь, какъ общественный организмъ («Тѣло Христово»), должна принимать мѣры къ излѣченію религіозно-нравственныхъ болѣзней, поражающихъ ея отдѣльные члены. Церковно-общественная судная власть необходима, чтобы поддерживать и восполнять усилія отдѣльныхъ членовъ церкви въ исправленіи нравственныхъ недостатковъ ближнихъ въ духѣ братской любви и т. п. На основаніи законодательства вселенской церкви, сообщающаго этой власти твердую постановку и организацію, авторъ указываетъ особенности

церковно-общественнаго суда и его отношеніе къ государству. Наконецъ церкви, по исторически сложившемуся положенію ея въ государствѣ, послѣднее усовило судебную власть въ уголовныхъ преступленіяхъ и гражданскихъ дѣлахъ, по природѣ своей подлежащихъ вѣдѣнію государственной юрисдикціи. Эта судебная область, несовѣстная съ существомъ и назначеніемъ церкви, не основанная на канонахъ, постепенно вытѣснила изъ строя русской церкви дѣйствія церковно-общественной судебной власти или исказила истинный нравственный характеръ послѣдней. Авторъ подробно излагаетъ вредъ церковнаго суда по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ для обѣихъ сторонъ—и для церкви и для государства. Изъ всѣхъ своихъ размышленій авторъ извлекаетъ такое общее заключеніе: «церковно-судебная реформа въ настоящее время должна стоять: а) въ рѣшительномъ освобожденіи іерарховъ и правительственныхъ учрежденій церкви отъ уголовной власти, б) въ организаціи самостоятельнаго церковно-общественнаго суднаго права и церковно-общественной судной власти, независимой во внутреннемъ ея строѣ и дѣятельности отъ государства, но подъ апелляціею ея абиса къ государству и *ad principem*,—и въ томъ, чтобы организація эта соотвѣтствовала существу и назначенію церкви, а равне и началамъ законодательства вселенской церкви, которыя указываются въ книгѣ правилъ».

Мы старались отыгнать и изложить въ свѣдѣніи всѣ основныя мысли автора, держась по возможности подлинныхъ выраженій. При чтеніи многія мѣста статьи могутъ показаться нѣсколько странными и невразумительными; но это происходитъ отъ нѣкоторой своеобразности приемовъ мышленія и изложенія о. Горчакова. Развивая цѣпь своихъ мыслей, онъ, можетъ быть вслѣдствіе быстроты этого развитія, бросаетъ или теряетъ въ изложеніи нныя посредствующія звенья. Кто дастъ себѣ трудъ возстановить эти пропуски и привыкнуть къ оригинальной терминологіи автора, къ его ученымъ неологизмамъ, къ *церковно-судебному праву*, *судноіерархической* или *судногражданской* власти, къ *юридико-политическому* основанію и т. п., — тому ходъ мыслей и построеніе статьи о. Горчакова представятся довольно ясно. Когда возбужденъ былъ вопросъ о преобразованіи церковнаго суда, за рѣшеніе его ухватились, по мнѣнію автора, двѣ силы, гл-

нушія въ противоположныя стороны: чиновники вѣдомства православнаго исповѣданія, господствуя въ центральныхъ учрежденіяхъ главнаго духовнаго управленія, стремятся внести бюрократизмъ и начала государственности въ епархіи; высшая іерархія, господствующая въ послѣднихъ, считаетъ не только сохранить свое абсолютизмъ въ епархіальномъ управленіи, но утвердить свое влияние и въ центральныхъ церковныхъ учрежденіяхъ. Эта борьба шла и въ комитетѣ 1870 г. и въ печати. Въ штыку ея были забыты двѣ другія силы: наука и блага духовенство. Во имя ихъ пренебреженныхъ интересовъ авторъ и возвысилъ теперь свой голосъ.

Наука, разумѣется, не можетъ быть стороной, практически-заинтересованной въ дѣлѣ: ее, правда, часто оскорбляютъ, но отъ этого страдаютъ сами оскорбляющіе; а не она; но ирайней мѣрѣ она не жалуется на свои страданія и обыкновенно сама встаетъ за оскорбленія. Следовательно въ О. Горчаковѣ можно видѣть собственно представителя блага духовенства, который защищаетъ интересы своихъ довѣрителей оружіемъ науки. Въ представительствѣ ученомъ или литературномъ, а не юридико-политическомъ, выражаясь терминномъ автора; очень трудно увѣрять полномочія: здѣсь обыкновенно никто, никто не уполномочиваетъ, и довѣритель и уполномоченный являются добровольными и часто со стороны послѣдняго произвольными функциями. Но если О. Горчаковъ увѣрять, что онъ прежде печатанія статьи «обсѣдовалъ объ ея содержаніи со многими священниками, даже пречитывалъ ихъ: ея отрывки въ возвратилъ въ нихъ единичность воззрѣній и убѣжденій по ея содержанію», — то что же остается читателю, какъ не поверить этому увѣренію? Правда, здѣсь возникаетъ нѣкоторое недоумѣніе: О. Горчаковъ пишетъ, что «духовенство смотритъ на духовно-судебную реформу именно со стороны ея практическаго значенія и въ ней хочетъ найти начало своего обществннаго возрожденія». Между тѣмъ самъ онъ разсматриваетъ вопросъ чисто-теоретически; ничего не строитъ, а только выясняетъ научныя основанія; указываетъ начала для научной постановки церковнаго суда; онъ даже замѣчаетъ въ началѣ статьи, что она чужда всякой практической дѣли, желаніе дѣлать какое бы то ни было дѣлать самостоятельную работу по вопросу о церковно-судебной реформѣ.

Но въ нашемъ обществѣ,—это можно сказать смѣло,—немногіе думали, даже едвали кто думалъ, что у блага духовенства такое платоническое отношеніе къ дѣлу, что весь интересъ, возбужденный въ немъ вопросомъ о реформѣ церковнаго суда, ограничивается холодной и голодной областью научныхъ теорій или ученыхъ идеаловъ. Изъ словъ о. Горчакова видно, что разсматриваемая статья не послѣднее его слово по вопросу о церковномъ судѣ. Прилагая къ статьѣ общій планъ вѣдомства церковнаго суда, его устройства и производства,—планъ, построенный на основаніи изложенныхъ въ статьѣ теоретическихъ разсужденій, онъ замѣчаетъ, что дѣлаетъ это потому, что не имѣетъ возможности теперь же представить «цѣльный трактатъ о церковно-судномъ правѣ»; онъ даетъ понять, что со временемъ подробно изложитъ предметы, указанные въ этомъ планѣ, «равновѣтъ церковно-судное право подробно, согласно съ научными началами и въ виду практическихъ цѣлей». Но пока этого трактата нѣтъ, ни теорія автора ни извлеченная изъ нея программа церковнаго суда не дадутъ и приблизительнаго понятія о той практической роли или о томъ положеніи, какое авторы готовятъ общему духовенству въ создаваемомъ имъ судебномъ отроѣ русской церкви.

Несмотря на это недоумѣніе, которое авторъ разсѣетъ, надѣясь, со временемъ,—статью его слѣдуетъ, очевидно, разсматривать съ точки зрѣнія интересовъ блага духовенства, чтобы установить правильный взглядъ на нее. Прежде всего можно замѣтить, что если она дѣйствительно голосъ изъ среды блага духовенства, то надобно признать ошибочнымъ общерапространенное мнѣніе о заботѣ и крайнемъ сжареніи этого класса. Подъ перомъ о. Горчакова онъ говоритъ; если только говорить именно этотъ классъ, безъ излишней скромности. Если по истинѣ мысль автора выискивается медленно, то фигура его самого часто выпрыгиваетъ очень выпукло. Онъ говоритъ такъ рѣшительно, смотритъ на настоящее и будущее русской церкви такъ твердо и взглядомъ, что, думаешь: невозможно, еслибы ему пришлось присутствовать на помѣстномъ соборѣ русской церкви по дѣлу о церковно-судебной реформѣ и «еслибы тамъ онъ сохранилъ тоже присутствіе духа, какъ въ своей статьѣ, то дождавшись раздѣла бы такой голосъ: вы, епископы, теологи-кашкетеры

ab consistoriis», ученые юристы, чиновники вѣдомства православнаго исповѣданія и вся пниущая братія! вы судите и ридите о дѣлѣ, а не знаете научныхъ основаній его; я молчалъ до сихъ поръ; теперь послушайте, что я скажу вамъ. Эта фивитивная рѣчь не произвольная фантазія читателя, а очень настойчивое внушеніе самого автора. Въ отзывахъ епархіальныхъ аркіереевъ о проектѣ онъ не находитъ основныхъ принциповъ, на которыхъ должна быть произведена реформа церковнаго суда. Обо всѣхъ произведеніяхъ печати, разсматривавшихъ этотъ вопросъ, по его мнѣнію несправедливо и невѣрно утверждать, что они разъяснили научно начала, на которыхъ должно быть поставлено церковно-судебное право въ Россіи. Во многихъ журнальныхъ статьяхъ по вопросу объ этой реформѣ онъ находитъ такую путаницу, что иногда даже онъ, специалистъ церковнаго права, становился въ раздумье, «не вида, чтобы нублицистъ сколько-нибудь понималъ то, относительно чего онъ взялся просвѣщать русское общество». По его скромному мнѣнію, «не только въ нашемъ обществѣ, но и въ средѣ лицъ, призванныхъ и имѣющихъ официальные отношенія къ разрѣшенію вопроса о духовно-судебной реформѣ, господствуютъ смутанныя, сбивчивыя и даже неправильныя понятія о существѣ церкви и объ отношеніяхъ къ ней государства, — и мы, прибавляетъ авторъ, лично готовы по своимъ силамъ содѣйствовать, съ точки зрѣнія науки, разъясненію церковно-суднаго права и устраненію недоразумѣній въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ». Если постороннему человѣку растолковать смыслъ этихъ словъ, онъ навѣрное воскликнетъ: въ какомъ же ужасномъ положеніи находится важна православная русская церковь, если не только чиновники вѣдомства православнаго исповѣданія, не только консисторіи и ученые писатели-канонисты, но и призванные къ разрѣшенію вопроса члены комитета, даже іерархи, высшіе пастыри церкви имѣютъ такіа неправильныя понятія не о чемъ-либо второстепенномъ, а именно о сущности церкви, — понятія проста-на-просто «несогласныя съ вѣрученіемъ самой церкви», — и какую печальную ошибку сдѣлалъ св. Синодъ, не призвать автора въ комитетъ для составленія проекта церковно-судебной реформы!

Будемъ однако надѣяться, что о. Горчаковъ нѣсколько преувеличалъ ужасъ положенія между прочимъ именно потому, что

не былъ въ числѣ лицъ, призванныхъ и имѣющихъ официальные отношенія къ разрѣшенію вопроса о духовно-судебной реформѣ, т.-е. не имѣлъ случая взглянуть на дѣло простымъ практическимъ взглядомъ. Мы даже думаемъ, что изъ-подъ пера его сказалось далеко не то, что онъ предполагалъ сказать. Попробуемъ съ авторомъ смотрѣть на положеніе дѣла возможно трезвѣе, ставъ въ позицію наблюдателей, единственно приличную людямъ, которые держатъ знамя науки, и будемъ стоять смиренно и скромно, не порываясь на арену боя и не мѣшая практическимъ дѣателямъ, не смущая ихъ ни ободреніями ни порицаніями.

Вмѣстѣ съ слухами о характерѣ замѣчаній на проектъ комитета, представленныхъ епархіальными архіереями, стало распространяться мнѣніе, что проекту не будетъ дано дальнѣйшаго законодательнаго развитія.

Жалѣтъ ли объ этомъ и будутъ ли жалѣтъ, если опасеніе оправдается? Во всякомъ случаѣ мы не раздѣляемъ пессимизма, съ которымъ о. Горчаковъ относится къ тому, что было высказано о церковно-судебной реформѣ въ печати.

На нашъ взглядъ о. Горчаковъ не вполне точно представляетъ себѣ побужденія, руководившія и печатной полемикой по вопросу о реформѣ церковнаго суда и партіями, на которыя раздѣлился комитетъ по этому вопросу. Въ этой полемикѣ и въ этихъ партіяхъ онъ видитъ борьбу чиновниковъ вѣдомства православнаго исповѣданія съ архіереями, борьбу, призомъ которой служить бѣлое духовенство. Онъ драматически выражаетъ стремленіе обѣихъ борющихся сторонъ такими словами: «отдайте намъ духовенство въ полное наше распоряженіе,—и пусть государство не виѣшивается въ наши отношенія къ духовенству.»

Итакъ, по мнѣнію о. Горчакова, когда возникъ вопросъ о реформѣ церковнаго суда, задуманы были два завоеванія, направленные на одну добычу. Бѣлому духовенству съ двухъ сторонъ грозила опасность стать военнопленнымъ. Можетъ быть, авторъ посвященъ въ тайны главнаго штаба обѣихъ борющихся сторонъ. Но если судить объ ихъ стратегическихъ планахъ по тому, что напечатано до сихъ поръ, то не легко найти достаточно доказательствъ въ пользу полной достовѣрности свидѣтельствъ о. Горчакова. Такъ чиновниковъ вѣдомства православнаго исповѣданія трудно будетъ опровергать, если они скажутъ, что про-

тивники іерократіи хлопотали далеко не объ одномъ только проведеніи чиновничьяго вліянія въ епархіальное управленіе. До сихъ поръ въ проектахъ духовно-судебной реформы извѣстенъ одинъ началъ, которымъ думаютъ провести это вліяніе, свѣтскій прокурорскій надзоръ при проектируемыхъ духовныхъ судахъ. Стороны, обозначившіяся въ печати по вопросу о духовно-судебной реформѣ, сданы въ статьѣ о Горчакова въ одно съ представителями обоихъ направлений въ комитетѣ 12 января 1879 г. Между тѣмъ въ числѣ учено-литературныхъ сотрудниковъ комитета, совѣтами которыхъ пользовались члены именно бюрократическаго направленія, были люди, самымъ энергическимъ тономъ высказывавшіеся противъ чиновничьяго вліянія въ церковномъ судѣ и слѣдовательно противъ прокуратуры изъ свѣтскихъ лицъ. Такъ покойный Н. К. Соколовъ, безъ сомнѣнія первый по таланту литературный представитель направленія, называемаго о. Горчаковымъ *бюрократическимъ*, заявлялъ, что епархіальная прокуратура при церковныхъ судахъ, лишняя церковнаго характера, «повлечетъ за собою усиленіе въ церковномъ управленіи и жизни излишней централизаціи и бюрократіи», которыя онъ рѣшительно считалъ «несогласными съ основными началами каноническаго порядка». И въ первомъ проектѣ комитета нѣтъ и помину о свѣтской епархіальной прокуратурѣ и нѣтъ признака желанія усилить бюрократическое вліяніе въ церковномъ судѣ. Если о. Горчакову извѣстны обстоятельства рожденія послѣдняго комитетскаго проекта, теперь обсуждаемаго епархіальными властями, онъ знаетъ, что побужденія, создавшія проектъ этой прокуратуры, далеко не раздѣлялись воѣми, кого нашъ авторъ ставитъ въ бюрократическій лагерь. Мысль, возбуждавшая вопросъ о преобразованіи церковнаго суда, была вызвана къ тому конечно вовсе не слабостью бюрократическаго элемента въ епархіальномъ управленіи; общество, отнесшееся съ такимъ сочувствіемъ къ вопросу, также не имѣло причины желать усиленія этого элемента; люди, писавшіе противъ епископскаго полномочія, сами члены комитета духовно-судебной реформы, въ первое время были противъ этого усиленія; мысль о свѣтской прокуратурѣ навѣяна уже потомъ со стороны и повидному была подержана въ комитетѣ и печати побужденіями очень далекими отъ интересовъ бюрократіи — и характеризовать одну изъ сторонъ

въ спорѣ стремленіемъ, которое не ею создано и не всею ей раздѣлялось, значить по меньшей мѣрѣ повѣствовать неточно.

Итакъ далеко не одни интересы бюрократіи написаны были на знамени лагеря, ставшаго нѣсколько лѣтъ назадъ противъ вышей іерархіи нашей церкви. «Отдайте намъ духовенство въ полное наше распоряженіе»: такъ выражаетъ о. Горчаковъ стремленія борющихся сторонъ, бюрократіи и іерократіи. Разумѣется, рѣчь идетъ о низшемъ духовенствѣ и преимущественно бѣломъ. Въ самомъ ли дѣдѣ это духовенство поставлено было въ положеніе страдательнаго зрителя поднявшейся борьбы, хотя обѣ борющіяся стороны видать именно въ немъ военную добычу, и дѣйствительно ли оно присутствовало при состязаніи въ качества добычи, искренно выжидая его исхода, чтобы узнать, кому протянуть руки для принатія оковъ? Если судить о намереніяхъ воюющихъ сторонъ по тѣмъ проектамъ церковно-судебной реформы, которые стали извѣстны въ печати, то бѣлому духовенству готовили участь, очень мало похожую на положеніе завоеваннаго класса. Всѣ проекты противоположной стороны, разняшіеся между собою болѣе въ техническихъ подробностяхъ нежели въ духѣ и основной мысли, отдають всецѣло въ руки бѣлаго духовенства судъ по малозначительнымъ дѣламъ и первую инстанцію суда по предметамъ болѣе важнымъ. Участковый духовный судья избирается изъ пресвитеровъ мѣстнымъ духовенствомъ съ участіемъ представителей отъ приходовъ. Епархіальный архіерей обязанъ утвердить правильно избраннаго судью; утвержденный такимъ образомъ духовный судья не смѣняемъ и дѣйствуетъ независимо отъ епархіальнаго архіерея; надзоръ за судьей принадлежитъ епархіальному пресвитерскому или окружному суду и только по одному проекту епархіальному архіерею. Такое же значеніе дается бѣлому духовенству и въ образованіи второй инстанціи, какъ коллегіальнаго суда пресвитеровъ въ епархіи по плану Н. К. Соколова и по первому проекту комитета, такъ и окружнаго суда для нѣсколькихъ епархій по другимъ проектамъ того же комитета. Члены пресвитеры того и другаго суда избираются депутатами духовенства епархій при участіи представителей отъ земства и утверждаются подобно духовнымъ судьямъ епархіальнымъ архіереемъ по послѣднему проекту комитета или св. Синодомъ, какъ предполагали другіе

проекты. Въ судопроизводствѣ епархіальному архіерею дается какая нибудь несущественная функція. Такимъ образомъ на всемъ судебномъ пути до св. Синода бѣлое духовенство является не жертвой, а господствующей силой, въ однихъ проектахъ единственной, въ другихъ раздѣляющей свое господство съ свѣтской прокуратурой. Даже въ проектѣ противоположной стороны, отстаивающей неприкосновенность судебной власти епархіального епископа, нельзя не замѣтить усилія возможно бережно отнестись къ бѣлому духовенству, создать въ проектируемомъ судебномъ порядкѣ достойное его сана положеніе, не умаляя каноническихъ правъ епископства. Духovenство съ участіемъ представителей земства выбираетъ пресвитеровъ, изъ среды которыхъ назначаются участковые духовные судьи и члены судебной коллегіи подъ предѣдательствомъ епархіального архіерея; первые назначаются архіереемъ, вторые по его представленію св. Синодомъ. Члены коллегіи несмѣлимы безъ суда; определенъ кругъ дѣлъ, по которымъ приговоръ духовнаго судьи-пресвитера имѣетъ окончательную силу. Архіерей можетъ передавать свое предѣдательство въ епархіальномъ судѣ и старшему члену-пресвитеру въ дѣлахъ меньшей важности; архіерей-предѣдатель суда не имѣетъ обвинительной власти. Непосредственный судъ архіерея сохраняется; но привлекаемый къ нему можетъ просить себѣ предварительнаго формальнаго суда¹⁾. Все это показываетъ, что и іерократическая сторона не предавала полному пренебреженію интересовъ низшаго духовенства.

Намъ кажется, о. Горчаковъ представляетъ себѣ такъ неточно борющіяся стороны и предметъ борьбы потому, что основываетъ свои представленія не на сущности дѣла, а на страстяхъ, которыя къ нему прижѣшались, или на искаженіяхъ, которымъ оно подвергалось при своемъ развитіи. Къ числу такихъ страстей или искаженій принадлежитъ и мысль объ отнятій судебной власти у епархіального архіерея. Какъ только возбужденъ былъ вопросъ о духовно-судебной реформѣ, эта мысль стала утверждаться въ обществѣ и можетъ быть даже нѣкоторые не особенно разборчивые участники возникшей полемики изъ про-

¹⁾ *Предполагаемая реформа церк. суда*, вып. 2-й. См. особый проектъ на стр. 305—363.

твоепископскаго лагеря сѣдѣствовали уснѣху мнѣнія, будто объ этомъ и идетъ споръ, въ этомъ сущность дѣла, задача принимаемой реформы. Между тѣмъ ни благоразумные и серьезные писатели либеральнаго направленія, ни комитетъ духовно-судебной реформы въ своихъ проектахъ не ставили такъ вопроса: они не говорили прямо, что слѣдуетъ отнять у епархіальнаго архіерея судебныя полномочія, утвержденныя за нимъ законодательствомъ вселенской церкви, не отвергали судебной власти епископа въ принципѣ, не хотѣли канонической революціи. Напротивъ они съ большей или меньшей рѣшительностію выражали мысль, что право духовнаго суда въ епархіи усвоено канонами ея епископу и что всякое дѣйствіе, заключающее въ себѣ грѣховный элементъ, подлежитъ этому суду. По крайней мѣрѣ покойный Н. К. Соколовъ, который считался вождемъ противоепископской стороны въ литературной полемикѣ, въ статьяхъ своихъ съ большою энергіею отвергалъ обвиненіе въ посягательствѣ на судную власть епископовъ въ церкви не только за себя, но и за другихъ участниковъ полемики одинаковаго направленія.

Чего же хотѣли, если не хотѣли ни завоеванія низшаго духовенства въ пользу епископа или синодальнаго чиновника, ни отнятія судной власти у епархіальнаго архіерея? Въ чемъ дѣло?

Надобно припомнить, какъ поставлена была задача, возложенная на комитетъ духовно-судебной реформы. Ему было поручено «составить основныя положенія преобразованія духовно-судебной части, сообразно тѣмъ началамъ, на которыхъ совершено преобразование судеустройства и судопроизводства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, по принятію сихъ началъ, насколько это окажется полезнымъ и возможнымъ, къ свойствамъ, дѣлнмъ и потребностямъ суда духовнаго».

Ясно, что задача комитета преимущественно, если не исключительно техническая: ему вовсе не было поручено создать новый духовный судъ, его порядокъ, начала и формы. Онъ долженъ былъ примѣнить начала, проведенныя въ свѣтскихъ уставахъ, къ духовному управленію и суду, не касаясь положеній каноническаго права, на которыхъ основаны духовное управленіе и духовный судъ. Такъ и понималъ комитетъ свою задачу, судя по его запискѣ. Такъ же представляли себѣ задачу духовно-судебной реформы и органы прогрессивной стороны въ печати.

Всю сущность этой задачи они видѣли въ томъ, чтобы примѣнить уже выработанныя и твердо поставленныя начала къ свѣтству, цѣлямъ и потребностямъ духовнаго суда и — что всего важнѣе — не исказить, не ослабить тѣхъ высокаихъ принциповъ какъ каноническаго, такъ и современнаго общепризнаннаго права, въ которыхъ заключается вся сущность ожидаемой реформы²⁾. Не входя въ теоретическій разборъ ни каноническаго ни современнаго общепризнаннаго права, эта печать ставила чисто практическій вопросъ: насколько примѣненіе началъ современнаго права согласно съ каноническими принципами духовнаго суда, не стоятъ ли тѣ и другіе въ противорѣчій между собою? Разсмотрѣніе этого вопроса приводило изслѣдователей къ выводу, что несмотря на нѣкоторыя затрудненія примиреніе возможно, что существенныя основы свѣтскаго суда, раздѣленіе суда и администраціи, несмѣняемость судей, гласность и т. п. не встрѣчаютъ неодолимаго препятствія въ церковныхъ канонахъ. Чисто-практическія побужденія были выставлены и источникомъ такой постановки вопроса о реформѣ: это — отсутствіе гарантій справедливости въ современной практикѣ епархіальнаго суда, характеръ большей части судебныхъ дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ, возникающихъ изъ чисто-служебныхъ отношеній духовенства, престоеръ административному произволу въ судопроизводствѣ, необходимость освободить пастырскую дѣятельность епархіальнаго епископа отъ обязанностей бюрократическихъ и т. п. Нашъ вопросъ — о самостоятельной постановкѣ суда надъ епархіальнымъ духовенствомъ по служебнымъ обязанностямъ въ двухъ низшихъ инстанціяхъ, объ удаленіи его отъ разшатывающихъ вліяній административнаго произвола, о болѣе правды и законной постановкѣ служебныхъ и должностныхъ отношеній нашего духовенства къ административной власти въ епархіи³⁾.

Итакъ сторонники духовно-судебной реформы въ духѣ уставовъ 1864 г. стремились къ чисто-практической цѣли, улучшенію служебнаго положенія низшаго духовенства, и надѣялись до-

²⁾ *Основныя начала суд. реформы въ примѣн. къ духовн. суду*, Н. К. Содолова, въ „Правосл. Обзор.“ 1871 г., № 3, стр. 325.

³⁾ *О раздѣленіи суда и администраціи въ епарх. вѣдомствѣ*, М. Д. Содолова, въ „Прав. Обзор.“ 1871, № 11, стр. 681.

стигнуть этой цѣли техническимъ усовершенствованіемъ устройства духовнаго суда по образцу, данному государствомъ. Но вотъ что странно на первый взглядъ: между тѣмъ какъ эта сторона вращалась въ области практическихъ цѣлей и прикладныхъ разсужденій, противники ея отвѣчали ей только принципами, держались въ сферѣ теорій и рѣдко нисходили на одно съ нею поле. Стоитъ только припомнить апологіи г. Лаврова, статьи «Русскаго міра» и «Моск. Епарх. Вѣдомостей» 1872 г., «Предполагаемую реформу церковнаго суда» неизвѣстнаго автора, чтобы убѣдиться, что противники стояли не на одинаковой почвѣ, доказывали или оспаривали не одно и тоже. Одни говорили: вотъ какъ слѣдуетъ устроить духовный судъ согласно съ уставами 1864 г. и въ виду современныхъ потребностей. Другіе возражали: но вселенское законодательство только архіерею даетъ судебную власть.—Да мы и не думаемъ отнимать судебную власть у архіерея, отвѣчали первые.

Мы теперь можемъ понять, что значилъ этотъ діалогъ. Логическая несообразность его объясняется обычнымъ свойствомъ полемики: отвѣчающій нападаетъ не на самое положеніе противной стороны, а на его источникъ или послѣдствія. Это однакожь не мѣшаетъ спорящимъ понимать другъ друга.

Прогрессивная сторона — будемъ пока такъ называть ее — строила свои планы духовнаго суда на принципѣ отдѣленія судебной власти отъ административной. Въ областномъ управленіи государства этотъ принципъ поставилъ судъ независимо отъ губернатора. Въ церковномъ управленіи губернатору соответствуетъ епархіальный архіерей. Губернаторъ можетъ и не быть судьей и даже не долженъ быть имъ, оставаясь губернаторомъ. Въ правительственномъ авторитетѣ епархіальнаго архіерея есть элементъ, соответствующаго которому нѣтъ въ губернаторской власти: онъ есть единственный совершитель таинства священства и въ силу этого ему одному принадлежитъ власть судить о томъ, какъ проходитъ свою должность духовенство, отъ него получившее посвященіе. Слѣдовательно епископъ, оставаясь епископомъ, не можетъ не быть судьей въ своей епархіи. На основаніи политическаго принципа раздѣленія властей, въ предложеніи его къ церковному управленію, скорѣе можно отобрать у архіерея собственно-административныя дѣла по епархіи, но никакъ не судебную власть.

Прогрессивная сторона и не отнимаетъ у него этой власти въ принципѣ; но на практикѣ она обставляетъ ее такими формами, которыя устраняютъ ее отъ существенныхъ судебныхъ функцій, дѣлаютъ епископа номинальнымъ, фиктивнымъ судьей въ епархіи. Это раздвоеніе принципа и практики, создаваемое прогрессивной стороною, всего яснѣе выступаетъ въ проектѣ духовнаго суда, построенномъ на теоріи порученія. По примѣру древней церкви епископъ *можетъ* передавать свою судебную власть въ отдѣльныхъ случаяхъ пресвитерамъ. По указанной теоріи первый *долженъ* передать свою юрисдикцію на всѣ случаи пресвитерамъ, которые вслѣдствіе этого становятся органами судебной власти епископа. Такимъ образомъ въ строй церкви вносится элементъ фикціи, юридической сдѣлки. Въ области государственной юридическая фикція очень обыкновенный способъ примиренія противоположныхъ интересовъ; въ каждомъ изъ существующихъ государственныхъ порядковъ есть много такихъ фикціи: необходимость ихъ вытекаетъ изъ самой природы людскихъ интересовъ и отношеній, составляющихъ область государства. По самой природѣ христіанской церкви въ ней всѣ отношенія должны быть нравственно-реальны. Слѣдовательно внося въ нее юридическую фикцію, внося элементъ противный ея природѣ. Ставъ на этотъ путь въ преобразованіи церковнаго строя, можно и, если потребуютъ, должно будетъ дойти до такихъ послѣдствій, которыхъ не пожелаетъ никто изъ вѣрующихъ. Этого втораго затрудненія прогрессивная сторона не устраняетъ, какъ она устранила первое. Но возникаетъ и третье затрудненіе.

Прогрессивная сторона настаивала на возможно широкомъ приложеніи уставовъ 1864 г. къ новому устройству духовнаго суда, совѣтовала ввести въ послѣдній и принципъ раздѣленія властей и особый прокурорскій надзоръ и присяжныхъ и т. д. Можно назвать придирчивымъ того, кто сталъ бы указывать на нѣкоторыя относительно неважныя противорѣчія, вытекающія изъ такого перенесенія формъ и началъ государственнаго суда на судъ церковный, кто бы сталъ доказывать, что неудобно копировать судъ для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лицъ съ судебного механизма, рассчитаннаго на нѣсколько десятковъ милліоновъ, что цѣль свѣтскаго суда прежде всего соразмѣрится возмездіе съ степенью правонарушенія и пресѣчь виновнымъ возможность его продолженія, тогда

какъ судъ церковный по свойству ббльшей части подсудныхъ ему правонарушенийъ долженъ прежде всего стремиться къ нравственному исправленію правонарушителя. Подобныя возраженія теряютъ большую долю своей силы передъ господствующимъ убѣжденіемъ, что дѣйствующій свѣтскій судъ по своему характеру и строю лучшій изъ возможныхъ въ настоящее время. Начала такого суда желательны и въ судѣ духовномъ. Но тутъ возникаетъ противорѣчіе болѣе общее и серьезное. Каждая изъ судебныхъ организаций, пережитыхъ гражданскимъ обществомъ, въ свое время была лучшей изъ возможныхъ. «Уподобленіе суда духовнаго судамъ государства, — читаемъ въ запискѣ комитета духовно-судебной реформы, — и согласіе перваго съ послѣднимъ въ дѣйствіяхъ составляютъ всегдашнее основное начало историческаго развитія суда духовнаго и въ древней вселенской и въ особенности въ нашей русской церкви». Предоставляемъ знатокамъ судить, насколько древняя вселенская церковь старалась уподобить свой судъ государственному въ формахъ и началахъ. Если исключить всѣ факты, въ которыхъ выразилось прямое дѣйствіе церковнаго права и церковныхъ понятій на устройство государственнаго суда въ древней Руси, то мнѣніе комитета будетъ справедливо и въ отношеніи къ исторіи нашей русской церкви.

Но что же изъ этого вышло? Въ первые вѣка нашей христіанской жизни церковь своимъ правительственнымъ строемъ очень мало уподоблялась строю гражданскаго общества; но люди, знакомые съ фактами нравственной и юридической жизни русскаго общества, знаютъ, что церковь производила тогда замѣтное и благотворное дѣйствіе не только на нравственный, но и на юридическій бытъ народа. Мы хотимъ сказать не то, что здѣсь одно было причиной другаго, а то, что одно не мѣшало другому, несходство въ строѣ не мѣшало «согласію въ дѣйствіяхъ». Въ послѣдующее время, когда образовалось московское государство, слѣды такого же дѣйствія церкви на гражданское общество становятся менѣе замѣтны. За то управленіе и судъ церкви очень уподобились управленію и суду государства. Церковь усвоила приказный порядокъ, установившійся въ государственномъ управленіи. Извѣстенъ фискальный характеръ приказнаго порядка: въ сущности всѣ функціи внутренняго управленія сведены были на

эксплуатацію подлежащаго тяглу народнаго труда. Въ такое же отношеніе стали патріаршіе и архіерейскіе приказы къ платящему духовенству. Съ начала XVIII в. въ государственномъ управленіи и судѣ торжествуетъ коллегіальная форма; вытѣсняя прежній приказный порядокъ, она давала возможность дѣйствовать въ управленіи такимъ нефискальнымъ государственнымъ стремленіямъ, которымъ не было мѣста въ прежнемъ порядкѣ. И церковь начинаетъ облекаться въ коллегіальныя формы. Духовная коллегія становится на мѣсто патріарха. Духовныя коллегіи появляются и въ епархіяхъ при архіереяхъ. Духовный регламентъ вмѣняетъ въ обязанность епархіальнымъ архіереямъ, въ случаѣ продолжительной болѣзни или отлучки изъ епархіи, опредѣлять къ дѣламъ «нѣкоего умнаго и житіемъ честнаго мужа; архимандрита или игумена, придавъ къ нему въ помощь и другихъ нѣсколько умныхъ же человекъ отъ монашескаго или священническаго чина», т.-е. устроить то, что потомъ стало называться консисторіей; такіе «чрезвычайныя», по выраженію регламента, управители превратились съ половины XVIII в. въ постоянныя столь извѣстныя теперь коллегіи при архіерейскихъ кафедрахъ. Въ московской епархіи уже въ 1721 г. находимъ такую коллегію съ судебнымъ характеромъ подъ именемъ духовной дикастеріи: предсѣдатель въ ней крутицкій архіерей, члены—почетившіе московскіе архимандриты. Коллегіальныя учрежденія государства испортились, не просуществовавъ и вѣка; порча эта давно коснулась и церковныхъ коллегій. Въ оба періода, и въ приказный и въ коллегіальный, согласіе государственнаго и церковнаго управленія въ дѣйствіяхъ, разумѣется, не нарушалось; но это согласіе и не есть высшая цѣль церковнаго управленія. Въ текущее столѣтіе стала складываться новый строй правительственныхъ учрежденій. Нѣтъ нужды объяснять его характеръ, всѣмъ хорошо извѣстный. Одну изъ главныхъ частей его механизма составляетъ новый судъ. Хозяйственная жизнь епархіи уже испытала на себѣ примѣненіе началъ, проведенныхъ въ земскихъ учрежденіяхъ губерній. Теперь на очереди вопросъ о проведеніи въ церковное судопроизводство началъ новаго государственнаго суда. Предположимъ, что случилось то, что можетъ случиться, но чего пожалуй и не случится, предположимъ, что духовный судъ устроится подобно тѣмъ началамъ, на осно-

важны которыхъ совершенно преобразованіе суда по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ». Въ какое отношеніе станетъ тогда сторона прогрессивнаго движенія въ устройствѣ церкви и къ прошедшему и къ будущему? Въ сущности ея стремленіе получить цѣль и характеръ консервативнаго продолженія *status quo* церкви, созданнаго исторіей, и желаніе быть послѣдовательной заставить ее доказывать въ принципѣ разумность и правильность этого историческаго развитія церковнаго нашего устройства, что и трудно и неприятно, чего можно было не дѣлать доселѣ. Такого же свойства и прогрессъ, который откроется въ перспективѣ будущаго. Внутреннія силы нашего гражданскаго общества еще настолько молоды, элементы его настолько сложны, что общають продолжительное развитіе, много новыхъ разнообразныхъ сочетаній, которыя будутъ вносить соотвѣтственные измѣненія въ строй гражданскаго общества. И церковное общество будетъ плестись за этими измѣненіями, ожидая каждый разъ новыхъ преобразовательныхъ комитетовъ, требуя новыхъ проектовъ, сообразныхъ съ началами гражданскаго, военного и морскаго вѣдомствъ. Каждый разъ это будетъ задавать лишнюю беспокойную и утомительную работу государственному законодательству и никогда не сведетъ церковнаго строя съ пути колебаній, не поставитъ его на дорогу правильнаго, послѣдовательнаго и самобытнаго развитія, потому что толчокъ къ движенію будетъ получаться со стороны, принципы и цѣли будутъ заимствоваться изъ постороннихъ источниковъ, а не изъ собственныхъ внутреннихъ потребностей: у гражданскаго общества свой ростъ, свои силы и потребности, свой путь развитія, который не всегда сходился и не всегда будетъ сходиться съ тѣмъ, по которому назначено идти обществу церковному.

Читая статьи Н. К. Соколова, живо чувствуешь въ авторѣ сознаніе указанныхъ затрудненій. Съ неменьшею силой сознали ихъ и его противники. Это была общая почва, на которой дружно могли встрѣтиться обѣ стороны. Но обычныя послѣдствія полемики помѣшали имъ сойтись и разъяснить взаимныя недоразумѣнія. И люди консервативнаго взгляда на дѣло, подобно своимъ противникамъ, не договаривали всего. Здѣсь источники подзвѣнія и нареканій, которымъ они подвергались. Имъ порицали за нахвостія, которыхъ они не высказывали, по которымъ въ нихъ

предполагали; не хотѣли вѣрить существованію у нихъ стремленій, которыя они только не рѣшались выразить прямо. Большая откровенность съ обѣихъ сторонъ облегчила бы трудъ летописца или историка церковныхъ явленій; но ея недостатокъ не освобождаетъ его отъ обязанности изобразить явленіе въ дѣйствительномъ видѣ. Консервативная сторона ратовала противъ проектированныхъ нововведеній; со стороны подумали, будто она оправдываетъ и отстаиваетъ существующій порядокъ въ принципахъ и подробностяхъ. Но если приложить строго къ этому порядку начала, ею проповѣдуемая, то разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ этого порядка, окажется не меньше того, которое лежитъ между ними и проектированными нововведеніями. Газетныя статьи, развивая мысли Н. К. Соколова, часто измѣняли, расширяли ихъ настоящій смыслъ. Здѣсь подъ часъ подвергались вопросу каноническія основанія церковнаго порядка; здѣсь вопросъ объ ограниченіи произвола въ епархіальномъ управленіи свелъ къ вопросу объ отнятій судной власти у епархіальнаго архіерея и къ рѣзкому противоположенію стремленія и привычекъ высшей іерархіи интересамъ блага духовенства. Историческое развитіе церковнаго управленія, созданное исторіей подожженіе церкви въ государствѣ секуляризовало уже не мало такого, что по существу своему имѣетъ духовный характеръ. Передъ этиаъ двойнымъ натискомъ прошедшаго и настоящаго консервативы ухватились за самыя первыя основанія церковнаго порядка. Это сообщало сухость, отвлеченность, даже нѣкоторую педантичность ихъ полемикѣ въ глазахъ публики. Но повторяя всюду одни и тѣже первоначальныя основанія церковнаго порядка, они стояли за то, чѣмъ не могли не дорожить и ихъ противники. Они стояли за нравственный авторитетъ церковной власти, который не можетъ быть твердъ, когда колеблются его основы; имъ не чужда забота о достоинствѣ, о вліяніи церковной іерархіи, которое существенно страдаетъ отъ раздвоенія интересовъ различныхъ ея степеней. Назвать эти стремленія іерократическими или ультрамонтанскими не только не точно: это и несправедливо. Отъ о. Горчакова сильно досталось и въ руководящей его статьѣ и въ разборѣ архіерейскихъ мнѣній о проектѣ комитета отечественнаго Преосвященнаго московскаго: онъ подчеркнул не только мысли, но и выраженія пастыря, обставивъ ихъ заботливо значащими, ве-

проса и удивленія. За его доказательства въ пользу непосредственнаго архіерейскаго суда авторъ обвиняетъ его въ ультрамонтанствѣ, іезуитствѣ, въ желаніи ввести нѣкѣшную, «самую безграничную и безконтрольную» расправу епископа съ клириками». Преосвященный вырастаетъ у о. Горчакова въ ужасный образъ съ чертами католическаго инквизитора старинныхъ временъ. Стоитъ прочесть мнѣніе Преосвященнаго, чтобы разочароваться самымъ пріятнымъ образомъ. Преосвященный конечно писалъ свое мнѣніе не для учебнаго хрестоматіи русскаго языка и не думалъ, что вѣрнее привлечь его къ ответственности за смыслъ. Но онъ признаетъ полезнымъ и правильнымъ отдѣленіе суда отъ администраціи въ подчиненныхъ архіерею установленіяхъ, признаетъ окружной судъ въ видѣ собора архіереевъ, отдѣльное отъ консисторій присутствіе въ епархіи для суда надъ пресвитерами, псаломщиками духовенствомъ и утверждаемыми архіереями. Онъ, правда, настаиваетъ на сохраненіи и даже расширеніи непосредственнаго архіерейскаго суда надъ клиромъ. Но вопервыхъ онъ подчиняетъ ему только дѣла, которыя по характеру своему, даже въ интересахъ правосудія, требуютъ негласнаго суда совѣсти. Если въ формальномъ свѣтскомъ судѣ, основанномъ на недоверіи, введено участіе совѣсти приобщить, т.-е. общества, то почему іезуитъ и самоуправецъ тотъ, кто думаетъ, что въ церковномъ судѣ этотъ элементъ совѣсти можетъ осуществляться въ лицѣ архіерея? Если не вѣрить совѣсти епископа въ принципѣ, не нужно признавать его и пастыремъ. Вторыхъ высканія, налагаемыя непосредственнымъ архіерейскимъ судомъ, по мнѣнію митрополита московскаго, не должны быть карательными. Наконецъ «привлекаемый къ непосредственному архіерейскому суду, — пишетъ преосвященный, — по дѣлу о воступлѣніи противъ благоповеденія и благочинія, прежде сего суда и вмѣсто сего суда можетъ пресѣсть себя суда формальнаго». Такъ преосвященный московскій выходитъ далеко не такимъ страшнымъ инквизиторомъ, какимъ издали показывается о. Горчакову. Правда, московскій митрополитъ высказывается рѣшительно противъ раздѣленія административной и судебной власти въ лицѣ архіерея, находя это «противнымъ Господню и апостольскому установленію, соборамъ, всей исторіи православной церкви». Но отъ русскаго епископа нашего времени шельза

требовать того, чего не требовали отъ своихъ епископовъ даже французскіе революціонеры 1790 г., члены національнаго собранія, выработавшіе «гражданское устройство духовенства». Эти люди, воспитанные на философіи XVIII в., вѣрое не были расположены щадить то, что они считали захватомъ церковной власти или проведеніемъ суевѣрія. И разгѣры епископской власти они сократили, сколько могли, въ названномъ июльскомъ актѣ 1790 г. Рядомъ съ епископомъ они поставили постоянный совѣтъ викаріевъ, согласіе котораго было необходимо для каждаго акта епископской власти по управленію епархіей⁴⁾. Но и эта гражданская конституція духовенства, вызвавшая своими крайностями рѣшительное противоѣдствіе въ значительной части французскаго клира, допускала случаи, въ которыхъ епископъ діоцеза могъ дѣйствовать безъ совѣта викаріевъ подъ собственною отвѣтственностью. О раздѣленіи власти судебной и административной въ епархіальномъ управленіи не поднимали и вопроса, хотя это начало было строго проведено въ управленіи департамента. Епископъ съ совѣтомъ викаріевъ соединялъ власть и судебную и административную. Викаріи, члены совѣта, не были выборными, не считая на широкое приженіе выборнаго начала въ церковному устройству, созданному въ 1790 г. въ названн. епархіальномъ архіерей въ священнической своей епархіи. Легко видѣть, что митрополитъ московскій, въ интересѣ правильности и безпристрастія духовнаго суда, въ некоторыхъ случаяхъ идетъ дальше конституція 1790 г., признаетъ полезными нововведенія, которыхъ не находимъ въ послѣдней, напр. раздѣленіе суда и администраціи въ подчиненныхъ архіерее учрежденіяхъ, выборъ членовъ судебного присутствія духовенствомъ. Преосвященный высказалъ и основную мысль, руководившую его сужденіями о проектѣ комитета. Изъ того убѣжденія, что духовный судъ долженъ освободиться отъ завѣдываемыхъ на него со стороны свойствъ чиновническаго суда и должностныхъ лицахъ, суда чисто вишняго и формальнаго, потому что служеніе, образъ жизни и самыя преступки духовныхъ лицъ значительно разнятся отъ служенія, образа жизни и преступковъ чиновниковъ государственной службы. «Наши времена

4) Edm. de Pressensé, L'Eglise et la révolution française, p. 112—119.

конечно значительно удалились отъ древней искренности, простоты и прямоты христіанскихъ отношеній и намѣреній. Но должно ли еще болѣе удалиться отъ сихъ прекрасныхъ отличительныхъ свойствъ древности въ область чисто и всецѣло внѣшнюю, или же напротивъ должно по возможности стремиться къ возвращенію сихъ святыхъ свойствъ въ наши нынѣшнія церковныя отношенія? Полагаю, что должно стремиться къ послѣднему и не превращать церковь въ чисто внѣшнее, обыкновенное чело-вѣческое учрежденіе, а служителей ея въ церковныхъ чиновниковъ, во всемъ подобныхъ чиновникамъ государственной службы и отличаемыхъ только мундиромъ другаго покроя». Мы съ своей стороны, съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ тону и стремленіямъ, выраженнымъ въ приведенныхъ словахъ. Свойство пера о. Горчакова не позволяетъ сказать рѣшительно, въ какой мѣрѣ онъ раздѣляетъ эту мысль Преосвященнаго. Но читая и перечитывая его *научную* постановку, мы думали, что онъ не особенно далекъ отъ этой мысли. Впрочемъ она такъ проста и естественна, что казалась обязательной и понятной даже такимъ авторамъ французской гражданской конституціи клира 1790 г., какъ Мирабо. Когда обнаружались волненія, вызванныя этимъ закономъ и конституціонной присягой, которой во имя его потребовали отъ духовенства, національное собраніе рѣшило составить и разослать во всѣ департаменты воззваніе къ французамъ съ цѣлію разъяснить смыслъ конституціи духовенства. Комитетъ по церковнымъ дѣламъ принялъ проектъ этого адреса, составленный Мирабо. Въ засѣданіи 14 января 1791 г. авторъ читалъ собранію этотъ проектъ. Послѣ нѣсколькихъ шумныхъ заявленій неодобренія съ правой стороны во время чтенія большая часть духовныхъ депутатовъ вслѣдъ за аббатомъ Мори удалась изъ залы засѣданія. Въ словахъ оратора слѣдовательно не видно было желанія угодить духовенству, поддѣлаться подъ его понятія. Однако вотъ что находимъ въ томъ мѣстѣ его проекта, гдѣ онъ объясняетъ, почему собраніе не согласилось объявить католическую религію національною: «Не можетъ быть въ государствѣ ничего національнаго кромѣ учрежденій, назначенныхъ для политическихъ дѣйствій, и такъ какъ религія есть общеніе мысли и духа челоувѣческаго съ мыслью Божіею, съ всемірнымъ духомъ, то слѣдуетъ отсюда, что она не можетъ въ

этомъ отношеніи принимать на себя никакой гражданской или закономъ определенной формы. Христіанство преимущественно по своей сущности не можетъ уложиться ни въ какую систему вѣстнаго законодательства; Богъ создалъ его не для того, чтобы дать формы и цвѣта соціальному строю французовъ, но поставилъ его среди вселенной, чтобы оно было фокусомъ и центромъ единенія рода человѣческаго». Видя въ христіанствѣ религію, которая объемлетъ всѣ времена и поколѣнія, связуетъ общество, разбѣянное по всѣмъ странамъ міра, и стоитъ выше всѣхъ вѣстныхъ обществъ человѣческихъ, ораторъ находитъ невозможнымъ провозгласить его религіей французовъ и обращается съ такимъ упрекомъ къ правой, которая этого требовала: «это вы оскорбляете религію нашихъ отцовъ, вы хотите, чтобы она подобно этимъ лживымъ религіямъ, рождавшимся изъ людскаго невежества, заимствовавшимъ свой авторитетъ отъ воли земныхъ влстителей и влетавшимъ въ политическія конституціи какъ средство угнетенія,—чтобы она была провозглашена религіей закона и кесарей»¹⁾. Есть нѣкоторый интересъ въ этомъ сопоставленіи мнѣній людей, столь различно мыслявшихъ и такъ несходно выражавшихъ свои мысли. Сходство ихъ мыслей въ этомъ случаѣ значить не то, что крайности вообще сходятся: есть истины, которыя при здоровомъ сужденіи одинаково понимаются даже съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, подобно тому какъ обѣ на небѣ свѣтила, которыя остаются свѣтлыми, съ какою бы точкой зрѣнія на нихъ ни смотрѣли.

Не знаемъ, согласится ли о. Горчаковъ на небольшую поправку, которую послѣ изложенныхъ размышленій можно было бы внести въ его характеристику того направленія, представителя котораго, по его словамъ, стараются удерживать церковными судъ *in statu quo*, «т.-е. съ преобладаніемъ въ церковномъ устройствѣ, особенно въ епархіяхъ, абсолютизма іерократіи въ смыслѣ и духѣ ультрамонтанства». Это направленіе консервативно; но не будетъ ли ученымъ грѣхомъ не замѣтить или не почтить довѣріемъ тѣхъ побужденій, вовсе не ультрамонтанскихъ, которыя порой проглядываютъ изъ-за этого консерватизма? Воли

¹⁾ *Choix de rapports, opinions et discours, prononcés à la tribune nationale depuis 1789.* Paris. 1818. Tome III, p. 25.

прогрессивное направление въ вопросѣ о церковномъ судѣ иногда высказывалось собственно за консервативное продолженіе историческаго *status quo* церкви, то въ направленіи консервативномъ иногда замѣтно довольно прогрессивное на нашъ взглядъ стремленіе возстановить церковно-каноническій бытъ, искаженный историческимъ положеніемъ церковнаго общества.

Такъ представляемъ мы себѣ происхожденіе борьбы и борющихся стороны. Въ минуту затишья, среди отдыхающихъ или уже упокоившихся борцовъ появился о. Горчаковъ съ разсматриваемой статьей.

Что новаго вносить въ споръ авторъ?—Научную постановку вопроса о церковномъ судѣ.

Что значить научная постановка такого вопроса при извѣстной инструкціи, данной комитету 12 января 1870 года?—По нашему мнѣнію она можетъ состоять въ ученomъ изслѣдованіи трехъ предметовъ: 1) свойства, цѣлей и потребностей духовнаго суда, 2) происхожденія, свойства и цѣлей тѣхъ началъ, которыя положены въ основаніе новаго свѣтскаго суда, и 3) степени, въ какой примѣненіе этихъ началъ къ духовному суду допускается свойствами, цѣлями и настоящими потребностями этого послѣдняго.

Таковы чисто научные предметы, входившіе въ программу реформы. Развѣ не о нихъ шла рѣчь въ полемикѣ? Нѣтъ, они составляли существенное содержаніе спора. Можетъ быть спорившіе разсматривали ихъ недостаточно полно и спокойно; но они ихъ разсматривали, ихъ изучали.

О. Горчаковъ отказывается въ такомъ научномъ характерѣ всѣмъ участникамъ спора о реформѣ. Писавшіе объ этомъ, по его мнѣнію, *научно не разъяснили началъ*, «на которыхъ должно быть поставлено церковно-судебное право въ Россіи». Въ консисторскихъ мнѣніяхъ о проектѣ онъ не находитъ тѣхъ *положительныхъ* принциповъ, «на основаніи которыхъ должна быть проведена реформа дѣйствующаго въ русской церкви суднаго права». Тотъ же недостатокъ указываетъ онъ и въ архіерейскихъ мнѣніяхъ, даже самомъ замѣчательномъ изъ нихъ по его свидѣтельству, въ мнѣніи епископа пермскаго.

Слѣдовательно о. Горчаковъ, ставя дѣле научно, ставитъ его особеннымъ образомъ, не такъ какъ дѣлали это доселѣ. Что же такое *его* научная постановка?

Припомнимъ содержаніе его статьи. Она излагаетъ два ряда мыслей. Одинъ состоитъ въ опредѣленіи понятія о церкви и въ развитіи значенія церкви, вытекающаго изъ понятія о ней. Это самыя общія, элементарныя мысли не столько каноническія, сколько катихизическія, азбука церковнаго законовѣдѣнія, которую даже съ университетскою кафедрой каноническаго права нѣтъ нужды излагать пространно. Спорившіе о реформѣ церковнаго суда въ печати, какъ и авторы консисторскихъ и архіерейскихъ отзывовъ о проектѣ, конечно, не излагали такъ подробно этихъ мыслей, хотя знали и подразумѣвали ихъ въ своихъ сужденіяхъ. Едвали можно винить ихъ за это: они были призваны не репетировать публикѣ познанія о церкви, вынесенныя изъ времени воспитанія, а обсудить и рѣшить довольно сложную практическую задачу.

Другой рядъ мыслей состоитъ въ изложеніи тѣхъ положительныхъ принциповъ, которыхъ авторъ не нашелъ ни въ печатной полемикѣ о церковно-судебной реформѣ ни въ мнѣніяхъ консисторій и архіереевъ о проектѣ комитета. Но очень трудно судить объ этихъ принципахъ по двумъ причинамъ: 1) потому что авторъ излагаетъ эти принципы только вообще, не давая читателю возможности представить себѣ тѣ формы, въ которыя авторъ думаетъ облечь ихъ, тотъ реальный образъ, какой они должны принять въ практическомъ своемъ осуществленіи; 2) потому что авторъ иногда своеобразно комбинируетъ свои мысли. Этотъ способъ сочетанія мыслей можно видѣть изъ одного примѣра. «Понимая церковь во всей цѣльности ея содержанія, такъ, какъ учатъ о томъ сама церковь и наука права», авторъ находитъ, тройкаго вида основанія, по которымъ церкви принадлежитъ судная власть, и въ числѣ этихъ основаній ставитъ *историко-политическое* (стр. 244). Разбирая это основаніе, авторъ находитъ что держащаяся на немъ судебная власть, приобретаемая церковію отъ государства, не можетъ быть признаваема «согласною съ вѣроученіемъ православной христіанской церкви» и отрицается наукой права (стр. 261, 262 и 264). Такъ выходитъ, что одинъ видъ судной власти церкви, основанный на пониманіи церкви во всей цѣльности ея содержанія, такъ, какъ учатъ о томъ сама церковь и наука права, несогласенъ ни съ вѣроученіемъ церкви ни съ наукой права. По объему этимъ принципамъ и ихъ отда-

наш отчетъ о «руководительныхъ началахъ» автора, вынуждены ограничиться лишь немногими самыми общими замѣчаніями. Когда о. Горчаковъ напечатаетъ обещанный «цѣльный трактатъ о церковно-судномъ правѣ», тогда легче можно будетъ видѣть, что хотѣлъ онъ сказать въ разсматриваемой статьѣ.

О. Горчаковъ признаетъ два вида церковнаго суда или судной власти церкви: Одинъ изъ нихъ есть власть *судноіерархическая*, дѣйствующая въ замѣствѣ покаянія. Планъ этой власти, какъ она изображена авторомъ, не новъ: онъ словно скопированъ съ мнѣнія московскаго митрополита о непосредственномъ архіерейскомъ судѣ съ незначительными измѣненіями. Это—судъ духовника для нравственнаго исправленія и примиренія совѣсти кающагося, по мнѣнію Горчакова. И преосв. московскій пишетъ, что это судъ архіерея, какъ духовнаго отца клириковъ его епархіи, и что цѣль его внутреннее очищеніе совѣсти священнослужителя, производимое архіепископскимъ судомъ въ случаѣ безуспѣшности суда своего духовника. Этотъ судъ совершенно чуждъ публичности, по мнѣнію о. Горчакова. И преосв. московскій пишетъ, что «судъ этотъ долженъ быть судъ не власти, а исключительно совѣсти, судъ тайный и отнюдь не гласный». Наказанія на этомъ суду не должны, по мнѣнію о. Горчакова, имѣть карательный характеръ, должны ограничиваться епитиміей. И преосв. московскій пишетъ, что взысканія, налагаемые непосредственнымъ судомъ архіерея, «не могутъ быть карательныя, но только епитиміи, выговоры, замѣчанія». О. Горчаковъ, разбирая мнѣніе преосв. московскаго, пишетъ, что онъ облегчаетъ дѣйствія архіерея-духовника «въ законныя формы, въ которыхъ архіерей перестаетъ быть духовникомъ, а становится самостоятельнымъ распорядителемъ судьбы судимаго или лица въ церкви и гражданскомъ обществѣ». Но преосв. московскій еще прежде статьи о. Горчакова объяснилъ этотъ упрекъ, написавъ въ своемъ отзывѣ: «привлекаемый къ посредственному архіерейскому суду по дѣлу о проступкѣ противъ благочестія и благочинія, прежде сего суда и вѣдѣнія сего суда, можетъ просить себѣ суда формальнаго».

Второй видъ церковнаго суда у автора есть судъ *церковно-общественный*. Что можно понять въ его общихъ разсужденіяхъ объ этомъ судѣ, о его отличіи отъ суда духовно-іерархическаго

о независимости этого суда отъ государства, со всѣми этими одами кто не согласится. Одинъ недостатокъ можно указать въ этихъ размышленіяхъ: то, о чемъ говорить въ нихъ авторъ, такъ общезвѣстно, такъ часто высказывалось, что едва ли нуждается въ новомъ пространномъ изложеніи даже при научной постановкѣ дѣла. Тому можно сказать и о тѣхъ положеніяхъ автора, въ которыхъ онъ выражаетъ отличительныя особенности общественной судной власти церкви «въ отношеніяхъ къ государственной судной власти» (стр. 237 и сл.). Что «начала, на основаніи которыхъ должно утверждаться содержаніе церковно-суднаго права, извлекаются не изъ стороннихъ для церкви источниковъ, но изъ внутренняго ея содержанія» — это признаю въ принципѣ и надобно, чтобы это замѣчание проведено было въ дѣйствительность. Что «церковно-общественному суду подсудны только члены церковнаго общества, но всѣ, міряне и духовные по церковнымъ предметамъ» — это такъ же признается въ принципѣ даже современнымъ государственнымъ законодательствомъ, которое старается въ преступленіи, касающемся церкви, отдѣлить элементъ, подсудный государственному суду, отъ элемента церковнаго; надобно, чтобы это страшеніе проведено было не только въ послѣдствіи. Въ какихъ дѣлахъ члены церкви подлежатъ вѣдѣнію церковно-общественной судной власти, и это опредѣляется у насъ согласно съ положеніемъ автора, только въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ. Что устройство церковно-общественной судной власти должно соответствовать помыслу о церкви, какъ о своеобразномъ обществѣ и божественномъ учрежденіи, а не какъ объ особомъ административномъ вѣдомствѣ — эта мысль выражалась въ некоторыхъ планахъ церковно-судебной реформы во время полемики по этому вопросу, особенно допускала это указанная комитету задача. Что церковныя наказанія должны состоять только въ лишеніи церковныхъ правъ и благъ и въ назначеніи благотворительныхъ упражненій — это признается дѣйствующимъ церковнымъ законодательствомъ въ принципѣ и частію проведено въ судебную практику. Если гражданскія и уголовныя послѣдствія, соединенныя съ церковными наказаніями по дѣйствующему русскому праву, чужды цѣли и существа церкви, какъ говоритъ авторъ, то устраненіе этого противорѣчія зависить не отъ церковной власти, по крайней мѣрѣ не отъ нея одной.

Вообще принципы церковно-общественного суда, высказываемые авторомъ, ничуть не чужды сознанию нашего церковнаго общества и его руководителей. Они даже дѣйствуютъ въ практикѣ церковнаго суда. Но они проведены здѣсь неполно и неполноблагословенно, затронуты остатками прошедшаго, которое частью вводило церковный судъ въ сферу чуждыхъ ему мірскихъ отношеній, частью подчиняло чисто-церковныя отношенія влѣнію свѣтскаго правительства. Слѣдовательно задача реформы церковнаго суда должна состоять въ очищеніи его отъ этихъ остатковъ, не въ созданіи новыхъ коренныхъ принциповъ, хотя бы даже съ помощію «современныхъ научныхъ юридико-политическихъ воззрѣній», а въ послѣдательномъ проведеніи готовыхъ каноническихъ началъ въ судебную практику и въ достаточномъ ихъ обезпеченіи посредствомъ правильнаго, хорошо обдуманнаго устройства церковнаго суда: работа не столько теоретическая, чисто-научная, сколько прикладная, техническая. Между тѣмъ замечовъ на это устройство и не находимъ у автора; реальный образъ его церковно-общественнаго суда остается неуловимымъ для читателя. Такъ, излагая принципы этого суда, г. Горчаковъ не говоритъ даже, кто долженъ судить, т.-е. каковъ долженъ быть по его плану составъ и строй судебныхъ учреждений. Въ своей программѣ церковнаго судоустройства (стр. 267 и сл.) еще только перечисляетъ судебныя инстанціи для разныхъ дѣлъ: суды приходскіе и монастырскіе, судъ епархіальный, окружный соборъ, судебное отдѣленіе консисторнаго собора и великій соборъ. Но что разумѣетъ авторъ подъ этими названіями — то ли что другое, или что нибудь особое? Въ первомъ случаѣ это — предметы извѣстные, многократно обследованные въ печати, во второмъ — нова непонятныя. Наконецъ трудно разглядѣть среди общаго высказанія о. Горчакова, что хотѣлъ онъ выразить, давая второму виду судной власти церкви названіе *церковно-общественной*. Общественный характеръ могутъ давать церковному суду два обстоятельства: участіе общества въ выборѣ органовъ суда и: участіе общества, т.-е. мірянъ и духовныхъ, въ составѣ судей. Участіе общества въ выборѣ судей-священниковъ въ извѣстныхъ предѣлахъ допускается обѣими сторонами, спорящими о реформѣ церковнаго суда. О правѣхъ участія мірянъ въ составѣ церковнаго судей не упоминалось и вопроса. Наконецъ о. Горча-

номъ разумѣль, быть не можетъ; общественный судъ церкви въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ суда, юрисдикціи котораго простирается на все церковное общество, на духовныхъ и мирскихъ. Самъ онъ характеризуетъ проектируемую имъ церковно-общественную судебную власть, называя ее открытой, витальной, канонической, въ отличіе отъ тайнаго суда на исповѣди, хотя конечно и этого послѣдняго онъ не считаетъ противоканоническимъ. Можно думать поэтому, что своимъ необычнымъ терминомъ о. Горчаковъ не хотѣлъ выразить ничего особеннаго. Черты, которыми онъ описываетъ свой церковно-общественный судъ, довольно пестры и складываются въ очень неясный образъ. Иногда кажется дѣйствительно, что его планъ совпадаетъ съ дѣйствующимъ формальнымъ судомъ церкви или очень близокъ къ нему. Судебную властію церковнаго общества онъ считаетъ совокупность нравъ, предоставленныхъ органамъ власти въ этомъ обществѣ для принятія мѣръ къ восстановленію въ немъ порядка. Онъ повидимому вовсе не раздѣляетъ желанія отнять судебную власть у епископа. Въ другихъ мѣстахъ авторъ ясными чертами какъ будто рисуетъ планъ новой церковной конституціи. Сопоставляя церковь съ клубомъ или другимъ подобнымъ общественнымъ союзомъ, онъ какъ будто хочетъ сказать, что и ея уставъ долженъ имѣть одинаковое происхожденіе, т. е. выйти изъ общаго собранія членовъ союза, разумѣется, съ вѣдома и согласія государства. О. Горчаковъ говоритъ о нравахъ, которыя принимаются согласно правиламъ общества, «властію этого общества», въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ. Между тѣмъ извѣстно, что ни мѣстные правила русской церкви, ни мѣры, принимаемыя на основаніи ихъ, не имѣютъ такого общаго происхожденія. Исчезновенію церковно-общественнаго элемента въ законодательствѣ и практикѣ русской церкви, по мнѣнію о. Горчакова, началось съ XVII в. и въ слѣдующія столѣтія этотъ элементъ былъ вытѣсненъ, замѣненъ «совершенно» государственной уголовной и гражданской властью, предоставленной церкви отъ государства. Извѣстно, что основныя начала церковнаго законодательства, дѣйствующія во всероссийской митрополіи XVI вѣка, дѣйствуютъ и теперь, хотя и подъ другими формами. Слѣдовательно о. Горчаковъ разумѣетъ такіи мѣры, каковыя были на начала, теперь не дѣйствующія. Истинная цер-

ловныхъ братствъ югозападной Руси XVI и XVII в. едва ли могутъ показаться канонически безукорыненной формой церковно-общественнаго суда. Слабыя проявленія церковно-общественной судной власти въ современной церковной жизни авторъ указываетъ и въ сословныхъ съездахъ духовенства благочинническихъ округовъ и въ приходскихъ обществахъ, лишенныхъ сословнаго характера. Такую нерѣзкость, такой недостатокъ выразительности въ положеніяхъ и построеніяхъ автора можно объяснить двумя причинами: или онъ хотѣлъ до времени скрыть отъ читателя свой планъ церковнаго суда, уже готовый въ его умѣ, или этотъ планъ еще не готовъ, не продуманъ, не прошелъ всѣхъ логическихъ и психическихъ фазисовъ обработки въ творческой мастерской автора. Мы склоняемся къ первому предположенію; но самъ о. Горчаковъ иными своими сужденіями склоняетъ читателя ко второму. Вотъ одинъ примѣръ. О. Горчаковъ сильно возмущается тѣмъ, что церковный судъ облеченъ у насъ карательной уголовной и полицейской властью, хотя, говоря правдивѣе, такая власть практикуется не церковью, а государствомъ, ея источникомъ. О. Горчаковъ настаиваетъ на томъ, что «съ церковными наказаніями, которые по существу должны состоять исключительно въ лишеніи церковныхъ правъ и благъ и въ благочестивыхъ упражненіяхъ поста, молитвы и благотворительной дѣятельности, не должны соединяться какія-либо послѣдствія для гражданскихъ и политическихъ правъ лица, наказуемаго церковію» (стр. 261). Это совершенно справедливо и признается въ принципѣ законодательствомъ русской церкви. Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ исчезновеніи у насъ церковно-общественной судной власти съ XVII в., о. Горчаковъ замѣчаетъ, что лишь въ наше время открывается въ некоторой возможности этой власти проявляться—помимо прочихъ въ приходскихъ обществахъ,—и говоря это, о. Горчаковъ прибавляетъ въ примѣчаніи: «извѣстно наприм., что во многихъ мѣстахъ приходскія общества установили вмѣкание денежныхъ штрафовъ въ пользу церковныхъ учреждений съ тѣмъ, называющихся де-валло» (стр. 260). Но денежные штрафы даже въ пользу церковныхъ учреждений и даже за пьянство едва ли можно назвать лишеніемъ церковныхъ правъ и благъ или благочестивыхъ упражненіемъ поста, молитвы и благотворительной дѣятельности; такой налогъ

едвали не коснется гражданскихъ и политическихъ правъ лица, наказуемаго такою церковною властію, какъ приходское общество, в едвали наказуемый почувствуетъ разницу «въ существѣ» между такимъ наказаніемъ и штрафомъ, какой за подобный же проступокъ наложитъ представитель «суровой, принудительной» государственной власти, мировой судья или полицейскій надзиратель. Еслибы воѣ подробности новаго церковнаго суда были обдуманы авторомъ, тогда было бы видно читателю, какая связь существуетъ между двумя этими мѣстами въ статьѣ о. Горчакова.

Итакъ остается ждать «цѣльнаго трактата о церковно-судебномъ правѣ». До тѣхъ поръ въ планѣ о. Горчакова одно совсѣтъ уже не ново ни для сознанія церковнаго общества ни для практики церковнаго суда, а другое представляется столь новымъ, что потребовало бы для своего осуществленія совсѣтъ иной церковной конституціи, которая создаетъ необходимость соотвѣтственныхъ мѣръ въ государственномъ законодательствѣ. Въ первомъ, кажется, нѣтъ настоятельной надобности; для втораго, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, не существуетъ практической возможности. Мы не думаемъ, будто наше церковное общество въ такой степени лишено сознанія основъ, на которыхъ оно держится, какъ увѣряетъ авторъ. Мы не думаемъ также, чтобы усложнять задачи преобразованія значило облегчать и ускорять его осуществленіе. Кто добивается слишкомъ многого, тотъ рискуетъ не добиться достижимаго. О. Горчаковъ ставитъ себя въ положеніе ученаго механика, который явился на шумъ, поднятый плохимъ дѣйствіемъ машины. Люди кричатъ: какъ быть? что дѣлать? Явившійся специалистъ читаетъ предстоящій основанія механики и въ неснхъ чертахъ рисуетъ планъ новаго механизма. Людямъ, которыхъ касается дѣйствіе машины, остается сказать механику: дѣчто подобное мы знаемъ и сами; но какъ быть съ этимъ механизмомъ, устранить который мы не можемъ. Несостыбательное оказываемой дѣлу помощи съ практическимъ положеніемъ дѣла увеличивается еще вслѣдствіе недостатка возрѣаній о. Горчакова. Иные мыслятъ его статьѣю довольно согласнѣю съ другими. Они выражаютъ готовность подѣйствовать съразумелію церковно-суднаго права и устраненію недораумѣній въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, показываютъ даже ниватоно, хотя надали, очень осторожно, новый планъ церков-

наго суда, пишетъ отъ лица блага духовенства, которое, по его же словамъ, смотритъ на реформу суда именно со стороны ея практическаго значенія, — и въ тоже время отказывается отъ желанія «имѣть какое бы то ни было вліяніе на законодательную работу по вопросу о церковно-судебной реформѣ». Онъ не хочетъ быть одностороннимъ, судить о дѣлѣ какъ богословъ и какъ юристъ, слѣдовательно не видитъ непримиримаго противорѣчія между обѣими точками зрѣнія; между тѣмъ, приводя слова одного архіерея, признаетъ ихъ «совершенно справедливыми» съ богословской точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія *науки права* они, по его мнѣнію, «неточны и никакъ не могутъ быть уложены въ юридическія формулы». Одинъ видъ церковно-судной власти, основанный на ученіи церкви и науки права, оказывается несогласнымъ ни съ ученіемъ церкви ни съ наукой права. Статья о Горчакова далеко не свободна отъ такихъ недомѣшанныхъ мѣстъ. Мы первые будемъ привѣтствовать цѣльный трактатъ о церковномъ судѣ, согласный съ вѣроученіемъ церкви и наукой права; но отчетъ о рассмотрѣнной статьѣ можемъ лишь заключить словами старинной лѣтописи: «много и что нестроевіе бысть».

Г. М

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПО ПОВОДУ ЦИРКУЛЯРА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ОТЪ 24 МАЯ 1875 Г. *)

Въ чемъ же правительство и лучшіе члены общества должны видѣть самое дѣйствительное и вѣрное средство къ противодѣйствію революціонной пропагандѣ и къ возможному окончательному устраненію этого зла? Газета: «Голось» и «Новое Время» не преминули предложить нѣкоторыя изъ самыхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствительныхъ средствъ къ уврачеванію разсматриваемаго общественнаго зла. Предпославши ту мысль, что 1) «изъ всѣхъ европейскихъ государствъ *меньше* всего давала отпоръ революціоннымъ идеямъ Франція, именно потому, что въ ней значеніе общества было доведено до нуля, и 2) что *болѣе* всего побѣждала и побѣждаетъ всякія субверсивныя теоріи Англія, наиболѣе общественная страна въ Европѣ», газета «Голось» говоритъ слѣдующее: «Примѣръ этихъ странъ показываетъ, что сила революціонной проповѣди обратно пропорціональна степени организаціи общественныхъ группъ. Существенно необходимо, чтобъ каждая разрушительная сила встрѣчала отпоръ въ самостоятельности общества. Общество пассивное — наилучшій матеріалъ для всѣхъ опытовъ. *Церковная независимая проповѣдь, свободная университетская кафедра, сильная печать, хорошо организованное самоуправленіе, корпоративный духъ разныхъ общественныхъ группъ — вотъ что даетъ и можетъ дать отпоръ нелѣпымъ ученіямъ, именно потому, что они противообщественны*». Никто не сомнѣвается въ томъ, что

*) См. Октябрск. кн. Православ. Обозрѣнія текущаго года.

чѣмъ сильнѣе сплочено общество и чѣмъ больше единства и гармоніи въ интересахъ разныхъ членовъ, составляющихъ его, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе оне отразитъ всякое покушеніе на установленный въ немъ порядокъ, всякое внѣшнее зло, силащееся подпопаться подъ него и испровергнуть его. Такое общество обладаетъ необычайною чуткостью къ малѣйшимъ посягательствамъ на разрушеніе того, чѣмъ живетъ и чѣмъ держится оно. Да и не всякій отразится на борьбу съ такимъ обществомъ. Но сущность дѣла въ томъ: достаточно ли для этого одного предоставленія наибольшей свободы и независимости обществу въ разныхъ отправленияхъ его жизни? «Голосъ» указываетъ на Англійю. Но кто же не знаетъ, что попытки введеніемъ англійскихъ порядковъ исправить дѣло, въ нѣсколькихъ странахъ, оканчивались уже полной неудачей? Учрежденія сами по себѣ не создаютъ добрыхъ, умныхъ и энергическихъ людей. Мало того, учрежденія одной страны не всегда принимаются и даютъ надлежащіе плоды въ другой. Мы вовсе не противъ независимой церковной проповѣди. Напротивъ, мы отъ души ждали бы въ интересахъ церкви, общества и государства освобожденія нашей державной проповѣди, духовной литературы и журналистики отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ стѣснительныхъ условий, въ которыхъ оны теперь находятся. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы проповѣдь, одѣланная независимой, стала по этому одному чинѣ раздвигаться съ нашихъ церковныхъ кафедръ и сбѣгаться живой, серьезной и вліятельной проповѣдью. Точно также мы несколько не сочувствуемъ обскурантизму и работѣ науки въ вопросѣ объ университетскомъ преподаваніи. Но въ тоже время мы находимъ, что и съ свободной университетской кафедры можетъ вовсе не раздвигаться рѣчь, направленная напр. противъ матеріализма или коммунизма. Очень возможно даже, что, какъ въ Германіи, съ университетскихъ кафедръ будетъ проагандироваться самый грубый атеизмъ и социализмъ. Ничего мы не имѣемъ и противъ сильной печати, но въ тоже время просили бы не забывать, что эта сильная печать нѣрѣдкѣ дѣлается такимъ вреднымъ и опаснымъ деспотомъ, который вынуждаетъ даже правительство на такіа дѣйствія, отъ которыхъ должно страдать лучшее меньшинство общества или законные интересы другихъ народовъ. Прекрасно и хорошо орга-

низованное самоуправленіе, но въдъ и при немъ земскія и городскія собранія могутъ не сбываться или «за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ», или по другой какойнибудь подобной причинѣ, равно какъ въ этиаъ земскихъ и городскихъ собраніяхъ могутъ совершаться самыя темныя дѣла. «Корпоративный духъ разныхъ общественныхъ группъ» иногда можетъ прямо повести къ раздробленію общества на враждебныя другъ другу кружки, примѣры чего представляютъ исторія и современная жизнь. «Голосъ» думаетъ, что всё эти мѣры потому оказались бы дѣйствительными, что самыя коммунистическія-то ученія противуобщественны и что слѣдовательно небольшое общество будетъ отражать ихъ. Но въдъ мы видимъ же, что социализмъ и коммунизмъ, при всей своей противуобщественности, имѣютъ въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Англии и т. д. массы послѣдователей въ низшихъ и даже въ другихъ слояхъ общества. Да и мало ли что *противуобщественнаго* допускается иногда самими обществами? Атеизмъ—противуобщественное явленіе, однакожъ, большая часть германскаго общества чуть не амальдуритъ тѣмъ, кто злое и ожесточеннѣе возстаетъ противъ религіи. Да и въ одной ли Германіи дѣлается это? «Голосъ» вообще придаетъ неизмѣримое значеніе свободѣ, какъ будто бы она сама по себѣ есть творческая и созидающая сила. «Съ XV и XVIII вѣка свобода, освобожденіе сдѣлалось лозунгомъ жизни и литературы», замѣчаетъ проф. Клейнниковъ. «Свобода мысли, свобода дѣятельности, свобода отношеній—вотъ требованія, которыми, по мнѣнію общества, подчеркивалось все для него необходимое, истеримывалось все правовое. А между тѣмъ понятіе свободы еще не обозначаетъ ничего другаго, какъ только опредѣленіе формы дѣятельности или независимое отношеніе мыслящаго къ содержанию своего мышленія. Свобода сама въ себѣ безсодержательное понятіе, означающее независимость отъ чего-либо и какъ безсодержательное, оно не можетъ дать содержанія жизни. Свобода политическая точно также есть только форма отношеній индивида къ обществу и государству и какъ всякая форма, она можетъ принести много пользы для государственнаго общества, если въ немъ самъ есть готовое содержаніе, и можетъ быть совершенно бесполезна, если этого содержанія нѣтъ. Можно сказать съ болѣею и несомнѣннѣею даже вѣроятностію, что *готовое содержаніе*

всегда найдетъ скорѣе соответствующую ему форму, чѣмъ самая лучшая форма создастъ соответственное ей содержаніе. Преслѣдовать свободу, какъ форму, думать, что съ нею придетъ все необходимое для самоудовлетворенія человѣка, есть самый обманчивый призракъ, постоянно убѣгающій, когда онъ кажется всего ближе къ осуществленію. Увлекаемая этимъ обманчивымъ призракомъ, политическая литература XVIII столѣтія задалась цѣлью установить государственную жизнь на основаніи опредѣленія чистаго разума. Но чистый разумъ самъ въ себѣ способенъ лишь соглашать, регулировать, если не данныя, то принятая за основу положенія, но не болѣе. Результатъ дѣятельности эпохи доказалъ, что принятое ею положеніе, именно, что право тождественно съ свободою, сухо, уако и безсодержательно. Онъ доказалъ, что идеи необходимы разуму, какъ зерна мукомольной мельницѣ, что свободѣ необходимы идеи, какъ формѣ содержаніе, ибо безъ идей государственное общество будетъ безжизненно, хотябы его членамъ и дана была совершеннѣйшая свобода. Отрицувъ идеи, какъ *руководительницы* нашего сознанія, въ томъ числѣ и *идею права, какъ божественнаго сверхчувственнаго начала*, общество XVIII столѣтія и его представители напрасно стараются найти самоудовлетвореніе и счастье черезъ дѣятельность государственной власти или въ простомъ соглашеніи произвола одного индивидуума съ произволомъ всѣхъ другихъ индивидуумовъ, или думаютъ, что можно устроить особенный государственный механизмъ посредствомъ дѣленія властей, который вполнѣ обезпечитъ искомую свободу за всѣми членами общества, или наконецъ, что та же свобода сама собою явится, когда верховной властью въ государствѣ будетъ самъ народъ. Тяжелый урокъ исторіи научилъ тѣхъ, которые чему нибудь способны были научиться, обуздывать свои желанія мыслію, а не искать въ мысли оправданія желаніяжъ. Уроки исторіи до очевидности ясно доказали, что цивилизація—этотъ жизненный элексиръ государства—не создается путемъ дарованія обществу политической свободы, а наоборотъ, что политическая свобода, данная обществу, не имѣющему нравственнаго содержанія, истощаетъ его въ бесплодной борьбѣ партій. «Цивилизацію, мнѣ кажется, говорить почтенный профессоръ,—можно назвать гармоническимъ единствомъ всѣхъ началъ одного порядка и гармоніей всѣхъ по-

рядновъ въ одномъ общемъ центрѣ — въ *руководящихъ* идеяхъ разума (а всѣ эти идеи сосредоточиваются въ верховней идеѣ божества, ибо общее ихъ свойство — абсолютная обязательность — можетъ быть выведена, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ г. Хлѣбниковъ, только изъ воли божества). Прогрессъ есть, по мѣткому выраженію Конта, *развитіе порядка*, или онъ есть ничто иное, какъ превращеніе менѣе гармоническаго порядка въ болѣе гармоническій. Государственное общество, если оно хочетъ жить, должно добровольно преклониться предъ основами цивилизаціи, предъ основными идеями разума, ища въ нихъ содержанія новыхъ началъ для жизни; если же государственное общество, напротивъ, будетъ въ разумѣ *лишь* искать оправданій для страстей и желаній эпохи, то оно пошло бы къ своей гибели¹⁾. Такимъ образомъ, въ свободѣ еще никакъ нельзя видѣть насильственнаго средства противъ золъ и неурядицъ общественной жизни, какъ это дѣлаетъ «Голосъ». Другія періодическія изданія заходятъ еще дальше въ боготвореніи свободы, забывая, что эта свобода — мечъ обоюдоострый и что, при отсутствіи въ обществѣ высшихъ началъ, нормирующихъ самую свободу, эта послѣдняя превращается въ рабское служеніе всему тому, что противоположно ея началу, средоточіемъ которыхъ служитъ религіозная идея: истинная, пречная и плодотворная свобода можетъ быть только тамъ, гдѣ Духъ Господень. Христіанство не только не противъ свободы, но напротивъ, оно первое провозгласило принципъ истинной свободы во *всѣхъ* областяхъ жизни и дѣятельности. Оно говоритъ, что человѣчество и призвано къ свободѣ, но требуетъ, чтобы эта свобода не была поводомъ къ угожденію плоти (Гал. 5, 13), а подъ этой плотью оно разумѣетъ предпочтеніе низшихъ благъ передъ высшими, произвола передъ законностью, пріятныхъ и лѣстящихъ вамъ теорій и ученій передъ истиною, личнаго интереса передъ общественнымъ, матеріальныхъ благъ передъ духовными, лѣности передъ трудомъ на благо общее, своекорыстія передъ самопожертвованіемъ, полезнаго передъ обязательнымъ, земнаго передъ небеснымъ и т. под. Надъ свободою христіанство поставляетъ другія высшія начала, которыми

¹⁾ Право и государство въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ. Варшава. 1874 г. стр. 398—400.

они должны подчиняться. Въ противномъ случаѣ, свобода является даже зломъ. Въ пользу христіанскаго воззрѣнія говорить, какъ мы видѣли, и безпристрастное научное изслѣдованіе. Иначе онъ быть не должно: та наука, которая становится въ *враждебное* отношеніе къ христіанской истинѣ, не наука, а порожденіе той плоти, о которой говоритъ Апостолъ.

Итакъ, гдѣ же самое дѣйствительное и вѣрное средство къ противодействию всяческому развивающемуся общественному зву и въ частности усиливающейся революціонной пропагандѣ и къ возможному пресѣченію его? «Новое Время» указываетъ, какъ на средство къ этому, на хорошо обставленные и матеріально обеспеченныя народныя школы, а также на развитіе народной литературы. Но какъ ни кажется этотъ совѣтъ цѣлесообразнымъ и разумнымъ, все-таки ему не достаетъ многого для того, чтобы быть таковымъ въ дѣйствительности. Развѣ хорошо обставленные и матеріально обеспеченныя школы сами по себѣ уже гарантируютъ благотворное вліяніе ихъ на народъ и должны служить противодіемъ всяческому развивающемуся общественному зву? Развѣ въ исторіи наилучше обставленныхъ и матеріально слишкомъ уже обеспеченныхъ вышнихъ даже и среднихъ учебныхъ заведеній неимѣются самыя печальныя факты ихъ внутренней жизни? Нарядная же литература у насъ и теперь довольно богата, но при всемъ вѣнчанномъ богатствѣ ея поражаетъ внутренняя ея крайняя скудость, мертвенность и даже распущенность и злобредность. Несомнѣнно, что правительство и общество должны всевозможно заботиться о лучшей обстановкѣ народныхъ школъ и о большемъ матеріальномъ обеспеченіи ихъ. Но главная забота общества и правительства должна быть о томъ, чтобы создать для народной школы учителей, отличающихся серьезнымъ образованіемъ и воспитаніемъ, въ основѣ котораго лежали бы правильно понятыя христіанскія религіозно-нравственныя начала, и проникнутыя всеобщей преданностью истиннымъ интересамъ и нуждамъ общества, церкви и государства. Такие учителя не только не будутъ корреспондировать въ лондонское революціонное изданіе «Впередъ», пестовать въ умахъ и сердцахъ дѣтей разныя антихристіанскія *смд.* и противуобщественныя идеи и будить въ народѣ разныя дурныя инстинкты, но сдѣлаются надежнѣйшимъ оплотомъ церкви, го-

сударства и общества. Почему, по нашему мнѣнію, гоняться за многочисленностью школъ. Лучше пусть будетъ мало ихъ, но онѣ сдѣлаются истинными разсудниками истины и добра въ народѣ. Выборъ въ учителя народные долженъ быть оставленъ не канцелярской строгостью, перѣдко изъ-за мухи не видящему слона; но опредѣляться голосомъ людей, дѣйствительно христіански-просвѣщенныхъ и въ серьезномъ смыслѣ слова благонамѣренныхъ, которые знакомы *возможно-хорошо* съ внутреннимъ міромъ избираемыхъ. Естественно, что въ этомъ избраніи должны принимать живое и непосредственное участіе не правительственные только агенты, но представители общества изъ свѣтской и духовной среды непремѣнно. Недавно газеты сообщали, что въ Петербургѣ организуется общество для распространенія въ народѣ образованія. Общество это будетъ учреждать какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ образцовыя школы, читальни и книжныя склады, а также доставлять средства особенно способнымъ ученикамъ къ продолженію дальнѣйшаго образованія. Дай Богъ, чтобы этотъ слухъ осуществился и чтобы членами этого общества были представители *всѣхъ* слоевъ нашей общественной среды, отнюдь не исключая и лучшихъ людей изъ священнослужителей, которые *обязаны*, своимъ пастьорскимъ призваніемъ, стать даже во главѣ этого добраго предпріятія и одушевить другихъ своимъ приѣмомъ живой христіанской заботливости о народныхъ нуждахъ, которыя въ тоже время суть нужды и самой церкви. Дай Богъ, чтобы дѣятельность этого общества, будучи *только* *маслою*, доказала, что оно не имѣло надлежащимъ образомъ свое призваніе и свои задачи и сдѣлалось распространителемъ въ народѣ такого просвѣщенія, которое составляетъ простое отрицаніе просвѣщенія, перѣдко нимѣ пропагандируемаго. Дай Богъ, чтобы это общество всичезки спеціализировало, съ одной стороны, *испорченію* *) той народной литературы, которая отличается положительной надоброкачественностью или пустотою, а съ другой стороны, появленію такихъ произведеній, предназначенныхъ для народа, въ которыхъ бы народъ находилъ для себя, въ живомъ и художественномъ изложеніи, христіански-

*) „Прав. Обзор.“ говорилъ уже объ этомъ въ Современникѣ Обозрѣніи июньской кн. за 1876 годъ, на стр. 208—209.

правильные и *положительно-научные* отвѣты на *всѣ* тѣ вопросы, которые не могутъ не занимать простолюдина, и какъ христіанина и какъ челоуѣка. Уполномоченные правительствомъ и обществомъ члены этого общества должны отнюдь не давать ходу въ народъ всякой книгѣ, религіозно-нравственнаго ли то содержанія или напр. естественно-научнаго, авторъ которой былъ на спекуляцію или не желалъ знать того, чѣмъ должна быть народная книга. Мы нисколько не радуемся распространенію въ народѣ и такихъ книгъ, которыя, при своемъ религіозно-нравственномъ, повидимому, содержаніи, путаютъ народныя понятія объ истинно-религіозномъ и о христіански-нравственномъ и способны *закрѣплять* въ народѣ многія его неправильныя понятія о предметахъ религіи и нравственности. Въ послѣднее время, просматривая каталоги выходящихъ книгъ духовнаго содержанія, поражашься обиліемъ такихъ изъ нихъ, которыя предназначены для народа. Но изъ цѣлой груды книгъ едва выберешь одну — двѣ, могущія быть одобренными. Особенно много выходитъ житій святыхъ маленькими книжками и даже листками. Составлять такія книжки ничего не стоитъ, и вотъ спекулянты набросились на фабрикацію ихъ, не желая даже знать, *какія* «Житія» они должны собирать для сообщенія народу и *какъ* передавать ихъ. Иной спекулянтъ пускается даже въ разсужденія, въ назиданіе, въ мораль, но полезнѣе было бы для народа, еслибы онъ былъ вовсе незнакомъ съ этики назиданіями и освобожденъ отъ нихъ. Напр. иной составитель той или другой книжки, желая отличиться своимъ благочестіемъ, смѣло говоритъ о богатствѣ, бѣдности и т. п. такія вещи, которыя ничѣмъ разумнымъ не оправдываются. Слѣдуетъ непремѣнно поставить подъ строжайшій контроль *истинно-просвѣщеннымъ* людямъ въ особенности изданіе книгъ духовнаго содержанія, предназначенныхъ для народа. Мы имѣемъ всѣ основанія настаивать на этомъ особенно теперь. Нѣкоторыя ошибки и странности допускаются составителями книжекъ этого рода по невѣдѣнію, какъ это само собою разумѣется. Но это невѣдѣніе должно быть *всѣмъ* возможно устраняемо. Однимъ изъ *важнѣйшихъ* средствъ къ этому является наша духовная журналистика. Дѣятели богословской науки вызываются все болѣе и болѣе обстоятельствами времени на энергичнѣйшую научную и литературную производительность: меньше, чѣмъ

когда-нибудь, теперь время для спокойнаго проясненія и ограниченнаго дѣятельности какой-нибудь узкой сферой. Богословская наука, въ лицѣ ея представителей, должна выступить предъ обществомъ и непосредственно послужить ему. И само духовенство теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нуждается въ томъ, чтобы дѣятели богословской науки чаще и чаще дѣлались съ ними такими трудами, которые непосредственно отвѣчали бы запросамъ времени и обстоятельствъ. Несомнѣнно, полезны труды нашихъ ученыхъ богослововъ, посвященные даже предметамъ, не имѣющимъ живаго отношенія къ современности, характеризующейся борьбою разныхъ научныхъ и философскихъ направленій противъ христіанства и т. д. Но еще важнѣе тѣ труды ихъ, которые давали бы духовенству серьезное и надежное оружіе для отраженія тѣхъ многообразныхъ ложныхъ идей, теорій, понятій и воззрѣній, которыя самыми разнообразными путями проводятся въ общество. Пропаганда разнообразныхъ идей, и въ томъ числѣ преимущественно коммунистическихъ и социалистическихъ, какъ оказывается, разбрасывается по селамъ и деревнямъ. Это обстоятельство заставляетъ и сельское духовенство желать, чтобы духовные напр. журналы давали ему чтенію, непримѣнно пригодное и для борьбы съ этими зломъ. Нынешній законоучитель сельской даже школы долженъ быть во всеоружіи подходящаго знанія для противодѣйствія разнымъ злокачественнымъ идеямъ, могущимъ занестись, при помощи преступной пропаганды, въ самое убожество христіанскаго преосвященія молодежи паствы. Наличныхъ свѣдѣній, вынесенныхъ и сохранныхъ отъ школы, большей частью совершенно недостаточно бываетъ духовенству для этой цѣли. Кто встрѣчался съ добрыми сельскими пастырями, неуспевающими для умственной жизни и для плодотворнаго служенія народу, тотъ слышалъ, конечно, съ какою признательностью они говорятъ объ авторитетѣ тѣхъ болѣе или менѣе серьезныхъ апологетическихъ и другихъ подобнахъ статей, которыя пришлось имъ прочесть въ какомъ-либо духовномъ журналѣ. Но не болѣе ли еще нужны такіа серьезные статьи для законоучителей разныхъ сельскихъ учебныхъ заведеній, которыхъ, вмѣстѣ съ другими преподавателями; циркуляръ г. министра народного просвѣщенія призываетъ также при случаѣ раскрывать молодежи злокачественность и гибельность идей, распространенныхъ

мыхъ революціонною кликою? Дѣятели богословской науки съ своей стороны не вызываются ли всѣмъ этимъ на работу въ такомъ, главнѣйшѣмъ образомъ, направленіи, которое оказывается въ настоящее время особенно необходимымъ? Это ихъ прямая обязанность. Пусть же они *соединятся въ какомъ-либо журналѣ* по своей программѣ особенно пригодномъ для духовенства и общества, и откроютъ серьезную и живую учено-литературную дѣятельность, направленную къ возбужденію въ обществѣ релігиозныхъ интересовъ и къ отраженію всякихъ зловредныхъ идей! Это было бы съ ихъ стороны выраженіемъ полной готовности ихъ, доступными имъ средствами, противодѣйствовать и самой революціонной пропагандѣ, которая условливается упадкомъ въ обществѣ релігии и распространеніемъ антихристіанскихъ идей. Сила Божія и въ немощи совершается: при энергическихъ усиліяхъ и добромъ желаніи трудиться на пользу церкви и общества Господь возраститъ бы своей благодатью сѣемое... Серьезная *научная* разработка вопросовъ богословской науки и догматическаго ученія сдѣлала бы невозможными тѣ нѣкоторыя ошибки и странности въ духовныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ для народа, которыя, т.-е. ошибки, теперь такъ часто встрѣчаются. Для надлежащаго выясненія православно-христіанскаго догматическаго и нравственнаго ученія у насъ, какъ всѣ признаютъ, сдѣлано до крайности мало. Какъ же послѣ этого не являться этимъ ошибкамъ и странностямъ въ народныхъ изданіяхъ? Существующія въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ «библиографическія замѣтки», подчасъ отличающіяся крайней поверхностностію, а иногда даже — и незваніемъ дѣла, которое разбирается всривъ и врось, лучше бы также иногда замѣнялии дѣльными научно-критическими статьями, захватывающими, между прочимъ, и народную релігиозно-нравственнаго содержанія литературу. Тогда бы и съ этой стороны мало-по-малу выяснились релігиозно-нравственные вопросы и обрисовывался идеаль народнымъ нагляднѣмъ назидательнаго содержанія. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ стали бы появляться больше и больше вполнѣ желательныя книги этого рода. Не, само собою разумѣется, — необходимо поставить вашу духовную журналистику и литературу въ лучшія цензурныя условія, чтобы критическій отдѣлъ въ духовныхъ журналахъ могъ вполнѣ отвѣчать своему назначенію. До тѣхъ

же поръ, пока у насъ не явятся лучшія народныя сочиненія какъ по религіозно-нравственнымъ вопросамъ, такъ и по другимъ отраслямъ знанія, лучше избрать, послѣ строжайшаго выбора, самое ограниченное число дѣльныхъ книгъ, чѣмъ терпѣть дурныя прежнія и поощрять фабрикацію новыхъ такого же качества. Пусть лучше 5—6 отдѣльныхъ вполне одобрительныхъ изданій вращается въ народѣ, чѣмъ тысячи дурныхъ. Такая ничтожная книжонка, какъ «Гуакъ или непреоборимая вѣрность», въ прошломъ году вышла 12-мъ изданіемъ въ количествѣ 12,000 экз. Такія вещи можно постепенно изъять вовсе изъ торговли и на мѣсто ихъ всячески распространять въ народѣ указанныхъ 5—6 вполне одобрительныхъ изданій, какового бы содержанія они ни были. Но, въ виду попытокъ пустить въ народѣ коммунистическія революціонныя идеи, было бы весьма хорошо одѣлано со стороны существующаго въ Москвѣ «Общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ для народа», еслибы это общество издало брошюру для народа, въ которой бы, въ противоположность коммунистическому ученію, сопряженному съ революціоннымъ духомъ, развивался правильный, истинно-христіанскій взглядъ на жизнь и общественныя отношенія. Естественно, въ такой книжкѣ нѣтъ надобности излагать коммунистическое ученіе, поскольку этого можно избѣжать, а равно нѣтъ надобности такъ или иначе указывать на мотивы изданія ея. Необходимо только такъ умѣло и разумно изложить положительное христіанское ученіе, выясняя его по мѣстамъ вполне подходящими и наиболѣе рельефными примѣрами изъ жизни святыхъ, чтобы читающему вполне ясна и очевидна была крайняя нелѣпность и противоположность съ христіанскимъ ученіемъ коммунистическихъ и социалистическихъ бредней. При этомъ необходимо подробный, живой и острый анализъ преимущественно тѣхъ мѣстъ Новаго Заветъа и тѣхъ событій изъ жизни церкви, которыя превратно истолковываются въ прокламаціяхъ и книжкахъ, пускаемыхъ революціонерами въ народѣ. Составленіе такой книги должно быть поручено во *всѣхъ* отношеніяхъ компетентному лицу. Сама книга должна быть изложена въ высшей степени ясно, художественно и увлекательно. Такую книгу можно было бы распространять и по фабричнымъ заведеніямъ, и по солдатскимъ казармамъ, и по сельскимъ школамъ и т. д.; пустить

ее по самой дешевой цѣнѣ. Еще лучше было бы, еслибы книгу можно бы иллюстрировать подходящими и вполне хорошими картинками. Прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, такая книга должна быть прочитана и исправлена *опытными* какими-либо экспертами.

Такимъ образомъ, не отвергая мнѣнія «Новаго времени» касательно необходимости, для противодѣйствія революціонной пропагандѣ въ народѣ, хорошо обставить и матеріально обезпечить народные школы и дать наибольшее развитіе народной литературѣ, мы опять-таки вынуждаемся свести дѣло къ подъему и обезпеченію истиннаго религіозно-нравственнаго образованія народа путемъ школы и при помощи *всякихъ* другихъ средствъ, въ числѣ которыхъ важное мѣсто должна занимать народная литература. Наша мысль вполне согласна и 1) съ существомъ самаго дѣла (ибо извѣстно, что развитіе коммунистическихъ и социалистическихъ стремленій идетъ рука объ руку съ безрелигіозностью), и 2)) съ симпатіями самаго народа. Этотъ послѣдній привыкъ связывать съ грамотностью духовно-нравственное образованіе и потому справедливо недовѣрчиво относится ко всякому образованію, при которомъ не дается перваго мѣста религіозно-нравственному элементу, а тѣмъ болѣе къ такому образованію, которое устраняетъ совершенно этотъ элементъ. Какое же мы имѣемъ право посягать на *лучшія* народные желанія? Извѣстный издатель педагогическаго журнала: «Ясная поляна» и художникъ писатель, графъ Л. Толстой, такъ знающій народъ, любящій его и много трудящійся для него, въ прошломъ году помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью, уже болѣе года волнующую не только кружокъ петербургскихъ педагоговъ, но и свѣтскій журнальный міръ,—статью, въ которой онъ, между прочимъ, доказывалъ прежнюю свою мысль о томъ, что народъ нужно учить тому, чему онъ хочетъ самъ учиться, что религіозно-нравственный моментъ долженъ лежать въ основѣ народнаго образованія. Мы, пожалуй, не можемъ вполне согласиться съ тѣмъ основнымъ принципомъ, изъ котораго столь безусловно выводитъ графъ Толстой, высказывая эту мысль, однакожъ самая мысль о необходимости религіозно-нравственнаго образованія народа является безусловно справедливою. Талантливейшій и наиболѣе ученый изъ нашихъ педагоговъ, покойный Ушинскій, точно также высказывался горячо въ пользу этой мысли. Тѣмъ

прискорбиѣ было читать въ апрѣльской книжкѣ «Дѣла» за текущій годъ возмутительныя глумленія надъ идеєю графа Толстаго со стороны автора статьи: «народъ учить или у народа учиться»? Здѣсь, путемъ софистическихъ изворотовъ, искажается мысль графа Толстаго и затѣмъ эта искаженная мысль опровергается слѣдующими напр. доводами». Школа только тогда и можетъ оказывать, говоритъ авторъ статьи, благотворное вліяніе на народное развитіе, когда она стоитъ выше его насущныхъ, исторически сложившихся потребностей, когда она преслѣдуетъ идеалы *болѣе разумныя и болѣе широкіе*, чѣмъ тѣ, которые онъ преслѣдуетъ, когда, однимъ словомъ, не она нисходитъ до уровня его требованій, а его поднимаетъ до своихъ требованій». Мысль, повидимому, совершенно вѣрная, противъ которой и спорить нечего. Но развѣ наши «прогрессисты» не изловчились до того, чтобы проводить самыя отрицательныя идеи въ самой благовидной формѣ? Дѣло въ томъ, что христіанское религіозно-нравственное мировоззрѣніе здѣсь трактуется, какъ *преодоющее* историческое явленіе, уступающее въ своемъ достоинствѣ новымъ, *якобы* «болѣе разумнымъ и болѣе широкимъ, идеаламъ», что религіозная потребность здѣсь разсматривается, какъ *временная* потребность, а не такая, которая была бы присуща *самой природѣ* человѣка, въ какой бы періодъ исторіи онъ ни жилъ. Отсюда и выходитъ, что авторъ статьи направляетъ свои стрѣлы противъ мысли о необходимости слѣдовать волѣ народа въ вопросѣ о характерѣ его образованія. Но, очевидно, религіозная потребность не есть продуктъ извѣстной фазы человѣческаго историческаго развитія, но потребность, данная съ самой природою человѣка. Значитъ, и религіозно-нравственное образованіе постольку же должно составлять основу и фундаментъ народнаго образованія, поскольку идея Божества служитъ средоточіемъ другимъ идеямъ: и идеи права, на которомъ аджидется идея государства, и другія идеи.

Но если газета «Голось» и «Новое Время» пытаются сами указать средства къ болѣе успѣшному противодѣйствію революціонной пропагандѣ, то «Гражданинъ» вводитъ въ разсмотрѣніе и рѣшеніе вопроса: насколько целесообразна та мѣра протѣвъ распространенія среди молодежи революціонныхъ идей — мѣра, къ которой прибѣгаетъ г. министръ народнаго просвѣщенія,

приглашающій преподавателей и наставниковъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ разъяснить учащимся, при удобномъ случаѣ, злоуредность коммунистическихъ идей и сущность гибельныхъ стремленій пропагандистовъ революціи. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что разсужденія «Гражданина» объ этой мѣрѣ не принадлежатъ редакціи или непосредственнымъ и постояннымъ его сотрудникамъ, а заключаются въ «письмѣ въ редакцію» по поводу циркуляра министра народнаго просвѣщенія. Но чрезъ это значеніе этихъ разсужденій для насъ еще болѣе повышается въ извѣстномъ отношеніи. «Письмо въ редакцію» является откликомъ извѣстной части общества на министерскій циркуляръ. Каковою же находить составитель письма мѣру министра? «Неподлежитъ сомнѣнію, говоритъ авторъ письма, что если молодые люди узнаютъ отъ своихъ начальниковъ и учителей, на чемъ именно основываются теоріи социалистической пропаганды и въ чемъ состоитъ ея практическое примѣненіе, то нелѣпое ученіе агитаторовъ потеряетъ всякій вѣсъ въ глазахъ нашего честнаго юношества... Но, къ сожалѣнію, персоналъ нашихъ преподавателей, въ большинствѣ, безъ сомнѣнія, достойный своего высокаго назначенія, представляетъ нерѣдко и грустныя исключенія. Недавніе политическіе процессы показали, что между учителями находились агитаторы. Въ послѣднее даже время въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ оказались преподаватели, проникнутые вредными идеями. Наконецъ, отъ самаго министра народнаго просвѣщенія рассылаются сообщенія въ другія учебныя вѣдомства о недонущеніи къ преподаванію такихъ-то и такихъ-то лицъ, уволенныхъ отъ службы по министерству «въ слѣдствіе ихъ политической или религіозной неблагонадежности». Авторъ письма опасается, чтобы дурные преподаватели, существованіе которыхъ, по его мнѣнію, и теперь вѣдѣтъ предположительно, не стали, поды предлогомъ исполненія министерской воли, представлять коммунистическія идеи въ благоприятномъ свѣтѣ въ глазахъ молодежи. Съ другой стороны, говоритъ авторъ письма, очень возможно, что «какой-нибудь даже въ весьма понятныхъ учениковъ несовершенно, даже и тѣмъ поймать сказанное учителемъ, или, передавая его разсказъ въ своемъ сообщеніи, будетъ самъ неправомерно доверять и выводить нѣсколько дурныхъ выводовъ на частнаго и

достойнаго преподавателя, но и на самое заведеніе, даже, можетъ быть, на все вѣдомство». Въ сущности авторъ письма, какъ видимъ, находитъ весьма полезнымъ, въ видахъ противо-дѣйствія распространенію коммунистическихъ и социалистическихъ идей, а равно революціонной пропагандѣ, разъяснять молодымъ людямъ, «на чемъ именно основываются теоріи социалистической пропаганды и въ чемъ состоитъ ея практическое примѣненіе». Онъ опасается только, чтобы злонамѣренные учителя не стали, подъ предлогомъ противо-дѣйствія революціонной пропагандѣ, возбуждать въ молодежи искусственно сочувствіе къ социалистическимъ и коммунистическимъ идеямъ, и чтобы перетолкованіе со стороны воспитанниковъ словъ учителя не повлекло какихъ-либо дурныхъ послѣдствій для этого послѣдняго, для учебнаго заведенія и даже для цѣлаго учебнаго вѣдомства. Несомнѣнно, что опасенія автора письма имѣютъ своего рода основанія. Религіозно-нравственное образованіе въ нашихъ университетахъ, сколько мы знаемъ, *до крайности* жалко. И это, конечно, *всего меньше* зависитъ отъ личной воли преподающихъ богословскія науки въ университетахъ. Вліяніе этихъ послѣднихъ, еслибы даже они всевозможно добивались его путемъ прекрасныхъ лекцій и т. под., парализуется десятками другихъ вліаній не совсемъ желательнаго свойства. Кто не знаетъ, что современное *направленіе* большей части отраслей знанія таково, что оно нерѣдко становится въ *прямую* оппозицію съ большей частью христіанскихъ идей? Сама по себѣ наука тутъ, конечно, ни причемъ: она, будучи правильно понимаема въ своей сущности, въ своихъ непосредственныхъ задачахъ и границахъ, никогда не можетъ быть въ антагонизмъ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Но что же дѣлать, когда представители науки нерѣдко,—мы не говоримъ о вполнѣ отрадныхъ исключеніяхъ, существующихъ и у насъ,—увлекаются ходячими научными теоріями, гипотезами и предположеніями и видятъ въ нихъ «послѣднее слово науки»? Провозглашая съ университетской кафедры эти «послѣднія слова науки», нѣкоторые профессора становятся иногда въ непримиримое противорѣчіе какъ съ тѣми или другими христіанскими воззрѣніями, такъ, конечно, и съ многочисленными данными самой науки, стараясь эти послѣдніе искусственно и насильственно «подогнать» подъ модную теорію или и вовсе оу-

скать. Иногда эти явленія происходят вовсе даже не изъ какого-либо тенденціознаго мотива, а просто отъ неспособности овладѣть научнымъ матеріаломъ и стать на правильную точку зрѣнія. Такого рода случаи, пожалуй, происходятъ еще чаще, чѣмъ случаи, когда человѣкъ просто недолюбливаетъ извѣстныхъ идей и потому громить ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Къ сказанному нужно присоединить слѣдующее. Люди, знакомые съ университетскою жизнью, очень хорошо знаютъ, что студенты въ большинствѣ университетовъ, въ самомъ ничтожномъ количествѣ, посѣщаютъ лекціи по богословію, учатся лишь для диплома (за самыми рѣдкими исключеніями), въ теченіе учебнаго года пробавляются чтеніемъ «либеральныхъ» журналовъ и вообще вещами, часто неимѣющими никакого отношенія къ ихъ непосредственнымъ обязанностямъ, и только передъ экзаменами превращаются въ дѣловыхъ людей,—въ самыхъ жалкихъ, строго говоря, школьничковъ, долбящихъ заданный урокъ для полученія нужнаго балла. Студенты нѣкоторыхъ престижныхъ университетовъ своимъ образомъ жизни поведеніемъ возбуждаютъ въ мѣстной публикѣ иногда такое недовольство, что свѣжій человѣкъ, выслушавъ рассказы о студенческомъ житьѣ-бытьѣ, просто поражается. Начальники среднихъ, духовныхъ и даже свѣтскихъ учебныхъ заведеній, нѣрѣдко и совершенно резонно жалуются, что воспитанники ихъ были бы гораздо лучше, еслибы не приходили въ частое непосредственное соприкосновеніе съ студентами и лишены были возможности брать съ нихъ дурной примѣръ. Конечно, на медицинскомъ напр. факультетѣ студенты больше работаютъ и меньше бездѣльничаютъ, но за то они почему-то еще меньше любимы серьезными и благонамѣренными людьми. Какъ ни горько говорить это, но было бы грѣхомъ умалчивать о томъ, что заставляетъ болѣть сердце человѣка, хоть сколько-нибудь желающаго добра молодежи. Посему трудно ожидать, чтобы, при существующемъ порядкѣ вещей, изъ среды университетскихъ студентовъ большинство, поступаая преподавателями напр. въ разныя учебныя заведенія, *содѣйствовало* вполнѣ истинному религиозно-нравственному направленію молодежи и могло соотвѣтствовать ожиданіямъ правительства касательно, противодѣйствія революціонной пропагандѣ и распространенію коммунистиче-

скихъ бредней. Какимъ образомъ оно можетъ одѣйствовать на распространенію и вкорененію въ молодежи истиннаго христіанскаго міровоззрѣнія, когда нашихъ преосвященныхъ, посвѣщающихъ университетскіе экзамены по такъ-называемому закону Божію, въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ совершенно поражаело воиющее невѣжество «якобы образованныхъ» молодыхъ людей въ самыхъ первыхъ и основныхъ христіанскихъ истинахъ, когда эти университетскіе студенты кромѣ нѣсколькихъ модныхъ идеекъ не имѣютъ, въ большинствѣ своемъ, никакихъ прочныхъ убѣжденій и когда по поступленіи своемъ на педагогическую службу большая часть ихъ не интересуется ничѣмъ, что касается церкви, религіозныхъ вопросовъ и т. д.? Въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ прежде всего важно, чтобы *все* преподаватели дѣйствовали гармонично и направляли свои соединенныя усилія къ образованію и воспитанію молодежи *въ одномъ опредѣленномъ направленіи*. Но если преподаваніе закона Божія въ свѣтскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ цѣлю выработать въ ученикахъ и воспитанникахъ истинное христіанское міровоззрѣніе и христіанское направленіе сердца и воли, тогда неизбѣжно правительство и общество въ правѣ ожидать отъ всѣхъ преподавателей дружнаго и разумнаго преслѣдованія той же цѣли. *Это неоспоримо*. Тутъ дѣло не въ томъ, чтобы *не мѣшать* усиліямъ добраго преподавателя закона Божія въ его стремленіяхъ къ достиженію указанной цѣли, но въ томъ, чтобы *положительно содѣйствовать*. Какимъ образомъ, далѣе выходящія изъ нашихъ университетовъ и поступающіе напр. на педагогическую службу окажутся въ своемъ большинствѣ способными разумно изложить социалистическія и коммунистическія идеи и *возможность* разоблачить ихъ дикость, когда это большинство изъ нашихъ журналовъ впитывало въ себя понятія о вещахъ изъ твореній Чернышевскаго, Писарева и К^о, когда оно услаждалось Лассалемъ (у насъ даже нѣкоторыя женщины, не получившія никакого образованія, знакомы съ Лассалемъ) и т. под., когда оно подчасъ вовсе не связало съ университетской касседой трезвой и справедливо-безпристрастной критики коммунизма и социализма, когда въ нашихъ свѣтскихъ журналахъ оно не можетъ также найти ничего подобнаго, а дурныхъ журналовъ и въ руки не беретъ, и когда оно вовсе незнакомо

сѣтъ, въ какомъ отношеніи къ истинно-христіанскому ученію стоятъ коммунистическія и социалистическія идеи, представители которыхъ любятъ указывать не только на сродство этихъ идей съ христіанскимъ ученіемъ, но даже и на тождество? Принимая все это въ соображеніе, — а не принимать нельзя, — невольно какъ-то раздѣляешь опасенія автора «письма въ редакцію» «Гражданина». Иной и вполнѣ благонамѣренный преподаватель, при всемъ своемъ желаніи сдѣлать доброе дѣло, несумѣетъ исполнить его, какъ слѣдуетъ. Совсе ничего не имѣя противъ самой разсматриваемой правительственной мѣры, *взятой самой со себя*, и вполнѣ желая наилучшаго исполненія ея, мы рѣшаемся сказать на основаніи вышесказаннаго, что было бы гораздо цѣлесообразнѣе и полезнѣе предоставить законоучителямъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, такъ и другихъ вѣдомствъ, *противодѣйствіе* социалистическимъ и коммунистическимъ идеямъ и революціонной пропандѣ. Точно также желалось бы, чтобы и въ университетахъ и въ другихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ учрежденіяхъ преподаватели богословія по временамъ вносили въ обстоятельный научно-христіанскій анализъ современныхъ социалистическихъ и коммунистическихъ системъ. Да и едвали они и прежде могли обходить этотъ вопросъ, излагая христіанское ученіе въ связи съ критикою наиболѣе выдающихся и распространенныхъ современныхъ заблужденій разнаго рода. Предполагая, что духовное вѣдомство старается и считаетъ своей обязанностью снабжать среднія и высшія всякаго рода свѣтскія учебныя заведенія такими преподавателями закона Божія, которые отличаются наилучшими качествами своего *разносторонняго* образованія и наилучшими стремленіями, мы убѣждены, что законоучители наши сдѣлали бы массу добра, поставивъ своей преимущественно обязанностью *противодѣйствіе* распространенію указаннаго зла. Законоучителямъ, какъ въ то же время пастырямъ душъ учащагося молодаго поколѣнія, всего приличнѣе оберегать молодежь и отъ этого зла. Законоучитель средняго учебнаго заведенія въ своихъ *личныхъ* бесѣдахъ съ «понятливыми» взрослыми воспитанниками и воспитанницами, *всегда* найдетъ *спомни* законный поводъ раскрыть дикость коммунистическихъ и социалистическихъ революціон-

ныхъ стремленій, *даже не указывая* на то, что вездѣ «несчастные политическіе фанатики, недоученые юности, затѣваютъ провести въ народъ свои несбыточные фантазіи, и для этого избрали своимъ орудіемъ учащуюся молодежь». Здѣсь менѣе также оснований опасаться [не совершенно яснаго и точнаго пониманія со стороны воспитанниковъ и воспитанницъ наложеннаго законоучителемъ и другихъ вещей, на которыя указываетъ авторъ «письма въ редакцію». Законоучитель больше имѣетъ законныхъ поводовъ и подходящихъ случаевъ узнать, какъ его поняли, и снова протолковать сказанное. Но, высказывая все это, мы опять таки повторяемъ, что на обязанности всѣхъ преподавателей лежитъ содѣйствіе развитію въ воспитанкахъ и воспитанникахъ того христіанскаго міровоззрѣнія и душевнаго настроенія, которыя служатъ *единственно-вѣрнымъ и надежнымъ* средствомъ къ охраненію молодежи отъ *всяческаго* увлеченія чѣмъ-либо въ родѣ социалистическихъ и коммунистическихъ идей. Но для этого самое образованіе преподавателей свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ нашихъ университетахъ должно быть разсчитано на то, чтобы молодые люди, выйдя съ запасомъ многостороннихъ и вполнѣ осмысленныхъ свѣдѣній, выносили крѣпкія христіанскія убѣжденія и стремленія. Не давно въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ совершенно-естественной горечью говорилось о грубѣйшемъ *практическомъ* материализмѣ молодыхъ, лучшихъ даже, людей, выходящихъ изъ нашихъ университетовъ и затѣмъ въ жизни не знающихъ ничего выше сколачиванія денегъ *всякими* средствами. Но это явленіе—какъ и масса подобныхъ ему, не есть ли неизбежный результатъ того характера студенческой жизни и студенческаго образованія, о которомъ мы говорили? Лучшая часть общества много ждетъ отъ послѣдствій пересмотра университетскаго устава. Нужно все сдѣлать для того, чтобы университетская молодежь серьезно училась и видѣла въ этомъ единственное свое призваніе, пока она находится на студенческой скамьѣ. Нужно все сдѣлать для того, чтобы въ преподаватели университетскіе избирались или назначались лица, отличающіеся исключительно научнымъ направленіемъ, непреклоняющіеся предъ извѣстными идеями ради только ихъ современности и настолько любящіе молодежь, чтобы быть не только «образователями», но и вос-

питателями ея, входящими во внутренній міръ молодежи и *братски* руководящими ее ко всему доброму. Необходимо все сдѣлать для того, чтобы богословское образованіе студентовъ сдѣлать *возможно-серіознымъ*, пробудить въ нихъ любовь къ церкви и высшіе религіозно-нравственные интересы и сдѣлать ихъ вполне готовыми, по выходѣ изъ университета и по поступленіи въ преподаватели напр., соединиться съ законоучителями для посильнаго и честнаго труда на благо воспитываемыхъ. Для того, чтобы университетское образованіе было въ то же время и *возможно-серіознымъ* богословскимъ образованіемъ, необходимо, по нашему мнѣнію, сдѣлать двѣ богословскихъ кафедры при университетѣ (кафедру апологетикъ и кафедру догматики и богословской немки), придать богословію *одинаковое* значеніе съ *первостепенными* факультетскими предметами, *откуда не брать въ экзамены по богословію, что до нельзя пресмычно*, въ преподаватели богословія въ университетахъ избирать или назначать людей извѣстныхъ, помимо своихъ добрыхъ стремленій, серіозными апологетическими или догматическими и пѣнческими изслѣдованіями, и т. и. При *всѣхъ* указанныхъ условіяхъ изъ университетовъ не только не будутъ выходить люди, которыхъ въ послѣдствіи придется лишать службы «вслѣдствіе ихъ политическоі или религіозной неблагонадежности», но университеты будутъ давать обществу такихъ людей, которые, избравъ напр. журнальное поприще, будутъ всячески будить это общество отъ того апатическаго состоянія, въ которомъ оно находится, отражать побѣдоносно разныя модныя идеи и теоріи, стоять за все, что есть лучшаго и временно-необходимая въ нашей жизни, защищать необходимость религіозно-нравственнаго образованія народа и т. д. и т. д. Тогда и правительству вовсе не будетъ никакой надобности въ административномъ или судебномъ преслѣдованіи разныхъ зловредныхъ идей и стремленій, въ предварительной цензурѣ и т. д. Напротивъ, если у насъ не будетъ поставлено въ благопріятныя условія развитіе въ воспитывающихся поколѣніяхъ истинно-христіанскаго мировоззрѣнія и христіанскаго настроенія, тогда всѣ наши палліативныя и случайныя мѣры къ ослабленію и пресѣченію разнообразныхъ видовъ общественнаго зла не будутъ давать ожидаемыхъ результатовъ....

Такимъ образомъ, на вопросъ: въ чемъ именно правительство и лучшіе члены общества должны видѣть *самое дѣйствительное и вѣрное средство* къ противодѣйствию революціоннымъ стремленіямъ и къ пресѣченію распространенія социалистическихъ и коммунистическихъ ученій, мы вынуждаемся *логикой и здравымъ смысломъ* отвѣчать, что *это средство заключается въ подъемъ и развитіи у насъ релігіозно-нравственной мысли и жизни.* Другаго средства нѣтъ и быть не можетъ. Всякія внѣшнія правительственные мѣры, неисключая и всѣхъ способовъ каранія распространителей злокачественныхъ идей и пресѣченія путей къ проведенію въ общество антихристіанскихъ, антиправительственныхъ и противуобщественныхъ ученій, суть лишь палліативы, которыми не вырывается зло съ корней. Жестокія же преслѣдованія не рѣдко только усиливаютъ зло и заставляютъ его прокрадываться въ общество разными темными подпольными и подземными ходами, *за которыми трудно наблюдать.* Только въ томъ обществѣ можетъ имѣть успѣхъ революціонная пропаганда, въ которомъ на мѣсто христіанскаго міровоззрѣнія становится атеизмъ, на мѣсто христіанской жизни—жизнь въ духѣ матеріализма и атеизма: эту истину должны укоренить въ себѣ всѣ члены нашего общества, начиная отъ правящихъ этимъ обществомъ слоевъ до послѣдняго изъ управляемыхъ его членовъ. Слѣдовательно, необходимо и правительству и лучшимъ членамъ общества соединиться и сплотиться для того, чтобы всѣчески содѣйствовать пробужденію и оживленію въ нашомъ обществѣ релігіозно-нравственной мысли и жизни. Но,—само собою разумѣется,—въ этомъ прежде всего должны принять *руководственное* участіе представители церкви и служители ея. Пробужденіе въ обществѣ релігіозно-нравственныхъ стремленій и направленіе ихъ—дѣло прежде всего церкви. Но для того, чтобы представители и служители церкви могли желательнымъ образомъ исполнять свою святую миссію, необходимо отбѣнить все то, что можетъ стѣснять и стѣсняетъ церковь въ ея жизнеуправленіяхъ; и дать ей таяія полномочія, какія необходимы для полной и нормальной ея жизни, правильное теченіе которой служить условіемъ крѣпости самаго государственнаго и общественнаго организма. Но такъ какъ церковь составляютъ одинаково какъ непосредственные служители ея (т. е. такъ-называемыя

мляръ), тамъ и воѣ вѣрующіе, то желательно, чтобы тѣ изъ мірянъ, которые не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ церкви, съ своей стороны содѣйствовали осуществленію указанныхъ желаній представителей и служителей церкви. У насъ напр. не рѣдко возстаютъ даже противъ вліанія духовенства въ народной школѣ и всячески устраняютъ это вліаніе. Но что же и говорить о другихъ какихъ-либо полномочіяхъ и правахъ духовенства въ государственно-общественной средѣ?... Съ своей стороны, духовенство должно все сдѣлать для того чтобы быть достойнымъ той миссіи, которой оно является представителемъ. Оно должно своими высокими умственными и нравственными качествами завоевать себѣ *нравственное* вліаніе въ обществѣ и въ народѣ. Необходимость наибольшаго образованія для духовенства—образованія, *возможно-всесторонняго и глубокаго*, все болѣе и болѣе чувствуется. Говоря о духовныхъ семинаріяхъ «Московскія Вѣдомости» совершенно справедливо высказали однажды, что «эти заведенія должны стоять нисколько не ниже, а даже выше, чѣмъ гимназіи, и заслуживаютъ по крайней мѣрѣ не меньшихъ заботъ, чѣмъ послѣднія». Но,—само собою разумѣется, — въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ должны имѣть наиболѣе широкую и серьезную постановку тѣ изъ такъ называемыхъ свѣтскихъ наукъ, которыя, съ одной стороны болѣе соприкасаются съ богословской спеціальностью и содѣйствуютъ лучшему усвоенію ея, а съ другой стороны, которыя приобрѣтаютъ наибольшее вліаніе и значеніе въ современномъ обществѣ, Всякая затрата умственныхъ силъ и времени на изученіе предметовъ, неотносящихся къ той или другой категоріи, сейчасъ указанной,—положительное зло. Въ этомъ отношеніи крайне желателенъ пересмотръ и устава нашихъ духовныхъ академій,—пересмотръ, о которомъ недавно сообщалось въ газетахъ. Не желая пока нисколько слиянія нашихъ академій съ университетами, которое въ 1872 году проектировалась одной почтенной однакожъ газетой, и не думая о *радикальномъ* измѣненіи академическаго устава; тѣмъ не менѣе мы желали бы, въ интересахъ церкви и общества, чтобы *тщательно* былъ разсмотрѣнъ и об-сужденъ вопросъ о распредѣленіи и постановкѣ наукъ въ академіяхъ нашихъ. Было бы въ высшей степени полезно сдѣлать для студентовъ духовныхъ академій *общеобязательными* 1) всѣ

необходимыя науки и затѣмъ 2) философскія, какия въ послѣднее время читаются въ академіяхъ. Вместе существующихъ трехъ отдѣленій: 1) богословскаго, 2) церковно-историческаго и 3) церковно-практическаго было-бы полезно открыть два отдѣленія: 1) историко-филологическое и 2) физико-математическое или, правильнѣе, *естественнонаучное*. Въ этомъ послѣднемъ специальномъ факультетѣ или отдѣленіи настоятъ полная необходимость. *Серьезная* христіанская апологетика въ наше время *немыслима* безъ *возможно-основательнаго* наученія по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ и наиболѣе общихъ отраслей естествознанія (одной физики рѣшительно недостаточно). Въ настоящее время неумѣстно было-бы останавливаться на доказательствахъ *необходимости* естественно-научнаго отдѣленія при духовныхъ академіяхъ. Но мы убѣждены, что впоследствии придется крайне сожалѣть о томъ, что своевременно не было учреждено и хорошо организовано это отдѣленіе. Московская духовная академія очень хорошо поступила, что основала кафедру христіанской апологетики на естественно-научныхъ основаніяхъ. Такая кафедра должна существовать во *всѣхъ* академіяхъ *рядомъ* съ *особой* кафедрой основнаго богословія, и занимающіе первую изъ нихъ должны выходить съ естественно-научнаго отдѣленія. Но такъ или иначе необходимо во имя мѣрама возвышать образованіе въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ и приспособлять его къ возможно-совершенному удовлетворенію требованій нашего времени. Больше учиться и серьезнѣе учиться—вотъ что должно быть девизомъ и молодого чловека, сидящаго на семинарской или академической скамьѣ, и всякаго дѣтеля богословской науки. Когда мы относительно нашихъ даже не-богословскихъ знаній будемъ стоять высоко, тогда наши усилія будить общественное религиозное сознаніе и противодѣйствовать вредныиъ всяческихъ антихристіанскихъ идей, неслучая и коммунистическихъ, могутъ при помощи Божіей, скорѣе увѣнчиваться желаннымъ успѣхомъ. Рядомъ съ высокими умственными развитіемъ и образованіемъ мы первые должны дать примѣръ нравственной доблести, самоотверженнаго служенія обществу, возможно-точного и неуклоннаго исполненія нашихъ непосредственныхъ обязанностей. Этимъ мы болѣе всего научимъ в другихъ терпѣливо перене-

сить разныя лишенія, охранять существенныя основы государственнаго и общественнаго устройства, облегчать нужды бѣдныхъ и безпомощныхъ, уважать права другихъ, считать благо ближняго нашимъ благомъ. Тогда и всякая коммунистическая революціонная пропаганда не только разобьется, встрѣтившись съ обществомъ, въ которомъ церковь воспріяла твердыя христіанскія убѣжденія и чистыя душевныя настроенія, но и сдѣлается невозможною. Если же это общество будетъ упорствовать въ своемъ практическомъ и теоретическомъ материализмѣ,—оно и будетъ отвѣчать за себя...

Z.

22 августа, 1875 года.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

(18 октября 1875 года, № 3.526).

О повсемѣстномъ въ Россіи сборѣ пожертвованій на пужды православной духовной миссіи въ Японіи.

По заявленію въ 1869 году настоятелемъ церкви при консульствѣ нашемъ въ Японіи о обнаруживаемомъ тамошнимъ населеніемъ желаніи ознакомиться съ истинами христіанской вѣры, святѣйшій Синодъ, въ видахъ удовлетворенія этимъ стремленіямъ, положилъ образовать въ Японіи особую духовную миссію изъ начальника миссіи, трехъ миссіонеровъ-сотрудниковъ и псаломщика.

Несмотря на недавнее учрежденіе этой миссіи, при ней находится въ настоящее время 15 катихизаторовъ, 30 катихизаторскихъ учениковъ и заведено училище для христіанскихъ дѣтей, въ которомъ обучается 60 учениковъ; въ Іедо, столицѣ Японіи, прибрѣтено настоящее помѣщеніе для миссіи, а въ прошедшемъ году приступлено къ построенію каменнаго дома для помѣщенія двухъ миссіонеровъ и 50 учениковъ съ японскими учителями и домовою церковью; въ Хакодате, мѣстопребываніи нашего консула, прибрѣтены два дома: въ одномъ помѣщены нѣкоторые катихизаторы, другой служить молитвеннымъ домомъ; а сверхъ сего построено отдѣльное зданіе для школы, и въ Сендаѣ предполагается построить церковный домъ.

Къ сожалѣнію, дѣятельность миссіи не можетъ получить полного развитія, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, которыя такъ ограничены, что едва покрываютъ расходы на штатное содержаніе ея. Между тѣмъ, по мѣрѣ распространенія ея дѣйствій, неминуемо должны увеличиться расходы какъ на содержаніе катихизаторовъ и учениковъ, такъ и на построеніе молитвенныхъ домовъ, школъ и помѣщеній для учащихся и учащихся.

Поэтому, въ видахъ воспособленія благимъ начинаніямъ миссіи нашей въ Японіи, святѣйшій Синодъ, благословивъ миссіонерское общество принять ее подъ свое покровительство, признаетъ, вмѣстѣ съ симъ, необходимымъ обратиться къ благочестивому усердію православнаго русскаго народа, который, по святой ревности ко благу православной церкви, всегда тѣмъ усердіемъ дѣлалъ носильныя на пользу ея прино-

шенія, чѣмъ настоятельнѣе была нужда въ нихъ, и въ настоящее время потому же святому чувству не откажетъ, конечно, въ добротныхъ своихъ приношеніяхъ на поддержаніе благоползной для православія дѣятельности миссіи нашей въ Японіи.

Въ этомъ упованіи святѣйшій Синодъ постановилъ: открыть повсемѣстный въ Россіи сборъ пожертвованій на воспособленіе означенной миссіи.

Денежныя пожертвованія принимаются:

1. Въ Москвѣ, въ Православномъ миссіонерскомъ Обществѣ и у священника Гавріила Срѣтенскаго, при вознесенской, на Большой Никитской, церкви.

2. Въ С.-Петербургѣ, у сотрудниковъ миссіи: священника христорожественской, на Пескахъ, церкви Василя Маслова, священника благовѣщенской церкви Іоанна Демкина, на Васильевскомъ островѣ, и священника Феодора Быстрова въ инженерномъ замкѣ.

3. Во всѣхъ комитетахъ Православнаго миссіонерскаго Общества, гдѣ таковыя существуютъ.

ПРОТОІЕРЕЙ Е. И. ПОПОВЪ.

Некроль.

15 минуваго октября, въ 7 часовъ вечера, скончался въ Петербургѣ протоіерей императорской посольской церкви въ Лондонѣ, *Евгеній Ивановичъ Поповъ*. Православное духовенство потеряло въ Е. И. Поповѣ одного изъ лучшихъ своихъ представителей; русское общество лишилось въ немъ дѣятельнаго члена, высоко поднавиваго въ чужихъ краяхъ мнѣніе о русскихъ людяхъ. Кто зналъ покойнаго, пишутъ въ „Голосѣ“, не могъ не любить его; кто имѣлъ съ нимъ сношенія, долженъ былъ уважать его. Вотъ почему вѣсть о кончинѣ Евгенія Ивановича Попова собрала къ его гробу сотни людей, любившихъ его и уважавшихъ.

Протоіерей Е. И. Поповъ сынъ священника ярославской епархіи. Ровно 40 лѣтъ назадъ, въ 1835 году, онъ кончилъ курсъ въ петербургской духовной академіи, получилъ степень магистра и былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и французскаго языка въ тверскую духовную семинарію. Три года спустя по выходѣ изъ академіи, Е. И. Поповъ былъ рукоположенъ во священника и назначенъ въ посольскую церковь въ Копенгагенѣ, откуда послѣ переведенъ въ Лондонъ. Съ 1838 года, когда покойный впервые уѣхалъ за-границу, Е. И. Поповъ оставался

внѣ предѣловъ отечества, которое навѣщаль только изрѣдка. Последніе тридцать три года, съ 1842 года, онъ почти безвыѣздно оставался въ Лондонѣ, даже въ тяжелые годы крымской войны, когда онъ получилъ благодарность покойнаго императора Николая Павловича „за сдѣланныя имъ распоряженія для подавнїа духовнаго утѣшенія и выдачи денежнаго вспомошествованія россійскимъ военноплѣннымъ, находившимся въ Англїи“. Желая повидаться ннѣшнимъ лѣтомъ съ своими родственниками въ Петербургѣ, онъ взялъ кратковременный отпускъ изъ Лондона, но на пути получилъ сильную простуду, которая и свела его въ могилу.

Въ области литературы, пишутъ въ *Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ*, покойный былъ извѣстенъ переводомъ на русскій языкъ весьма распространенной за-границей книги пастора Тодда: *Чтенія для дѣтей*, которая и у насъ выдержала два изданія. Онъ издалъ также въ русскомъ переводѣ брошюру: *О началахъ англійскаго университетскаго образованія*, и помѣстилъ нѣсколько другихъ переводовъ и статей въ *Христіанскомъ Читенїи* и *Правосл. Обозрѣнїи*. Покойный извѣстенъ былъ, впрочемъ, не столько литературными своими трудами, сколько своею практическою дѣятельностію на пользу православной церкви. Цѣлые десятки лѣтъ занимая столь важный постъ, онъ до самой кончины не переставалъ трудиться надъ дѣломъ единенія англиканской церкви съ православною; его трудамъ и христіанской ревности по преимуществу обязаны нѣкоторыя изъ членовъ англїйской епископальной церкви своимъ обращеніемъ въ православіе: въ числѣ ихъ находится докторъ Овербекъ и другіе.

ВОЗЗВАНІЕ

ДОНСКАГО АРХІЕПИСКОПА ПЛАТОНА КЪ ПАСТВѢ СВОЕЙ О
ВСПОМОЩЕСТВОВАНІИ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ЖИТЕЛЯМЪ БОСНІИ
И ГЕРЦЕГОВИНЫ, ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ БЪ НИХЪ
ТУРЕЦКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ.

Возлюбленные братія и чада о Господь!

Вы, безъ сомнѣнїа, слышали, что происходитъ нынѣ въ двухъ турецкихъ областяхъ—въ Боснїи и Герцоговинѣ, населенныхъ православными славяно-сербами. Въ этихъ областяхъ несчастные наши соплеменники и единовѣрцы *пятисотъ* лѣтъ страдаютъ подъ тяжкимъ мусульманскимъ игомъ и подвергаются разнымъ оскорбленіямъ и кровавымъ обидамъ. Подробно описать и вполнѣ изобразить то, что они терпятъ отъ

вѣрнихъ, невозможно: довольно сказать, что ихъ страданія превзошли мѣру терпѣнія, и они въ отчаянномъ своемъ положеніи рѣшились, съ оружіемъ въ рукахъ, избавиться отъ жестокихъ деспотовъ и по возможности улучшить свой бытъ. Теперь сіи несчастные упорно ведутъ неравную борьбу съ оттоманскими силами, и, Богъ вѣсть, какой исходъ будетъ имѣть для нихъ эта борьба!... Между тѣмъ страна ихъ опустошена, жилища ихъ сожжены, имѣнія расхищены, семейства ибиты или разсѣялись по разнымъ странамъ и терпятъ большое горе на чужбинѣ.

Послушайте, что говорятъ о нихъ люди, хорошо знающіе ихъ положеніе. Наше *русское генеральство консулатство въ Рагузу* сообщаетъ славянскому благотворительному комитету въ Москвѣ: „Положеніе укрывшагося въ (Черногорію) изъ Герцеговины населенія ужасно; зима приближается и возбуждаетъ самыя сильныя опасенія. Благотворительность необходима въ самыхъ широкихъ размѣрахъ“. *Высокопреосвященный Іларіонъ, черногорскій митрополитъ*, пишетъ тому же комитету: „До сего дня (20 сентября) болѣе 25,000 герцеговинцевъ должны были покинуть свои жилища и перешли въ Черногорію, а къ тому времени, какъ настанетъ зима, ихъ явится еще столько,—теперь же они бродятъ около нашихъ границъ со своими стадами. Весь этотъ народъ голъ, босъ и голоденъ!... Нужно хлѣба! Заботу о немъ приняло на себя наше правительство. Но у нихъ нѣтъ съ собой никакой посуды, никакой одежды, нѣтъ постелей, а все это необходимо, какъ и пища; ибо кромѣ раненыхъ между этими страдальцами много дѣтей, женщинъ и старцевъ немощныхъ и больныхъ, а если кто и здоровъ, то и тому всѣ эти вещи необходимы. Жизнь нѣсколькихъ тысячъ страдальцевъ зависитъ отъ помощи, и при томъ скорой помощи вашей“. А другой *высокопреосвященный Михаилъ митрополитъ сербскій*, говоритъ во своемъ воззваніи къ русскому народу: „Десятки тысячъ нагихъ, голодныхъ женщинъ, дѣтей, безпомощныхъ стариковъ, уходя отъ врага (изъ Босніи и Герцеговины), ищутъ защиты и помощи у насъ—въ Сербіи, Черногоріи и у австрійскихъ братьевъ. Что будетъ съ ними?... Безъ крова и пріюта несчастные сгнаны въ лѣсахъ. Наступаетъ зима, холодъ и голодъ, а ни хлѣба, ни денегъ нѣтъ!... Кромѣ того, каждый день сотни изъ нашихъ лучшихъ синовъ погибаютъ на руинахъ нашей дорогой-отчизны и тысячи раненыхъ требуютъ немедленной помощи“.

Такое бѣдственное положеніе славяно-сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ обратило на нихъ общее вниманіе въ Европѣ и во многихъ добрыхъ сердцахъ произвело живое состраданіе къ нимъ. Не только православныя княжества Сербія и Черногорія, въ которыя они убѣгаютъ отъ враговъ своихъ, оказываютъ имъ братскій пріемъ и доставляютъ посильное пособіе въ ихъ нуждахъ, но и многія иновѣрныя государства

простираютъ въ нимъ руку помощи чрезъ своихъ гражданъ. А у насъ въ Россіи благочестивѣйшій Государь нашъ, движимый состраданіемъ къ снмъ несчастнымъ, всемогуществѣнше соизволилъ разрѣшить по всей имперіи сборъ добровольныхъ пожертвованій въ пользу тѣхъ изъ нихъ, которые пострадали отъ вниѣшняго возстанія въ ихъ областяхъ ¹⁾. Поэтому нынѣ, не только въ столицахъ нашихъ, но и въ другихъ мѣстахъ, производится сборъ такихъ пожертвованій и добрые люди охотно дѣлаютъ оныя, какъ видно изъ публичныхъ извѣстій.

Какъ же мы поступимъ, братія? Ужели мы будемъ равнодушны къ исходящему отъ царскаго престола приглашенію оказать пособіе соплеменнымъ намъ единовѣрцамъ и не тронемся тѣмъ ужасно жалкимъ положеніемъ, въ какомъ находятся теперь сн страдальцы,—братя наши по вѣрѣ и крови?... Нѣтъ, это было бы постыдно и грѣшно для насъ, потому что это показывало бы, что мы не имѣемъ человѣческаго сердца и святой любви къ ближнимъ; нѣтъ, мы должны спѣшить на помощь нашимъ бѣдствующимъ братьямъ и по возможности облегчить ихъ нужды и страданія. Къ сему побуждаютъ насъ не только эти вопиющія нужды и страданія, но и заповѣдь Божія, повелѣвающая намъ любить ближнихъ, и та награда, какую обѣщаетъ Богъ за благотворенія несчастнымъ, и то наказаніе, какимъ Онъ угрожаетъ за равнодушіе къ нимъ.

Впрочемъ, я не буду теперь излагать заповѣди о любви къ ближнимъ, потому что вамъ извѣстно, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ любить всѣхъ людей, даже враговъ нашихъ, и благотворить всѣмъ нуждающимся въ нашей помощи (Іоан. 15, 17. Лук. 6, 36). Не буду объяснять вамъ и того, какую награду Господь дастъ за благотвореніе несчастнымъ и какому наказанію подвергнетъ за равнодушіе къ нимъ; ибо вы не разъ слышали въ храмахъ Божіихъ, что когда Сынъ Человѣческій придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, то скажетъ сострадательнымъ и благотворительнымъ людямъ: *приидите, благословеннии отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра* за тѣ благотворенія, которыя вы оказали Мнѣ въ лицѣ меньшихъ Моихъ братіи; а людямъ жестокосердымъ, тогда же Онъ речетъ: *идите отъ Меня, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и ангеламъ его* (Мат. 25, 31—46). Желая больше расположить васъ къ нособію бѣднымъ братіямъ нашимъ, страдающимъ нынѣ отъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, я скажу вамъ только то, что самъ Иисусъ Христосъ, любившій всѣхъ людей, особенно себѣгнвенная и пекся о тѣхъ, кои находились въ болѣе близкихъ къ Нему отношеніяхъ по плоти и духу.

¹⁾ См. циркулярное предложеніе министерства внутр. дѣлъ губернаторамъ отъ 4 сентября сего 1875 г., № 98.

Это видно изъ того, что когда Онъ подходитъ къ гробу друга своего Лазаря и приближался къ Иерусалиму, главному городу представителю земнаго отечества Его—Иудеи; то, скорбя о смерти перваго и предвидя бѣдствіа послѣдняго, Онъ плакалъ (Іоан. 11, 32—36. Лув. 19, 41—44); а предъ страданіемъ Своимъ всего богѣе забѣтлся и молился объ ученикахъ Своихъ: *Я не о всѣмъ міръ молю, вызываю Онъ къ Отцу небесному, но о тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, — и о спрующіихъ въ Меня по слову ихъ* (Іоан. 17, 9—20). Поэтому и апостолы Христовы, заповѣдую любовь ко всѣмъ людямъ (1 Сол. 3, 12), внушаютъ намъ преимущественно любить своихъ братій — христіанъ и ересьниковъ во плоти. *Болѣе всего имѣйте усердную любовь другъ ко другу*, говоритъ ап. Петръ (1 Петр. 4, 8). А другой первоверховный апостолъ учитъ: *доколе есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ. Если же кто о своихъ, и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся стъ вѣры и хуже нечестоваго* (Гал. 6, 10, 1 Тим. 5, 8).

Имѣя это въ виду, будемъ, братія, любить всѣхъ людей и по возможности благотворить всѣмъ нуждающимся въ нашей помощи, а въ особенности будемъ пещись о тѣхъ, кои соединены съ нами узами духовнаго и плотскаго сродства. Поэтому окажемъ нынѣ вспомошествованіе тѣмъ несчастнымъ, соплеменникамъ и единовѣрцамъ нашимъ, которые страдаютъ теперь отъ возстанія въ турецкихъ областяхъ. Они живутъ далеко отъ насъ, но близки намъ по крови и *свои по вѣрѣ*. Бѣдствія ихъ велики, нужды не отложны и требуютъ скорога пособія. Я мысленно вижу этихъ страдальцевъ. Они, унылые и скорбящіе, простираютъ къ намъ руки свои и съ слезящими очами просятъ насъ помочь имъ. „Родные намъ братья и сестры“,—зываютъ они устами представителя ихъ, сербскаго іерарха, „родные намъ братья и сестры! Вы, счастливо належающіеся драгоценною свободою, вспомните всѣ бѣды, которыя перенесли въ борьбѣ изъ-за нея ваши дѣды (во время татарскаго ига), воспряните духомъ и услышите призывающій васъ голосъ, полный молебны, бѣдной—гибнущей райи, и во имя славянскаго національности, во имя единой святой православной церкви, наконецъ во имя гуманности, братья русскіе, не откажитесь подать посильную помощь бѣднымъ, брошеннымъ всѣми на произволъ судьбы, вашимъ братьямъ славянамъ!.. Вспомните слова Спасителя: *потенже сотвориста единому сиакъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотворите* (Мат. 25, 40)^а.

Къ этой слезной молебѣ,—къ этому воплю скорбящей души, я могу прибавить не многое. Донцы! Вы отличаетесь воинскими доблестями: не уступайте же другимъ и въ христіанскихъ добродѣтеляхъ—въ любви и благотворительности ближнимъ. Вы любите свободу и очень дорожите ею: войдите же въ положеніе соплеменныхъ и единовѣрныхъ вамъ бос-

няковы и герцогвилицевъ, изъ коихъ одни ратуютъ теперь за свободу, а другіе страдаютъ отъ возстанія за нее, и окажите помощь послѣднимъ. Господь надѣлялъ васъ немалыми богатствами: удѣлите же частицу его симъ несчастнымъ братьямъ вашимъ, которые теперь алчутъ и жаждутъ, наготуютъ и бѣдѣютъ, терпятъ нужду во всемъ. *Милуй нищаго*, говоритъ Премудрый, *авашимъ дастъ Богу, но дальню же его воздастѣя ему* (Прит. 19, 17). Поэтому, чѣмъ болѣе вы дадите въ пользу бѣдныхъ вашихъ братьевъ, тѣмъ больше вы получите и воздаяніе отъ Господа. Только жертвуйте не *расположенію сердца*, не съ огорченіемъ и принужденіемъ: *добротомна во даяніа любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7).

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Коллективная записка католическихъ епископовъ въ Баваріи къ королю. Баварскіе архіепископы и епископы, проникнувшись убѣжденіемъ, что всякое заступничество въ пользу католическихъ подданныхъ баварскаго короля встрѣтитъ благосклонный приемъ, обратились къ своему монарху съ коллективнымъ прошеніемъ, весьма объемистымъ, въ которомъ они выражаютъ надежду, что смиренный голосъ ихъ будетъ принятъ во вниманіе, такъ какъ ходатайство ихъ чуждо всякихъ мірскихъ побужденій и стремится лишь къ обезпеченію благоденствія католической Баваріи. Прелаты, горько сътужа на преслѣдованія, претерпѣваемыя католическою церковію, даютъ понять королю, что враждебныя ей стремленія, направленные вмѣстѣ съ тѣмъ противъ священнѣйшихъ интересовъ католическаго народа, группируются вокругъ королевскаго престола и съ каждымъ днемъ приобрѣтаютъ все большее и большее вліяніе. Обстоятельство это въ сильной степени тревожитъ верховныхъ блюстителей правъ и интересовъ католической церкви, сокрушающихся при мысли, что теперешнія усложненія предвѣщаютъ еще многія бури въ будущемъ. Прелаты страшатся, чтобы Баварія не примкнула къ государствамъ враждебнымъ религіи и церкви и этимъ не навлекла на себя нескончаемаго ряда бѣдствій. Они напоминаютъ поролю, что вѣковыя традиціи баварской династіи тѣсно связывали ее съ католическою церковію и подвластнымъ ей католическимъ народомъ, и возлагаютъ на баварскихъ государей священную обязанность ограждать народъ отъ вліяній, вносящихъ существенный вредъ не только его нравственнымъ, но даже и матеріальнымъ интересамъ. На этомъ основаніи архіепископы и епископы на первый разъ ограни-

члвваются заявленіемъ лишь наиболѣе настоятельныхъ требованій, осуществленіе которыхъ вынуждается существенными нуждами католической паствы. Они считаютъ противосамовольнымъ рѣшеніе, принятое министерствомъ относительно старокаволицовъ, и не изъ высшаго признаніе этой секты и причисленіе ея къ лону католической церкви составляетъ не правосудную мѣру, являющую послѣдней лвицей ущербъ. По этому поводу, составители прошенія унаиваютъ на необходимость возстановленія нарушенныхъ правъ церкви и ходатайствуютъ о томъ, чтобы баварское правительство отличало сектантовъ отъ православныхъ, и дѣлаю между ними существенное различіе во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ, касающихся церковныхъ правъ и имущества. Затѣмъ прелаты жалуются на то, что правительство въ вопросахъ народнаго образованія оскорбляло достоинство церкви, направляя всѣ свои дѣйствія къ ограниченію ея вліянія на воспитаніе юношества и къ излѣтію школъ отъ надзора духовенства. Въ отказъ выдахъ правительствомъ принять всевозможныя мѣры для того только, чтобы лшнить школы благотворнаго на нихъ дѣйствія церковнаго некровителства. Поэтому прелаты считаютъ непрѣмнымъ долгомъ своимъ ходатайствоватъ передъ королемъ о скорѣйшемъ устранинн всѣхъ тѣхъ стѣноненій и ограниченій, которыя препятствуютъ осуществленію высочаго предначаченія народныхъ школъ, заключающагося въ просвѣщеніи чловѣческаго разума въ духѣ христіанскихъ чувствъ и католической религіи,—что составляетъ одно изъ величайшихъ благодѣаній, какими только могутъ пользоваться христіанскія государства. Уставъ среднихъ училищъ долженъ также подвергнуться намѣненіямъ и на нихъ должно быть обращено особенное вниманіе на преподаваніе религіи. Въ тѣхъ же видахъ прелаты ходатайствуютъ также и о томъ, чтобы преподавателямъ и ученикамъ, принадлежащимъ по убѣжденіямъ своимъ къ православнымъ католикамъ, не былъ затрудненъ доступъ къ академическимъ кафедрамъ и къ преподавательской дѣятельности вообще. Третья просьба заключается въ требованіи объ огражденіи правъ религиозныхъ орденовъ и конгрегацій, существованію которыхъ въ Баваріи грозитъ теперь немалая опасность. По мнѣнію прелатовъ правительство, въ огражденіи нравственныхъ интересовъ своихъ католическихъ подданныхъ, должно воспротивиться дальнѣйшему распространенію дѣйствія имперскаго закона 4-го іюля 1872 г., направленнаго противъ ордена іезуитовъ и, въ тоже время, всѣми средствами воспрепятствовать примѣненію въ баварскихъ владѣніяхъ прусскаго закона о монастыряхъ 21 мая 1875 г. Въ заключеніе, составители прошенія заявляютъ, что движимые сознаніемъ своихъ папстырскихъ обязанностей, они рѣшились обратиться къ благоумію монарха, въ твердой увѣренности, что отеческое сердце короля отнесется

благооклонно къ нѣмъ ходатайству, составляющему отголосокъ единодушныхъ требованій всего католическаго населенія. Поданное баварскими епископами королю прошеніе относительно старокатоликовъ, никогдѣ и сохраненія монастырей, передано безъ всякой резолюціи въ министерство духовныхъ дѣлъ.

Рѣчи папы въ французскимъ паломникамъ. Аббатъ Жавенъ поднесъ недавно папѣ отъ имени паломниковъ изъ Франш-Конте золотое перо съ слѣдующимъ нравствіемъ: „Святый отецъ! Золотое перо болѣе всего подобаетъ рукѣ, подписавшей силлабусъ. Предествомъ силлабуса ваше святѣйшество оказали Франціи неоцѣненную услугу. Вы уничтожили такимъ образомъ нагубное заблужденіе либерализма, прежде чѣмъ ему удалось пустить корни, и въ настоящее время слава Господу, не остается отъ него болѣе и слѣда. Франція—страна католическая въ томъ смыслѣ какъ понимаетъ это намѣстникъ Христа“. — „Вы правы, отвѣчалъ на это папа, силлабусъ побѣдилъ! Когда онъ былъ издавъ, то съ разныхъ сторонъ раздавались противъ него вопли, но шумъ утихъ, но немногу возстановилась тишина, силлабусъ сохранился какъ всѣ истинныя, превозглашаемыя святымъ престоломъ“. — При приемѣ паломниковъ изъ Безансона папа отвѣтилъ на нѣкъ адресъ слѣдующее: „Католическое движеніе во Франціи значительно; большинство населенія искренно предано католичеству. Враги религіи усматриваютъ это единство и единодушіе съ ужасомъ. Я преисполненъ удивленія къ возрожденію Франціи. Госнодь закотѣвъ вознаградить благочестіе ея. Кому ненаѣстны тяжкія дисциплины, непослушанія ей въ послѣднее время? Я не стану припоминать вамъ исторію вашихъ несчастій. Всѣ сочувствовали вашему положенію. Госнодь услышалъ ваши молитвы и вознаградилъ ваше благочестіе. Дѣйствительно, во Франціи процвѣтаетъ торговля, урожай превосходитъ, деньги кишмя кишатъ въ необиліи, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Италіи замѣчается большой недостатокъ“. Далѣе папа распространялся о врагахъ общественнаго спокойствія и прибавлялъ: „они хотѣли сдѣлать церковь своей рабыней. Церковь и служители не пройдутъ; церковь всегда устоитъ. Мы должны поддерживать ее своими молитвами“. Въ заключеніе папа призвалъ Божіе благословеніе на всѣхъ католиковъ и Францію.

Дун Бланъ о силлабусѣ. Недавно Дун Бланъ въ рѣчи, произнесенной имъ на одной избирательной сходкѣ въ Парижѣ, коснулся значенія клерикализма и силлабуса, и высказалъ слѣдующимъ образомъ: „просмотрите силлабусъ, сказалъ онъ, тамъ говорится: да будетъ проклятъ тотъ, кто отрицаетъ право церкви употребить силу. Известно какъ осуществляла церковь это право: мнѣ стѣтъ только напомнить вамъ біеніе альбигойцевъ, вароломеевскую ночь во Франціи, иезувитскую

въ Испаніи, казни, производившіяся герцогомъ Альбою въ Нидерландахъ, ожоженіе еретиковъ Марією въ Англіи, тѣ костры, на которыхъ кончили жизнь Джордано Бруно и Саванарола въ Италіи. Если, слѣдовательно, Орлеандскій епископъ и клерикалы національнаго собранія вступились за свободу обученія, то они могли понимать подъ этимъ только свободу, дававшую имъ возможность захватить все обученіе въ свои руки. Прогрессъ, либерализмъ, цивилизація—вотъ враги, которыхъ католическая церковь, по заявленію ея, должна побороть, а для достиженія этой цѣли ей необходимо завладѣть, помимо религіозной политической властію, т.-е. преодолѣть независимость государствъ. Католическая церковь требуетъ подчиненія себѣ ума, души и тѣла, однимъ словомъ всего человѣка. Ужъ не преувеличиваю ли я? Припомните только ученіе Григорія VII, Александра III, Бонифація VIII, Александра VI, короче всѣхъ папъ, тѣ ученія, изъ которыхъ возникло столько кровопролитныхъ войнъ и которыя превосходно выражаются въ изреченіи Іоанна XXII: „Господь Богъ даровалъ святому отцу власть и надъ земнымъ и надъ небеснымъ царствіемъ“. Послѣ ударовъ, постигшихъ въ наше время панство, послѣ возникновенія итальянскаго королевства, послѣ того, какъ дарованіе золотой ризы королевы Изабеллы не спасло эту послѣднюю отъ изгнанія, послѣ того что защиты папы въ пользу польскихъ католиковъ были напрасны и послѣ страшной борьбы Германіи съ клерикализмомъ, можно было бы ожидать, что претязанія папъ хоть нѣсколько уменьшатся, но тотъ, кто надѣется на это, плохо знаетъ высокомеріе папъ. Я съ своей стороны не знаю во всей исторіи болѣе характернаго зрѣлища чѣмъ то, когда Пій IX созвалъ въ 1869 г. небывалый по численности соборъ и на развалинахъ свѣтской власти попралъ права разума и всей современной цивилизаціи. Высказывались ли когда нибудь болѣе самонадѣянно Бонифацій VIII и Адрианъ III? Станемте поэтому въ оборонительное положеніе, дорогие сограждане, станемте защищаться оружіемъ разума, съ необходимымъ спокойствіемъ, но съ должною рѣшительностію. Изберемъ людей, которые съ успѣхомъ будутъ противостоять стремленіямъ понизить умственный уровень Франціи. Да развѣ возможно понизить этотъ уровень? Дидеро сказалъ: я нахожусь въ темномъ мѣстѣ; небольшая лампа, которую я держу, освѣщаетъ мнѣ путь. Но вотъ теологъ приближается ко мнѣ и говоритъ: „другъ, потуши свою лампу, тебѣ будетъ виднѣе“. Не послушаемся этого теолога, не потушимъ свѣтильника и предоставимъ тьму тьмъ, которые хотятъ заставить вѣрять, что мракъ ведетъ къ свѣту“.

— Въ американскихъ газетахъ напечатанъ текстъ новаго проекта конституціи предложенной на утвержденіе населенію Сѣверной Каролины (въ Соединенныхъ Штатахъ); одна изъ статей ея гласитъ: „Кто

будеть отрицать бытіе Божіе или цѣлѣу христіанской религіи, или божественный авторитетъ Вѣчнаго и Новаго Завета, или будетъ держаться религиозныхъ принциповъ несовѣстныхъ со свободой и безопасностью штата, тотъ объявляется неспособнымъ занимать какую-либо должность почетную или сопряженную съ содержаниемъ въ гражданской администраціи этого штата“.

Кардиналъ Раушеръ. Приводимъ въ сокращенномъ изложеніи статью „Nene Freie Presse“, посвященную характеристикѣ кардинала Раушера, скончавшагося въ Вѣнѣ 24 ноября:

Архіепископъ вѣнской епархіи Іосифъ Отмаръ фонъ-Раушеръ родился въ Вѣнѣ 6 октября 1797 года. Въ этомъ городѣ онъ и получилъ воспитаніе. Смыъ мелкаго чиновника, на 26 году онъ былъ рукоположенъ во священника и началъ свою духовную карьеру канцеляномъ въ Гюттельдорфѣ. Высшихъ почестей онъ достигъ благодаря своимъ знаніямъ и образованію. Въ 1832 г. онъ былъ призванъ изъ Зальцбурга, гдѣ состоялъ профессоромъ церковнаго права и церковной исторіи, директоромъ Восточной академіи въ Вѣнѣ, на мѣсто извѣстнаго ориенталиста Гаммера. Съ этихъ поръ и начинается видная роль, которую игралъ Раушеръ въ новѣйшей исторіи Австріи. Ученому аббату было поручено воспитаніе принцевъ австрійскаго императорскаго дома и между прочимъ, нинѣ царствующаго императора Фрица-Іосифа. Во время шумныхъ октябрьскихъ дней 1848 г. мы видимъ Раушера въ залѣ императорскаго дворца читающимъ принцамъ Фердинанду, Максу и Карлу-Людвигу лекціи объ англійской конституціонной системѣ и о первой французской революціи, и этимъ чтеніямъ царственные ученики внимали тѣмъ съ большимъ вниманіемъ, что въ Вѣнѣ въ это время также разыгрывалась революція. Когда дворъ переселился изъ Вѣны въ Ольмюцъ, Раушеръ послѣдовалъ въ этотъ городъ и былъ здѣсь свидѣтелемъ отреченія императора Фердинанда отъ короны въ пользу своего племянника Франца-Іосифа. Съ 1849 по 1853 г. Раушеръ былъ епископомъ въ Зекау, и это время было исключительно посвящено имъ церковно-политической дѣятельности и усиленію церковнаго вліянія въ Австріи. Плодомъ его усилій было заключеніе конкордата съ папой, который и былъ имъ, послѣ предварительнаго довольно долгаго пребыванія въ Римѣ, представленъ 9 іюня 1855 г. на утвержденіе императору въ Вѣнѣ. Наградой со стороны папскаго престола за старанія Раушера въ его пользу былъ кардинальскій беретъ, который и былъ возложенъ императоромъ на Раушера въ 1856 году. Дальнѣйшая политическая дѣятельность кардинала была посвящена постоянной защитѣ въ парламентѣ и при дворѣ этого своего творенія. Онъ ревностно боролся противъ всѣхъ попытокъ уменьшить клерикальное вліяніе; руко-

водилъ всѣми коллективными заявленіями и протестами австрійскаго епископата вплоть до конфессіональныхъ законовъ 1874 г. Раушеръ, однако, не былъ тѣмъ ультрамонтаномъ-космополитомъ для котораго всесвѣтное владычество папы есть идеалъ земнаго совершенства. Во время ватиканскаго собора онъ былъ вождемъ оппозиціи германскихъ и австрійскихъ епископовъ, и въ опроверженіе догмата папской непогрѣшимости написалъ сочиненіе: „Observationes quaedam de Infallibilitatis Ecclesiae subjecto“. Кардиналъ Раушеръ былъ ревностный приверженецъ настоящей конституціонной системы Австріи и врагъ всякихъ федеральныхъ тенденцій (между прочимъ, стремленій славянскихъ народностей въ Австріи), чѣмъ рѣзко отличался отъ своего не менѣе извѣстнаго собрата Шварценберга. Раушеръ во многихъ отношеніяхъ представлялъ рѣдкое явленіе. Аскетъ, почти безъ всякихъ личныхъ потребностей, несмотря на свой высокій постъ, онъ изъ своихъ собственныхъ, сравнительно не слишкомъ значительныхъ, средствъ поддерживалъ духовенство своей епархіи самымъ великодушнымъ образомъ, и много способствовалъ церковнымъ постройкамъ въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ. Авторскія его произведенія весьма многочисленны и носятъ по преимуществу церковно-политическій характеръ, да и вообще его общественная дѣятельность была по преимуществу политическая.

— Въ „République Française“ сообщаютъ изъ Рима, что нѣсколько недѣль тому назадъ кардиналъ Антонелли получилъ изъ Англіи письмо за подписью четырехъ епископовъ, „съ почтеніемъ и покорностію заявившихъ святому апостолнческому престолу, что они рѣшились сложить съ себя епископскія обязанности, если Ватиканъ не приметъ энергическихъ и скорыхъ мѣръ къ прекращенію въ ихъ епархіяхъ происковъ со стороны іезуитовъ, которые, безъ разрѣшенія водворяясь въ предѣлахъ ихъ юрисдикціи, роняютъ власть и значеніе ихъ священнослуженія“. Кардиналъ Антонелли доложилъ объ этомъ Цю IX и получилъ отъ него повелѣніе телеграфировать кардиналу Маннингу, чтобы онъ представилъ объясненія. Маннингъ не скрылъ отъ папскаго престола, что этого рода жалобы англійскихъ епископовъ скоро сдѣлаются общими, вслѣдствіе чего въ Римѣ стали подумывать о томъ, чтобы положить предѣлъ подобнымъ посягательствамъ со стороны іезуитовъ въ Англіи.

Бразилія. Въ свое время телеграфъ извѣстилъ, что императоръ бразильскій помиловалъ 18-го сентября нынѣшняго года епископовъ Олинды и Пары, заключенныхъ въ крѣпость за неповиновеніе государственнымъ законамъ; епископы съ своей стороны сняли наложенный ими интердиктъ на такъ-называемыя братства. Корреспонденты изъ Ріо сообщаютъ, что въ день своего освобожденія епископы имѣли ау-

діенцію у императора; зрѣтъ министр внутреннихъ дѣлъ заявилъ въ палатѣ, что освобожденіе епископовъ было безусловное т.-е. на нихъ не было наложено никакихъ обязательствъ относительно ихъ будущаго образа дѣйствій. При той важной роли которую играютъ въ Бразиліи „братства“, не лишены интереса приводимыя ниже свѣдѣнія объ этихъ учрежденіяхъ, заимствованныя изъ вѣнской газеты „Presse“. При каждой бразильской приходской или филиальной йеревы существуетъ составленное изъ мірянъ братство, задача которая заключается въ наблюденіи за правильнымъ отправленіемъ богослуженія и устройствомъ церковныхъ празднествъ, а также за исправнымъ состояніемъ церковныхъ построекъ; ему же принадлежитъ право вводить новые праздники и отменять старые. Приходскій храмъ находится въ полномъ распоряженіи „братства“. Для завѣдыванія церковными праздниками назначается особый капеланъ, получающій за свои труды значительное содержаніе. Если мѣстный приходскій священникъ пользуется сочувствіемъ братства то оно его и назначаетъ своимъ капеланомъ, и тогда матеріальное его существованіе обезпечено; въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ умереть съ голоду, если не займется торговлей или другога рода промышленною дѣятельностію. Отъ „братства“ вполнѣ зависятъ какъ назначеніе такъ и увольненіе капелана, вслѣдствіе чего духовенство находится въ безусловной зависимости отъ мірянъ. Такое братство (Irmandade) состоитъ изъ президента, казначея, прокуратора и комитета изъ 10 членовъ; членами же общаго собранія являются всѣ жители прихода; оно же завѣдуетъ и церковнымъ имуществомъ. Эти братства сильно распространены въ Бразиліи и играютъ въ церкви столь важную роль, что епископы и духовенство находятся на второмъ планѣ. Нерѣдко епископы генеральные викари и каноники становились членами „братствъ“, назначались ихъ капеланами и такимъ образомъ подчинялись приказаніямъ президента-мірянина. Понятно, что могущество свѣтскаго элемента въ церкви не нравилось епископамъ; долго они не рѣшались вступать съ нимъ въ открытую борьбу, но воспитанные въ Римѣ епископы Виталь де-Оливейра пернабужскій и Маседо Коста парайскій рѣшились сломить могущество мірянъ въ церкви и наложили интердиктъ на церкви „братствъ“. Остальные же епископы обнародовали папскія буллы о масонахъ, которые сильно распространены въ Бразиліи п съ 1860 года признаны самимъ закономъ. Нѣтъ ни одного „братства“, большинство котораго не состояло бы изъ масоновъ; изъ ста духовныхъ лицъ девяносто тоже принадлежать къ масонамъ. Каноникъ Мартино Амейда пропизнесъ въ Рио публично рѣчь противъ епископовъ и въ пользу „братствъ“ масоновъ. Епископъ немедленно отрѣшилъ его отъ должности, за что народъ хотѣлъ сжечь епископскій дворецъ; только благодаря вмѣшатель-

ству восной силы намѣреніе это не было приведено въ исполненіе. „Братства“ лищены были возможности развлекаться устройствомъ царковнхъ праздниковъ, а духовенство матеріальныхъ средствъ сѣществованія. Но случилось обстоятельство, заставившее правительство стать на сторону „братствъ“. Выборы въ Бразиліи производятся въ церквахъ; обычай этотъ на столько признанъ самимъ законодъ, что выборы произведенныя въ другомъ мѣстѣ, а не въ церкви, считаются недействительными. Такимъ образомъ двѣ провинціи лишены были своихъ избирательныхъ помѣщеній, такъ какъ ни одинъ бразилецъ не пойдетъ въ церковь, на которую наложенъ интердиктъ Министерствомъ Рио - Бранко вынуждено было, для возстановленія общественнаго порядка, предать суду епископовъ Пары и Олинды. Оба они были приговорены къ заключенію въ крѣпости. Низшее духовенство взглянуло на это съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ интересовъ и потому стало на сторону „братствъ“. Слабые узы, соединявшіе до настоящаго времени епископовъ и низшее духовенство, окончательно рушились и епископы остались безъ всякой поддержки со стороны подчиненныхъ имъ лицъ. Но въ это время въ палатѣ депутатовъ образовалась новая клерикальная партія изъ двадцати членовъ, которая вскорѣ стала играть важную роль вслѣдствіе раздоровъ, происходившихъ въ средѣ остальныхъ партій. Президентъ совѣта министровъ вошелъ въ переговоры съ клерикалами и предложилъ имъ освободить епископовъ; предложеніе это было принято и епископы покинули укрѣпленные острова въ гавани Рио; въ благодарность за это они сняли наложенный ими на церкви интердиктъ. Такимъ образомъ прежнее согласіе возстановилось и свѣтскій элементъ снова получилъ преобладающее значеніе въ бразильской церкви.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 19 минувшаго октябрия въ московской Псково-Явленской на Арбатѣ церкви происходило празднованіе десятой годовщины братства Свят. Николая, основаннаго по инициативѣ покойной государыни в. княгини Елены Павловны съ цѣлю оказанія помощи бѣднымъ ученикамъ духовныхъ училищъ московской епархіи. Богослуженіе было совершено высокопреосв. митрополитомъ Иннокентіемъ въ сослуженіи духовныхъ членовъ братства. Предъ литургіей была отслужена паннихида по почившихъ въ Бозѣ Цесаревичѣ Николаѣ, въ память ко-

торого основано братство, в. ки. Еленѣ Павловны, митр. Филаретѣ и другихъ благотворителяхъ. Протоіерей А. О. Ключаревъ въ обычное время литургии произнесъ глубоко назидательное слово, выше напечатанное въ этой книжкѣ нашего журнала. Послѣ литургии собравшимся въ домѣ о. настоятеля церкви протоіерея С. И. Зернова былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности братства за минувшій годъ, съ которымъ познакомятъ читателей въ слѣдующей книжкѣ.

— 28—29 октября происходили совѣщанія о б щ е е п а р х і а л ь н а г о с ѣ з д а духовенства моск. епархіи подъ предсѣдательствомъ прот. А. О. Ключарева. Болѣе важными предметами ихъ были доклады: объ епархіальномъ женскомъ училищѣ, о составленіи фонда для дух. училищъ и докладъ учредительнаго комитета по эмеритальной кассѣ духовенства моск. епархіи. Предсѣдатель коммисіи по устройству женскаго епарх. училища, свящ. Д. И. Кастальскій сообщилъ съѣзду, что филаретовское женское для спротивъ училище приготовлено къ преобразованію въ епарх. женское училище духовнаго вѣдомства по Высочайше утвержденному положенію св. Синода, что на приспособленіе къ сему прежнихъ зданій и на постройку новаго деревяннаго корпуса высокопреосвящ. Иннокентіемъ даровало изъ суммъ моск. каѳедры 18,000 рублей и что открытіе преобразованнаго училища предполагается 1-го будущаго декабря. Съѣздъ положилъ принести его высокопреосвященству глубочайшую благодарность за его архинастырскія милости. Послѣ разсмотрѣнія и одобренія мѣропріятій комитета по составленію училищнаго фонда, съѣздъ съ особенно продолжительнымъ вниманіемъ остановился на проектѣ устава эмеритальной кассы и несмотря на разныя недоразумѣнія и предубѣжденія призналъ его съ нѣкоторыми измѣненіями удовлетворительнымъ и положилъ ходатайствовать объ утвержденіи устава и разрѣшеніи открыть дѣйствіа кассы. Къ разъясненію сего дѣла служить иже прилагаемый докладъ „о проектѣ устава эмеритал. кассы духовенства моск. епархіи“.

— 2 ноября московская дух. семинарія праздновала годовщину своего основанія. Послѣ литургии, совершенной преосвященнымъ викаріемъ Игнатіемъ, сп. можайскимъ, въ семинарской рекреационной залѣ открылся по обычаю актъ, на которомъ о. ректоръ семинарии Н. В. Благоразумовъ прочиталъ извлеченіе изъ годичнаго отчета о состояніи заведенія въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ. Кромѣ отчета значительную часть времени заняло чтеніе нѣкоторыми учениками своихъ сочиненій. Въ заключеніе акта лучшимъ воспитанникамъ каждаго класса розданы были награды книгами, а тремъ ученикамъ денежные награды изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго однимъ благотворителемъ. Сверхъ сего присутствующимъ на актѣ представлены были

опыты ученическихъ упражненій въ живописи, которой безмездно и съ большимъ успѣхомъ обучаетъ художникъ Асимновъ. Къ годичному акту московской семинаріи исполнилось 35-лѣтіе службы одного изъ ея наставниковъ Сергѣя Дм. Писарева, и его сослуживцы сочли справедливымъ, на прощаніи по случаю оставленія имъ службы, почтить его добрую во всѣхъ отношеніяхъ педагогическую дѣятельность особымъ торжествомъ, о которомъ сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ.

— Священникъ Блаужокой (въ Минской губерніи) Успенской церкви, Іосифъ Виторскій, пользуясь въ церкви собраніемъ прихожанъ, въ нѣкоторые изъ праздничныхъ и воскресныхъ дней, открылъ по окончаніи богослуженія воскресныя бесѣды, читая своимъ прихожанамъ общепригодныя популярныя статьи духовно-нравственнаго содержанія. По донесеніи объ этомъ мѣстному епархіальному начальству послѣдовала, слѣдующая резолюціи его преосвященства: „Богъ благословитъ благое начинаніе! Дать разрѣшеніе и напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

— Донское епархіальное начальство вслѣдствіе прошенія священниковъ Гундаровской станицы, Антонія Мамохина и Михаила Щетковскаго, о разрѣшеніи имъ производить праздничныя чтенія, по представленной ими программѣ, разрѣшило этимъ священникамъ открыть чтенія согласно программѣ и подъ наблюденіемъ мѣстнаго благочиннаго, съ тѣмъ однакоже, чтобы чтенія ограничивались предметами духовно-историческаго, вѣроучительнаго, нравственнаго и педагогическаго характера.

По программѣ, цѣль праздничныхъ чтеній состоитъ въ томъ, чтобы приучить прихожанъ къ умственному труду, распространить между ними полезныя научныя свѣдѣнія, виѣдрить въ нихъ религіозныя истины, поднять нравственность, и ослабить наклонность къ пьянству и другимъ порокамъ. Общество, желающее открыть праздничныя чтенія и участвовать въ нихъ, именуется обществомъ назиданія, а основатели его, имѣющіе заниматься въ немъ чтеніями, называются руководителями. Въ этомъ обществѣ могутъ участвовать всѣ желающіе, но съ согласія руководителей по указанію послѣдними статей для чтенія. Чтенія заимствуются изъ печатныхъ книгъ, одобренныхъ цензурою, и провозносятся громко, отчетливо, внятно и весѣбно, съ нужными объясненіями прочитаннаго, гдѣ слѣдуетъ. Члены, въ концѣ каждаго мѣсяца, составляютъ между собою совѣтъ, на которомъ назначаютъ статьи для чтенія на слѣдующій мѣсяць, по числу праздниковъ, имѣющихъ быть въ томъ мѣсяцѣ, и опредѣленія свои записываютъ въ особо заведенную на этотъ предметъ шпуровую книгу, скрѣпленную мѣстнымъ благочиннымъ, и подписываются въ ней. Статьи для праздничныхъ чтеній выбираются ис-

ключительно религіозно - нравственнаго, историческаго, биографическаго и, по возможности, научнаго содержанія, при наблюденіи возможной при этомъ, хотя и не во всѣхъ случаяхъ, систематичности. Члены учреждаемаго общества пользуются для праздничныхъ чтеній книгами церковной библіотеки; по выѣстѣ съ тѣмъ заботятся о прискаваніи средствъ на выписку и другихъ книгъ, подходящихъ подъ программу праздничныхъ чтеній. На первыхъ порахъ, послѣ каждаго чтенія предлагается подписка для добровольныхъ пожертвованій на выписку книгъ и составленіи библіотеки праздничныхъ чтеній. На этотъ предметъ сами основатели общества ежегодно вносятъ по одному рублю.

— Высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ херсонскій и одесскій, 2 октября посѣтилъ, какъ сообщаютъ „Епарх. Вѣдомости“, находящійся въ Одессѣ старообрядскій молитвенный домъ, существующій уже около пятидесяти лѣтъ. По своему внутреннему устройству молитвенный домъ похожъ на наши православные храмы, съ тою только разницею, что въ немъ нѣтъ алтаря, а иконостасъ поставленъ прямо къ восточной стѣнѣ зданія. Предъ иконостасомъ, на возвышеніи, стоитъ столъ, на которомъ лежатъ св. Крестъ и Евангеліе. Прихожанъ этой моделини, по словамъ иопечителей, считается въ Одессѣ около 400 душъ обоего пола. Извѣщенные предварительно о времени пріѣзда его высокопреосвященства, они собрались въ молеблюю и когда пріѣхалъ владыка, поднесли ему хлѣбъ-соль, а хоръ пѣвцовъ довольно стройно пропѣлъ старообрядскимъ напѣвомъ: „Днесь благодать Святаго Духа на съ собра... Благословенъ грядый во имя Господне“... Поцѣловавъ Евангеліе, архіепастыръ вышелъ на средину молеельни и окруженный старцами и ихъ женами, присутствовавшими въ молеельнѣ, около часу провелъ въ бесѣдѣ съ ними. Узнавъ, что они принадлежатъ къ поповицкой сектѣ, преосвященный доказывалъ имъ незаконность бѣнокриницкаго священства, объяснилъ, что благодать Божія, ведущая ко спасенію, преподается только чрезъ законно-поставленныхъ священниковъ, ознакомилъ ихъ съ жизнію нѣкоторыхъ раскольникныхъ епископовъ живущихъ въ Россіи, указалъ на многіе примѣры обращенія раскольниковъ, безпристрастно и добросовѣтно изучившихъ православіе, и убѣждалъ ихъ присоединиться къ православной церкви чрезъ единовѣріе. Когда же одинъ изъ стариковъ высказалъ обыкновенно употребляемую ими въ подобнаго рода случаяхъ отговорку, что не слѣдуетъ оставлять вѣру отеческую, а должно вѣровать такъ какъ вѣровали ихъ отцы, владыка примѣрами доказалъ, что не всегда нужно дѣлать то, что дѣлали отцы, и совѣтовалъ, чтобъ они сами узнавали истину чрезъ изученіе писаній и бесѣду съ книжными людьми, причемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ приглашалъ къ себѣ для собесѣдованій, объясняя, что и мы

же себѣ не враги, и также желаемъ и ищемъ вѣчнаго спасенія своей души. Затѣмъ, на предложеніе его высококонрессвященства принять законно-рукоположеннаго священника, они обѣщали подумать, а когда владыка предложилъ имъ избрать изъ среды себя достойнаго для рукоположенія во священника, они отозвались, что такого между ними нѣтъ; тѣ же на кого указалъ самъ архипастырь, объявили, что по двоеженству не могутъ приять священническаго сана. По окончаніи бесѣды, пѣвцы пропѣли тропарь Святому Духу и потомъ, также на распѣвъ, возглаголено было многолѣтіе Государю Императору, Августѣйшей Царицѣ и всему Царствующему Дому.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“⁶⁶

ЖУРНАЛЪ ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И
ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Программа слѣдующая: 1. Источники народнаго богатства, руководящія статьи какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ. 2. Торговый отдѣлъ: гдѣ что можно выгодно купить и продать; вызовы къ торгамъ, подрядамъ, аукціонамъ и конкурсамъ, адреса лучшихъ фабрикъ и оптовыхъ складовъ съ указаніемъ цѣнъ товара; ярмарки, биржи и проч. проч. 3. Технической отдѣлъ: Статьи и цѣлыя руководства по всѣмъ ремесламъ и фабричнымъ производствамъ. 4. Земледѣліе, сельское хозяйство со всѣми его отраслями, какъ-то скотоводство, птицеводство, садоводство, огородничество, сельская архитектура, механика и проч. 5. Правительственныя распоряженія и постановленія, относящіяся преимущественно къ промышленности и сельскому хозяйству. 6. Народная медицина и ветеринарія. 7. Научныя обзоренія (хроники всѣхъ открытій и усовершенствованій). 8. Библіографія и крити-

ческая оцѣнка книгъ и періодическихъ изданій. 9. Статьи по естествознанію изъ зоологій, ботаники, астрономіи, химіи и физики въ общедоступномъ, популярномъ изложеніи. 10. Путешествія и небольшіе рассказы изъ жизни промышленниковъ, охотниковъ и торговыхъ людей.

ЦѢНА годовому изданію „Русскаго Богатства“ съ 4-мя бесплатными приложениями „Парижскихъ модъ“, (всего 40 тетрадей въ годъ, болѣе 2,000 столбцевъ текста и 300 рисунковъ машинъ, мельницъ, сельскихъ построекъ, портретовъ русскихъ литераторовъ, художниковъ и снимковъ съ ихъ картинъ), съ пересылкой во всё города Имперіи ПЯТЬ РУБЛЕЙ, безъ доставки четыре рубля.

Лицамъ, высылающимъ шесть рублей (5 на „Русское Богатство“ и 1 р. на почтовые расходы), сейчасъ же высылаются въ видѣ преміи: 1) Полное годовое, сброшюрованное изданіе Листка Сельскаго Хозяйства и естествознанія (болѣе 150 статей и рисунковъ по С. Хоз. и промышленности). 2) Справочная книга для сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ въ 2-хъ частяхъ съ 30 рисунками.

Требованія адресовать: въ Москву, редактору-издателю „Русскаго Богатства“ Н. Ф. САВИЧУ (Спасская улица, у Спасскихъ казармъ, домъ Виноградскаго).

ВЫПЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПОУЧЕНІЯ

Свѣщ. А. Ѳ. СКРЯБИНА.

Второе, исправленное и дополненное изданіе.

Всѣхъ поученій 66-ть. Простота и ясность изложенія, составляя главное достоинство книги, дѣлаютъ ее доступною пониманію даже самаго малограмотнаго простолюдина.

Цѣна книги 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 к. за 100 книгъ 90 руб. съ пересылкою.

Продается въ г. Павловскѣ, Воронеж. губ., у автора.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, ноября 27 дня 1875 г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

О ПРОЕКТЪ УСТАВА ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ДУХОВЕНСТВА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ прибавленіи къ № 36 „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ отъ 7-го сентября сего 1875 года, прочитали мы отчетъ комитета по разсмотрѣнію проекта Устава эмеритальной кассы духовенства, и, признаемъ, отчетъ этотъ произвелъ въ насъ грустное, тяжелое впечатлѣніе. Нельзя не сожалѣть о томъ, какъ холодно отнеслась большая часть духовенства къ общепользному дѣлу! Съ другой стороны нельзя не удивляться тому, какъ неумѣстны и неумѣренны требованія однихъ по отношенію къ кассѣ, неизмѣющей достаточнаго фонда, и какъ пристрастны и придирчивы до мелочности другіе въ своихъ сужденіяхъ объ основоположеніяхъ и правилахъ кассы!

Странно, въ самомъ дѣлѣ! Постороннее намъ и нашему дѣлу лицо свидѣтельствуетъ, „что нельзя вполне не сочувствовать постановленіямъ проекта Устава направленнымъ къ тому, чтобы придать специальной кассѣ нашей характеръ учрежденія, по преимуществу имѣющаго цѣлю общее благо духовенства“: а мы не хотимъ или не умѣемъ понять и оцѣнить всю благотворность предполагаемаго учрежденія! Заслуженный академикъ, специалистъ и компетентный судья въ кассовыхъ учрежденіяхъ, на предварительное разсмотрѣніе котораго по распоряженію нашего архипастыря было препровождено „положеніе объ основаніяхъ кассы духовенства М. Е.“, искренно сочувствуетъ этому, по его выраженію, *въ высшей степени благотворному начинанію* (отношеніе къ его высокопреосвященству отъ 1 мая 1872 г. № 662), въ видахъ скорѣйшаго осуществленія учрежденія поступаетъ даже нѣкоторыми требованіями неизмѣнныхъ теоретическихъ расчетовъ и всевозможными указаніями своими старается содѣйствовать тому, чтобы касса наша учредилась и стала твердо, прочно: а мы, руководясь своими личными эгоистическими расчетами и соображеніями, все еще судимъ и

радимъ, почему то или другое постановлено такъ, а не иначе, не по нашему! Наконецъ постороннее почетное лицо охотно и съ любезною предупредительностію пишетъ замѣчанія на проектъ, разрѣшаетъ недоумѣнія и дѣлаетъ мудрыя и благодѣтельныя указанія къ упроченію учрежденія кассы: а мы, къ стыду нашему, по нашей небрежности и апатіи къ общепользному дѣлу, несмотря на неоднократныя приглашенія комитета по разсмотрѣнію проекта Устава, не хотимъ отвѣтить даже однимъ словомъ: *да или нѣтъ!* Да, вѣрно высказано въ передовой статьѣ 14 № „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1875 годъ, что безъ отрѣшенія въ пользу общаго дѣла отъ слишкомъ узкихъ и близорукихъ эгонстическихъ расчетовъ и безъ энергическаго, дружнаго и согласнаго дѣйствованія невозможно никакое общее дѣло, и что этихъ условій и добрыхъ качествъ у насъ, къ сожалѣнію, пока нѣтъ. Но эта добрая, проникнутая любовью къ общепользному дѣлу и основательная замѣтка корреспондента „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ обратила ли на себя вниманіе хоть немногихъ?!

Какъ бы то ни было, всеобщая подача голосовъ о проектѣ Устава кассы вышла неудачна и неуспѣшна; отзывы о пригодности или непригодности Устава кассы доставлены не болѣе какъ отъ одной четвертой части всего духовенства епархіи. И доставленные отзывы не посчастливились кассѣ! Вотъ ихъ результатъ:

1) Признають проектъ Устава полезнымъ и удобнымъ во всѣхъ его частяхъ, не входя ни въ какія разсужденія и доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія (это впрочемъ излишнее требованіе), до 200 лицъ.

2) О проектѣ никакого сужденія не произносятъ, и хотя противъ проекта не возражаютъ, но и участниками кассы быть не желаютъ по причинамъ личнымъ, наиримѣръ: бѣдности, престарѣлости, безсемейности и друг., 199 лицъ.

3) Одобряють проектъ не во всѣхъ его частяхъ, изъявляя впрочемъ готовность принять его, коль скоро онъ будетъ утвержденъ начальствомъ, 167 лицъ и одно благочиніе.

4) Проектъ отвергаютъ какъ обременительный, по причинѣ не приводятъ, и въ проектѣ не указываютъ ничего, что именно должно считать въ немъ обременительнымъ, 155 лицъ и три благочинія, наконецъ:

5) Отрицають годность проекта, съ представленіемъ болѣе или менѣе достаточныхъ основаній (замѣчательнѣйшіе изъ таковыхъ отзывы напечатаны въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“), 363 лица, 3 благочинія и одинъ десятокъ причтовъ.

А такъ какъ комитетъ всѣ отзывы, кромѣ перваго разряда, относитъ (несправедливо впрочемъ, какъ покажемъ ниже) къ неблагопріятнымъ, то послѣднихъ считается не менѣе 1000.

Итакъ все потеряно? Большинство духовенства проектомъ кассы не удовлетворенъ,—а значительное число отрицаетъ годность его и потому основательно? А слѣдовательно проектъ не можетъ быть принятъ къ исполненію?! — Нѣтъ!

Дѣло подлежитъ еще обсужденію учредительнаго комитета, который руководился въ выработкѣ проекта Устава не личными воззрѣніями и соображеніями, а указаніями почетнаго компетентнаго лица, архиепископомъ къ тому приглашеннаго, и который (комитетъ) во всей вѣроятности постарается защитить проектъ противъ нападеній несправедливыхъ и несостоятельныхъ, — а затѣмъ уже — окончательному рѣшенію общенархіальнаго съѣзда духовенства. Такъ, по крайней мѣрѣ, было постановлено съѣздомъ духовенства въ засѣданіи 1 ноября 1874 года, и его высокопреосвященствомъ постановленіе это утверждено.

Но не дожидаясь исхода этого дѣла, мы, изъ чистыхъ побужденій изъ благожеланія духовенству, считаемъ священнымъ долгомъ высказать и представить вниманію духовенства нѣкоторые разъясненія въ виду возраженій противъ годности проекта Устава кассы.

Комитетъ по разсмотрѣнію проекта, представивъ въ своемъ отчетѣ числа благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для проекта отзывовъ или голосовъ, продолжаетъ: „впрочемъ по мнѣнію комитета сущность дѣла состоитъ не столько въ численности голосовъ, сколько въ силѣ и основательности возраженій противъ проекта“, и затѣмъ переходитъ къ исчисленію возраженій, навлеченныхъ изъ отзывовъ, противъ различныхъ статей проекта. Но мы, по истинному убѣжденію, не можемъ вслѣдъ за комитетомъ признать ни особенной силы, ни основательности въ указанныхъ возраженіяхъ.

Вопросъ о пользѣ и удобопріемлемости проектированной кассы для духовенства не легко можетъ быть разрѣшенъ; если достоинство проекта кассы станемъ оцѣнивать исключительно по степени выгодности общаемыхъ имъ пенсій. Не споримъ, что были, и теперь есть новыя проекты эмеритальной кассы для духовенства московской епархіи, по видимому обещающіе болѣешия выгоды сравнительно съ нашимъ проектомъ: по возможности осуществленія какого-либо проекта обуславливается не одною выгодностію. По нашему мнѣнію, при сужденіи о достоинствѣ проекта должно имѣть въ виду двѣ стороны: *формальную*, касающуюся твердости и надежности расчетовъ, которыми обуславливается состоятельность кассы въ будущемъ съ открытіемъ операцій ея по выдачѣ пенсій, и *вещественную*, или выгодность условий, концы определяются въ проектѣ Устава кассы правъ на полученіе пенсій.

Вопросъ о надежности расчетовъ, обезпечивающихъ состоятельность кассы въ будущемъ, имѣетъ существенную и первостепенную важность.

Если расчеты проектированной кассы не вѣрны и не тверды; и если потому состоятельность ея сомнительна, то неблагоприятно было бы рѣшиться на учрежденіе такой кассы, которая сопровождалась бы напрасною гибелью трудовъ и ущербомъ для ея участниковъ, да и высшее начальство не утвердило бы учрежденія, опирающагося на расчетахъ теоретически невѣрныхъ и ненадежныхъ. О нашей же кассѣ можно сказать съ увѣренностію, что она основывается на вѣрныхъ расчетахъ и что состоятельность ея обеспечена тѣми условіями, которыми обставлены ея операціи. Въ этой мысли утверждаетъ насъ свидѣтельство почтеннаго ординарнаго академика — специалиста, разсматривавшаго основоположенія кассы. Затруднительный мундтъ въ проектѣ составляло меуравнительное, увеличенное противъ строго-теоретическихъ расчетовъ назначеніе пенсій за первыя три пятилѣтія, и допущенное по вниманію къ бѣдности большей части духовенства, не могущаго дѣлать большихъ взносовъ, между тѣмъ, какъ пенсіи по низшимъ разрядамъ взносовъ были бы ничтожны и не привлекательны. Но и это затрудненіе побѣждено. Почтенный ординарный академикъ свидѣлствуетъ: „оставляя въ сторовѣ окончательное рѣшеніе о *системѣ размѣровъ пенсій*, въ отношеніи къ которому взгляды могутъ быть различны, всѣ другія мѣропріятія комитета, всесторонне обдуманная и взвѣшанная, бесспорно заслуживаютъ безусловное одобреніе“. При всемъ томъ, въ чувствѣ полного благожеланія содѣйствовать болѣе прочному обезпеченію состоятельности кассы на принятыхъ началахъ—съ одной стороны, и съ другой по побужденіямъ осторожности, доволительной въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ эмеритура, которая по сущности своей подвержена столькимъ непредвидѣннымъ, неуловимымъ случайностямъ, г. ординарный академикъ обратилъ вниманіе комитета еще на три обстоятельства или причины, могущія въ будущемъ вредно повліять на депозитные обороты кассы, съ цѣлію устраненія оныхъ. И комитетъ проектировалъ надежныя противъ таковыхъ случаевъ мѣропріятія, къ каковымъ относятся, между прочимъ, проектированныя по § 34-му общеобязательныя вспомогательныя взносы для усиленія запаснаго капитала, уже принятыя съѣздомъ духовенства, бывшимъ въ 1873 г. Послѣ всего этого не можетъ быть никакого сомнѣнія о состоятельности нашей кассы, и вопросъ о семъ можно считать улаженнымъ. Но составители новыхъ проектовъ, къ сожалѣнію, мало обращаютъ вниманія на состоятельность ихъ съ формальной стороны. И отзывы духовенства о нашемъ проектѣ не носились формальной стороной его, а занялись болѣе сужденіемъ о выгоды его. Но и въ этомъ отношеніи большая часть мнѣй, давшихъ неблагоприятныя отзывы о проектѣ, не задавалась мыслию объ общей пользѣ, а руководилась въ своихъ сужденіяхъ

главнымъ образомъ личными интересами и соображеніями. Вкусы же у всѣхъ различны, и угодить на вкусъ всякаго нѣтъ возможности. Вотъ почему нѣкоторые, ни во что ставя общую пользу, обращаются къ проектированной кассѣ съ разными, не вполне основательными, а иногда и съ придирчивыми требованіями. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ на общій судъ.

Нѣкоторые заявляютъ требованія, чтобы касса съ первыхъ же дѣтъ открытія своихъ дѣйствій производила пособія всему нуждающемуся духовенству, а не однимъ заштатнымъ и вдовамъ съ сиротами. „Не сули намъ журавля въ годъ, а давай синицу, да прямо въ ротъ“,—вѣщаетъ одинъ отзывъ. Встрѣчая же въ проектѣ еще разныя ограниченія въ правахъ на пользованіе пенсією, иные относятся къ нему враждебно до несправедливости. Но откуда же взять средства для этого? Учредить кассу не значить съ разу открыть пенсияемый источникъ, изъ котораго каждый могъ бы черпать — когда ему угодно и сколько понадобится или пожелается. Ее прежде нужно составить и образовать, и кромѣ того оградить такъ, чтобы она стояла прочно. Въ этихъ-то расчетахъ поставлены въ проектѣ и нѣкоторые ограниченія въ правахъ на пенсію; ограниченія эти вызваны необходимостію,—ибо иначе касса не можетъ быть и утверждена.

Другимъ, по всей вѣроятности слишкомъ занятымъ своими „особенными заслугами церкви и духовенству“, непріятно присоединить свою лепту къ положенному въ основаніе кассы капиталу, потому будто бы, что проектъ Устава эмеритальной кассы составленъ не въ духъ покойнаго владыки, въ память коего учреждается касса, и завѣряють, что цѣлю ея именно была поставлена награда за заслуги; и на это положенъ и капиталъ для кассы; въ проектѣ же ничего такого не видно, а потому, говорятъ, таковой проектъ по назначенію эмеритуры не справедливъ, и покойный митрополитъ Филаретъ не соизволилъ бы на принятіе его.

Не споримъ противъ права истинныхъ заслугъ на эмеритуру: но считаемъ справедливымъ замѣтить, что хотя въ адресѣ чтителей покойнаго митрополита выражено желаніе, чтобы собранный ими по добровольной подпискѣ капиталъ послужилъ основаніемъ эмеритальной кассы для пенсій духовенству, но слово *эмеритальной* употреблено въ адресѣ не въ смыслѣ награды за особенныя заслуги, а потому послѣдствія и не можетъ быть признана главною цѣлюю предпологавшейся кассы. Въ адресѣ церковныхъ старостъ города Москвы господствуетъ общая мысль—пособить нуждамъ многочисленнаго духовенства, для удовлетворенія конимъ хотя и положено было начало въ особыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, но въ послѣднее время нужды духовенства

возрастаютъ въ такомъ числѣ, что обнять ихъ средствами сихъ учреждений не представляется возможности; и вотъ читатели заботливаго о нуждахъ духовенства архипастыря вознѣбли желаніе ознаменовать день его юбилея приношеніемъ во всеобщую память имени его, съ цѣлю пособить симъ нуждамъ. (чит. въ замѣткахъ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1867 г.,—стр. 160—162). Итакъ помочь нуждамъ всего духовенства вообще — вотъ цѣль первыхъ основателей эмеритальной кассы: а возможное обезпеченіе зажиточныхъ и вдовъ съ сиротами и составляетъ главную задачу нашей кассы!

Равнымъ образомъ, напрасно востаютъ противъ проекта съ укоризнами за то, что онъ своей кассѣ присвоитъ названіе эмеритальной, тогда какъ предполагаемыя имъ выдачи не могутъ быть названы въ строгомъ смыслѣ *эмеритурою* или заслуженною пенсією, и такъ какъ только самая малая доля изъ процентовъ съ основнаго филаретовскаго капитала входитъ въ составъ эмеритальныхъ пенсій участвующимъ въ кассѣ своими взносами. Такое названіе кассѣ усвоено первымъ комитетомъ, принято съѣздомъ епархіальнаго духовенства и утверждено его высокопреосвященствомъ, и не подверглось замѣчанію со стороны почетнаго академика, обсуждавшаго проектъ со всѣхъ его сторонъ.

Но поборники эмеритальной кассы собственно за особыя заслуги не довольствуются отвлеченіемъ въ свою пользу собранной въ память покойнаго архипастыря суммы: они ревниво смотрятъ и на прочіе предполагаемыя проектомъ кассы источники доходовъ. Зачѣмъ достанется другимъ? Все бы имъ однимъ! Какъ будто бѣдные, безъ особыхъ заслугъ, не заслуживаютъ никакого пособия! „Источники для кассы, говорятъ, въ *проектѣ* открыты обильные:—предполагается производить денежный сборъ со всѣхъ церквей и монастырей, и со всѣхъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ въ епархіи. Надлежало бы думать, что цѣлю кассы будетъ пособіе или награда тѣмъ, кои оказали особенныя заслуги, или ихъ вдовамъ и сиротамъ: но не на заслугахъ церкви и духовенству и не на бѣдности вдовъ и сиротъ основывается право на эмериттуру (ибо изъ кассы опредѣляется эмериттура и тѣмъ, кои хъ состояніе обезпечено и собственнымъ имуществомъ), а на однихъ взносахъ добровольныхъ участниковъ вассы, и бѣдная эмериттура обѣщается тѣмъ, которые будутъ дѣлать большіе взносы. Справедливо ли требовать отъ церквей и духовенства пожертвованій за такія заслуги и проч.“

Но напрасно возражатели говорятъ, что источники кассы открыты обильные. О взносахъ отъ церквей въ проектѣ Устава сказано: *если таковыя будутъ*, а о монастыряхъ сказано, *сами сохласятся дѣлать взносы*. Но *будутъ ли, и сохласятся ли?* Это еще вопросъ. И такъ

оба эти рода взносов существуют только въ предположеніи, а предполагаемыхъ источниковъ нельзя вводить въ денежные расчеты кассы, гдѣ все должно быть основано на дѣйствительныхъ средствахъ; а равно невозможно было проектировать какихъ-либо особыхъ правилъ на основаніи предположеній. Главный источникъ кассы (при незначительномъ основаніи капиталѣ) остается одинъ: взносы добровольныхъ участниковъ кассы; а при этомъ условіи нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, что большая эмеритура опредѣляется за большіе взносы. Укажутъ ли на то, что по проекту къ каждому рублю взноса прибавляется по 4 к., изъ процентовъ съ основнаго капитала, а потому все-таки имѣющимъ дѣлать большіе взносы достанется изъ онаго больше? Или,—что предположенные по § 34-му общезаключительные взносы на усиленіе запаснаго капитала также послужатъ больше въ пользу дѣлающихъ большіе взносы?

Но прежде, нежели придавать какое-либо значеніе таковымъ соображеніямъ, слѣдовало бы освѣдомиться (изъ напечатанныхъ документовъ), сколько найдется такихъ лицъ, кои будутъ дѣлать большіе взносы. Изъ журнала прежняго комитета отъ 6-го октября 1870 года видно, что по доставленнымъ подписнымъ листамъ, изъ 3209 лицъ изъявили желаніе вносить: по первымъ тремъ высшимъ разрядамъ—(100,—75 и 50 руб.)—83 лица, по 4-мъ среднимъ—(30, 25, 20 и 15 р.) 314 лицъ, и по тремъ низшимъ разрядамъ (10, 5 и 3 руб.) 2812 лицъ, и сумма взносовъ по послѣднимъ тремъ разрядамъ значительно превышаетъ сумму взносовъ двухъ первыхъ группъ. Откуда очевидно, что и прибавочныя изъ процентовъ съ основнаго капитала копѣйки и общезаключительные взносы на усиленіе запаснаго капитала послужатъ преимущественно въ пользу бѣднѣйшихъ участниковъ кассы.

Многіе изъ лицъ духовенства, глубже проникающіе въ сущность дѣла и отвесшіеся къ нему съ большею основательностію, признаютъ, что „учрежденіе для обезпеченія заштатныхъ священно-церковно-служителей и вдовъ и сиротъ есть учрежденіе благотѣльное, а потому и заявленіе о немъ встрѣчено было духовенствомъ сочувственно“. Но тотъ сейчасъ же перемѣняется: осуществленію сего благотѣльнаго учрежденія весьма много вредитъ, говорятъ, составленный комитетомъ проектъ Устава кассы, не соответствующій ожиданіямъ духовенства и потому отталкивающимъ его сочувствіе. Чего же могло ожидать духовенство? Чтобы обсудить сіе здраво и безпристрастно, для сего надлежало вникнуть,—на чемъ основываетъ касса свои расчеты, а затѣмъ уже рѣшить, чего можно ожидать по справедливости отъ нея при ея дѣйствительныхъ средствахъ? Но у дѣлителей проекта въ мысли одно: проектъ не обезпечиваетъ всѣхъ заштатныхъ и вдовъ съ спро-

тами! И вотъ сыплются на проектъ разныя укоризны: „проектъ этотъ, говорятъ, можетъ-быть названъ проектомъ собиранія денегъ, а не пособія бѣдствующему духовенству“, по тому что онъ хочетъ собирать отвсюду, а въ назначеніи пособій вводитъ разныя несправедливыя ограниченія. Разчувствовавшись по сему случаю, авторъ отзыва незамѣтно для себя входитъ въ противорѣчіе съ высказаннымъ въ началѣ своего отзыва положеніемъ, и обращается уже къ лицамъ служащаго духовенства—участникамъ кассы съ сожалѣніемъ, что они до выхода за штатъ напрасно будутъ разсчитывать на щедроты кассы, хотя бы благосостояніе ихъ разстроилось отъ чего-либо и они терпѣли нужду. Вотъ что значить рубить съ плеча, не обдумавши! Но укоряя проектъ за то, что онъ не всѣхъ заштатныхъ и вдовъ съ сиротами обезпечиваетъ,—авторъ отзыва подумалъ ли о томъ, что проектъ въ опредѣленіи пенсій располагаетъ только дѣйствительными средствами, т.-е. заявленными взносами участниковъ кассы, а при такихъ ограниченныхъ средствахъ невозможно назначать пособія всѣмъ безъ ограниченія, да и притомъ пособія за первыя три пятилѣтія въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ сколько процентовъ можетъ дать каждый внесенный рубль за 10—15 и 20 лѣтъ? и что прочіе сборы существуютъ только въ предположеніи, и доколѣ онѣ не осуществляются и не опредѣляются, дотогѣ нельзя располагать ими какъ дѣйствительными? Какой благоразумный предприниматель рѣшится начать широко жить на счетъ только предполагаемыхъ доходовъ? Когда чаемыя средства придутъ, тогда духовенство вольно распорядиться ими и расширить способы благотворенія, какъ и проектъ устанавливаетъ. Намъ желательна, говорятъ въ заключеніи подобныя отзывы,—такая касса, которая бы, заботливо собирая деньги, милостиво раздавала ихъ всѣмъ нуждающимся, и назначенные ею сроки для начатія своихъ операцій сократила по крайней мѣрѣ на половину!—Хорошо, да возможно ли? Дайте средства,—и все будетъ!

Мы не намѣрены, да и нѣтъ возможности, — перебирать и оцѣнивать всѣ взгляды дѣятелей проекта, и сказали объ упомянутомъ предъ симъ родѣ отзывовъ, для того, чтобы показать, какъ иногда начнутъ прямо, а сведутъ якось. Вообще о всѣхъ отзывахъ предварительно должно замѣтить слѣдующее: общій ихъ недостатокъ—тотъ, что часто нападаютъ на нѣкоторые пункты отъ непониманія ихъ, а причиною разныхъ недоумѣній было то, что многіе, какъ видно, не читали напечатанныхъ документовъ, излагающихъ основанія положеній проекта, а читали одни выводы, и видѣли одни верхушки, а не корни.

Отзывы всехъ разнообразны и разнохарактерны, такъ что обзору оныхъ трудно придать видъ какой-либо системы. Мы усмотрѣли въ

нихъ два главныхъ направленія: одно усиливается доказать несостоятельность или невыгодность проекта въ общемъ его составѣ и въ основаніяхъ, а другое касается его неудобства или невыгодности по тѣмъ или другимъ пунктамъ. Въ такомъ порядкѣ мы и будемъ разсматривать ихъ, а въ отношеніи ко второму роду отзывовъ, для облегченія дѣла, послѣдуемъ порядку исчисленія возраженій въ отчетѣ комитета по разсмотрѣнію проекта. (Есть и третье направленіе—безъ винны ругательное: но стоитъ ли говорить о немъ?!).

Одинъ изъ отзывовъ начинается такъ: „проектированная эмеритальная касса съ одной стороны имѣеть видъ *банковато учрежденія* для участниковъ ея, такъ какъ по уставу ея: 1) пенсіи назначаются *только этимъ добровольнымъ участникамъ кассы* и притомъ *пропорціональнымъ ихъ взносамъ*, 2) пенсіи назначаются имъ и въ томъ случаѣ, если они имѣють обезпеченное состояніе или получаютъ пособіе изъ помечательства и другихъ учреждений, и 3) въ нѣкоторыхъ случаяхъ внесенные капиталы возвращаются вкладчикамъ или ихъ наследникамъ. Съ другой стороны, та же касса имѣеть характеръ *благотворительнаго учрежденія*, такъ какъ выдаетъ пенсіи *только заштатнымъ священноцерковнослужителямъ*, если они, по выходѣ въ запять, не занимають никакой *должности приносящей доходъ*, и также священноцерковнослужительскимъ *вдовамъ и сиротамъ*, — послѣднимъ только до гражданскаго совершеннолѣтія“. Такимъ образомъ проектированный уставъ двоятся въ самой своей идеѣ или, предполагая двѣ различныя цѣли, онъ не достигаетъ надлежащимъ образомъ ни одной и впадаетъ въ непобѣдимыя противорѣчія. Какъ банковое учрежденіе проектированная касса *невыгодна* для участниковъ ея. Какъ благотворительное учрежденіе, она слишкомъ *мало благотворительна*“.

По мнѣнію автора проектъ выходитъ не хорошъ уже и тѣмъ, что онъ представляетъ учрежденіе и *банковое* и *благотворительное*; но что ничего неестественнаго въ этомъ нѣтъ, о томъ свидѣтельствуетъ спеціальность—ординарный академикъ Г. Буялковскій, который одобряетъ проектъ въ его составѣ, и нашу *спеціальную* кассу, имѣющую въ виду по преимуществу общее благо духовенства, называетъ учрежденіемъ въ *высшей степени благотворительнымъ*. Видъ кассоваго учрежденія въ нашемъ проектѣ есть способъ умноженія капитала для предполагаемой цѣли, а *благотвореніе* есть цѣль его. Но это не то значить, что „за двумя зайцами погнался“, — какъ желаетъ выставить авторъ. Переходимъ къ его доказательствамъ.

„Правда (объявляетъ возражатель), участникамъ кассы въ I, II и III разрядахъ уставъ обѣщаетъ, повидимому, довольно выгодное обезпеченіе чрезъ 35 лѣтъ—500 р. 375 р. и 250 рублей, съ прибавкою 4 коп.

на рубль изъ основнаго капитала, и премію изъ церковныхъ взносовъ, если таковыя будутъ“.

Здѣсь возражатель неправильно излагаетъ положеніе о прибавкѣ. Прибавка 4 коп. на рубль дѣлается не къ пенсіоннымъ выдачамъ въ 500, 375 и 250 рублей, подобно преміи изъ церковныхъ, а совсѣмъ иначе: 4 копейки, изъ процентовъ съ основнаго капитала, прибавляются къ рублю ежегоднаго взноса вкладчиковъ сначала — при поступленіи взносовъ, и входятъ въ составъ капитала по вкладамъ, и потому уже заключаются въ количествѣ указанныхъ премій, а не прибавляются въ послѣдствіи. (Смотр. § 13, и 43 съ приложеніемъ).

Возражатель продолжаетъ: „но, не говоря о томъ, что въ духовенствѣ московской епархіи немного найдется лицъ, которымъ не было бы обременительно вносить вклады по первымъ тремъ разрядамъ,— надобно сообразить, долго ли придется пользоваться пенсією изъ кассы вкладнику или его женѣ и дѣтямъ? Послѣ 35 лѣтъ службы трудно надѣяться прожить еще долго, и жена къ тому времени будетъ уже очень не молода, и дѣти, вѣроятно, всѣ уже достигнутъ совершеннолѣтія, или, по крайней мѣрѣ, будутъ близки къ нему, и, слѣдственно, потеряютъ право на пенсію. Спрашивается, для чего же священноцерковнослужитель будетъ подвергать себя лишнему, удѣлая ежегодно въ кассу значительную часть своего дохода? *Капиталъ, внесенный имъ, по прекращеніи пенсіи, останется въ кассѣ*, тогда какъ, если кто ежегодно будетъ вносить въ какой-либо банкъ по 100, по 75 или по 50 рублей изъ 5⁰/₁₀₀, то чрезъ 35 лѣтъ, съ процентами, ежегодно прилагаемыми къ капиталу, у него составитъ капиталъ въ 10,000 р. 7,300 р. 5,000 р., съ котораго онъ будетъ получать почти тѣ же проценты, какіе общается и касса, и притомъ останется владѣльцемъ довольно значительнаго капитала, который можетъ передать своимъ дѣтямъ совершеннолѣтнимъ или внукамъ, и вообще кому захочетъ“.

Вкладчиковъ по первымъ тремъ разрядамъ, дѣйствительно, будетъ не много. Но вопросъ: долго ли придется пользоваться пенсією за 35 лѣтъ самому вкладнику, или его женѣ и дѣтямъ?— требуетъ разъясненія. Относится ли онъ только къ тѣмъ, кои принимаютъ священный санъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, напримѣръ наставники академіи и семинаріи? Или вопросъ этотъ основанъ на неправильномъ пониманіи сущности дѣла, и имѣетъ одинаковую силу съ вопросомъ, изложеннымъ въ отчетѣ комитета (возраженіе на § 20): „много ли такихъ найдется, которые прослужатъ 35 лѣтъ въ священномъ санѣ, принявъ его 30 лѣтъ отъ роду?“ Но и наставники академіи и семинаріи, желающіе посвятить себя служенію св. церкви, принимаютъ священный санъ часто ранѣе 30 лѣтъ, а потому еще имѣютъ надежду прожить не мало послѣ

35-лѣтняго взноса. Такихъ впрочемъ весьма незначительное меньшинство. Но если понимать вопросъ въ принятомъ въ отчетѣ смыслѣ, то онъ страдаетъ недоразумѣніемъ. Развѣ требуется вносить 35 лѣтъ, служа непрѣменно въ священномъ санѣ? Взносы нѣдутъ приниматься и отъ служащихъ въ низшемъ санѣ—отъ причетниковъ или псаломщиковъ и оплаченные въ низшей церковной должности годы зачитаются симъ вкладчикамъ и тогда, когда они достигнутъ священнаго сана. А развѣ въ псаломщики опредѣляются 30 лѣтъ? На 21, 22 и много если на 23 году. И такъ послѣ 35-лѣтняго взноса вкладчики будутъ 56, 57, 58 лѣтъ, и могутъ еще сами, а во всякомъ случаѣ семейства ихъ, надѣяться на долговременное пользованіе пенсією. Такимъ образомъ, внесенный за 35 лѣтъ капиталъ не останется просто въ кассѣ, а много послужитъ въ пользу вкладчикамъ или, несомнѣнно, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Но главная сила — въ послѣднемъ выводѣ возражателя. Онъ погрѣшаетъ и противъ устава и противъ совѣсти, говоря, что, „внося по 100, 75 и 50 рублей въ какой-либо банкъ изъ 5%, вкладчикъ составитъ такой капиталъ (въ 10,000 р. 7,5000 р. и 5,000 р.), съ котораго будетъ получать почти тѣ же проценты, какіе обѣщаетъ касса, да еще оставитъ значительный капиталъ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ, внукамъ или кому захочетъ“.

По недоразумѣнію или намѣренно, возражатель остановился на цифрѣ премій за 35 лѣтъ, обѣщанныхъ первымъ комитетомъ, и не обратилъ вниманія на § 41, въ которомъ, согласно непрѣменному требованію г. ординарнаго академика В. Я. Буяковскаго, сказано, что „въ сознаніи справедливости къ пенсіонерамъ трехъ послѣднихъ пятилѣтій съ пониженными окладами, правленію кассы поставляется въ непрѣмленную обязанность, въ случаѣ благоприятнаго положенія дѣлъ кассы, при первой возможности позаботиться объ увеличеніи пенсій за послѣднія три пятилѣтія приблизительно къ настоящей ихъ нормѣ, опредѣляемой строго-теоретическими соображеніями, каковая норма и указана въ таблицѣ (въ приложеніи I къ § 41). А въ таблицѣ непосредственная премія за 35 лѣтъ на каждый рубль взноса указывается слѣдующая: 9 р. 79 к.; слѣдовательно на взносы въ 100 руб. по I разряду 979 руб., за 75 р. по II—734 р. 25 коп. и за 50 р. по III 489 р. 50 коп., т.-е. почти вдвое больше противъ назначенія по положенію первоначальнаго комитета, указанному въ § 40. Зачѣмъ же умалчивать объ этомъ условіи, если оно поставлено въ непрѣмленную обязанность кассы? Нельзя полагать, чтобы возражатель не надѣялся на благоприятное положеніе дѣлъ кассы въ будущемъ, потому что онъ при другомъ случаѣ укоряетъ проектъ въ томъ, что онъ заботится о составленіи огромнаго капитала безъ всякой цѣли и скупъ на благотворенія.

Въ чему такая неточность и неискренность? Зачѣмъ ложными выводами и нареканіями на проектъ смущать и сбивать съ толку многихъ, довѣряющихъ, можетъ-быть, на слово свидѣтельству лица, занимающаго почетный постъ?!

Возражатель говоритъ далѣе; „Если и по высшимъ разрядамъ не выгодно быть вкладчикомъ кассы, то не интереснѣе быть участникомъ ея по нижнимъ разрядамъ. Для бѣднаго напримѣръ сельскаго причетника не легко платить и 5 и 3 рубля въ годъ. Но для чего онъ станетъ подвергать себя новому лишенію? Неужели для того, чтобы чрезъ 35 лѣтъ получить пенсію 25 или 15 рублей въ годъ, или чрезъ 25 лѣтъ 17½ р. и 10½ р. *на все семейство*“. Здѣсь встрѣчаемъ такое же неправильное сужденіе, какъ и въ предшествующемъ замѣчаніи. По теоретическому расчету премій на рубль по пятилѣтіямъ, изложенному въ приложеніи къ § 41, вносяшіе 5 и 3 рубля ежегодно получаютъ пенсію за 35 лѣтъ 48 р. 95 коп. и 29 р. 37 коп., (а не 25 и 15 руб.), а подобными пособіями могутъ пренебрегать только обезпеченные, а не безирютные заштатные и вдовы съ сиротами, коихъ такъ много съ каждымъ годомъ появляется въ средѣ бѣднаго сельскаго и даже городского духовенства! Присоединенное же замѣчаніе: „обѣщанія касательно увеличенія пенсій изъ церковныхъ взносовъ очень перѣшительны и неопредѣленны“, по существу дѣла не могутъ служить упрекомъ проекту кассы.

Столь же несостоятельно и послѣдующее обвиненіе, основанное на томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ внесенный участникомъ кассы капиталъ возвращается ему или его наслѣдникамъ безъ процентовъ. Это очень невыгодно, говоритъ возражатель,—въ такомъ случаѣ, вносяшій напримѣръ 9 лѣтъ по 100 р. получаетъ обратно только 900 р., тогда какъ, внося такую же сумму въ продолженіи 9 лѣтъ въ банкъ изъ %, онъ составилъ бы себѣ капиталъ въ 1250 р. Но вѣдь только по снисхожденію къ нашей специальной кассѣ г. ординарный академикъ Буяковскій нашелъ возможнымъ допустить въ ней возвратъ суммъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и то подъ условіемъ восполненія капитала кассы; а во всѣхъ другихъ пенсіонныхъ учрежденіяхъ возврата внесенной суммы не допускается. Можетъ ли напр. наставникъ семинаріи, у котораго ежегодно вычитается 2% изъ жалованья на составленіе пенсіоннаго капитала, по оставленіи училищной службы чрезъ 9 лѣтъ или вообще до пенсіоннаго срока, требовать возврата вычтенной у него суммы? Такихъ же наставниковъ (и вообще служащихъ), кон до пенсіоннаго срока оставляютъ службу,—наибольшее число. Такъ по учрежденію правительственному: личныя пожертвованія многихъ поступаютъ въ общую кассу для обезпеченія меньшинства дослужившихся пенсіонеровъ.

А у насъ многіе не хотять участвовать въ касѣ изъ того личнаго расчета, что пожалуй не воспользуются пенсіей!

Прибавленіе же для усиленія замѣчанія: „а чрезъ большее число лѣтъ (потердѣть) конечно много болѣе“ совершенно не кстатъ, такъ какъ 16-ти-лѣтній взносъ даетъ неотъемлемое право на пенсію. Затѣмъ возражатель переходитъ къ доказательству того, что проектированная касса *слишкомъ мало благотворительна*. Еслибы возражатель безпристрастно отнесся къ общенужному дѣлу, то онъ, предварительно произнесенія своего приговора о слишкомъ малой благотворительности кассы, долженъ бы былъ сначала перечислить,—сколько и какиихъ лицамъ вообще касса обѣщаетъ давать пособія, и потомъ уже указать на ограниченія по выдачѣ пенсій, а не просто высказать свою мысль и доказывать ее указаніями на одни ограниченія. Статистическія свѣдѣнія, на которыхъ первоначальный комитетъ, а равно и комитетъ учредительный основывались въ своихъ соображеніяхъ, показываютъ, что изъ двухъ собственно группъ, входящихъ въ число пожизненныхъ пенсіонеровъ, именно: изъ заштатныхъ и изъ вдовъ, первая группа составляетъ до 30%, а группа вдовъ съ сиротами наибольшая,—болѣе 70%. На этихъ то двухъ группахъ и сосредоточены пособія отъ кассы. Итакъ безпристрастно можно ли говорить, что касса мало будетъ дѣлать пользы, если съ каждымъ годомъ будетъ открываться сто (и можетъ быть болѣе) вакансій для пенсіонеровъ изъ вышедшихъ за штатъ и изъ вдовъ (съ сиротами при нихъ) и если тѣ и другіе будутъ пользоваться пособиемъ по смерти свою?

Да и приведенные возражателемъ ограниченія не таковы, чтобы можно было рѣшительно утверждать, что „касса очень скупа на благотворенія“. „Служащее духовенство для полученія права на пенсію должно прослужить не менѣе 25 лѣтъ“. Что же въ этомъ стѣснительнаго? Да разивъ кто-нибудь изъ насъ, поступающихъ въ должности священноили-церковнослужительскія обыкновенно около 25-ти-лѣтняго возраста, безъ особой причины захочетъ оставить службу ранѣе указаннаго времени? А съ другой стороны проектъ допускаетъ на первое время исключенія для 60-ти-лѣтнихъ (законный срокъ выхода за штатъ), т. е. тѣхъ, которые съ открытіемъ кассы поступятъ въ участники ея въ зрѣломъ возрастѣ, и которые по выходѣ за штатъ въ 60-ти-лѣтнемъ возрастѣ сохраняютъ право на пенсію, хотя бы имъ пришлось внести только 20, 15 и даже 10 лѣтъ, — а такъ же для оставившихъ службу ранѣе 25 лѣтъ по совершенному разстройству здоровья, дѣлающему ихъ неспособными къ прохожденію служенія. Кажется, иначе поставить дѣло нельзя въ такой касѣ, которая учреждается для пособія заштатному духовенству и вдовамъ съ сиротами. Замѣчанія же воз-

ражателя относительно того, что могут быть и другія болѣзни, кромѣ указанных въ проектѣ, прешаствующія продолжать службу, совершенно вѣрно; и проектъ подъ словомъ „увѣче“ заключаетъ, конечно, всякія болѣзни, недозволяющія продолжать службу; возражатель безпристрастный предложилъ бы только пояснить невразумительный для него пунктъ, а не ставилъ бы это въ доказательство несостоятельности проекта!

Временное прекращеніе производства пенсін заштатному лицу, поступившему на должность при приходской или домовоіи церкви, не всякому безъ ограниченія, а только получающему опредѣленное достаточное жалованья“ (см. § 63), допущено проектомъ въ цѣляхъ большаго обезпеченія кассы. А что въ Москвѣ есть не мало нештатныхъ мѣстъ, дающихъ служащему доходъ вдвое и даже втрое больше противъ указаннаго въ отзывѣ (150 р. и 200 р.),—это намъ вѣрно извѣстно; для такихъ мѣстъ, иные оставляютъ свою штатную службу, и поступившіе на оныя не согласятся снова перейти на штатную службу въ порядочный сельскій приходъ, еслибы имъ это предложили. Отчего же бы такому и не поступиться временно своею пенсіей для общей пользы?

Тоже должно сказать и о проектированномъ прекращеніи производства пенсін вдовамъ, поступающимъ въ просфорницы, но § 74. По отношенію къ таковымъ вдовамъ проектированное ограниченіе, если только допустить оное, должно быть принимаемо еще съ большою разборчивостію.

Положеніе проекта о производствѣ пенсін сиротамъ, даже увѣчнымъ и одержимымъ неизлѣчными болѣзнями — только до гражданскаго совершеннолѣтія, возражатель черезчуръ уже и вовсе незаслуженно награждаетъ вопдетамъ: *совершенно несправедливо, немилосердно и не соотвѣсно съ характеромъ благотворительнаго учрежденія*. Допущенное ограниченіе возражатель называетъ *совершенно несправедливымъ*, — пусть такъ, и нашей скудной кассѣ не стыдно раздѣлять такую укоризну наравнѣ съ правительственными пенсіонными учрежденіями, имѣющими огромные фонды (наприм. морскаго вѣдомства), и однакожъ ограничивающими производство пенсін сиротамъ срокомъ гражданскаго совершеннолѣтія. *Немилосердно и несоотвѣсно съ характеромъ благотворительнаго учрежденія*: но ограниченіе это, принятое уже съѣздомъ 1870 года, допущено не по недостатку милосердія въ составителяхъ проекта, а по невозможности дать выродѣй размѣръ благотворительности при ограниченности средствъ кассы. Въ случаѣ же благопріятнаго положенія средствъ кассы проектъ обѣщаетъ увѣчнымъ и неизлѣчнымъ сиротамъ временныя пособія или пристроеніе въ богоугодныя заведенія за умѣренную плату. Возражатель называетъ это обѣщаніе *слишкомъ перышительнымъ и неопредѣленнымъ*; таково оно естественно и

должно быть при невѣдѣнности того, насколько благопріятны будутъ средства кассы. А самъ же возражатель всѣми мѣрами усиливается отвлечь духовенство отъ содѣйствія благоусиѣнности средствъ кассы. При словѣ *умѣренную* возражатель поставляетъ знакъ вопроса: но изъ какихъ же средствъ касса могла бы производить большую плату, когда и размѣръ самой заслуженной отцомъ сироты пенсіи будетъ не болѣе какъ умѣренный? Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, и располагаетъ огромнымъ фондомъ, и собираетъ ежегодно отъ церквей, кладбищъ и другихъ источниковъ значительныя суммы: а его пособія сиротамъ можно ли назвать щедрыми? Проектируемая же касса не при такихъ благопріятныхъ условіяхъ устроится: какъ же ей давать щедрыя обѣщанія? Представимъ напримѣръ, что имѣющій увѣчное дитя отецъ вносилъ въ кассу въ теченіе 10 лѣтъ по 10 рублей, и того внесъ 100 рублей и умеръ оставивъ круглаго сироту положимъ хоть 10 лѣтъ, съ правомъ на пенсію по 20 рублей; выйдетъ, что таковой сирота до исполненія только гражданскаго совершеннолѣтія въ теченіе 11 лѣтъ, выберетъ изъ кассы 220 руб. Но если сирота проживетъ 20, 30 или 40 лѣтъ, и потребовалъ бы отъ кассы расхода въ 400, 600 и 800 рублей, и такихъ сиротъ оказалось бы 20 или 30 человекъ, — то откуда же кассѣ, почти не имѣющей фонда и устроеной на однихъ взносахъ вкладчиковъ съ правомъ на соответствующія количеству взносовъ пенсіи, взять средства на столь широкія благотворенія? А что въ прозектѣ прибавлено, что пристроеніе безпомощныхъ сиротъ или пособіе имъ производится съ согласія съѣзда духовенства, — то въ семь ничего нѣтъ страннаго; правленію кассы предоставляется производить только пенсіи, точно опредѣленныя уставомъ, а всякое новое назначеніе пособій предоставлено съѣзду духовенства. Впрочемъ возражатель напрасно придаетъ особую силу своему замѣчанію о положеніи сиротъ — увѣчныхъ и болѣзненныхъ. Съ лишеніемъ отца они могутъ проживать при матеряхъ, имѣющихъ пользоваться заслуженною пенсіею по смерти своей; остаются въ затруднительномъ положеніи только круглыя сироты, но число таковыхъ не велико; да почему же не разчитывать, что при неимѣніи у кассы средствъ помогать безпомощнымъ сиротамъ, духовное попечительство призреть ихъ и облегчить ихъ участь?

Интересно и достойно замѣчанія заключеніе возражателя по пункту о скуности кассы на благотворенія: „такимъ образомъ касса, *помощая* „много капиталовъ, даетъ пенсіи *очень немногимъ*. Составители устава, „какъ видно, очень заботились о томъ, чтобы упрочить и обезпечить „кассу. Но къ чему же будетъ это обезпеченіе кассы, если пользы отъ „нея будетъ мало“?

Положая много капиталов: нелюбимъ, какіе разумѣть возражатель *многіе* капиталы, такъ какъ во всей предыдущей рѣчи его капиталы не исчисляются. Да и что значить выраженіе: *положая*? Касса устроится не для поглощенія вѣкъ-либо капиталовъ, а для употребленія оныхъ на пользу заштатныхъ и вдовъ съ сиротами... Составители устава дѣйствительно заботились объ упроченіи и обезпеченіи кассы,— иначе что же былъ бы за проектъ, если бы онъ не поставлялъ кассу на прочномъ основаніи, и можно ли было бы надѣяться на утвержденіе онаго высшимъ начальствомъ? Мѣры же къ упроченію и обезпеченію кассы въ будущемъ не самимъ учредительнымъ комитетомъ измѣнены, а постановлены по указанію опытнаго въ кассовыхъ учрежденіяхъ лица, на обсужденіе котораго проектъ былъ препровожденъ по изволенію нашего архиепископа. Вслѣдствіе указанія того же спеціалиста комитетъ опредѣлилъ пенсіи только въ тѣхъ случаяхъ, которые могутъ быть удовлетворены при опредѣленныхъ взносахъ добровольныхъ вкладчиковъ; другія же благотворенія какъ-то: одновременныя вспоможенія, благоустроеніе сиротъ увѣчныхъ и больныхъ, оставлены въ предположеніи по указанію того же лица, по мнѣнію котораго лучше не предрѣшать нѣкоторыхъ вопросовъ до времени, или до десятиаго года, когда особою ревизіонною комиссіею опредѣлится прочность положенія дѣлъ кассы. Можно ли же было, безъ опредѣленныхъ задатковъ, упорно идти на перекоръ мнѣнію такого лица, отъ одобренія котораго зависить самое утвержденіе кассы?

А что и отъ учреждаемой въ настоящемъ видѣ кассы пользы будетъ много, это всякій можетъ видѣть изъ того, что по открытіи дѣйствіи кассы по выдачѣ пенсій съ каждымъ годомъ поступать будутъ на пенсіи до 30 заштатныхъ и болѣе 70 вдовъ съ сиротами,—кромѣ временныхъ пособій, выдача и размѣръ конхъ обуславливается болѣе или менѣе благоприятнымъ положеніемъ средствъ кассы,—чему каждый изъ лицъ духовенства долженъ бы содѣйствовать въ дѣлахъ общей пользы, а не тормозить и разстраивать доброе предпріятіе предприемами и умышленіями.

Постановивъ въ началѣ отзыва своего два отдѣла, возражатель присоединяетъ третій: *противорѣчіе съ проектомъ*. Но первый пунктъ, на который усердный обличитель проекта указываетъ, не есть собственно противорѣчіе, а есть ограниченіе общаго правила или исключеніе изъ онаго, нерѣдко допускаемое въ различныхъ законоположеніяхъ. Къ тому же не слишкомъ ли преувеличено указаніе возражателя на 30-тысячные дома у священнослужителей и ихъ вдовъ? Гораздо меньшее собственное обезпеченіе, и то-есть рѣдкость! Да и что значить одинъ исключительный случай изъ тысячи? Заштатныхъ же поступившихъ на какое-

либо мѣсто съ недостаточнымъ содержаніемъ, или вдовъ въ сельскія просфорницы на нищенскій доходъ, составители проекта и не думали лишать эмеритуръ. Во всякомъ случаѣ, если кому не нравится указанное ограниченіе, то слѣдовало бы просто предложить объ измѣненіи извѣстнаго пункта, а не выставлять его какъ основаніе къ признанію проекта негоднымъ.

Другое противорѣчіе возражатель видитъ въ томъ, что обѣщая пенсіи только добровольнымъ участникамъ кассы, и притомъ соразмѣрныя ихъ взносамъ, уставъ, въ подкрѣпленіе своихъ операций желаетъ получить взносы отъ всѣхъ церквей и монастырей и обложить все духовенство обязательными взносами, и прибавляетъ: „если касса составляется изъ добровольныхъ участниковъ, то это есть уже *частная компанія*, не имѣющая никакого права на взносы отъ церквей и на *обочеченіе* всего духовенства“.

Проектъ обѣщаетъ пенсіи только добровольнымъ вкладчикамъ не потому, что составителямъ такъ вздумалось, а потому что съѣздъ 1870 года не принялъ общеобязательнаго участія всего духовенства въ кассѣ, а принялъ кассу изъ добровольныхъ вкладчиковъ. Почему же и не быть таковой кассѣ? Одни не желаютъ добра себѣ и своимъ семействамъ, или не признаютъ нужды въ какихъ-либо средствахъ вспоможенія; такъ неужели и всѣмъ прочимъ запрещено жедать и искать добра себѣ и своимъ семействамъ? Это домогательство со стороны первыхъ было бы слишкомъ эгоистично! Касса учреждается для обезпеченія заштатныхъ и вдовъ съ сиротами: благоразумно ли же примѣнять ее къ *частной компаніи*, ищущей своихъ интересовъ? Въ частной компаніи, каждый разсчитываетъ получить свои выгоды соразмѣрно личнымъ взносамъ; въ кассѣ же участвуютъ многіе, а пособія даются только заштатнымъ и вдовамъ съ сиротами, — при чемъ не подвергшіеся нуждѣ поступаютъ своими вкладами въ пользу нуждающихся. Притомъ, эти нуждающіеся развѣ не служили церкви и потому сами ли они, или ихъ сиротствующія семейства развѣ не имѣютъ права на пособія отъ церквей? Къ стати объяснимся вообще относительно взносовъ отъ церквей въ кассу. Если такыя взносы когда-либо осуществляются, то о порядкѣ употребленія оныхъ, въ проектѣ устава имѣется особый пунктъ, предоставляющій рѣшеніе этого дѣла въ свое время будущимъ съѣздамъ духовенства. Но положимъ, что такыя взносы есть, — въ кассѣ же участвуютъ не всѣ, по нежеланію нѣкоторыхъ: что жъ тутъ дѣлать? Конечно участники въ кассѣ не могутъ извѣщать притязанія на обращеніе всѣхъ взносовъ въ свою пользу: но лишены ли они права искать своей доли изъ этихъ взносовъ, потому только, что другіе не участвуютъ въ кассѣ? Недоумѣніе относительно сего обстоятельства состав-

дствѣ для многихъ камень преткнанія. А путь къ разрѣшенію этого недоумѣнія уже указанъ въ поступкѣ прежняго комитета по отношенію къ подобному же обстоятельству. Собранный въ память юбилея въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета, и положенный въ основаніе эмпириальной кассы, капиталъ составляетъ достояніе всего духовенства, а участіе въ кассѣ принято не общеобязательное. Предположивъ къ каждому рублю взноса добровольныхъ вкладчиковъ прибавлять часть изъ процентовъ съ основнаго капитала, а съ другой стороны имѣя въ виду добровольное участіе въ кассѣ, комитетъ на основаніи заявленій, сдѣланныхъ желающими участвовать въ кассѣ своими взносами, сначала опредѣлимъ могущую быть общую сумму добровольныхъ взносовъ отъ всего духовенства—приблизительно, и усмотрѣлъ, что еслибы все духовенство участвовало въ кассѣ, то изъ процентовъ съ основнаго капитала можно отдѣлать по 4 коп. на каждый рубль всѣхъ взносовъ, даже съ остаткомъ, почему и назначилъ прибавку къ рублю по 4 копѣйки. Такимъ образомъ участники въ кассѣ сообща получаютъ изъ процентовъ съ основнаго капитала свою только долю, а доля неучаствующихъ въ кассѣ остается при капиталѣ неприкосновенною. А что въ пользованіи процентами съ основнаго капитала, при многоразрядныхъ взносахъ, не соблюдается уравнительности, и вкладчики по высшимъ разрядамъ получаютъ больше копѣекъ изъ процентовъ съ основнаго капитала, нежели вкладчики по низшимъ разрядамъ, то въ этомъ разсчетѣ неважный. Правомѣрность и вообще на практикѣ недостижима: нерѣдко — видится, что менѣе достойные занимаютъ выгоднѣйшія мѣста, нежели заслуженные и достойные; отчего же не можетъ быть терпима неравномѣрность въ пользованіи копѣйками по кассѣ? Желательно было бы, конечно, установить равномѣрные взносы, но въ такомъ случаѣ цифра оныхъ должна быть покруннѣе, а это не подѣ силу многимъ изъ духовенства. По нашему мнѣнію, крупныя вклады — поддержка кассѣ, ибо пять-шесть таковыхъ вкладчиковъ, не воспользовавшихся пенсією по правиламъ Устава кассы, капиталомъ своимъ и процентами на оный больше принесутъ пользы кассѣ, чѣмъ сто вкладчиковъ по низшему разряду.

Указанная операція по отношенію къ процентамъ съ основнаго капитала удобно и безъ всякаго нарушенія справедливости можетъ быть пригнана и къ взносамъ отъ церквей, если таковыя будутъ. Они могутъ быть распределены или поровну на число лицъ всего состава духовенства, или соотвѣтственно сану—сколько напримѣръ придется ежегодно изъ церковныхъ взносовъ раздѣльно на священника, діакона и причетника. По сему разсчету участники кассы будутъ пользоваться своею только долею, а доли не участвующихъ въ кассѣ будутъ сохра-

няемы въ ней неприкисновенными; тотъ же порядокъ можетъ быть при-
мѣненъ и къ другимъ избыточнымъ средствамъ кассы.

Противъ справедливости и рациональности такого распоряженія едва
ли найдутся возражатели, и учрежденіе кассы представляется возмож-
нымъ и въ томъ случаѣ, еслибы участвовать въ ней изъявила желаніе
половинная и даже меньшая часть всего духовенства. Притомъ если
теперь иные не хотятъ или не видятъ особенной пользы участвовать въ
кассѣ, то вздумаютъ принять участіе тогда, когда увидятъ благопріят-
ное положеніе дѣлъ кассы, и сознаютъ полезность ея. Съ другой сто-
роны, если настоящія лица нѣкоторыхъ причтовъ устоятъ въ своемъ
нежеланіи присоединиться къ кассѣ, то ихъ преемники могутъ присое-
диниться къ ней. При такихъ условіяхъ не предвидится причинъ пре-
пятствія и со стороны начальства къ учрежденію кассы.

Обоброченіе всего духовенства въ пользу кассы добровольныхъ вклад-
чиковъ, или въ пользу частной компаніи—по выраженію возражателя.
Жестокостію и недоброжелательностію какою-то отзывается выраженіе:
обоброченіе. Если возражатель читаль (а онъ долженъ былъ про-
честъ) документы комитета и знаетъ обстоятельства, вынудившія коми-
тетъ къ приглашенію всего духовенства — пособить кассѣ, то таковой
тонъ отзыва сколько не понятенъ, столько же и не извинителенъ. Дѣло
въ томъ, что г. ординарный академикъ Буяковскій, хотя призналъ
возможнымъ учрежденіе эмпириальной кассы на предложенныхъ осно-
ваніяхъ, но и высказалъ потребность въ усиленіи запаснаго капитала
на необходимые или непредвидѣнные расходы; неизбѣжно предстоящій
кассѣ расходъ есть слѣдующій: правленію кассы вѣняется въ обязан-
ность руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ расчетною таблицею; а
такъ какъ чрезъ преждевременное отчужденіе отъ капитала рублевой
кассы нѣкоторыхъ суммъ, предполагаемыхъ къ возврату вкладчикамъ
или ихъ семействамъ, естественно расчеты руководящей таблицы под-
верглись бы нарушенію и измѣненію, то оказывается нужнымъ—обна-
ружившійся послѣ каждаго возврата суммы дефицитъ таблицы воспол-
нять изъ запаснаго капитала или изъ постороннихъ источниковъ. Не-
предвидѣнные же расходы могутъ быть: на избыточныхъ пенсионеровъ,
еслибы въ иные годы число поступающихъ на пенсію оказалось нѣ-
сколько выше принятаго средняго ежегоднаго числа (100), и на разныя
случайности, и покрываться должны они изъ запаснаго капитала и по-
стороннихъ источниковъ. Запасный капиталъ по Уставу можетъ образо-
ваться: изъ части церковныхъ взносов, изъ пособій отъ кааедры и мо-
настырей, изъ частныхъ пожертвованій и изъ разныхъ оборотовъ и сбе-
реженій;—но всё эти средства только желаемыя и ожидаемыя, и—нео-
предѣленныя, —а потому можетъ случиться, что при неимѣніи достаѳ,

наго запаснаго капитала касса поставлена будетъ въ затрудненіе. Въ сихъ обстоятельствахъ комитетъ вынужденъ былъ обратиться къ духовенству за помощью въ такомъ духѣ: „наша касса по преимуществу благотворительная; пособить несчастнымъ собратіямъ или ихъ вдовамъ съ сиротами — по мѣрѣ средствъ, конечно, никто изъ насъ не отказывается и считаетъ священнымъ долгомъ: пусть же каждый изъ насъ вноситъ свою лепту въ общую сокровищницу для блага духовенства.“ И вотъ какой сочувственный отвѣтъ на это братское предложеніе слышимъ отъ нѣкоторыхъ: это *обоброченіе!*

Слѣдуетъ ироническій вопросъ возражателя: „не надѣются ли составители Устава, что по крайней мѣрѣ большинство московскаго духовенства изъявитъ желаніе быть участниками кассы? и отвѣчаетъ: это болѣе чѣмъ сомнительно. Изъ заявившихъ желаніе участвовать въ составленіи кассы въ 1868 году, теперь *многіе* откажутся. Говоримъ это на основаніи слышанныхъ нами отзывовъ отъ *нѣкоторыхъ* лицъ духовенства. И вообще *все* относится къ этому проекту несочувственно.“

Къ чему тутъ насмѣшливо кивать головою на составителей Устава? Они не сами на это дѣло вызвались, а по избранію духовенства и для блага его же согласились принять на себя этотъ трудъ не легкій и не безубыточный для нихъ. Они не выдумывали новыхъ правилъ по своему умствованію, а только устроили готовый проектъ, изыскивая всевозможныя мѣропріятія къ упроченію и осуществленію кассы, по указанію компетентнаго лица, подъ руководствомъ котораго поставилъ ихъ благопопечительный о духовенствѣ архипастырь. Если нѣмъ изъ духовенства не нравятся нѣкоторыя постановленія проекта, — то виною этого не составители Устава, а строгія, на благоразумной предусмотрительной осторожности основанныя требованія теоріи для прочности кассы, безъ выполненія которыхъ невозможно осуществленіе или разрѣшеніе открытія кассы. Мы имѣли въ виду общее благо, и нисколько не удивляемся тому, что съ постановленіями проекта трудно примириться тѣмъ, кои руководятся узкими эгоистическими расчетами и на все смотрятъ съ точки личной выгоды, а не общественной нужды. Мы имѣли въ виду благо большинства бѣднаго и безпомощнаго духовенства, а не московскаго, и, если *все*, или *многіе* или *нѣкоторые* изъ московскаго духовенства, отнесутся не сочувственно къ проекту, или откажутся участвовать въ благотворительной кассѣ, — то мы подивимся тому, что по пословицѣ: сытый голоднаго не разумѣетъ, и пожалѣемъ о томъ, что благое начинаніе, вслѣдствіе противодѣйствія лицъ, поверхностно смотрящихъ на дѣло, пожалуй, не приведется въ исполненіе. Почему же впрочемъ и не привести ее въ исполненіе? Большіе вклады участниковъ кассы по высшимъ разрядамъ, дѣйствительно — какъ

мы замѣтили выше, могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ служить подспорьемъ кассѣ: но еслибы и мало оказалось такихъ вкладчиковъ въ кассу, — то можно ли запугать этимъ нашу кассу? Отнюдь нѣтъ. Наша „касса разчитана на рубль взноса“, — прочтите это во второмъ приложеніи къ § 43 проекта Устава кассы. Такая касса оказалась по расчетамъ состоятельною, какъ свидѣтельствуеъ свѣдущее въ математическихъ вычисленіяхъ лицо, председатель перваго комитета протоіерей Н. А. Сергіевскій, и мы доверяемъ сему свидѣтельству тѣмъ болѣе, что и г. ординарный академикъ В. Я. Буняковскій расчеты протоіерея Сергіевскаго призналъ вѣрными и самъ называетъ нашу кассу *рублевою*. А изъ какихъ взносов, крупныхъ или мелкихъ, образуется капиталъ кассы, это мало повліяетъ на ея судьбу.

„Что же“, — говорить въ заключеніе своего отзыва гнѣвный оппонентъ, — „если менѣе половины, даже менѣе трети духовенства согласятся участвовать въ *этой* кассѣ? Неужели можно дозволить имъ дѣлать сборъ съ церквей и со всего духовенства? это было бы въ высшей степени несправедливо.“

Сборъ со всѣхъ церквей въ пользу немногихъ можетъ только представляться несправедливымъ, но въ строгомъ смыслѣ не можетъ называться таковымъ. *Вопервыяъ*, взносы отъ церквей существуютъ только въ предположеніи, *восторыаъ*, если они и будутъ, то они составятъ дополнительную премію, порядокъ распредѣленія которой предоставляется усмотрѣнію самаго духовенства; и *третьяаъ* — участники кассы по вышензложенному разсужденію возьмутъ изъ общихъ сборовъ свою только часть, доля же не участвующихъ въ кассѣ будетъ сберегаться въ кассѣ для пользы ихъ же, или ихъ преемниковъ, когда они примутъ участіе въ кассѣ. Не застигайте же другимъ глаза, и сами поймите, что касса, дающая преміи заштатнымъ, и вдовамъ и сиротамъ, есть учрежденіе въ основаніи своемъ благотворительное. Вамъ, нинѣ довольнымъ своимъ состояніемъ, жалко подить отъ избытка своего милостиню въ пользу другихъ безпомощныхъ своихъ собратій, и вы даже называете высшею несправедливостію сборъ на бѣдныхъ? Удивляемся эгоистической логикѣ вашей!

Дальнѣйшее измышленіе недоброжелателя благотворительной кассы нашей мы ужъ и не знаемъ какъ назвать, чему приписать и къ чему приравнить. Сужденіе автора отзыва заключаетъ въ себѣ незаслуженную укоризну, крайне обидное подозрѣніе и злую клевету, а между тѣмъ въ сущности оно несправедливо, натянато и къ кассѣ совершенно неприложимо. Авторъ имѣетъ цѣлю поразить кассу внушеніемъ начальству о своекорыстномъ и коммерческомъ расчетѣ составителей кассы, глася такъ: „еслибы, напримѣръ, нѣсколько священно-церковно-

служителей, изъ которыхъ многіе были бы люди достаточные (а недостаточнымъ, какъ выше *показано*, и *невыгодно* быть участниками кассы), согласились, для большаго обезпеченія ихъ семействъ сдѣлать на свои деньги какой-либо выгодный оборотъ (приобрѣсти напримѣръ извѣстное количество доходныхъ акцій), и не имѣя для предполагаемой дѣли вполне достаточнаго капитала, обратились къ начальству съ просьбой— дозволить имъ недостающую сумму получить изъ церквей и сдѣлать сборъ со всего духовенства, — неужели начальство сонзволпло бы на ихъ просьбу?«

Полагая поразить проектъ, возражатель поражаетъ самъ себя своими противорѣчіями прежде имъ сказанному. „Еслибы люди довольно достаточные согласились сдѣлать выгодный оборотъ:“ но не вы же ли говорили выше, что желающимъ участвовать въ кассѣ по высшимъ разрядамъ нѣтъ основанія подвергать себя лишенію чрезъ ежегодное ужденіе значительнаго капитала въ кассу, обѣщающую малый процентъ съ совершенною затратою капитала? А теперь эти же вкладчики, участвующие въ невыгодной кассѣ, обращаются въ коммерсанты, ищущіе выгоднаго оборота суммы! „А недостаточнымъ, какъ выше показано, и не выгодно быть участниками кассы.“ По словамъ отзыва, вышеприведеннымъ, и достаточнымъ и недостаточнымъ равно не выгодно участвовать въ кассѣ; но, помимо этого, невыгодность для недостаточныхъ быть участниками кассы отзывомъ только *показана*, но не доказана, да и показана-то не въ надлежащемъ видѣ — съ умолчаніемъ о тѣхъ цифрахъ, до которыхъ проектъ обязуется довести преміи за три послѣднія пятилѣтія. Что же касается премій за первыя три пятилѣтія, то они по проекту настолько возвышены, что никакой банкъ не даетъ таковыхъ (вмѣсто 80 коп. по теоретическому разсчету, на рубль чрезъ десять лѣтъ 2 рубля, вмѣсто 1 руб. 45 коп. за пятнадцать лѣтъ 2 р. 50 к., и вмѣсто 2 р. 39 к. за двадцать лѣтъ 3 руб.). Выше мы разъяснили уже, что касса наша по существу своему и по дѣли не имѣетъ ничего общаго и сходнаго съ компаніею на акціяхъ, или на товарищество съ складочнымъ капиталомъ, и много распространяться о семъ здѣсь считаемъ излишнимъ. Скажемъ кратко: довольно достаточные люди приглашаются участвовать въ кассѣ не для выгоднаго оборота въ пользу свою или своихъ семействъ, а справедливе для общей пользы, или прямѣе—для пользы недостаточныхъ лицъ и ихъ семействъ, и мы не согласны съ возражателемъ въ томъ предположеніи, чтобы начальство встрѣтило затрудненіе въ своемъ согласіи на общепользное предпріятіе. Такимъ образомъ, заключаемъ отзывъ, — разсматриваемый Уставъ эмеритальной кассы оказывается неудовлетворительнымъ въ самыхъ своихъ основаніяхъ и проч. А мы, не обвиняясь, утверждаемъ,

что не проект кассы оказывается неудовлетворительнымъ въ самыхъ своихъ основаніяхъ, а ваше сужденіе о проектѣ оказывается нетвердымъ въ своихъ основаніяхъ, пристрастнымъ и несправедливымъ: доказательства въ отзывѣ одни поставлены фальшиво, а другія — слишкомъ натаянуты. Что же касается до удовлетворительности проекта и въ главныхъ его основаніяхъ и въ частностяхъ, исключая немногихъ и удобоисправимыхъ, а равно и пользы проектированной кассы для духовенства, то въ этомъ мы больше, и притомъ съ полнымъ убѣжденіемъ, доверяемъ свидѣтельству безпристрастнаго и компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица.

Кстати здѣсь разберемъ одинъ изъ такихъ отзывовъ, которые стараются доказать неудовлетворительность и невыгодность общаемыхъ проектомъ премій. Вотъ его рѣчи: „на 1 рубль полагается 2. Какъ это благодѣтельно! Но надобно замѣтить, что на 1 рубль полагается 2 по прошествіи 10 лѣтъ, въ которые каждый вкладчикъ въ кассу долженъ вносить по рублю каждый годъ, значить черезъ 10 лѣтъ получится (да еще получится ли?) 2 рубля. Если отдать эту сумму въ сберегательную кассу Государственнаго банка на 10 лѣтъ, получатся непременно тѣже почти проценты безъ *утраты внесенной суммы*. Для чего же особенная касса?“. Такъ ли?!

„Для бѣльшей очевидности дѣла возьмемъ цифру покрупнѣе: по первому разряду взносовъ вносится въ эмеритальную кассу ежегодно 100 руб.; чрезъ 10 лѣтъ за внесенную сумму получится (да еще получится ли?) 200 р.; кажется очень хорошо. Но не все, кажущееся хорошимъ, хорошо на самомъ дѣлѣ... Если я въ какое-либо кредитное установленіе буду вносить въ теченіе 10 лѣтъ ежегодно по 100 р., хоть изъ 6% со ста, и не буду брать эти проценты въ теченіе 10 лѣтъ, то въ одиннадцатый годъ моего взноса въ кредитное учрежденіе получу однихъ процентовъ—330 р., не считая рекампій“. (Для удостовѣренія въ этомъ излагается таблица суммы — 1000 р. и процентовъ — 330 р., счетъ вѣренъ).

„Хотя получу я только одинъ разъ 330 р. не считая рекампій, а въ слѣдующіе годы съ 1000 р., буду получать 60 р. въ годъ процентовъ, но за то *моя тысяча* будетъ принадлежать мнѣ, во всякое время отъ меня зависить или вынуть ее или оставить въ учрежденіи, по моему усмотрѣнію. Притомъ и 330 рублей, по своимъ обстоятельствамъ, я могу заложить на извѣстное время и буду съ нихъ получать опредѣленные проценты. Что же дѣлаетъ проектъ? За тысячу рублей, по истеченіи 10 лѣтъ, онъ назначаетъ къ выдачѣ только 200 р., при невозвратѣ моей тысячи: да и 200 р. назначаетъ выдавать подъ условіемъ оставленія мною должности — по болѣзни, которая притомъ должна

подвергнуться осмотру врача или всего съезда духовенства“(?). (Осмотру врача—такъ, а осмотру всего духовенства—это искаженіе 62 § проекта, а къ подобнымъ извращеніямъ рѣчи прибѣгаютъ или вообще люди не благонамѣренные или желающіе, но не могущіе доказать что-либо правымъ и правдивымъ словомъ.) „Къ чему такая *пытательная*(?) касса! Пусть бы мнѣ выдавалась *пенсія*,—но вѣдь я получаю здѣсь — *должны*(?) *проценты съ моей собственной суммы*. И какая же отъ этой кассы польза? Пусть она возвратится въ свой неосуществившій проектъ. По проекту я, состоя на службѣ, по истеченіи 10-лѣтняго взноса моего въ кассу по 100 р. безъ полученія 200 р. долженъ еще вносить ежегодно въ кассу по 100 р. до 25 или 35 лѣтъ.“ (Развѣ просто, а не съ правомъ на высшую премію за болѣе продолжительный срокъ взноса?!).

„Если я въ 11-й годъ моего постоянного сторублеваго взноса въ кассу умру, вдовѣ моей будетъ выдаваться 200 руб., обусловленныхъ однакоже невыходомъ въ замужество и непоступленіемъ къ просфорничной должности. Куда же осмѣливаюсь спросить, куда дѣвалась *моя тысяча*?—очевидно потонула въ такой безднѣ, изъ которой возврата нѣтъ“. И такъ далѣе, все сожалѣніе о тысячѣ. Сокрушила эта *тысяча* нашего (анонимнаго) противника, хотя самъ, можетъ быть, и не внесъ бы никогда тысячу!

Простосердечная публика читаетъ эти дивовижныя рѣчи и — изумляется, какъ это никто изъ насъ самъ-то доселѣ не додумался до всего этого! А на самоъ-то дѣлѣ что тутъ сказано основательно? Авторъ не видитъ въ проектѣ *натуральной*(?) арифметики: посмотримъ, какъ-то онъ далекъ въ арифметикѣ и насколько правдивъ въ своихъ вычисленіяхъ. На 1 рубль касса чрезъ 10 лѣтъ взноса полагаетъ 2 р. „Если отдать эту сумму въ сберегательную (даже) кассу государственнаго банка на 10 лѣтъ, получатся *непрямито почти тѣ же проценты* безъ утраты внесенной суммы, проповѣдуетъ авторъ. Да такъ ли въ правду? На рубль, положенный въ кассу изъ 5%, только чрезъ 16 лѣтъ изъ процентовъ на него съ рекампліями выростетъ другой рубль. По сему, если положить заразъ въ кассу 10 р., то только чрезъ 16 лѣтъ они обратятся въ 20 руб., а съ этихъ 20 руб. процентовъ будетъ получаться всего только *одинъ рубль*, а не *два*. Если же только по одному рублю класть въ банкъ въ продолженіе 10 лѣтъ, то изъ вашего взноса къ концу 10 лѣтъ составитя капиталъ не болѣе *13 руб.*, на которые получать будете процентовъ только *65 коп.*, а не *два руб.* На какомъ же основаніи утвѣрите вы, что отдавая *эту же* сумму въ банкъ на 10 лѣтъ получите *непрямито почти тѣ же проценты*? Что вы мерочите простыхъ людей?! То же самое *очевидно* и на цифрѣ покрупнѣе. Принимаю ваши 6%, хотя они и ненадежны, и считаю: внесено

въ банкъ въ 10 лѣтъ 1000 р., внесено и въ кассу въ 10 лѣтъ 1000 же руб. Затѣмъ, примѣрно, слѣдуетъ полученіе процентовъ, какіе даетъ банкъ, и преміи—какую даетъ касса. Беремъ предѣльный срокъ пользования процентами и премією—10 слѣдующихъ лѣтъ. Отъ банка получите въ первый годъ вдругъ 300 р., и потомъ въ теченіе 9 лѣтъ, по 60 р., 540 р., всего 870 руб. въ 10 лѣтъ;—касса же будетъ выдавать ежегодно 200 р., итого за 10 лѣтъ выдастъ 2000 руб.; какое же тутъ можетъ быть сравненіе? Прибавьте къ процентамъ рекамбін, разница выйдетъ небольшая и перевѣсъ все-таки будетъ на сторонѣ кассы. Тамъ вы получите процентовъ меньше, за то тысяча останется у васъ? А здѣсь въ 10 лѣтъ вы берете и весь капиталъ и проценты съ излишкомъ еще. Что же лучше? Ваша вождѣленная тысяча пропадаетъ ли и не возвращается ли изъ кассы къ вамъ же съ лихвою? Хотя вы будете получать изъ банка и 60 руб. ежегодно, да милая тысяча-то всегда будетъ съ вами: но надолго ли? Положимъ, что вы вышли за штатъ или умерли,—тысяча при васъ, или перешла къ вашей вдовѣ. Еслибы вашу тысячу вы ввѣрили кассѣ, то получали бы отъ нея ежегодно по 200 руб.,—и достаточно для безбѣднаго прожитія. Пусть же тысяча остается при васъ, или достанется вашей вдовѣ,—и она дастъ вамъ, или вашей вдовѣ, 60 руб. въ годъ: но 60 руб. мало на содержаніе, и вотъ вы по необходимости отдѣляете къ нимъ въ годъ отъ капитала отъ 100 до 140 руб. Капиталъ уменьшается, а вмѣстѣ уменьшаются проценты на него,—и чрезъ 7 или 8 лѣтъ нѣтъ ни капитала, ни процентовъ, а вамъ или вашей вдовѣ надобно еще жить,—чѣмъ же? А довѣрьте вашу тысячу кассѣ,—вы, или ваша вдова, по смерть свою получали бы 200 р. въ годъ. Вотъ о чемъ лучше подумали бы вы, чѣмъ ратовать противъ кассы! Да это вѣдь, если такъ случится только? скажете вы. Да на такія-то случайности и пригодна касса; а вамъ все бы няичиться съ своею тысячею! „По если не случится этого, такъ тысяча-то пропадетъ?“ Пусть, можетъ быть и пропадетъ для васъ, но не пропадетъ для вашихъ собратій. Не ужели въ самомъ дѣлѣ касса *промотитъ* ее, безъ пользы для духовенства?! Вашу жизнь Господь продлитъ и сохранитъ въ благоденствіи, и жена ваша не испытаетъ несчастія ранняго вдовства! Благодарите Бога, а о вносѣ вашемъ не жалѣйте, онъ пойдетъ на поддержаніе общемолезнаго учрежденія. За то въ случаѣ несчастія можете выбрать изъ кассы свою тысячу и проценты на нее съ избыткомъ въ 10 лѣтъ: ну, а если вы въ заштатъ, или ваша вдова проживете еще 10 лѣтъ, и слѣдовательно еще переберете отъ кассы 2000 р? Откуда же эти 2000 руб. возьмутся, если не изъ остатковъ отъ вашихъ собратій—участниковъ кассы, которые подобно вамъ вносили въ кассу, но не имѣли нужды попользоваться плодами своихъ взносов? Обма-

годѣтельствованіе выходитъ взаимное! Оставьте же ваши жемудрованія, и не мѣшайте кассѣ устроиться: быть можетъ она вамъ же самимъ, а не то вашей жебѣ и дѣтямъ пригодится; а если не вамъ,—то вашимъ несчастнымъ собратамъ или ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Не довольно ли съ васъ, анонимный, возражатель, и нужно ли вамъ продолжать *неприличныя коммерческія обозрѣнія* и свою филиппику противъ кассы и противъ ея, измышленной вами, *неправды*? А если есть желаніе, такъ по крайней мѣрѣ не прикрывайте своего недоброжелательства къ учреждаемой кассѣ фарисейскою одеждою возвышеннаго благочестія и нестяжательности (сами же высказались,—какъ вамъ мила своя тысяча). Еще одно слово: приводя указанія на постановленія проекта, будьте добросовѣстнѣе, и не говорите напримѣръ, просто, что выдача пенсій вдовѣ „оканчивается съ выходомъ ея въ замужство“, а договаривайте, что далѣе сказано въ § 70. За дѣтьми же отъ перваго ея мужа — священно или церковнослужителя сохраняется право на полученіе заслуженной имъ пенсій по правиламъ Устава“; — все было бы яснѣе и правдивѣе!

Другихъ, заслуживающихъ вниманія и опроверженія, сужденій относительно удовлетворительности проекта кассы въ его основаніяхъ, мы не встрѣчали, и сказаннаго нами въ разсужденіи такого рода мнѣній нажется достаточно. Нужно теперь воснудиться тѣхъ частныхъ пунктовъ, кои по отзывамъ большаго или меньшаго числа лицъ представляются обременительными, излишними, или въ какомъ-либо отношеніи нежелательными. А чтобъ не затруднить читателей подробною переборкою отзывовъ въ семь отношеній, мы придержимся, какъ и выше сказали, группировки или исчисленія ихъ, составленнаго комитетомъ для разсмотрѣнія проекта, и напечатаннаго въ 36 № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и укажемъ только на особенныя разъясненія въ томъ или другомъ отзывѣ по разсматриваемому пункту.

Комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія проекта, раздѣлилъ всѣ отзывы по различію содержанія ихъ на пять разрядовъ, изъ коихъ къ первому и второму отнесены прямо, можно сказать благоприятные проекту отзывы, въ остальныхъ же трехъ разрядахъ хотя и во всѣхъ видатся неблагоприятные отзывы, но опредѣленнѣе недовольство проектомъ выражается въ послѣднемъ или пятомъ разрядѣ—литт., Д.; по-сему съ него мы и начнемъ разсмотрѣніе частныхъ возраженій противъ проекта.—*Пятый* разрядъ отзывовъ озаглавленъ такъ: „отрицаютъ годность проекта, составленнаго (вѣрнѣе — разработаннаго) учредительнымъ комитетомъ, съ предложеніемъ болѣе или менѣе достаточныхъ основаній“. Сущность же возраженій противъ проекта въ одномъ изъ таковыхъ отзывовъ выражена такъ: „комитетъ, задавшись мыслію соста-

вить *громадний* капиталъ въ кассѣ для блага нашего потомства, слишкомъ скупъ на общанія начинателямъ предпріятія. Общія условія приобрѣтенія права на пенсію 25 лѣтъ платы, 60 лѣтній возрастъ и увольненіе за штатъ, равнымъ образомъ и незначительный процентъ эмеритуры, сравнительно съ первоначальнымъ расчетомъ, оттолкнули отъ проекта многихъ изъ тѣхъ, которые заявили желаніе участвовать (въ кассѣ) взносами на основаніи предложеній *перваго* комитета.

Но учредительный комитетъ вовсе не задавался мыслию — составить *громадний* капиталъ для потомства. Откуда насчитываютъ *громадний* капиталъ? То, что существуетъ только въ ожиданіи и предположеніи, нельзя назвать дѣйствительностію, и на основаніи его общать щедрыя эмеритуры. Поэтому, дабы касса не оказалась сама въ себѣ несостоятельною и проектъ ея могъ быть утвержденъ высшимъ начальствомъ, надлежало въ расчетахъ кассы соблюсти осторожность и общать только то, на что можно рассчитывать по дѣйствительнымъ и несомнѣннымъ средствамъ, коими правленіе кассы могло распоряжаться въ началѣ дѣла. А если съ теченіемъ времени окажется значительный избытокъ капитала или средствъ кассы сравнительно съ потребностями, указываемыми правилами устава и расчетною таблицею, — то этотъ избытокъ будетъ находиться въ распоряженіи самаго же духовенства, которому проектомъ предоставляется право, — въ случаѣ благопріятнаго состоянія средствъ кассы, — на счетъ избытковъ возвышать размѣры премій и дѣлать другія употребленія на пользу современнаго духовенства, а не отдаленнаго потомства. Объ условіяхъ приобрѣтенія права на пенсію: 25 лѣтъ платы, 60 лѣтній возрастъ и „увольненіе за штатъ, — мы уже много говорили, и условія эти составляютъ необходимую потребность для прочности кассы не во личнымъ соображеніямъ комитета, а по мнѣнію опытнаго лица, одобреніемъ котораго условливается возможность самаго утвержденія проекта. При томъ, указанныя ограниченія постановлены были еще первымъ комитетомъ. Первому же комитету принадлежитъ самое измѣненіе первоначальныхъ его расчетовъ или пониженіе процентовъ премій, а не учредительному, — допущено же оное — въ слѣдствіе болѣе точныхъ соображеній.

Первый комитетъ сначала предполагалъ выдавать пенсію дѣйствительно въ широкомъ размѣрѣ — на рубль взноса черезъ 10 лѣтъ 40 процентовъ. Надобно впрочемъ помнить, что первый комитетъ тогда въ своихъ расчетахъ къ суммѣ добровольныхъ взносовъ присоединялъ предположенные взносы отъ церкви. Но въ послѣдствіи онъ призналъ болѣе удобнымъ и правильнымъ преміи изъ церковныхъ взносовъ отдѣлять отъ премій собственно изъ добровольныхъ вкладовъ, и въ слѣдствіе болѣе точныхъ соображеній принять премію на рубль доброволь-

ныхъ взносов въ 20⁰/₀ или на рубль чрезъ 10 лѣтъ *два* рубля. Эта 20⁰/₀ премія на рубль взноса наглядно можетъ быть представлена такъ: внося ежегодно въ кассу по 10 рублей, вы въ 10 лѣтъ внесете всего (не считая процентовъ съ рекампіями) 100 рублей. Теперь, если бы вы положили эту сумму въ банкъ изъ 5⁰/₀, то получали бы на нее ежегодно 5 рублей, т.-е. пять процентовъ; касса же общаетъ за внесенные въ теченіе 10 лѣтъ (по десяти рублей) сто рублей премію 20 рублей или двадцать процентовъ. Правда, въ приведенномъ разчетѣ не принимаются въ соображеніе проценты съ рекампіями на вносимые ежегодно 10 рублей: но и если принимать въ разчетъ проценты съ рекампіями, все-таки окажется, что общанныя проектомъ устава ежегодныя преміи будутъ составлять около 15⁰/₀ на рубль,—чего не даетъ ни одинъ банкъ. Итакъ невѣрьте непріязненнымъ для кассы мутителямъ, толкующимъ съ смѣлою (въ основаніи же ложною) увѣренностію, что каждый, дѣлая взносы въ какой-либо банкъ, можетъ получить такіе же выгодные проценты, какими проектъ эмиритальной кассы заманиваетъ (по нескромному выраженію нѣкоторыхъ) духовенство московской епархіи.

Въ частности возраженія направлены противъ слѣдующихъ пунктовъ устава: § 15,—„переходъ съ высшаго разряда взносовъ на низшій допускается по усмотрѣнію правленія кассы“, это обстоятельство 15 лицъ считаютъ стѣснительнымъ и опасаются произвола членовъ правленія. Такая замѣтка совершенно не понятна для насъ, и вается излишнею въ виду того, что правленіе кассы поставляется подъ контроль самаго духовенства, которому оно и будетъ давать во всемъ отчетъ; произволъ тутъ немислимъ и ему при первомъ же обжалованіи сѣзду можетъ быть положенъ ковецъ. Предполагаемый произволъ скорѣе былъ бы возможенъ въ распоряженіяхъ учрежденія, не подлежащаго непосредственному контролю всего духовенства.

§§ 16, 17 и 18,—излагающіе постановленія на случай перехода съ низшаго разряда взносовъ на высшій.—Мѣры эти кажутся стѣснительными для 75 лицъ: но онѣ необходимо вызываются предосторожностію противъ возможныхъ злоупотребленій и указаны лицемъ, обладающимъ практичностью, противъ которой возраженія безсильны и даже неумѣстны. А намъ кажется, что взносы по болѣе высшимъ разрядамъ въ первые годы съ поступленія на мѣсто, для большинства духовенства, болѣе возможны, нежели въ послѣдующіе годы, когда съ увеличеніемъ семейства умножатся и домашнія нужды. Такіхъ исключительныхъ случаевъ, чтобы бывший прежде не богатымъ, вдругъ разбогатѣлъ, можетъ быть очень немного; но полученному обильнымъ средствамъ къ жизни не трудно будетъ и восполнить своей, прежде малой, взносъ въ кассу.

Противъ §§ 20 и 21 возражаютъ 58 лицъ, признающихъ непремѣнно должнымъ дѣлать скидку процентовъ лицамъ сдѣлавшимъ взносы впередъ за нѣсколько лѣтъ, а 35 лѣтній срокъ, послѣ котораго вкладчикъ освобождается отъ взноса.—признающихъ слишкомъ долгимъ, по малочисленности могущихъ прослужить 35 лѣтъ въ священническомъ санѣ принимаемомъ въ 30 лѣтнемъ воарастѣ.—Первое требованіе проистекаетъ изъ желанія во всемъ личной выгоды при нежеланіи—увеличить общую выгоду, которая пойдетъ на пользу нашей же братіи. Да и многіе ли пожелаютъ вносить впередъ за нѣсколько лѣтъ? А кто считаетъ это не выгоднымъ, тотъ—не вноси, и—спору концъ. Второе же возраженіе, очевидно натянуто; взносы начинаются и считаются не со времени принятія священническаго сана (хотя и это по необходимости случается ранѣе 30 лѣтъ), а съ поступленіемъ въ нисшія церковныя должности, которое начинается за немногими исчисленіями—ранѣе 25-лѣтняго возраста, такъ что вносившему 35 лѣтъ въ большинствѣ будетъ менѣе 60 лѣтъ. Опять же не должно забывать, что касса имѣетъ въ виду не столько заштатныхъ, сколько вдовъ съ сиротами, каковыхъ ежегодно оказывается болѣе 70 на сто.

Возраженіе противъ взносовъ въ кассу отъ церквей (§§ 24 и 25) мы оставляемъ безъ замѣчанія на томъ основаніи, что и по проекту они существуютъ въ предположеніи. Замѣчаніе 16 ти голосовъ противъ § 5 и § 27, совѣтующее осторожно обращаться съ операціями по процентнымъ бумагамъ, пригодится болѣе тѣмъ, кои думаютъ учредить иного рода кассы въ расчетахъ на банки, обещающіе $7\frac{1}{2}\%$, и болѣе на рубль, а такъ же тѣмъ, кои желали бы получать ссуды изъ кассы безъ залога.

Самое большое число возраженій (270 лицъ и 2 благочинія) противъ § 34, устанавлиющаго дополнительныя общеобязательныя взносы. Въ разсужденіи этого обстоятельства на прошлагоднеи съѣздѣ было высказано, что эти взносы не потребовались бы для упроченія кассы, еслибы все духовенство согласилось участвовать въ кассѣ, но что жъ дѣлать, когда многіе не согласились быть участниками кассы? Впрочемъ и основанія возраженія не тверды. Говорятъ напр., что проектъ безъ всякой нужды привлекаетъ все духовенство къ дополнительнымъ взносамъ,—такъ какъ по примѣрному расчету рублевой кассы чрезъ 45 лѣтъ предполагается остатокъ въ кассѣ въ 200.000 рублей. Но должно припомнить, что въ этотъ остатокъ входитъ основной капиталъ, составляющій неприкосновенное достояніе духовенства на вѣчное время, коего нынѣ имѣется болѣе 40.000, и съ коего процентовъ, по $5\frac{1}{2}\%$ получается нынѣ до 2.200 руб. Изъ процентовъ съ сего капитала хотя и предполагается прибавлять къ каждому рублю ежегоднаго

вноса участниковъ кассы по 4 коп., но общая сумма ежегоднаго взноса вкладчиковъ, по расчету перваго комитета, восходитъ только до 25.000 р., прибавка же къ ней, по 4 к. на рубль, составитъ только одну тысячу рублей, а до 1.200 рублей ежегодно будутъ прибавляться къ капиталу. Разочтите теперь, что если эти 1.200 рублей будутъ вносимы въ банкъ ежегодно въ теченіи 10 лѣтъ до открытія дѣйствій кассы по выдачамъ пенсій и 45 лѣтъ съ открытія дѣйствій по выдачамъ, то изъ нихъ, въ совокупности съ имѣющимся уже 40.000 руб., къ концу 45-лѣтняго срока по выдачамъ, образуется не менѣе 180,000 капитала основнаго и неприкосновеннаго. Какой же считаете вы излишній остатокъ къ концу 45 года отъ начала дѣйствій кассы по выдачамъ? Разберите же прежде и поймите дѣло, а потомъ уже опредѣляйте, — безъ всякой ли нужды проектъ привлекаетъ къ пожертвованіямъ.

„Привлекаетъ несправедливо“ — такъ какъ дополнительные обязательные взносы не даютъ никакого вознагражденія и ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

Но а) дополнительные взносы предположены въ духѣ благотворительномъ, для болѣе твердой постановки кассы на пользу заштатныхъ и вдовъ съ сиротами, — неужели же пособіе общему благу — несправедливо? б) на мѣру эту должно смотрѣть какъ на *временную*, т. е. до усмотрѣнія самимъ же духовенствомъ благопріятнаго положенія средствъ кассы, что и слѣдовало бы пояснить въ § 34; и в) помянутые взносы въ обѣихъ этихъ цѣляхъ уже приняты съѣздомъ духовенства въ 1873 году (въ 6-мъ засѣданіи, ст. XXVI). Мы и сами признаемъ, что общеобязательные взносы въ кассу, въ которой участвуютъ не всѣ и которая обѣщаетъ преміи только по добровольнымъ взносамъ, можетъ казаться, если не несправедливою, то обременительною для иныхъ: но какъ же пособить дѣлу? Хорошо, еслибы въ основаніе запаснаго капитала на первую пору можно бы было изыскать тысячи три или нѣсколько болѣе; тогда можно бы было вычеркнуть изъ проекта § 34, противъ котораго многіе возражаютъ, а нинѣ ополчаются даже съ озлобленіемъ! Не придумаешь ли чего въ этомъ смыслѣ предстоящій съѣздъ?...

§§ 46, 47, 64 и 66. О возвратѣ внесенной вкладчиками суммы въ извѣстныхъ случаяхъ, но безъ процентовъ, возражаютъ 145 лицъ, говоря, что хоть небольшіе проценты, но слѣдовало бы выдавать. „Но въ другихъ кассовыхъ учрежденіяхъ, какъ мы уже говорили, вовсе не допускается возврата взносовъ, въ нашей же специально-благотворительной кассѣ это допущено по соображенію мало обезпеченнаго положенія духовенства. Желать большей уступки, по нашему мнѣнію, излишне.“

Противъ § 48, воспреещающаго равнѣ 10 или 15 лѣтъ выдавать пенсію тѣмъ, кои уже впрередъ за эти годы сдѣлали взносы, возражаютъ 48 человѣкъ. Возраженіе это потеряетъ свою силу, если принять въ соображеніе, что опредѣленіе размѣра пенсій основывается на ростѣ капитала съ процентами къ извѣстному сроку, и что при томъ преміи за 10 и 15 лѣтъ возвышены противу теоретическихъ расчетовъ.

По § 53 выдача пенсій полагается въ три срока въ видахъ пользы самихъ же будущихъ пенсіонеровъ, и мы затрудняемся рѣшать вопросъ,—что болѣе послужитъ къ обезпеченію пенсіонеровъ, — частые ли или рѣдкіе сроки выдачъ. Иное дѣло—облегченіе способа полученія пенсій. Въ § 54 указаны вообще документы, требующіеся при прошеніи о пенсіи и при полученіи ея. Но конечно не отъ всѣхъ потребуются всѣ документы; практика укажетъ, какими документами отъ тѣхъ или другихъ правленіе кассы можетъ удовлетвориться, какъ это допускается въ другихъ учрежденіяхъ. Съ другой стороны полученіе пенсій облегчается уже тѣмъ, что получать пенсіи можно не въ самомъ только правленіи, но и въ отдѣленіяхъ его (см. § 112, пункт. д), и кромѣ того могутъ быть допускаемы довѣренности надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованныя. А затрудняющіеся полученіемъ пенсій по третямъ или не особенно нуждающіеся въ томъ могутъ получать и за цѣлый годъ вдругъ и никто ихъ не лишитъ заслуженнаго.

Стѣснительными признаются условія для полученія пенсій:

1) Выходъ за штатъ (§ 60). Возражаютъ 42 голоса и одно благочиніе. Но въ какихъ же самыхъ богатыхъ средствамъ кассахъ пенсій назначаются прежде оставленія службы?

2) Противъ непремѣннаго участія въ кассѣ не менѣе 25 лѣтъ (§ 61),— возражаютъ 74 голоса и два благочинія, находя срокъ слишкомъ долгимъ. Но 1) кто же равнѣ указаннаго срока, безъ особенной нужды, и оставляетъ служеніе? А 2) иначе откуда же касса возьметъ средствъ для производства пособій или пенсій, если начинать оное въ раннемъ возрастѣ вкладчиковъ, особенно при возвышенныхъ окладахъ за первыя три пятнадцатія? Представимъ примѣръ: извѣстное лицо, состоя на службѣ 20 лѣтъ и внося 20 же лѣтъ по 10 р. (разр. VIII), пожелало бы получать пенсію. Возрастъ его—45 лѣтъ. Въ 20 лѣтъ оно внесетъ не вдругъ, а порознь — или погодно, 200 рублей, что съ процентами составитъ примѣрно 300 или 350 р. Размѣръ пенсій по VIII разряду за 20 лѣтъ—30 рублей. И вотъ это лице въ 10 или 12 лѣтъ выберетъ всѣ свои взносы съ процентами. Но если это лице проживетъ еще 10 лѣтъ и болѣе: то откуда же касса возьметъ средства на пенсіи ему? А что, если таковыхъ окажется много? — Касса выйдетъ несостоятельна.

3) Что по § 62, правление кассы может иногда не верить даже медицинскому свидетельству (о свидетельствѣ духовенства благочинническаго округа возражатели умалчиваютъ), — то въ подробное разъясненіе сего обстоятельства входитъ мы считаемъ неудобнымъ; но изъ практики знаемъ, что потребность въ разрѣшеніи сомнительныхъ случаевъ съвѣдомъ можетъ встрѣчаться.

4) По §§ 73 и 74, лишаются пенсін заштатные, за время исправленія ими служебныхъ обязанностей при церквахъ приходскихъ и домовыхъ, или занятія должности просфорницъ; возражаютъ — 114 голосовъ, называя это (конечно, далеко не всѣ) немилосерднымъ и противорѣчимъ § 6 проекта. Исключеніе изъ общаго правила, — какъ мы говорили выше, — не есть противорѣчіе. Немилосерднымъ же можно было бы еще назвать указанное постановленіе, еслибы оно простиралось на всѣхъ, даже — по выраженію нѣкоторыхъ — на поступившихъ на нищенскій доходъ: но § 63 обусловливаетъ это изъятіе полученіемъ опредѣленнаго достаточнаго содержанія, каковое ограниченіе тѣмъ болѣе пріложимо къ просфорницамъ. Въ общемъ кассовомъ дѣлѣ штатное духовенство естественно поступаетъ личными выгодами на пользу общую; точно также нѣтъ страннаго и въ томъ, если и нѣкоторые заштатные, обезпеченные иногда на временной службѣ лучше чѣмъ были обезпечены на штатной должности, привлечены будутъ къ уступкѣ въ пользу болѣе нуждающихся? Впрочемъ, какъ мы уже говорили, упомянутое ограниченіе, во избѣжаніе соблазна, можно будетъ или вовсе исключить изъ проекта, или обстановить болѣе точными и ясными ограниченіями.

Противъ §§ 71, 72 и 73 о круглыхъ сиротахъ и увѣчныхъ возражаютъ 96 голосовъ и одно благочиніе. *Желаютъ*, чтобы и послѣ совершеннолѣтія сироты не лишались пенсій. *Желаніе* — доброе, и учредительный комитетъ вполнѣ признавалъ потребность въ болѣе благодѣтельномъ постановленіи относительно круглыхъ сиротъ и увѣчныхъ, и потому не ограничился безусловнымъ положеніемъ перваго комитета о пенсін сиротамъ и увѣчнымъ до гражданскаго совершеннолѣтія, и внесъ въ проектъ положеніе о возможности улучшенія участи безпомощныхъ со временемъ — при благопріятномъ положеніи средствъ кассы. Прямо же обѣщанія учредительный комитетъ не могъ дѣлать по неимѣнію къ тому средствъ въ началѣ дѣйствій кассы. Забота комитета состояла въ томъ, чтобы дѣло кассы сначала постановлено было прочно и чтобы къ утвержденію проекта не могло быть препятствія со стороны высшаго начальства. Когда же со временемъ усмотрено будетъ обиліе средствъ кассы и окажется возможнымъ расширить кругъ благотворительныхъ дѣйствій кассы безъ опасенія для глав-

ных основоположений кассы, тогда ничто не будет препятствовать духовенству осуществить тѣ желаемыя имъ благотворительныя дѣянія, которыя въ проектѣ намѣчены предположительно. При такой постановкѣ дѣла неумѣстными и странными представляются дѣлаемые въ некоторыхъ упреки составителямъ проекта въ томъ, что они очень заботились только объ упроченіи и обезпеченіи кассы и что касса поглощаетъ много капиталовъ, а пользы отъ нея будетъ мало. Развѣ обезпеченіе кассы — худое, ненужное и безцѣльное дѣло? И развѣ проектъ, заботясь о прочности и усиленіи капиталовъ кассы, убыткамъ ея даетъ другое какое-либо назначеніе, а не благотвореніе духовенству?!

О четвертой главѣ проекта пять голосовъ говорятъ, что управление кассы проектировано *многосложно*. Это — правда: но всѣ правила, касающіяся порядка дѣлопроизводства по кассѣ, проектированы въ дѣлахъ строгой и точной отчетности. Дѣло, въ которомъ сходятся личные интересы многихъ, не должно быть поставлено легко и просто. Какъ же иначе и поставить его, когда и при всевозможномъ стараніи проекта оградить управление по дѣламъ кассы отъ возможнаго произвола или небреженія строгою точностію дѣйствій правленія, — не затрудняются некоторые высказывать опасенія на счетъ злоупотребленій со стороны членовъ онаго? Конечно, членамъ правленія много нужно будетъ потрудиться: но авось во множествѣ духовенства найдутся труженики, которые на благое дѣло не пожалѣютъ лишняго труда.

Относительно § 102 о ссудахъ подъ залогъ однихъ только приносящихъ значительный доходъ строений, 14 голосовъ возражаютъ: „много ли у духовенства строеній, приносящихъ значительный доходъ и отъ чего бы не давать ссуду безъ залога?“ — Возраженіе это по существу дѣла не состоятельно, — потому что § 102 допускаетъ пріемъ подъ ссуду въ залогъ не только приносящихъ доходъ *домовъ*: (слово это, заключающееся въ подлинникѣ, пропущено въ печати), но и *другихъ строеній* на церковной землѣ, — хотя бы оныя не приносили дохода вовсе, соответственныхъ стоимости. Что же касается того заѣмчанина: *отъ чего бы не давать ссуду безъ залога?* то отвѣта на сей вопросъ мы советуемъ возражателямъ попросить у тѣхъ, которые дѣлали подобную ссуду. Желательно было бы избавить кассу отъ убытковъ, а управленіе кассы — отъ излишнихъ и обременительныхъ хлопотъ и отъ тяжелой ответственности за простоту и неосторожность. Правленію кассы, пожалуй, не мало будетъ хлопотъ и съ операциями по ссудамъ подъ вѣрные залого. Но однѣ хлопоты туда и сюда еще: а что если ссуды, данныя подъ ненадежные залого, пропадутъ? Отвѣтите ли вы за правленіе кассы? Примеры же неосторожныхъ выдачъ ссуды подъ ненадежные залого и губительнаго послѣдствія ихъ у насъ — предъ глазами.

Таковы возраженія противъ проекта Устава эмеритальной кассы духовенства, приведенныя въ отчетѣ комитета по разсмотрѣнiю проекта, а равно и признаваемыя стѣснительными условiя для полученiя пенсiи. Нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ вовсе не имѣютъ никакой силы и суть не что иное, какъ личныя воззрѣнiя, не продуманныя и не проверенныя путемъ практическимъ; другiя заключаютъ въ себѣ нѣкоторую силу, но онѣ вооружаются противъ такихъ началъ, принятыхъ въ проектѣ, которыя весьма мало стѣсняютъ или нарушаютъ интересы участниковъ кассы, но за то необходимы для обезпеченiя и прочности кассы; и только возраженiя противъ обременительности и стѣснительности трехъ §§ 34, 63 и 74 заслуживаютъ того, чтобы оныя подвергнуты были внимательному обсужденiю съѣздомъ духовенства, съ цѣлю измѣненiя или устраненiя изложенныхъ въ указанныхъ §§ правилъ. Съ другой стороны, если принять во вниманiе численность голосовъ, какое имѣетъ за себя каждое порознь возраженiе или мнѣнiе, то только три группы нѣсколько значительны: 270 лицъ и три благочинiя, 135 лицъ и одно благочинiе, 145 лицъ, прочiя же группы заключаютъ менѣе ста, а нѣкоторыя 15 и даже 5 голосовъ. Но и самыя крупныя количества неблагопрiятныхъ проекту голосовъ составляютъ незначительное меньшинство въ отношенiи къ числу 1200 лицъ, давшихъ отзывы о проектѣ, и потому не могутъ служить основанiемъ къ отверженiю проекта.

Не можемъ не высказать здѣсь своего мнѣнiя и о группировкѣ отзывовъ по числу благопрiятныхъ и неблагопрiятныхъ голосовъ, составленной комитетомъ по разсмотрѣнiю проекта; и мы, по совѣсти, не можемъ считать ее вѣрною, по слѣдующимъ соображенiямъ.

А. Отзывовъ съ утвердительными голосами, признающими проектъ Устава *полезнымъ и удобнымъ во всѣхъ его частяхъ*, комитетъ считаетъ приѣрно до 200. Но намъ не понятно здѣсь то, — по какимъ побужденiямъ комитетъ поставляетъ на видъ, что „всѣ сiя отзывы кратки и голословны, и что сдѣлавшия ихъ лица, признавая проектъ полезнымъ и удобнымъ во всѣхъ его частяхъ, не входятъ ни въ какiя разсужденiя и доказательства для подтвержденiя своего мнѣнiя?“ Не излишне ли такое требованiе? Доказательства требуются тогда, когда голословно называютъ что-либо нехорошимъ, негоднымъ.

В. О составленномъ проектѣ *никакого еужденiя не произносятъ и судить о немъ не берутся; и хотя противъ проекта ни въ чемъ не возражаютъ, иногда даже благодарятъ его составителей, но участниками кассы быть не желаютъ—по бѣдности, престарѣлости, безсѣмейности и другимъ житейскимъ обстоятельствомъ*, — 199 лицъ.

Комитетъ причисляетъ эти отзывы къ неблагопрiятнымъ или отрицательнымъ не совѣтъ сираведливо. Пусть лица, давшия такiе отзывы,

не желаютъ быть участниками кассы; по причинѣ тому—личныя обстоятельства, заслуживающія уваженія, а не проектъ, противъ котораго собственно они не возражаютъ, а напротивъ, относясь съ благодарностію къ составителямъ его, тѣмъ самымъ выражаютъ одобреніе проекту. Не желаютъ или не могутъ участвовать въ кассѣ, и не смотря на то одобряютъ: такое безпристрастное и добросовѣстное отношеніе къ проекту столь же сильно говоритъ въ его пользу, какъ и отзывъ утвердительный. Посему означенные 199 голосовъ мы не можемъ не причислить къ числу благоприятныхъ.

В. *Одобрятъ проектъ не во всѣхъ его частяхъ 167 лицъ и одно благочиніе*, значить до 200 лицъ. И эту группу, строго судя, не справедливо относить къ числу неблагоприятныхъ. Принадлежащія къ ней лица только желали бы отмѣненія или измѣненія нѣкоторыхъ §§, но мнѣнія ихъ не рѣшительныя и съ разъясненіемъ недоумѣній могутъ совсѣмъ измѣниться. Что они болѣе склонны къ принятію проекта, то сіе видно уже изъ того, что хотя сами по себѣ они и не желали бы принять проектъ, но изъявляютъ готовность принять его, коль скоро онъ будетъ утвержденъ начальствомъ. Собственнымъ своимъ возрѣніемъ они не даютъ силы, а довѣряютъ начальству рѣшить ихъ недоумѣнія относительно пользы и удобства проекта,—это такъ же признакъ добросовѣстнаго отношенія къ общепользному дѣлу. И потому мы считаемъ ихъ несомнѣнными участниками кассы, коль скоро начальство утвердитъ проектъ оной.

Г. Четвертая группа — *135 лицъ и три благочинія проектъ отвергаютъ какъ обременительный*, во ничего въ проектѣ не указываютъ, что именно должно въ немъ считать обременительнымъ; отъ участія же въ кассѣ отказываются. Вотъ эти-то отзывы, порицающіе проектъ, но ничѣмъ не подтверждающіе своего неодобренія, дѣйствительно должно назвать голословными, а слѣдовательно не заслуживающими уваженія. По нашему мнѣнію отзывы эти нужно поставить въ числѣ сомнительныхъ, т. е. ни благоприятныхъ, ни неблагоприятныхъ.

и Д. Наконецъ пятая группа, *отрицающая годность проекта, съ представленіемъ болѣе или менѣе достаточныхъ основаній, состоитъ изъ 363 лицъ, трехъ благочиній и одного десятка причтовъ*. Мы уже высказали свое мнѣніе о томъ, на сколько можно считать основательными представленныя въ свѣхъ отзывахъ возраженія. Мы не имѣли возможности, ни времени прослѣдить всѣ отзывы этого разряда, дабы можно было убѣдиться въ рѣшительномъ отрицаніи или годности проекта: не ве сврсемъ, что имѣемъ основаніе думать, что комитетъ слишкомъ уже строго смотрѣлъ на нѣкоторые отзывы, причисляя оныя къ отрицательнымъ. Для примѣра укажемъ на отзывъ *одного десятка прич-*

тоже, напечатанный въ официальномъ отдѣлѣ № 2 „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ отъ 1-го іюня 1875 года. Отзывъ этотъ не отрицаетъ рѣшительно годности проекта, но указываетъ на два неблагоприятныя обстоятельства, по которымъ проектъ не можетъ пользоваться популярностью среди духовенства, и особенно меньшихъ его братій, а именно: обязательные взносы отъ всѣхъ лицъ причтовъ, и раздѣленіе всѣхъ доходовъ кассы по количеству добровольныхъ взносовъ участниковъ кассы: низшія братія, говоритъ отзывъ, пріязненно смотритъ на кассу, страшась общеобязательныхъ взносовъ, не смотря на ихъ ничтожность, и упуская изъ виду выгоды, даруемыя эмеритурой. Многіе же изъ настоятелей не симпатично относятся къ проекту по инымъ причинамъ, не взносовъ имъ жаль, а того, что они назначаются болѣе людямъ достаточнымъ или дѣлающимъ въ кассу взносы по высшимъ разрядамъ; взносить долженъ каждый, а получать будетъ только участвующій въ кассѣ сверхъ того добровольнымъ взносомъ; еслибы касса имѣла въ виду доставлять выгоды и общеобязательнымъ плательщикамъ или ихъ семействамъ, и еслибы даже не доставляла личныхъ выгодъ, но имѣла благотворительный характеръ,—тогда безъ непріятности мы отдали бы свои взносы. Посему они думаютъ, что слѣдовало бы отдѣлить проценты съ основнаго капитала, общеобязательные взносы, проценты съ церковныхъ доходовъ и другія пожертвованія, отъ чистой прибыли съ капиталовъ, составленныхъ изъ взносовъ свободныхъ участниковъ; и первыя расчитать не на рубль, а на лица по штатамъ наличныхъ причтовъ, предоставивъ свободнымъ участникамъ пользоваться прибылью съ ихъ взносовъ съ прибавленіемъ извѣстной доли, слѣдующей имъ изъ указанныхъ источниковъ. Послѣ этого замѣчанія отзывъ переходитъ къ проектируемой въ Уставѣ ссудѣ денегъ изъ залоги строеній, въ которой видитъ особенную пользу для духовенства, и преимущественно занимается удобнѣйшимъ устройствомъ и постановкой этого дѣла, и въ заключеніе говоритъ: не поможетъ ли касса этимъ радужнымъ мечтамъ?!. Намъ кажется, что этотъ отзывъ не долженъ бы былъ попасть въ *пятый разрядъ!*

Вотъ и еще отзывъ, начинающійся такъ: „судить намъ о проектѣ не подъ силу. Вообще по дѣлу проектъ хорошъ, остается только пожелать, чтобы онъ поскорѣе пришелъ въ исполненіе; но въ частности не всѣ параграфы намъ нравятся (слѣдуютъ замѣчанія и излагаются желанія исправленія) Кажется, и этотъ отзывъ не правильно отнесенъ къ разряду подъ лит. *Д*, а скорѣе относится къ разряду *В*. Тѣмъ менѣе можемъ мы согласиться съ предложеніемъ комитета—къ числу неблагоприятныхъ проекту голосовъ причислить голоса всѣхъ тѣхъ лицъ духовенства, которые не прислали своихъ отзывовъ. Странная, конечно,

вещь: приглашеніе къ доставленію всіми лицами духовенства отзывовъ о проектѣ Устава кассы, съ назначеніемъ срока доставленія, опубликовано было заблаговременно въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“; когда же доставленіе отзывовъ замедлилось, то комитетъ возобновилъ приглашеніе въ № 17 официального отдѣла „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, съ объясненіемъ, что, въ случаѣ неполученія комитетомъ отзывовъ въ теченіе іюля мѣсяца, недоставившіе отзывовъ будутъ причислены къ несочувствующимъ проекту кассы: и не смотря на все, около трехъ четвертей изъ количества всего духовенства, и до $\frac{1}{4}$ духовенства московскаго, не доставили отзывовъ доселѣ. Значитъ ли это, что недоставившіе отзывовъ не согласны принять проектъ? Можетъ быть и такъ, а можетъ быть и не совсѣмъ такъ! Мы же, на основаніи лично слышанныхъ нами отвѣтовъ на вопросы по сему предмету, и личныхъ сужденій о проектѣ нѣкоторыхъ, не приславшихъ своихъ отзывовъ, лицъ, смѣло можемъ заявить, что причиною недоставленія многими отзывовъ не было собственно нерасположеніе къ проекту, а были другія причины. Странны эти причины, однакожь они такъ характеристичны, что мы ссылаемъ не лишнимъ выставить ихъ на видъ. Три особенныхъ разряда такихъ объясненій:

1) На предложенный одному московскому священнику, даже сочувствующему проекту, вопросъ: доставили вы отъ своихъ двухъ причтовъ отзывы о проектѣ Устава эмеритальной кассы? онъ отвѣчалъ вопросомъ же: а развѣ требовали такихъ отзывовъ? Я въ первый разъ слышу. Да вѣдь въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано о семъ? А я и не читалъ. Вотъ и причина недоставленія отзывовъ! Мы привыкли къ тому, что если нужно отъ насъ какое свѣдѣніе, то его потребуютъ официальнымъ путемъ чрезъ подписку. А будь требованіе какое-либо напечатано только въ вѣдомостяхъ,—мы не причтены принимать оное къ исполненію. А другіе или вовсе не читаютъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, или не читаютъ всего, что въ нихъ бываетъ напечатано.

2) Другой случай: московскій же священникъ, вполне сочувствующій проекту Устава во всемъ (кромя общеобязательнаго взноса), но отзывомъ недоставившій, на вопросъ: отчего же онъ не доставилъ никакого отзыва? отвѣчалъ: прочитавши въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ одинъ отзывъ, въ которомъ проектъ кассы омончательно разбитъ въ самыхъ основаніяхъ своихъ и поставленъ въ ничто, я думалъ, что все равно,—посылать отзывъ или вѣтъ,—осуществленію проекта не поможешь. Мы этотъ страшный отзывъ знаемъ, и полагаемъ, что не одному лицу онъ послужилъ камнемъ соблазна, хотя самъ въ себѣ и не совсѣмъ правдивъ и состоятеленъ.

и 3) Третья и может быть главная причина недоставленія отзывовъ состоятъ въ выжиданіи, а больше въ равнодушіи и недостаткѣ сочувствія къ общепольному дѣлу. „Къ чему,—говорили нѣкоторые,—писать отзывы? Устроятся касса, — такъ тогда, быть можетъ, и запишемся въ нее; а не устроятся, — такъ и ненужно.“ Вотъ и дождайся тутъ отзывовъ!.. Нѣтъ! Съ свободною подачею голосовъ далеко не уйти въ дѣлѣ общаго, а не личнаго, интереса!..

Какъ поступить при такихъ обстоятельствахъ или какъ отнестись къ тѣмъ, кои не доставили своихъ отзывовъ,—это представляется усмотрѣнію съѣзда. По крайней мѣрѣ, высказанное,—въ виду невозможности устранить представленныя духовенствомъ возраженія и *огромную* большинства голосовъ противъ проекта,—мнѣніе, что означенный проектъ не можетъ быть принятъ къ исполненію, мы находимъ нетвердымъ и преждевременнымъ.

Статья наша въ защиту напечатаннаго проекта кассы представлялась бы не полною и незаконченною, еслибъ мы не упомянули о другихъ проектахъ кассы, которые предлагались духовенству и нынѣ вновь предлагаются въ замѣнъ нашего *неоднаго* проекта. Внимательное разсмотрѣніе и основательная провѣрка какого бы то ни было проекта,—дѣло не легкое и требующее не мало времени. Тутъ нужно обращать вниманіе, какъ выше замѣтили мы, не на одну кажущуюся выгоду проекта, а и на его надежность съ формальной стороны или со стороны вѣрности и надежности его расчетовъ; и сколько бы ни говорили иные, что „о теоретическомъ расчетѣ не должно быть и помину въ проектѣ“, а мы не отступимъ отъ своего убѣжденія, что безъ теоретически вѣрныхъ расчетовъ никакой проектъ кассы не можетъ быть признанъ состоятельнымъ. Но мы не беремъ на себя труда провѣрять состоятельность расчетовъ другихъ проектовъ; въ виду же того, что на нихъ многіе указываютъ, наложимъ свое о нихъ сужденіе, насколько они могутъ представляться состоятельными по простому нашему взгляду.

Указываютъ на проектъ протоіерея П. И. Капустина. Омъ предлагалъ свой проектъ въ двухъ видахъ, и окончательно остановился на составленіи капитала, въ теченіе 25 лѣтъ, изъ 4⁰/₀-ныхъ взносовъ со всѣхъ доходовъ церковей епархіи, для выдачи, по истеченіи указаннаго срока, пенсій духовнымъ лицамъ за 25-ти-лѣтнюю *бестороннюю* службу. Но 4⁰/₀-ные взносы съ церковныхъ доходовъ для составленія пенсіоннаго капитала въ настоящее время не мыслимы; притомъ въ основаніе расчетовъ принятъ былъ въ проектѣ итогъ всѣхъ доходовъ по церковной епархіи за 1863 годъ,—каковъ итогъ, какъ заключающій въ себѣ и еди-

новременныя пожертвованія въ пользу церкви, оказался много выше итога дѣйствительныхъ годовыхъ доходовъ, такъ что по расчету на основаніи итога дѣйствительныхъ доходовъ потребуется для составленія предположеннаго капитала срокъ не въ 25 лѣтъ, а въ 40 лѣтъ или еще больше.

Вновь предлагаемыхъ проектовъ кассы мы читали три и именно:

1) Напечатанный въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ отзывъ VI-й рекомендуетъ намъ принять проектъ кассы духовенства самарской епархіи. Сущность этого проекта авторъ излагаетъ такъ: „капиталь этой кассы составляется изъ взносовъ участниковъ ея и изъ частныхъ пожертвованій, и только. Разрядовъ въ кассѣ 5 отъ 10 до 2 рублей, и капиталъ кассы составляется въ продолженіе 10 лѣтъ.“ По истеченіи же 10 лѣтъ, когда касса будетъ располагать капиталомъ не менѣе 100,000 рублей, начнется выдача пенсій на основаніи слѣдующихъ правилъ: 1) срокъ полной пенсіи вкладчикамъ полагается 35 лѣтъ постоянного взноса; 2) половина 20 л. и 3) четверть 10 лѣтъ. Такимъ образомъ прослужившіе 10 л. и въ заштатъ уволенные священно-церковнослужители, производившіе взносы въ продолженіе этого времени, положимъ, по первому разряду 10 р. въ годъ, имѣютъ право на полученіе пенсіи ежегодно въ количествѣ четвертой части всего 35 лѣтняго взноса, именно 87 руб. 50 коп. прослужившіе 20 лѣтъ получаютъ половину 25 лѣтняго взноса 176 р.; прослужившіе 35 л.—полную пенсію—350 р. въ годъ. Такъ точно будутъ разсчитываемы вкладчики и по всѣмъ прочимъ разрядамъ.“ Напримѣръ вкладчикъ двухъ рублевого взноса получаетъ за 35 лѣтъ 70 р. (а у насъ на 3—15 р.), за 20 л. 35 р. (а у насъ 10½ р.), за 10 л. — 17 р. 50 к. (а у насъ — 6 р.). Вотъ какую кассу мы желали бы имѣть!“

Мы не знаемъ всѣхъ основаній этого проекта, а равно и того, утверждень ли онъ. Общати можно все; но по теоретическому расчету такія большія пенсіи и, при столь малыхъ размѣрахъ взносовъ не осуществимы.

2) Въ одномъ изъ отзывовъ предлагается слѣдующій проектъ кассы изъ добровольныхъ рублевыхъ взносовъ: „положимъ, что будетъ вносящихъ въ кассу по 1 р. въ годъ 1000 человекъ.“

„Въ пять лѣтъ будетъ внесено. 5,000 р.

Основнаго капитала 27,000 —

Итого. 32,000 р.

На которые будетъ получаться по 5%.

Итого проц. 1,600 р.

„Положимъ, что изъ вносящихъ въ кассу найдется въ годъ бѣдствующихъ 10 чел., въ 5 лѣтъ—50 человекъ.“

„Изъ процентовъ 1,600 р. на каждаго изъ 50 бѣдствующихъ придется выдать 32 р., если вдвое—100 человекъ бѣдныхъ,—то 16 р. Ктоже изъ бѣдствующихъ не согласится за 5 р. внесенныхъ въ 5 л., получить 32 р. или даже 16 рублей?!

Но а) вамъ возразятъ: проценты съ основнаго капитала суть достоинствіе всего духовенства, а вы хотите обратить ихъ только въ пользу своихъ 50 человекъ?

б) На какой же срокъ устроите вы кассу? На 5 лѣтъ,—5 лѣтъ взносовъ и 5 лѣтъ пользованія обѣщанными пособіями? А то въдь съ каждымъ годомъ въ тысячѣ вкладчиковъ будутъ появляться новые бѣдствующіе, и число послѣднихъ такъ возрастетъ, что придется одѣлывать ихъ по 8 руб., затѣмъ по 4, по 2 и по 1 рублю! и в) принятое проектомъ высшее число бѣдствующихъ, 10 на 1000 въ годъ, не вѣрно. По собраннмъ статистическимъ свѣдѣніямъ бѣдствующихъ оказывается въ годъ 25 чел. на тысячу, и такъ за 5 лѣтъ 125 чел.: какая же придется имъ пенсія? Но возьмемъ вѣрную цифру основнаго капитала—40.000 р., что съ 5000 взноса составитъ 45.000 р., а процентовъ на оныя, по 5⁰/₀, будетъ получаться 2250 р. Раздѣлите эту сумму на число бѣдствующихъ, въ 5 лѣтъ, 125 чел., сколько же придется каждому? А дальѣ, съ прибавленіемъ ежегодно числа бѣдствующихъ, цифры пособій будутъ мельчать еще болѣе...

И 3) остается сказать о проектѣ, который напечатанъ въ 12 № официальнаго отдѣла „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ отъ 4-го мая 1875 года, и который кружитъ головы многимъ. Авторъ отзыва избираетъ свойственный извѣстнаго рода лицамъ приемъ: „чтобъ успѣшнѣе подставить проектъ своего произведенія, надобно прежде изругать какъ можно лучше предложенный другими проектъ“, объясняясь притомъ, что неохотно, и не по своему желанію, берется за него, а во исполненіе требованія начальства. Онъ откровенно заявляетъ, что напечатанный проектъ Устава ему положительно не нравится, и вотъ почему: 1) Независимо отъ добровольныхъ и дающихъ право на пенсію взносовъ, Уставъ проектируетъ ежегодныя общеобязательныя взносы отъ всего духовенства, и тогда какъ добровольнымъ участникамъ кассы предоставляются всѣ выгоды и льготы, обязательнымъ плательщикамъ, плати они хоть 60 лѣтъ, не только ни пенсін, ни единовременнаго пособія, но и взносовъ своихъ обратно не получатъ. По поводу сего, авторъ раздражается упреками составителямъ Устава, и пускаетъ въ ходъ разныя укорительныя выраженія: „возмутительная безцеремонность обращенія съ обязательными плательщиками, крайне несправедливыя и драконовскія строгости, какихъ не бывало, безпримѣрныя и странныя операции, ни съ чѣмъ несообразныя правила, от-

воспитанна восторжкѣ желателно было бы ему знать, какими именно уважительными соображеніями руководились составители Устава при поставленіи сихъ правилъ (значить читалъ протоколы комитета!) и кака дѣль сихъ правилъ. Не придуманы ли они для устрашенія 874 лицъ, не пожелавшихъ участвовать въ кассѣ, или тѣхъ, кои, заявивъ желаніе участвовать въ оной въ надеждѣ на премію въ 40⁰/₀ на рубль взноса, теперь, при пониженіи преміи до 20 и даже 15⁰/₀, вздумаютъ отказаться? Такія возмутительныя и несправедливныя средства не могутъ быть оправданы никакою, хотя бы и прекрасною цѣлію.“ Затѣмъ подвергается сомнѣнію самая потребность въ особой мѣрѣ для усиленія запаснаго капитала при указанныхъ въ проектѣ источникахъ, и заключаетъ: „Если же, несмотря на все это, окажется нужнымъ усилить запасный капиталъ, то пусть это усиленіе производится на счетъ тѣхъ, кто будетъ получать пенсіи и пользоваться прочими благодѣяніями кассы“.

2) Авторъ нападаетъ на проектъ за то, что онъ проектируемой кассѣ присволяетъ названіе эмеритальной, и какъ бы не зная того, что это названіе усвоено кассѣ первымъ съѣздомъ духовенства по дѣламъ кассы,—клеветитъ оное именемъ *страннаго* и *неосновательнаго*. Затѣмъ авторъ ведетъ рѣчь о томъ, что „каска мало того, что присвоиваетъ себѣ непринадлежащее названіе, но въ то же время присвоиваетъ и непринадлежащее себѣ чужое достояніе, обращая въ пользу однихъ добровольныхъ участниковъ кассы всѣ ея доходы. *Scit cuique*: пусть правленіе кассы распоряжается какъ ему угодно долею добровольныхъ ея вкладчиковъ изъ другихъ доходовъ кассы, но не захватываетъ чужаго, и доля неучаствующихъ въ кассѣ пусть остается неприкосновенною.“

3) Безцеремонно захватывая въ пользу добровольныхъ взношниковъ достояніе взношниковъ обязательныхъ, проектъ не менѣе безцеремонно будетъ распредѣлять общее всего духовенства достояніе и между добровольными вкладчиками, именно не по различію сана и достоинства пенсіонеровъ, и не поровну на каждое лицо, а по количеству внесенныхъ каждымъ рублей; такъ наприм., каска поступаетъ по отношенію къ процентамъ юбилейнаго капитала, также поступитъ и относительно дополнительнаго преміи изъ церковныхъ взносовъ. Изъ примѣчанія въ § 26, нисколько не слѣдуетъ, говорить авторъ, чтобы составители проекта имѣли въ виду выдавать дополнительныя преміи на болѣе справедливыхъ началахъ, а не по теоретическому расчету, который одинъ нравится имъ и который и въ примѣчаніи въ § 26 красуется впереди всѣхъ расчетовъ, и 4) кромя обирая начисто общаго достоянія у обязательныхъ взношниковъ въ пользу добровольныхъ, и кромя эксплуатаціи сего достоянія у пенсіонеровъ низшихъ разрядовъ въ пользу пен-

сіонеровъ высшихъ разрядовъ, проектъ Устава предполагаетъ эксплуатировать и самый трудъ пенсіонеровъ низшихъ разрядовъ въ пользу пенсіонеровъ разрядовъ высшихъ, именно: прекращаетъ пенсіи заштатнымъ, поступившимъ на должности съ достаточнымъ содержаніемъ, между тѣмъ какъ по § 6 и обеспечивающее имущество никого не лишаетъ права получать изъ кассы эмеритуру: едва ли какая эксплуатация можетъ быть *непригляднѣе* и *возмутительнѣе* эксплуатации труда, и какого труда? не молодыхъ и свѣжихъ, а старческихъ, многолѣтнею борьбою съ лишеніями и житейскими невзгодами изнуренныхъ силъ, остаткамъ которыхъ не суждено имѣть покоя. Не входя въ дальнѣйшія объясненія на счетъ сей эксплуатация авторъ заканчиваетъ свое ораторствованіе текстомъ, приемлемымъ впрочемъ весьма неудачно.

Всѣ эти замѣчанія написаны краснорѣчиво, но краснорѣчіе доходитъ чуть не до площадной брани, и притомъ безъ всякаго повода къ такому тону рѣчи! Наругавшись вдоволь, авторъ оговаривается, что не желаніе критиковать, не излишняя придирчивость, и не своекорыстные интересы и расчеты(?), а чувство справедливости и желаніе пользы духовенству — причиною рѣзкихъ его замѣчаній, притомъ онъ позволилъ себѣ коснуться только особенно важныхъ пунктовъ, а второстепенныхъ промаховъ въ проектѣ онъ могъ бы указать еще болѣе. Онъ прежде воздерживался отъ печатныхъ отзывовъ, не желая причинить кому-либо досаду; и теперь взялся за перо только единственно въ исполненіе указа консисторіи. Но ужъ если началъ высказываться, то надобно въ томъ же духѣ и кончить, говорить авторъ; а посему надѣясь, что можетъ быть комитетъ устроить изъ проекта неудобныя стороны, продолжаетъ прерванную рѣчь и предлагаетъ вопросъ: нельзя ли устроить кассу на нѣкихъ болѣе справедливыхъ началахъ?

Отвѣчаетъ: очень возможно; ибо 1) при обязательности взносовъ всѣхъ служащихъ лицъ духовенства, очень возможно всѣмъ имъ по выходѣ за штатъ, и въ случаѣ смерти, ихъ вдовамъ и сиротамъ выдавать соразмѣрныя обязательнымъ взносамъ пенсіи; стоитъ только сдѣлать ихъ, наравнѣ съ добровольными вкладчиками, полноправными участниками и членами кассы; это, имѣя своимъ послѣдствіемъ нѣкоторое, хотя и малое, обезпеченіе ихъ въ будущемъ, будетъ и благотвительно, и вполне законно, и справедливо. 2) Источникомъ сего рода пенсій могутъ быть: обязательные взносы, проценты съ юбилейнаго капитала, а такъ же взносы отъ церквей и монастырей, пособія отъ казны и приношенія частныхъ лицъ; стоитъ только отнѣсти *данное*(?) проектомъ симъ средствамъ назначеніе — служить въ пользу однихъ добровольныхъ участниковъ.

3) Для устранения эксплуатации должно совсѣмъ устранить изъ устава распределение по *теоретическому расчету*, а установить только распределение пенсій или поровну, или по различію сана; *теоретическій же расчетъ* можетъ быть допущенъ только при опредѣленіи пенсій добровольнымъ вкладчикамъ изъ добровольныхъ же взносовъ.

4) Само собою разумѣется, что обязательные взносы должны быть для всѣхъ не обременительны и однообразны; если приняты будутъ пенсіи всѣмъ равныя, то и взносы должны быть по одному рублю, а если по различію сана,—то священники могутъ вносить по 2 р. Дьяконы, по 1 р. и неаломщики по 50 коп.

и 5) Для устранения эксплуатаціи чужаго труда, стоитъ только вычеркнуть изъ проекта § 65 (68?) Въ какомъ размѣрѣ выдать изъ указанныхъ во 2-мъ пунктѣ источниковъ пенсіи обязательнымъ вкладчикамъ, это обуславливается: а) количествомъ поступленийъ въ кассу изъ сихъ источниковъ, б) величиной процентовъ и в) количествомъ ежегодно прибывающихъ пенсионеровъ.

Среднее ежегодное число прибывающихъ пенсионеровъ принимается 100, а высшее, имѣющее исполниться въ 42 году, предѣльное число—1981,—(какъ и въ нашемъ проектѣ устава).

Касательно втораго элемента вычисленийъ авторъ не можетъ понять, въ силу какихъ уважительныхъ соображеній проектъ, высказывая, что нынѣ получаетъ 6% на капиталъ, въ то же время представляетъ *фантастическій* (?) расчетъ роста капиталовъ изъ 4%? На томъ основаніи что нынѣ банкъ выдаетъ по 7 или по 7½%, и при существованіи многихъ банковъ и ихъ конкуренціи, авторъ рассчитываетъ и въ будущемъ на высшій процентъ и во всякомъ случаѣ не менѣе шести. И потому онъ принялъ расчетъ роста капиталовъ изъ 6% а не изъ 4%.

По невѣдѣности количества поступленийъ изъ другихъ источниковъ авторъ опредѣляетъ пенсіи обязательныхъ взносовиковъ на основаніи процентовъ только съ юбилейнаго капитала и съ ихъ обязательныхъ взносовъ.

Если касса откроется въ началѣ 1876 года, то она будетъ имѣть процентовъ съ юбилейнаго капитала 2400 р. и взносовъ со всѣхъ, по 1 рублю, 4000 р.; всего 6400 р. Эти 6400 р. будутъ составлять ежегодный доходъ кассы; и такъ какъ открытіе дѣйствій кассы по выдачамъ пенсій по 33 § устава полагается чрезъ 10 лѣтъ, а 6400 р., чрезъ приращеніе процентами, по истеченіи 10 лѣтъ вмѣстѣ съ юбилейнымъ капиталомъ составитъ сумму въ 117.236, приносящихъ процентовъ болѣе 7000 р., то чрезъ 10 лѣтъ общій выготъ съ обязательными взносами ежегодный доходъ будетъ уже не 6400 р., а свыше 11.000 р.

Итакъ съ перваго же года отъ открытія дѣйствій кассы по выдачамъ

пенсій изъ ежегоднаго дохода въ 11000 р. каждому изъ 1981 чел. можно бы выдавать по $5\frac{1}{2}$ р.—но это не высшій размѣръ пенсій, потому что ежегодно прибывающихъ пенсионеровъ только 100 чел.; слѣдовательно въ первые годы должны быть значительные остатки. Впрочемъ съ перваго года нельзя назначить пенсій по $5\frac{1}{2}$ р. потому что легко можетъ быть, что въ первомъ же году, по примѣру 1848 года, можетъ явиться до 450 пенсионеровъ—и это обстоятельство ниспровергло бы всѣ расчеты. Посему оказывается необходимымъ въ первый годъ понизить размѣръ пенсій, и кромѣ того образовать достаточный запасной капиталъ, дабы процентами съ него покрывать передержки и поддерживать равновѣіе назначенныхъ по расчетной таблицѣ расходовъ на пенсіи. Для сего изъ суммы 117,236 рублей слѣдуетъ 27,236 р. отдѣлить въ запасный капиталъ, а проценты съ остальныхъ 90,000 руб., въ размѣрѣ 5400 руб., в ежегодные взносы 4000 р., всего 9400 р., назначить на производство пенсій, каковыя могутъ быть *смѣло* выдаваемы въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ первое пятилѣтіе $4\frac{1}{2}$ р., во второе—6 р. въ третіе—7 р., въ четвертое 8 р., въ пятое 9 р., въ шестое и седьмое—10 р., въ восьмое и послѣдующіе—11 р., что и представлено въ составленной авторомъ таблицѣ.

Что касается того, на какую пенсію, по снмъ же соображеніямъ и вычисленіямъ, могутъ рассчитывать добровольные вкладчики на счетъ своихъ добровольныхъ взносовъ, то—пенсія сія *смѣло* можетъ быть назначена въ слѣдующемъ размѣрѣ на каждый рубль: въ первое пятилѣтіе отъ начала выдачь 2 р., во второе 3 р., въ третіе— $3\frac{1}{2}$ р., въ четвертое—4 р., въ пятое— $4\frac{1}{2}$ р., въ шестое—5 р., въ седьмое и послѣдующія по $5\frac{1}{2}$ р. Авторъ *смѣетъ* думать и надѣется, что и комитетъ убѣдится, что назначенный имъ размѣръ пенсій, *будучи выше назначеннаго проектомъ устава*, есмь далеко не *магитит*, а напротивъ *мінітит*,—каковое мнѣніе затѣмъ онъ развиваетъ и доказываетъ.

Вотъ вкратцѣ—сущность новаго проекта! Изъ нея видно, что авторъ не совсѣмъ ниспровергаетъ проектъ комитета, а желаетъ только отдѣлнить обязательные взносы отъ добровольныхъ и такимъ образомъ устанавливаетъ въ кассѣ два начала или два рода выдачь (но все-таки касса выходитъ не эмеритальная—въ собственномъ смыслѣ!).

Трудно обсуждать новый проектъ во всѣхъ его тонкостяхъ; потому мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями:

1) Хотя авторъ и желалъ бы вовсе изгнать изъ проекта *теоретическій расчетъ*, но вѣрность и надежность его расчетовъ можетъ быть провѣрена не иначе какъ теоретическими соображеніями,—для чего и слѣдовало бы ему обратиться къ свѣдущему лицу. Касса его по обязательнымъ взносамъ есть рублевая, какъ и наша касса; но по те-

оретическимъ расчетамъ, при совершенно - одинакихъ условіяхъ, и протоіерей Сергіевскій и ординарный академикъ Буяковскій нашли возможнымъ чрезъ 10 лѣтъ рублеваго взноса выдавать за рубль — 80 коп., чрезъ 15—1 р. 45, чрезъ 20 — 2 р. 89, чрезъ 25 — 3 р. 81 коп., чрезъ 30 л.—6 р. 8 к., и чрезъ 35 л.—9 р. 79 к. Сомнѣваемся, чтобы предположенія автора—чрезъ 10 лѣтъ взноса выдавать по пятилѣтіямъ— $4\frac{1}{2}$ р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р. и 10 р. за рубль могли быть признаны состоятельными!

2) Также не надежны назначенные авторомъ размѣры пенсій по добровольнымъ взносамъ 2 р., 3 р., $3\frac{1}{2}$ р. и 4 р. за первыя пятилѣтія. Проектъ устава, правда, назначилъ такія же преміи, но для того, чтобы возвысить преміи по первымъ пятилѣтіямъ противъ теоретическаго расчета, онъ понизилъ преміи по послѣднимъ пятилѣтіямъ. Но ординарный академикъ Буяковскій, согласившись на первое только по уважительнымъ причинамъ, поставилъ однако въ непремѣнную обязанность правленію кассы, въ сознаніи справедливости, возвысить и пенсіи по послѣднимъ пятилѣтіямъ до требуемой теоріею нормы.

3) Авторъ въ основаніе своихъ расчетовъ принимаетъ 6%, а велику нынѣ на долгосрочные вклады банки даютъ $7\frac{1}{2}\%$, то и въ будущемъ онъ рассчитываетъ на процентъ высшій шести. Но эти расчеты не надежны; конкуренція умножающихся банковъ способствуетъ возвышенію платимыхъ процентовъ, но самое возвышеніе-то процентовъ, допускаемое для привлеченія вкладовъ въ началѣ, есть дѣло для банковъ рискованное. Вотъ почему и нынѣ солидные, но осторожные частные банки, не увлекаясь примѣромъ другихъ, понижаютъ проценты по вкладамъ; учетный банкъ, выдававшій прежде 6% на капиталъ эмеритальной кассы, съ ноября 1874 года понизилъ процентъ до $5\frac{1}{2}$. Касса есть учрежденіе вѣковое, и высшее начальство навѣрное не утвердитъ кассу, основанную на расчетахъ по 6%, а развѣ—только по 4 или $4\frac{1}{2}\%$, т.-е. по количеству процентовъ, выдаваемыхъ государственнымъ банкомъ по непрерывно-доходнымъ билетамъ. А тогда и предполагаемые авторомъ размѣры пенсій должны будутъ значительно понизиться!...

и 4) Авторъ не совсѣмъ вѣрно называетъ назначаемые имъ размѣры пенсій *высшими* назначенныхъ проектомъ Устава. По отношенію къ размѣрамъ пенсій по обязательнымъ взносамъ — это такъ: но состоятельны ли они? Что же касается до размѣровъ пенсій по взносамъ добровольнымъ, то хотя они сходны съ показанными въ Уставѣ размѣрами, но не надобно забывать, что пенсіи по послѣднимъ пятилѣтіямъ обязательно для нашей кассы должны быть возвышены до нормы, опредѣляемой теоретическими соображеніями, — а по теоріи непо-

средственных премій на рубль взноса въ пятое пятилѣтіе 6 р. 8 к., а въ шестое 9 р. 79 к. Авторъ забылъ прежде имъ сказанное, именно, что *теоретическій расчетъ* можетъ быть допущенъ только при опредѣленіи пенсій добровольными вкладчиками изъ добровольныхъ взносовъ.

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ высказать къ свѣдѣнію духовенству по поводу отзывовъ о проектѣ Устава эмеритальной кассы! Окончательное рѣшеніе по сему предмету предоставляемъ доброй волѣ самаго духовенства. Мы готовы выслушать всякія дѣльные замѣчанія на наши соображенія, хотя бы высказанныя рѣзко. Только да не обвиняютъ насъ въ одномъ, будто мы защищаемъ свой проектъ изъ корыстныхъ видовъ: (какъ незаслуженно высказываютъ подобное подозрѣніе нѣкоторые отзывы, — а одинъ анонимный порицатель проекта простеръ свою хулу даже до требованія, — чтобы *люди*, которымъ принадлежитъ инициатива такой меркантильной операціи, обезпечили довѣренность будущихъ участниковъ кассы, хотя на первое время, полу-милліономъ рублей!). Чужды намъ личные интересы въ кассѣ, и она не для насъ!... А если мы стоимъ за нее, то единственно для общаго блага духовенства!

С. М. Г.

22 окт. 1875 г.

Печатать дозволяется. Москва, октября 25-го дня, 1875 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

на 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 к. Вологды 5 к. Во-
 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса
 Гродно 11 к. Дербента 16 к. Екатеринодара 10 к. Екатерино-
 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 к. Иркутска 20 к. Ка-
 9 к. Калша 15 к. Казуги 3 к. Каменец-Подольска 13 к. Ки-
 15 к. Киева 9 к. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к.
 11 к. Курска 6 к. Кутаиса 16 к. Кѣльцовъ 14 к. Ломжи 12 к.
 12 к. Минска 8 к. Митавы 11 к. Могилева 6 к. Нижнего-
 5 Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Новочеркас-
 1 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петро-
 11 к. Петрокова 14 к. Плоцка 14 Полтавы 9 к. Пскова 8 к.
 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 к. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Пе-
 тербурга 7 к. Саратова 9 к. Семипалатинска 18 к. Симбирска 9 к.
 Симферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольск. губ. 14 к. Сувалокъ
 12 к. Съдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к.
 Твери 3 к. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска. 18 к. Тулы 3 к.
 Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харькова 8 к. Херсона 13 к.
 Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 к. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ВЪ РЕДАКЦІИ „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

I. Размышленія о сущности христіанской вѣры
 Соч. Гизо. Переводъ свящ. Н. Сергіевскаго. М. 1865 г. Ц. 1 р., съ
 пер. 1 р. 20 к.

II. Вѣчная жизнь. Публичные чтенія Э. Навиля. Перев.
 свящ. Н. Сергіевскаго. М. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

III. Публичные чтенія 1871 года, профессора протоіерея
 Н. Сергіевскаго: Объ основныхъ истинахъ Христіан-
 ства. М. 1872. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

IV. Сочиненія св. Іустина философа и мученика,
 издавныя въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями,
 свящ. П. Преображенскимъ. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 р.

V. Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Та-
 тiana, Афинагора, Теофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона
 Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданы въ русскомъ переводѣ,
 съ введеніями и примѣчаніями, свящ. П. Преображенскимъ. М.
 1867. Цѣна: 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

VI. Сочиненія св. Иринея Лионскаго. I. Пять книгъ про-
 тивъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданы
 свящ. П. Преображенскимъ. М. 1871. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

VII. Вопросъ о вѣр. Публичные чтенія Эрнеста Навиля.
 Перев. свящ. Н. Протопопова. М. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. сер.

VIII. О Евангеліи отъ Маттея. Разборъ и опроверженіе воз-
 раженій противъ него отрицательной критики Баура. Соч. священника
 московской Троицкой на Арбатѣ церкви Владиміра Маркова. М. 1873.
 Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

IX. Рѣчи произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ перваго
 десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища священникомъ А. М.
 Ивановымъ-Платоновымъ. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

X. Изъ лекцій по церковному праву. О. проф. моск. уни-
 верситета Н. К. Соколова. Вып. I. Введеніе въ церковное право. М.
 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

РЕДАКЦІЯ
„ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

покорнѣе просить читателей издаваемого ею журнала
лученіе его въ БУДУЩЕМЪ 1876 году подписываться
ГОВРЕМЕННО для соображенія о потребномъ количествѣ
печатаемыхъ экземпляровъ и для большей исправности въ доставкѣ
черезъ почту; при чемъ не выписывавшихъ «Православнаго Обо-
зрѣнія» въ 1872 году просить заявлять о семъ редакціи для без-
платной выдачи напечатанныхъ тогда 5 листовъ СОЧИНЕНІЙ
СВ. ИСПОЛИТА «ПРОТИВЪ ЕРЕСЕЙ», которое будетъ про-
должаться въ 1876 г.

Редакція «Православнаго Обозрѣнія» покорнѣе просить
редакціи ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ въ ближайшемъ
номерѣ своихъ изданій напечатать извѣщеніе о *содержаніи* но-
ябрьской книжки «Православнаго Обозрѣнія» и объявленіе объ
изданіи его въ будущемъ 1876 году, а также продолжать съ нею
обмѣнъ своихъ изданій.

*Подписка на „Православное Обозрѣніе“ 1875 года про-
должается.*

въ РЕДАКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

Указатель къ „Православному Обозрѣнію“

за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг.

составленный П. А. Ефремовымъ.

Цѣна „Указателя“: 1) при выпискѣ *Православнаго Обозрѣнія* 75 к.
съ перес. 1 р. 2) въ отдѣльной продажѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1875

Д Е К А Б Р Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—О ОБЪѢТѢ ІЕФФАЯ. Протоіерей М. И. Богословскаго.
- II.—МЕОДОІЙ ФИЛИМОНОВИЧЪ ЕПИСКОПЪ МСТИСЛАВСКИЙ И ОРШАНСКИЙ БЛЮСТИТЕЛЬ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ (1661—1668 Г.). Гл. VII. Г. Ф. Карпова.
- III.—„ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА“ Д-РА ФАРРАРА. С. С.
- IV.—ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРОТИВЪ ЛАТИНЯНЪ. Н. А. Покровскаго.
- V.—ОГЮСТЬ КОНТЪ, КАКЪ АВТОРЪ КУРСА ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ. А. Ф. Гусева.
- VI.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ИЗУЧЕНІЯ СВЯТООТЕЧЕСКИХЪ ТВОРЕНІЙ ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Н. И. Барсова.
- VII.—СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: Гладстонъ и его брошюры о церкви англиканской и римской.
- VIII.—ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: Изъ отчета моск. дух. семинаріи. — Вторичное воззваніе архіев. Платона о пособіи герцеговинцамъ. — Поученіе о томъ же. — Протоіерей А. С. Миловановъ †. — Еще памяти Руквишикова. — Оглавленіе. — Объявленія.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- IX.—ПАМЯТИ РЕКТОРА МОСК. ДУХ. АКАДЕМИИ ПРОТОІЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГОРСКАГО: СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РЕЧЕЙ ПРИ ГРОБѢ И ВО ВРЕМЯ Сорокодневнаго его поминovenія.
Объявленіе объ изданіи „Православнаго Обозрѣнія“ въ ВУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ.
(См. на оборотѣ).

МОСКВА.

Digitized by Google

Въ ГИЗВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (Катковъ)

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1876 ГОДУ.

«Православное Обозрѣніе» будетъ продолжаться въ слѣдующемъ 1876 году, оставаясь вѣрнымъ прежней своей программѣ, характеру и направленію, которое достаточно выяснилось читателямъ, какъ въ продолженіи прошлыхъ лѣтъ его существованія, такъ и въ настоящемъ году, когда оно перешло подъ редакцію *свящ. П. Преображенскаго*.

Въ 1876 году «Православное Обозрѣніе» будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 р. 50 к. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 р. с. Подписная цѣна съ «Указателемъ» за одиннадцать лѣтъ 8 р. с.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, при церкви Теодора Студита у Никитскихъ воротъ, домъ свящ. П. Преображенскаго,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Нижегородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

Полные экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы—по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869—по 3 руб. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874—по 5 руб. безъ пересылки, а за четырнадцать лѣтъ 1861—1874—сорокъ пять рублей. Цѣна Указателя къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., безъ пересылки 75 к., съ пересылкой 1 р. Выписывающее «Православное Обозрѣніе» за всѣ прежніе годы получаютъ Указатель бесплатно. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 14 лѣтъ съ Указателемъ—за 100 фунтовъ—по разстоянію.

*Отъ Москвы за каждый фунтъ посылокъ съ книгами
взимается:*

До Або 12 к. Акмоль 18 к. Архангельска 13 к. Астрахани 15 к. Баку 16 к. Благовѣщенска на Амурѣ 20 к. Варшавы 13 к. Вильно 9 к. Итебска 6 к. Владикавказа 16 к. Владиміра 3 к. Вологды 5 к. Воронежска 5 к. Выборга 8 к. Вѣрнаго 18 к. Вятки 10 к. Гельсингфорса 10 к. Гродно 11 к. Дербента 16 к. Екатеринодара 10 к. Екатеринослава 14 к. Елисаветполя 16 к. Житомира 10 к. Иркутска 20 к. Ка-

МЫСЛИ О ОБЪТЪ ІЕФѢАЯ.

Суд. XI, 30—40.

Обѣтъ Іефѣая въ Св. Исторіи представляетъ безпримѣрное явленіе. Нѣжно любящій отецъ изрекаетъ смертный приговоръ на свою единственную дочь сверхъ всякаго ожиданія. Умѣя цѣнить святость обѣтовъ, онъ не смѣетъ измѣнить своему страшному слову; онъ совершаетъ надъ нею обѣтъ свой, какъ опредѣленіе Всевышняго. Искать ли здѣсь путей Промысла, для высшихъ цѣлей чудно располагающаго судьбою человѣческою, или подивиться опрометчивости отца? Открывать ли здѣсь опыты живой вѣры или пожалѣть о слѣпомъ суевѣріи? Винить ли безчеловѣчность уставовъ, позволявшихъ проливать человѣческую кровь въ жертву Бога мира, или оправдывать ихъ, то извѣтомъ на ихъ древность, то открытіемъ въ нихъ смысла сообразнѣйшаго съ ихъ духовнымъ знаменованіемъ? Достоинство лица Іефѣая, ознаменованнаго печатію вѣры по Апостолу (Евр. XI, 32) а, можетъ быть, и честь Библіи требуютъ, чтобы мы рѣшили эти вопросы, сколько возможно, удовлетворительнѣе. Для этого рассмотримъ обѣтъ Іефѣая съ двухъ сторонъ: какъ дѣйствіе релігіозное и какъ событіе историческое. Въ первомъ случаѣ мы обратимъ на него вниманіе, прежде какъ на плодъ внутренней релігіи Іефѣая, потомъ какъ на дѣйствіе, связанное съ положительными

законами вѣшняго богослуженія; въ другомъ случаѣ мы покажемъ, какимъ образомъ былъ исполненъ этотъ обѣтъ.

Итакъ изъ какого источника, изъ какихъ побужденій происходилъ обѣтъ Іефеаи?

Св. Писаніе говоритъ, что послѣ того, какъ двукратное посольство Израильское къ Аммонитскому царю съ мирными предложеніями оказалось безуспѣшнымъ, *бысть на Іефеаи Духъ Господень, и преиде Галаада и Манассію... и обѣща Іефеаи обѣтъ Господеви.* Ежели войти въ состояніе духа Іефеаева, то по всей вѣроятности оно было таково. — Видя всю несправедливость Аммонитянъ, подъ пустымъ предлогомъ искавшихъ одной корысти, нововзбранный вождь воспламенился справедливымъ негодованіемъ; онъ прошелъ за - іорданскія области, возывая всѣхъ къ ополченію на враговъ, и въ этомъ жару ревности, который былъ управляемъ Духомъ Божиимъ, произнесъ и свой обѣтъ. Значить, обѣтъ былъ плодомъ святой ревности о законахъ Божественной правды, къ стыду человѣчества пренебреженныхъ цѣлымъ народомъ. И дѣйствительно, этотъ священный энтузіазмъ, въ которомъ скрывалась и любовь къ отечеству, не могъ не произвести такого плода. Пылкое сердце Іефеаево говорило Богу: «что станется съ племенами земными, когда будутъ презирать твои вѣчные уставы? Нѣтъ! не попустишь Ты этого. Я чувствую въ себѣ призваніе быть орудіемъ Твоего правосудія, — готовъ послѣдовать ему, и вотъ, въ знакъ моего самопожертвованія, *по возвращеніи моемъ съ миромъ отъ Аммонитянъ, чтобы ни вышло прежде всего изъ дома моего на встрѣчу мнѣ; будетъ Твое, и вознесу сіе во всесожженіе.* Такимъ образомъ этотъ обѣтъ, исходя изъ ревности о Божественной правдѣ, направляемый Духомъ Господнимъ, въ существѣ своемъ выражалъ готовность предаться въ полное распоряженіе промысла Божія.

Что значилъ этотъ обѣтъ въ отношеніи къ обрядовой сторонѣ религіи? Въ этомъ отношеніи онъ былъ не иное что, какъ видъ богослуженія, дозволеннаго закономъ Моисеевымъ,

и могъ простираться на всю собственность человѣка отъ своей души до бездушныхъ вещей. (Лев. XXVII, 2, 14, 16). По этому онъ сообразенъ былъ и съ положительною стороною религіи.

Такимъ образомъ въ обътѣ Іеффаая нѣтъ ничего безразсуднаго или суевѣрнаго. Обратимъ теперь вниманіе на его исполненіе. Оно составляетъ главнѣйшее затрудненіе для изслѣдователя Св. исторіи.

Св. Бытописатель такъ говоритъ о немъ: «когда Іеффаай возвратился побѣдителемъ въ свой домъ, его встрѣчаетъ съ торжественнымъ ликомъ единокровная дочь его. Пораженный такою внезапностію отецъ смутился и разодралъ одежду свою: но дочь, узнавъ, что было причиною такого смущенія, въ полнотѣ чувствованія Божественныхъ благодѣяній, охотно погоряется изреченному на себя приговору, и только проситъ времени для оплаканія своего дѣвства съ подругами. Послѣ чего отецъ совершаетъ на ней обътъ свой, и може общица».

Въ чемъ же теперь состояло исполненіе объта? Многіе думаютъ, что она принесена была во всеожженіе; другіе полагаютъ, что она осталась только въ дѣвствѣ и посвящена на служеніе при скиинѣ.

Мы предпочитаемъ послѣднее мнѣніе; и вотъ тому основаніе.—Обътъ Іеффааевъ, въ началѣ своемъ, состоялъ подъ управленіемъ (какъ мы замѣтили) Духа Божія; предметъ объта оставленъ былъ на волю Провидѣнія: теперь, неужели совершеніе его должно зависѣть отъ духа тьмы, какъ думалъ и Златоустъ? Тамъ, гдѣ дѣло отдано въ руки Провидѣнія, это самое Провидѣніе и совершаетъ его, обращая къ славѣ своей. И достойно ли бы было Бога, если бы Онъ окончилъ это торжество вѣры и преданности ужаснымъ и неслыханнымъ примѣромъ человѣческой жертвы? Ежели не нынѣ, въ вѣкъ просвѣщенія, когда человѣкъ, начавши водиться разсчетами своего разсудка, не хочетъ, чтобы Промыслъ вносилъ свои распоряженія въ сферу свободной его дѣятельности; то по крайней мѣрѣ въ то время, когда водились чувствомъ, дѣтская преданность волѣ Божіей

не могла нанести пятна религіи. Посмотрите на Авраама, когда онъ ведетъ на жертву своего сына. Онъ увѣренъ, что Промыслъ, которому онъ вручилъ судьбу своего сына, не посрамить его преданности въ волю Божию: и Богъ не попустилъ совершиться страшной жертвѣ. Не то же ли самое и здѣсь? Та же преданность, та же вѣра, которой свидѣтельство даетъ Апостолъ, руководствовали и здѣсь духомъ Іефеаи. И такъ, дочь Іефеаева не могла быть принесена во всеожженіе: къ чему же привита догадка, что она посвящена скинии? Св. Бытописатель, упоминая о исполненіи обѣта, прибавляетъ: *и сія не позна мужа*. Эти слова конечно не что иное суть, какъ изъясненіе предъидущихъ словъ: *и сотвори на ней обѣтъ свой, и може общася*: иначе для какой цѣли они поставлены? И такъ она осталась въ дѣвствѣ, и между тѣмъ, по силѣ обѣта, должна быть *Господнею* (ст. 31), — что все не иначе могло состояться, какъ чрезъ посвященіе ея для служенія скинии. Примѣръ *постиницъ*, еще во времена Моисея *постичшихся у дверей скинии свидѣнія* (Исх. XXXVIII, 8) показываетъ, что это посвященіе не было что нибудь необычайное и новое.

Противное мнѣніе имѣетъ также свои основанія. Ему слѣдовали по большей части древніе толкователи Св. Писанія. Основаніе слѣдующее:—*И сотвори на ней обѣтъ свой и може общася*. Сила доказательства въ томъ: Іефеай какъ слѣдалъ обѣтъ, такъ его и исполнилъ; но обѣтъ его былъ—принести во всеожженіе Господу то, что прежде изъ дома его выдетъ ему на встрѣчу,—вышла дочь его: значить, онъ принесъ ее во всеожженіе. Для отраженія этого умозаключенія нѣкоторые такъ переводятъ слова обѣта: *и будетъ Господне или вознесу сіе во всеожженіе*. Переводъ принужденный, хотя съ словоупотребленіемъ еврейскаго языка и сообразный. Впрочемъ и нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ такому пособію.

Пусть обѣтъ будетъ состоять въ исключительномъ намѣреніи жертвоприношенія; мы спросимъ только: какъ бы Іефеай исполнилъ обѣтъ, который онъ далъ, ежели бы изъ дома

его вышло прежде нечистое животное? Скажутъ: ежели столько безразсуденъ былъ обътъ, то конечно можно бы ожидать столь же безразсуднаго исполненія. Мы замѣтили, что обътъ не могъ быть безразсуднымъ, не только въ источникѣ, но и въ существѣ своемъ, такъ какъ все, составляющее собственность человѣка, отъ собственной души до бездушныхъ вещей, по закону, могло быть предметомъ обътовъ. Что же говорить законъ о животныхъ, когда они составляютъ предметъ обътовъ?

Если то, что обѣщано Господу, будетъ скотъ, котоу приносятъ въ жертву; то все, что дано Господу, должно быть свято: не должно вымѣнивать его и замѣнять. Лев XXVII, 9. 10.

Значить, на немъ должно исполнить обътъ во всей своей силѣ.

Если же скотъ будетъ нечистый, то долженъ онъ, т.-е. что далъ обътъ, выкупить по оцѣнкѣ священника и приложитъ къ тому пятую часть; если не выкупятъ, то должно продать по оцѣнкѣ священника, а не приносить въ жертву. Лев. XXVII, 27.

Вотъ уже законъ объта, сообразно предмету его, принимаетъ другой видъ. Обътъ можетъ исполненъ быть законнымъ образомъ, хотя бы и не слѣдовали буквальному его смыслу.

Что же говорить законъ въ подобномъ случаѣ о людяхъ?

Онъ повелѣваетъ выкупать души по той цѣнѣ, какую назначить священникъ. Лев. XXVII, 2—8. Въ одномъ случаѣ выкупъ былъ не дозволенъ.

Только все закланое, говоритъ законъ, что подъ закланіемъ отдастъ человекъ Господу изъ своей собственности, человека ли, скотину ли, поле ли своего владѣнія, не продается и не выкупается: все закланое есть великая святыня Господня. Все закланое изъ человеконъ, что отдано подъ закланіемъ, не выкупается: умертвить должно. Лев. XXVII, 28. 29.

Это мѣсто, повидному, можетъ служить сильнѣйшею опо-

рею для противнаго мнѣнія. По закону надлежало бы Іеѳаю выкупить свою дочь; но смущеніе его, еще болѣе оплакиваніе дѣвства его дочерью, служатъ ясными указателями, что она не выкуплена: значить, съ нею поступлено было по силѣ этого страшнаго закона о заклятомъ? Не слѣдуетъ, и именно вотъ изъ чего:

1) Іеѳаю произнесъ предъ Богомъ обѣтъ (*мѣдер*), а не заклятіе (*херем*) на то, что прежде всего выдетъ изъ дома по его возвращеніи.

2) Если взять въ соображеніе, что законъ Моисеевъ прямо запрещалъ человѣческія жертвы (Второз. XII, 30. 31); то если законъ заклятія и простирался когда на собственность человѣка, то безъ сомнѣнія не на ту собственность, которую всякій имѣлъ въ домашнемъ быту своемъ, но которую назначалъ каждому жребій при самомъ занятіи земли Ханаанской, когда все отъ человѣка до скота надлежало предать мечу (сюда относятся, напр. проклятіе Іерихона Исх. Нав. VI, 16. Гад, тамже VIII, 26). И въ этомъ отношеніи законъ этотъ былъ временный; во всякомъ же другомъ случаѣ онъ касался только нарушителей какой нибудь важной общественной клятвы, и могъ также простираться какъ на людей, (Исх. Нав. VII. I цар. XIV, 24—28, 36. 39), такъ и на скотовъ (Исх. XIX, 13). Здѣсь ни тотъ ни другой случай мѣста не имѣютъ.

3) Да хотя бы Іеѳаю и предпринялъ, по недоразумѣнію, исполнить буквально свой обѣтъ, то жрецы, которые (если даже допустимъ, что Іеѳаю рѣшился принести жертву безъ ихъ вѣдома) въ продолженіе двухмѣсячнаго времени, оставшагося до исполненія обѣта, не могли не узнать о его намѣреніи, никакъ не допустили бы совершиться безчеловѣчной жертвѣ. Они изъяснили бы ему силу и образъ законнаго исполненія даннаго имъ обѣта; тѣмъ болѣе, что

4) въ тѣ времена рѣдко принимались за какое-нибудь важное дѣло, не спросивъ Бога.

Но почему же Іеѳаю не выкупилъ своей дочери? Потому что онъ видѣлъ важность своего обѣта, умѣлъ цѣнить благо-

дѣяніе Божіе и не хотѣлъ его унизить до того, чтобы столь высокую благодарственную жертву, которой очевидно Богъ требовалъ отъ него въ знаменіе его вѣры, по закону замѣнить незначительною въ его глазахъ цѣною. Очень вѣроятно также, что была на то особенная воля Божія, которую конечно старались узнать въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Намъ остается теперь рѣшить нѣкоторыя недоумѣнія, которыя отчасти препятствуютъ согласиться на принятое нами мнѣніе.

1) Для чего Іефеай такъ сильно возмущился, когда дочь вышла встрѣтить его? Безъ сомнѣнія онъ представилъ здѣсь, что изрекъ на нее смертный приговоръ. *Я отверзъ о тебѣ уста мои предъ Господомъ*, говорилъ онъ, *и не могу возвратити объта* (ст. 35).

Смущеніе его могло происходить совсѣмъ отъ другой причины, именно отъ представленія, что онъ съ своею дочерью невозвратно теряетъ утѣшительную надежду видѣть когда либо продолжающимся свое потомство: ибо она была у него только одна, и не было у него еще ни сына, ни дочери. А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ эта внезапная печаль произошла отъ представленія, что онъ долженъ принести ее во всесожженіе, доколѣ наконецъ священники не изяснили ему или и самъ не сообразилъ, какъ должно поступать въ этомъ случаѣ.

2) Для чего бы дочери Іефеаевой оплакивать дѣвство свое, еслибы она не представляла себѣ близкой смерти? Она имѣла бы время оплакать его находясь и при скинии.

Неумный совѣтъ. Въ присутствіи Бога, когда всѣ мысли и желанія должны быть заняты однимъ Ему служеніемъ, будто бы позволительно обращать свои взоры на покинутый міръ и сѣтовать объ оставленныхъ утѣхахъ супружества. Дочь Іефеая имѣла великую и благочестивую душу. Конечно ея, глубоко проникнутое чувствомъ религіи, сердце подсказывало ей, что *никто, взявшійся за соху, и ослѣдывающійся назадъ не управитъ себя въ царствіе Божіе* (Лук. IX, 62), что она

со всѣмъ, что ей любезно въ мірѣ, должна проститься прежде, нежели отдасть себя всю Богу. Притомъ же, что значить *охлаждать дѣвство*? Замѣчательно,—она оплакивала его съ подругами: значить, охлажденіе ея не что иное было, какъ прощаніе съ ними, во время котораго она покидала имъ всѣ мечты и забавы, приготовляясь сама для высокаго служенія. Значить изъ этого обстоятельства никакъ нельзя заключить, что она готовилась къ смерти.

3) Для чего бы *дщерямъ Израилевымъ исходитъ плакатъ о дщери Іефеаѣ*, еслибы она осталась въ живыхъ?

Недоумѣніе рѣшается вѣрнымъ переводомъ Св. текста. Онъ *ходили* не плакать, но *восхваляють* *) *дочь Іефеаѣ Галаадитянина четыре дня съ юду*. Теперь, куда онѣ ходили? Очень вѣроятно, что къ ней же самой, доколѣ она находилась въ живыхъ. Четыре дня употреблялись на путешествіе къ скиніи. Мы не видимъ, чтобы это обыкновеніе наблюдалось въ послѣдующихъ вѣкахъ: смерть дочери Іефеаевой безъ всякаго сомнѣнія положила ему конецъ.

Наконецъ, могутъ намъ сдѣлать то возраженіе, что отыскивая источникъ обѣта въ Іефеаѣ, и указывая на причину, почему дочь его не хотѣла при скиніи охлаждать своего дѣвства, мы судили совсѣмъ не по духу того времени, въ которое они жили; столь чистыхъ понятій, кажется, они не могли имѣть. Могли: Іефеаѣ—потому что онъ былъ подвигнутъ Духомъ Божиимъ; дочь его—потому что и въ самомъ дѣлѣ она была выше своего времени; посмотрите, съ какою готовностію она рѣшается подвергнуть себя всему, что изрекши на нее уста ея родителя. Этотъ духъ стоитъ послушанія Исаакова.

Прот. М. Богословскій.

*) *Ле-танот* см. въ той же книгѣ гл. 5, 11.

МЕЕОДІЙ ФИЛИМОНОВИЧЪ

ЕПИСКОПЪ МСТИСЛАВСКІЙ И ОРШАНСКІЙ, БЛЮСТИТЕЛЬ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИ (1661—1668 ГОДА).

Г Л А В А VII.

Дѣятельность Лазаря Барановича во время бунта Брюховецкаго. Приключеніи епископа Мееодія гѣтомъ 1668 года, прїѣздъ въ Кіевъ и допросы ему отъ тамошнихъ воеводъ. Показанія настоятелей кіевскихъ монастырей. Кіевскіе воеводы получаютъ доказательство измѣнъ епископа Мееодія и отправляютъ его въ Москву. Показаніе въ Москвѣ пѣжинскаго протопopa Симеона Адамовича. Судъ надъ епископомъ Мееодіемъ.

Мы не станемъ излагать подробностей исторіи бунта Брюховецкаго и будемъ здѣсь упомиать о нихъ на столько, на сколько это относится къ дѣятельности тогдашнихъ представителей малороссійской церкви. — Начнемъ съ Лазаря Барановича.

Въ то время какъ кіевскіе воеводы извѣщали въ Москву о начинающейся шатости въ Малороссіи и указывали, что главнымъ ихъ виновникомъ слѣдуетъ считать епископа Мееодія, тогда же о смутахъ писали къ государю Лазарь Барановичъ и, какъ мы уже упоминали, самъ Мееодій. Блюститель митрополіи извѣщалъ правительство, что въ черкасскихъ городахъ начинается шатость «безъ всякой причины». По полученіи такихъ извѣстій въ Москвѣ были составлены государевы грамоты къ Брюховецкому, Мееодію, Лазарю Барановичу и Ин-

нокентію Гизелю; государь увѣщевалъ ихъ, чтобы они по своему обѣщанію сдерживали своеволие и уговаривали казаковъ не начинать бунтовъ и т. п. Всѣ эти грамоты были отправлены къ Лазарю Барановичу, чтобы онъ съ вѣрными людьми разослалъ ихъ по адресу; но черниговскій архіепископъ получилъ эти грамоты уже въ то время, когда бунтъ въ Малороссіи былъ въ полномъ разгарѣ. 8 марта Лазарь Барановичъ прислалъ въ Москву своего конюшаго, который подалъ здѣсь такую сказку: «вѣдомо архіепископу учинилось отъ вѣдомаго челоувка, сказывалъ ему новгородскій полковникъ Александръ Урбановичъ: писалъ-де Дорошенко листъ до Брюховецкаго, обѣщаясь затянуть пашу Силистрійскаго, а тотъ паша обѣщалъ, что сколько понадобится люду, то онъ пришлетъ Татаръ.—Сказываютъ казаки, что не хотѣли воеватись съ великимъ государемъ, только Брюховецкій похотѣлъ самъ и казаковъ побудилъ и говорилъ такія слова: «въ договорѣ (то есть въ статьяхъ) написано, чтобы по вся годы давать казакамъ жалованье, а нынѣ насъ мужиками называютъ». Онъ же Брюховецкій говорилъ и писалъ листы въ города: «великій-де государь учинилъ съ Ляхами миръ на томъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ казаковъ выгубить и государю дать королю килка десять милліоновъ для найма чужеземнаго войска на выгубленіе казаковъ». И писалъ Брюховецкій во всѣ города листы и въ Новгородъ писалъ листъ до сотника, а сотникъ принесъ тотъ листъ архіепископу и архіепископъ прислалъ теперь тотъ листъ къ Москвѣ. Да архіепископъ же прислалъ и другой листъ прелестный, чтобы во всѣхъ городахъ казаки государевыхъ людей побивали. Также архіепископъ прислалъ списокъ съ листа, каковъ онъ придетъ къ Брюховецкому; а великаго государя грамоты за большими печатями къ Меводію епископу и въ Кіевъ пошлетъ съ нарочными людьми; а по ея мѣста отецъ архіепископъ не послалъ, потому что недавно изъ Сѣвска привезли». Затѣмъ, послѣ сообщенія цѣлаго ряда извѣстій о томъ, что дѣлается въ Малороссіи, а въ томъ числѣ и о взятіи казаками Новгорода-Сѣверскаго, въ приводимой

теперь сказкъ читаемъ: «отець архіепископъ великому государю радѣть и къ Брюховецкому меня конюшаго посылаетъ съ листомъ своимъ. — Казаки великія кривды дѣлають отду архіепископу: пришедши сильно до монастыря (Спасскаго), пушку и затинныя пшцали побрали, а въ монастырь килко разъ приходили разбить; и какъ придуть сами, замѣшавшись, учнутъ битись, и человекъ пять межъ себя забили». — Отправляя государеву увѣщательную грамоту къ Брюховецкому, Лазарь Барановичъ при этомъ писалъ (грамота помѣчена 15 марта) и отъ себя къ гетману: «я съ своей стороны зѣло соболзваную о томъ, что тотъ огонь заналаяся; молю Рѣдшаго изліявся яко вода, дабы тотъ огонь угасилъ и православный нашъ народъ російскій дабы по суху ходилъ яко Израиль. Я по званію моему всегда молю о семъ Бога, иже вѣсть нестроенія Богъ, во мира: избави мя со овцы моиши отъ крове, Боже, Боже спасенія моего! Помазанникъ Божій подражаетъ царю Давиду, иже и съ ненавидящими мира бѣ миренъ; за что помяну Давида и всю кротость его, — вѣсть нестроенія царь, во мира. Не увѣдали или не дознали Войско Запорожское, что бусурмане враги ему. И Саломонъ учитъ: не ими вѣры врагу твоему вѣвѣки. Татаринъ волкъ, христіанинъ овца Христова, — тебѣ ли, волче, овца пасти? Татаринъ пѣсь, уже не единожды извѣданный». — Но такая дѣятельность Лазаря Барановича, о которой мы можемъ судить по содержанію сейчасъ приведенныхъ двухъ документовъ, не имѣла успѣха до тѣхъ поръ, пока во главѣ возстанія находился Брюховецкій. Когда же въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца Брюховецкій, по приказанію Дорошенка, былъ убитъ казаками, а затѣмъ наказный Дорошенковъ сѣверскій гетманъ Демьянъ Игнатовъ Многогрѣшный отдѣлился отъ своего повелителя и, вступивши въ сношенія съ московскимъ правительствомъ, сталъ испрашивать у государя прощенія казакамъ, то въ этихъ сношеніяхъ Лазарь Барановичъ принялъ самое дѣятельное участіе. Но эта послѣдняя дѣятельность черниговскаго архіепископа уже не относится къ предмету настоящаго изслѣдованія.

Иннокентію Гизелю, во время бунта Брюховецкаго, не выпала такая самостоятельная дѣятельность какъ Лазарю Барановичу. Въ дошедшихъ до насъ документахъ того времени мы встрѣчаемъ только одно извѣстіе объ Иннокентіи Гизелѣ. Около перваго апрѣля кіевскіе воеводы писали въ Москву: «отъ архимандрита печерскаго дурна никакого не объявилось и по се число служить тебѣ великому государю истинно и вѣрно; только сомнѣвается и боится тебѣ великаго государя, также и королевскаго величества и гетмана Дорошенка о томъ, что митрополитъ Тукальскій, а наипаче Юраско Хмельницкій Дорошенка наговариваютъ и стоятъ на томъ крику, что отнюдь подъ твою великаго государя высокодержавною рукою, а также и королевскаго величества не быть, а быть въ подданствѣ у турскаго царя и въ послушаніи у крымскаго хана и заодно ходить подъ Кіевъ и подъ твои великаго государя украинныя города войною».

Что касается епископа Меодія, то извѣстія о немъ нашихъ источниковъ за время бунта Брюховецкаго довольно скудны. Оставшійся въ Нѣжинѣ, послѣ отъѣзда отсюда Лопатина, стряпчій Вас. Тяпкинь послѣ свадьбы Меодіевой дочери съ племянникомъ Брюховецкаго (4 февраля) явился въ Кіевъ. Въ отпискѣ кіевскихъ воеводъ, по поводу отправления Тяпкина въ Москву, читаемъ: «и будучи ему Василью въ Нѣжинѣ, за воровскими бунты къ тебѣ великому государю къ Москвѣ никакими мѣрами проѣхать было невозможно. А увѣдавъ то, что въ городѣхъ, по приказу извѣнника Ивашки Брюховецкаго, воеводъ и твоихъ великаго государя ратныхъ людей хотятъ казаки побивать, а его Василья хотѣли взять за караулъ, а иные говорили, что предать его смерти, и онъ Василій изъ Нѣжина ушолъ въ Кіевъ тайно въ ночи для того, какъ бы твои великаго государя дѣла къ Москвѣ провести въ цѣлости». Бумагъ Тяпкина объ его пребываніи въ Нѣжинѣ намъ неизвѣстно; изъ отписокъ же кіевскихъ воеводъ видно, что онъ вынесъ отсюда убѣжденіе, что виновникъ всѣхъ настоящихъ смутъ въ Мало-

россiи есть епископъ Мееодiй. Послѣ отъѣзда Тянкина въ Кіевъ и епископъ Мееодiй тоже уѣхалъ изъ Нѣжина, но опять не въ Кіевъ, а въ свою маетность Ушиню и въ это же время около Нѣжина поднялся казацкій бунтъ. Въ вышеприведенной сказкѣ конюшаго черниговскаго архіепископа встрѣчаемъ извѣстіе (за конецъ февраля мѣсяца); «епископъ Мееодiй живетъ въ селѣ своемъ Ушинѣ надъ Десною рѣкою, заперся въ городокъ и славу пустилъ, что казаки хотятъ его доставать.» Отправивъ государеву увѣщательную грамоту къ Мееодію, Лазарь Барановичъ при этомъ писалъ къ нему ⁶⁰⁾: «грамоту его царское величество прислалъ ко мнѣ и написалъ, чтобы я послалъ ту грамоту къ святынѣ твоей и къ его милости архимандриту печерскому. Аще человекъ впадаетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовные, исправляйте такового духомъ кротости. Понеже впаде Войско Запорожское въ прегрѣшеніе, то подобаетъ намъ склонять его къ царскому величеству. Въмѣ бо, яко въ сладость послушаетъ святыню твою его милость панъ гетманъ». Изъ бумагъ Лазаря Барановича не видно, что отвѣчалъ ему на это посланіе Мееодiй. За весну и лѣто 1668 года извѣстія нашихъ источниковъ объ епископѣ Мееодiи совсѣмъ прекращаются, онъ какъ бы исчезъ съ политическаго поприща. Но все это объясняется тѣмъ, что новые союзники Брюховецкаго и Мееодiа начали свои коварные поступки съ епископа; еще Брюховецкій, кажется, не былъ убитъ, а Мееодiй былъ схваченъ подчиненными Дорошенка. Послѣ многихъ приключеній, которыя подробно рассказываетъ намъ въ своемъ нижеприводимомъ показаніи Мееодiй, ему, когда уже возстаніе, поднятое Брюховецкимъ, почти совсѣмъ прекратилось, наконецъ удалось убѣжать изъ вязенья и онъ около перваго числа сентября самъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Но здѣсь Шереметевъ съ товарищи отвесили весьма враждебно къ нежданному теперь ими гостю, — они тотчасъ же посадили епископа подъ стражу. Ожидалъ ли этого по-

⁶⁰⁾ Чернигов, Губерн. Вѣдом. за 1858 годъ, № 27.

слѣднаго Меѳодіи или онъ думалъ, что кіевскіе воеводы отнесутся къ нему какъ къ воинному мученику вѣрности къ государю, пострадавшему отъ наемника Дорошенка, не знаемъ; но только ему теперь пришлось выручать себя изъ новой бѣды.

Сидя за карауломъ, Меѳодіи написалъ письмо къ игумену Михайловскаго Златоворховаго монастыря, въ которомъ, какъ видно, объяснялъ настоятелямъ кіевскихъ монастырей, что воеводы напрасно считаютъ его наемникомъ; потому что еслибы онъ дѣйствительно былъ наемникъ, то Дорошенко и Тукальскій не поступали бы съ нимъ такъ враждебно; напр. Тукальскій называлъ его даже епископства недостойнымъ и тому подобное. Въ заключеніе письма Меѳодіи, кажется, прѣсиль у кіевского духовенства, чтобы оно вступилось за него предъ воеводами. Но настоятели кіевскихъ монастырей не выказали никакого сочувствія къ епископу и устранились отъ ходатайства за него; а между тѣмъ Шереметевъ съ товарищи не ограничились однимъ изыманіемъ Меѳодіи, а еще подвергли его допросамъ обо всемъ, касающемся бунта Брюховецкаго.

Первый допросъ Меѳодію состоялъ въ томъ, что онъ сначала словесно, а потомъ на письмѣ разсказалъ, что знаетъ о бунтѣ Брюховецкаго. Въ этой послѣдней сказкѣ онъ повѣдалъ о себѣ слѣдующее: «отъ великаго государя съ Москвы я пріѣхалъ въ Нѣжинъ и съ бояриномъ П. В. Шереметевымъ не видался и въ Кіевъ не поѣхалъ для того, чтобы исполнить государевъ указъ — повидавшись съ Брюховецкимъ, помириться съ нимъ. Да и архимандритъ печерскій, вѣдучи отъ Брюховецкаго, со мною въ Нѣжинѣ говорилъ, что онъ съ гетманомъ помирился и чтобы и я епископъ помирился же; я Брюховецкій писалъ ко мнѣ не единожды, чтобы я къ нему пріѣхалъ и съ нимъ помирился. Когда я пріѣхалъ въ Гадичъ, то Брюховецкій встрѣтилъ меня за пять верстъ, а воевода Огаревъ былъ съ нимъ Брюховецкимъ вмѣстѣ. Въ Гадичѣ я пробылъ съ недѣлю и когда бывалъ у Брюховецкаго и Брюховецкій у меня, то всегда видѣлись при воеводѣ, а безъ

воеводы не сѣзжались. При мнѣ у Брюховецкаго съ полковниками рады не бывало и сѣзду полковниковъ не было; мысли же Брюховецкаго и полковниковъ и списывался ли Брюховецкій съ Дорошенкомъ и митрополитомъ Тукальскимъ и знамя и булаву хотѣлъ ли Дорошенку отдать,—того всего я епископъ не вѣдалъ; самъ же я съ Тукальскимъ и съ Дорошенкомъ и ни съ кѣмъ не списывался. Изъ Гадича я поѣхалъ въ Нѣжинъ, а не въ Кіевъ, для того, что выдавалъ дочь свою за племянника Брюховецкаго. А какъ я въ Нѣжинѣ былъ, то при мнѣ къ городу, гдѣ былъ воевода съ ратными людьми, приступу не было. Когда начались бунты, то я старшинъ уговаривалъ, чтобы они бунтовъ не заводили, а кто бунты заведетъ, тѣхъ проклиналъ. А все то видѣлъ и слышалъ Вас. Тяпкинъ, когда былъ въ Нѣжинѣ у меня на обѣдѣ. Стрипчаго Вас. Тяпкена я у полковниковъ и у старшинъ упросилъ, чтобы они его отпустили въ Кіевъ, и его отпустили на сырной недѣлѣ въ четвергъ. Самъ же я хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ заговѣвшись, въ понедѣльникъ, но казаки меня не пустили. Увѣдавъ, что казаки измѣнили и воеводу и ратныхъ людей въ Прилукахъ взяли, я хотѣлъ идти въ городъ къ воеводѣ, но меня казаки не пустили; тогда про измѣну казачью я писалъ къ воеводѣ два письма своею рукою, чтобы онъ жилъ опасно и казакамъ не вѣрилъ. Увѣдавши казачью измѣну, я казаковъ отъ бунтовъ отводилъ, а иныхъ проклиналъ и поѣхалъ въ свою маетность Ушню». Должно быть, епископа обвиняли, что онъ, уважая изъ Нѣжина, хотѣлъ вывести изъ городского замка запасы; и вотъ какъ бы въ отвѣтъ на это въ показаніи Мееодія читаемъ: «запасовъ изъ малаго города я вывозить не хотѣлъ, да и запасу моего въ городѣ было мало, только пшеницы да солоду оомачекъ съ десять, да меду съ пудъ. Я дѣйствительно говорилъ при казакахъ челяднику своему, отправляя его къ воеводѣ съ письмомъ про казачью измѣну, чтобы онъ сказалъ воеводѣ, чтобы тотъ прислалъ мнѣ меду пудъ съ десять; посылалъ же я челядника не для меду, а съ письмомъ». Далѣе Мееодій о бунтѣ

Брюховецкаго показываетъ: «есть чего весь этотъ бунтъ учинился, почему измѣнили и что измѣнники впередъ думаютъ,— я ничего не вѣдаю, знаю только, что когда бунты учинились, то меня самого засадили въ Нѣжинъ, а въ Кіевъ и въ городъ къ воеводѣ не пустили и потомъ проводили за карауломъ въ мою маѣтность. А какъ повезли меня изъ Нѣжина, то воевода въ ту пору стоялъ на башнѣ и со мною прощался; а въ то время приступа къ городу отъ казаковъ не было; когда же я отъѣхалъ отъ города верстъ пять, то въ Нѣжинъ у казаковъ съ ратными людьми учинился бой. Когда у Брюховецкаго и у старшинъ учинились подлинныя бунты, то я изъ своей маѣтности писалъ къ Брюховецкому и къ старшинамъ съ проклятіемъ и съ упрещеніемъ, отводя ихъ отъ бунтовъ; да не токмо къ Брюховецкому, я и къ старшинамъ писалъ. Да еще приказывалъ я съ игуменомъ Іереміемъ Ширкѣвичемъ (должно быть приводевшимся отъ Лазаря Барановича вышеприведенное его посланіе къ Меѳодію) словесно къ черниговскому архіепископу Лазарю, чтобы намъ писать листъ вмѣстѣ и послать за своими печатями и руками къ Брюховецкому; онъ же архіепископъ съ восланнымъ ко мнѣ ничего не приказывалъ». Такъ описалъ Меѳодій свою дѣятельность во время бунта Брюховецкаго; относительно многого, какъ видимъ, онъ отговаривается невѣдѣніемъ, а что касается того, чтобы онъ самъ возбуждалъ казаковъ къ бунту, въ этомъ совѣстѣмъ запирается. Вторая половина показанія Меѳодія состоитъ въ описаніи того, какъ онъ былъ въ вѣзняхъ у Дорошенка: «изъ маѣтности моея взялъ меня черниговскій полковникъ Многогрѣшный съ дѣтьми, чернецами и животами въ Черниговъ. Взялъ онъ меня за то, что писалъ я листы и посылалъ къ нему съ нѣжинскимъ протопопомъ Симономъ, чтобы онъ былъ подъ государевою высокодержавною рукою, а отъ бунтовъ и отъ кровопролитія отсталъ. Протопопа Многогрѣшный сковавъ отдалъ съ тѣми письмами заporожцамъ, а тѣ отвезли его скованнаго къ Брюховецкому. Да онъ же полковникъ перехватывалъ съ письмами моихъ

проходцевъ, которыхъ я посылалъ къ великому государю и къ боярамъ и воеводамъ въ полки подъ Глуховъ; тѣ мои письма Многогрѣшный отослалъ къ Дорошенку и Тукальскому, а надъ проходцами невѣдомо что учинилъ. Въ Черниговѣ я сидѣлъ съ дѣтми четыре недѣли за крѣпкимъ карауломъ. Когда я тамъ сидѣлъ, то взяли изъ-за караула моего сына и послали съ моимъ письмомъ къ Тукальскому и къ Дорошенку. Въ письмѣ я писалъ, чтобы они къ кровопійцу Брюховецкому не приставали и противъ великаго государя ратныхъ людей не ходили, потому что между великимъ государемъ и королемъ польскимъ учинился миръ, чему я епископъ и всѣ малороссійскаго края люди весьма рады. И какъ сынъ мой пріѣхалъ съ тѣмъ письмомъ въ Чигиринъ, то его посадили въ тюрьму, а меня отослали въ Седневъ, такъ какъ учинилось вѣдомо, будто бояринъ Петръ Васильевичъ писалъ въ Остръ къ воеводѣ, чтобы меня изъ вязенья выручить. Въ Седневѣ я сидѣлъ четыре недѣли за крѣпкимъ карауломъ и что было при мнѣ животомъ и ризницу, переписавъ, взялъ седневскій атаманъ съ товарищи. Въ Седневѣ прислали за мной митрополитъ Тукальскій и Дорошенко игумена чигиринскаго Петра Новскаго и взявъ меня привезли къ Дорошенку въ таборъ подъ Пяратинъ. Здѣсь мнѣ Дорошенко говорилъ, чтобы я отъ царскаго величества отсталъ и присталъ бы къ Войску Запорожскому и присовокупилъ бы во едино дѣло. Я же, помня крестное цѣлованіе и милость великаго государя, въ томъ Дорошенку отказалъ и говорилъ, чтобы и онъ, помня государеву милость и крестное цѣлованіе, былъ подъ его царскаго величества высокодержавною рукою. И уходя отъ Дорошенка, я говорилъ: «какъ вамъ быть безъ пана?» Дорошенко же на то отвѣчалъ, что подъ государевою и королевскою рукою они быть не хотятъ, а имѣютъ пана хана крымскаго и салтана турецкаго. Услышавъ это, я, епископъ, сказалъ, что за такое дѣло не будетъ на немъ Божія благословенія, — и съ тѣхъ мѣстъ я съ Дорошенкою не видался. Изъ-подъ Пяратина привезли меня къ чигиринскому мона-

стырю и, взявъ изъ кареты, отдали въ монастырь за караулъ, а дѣтей, чернецовъ и челядниковъ отвезли въ городъ къ Тукальскому. И наутрѣе Тукальскій прислалъ ко мнѣ чернеца взять мантию и сказать, «что я въ епископахъ быть недостойнъ, потому что принялъ рукоположеніе у московскаго митрополита; а другая тому причина, что я, служа великому государю, гетману Дорошеву и ему митрополиту добра не хочу, а тѣ, которые мнѣ добра хотятъ, то благословеніе у него митрополита принимаютъ и къ нему пишутъ, какъ то издавна дѣлаютъ епископъ Лазарь Барановичъ, печерскій архимандритъ и прочіе игумены кievскихъ монастырей». Я на это Тукальскому приказалъ, «что безъ государева указа переписываться и принимать отъ него благословеніе не хочу; да еще и потому, что я крестъ государю дѣловалъ и служа ему вѣрно къ ворами приставать не хочу». И послѣ этого просидѣлъ я въ чигиринскомъ монастырѣ четыре недѣли, а съ дѣтьми, старцами и челядниками не видался. И изъ того монастыря взявъ отослалъ меня въ Умань въ монастырь; и въ томъ монастырѣ сидѣлъ я за крѣпкимъ карауломъ. И купили лошадей черныи попъ Митрофанъ да архидьяконъ Лаврентій; деньги на то взяли 20 червонныхъ у моего сына, да своихъ у нихъ было денегъ 40 рублевъ. И провѣдавъ дорогу, куда мнѣ пройти мочно, подѣхали ко мнѣ ночью; я же, караульщиковъ чернецовъ напоивъ пивныхъ, ушелъ къ попу и архидьякону ночью и поѣхалъ съ ними въ Кіевъ. Волею же я не былъ отпущенъ».

Кіевскіе воеводы были убѣждены въ измѣнѣ епископа Меодія, — въ томъ, что бунтъ Брюховецкаго былъ возбужденъ имъ; но, какъ видимъ, собственнаго сознанія со стороны Меодія не послѣдовало. За первымъ допросомъ кievскіе воеводы подвергли епископа второму; спрашивали объ его поведеніи въ Нѣжинѣ противъ сказки Ивана Лопатина. Такъ какъ содержаніе отвѣтовъ вторичнаго допроса Меодія совершенно одинаково съ тѣми, какіе онъ давалъ въ послѣдствіи на судѣ, то мы и приведемъ ихъ ниже. Здѣсь упомянемъ только о

томъ, что и на вторичномъ допросѣ воеводы не получили желаемого ими сознанія обвиняемаго; онъ во всемъ заперся или объяснял то, что противъ него написано, во свободу, заявляя при этомъ о своемъ вѣрномъ служеніи государю. Но кромѣ этого, послѣ допроса епископъ Меодій заявилъ, чтобы бояринъ и воевода дали ему очную ставку съ Ив. Лопатынымъ: «отъ кого онъ слышалъ въ Нѣжинѣ, что онъ, епископъ, былъ до намѣны у Брюховецкаго на радѣ»? На это послѣдовалъ отвѣтъ воеводъ: «на очную ставку съ головою московскихъ стрѣльцовъ съ Иваномъ Лопатынымъ въ приказъ тебя епископа вѣять и судить непристойно, потому что ты человекъ духовнаго чину и намъ то не надлежитъ».

Кіевскіе воеводы въ виду запертачества Меодія, какъ видно, рѣшились повести о немъ слѣдствіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Поводъ къ этому давали не только предшествующая дѣятельность блюстителя митрополіи, но и теперешніе его показанія. Дурной ли пріемъ, оказанный въ настоящее время Меодію кіевскимъ духовенствомъ, или что другое, только онъ, какъ мы сейчасъ видѣли, рассказывая въ показаніяхъ свое недавно-прошедшее, не только старался выгородить себя изъ участія въ замелахъ Брюховецкаго, но еще и очернить другихъ, какъ-то Лазара Барановича и Иннокентія Гиззеля съ товарищи. При этомъ въ своемъ словесномъ показаніи Меодій, кажется, припомнилъ воеводамъ и то, какъ велъ себя Печерскій архимандритъ въ то время, когда былъ поднятъ вопросъ о присылкѣ на Кіевъ митрополита съ Москвы. Шереметевъ съ товарищи воспользовались всеми этими обстоятельствами и потребовали отъ печерскаго архимандрита и настоятелей кіевскихъ монастырей, чтобы они, противъ показаній епископа, подали имъ боярину и воеводамъ сказки за своими руками.

Требуемыя воеводами сказки были поданы. Нѣкоторыя изъ нихъ помѣчены 19—20 числами сентября мѣсяца. Самое обширное и интереснѣйшее изъ этихъ показаній принадлежитъ Иннокентію Гиззелю: «епископъ мой безъ вины оклеветалъ, чего

я никогда не мыслить и вперед не мысло, будто я прошлюю зною, будучи въ монастырской мѣтности въ Свѣлой нѣдѣ ссылку съ Брюховецкимъ». За симъ, рассказавши сначала подробно вышеприведенныя нами свои сношенія съ Брюховецкимъ и поѣзду въ Гадичъ и Нѣжинъ, архимандритъ даетъ такое объясненіе своего поведенія по поводу вопроса о присылкѣ митрополита въ Кіевъ изъ Москвы: «и въ томъ епископово мнѣніе ложно есть и неправдиво, и порокъ невѣдомо какой на меня волочеть, что прежде и самъ чинивалъ, самъ въ Софійскомъ монастырѣ хотѣлъ замуроватьсѣ и битьсѣ, и московскихъ властей, отъ кого поставленъ, безчестилъ. И явно видно, что такими своими словами епископъ тогда заранѣе прорѣкалъ то, что теперь и совершилось: *златно, что онъ и прежде объ измѣнѣ мыслилъ.*—Да онъ же епископъ не мнѣ совѣтомъ, а своею волею, будучи въ Нѣжинѣ при всѣхъ, безчестилъ московскихъ архіереевъ; волею же своею, а не по моему архимандричьему совѣту, какъ нынѣ клеветаетъ ложно и неправдиво, въ чемъ я и мыслою не согрѣшилъ, сталъ онъ сопротивнымъ великому государю нашему. А еслибы онъ, епископъ, прежде во мнѣ какой порокъ видѣлъ, отчего онъ тогда же не звѣщалъ вельможному его милости боярину или ихъ милостямъ воеводамъ другихъ городовъ? Все то онъ долженъ бы былъ извѣстить, но онъ не могъ этого сдѣлать, потому что я о той его измѣнѣ не вѣдалъ и съ нимъ не совѣтовалъ». Что касается сношеній съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ, то относительно ихъ Иннокентій Гизель оправдывается такъ: «да и то епископъ Меодій мнѣніемъ, а не по истинѣ глаголетъ, будто я, архимандритъ, отъ Тукальскаго благословеніе принималъ и о чемъ до него писалъ; но мы Тукальскаго за митрополита не приѣмлемъ. Когда же у великаго государя съ королевскимъ величествомъ учинился миръ и видѣто, что Дорошенко пишется германомъ короля великаго, а его казаки наши монастырскія мѣтности грабятъ, то я къ Дорошенку писалъ, чтобы онъ насъ не велѣлъ раззорить, а ограбленное приказалъ отдать. Тогда я къ митрополиту Тукаль-

скому писалъ, чтобы онъ у Дорошенка былъ нашимъ ходатаемъ; и потому я его объ этомъ просилъ, что Тукальскій у Дорошенки владѣтеленъ; благословенія же у него я ни на какое дѣло не просилъ». Показаніе Иннокентія Гизеля въ заключеніе совсѣмъ уже переходитъ изъ оправданія себя въ обвиненіе Меодія: «отчего епископъ Меодій во время бунта Брюховецкаго въ города Кіевъ и въ Нѣжинъ не поѣхалъ, а напротивъ, между измѣнниками больше десяти недѣль проживши, теперь на насъ ихъ милостямъ памамъ воеводамъ порокъ невинно взводитъ. А намъ теперь отовсюду слышно, что и сами видимъ: какъ онъ епископъ былъ на Москвѣ, все было мирно и спокойно, а какъ пріѣхалъ изъ столицы и съ Брюховецкимъ посватался, то въ тѣ часы отъ казаковъ зачалась измѣна и все лихо стало. Далѣе намъ слышно, что его сынъ епископовъ большой въ Нѣжинѣ былъ на приступѣ, какъ измѣнники приступали. Да и теперь въ Кіевъ пріѣхавши онъ чинитъ несбыточныя дѣла: сего сентября мѣсяца писалъ онъ епископъ листъ Кіевского Златоверховаго Михайловскаго монастыря къ игумену, въ которомъ и мое имя написано; а въ томъ листу написалъ, чего въ разумъ и въ смыслъ не взыдетъ человѣческой и намъ того слушать не надлежитъ и ему того писать невозможно». Это ужасное письмо, по словамъ Иннокентія Гизеля, было такого содержанія: «вишеть онъ, епископъ, будто онъ съ бояриномъ его милостію имѣлъ ссору для посполитаго добра и цѣлости отчизны и церкви Божіей и вольности нашей». И та рѣчь вельможному пану боярину неслична, потому что отчизнѣ и вольностямъ нашимъ никакой обиды нѣтъ, а церквамъ Божіимъ нампаче никакого раззоренія не бывало; и знать то, что въ этой рѣчи епископъ приводитъ, что его милость панъ бояринъ Нащокинъ идетъ всѣмъ намъ до посѣщенія, отъ которой рѣчи во весь свѣтъ почалась отъ него епископа, какъ былъ онъ въ Нѣжинѣ, смута. А что онъ епископъ въ томъ же листу написалъ, просачи насъ, чтобы мы помирили его съ великимъ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ, то это онъ написалъ, вѣдаючи свои вины.

Мы же чаемъ, что какъ онъ епископъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ передъ великимъ государемъ оправдается, то и бояринъ его милость прощеніе ему дастъ.»

Показанія надъстоятелей другихъ кievскихъ монастырей были слѣдующаго содержанія. Ректоръ братскихъ школъ Варлаамъ Немискій писалъ: «слышала я отъ многихъ людей всякаго чина, что какъ епископъ Меодій былъ на Москвѣ, въ то время все было тихо, а какъ пріѣхалъ и съ гетманомъ Брюковецкимъ носватался, въ тѣ часы учинились бунты и кровопролитіе великое.—А что Меодій епископъ въ распросахъ сказалъ и на письма за свою рукою подалъ, будто я списывался съ Дорошенкою и Тукальскимъ,—и того онъ никоимъ образомъ довести не можетъ, чтобы я писалъ о какихъ нибудь извѣстныхъ дѣлахъ и безъ доклада боярина П. В. Шереметева съ товарищи. Въ прежнихъ часѣхъ я дважды, за позволеніемъ боярскимъ, писалъ къ Дорошенку о дѣлахъ монастырскихъ, чтобы онъ велѣлъ своимъ казакамъ изъ нашей местности Новоселекъ выйти и станицъ запретилъ собирать; также я просилъ тогда и Тукальского о заступленіи за насъ у Дорошенка. Когда же казаки не выжили изъ Новоселекъ, то я вторично писалъ о томъ же къ Дорошенку. А до митрополита Тукальского яко до архіерея, а не яко до кievскаго митрополита, писали мы еще, прося его, чтобы онъ двухъ чернецовъ въ попы, а третьяго въ дьяконы посвятилъ. Обращались мы къ нему за этимъ потому, что много архіерея въ предѣлахъ кievскихъ отъ двоякъ лѣтъ не было, а въ монастырѣ нашемъ священниковъ и дьяконовъ студно было. Но и объ этомъ посвященіи мы просили Тукальского также съ докладомъ боярскаго.»—Феодосій Углицкій, игуменъ Выдубицкаго монастыря, показывалъ, что его переписка съ Чигириннымъ была по слѣдующему поводу: «писали до меня Дорошенко и Тукальскій по ризницу и животину монастыря Корсунскаго, которыя въ то время были при мнѣ. И я ту ризницу и животину отдаючи писалъ къ Дорошенку и Тукальскому единожды за позволеніемъ боярскимъ. Къ Тукальскому я писалъ не какъ

къ митрополиту, но только накъ къ архіерею». Показанія Алексѣя Тура, игумена Николопустынскаго, Θεодосія Сафоновича, игумена Михайловскаго Златоверховаго, и Ивана Станиславскаго, игумена Мижегорскаго, схожи между собою; эти настоятели монастырей сознаются въ своихъ сношеніяхъ съ Чигириномъ, но прибавляютъ, что эти сношенія были по поводу разворенія Дорошенковыми казаками монастырскихъ маетностей и потому подобнымъ случаямъ и что все это дѣлалось ями съ разрѣшенія боярскаго.

Здѣсь нужно объяснить то, что отбирая всюду показанія по дѣлу епископа Меодія, Шереметевъ съ товарищи имѣли въ виду не обвиненіе допрашиваемыхъ, а собственно отысканіе доказательствъ преступленій епископа Меодія. Получить такія доказательства нужно было и лично для самого Шереметева, нужно было для того, чтобы самимъ кievскимъ воеводамъ какъ бы не превратиться въ клеветниковъ и гонителей невиннаго блюстителя митрополіи. Дѣло заключалось въ томъ, что Шереметевъ, основываясь на извѣстныхъ ему словахъ и подозрительныхъ поступкахъ Меодія передъ началомъ бунта Брюховецкаго, какъ мы знаемъ, давно уже называлъ епископа извѣнникомъ, а между тѣмъ въ дѣйствительности имѣлось очень мало доказательствъ этой извѣны. Но, какъ видимъ, на первый разъ отысканіе этихъ доказательствъ было не вполне удовлетворительно; къ сказкѣ Лопатина и къ показаніямъ другихъ лицъ, бывшихъ въ Нѣжинѣ въ началѣ 1668 года, теперешніе показанія настоятелей кievскихъ монастырей прибавили очень много. Что же касается письма Меодія къ Θεодосію Сафоновичу, то Шереметевъ, должно быть, не считалъ его такимъ компрометирующимъ епископа документомъ, каковымъ его выставилъ въ своемъ показаніи Печерскій архимандритъ. Замѣчательно здѣсь и еще то, что кievскіе духовные не представили воеводамъ не только подлинника, но даже и списка этого Меодиева письма, а лицо, къ которому оно было адресовано, совсѣмъ и не упоминаетъ о немъ въ своемъ показаніи. Въ виду упорства и

всѣвозможныхъ отрицаній своей вины со стороны Меѳодія необходимо было для обвиненія его добыть доказательство болѣе вѣское и неопровержимое чѣмъ всякія уличенія, нужно было добыть своего рода вещественное доказательство. Ревностно преслѣдуя Меѳодія, точно личнаго врага, Шереметевъ рѣшился, во что бы то ни стало, получить въ свои руки такое вещественное доказательство его измѣны и съ этою цѣлю бояринъ, такъ сказать, налегъ на монаховъ, будучи увѣренъ, что они могутъ доставить ему требуемое. Почему въ настоящемъ случаѣ Шереметевъ обратилъ свое вниманіе именно на монаховъ,—это между прочимъ объясняется тѣмъ положеніемъ, котораго постоянно старалось держаться кievское духовенство среди борющихся партій въ Малороссіи. Во время происходившихъ тамъ смуть мы почти не видимъ, чтобы Инокентій Гизель съ товарищи, подобно другимъ своимъ соотечественникамъ, доносили московскимъ властямъ на кого либо въ измѣнѣ; но это нисколько не значило, что имъ нечего было доносить. Кіевскіе монахи, хотя въ большей части случаевъ и сторонились отъ участія въ политическихъ событіяхъ, но все таки внимательно слѣдили за ходомъ ихъ. Они старались собирать всякія свѣдѣнія о томъ, что дѣлается кругомъ, а это послѣднее облегчалось связями ихъ со всѣми партіями Малороссіи. Все это московскимъ властямъ было хорошо извѣстно, и вотъ когда нужно было узнать что нибудь повѣрнѣе, то воеводы тогда и обращались къ этому источнику всякихъ свѣдѣній—къ монахамъ.

Въ дѣлѣ епископа Меѳодія приложено показаніе старца Софійскаго монастыря Іова Палотскаго, тогда же въ сентябрѣ мѣсяцѣ отобранное у него кievскими воеводами. Въ сказкѣ Іова Палотскаго читаемъ: «посланъ былъ я изъ Кіева въ врододцахъ съ отписками въ подки къ боярамъ и воеводамъ подъ Глуховъ. Когда я былъ въ Глуховѣ, то казаки смотрѣли за мной, не лазутчикъ ли я; поэтому я и не дошелъ до полковъ бояръ и воеводъ. Будучи навадъ въ Кіевъ, я завязалъ въ Сѣдцевъ; здѣсь тогда сидѣлъ за карауломъ епископъ Меѳодій.

Я заходилъ къ епископу и хотѣлъ дознаться, какъ онъ живеть, измѣнилъ ли государю или нѣтъ. Епископъ мнѣ говорилъ, что хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, только боялся боярина Петра Васильевича, потому что онъ (епископъ) *измѣнилъ великому государю*. Епископъ тогда послалъ со мной письмо къ боярину Петру Васильевичу. Въ проходцы же я напросился самъ, ни съ кѣмъ не посоветовавшись». Упомянутое здѣсь письмо епископа Меодія намъ неизвѣстно.

Но и показаніе Іова Полотскаго не могло удовлетворить Шереметева. Кіевскимъ монахамъ, чтобы отвязаться отъ неприятнаго для нихъ Меодіева процесса, нужно было настоящимъ образомъ выдать епископа воеводамъ; для этого же необходимо было достать, напримѣръ, такой документъ, который могъ бы служить наилучшимъ доказательствомъ Меодіевой измѣны. И вотъ по всему видно, что неслучайно выручилъ въ этомъ отношеніи кіевское духовенство ихъ же братъ, кирилловскій монахъ Іезекииль. Приводя показанія настоятелей кіевскихъ монастырей, мы пропустили сказку Мелетія Дзика, игумена Кирилловскаго монастыря. Само по себѣ это показаніе нисколько, повидимому, не отличается отъ того, что писали и другіе кіевскіе игумены; въ немъ читаемъ: «въ нынѣшнемъ году, передъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы въ четвертокъ, взяли у насъ Дорошенковы казаки восемь воловъ и четыре коня. И я съ вѣдома боярина и воеводы кіевского отправилъ своего чернеца къ Дорошенку, чтобы онъ могъ вымолить и выплакать нашу животину. И писалъ я съ чернецомъ листъ къ Дорошенку, чтобы онъ велѣлъ намъ кони и волю отдать; а при этомъ я и Тукальскаго о заступленіи просилъ. О иныхъ же нишакныхъ дѣлахъ я не писалъ до гетмана и благословенія у Тукальскаго не просилъ ни на какія дѣла». Въ то время какъ составлялось это показаніе, воротился и посланный къ Дорошенку монастырскій эконокъ Іезекииль. Послѣдній въ распросѣ предъ воеводами сказалъ: «сентября въ первыхъ числахъ послалъ меня игумень къ гетману Петру Дорошенку просить о возвращеніи захваченныхъ воловъ и лошадей. Былъ я у гет-

мана подъ Секирномъ; Дорошенко держалъ меня четыре дни, а призвавъ къ себѣ говорилъ: «возьми вотъ этотъ листъ и отнеси къ боярину въ Кіевъ, что кровопролитіе учинилось отъ епископа Мееодія». И показалъ мнѣ гетманъ Мееодіевой руки листъ къ Брюховецкому о бунтахъ и измѣнѣ. Да въ то же время обозный Дорошенко мнѣ говорилъ: «не доводится-де епископа называть Мееодиємъ; подобаеть его называть Аріємъ еретикомъ, который учинилъ смущеніе церкви Божіей и духовенству греческихъ странъ». Дорошенко же еще мнѣ говорилъ: «извѣсти въ Кіевъ боярину, что я кровопролитья не хочу, а отъ чего началось кровопролитіе, я и по сіе время не зналъ бы, еслибы только Мееодіевы листы мнѣ не попались». Въ числѣ множества вѣстей, сообщенныхъ при этомъ Іезекиилемъ воеводѣ, находимъ, что Дорошенко хотеть подлинныя Мееодіевы листы послать къ государю къ Москвѣ съ уманскимъ полковникомъ Ханенко и просить о принятіи ихъ всѣхъ казаковъ до своей государевой милости.

Такъ или иначе, но только теперь Дорошенко выбралъ изъ бумагъ, доставшихся ему послѣ смерти Брюховецкаго, такой документъ, который могъ погубить Мееодія; это было то самое вышеприведенное нами письмо Мееодія къ Брюховецкому, которымъ послѣдній возбуждался къ бунту. Но кромѣ этого, Дорошенко теперь нашелъ еще нужнымъ отправить съ Іезекиилемъ къ кіевскимъ воеводамъ и свое посланіе (отъ 19 сентября) слѣдующаго содержанія: «вѣдомо то гораздо, что всякой превратенъ разумѣючи себѣ и виноватымъ быть, на иныхъ невинныхъ всякія неправды обращати обыкль и себѣ разумѣючи предъ всеми яко невиннаго. Такъ и тотъ непостоянный и впрямъ наполненъ всякихъ измѣнъ и превратства, Мееодій владыко, тайно, къ царскому величеству утоляючи присягою огнь свой внутренній, устнами явно ни о чемъ зломъ не вѣдати, до раздоровъ и кровопролитія началомъ быти видяется. Самъ прямиый съ тайнаго своего ухищренія и ядовитыхъ золь умершаго Брюховецкаго къ такимъ бунтамъ и кровопролитію подустилъ и къ лютой смерти приведчи, свои всѣ

нѣжны, непостоянства и къ раздорахъ давныя причины на умершаго обратилъ, являса живымъ Богомъ не знати о томъ ни вѣдати, не надѣясь на себя доводу и свидѣтельства, отъ самаго жъ себя писаніемъ своимъ подущаючи его умершаго на все зло для своихъ прихотей. И въ чемъ онъ заирается, нынѣ своего рукописанія и его списокъ для лутчаго разумышнїя къ тебѣ, а самое подлинное въ царскому величеству посылаетъ: пусть правда неправеднаго посрамляетъ очеса, а что крестъ во одну руку, а въ другую саблю, своимн сущими усты общался прїятно, охотнымъ творя къ скорому кровопролитію. Види жъ и выразумѣи съ того его письма и нынѣхъ прежнихъ знаковъ неостоянство и злословіе, двоедущіе того превратнаго чловѣка, ижъ самъ въ камѣ лежитъ, протчїихъ же съ собою влечетъ». Это посланіе Дорошенково, какъ видно, написано такъ, какъ будто онъ зналъ, кого въ Кіевѣ допрашиваютъ и о чемъ допрашиваютъ.

Доказательство нѣжны Мееодїа было теперь въ рукахъ у кїевскихъ воеводъ и они всехъ, кого передъ этимъ допрашивали по дѣлу епископа, оставили въ покоѣ; но за то несчастія самого Мееодїа этимъ не ограничились. Шереметевъ узнавъ за епископомъ еще новое дѣло: сидя за карауломъ, онъ виѣщаль ратныхъ людей, которые его стерегли, такіа рѣчи: «Дорошенко писалъ въ королевскому величеству, чтобы государевыхъ ратныхъ людей и хлѣбные запасы отъ Смоленска рѣкою Днѣпромъ пропускать не велѣлъ. Поэтому-де ратныхъ людей и хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевѣ долгое время нѣтъ, а чаать и не будетъ». Услышавъ объ этомъ, воеводы послали допросить Мееодїа (27 октября) объ его рѣчахъ; но тотъ отвѣчалъ, что подобныхъ словъ не говорилъ: «я только замѣтилъ, показывалъ при этомъ Мееодїи, — на слова столичнаго у меня на караулѣ ротмистра Сонцева, что равные люди и хлѣбные запасы идутъ рѣкою Днѣпромъ, что когда я былъ въ Черниговѣ, то слышалъ отъ проважныхъ Дорошенковыхъ казаковъ: король-де польскїи на просьбу великаго государя дозволить ратныхъ людей и хлѣбные запасы провозить итд»

Кіевъ Днѣпрожь отказалъ; пусть-де великій государь посылаетъ ратныхъ людей и хлѣбные запасы своими порубежными городами». Такъ ли было дѣло или иначе, но только слова Меодія распространились по Кіеву; воеводы же, замѣтивъ, что отъ такихъ епископовыхъ рѣчей въ людяхъ великое сумнительство и опасаясь, чтобы онъ и въ Кіевѣ не завелъ каннхъ бунтовъ, рѣшили тотчасъ же отправить его въ Москву. Сопровождать Меодія назначенъ былъ голова московскихъ стрѣльцовъ Иванъ Мещеринновъ; ему воеводы наказали вести епископа съ великимъ поспѣшеніемъ и береженіемъ.

Привезя своего арестанта въ Москву, Иванъ Мещеринновъ объявилъ (25 ноября) боярамъ слѣдующее: «когда я шелъ рѣкою Днѣпромъ и вышелъ изъ судовъ въ Лоевъ и пріѣхалъ въ Старый Быховъ, то тамошній комендантъ спрашивалъ меня: на какія мѣста ѣду и кого везу? Я отвѣчалъ, что ѣду изъ Кіева къ Москвѣ, а везу съ собою епископа Меодія. Тогда комендантъ мнѣ сказалъ: «служба обонимъ великимъ государямъ, не остеречь тебя, Ивана, нельзя. Ты не ѣди на Могилевъ, потому что тамошніе мужики, взбунтовався, епископа етобьютъ, а тебя убьютъ; могилевскіе мужики такіе же своевольцы, какъ и запорожскіе казаки. За день до твоего пріѣзда прибѣжали къ намъ въ Быховъ о дву конь двое чернецовъ и сказали, что они изъ кіевского Петерскаго монастыря. Эти чернецы побѣжали въ Могилевъ и мнѣ теперь извѣстно, что они тамошнихъ мужиковъ взбунтовали, чтобы епископа отбить, а тебя убить. Могилевскому коменданту тебя оборонить некъмъ; у него гайдуковъ всего человекъ пятьдесятъ. Ты побѣжай изъ Быхова на Чаусы, а потомъ на Смоленскъ.» И я по комендантовой осторожности побѣжалъ на Чаусы». Чрезвычайно странное извѣстіе: сейчасъ мы видѣли, какъ повидному безпошадно относился въ своемъ показаніи Иннокентій Гизель къ Меодію, а теперь оказывается, что монахи, какъ говорятъ, его монастыря затѣваютъ посредствомъ бунта отбить епископа изъ рукъ московскихъ властей? Впрочемъ, очень можетъ быть, что кіевское духовенство не желало оконча-

только выдавать своего собрата москвитинъ. Мецериновъ далѣе показывалъ: «когда я прїѣхалъ въ Чаусы, то епископъ началъ браниться всякою бранью: «Богъ-де до васъ добръ, что вы на Могилевъ не поѣхали; увидали бы сами, что надъ вами въ Могилевѣ было».

—

Въ то время, какъ все сейчасъ описанное происходило въ Кіевѣ, тогда же и въ Москвѣ собирали всякія свѣдѣнія, относящіяся къ бунту Брюховецкаго. Изъ этого матеріала, для обсужденія поступковъ Меодія, наиболѣе интереснымъ является показаніе близкаго къ нему челоуѣка, нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича.

Во второй половинѣ октября мѣсяца прїѣхали въ Москву съ отписками боярина кн. Гр. Гр. Ромодановскаго нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, братъ наказнаго гетмана Василій Многогрѣшный и бывшій нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Въ Москвѣ стали ихъ спрашивать о недавне происшедшихъ событіяхъ въ Малороссіи. Многогрѣшный и Гвинтовка объявили, что они за время бунта Брюховецкаго почти ничего не знаютъ, потому что сами находились въ вѣзеньи; нѣжинскій протопопъ напротивъ давалъ именно объ этомъ времени весьма подробныя показанія. Въ распросѣ 25 октября онъ говорилъ: «нѣжна Брюховецкаго началась съ тѣхъ поръ, какъ у великаго государя съ польскимъ королемъ учинился миръ. Тогда Брюховецкій разгласилъ всей черни, что на перемиръ рѣшено Украину испустовать, а старшинъ побрать въ полонъ; и вымыслилъ онъ ложные листы, будто царское величество призывалъ на разореніе Украины крымскаго хана и что-де тѣ листы перевили запорожцы и прислали къ нему гетману. А послѣ того учинилъ Брюховецкій съ полковниками тайную раду, какъ нѣмѣну начать. Полковники сомнѣвались въ его словахъ, думая, что онъ ихъ искушаетъ; и онъ видя то цѣловалъ полковникамъ крестъ, и полковники ему цѣловали. Про ту нѣмѣну отъ меня тайли; свѣдалъ же я про нее отъ прилуцкаго полковника Лаваря Горленна. Когда я это

узналъ, то разсказалъ все епископу Мееодію и епископъ мнѣ сказалъ, будто онъ про то не вѣдаетъ; Горленко же мнѣ говорилъ, что епископъ про ту извѣсту вѣдаетъ. Да такъ же и объявлялъ про ту извѣсту нѣжинскому воеводѣ Ивану Ржевскому, Ивану Лопатину и Василю Тапкину; послѣднимъ двоимъ я совѣтовалъ скорѣй уѣхать изъ Нѣжина, чтобы ихъ не захватили. Въ то время епископъ Мееодій выдавалъ свою дочь за племянника Брюковецкаго и на ту свадьбу звали нѣжинскаго воеводу и начальныхъ людей, чтобы ихъ тутъ взять и отослать къ Брюковецкому; но они, по моему осторожеству, на ту свадьбу не пошли. За это на меня донесено было Брюковецкому, а къ моему дому приставили караулъ и животы мои пересматривали. На сыропустной недѣлѣ пришелъ я къ воеводѣ и говорилъ, что поѣду къ царскому величеству и про ту извѣсту самъ извѣщу; отъ епископа же я то скрывалъ и сказалъ ему, что ѣду въ Прямлукій монастырь. Когда я выѣхалъ изъ Нѣжина, то на дорогѣ меня захватили казаки и привезли къ гетману въ Гадичъ. Здѣсь Брюковецкій мнѣ говорилъ, что кровь проливается отъ меня, потому что я московскихъ людей предостерегъ и теперь ихъ безъ крови взять не можно. И по разговорахъ со мною Брюковецкій хотѣлъ казнить меня смертію, а потомъ отослалъ въ Густыинскій монастырь подлѣ начала. Епископъ же Мееодій, когда выѣхалъ изъ Нѣжина, то писалъ къ воеводѣ про извѣсту Брюковецкаго; а когда онъ выѣхалъ въ свою магистрату, то въ тотъ же день убили казаки приютца къ городу». Въ этой части показанія Симеона Адамовича замѣчательно то, что онъ даже не намѣкаетъ на тѣ рѣчи Мееодія, которыя послѣдній, какъ всѣ другіе показывають, пронесъ и въ дому самого протопопа. Даже въ показаніи нѣжинскаго протопопа читаемъ: «изъ-подъ начала игуменъ отпустилъ меня къ епископу, и я былъ у епископа и говорилъ: отпустилъ бы онъ къ Брюковецкому, чтобы тотъ приказалъ меня освободить и отпустить къ нему епископу. Епископъ посылалъ о томъ къ гетману и тотъ меня отпустилъ за порукою протопопа Григорія Буряцка. Когда я былъ у

епископа, то говорилъ ему со слезами, чтобы онъ писалъ къ Брюховецкому и отъ измѣны отводилъ. Епископъ мнѣ на то говорилъ, что онъ про ту измѣну не вѣдаетъ; а мнилось мнѣ, что епископъ писать къ Брюховецкому не смѣетъ, боясь быть отъ него ограбленнымъ и пойманнымъ, и потому епископъ посылалъ тайно проходца въ Кіевъ, чтобы бояринъ Петръ Васильевичъ прислалъ ратныхъ людей и велѣлъ бы его взять въ Кіевъ. Послѣ того, какъ ушелъ отъ Брюховецкаго изъ вязенья черниговскій полковникъ Демьянъ Многогрѣшный, епископъ посылалъ меня къ полковнику Демьяну уговаривать, чтобы онъ царскому величеству служилъ по прежнему. Полковникъ мнѣ на это сказалъ: «куда Войско Запорожское, туда и я; еслибы ты, протопопъ, пріѣхалъ отъ себя, а не отъ епископа, и я бы тебя послушалъ; епископа же слушать не хочу, потому что онъ Брюховецкому свать». Трудно было для Симеона Адамовича оправдать Мееодія, а въ дѣйствительности самого себя, отъ участія въ бунтѣ Брюховецкаго, но за то ему было несравненно легче воспользоваться для своей цѣли временемъ, послѣдовавшимъ за смертію Брюховецкаго: «нынѣ епископъ Мееодій въ Кіевѣ,—показывалъ далѣе Симеонъ Адамовичъ,—а какъ туда пришелъ, того не вѣдаю; слышалъ, что ушелъ изъ вязенья отъ Дорошенка и отъ митрополита Тукадскаго изъ Умани. Служба епископа къ царскому величеству во время измѣны Брюховецкаго была и отъ Дорошенка и митрополита пострадала много. Да и я, протопопъ, отъ Брюховецкаго и запорожскихъ полковниковъ мученія принялъ многія и къ смертной казни былъ привоженъ многожды и животы мои всѣ пограблены безъ остатку; да и жена моя нынѣ въ вязеньи у Дорошенка». За симъ изъ показанія Симеона Адамовича видно, что и онъ, точно также какъ и Мееодій, былъ въ рукахъ у Дорошенка. Объ этомъ своемъ пребываніи въ Чигиринѣ протопопъ между прочимъ говорилъ: «а какъ меня привезли въ Чигиринъ изъ Прилукъ, то говорили мнѣ Тукадскій, Юраска Хмельницкій и Дорошенко: «для чего-де ты протопопъ не хочешь добра своей отчизнѣ, а хочешь добра Мое»

квѣ?» И я протопопъ мнѣ отвѣчалъ: «для того-де добра хочу Москвѣ, что на то присягалъ царскому величеству; а нынѣ, коли я въ вашихъ рукахъ, то и стану чинить то, что велите». Говорилъ я то для того, чтобы мнѣ отъ нихъ выманиться; а какъ выманился, то и ушелъ въ Нѣжинъ». Кромѣ сейчасъ приведеннаго Симеонъ Адамовичъ сообщалъ въ своемъ показаніи цѣлый рядъ разнообразныхъ извѣстій: о смерти Брюховецкаго, о митрополитѣ Тукальскомъ, между прочимъ исторію, какъ онъ сдѣлался митрополитомъ, о Дорошенкѣ и другихъ лицахъ, о ихъ замыслахъ и тому подобное.

Въ Москвѣ не хотѣли удовлетвориться сейчасъ изложенными показаніями Симеона Адамовича, такъ какъ по всему было видно, что онъ зналъ и дѣлалъ несравненно болѣе того, чѣмъ сколько теперь сообщалъ. Да къ тому же, кажется именно въ это время, былъ полученъ въ Москвѣ одинъ документъ, содержаніе котораго заставляло правительство обратить особое вниманіе на нѣжинскаго протопопа. Какъ бы въ отвѣтъ на различные намеки Меѳодіевыхъ показаній, касающихся Лазаря Барановича, послѣдній переслалъ въ Москву письмо къ себѣ наказнаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Въ этомъ письмѣ говорилось, что «нынѣшняя война съ великимъ государемъ уросла за повожденіемъ и благословеніемъ Меѳодія епископа и его послушника нѣжинскаго протопопа». 28 октября Симеона Адамовича снова спрашивали *по свяществу* и онъ теперь далъ уже такое показаніе: «въ Гадичѣ меня привозилъ полковникъ Иванъ Соха и мучивъ животои отобралъ и отдалъ Брюховецкому. Будучи въ Гадичѣ, я за епископа Меѳодія стоялъ, что онъ царскому величеству не измѣнникъ. Брюховецкій же мнѣ на то сказалъ, что епископъ обо всемъ его дѣлъ вѣдаетъ, и показалъ мнѣ письмо епископа, въ которомъ тотъ писалъ о походѣ боярина Нащокина». Симеонъ Адамовичъ при этомъ сообщилъ всю суть содержанія извѣстнаго намъ Меѳодіева письма къ Брюховецкому о бунтахъ, и затѣмъ говорилъ: «а то письмо писано епископомъ противъ письма Брюховецкаго, которое тотъ писалъ послѣ

праздника Рождества Христова. Брюховецкій тогда писалъ епископу, объявляя, что «бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ Нащокинъ идетъ со многими ратни и что миръ сталъ межъ царскимъ величествомъ и королемъ польскимъ не для новыхъ новинъ. Для чего бояринъ идетъ? Коли намъ надобны были войска, въ тѣ поры не посыловано, а когда ненадобно, то перво посылають». Тотъ листъ епископа, по смерти Брюховецкаго, находится у митрополита Тукальского. Да и всѣ люди малороссійскихъ городовъ когда услышали, что будетъ походъ въ Кіевъ царскаго величества, а послѣ увѣдали, что идетъ бояринъ съ ратными людьми, отъ того встревожились».

Послѣ того какъ Симеонъ Адамовичъ выдалъ такимъ образомъ своего благодѣтеля въ Москвѣ, уже не стали разыскивать, насколько самъ протопопъ содѣйствовалъ вмѣстѣ съ Меодіемъ начатію бунта Брюховецкимъ. Симеонъ Адамовичъ, возвращаясь съ своими товарищами на родину, «зѣло хвалился милостію великаго государя и говорилъ: на Москвѣ насъ великій государь пожаловалъ, чего мы и недостойны»; а въ то же время Мещериновъ, привезя въ Москву Меодія, заявлялъ боярамъ: «который вѣжинскій протопопъ пріѣзжалъ къ великому государю къ Москвѣ, и онъ вѣжинскому епископу (то-есть Меодію) другъ и мысль у нихъ была одна».

Зимой 1668—1669 года въ Москвѣ происходилъ судъ надъ блюстителемъ кievской митрополіи епископомъ мстиславскимъ и оршанскимъ Меодіемъ. Хотя дѣло Меодія не было такое громкое и не имѣло такихъ важныхъ и страшныхъ послѣдствій, какъ дѣло Никова, но по сущности своей оно было совершенно одинаково съ послѣднимъ.

Когда епископа Меодія привезли въ Москву, то посадили въ заключеніе, если не ошибаемся, въ Чудовъ монастырь; затѣмъ съ него снимали допросы относительно его дѣятельности во время бунта Брюховецкаго. Судьями надъ Меодіемъ были патриарха александрійскій Пансіи и московскій Іоасафъ

съ епископами, архимандритами и другими духовными лицами; въ допросахъ принимали участіе бояре и думные люди.

Изъ извѣстныхъ намъ отрывковъ дѣла объ епископѣ Меѳодіи приводимъ здѣсь вопросы, поставленные ему на судѣ и данные имъ на нихъ отвѣты. Первымъ вопросомъ, какъ видно, былъ тотъ, что съ его Меѳодіева пріѣзда въ Малоросію, послѣ того какъ онъ сосваталъ свою дочь за племянника Брюховецкаго, начались тамъ бунты и всякое дурно.

Меѳодій на это отвѣчалъ: «что-то за фундаментъ, что я посватался съ Брюховецкимъ и будто отъ того бунты начались? Помирившись по указу великаго государя съ Брюховецкимъ, я выдалъ за его племянника свою дочь, не вѣдая его измѣны».

Вопросъ: «для чего ты, епископъ, таясь и не описуясь съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ, ѣздилъ въ Гадичъ къ гетману и былъ у гетмана, а боярину Петру Васильевичу вѣдомости, что у гетмана тогда была рада, не учинилъ?»

Отвѣтъ: «въ томъ я предъ великимъ государемъ виноватъ, что таясь и не описуясь съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ, въ Гадичѣ у гетмана былъ; чинилъ я то простотою и пріѣзжалъ въ то время прощаться (мириться) съ Брюховецкимъ. Дѣлалъ я то по указу великаго государя, по прошенію Ивашки Брюховецкаго и по совѣту печерскаго архимандрита. Ночевалъ я тогда у Брюховецкаго одну ночь (то-есть, должно быть въ дому у Брюховецкаго), а многихъ ночей у Брюховецкаго не ночевалъ и съ нимъ не просиживалъ; шлюсь въ томъ на стрѣльцовъ, что отъ измѣнничьяго убійства ушли. Измѣнниковъ я и въ то время отъ измѣны унималъ; а вѣдомости къ боярину Петру Васильевичу о радѣ не далъ, потому что у Брюховецкаго въ то время рады никакой не было. Да въ то время въ Гадичѣ былъ Бутовичъ (протопопъ)».

Вопросъ: «для чего ты, епископъ, будучи въ Нѣжинѣ, въ дому своемъ и у протопопа, при архимандритѣ Иннокентіи Гизельѣ, Иванѣ Лопатинѣ и при другихъ говорилъ, что тебѣ на Москвѣ было безчестье,—корму и соболей давали мало; го-

ворилъ сердито и безчестно о вельможныхъ московскихъ архіереяхъ и всякихъ чиновъ людяхъ, — правы ихъ хулилъ? Для чего, забывъ премногую къ себѣ милость великаго государя, началъ въ міръ вмѣщать злыя слова, отъ которыхъ у казакъ и всякихъ чиновъ людей зло и бунты умыслились?»

Отвѣтъ: «жалованья мнѣ на Москвѣ давано много, не по моему достоинству. Присловицъ и укоризненныхъ словъ російскаго государства объ архіереяхъ и боярахъ я не говорилъ; шлюсь въ томъ на нѣжинскаго протопопа Ивана Лопатина и другихъ тогда бывшихъ въ Нѣжинѣ. Милости къ себѣ великаго государя забыть мнѣ было нельзя; злыхъ словъ въ міръ не вмѣщаль и бунты всчались не отъ моего умысленья».

Вопросъ: «говорилъ ты, епископъ, при Василии Тяпкинѣ, Лопатинѣ и другихъ, что бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ Нащокинъ идетъ въ черкасскіе города со многими конными и пѣшими людьми, чтобы малороссійскіе города высѣчь, выжечь и до основанія раззорить?»

Отвѣтъ: «такія слова я говорилъ Василию и Ивану не отъ своего лица, а что-де пошли такія рѣчи и слышалъ я ихъ отъ разныхъ тамошнихъ людей. Говорилъ я: «каковы великаго государя грамоты присланы къ Брюховецкому и ко мнѣ и чтены на молебнахъ, и въ тѣхъ грамотахъ, что Кіеву и всему малороссійскому краю, заднѣпрскимъ жителямъ, быть или не быть за великимъ государемъ, того не написано. А какъ я былъ въ Гадичѣ у Брюховецкаго, то при мнѣ пріѣхали съ Москвы бунчужный да подписокъ и говорили, что бояринъ-де Аѳанасей Лаврентьевичъ принялъ ихъ неласково, великаго государя къ рукѣ не поставилъ и говорилъ имъ то, что-де они великому государю ненадобны, пора-де ихъ отставить». Да тотъ бунчужный и въ Нѣжинѣ у меня на обѣдѣ при Василии Тяпкинѣ и многихъ людяхъ такія же слова говорилъ, — и отъ того въ малороссійскихъ городахъ учинилось сумнительство. А про боярина Аѳанасія Лаврентьевича, что онъ идетъ къ Кіеву съ ратными людьми, подлинно мнѣ

было невѣдомо и узналъ я то отъ глуховскаго атамана, который мнѣ сказалъ, что пріѣхалъ съ Москвы глуховскій маляръ и говоритъ, что обогналъ за Калугою ратныхъ многихъ людей. Я епископъ писалъ о томъ къ Брюховецкому, что хотя бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ и идетъ съ войскомъ въ малороссійскіе города, то идетъ не для посвѣченія малороссійскихъ жителей, а чаю то, что идетъ для расправныхъ дѣлъ».

Вопросъ: «ты епископъ говорилъ Ивану Лопатину, по поводу мира между великими государями и посылаи боярина Аѳанасія Лаврентьевича, что возьмешь въ правую руку мечъ, а въ лѣвую крестъ, и будешь противъ ратей обоихъ великихъ государей стоять. Для чего ты такія страшныя и непристойныя слова говорилъ?»

Отвѣтъ: «кто такія рѣчи говоритъ, тотъ будь анаѳема и проклятъ въ нынѣшнемъ и въ будущемъ вѣцѣ. Пришествію великаго государя въ Кіевъ я самъ радовался и людямъ про то сказывалъ; а объ отдачѣ Кіева ляхамъ я какъ Брюховецкому въ Гадичѣ, такъ и въ Нѣжинѣ всѣмъ говорилъ, что то дѣло нестаточное, чтобы государю Кіевъ отдавать и идти на богомолье въ чужую отчину. Шлюсь на Ивана Лопатина и Василя Тяпкина: такія рѣчи я точно говорилъ, но говорилъ про поляковъ; а то и теперь говорю,—будутъ Кіевъ ляхамъ отдавать и я возьму въ одну руку крестъ, а въ другую мечъ. Говорилъ я Лопатину и Тяпкину такія рѣчи за совѣтъ; да и будучи на Москвѣ, я великому государю говорилъ, что ляхамъ не радъ».

Вопросъ: «говоришь ты, епископъ, Лопатину, что бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ на твои слова—о прибавкѣ ратныхъ людей въ города или о выводѣ воеводъ—тебя не слушалъ, на твои слова плевалъ и ставилъ ихъ ни во что?»

Отвѣтъ: «такихъ словъ Лопатину я не говаривалъ, вольно ему затѣять. Говорилъ я только, что бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ мнѣ о Дорошенкѣ сказалъ: «плевать на Дорошенковы затѣи, нынѣ мирное время».

Вопросъ: «сказывали боярину П. В. Шереметеву взятые языки въ распросахъ, что велятъ имъ противъ великаго государя ратныхъ людей стоять измѣнники Ивашка Брюховецкій, ты епископъ Меодій и Васька Дворецкій. Для чего ты отъ такого злаго начинанія измѣнниковъ не отвращалъ?»

Отвѣтъ: «я къ бунту не возбуждалъ; когда я былъ у Брюховецкаго въ Гадичѣ, то тогда объ его затѣяхъ не вѣдалъ; да и послѣ того тому не вѣрилъ до тѣхъ поръ, какъ Ивашка государевыхъ ратныхъ людей въ Гадичѣ побилъ. Когда же начались бунты, то я отъ измѣны унималъ и за измѣну многіяжды укорялъ».

Вопросъ: «когда бунты и кровопролитіе начались, отъ чего ты, епископъ, въ Кіевъ и въ иные города къ воеводамъ о той измѣнѣ вскорѣ не писалъ? Еслибы ты той измѣны не вѣдалъ, то когда бунты начались, ты бы къ милости великаго государя прибѣгъ?»

Отвѣтъ: «еслибы я измѣну вѣдалъ и ей злорадствовалъ, то нынѣ бы великому государю предъ вами великими архіереи вину свою принесть; еслибы я измѣну вѣдалъ, то тогда бы и свадьбу покиня въ Кіевъ пріѣхалъ. А я о томъ зломъ отступленіи ничего не вѣдалъ до тѣхъ мѣстъ, какъ бунты начались, тогда же я на измѣнниковъ кричалъ, ихъ обличалъ и отъ зла унималъ. И нынѣ я не неволею взять, а прибѣгъ къ милости великаго государя, самъ пріѣхалъ въ Кіевъ; а изъ Кіева бояринъ Петръ Васильевичъ съ товарищи прислали меня сюда. А то, что сумнительство въ Нѣжинѣ и въ иныхъ малороссійскихъ городахъ отъ жителей слышалъ, то объ этомъ великому государю я писалъ еще 9 января, а въ Кіевъ о томъ вѣдомости не давалъ потому что боярину Петру Васильевичу мочно было вѣдать то и безъ моего письма. А впрочемъ я съ Василіемъ Тяпкинымъ приказывалъ объ этомъ словесно; послѣ же того въ Кіевъ писать было не съ кѣмъ, ѣздоковъ не было. Да и воевода Ив. Ржевскій мнѣ тогда сказывалъ, что онъ про шатость и сумнительство писалъ къ воеводамъ въ Кіевъ, Переяславль, Черниговъ и Остръ; про измѣну же казацкую и самъ онъ вѣдалъ».

Вопросъ: «какой ты, епископъ, листъ писалъ нынѣшняго года въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ игумену Михайловскаго кievскаго Златоверховаго монастыря, въ которомъ листу и архимандричье имя написано? А въ томъ листу написалъ ты то, чего и въ разумъ и въ смыслъ человѣческій не взыдетъ, что имъ духовнымъ слушать не надлежитъ, а тебѣ писать того непристойно?»

Отвѣтъ: «я тотъ листъ къ игумену Михайловскаго монастыря писалъ и въ томъ листу пенялъ на кievскихъ властей (Шереметева съ товарищи), что они напрасно на меня измѣну взводятъ и до святыни меня не допустили. Да жаловался я въ томъ листу и на Тукальскаго, что онъ называлъ меня архіерейства недостойнымъ для того, что я поставленъ отъ московскихъ архіереевъ и великому государю добра хочу».

Вопросъ: «когда ты, епископъ, былъ вынѣ въ Кіевѣ за карауломъ, то ратнымъ людемъ вмѣшалъ, что рѣкою Днѣпромъ ратныхъ людей и хлѣбные запасы не пропускаютъ?»

Отвѣтъ: «такихъ рѣчей я не говорилъ; затѣяно то на меня».

Вопросъ: «для чего ты, епископъ, Ивану Мещеринову въ дорогѣ говорилъ: Богъ-де до васъ добръ, что поѣхали со мною не на Могилевъ, а еслибы поѣхали, то увидѣли бы виды?»

Отвѣтъ: «такихъ словъ я Ивану Мещеринову не говорилъ».

Здѣсь въ допросъ вмѣшался чудовской архимандритъ Іоакимъ (малороссіанинъ по происхожденію, бывшій передъ этимъ монахъ Межигорскаго монастыря, а въ послѣдствіи патріархъ всероссійскій): «сказывалъ ты мнѣ епископъ, что еслибы съ тобою поѣхали на Могилевъ, то могилевцы хотѣли тебя у Ивана Мещеринова отнять».

Отвѣтъ: «такія слова я тебѣ архимандриту говорилъ».

Святѣйшіе патріархи говорили епископу Меѳодію: «будетъ ты, епископъ, въ измѣнѣ согрѣшилъ, и ты бы вину свою къ великому государю и къ намъ архіереемъ, убоявся суда Божія, принесть».

Меѳодій патріархамъ: «вины за собою не знаю».

Бояре и думные люди съ соизволенія патриарховъ говорили Меодію: «ты, епископъ, въ той измѣнѣ умышленіе свое таишь; а есть на тебя въ той измѣнѣ свидѣтельства».

Меодій боярамъ: «я измѣны не умышлялъ, а свидѣтельства на меня объявили бы».

Свидѣтельствоваанные листы предъ святѣйшихъ патриарховъ были принесены. Читали епископу архимандрита Иннокентія Гизеля и кievскихъ властей свидѣтельствоваанныя письма. По прочтенію ихъ Меодій далъ такой отвѣтъ: «кievскія власти на меня, епископа, написали тѣ листы неправдою, по принужденію боярина Петра Васильевича Шереметева. Шлюсь на тѣхъ властей, что написали на меня по неволѣ; и они тогда правду скажутъ, когда по указу великаго государя бояринъ Петръ Васильевичъ изъ Кіева будетъ перемѣненъ».

Читали листъ наказнаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, что вывѣшная война на Украинѣ уросла за повожденіемъ и благословеніемъ епископа Меодія и его послушника, нѣжинскаго протопопа. На это Меодій отвѣчалъ: «Демьянъ на меня напрасно солгалъ и затѣялъ для того, что во время измѣны я его обличалъ и кричалъ на него народне; шлюсь въ томъ на него Демьяна и на весь Черниговъ. Я еще и передъ этимъ къ нему Демьяну объ обращеніи писалъ, а онъ за то меня изловилъ и взялъ».

Читали листъ самого епископа Меодія къ измѣннику Ивашкѣ Брюховецкому, чтобы тотъ жилъ съ великимъ остерегательствомъ, что теперь дѣло идетъ не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ и т. д. На это отвѣтъ: «такого листа я къ Брюховецкому не писалъ. Писанъ этотъ листъ вражьиимъ навожденіемъ, подложный, съ доводу Тукальскаго митрополита. Я писалъ къ Брюховецкому иной листъ противъ его письма ко мнѣ, какъ онъ писалъ, что будто бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ идетъ малороссійскіе города полякамъ отдавать. Я противъ того письма къ Брюховецкому писалъ, что то дѣло недостаточное и онъ бы гетманъ послалъ къ великому государю Василія Дворецкаго битъ челомъ о всякихъ дѣлахъ и о смутѣ объявилъ»...

Окончаніе бумагъ о судѣ надъ епископомъ Меѳодіемъ намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что всеобщая амнистія малоросіянамъ, данная послѣ бунта Брюховецкаго, какъ видно, въ извѣстной мѣрѣ распространилась и на Меѳодія: съ нимъ не было поступлено такъ какъ съ Никономъ,—Меѳодій остался въ своемъ епископскомъ санѣ. Но московскій ставленникъ не былъ возвращенъ къ прежней своей должности блюстителя кievской митрополіи: эту должность сталъ исправлять Лазарь Барановичъ. Мало того, Меѳодія даже не отпустили на родину и онъ долженъ былъ дожить свой вѣкъ въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ «безысходно». Незвѣстность для насъ дальнѣйшей исторіи Меѳодія простирается до того, что мы не знаемъ года его кончины. Къ тому же, въ Новоспасскомъ монастырѣ, послѣ французскаго раззоренія, не осталось за предшествующее время никакихъ документовъ и тому подобныхъ тлѣнныхъ памятниковъ; а въ общей усыпальницѣ подъ Спасопреображенскимъ соборомъ, среди родовыхъ могилъ бояръ Романовыхъ, князей Куракиныхъ, царевичей Сибирскихъ и имъ подобныхъ всероссійскихъ знаменитостей, затерялась могила бывшаго пѣжинскаго протопопа Максима Филимонова; во всякомъ случаѣ, при всемъ нашемъ стараніи, мы не могли отыскать его надгробнаго памятника.

Епископъ Меѳодій Филимоновичъ открываетъ собою рядъ тѣхъ ученыхъ и талантливыхъ церковно-государственныхъ дѣятелей изъ малороссіянь, въ числѣ которыхъ въ послѣдствіи встрѣчаемъ св. Димитрія Туптало, Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Георгія Конисскаго. Большинство изъ нихъ оказало важныя заслуги государству и церкви; но оказывали они эти заслуги только тогда, когда находились подъ руководствомъ правительствъ Петра и Екатерины Великихъ. Эти же послѣдніе никогда не нуждались въ Сильвестрахъ и не изобрѣтали Никоновъ.

Г. КАРПОВЪ.

22 декабря 1874 года.

„ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА“

ДОКТОРА ФАРРАРА ¹.

„The life of Christ. By Fr. W. Farrar.“ In two vol. 1875.

Помимо всѣхъ предзанятыхъ богословскихъ мнѣній, глубокий интересъ, который приковываетъ къ предмету этой книги, долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ знаменательныхъ, если не самымъ знаменательнымъ фактомъ и въ исторіи и въ современномъ состояніи міра. Оставивъ въ сторонѣ истину христіанскаго ученія, стоитъ только обратить вниманіе на безспорныя обстоятельства дѣла. Между литературными памятниками періода древней римской имперіи существуютъ четыре весьма краткія сказанія, представляющія описаніе жизни и словъ человѣка по имени Иисуса, жившаго въ іудейской провинціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая личность существовала, что онъ выдавалъ себя за Мессію, котораго ожидали іудеи, и что онъ былъ преданъ смерти какъ преступникъ Понтіемъ Пилатомъ. Но, судя по понятіямъ того времени, поприще Его было неславно. Онъ жилъ въ совершенной неизвѣстности до 30-лѣтняго возраста, а когда Онъ выступилъ на общественную дѣятельность, возбудилъ такую вражду среди своего народа, что черезъ три года, а можетъ быть и ранѣе, она довела Его до распятія.

¹) Изъ англійской газеты „Times“.

Его послѣдователи говорили, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ; но во всякомъ случаѣ ничего не прибавилось къ его общественной жизни послѣ Его распятія. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Его смерти составлены были четыре вышеупомянутыя нами сказанія. Они совершенно отличны отъ обычныхъ произведеній литературнаго искусства. Они чужды всякихъ притязаній относительно слога; они какъ бы пренебрегаютъ обычными правилами сочиненія и такъ кратки, что легко могутъ вмѣститься въ очень небольшой карманной книгѣ. Сравнительно съ обыкновенномъ образцемъ біографій они представляются голыми очерками. Однако эти четыре небольшія книги со времени ихъ обнародованья до настоящаго дня успѣли приковать вниманіе самой образованной части міра къ личности, о которой они говорятъ. Правда, другое обстоятельство вынудило вниманіе къ Его притязаніямъ. Онъ оставилъ общество, пересоздавшее цивилизацію, и Основатель Церкви Христовой даже съ чисто мірской точки зрѣнія овладѣваетъ несравненно большимъ вниманіемъ чѣмъ даже такой человѣкъ какъ Цезарь. Но церковь сама по себѣ не даетъ средствъ познакомиться съ Его характеромъ. Образъ, вызывающій удивленіе и подражаніе христіанскаго міра, просіялъ чрезъ эти четыре краткія сказанія. Правда, великая идея жертвы живетъ въ знаменующихъ Его обрядахъ и торжественныхъ символахъ; но цѣльмй характеръ, духъ, мысли, слова, дѣла, которыя создали личность Христа, содержатся въ этой дѣтописи о трехъ годахъ общественной Его жизни. Не удивительно, что люди съ возрастающимъ интересомъ ищутъ изъясненія этого феномена, и что и христіане и не христіане одинаково пристально всматриваются въ четыре Евангелія, которыя открываютъ во всякомъ случаѣ самое могучее изъ человѣческихъ вліяній. Интересъ растетъ по мѣрѣ того, какъ изслѣдованіе становится дѣятельнѣе и умозрѣніе смѣлѣе. Самыя значительныя религиозныя споры давно уже со всею страстностію останавливались на жизни Христа, и это по всѣмъ признакамъ всегда будетъ продолжаться. Жизнеописанія Христа слѣдуютъ одно за дру-

гимъ, предлагая все новое разъясненіе этой великой исторической задачи или какое либо подтвержденіе прежняго объясненія. Всѣми признано, что эта задача должна быть разъяснена, и какія бы то ни были теоріи, эта величественная личность и эти глубокія изреченія все еще владѣютъ совѣстью и сдерживаютъ, даже когда смущаютъ, разумъ западнаго міра.

Исслѣдованія въ настоящемъ столѣтіи неисчислимо увеличили средства къ уразумѣнію обстоятельствъ этой таинственной жизни. Востокъ изученъ какъ никогда не былъ прежде, и тысяча событій, подробностей, оборотовъ мысли и языка въ Евангеліи получили новое освѣщеніе. Религіозная мысль расширилась, хотя можетъ быть не углубилась, и историческая оцѣнка развилась въ лучшихъ нашихъ писателяхъ и въ обществѣ вообще такъ, что критика пріобрѣла какъ бы новый органъ чувства. Неутомимые труды пѣщевъ разслѣдовали всѣ хранилища древней учености и собрали сумму фактовъ изъ іудейскаго, римскаго и греческаго быта, которые оказываютъ неоцѣнимую услугу для проясненія исторіи и ея теченій. Другіе воспользовались этими фактами, чтобы возсоздать жизнь Христа. Штраусъ пытался изъяснить Евангеліе какъ систематическое нарощеніе мифовъ около нѣсколькихъ фактовъ. Ренавъ относится къ нимъ какъ къ роману, вышедшему изъ прекрасной жизни. У насъ въ Англіи популярный писатель пытался эклектическимъ обращеніемъ съ предметомъ развить совершенно новый идеалъ дѣла Христова. Подобныя попытки продолжаются и въ Германіи и Англіи. Но оставался одинъ планъ, менѣе честолюбивый, хотя достаточно трудный для исполненія, который и если былъ испробованъ то никогда не былъ приведенъ въ исполненіе способной рукой для англійской публики. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы принять объясненіе личности Христа и Его дѣла, какое сохранилось въ христіанскомъ преданіи, и съ этой точки зрѣнія освѣтить его свѣтомъ всѣхъ нашихъ новѣйшихъ историческихъ, критическихъ и археологическихъ пріобрѣтеній. Весьма достойно уваженія предпріятіе г-дъ Касселей, которые, какъ мы узна-

емъ изъ предисловія книги, возъмѣли мысль такого труда. Они хотѣли, сказано въ предисловіи, дать въ руки читателямъ такой очеркъ жизни Христа на землѣ, который бы помогъ имъ яснѣе воспроизвести эту жизнь и цѣльнѣе уразумѣть подробности и послѣдовательность Евангельскихъ сказаній. Сперва они обратились къ извѣстному богослову, который принялъ предложеніе, но возведеніе его въ епископство помѣшало ему выполнить задуманное. Послѣ этой неудачи, они предложили д-ру Фаррару, директору коллегіи Марльборосской, взяться за эту работу: дѣло очень трудное для директора большаго общественнаго заведенія. Но глубокой интересъ, который д-ръ Ферраръ чувствовалъ къ этому предпріятію, побудилъ его принять сдѣланное ему предложеніе, и въ названной книгѣ мы имѣемъ результатъ того, что очевидно было для него задушевнымъ трудомъ многихъ лѣтъ. Необходимыя для этого великаго дѣла качества, соединившіяся въ д-рѣ Фаррарѣ, во многихъ отношеніяхъ не обыкновенны. Какъ отличный лингвистъ, онъ способенъ какъ немногіе, оцѣнить результаты критической разработки текста; какъ истинный ученый онъ знакомъ со всѣми пособіями, которыя можетъ доставить литературное знаніе для проясненія предмета, и въ тоже время какъ серьезный богословъ, онъ обладаетъ тонкимъ чутьемъ къ духовному значенію тѣхъ словъ и событій, которые онъ передаетъ. Всѣ эти качества онъ вполне приложилъ къ дѣлу въ своей исторіи. Подготовившись въ нѣкоторой мѣрѣ къ своей работѣ, онъ посѣтилъ Палестину и постарался познакомиться съ сценами дѣйствія, съ обычаями и мѣстными вліяніями, среди которыхъ прошла жизнь Христа. Изъ страницъ самой книги, независимо отъ сказаннаго въ предисловіи, видно, что онъ вполне усвоилъ себѣ всю литературу предмета, съ Мишны и Талмуда до самыхъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ умозрѣній, и можно только удивляться, какъ среди трудовой жизни онъ могъ найти время для такого обширнаго изученія.

Результатомъ всего этого является сочиненіе, которому много будутъ обязаны и богословская наука и религіозная

жизнь въ Англіи. Въ сущности книга совершенно чужда полемике и написана даже безъ всякаго прямого и спеціальнаго отношенія къ нападеніямъ спектической критики. Исторія задумана «открыто и безусловно» съ точки зрѣнія вѣрующаго и ея величайшій интересъ состоитъ именно въ томъ, что это есть простой рассказъ о жизни Христа, какъ она отразилась въ благочестивой и воспримчивой душѣ. Однако д-ръ Фарраръ справедливо надѣется, что косвенно его книга затрогиваетъ многіе трудные вопросы поднятые современными скептиками. Сотни критиковъ напримѣръ, говоритъ онъ, опровергаютъ авторитетъ Евангелія на основаніи существующихъ или предполагаемыхъ въ нихъ противорѣчій. Д-ръ Фарраръ не испестрилъ страницъ разборомъ мелочныхъ разногласій; но говоритъ онъ—я сознательно не избѣгалъ крупнаго и явнаго затрудненія, и постоянно старался преимущественно молчаливымъ теченіемъ самаго рассказа показать, что многія изъ этихъ возраженій отнюдь не непреодолямы, и еще болѣе такихъ, которыя недобросовѣстно придирчивы или совсѣмъ фантастичны. Подобное не прямое дѣйствіе, вѣтъ сомнѣнія, можетъ быть достигнуто относительно болѣе крупныхъ затрудненій. Въ своемъ предисловіи д-ръ Фарраръ защищаетъ свою вѣру въ чудеса краснорѣчивымъ обращеніемъ къ общему свидѣтельству исторіи и философіи въ пользу христіанства. Тому, говоритъ онъ, кто отвергаетъ чудеса, кто думаетъ что высочайшая нравственность и чистѣйшее благочестіе, которыя міръ когда либо видѣлъ, вызваны религіей, основанной на заблужденіи или лжи—исторія міра должна, мнѣ кажется, остаться неразрѣшимою загадкой или возмутительнымъ обманомъ». Онъ не разъ повторяетъ эту защиту относительно болѣе поражающихъ чудесъ; и совершенно справедливо говоритъ, что если кто допускаетъ чудеса вообще, то ничего не выигрывается тѣмъ, что ихъ низводятъ до степени, на которой рассказъ о нихъ казался бы болѣе удобоприемлемымъ. Правда, онъ отказывается буквально понимать рассказъ о бѣсахъ вопедшихъ въ стадо свиней и предполагаетъ, что мы здѣсь имѣемъ просто

рассказъ о странномъ случаѣ, какъ онъ показанъ глазами учениковъ, и что нѣдъ надобности приписывать Христу утверженіе, что бѣсы овладѣваютъ животными. Однако онъ не входитъ въ разсужденіе о томъ, чѣмъ могли бы быть защищены такіа разграниченія, и коротко говоря, онъ гдѣ встрѣчается съ подобными вопросами оставляетъ ихъ, непускаясь въ доказательства. Но значительное косвенное вліяніе оказано въ пользу вѣроятности повѣствованій о чудесахъ, если приведенныя событія являются не единичными чудесами, а въ гармонической связи съ ходомъ исторіи и характеромъ и цѣлями дѣятеля. Такое дѣйствіе можетъ быть отлично проведено искуснымъ разсказомъ, и д-ръ Фарраръ по всей книгѣ часто успѣваетъ одной силой изящества своего разсказа и изложеніемъ окружающихъ событій ярко выставить тѣсную связь и взаимную зависимость разнообразныхъ элементовъ Священной Исторіи. Однимъ словомъ, въ отношеніи къ скептическимъ возраженіямъ, сила этой книги заключается въ томъ, что она представляетъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ тотъ видъ, который жизнь Христа носить, когда на нее смотрятъ съ православной точки зрѣнія. Мыслящая душа не оставитъ чтенія этой книги, не почувствовавъ, что она открываетъ прекрасный и гармоническій образъ. Она возведетъ мысль отъ однихъ частныхъ возраженій къ пониманію цѣлаго предмета и по крайней мѣрѣ поможетъ добросовѣстнымъ противникамъ отдать справедливость христіанскому преданію.

Въ цѣломъ авторъ остался вѣренъ главному своему намѣренію, какъ онъ самъ говоритъ — «евангельскую исторію разсказать такимъ образомъ и съ такими поясненіями, чтобы съ помощью всѣхъ доступныхъ мнѣ свѣдѣній, которыя были собраны въ теченіи вѣковъ, даже простые и неученые могли бы понять и войти въ человѣческую обстановку жизни Сына Божія». Тутъ же онъ прибавляетъ, что онъ надѣется, что предлагаетъ многое, годное и для ученыхъ читателей, и по нашему мнѣнію не обманется въ своихъ ожиданіяхъ. Книга написана въ популярной формѣ, но она къ послѣдовательному

разказу о событіяхъ жизни Господа нашего приносить изслѣдованія богослововъ, которые имѣли возможность посвятить этому предмету, а иногда одной какой либо частной сторожъ его лучшіе годы непрерывно трудовой жизни. Эти выводы доступны тѣмъ, кто можетъ пользоваться богатыми библіотеками или покупать дорогія книги, но не легко было составить себѣ при среднемъ объемѣ чтенія понятіе объ отношеніи новѣйшихъ изслѣдованій къ всему ходу Евангельской Исторіи. Д-ръ Фарраръ сумѣлъ по крайней мѣрѣ въ болѣе доступной формѣ, чѣмъ прежде, представить сводъ традиціональныхъ, критическихъ и философскихъ толкованій, сдѣланныхъ на сказаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы желали бы болѣе строгаго разсужденія; иногда онъ увертывается отъ серьезнаго противника въ блестящемъ облакѣ риторики; но несмотря на всѣ подобные недостатки или недосмотры нѣтъ сомнѣнія, что его книга много расширитъ кругозоръ большинства духовенства. И тѣмъ болѣе дѣйствительна будетъ эта услуга, что разсматриваемая книга устраняетъ болѣе сложныя затрудненія и удаляетъ ихъ на другую арену. Она остановитъ вниманіе многихъ, которымъ нѣтъ ни времени ни напряженія ума, нужнаго для чтенія полемическаго трактата, и доставитъ имъ свѣжіе источники наученія и новые взгляды на знакомыя событія. Сочиненіе декана Станлея о іудейской церкви, несмотря на многія возраженія вызываемыя имъ съ извѣстной догматической точки зрѣнія, расширило для многихъ изъ духовенства и мірянъ господствующее пониманіе іудейской исторіи, и книга д-ра Фаррара способна оказать подобную услугу для исторіи Евангельской. Въ самомъ дѣлѣ никто, кромѣ крайнихъ буквалистовъ, не можетъ возразить противъ метода или выполненія этого труда, и всѣмъ по крайней мѣрѣ она предлагаетъ драгоценный матеріалъ для воспроизведенія въ цѣльности тѣхъ фактовъ, съ которыми они имѣютъ дѣло. Скорѣе скептики будутъ обвинять д-ра Феррара за легкость его вѣры, чѣмъ вѣрующіе за свободу его критики. Но если онъ иногда скорѣе ускользаетъ отъ затрудненія, нежели

разрѣшаетъ его, то во всякомъ случаѣ онъ не отказывается его высказать. Онъ, напримѣръ, говоритъ въ текстъ своей книги, что св. Матеей въ возвращеніи младенца Иисуса изъ Египта находитъ новое и болѣе глубокое значеніе для словъ пророка Осія: «изъ Египта я воззвалъ Сына Моего», и прибавляетъ въ замѣчаніи: «даетъ новое и болѣе глубокое значеніе, или въ другихъ словахъ совершенно искажаетъ». Вотъ замѣтка написанная на поляхъ пріателемъ, который видѣлъ эти страницы. Его отвѣтъ на эту замѣтку пріятеля тотъ, что св. Матеей думалъ иначе, что существенно не разрѣшаетъ затрудненія. Св. Матеей, говоритъ онъ, смотрѣлъ на свои ссылки на Ветхій Заветъ не какъ на относящіяся именно къ данному случаю или обстоятельству указанія, но какъ на торжественныя пророческія указанія факта, о которомъ онъ пишетъ. И относясь такъ, онъ разсуждалъ вполне согласно съ воззрѣніями, въ которыхъ тѣ, для кого онъ писалъ, были воспитаны съ ранняго дѣтства». Можетъ быть это и совершенно справедливо, но оно не отстраняетъ возраженія, что данныя воззрѣнія ошибочны. Впрочемъ намъ нѣтъ нужды поднимать споръ, въ который д-ръ Фарраръ не желалъ входить, и мы привели только примѣръ той откровенности, съ которой затрудненія признаны, хотя не разрѣшены. Но оставивъ въ сторонѣ всѣ эти спорныя вопросы, великое достоинство книги состоитъ въ томъ, что она представляетъ цѣльное и связанное воззрѣніе на исторію Евангельскую и даетъ возможность для всѣхъ классовъ, ученыхъ и неученыхъ, ознакомиться съ главными чертами любой исторической сцены. Каждое событіе описано въ своей дѣйствительной или вѣроятной связи и обстановкѣ и всѣ подробности нужныя для его пониманія представлены со всею полнотою и прелестью разсказа. Иные читатели пожелаютъ, чтобы д-ръ Фарраръ былъ менѣе краснорѣчивъ. Онъ слишкомъ щедръ на эпитеты и въ кипучемъ потоцѣ его образовъ теряется спокойствіе передаваемого имъ разсказа. Напримѣръ онъ пишетъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, какъ «въ тропическомъ зноѣ глубокой долины Іорданской, гдѣ воздухъ кажется наполненъ

тонкимъ и дрожащимъ пламенемъ, — слушая ревъ дикихъ звѣрей въ долгую ночь, озаренную свѣтомъ звѣздъ, которыя какъ огненные шары висятъ въ багровомъ небѣ, — блуждая около дремлющихъ синихъ водъ этого мертваго и проклятаго озера, когда передъ его глазами, ошуманенными соляной плесенью по берегу усвянному обломками смерти, казалось выступали духи преступные изъ подъ сѣрнаго непла, подъ которымъ они были погребены, онъ усвоилъ языкъ, получилъ откровеніе не доступное обыкновеннымъ людямъ». Читая книгу мы не можемъ забыть, что д-ръ Фарраръ великій проповѣдникъ; и собственно говоря, многія главы могли бы считаться первоклассными описательными проповѣдями. Дѣйствительно воспроизводя такую исторію трудно найти середину между слишкомъ большимъ и слишкомъ малымъ изъясненіемъ. Слова, которыя онъ изъясняетъ, занимали умы и совѣсти самыхъ мыслящихъ писателей уже за пятнадцать столѣтій, и все еще чувствуется, что ихъ значеніе непонято вполнѣ. Но и послѣ всего сказаннаго о нихъ, послѣ краснорѣчиваго истолкованія ихъ д-ромъ Фарраромъ душа опять останавливается на самыхъ словахъ во всей ихъ простотѣ и готова отказаться отъ всякой попытки облечь совершенство ихъ начертаній въ пришлый нарядъ. Кромѣ того, много, — чѣмъ бы это ни вознаграждалось, потеряно отъ перестановки порядка въ рассказѣ. Каждое Евангеліе передаетъ исторію съ своей точки зрѣнія, и каждое соблюдаетъ порядокъ, который, хотя онъ не хронологическій, тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Въ самомъ дѣлѣ почти невозможно, имѣя въ памяти подлинникъ, отдать полную справедливость попыткѣ, какъ бы она ни была хороша, воспроизвести рассказъ въ другой формѣ. Достаточно, если писатель поможетъ намъ вернуться къ оригиналу съ возбужденнымъ интересомъ и болѣе яснымъ пониманіемъ, и эту услугу д-ръ Фарраръ оказываетъ неизмѣримо кругу читателей. Рассказъ д-ра Фаррара такой оживленный и послѣдовательный, что мы затрудняемся выбрать отрывокъ не слишкомъ длинный, который далъ бы понятіе о его приемахъ; но слѣдующее описаніе

одного изъ главныхъ чудесъ болѣе познакомить съ духомъ его сочиненія.

«Такъ съ приближеніемъ сумерекъ Онъ постепенно и кротко убѣдилъ толпу оставить Его, и когда всѣ, кромѣ самыхъ восторженныхъ, разошлись по своимъ домамъ или караванамъ, Онъ ввезанно оставилъ прочихъ и удалился отъ нихъ на гору помолиться наединѣ. Онъ сознавалъ, что настаетъ торжественный и страшный переломъ Его дня на землѣ и въ общеніи съ Небеснымъ Отцемъ Своимъ Онъ хотѣлъ укрѣпить душу для суроваго подвига завтрашняго дня и для тяжелой борьбы многихъ послѣдующихъ недѣль. Разъ прежде того Онъ провелъ ночь въ горной пустынѣ въ одинокой молитвѣ, но то было передъ избраніемъ Его возлюбленныхъ апостоловъ и радостными вѣстями о Его прежнемъ и успѣшномъ служеніи. Совсѣмъ съ другими чувствами великій Первосвященникъ входилъ теперь на скалистые ступени великаго горнаго алтаря, который въ Его ночномъ храмѣ казалось возносилъ Его ближе къ Божиимъ звѣздамъ. Убіеніе Его возлюбленнаго Предтечи приблизило къ Его душѣ мысль о смерти; Онъ не обольщался той кратковременной вспышкой непрочной основанной популярности, которую Онъ на другой день намѣренъ былъ потушить. Буря, которая подымалась надъ безлюдными вершинами; вѣтры, бушевавшіе съ завываньемъ въ оврагахъ; озеро передъ Нимъ, волновавшееся бурною пѣною; маленькая лодка, которую при лунномъ свѣтѣ прорывавшемся сквозь расколотившіяся тучи, видѣлъ Онъ, какъ она колебалась внизу Его на бушующихъ волнахъ, все это было слишкомъ вѣрное названіе назвавшихся обстоятельствъ Его земной жизни. Но здѣсь на уединенной горной вершинѣ, въ эту бурную ночь Онъ могъ приобрести силу и миръ и несказанное блаженство; ибо здѣсь Онъ былъ одинъ съ Богомъ. И стояла тьма и сильный вѣтеръ бушевалъ надъ этой фигурой, склонившейся въ уединенной молитвѣ на горѣ, и надъ этими труженниками на бурномъ озерѣ.

«Часъ шелъ за часомъ. Была четвертая стража ночи; ко-

рабль прошелъ лишь половину своего опредѣленнаго теченія; было темно и вѣтеръ былъ противный, и волны бушевали: ученики взнемогли работая веслами и сверхъ того никого не было съ ними, чтобы ихъ успокоить и спасти, потому что Иисусъ остался одинъ на землѣ. Ихъ вскидывало бурное море; все время Онъ видѣлъ и жалѣлъ о нихъ, и наконецъ въ минуту крайней опасности они увидали во мракѣ свѣтъ, таинственную фигуру, колеблющееся платье, и кто-то приближался къ нимъ, двигаясь на волнахъ моря, но казалось, какъ будто хотѣлъ пройти мимо; и они вскрикнули отъ страха, думая, что это призракъ ходилъ по волнамъ. И сквозь бурю и мракъ имъ—какъ часто и намъ, когда среди мрака жизни море кажется такъ обширно, а наши маленькія ладьи такъ ничтожны—послышался голосъ мира, который сказалъ: «это Я, не бойтесь».

«Этотъ голосъ успокоилъ ихъ страхъ и всѣ они пожелали принять Его въ корабль; но пылкая любовь Петра—сильный порывъ того, кто въ отчаянномъ самосознаніи воскликнулъ: «отойди отъ меня»—не можетъ даже дожидаться Его приближенія и онъ страстно воскликнулъ:

«Господи! если это Ты, повели мнѣ прійти къ Тебѣ по водѣ».

«Принди».

И онъ прыгнулъ черезъ бортъ въ бурныя волны, и въ то время какъ глаза его были устремлены на его Господа, вѣтеръ развѣвалъ его волосы и брызги орошали одежду, все было хорошо; но когда съ колеблющейся вѣрой онъ взглянулъ отъ Него въ ярищіяся волны и въ черную бездну внизу, тогда онъ началъ утонать и съ звукомъ отчаянія—какъ не похоже на прежнюю его увѣренность—онъ боязливо воскликнулъ: «Господи, спаси меня». Иисусъ не замедлилъ. Тотчасъ съ улыбкой свискожденія Онъ протянулъ Свою руку и схватилъ за руку утопающаго Своего ученика съ краткимъ упрекомъ: «Маловѣрный, почему уселъ?» И такъ съ удовлетворенной любовью, но съ уличенною самонадѣянностію, пристыженный

апостолъ и Господь его вошли въ корабль, и вѣтеръ утихъ и они дошли до пристани, гдѣ хотѣли быть, и всѣ бывшіе на корабль также, какъ и Его ученики, исполнились самого глубокаго удивленія и нѣкоторые изъ нихъ обратились къ Нему привѣтствуя Его названіемъ, которое одинъ только Названъ далъ ему прежде, и воскликнули: «востану Ты Сынъ Божій».

«Остановимся еще на минуту на этомъ чудесномъ повѣствованіи, можетъ быть нѣтруднѣйшемъ для нашей слабой вѣры, чтобы признать его или понять. Нѣкоторые пытались разными способами объяснить его и отстранить его чудесный характеръ; они доказывали, что «по морю» (ἐπὶ τὴν θάλασσαν), можетъ означать, не болѣе какъ то, что Иисусъ шелъ по берегу параллельно съ кораблемъ; или даже, что въ темнотѣ апостолы могли сперва думать, что онъ ходилъ или пришелъ по морю. Такія уловки лишніи и напрасны. Если кто чувствуетъ себя неспособнымъ вѣрить въ чудеса, даже если онъ почитаетъ ненужнымъ стараться приобрѣсть ту вѣру, которая допускаетъ чудеса, то пусть онъ будетъ волюнъ убѣжденъ въ своей, собственной душѣ, и пусть честно держится истины, какъ онъ ее понимаетъ. Не намъ и никому не слѣдуетъ судить другаго; передъ своимъ Господомъ онъ стоитъ или падаетъ. Но да не пытается онъ такое безвѣріе включать въ простую повѣсть евангелистовъ. Что они намѣренно описываютъ поражающее чудо, это неоспоримо для всякаго кто внимательно читаетъ ихъ слова; и какъ я уже сказалъ прежде, если, вѣруя въ Бога мы вѣруемъ въ божественное Провидѣніе надъ человѣческой жизнью и вѣруя въ это божественное Провидѣніе, вѣруемъ въ чудесное—и вѣруя въ чудесное признаемъ за истину воскресеніе Господа Иисуса Христа — и вѣруя въ воскресеніе, вѣруемъ, что онъ востану Сынъ Божій, тогда, какъ бы глубоко ни создавали мы величіе, могущество и красоту законовъ природы, еще глубже сознаемъ могущество Того, кто держитъ въ Своихъ рукахъ эти законы и все, что они развили; и для насъ чудесное, такъ засвидѣтельствованное, нисколько не болѣе мумительно, чѣмъ естественное, и мы не

будемъ считать невозможнымъ, чтобы Тотъ, кто послалъ Сына Своего на землю, чтобы умереть за насъ, далъ въ руки Его всякую власть.

«Итакъ если какъ Петръ мы устремимъ взоры на Іисуса, мы тоже можемъ пройти торжественно по волнамъ безвѣрія, безбоязненно среди поднявшихся вѣтровъ сомнѣнія; но если мы отвратимъ свои глаза отъ Него, въ котораго вѣрили, если, какъ легко можетъ быть и какъ много бываетъ искушеній къ тому, мы скорѣе смотримъ на силу и ярость этихъ странныхъ и разрушительныхъ стихій, а не на Него, кто можетъ помочь и спасти, тогда неизбежно мы также изнеможемъ. О, если часто и часто мы чувствуемъ, что воды угрожаютъ потопить насъ, а бедна поглотить обуреваемый корабль нашей Церкви и Вѣры, да удостоимся мы снова и снова посреди бури и мрака и голосовъ предсказывающихъ брани услышать эти два сладчайшіе изреченія Спасителя: «не бойтесь, только вѣруйте».

«Это Я, не бойтесь».

Мѣстности, среди которыхъ прошла жизнь Христа, описаны съ большей живостью красокъ, и мы можемъ слѣдить за Нимъ какъ бы изъ дня въ день въ трудномъ дѣлѣ Его служенія. Въ главныхъ своихъ задачахъ книга эта не вызываетъ ничего похожаго на критику на этихъ страницахъ. Д-ръ Фарраръ, какъ мы видѣли, держится обычнаго христіанскаго воззрѣнія и мы только желаемъ указать на то, что книга его самое блестящее и ученое изложеніе этого воззрѣнія, которое доступно современному англійскому читателю. Она обильна мѣстами не только исполненными изящества, но и благородства чувства; и конечно достоинъ вниманія писатель, который способенъ изобразить вліяніе Креста въ такихъ словахъ, какъ слѣдующія:

«Слѣдствія дѣла Христова даже и для невѣрующаго неоспоримы и исторически засвидѣтельствованы. Оно изгоняло жестокость, угрожало страсти, клеймило самоубійство, карало и обуздывало дѣтубійство, прѣгнало безстыд-

ныя гнусности лзычества въ подобающій имъ мракъ. Не было почти положенія, правъ котораго оно не защищало. Оно выручло гладіатора, освободило раба, защитило плѣннаго, ходило за больнымъ, приютло сироту, возвысило женщину, окружло нѣжные года дитяти сіишьемъ священной невинности. Улучшающее его вліаніе проникло во всѣ области жизни. Милосердіе изъ порока превращено въ добродѣтель. Бѣдность изъ проклятія возвышена въ блаженство. Трудъ облагороженъ и нязкость его превращена въ достоинство и обязанность. Бракъ освященъ и вмѣсто тягостнаго договора становится благословеннымъ таинствомъ. Оно впервые открыло ангельскую красоту непорочности, въ которую люди перестали уже вѣрить, и кротости, которую они положительно осмѣяли. Оно создало истинное понятіе о любви и расширило границы ея обязательности отъ узкаго круга, отъ сосѣдства до широчайшихъ горизонтовъ человечества. И такимъ образомъ развивая идею о человечествѣ какъ о братствѣ, даже тамъ, гдѣ евангельская вѣсть не принималась, вездѣ гдѣ эта вѣсть принималась, оно очищало жизнь и возвышало душу каждаго отдѣльнаго человека. И во всѣхъ странахъ, гдѣ оно образовало характеры своихъ истинныхъ послѣдователей, оно создало такіа чистыа сердца, такую мирную жизнь и такіа счастливыа семьи, что кажется, будто тѣ ангелы, которые возвѣстали пришествіе Христа, въ тоже время прошептали каждому отчаянному и угнетенному страдальцу между сынами человеческими: «хотя занимаете мѣсто среди горшковъ, но вы будете какъ голубица, которой крылья покрыты серебромъ и перья блестятъ золотомъ» (Пс. 67, 14). Другіе, если могутъ и хотятъ, пусть не видятъ въ такомъ дѣлѣ, какъ это, божественнаго Провидѣнія, пусть считаютъ философскимъ просвѣщеніемъ отнести христіанство къ празднымъ мечтамъ благороднаго самооболстителя и страстнымъ галлюцинаціямъ выдоравливающаго бѣсноватаго. Мы ихъ не преслѣдуемъ, не обвиняемъ и не судимъ ихъ; но утверждаемъ, что если вся жизнь не пустота, то невозможно такое ничтожное происхожденіе для единственной религіи міра, которая

нашла равновѣсіе между философіей и популярностью, религіей и нравственностью, покорностью и свободой, идеаломъ и дѣйствительностью, внутреннимъ и вѣшнимъ, скромной сдержанностью и героической энергіей, наконецъ, между заботливымъ, консервативнымъ и смѣлымъ планомъ міроваго преобразования. Свидѣтельство исторіи дано Христу съ неодолимой силой; и кромѣ Него никому оно не дано исторіей въ такой силѣ».

Въ настоящее время большая потребность на книги, которыя бы предлагали серьезное и въ тоже время интересное содержаніе, и вѣрующіе писатели не могутъ оказать большей услугъ вѣрѣ, какъ предлагая знакомые факты и истины въ такой формѣ, которая бы привлекала вниманіе всѣхъ мыслящихъ и просвѣщенныхъ людей. Сочиненіе д-ра Фаррара превосходный примѣръ такой попытки. Немногіе начавъ это чтеніе не увлекутся интересомъ разказа; и мы рекомендуемъ эту книгу вниманію нашихъ читателей.

С. С.

Съ первой книжки будущаго года нашего журнала мы начнемъ печатать въ переводѣ статьи изъ книги Фаррара. Кромѣ того намъ извѣстно, что почтенный *Θ. Матвѣевъ* принялъ изданіе этой «Жизни Христа» отдѣльною книгою.

Ред.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПРОТИВЪ ЛАТИНЯНЪ.

Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. А. Попова. Москва 1875.

Полемическія сочиненія противъ латинянъ стали появляться на Руси со времени возникновенія у насъ письменности, т.-е. въ XI ст., и вплоть до XVIII ст. не переставали царить въ древне-русской литературѣ, умножаясь въ своемъ объемѣ и волнуя грамотный людъ. При непрерывности и широтѣ своего развитія, полемическая литература противъ латинянъ, естественно, должна представлять собою обширный исторически развившійся отдѣлъ древне-русской письменности. Не нужно много распространяться о томъ значеніи, какое она имѣеть для исторіи просвѣщенія русскаго общества за указанный періодъ. Одно то, что она обстоятельно даетъ понятіе тѣмъ воздѣйствіямъ, подъ которыми складывались воззрѣнія и убѣжденія древне-русскаго книжника, объясняетъ, въ какой мѣрѣ и какииъ путемъ проникали такія воззрѣнія въ массу народную, со всею опредѣленностію начертываетъ ходъ историческо-литературнаго развитія древне-русскаго общества, — много говоритъ о громадномъ значеніи этого отдѣла древне-русской письменности. При такой важности полемической литературы нельзя, конечно, не желать полной ея исторіи. Но каждая исторія требуетъ для себя подготовительныхъ работъ, безъ которыхъ и появленіе ея не мыслимо. Въ области полемической литературы у насъ сдѣлано еще такъ немного, что писать полную ея исторію было бы дѣломъ преждевременнымъ. Исторія должна пред-

шествовать работа монографическая. Похвалиться же богатством монографій намъ еще не приходится. Нельзя поэтому не радоваться появленію такихъ монографическихъ трудовъ, какъ книга г. Попова. Она знакомитъ насъ съ первымъ періодомъ древне-русской полемической литературы противъ латинянъ, со времени появленія у насъ письменности до Флорентійскаго собора включительно (XI—XV в.). Въ своемъ изслѣдованіи авторъ старается прослѣдить тѣ понятія о латинянахъ, какія переносили къ намъ изъ Византіи наши духовные наставники, и тотъ литературный путь, какимъ проникали къ намъ византійскія полемическія сочиненія. Не обинуясь можемъ сказать, что намѣченная изслѣдователемъ цѣль достигнута, благодаря его близкому и широкому знакомству съ древне-русской письменностью.

Проповѣдь противъ латинянъ, по словамъ лѣтописи, раздалась на Руси еще въ 986 году, когда приходили къ Владиміру проповѣдники вѣрѣ. Греческій миссіонеръ въ своей проповѣди указывалъ Владиміру только на одно заблужденіе латинянъ — употребленіе ими опрѣсноковъ въ таинствахъ евхаристіи. Черезъ два же года, по принятіи Владиміромъ христіанства (988), ему излагается уже цѣлый рядъ обвиненій противъ западной церкви. Непоклоненіе иконамъ, попираніе креста ногами (который они начертываютъ на землѣ), названіе земли матерью, нарушеніе духовенствомъ таинства брака, допущеніе индульгенцій считаются важными винами латинянъ. Нужно думать, что полемическая статья подъ 988 г. занесена въ лѣтопись изъ письменнаго источника XI ст. Къ такому заключенію естественно приводитъ сличеніе ея съ византійскими источниками. Съ IX до половины XI ст., т.-е. до окончательнаго раздѣленія церквей, въ византійской литературѣ руководственными, если не единственными, полемическими сочиненіями противъ латинянъ были труды патріарха Фотія. Въ случаѣ нужды константинопольскіе патріархи обыкновенно разсылали его посланіе по восточнымъ церквамъ. Ни въ одномъ же изъ сочиненій Фотія не находимъ тѣхъ обвиненій, какія читаемъ въ лѣтописи. Да и воззрѣніями своими на предметъ спора, духомъ своимъ сочиненія Фотія не могутъ идти за урядъ съ обвиненіями лѣтописи. Патріархъ Фотій всегда отличаетъ существенное отъ несущественнаго, общее отъ иѣстнаго, догматы отъ обряда. Въ своемъ защитительномъ

посланіи къ папѣ Николаю (861) онъ писалъ: «Есть постановленія общія: хранить ихъ обязаны всѣ; таковы преимущественно постановленія о вѣрѣ; малѣйшее уклоненіе отъ нихъ влечетъ за собою смертный грѣхъ. Но есть постановленія частныя: если тотъ, кому они даны, нарушитъ ихъ, тотъ долженъ подвергнуться наказанію. Кого же они не касаются, тотъ не подвергается отвѣтственности за несохраненіе ихъ. Постановленное вселенскими и общими соборами обязаны соблюдать всѣ. Кто же соблюдаетъ поставленное въ частности которымъ нибудь изъ отцевъ церкви, или опредѣленное помѣстнымъ соборомъ, тотъ не впадаетъ въ суевѣріе; наоборотъ: кто не принимаетъ ни того ни другаго, тотъ можетъ безъ опасенія не хранить. Такъ *однимъ позволено брить бороду*, другимъ это запрещено соборнымъ опредѣленіемъ... Также у насъ считается преступленіемъ, *если кто рукополагаетъ въ епископы дьякона*, который не былъ священникомъ. Другіе же безразлично рукополагаютъ въ епископовъ священниковъ и дьяконовъ, не смотря на то, что въ послѣднемъ случаѣ мнутъ среднюю степень». (13—14) Вотъ взглядъ патріарха на спорные вопросы, характеризующій его полемическіе труды. При такомъ взглядѣ на дѣло, онъ въ своихъ спорахъ съ латинянами придаетъ значеніе только вопросу догматической важности, не считая обрядныя разности настолько важными, чтобы онѣ могли служить причиною раздѣленія церкви. Въ XI же столѣтіи, когда съ новою силою возгорѣлась полемика, мы видимъ уже не то въ византійской литературѣ. Въ различныхъ трактатахъ, посланіяхъ, историческихъ сказаніяхъ, появляющихся въ большомъ числѣ, мы находимъ уже и такія обвиненія, какъ непочитаніе иконъ, начертаніе креста на землѣ, допущеніе индульгенцій

Послѣ лѣтописнаго сказанія первое мѣсто въ ряду полемическихъ памятниковъ занимаетъ посланіе къ латинянамъ втораго русскаго митрополита Леонтія († 1008), посланіе, о подлинности котораго до послѣдняго времени было не мало толковъ. Оно и по формѣ и по содержанію вполне соответствуетъ византійскимъ памятникамъ XI в. Въ немъ указывается шесть обвиненій латинянъ: 1) употребленіе въ таинствѣ евхаристіи опрѣснковъ, вмѣсто кваснаго хлѣба; 2) пощеніе въ субботу; 3) ежедневное совершеніе полной литургіи въ дни св. четырехдесятницы;

4) запрещеніе и расторженіе церковныхъ браковъ священнослужителей; 5) употребленіе въ пищу удушенныхъ и 6) новое ученіе объ исхожденіи Св. Духа. Три изъ указанныхъ обвиненій,—ученіе объ исхожденіи Св. Духа, пощеніе въ субботу и расторженіе объ законныхъ браковъ священнослужителей,—имѣютъ своимъ основаніемъ, очевидно, сочиненія Фотія, въ которыхъ говорится о тѣхъ же заблужденіяхъ латинянъ. Вопросъ объ употребленіи удушенныхъ въ пищу также намѣченъ въ одномъ изъ посланій патріарха, хотя онъ и не обвиняетъ въ томъ латинянъ. Что же касается важнѣйшаго изъ обвиненій, указываемыхъ въ посланіи, латинянъ,—употребленія опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи, то самое посланіе даетъ основаніе предполагать, что это одинъ изъ первыхъ опытовъ полемическаго разсмотрѣнія даннаго вопроса. Иначе бы онъ не могъ начать посланіе словами: *«слышу я, что вы употребляете опрѣсноки въ божественномъ таинодѣйствіи»*... Впрочемъ можно думать, ссылаясь на свидѣтельство Никона Черногорца о книгѣ Фотія, въ которой говорится *«о безвкусной службѣ»*, что въ XI ст. было на Востокѣ сочиненіе объ опрѣснокахъ съ именемъ Фотія. Утверждать же, что посланіе Леонтія явилось послѣ полемическихъ сочиненій Льва Охридскаго и Никиты Стифата, т. е. во второй половинѣ XI в., и обосновано на ихъ трудахъ,—нѣтъ основаній. Сходство посланія Леонтія по выбору обвиненій съ сочиненіями названныхъ греческихъ полемистовъ не даетъ еще права заключать, что оно имѣло своимъ источникомъ ихъ сочиненія. Сходство въ данномъ случаѣ указываетъ только на отношеніе посланія Леонтія и полемическихъ трактатовъ Льва Охридскаго и Никиты Стифата къ одному времени. На независимость ихъ происхожденія ясно указываетъ различіе въ способѣ опроверженій.

Со времени раздѣленія церквей восточной и западной полемическая литература православной Руси замѣтно расширилась, благодаря тѣсной связи русской церкви съ греческой. Проводниками византійскихъ мнѣній о латинской церкви явились кievскіе митрополиты изъ грековъ. Оберегая русскую церковь отъ заблужденій латинскихъ, они пользовались готовыми полемическими сочиненіями, принимая на себя только трудъ переводчиковъ. Такъ какъ съ половины XI в. въ Греціи пользовалось большимъ уваженіемъ посланіе константинопольскаго пат-

ріарха Михаила Керулларія къ патриарху антиохійскому Петру (1054), имѣвшее значеніе равное окружному посланію Фотія,— то русскіе полемисты и прибѣгли къ нему какъ главному источнику въ своей борьбѣ съ латинянами. Кіевскіе митрополиты изъ грековъ руководствовались подлинникомъ, а русскіе славянскимъ переводомъ, извѣстнымъ въ двухъ редакціяхъ¹⁾. Изъ русскихъ полемическихъ сочиненій XI—XII в. извѣстны: «Слово о вѣрѣ престыянской и латинской» Θεодосія, игумена киево-печерскаго монастыря, «Стязаніе съ латиною» Георгія, митрополита кіевскаго, «Посланіе къ папѣ Клименту» Іоанна II, митрополита кіевскаго, и посланіе митр. кіевскаго Никифора къ Владимиру Мономаху и Ярославу Святополковичу. Всѣ они представляютъ мало самобытнаго. Пользуясь подлиннымъ посланіемъ Михаила Керулларія и сочиненіемъ «Περὶ τῶν Φράγγων καὶ τῶν Λατίνων Λατίων» (о фризехъ и прочихъ латинахъ), или славянскими переводами указанныхъ памятниковъ, они позволяли себѣ дѣлать только нѣкоторые опущенія, вставки и т. п. Впрочемъ о словѣ Θεодосія слѣдуетъ замѣтить, что оно имѣетъ нѣкоторую долю самобытности.

Сравнивая указанныя сочиненія русскихъ полемистовъ съ вышеприведенными, написанными подъ руководствомъ окружнаго посланія Фотія, мы замѣчаемъ въ нихъ уже иной взглядъ на спорные вопросы, иное отношеніе къ латинянамъ. Въ нихъ ставится въ вину латинянамъ не только неправильное ученіе объ исхожденіи св. Духа, совершеніе таинства евхаристіи на опрѣснокахъ, безженство священниковъ и т. под., но и то, что они ѣдятъ «и коня, и ослы, и удавленину, и мертвецину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровъ», что «ѣдятъ со псы и кошками», крещаются однимъ только погруженіемъ, не мажутъ крещаемаго муромъ и масломъ, а всыпаютъ ему соль въ ротъ, мертвецовъ кладутъ на западъ ногами,—что чернецы ихъ ѣдятъ сало свиное, «попове ихъ не женятся законною женитвою, но

¹⁾ Относительно второй редакціи посланія Михаила Керулларія, распространенной въ славянской письменности, нужно замѣтить, что она представляетъ болѣе передѣлку подлинника, чѣмъ переводъ; во всѣхъ свискахъ этой редакціи—на половину распространенія и дополненія, по другимъ полемическимъ сочиненіямъ.

съ рабами дѣти добываютъ и служатъ невозбранно», что епископы ихъ верстень на рукѣ носить и на войну ходять, «умирающіи епископы ихъ не погребаютъ въ той день, но держать до 8 днѣй, дондеже придетъ область его вся, ту примесутъ, колико можетъ почести его, и тогда погребаютъ его. Не престообразно рудѣ его полагаютъ, но яко же жидове, подолу же полагаютъ рудѣ, и очи и ноздри и уши затмѣаютъ воскомъ. Тако же творять и простецемъ». (115) Такое очевидное смѣшеніе догмата съ обрядомъ, важнаго съ мелочнымъ, чего не допускало окружное посланіе Фотія, характеризуетъ полемическія сочиненія XI—XII в. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только посланіе митрополита Іоанна. Оно написано на основаніи сочиненій Фотія и потому въ немъ не встрѣчаемъ обычнаго писателямъ XI—XII в. смѣшенія догмата съ обрядомъ. При такомъ характерѣ обвиненій, у полемистовъ XI—XII ст. число винъ возрасло, естественно, до почтенной цифры (27—30) и практическій вопросъ объ отношеніи православныхъ къ латинянамъ рѣшался съ крайнею рѣзкостью, 'съ какою-то невѣроятною нетерпимостью. Θεодосій совѣтуетъ Ізяславу († 1078) не вступать съ невѣрными латинами ни въ какое общеніе, ни завязывать родственныхъ отношеній, ни брататься съ ними, даже ни ѣсть вмѣстѣ, дозволяя только изъ чувства христіанскаго милосердія оказывать помощь неимущимъ, наравнѣ съ жидами, срацинами и разными еретниками: «просащимъ Бога ради ясти и пити—дати имъ, но *въ ихъ сосудѣхъ*, аще ли не будетъ у нихъ судна, въ своемъ дати, *потомъ* измывше дати молитву». Та же внушаетъ Ярославъ Святополковичу и митр. Никифоръ.

Не будемъ останавливаться на разборѣ частныхъ обвиненій, какъ неумѣстномъ въ данномъ случаѣ; укажемъ только на одно изъ обвиненій Георгія митрополита, достойное вниманія по своей оригинальности. Укоряя латинянъ за то, что у нихъ дозволено монахамъ употреблять въ пищу сало, Георгій прямо ставитъ вопросъ, что скорѣе можетъ быть разрѣшено чернецамъ: молоко и яйца или сало—и рѣшаетъ его, руководствуясь собственнымъ соображеніемъ, такимъ образомъ: «Да аще тако суть сія, вами глаголемая, послушайте, да мало нѣчто отъ снѣгъ речемъ вашему нареченью. Бѣгда бо яйца отъ птиць чистыи ра-

жаются, кромѣ крове мясныя зачинаются и раждаются, и суть чиста; и молоко тако же отъ выменъ свотъ чистыхъ четвероногихъ истекаяй, тако же и яйца суть крове есть, и се есть чисто. Ваша же тучная сала процвитають съ любѣвыми мясы... Аще ли симъ не вѣруеши, о латинине, то вложимъ яйца въ одинъ горнецъ и вложимъ сала тучныя въ иный горнецъ, и си обоя особъ варимы яйца и сало, да сереблемъ же мы уху яичную; но елма убо вариши яйца въ чистѣй водѣ, абіе та, яко же есть и бываетъ чиста вода, ага не варена, така же и варена. Вы же пакы да сереблете вашихъ салъ уху, да видимъ убо кыхъ насъ завыйци толще будутъ». (90. 91).

Тринадцатый и четырнадцатый вѣва представляютъ странное явленіе въ полемической борьбѣ православно-русской церкви съ римско-католической. Не смотря на то, что въ этихъ вѣвахъ должна бы быть самая оживленная полемическая борьба, такъ какъ къ настоящему времени относятся энергическія попытка папства подчинить своему вліянію русскую церковь ²⁾, мы не находимъ въ немъ и слѣдовъ самобытныхъ полемическихъ памятниковъ. Все дѣло полемики ограничивалось только византійскими сочиненіями, которыя распространялись на Руси по большей части въ юго-славянскихъ спискахъ. Изъ византійскихъ сочиненій этого времени первое мѣсто принадлежитъ статьямъ о латинахъ, вошедшимъ въ составъ Кормчей книги, этого краеугольнаго памятника каноническаго права. Къ статьямъ этимъ относятся сочиненія извѣстныхъ полемистовъ XI в.—Посланіе Петра антиохійскаго къ Доминику,—посланіе объ опрѣснокахъ Льва архіепископа Болгарскаго,—сочиненія Никиты Стифата, инока Студійскаго монастыря, ревностнаго сотрудника Михаила Керуларія. Всѣ указаннаго полемическія произведенія внесены въ кормчую не ранѣе XIII в. какъ показываютъ древнѣйшіе списки кормчей. Выстѣ съ кормчей распространенію полемическихъ сочиненій на руси способствовали и юго-славянскіе списки древнихъ требниковъ. Между прочими статьями изъ сербскихъ требниковъ залесены къ намъ — Историческое сказаніе объ отпаденіи латинъ и трактатъ Германа, патріарха Констан-

²⁾ Чит. Исторію русской церкви, преосвящ. Макарія, т. I—V, Le Catholicisme Romain en Russie, гр. Толстаго, т. I, (Paris, 1868).

тинопольскаго, о преніяхъ его съ латинянами по вопросу объ исхожденіи св. Духа, сочиненія очень распространенныя въ нашей древней письменности. Въ такому заключенію объ ихъ источникѣ приводитъ сличеніе русскихъ списковъ съ сербскимъ требникомъ начала XV в. хранящимся въ Синодальной библиотекѣ.

При отсутствіи самостоятельныхъ полемическихъ сочиненій на Руси въ XIII и XIV ст., недостатка въ переводныхъ и передѣланныхъ византійскихъ не могло, конечно, ощущаться. Но за то сказалось скоро неудобство пользованія ими, по причинѣ разбросанности ихъ по рукописямъ разнообразнаго содержанія. Подобное неудобство привело ревнителей православія къ мысли составлять спеціальныя полемическія сборники. И вотъ въ XIV ст. они начинаютъ появляться, распространяясь особенно въ XVI и XVII ст. и становясь любимымъ чтеніемъ грамотниковъ. Въ этихъ сборникахъ помѣщались большею частію тѣ же статьи, которыя намъ извѣстны изъ другихъ рукописей. Въ нихъ находимъ указанныя сочиненія или въ неизмѣненномъ видѣ или въ значительной переработкѣ. Такъ напр. въ двухъ сборникахъ XIV ст. (одинъ въ императорской Публичной библиотекѣ, другой въ собраніи рукописей автора книги, нами разсматриваемой) приведенныхъ изслѣдователемъ въ извѣстность помѣщены: «Преніе» патріарха Гермогена съ латинскими монахами, совершенно сходное съ преніемъ сербскаго требника начала XV в.,— посланіе митрополита Іоанна II къ папѣ римскому, съ опущеніемъ начала и личныхъ обращеній къ папѣ, — вторая часть посланія Петра антиохійскаго объ опрѣсновахъ (опущены вступленіе и первая часть),— посланіе Михаила Керуларія (второй редакціи),— историческая «Повѣсть о латынѣхъ», представляющая распространеніе «Слова объ отпаденіи латынъ». Но въ подобныхъ сборникахъ помѣщались иногда и такія сочиненія, которыя рѣдко можно встрѣтить въ старыхъ спискахъ. Въ числу такихъ произведеній относится, — помѣщенная въ сборникѣ XIV ст., принадлежащемъ г. Попову, — «Епистолиа на римляны», въ которой содержится сказаніе объ Іаковѣ—братѣ Господнѣ и двѣнадцати апостолахъ. Обширное это сочиненіе принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ произведеній византійской литературы. Представляя обстоятельный трактатъ объ опрѣсновахъ, авторъ

Епистолинъ примѣшаль къ нему сказаніе о 12 апостолахъ и ихъ дѣяніяхъ. Такимъ образомъ онъ знакомитъ насъ съ тѣми апокрифическими сказаніями, которыя были въ ходу на Востокѣ и литературнымъ путемъ проникали къ намъ. Къ тому же, въ указанной Епистоліи на ряду съ апокрифическими сказаніями объ апостолахъ Іаковѣ, о причтеніи апостола Павла къ лику святыхъ, о бесѣдѣ Богородицы съ ап. Павломъ и т. п. излагаются и разныя физиологическія свѣдѣнія, правильнѣе сказать изумышленія. Не лишено своего значенія и то, что безымянный авторъ въ своей Епистоліи дѣлаетъ ссылки на св. Ипполита, св. Діонисія и Климента, папу римскаго («Яко же и великій папа Климентъ *въ своихъ потаенныхъ книгахъ* глаголетъ»).

Подобно «Епистоліи на римляны» замѣчательно также полемическое сочиненіе извѣстное подъ именемъ «Пренія Панагіота съ азиимтомъ», которое въ XIV в. стало распространяться въ юго-славянскихъ и затѣмъ русскихъ спискахъ. Вымышленное отъ начала до конца, «Преніе» обставлено однако же историческими обстоятельствами, къ числу которыхъ относится разсказъ о торжественномъ приѣмѣ папскихъ пословъ Михаиломъ Палеологомъ. Оно изложено въ діалогической формѣ, — въ формѣ бесѣды представителя православія Константина панагіота (всеосвященнаго) съ азиимтомъ (латиняномъ), — и раздѣляется на двѣ части. Въ первой рѣшаются разные мудреные вопросы. Азими́тъ спрашиваетъ: сколько небесъ, что прежде сотворено Богомъ—небо или земля, что находится надъ небомъ, что подъ землею, отчего происходитъ молнія, какъ объяснять теченіе солнца, луны и звѣздъ, — задаетъ народныя загадки, на что Панагіотъ, при своей находчивости, отвѣчаетъ съ особенною мудростью, совершенно уничтожая своего противника. Часть эта важна въ томъ отношеніи, что хорошо знакомитъ насъ съ вѣрнѣшими византіяца XIII в., невыдѣлявшагося изъ массы народной. Панагіотъ здѣсь является представителемъ народныхъ воззрѣній и повѣрій, сложившихся подъ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній. Во второй части «Пренія» разоблачаются латинскія заблужденія. Замѣчательно, что ихъ уже насчитывается до 72, т.-е. вдвое болѣе, чѣмъ въ предъидущія столѣтія. Въ сохранившихся 17 обвиненіяхъ встрѣчается только три совершенно новыхъ: «почто кровь точиши въ чашу свою и папы омывъ е папы

съ нею писши»—и обвиненія касательно перстосложенія и ношенія тѣла Христова «у тоболци на гашницѣ.» Въ этомъ замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ «Преніи» г. Поповъ видитъ полемическую сатиру на императора Михаила Палеолога.

Кромѣ указанныхъ сочиненій въ славянской письменности XIV и начала XV в. появились капитальные полемическіе труды вивантійской литературы: Тактиконъ Никола Черногольца и полемическій трактатъ Григорія Паламы. Тактиконъ писанъ въ самый разгаръ полемики, въ періодъ окончательнаго раздѣленія церквей. Онъ драгоцененъ по тѣмъ даннымъ, какія содержитъ въ себѣ для исторіи раздѣленія церквей. 40-ое изъ словъ этого сочиненія указываетъ и разбираетъ тѣ полемическія посланія, которыя обращались на востокъ въ XI ст. Такъ оно указываетъ на книгу Фотія, въ которой былъ помѣщенъ какой-то его трактатъ объ опрѣснокахъ и извѣстное окружное посланіе,—передаетъ содержаніе посланія Петра Антиохійскаго къ епископу Доминику,—излагаетъ отступленія латинской церкви, указанные Михаиломъ Керулларіемъ въ посланіи къ Петру антиохійскому и отвѣтное посланіе Петра къ Михаилу Керулларію (1055). Въ послѣднемъ посланіи патріархъ антиохійскій вступаетъ въ полемику съ патріархомъ константинопольскимъ. Петръ антиохійскій и Михаилъ Керулларій, какъ видно изъ ихъ посланій, по своимъ полемическимъ взглядамъ рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Петръ антиохійскій, подобно Фотію, не смѣшиваетъ несущественнаго съ существеннымъ въ дѣлѣ вѣры, обряда съ догматомъ, мѣстныхъ обычаевъ съ общеобязательными церковными правилами. Патріархъ же константинопольскій Михаилъ Керулларій не полагаетъ никакого различія между тѣми и другими: онъ равно винитъ латинянъ какъ за измѣненіе символа вѣры, такъ и брадобритіе, какъ за опрѣсноки, такъ и за употребленіе сала въ пищу. Отвѣчая на обвиненіе латинянъ, перечисляемья Михаиломъ Керулларіемъ, Петръ антиохійскій пишетъ: «Что намъ до того, что епископы ихъ брѣютъ бороды и носятъ перстни. Мы сами носимъ гуенцо на головѣ въ честь верховнаго апостола Петра, и украшаемъ одежды свои золотомъ. Что же касается скверноствія и яденія мяса ихъ монахами, то и между нашими подобное встрѣчается... Не должно гнущаться никакимъ твореніемъ Божиимъ, но всякое принимать съ благодарственною молитвою

(288). Изъ всѣхъ обвиненій, заводимыхъ на латинянъ Минаиломъ Керулларіемъ Петръ антиохійскій признаетъ существенными только—приложеніе къ символу вѣры словъ «отъ Сына» и совершеніе евхаристіи на опрѣснокяхъ, не одобряя при томъ безбрачія духовенства. Такой взглядъ Петра антиохійскаго на заблужденія латинянъ и такое безпристрастное отношеніе къ восточному монашеству не могло нравиться защитникамъ православія. Живымъ тому доказательствомъ можетъ служить самое слово (40) Тактикаона, въ которомъ Никонъ Черногорецъ полемизируетъ съ Петромъ антиохійскимъ по поводу сообщеннаго имъ извѣстія о восточныхъ инокахъ. Въ этомъ-то нерасположеніи во взглядахъ патріарха Петра и нужно, по всей вѣроятности, искать объясненія, почему указанное посланіе Петра не встрѣчаемъ въ славянскихъ спискахъ.

Изъ полемическихъ трудовъ Григорія Паламы обращаютъ на себя вниманіе его «возраженія на 'Епіурафа' Іоанна Векка, по живому непосредственному отношенію къ исторической борьбѣ двухъ церквей. Константинопольскій патріархъ Іоаннъ Веккъ (1275—1282), изъ противниковъ латинянъ сдѣлавшійся ихъ защитникомъ, въ своемъ сочиненіи 'Епіурафа', обратившемъ на себя всеобщее вниманіе, старался доказать, что церковь восточная не отрицаетъ прибавки къ символу вѣры «отъ Сына», и такимъ образомъ оправдать провозглашенное на Ліонскомъ соборѣ (274) соединеніе церквей. Въ опроверженіе этого-то сочиненія Григорій Палама и написалъ свои возраженія—'Аутетурафа'. Возраженія Паламы, какъ только стали извѣстны въ Византіи, не замедлили появиться и въ славянскомъ переводѣ.

Такимъ образомъ въ ряду указанныхъ полемическихъ сочиненій появившихся и распространявшихся на Руси въ 200 лѣтній періодъ (XIII и XIV вв.), не видимъ ни одного произведенія составленнаго русскимъ писателемъ.

Пятнадцатый вѣкъ представляетъ не менѣе любопытное явленіе въ исторіи полемической литературы дѣстославной Руси. Когда послѣ Флорентійскаго собора (1439) митрополитъ Исидоръ прибывъ въ юго-западную Русь, распространилъ въ спискахъ опредѣленіе Флорентійскаго собора и унія была провозглашена,—мѣстное духовенство и общество оказалось совершенно равнодушнымъ къ тому, такъ что Исидоръ въ продолженіи по-

лгода жилъ снохойко, служилъ въ восточныхъ и даже получалъ отъ кievскаго князя Александра Владиміровича грамоту (1441), въ которой назывался «господиномъ и отцомъ» и которой утверждались за нимъ всё митрополичьи вѣщани и доходы. Унія флорентійская, провозглашенная Исидоромъ, продолжала существовать въ юго-западной Руси и при его преемникахъ Григоріи, Мисаилѣ и др. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ не появилось ни одного полемическаго сочиненія. Такое полнѣйшее равнодушіе къ флорентійской уніи въ XV в. смѣнилось оживленной полемикой въ XVI и XVII ст. Слѣдуетъ однако замѣтить, что равнодушное отношеніе къ уніи въ XV в. не было явленіемъ общимъ на Руси. На сѣверо-востокѣ иначе отнеслись къ провозглашенной уніи. Въ Москвѣ Исидоръ былъ объявленъ еретикомъ, заключенъ въ Чудовъ монастырь и осужденъ соборомъ епископовъ. Появились и полемическія сочиненія, ваѣ-то: посланія къ императору Іоанну Палеологу и патриарху константинопольскому Митрофану, повѣсть объ осьмомъ соборѣ суздальскаго іеромонаха Симеона, «путешествіе Исидора на флорентійскій соборъ».

Флорентійской уніей, точнѣе говоря, полемическими сочиненіями, вызванными ею, и кончается историко-литературный обзоръ древне-русскихъ памятниковъ, который представляетъ названная въ заглавіи настоящей статьи книга г. Попова.

Исслѣдованіе г. Попова, ваѣе видимъ, вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ воззрѣній на латинянъ, которыми руководились древне-русскіе полемисты въ борьбѣ съ своими противниками, воззрѣній, которыя складывались на Руси подъ вліяніемъ Византіи, — намѣчаетъ тотъ литературный путь, какииъ проникали къ намъ византійскія полемическія сочиненія и тѣмъ самымъ даетъ богатая данныя для характеристики веденной въ продолженіи нати вѣковъ борьбы. Но этииъ еще не ограничивается значеніе книги г. Попова. Съ свойственной ученому обстоятельностью, онъ подвергаетъ каждый литературный памятникъ сравнительному изученію, провѣряя разныя редакціи и списки, при чемъ не ограничивается въ своемъ исслѣдованіи только тѣми выводами, въ которыхъ пришелъ при сличеніи данныхъ полемическихъ сочиненій, или одними резюме памятниковъ, подтверждающихъ его выводы; онъ понимаетъ, что на важдый данный вопросъ можно взглянуть съ различныхъ точекъ зрѣнія, что

однимъ и тотъ же матеріалъ въ рукахъ двухъ-трехъ исследователей можетъ освѣщать разныя стороны вопроса, приводить къ новымъ выводамъ, рѣшать частныя недоразумѣнія и объяснять всевозможныя обстоятельства разбираемаго дѣла, и потому сталъ нужнымъ и полезнымъ для науки помѣстить въ своемъ изслѣдованіи, въ цѣломъ или отрывкѣ, многіе изъ колоссическихъ памятниковъ. Между этими памятниками наводятся съ одной стороны такіе, которые и прежде были опечатаны, но въ не-исправномъ видѣ, съ другой или совсѣмъ не издавшіе свѣта Божія или малодоступные по рѣдкости своего изданія. Къ числу первыхъ принадлежатъ между прочимъ; «повѣсть о латынѣхъ», известная западнымъ ученымъ въ искаженномъ видѣ (178), и «посланіе Нинифора, митрополита кievскаго, къ Ярославу Святославичу» (111—116); къ числу неизданныхъ доселѣ: «еписто-лія на римляны» (191), замѣчательный памятникъ византійской литературы, «слово о немецкомъ прелженіи, како научи ихъ гугнивый Петръ ереси» (22) и посланіе Григорія Маммы, патріарха константинопольскаго, къ Александру Владиміровичу, князю кievскому, о соединеніи церквей (332).

Кромѣ такой значительной послуги, со стороны автора книги оказанной ученымъ, не лишено значенія и рѣшеніе отдѣльных спорныхъ вопросовъ въ области полемики, къ которому изслѣдователь по временамъ прибѣгаетъ. Такъ напр. загадочный вопросъ о Петрѣ гугнивомъ, которому, по лѣтописному сказанію другихъ памятниковъ, приписывается возвращеніе вѣры, вопросъ, занимающій русскихъ и западныхъ ученыхъ, рѣшается изслѣдователемъ въ томъ смыслѣ, что это личность неисторическая. Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Лилова, написавшаго сочиненіе: «о такъ-называемой Кирилловой книгѣ» (Казань, 1858 г.), что Петръ гугнивый лицо вымышленное, г. Поповъ признаетъ этого развратителя вѣры не болѣе, какъ отвлеченнымъ противоположеніемъ апостолу Петру (18—21).

Другіе частныя вопросы, которыхъ касается составитель книги, оставляемъ въ сторонѣ, чтобы безъ особенной нужды не утомлять читателя и не увеличивать объема настоящей библиографической статьи. Надѣмся, что и представленный нами бѣглый очеркъ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій пятисотлѣтняго періода (XI—XV) вполне достаточенъ для того, чтобы вы-

дѣтъ богатство предлагаемаго изслѣдователемъ матеріала и его научную разработку, которая должна предшествовать связанному, систематическому изложенію исторіи.

Послѣ такого отраднaго начала труда, взятаго на себя г. Поповымъ, остается только пожелать ему полнаго успѣха въ дальнѣйшихъ работахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ позволимъ себѣ высказать надежду, что второй томъ его историко-литературнаго обзора обнимающій полемическія сочиненія противъ протѣстанства за два, слѣдующіе по порядку, вѣка (XVI—XVII), не замедлитъ, конечно, явиться въ печати, тѣмъ болѣе, что онъ, по заявленію автора книги, уже совершенно готовъ. Встрѣченное же г. Поповымъ, и совершенно неожиданно, препятствіе къ изданію изготовленнаго труда въ хранителѣ рукописей Румянцевскаго музея будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, устранено въ виду научныхъ интересовъ.

Н. Покровский.

ОГЮСТЬ КОНТЪ,

КАКЪ АВТОРЪ «КУРСА ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ. И
«ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ».

Право и государство въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, сочиненіе Н. Хлбникова. 1874 года. Варшава.

«Жажда, съ которою умы повсюду принимаютъ позитивизмъ, говоритъ Огюсть Контъ, указываетъ, что къ нему склоненъ нашъ умъ, и что теологическія и метафизическія системы были принимаемы лишь за немнѣніемъ лучшей пищи для ума, не замѣнивъ нисколько внутреннія потребности нашего истиннаго мозгового аппетита». Слова эти были высказаны Контомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Если мысль Конта о томъ, что позитивизмъ все больше и больше распространяется, нельзя не назвать справедливою по отношенію къ тому времени, когда она была высказана французскимъ мыслителемъ, то тѣмъ болѣе она справедлива, если имѣть въ виду преобладающее направленіе и настроеніе мысли большинства современныхъ образованныхъ людей. Поскольку позитивизмъ характеризуется отрицаніемъ религій, игнорированіемъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашего ума относительно сущности бытія, первичныхъ причинъ его и конечныхъ цѣлей и т. д., онъ дѣйствительно распространяется болѣе и болѣе. Только люди, почему-либо желающіе набрасывать свѣтлый покровъ на современную дѣйствительность и находящіе болѣе выгоднымъ оптимистически смотрѣть на мрачныя стороны ея, могутъ утверждать, что только смотря въ увеличительное

столько на эти стороны современной действительности, можно говорить, что преобладание указанного ложно-позитивного направления составляет прискорбный фактъ, мириться съ которымъ невозможно для людей, не желающихъ «плыть въ жизни по теченію». Сами сторонники позитивизма, которыхъ отнюдь нельзя замодозрять въ клерикальныхъ тенденціяхъ и теологической яжебы нетерпимости, сознаются открыто, что большинство современныхъ умовъ заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ отрицательныхъ отношеніяхъ къ религіи и ко всему тому, что съ ней связано и что ею предполагается. Волѣе здравомыслящіе изъ позитивистовъ начали приходить къ тому убѣжденію, что уважанное отношеніе къ религіи и ко всему, что ею предполагается, не только не полезно, но составляетъ прямой источникъ многихъ печальныхъ явленій современной цивилизаціи и условій тѣхъ фальшивыхъ сужденій о вопросахъ общественной жизни и мысли, которыя распространяются и высказываются нынѣ самыми разнообразными путями. Говоря все это, мы разумѣемъ Спенсера. Имѣя въ виду отношеніе большинства современнаго образованнаго общества къ религіи, этотъ англійскій мыслитель говоритъ: «то, что считалось прежде безусловно-истиннымъ, теперь отвергается съ презрѣніемъ, какъ безусловно-ложное, къ тому, что чтли безпредѣльно, относятся теперь съ безпредѣльнымъ презрѣніемъ»¹⁾. Указавъ на этотъ фактъ, Спенсеръ разъясняетъ весь вредъ такого отношенія къ тому, что вѣкогда было дорогимъ и священнымъ. Скажутъ: если даже позитивисты такъ начали разсуждать, то гдѣ же основаніе къ «слишкомъ будто бы, врачуемому» взгляду на современную действительность? Это основаніе заключается въ томъ, что, во-первыхъ, за указанное замечаніе на Спенсера съ яростью набросились люди, прикидывающіеся сторонниками непонимаемой ими науки, а съ другой стороны, какъ читатели нашего журнала увидятъ въ послѣдствіи, самъ Спенсеръ держится такихъ понятій о значеніи религіи и о существѣ христіанства, которыя меньше всего могутъ быть раздѣляемы. На то ожидаемое нами замѣчаніе, что Контъ и

¹⁾ См. стр. 453 недавно вышедшаго новаго сочиненія Герберта Спенсера: изученіе есоціологіи. Перев. съ англ. яз., подъ редакціей Гольдсмита. 2-й томъ. Спб. 1876 года.

Спенсеръ говорятъ не о русскомъ обществѣ, мы должны сказать слѣдующее. Идеи, родственныя позитивизму, у насъ литературнымъ путемъ распространяются давно уже нѣсколькими журналами, имѣющими, если не останавливаться только на однихъ ихъ непосредственныхъ подписчикахъ, весьма обширный кругъ читателей. Позитивизмъ Конта специально распространялся Нисаревымъ въ нѣсколькихъ его живыхъ и бойкихъ статьяхъ, проникнутыхъ полнымъ благоговѣніемъ къ мудрости французскаго мыслителя, «величайшаго изъ философовъ», какъ величали у насъ Конта и доселѣ еще величаютъ. Въ настоящее время большинство «толстыхъ» нашихъ свѣтскихъ журналовъ и нѣкоторые весьма распространенныя газеты распространяють усерднѣйшимъ образомъ основныя принципы позитивной философіи не говоря уже о предпринятыхъ отдѣльныхъ изданіяхъ въ видѣ переводовъ съ иностранныхъ языковъ сочиненій, по своему направленію, при всей кажущейся научности ихъ, примыкающихъ такъ или иначе къ «позитивной философіи» Конта и нерѣдко заходящихъ гораздо дальше ея въ проведеніи отрицательныхъ принциповъ, лежащихъ въ ея основаніи. Между тѣмъ, журналовъ и сочиненій, специально посвященныхъ серьезной научной разработкѣ вопросовъ, которые тенденціозно рѣшаются позитивизмомъ, до послѣдняго времени мы не видимъ у насъ. Даже духовныя журналы, по какой-то *раціонально* не объяснимой причинѣ, до послѣдняго времени сохраняють таинственное молчаніе о статьяхъ и сочиненіяхъ, проводящихъ позитивное ученіе. Къ чему имъ, въ самомъ дѣлѣ, заниматься всѣми этими вещами, когда гораздо легче работы, одинаково интересныя и полезныя и для человѣка, жившаго въ X вѣкѣ, и для человѣка, живущаго въ XIX в., когда, по справедливому замѣчанію преосвящ. Хрисанеа, можно подумать, что готовится цѣлый переворотъ въ области человѣческихъ убѣжденій, когда начинается, повидному, проверка всего, что до нынѣ зналъ и думалъ о себѣ человѣкъ, когда вновь поставлены всѣ тѣ вѣковые вопросы о судьбѣ міра и человѣка, передъ которыми всегда отступала человѣческая мысль, и поставлены не затѣмъ уже, повидному, чтобы еще разъ отступить предъ ними ²⁾). Какое, въ самомъ дѣлѣ, дѣло

²⁾ См. стр. 154 янв. кн. „Пр. Обзор.“ за 1876 годъ.

представителямъ нашей богословской мысли, что слишкомъ жаро можно извѣстно то, къ чему сводятся разнообразныя новыя теоріи, волнующія современнаго человѣка, и въ чемъ и гдѣ думать онѣ найтъ тайну и разгадку нашихъ судебъ, что въ нашей странѣ, еще молодой по образованію, колебаніе въ мысли и жизни, отрицаніе всего, что выше простой вещественной потребности, кажется еще зачатѣе, что среди образованныхъ классовъ напряженіе мысли доходитъ до отрицанія, часто болѣзненного ³⁾). Печатаіе на страницахъ современнаго журнала большей частью архивныхъ вещей никого не затрогиваетъ, свидѣтельствуетъ о нашемъ миролюбіи и розовомъ взглядѣ на вещи, говоритъ даже, повидимому, о нашей тяжелой учености, иногда даже доставляетъ намъ нѣкоторые привилегіи... Было бы, конечно, не справедливо утверждать, что такое отношеніе большинства нашихъ духовныхъ журналовъ къ жгучимъ вопросамъ жизни всегда зависитъ отъ редакціи. Журналъ, въ которомъ мы пишемъ, всегда готовъ дать на своихъ страницахъ мѣсто всякой *живой* научной статьѣ, имѣющей близкое отношеніе, по своему предмету, къ религіозно-нравственнымъ потребностямъ современнаго общества. Дай только Богъ, чтобы дѣятели нашей богословской науки посвящали свои силы и свои знанія на служеніе тѣмъ цѣлямъ, которые преслѣдуетъ нашъ журналъ; имена этихъ дѣятелей будутъ дороги для него, а труды желательны какъ нельзя больше.

Итакъ, ничего нельзя сказать противъ той мысли Огюста Конта, что позитивизмъ все больше и больше распространяется. Не напрасно онъ воображаетъ, будто это зависитъ отъ того, что позитивизмъ представляетъ лучшую и болѣе здоровую пищу для ума, чѣмъ теологическія и метафизическія системы. Было бы въ настоящемъ случаѣ неумѣство распространяться о томъ, почему именно разныя ложныя доктрины, и въ числѣ ихъ позитивная, дѣлаютъ въ настоящее время столь быстрыя завоеванія и разливаются сильнымъ, шумнымъ и мутнымъ потокомъ повсюду. Исслѣдованіе причинъ этого явленія завлекло бы насъ далеко. Но мы не можемъ не сказать слѣдующаго. Ничего нѣтъ неосновательнѣе, какъ заключать отъ степени распространенія какого-

³⁾ Ibid.

либо ученія къ его истинности. Это такъ для всякаго очевидно, что объ этомъ и говорить не стоитъ. Мало ли что находило и находитъ обширное распространеніе? Загвоздь, справедливѣе объяснять успѣхи позитивизма, не нашему мнѣнію, тѣмъ же, чѣмъ объяснялъ одинъ дикарь изъ племени зулузовъ то обстоятельство, что онъ не пришелъ къ мысли о первой причинѣ всего сущаго, Богъ Творецъ и Промыслитель. «Наше знаніе, гонимъ онъ, не побуждаетъ насъ отыскивать корней его; мы и не пытаемся увидѣть ихъ; если кто ищудъ немного и подумаетъ объ этомъ, онъ скоро отъ этого отказывается и обращается къ тѣмъ предметамъ, которые видитъ своими глазами; да и о томъ, что онъ видитъ передъ собою, онъ не имѣетъ настоящаго понятія»¹⁾. Можетъ быть, кому-либо покажется наша мысль нелѣпою, въ такомъ случаѣ мы просимъ бы *серьезно* опровергнуть ее, и тогда мы постараемся доказать всю справедливость ея. Наконецъ, быстрое и обширное распространеніе позитивизма мы объясняемъ напр. относительно нашего общества и тѣмъ обстоятельствомъ, что пропаганда позитивнаго ученія у насъ нигде не встрѣчала до сихъ поръ дружнаго и энергическаго *интеллектуальнаго* отпора (полицейскому вышнему отпору во всѣхъ его видахъ мы не можемъ придавать серьезнаго значенія). Поэтому-то выше мы и распространялись нѣсколько въ нашей рѣчи о появленіи у насъ пропаганды позитивнаго ученія, объ отношеніи къ ней нашей духовной литературы и ея представителей и т. п. Кто согласится съ нами, что одною изъ причинъ быстрого распространенія позитивнаго ученія служатъ отсутствіе противодѣйствія ему, тотъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится осудить насъ за наше мнѣніе о многихъ духовныхъ журналахъ, которое можетъ показаться рѣзкимъ. Когда идетъ рѣчь о серьезныхъ вопросахъ жизни, тогда было бы вовсе неудобно оставлять разныя мелкія самолюбія и расточать ничѣмъ не оправдываемыя похвалы. Конечно, не на одной духовной журнальстикѣ лежитъ обязанность разумнаго противодѣйствія распространенію ложныхъ ученій. Но изъ того, что другіе не исполняютъ этой обязанности, никакъ не слѣдуетъ, что и мы не должны исполнять ее: напротивъ, это должно лишь усилить нашу дѣятельность въ разсматриваемомъ направленіи.

¹⁾ Стр. 147 первой кн. журнала „Знаніе“ за 1875 г., въ приложеніи.

Назъ всего вынесказаннаго одблудеть, что, во-первыхъ, нельзя отрицать, что позитивное направление распространяется болѣе и болѣе. Мало того, мы должны сказать на основаніи нашего знакомства съ «козантинами» органами нашей печати и съ другими способами проявленія этого направленія, что у насъ оно начинаетъ вырождаться во что-то такое, отъ чего непремѣнно отрекся бы самъ основатель позитивизма. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Но дѣло въ томъ, что крайности, въ которыя вырождается извѣстное направленіе, должны быть еще болѣе принимаемы къ свѣдѣнію, чѣмъ самое это направленіе въ первоначальной своей формѣ. Во-вторыхъ, необходимость противодѣйствія ложному позитивизму является, на основаніи предыдущихъ данныхъ указанныхъ нами, дѣломъ, стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія для тѣхъ, кому дѣйствительно дорого наше общественное друженіе и кто считаетъ себя христіаниномъ не на словахъ только. Въ виду равнодушія современнаго общества къ тому или другому рѣшенію высочайшихъ и основныхъ вопросовъ нашего ума и жизни наши журналы должны глубже и настойчивѣе выносить значеніе и важность этихъ вопросовъ и содѣйствовать высвобожденію современныкъ умовъ изъ оковъ грубаго и односторонняго реализма. Въ виду неправильнаго рѣшенія указанныхъ вопросовъ нужно содѣйствовать вѣжески правильной постановкѣ ихъ и правильной разработкѣ. Поставивъ цѣлью критическаго обзорѣнія въ нашемъ журналѣ, между прочимъ, ознакомленіе съ одной стороны нашихъ читателей съ нашими учено-литературными журнальными статьями и съ отдѣльными сочиненіями, откуда бы они ни исходили, какъ скоро они, по своему своему предмету и направленію, въ болыпей или меншей мѣрѣ служатъ къ научному оправданію христіанскаго міровозрѣнія въ виду современныхъ нападковъ и отрицаній его, а, съ другой стороны, всесторонній разборъ такихъ журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій, которыя подходятъ подъ противоположную вышеуказанную категорію, мы очень рады, что приходится къ настоящій разъ говорить о сочиненіи профессора варшавскаго университета, принадлежащемъ не къ несвѣдѣной, а къ первой категоріи.

Сочиненіе г. Хлѣбникова, на которое указано въ заглавіи

нашей статьи, имѣть своимъ предметомъ изслѣдованіе о происхожденіи, сущности, основныхъ началахъ и способахъ развитія цивилизаціи вообще. Вопросъ, рассматриваемый почтеннымъ профессоромъ, какъ онъ справедливо самъ замѣчаетъ, еще никогда не былъ обрабатываемъ и даже почти не былъ затронутъ во всей своей сложности и широтѣ. Отсюда понятно, съ какими трудностями пришлось бороться нашему ученому и какъ много работы предстояло ему, чтобы освѣтить этотъ темный, но въ высшей степени интересный вопросъ и установить на него по возможности правильный научный взглядъ. Автору предстоялъ громадный трудъ уже въ томъ одномъ отношеніи, чтобы перечитать въ подлинникахъ весьма большое число сочиненій, болѣе или менѣе относящихся къ его предмету, не растеряться мыслью въ многочисленности теорій относительно рѣшенія тѣхъ вопросовъ, съ которыми по необходимости сталкивался изслѣдователь, и критически разработать весь этотъ сложный матеріалъ. Въ нашей задачѣ лежитъ оцѣнка капитальнаго труда проф. Хлѣбникова, — труда, который, къ сожалѣнію, еще неоконченъ и окончаніи котораго мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать отъ почтеннаго автора. Сочиненію почтеннаго автора заслуживаетъ вниманія духовной журналистики главнымъ образомъ потому, что служить къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя должна преслѣдовать преимущественно духовная журналистика. Изслѣдованіе г. Хлѣбникова, несмотря на то, что онъ не задавался преднамѣренно апологетическими цѣлями, представляетъ собою безпристрастное научное оправданіе многого изъ того, что въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ неостанныхъ враждебныхъ нападений и абсолютнаго отрицанія. Въ своемъ серьезномъ сочиненіи г. Хлѣбниковъ рассматриваетъ всѣ реалистическія теоріи, стремящіяся объяснить явленія цивилизаціи изъ началъ, несомнѣнныхъ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. На основаніи критическаго анализа этихъ теорій почтенный профессоръ приходитъ къ тому заключенію, что реализмъ совершенно несостоятеленъ въ объясненіи цивилизаціи. Но и относительно философскихъ идеалистическихъ теорій г. Хлѣбниковъ остается на поклонникомъ ихъ, а серьезнымъ критикомъ ихъ. Рассмотрѣніе и оцѣнка этихъ разнородныхъ теорій привели почтеннаго профессора къ тому убѣжденію, что хри-

стианское теистическое учение есть самое основательное въ философскомъ и научномъ смыслѣ ученіе, могущее великія удовлетворить наше сознаніе, какъ бы оно серіозно требовательно ни было, Сочиненіе г. Хлѣбникова въ высшей степени отрадное явленіе въ нашей литературѣ уже потому одному, что авторъ его не захотѣлъ подчиниться разнымъ моднымъ направленіямъ, отъ которыхъ такъ многіе болтса уклониться, и остался на высотѣ научныхъ требованій, несмотря на то, что онъ не могъ ожидать сочувственнаго отношенія къ своему труду отъ нашихъ журнальныхъ критиковъ, умбющихъ обыкновенно приходиться въ восторгъ не отъ серіозной научной работы, а отъ такихъ произведеній, которыя бьютъ на либерализмъ, хотя бы онъ былъ самаго дешоваго свойства и состоялъ въ бездоказательномъ и смѣломъ отрицаніи общепринятыхъ воззрѣній. Что наша журнальная критика именно такъ относится къ наиболѣе почтеннымъ трудамъ, не бьющимъ на отрицаніе или на смѣлыя утвержденія, это видно уже изъ того однаго, что о капитальномъ изслѣдованіи г. Хлѣбникова, вышедшемъ въ декабрѣ прошлаго года, не было вовсе никакой замѣтки до настоящаго времени, въ которое мы пишемъ, даже въ тѣхъ изъ нашихъ журналахъ, которые не пропускаютъ даже такихъ явленій въ области нашей печати, какъ напр. «Таперича надо булшой реформъ дѣлать» мурза Ахмета Ишанбаева или «Толковыя словарь 40,000 иностранныхъ словъ» Михельсона. Своимъ молчаніемъ о почтенномъ трудѣ проф. Хлѣбникова, наносящемъ чувствительный ударъ разнымъ моднымъ идейкамъ, наши журнальные критики, очевидно, хотять сказать, что это-де такое сочиненіе, о которомъ не стоитъ и говорить. Удивительно, до чего доходитъ любовь къ истинѣ и къ наукѣ въ руководителяхъ нашего общественаго мнѣнія! И насъ все-таки хотять еще увѣрить, будто мрачныя стороны нашей дѣйствительности не таковы, какими онѣ представляются лицамъ, разсматривающимъ и оцѣнивающимъ явленія жизни съ христіанской точки зрѣнія. Самое это увѣреніе—одно изъ свидѣтельствъ далеко ненормальнаго склада нашей общественной мысли въ большинствѣ представителей ея. По всему этому по крайней мѣрѣ со стороны нашей находимъ непростительнымъ проходить молчаніемъ такіе почтенные труды, какъ сочиненіе проф. Хлѣбникова. Мы не-

нѣтъ возможности надлежащимъ образомъ ознакомить читателей съ содержаніемъ обширнаго сочиненія г. Хлѣбникова, — сочиненія заключающаго въ себѣ 31 печатный листъ. Дѣлать же сухой перечень вопросовъ и теорій, рассматриваемыхъ въ изслѣдованіи почтеннаго ученаго, и указывать голословно на тѣ положенія, изъ которыхъ приходитъ онъ, мы считаемъ бесполезнымъ для нашей главной цѣли. Пусть интересующійся читатель самъ приобрѣтетъ и лично познакомится съ интереснымъ изслѣдованіемъ г. Хлѣбникова. Мы считаемъ полезнымъ ознакомить читателя съ той изъ многихъ главъ въ сочиненіи, въ которой авторъ его говоритъ о позитивной философіи и позитивной политикѣ Конта. Послѣ всего того, что мы выше говорили о позитивизмѣ и объ условіяхъ его все большаго и большаго распространенія, намъ уже нѣтъ надобности объяснять читателю, почему именно мы рѣшились познакомить его съ этой главой изъ всего изслѣдованія почтеннаго автора. Мы только можемъ выразить наше горячее желаніе, чтобы почаще появлялись такіа изслѣдованія, какъ изслѣдованіе г. Хлѣбникова. Подобнаго рода сочиненія, разоблачая эфемерность и научную несостоятельность многихъ теорій и ученій, обращающихся въ нашемъ обществѣ, по мѣрѣ большаго и большаго появленія ихъ и популяризаціи, единственно способны сдѣлать не нужными и совершенно излишними тѣ вышнія правительственныя мѣры, которыми регулируется доселѣ наша интеллектуальная жизнь и производительность и которыя, — нужно говорить правду, — нерѣдко вмѣсто добра приносятъ одинъ вредъ... Передавая содержаніе той главы въ сочиненіи г. Хлѣбникова, гдѣ онъ говоритъ о позитивизмѣ, мы — само собою разумѣется, — постараемся быть возможно-объективнѣе. Но это нисколько не устраняетъ надобности въ нѣкоторыхъ нашихъ личныхъ дополненіяхъ къ трактату г. Хлѣбникова. Дѣло въ томъ, что почтенному автору пришлось имѣть дѣло съ весьма многими и очень разнообразными теоріями, такъ что онъ не имѣлъ возможности и даже надобности болѣе подробно развивать свои мысли и относительно позитивизма. Еслибы авторъ задался цѣлю возможно подробнѣе проанализировать каждую изъ теорій, рассматриваемыхъ имъ, и доказывать свой взглядъ на нихъ возможно большимъ количествомъ научныхъ данныхъ, тогда онъ долженъ

былъ бы издать не двѣ книги, какъ онъ предположилъ, а десятокъ объемистыхъ томовъ. Впрочемъ, мы будемъ по возможности воздерживаться отъ нашихъ личныхъ дополненій къ трактату почтеннаго ученаго о Контановѣ позитивизмѣ, чтобы безъ нужды не удлинять нашей статьи. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, казавшихся намъ нужными, приступимъ къ отчету о содержаніи одной изъ главъ интереснаго сочиненія г. Хлѣбникова.

Въ послѣднее время возникла нѣсколько теорій, пытающихся указать неизмѣнные законы, которыми управляется развитіе исторической жизни человѣческаго духа. Школа натуралистическая ищетъ законовъ управляющихъ жизнью общества въ природѣ, окружающей человѣка. Жизнь человѣческаго духа, съ точки зрѣнія основателей и послѣдователей этой школы, подчинена вліянію физическихъ дѣятелей природы въ такой степени, что она неизбежно должна развиваться такъ или иначе и не можетъ идти въ своемъ развитіи какимъ-либо инымъ путемъ. Такъ напр. народы, живущіе въ странахъ тропическихъ, гдѣ природа раскрываетъ необычайныя силы, подавляющія человѣка, гдѣ часто повторяются землетрясенія и т. д., тамъ, по мнѣнію Бюкля, у человѣка наиболѣе сильно развивается воображеніе и подавляетъ собою разумъ. Въ доказательство этого Бюкль приводитъ особенности цивилизаціи древнихъ индійцевъ, у которыхъ, благодаря неотразимому, будто бы, вліянію природы, должна была преобладать и дѣйствительно, будто бы, исключительно преобладала поэзія съ подавленіемъ разсудочной, рефлексивной дѣятельности. Между тѣмъ среди древнихъ индійцевъ были не одни поэты, но и глубочайшіе мыслители. Всѣ философскія школы новаго времени имѣли уже въ Индіи своихъ представителей, какъ-то: деисты, пантеисты, матеріалисты, скептики. Индійцы создали логику, грамматику. Математическія свѣдѣнія ихъ были столь обширны, что нѣкоторые оріенталисты думаютъ, что имъ извѣстенъ былъ законъ Ньютона. Такимъ образомъ примѣръ, приведенный Бюклемъ, говоритъ противъ него же. Что жаркій климатъ вообще и величественныя явленія природы не дѣйствуютъ необходимо на человѣка, развивая воображеніе, доказательствомъ этому служатъ китайцы, какъ извѣстно, прозаичнѣйшій въ мірѣ народъ, которыхъ поэзія даже ничѣмъ не различается отъ сухихъ

научныхъ трактатовъ, а между тѣмъ итажды живутъ возлѣ тропиковъ. Словомъ, всѣ усилія представителей натуралистической школы объяснить явленія цивилизаціи изъ дѣйствія силъ и явленій природы оказывались и оказываются безуспѣшными. Экономическая школа пытается объяснить весь строй жизни человѣческихъ обществъ и ея разностороннее развитіе изъ экономического строя, который, будто бы, налагаетъ свой отпечатокъ на науку, искусство, даже на мораль и обуславливаетъ собою и политическія формы, и юридическія отношенія, такъ что «каждому типу экономического устройства соответствуетъ свой типъ общества»⁵⁾. Но напрасно стали бы насъ увѣрять представители этой школы, будто существуютъ и могутъ существовать сами по себѣ независимые экономическіе законы, способные опредѣлить собою всѣ явленія цивилизаціи и всѣ стороны развитія общественнаго. Даже поверхностное изученіе исторіи показываетъ, что развитіе человѣческой мысли никогда не было подчинено вліянію экономическихъ фактовъ и что мысль никогда не была чѣмъ-то прикладнымъ къ экономическому порядку, но всегда самостоятельной и независимой силой, развивающейся изъ себя. Несомнѣнно, что экономическое строеніе общества имѣло и имѣетъ вліяніе на разныя стороны общественной жизнедѣятельности. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, будто экономическія условія жизни наиболѣе опредѣляютъ собою складъ и характеръ общественной жизни и мысли. Позитивизмъ ищетъ законовъ, безусловно управляющихъ общественной жизнью, въ законахъ, которымъ подчиняется умственное развитіе человечества. Эти законы, съ точни зрѣнія представителей позитивной школы, опредѣляютъ собою всякіе другіе законы, какіе только дѣйствуютъ въ жизни человечества. Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію сущности законовъ, будто бы открытыхъ позитивизмомъ, спросимъ: возможно ли вообще открытіе какихъ бы то ни было законовъ, которымъ безусловно подчинялось бы разви-

⁵⁾ Эти мысли, развиваемыя обыкновенно сторонниками экономической школы, буквально повторены въ статьѣ „Недѣли“ (№ 11 за 1875 годъ) подъ заглавіемъ: „общественно-критическіе очерки“. Авторъ статьи усиливается до послѣдней степени подвести разные историческіе факты подъ свою теорію, хотя они видимо не укладываются въ искусственныя рамы...

те общественной жизни и мысли? Этотъ вопросъ, въ виду попытокъ разныхъ школъ къ изобрѣтенію этихъ законовъ, имѣетъ существеннѣйшую важность.

На только что поставленный вопросъ едвали можно отвѣчать положительно. Еслибы человечество пережило свой вѣкъ, наживъ все свое духовное содержаніе, чего невозможно и представить, то для гениальныхъ умовъ, которымъ бы досталась въ наслѣдіе исторія человечества, опредѣленіе законовъ человѣческаго ума, *можетъ быть*, было бы возможно. Но и тутъ эта возможность была бы далеко не полной. Такъ, послѣ смерти человѣка, прожившаго обычную мѣру человѣческой жизни, біографы производятъ оцѣнку содержанія его ума, но и такая оцѣнка весьма условна, ибо всегда остается предположеніе, что развиваясь инымъ путемъ, онъ, *можетъ быть*, пришелъ бы и къ инымъ результатамъ. Правда, возможенъ еще другой способъ опредѣленія законовъ чего-либо. Если извѣстно, что такое та или другая вещь по своей сущности, то отсюда мы можемъ заключить о всѣхъ ея явленіяхъ. Но позитивизмъ самъ же провозглашаетъ, что мы не имѣемъ никакой возможности знать, что такое вещь въ своей сущности. Какъ «ведѣно притязаніе» найти непремѣнные законы, которымъ бы роковымъ образомъ подчинялось развитіе интеллектуальной жизни, это можно видѣть изъ исторіи наукъ и искусствъ. Исторія логики доказываетъ, что она не указывала пути умственной жизни, а лишь констатировала совершившіеся факты. Всякія попытки законодательства въ искусствахъ ограничивались обыкновенно тоже констатированіемъ фактовъ. Поэтика Аристотеля была сколкомъ съ древнихъ трагедій. Лессингъ и Гегель точно также не дали и не могли дать идеаловъ искусству, которые и вообще даются не теоріей, а непосредственнымъ творчествомъ духа: теорія просто констатируетъ действительность. «Наша умственная жизнь есть ничто иное, какъ путешествіе съ фонаремъ, освѣщающимъ лишь ближайшіе шаги, по мѣрѣ нашего хода, но не болѣе». Какіе же законы Контъ могъ отыскать въ умѣ! Но онъ даже придумываетъ новую организацію для ума, будучи недоволенъ настоящей. Нормальный умъ, по мнѣнію Контъ и позитивистовъ, долженъ отказаться отъ причинной связи явленій, восходящей до первой причины; онъ долженъ выбросить изъ себя всё безусловныя

понятія, которыя въ настоящее время слушать ему основой для суждений, естественными рамками, въ которыхъ вращается мышленіе; онъ долженъ уничтожить въ себѣ какъ ни на чемъ будто бы неоснованныя, идеи добра и справедливости: истинный умъ, очищенный такимъ образомъ, будетъ воспринимать въ порядкѣ впечатлѣнія виѣшней природы и удовольствуется знаніемъ и постиженіемъ этого порядка. Если дѣйствительно философъ продѣлаетъ такія операціи надъ умомъ и опредѣлитъ законы его, то, къ сожалѣнію, эти законы будутъ законами не настоящаго ума, а искалѣченнаго. Уничтожить въ умѣ возможность связывать причинно явленія не значить ли перестать мыслить, ибо мыслить иначе невозможно? Возможно только отказаться отъ причинности тамъ, гдѣ она становится невыгодной для системы, именно тамъ, гдѣ по законамъ причинности мы восходимъ «къ первой и безусловной причинѣ», оставляя причинность во всемъ остальномъ. «Точно также смѣшно думать», что можно уничтожить въ умѣ нашея абсолютныя идеи, какъ это предлагаетъ Контъ. Безъ помощи тѣхъ или другихъ абсолютныхъ идей и понятій умъ не можетъ мыслить. Въ основѣ всякой системы мышленія будутъ непремѣнно заключаться абсолютныя идеи. Такъ, если мы хотимъ понять происхожденіе міра, то мы иначе не можемъ понять его, какъ приписать это происхожденіе или творчеству Божества (абсолютное) или творчеству природы (абсолютное). Остаться на серединѣ между этими двумя абсолютами мы не можемъ, ибо мы всегда должны прикрѣпить зданіе нашего мышленія къ чему-либо безусловному. «Мыслить иначе мы не можемъ». Заявляя же объ этой возможности, мы сознательно или бессознательно, но непремѣнно обманывали бы себя и другихъ. Объявляя въ предисловіи къ своимъ системамъ, что мы стоимъ на золотой серединѣ, въ самыхъ системахъ мы вопрямѣнно слѣдовали бы тому или другому направленію — матеріалистическому или идеалистическому. И дѣйствительно, большинство позитивистовъ подобными заявленіями желаютъ лишь прикрыть матеріалистическія основы своей теоріей. Ихъ заявленія о томъ, что они далеки отъ привнесенія въ свои системы понятій о первомъ началѣ и послѣднемъ концѣ явленій, волюгъ тежественно отъ извѣстной іезуитской увертки, посредствомъ которой іезуиты, клянясь, считали безгрѣшными не соблюдать клятвы, если въ

душѣ во время клятвы повторяли совершенно другое. Позитивисты глумятся надъ метафизиками, — замѣтитъ мы, — но сами тоже метафизики, но только *нечестные*, прикидывающіеся «немогущими знать» о конечныхъ причинахъ, но на самомъ дѣлѣ; въ большинствѣ своемъ, прямо стоящіе въ рѣшеніи этихъ вопросовъ на матеріалистической почвѣ. Позитивизмъ, однакожъ, приводитъ нѣкоторыя оправданія въ свою пользу, которыя могутъ показаться весьма важными. Исторія организаціи и развитія множества народовъ, начиная отъ первоначальныхъ ступеней культуры и восходя къ высшимъ ступенямъ цивилизаціи, у всѣхъ историческихъ народовъ представляетъ много аналогій, сходныхъ чертъ и особенностей, а слѣд. существуютъ же общіе законы организаціи и развитія. Значитъ, выражаясь языкомъ позитивизма, могутъ существовать статика (наука объ основахъ организаціи общества) и динамика (наука о законахъ движенія человѣческаго развитія). Но такое соображеніе имѣло бы для насъ известную долю значенія только въ томъ случаѣ, еслибы позитивизмъ ограничивалъ свои притязанія установленіемъ законовъ прошедшей исторіи человечества, уяснивъ *связь* разнообразныхъ явленій въ жизни человечества, относящихся къ прошлой ея исторіи. Хотя чрезъ это онъ не открылъ бы *законовъ* человѣческой исторіи, ибо она ихъ не имѣетъ въ томъ смыслѣ, какъ имѣетъ свои законы природа, но такое изслѣдованіе, безъ сомнѣнія, открыло бы многія изъ свойствъ нашего духа, сокрытыя для насъ самихъ. Явленія человѣческой исторіи не связаны безусловной необходимостью и предшествующія явленія ея не опредѣляютъ собою вполне послѣдующія, ибо въ исторіи каждый ея факторъ, каждый ея дѣятель привноситъ съ собою новое начало, которое само въ себѣ нельзя считать лишь послѣдствіемъ предыдущаго. Въ природѣ всѣ дѣятели пассивны, а въ исторіи — активны. Если идетъ дождь, то непременно будетъ сырость, но изъ того, что какой-нибудь народъ потерпѣлъ напр. неудачи на войнѣ, еще не слѣдуетъ непременно, что онъ упадетъ духомъ. Когда мы говоримъ о законахъ природы, то мы дѣйствительно разумѣемъ подъ этииъ, что всѣ ея явленія, при одинаковыхъ условіяхъ, совершаются съ неумолимою послѣдовательностью и не могутъ совершаться иначе. Когда мы говоримъ о законахъ исторіи, то мы всегда считаемъ необходимымъ лишь то, что

случилось, между тѣмъ мы очень хорошо знаемъ, что это могло и не случиться, или случиться другимъ образомъ, или отсрочиться, или даже вовсе не случиться. Такимъ образомъ причинная связь, которую историкъ соединяетъ событія, имѣетъ лишь весьма слабое сходство съ той причинностью, которую натуралистъ связываетъ явленія природы. Натуралистъ дѣйствительно ищетъ и открываетъ въ природѣ законы, которыми *всесильно* опредѣляются ея явленія. Историкъ-философъ, соединяя причинно факты или событія, указываетъ лишь, какъ *могутъ* люди дѣйствовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ, объясняя лишь характеръ нашего самодѣятельнаго духа. Такимъ образомъ въ исторіи мы изучаемъ лишь возможность событій, а не необходимость событій. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ мы и сказали, что исторія не имѣетъ законовъ и что напрасно сталъ бы кто-либо искать ихъ въ ней. Позитивизмъ же неправильно объясняетъ даже и самую связь между событіями прошедшей исторіи человѣчества и произвольно ихъ истолковываетъ. Къ чему же онъ говоритъ, будто имъ отысканы даже законы, управляющіе жизнью человѣчества? Позитивизмъ былъ бы правъ, еслибы отъ факта повторяемости какихъ-либо явленій въ исторіи всѣхъ народовъ и всѣхъ цивилизацій онъ заключилъ бы къ необходимости этихъ явленій и въ будущей исторіи человѣчества. Такъ изъ того, что всѣ цивилизаціи до сихъ поръ были религіозными, можно заключить, что религіозность есть *необходимая основа* цивилизаціи и что она вытекаетъ изъ существа нашего духа. Позитивизмъ имѣлъ бы за себя нѣкоторыя основанія, еслибы отъ измѣчивости религіи въ прошломъ онъ заключилъ бы о возможности такого измѣненія въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ все-таки заключенія его были бы съ формальной стороны нѣсколько логичны. Но заключенія позитивизма становятся въ высшей степени неестественными, когда онъ изъ того факта, что всякое развитіе наукъ сопровождалось увеличеніемъ количества наблюдаемыхъ фактовъ, тогда какъ метафизическія основы наукъ неизмѣнились, выводитъ заключеніе, что положительность, — т. е. признаніе того лишь, что очевидно и доступно высшимъ чувствамъ, — должна быть признана отнынь основой будущей цивилизаціи. Позитивизмъ становится безумно-цѣльнымъ, когда онъ создаетъ свою религію безъ Бога и объявляетъ ее религіей будущаго. Развитіе цивили-

лизиціи, говоритъ позитивизмъ, шло отъ всебожія (на Востоку) къ многобожію (въ классическомъ мірѣ) и отъ этого послѣдняго къ единобожію (въ христіанствѣ). Отсюда позитивизмъ заключаетъ, что единобожіе есть лишь переходящій моментъ развитія на пути къ господству позитивизма. Но атеизмъ, или позитивизмъ, появлялся въ концѣ всѣхъ цивилизацій. Законы Ману, Библия очень хорошо знаютъ атеистовъ. Конецъ греческой и римской цивилизацій также ознаменовался появленіемъ атеистовъ. Философія позитивизма не есть какое-то откровеніе, послѣдняя ступень человѣческаго ума. Точно также единобожіе не есть плодъ послѣдняго времени: оно относится къ глубочайшей древности. Древнѣйшія цивилизаціи, напр. индійская, египетская, все не чужды были своеобразнаго монотеизма, не говоря уже о іудеяхъ. Даже въ религіяхъ дикарей мы встрѣчаемъ ясныя слѣды монотеистическихъ религіозныхъ представленій. Указываемый позитивизмомъ порядокъ развитія есть «не мировой, а народный», ибо всѣ народныя культуры приходили къ этому принципу хотя бы въ лицѣ своихъ гениевъ. Слѣд. монотеизмъ не есть только ступень, предшествовавшая новѣйшему позитивизму, наоборотъ, тотъ фактъ, что всѣ народы приходили къ монотеизму, ясно показываетъ, что эта идея есть естественное убѣжденіе развитаго ума, вполне удовлетворяющая его сознанію. Точно также странно думать, что всѣ науки можно сдѣлать позитивными въ томъ смыслѣ, что можно исключить изъ нихъ, даже въ ихъ основаніяхъ, элементъ метафизическій. Основы всѣхъ наукъ, даже естественныхъ, до сихъ поръ метафизичны и *никогда* не перестанутъ ими быть, хотя число фактовъ и заключеній въ нихъ будетъ безконечно увеличиваться. Спрашивается: что иное, какъ не метафизическія основанія, законы тяготѣнія въ астрономіи, законы притяженія въ физикѣ, жизненная сила въ биологіи и т. д.? «Для меня лично не существуетъ существеннаго различія, говоритъ г. Козловъ, между метафизическими и научными знаніемъ: этого различія не существовало до послѣдняго времени ни для простыхъ смертныхъ, ни для великихъ мыслителей. Только въ нашемъ столѣтіи хотятъ разграничить рѣзкою чертою знаніе метафизическое и научное, но, по моему мнѣнію, безуспѣшно. Люди, которые наиболѣе кричатъ противъ метафизики, особенно отечественные «мыслящіе реалисты», сами «покрѣоче

другихъ» стоять на ея почвѣ. «Да иначе и быть не можетъ. Отрицать метафизику можно, только стоя на самой крайней точкѣ скептицизма, а именно, утверждая, что рѣшительно ничего не знаешь. Но съ такимъ отрицательнымъ положеніемъ теряешь всякую почву, висишь на воздухѣ, наконецъ даже теряешь право на мышленіе и разговоръ»⁴⁾. Отсюда кажется нелѣпой, влѣзая позитивизма построить такой циклъ наукъ, при которомъ умъ постепенно возвышался бы отъ простѣйшихъ истинъ къ истинамъ болѣе сложнымъ. Все мірозданіе въ такой мѣрѣ цѣлостно, проникнуто единствомъ, всѣ его части столь связаны между собою, что нѣтъ простѣйшихъ явленій, которыя въ тоже время не были бы самыми сложными, самыми трудными для пониманія. «Позитивизмъ и здѣсь играетъ, говорятъ проф. Хлѣбниковъ, комическую игру съ умомъ: онъ обѣщаетъ быть положительнымъ, исключать всякую метафизику, между тѣмъ оставляетъ неприкосновенными необходимыя метафизическія основы, какъ напр. жизненную силу, тяготѣніе и др., желая только, чтобы всякій проходилъ ихъ какъ можно скорѣе, не углублялся въ нихъ и не останавливался на нихъ». Позитивизмъ, — замѣтимъ мы, — дѣйствительно страдаетъ мыслелобазью и постоянно одержимъ опасеніемъ, какъ бы не впасть въ такой смертный грѣхъ, какъ глубокая, доходящій до конца, анализъ разнообразныхъ явленій изъ жизни природы и человѣческой исторіи, между тѣмъ какъ сторонники позитивизма обыкновенно любятъ приписывать эту мыслелобазью другимъ. Читайте вы въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, преслѣдующемъ будто бы специально ученые цѣли, но на самомъ дѣлѣ пропагандирующемъ позитивныя идеи, напр. статьи подъ такими заглавіями, какъ «реальныя основы мистическихъ явленій, заразительность умственныхъ заблужденій» и т. д. до статьи: «борьба за существованіе въ небесномъ пространствѣ» и т. п.⁵⁾, и навольно поражаетесь тѣмъ фактомъ, что авторы статей въ большинствѣ случаевъ умѣютъ искусно подбирать массу фактовъ въ подтвержденіе какой-нибудь любимой

⁴⁾ Полное изложеніе системы Гартмана: „философія безсознательнаго“. 1-й выпускъ, 1 стръ въ предисловіи.

⁵⁾ Мы разумѣемъ журналъ „Знаніе“, по поводу многихъ статей котораго давно бы некимъ духовнымъ журналомъ следовало высказываться по временамъ, а не игнорировать ихъ...

идеи, но съ еще большимъ искусствомъ умѣютъ обходить надлежашій анализъ приводимыхъ фактовъ, такъ какъ это обстоятельство могло бы заставить ихъ часто и даже очень часто отказываться отъ пропаганды этихъ идеекъ. Но въ тоже время какъ они горячо и настойчиво умѣютъ ораторствовать насчетъ отвращенія къ анализу и къ трезвому научному мышленію теологовъ, метафизиковъ и т. д.!

Обратимся теперь къ самой философіи Огюста Контъ. Позитивизмъ Контъ задается въ изученіи соціальныхъ законовъ двойной цѣлью: во-первыхъ, вывести законы прошлой исторіи человечества, и во-вторыхъ, установить нормальное, соответственное человеческой природѣ, общественное устройство на основаніи найденныхъ имъ законовъ человеческой природы. Разсмотримъ въ общихъ чертахъ то и другое.

Прежде, чѣмъ умъ дошелъ до своего естественнаго состоянія, онъ долженъ былъ послѣдовательно пройти слѣдующія ступени развитія: 1) періодъ фетишизма, 2) періодъ политеизма, 3) періодъ пантеизма, 4) періодъ господства метафизики, и наконецъ уже 5) вступаетъ въ періодъ позитивный^{*)}. Этотъ законъ Контъ вывелъ, по его мнѣнію, изъ обобщенія хода человеческой исторіи.

Первый недостатокъ теоріи Контъ состоитъ въ томъ, что она совершенно невѣрна исторіи, на которой между тѣмъ она необходима должна бы основываться. По Контъ выходитъ, что человечество первоначально вообще было фетишестическимъ, потомъ политеистическимъ, затѣмъ монотеистическимъ, даѣе метафизическимъ и наконецъ вступаетъ въ позитивную фазу развитія. Между тѣмъ исторія не представляетъ ничего подобнаго. Почти въ каждый моментъ прошлой и настоящей исторіи всѣ эти моменты развитія у разныхъ народовъ существуютъ одновременно и, кромѣ того, уже древнѣйшіе народы, какъ индусы и египтяне, прошли всѣ фазы развитія Контъ. Всѣмъ, читавшимъ болѣе подробную исторію Востока, а не учебникъ, кото-

*) Мы опускаемъ контовскую характеристику каждого изъ этихъ періодовъ. Читатель можетъ ознакомиться съ ними какъ изъ самой книги проф. Хлѣбникова, такъ и изъ статьи В. С. Соловьева въ ноябр. кн. „Прав. Обозрѣнія“ за 1874 годъ о позитивизмѣ.

рымъ, по его собственному признанію, довольствовался Контъ, извѣстно, что у индусовъ существовали школы и монотенистовъ и позитивистовъ и метафизиковъ. Открытый народный монотенизмъ евреевъ является за долге до политеизма грековъ. Метафизическія системы индусовъ и грековъ предшествуютъ не только монотенизму, но даже и фетишизму народовъ, населяющихъ въ настоящее время Европу. Такимъ образомъ исторія не представляетъ ничего подобнаго преемственности въ развитіи человѣческаго мышленія по шаблону, предлагаемому Контомъ, а съ этимъ вмѣстѣ рушится и единственное основаніе социологіи Конта. Если какая-либо теорія основывается на исторіи и въ то же время грубо невѣрна ей, то очевидно, что она не имѣетъ основанія. Второй глубокой пробѣлъ въ теоріи Конта вытекаетъ непосредственно изъ предшествовавшаго; онъ какъ бы предполагаетъ, что человечество развивается какъ единое цѣлое, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности живутъ и умираютъ народы, проходя различныя фазы развитія, часто безъ всякаго вліянія другъ на друга или съ незначительнымъ вліяніемъ. Въ то время какъ индусы и египтяне достигли вершинъ своего метафизическаго развитія, въ это время греки только что вступаютъ въ свой фетишестическій періодъ. Въ то время какъ греки и римляне занимаются метафизикой, нинѣ дѣйствующіе народы жили, вѣроятно, въ каменномъ вѣкѣ и среди грубѣйшаго фетишизма. Уже нечего и говорить о безчисленномъ множествѣ племенъ съ ихъ цивилизаціями, которыя не жили ни малѣйшаго отношенія къ другимъ цивилизаціямъ, жили и умерли безъ всякаго съ ними сношенія. Мало того, что нѣтъ никакой преемственности въ развитіи народовъ. Факты настоящей и прошлой жизни человечества доказываютъ, что она и невозможна. Исторія указываетъ, что каждый народъ ревностно оберегаетъ свои національныя идеи отъ всякаго вліянія даже высшей культуры. Всякія заимствованія дѣлаются возможными лишь тогда, когда народъ, стоящій на низшей степени культуры, путемъ самостоятельнаго развитія доходитъ до той степени, когда ему становятся понятными произведенія чуждыхъ культуръ, предшествовавшихъ его собственной культурѣ. Всякая неспѣшная прививка идей одной культуры къ другой, стоящей на низшей степени, приноситъ первоначально лишь вредные результаты,

ибо народъ, стоящій на низшей степени культуры, не будучи въ состояніи понять высшую въ ея основаніяхъ, понимаетъ ее внѣшне и уродливо, что, къ сожалѣнію, видно на исторіи нашей цивилизаціи. Пассивное же принятіе чужихъ идей невозможно: каждое мыслящее существо тогда только понимаетъ чужія мысли, когда оно перерабатываетъ ихъ въ своемъ духѣ. Потому-то, нельзя неразвитому самодѣятельностью уму сообщить высокія истины нравственныхъ и социальныхъ наукъ, какъ и заставить понять формулы изъ теорій вѣроятностей, прежде чѣмъ будетъ пройдена низшая математика. Третьихъ, система Конта проходитъ молчаніемъ причины паденія цивилизованныхъ народовъ и даже обходитъ самый фактъ паденія. Съ точки зрѣнія системы Конта необходимо было бы, чтобы народы, стоящіе на высшей степени культуры, подчинили себѣ народы, стоящіе на низшей степени культуры, ибо это требуется логикой основнаго закона развитія Конта. Между тѣмъ исторія шла до сихъ поръ обратнымъ путемъ и ничто не указываетъ на то, что она въ дальнѣйшемъ своемъ шествіи измѣнитъ его. До сихъ поръ нравственно здоровые и нравственно сильные народы, хотя и стоящіе на низкой степени культуры, побѣждали народы нравственно-развращенные, хотя и стоящіе на высокой степени культуры. Не заходя въ глубь вѣковъ, то, что дѣлается на нашихъ глазахъ, достаточно подтверждаетъ сказанное. Вотъ картина современной Франціи, нарисованная ея соотечественникомъ, которая достаточно объясняетъ побѣду нѣмцевъ. «Франція въ настоящее время, говоритъ Ренавъ, глубоко матеріалистична... Поговорите съ теперешнимъ крестьянникомъ или социалистомъ изъ интернаціоналя о Франціи, о ея прошломъ, о ея геніи,—онъ не пойметъ такого языка. Военная честь, съ этой узкой точки зрѣнія, кажется безуміемъ; интересъ къ великому, къ славіи ума представляется химерой; деньги, издерживаемыя для искусства и знанія, считаются пропавшими деньгами, безумно издержанными, вынутыми незаконно изъ кармановъ тѣхъ людей, которые сколь-возможно мало заботятся объ искусствѣ и знаніи». Такова глубина паденія народа, достигшаго высокой степени цивилизаціи. Здѣсь объясненіе стотысячныхъ армій, взятыхъ въ плѣнъ. Такая же судьба ожидаетъ и народъ, оказавшійся побѣдителемъ, если онъ далѣе и далѣе пойдетъ по

пути презрѣнія къ высшимъ началамъ жизни и заботъ о матеріальномъ могуществѣ и благосостояніи, поглощающихъ собою заботы о возвышеніи духовной стороны жизни... Когда народъ пересталъ что-либо любить кромѣ своего собственнаго матеріальнаго существованія, то онъ, конечно, будетъ уничтоженъ народомъ, который не потерялъ еще любви къ высшимъ началамъ, управляющимъ человѣческой жизнью. Гдѣ причина этого паденія народовъ? Исторія вообще и современная французская дѣйствительность указываютъ намъ, что эта причина заключается въ господствѣ надъ умами матеріалистической или позитивной философіи. Какъ скоро народы перестали, говорить проф. Хлѣбниковъ, вѣрить въ господство въ мірѣ божественнаго начала, они неизмѣнно падали. Позитивизмъ Конта есть не признакъ близкаго возрожденія, а близкаго паденія Франціи; онъ есть лишь завершеніе цѣлаго ряда системъ, родственныхъ Конту. Гельвеція, Гольбахъ, Кондильякъ, Ла-Метри суть прямые прародители системы Конта. Различныя социалистическія системы, какъ Сенъ-Симона, Базара, Анфантена, Фурье, суть только варьяціи одной главной темы развитія французской мысли отъ Гельвеціи до Конта. Эта тема—освободить порабощенную мнимыми предразсудками плоть и дать ей полную свободу, сдѣлать служебное господствующимъ... Естественный результатъ этого преобладанія матеріализма или позитивизма—современное нравственное паденіе Франціи. Это паденіе ожидаетъ и всѣ тѣ народы, которые въ лицѣ цѣлыхъ массъ увлекаются позитивизмомъ. Друзьямъ человѣчества слѣдуетъ начать систематическую и энергическую борьбу съ ложнымъ позитивизмомъ, который и у насъ дѣлаетъ все больше и больше завоеваній... Въ четвертыхъ, Контъ принужденъ игнорировать христіанство, ибо оно не укладывалось въ его систему. Онъ говоритъ о монотеизмѣ, но не говоритъ о христіанствѣ, какъ будто напр. монотеизмъ магометанскій и христіанскій одно и то же; невозможность помѣстить христіанство въ систему заставила Конта дойти до такой нечѣстности, говорить г. Хлѣбниковъ, что онъ утверждаетъ, будто католическое духовенство произвело переворотъ въ обществѣ даже номини христіанства въ силу своего унственнаго превосходства, но гдѣ же источникъ этого превосходства? Неужели въ грамотности и въ знаніи латыни, а не въ идеяхъ

христiанства? Эти абсурды лучше всего свидѣтельствуютъ о слабости системы, которую нужно подпирать такими нелѣпостями». Наконецъ, сама система Конта есть смѣсь идеализма и материализма, сведенныхъ въ одно и вступающихъ одно другое. Законъ развитiя ума Конта есть, очевидно, законъ логико-психологическiй. Умъ, во Конту, чрезъ обобщенiе переходитъ отъ всебожiя къ многобожiю и отъ многобожiя къ единобожiю. Спрашивается: это обобщенiе есть ли дѣло самодѣтельности ума или есть слѣдствiе измѣняющагося качественно мозгового вещества? Если вѣрно последнее по Конту, то тогда требуется доказать, что мозгъ человѣка измѣняется вмѣстѣ съ системами его мышленiя. Нужно доказать, что мозговое вещество у позитивиста иное, чѣмъ у метафизика или теолога, или что въ человѣкѣ, съ момента убѣжденiя его въ истинности позитивизма, измѣняется самая сущность его мозга. Если же это недоказано и даже не можетъ быть доказано, то тогда рушится единственное основанiе системы, ибо единобожiе, какъ система религiозная или метафизическая, справедливо можетъ быть разсматриваемо какъ нормальное состоянiе ума, такъ какъ всѣ народы естественно приходили къ этому убѣжденiю...

Теперь намъ остается разсмотрѣть то устройство общественной жизни, которое по Конту единственно нормально и желательно. Позитивное состоянiе человечества изложено Контомъ въ его «Позитивной политикѣ» и отчасти въ шестомъ томѣ его «Курса положительной философи».

Новая позитивная организацiя общественно-государственной жизни должна обнимать слѣдующiе народы, раздѣленные на двѣ группы: а) французы, германцы, англичане и американцы и б) испанцы, итальянцы, португальцы, поляки и греки. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ должна состоять народная масса общаго союзнаго государства, имѣющаго свою центральную власть и особыя народныя власти. Центральная власть будетъ состоять изъ трехъ народныхъ правителей, рядомъ съ которою должны стоять комитетъ, образуемый изъ представителей разныхъ народностей, вошедшихъ въ составъ союзнаго государства. Въ комитетѣ будутъ заседать и женщины, хотя число ихъ Контъ и ограничиваетъ шестью лицами. Въ рукахъ этого комитета съ другими подчиненными ему органами власти находятся лишь свѣтская

власть надъ практической дѣятельностью людей. Для руководства ума и сердца образуется особая, независимая отъ комитета духовная власть, такъ какъ, по Конту, въ основаніи новой общественной организаціи должно лежать *особое* умственное и нравственное воспитаніе, начала котораго будутъ строго опредѣлены. Это воспитаніе не ограничивается школой. Напротивъ, духовное начальство должно имѣть постоянную и неограниченную власть надъ умомъ и сердцемъ всѣхъ гражданъ. Рѣшеніе вопросовъ о происхожденіи міра, о высшемъ существѣ, о конечной цѣли міра, о сущности вещей и т. д. не должно имѣть мѣста въ воспитаніи членовъ устрояемаго Контомъ обширнаго идеальнаго общества. Духовное сословіе должно прилежно смотрѣть за всякимъ уклоненіемъ мысли въ область вопросовъ и разсужденій, не указываемыхъ дѣйствующими въ обществѣ правилами воспитанія. Каждый членъ государства будетъ обучаться тремъ наукамъ: космологіи, биологіи и соціологіи, состоящихъ изъ различныхъ, въ нихъ содержащихся знаній естественно-научнаго свойства и антропологическаго. Духовное сословіе или сословіе философовъ, долженствующее заниматься воспитаніемъ юношества и надзоромъ за умственной жизнью гражданъ, будетъ состоять изъ 20,000 человекъ, изъ которыхъ каждый долженъ владѣть знаніемъ и преподавать полный курсъ наукъ позитивизма. Эта масса философовъ постоянно перемѣняетъ мѣста пребыванія у всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ позитивной организаціи. Исходя изъ тѣхъ положеній, что «умъ назначенъ не царствовать, но служить», и что «мѣрою подчиненія ума сердцу опредѣляется прогрессъ», Контъ предлагаетъ, для наилучшаго развитія чувства, установить въ замѣну идеи Божества, отрицаемой позитивизмомъ, религиозное поклоненіе человѣчеству и женщинѣ. Позитивисты-священники должны возбудить въ насъ обязанность самосовершенствованія, назначая науку на изслѣдованіе человѣчества, поэзію на воспѣваніе человѣчества, мораль на развитіе любви къ человѣчеству и молитву на служеніе ему. Въ честь этого божества воздвигаются храмы, устраиваются празднества и т. д. Въ числѣ праздниковъ Контъ, между прочимъ, указываетъ праздники въ честь человѣчества и умершихъ гениевъ, между которыми важнѣйшіе суть: Цезарь, Аристотель Павелъ, Іоанна д'Аркъ и другіе дѣятели цивилизаціи. Пе-

эты и артисты всёхъ родовъ должны готовить оды и гимны для этихъ праздниковъ. Молитва къ великому существу—человѣчеству—будетъ состоять въ изліяніяхъ благодарности за его благодѣянія. Кромѣ этого служенія человѣчеству, для гуманизации (очеловѣченія) чувствъ служатъ сношенія съ женщинами, которыя въ позитивизмѣ играютъ роль возбудительницъ чувства. Женщины предназначаются быть посредниками между челоѣкомъ и его новымъ божествомъ—человѣчествомъ. «Каждый изъ насъ, говоритъ Конть, долженъ быть всегда поставленъ подъ особое провидѣніе этихъ ангеловъ, отвѣтственныхъ за насъ предъ великимъ бытіемъ». Женщина, чтобы стать на высоту своего позитивнаго призванія, должна развить въ себѣ чистоту и нѣжность. «Женщина безъ нѣжности, говоритъ Конть, есть социальный уродъ». Женщины, вмѣстѣ съ философами, дѣлать заботу о нравственномъ воспитаніи общества. Женщины предохраняютъ установленный порядокъ отъ революцій и анархій. Мужчины будутъ встрѣчаться съ женщинами въ «храмахъ челоѣчества», въ клубахъ и въ особенности въ салонахъ, гдѣ онѣ будутъ истинными царицами; мужчины должны вступать съ женщинами въ *постоянные брачные союзы, которые не должны разрушаться даже смертью одного изъ супруговъ*, ибо оставшіяся въ живыхъ должны посвящать остальную жизнь воспоминанію объ умершемъ. Мужчины должны доставлять содержаніе женщинамъ, которыхъ дѣятельность не должна выходить изъ условій домашней жизни, кромѣ общественной дѣятельности въ салонахъ. Этимъ вліяніемъ женщинъ будетъ достигнуто подчиненіе ума сердцу. «Такимъ путемъ благожелательныя чувства могутъ, наконецъ, освободиться отъ всякаго личнаго разчета... Только сердца, чуждыя теологическихъ (т. е. христіанскихъ?) страховъ и надеждъ, резонерствуетъ Конть, могутъ вкушать истинное благо челоѣческое, котораго тщетно искали древніе философы—именно любовь честную и безкорыстную. Челоѣческія колѣна, отнынѣ будутъ гнуться лишь предъ женщиной, воскидываетъ съ пафосомъ французскій мечтатель; этотъ культъ женщинъ будетъ болѣе спасителенъ, чѣмъ культъ Божеству». Въ экономической и общественной организаціи общества Конть дѣлаетъ мнѣе перемѣнъ, чѣмъ въ нравственной и умственной его организаціи. Конть не отрицаетъ того, что челоѣкъ столько же

наклоненъ къ возмущеніямъ, какъ и къ поборности, но воображаетъ, что рекомендуемое имъ устройство въ состояніи предотвращать всяческія возмущенія. Все населеніе его разноплеменнаго государства будетъ состоять изъ городовъ и добровольно къ нимъ примкнувшихъ селеній, а община будетъ состоять изъ отдѣльныхъ семействъ. Такъ какъ наша природа одновременно наклонна къ чувству, дѣятельности и умѣрзнію, то отсюда у Конта общество обнимается слѣдующими учрежденіями: семействомъ, городомъ и церковью. Въ каждомъ городѣ, могущемъ существовать отдѣльно, будутъ непременно находиться слѣдующія власти: 1) духовная, управляющая разсужденіями, 2) женщины, управляющія чувствами, и 3) фабриканты, управляющіе промышленностью. Связью всѣхъ мелкихъ обществъ служитъ общая церковь. Эта новая позитивная организація людей будетъ называться *соціократіей*. Управление принадлежитъ промышленникамъ: духовное-же сословіе, или теоретики, и женщины будутъ вліять на общество моральнымъ путемъ. Контъ горячо возстаётъ противъ коммунистовъ, толкующихъ объ уничтоженіи частной собственности и предоставляеть на волю каждаго приобрѣтеніе богатства въ свою полную собственность. Полная экономическая свобода, по мнѣнію Конта, не приведетъ ни къ какимъ печальнымъ результатамъ, такъ какъ въ его соціократіи существуетъ раздѣленіе духовной и свѣтской власти. Духовная власть вмѣшивается въ эти отношенія и своимъ нравственнымъ авторитетомъ предупреждаетъ всѣ столкновенія. Никакая собственность не можетъ быть ни создаваема, ни передаваема волею одного только собственника безъ воли общины. Община вмѣшивается всюду, подчиняя частные интересы публичнымъ. Духовная власть не допускаетъ передачи собственности въ чужія руки, притѣсненія хозяевами рабочихъ и т. д. Такъ какъ духовные не имѣютъ политической власти, то способъ ихъ вмѣшательства является въ видѣ духовныхъ наказаній, какъ-то публичнаго порицанія, исключенія изъ общества. Духовное сословіе, т.-е. теоретики, производятъ классификацію всѣхъ по ихъ способностямъ, опредѣляя однихъ къ области теоретической дѣятельности, другихъ — къ практической и регулируя вообще всякую общественную дѣятельность. Опредѣляя такимъ образомъ устройство общества въ цѣломъ и въ подробностяхъ, въ его эконо-

захъ и формахъ, Контъ вполне увѣренъ, что счастье людей вполне имъ обеспечено. Онъ думаетъ, что при такомъ устройствѣ въ нѣсколько поколѣній люди будутъ способны улучшить организацію мозга, по произволу уменьшая или увеличивая органы аффектовъ. Трудъ сдѣлается игрою, частые праздники будутъ способствовать сближенію людей, сама наука сдѣлается веселой (*gaie science*). Чтобы избавиться отъ теологическихъ призраковъ, рекомендуется мечтать, что внѣ нашей солнечной системы все находится въ полномъ безпорядкѣ.

Ничто въ такой мѣрѣ не обнаруживаетъ ясно слабыя стороны позитивной доктрины, какъ «позитивная политика» Конта. Напрасно послѣдователи его, какъ напр. Литтре и другіе, принимая принципы системы, въ то же время отказываются отъ ихъ слѣдствій, выведенныхъ Контомъ въ его «позитивной политикѣ». Контъ былъ послѣдовательнѣе и искреннѣе своихъ учениковъ, развивая свои принципы до ихъ естественныхъ логическихъ слѣдствій. Литтре доказываетъ слѣдующимъ соображеніемъ, почему онъ не можетъ и не долженъ принимать Контову «политику». При чтеніи ея «ничто не дѣйствовало непреодолимо на его умъ вынуждая невольное согласіе, подобно тому какъ на него дѣйствовали основные принципы позитивизма». Но что же въ этомъ удивительнаго и опровергающаго Конта съ точки зрѣнія его послѣдователей? Одна изъ обыкновенныхъ слабостей нашего ума состоитъ въ томъ, что мы часто соглашаемся съ началами, непредвидя слѣдствій, къ которымъ они необходимо ведутъ, и только увидѣвъ ихъ логическіе результаты, возвращаемся къ положеніямъ основнымъ, которыя при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи тоже оказались бы ошибочными. Позитивизмъ основывается на двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, что умъ есть ничто иное, какъ свойство мозга (мысль о существованіи особой субстанции, именно души, позитивизмъ отвергаетъ, какъ теологизмъ или метафизику), а, во-вторыхъ, что нравственность есть ничто иное, какъ аффективная дѣятельность того же мозга. Эти два положенія принимаются Литтре и нашими русскими позитивистами. Если же эти основныя положенія приняты, то должно принять и всѣ основныя положенія Контовой «позитивной политики», хотя это, конечно, не обязываетъ согласиться съ ней во всѣхъ подробностяхъ. Если мы примемъ основныя положенія,

то должны признаться, что основанная на нихъ система «политики» удивительно тонко прмдумана и что было-бы трудно съ позитивной точки зрѣнія построить что-либо лучшее на этихъ основаніяхъ.

Наблюденія надъ дѣйствительной жизнью общества въ настоящемъ и прошломъ привели Конта къ справедливому убѣжденію, что одинъ изъ главѣйшихъ общественныхъ пороковъ состоитъ въ преобладаніи эгоистическихъ побужденій надъ истинно-правственными. Люди, признающіе бытіе въ человѣкѣ особой субстанціи, именно души, носительницы идей добра, правды и т. д. находятъ, что улучшение общественнаго порядка зависитъ отъ углубленія человѣка въ существенное содержаніе этихъ идей и отъ такого устройства нашей жизни, при которомъ идеи добра, справедливости и т. д. болѣе и болѣе воплощаются-бы въ ней и одушевляли собою все наши отношенія. Но для Конта, не признающаго души, не существуетъ и этихъ идей, потому что въ природѣ имъ нѣтъ ничего соответствующаго. «Слово «право», говоритъ Контъ, должно быть удалено изъ истиннаго политическаго языка». Подъ словомъ «добро», говоритъ Контъ, мы понимаемъ предметъ полезный для нашихъ нуждъ⁹⁾. Вообще все нравственные идеи для Конта суть лишь остатки теологико-метафизическаго міровоззрѣнія и потому одинъ изъ нихъ онъ вовсе отбрасываетъ, а другимъ подлагаетъ несвойственный имъ смыслъ. Для Конта нравственность есть ничто иное, какъ проявленіе аффективной (впечатлительной) стороны мозга. Смотри на вопросъ съ этой точки зрѣнія, будетъ вполнѣ логично предложеніе Конта развивать нравственность посредствомъ такихъ мѣръ, которыя развиваютъ мозговые аффекты. Онъ справедливо предлагаетъ, что эти аффекты могутъ развивать женщины, какъ существа находящіяся по преимуществу подъ вліяніемъ аффектовъ; слѣд, съ его точки зрѣнія это вполнѣ разумно. Онъ предполагаетъ, что люди, занимающіеся теоретически общественными вопросами, будутъ болѣе склонны къ тремъ аффектамъ, чѣмъ люди практическіе, и потому, въ видахъ развитія аффектовъ въ

⁹⁾ Позитивисты все въ сущности, подобно Миллю, утилитаристы по своимъ нравственнымъ воззрѣніямъ. Отсюда борьба съ утилитаризмомъ является борьбой съ однимъ изъ главѣйшихъ сторонъ положительнаго ученія.

людахъ практическихъ, подчиняетъ ихъ руководству теоретиковъ, составляющихъ особое духовное сословіе. Контъ старается устранить также вліяніе ума (дѣятельной силы мозга), ибо онъ справедливо предполагаетъ, что вліяніе ума можетъ причинять лишь вредъ для свободнаго дѣйствія аффекта, ибо умъ, воспитанный на позитивизмѣ, т. е. на отрицаніи добра, права и справедливости, какъ полныхъ метафизическихъ понятій, естественно долженъ дѣлать человека черствымъ, сухимъ, эгоистичнымъ. Контъ наконецъ создаетъ позитивную религію человечества, и это, съ его точки зрѣнія, гениальное изобрѣтеніе; ибо если нѣтъ Бога, то только идея человечества можетъ внушать намъ нѣкоторыя понятія объ обязанности, такъ какъ индивидуумы получаютъ лучшіе свои дары, какъ нравственные, такъ и матеріальные, очевидно, съ помощью другихъ себѣ подобныхъ. Возраженіе Литтре, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано опытно, какая часть мозга какія отправленія (функціи) совершаетъ, нельзя еще строить системы,—ничего не опровергаетъ, если Литтре согласенъ съ принципомъ, что разумъ вообще есть свойство мозга. Оно опровергало бы только одне, а именно: еслибы Контъ придумалъ какіе-нибудь медикаменты для развитія ума и аффекта, что, съ его точки зрѣнія, тоже было-бы весьма логичнымъ дѣломъ, то тогда Литтре могъ бы сказать, что это преждевременно, такъ какъ мы еще не узнали, какая часть мозга какія совершаетъ функціи. Литтре съ своими сторонниками совершенно непослѣдователенъ, протестуя противъ идеи своего учителя — Конта о подчиненіи ума сердцу, предполагая, будто достаточно было-бы сказать, чтобъ умъ всегда стремился къ добру и благу. Литтре, французскій руководитель новѣйшихъ позитивистовъ, забываетъ, что оба эти понятія метафизико-богословскія и что позитивисты оставаясь послѣдовательными и логичными, необходимо отбрасываютъ эти понятія. Литтре напрасно предполагаетъ, что разумъ убѣждаетъ насъ въ необходимости подчиняться нравственнымъ требованіямъ, ибо разумъ позитивизма, оставаясь самимъ собою, этого сказать не можетъ...

Итакъ, принявъ основы Конта, нельзя не согласиться, что онъ сдѣлалъ возможное, чтобы основать на нихъ практически осуществимую систему. Другое дѣло, если мы спросимъ себя: насколько его система со всѣми ея опорами была бы способна

создать и поддерживать общество нравственно-разумныхъ существъ? Во-первыхъ, нужно сказать, что Контовская социократія есть одна изъ самыхъ деспотическихъ формъ государственнаго устройства, далеко превосходя по деспотизму всё до сихъ поръ существовавшія когда-либо деспотіи. Она вся опирается на искусственное воспитаніе, цензурѣ и инквизиціи, посредствомъ которыхъ мысль навсегда будетъ сжата въ тѣ формы, которыя дасть ей Контъ, какъ единственно-истинныя. Но здѣсь то именно начинается обнаруживаться ясно ложность системы, что можетъ подтверждать психологическій опытъ, доступный для каждаго. Убѣжденіе есть актъ въ известномъ смыслѣ произвольный; его нельзя вынудить искусственнымъ воспитаніемъ, какъ скоро въ человѣкѣ нѣтъ почвы для него, что доказывается множествомъ примѣровъ: самая строгая цензура едва-ли въ состояніи остановить естественное движеніе идей. «Мысль Конта объ общей реформѣ возрѣвній и чувствъ» есть одна изъ колоссальныхъ нецѣлостей вытекшихъ изъ позитивизма, говоритъ проф. Хлѣбниковъ, ибо умъ не создается и не измѣняется *самъ съ себя*, и мы не можемъ на него, какъ на таковой, влиять». Нѣтъ средствъ ограничить духовную свободу и выдресировать чрезъ воспитаніе такимъ образомъ умъ, чтобы уничтожить въ немъ возможность произвольнаго зарожденія понятій, несогласныхъ съ системой, если бы и было возможно первоначальнымъ воспитаніемъ довести до согласія съ системой въ известныхъ отношеніяхъ. Наконецъ, нѣтъ никакой возможности воспитать такимъ образомъ человѣка, чтобы онъ въ умственномъ отношеніи оставался позитивистомъ т.-е. отрицалъ идею добра, права и справедливости, и въ тоже время оставался бы нравственнымъ для общей пользы. Человѣкъ есть существо цѣлостное. Духъ постоянно стремится къ гармоніи всѣхъ идей, въ немъ образующихся. «Характеръ лица образуется воздѣйствіемъ идей, наклонностей, побужденій, страстей, вытекающихъ изъ духовно-чувственной природы человѣка и развивающихся подъ духовнымъ контролемъ идей». Если мы отбросимъ высшія идеи, какъ ложь, какъ заблужденіе ума, то наши страсти теряютъ всякій принципъ, который могъ бы управлять ими. «Религія, молитва, любовь, благожеланіе—все это имѣетъ дѣйствительную силу надъ нами, пока мы вѣруемъ, го-

ворить нашъ ученый, что въ насъ живетъ начало высшее, божественное, что вообще существуетъ премудрый и всеблагій Богъ». Между тѣмъ Контъ ставитъ кощунственно на мѣсто его человечество—мертвую абстракцію и обоготворяетъ конечное начало со всѣми его недостатками и съ присущей ему испорченностью! Удивительное проявленіе *положительнаго* ума, дошедшаго до такихъ идей, отъ которыхъ способны отвернуться, какъ отъ нечѣстнаго, самые завзятые *метафизики*, витающіе своимъ умомъ въ сферѣ абстрактнаго мышленія, отрѣзаннаго отъ реальной почвы... Какъ въ этомъ случаѣ не прибѣгать къ инквизиціи и къ всяческому насилію надъ свободной человѣческой мыслью? Нужно же ее насильственно поработить разными нечѣстностями, когда она истинно отвращается отъ нихъ. Душа имѣетъ свою природу, которую мы не властны передѣлывать. Живой, неискалѣченный какой либо химерической системой, человѣкъ никогда не можетъ придти къ той мысли, будто контовское божество разумнѣе христіанскаго представленія о Богѣ. Такому человѣку дороги самыя тѣ «страхи и надежды» религіознаго свойства, отъ которыхъ Контъ похваляется освободить людей путемъ разныхъ насилій надъ ихъ мыслью и свободой. Также нечѣстнымъ кажется всякому развитому и здоровому психически человѣку то средство, которое рекомендуетъ Контъ человечеству съ цѣлію освободить его отъ теологизма (отъ идеи Бога), предлагая ему чаще и чаще думать о безпорядкѣ, существующемъ будто бы за предѣлами солнечной системы. Психологическій источникъ этого рецепта очевиденъ: онъ—продуктъ нравственной борьбы, происходившей въ самомъ Контѣ,—борьбы съ невѣріемъ въ собственную систему. Эта борьба, этотъ теологическій недугъ, по свидѣтельству Литтра, не переставала тревожить Конта въ послѣдніе годы его жизни. Этотъ примѣръ изъ жизни Конта лучше всего доказываетъ, что душу мы не можемъ передѣлывать по нашему произволу и что она обладаетъ многими такими свойствами, которыхъ отнять у ней не можетъ самый мечтательный теоретикъ, готовый все ломать и коверкать ради предвзятой идеи. Предположеніе Конта отвергнуть вопросъ о первоначальныхъ причинахъ, какъ ненужный, должно отнести къ этому же рецепту противъ теологизма, ибо онъ также направляется противъ природы души, какъ будто въ нашей волѣ

отказаться отъ того или другаго свойства нашего духа, ища заранѣе убѣдительности въ извѣстной доктринѣ.

Еще страшнѣе предположить, что этому злу могъ-бы помочь особый духовный классъ, который своимъ авторитетомъ могъ-бы сдерживать дурныя страсти общества. Но кто можетъ увѣрить насъ, что этотъ классъ самъ не сдѣлался бы самымъ развращеннымъ, какъ всегда развращаются духовные, когда они перестаютъ вѣрить въ свою доктрину? Ученіе позитивизма, съ точки зрѣнія самаго Конта, нуждается въ поддержкѣ искусственной и даже въ содѣйствіи викивизціи, чтобы мысль человѣческая не высвобождалась изъ-подъ его ярма. Позитивизмъ объявляетъ несуществующими для человѣка самыя существенныя и неотвязчивыя вопросы его ума и стремится ввести человѣческую мысль въ строго-опредѣленныя границы. Многія положенія позитивизма находятся въ противорѣчій съ самыми общими требованіями нашей человѣческой природы. Благодаря всему этому, утрата вѣры въ принципы позитивизма представляется дѣломъ весьма легкимъ и неизбежнымъ. А такъ какъ здѣсь «правственность отрицается въ принципѣ», то развращенность духовнаго сословія, утратившаго всякую вѣру въ позитивное ученіе, должна выразиться еще сильнѣе и рѣзче, чѣмъ развращенность людей, которые хоть теоретически признаютъ нравственныя принципы.

Если же мы обратимся къ разсмотрѣнію истинной сущности самой теоріи, то не трудно увидѣть, что вся доказательность ея держится на предположеніи, что такъ какъ умъ человѣка и человѣчества долженъ постепенно идти отъ ложнаго къ истинному, отъ теологизма и идеализма къ реализму, то слѣдов. истина заключается въ послѣднемъ. Въ этомъ, и только въ этомъ заключается обманчивая доказательность Контовой системы, ибо она отправляется отъ положенія, имъ предрѣшеннаго—именно отъ положенія о тяжести души съ мозгомъ или о несуществованіи особаго духовнаго элемента, тогда какъ это предположеніе совсѣмъ не доказано и даже никогда не докажется. Контъ въ сущности идетъ тѣмъ-же путемъ, какъ и идеалисты: только избравши въ основаніе другое положеніе, котораго вѣрность еще менѣе доступна доказательству, чѣмъ основное положеніе идеализма. Правда въ пользу системы Конта можно было-бы ска-

зять, что она построена на индуктивномъ методѣ, имѣющемъ болѣе доказательной силы, болѣе убѣждающемъ сознаніе и слѣд. болѣе истинномъ. Все это было бы до извѣстной степени справедливо, если бы было доказано, что этимъ путемъ можно дойти до раскрытія того, что мы называемъ душою, или объясненія того, что называется жизнью. Но Контъ самъ прямо отказывается отъ объясненія жизненности, хотя смѣло поступаетъ съ вопросомъ о душѣ и предлагаетъ свою систему мозговыхъ функций исходя изъ ненаучныхъ материалистическихъ предположеній. Но дѣло въ томъ, что эта система, съ ея коренной основой, не основана ни на малѣйшихъ опытныхъ данныхъ и представляетъ собою апіорное мышленіе Конта для отвѣта на вопросъ, который, конечно, чтобы быть убѣдительнымъ, требуетъ только опытнаго доказательства. Слѣд. и въ вопросѣ о методѣ система требуетъ *вѣры*, что этимъ путемъ будетъ открыто сокровенное или, правильнѣе, снова даетъ рецептъ, что объ этомъ не слѣдуетъ думать. «Словомъ, говорить проф. Хлѣбниковъ, Контъ столько же слабъ въ выводахъ, какъ слабъ въ доказательствахъ своихъ основоположеній».

Такимъ образомъ *единственное* доказательство системы позитивной у Конта, какъ и у его непосредственныхъ послѣдователей, состоитъ въ томъ основномъ положеніи, что всякое развитіе въ исторіи человѣчества идетъ отъ телегиама (идеи о Богѣ и т. д.) къ позитивизму. Но и это доказательство легко падаетъ само собою. Въ исторіи человѣчества періоды его развитія вовсе не слѣдуютъ системѣ Конта. Контъ *преднамеренно* опускаетъ неблагоприятные для системы факты, хотя исторія ихъ даетъ столько, что опускать ихъ для человѣка, скольконибудь дорожающаго истиною, а не предвзятой идеей, рѣшительно невозможно. Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе близкое государство изъ всѣхъ государствъ къ позитивному государству Конта есть древнѣйшее государство— Китай. Сходство между Китаемъ и позитивнымъ государствомъ Конта поразительно. Во-первыхъ, въ Китаѣ нѣтъ господствующей церкви, а есть лишь закономъ опредѣленная мораль, заключающаяся въ шести основныхъ книгахъ Китая. Контъ, какъ мы видѣли выше, тоже отвергаетъ религію (служеніе человѣчеству не есть религія по мысли даже Конта), а устанавливаетъ государственную мораль. Вся разница

между обѣими системами въ пользу Китая, ибо китайская мораль все-таки основывается на разумѣ, а контовская—только на вліяніи духовенства и женщинъ. Во-вторыхъ, въ Китаѣ систематически преслѣдуются всѣ другія доктрины, отступающія отъ господствующей, т. е. тамъ давно уже введено проектируемое Контомъ «управленіе умами», не только во время воспитанія, но и въ теченіе всей жизни. Въ-третьихъ, семейство организовано въ Китаѣ на тѣхъ же началахъ, которыя предлагаетъ и Контъ, т. е. на неограниченной власти отца. Въ-четвертыхъ, въ Китаѣ существуетъ апотеозъ (родъ боготворенія) великихъ людей, но это предлагаетъ ввести и Контъ въ свое государство, ставя на одну доску Цезаря, Иоанну д'Аркъ съ апостоломъ Павломъ. Въ-пятыхъ, умственное достоинство и образованіе опредѣляютъ въ Китаѣ положеніе лица въ обществѣ, сами опредѣляясь по экзаменамъ, состоящимъ въ упражненіи на одну изъ темъ, находящихся въ шести основныхъ книгахъ Китая. Это также весьма сходно съ проектомъ Конта, по которому духовные философы будутъ опредѣлять положеніе лица въ Контовомъ государствѣ, на основаніи знанія курса его позитивной философіи. Въ-шестыхъ, въ Китаѣ ученые, какъ и у Конта, играютъ роль духовенства. Такимъ образомъ можно сказать, что еслибъ къ настоящимъ учрежденіямъ Китая были прибавлены салоны для женщинъ, уничтожено многоженство, было бы введено существовавшее въ Японіи раздѣленіе двухъ властей, то Китай былъ бы осуществившимся идеаломъ Конта. Китай есть именно то, къ чему стремится Контъ, а именно—узкій здравый смыслъ, вполне систематизированный по произвольному образцу. Организациа Китая разомъ указываетъ бѣдность, безсодержательность и непригодность идеала Конта, а также и то, что позитивизмъ вовсе не есть конечный результатъ долгаго процесса мысли, ибо его идеалъ осуществился уже очень давно. Вообще нужно замѣтить, что метафизическія и позитивныя идеи суть вовсе не плодъ новѣйшаго времени, ибо у индусовъ задолго до Рождества Христова существовали и метафизики и позитивисты своего рода. Вотъ, напримѣръ, принципы школы метафизической приписываемые Ризи. Существуетъ одно бытіе,—это есть высочайшая душа. Въ ея нѣтъ ничего; все, что въ ея, лишь кажется существующимъ и есть не болѣе какъ иллюзія. Энергія высочайшей души и ея

раскрытіе есть о́бма, изъ котораго произошелъ чувственный міръ. Природа есть ничто иное, какъ игра міровой души, кажущееся, которое блещитъ и исчезаетъ. Только обманъ чувствъ представляетъ людямъ безчисленные факты тамъ, гдѣ живетъ лишь одна сущность. Точно также у индусовъ же мы находимъ основы позитивизма. «Индійскіе мудрецы, говоритъ Дункеръ, искали, что можно знать и какъ можно знать», т. е. стремились опредѣлить предметы доступные для знанія и средства знанія. Стремленіе, существенно однородное съ тѣмъ, изъ котораго выходилъ и на которомъ утверждался Контъ. По ученію Капила разумъ доходить до познанія всѣхъ доступныхъ ему предметовъ. Эти предметы слѣдующіе: а) природа или матерія, ничѣмъ не творимая и все твердящая, и б) разумъ, происходящій изъ матеріи и производящій все остальное. Относительно методовъ познанія Капила отличаетъ три, а именно: ощущение, или наблюденіе, наведеніе и преданіе, но о послѣднемъ онъ упоминаетъ только для формы. Въ числѣ предметовъ познанія Капила не упоминаетъ о божествѣ. По ученію Капила ни въ мірѣ, ни внѣ міра нѣтъ причины въ собственномъ смыслѣ слова, а то, что мы называемъ причиною, есть только кажущаяся причина въ отношеніи къ дѣйствию, вслѣдъ за нею идущему; эта причина есть такое же дѣйствіе въ отношеніи къ предыдущему и т. д. до безконечности. Такимъ образомъ все есть сѣзпленіе дѣйствій безъ истинной и послѣдней причины. Такую же аналогію съ позитивизмомъ представляетъ буддизмъ, отрицающій возможность и желательность познанія вѣчныхъ причинъ. Исторія греческой мысли еще не вѣе укладывается въ рамки Конта. Начавшись идеями близкими къ позитивизму, какъ идеи первыхъ философовъ, искавшихъ происхожденіе міра въ водѣ, воздухѣ или огнѣ, она идетъ къ идеализму Сократа и Платона, перемежаясь системами, снова недалекими, по своимъ началамъ, отъ позитивизма. Позитивныя взгляды были даже распространены въ древнемъ мірѣ, какъ это видно изъ Плутарха. «По понятіямъ нѣкоторыхъ философовъ, говоритъ Плутархъ, міръ какъ бы не хотѣлъ первоначально образоваться. Тѣла отказывались соединиться и смѣшаться, чтобы дать однообразную форму природѣ. Всѣ элементы, борясь одинъ съ другимъ, образовали страшный хаосъ до того момента, когда земля начала сама собою образовываться». Вообще исторія мо-

хотѣтъ представить безчисленное множество доказательствъ, что метафизическая и позитивная точка зрѣнія, индукція, наблюдение и умозрѣніе, существовали искони. Да и странно было бы думать иначе, ибо духъ всегда былъ и есть одинъ и тотъ же. Контъ утверждаетъ, что позитивизмъ зародился въ средніе вѣка. Именно зарождение новаго позитивнаго строя должно влѣсть, по словамъ Конта, въ начавшемся въ средневѣковой Европѣ, начиная со времени господства общинъ въ XII вѣкѣ, преобладаніи жизни промышленной надъ жизнью военной, въ уничтоженіи рабства, въ умственномъ возбужденіи всего общества, не исключая и низшихъ классовъ, начавшемся вмѣстѣ съ развитіемъ благосостоянія, и въ безкорыстномъ поклоненіи искусству. Господство же позитивизма, по мнѣнію Конта, началось въ эпоху французской революціи, съ момента дѣятельности Конвента, ибо Конвентъ пытался построить общество на началахъ, въ которыхъ совершенно отсутствовала теологизмъ (религія). Это устраненіе религіознаго начала постепенно подготовлялось, по мнѣнію Конта, промышленной дѣятельностью, начавшеюся съ среднихъ вѣковъ, ибо «всякое активное вмѣшательство человѣка, для того, чтобы извѣстить въ свою пользу естественную экономію реального міра, есть уже прямое нападеніе на безконечное совершенство божественнаго порядка». Но достаточно поверхностнаго знакомства съ исторіею, чтобы видѣть, что исторія свидѣтельствуетъ противъ Конта. Промышленнымъ и торговымъ духомъ отличались еще древніе финикіяне. Промышленность ихъ была посвящена обработкѣ сырыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ изъ-за границы, или даже улучшенію грубо обработанныхъ произведений. Такъ наприкладъ изъ Египта привозили ткани, красили ихъ въ Финикіи и потомъ продавали снова. Знатнѣйшими вѣтвями промышленности были: красильное производствъ, тонкія ткани, стеклянные товары и разные предметы роскоши (напр. искусно сдѣланныя ожерелья, вышивки, гѣнцныя работы, золотыя и серебряныя вещи, разные предметы изъ слоновой кости и проч.). Финикіяне занимались также добываніемъ руды и лѣтень мѣди. Торговля финикіянъ имѣла необычайно-обширные размѣры. Главный торговый оборотъ финикіянъ происходилъ на Средиземномъ морѣ. Здѣсь они посѣщали почти всѣ берега, особенно въ сѣверной Африкѣ и Испаніи. Говорятъ, что они плавали далеко за

Геркулесовы столпы къ касситеридамъ—Оловяннымъ островамъ (думаютъ, что это Англія) и даже въ Балтійское море за янтаремъ. Кроме того, они плавали по заливамъ Арабскому и Персидскому и проникали даже въ Индійское море. Наконецъ, они вели при посредствѣ каравановъ значительную сухопутную торговлю, именно въ Палестинѣ, Сиріи, Аравіи, Египтѣ, Персіи, Вавлонѣ и въ сѣверныхъ скинскихъ земляхъ. Въ Мемфисѣ, по извѣстію Геродота, у нихъ былъ свой городской кварталъ. «Финикіане бесспорно принадлежатъ къ нервнымъ народамъ, которые имѣли азбуку въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, говоритъ Кольба, эта азбука была матерью греческой. Счисленіе и астрономія развивались ими самостоятельно. Исторія вавилонянъ и другихъ дохристіанскихъ народовъ, подобно исторіи финикіянъ, точно также говоритъ противъ Конта и подрываетъ его теорію въ самыхъ ея основахъ. Между тѣмъ какъ напр. Контъ утверждаетъ, что только въ средніе вѣка могло быть изобрѣтено книгопечатаніе, такъ какъ въ это время образовался, въ силу промышленнаго развитія, обширный классъ людей, склонныхъ къ чтенію, на самомъ же дѣлѣ китайцы за 934 года до нашего счисленія изобрѣли книгопечатаніе, хотя, естественно, въ несовершенномъ еще видѣ, при чемъ они у себя изготовляли такую же хорошую бумагу, какъ и теперь, и вообще пользовались такими письменными принадлежностями, какія у себя обитатели Европы изобрѣли полторы тысячи лѣтъ спустя. Что касается до изобрѣтеній другаго рода, то китайцы уже знали компасъ и пользовались имъ въ своихъ мореплаваніяхъ⁷⁾. Отсутствие же теологизма (религіозныхъ представленій и религій), не возмущаетъ позитивистовъ надъ остальными людьми, но по нашему мнѣнію, лишь приравниваетъ ихъ къ самымъ грубымъ дикарямъ, изъ которыхъ нѣкоторые, если вѣрять путешественникамъ и миссіонерамъ, въ этомъ отношеніи всего болѣе удовлетворяютъ стремленіямъ позитивистовъ къ безрелигіозности и къ распространенію некрѣтія. Туземцы Куинсленда не имѣютъ, говоритъ Лангъ, никакого представленія о верховномъ божествѣ, Творцѣ и правителѣ міра, сви-

⁷⁾ Все эти факты и множество другихъ, опровергающихъ Конта, читатель найдетъ въ Исторіи человѣческой культуры Кольба. Перев. Вѣлозерской и Марка-Вовчка. Спб. 1872 г.

дѣтелѣ всѣхъ ихъ поступковъ и судѣн въ будущей жизни. У нихъ нѣтъ никакихъ предметовъ поклоненія даже какого-либо подчиненнаго или низшаго разряда. У нихъ нѣтъ ни идоловъ, ни храмовъ, ни жертвоприношеній, однимъ словомъ, у нихъ нѣтъ ничего похожаго на религію или соблюденіе какихъ-либо обрядовъ въ отличіе отъ погибающихъ безъ слѣда животныхъ. Они живутъ, не зная Бога, въ окружающемъ ихъ мірѣ^{*)}. Миссіонеръ о. Бегертъ говоритъ о калифорнійцахъ: «Идолы, храмы и религіозные обряды были имъ не извѣстны, и они никогда, кажется, не вѣрвали не только въ единого истиннаго Бога, но даже ни въ какое ложное божество... Я старался возможно внимательно открыть у тѣхъ, съ которыми я жилъ, существованіе хотя какого нибудь понятія о душѣ, о Богѣ и будущей жизни, но не могъ найти ни малѣйшаго слѣда такого познанія». Но гдѣ же причина этого всего? На нее очень жѣтко указалъ одинъ дикарь изъ племени зулусовъ. «Наше знаніе не побуждаетъ насъ, говорилъ онъ Коллецею, отыскивать корней его; мы и не пытаемся увидѣть ихъ; если кто нибудь не много жъ подумаетъ объ этомъ, онъ скоро отъ этого отказывается и обращается къ тѣмъ предметамъ, *которыя видитъ своими глазами*; да и о томъ, что онъ видитъ передъ собою, онъ не имѣетъ настоящаго понятія. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, тайна, коренная причина того позитивнаго склада мысли нѣкоторыхъ дикарей, которые предупредили, предвосхитили ученіе позитивистовъ и безъ ихъ руководства пришли къ свободѣ отъ всяческихъ «теологическихъ страховъ и надеждъ». Напрасно Контъ съ своими послѣдователями выдаетъ свое отвращеніе отъ теологизма за результатъ доселѣшняго развитія человѣческой мысли: оно всегда было и будетъ, какъ скоро мысль и чувство человѣческое обращаются только къ тѣмъ предметамъ, которые доступны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, не желая притомъ и относительно ихъ добираться до самаго корня, до самой сути. Дикарь, зулусъ, невѣдомо для себя, произнесъ весьма вѣрный приговоръ надъ цивилизованными братьями своими, готовыми на самыя крайнія деспотическія истры,

*) Эти свидѣтельства мы заимствуемъ изъ сочиненія Дж. Лесбока: „Начало цивилизаціи“. См. приложение къ журн. „Знаніе“, стр. 144—147 первой кн. за 1875 годъ.

чтобы люди «не отыскивали корни» всего сущаго и не размышляли о томъ, чего нельзя осязать, увидѣть и т. д. Мало того, если вдуматься поглубже въ слова зулуса, то этотъ простодушный и откровенный дикарь покажется столь высокими, что было бы несправедливо ставить съ нимъ на одну доску разныхъ западно-европейскихъ и отечественныхъ «зулусовъ».... Итакъ, теорія Конта разбивается въ прахъ отъ малѣйшаго соприкосновенія съ историческими данными. Что теорія Конта о трехъ фазахъ развитія человѣчества противорѣчитъ исторіи, это начали,—замѣтить,—сознавать даже наши отечественные позитивисты. Но хотя они и признаютъ, что историческія данныя не совѣтъ гармонируютъ съ теоріей о трехъ фазахъ въ развитіи человѣчества, какъ она представляется у Конта, однакожь усиленно настаиваютъ на томъ, что позитивный складъ и направленіе человѣческой мысли и жизни — то идеальное, единственно желательное, состояніе, къ которому стремится и *должно* стремиться человѣчество, каждый народъ, каждый, отдѣльно взятый, человѣкъ. Но такое утвержденіе — верхъ нелѣпости, какъ скоро исторически не подтверждается, что позитивное направленіе въ тѣхъ его существенныхъ особенностяхъ, съ какими оно мыслится у позитивистовъ, есть дѣйствительно прогрессивное, здоровое и нормальное направленіе. Если позитивизмъ, съ его отрицаніемъ теологизма, игнорированіемъ вопросовъ о конечныхъ причинахъ, матеріалистическою ненаучною подкладкою и т. д. составляетъ желательное будто бы состояніе для человѣчества, въ такомъ случаѣ нужно, — прежде чѣмъ пропагандировать позитивное ученіе всяческими, открытыми и тайными, путями,—доказать неоспоримыми историческими данными и другими аргументами, что такой позитивизмъ *не есть* страшное зло, могущее, при своемъ практическомъ осуществленіи и распространеніи, привести человѣчество къ тому состоянію, въ которомъ находятся вышеупомянутые дикари, по своему духовному складу въ сущности нисколько не разнящіеся отъ новѣйшихъ своихъ двойниковъ-позитивистовъ.... Между тѣмъ исторіи и здравый смыслъ, не затуманенный предрасудками теоріи, указываютъ, что господство позитивизма съ вышеуказанными его особенностями повлекло бы за собою разложеніе и несправильную порчу всего, что есть здороваго и хорошаго въ человѣчествѣ.

Но изъ всего сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, чтобы работы Конта не заключали въ себѣ чего-либо научнаго и полезнаго. Представители дѣйствительно положительной науки, въ лицѣ одного изъ нашихъ профессоровъ, не могли не указать только на то, что Контъ несправедливо увѣряетъ, будто его система вноситъ новое содержаніе въ жизнь, можетъ дать новое и здоровое направленіе жизни человѣчества. «Ложная въ своихъ основаніяхъ, говоритъ проф. Хлѣбниковъ, она по мѣстамъ содержитъ кое-что вѣрнаго, которымъ можетъ воспользоваться наука». Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, Контъ вѣрно понималъ, что «религія обнимаетъ все наше существованіе и исторія религіи выражаетъ собою исторію человѣчества». Онъ ошибочно предполагалъ только, что религію можно «сочинить» съ прагматическою цѣлью жизненнаго удобства, что противорѣчитъ существу нашей духовной природы, стремящейся къ абсолютной истинѣ и только въ ней находящей свое успокоеніе. Столь же глубоко вѣрно его положеніе, что «прогрессъ есть развитіе порядка», что «порядокъ сдѣлается ретрограднымъ, если прогрессъ будетъ анархичнымъ», что «мы ничего не можемъ создавать, а можемъ лишь измѣнять, въ видахъ нашей пользы, порядокъ, который въ своихъ основаніяхъ выше нашего вліянія». Наша дѣятельность Творцемъ поставлена въ извѣстные предѣлы, многіе необходимы для того, чтобы мы не впади въ грубое заблужденіе, пользуясь безграничною свободою. Прогрессъ исторіи именно обуславливается тѣмъ, что общественный порядокъ, неизмѣнный въ своихъ основаніяхъ, движется вмѣстѣ съ развитіемъ духа. Глубоко-вѣрна мысль, что общественная жизнь покоится на трехъ положеніяхъ: «любовь въ принципѣ, порядокъ въ основаніи, прогрессъ въ цѣли». Но Контъ заблуждается, что эти идеи принадлежатъ позитивизму, какъ нѣчто, имъ открытое: онѣ—чисто христіанскія и взятыя прямо изъ Евангелія идеи. Подчиненіе разума сердцу, на которомъ строитъ свою «политику» Контъ, или, что одно и то же, постройка общественнаго порядка на нравственномъ принципѣ, есть вѣрная и глубокая мысль, отъ которой напрасно отказываются нѣкоторые изъ нашихъ отечественныхъ позитивистовъ, видящихъ въ чувствѣ причину продолжающагося господства «мистическихъ вѣрованій», подъ которыми они разумѣютъ и христіанскую религію,

Хотя Контъ высказывалъ эту мысль и въ извращенной формѣ; но онъ былъ неравненно разумнѣе нашихъ позитивистовъ; обожавшихъ по неопытнымъ причинамъ лишь холодныя механическія функція, безъ контроля высшихъ идей дѣйствительно весьма способныя привести людей къ полному отчужденію отъ «мистическихъ вѣрованій». Дѣйствительно, говоритъ почтенный профессоръ, разумъ долженъ быть слугою нравственности, ибо только тотъ прогрессъ проченъ, который основывается на нравственномъ началѣ. Рѣшительные опыты доказали, и по мнѣнію Огюста Конта, чрезвычайную непрочность всякаго порядка, основаннаго на интересѣ. Но Контъ «глубоко ошибается, думая создать нравственность безъ религіи, ея естественной опоры». Утрируя христіанское начало: люби ближняго, какъ самаго себя», и замѣняя его принципомъ: «люби ближняго больше, чѣмъ самаго себя, Контъ утѣшаетъ себя тѣмъ, будто бы онъ выдумалъ нравственность болѣе строгую, чѣмъ нравственность христіанская, забывая, что вопросъ состоитъ не въ созданіи доктрины, а въ ея осуществленіи, для котораго система Конта, отрицающая Бога и религію, не представляетъ никакихъ надежныхъ гарантій. Контъ совершенно правъ, считая семейство первымъ учителемъ нравственности и семейную жизнь—естественнымъ звѣномъ, привязывающимъ индивидуума (каждаго отдѣльнаго человѣка) къ обществу, лучшимъ средствомъ и для физическаго воспитанія человѣка. Онъ совершенно правъ, требуя неразрывности брака, ибо «половой инстинктъ, по справедливому его замѣчанію, не можетъ сдѣлаться рычагомъ самосовершенствованія людей, какъ только подъ постоянной и суровой дисциплиной, необходимость которой подтверждается жизнью многочисленныхъ народовъ, не установившихъ брака». Наконецъ, онъ правъ, требуя, чтобы мужчина содержалъ женщину, потому что этотъ принципъ согласенъ съ раздѣленіемъ труда и болѣе слабой организаціей женщинъ. Все это слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію нашимъ «друзьямъ женскаго вопроса», одновременно провозглашающимъ себя позитивистами и въ то же время въ рѣшеніи женскаго вопроса доходящимъ большей частью до самыхъ странныхъ и вредныхъ фантазій. Контъ глубоко-вѣрно понялъ, что принципъ собственности есть необходимое условіе прогресса и порядка, ибо общественная польза сосредоточенія

въ частныхъ рукахъ богатствъ до того очевидна для всѣхъ незаблуждающихся и нежадныхъ умовъ, что въ самыя древнѣйшія эпохи многія племена добровольно давали большую собственность своимъ вождямъ. Цѣлесообразность этого принципа вполне обнаруживается въ нашемъ промышленномъ вѣкѣ. Контъ также вполне правъ, не дѣлая собственности какимъ-то абсолютнымъ началомъ и дозволяя высшей власти вмешиваться въ отношенія между собственниками и находящимися отъ нихъ въ зависимости работниками. Величайшій принципъ можетъ быть искаженъ въ своемъ примѣненіи и приносить вредъ. Если собственность не противорѣчитъ справедливости и праву, то право и справедливость должны регулировать собственность. Наконецъ, Контъ глубоко-вѣрно понималъ, что государство есть необходимая организація народа, что «не существуетъ общества безъ правительства и правительства безъ общества». «Человѣкъ, говоритъ Контъ, не менѣе склоненъ къ возмущенію, какъ и къ покорности. Для того, чтобы его некорность сдѣлалась постоянной и опредѣленной, нужно, чтобы была подчинена его природа въ цѣломъ». Но въ чемъ же государство можетъ искать и должно находить для себя высшую и сильнѣйшую опору? На этотъ вопросъ г. Хлѣбниковъ въ заключеніи своего трактата о позитивизмѣ отвѣчаетъ въ слѣдующихъ категорическихъ выраженіяхъ: *«земля есть естественная и необходимая опора государства».*

А. Г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ИЗУЧЕНІЯ СВЯТООТЕЧЕСКИХЪ ТВОРЕНІЙ ВЪ НАШЕЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Въ настоящее время никто уже, кажется, не обвиняетъ нашей духовной науки и школы въ пристрастіи къ схоластикѣ, которой еще такъ недавно, если вѣрить заявленіямъ нашей свѣтской печати, та и другая платили столь обильную дань. Точно также не видно, чтобы кто-нибудь заподозрѣвалъ нашу духовную науку и нашу школу въ непоумѣрномъ увлеченіи рационалистическимъ или панистическимъ направленіемъ западной богословской науки, безъ помощи которой намъ естественно обойтись невозможно и произведеніями которой не отказывается пользоваться ни одинъ изъ нашихъ богослововъ. По крайней мѣрѣ люди компетентные, имѣвшіе поводъ высказываться по этому предмету, замѣчая, что «русскіе ученые усвоиваютъ себѣ убѣжденіе, что сколько бы они ни учились въ своемъ отечествѣ, все-таки, не могутъ достигнуть той высоты, на какой стоитъ заграничяя, въ особенности нѣмецкая интеллигенція во всѣхъ областяхъ умственнаго развитія», что «русскіе богословы съ живымъ интересомъ и не безъ увлеченія стремятся знакомиться со всѣмъ, что въ ея области производить нѣмецкая интеллигенція», что «въ нашей богословской литературѣ явственно обнаруживается стремленіе попасть въ тонъ нѣмецкихъ богословскихъ изслѣдованій, усвоить себѣ ихъ научный характеръ»,—добавляютъ, что такое убѣжденіе «въ извѣстной степени справедливо», что такое стремленіе «имѣетъ свои хорошія стороны», что «самая полемика противъ нѣмецкаго рационализма и свободомыслія, не ограничиваемаго никакимъ авто-

ритетомъ, вносятъ въ наши богословскіе труды нѣмецкіе приемы, а нерѣдко и самые результаты нѣмецкой богословской критики», и—отнюдь при этомъ не высказываютъ подозрѣнія или опасенія, чтобы гдѣ-либо и когда-нибудь у насъ это изученіе нѣмецкой и вообще заграничной богословской литературы сопровождалось неумѣренностію, отсутствіемъ критики, и какими бы то ни было злоупотребленіями (см. интересные письма о нѣмецкой интеллигенціи—въ Правосл. собесѣдникѣ 1875 г. февраль).

Но кромѣ завѣщанной намъ предшествовавшими вѣками весьма обширной схоластической литературы, научнаго достоинства которой, конечно, отнюдь нельзя отрицать безусловно, ни въ смыслѣ ея историческихъ заслугъ, ни въ смыслѣ ея пригодности для цѣлей современнаго нашего богословскаго преподаванія,—кромѣ современной нѣмецкой и вообще заграничной богословской литературы, обстоятельное знакомство съ которой годъ отъ года становится для насъ все болѣе и болѣе обязательнымъ, по жрѣбъ того, какъ благодаря старокатолическому движенію въ Германіи, а также англо-католикамъ, все болѣе и болѣе усиливается на западѣ симпатія къ церкви восточной,—кромѣ этихъ двухъ духовно-образовательныхъ ресурсовъ, у насъ, какъ извѣстно, существуетъ еще одинъ, и притомъ гораздо болѣе важный источникъ богословскаго знанія, на который издавна, со временъ братьевъ Лихудовъ, не переставали съ особенною настойчивостію указывать нашей духовной школѣ лучшіе умы и лучшіе представители нашей церкви, именно тѣ, которые утверждали, можетъ быть нѣсколько односторонне, что «для Россіи есть своя школа и своя ограда истиннаго просвѣщенія—церковь»: разумѣемъ литературу святоотеческихъ твореній. Въ какомъ положеніи находится въ настоящее время у насъ разработка этого первоисточника нашего богословія?

Вопросъ этотъ возникаетъ въ виду факта, случайнаго, конечно, но тѣмъ не менѣе не лишеннаго своего рода знаменательности: съ настоящаго года ни одно изъ нашихъ духовныхъ изданій не печатаетъ болѣе на своихъ страницахъ святоотеческихъ твореній въ переводѣ на русскій языкъ, — что доселѣ каждое изъ нихъ считало своею священною и непремѣнною обязанностію. Почтенная ученая корпорація московской духовной академіи еще съ прошедшаго года прекратила (или можетъ быть только

приостановила) свое изданіе «твореній святыхъ отцовъ въ рускомъ переводѣ», которое съ такою энергіею и съ такимъ достоинствомъ вела столько лѣтъ, — прѣидя, вѣроятно, къ убѣжденію, что уже исполнила свой долгъ, завѣщанный ей волею блаженной памяти московскаго митрополита Филарета... Что же? Наличнымъ количествомъ ивѣствующихъ уже въ нашей литературѣ переводовъ святоотеческихъ твореній исчерпываются ли существующія у насъ въ этомъ отношеніи потребности русскои духовной науки?..

Литература переводовъ святоотеческихъ твореній на русскій языкъ — въ ихъ полномъ составѣ и систематическомъ видѣ — въ настоящее время имѣетъ уже у насъ свою исторію. Послѣ многочисленныхъ, неотрывочныхъ и случайныхъ переводовъ лучшихъ ивѣствъ св. отцовъ, какія въ избыткѣ появлялись въ нашихъ двухъ старѣйшихъ духовныхъ журналахъ — «Христіанскомъ чтеніи» и «Воскресномъ чтеніи» за первые годы ихъ изданія, починъ этого дѣла въ болѣе научной систематической формѣ, по мысли покойнаго митрополита Филарета, принадлежитъ московской академіи, предпринявшей свое изданіе въ началѣ сороковыхъ годовъ. Изданіе это не всѣхъ удовлетворяло: слышались сожалѣнія о томъ, что оно лишено хронологическаго порядка и той систематичности, какая существуетъ въ извѣстномъ изданіи *Миня Patrologiae cursus completus*, что переводчики непомѣрно заботясь о близости перевода къ подлиннику, жертвуютъ нерѣдко чистотою и правильностію русскои рѣчи, и проч. Изданіе начато было по неизвѣстнымъ соображеніямъ прямо съ твореній св. Григорія Богослова, — причѣмъ предшествовавшіе вѣка исторіи христіанской литературы оставлены были безъ вниманія. Правда, творенія мужей апостольскихъ были переведены уже раньше въ Христіанскомъ чтеніи за первые годы (посланіе св. ап. Варнавы, св. Климента римскаго, Игнатія Богоносца, Поликарпа; творенія св. Іустина философа — кромѣ разговора съ Трифономъ іудейяниномъ, который въ удовлетворительномъ отдѣльномъ переводѣ преосв. Привеса существовалъ еще раньше); но это не помѣшало нѣсколько позже «Православному Собесѣднику» напечатать на своихъ страницахъ новый переводъ посланій св. Игнатія, какъ и вообще не устраняло возможности и пользы нѣбаго критическаго изданія всѣхъ твореній мужей апостольскихъ, прѣ

пособіи пооднѣвннхъ изслѣдованій въ области патрологіи, что и сдѣлалъ съ большимъ умѣньемъ редакторъ «Православнаго Обозрѣнія» — въ первыхъ годахъ этого изданія. Творенія каждаго святаго отца почтенная ученая корпорація московской академіи сопровождаетъ помѣщаемою въ прибавленіяхъ подробною его біографіею, состоящею большею частію изъ фактическихъ подробностей о жизни св. отца, ученымъ образомъ обследованныхъ, но не всегда содержащей въ себѣ подробную критическую бібліографію самыхъ твореній и оцѣнку предъидущихъ изданій что обыкновенно находимъ въ западныхъ изданіяхъ подобнаго рода. Какъ бы то ни было, нельзя не отнести съ глубокою благодарностію къ труду московской академіи, давшей такимъ образомъ нашей литературѣ болѣе или менѣе удовлетворительный переводъ почти всѣхъ главнѣйшихъ святыхъ отцовъ періода вселенскихъ соборовъ—этого золотого вѣка святоотеческой литературы. Затѣмъ послѣдовало изданіе «Христіанскимъ Чтеніемъ» твореній Златоуста, Феодора Студита, Евсевія Кесарійскаго, Германа, патріарха константинопольскаго и другихъ. Далѣе «Православный Собесѣдникъ» напечаталъ новый переводъ толкованій на евангелія и посланія апостольскія Теофилакта Болгарскаго, въ виду нарочитой пригодности этихъ сочиненій для цѣлей противураскольнической полемики, которой посвятило себя на первыхъ порахъ почтенное казанское изданіе. «Православное Обозрѣніе», послѣ попытки издавать апокрифическія евангелія, не удавшейся по условіямъ цензурнымъ, приступило къ изданію твореній мужей апостольскихъ и апологетовъ, и сдѣлало это изданіе, закончивъ св. Иринеемъ Ліонскимъ, по всѣмъ правиламъ и со всѣми приѣмами ученаго критическаго изданія. Изданіе это, по нашему мнѣнію, было рѣшительно лучшимъ въ ряду подобныхъ, пока «труды кіевской академіи» не предприняли, по мысли Государыни императрицы, изданія русскаго перевода твореній св. отцовъ церкви западной. Но выуставъ въ свѣтъ съ прекрасно составленными критико-біографическими эпизодами творенія св. Кипріана карфагенскаго, блаж. Августина и блаж. Иеронима, почтенная кіевская ученая корпорація приостановила (если не прекратила) свое прекрасное предпріятіе. Послѣ этого лишь въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за прошедшій годъ явился полный переводъ творенія св. Григорія Двоеслова — «де

сига pastorali». Съ нынѣшняго года, какъ мы сказали, уже ни одинъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ не даетъ больше переводовъ святоотеческихъ твореній, хотя, намъ кажется, этого важнаго дѣла отнюдь нельзя считать на столько полно осуществленнымъ, чтобы уже ничего не оставалось болѣе дѣлать въ этомъ отношеніи нашимъ духовнымъ журналамъ, еслибы редакціи ихъ, въ интересахъ наибольшаго распрострашенія своихъ изданій, не сочли нужнымъ по возможности устранить изъ нихъ архаическій элементъ, замѣнивъ его статьями; имѣющими въ виду удовлетвореніе болѣе насущныхъ потребностей современной религіозной жизни нашего читающаго общества. Не говоря уже объ учителяхъ церкви и церковныхъ писателяхъ періода, слѣдующаго за вселенскими соборами, изъ первыхъ вѣковъ христіанства и временъ вселенскихъ соборовъ далеко не все имѣется въ русскомъ переводѣ. Такъ въ немъ отсутствуютъ такія имена, какъ св. Климентъ Александрійскій (изъ твореній котораго на русскій языкъ въ полномъ составѣ переведено одно лишь слово его «о томъ, какой богачъ спасется»), отецъ христіанскаго богословія — Оригенъ, св. Амвросій Медиоланскій (творенія котораго въ старыхъ, начала настоящаго столѣтія, переводахъ давно уже сдѣлались библиографическою рѣдкостью) и мн. др.

Другой подобный фактъ, — на которомъ мы останавливаемся также не безъ нѣкотораго недоумѣнія: ни въ литературѣ нашей, ни въ школѣ не видно ни откуда вниманія къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова, человека, самымъ основательнымъ образомъ изучившаго западную богословскую науку, преимущественно рационалистическую, но не хотѣвшаго стать къ ней въ рабскія отношенія и сдѣлавшаго съ замѣчательнымъ чутьемъ угадать въ литературѣ святоотеческихъ твореній восточной церкви свѣточъ на пути къ религіозной истинѣ и изъ непосредственнаго изученія ихъ извлечь такой богатый запасъ оружія для своей блестящей и оригинальной апологіи православія отъ нападеній папства и протестантства. Въ этомъ игнорированіи нашей литературой замѣчательнаго богослова—мірянина, который, появившись онъ у тѣхъ же нѣмцевъ, несомнѣнно приобрѣлъ бы у нихъ значеніе въ родѣ того, какое имѣли тамъ Шлейермахеръ или Роте, намъ хочется, впрочемъ, видѣть простое недоразумѣніе. Съ своей стороны усматривая въ богословскихъ сочиненіяхъ Хомя-

кова образец непосредственного, глубокого и цѣлостнаго изученія святоотеческихъ твореній, мы останавливаемся на этомъ фактѣ въ настоящемъ случаѣ лишь какъ на поводѣ къ тому, чтобы напомнить о значеніи непосредственнаго изученія святоотеческихъ твореній если не для нашей духовной школы и литературы, что конечно, каждому хорошо извѣстно, то для каждаго христіанина и въ частности для тѣхъ любителей духовной науки, которые, подобно Хомякову, интересуются ею независимо отъ какихъ бы то ни было профессиональныхъ задачъ. Для этого не нужно говорить много о значеніи святоотеческихъ твореній вообще; достаточно указать на святоотеческія произведенія классическихъ вѣковъ христіанства, вѣковъ вселенскихъ соборовъ, — тѣхъ вѣковъ, когда отцами мыслителями, лучшими представителями эллинской учености и образованности, выработана полная и стройная система христіанскаго міровоззрѣнія, наукообразное изложеніе христіанскихъ догматовъ и морали. Непосредственное изученіе этихъ твореній — мало того, что даетъ намъ знаніе богословія, какого не можетъ дать никакое школьное преподаваніе: оно даетъ возможность проникать такъ-сказать въ самый процессъ созиданія христіанскаго ученія, христіанизируетъ нашу мысль, сродняетъ нашъ духъ съ строемъ идей, надъ разработкою которыхъ съ такимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ трудились святые отцы. Изучая непосредственно эти творенія, мы сами безотчетно, но тѣмъ не менѣе неотразимо — еслибы можно было такъ выразиться — заражаемся этимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ, заражаемся тою свѣжестью и непосредственностію христіанской мысли и христіанскаго чувства, какія составляютъ неотъемлемую принадлежность первобытнаго христіанства. Путемъ непосредственнаго проникновенія въ этотъ родникъ христіанскаго духовнаго творчества христіанскія идеи такъ-сказать ассимилируются въ отправленияхъ нашей внутренней жизни и становятся неотъемлемымъ и самымъ дорогимъ ея достояніемъ. Ни какое своеобразное впечатлѣніе выносить внимательнѣе изучившій святоотеческія творенія богословъ, когда видитъ, какъ, несмотря на все безконечное разнообразіе идей и направленій мысли въ этихъ твореніяхъ, опредѣляемое разстояніемъ времени, мѣста, индивидуальными особенностями лицъ, характерными отличіями странъ и народовъ, все это разнообразіе сходится въ единствѣ

основнаго ученія, такъ что всѣ различныя творенія святыхъ отцовъ суть не что иное, какъ стройныя части одного стройнаго организма церковнаго ученія!

Въ виду такихъ соображеній, можно ли же пожалѣть, что переводъ святоотеческихъ твореній у насъ вдругъ повсемѣстно прекратился въ то время, когда не одѣлана, можетъ быть, и половина дѣла! Мы не позволимъ себѣ думать, чтобы этотъ фактъ означалъ, что одинъ изъ первоисточниковъ нашего богословія забытъ, или даже, что онъ не занимаетъ въ нашей наукѣ должнаго значенія; но въ тоже время въ нашей литературѣ мы имѣемъ слишкомъ немного данныхъ, чтобы утверждать, что самобытная разработка святоотеческихъ твореній для цѣлей ли школьнаго преподаванія или для цѣлей духовно-литературныхъ вообще имѣла у насъ въ настоящее время то широкое развитіе, какого естественно желать въ виду основныхъ задачъ нашей богословской науки и наиболѣе насущныхъ потребностей нашей религиозно-церковной жизни. Не знаемъ, на сколько то будетъ справедливо, но мы склонны думать, что употребленіе святоотеческихъ твореній доселѣ въ нашей литературѣ и школѣ имѣетъ характеръ болѣе отрывочный, такъ-сказать сентенціонарный, въ родѣ того, какое имѣло мѣсто въ вѣкъ діакона Варнефрида или Рабана Мавра: то-есть, что у насъ доселѣ пользуются лишь нѣсколькими, издавна приводимыми въ курсахъ богословія изрѣченіями, такъ-называемыми классическими мѣстами, изъ святоотеческихъ твореній, вмѣсто того, чтобы научать міровоззрѣніе каждаго святаго отца въ его цѣлостномъ видѣ, изучать каждаго святаго отца, какъ историческую личность, какъ представителя и выразителя въ христіанскомъ мірѣ духовнаго и умственнаго настроенія, характеризующаго эпоху, и, главное, какъ органъ церковнаго преданія, болѣе или менѣе полно воспроизводящій вѣру цѣлой церкви и ея ученіе въ данный періодъ времени.

Когда историки всеобщей литературы—Шерръ, Гетнеръ, Дрэннеръ и другіе игнорируютъ въ своихъ произведеніяхъ эту отрасль литературы, отводя для нея въ своихъ курсахъ самое мизерное мѣсто, какъ предмету, имѣвшему лишь свое специфическое значеніе для богословія,—мы это понимаемъ, понимаемъ, что имѣя такую предвзятую мысль относительно значенія свято-

отеческихъ твореній имъ трудно въ этихъ твореніяхъ усмотрѣть явленіе всемірно-историческое, выражающее міровоззрѣніе и всю совокупность интеллектуальныхъ интересовъ громаднаго по объему пространства времени и колоссальнаго по своему грандіозному содержанію періода въ развитіи человѣческой мысли и всемірной культуры. Для нихъ—этихъ историковъ—святые отцы церкви не болѣе, и не иное что, какъ люди специальной профессіи, которая и въ то время не имѣла преобладающаго и направляющаго значенія, а въ нашъ вѣкъ и окончательно—все болѣе и болѣе—утрачиваетъ свое значеніе, и имъ естественно проходить ихъ молчаніемъ или упоминать вскользь, мимоходомъ. Въ этомъ отношеніи въ нашей, во крайней мѣрѣ, литературѣ, посчастливилось—лишь одному Максиму Турскому, проповѣдями котораго г. Стасюлевичъ назвалъ возможнымъ воспользоваться въ своей «исторіи среднихъ вѣковъ» какъ источнику для политической исторіи того времени, да В. И. Ламанскій въ своемъ недавнемъ чтеніи въ славянскомъ комитетѣ представлялъ очеркъ государственныхъ и политическихъ понятій отцовъ церкви (очеркъ этотъ—отрывокъ изъ сочиненія, которое печатается въ имѣющемъ видѣти въ непродолжительномъ времени въ свѣтъ славянскомъ сборникѣ). Но не такъ, конечно, думаетъ наша духовная школа; и вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы въ ней употребленіе святоотеческихъ твореній сентенціозное и отрывочное замѣнилось цѣлостнымъ изученіемъ каждого отца, чтобы ясець былъ индивидуальнымъ образъ его личности и его міровоззрѣнія, его значеніе для своей эпохи и въ ряду другихъ дѣателей христіанской мысли и общечеловѣческаго развитія. А для этого, очевидно, необходимо намъ имѣть полный переводъ святоотеческихъ твореній на русскомъ языкѣ,—только въ этомъ случаѣ такое изученіе можетъ сдѣлаться общедоступнымъ и одинаково возможнымъ: не только для лицъ профессиональныхъ, но и для каждаго желающаго посвятить себя этой отрасли знаній¹⁾.

Въ виду того, что ученые корпораціи наши в. періодическія

¹⁾ Редакція „Православнаго Обозрѣнія“ съ будущаго года будетъ продолжать начатое въ 1872 году печатаніе перевода св. Ипполита сочиненія „противъ ересей“.

духовныя изданія съ настоящаго года прекратили свои полезныя работы въ этомъ направленіи, для чего, конечно, они имѣли свои достаточныя основанія, давъ, въ замѣнъ святоотеческихъ твореній, переводъ другихъ, по характеру и потребностямъ времени не менѣе важныхъ отдѣловъ древне-христіанской письменности (имѣемъ въ виду переводъ на русскій языкъ древнихъ литургій предпринятый Христіанскимъ чтеніемъ, вызванный потребностію, возбужденною въ этомъ отношеніи старокатолическимъ движеніемъ) нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ трудамъ частныхъ лицъ, посвящающихъ себя отъ времени до времени этой отрасли литературной дѣятельности, каковы, напримѣръ были въ недавнее время труды архимандрита Климента (переводъ «бесѣдъ св. Григорія Двоеслова» Спб. 1860 г.), г. Карифева (переводъ сочиненія Тертуліана и Лактанція, кажется не довольно точный, но за то блистающій изяществомъ и правильностію русской рѣчи), а въ наше время переводы Оптиной пустыни и компіляціи изъ святоотеческихъ твореній покойнаго преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, и каковъ, наконецъ, недавно появившійся переводъ творенія св. Амвросія Медиоланскаго *de officiis ministrorum* («О должностяхъ священнослужителей церкви Христовой. Изъ творенія св. Амвросія, епископа медиоланскаго—*de officiis ministrorum*. Кіевъ 1875) г. Пospѣлова. Послѣднее изданіе отчасти удовлетворяетъ изложеннымъ выше требованіямъ относительно изданія святоотеческихъ твореній: третью часть книги (стр. LXXXIX + 222) въ видѣ предисловія къ сочиненію Амвросія составляютъ два очень недурно составленные этюда: одинъ—о жизни, личности и міровоззрѣній святаго Амвросія, другой—критическій обзоръ его сочиненія *de officiis ministrorum*. Одобряя, впрочемъ, трудъ г. Пospѣлова, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что почтенный переводчикъ нашелъ достаточнымъ предложить своимъ читателямъ твореніе св. Амвросія не въ полномъ составѣ, а лишь тѣ главы изъ трехъ книгъ *de officiis*, которыя имѣютъ, по соображеніямъ издателя, ближайшее отношеніе къ жизни и дѣятельности современнаго православнаго пастыря: намъ кажется, что обстоятельства, среди которыхъ приходится дѣйствовать современному священнику, настолько существенно разнятся отъ обстоятельствъ времени Амвросія, что едвали въ его произведе-

ни можно указать что-либо специально приспособленное къ современнымъ нуждамъ пастырской жизни и дѣятельности; по своему содержанію и характеру твореніе св. Амвросія такого рода, что можетъ и должно имѣть значеніе для пастырей церкви всѣхъ временъ, а не одной какой-либо эпохи. Тѣмъ меньше, намъ кажется, можно согласиться съ почтеннымъ переводчикомъ въ томъ, чтобы онъ имѣлъ право дѣлать въ текстѣ творенія св. Амвросія «сокращенія или соединенія». Подобный способъ изданія давно уже отвергнуть критикой не только относительно святоотеческихъ твореній и вообще произведеній древности, но и относительно произведеній свѣтской беллетристики. Впрочемъ и въ томъ видѣ, въ какомъ сдѣланъ г. Посидѣловымъ переводъ творенія св. Амвросія, оно съ пользою восполняетъ нѣчто отрывочныхъ и неполныхъ переводовъ изъ святоотеческихъ твореній, какой имѣется уже въ нашей литературѣ—въ «Христіанскомъ Чтеніи» и въ «Воскресномъ Чтеніи» за прошедшіе годы, а равно въ другихъ нашихъ духовныхъ изданіяхъ.

Н. Барсовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГЛАДСТОНЪ И ЕГО БРОШЮРЫ О ЦЕРКВИ АНГЛИКАНСКОЙ И РИМСКОЙ.

Современное положеніе англиканской церкви возбуждаетъ вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто изучаетъ церковную жизнь Запада. Съ нѣкотораго времени въ ней стало обнаруживаться броженіе, происходящее отъ столкновенія довольно разнородныхъ и враждебныхъ другъ другу церковныхъ элементовъ. Какъ ни благоговѣютъ англичане предъ утвердившимися формами своей государственной и церковной жизни, какъ ни способны они любоваться всѣмъ строемъ своей общественной жизни, это не спасаетъ ихъ отъ проявленій недовольства и тѣмъ и другимъ. Непрочность и хрупкость началъ, на которыхъ покоится церковное устройство англиканской церкви, неудовлетворительность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ формъ церковной жизни, изолированность англиканской церкви отъ общецерковной жизни народовъ европейскаго материка, служатъ причиною того, что время отъ времени повторяются въ ней движенія, вызываемыя попытками такъ или иначе измѣнить церковную жизнь англичанъ, дать ей другое направленіе.

Можно кажется думать, что всѣми подобными движеніями доказывается живучесть въ сознаніи членовъ англиканской церкви тѣхъ элементовъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась въ Англіи церковная жизнь отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ. Каждый изъ элементовъ нускалъ свои корни глубоко и

если, потомъ, при столкновеніи съ другимъ, въ извѣстное время почему-либо сильнѣйшимъ, элементомъ уступалъ его давленію, то не исчезалъ безслѣдно; а только ступевывался до поры до времени, дабы при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ заявить о своемъ существованіи. Болѣе сильнымъ изъ всѣхъ оказался элементъ римско-католическій, главнымъ образомъ по продолжительности своего дѣйствованія. Вынужденный реформаціе отступить на задній планъ онъ не потерялъ здѣсь такого крушенія, какое испытать заставила его нѣмецкая реформація въ средѣ германскихъ племенъ. Оставивши виднымъ образомъ свой слѣдъ и отпечатокъ отчасти на вѣроученіи и устройствѣ англиканской церкви, собственно реформатской, онъ продолжалъ незримо жить въ расположеніяхъ и стремленіяхъ немалого количества членовъ англиканской церкви. Современное движеніе въ англиканской церкви есть болѣе громкое выраженіе этихъ католическихъ расположеній нѣкоторыхъ членовъ англиканской церкви. Такимъ образомъ броженіе, совершающееся теперь въ церкви англиканской, не подходитъ къ разряду тѣхъ, которыя совершаются въ церковной жизни другихъ странъ. Последнія направляются болѣе къ ослабленію значенія церкви въ общественной жизни, къ пониженію ея вліянія, къ подчиненію ея государственнымъ цѣлямъ; и лишь въ немногихъ случаяхъ, въ небольшой сравнительно группѣ людей, ученыхъ, сходящихся на безпристрастной почвѣ науки и исторіи, рѣчь идетъ объ очищеніи церкви отъ чуждыхъ ея жизни и вѣрованію наслоеній, привнесенныхъ человѣческимъ измышленіемъ и своеволіемъ. Первое, напротивъ, направляется къ возстановленію самостоятельности церкви по отношенію къ собственной своей сферѣ, къ снабженію ея ритуала необходимыми принадлежностями, къ усиленію ея значенія въ жизни.

Если, такимъ образомъ, движеніе въ католическомъ направленіи имѣетъ свое основаніе въ расположеніяхъ английской націи, воспитанныхъ исторіею, то, съ другой стороны, оно не могло совершаться безразлично, не столкнувшись съ встрѣчнымъ направленіемъ, тоже имѣющимъ свое основаніе въ иного рода расположеніяхъ другой части английской націи, болѣе пропитавшейся тѣмъ духомъ, который внесла въ английскую церковную жизнь реформація. Въ памяти народиціи еще живо было тяжелое

впечатлѣніе, произведенное господствомъ въ Англіи католицизма. Стоило, повидимому, только оживить нѣсколько это впечатлѣніе, чтобы охладить горячее стремленіе къ возстановленію ритуала, а съ нимъ вмѣстѣ и къ облегченію возможности возвратитъ католической церкви прежнее значеніе въ Англіи. Съ другой стороны настоящее устройство англиканской церкви представляетъ не мало сторонъ отвѣчающихъ духу и темпераменту англійской націи. Стоило, повидимому, только эти стороны выставитъ порельефнѣе, очертитъ по-ярче, чтобы возбудитъ желаніе не поддаваться искушенію измѣнитъ національному вѣрованію. Такимъ путемъ, кажется, и хотѣла идти сначала оппозиція противъ ритуалистическаго и католическаго движенія. Но этотъ путь скоро былъ оставленъ. Ритуалистическое движеніе продолжало развиваться не по днямъ, а по часамъ. Католицизмъ тоже дѣлалъ быстрые успѣхи и недавно отпраздновалъ уже двадцатилѣтіе своего возрастанія. Въ виду этого англиканскіе прелаты и епископы, столько же и по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, какъ люди большею частію принадлежащіе къ этой церковной партіи, которая болѣе держится протестантскихъ началъ, сколько и по своему долгу высшихъ блюстителей и охранителей правъ учрежденной церкви, сочли себя обязанными принять зависящія отъ нихъ мѣры къ пресѣченію и ограниченію пропаганды, производимой и въ пользу ритуализма и въ пользу католицизма. Эти мѣры могли быть двоякія. Въ качествѣ духовныхъ пастырей они могли воспользоваться оружіемъ слова и духовнаго убѣжденія. Въ качествѣ высшихъ сановниковъ государства они могли воспользоваться и официальными средствами. И то и другое не было забыто ими. Въ доказательство перваго можемъ указать, напримѣръ, на пастырское посланіе англиканскихъ епископовъ къ подвѣдомственному имъ духовенству и мірянамъ, явившееся въ началѣ нынѣшняго года. Въ русскихъ газетахъ и журналахъ оно, кажется, не было помѣщено. Считаемъ, поэтому, не лишнимъ познакомиться нашихъ читателей съ содержаніемъ его.

Пастырское посланіе англиканскихъ епископовъ.

„1 марта 1875 г. мы нижеподписавшіеся архіепископы и епископы англиканской церкви, въ глубокомъ чувствѣ лежащей на насъ обязанности руководитъ вѣрными нашему пастырскому попеченію, желаемъ

сказать нѣсколько словъ совѣта и увѣщанія духовенству и мірянамъ нашихъ епархіи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени. Со смиреніемъ и благодареніемъ признаемъ мы благодѣянія оказываемыя Всемогущимъ Богомъ англиканской церкви. Его благословеніе, пребывающее на трудахъ духовенства и мірянъ, дало возможность нашей церкви чудеснымъ образомъ расширить Его царство и распространить Его славу и внѣ и внутри. Если судить по внѣшнимъ признакамъ, то въ послѣдніе 40 лѣтъ были устроены храмы, возобновлены, обезпечены; въ то же самое время были образованы новые приходы, особенно въ большихъ городахъ и округахъ; были собраны громадные денежные сумми для споспѣшествованія религіозному воспитанію; церковь распространилась въ колоніяхъ и за границею, при чемъ устроено болѣе чѣмъ 50 новыхъ кафедръ; послѣдовало великое возрастаніе числа тѣхъ лицъ изъ всѣхъ классовъ, которые молитвою и трудомъ утверждаютъ дѣло обращенія душъ ко Христу: все это служитъ свѣдѣтельствомъ ревности и усердія духовенства и мірянъ англиканской церкви, ревности и усердія, которыя не испосылаются какой-либо сектѣ и партіи. Смирненно вѣруемъ въ то, что и внутреннее дѣло Святаго Духа Божія въ сердцахъ людей, дѣло которое единъ Онъ можетъ измѣрить, имѣло великое преуспѣяніе въ соотвѣтствіи съ этими внѣшними усиліями. Съ благодарностію принимая это изобиліе благодѣяній и благословеній, мы не можемъ не признать съ прискорбіемъ и тѣхъ серьезныхъ опасностей, которыя смущаютъ миръ церкви и затрудняютъ ея дѣло. Однимъ изъ таковыхъ зломъ служитъ разрывъ въ симпатіи и взаимномъ довѣріи, которое должно существовать между духовенствомъ и мірянами. Измѣненія въ способѣ совершенія богослуженій сами по себѣ иной разъ не особенно важныя, вводимыя безъ авторитета и безъ должнаго вниманія къ чувствамъ прихожанъ, возбудили опасенія, что могутъ послѣдовать болѣе важныя измѣненія; произошло недовѣріе и разстроилось дѣло, которое должно было бы быть слѣдствіемъ общественнаго богослуженія. Такимъ образомъ родились подозрѣнія, часто безъ сомнѣнія неосновательныя, но которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ произвели серьезное раздѣленіе. Другимъ зломъ въ церкви въ настоящее время служитъ неповиновеніе законной власти. Не только то часто встрѣчается, что духовныя лица отказываются воздавать епископскому авторитету то подчиненіе, которое тѣсно связано съ самою идеею епископства, но открыто отказываютъ въ повиновеніи высшимъ судебнымъ толкователямъ закона въ церкви и королевствѣ. Даже подвергалась сомнѣнію и отвергалась власть, которую наша церковь уполномочиваетъ на то, чтобы упорядочивать и измѣнять обряды и церемоніи. Съ возрастающимъ безпокойствомъ и прискорбіемъ мы замѣчаемъ также распространеніе ученій и усиленіе обычаевъ, противорѣчащихъ ученію Свящ. Писанія и тѣмъ при-

ципамъ церкви, которые ведутъ начало отъ временъ апокалипсическихъ и которые авторизованы въ реформацію. Особенно же мы обращаемъ серьезное вниманіе на размноженіе и злонамѣренное распространеніе между молодежью такихъ руководствъ къ ученію и благочестію, о которыхъ не будетъ слишкомъ много сказано, что многое изъ внушаемаго ими рѣшительно несовмѣстимо съ ученіемъ и началами нашей реформатской церкви. Далѣе, мы считаемъ своею обязанностію обратить вниманіе на возрастающее стремленіе связывать извѣстную догматическую мысль съ обрядами и дѣйствіями, не заключающими ее въ себѣ необходимо. Напримѣръ, положеніе, которое долженъ принимать священникъ во время молитвы овященія при совершеніи таинства Причащенія, хотя въ разныя времена и въ разныхъ странахъ было различно и никогда формально не было признаваемо церковію за такое, которое заключаетъ въ себѣ какое-либо догматическое значеніе, теперь очень многими считается за символъ особеннаго догмата и въ этомъ видѣ стало предметомъ прискорбныхъ пререканій. Мы желали бы серьезно напомнить нашимъ братьямъ изъ духовенства о той торжественной присягѣ, которая обязываетъ всѣхъ насъ съ готовностію оказывать повиновеніе законамъ англиканской церкви, служителями которой мы поставлены, и признавать необходимость подчинять юридическимъ опредѣленіямъ законно установленныхъ учрежденій свои личныя толкованія всякихъ сторонъ извѣстнаго закона, почему-либо считающагося сомнительнымъ. Мы, духовные, обязаны подчиняться закону, когда онъ ясно истолкованъ, и убѣждать къ повиновенію другихъ, когда является примѣръ, могущій быть очень вреднымъ по своему вліянію и послѣдствіямъ. Мы убѣждены, что число отказывающихся отъ такого разумнаго повиновенія незначительно и что громадное большинство духовенства и мірянъ англиканской церкви всецѣло проникнуто чувствомъ законности по отношенію къ ея ученію и дисциплинѣ. Мы вполне признаемъ различіе между единствомъ и вынужденнымъ единообразіемъ и хорошо знаемъ, что наша церковь отличается терпимостію въ извѣстныхъ предѣлахъ къ различію и въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Мы не можемъ стѣснять этой мудрой широты; но свобода не должна вырождаться въ произволъ и своеволие; какъ нельзя отрекаться отъ основныхъ истинъ, такъ же должно изглаждать тѣхъ ясныхъ чертъ, которые отдѣляютъ вѣроученіе и практику нашей реформатской церкви отъ нововведеній и заблужденій римской церкви. Мы живемъ въ такое время, которое хвалится свободой мысли и освобожденіемъ отъ контроля власти. Во всякой части христіанства есть люди, которые болѣе чѣмъ когда-либо расположены бросаться въ крайности мнѣній и дѣйствій. Между тѣмъ какъ съ одной стороны основныя истины все болѣе и болѣе становятся предметомъ отрицанія и пренебреженія, съ другой стороны являются

напрасныя попытки подавить это невѣріе возстановленіемъ суевѣрія. Въ виду столь важныхъ обстоятельствъ мы торжественно обязываемъ васъ, возлюбленные во Господѣ братія, укрѣпляться въ духѣ любви и взаимной терпимости, устраняя разномыслія и разногласія, которыя кончаются не побѣдою той или другой стороны, а торжествомъ враговъ церкви и особенно тѣхъ, которые суть враги вѣры Христовой. Мы просимъ духовенство не беспокоить своихъ общинъ новыми обычаями и не утвержденными обрядами, и порицать тѣхъ, которые усиливается ввести ихъ. Мы убѣждаемъ и миряне не питать подозрѣній относительно честныхъ усилій споспѣшествовать богуе благомыслию богослуженію и сообразному съ правилами служебника. Конечно теперь не время для отчужденія, а скорѣе для заключенія богуе тѣсныхъ узъ между духовенствомъ и прихожанами, такъ какъ пороки, невѣжество, невѣріе, нетерпимость побуждаютъ къ совокуинной молитвѣ и совокуиннымъ усиліямъ со стороны всѣхъ тѣхъ, которые содержатъ вѣру во Христа распятаго и служить Ему, какъ своему Господу. Да пребудемъ же всѣ мы, духовные и миряне, вѣрными ученію и устройству нашей церкви, основанной на Свящ. Писаніи и согласной съ ученіемъ и дѣятельностію первенствующей церкви. Мы просимъ всѣхъ тѣхъ, до кого достигнуть наши слова, помолиться вмѣстѣ съ нами Всемогущему Богу, чтобы, какъ существуетъ едино тѣло, единый духъ и единое упованіе нашего званія, единый Господь, една вѣра, едино крещеніе, единый Богъ и Отецъ всѣхъ, — чтобы всѣ мы единымъ сердцемъ и единымъ духомъ, соединенные во единый святой союзъ истины и мира, вѣры и любви, могли славить едиными устами Бога, чрезъ Иисуса Христа нашего Господа. Аминь. (Слѣдуютъ подписи 26 епископовъ, имѣющія въ составѣ подпись архіепископа кентерберійскаго.)

Мы сказали выше, что предъ епископами не закрытъ былъ другой путь къ стѣсненію и ограниченію успѣховъ ритуализма. Занимая высокое положеніе въ государствѣ въ качествѣ лордовъ королевства, имѣя право голоса въ парламентѣ епископы провели билль, по которому всякая попытка произвести какое-либо измѣненіе несогласное съ церковными законами и учрежденіями англиканской церкви должно было разсматриваться и судиться, какъ дѣйствіе противное законамъ государства, и должно было сопровождаться для виновниковъ его соотвѣтственными послѣдствіями. Мы не вдаемся въ подробности этого дѣла, въ свое время свѣдѣнія о нихъ были сообщены нашею прессою.

Въ самомъ разгарѣ полемики съ ритуалистическимъ направлениемъ партія, защищавшая неприкосновенность учреждений ан-

гликанской церкви, неожиданно приобрѣла себѣ помощника, скоро привлечшаго къ себѣ общее вниманіе. Это былъ Гладстонъ, бывшій первый министръ англійскаго королевства. Долго вращаясь въ сферѣ политическихъ вопросовъ, заслуживши даже извѣстность въ этой сферѣ, Гладстонъ неожиданно для всѣхъ въ послѣднее время обнаружилъ особенное тяготѣніе къ разработкѣ вопросовъ, касавшихся не государственной, а церковной политики. Для людей,—а такихъ вездѣ не мало,—привыкшихъ съ холодностію и вынужденною вѣжливостію относиться къ вопросамъ богословскимъ и церковнымъ, какъ дѣлу чуждому, какъ къ специальности интересной развѣ только для посвятившихъ себя духовному званію, подобное вмѣшательство человѣка свѣтскаго въ сферу вопросовъ богословскихъ можетъ представиться странною прихотью ума, ищущаго новыхъ впечатлѣній. Можетъ быть многіе такъ именно и взглянули на попытку Гладстона говорить о церковныхъ дѣлахъ. Но помнимо всего прочаго, безъ отношенія къ тому, съ успѣхомъ или нѣтъ повелѣть онъ новое дѣло, вмѣшательство Гладстона въ церковный вопросъ есть явленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почтенное. Оно свидѣтельствуетъ о той крѣпости и широтѣ англійскаго воспитанія и образованія, благодаря которой человѣкъ не отделяется отъ религіозной сферы и надолго сохраняетъ въ себѣ способность живо и глубоко относиться къ вопросамъ касающимся ея. А то обстоятельство, что его статьи возбуждали жаркую полемику, побудили взяться за перо такихъ людей какъ Ньюманъ и Маннингъ, что его статьи были переведены на иностранные языки, свидѣтельствуетъ, что Гладстонъ взялся за дѣло не съ неумѣлостію новичка пробующаго свое перо, а съ серьезностію человѣка изучившаго обсуждаемые вопросы.

Первая статья, съ которою Гладстонъ выступилъ на этомъ поприщѣ, касалась вопроса «о ритуализмѣ и ритуалистахъ». Можетъ быть первоначально онъ и не предполагалъ того, что ему придется такъ долго имѣть дѣло съ подобными вопросами, какъ то случилось въ послѣдствіи. Но въ этой статьѣ, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія автора, было брошено нѣсколько фразъ показавшихся оскорбительными для представителей римско-католической церкви и побудившихъ ихъ возражать Гладстону. Это поставило Гладстона въ необходимость оправдать свои выраже-

нія и уже съ большою подробностію войти въ разсмотрѣніе того, что называется теперь римскимъ католицизмомъ и что для большей точности онъ называлъ ватиканизмомъ; является статьи «о ватиканскихъ постановленіяхъ», «о ватиканизмѣ», «о рѣчахъ папы». Всего обидѣе защитникамъ римскаго католицизма казалось убѣжденіе государственнаго человѣка въ томъ, что ватиканизмъ представляетъ опасности для общественнаго и государственнаго строя народовъ, въ средѣ которыхъ есть исповѣдующіе римско-католическую церковь, что искренніе ультрамонтаны не могутъ быть хорошими подданными своихъ государей.

Новыя возраженія со стороны противниковъ побуждала Гладстона съ своей стороны подробнѣе и яснѣе излагать свои взгляды на спорный предметъ, при чемъ онъ не оставилъ безъ вниманія и другихъ притязаній ультрамонтанства, между которыми болѣе выдается мечта ихъ о возстановленіи папской власти.

Такимъ образомъ вопросы, развиваемые Гладстономъ въ его статьяхъ, могутъ быть коротко выражены въ слѣдующей формѣ: 1) вопросъ о ритуалистическомъ движеніи въ англиканской церкви; 2) вопросъ о значеніи ватиканизма и его отношеніи къ государственной и общественной жизни народовъ и 3) вопросъ о мечтаніяхъ ультрамонтанства возвратити папской власти прежнее величіе и вліяніе на судьбы народовъ. Не воспроизводя содержанія всѣхъ прежнихъ статей Гладстона, мы предлагаемъ вниманію читателей послѣднія изъ недавно напечатанныхъ его статей, чтобы яснѣе видѣть отношеніе Гладстона къ каждому изъ указанныхъ выше вопросовъ.

1. По отношенію къ первому вопросу заслуживаетъ вниманія статья помѣщенная въ июльской книжкѣ «Contemporary Review» подъ заглавіемъ: «Is the Church of England worth preserving»? Въ составѣ ея можно различать слѣдующія части. Прежде всего Гладстонъ обсуждаетъ тѣ самыя поводы, которые служатъ причиною новыхъ разномысліи и раздѣленій въ церкви англиканской. Это—обряды, это—попытки нѣкоторыхъ обставить богослуженіе англиканской церкви дѣйствіями, заимствованными изъ тѣхъ временъ, когда католицизмъ былъ господствующимъ вѣропопавданіемъ Англій. Мысль Гладстона относительно этого предмета такова, что обряды, какъ нѣчто внѣшнее и несущественное, какъ нѣчто такое, къ чему равнодушна

самая сущность христіанства, не должны бы никогда и служить поводомъ къ какимъ-либо разномыслиямъ при здоровомъ и трезвомъ состояніи головъ, что причиною подобныхъ разномыслий обряды могутъ стать не сами по себѣ, а по причинѣ произвольно соединяемаго съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ того или другаго догмата, что нѣкоторыя дѣйствія и церковныя обычаи могутъ быть твердо содержимы даже людьми, не особенно расположенными чтить обрядность, и это не потому, чтобы они выражали собою какую-либо догматическую истину, а потому что они болѣе идутъ къ извѣстному мѣсту богослуженія. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію того, насколько умѣстно, насколько помогаетъ дѣлу вмѣшательство въ вопросы подобнаго рода судебныхъ властей и попытка къ юридическому узаконенію того или другаго рѣшенія дѣла, Гладстонъ высказываетъ увѣренность, что подобное вмѣшательство дѣлу мало помогаетъ, ибо всегда есть возможность обходить законъ, если онъ почему либо не нравится; что запрещено дѣлать въ одномъ мѣстѣ, то можно сдѣлать въ другомъ, что запрещено дѣлать при извѣстныхъ условіяхъ, то можно сдѣлать измысливши и создавши другія, не предусмотрѣнныя закономъ, условія. Но, что важнѣе всего, всякая подобная попытка регламентировать судебнымъ порядкомъ подобныя дѣла можетъ только подливать масла къ огню, можетъ только раздражать борьбу. Во второй половинѣ своей статьи Гладстонъ смотритъ на то же дѣло съ иной стороны. Въ настоящее время, когда всѣ такъ хлопчутъ объ единеніи и единствѣ, болѣе чѣмъ когда-либо было неумѣстнымъ затѣвать споры, вводящія рознь въ церковную жизнь и нарушающія миръ церкви. Особенно тяжело это должно отозваться на состояніи англиканской церкви. Будучи въ извѣстномъ смыслѣ учрежденіемъ государственнымъ, національнымъ, она, чтобы выполнять свою національную задачу, должна стоять прочно, всякое же разномысліе и раздѣленіе только подрываетъ ея силу, ослабляетъ ея авторитетъ, что не можетъ привести ни къ чему хорошему. Но кромѣ этихъ національныхъ, сравнительно низшихъ и узкихъ цѣлей, церковь англиканская имѣетъ цѣли болѣе высшія и широкія, цѣли общія ей вмѣстѣ съ другими церквами христіанскими. Она, по мнѣнію Гладстона, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ причинъ занимаетъ даже болѣе видное положеніе сравнительно

съ другими церквами, положеніе такъ сказать центральное. Болѣе чѣмъ какая-либо другая, она имѣетъ точки соприкосновенія съ прочими церквами и можетъ облегчить дѣло нѣхъ взаимнаго единенія. Ея вражде прочіихъ приходится сталкиваться съ тѣмъ духомъ пылливости и критицизма, который иногда оказывается враждебнымъ корнви. По объѣмъ этихъ задачамъ свою службу христіанскому миру англиканская церковь можетъ сослужить только въ такомъ случаѣ, когда у ней обезпеченъ будетъ внутренній миръ; значить отсутствіе какихъ бы то ни было разномыслий ей болѣе необходимо, чѣмъ какой-либо другой церкви, а теперь — болѣе чѣмъ въ какое-либо другое время. Вотъ самая статья Гладстона:

Is the Church of England worth preserving?

De vita et sanguine certant. Aen. XII. 763.

Статья, сообщенная въ *Contemporary Review* за октябрь 1874 года подъ заглавіемъ „о Ритуалѣ и Ритуализмѣ“ возбудила сколько интереса и похвалы, столько же и разочарованія. Кажется отъ нея ожидали, что она поможетъ развязать или разрубить узелъ тѣхъ вопросовъ, которые съ такою горячію, чтобы не сказать съ бѣшенствомъ, были обсуждаемы въ предшествовавшую сессію парламента. Но она не имѣла такой честолюбивой цѣли. Ея задачей было по мѣрѣ силъ расположить людей къ обдуманности и къ умѣренности на полѣ сраженія, къ умѣренности въ той самой палатѣ, въ которой намъ слѣдуетъ быть единомысленными и спокойными. Къ этому располагали два обстоятельства: во первыхъ то, что всякое серьезное размышленіе бываетъ безпристрастно, а безпристрастное расположеніе духа служитъ первымъ неизбѣжнымъ условіемъ для рѣшенія споровъ; во вторыхъ мнѣ казалось, что въ настоящее время существенныя опасности связаны съ вошедшимъ теперь въ моду умноженіемъ обрядовъ.

Теперь время спокойное; горнило, не поддерживаемое болѣе горючимъ матеріаломъ парламентскихъ споровъ между высшими властями, остыло и къ нему можно приблизиться съ безопасностію или по крайней мѣрѣ съ меньшимъ рискомъ. Теперь мнѣ можетъ быть позволять сказать, что я не приступаю къ этому вопросу объ умноженіи обрядовъ какъ партизанъ. Еслибы вопросъ шелъ о чемъ-нибудь спорномъ между историческимъ христіанствомъ и системами или противоположными ему или различными отъ него, то я по чести не могъ бы сказать, что я не принадлежу ни къ какой сторонѣ. Но въ отношеніи къ

ритуалу, подъ которымъ я разумѣю внѣшнія формы богослуженія, я никогда въ жизни не позволялъ пользоваться собою для содѣйствія его расширенію; никогда не позволялъ завлекать себя въ какой-нибудь изъ его общихъ или частныхъ споровъ. Въ вопросѣ о посѣщеніи той или другой церкви я никогда не руководился богатствомъ или скудостію ея ритуала, на который я смотрю какъ на средство къ достиженію какой-нибудь цѣли, какъ на одно изъ многихъ средствъ, а не какъ на первое между ними. Поддерживать чистоту христіанской догмы, изображать ея значеніе, указывать ея пользу для человѣческой мысли и для человѣческаго благосостоянія, — это по моему мнѣнію есть одна изъ благороднѣйшихъ задачъ, какія когда-либо были даны уму человѣческому, потому что это сохраняетъ важнѣйшій источникъ человѣческихъ надеждъ, чаяній и добродѣтелей. Но въ отношеніи къ той одеждѣ, которую можетъ надѣвать на себя Евангеліе, моя мысль отличается широкою терпимостію, чтобы не сказать равнодушіемъ, ко всѣмъ образцамъ. Тутъ многое должно быть предоставлено національнымъ, частнымъ и личнымъ отличіямъ, и мнѣ тяжело думать, что та извѣстная степень свободы, которую уважали въ шестнадцатомъ столѣтіи, подвергается сомнѣнію и опасности при сравнительной холодности девятнадцатаго столѣтія. Конечно благоговѣніе есть дѣло необходимое и безцѣнное, но иное дѣло — благоговѣніе, иное — ритуаль; и оставаясь благоговѣющимъ я по своимъ личнымъ склонностямъ никогда бы не сталъ ссориться съ моимъ братомъ изъ-за ритуала. Такимъ образомъ ни для кого такъ не легко какъ для меня, принадлежащаго къ разряду тѣхъ людей, которые любятъ безпристрастіе, строго взвѣснть тѣ ошибки, которыя съ высшей точки зрѣнія могутъ быть усматриваемы на той и другой сторонѣ. Ничего нѣтъ легче; но есть вещи, которыя особенно вредны; то, что называется безпристрастіемъ, нерѣдко у двоихъ причиняетъ великую пристрастность и односторонность въ сужденіи каждаго, по той причинѣ, что каждый изъ нихъ безцеремонно опускаетъ изъ виду тѣ сѣмена истины, которыя впрочемъ находятся на каждой сторонѣ подъ скорлупою столкнувшихся предубѣждений. Не принимая на себя тона критика или педагога я могу сдѣлать одно наставленіе обѣимъ партіямъ спорящимъ о ритуализмѣ. Слѣдовало бы имъ убѣдиться въ необходимости совсѣмъ бросить видъ по крайней мѣрѣ довести до *minimum*'а манеру вносить въ вопросы, касающіеся важнѣйшихъ дѣйствій религіи, элементъ чего-то инаго, дающаго великую многозначительность. Можетъ быть недѣла сильнѣе представить эту необходимость какъ указавши для примѣра на тотъ частный пунктъ ритуала, который болѣе чѣмъ какой-либо другой служилъ предметомъ недавней борьбы, именно — на вопросъ: долженъ ли священ-

никъ во время молитвы освященія за обѣденою столъ лицомъ къ востоку или къ югу.

Благодаря нѣкоторому особенному умственному процессу, — который даже трудно понять уму непредубѣжденному, — относительно этого предмета возникъ споръ, который можетъ быть уже названъ дростнымъ. Обыкновенно этотъ споръ выступаетъ изъ границъ мелкаго вопроса: то или другое положеніе согласно, или, лучше сказать, болѣе согласно съ легальными предписаніями каноновъ. На обѣихъ сторонахъ личности не незначительныя, убѣждены, что если священникъ въ этомъ мѣстѣ богослуженія обращается лицомъ къ востоку, то этимъ онъ выражаетъ вѣру въ догматъ о реальномъ присутствіи и евхаристическомъ жертвоприношеніи, если же напротивъ онъ стоитъ у сѣвернаго конца алтара, или престола, то этимъ выражаетъ отрицаніе означеннаго догмата. Если допустить правильность этого спора, то безъ сомнѣнія самыя ужасныя послѣдствія могли бы произойти отъ всякаго возможнаго исхода этого спора. Съ вѣроятностію можно сказать, что есть много людей изъ числа членовъ англиканской церкви, которыхъ допущеніе вышеозначенныхъ принциповъ могло бы смутить, между тѣмъ какъ для другихъ, отрицаніе ихъ послужило поводомъ къ схизмѣ съ упорнымъ характеромъ.

Кажется, что въ настоящее время спорные пункты каждой изъ обѣихъ партій вполне могутъ быть поставлены на почву, неимѣющую никакого отношенія къ тѣмъ доктринамъ, съ которыми они иной разъ были поставляемы въ столь тѣсную связь.

Достаточно указать на то, что совершенно съ одинаковымъ добрымъ намѣреніемъ можно представлять доказательства столько же противъ сколько и за положеніе священника въ направленіи къ востоку, не прилетая заносчиваго элемента догматической значимости; вопросъ можно обсуждать на общихъ основаніяхъ религіозной терпимости. А если такъ, то было бы въ высшей степени не политичнымъ и даже обиднымъ для цѣлей религіи къ этимъ вопросамъ о положеніи священника прилетать, въ смыслѣ ли одобренія, или въ смыслѣ отрицанія, то значеніе, котораго они не требуютъ и которое они получаютъ только тогда, когда мы по ассоціаціи, или по предубѣжденію, стараемся сообщать словамъ и предметамъ такой цвѣтъ, котораго они не имѣютъ сами по себѣ. Съ разнообразными идеями богослуженія то или другое положеніе священника можетъ представиться болѣе сообразнымъ; но, по моему мнѣнію, странное должно быть устройство той головы, которая всаправду можетъ думать, что положеніе у сѣвернаго конца само по себѣ неблагоговѣнно, или чтобы обращеніе къ востоку само по себѣ было суевѣрно. И то и другое можетъ быть несправедливо, и то

и другое может быть странно; и однимъ изъ многихъ путей, по которымъ это происходитъ, бываетъ то, когда оспориваемое дѣло безъ нужды изъ сферы вещей безразличныхъ вводится въ сферу вещей существенныхъ, и разность, первоначально основывающаяся на человеческой фантазіи, становится *articulus stantis aut cadentis concordiae*.

Иной разъ кажется какъ будто, что даже въ смутное время реформации, когда прорваны были потоки значительной глубины, общественный смыслъ былъ серьезнѣе, устойчивѣе, можетъ быть даже любвеобильнѣе, чѣмъ теперь,—хотя оружіе борьбы въ ту эпоху было столько же физическое сколько и моральное, и при каждомъ своемъ оборотѣ затрагивало и національную безопасность и опасность или безопасность личную. И теперь есть члены англиканской церкви, которые не уважая и не одобряя колѣнопреклоненій за общественнымъ богослуженіемъ, тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ преклоняютъ колѣна во время принятія святаго Причащенія; это — обычай самый приличный, самый отрадный, самый братскій. Единодушному порицанію подвергся бы тотъ человѣкъ, который покусился бы нарушить это обыкновеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что это смѣренное положеніе тѣла слишкомъ много благопріятствуетъ идеѣ о богослуженіи отираваемомъ будто бы предъ освященными элементами. Конечно, не меньшему, если даже не большому, осужденію подвергся бы и тотъ, который, самъ вѣруя въ реальное присутствіе, старался бы распространить это убѣжденіе и въ другихъ какъ единственный путь къ объясненію сказаннаго обычая. Было бы, конечно, странно, чтобы не сказать постыдно, еслибы, доведши отчаянную борьбу реформациі до ея конца и наслаждаясь уже въ продолженіе трехъ вѣковъ съ половиною ея нравственными и социальными плодами, мы оказались бы менѣе мудрыми и менѣе развитыми въ сравненіи съ нашими не столь цивилизованными и не столь облагороженными предками, еслибы позволили себѣ произвести расколъ изъ-за вопроса далеко не столь труднаго, далеко не такъ требующаго употребленія крайнихъ мѣръ, чѣмъ тѣ вопросы, съ которыми имѣли дѣло наши предки.

Всегда бываетъ такъ, что когда удается одной сторонѣ сдѣлать обязательнымъ извѣстное догматическое пониманіе обрядовъ, то она всѣчески старается убѣдить противоположную сторону, что законъ преслѣдуетъ ее ни за что либо-другое, а именно или за прямое непослушаніе, или за окольные пути къ нарушенію силы закона. Напротивъ тѣ, которымъ кажется, что законъ примѣняется неправильно, думаютъ, что они въ правѣ обращать его въ свою пользу всегда, когда представится къ тому удобный случай. Предположимъ, напримѣръ, что подверглось воспрещенію обращеніе священника къ востоку, — кто не ви-

дять, что тѣ, которымъ это не нравится, могутъ изыскать обширныя средства къ тому, чтобы вознаграждать себя. Нѣкоторымъ не нравилось то, что духовенство съ согласія своихъ насомныхъ можетъ уменьшать количество богослужебныхъ дѣйствій въ приходской церкви; но вынужденные закономъ допустить въ ея стѣнахъ минимумъ обрядовъ и богослужебныхъ дѣйствій подобныя люди могутъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ устраивать и посѣщать другія богослуженія, которыя по убѣжденію многихъ могутъ быть совершаемы безпрепятственно, не подлежа ограниченіямъ закона о единообразіи.

Или, наоборотъ, можетъ быть такой случай, что въ тѣхъ самыхъ церквяхъ, въ которыхъ священнику запрещено было принимать известное положеніе, какъ заключающее въ себѣ излишнюю мысль—не только онъ, но и его конгрегация для достиженія своихъ цѣлей могутъ и вѣроятно обратятся къ инымъ-либо другимъ вѣншимъ дѣйствіямъ, которыя не воспрещены, но которыя тѣснѣе связаны съ догматическимъ значеніемъ, которыя подозрительнѣе сами въ себѣ, чѣмъ то дѣйствіе, которое было запрещено. Въ такомъ случаѣ и самая значительная побѣда въ судахъ какую пользу принесетъ для истины или для мира или для чувствъ тѣхъ, которые домогались этой побѣды?

Я остановился долго на этомъ частномъ предметѣ не потому, чтобы думать предшествующими замѣчаніями рѣшить трудность, но потому что хотѣлъ указать и по возможности предотвратить то, что дѣлало бы это рѣшеніе невозможнымъ. Самое первое условіе здравой мысли и поступка заключается въ самообладаніи и устраненіи изъ споровъ такихъ понятій, которыя эти споры дѣлаютъ безнадежными. Если мы не можемъ выполнить этого перваго условія, то напрасно было бы ожидать, что еще на долго будетъ отсроченъ день суда для церкви англиканской. По моему мнѣнію худо то, что мы рѣшаемъ подобныя затрудненія при помощи судебныхъ изворотовъ по большей части грубыхъ и неловкихъ. Я твердо стою за свое убѣжденіе, основанное на очень долговременномъ и вполне внимательномъ наблюденіи, что рядъ условныхъ процессовъ въ англиканской церкви за послѣднія сорокъ лѣтъ, начавшихся дѣломъ Оксфордскаго университета противъ епископа Гемпдена, вообще былъ дѣломъ вреднымъ. Говоря такимъ образомъ я не обвиняю тѣхъ, которые руководили этими процессами. Я не говорю, чтобы эти процессы были ведены безъ усердія, что они могли быть легко устранены, что они были или начинаемы недобросовѣстно, или оканчиваемы пристрастно. Я не спрашиваю и о томъ, прибавила или нѣтъ они что-либо къ славіи нашихъ британскихъ учреждений. Мое давнишнее убѣжденіе, что подобныя процессы только раздражаютъ борьбу, а не умиротворяютъ ее, что въ нихъ видна попытка

замѣнить моральную и умственную силу силою фанатизма, что они часто только увеличивают тѣ опасности, которыя слѣдовало бы болѣе благороднымъ образомъ отвратить, что они подрываютъ довѣріе и колеблютъ устройство церкви въ ея основаніи.

Случай за полстолѣтія назадъ можетъ служить къ подтвержденію этого мнѣнія, которое можетъ быть испугаетъ нѣкоторыхъ изъ монаховъ читателей, но котораго я уже давно держусь и которое приобрѣло извѣстность во вліятельныхъ кружкахъ. Никогда можетъ быть не было такъ сильно возбужденіе чорчменовъ противъ того, что называется евангелическими мнѣніями, какъ въ то время. Даже въ явленіяхъ авторитетныхъ, наиримѣръ такихъ, какъ извѣстная „изданія общества распространенія христіанскихъ знаній“, были употребляемы относительно названныхъ мнѣній выраженія не только грубыя, но даже гнусныя. Несмотря на это споръ рѣшился мирнымъ путемъ. Не заставляетъ ли это насъ думать, что въ то время между спорящими было болѣе или терпѣнія, или вѣры въ нравственную силу, или того и другаго—было болѣе умѣренности Гамалила и менѣе вспыльчивости Савла? Въ послѣднее время епископъ Фильпотсъ нарушилъ преданіе этой мирной политики по дѣлу Горгема. Но всякій, кто знаетъ этого замѣчательнаго прелата, знаетъ также, что это былъ человекъ скорѣе дѣйствія чѣмъ разсужденія; значить, только индивидуальная личность, а не общество должно отвѣчать за тотъ сильный ударъ, послѣдствія котораго столь серьезно отзываются на англиканской церкви.

Если, какъ я думаю, мнѣ удалось достигнуть успѣха въ спорѣ за главныя положенія, то обратимся теперь къ предметамъ болѣе отдаленнымъ. Посмотримъ на теперешнее положеніе англиканской церкви, ея слабыя стороны и опасности съ одной стороны, ея силу и вліянія съ другой стороны; и потомъ спросимъ себя: чего требуетъ долгъ и что внушаетъ благоразуміе? Заботиться ли о ея поддержаніи, или содѣйствовать ея паденію въ частностяхъ? Прежде всего необходимо устранить изъ изслѣдованія все, что даетъ поводъ къ словеснымъ недоразумѣніямъ. Въ извѣстномъ обществѣ мы видимъ два направленія, два характера существенно различныя. Это общество объявляетъ себя, а законами страны подтверждается, что оно есть древняя и католическая церковь страны, а потому значить оно есть національное учрежденіе. Первое обстоятельство служитъ причиною того, что его права и полномочія производятся отъ нашего Спасителя и апостоловъ; второе же, что оно стоитъ подъ контролемъ государства. Я далекъ отъ того, чтобы ставить обѣ сферы на одномъ и томъ же основаніи. Конечно въ извѣстныхъ отношеніяхъ предметы ихъ тѣсно связаны и форма бываетъ одна и та же. Конечно можетъ быть и то, что внутреннее единеніе

церкви не обезпечить внѣшняго единенія церкви съ государствомъ. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что расколъ въ церкви препятствуетъ ея единенію съ государствомъ. Не только какъ церковь, но и какъ обезпеченное учрежденіе (endowed establishment), она пока сильна. Но все-таки внѣшнія опасности церкви, какъ извѣстнаго учрежденія, стали довольно сильными и находятся еще въ извѣстныхъ границахъ; имъ помогаетъ тотъ общій духъ времени, который очень замѣтенъ и въ другихъ странахъ и кажется подчинилъ себѣ весь христіанскій міръ. Правда церковь обладаетъ еще достаточнымъ запасомъ силъ, но у ней нѣтъ той полноты, которая требуется для безопасности. Всякое отступленіе, организуемое въ отдѣльную общину, имѣетъ вліяніе на національную церковь, именно на ея національность. Конечно нельзя видѣть въ раздѣленіи церкви на двѣ части единственную причину, ускоряющую отпаденіе учрежденности, всежь-таки ожесточенность внутренней борьбы можетъ довольно сильно содѣйствовать достиженію этой цѣли.

Но могутъ спросить: каково должно быть то единеніе церкви, которому приписываютъ такую силу? Мы видимъ въ ней людей, которые созидаютъ или думаютъ, что созидаютъ свою религію только на своемъ частномъ мнѣніи, которые не охотно потому вступаютъ въ единеніе съ людьми, признающими важное значеніе христіанской исторіи; людей, которые вѣруютъ въ видимую церковь и людей, которые такъ не вѣруютъ; людей, которые желаютъ продолженія реформаціи, и людей, которые думаютъ, что церковь должна охранять проповѣдь истины, и людей, которые видятъ въ ней магазинъ, въ которомъ должны быть собраны на показъ мнѣнія всевозможныхъ сортовъ для покупателей всякаго сорта. Но, кромѣ всего этого, не существуетъ ли въ ней и такихъ, которые подвергаютъ вопросу авторитетъ Священнаго писанія и сомнѣваются или считаютъ за туманные образы даже главныя событія, изложенныя въ Апостольскомъ сумвогѣ. Единеніе, допускающее существованіе такихъ разностей, какое же можетъ принять названіе и стоить ли того чтобы его защищать?

Обязанность содѣйствовать религіозному единенію вслѣдствіе особенныхъ причинъ въ настоящее время получила нѣкоторую торжественность; но тѣ же самыя причины производятъ въ этомъ дѣлѣ и нѣкоторую запутанность. Религія Христова въ настоящее время, болѣе чѣмъ въ какое либо другое, подвергается порывистымъ и бурнымъ нападеніямъ. Но когда буря свирѣпствуетъ такимъ образомъ за стѣнами, нельзя сказать, чтобы взаимный внутренній антагонизмъ христіанскихъ общинъ ослабѣлъ или чтобы демаркаціонныя линіи между ними теперь болѣе между собою сблизились. Болѣе видны изъ всѣхъ, величайшія изъ христіанскихъ общинъ, не говоря уже о малыхъ общинахъ, находятся подѣ

вліяніемъ или существующей, или приближающейся внутренней схизмы. Папская церковь вступила уже въ борьбу съ нѣкоторыми своими частями въ Арменіи, Германіи, Италіи и Швейцаріи; она находится въ борьбѣ съ значительнымъ числомъ христіанскихъ государствъ, особенно тѣхъ, гдѣ есть исповѣдующіе Римскую церковь. Состояніе англиканской церкви во многихъ мѣстахъ представляется мрачнымъ и помрачается еще болѣе. Даже неподвижный Востокъ потрясенъ. Славянскіе и эллинскіе, лучше сказать, не-славянскіе элементы, находятся въ настоящее время въ сильномъ церковномъ спорѣ впрочемъ не изъ-за догматическихъ разностей; и ужасный расколъ Болгарскій, не умиротворяемый русскими вліяніями, колеблетъ древній и досточтимый престолъ Константинопольскій и единомысленные съ нимъ патріархаты. Эта картина набросана грубо и наскоро, но я убѣжденъ, что вѣрно. Она относится къ раскрываемому нами дѣлу, показывая, что теперь болѣе чѣмъ когда либо нами шажки должны быть осторожны, наши умы спокойны, что если мы умѣемъ понимать истинное значеніе разногласій, то намъ не слѣдуетъ прибавлять къ нимъ кайенскаго перцу и тѣмъ еще болѣе расстраивать ихъ до степени открытой раны. Я не говорю того, что при обстоятельствахъ подобныхъ теперешнимъ каждый человѣкъ обязанъ былъ бы чѣмъ-либо жертвовать ради внутренняго единства своей собственной общины. Когда эта община, вслѣдствіе легкомысленныхъ мововведеній, приближаетъ своему долгу и усиливаетъ разногласіе христіанства, то истинно лучшимъ другомъ единства будетъ тотъ, кто при всякомъ удобномъ случаѣ, на всякомъ мѣстѣ, противодействуетъ этимъ измѣненіямъ, имѣющимъ революціонный характеръ. Мнѣ кажется, что долгъ каждого человѣка, принадлежащаго къ той религіозной общинѣ, къ которой мы принадлежимъ, долгъ заботиться о сохраненіи мира, въ настоящее время еще болѣе усиливается. По моему мнѣнію, это всего болѣе слѣдуетъ сказать о настоящемъ состояніи англиканской церкви. Эта церковь и нація, пользуясь своимъ правомъ реформировать, послѣ бурь XVI и XVII столѣтій устроили себѣ сравнительно тихую гавань, изъ которой въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій они не выходили. Последніе годы доказали, что въ этой тихой гавани можетъ быть совершаемо не мало добрыхъ дѣлъ относящихся къ царствію Божію, что въ ней можетъ проявиться не мало усилій укрѣпляющихъ и развивающихъ человѣческой характеръ. Я еще не говорю о нашихъ нонконформистахъ, хотя къ нимъ я питаю самое искреннее уваженіе; я ограничиваюсь только тѣмъ, что касается національной церкви; я сердечно убѣжденъ, что чѣмъ болѣе изучаешь ея положеніе и значеніе въ христіанствѣ, тѣмъ болѣе находишь, что слѣдуетъ содѣйствовать сохраненію ея внутренняго единства.

Есть люди, которые думаютъ, что всякое измѣненіе въ церковномъ законодательствѣ и устройствѣ, совершаемое въ направленіи протестантскомъ, привлечетъ къ ней гораздо большее число членовъ. Мое собственное мнѣніе не таково. На всякое измѣненіе, каково бы оно ни было, я смотрю какъ синонимъ разрушенія національной учрежденности.

Но кромѣ своего національнаго положенія и національныхъ преимуществъ англиканская церковь въ своемъ болѣе внешнемъ характерѣ, какъ известная форма христіанской религіи, имѣетъ самое важное положеніе во всемъ христіанскомъ мірѣ. Она одна изъ всѣхъ церквей имѣетъ тѣсныя соприкосновенія, согласія и сочувствія со всеми важнѣйшими частями христіанской церкви. Въ каждомъ пунктѣ своей пограничной линіи она близко сталкивается съ великою латинскою церковью и съ разнообразными формами конформизма. Далѣе: Она окружена такою сферой, въ которой болѣе чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ развита социальная дѣятельность; она находится болѣе чѣмъ какая-либо другая церковь въ банномъ соствѣствѣ съ духомъ изслѣдованій и поэтому болѣе подвержена опасностямъ со стороны невѣрія или отрицанія; и никакій философскій наблюдатель, каковы бы ни были его личныя мнѣнія, обобщая теперешнее христіанство не можетъ опровергнуть таковой видности ея положенія. Мнѣ кажется, что на эти обстоятельства недостаточно обращаютъ вниманія. Если-бы на нихъ обращали поболѣе вниманія, то въ нашихъ внутреннихъ спорахъ не было бы такой страстности, мы поняли бы, что наше положеніе у всѣхъ считается центральнымъ положеніемъ; въ виду этого мы легко примирились бы съ неудобствами нашего положенія ради той высокой, безкорыстной, благотворительной миссіи, съ которою онѣ невидимо тѣсно связаны. Можетъ быть я и жестоко ошибаюсь приглашая всѣхъ согласиться въ той мысли, что намъ не слѣдуетъ своихъ споровъ вести съ дикостью и наудачу, а что прежде чѣмъ рѣшиться на какой-либо шагъ слѣдуетъ предварительно тщательно обдумывать, каковы должны быть послѣдующіе шаги и каковы могутъ быть послѣдствія дѣяго ряда извѣстныхъ шаговъ. Я почти знаю то возраженіе, которое готово сорваться съ устъ нѣкоторыхъ. „Цѣль дѣянаго ряда изслѣдованій и уваза 1874 года заключается въ томъ, чтобы вырвать гайтнеру изъ англиканской церкви, уничтожить заговоръ, имѣющей цѣлю пошатнуть назадъ движеніе реформациі и возстановить ея богослуженіе и ея дисциплину на базисѣ ланской церкви,—конечно со всеми неудобствами той древней системы, которая свойственна была этой церкви въ прежнее время“. Но у меня уже готовъ отвѣтъ на это возраженіе. Если и существуетъ въ англиканской церкви подобная партія духовенства или мірянъ, завлеченная въ этотъ заговоръ, то она крайне, можно сказать

даже, беспредѣльно мала. Не мое дѣло обсуждать различныя обвиненія противъ тѣхъ ученій и обычаевъ, которыми приписываютъ тяготѣніе къ церкви Римской. Подобныя обвиненія были дѣлаемы пуританами противъ Лода, дѣлаются и теперь многими изъ нашихъ конвенформистровъ противъ служебника. Скажу только, что люди имѣющіе дѣлю романизировать нашу церковь составляютъ собою горсть очень незначительную. Чтобы поразить эту партію слѣдовало бы поразить ее въ тѣхъ пунктахъ, которые она открыто проповѣдуетъ и которыми усиливается дать силу! Но такъ ли ведется дѣло теперь? Эти ли именно пункты подвергались недавнимъ преслѣдованіямъ, недавнимъ обсужденіямъ, они ли были предметомъ множества выходившихъ ежедневно брошюръ и книгъ объ обрядовыхъ спорахъ? Напротивъ, эти преслѣдованія, эти угрозы, эти многотомныя произведенія, свенныя главами, часто исключительнымъ предметомъ были два пункта церковныхъ законовъ, относившіеся къ положенію совершителя таинства и къ постановленіямъ о церковныхъ облаченіяхъ. Но тутъ мы наталкиваемся на трудную дилемму. Насчетъ происхожденія закона относительно названныхъ двухъ пунктовъ преслѣдующія партіи расходятся не съ какою-либо горстію, а съ весьма большимъ числомъ, съ тысячами и десятками тысячъ какъ изъ духовенства, такъ и изъ мірянъ англиканской церкви, возрѣнія которыхъ, по моему разумѣнію, состоятъ въ томъ вопервыхъ, что законъ 1662 г. правильно истолковываемый предписываетъ употребленіе одежды, указанной въ первомъ служебникѣ Эдварда VI и обращеніе священника къ востоку при совершеніи таинства; вовторыхъ, — что несправедливо и неблагоприятно усиливать значеніе этихъ законовъ; втретьихъ, что столь же несправедливо и неблагоприятно измѣнять ихъ. Эти положенія доказываютъ ли собою существованіе заговора ассимилировать реформатскую церковь Англіи съ католическою? Если нѣтъ, то зачѣмъ же я вести войну въ той сферѣ, которая имъ принадлежитъ? Если да, то наше положеніе становится однимъ изъ самыхъ опасныхъ, ибо хорошо извѣстно, что очень большія и очень сильная часть духовенства съ немалымъ числомъ мірянъ по различнымъ побужденіямъ, но любви ли къ ритуалу, но любви ли къ свободѣ, или по опасенію раскола стоитъ за терпимость. Говорятъ, будто личности съ высокимъ авторитетомъ заявляли, что значительная часть и духовенства и мірянъ поддерживаютъ желаніе романизировать церковь. Я убѣжденъ, что этого нѣтъ; а если бы и такъ, то наше положеніе становится весьма затруднительнымъ; ибо я считаю несомнѣннымъ то, что, какъ бы ни судили о малыхъ операціяхъ, полезны они для насъ, или нѣтъ, не сомнѣнно говорю, что большія ампутаціи, широкія вкырѣзыванія по большей части таковы, что ихъ рѣдко выдерживаетъ пациентъ. При подоб-

ныхъ дѣйствіяхъ учрежденіе будетъ разорвана по кускамъ и даже вся церковь можетъ подвергнуться столь тягостнымъ послѣдствіямъ, предотвратить которыя едва ли бы было возможно.—Мое убѣжденіе и доселѣ остается, что для предотвращения подобныхъ опасностей самое лучшее и самое дѣйствительное средство заключается въ томъ, чтобы остерегаться раздражать споры и не ставить себя цѣлью по дѣламъ совѣсти домогаться указаній со стороны судебныхъ учреждений.

Такимъ образомъ предложеніе, на которомъ я настаиваю какъ на главномъ и существенномъ обстоятельстве въ этомъ дѣлѣ, заключается въ томъ, что слѣдуетъ подвергать самому строгому морщанію тѣхъ, которые, кто бы они ни были, стараются или законодательскими порядкамъ, или путемъ судебныхъ рѣшеній, или измѣненіемъ фразъ, или непознаннымъ навязываніемъ какого-то догматическаго значенія опущенію или совершенію извѣстныхъ обрядовыхъ дѣйствій, поколебать балансъ догматической устойчивости въ англиканской церкви. По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ столь важному дѣлу какъ внѣшнее выраженіе догматической стороны намъ надо еще подождать и поучиться. Въ продолженіи послѣдняго полустолѣтія мы получили отъ Всемогущаго такіе дары, которые едвали когда въ продолженіи такого же времени были испосылаемы на какое либо религіозное общество. Мы видимъ, что духовенство получило преобразование, міряне стали не такъ холодны и небрежны, воспитаніе значительно подвинулось впередъ, человѣческія нужды и печали стали предметомъ заботливыхъ попеченій, къ согрѣшеніямъ стали относиться строже, богослуженіе получило единообразіе и благопріимствіе и къ нему относятся съ уваженіемъ, проповѣдываніе совершается въ евангельскомъ духѣ, и это, во многихъ случаяхъ которые могутъ быть названы, благодаря усиліямъ людей, бывшихъ преемниками Апостоловъ столько же по характеру, сколько и по своимъ полномочіямъ.

Чтобы избѣжать перетолкованій я сокращаю сущность дѣла въ слѣдующихъ предложеніяхъ:

- 1) Церковь нашего великаго народа заслуживаетъ того, чтобы заботиться о ея поддержаніи; для этой цѣли много можетъ быть сдѣлано хорошаго.
- 2) При существующемъ расположеніи умовъ и обстоятельствъ этого нельзя достигнуть, если мы будемъ колебать балансъ внѣшняго выраженія догматической сущности чрезъ намѣненіе ли служебника въ спорныхъ пунктахъ, или чрезъ узаконеніе извѣстнаго пониманія тѣхъ предметовъ, которые доселѣ всего болѣе служили поводомъ къ спорамъ съ точки зрѣнія „догматической значимости“.
- 3) Чѣмъ болѣе мы будемъ вѣрять въ нравственныя силы и чѣмъ

меньше въ карательныя мѣры, тѣмъ лучше для учрежденной церкви и для церкви вообще.

4) Если и нужно удержать ограничительныя мѣры и если желательно при примѣненіи ихъ не выступать изъ предѣловъ благоразумія, то все-го лучше когда это примѣненіе ихъ будетъ ограничено только такими дѣятелями, которые служатъ выраженіемъ невѣрія въ національную церковь.

5) Дабы судебныя опредѣленія относительно обрядовъ могли приобрести авторитетъ, твердость и уваженіе, подобающіе вообще нашимъ судебнымъ учрежденіямъ, нужно стараться, чтобы они были единообразны по отношенію къ такимъ правиламъ и постановленіямъ, которыя носятъ историческій характеръ, и не позволяли бы себѣ быть рѣшительными по отношенію къ такимъ предметамъ, которые еще недостаточно разъяснены и подлежатъ разъясненію еще въ будущемъ.

2. Другой вопросъ, обсужденіе котораго Гладстономъ было поводомъ ко многочисленнымъ нападеніямъ на него со стороны ультрамонтанской партіи, былъ вопросъ объ отношеніи ватиканскихъ опредѣленій къ политическому состоянію народовъ запада. Вопросу этому онъ посвятилъ нѣсколько статей. Въ недавнее время онъ издавалъ новое изданіе этихъ сочиненій, къ которому присоединилъ особое предисловіе. Для характеристики воззрѣнія Гладстона на этотъ вопросъ считаемъ достаточнымъ познакомить читателя съ этимъ предисловіемъ.

Если когда-либо былъ и въ настоящее время есть такой вопросъ, который бы глубоко захватывалъ собою будущее, это вопросъ о власти церкви и чудовищномъ, — благодаря холодному равнодушію, а также полусдвоенному, бездѣйственному ропоту большей части ея членовъ, благодаря апатіи и трусости всего свѣта, и наперекоръ честному, благоразумному сопротивленію небольшой части членовъ ея, — чудовищномъ расширеніи его въ вопросъ о личной власти папы, какъ она понимается теперь чуть не всею латинскою церковію. Удобная минута и практическое значеніе вопроса служатъ лучшимъ объясненіемъ той причины, которая побудила меня издать вмѣстѣ двѣ статьи, имѣющія слѣдующія заглавія: „A political Expostulation и Vaticanism“ и присоединить къ нимъ статью изъ январской книжки *Quarterly Review* о рѣчахъ папы Пія IX. У меня не было желанія имѣть дѣло съ какими либо личными дѣйствіями столь престарѣлаго и столь чтимаго многими первосвященника. Но эти дѣйствія стали таковыми, что открываютъ собою новую, страшную и удивительную главу въ общемъ дѣлѣ, а потому настоятельно требуютъ.

чтобы о нихъ зналъ весь міръ. Интересъ, возбужденный означенною статьею, былъ причиною того, что она перепечатана была въ Америкѣ и Австраліи и переведена на разные языки. Съ приспособіемъ однако же, узналъ я, что даже въ то время, когда ультрамонтанство съ такою новидимому горечью осуждается протестантскими будто бы имъ стѣсненія въ нѣкоторыхъ странахъ, тѣмъ не менѣе считаютъ дѣломъ хорошимъ стѣснить распространение мнѣ не очень страшныхъ произведеній; особенно считаютъ это нужнымъ тамъ, гдѣ, какъ думаютъ, то или другое ученіе можетъ оказать вліаніе на гражданскую власть. Господишь, переведшій на французскій языкъ мое сочиненіе о ватиканскихъ декретахъ, уведомилъ меня, что министръ французскаго правительства герцогъ Демазъ отказался разрѣшить свободную продажу перевода въ книжныхъ складахъ около желѣзныхъ дорогъ, на большихъ улицахъ и въ палатахъ. Думается однако же, что подобному ограниченію вѣроятно не подвергся недавно переведенный на французскій языкъ итальянскій отвѣтъ на мое сочиненіе монсеньора Нарди.

Обозрѣвая поле борьбы я съ благодарностію вижу, что на немъ явилось много благородныхъ протестовъ противъ чудовищнаго зла. Общественное вниманіе въ нѣкоторой степени обращено было на тенденцію и намѣреніе ватиканизма произвести разстройство въ гражданскомъ обществѣ и для достиженія своихъ цѣлей, когда то потребуются и когда то будетъ удобно, обратиться даже къ кровавому рѣшенію. Весь свѣтъ ясно увидѣлъ, что ничто, имѣющее притязаніе быть членомъ христіанскаго символа, именно декретъ 1870 г. о непогрѣбимости, можетъ быть безнаказанно отвергаемо въ самой римской церкви. Богословское положеніе этой церкви, колеблемое ея собственными самоубійственными дѣйствіями, съ великою ученостію и искусствомъ было очерчено въ сочиненіи, озаглавленномъ: *Results of the Expostulation, by Umbra Osioniensis*. И Италия, сохраняющая по отношенію къ этому вопросу положеніе весьма важное, все болѣе и болѣе узнаетъ, что къ вопросамъ церковнымъ и религіознымъ нельзя относиться только съ пренебреженіемъ.

Критическія замѣчанія на статью о „ватиканизмѣ“ были по видимому не изъ такихъ, чтобы побудить меня къ какому либо нарочитому отвѣту. Тѣмъ не менѣе я пользуюсь удобнымъ случаемъ въ настоящемъ предисловіи сообщить нѣкоторыя замѣчанія:

1) Намѣреніе тѣхъ, которые являются видными руководителями римской церкви, произвести разстройство въ гражданскомъ обществѣ, безъ сомнѣнія осуществится въ разнообразныхъ формахъ, когда это позволятъ обстоятельства и время, — въ настоящее же время ни въ чемъ оно не выступаетъ такъ очевидно, какъ въ отношеніи къ закону о супру-

жестокъ. Въ отношеніи къ этому дѣлу можетъ возникать много недоразумѣній случаевъ; но никто не сомнѣвается въ истинности тѣх поруганій надъ нравственностію и принципами, которыя заключаются въ сочиненіяхъ Ширроке и замѣчательное подтвержденіе которыхъ мы недавно видѣли у себя. Представляю краткій очеркъ главныхъ фактовъ въ томъ дѣлѣ, о которомъ хочу сказать, не указывая имени, числа и мѣста, такъ какъ это не требуется моею цѣлью. Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ Х, британскій подданный, вступилъ въ бракъ съ У, иностранкою и согласно съ постановленіями парламентскаго акта, бракъ былъ скрѣпленъ постановленіемъ англійскаго закона въ домѣ и въ присутствіи британскаго консула; оба братующіе принадлежали къ англиканской церкви. Они жили вмѣстѣ болѣе 26 лѣтъ и дѣти — плодъ этого супружества — уже достигли совершеннолѣтія. Недавно мужъ вступилъ въ преступную связь съ иностранкою. Жена нѣкоторое время переносила это съ терпѣніемъ, но наконецъ дѣло дошло до развода. Вскорѣ затѣмъ мужъ перешелъ въ римскую церковь; и четыре года тому назадъ, съ согласіемъ нѣкоторыхъ римско-католическихъ церковныхъ властей, вступаетъ въ римско-католическую капеллу въ бракъ съ участницею своего преступления. Затѣмъ одно изъ высокопоставленныхъ лицъ даетъ ему совѣтъ испросить утвержденія своему браку изъ Рима; онъ слѣдуетъ этому совѣту и получаетъ рѣшеніе Рима въ томъ смыслѣ, что его первый бракъ не дѣйствителенъ, а дѣйствителенъ только второй бракъ. Между тѣмъ оскорбленная супруга подала прошеніе въ судъ о юридическомъ признаніи ея положенія. Судъ призналъ ее законною женою и самъ двоеженецъ мужъ ея согласился, что она была такою по британскимъ законамъ. Въ силу этого приговора онъ помѣщаетъ свою любовницу въ своемъ родовомъ имѣніи въ ширѣ и требуетъ, чтобы всѣ тамъ относились къ ней какъ къ его законной женѣ, — въ великому соблазну сосѣдей очень хорошо знавшихъ его законную жену. По той же причинѣ онъ записываетъ какъ законнорожденнаго своего сына, родившагося отъ этого незаконнаго брака; характеристично въ этомъ дѣлѣ то, что эта женщина удостоивалась уваженій со стороны римско-католическихъ священниковъ и сестеръ милосердія. Въ моемъ рассказѣ нѣтъ ничего лишняго; можетъ быть даже дѣло представлено въ смягченномъ видѣ. Приговоръ Рима, на который я указывалъ, недавно былъ буквально приведенъ въ одной изъ первыхъ германскихъ газетъ. И въ лондонской прессѣ, хотя не много опустя, былъ помѣщенъ отчетъ объ упомянутомъ мною судебномъ процессѣ, сообщавшій главные факты; впрочемъ дѣло излагалось тутъ просто какъ казусъ въ юридической практикѣ. За исключеніемъ двухъ статей въ Saturday Review это дѣло не сочтено было стоящимъ того, чтобы объ немъ говорили газетной

прессѣ. Но на что собственно я сталъ своимъ долгомъ указать, это то, что дѣло въ высшей степени несправедливое было одобрено верховными властями папской церкви. Еслибы нашлись такіе, которые усумнились бы въ то, что я сообщилъ, такъ я скажу, что кардиналу Маннингу достаточно извѣстно это дѣло и ему очень хорошо извѣстно, можно ли что сказать противъ моего разсказа. Я могу указать и на другіе случаи не какъ на параллельные тому, о которомъ я такъ распространился, но просто какъ на побочныя доказательства желанія римской церкви подирать законы вездѣ, гдѣ по ея мнѣнію это можно сдѣлать безнаказанно. Даже въ столь отдаленныхъ мѣстахъ какъ острова южнаго океана, одинъ баптистскій миссіонеръ жаловался, что обращенные имъ мужья обнаруживаютъ желаніе обратиться къ римской церкви, прельщенные обѣщаніемъ получить тогда новыхъ женъ, если пожелають. А одна лондонская газета, считающаяся въ первыхъ рядахъ цивилизованнаго міра, недавно еще по поводу моихъ сочиненій о ватиканизмѣ, писала слѣдующее: „таковыя сочиненія пригодны только на то, чтобы наполнить досужее время: только тутъ онѣ получаютъ значеніе жизненныхъ вопросовъ, значеніе чего то требующаго непосредственнаго вниманія государственныхъ людей и каждаго англичанина, желающаго спасти отъ гибели свое отечество“. Дѣло, выводимое такимъ образомъ въ рядъ незначительныхъ и родныхъ развѣ только для досужаго времени, есть именно то, о которомъ я пишу. Латинская церковь кажется считаетъ 180 милліоновъ своихъ членовъ; духовенство ея считается сотнями тысячъ, съ тысячами епископовъ и какою во главѣ. Почти вся іерархическая сила въ этой великой общинѣ съ повсюду распространенною дѣятельностію, повсюду энергическою, устремлена къ достиженію намѣреній, которыя съ внутренней стороны направлены ко всеобщему поправленію нравъ епископовъ по отношенію къ папѣ, духовенства по отношенію къ епископамъ, мірянъ по отношенію ко всѣмъ тремъ, а съ внѣшней стороны къ отнятію силы у гражданской власти и для достиженія своихъ цѣлей къ употребленію даже насилія, когда то будетъ нужно. Эти намѣренія нигдѣ можетъ быть не изображены такъ ясно какъ въ замѣчательномъ произведеніи озаглавленномъ: *Olto Mesia Roma* (р. 194); эти намѣренія заключаются въ томъ, чтобы учредить *абсолютизмъ церкви и абсолютизмъ съ церкви*.

II. Что касается до заключающагося въ издаваемыхъ теперь сочиненіяхъ мнѣнія относительно стремленія римской церкви къ кровавому исходу при первомъ удобномъ случаѣ, то я могу указать здѣсь еще на мнѣніе архіепископа (теперь кардинала) Маннинга на митлигѣ Лиги св. Себастіана 20 января 1874 г. „Теперь, говоритъ онъ, — когда европейскіе народы возстали противъ намѣстника І. Христа, когда они его развѣн-

чали, насколько могутъ его развѣнчивать люди, теперь когда они совершили узурпацію святаго города, когда все это совершилось, остается одно только рѣшеніе вопроса, рѣшеніе къ моему ужасу неотразимое, это — континентальная война, которая превзойдетъ ужасами любую войну первой имперіи. Не думаю, чтобы можно было предотвратить ее. И я твердо убѣжденъ, что по устраненіи всѣхъ препятствій намѣстникъ І. Христа снова займетъ подобающее ему положеніе“. Это рѣчь была произнесена за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени, когда вниманіе британской публики было особенно обращено на дѣли этого заговора. Идея силы—идея новая. Она получила ходъ со времени занятія французами Рима съ 1849 по 1866 г. и Чивита Веккїи до послѣдняго времени. Въ настоящее время выраженія стали поумѣреннѣе; но при удобномъ случаѣ эти воплѣтъ ясныя и совершенно кровавыя намѣренія не замедлятъ повториться.

III. Долгое время ссылались на марилендское дѣло въ доказательство того, что римско-католическая церковь, еще два столѣтія тому назадъ, когда сила была въ ея рукахъ, воспользовалась этимъ дѣломъ ради благотѣльныхъ цѣлей. Это хвастовство, только съ большими преувеличеніями, повторилъ архіеп. Маннингъ. Изъ исторіи Банкрофта я уже показала, что въ марилендскомъ дѣлѣ не было вопроса о благотворномъ примѣненіи власти къ другимъ, а простой вопросъ о благоразумной осторожности въ отношеніи къ самимъ себѣ; это также вѣрно какъ и то, что снисходительное законодательство названной колоніи не было дѣломъ римскихъ католиковъ. Колонія была населена пуританами и протестантами и какое-либо давленіе или стѣсненіе со стороны римскихъ католиковъ было въ ней невозможно. Самый законъ колоніи, кажется, былъ отголоскомъ закона, принятаго внутри государства палатою общинъ въ 1645 г., что жители южныхъ острововъ, а также и тѣхъ, которые присоединятся къ нимъ, не должны быть стѣсняемы и беспокоимы въ дѣлахъ общественнаго богослуженія. Вообще марилендское законодательство представляетъ собою нѣчто достойное похвалы; и историческая теорія, приписывающая его вліянію римско-католической церкви, не имѣетъ основанія въ фактахъ. Г. Лондонъ, іюня дня, 1875 г.

3. Что касается до третьяго изъ указанныхъ выше вопросовъ,— вопроса о мечтѣ ультрамонтанъ возстановить свѣтскую власть папы и о надеждѣ ихъ на Францію и Испанію, которыя «во время благопріятное» должны будутъ оказать эту услугу папской тиарѣ; то взглядъ свой на этотъ вопросъ Гладстонъ выразилъ въ одной изъ недавнихъ статей, помѣщенной въ первой книжкѣ англій-

скаго журнала *New Church Quaterly Review*. Въ этомъ произведеніи своемъ знаменитый государственный дѣятель стремится доказать, что Римъ попрежнему составляетъ центръ христіанскаго міра, но только не въ томъ смыслѣ какъ въ бывшія времена своего всемірнаго могущества. Нынѣшній Римъ является центромъ, обладающимъ не притязательною, а скорѣе отталкивающею силою. «Для большей части европейскихъ государствъ, говоритъ между прочимъ Гладстонъ, притязанія латинской церкви не имѣютъ особенно важнаго значенія; для Италіи же они составляютъ жизненный вопросъ. Если Италія стремится упрочить свое существованіе, если она желаетъ развиваться, крѣпнуть и сдѣлаться со временемъ великою и могущественною, то она должна перестать быть страной папства и направить свои усилія къ скорѣйшему испроверженію владычества папской тиары». Какъ государственный человекъ близко знакомый съ положеніемъ Италіи и съ существенными условіями ея развитія, Гладстонъ вдается въ подробныя разсужденія по поводу прежняго владычества папскаго Рима и указывая на тиару, какъ на вѣнецъ заклеименный самыми тяжкими преступленіями и прегрѣшеніями, спрашиваетъ—мыслимо ли въ настоящее время возстановленіе прежняго мірскаго могущества римскаго первосвятительскаго престола? Гладстонъ полагаетъ, что еслибы Франція не была сдерживаема вліяніемъ Германіи, то она быть можетъ и не отказалась бы въ союзѣ съ Испанією предпринять что-либо въ видахъ возвращенія папству его прежняго могущества и мірскаго значенія. Но подобная попытка едва ли могла бы имѣть успѣхъ въ настоящее время; такъ какъ интересы папства, его матеріальныя и нравственныя стремленія, равно какъ и самая идея папскаго господства, съ его безмѣрными притязаніями находятся въ прямомъ противорѣчій съ духомъ, понятіями и убѣжденіями современныхъ обществъ. По мнѣнію автора провозглашенный итальянскимъ правительствомъ принципъ «свободной церкви въ свободномъ государствѣ» основывается на ошибочныхъ воззрѣніяхъ и осуществленіе его на практикѣ было бы сопряжено для правительства съ утратою его собственныхъ правъ и преимуществъ, послѣдствіемъ чего было бы исчезновеніе его вліянія въ политическихъ дѣлахъ. Безусловное невмѣшательство свѣтской власти въ интересы римской церкви предало бы мірянъ

во власть ватиканской партіи и обратило бы государство въ послушное орудіе притязаній римской куріи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Гладстонъ указываетъ на то обстоятельство, что благодаря рѣшенію итальянскаго правительства не вмѣшиваться въ назначенія епископовъ, ватиканская камарилья воспользовалась этою уступкою и наводнила итальянскія епархіи самыми закоснѣлыми ультрамонтанами. Римская курія оставила католическую религію и ея христіанскія требы такими неподвижными формами ритуализма, сохранившими на себѣ мрачный отпечатокъ средневѣковаго мистицизма, что государственные люди смотрятъ теперь на эту религію, какъ на явный анахронизмъ, перешедшій отъ старыхъ временъ и который, рано или поздно, долженъ самъ собою стухнуть и затѣмъ исчезнуть безвозвратно. Ватиканъ, повидимому, всѣми силами стремится къ достиженію полнѣйшаго разобщенія между свѣтскимъ и духовнымъ элементами. Онъ настаиваетъ на необходимости упраздненія богословскихъ факультетовъ при итальянскихъ университетахъ на томъ основаніи, что молодое поколѣніе подготавливающееся къ духовной дѣятельности должно воспитываться и просвѣщаться исключительно въ замкнутыхъ духовныхъ семинаріяхъ. Обсуждая отношенія, существовавшія въ былое время между духовенствомъ и мірянами, Гладстонъ упоминаетъ между прочимъ о томъ, что въ старину міряне участвовали совмѣстно съ клиромъ въ церковныхъ дѣлахъ; но съ теченіемъ времени правительства, принявъ на себя представительство ихъ правъ, отстранили ихъ отъ всякаго участія въ вопросахъ, входившихъ въ кругъ вѣденія римскаго престола. Но въ послѣднее время проявившееся въ Европѣ народное движеніе, клонящееся къ обезпеченію мірянамъ непосредственнаго участія въ церковно-общественныхъ дѣлахъ, вызвало надежду на осуществленіе великой реформы, обѣщающей существенныя перемены въ положеніи римской церкви и въ отношеніяхъ ея къ государству. Обозрѣвая исторію папства за послѣднія тридцать лѣтъ, Гладстонъ указываетъ между прочимъ на событія 1848 года, свидѣтельствующія, что Италия въ своихъ стремленіяхъ освободиться отъ папскаго гнета была не только стѣсняема, но даже подавляема покровительствомъ, которое католическія государства не переставали оказывать римскому престолу. Изгнанный въ 1848 г. изъ Рима папа снова возсѣлъ на

своей престолю при помощи иноземныхъ штыковъ. Франція, Австрія, Испанія и Неаполь обнажили мечъ во имя поколебленнаго «революціею» папскаго мірскаго могущества и заставили итальянскій народъ, волею-неволею, спириться передъ гнетомъ неотразимыхъ обстоятельствъ. Но въ особенности замѣчательно мѣсто сочиненія Гладстона, гдѣ онъ обрисовываетъ положеніе Франціи въ Европѣ. Разсужденія его по этому предмету произвели на французовъ глубокое впечатлѣніе, и мы считаемъ не излишнимъ привести ихъ цѣликомъ. «Неудержимое стремленіе людскихъ страстей, говоритъ онъ, которое мы совершенно ошибочно называемъ судьбою, подготавливаетъ для Франціи новое кровавое столкновеніе съ Германіею изъ за вопроса о преобладаніи на европейскомъ континентѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время Франція на словахъ и въ умѣ за миръ; но въ сокровенныхъ убѣжденіяхъ своихъ она желаетъ мысль о войнѣ, выжидая для того лишь благоприятныхъ для себя условій. Когда же наступитъ грозный часъ этой исполненной борьбы, то природный инстинктъ ея заставитъ ее соединиться съ тѣми элементами, которые всего легче могутъ примкнуть къ ней. Но это соединеніе не совершится въ формѣ союза государства съ государствомъ. Какъ на союзницу Франція можетъ теперь рассчитывать развѣ только на одну Испанію. Но союзъ государства, подобнаго Испаніи, павшаго такъ низко и неспособнаго управлять собою, не можетъ быть принятъ даже въ расчетъ. Настоящимъ союзникомъ Франціи будетъ союзникъ безымянный, ультрамонтанская партія торжествующая въ Бельгій, возбуждающая смуты въ Англіи, управляющая Франціею и замышляющая тамъ ковы, волнующая Германію и Австрію и которая, безъ сомнѣнія, столь же сильна теперь въ Италіи, какъ и въ другихъ государствахъ; словомъ, партія, разсѣянная по всему земному шару, но тѣсно сплоченная силою внутренней связи своей, неуклонно преслѣдующая свои цѣли, такъ какъ знаетъ, чего желаетъ и къ чему стремится, и умѣющая пользоваться малѣйшимъ благоприятнымъ случаемъ, а главное терпѣливо выжидать. Это ультрамонтанское меньшинство, ненавидящее Германію и безпокоящее Италію, будетъ въ силу неотразимой легкости событій естественнымъ и наиболее дѣятельнымъ союзникомъ Франціи, какъ скоро она сомкнетъ свои ряды подъ знаменемъ религіознаго фанатизма.

Франція, съ одной стороны, ультрамонтаны—съ другой будутъ единственными двѣ силы, которыя въ нѣзбѣтное время будутъ угрожать европейскому миру. Оскорбленныя чувства Франціи и обуревающая ее жажда возмездія, имѣющая предметомъ своимъ Германію, а затѣмъ непоимѣрныя притязанія и ядовитое честолюбіе клерикализма, твердо рѣшившагося сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе для возстановленія низложеннаго въ Италіи мірскаго могущества папы,—эти два мощные двигатели, невзирая на всю разнородность ихъ стремленій и интересовъ, тѣсно прижмутъ другъ къ другу для совмѣстнаго дѣйствія и пойдутъ рука объ руку, преслѣдуя однако противоположныя цѣли».

Увидимъ, такъ ли это будетъ какъ гадаютъ Гладстонъ....

М. В.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ИЗЪ О Т Ч Е Т А

О СОСТОЯНІИ МОСКОВСКОЙ СЕМИНАРИИ ПО УЧЕБНОЙ И ПРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ЧАСТЯМЪ ЗА ИСТЕКШІЙ 1874—75 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ¹.

I. Состояніе семинарии по учебной части.

Въ истекшемъ 1874—75 учебномъ году штатъ служащихъ при Московской семинаріи составляли: ректоръ, инспекторъ, три члена правленія отъ духовенства, 20 наставниковъ, изъ которыхъ семь — также члены правленія, — не считая преподавателей новыхъ языковъ, пѣнія, гимнастики и рисованія, — три помощника инспектора, шесть комнатныхъ надзирателей — для младшихъ трехъ классовъ²), экономъ, врачъ и почетный блюститель по хозяйственной части. Въ этомъ составѣ въ продолженіи года перемѣнъ не было, кромѣ лишь слѣдующихъ: по увольненіи, вслѣдствіе разстройства здоровья, отъ службы при семинаріи преподавателя литургіи и практическаго руководства для пастырей Н. Никольскаго, преподаваніе этихъ предметовъ педагогическимъ собраніемъ правленія поручено было, согласно собственному желанію, вмѣсто гомилетики, священнику І. Березкину, безъ испытанія пробными лекціями, какъ преподававшему означенные предметы прежде въ Виѣанской семинаріи и передъ тѣмъ, временно, въ самой Московской (притомъ гомилетика и литургіка по уставу отнесены къ одной кафедрѣ, — 18 (27) сентября); а вакансію преподавателя гомилетики занялъ, по непосредственному назначенію г. оберъ-прокурора св. Синода, кандидатъ Московской академіи П. Апостольскій 22 января (4 февраля). Затѣмъ, по увольненіи учителя математики В. Комарова отъ преподаванія уроковъ пѣнія, на эту должность педагогическимъ собраніемъ опредѣленъ былъ, съ утвержденія его преосвященства, епископа можайскаго, окончившій курсъ въ Московской же семинаріи М. Страховъ 10 (12) октября. Нѣ-

¹) Читано было на годичномъ актѣ семинаріи, 2 ноября н. г., ректоромъ, протоіереемъ Н. В. Благоразумовымъ.

²) Жалованье комнатнымъ надзирателямъ — по 166 р. съ коп. въ годъ каждому (всѣмъ шестерымъ 1000 р.), при квартирѣ и столѣ отъ семинаріи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, даровано было его высокопреосвященствомъ изъ кафедральныхъ суммъ.

которые изъ наставниковъ, сверхъ службы при семинаріи, имѣли въ прошломъ году, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, занятія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также посвящали свои силы ученымъ и литературнымъ трудамъ: такъ священникъ В. Марковъ состоялъ редакторомъ журнала: „Миссіонеръ“, Д. Боголюбновъ составилъ и издалъ „Учебное руководство къ чтенію Евангелій въ духъ семинаріяхъ“ (вып. 1), М. Никольскій напечаталъ къ „Прав. Обзорніи“ статью подъ заглавіемъ: „Наша библейская наука“ и началъ рядъ „псалмовъ въ русскомъ переводѣ съ объясненіями“, свящ. А. Никольскій и Н. Вѣляевъ помѣщали статьи въ „Миссіонерѣ“, Н. Комаровъ въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Обученіе въ семинаріи: а) по новому штату въ Московской семинаріи полагается по два отдѣленія во всѣхъ шести классахъ; но въ минувшемъ учебномъ году VI классъ оставался безъ параллельнаго отдѣленія, такъ какъ въ немъ число воспитанниковъ было менѣе нормальнаго, опредѣленнаго уставомъ для старшихъ трехъ классовъ, т. е. 55. По нѣкоторымъ предметамъ, за неимѣніемъ печатныхъ учебниковъ, или недостаточною полнотою ихъ, и въ прошломъ году наставниками выдавались воспитанникамъ, предварительно рассмотрѣнные ректоромъ, *литографированныя* записки, какъ-то: по исторіи церковнаго краснорѣчія—общаго и русскаго, основному богословію, педагогикѣ (теоретическая часть) и обзору философскихъ ученій. Въ видахъ болѣе успѣшнаго веденія учебнаго дѣла педагогическое собраніе правленія принимало и нѣкоторыя общія мѣры. Такъ, рассматривая инспекторскую вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ за декабрь 1874 и январь 1875 г., оно постановило (въ засѣданіи 17 февраля): просить гг. преподавателей подлежащихъ классовъ обратить, при имѣвшихъ скоро наступитъ репетиціяхъ, особенное вниманіе на тѣхъ воспитанниковъ, которые оказываютъ неудовлетворительные успѣхи по языкамъ; а при рассмотрѣніи такой же вѣдомости за февраль и мартъ (въ засѣданіи 29 апрѣля)—обратить на нихъ особенное вниманіе на предстоящихъ годичныхъ испытаніяхъ. Видимо полезною оказалась предупредительная мѣра, принятая педагогическимъ собраніемъ еще въ зашломъ году,—чтобы воспитанниковъ, которые, вслѣдствіе нехожденія въ классы по какимъ бы то ни было причинамъ, не получаютъ балловъ на репетиціяхъ, или вообще не оказываютъ въ теченіи года достаточнаго количества данныхъ для вывода средняго годоваго балла, подвергать изъ подлежащаго предмета особому экзамену, не по билетамъ, а по всѣмъ отдѣламъ пройденнаго въ теченіи года курса.

б) Принимая во вниманіе число предметовъ и самыхъ уроковъ у наставниковъ, какъ и у воспитанниковъ извѣстныхъ классовъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ характеръ и значеніе предметовъ для того или другаго класса, педагогическое собраніе правленія назначило воспитанникамъ VI класса 11 сочиненій, именно—два по догматическому богословію, два по нравственному, одно по Свящ. Писанію, одно по церковной исторіи, одно по практическому руководству для пастырей, срокомъ на 14 дней каждое, и, сверхъ того, два экспромта—по Свящ. Писанію и изученіе (независимо отъ особыхъ классныхъ импровизацій) и двѣ домашнихъ проповѣди, одну въ срокъ, другую внѣ срока, примѣнительно къ церковнымъ недѣлямъ и праздникамъ, по назначенію преподавателя гомилетики; V класса 11 сочиненій—два по Свящ. Писанію, два по основному богословію, два по церковной исторіи, два по литургикѣ, срокомъ на 14 дней, и, сверхъ того, одинъ экспромтъ—поученіе (помимо же особыхъ классныхъ импровизацій) и опять двѣ проповѣди, одну въ срокъ, другую внѣ срока, по назначенію преподавателя гомилетики; IV класса 8 сочиненій—два по обзору философскихъ ученій, два по психологій, одно по Священному Писанію, срокомъ также на 14 дней, и три экспромта—по обзору философскихъ ученій, психологій и Свящ. Писанію; III класса 8 упражненій—два по логикѣ, два по гражданской исторіи—всеобщей и русской, одно по Свящ. Писанію, срокомъ на 12 дней каждое, и три экспромта—два по логикѣ и одинъ по Свящ. Писанію; II класса 8 упражненій—два по исторіи русской литературы, два по гражданской исторіи (тоже), два по Свящ. Писанію, срокомъ на 8 дней, и, сверхъ того, два экспромта—по исторіи литературы; I класса 12 упражненій—четыре по словесности, два по всеобщей гражданской исторіи, два по свящ. Писанію, срокомъ на 8 же дней, и четыре экспромта—по словесности. Между показанными здѣсь сроками было оставляемо отъ 3 до 5 дней для роздыха воспитанникамъ; во время же годовыхъ репетицій они совсѣмъ освобождались отъ занятія сочиненіями. Придавая письменнымъ упражненіямъ учениковъ существенно важное значеніе для ихъ умственнаго развитія и выработки языка, педагогическое собраніе обязывало наставниковъ слѣдовать даннымъ учебнымъ комитетомъ и разъясненнымъ непосредственно имъ самимъ требованіямъ относительно задачи и характера, равно какъ и оцѣнки ихъ, инспекторскій же надзоръ—усилить контроль, недопускающій воспитанникамъ маркировать этого рода занятіями. Своевременно поданныя сочиненія были прочтаны преподавателями и возвращены ученикамъ исправленными и съ надлежащими обстоятельными замѣчаніями. (Темы, избираемыя преподавателями для ученическихъ сочиненій, предварительно показывались ректору, которымъ также прочтаны были многія изъ проповѣдей и экзаменные экспромты воспитанниковъ VI и V классовъ). Что касается письменныхъ упражненій по

древнимъ языкамъ и физико-математическимъ наукамъ, то, согласно прямому опредѣленію св. Синода, веденіе ихъ предоставлялось усмотрѣнію самихъ наставниковъ, съ наблюденіемъ, чтобы такого рода упражненія не были назначаемы ученикамъ на срѣки продолжительныя, а были даваемы имъ въ видѣ приготовленія урока къ классу древнихъ языковъ или физико-математическихъ предметовъ. *)

По годичной инспекторской вѣдомости, успѣхи учениковъ (при извѣстномъ различіи въ самомъ составѣ разныхъ классовъ) представляются въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи неудовлетворительныхъ (т. е. менѣе 3) среднихъ годовыхъ балловъ, выставленныхъ преподавателями: а) по устнымъ отвѣтамъ и б) письменнымъ упражненіямъ, и в) окончательныхъ, выведенныхъ послѣ экзаменовъ, по каждому предмету въ отдѣльности и г) изъ всѣхъ предметовъ класса вообще. Въ VI классѣ изъясненіе Свящ. Писанія 2°, 23°, 0°; догматическое богословіе 2°, 8°, 0°; нравственное богословіе 2°, 3°, 0°; практическое руководство для пастырей 0°, 0°, 0°; церковная исторія 6°, 8° 50°; гомилетика 0°, 0°, 0°; дидактика 0°, 0° (безъ сочиненій); чтеніе отцовъ церкви по-гречески 0° (одинъ окончательный баллъ); общій баллъ класса 0°. Въ V классѣ — изъясненіе Свящ. Писанія 0° 45°, 2°; основное богословіе 3°, 11°, 2°; церковная исторія 3°, 15°, 2°; литургика 0°, 18°, 0°; гомилетика 0°, 0°, 0°; педагогика 0°, 0° (безъ сочиненій); чтеніе отцовъ церкви по-гречески 0° (одинъ окончательный баллъ); общій баллъ класса 0° *). Въ IV классѣ — изъясненіе Свящ. Писанія 9°, 56°, 1°; обзоръ философскихъ ученій 1° 22°, 0°; психологія 1°, 38°, 0°; физика 1° (одинъ окончательный баллъ); латинскій языкъ 1° (тоже); греческій 7° (тоже); общій баллъ класса 0°. Въ III классѣ — изъясненіе Свящ. Писанія 8°, 50°, 0°; логика 3°, 21°, 0°; гражданская исторія 1°, 6°, 0°; тригонометрія 0° (одинъ окончат. баллъ); латинскій языкъ 3° (тоже); греческій 0° (тоже); нѣмецкій 0° (тоже); французскій 0° (тоже); общій баллъ класса 0°. Во II классѣ — изъясненіе Свящ. Писанія 0°, 37°, 0°; исторія русской литературы 3°, 32°, 3°; гражданская исторія 8°, 14°, 3°; геометрія 9° (одинъ окончат. баллъ); алгебра 3° (тоже); латинскій языкъ 10° (тоже); греческій 2° (тоже); нѣмецкій 14° (тоже); французскій 0° (тоже); общій баллъ класса 0°. Въ I классѣ — изъясненіе Свящ. Писанія 15°, 48°, 3°; русская словесность 4°, 44°, 0°; гражданская исторія 2°, 20°, 5°; алгебра 4° (одинъ окончат. баллъ); латинскій языкъ 11° (тоже); греческій 14° (тоже); нѣмецкій 20° (тоже); французскій 6° (тоже); общій баллъ класса 0°.

в) Въ августѣ 1874 года въ I классъ семинаріи вновь было принято (изъ 69) 31 человѣкъ: 18 какъ получившіе изъ всѣхъ предметовъ учи-

*) Еврейскимъ языкомъ въ прошедшемъ году занимались 7 человѣкъ: 2 изъ VI и 5 изъ V классовъ.

лишняго курса удовлетворительныя баллы—не менѣе 3, и 13 имѣющіе изъ одного какого-либо предмета 2, при удовлетворительныхъ баллахъ изъ прочихъ предметовъ и въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ вообще предметовъ—не менѣе 3. Педагогическое собраніе правленія нашлось вынужденнымъ сдѣлать такое отступленіе отъ требованій устава,—принять въ семинарію учениковъ и второй категоріи, *въ видѣ экстренной мѣры*, по вниманію къ тому обстоятельству, что курсъ училищныхъ воспитанниковъ, сдававшихъ въ томъ году приемныя испытанія, оказался, при своей малочисленности, весьма слабымъ вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ оно признало необходимымъ для столь слабого въ общемъ составѣ I класса, хотя и немногочислаго (46 человекъ съ 15 оставленными на повторительный курсъ, по малоуспѣшности), имѣть два отдѣленія, въ интересахъ педагогическихъ. Но св. Синодъ (указомъ отъ 11 ноября 1874 г.), оставивъ, *въ видѣ исключенія*, означенныхъ воспитанниковъ въ семинаріи, съ порученіемъ ректору—наблюдати, чтобы они особенно усовершенствовались въ тѣхъ предметахъ, по которымъ оказали слабые успѣхи на приемномъ испытаніи, параллельное отдѣленіе при I классѣ разрѣшилъ оставить лишь до конца минувшаго учебнаго года. Такимъ образомъ, въ началѣ 1874—75 учебнаго года всѣхъ воспитанниковъ въ Московской семинаріи было 367. По классамъ они распредѣлялись такъ: въ двухъ параллельныхъ отдѣленіяхъ I класса 46, съ 15 оставленными на повторительный курсъ (3 по болѣзни, остальные по малоуспѣшности); въ двухъ отдѣленіяхъ II класса 64, съ 16 оставленными (1 по собственному желанію, остальные по малоуспѣшности) и 1 вновь принятымъ (болгаринъ); въ двухъ отдѣленіяхъ III класса 69, съ 13 оставленными (все по малоуспѣшности); въ двухъ отдѣленіяхъ IV класса 71, съ 7 оставленными (1 по собственному желанію, 2 по болѣзни и 4 по малоуспѣшности) и 1 вновь принятымъ (изъ гражданской гимназіи, сынъ фактора университетской типографіи); въ двухъ отдѣленіяхъ V класса 84, съ 4 оставленными (2 по болѣзни и 2 по малоуспѣшности) и 2 вновь принятыми (изъ гражданской гимназіи и Бѣлградской—въ Сербіи—въ семинаріи); наконецъ въ VI классѣ (безъ параллельнаго отдѣленія) 83, съ 1 оставленнымъ (по болѣзни). Въ продолженіи учебнаго года выбыло изъ семинаріи: уволился по собственному желанію, частію по домашнимъ обстоятельствамъ, или болѣзненному состоянію, частію для поступленія въ другія, среднія и высшія, учебныя заведенія, — 36, 12 еще до экзаменовъ и 24 послѣ экзаменовъ (большинство ихъ изъ IV и V классовъ, и въ томъ же числѣ 1 болгаринъ, 1 абхазецъ, — оба возвратившіеся на родину, и 1 сербъ, поступившій въ Московскую духовную академію); исключены послѣ августовскихъ испытаній—по малоуспѣшности 2: итого 38 чело-

вѣвъ. Затѣмъ, на основаніи произведенныхъ въ іюнѣ и дополнительныхъ для совсѣмъ небывшихъ тогда, или долженствовавшихъ переэкзаменовываться, въ августѣ — годовыхъ испытаній, 33 воспитанника признаны были окончившими курсъ ученія, изъ которыхъ 12 удостоены 1 разряда и степени студента и 21 причислены къ 2 разряду⁴⁾; изъ V класса въ VI переведено 63, — 28 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2; изъ IV въ V 57, — 8 (послѣ нѣсколькихъ уволившихся) въ 1 разрядѣ, прочіе во 2 (въ томъ числѣ сирійскій урожонецъ, послушникъ антиохійскаго въ Москвѣ подворья), — съ 8 оставленными на повторительный курсъ (2 по болѣзни и 1 по малоуспѣшности) 60; изъ III въ IV 65, — 20 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2, — съ 4 оставленными (2 по болѣзни и 2 по малоуспѣшности) и 1 вновь принятымъ (съ домашнимъ образованіемъ, сынъ умершаго московскаго протоіерея) 70; изъ II въ III 55, — 12 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2 (въ томъ числѣ 4 болгарина и 1 изъ нихъ первообразный). — съ 2 оставленными (1 по болѣзни и 1 по малоуспѣшности) и 1 вновь принятымъ (изъ VI класса калужской гражданской гимназіи, сынъ умершаго инспектора тамошней семинаріи) 58; изъ I во II 36, — 10 въ 1 разрядѣ, прочіе во 2 (въ томъ числѣ 9 изъ нихъ бывшихъ на приемномъ въ семинарію испытаніи именно по одной 2), — съ 9 оставленными (1 по болѣзни, остальные по малоуспѣшности) и 2 вновь принятыми (1 уволенный изъ нашей же семинаріи въ 1874 г. и 1 изъ Владимірской семинаріи) 47 (безъ параллельнаго отдѣленія). Наконецъ, въ августѣ текущаго года вновь принято въ I классъ изъ 92, включая сюда 12 экстерновъ, 69 человѣкъ, какъ получившіе изъ всѣхъ предметовъ училищнаго курса удовлетворительныя баллы (не менѣе 3 изъ каждаго предмета⁵⁾), — съ 3 оставленными (по малоуспѣшности) 72. Въ числѣ вышеозначенныхъ 92 учениковъ было 30 окончившихъ нынѣ курсъ въ Законодательномъ училищѣ, изъ которыхъ принято 19; 21 въ Перевинскомъ, принято 19; 16 въ Донскомъ, принято 13; 13 въ Коломенскомъ, принято 8; между экстернами — 6 изъ окончившихъ курсъ въ 1874 году въ Законодательномъ училищѣ, 3 — нынѣ же въ Звенигородскомъ, 1 изъ IV класса 2 гражданской гимназіи, сынъ московскаго

⁴⁾ На экзаментъ въ VI классѣ по догматическому богословію и практическому руководству для пастырей изволил присутствовать преосвященный викарій Игнатій. Изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ четыре поступили въ Московскую духовную академію, — 1 по вызову и 3 волонтерами; одинъ —вольноопредѣляющимся въ военную службу.

⁵⁾ На приемныхъ въ семинарію испытаніяхъ назначены были ученикамъ особо греческій и латинскій переводы, баллы которыхъ принимались во вниманіе при оцѣнкѣ ихъ устныхъ отвѣтовъ по этимъ языкамъ и русскій диктантъ, баллу котораго придано самостоятельное значеніе.

діакона, 1 изъ ученица при синодальномъ хорѣ, сынъ унтеръ-офицера, и 1 съ домашнимъ образованіемъ сынъ умершаго коллежскаго регистратора, — принято изъ нихъ 10. Такимъ образомъ, къ началу настоящаго учебнаго года всѣхъ воспитанниковъ въ Московской семинаріи было 370.

II. Состояніе семинаріи по воспитательной части.

Съ заботами объ умственномъ образованіи учащихся, само собой, соединялись и шли рука объ руку заботы о религиозно-нравственномъ эстетическомъ и правильномъ физическомъ воспитаніи ихъ. Въ этомъ дѣлѣ принимали большее или меньшее участіе всѣ члены педагогической корпораціи семинаріи, преимущественно же, конечно, лица инспекторскаго надзора, какъ ближайшіе блюстители всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ охраненію и утвержденію доброй нравственности и благоповеденія вообще между юношами. При оцѣнкѣ поведенія воспитанниковъ обращалось вниманіе на равнющее и неуклонное исполненіе ученическихъ обязанностей, опредѣляемыхъ сколько предметами учебныхъ занятій, столько же и всѣмъ порядкомъ жизни заведенія съ преобладающимъ нравственно-церковнымъ характеромъ и направленіемъ. У каждаго изъ воспитанниковъ имѣлись подъ руками (въ *литографированномъ* видѣ), составленныя педагогическимъ собраніемъ правленія еще раньше и потомъ пополненныя, согласно извѣстному журналу учебнаго комитета, „правила поведенія“, которыя довольно всесторонне обнимаютъ и проясняютъ эти ихъ обязанности. Въ теченіи минувшаго учебнаго года воспитанники всѣ вообще вели себя скромно, и изъ общаго числа ихъ только нѣкото замѣчены были какъ дозволившіе себѣ болѣе значительныя проступки въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніяхъ. Въ годичной инспекторской вѣдомости средніе баллы поведенія учениковъ представляются въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи по классамъ: въ VI классѣ 5=91°, 4=9°; въ V классѣ 5=79°, 4=19°, 3=2°; въ IV классѣ 5=75°, 4=25°; въ III классѣ 5=77°, 4=23°; во II классѣ 5=73°, 4=24°, 3=3°, въ I классѣ 5=67°, 4=22°, 3=11°, — причемъ на живущихъ въ семинарскомъ общежитіи падаетъ: 4=26°, 3=3°; на приходящихъ 4=14°, 3=0° *). Въ видахъ побужденія воспи-

*) Что касается собственно частныхъ или вольнонаемныхъ квартиръ, то въ прошломъ году, какъ и теперь, ихъ оставалось не больше двухъ съ тремя воспитанниками на обѣихъ, такъ какъ, съ значительнымъ расширеніемъ новою пристройкой главнаго семинарскаго корпуса, оказалась полная возможность не только принять сюда всѣхъ желавшихъ поступить пансіонерами или полупансіонерами, но и перевести всѣхъ комѣщавшихся доселѣ (только ночевавшихъ впрочемъ) въ такъ-назы-

таняновъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ и исправному поведенію, а видѣвъ съ цѣлю ввести хотя въ нѣкоторое участіе по образованію и нравственному воспитанію ихъ родителей и родственниковъ, инспектору вмѣнилось въ обязанность выдавать воспитанникамъ—городскимъ помѣсячно, уѣздно-сельскимъ пополугодно—„свѣдѣнія“ о баллахъ, полученныхъ ими по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, равно какъ и о възысканіяхъ, каковымъ кто изъ нихъ подвергался за проступки болѣе важныя,—съ тѣмъ, чтобы они потомъ возвращали эти листки съ подписью своихъ родителей или опекуновъ. Между прочимъ, — съ цѣлю возбужденія и поддержанія религіознаго настроенія въ воспитанникахъ, ректоромъ семинаріи, предъ самою литургіею, велись воскресно-праздничныя бесѣды, состоявшія въ объясненіи положенныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній. По отношенію къ эстетическому образованію ихъ, отъ 30 до 60 учениковъ разныхъ классовъ пользовались уроками рисованія, по 1½ часа два раза въ недѣлю—среду и воскресенье (даваемыми *бесплатно* художникомъ академіи г. Астаповымъ), и нѣкоторые изъ нихъ успѣли настолько, что довольно искусно рисовали съ античныхъ головъ и оригиналовъ. Наконецъ, по отношенію къ физическому воспитанію учениковъ, съ января 1875 г. распорядительное собраніе правленія положило—съ полныхъ пансіонеровъ семинарскаго общежитія взимать за содержаніе по 95 руб., а съ полупансіонеровъ, пролазующихся только столомъ и квартирою, по 50 р. въ годъ; равно, за нѣкоторымъ уменьшеніемъ противъ прежнихъ тѣтъ и общаго числа учениковъ, и въ частности нуждающихся въ пособіи, оно возвысило до 95 же р. и казеннокоштный окладъ на счетъ мѣстныхъ благотворительныхъ суммъ, чрезъ что имѣло возможность улучшить нѣсколько какъ столъ, такъ и платье съ обувью воспитанникамъ. (Полупансіонерскимъ содержаніемъ въ прошломъ учебномъ году, изъ тѣхъ же благотворительныхъ суммъ, пользовались 12 бѣднѣйшихъ учениковъ, оставленныхъ по малоуспѣшности на повторительный курсъ въ тѣхъ же классахъ, и потому лишенныхъ казеннаго содержанія ⁷⁾).

ваемомъ общежительномъ флигелѣ. Проживавшіе на помянутыхъ вольныхъ квартирахъ ученики ежемѣсячно посѣщаемы были помощниками инспектора, по очереди. По примѣру прежнихъ тѣтъ, Высокопетровскій и Златоустовскій монастыри давали у себя пріютъ 5 бѣднымъ ученикамъ, 3 ученица (изъ болгаръ) жили въ домѣ „дешевыхъ квартиръ“ г. Лявныныхъ.

⁷⁾ Братство св. Николая и въ прошедшемъ году содержало въ здѣшней семинаріи одного полного стипендіата (на проценты съ капитала г. С. Забѣлина) и, кромѣ того, давало большія или меньшія порученія пособія нѣсколькимъ недостаточнымъ ученикамъ. Отмѣтимъ еще: на поддержаніе и пополненіе *своей* бібліотеки воспитанники семинаріи,

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ изъ журнала учебнаго комитета отъ 9 іюня сего 1875 г. относительно ревизіи нашей семинаріи, произведенной д. с. с. С. В. Берскимъ въ 1873 г. „Изъ отчета ревизора, говорится въ этомъ журналѣ, усматривается, что состояніе Московской семинаріи въ учебно-воспитательномъ и хозяйственно-административномъ отношеніяхъ можетъ быть названо вообще удовлетворительнымъ“. Частіе въ отчетѣ г. ревизора говорится, между прочимъ: „Всѣ наставники семинаріи внимательно слѣдили за учебными занятіями воспитанниковъ и за отчетливымъ усвоеніемъ преподаваемыхъ ими наукъ... Къ чтенію письменныхъ упражненій воспитанниковъ преподаватели относились внимательно, и лучшія или худшія изъ нихъ разбирали въ классѣ. Прочитавъ многія изъ ученическихъ работъ, ревизоръ вынесъ отрядное впечатлѣніе, что большинство учащихся пишетъ складно, толково, довольно правильно, разсуждаетъ логично, отчетливо и дѣльно“, хотя онъ и замѣчаетъ, что „уровень успѣховъ въ письменныхъ упражненіяхъ по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ ниже, чѣмъ по устнымъ отвѣтамъ“... „Направленіе воспитанниковъ, насколько оно можетъ отражаться въ письменныхъ работахъ, безукоризненно“. „Лица инспекціи относятся къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно. Нравственное состояніе воспитанниковъ удовлетворительно: они религіозны, питаютъ вѣрноподанническія чувства къ Государю Императору и августѣйшему Дому, дисциплинированы, любятъ порядокъ и глубоко сознаютъ свой долгъ; во взаимныхъ отношеніяхъ они скромны и дружелюбны, относительно начальства вѣжливы, почтительны, покорны. Но есть и отрицательныя стороны ихъ поведенія“. „О здоровомъ и дѣлсообразномъ физическомъ воспитаніи семинаристовъ прилагаются посильныя заботы. Одеждою воспитанники снабжаются соразмѣрно съ ограниченными семинарскими средствами; столъ ихъ простъ, доброкачественъ и достаточенъ“.

въ истекшемъ учебномъ году собралъ, по третямъ года, 118 р. 30 к. Еврейскимъ языкомъ въ прошедшемъ году занимались 7 человекъ: 2 изъ VI и 5 изъ V класса. Уроки церковнаго пѣнія (теоретико-практическіе) происходили по средамъ и субботамъ отъ 1 до 2¹/₂ часовъ, съ раздѣленіемъ всѣхъ учениковъ на двѣ или на три группы, по классамъ; гимнастическія упражненія въ тѣ же дни и часы,—по получасу въ ведѣнію на каждый классъ въ отдѣльности,—исполнялись въ постепенномъ порядкѣ, сообразно гигиеническимъ требованіямъ, съ употребленіемъ ручныхъ чугунныхъ гирей (гальтелей, вѣсомъ отъ 2¹/₂ до 5 фунт.), или на извѣстныхъ препаратахъ, вимомъ въ особой залѣ, а гѣтомъ въ семинарскомъ саду.

ВТОРИЧНОЕ ОБРАЩЕНІЕ

ДОНСКАГО АРХІЕПИСКОПА ПЛАТОНА КЪ ПАСТВѢ СВОЕЙ О
ВСПОМОЩЕСТВОВАНІИ ПРАВОСЛАВНЫМЪ СЛАВЯНО-СЕРБАМЪ,
ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ВЪ ТУРЕЦКІХЪ ОБЛАСТЯХЪ
БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЪ.

Высокопреосвященный Платонъ, архіепископъ донскій и новочеркасскій, говоря проповѣдь 22 октября, когда празднуется Пресвятой Богородицѣ, именуемой *Казанскою*, за избавленіе по молитвамъ Ея царствующаго града Москвы и Россіи отъ нашествія Литвы въ 1612 году, и сказавъ при этомъ, что мы воспоминаая великое благодѣяніе, оказанное Богомъ въ сей день нашему отечеству, должны быть сострадательны къ бѣдствующимъ и оказывать имъ посильную помощь, сдѣлалъ слѣдующее обращеніе къ слушателямъ:

„Теперь открылся намъ и удобный случай сдѣлать такое благотвореніе, потому что есть несчастные, которые очень нуждаются въ нашей помощи. Я разумѣю православныхъ и соплеменныхъ намъ славяно-сербовъ, живущихъ въ Босніи и Герцеговинѣ и сильно страдающихъ нынѣ отъ возстанія въ сихъ турецкихъ областяхъ. Вы, вѣроятно, слышали, что я недавно говорилъ въ соборѣ о бѣдственномъ положеніи сихъ несчастныхъ и почему необходимо безъ отлагательства оказать имъ пособіе. По этому я не буду теперь говорить, что эти наши братья по вѣрѣ и крови терпятъ нынѣ разныя бѣды — голодъ, холодъ, болѣзни, нищету и безпріютность; не буду говорить и о томъ, что мы должны помочь имъ не только изъ состраданія къ ихъ жалкому положенію и по заповѣди Божіей, повелѣвающей любить *всѣхъ* ближнихъ и помогать имъ въ нуждахъ, но и для собственной нашей пользы—для полученія небесной награды, обѣщанной за благотворенія несчастнымъ, и для избѣжанія страшнаго наказанія за равнодушіе къ нимъ. Ни о чемъ этомъ я не буду говорить теперь, а только обращаю вниманіе ваше на то, что несчастные, о коихъ идетъ рѣчь, поистинѣ принадлежать къ числу тѣхъ меньшихъ братій Христовыхъ, за благотвореніе которымъ Господь скажетъ ихъ благодѣтелямъ на судѣ своемъ: *приидите, благоденіи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ селенія міра* (Мат. 25, 34—40).

„Сравните положеніе сихъ несчастныхъ съ тѣмъ, въ какомъ находился Иисусъ Христосъ во время земной Своей жизни, и вы во многомъ увидите большое сходство между ними. Иисусъ Христосъ отъ рожденія до смерти гонимъ былъ врагами Его: въ младенчествѣ Онъ бѣжалъ отъ Ирода въ Египетъ, а въ послѣдствіи не разъ скрывался отъ иудеевъ,

желавшихъ убить Его (Іоан. 5, 16, 8, 59, 12, 36); и православные славяно-сербы въ Босніи и Герцеговинѣ, по словамъ вѣрнаго свидѣтеля—высокопреосвященнаго Михаила, митрополита сербскаго, съ самаго дѣтства ихъ терпятъ отъ турокъ, господствующихъ въ ихъ странѣ, разныя притѣненія и даже убійства у матернихъ грудей, а теперь бѣжать отъ сихъ недруговъ ихъ въ сосѣднія области.—Иисусъ Христосъ жилъ въ большой бѣдности, не имѣлъ гдѣ главу приклонить и содержался на счетъ добрыхъ людей (Лук. 8, 3, 9, 58. Іоан. 12, 6); и помннутые сербы, по сказанію того же свидѣтеля, доведены жестокими ихъ властелинами „до полного нищенства“, и тѣ изъ нихъ, кои бѣжали съ родины, спасая жизнь свою отъ враговъ, живутъ теперь кой-гдѣ и содержатся подаваніемъ добрыхъ людей.—Иисуса Христа довели враги Его до тяжкихъ страданій и смерти (Мат. 27, 22, 23); и несчастные сербы тяжело страдаютъ теперь въ Турціи, а многіе подвергаются и смерти отъ враговъ ихъ, которые по словамъ сербскаго іерарха, желаютъ совершенно „истребить и уничтожить православный славяно-сербскій народъ на Балканскомъ полуостровѣ“. Не видно ли изъ этого, что сіи несчастные воистинну терпятъ многое такое, что терпѣлъ Иисусъ Христосъ во время земной жизни, а по этому дѣйствительно суть меньшіе братія—сострадаельцы Его...

„Скажу болѣе: они страдаютъ за Христа и въ лицѣ ихъ страдаетъ самъ Христосъ. Отъ чего произошло нынѣшнее возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ? Отъ того, говорятъ люди, хорошо знающіе причину его, что положеніе христіанъ въ сихъ областяхъ, въ особенности же православныхъ, не только хуже положенія турокъ, живущихъ въ тѣхъ же областяхъ; но тяжело и бѣдственно до крайности. „Кажется, безчувственная скала зарыдала бы при видѣ тѣхъ бѣдъ, несчастій и золь, которыя переносятъ страдаельцы — мученики, наши братья въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи“, говоритъ досточтимый сербскій іерархъ. По чему же мусульмане въ Турціи довели христіанъ до такого бѣдственнаго положенія? Потому, конечно, что не любятъ ихъ, какъ христіанъ,—не любятъ того ученія, котораго они держатся, и Христа, которому они поклоняются. Будь они турки—нехристи: тогда ихъ положеніе было бы такъ же хорошо, какъ и другихъ турокъ. Значитъ, несчастные братія наши по вѣрѣ страдаютъ въ помннутыхъ областяхъ дѣйствительно за Христа. Но и Христосъ въ нихъ страдаетъ. Почему? Потому, что они какъ и всѣ вѣрующіе во Христа, суть члены таинственнаго тѣла Его, въ которомъ Онъ глава (1 Кор. 12, 27. Еф. 1, 22, 23). Если же въ обыкновенномъ тѣлѣ, скажу словами апостола, съ однимъ страдающимъ членомъ *страдаютъ всѣ другіе члены*: то можетъ ли быть, чтобы глава наша — Христосъ не чувствовалъ страданій Его членовъ и не сострадалъ имъ? Нѣтъ, Онъ не таковъ, чтобы не могъ

соотрадатъ намъ въ немощахъ нашихъ, говоритъ тотъ же апостолъ (Евр. 4, 15); Его нѣжное и любвеобильное сердце, безъ сомнѣнія, скорбитъ, видя бѣдствія и скорби вѣрующихъ въ Него,—*Онъ болѣланусть о насъ*, вѣщаетъ пророкъ (Ис. 58, 4).

„Если же такъ, то мы должны, братія, немедленно оказать необходимую помощь единовѣрнымъ и соплеменнымъ намъ христіанамъ, страдающимъ нынѣ отъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, не только изъ состраданія къ ихъ бѣдствіямъ и нуждамъ, не только по христіанской любви къ нимъ и по заповѣди Божией, обязывающей помогать *всякому просящему* у насъ пособія (Лук. 6, 30); но и *ради Христа*—ради Спасителя нашего, за коего они страдаютъ и который Самъ въ нихъ страждетъ. По этому я прошу и молю васъ по долгу пастырскому: окажите посильную помощь симъ бѣднымъ братіямъ нашимъ во Христѣ! Черезъ это вы доставите великое утѣшеніе не только этимъ страдальцамъ, но и самому Христу, и получите отъ Него за такое благотвореніе великую награду въ день судный.

„А ты, Мати Божія, услыши гласъ моленія нашего. Ты нѣкогда дивно избавила Россію отъ лютыхъ враговъ и черезъ это спасла ее и насъ—дѣтей ея отъ величайшихъ бѣдствій. Благодаримъ Тебя за такое благодѣяніе; а кунно молимъ Тя, милосердая, храни всегда, не только наше отечество, но и всѣхъ христіанъ, отъ всякихъ золъ и напастей. Нынѣ же призри благосердіемъ на лютое озлобленіе братій нашихъ, страдающихъ отъ возстанія въ турецкихъ областяхъ, и ходатайствуй предъ Господомъ, да прекратитъ Онъ дни скорбей ихъ и, улучивъ ихъ положеііе, обратитъ *печаль ихъ въ радость*. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ НЕДѢЛЮ 25 ¹⁾.

Человѣкъ нѣкій схождаше отъ Иерусалима въ Иерихонъ и въ разбойники впаде: иже и совлекше его, и язвы возложше, отъидоша, оставше едва жива суша (Луки X, 30).

Великую свою заповѣдь о милосердіи, столь трогательно изъясненную притчей о впадшемъ въ разбойники, Господь напоминаетъ намъ, братіе,

¹⁾ Сказано 13 ноября въ Ницѣ настоятелемъ тамошней православной церкви.

безпрерывно и самыми убѣдительнѣйшими образомъ: скорби и бѣдствіи обильно насытаны благомъ десницею Его на жизненномъ пути человѣчества. Каждому изъ насъ рано или поздно неизбѣжно участіи владнаго въ разбойники; каждому неминуемо придется скорбѣть, страдать, бѣдствовать и ждать своего милосердаго самарянина, ждать помощи и участія. Такъ въ жизни отдѣльныхъ людей, такъ и въ жизни народонаселеній и цѣлыхъ народовъ!..

Но въ безчисленномъ сонмѣ страдальцевъ встрѣчаются нерѣдко какъ бы особые избранники Божіи — избранники несчастія, любимцы злой доли, если можно такъ выразиться; которыхъ чуть ли не вся жизнь протекаетъ въ горѣ да въ скорбяхъ, въ лишенияхъ и напастяхъ; такъ что удивительнымъ становится, какъ еще могутъ они сохранять какое либо мужество, какъ жить еще въ нихъ какая либо надежда, и вѣжѣ, при взглядѣ на нихъ, невѣроятно готово иной разъ вырваться изъ нашего смущеннаго сердца грѣшное: за что, за чѣмъ такая непрерывность страданій?!

Примѣры такихъ продолжительныхъ бѣдствій и между отдѣльными людьми нерѣдки; недаромъ гласитъ народное изреченіе: бѣда одна не приходитъ... Встрѣчаются такіе же примѣры и въ жизни цѣлыхъ народовъ, съ тою ужасною разницей, что если бѣдствія отдѣльныхъ людей длятся годы или десятки лѣтъ, то бѣдствія народа длятся иногда сотни и сотни лѣтъ!

И то удивительно въ неизреченныхъ путяхъ Премудрости Божіей, то поразительно въ свойствахъ грѣшной природы человѣческой, что если для легкаго вразумленія человѣчества употребляетъ Богъ стихійныя силы: огонь, воду, засуху, морь, то для высшаго вразумленія, для совершеннаго воспитанія и приготовленія челоуѣка къ предназначеннымъ цѣлямъ Богъ употребляетъ самаго же челоуѣка: на народъ Онъ воздвигаетъ народъ, людей наказуетъ людьми же! И нѣтъ, подлинно, для челоуѣчества бича ужаснѣе и дѣйствительнѣе какъ само же челоуѣчество! Такъ, въ древности, грозя избранному народу еврейскому, за нарушеніе своихъ завѣтовъ, различными бѣдствіями стихійными, какъ величайшую угрозу, Богъ произноситъ слѣдующее: предамъ тебѣ въ руки враговъ твоихъ, въ руки языковъ имени Моего невѣдущихъ. Такъ и Спаситель нашъ, желая открыть въ сердца наши доступъ заповѣди о милосердіи, изобразилъ ее притчею о челоуѣкѣ владшемъ на пути въ разбойники, *иже язва возложше*, т. е. изранивши его, какъ ранять и лютые звѣри, сдѣлали еще нѣчто, чего ужъ звѣри сдѣлать не въ состояніи: отняли у него все, *сволекши его, оставиша едва жива сумѣ*.

Сбывается и нынѣ, братіе, это слово Господне во очію всего міра на единовѣрномъ намъ и единокровномъ народѣ сербскомъ. Давно ужъ,

лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, на историческомъ пути своей жизни народъ сей по вогѣ Божіей впалъ въ руки лютыхъ разбойниковъ—невѣрныхъ турокъ, *коже и соевлече его т. е. отнявши у него все, и лавы возложше, оставиша едва жива суша...* Пятьсотъ лѣтъ угнетенія и лютаго рабства, пятьсотъ лѣтъ страданій непрерывныхъ, не только не ослабѣвавшихъ, но усиливавшихся съ теченіемъ времени,—за что, за чѣмъ такая ужасная непрерывность бѣдствованія? Таково раздумье, овладавшее душою при видѣ бѣдствій этихъ кровныхъ братьевъ нашихъ, выгнѣтъ съ нами во единого Господа увѣровавшихъ, едиными усты, однимъ съ нами языкомъ Его славящихъ, одно крещеніе, одну вѣру, одно упованіе съ нами имущихъ, и столь различную теперь долю испытывающихъ по сравненію съ нами!

Но не будемъ, братіе, при видѣ сего смущаться до крайности вопросомъ грѣшной пытливости. Вспомнимъ лучше, что и сами мы нѣкогда преданы были Богомъ въ руки народа варварскаго; и сами мы также двѣсти лѣтъ проходили суровую школу ига татарскаго, пока не обрѣли въ ней и благодаря ей нашего единства государственнаго и нашего братскаго единодушія кои суть: наша честь и сила. Кто знаетъ, въ безмѣрной сокровищницѣ Своихъ щедротъ и премудрости не соблюлъ ли Богъ и для сербскаго народа такой же будущности въ достойную мѣру его долгихъ страданій?

Вотъ теперь вновь несчастный народъ этотъ, не въ первый уже разъ, удивляетъ весь свѣтъ своими доблестными поисками свободы,—не той, братіе, свободы прихотливой и своевольной, какою тѣшатся нѣрѣдко другіе народы, такъ-называемые передовые, и которая въ сущности состоитъ лишь въ превращеніи общественной власти въ ягратище страстей народныхъ; нѣтъ, а той свободы, безъ которой жизнь человѣческая невозможна: свободы жить мирно, трудиться честно и безмятежно, преуспѣвать во всякомъ ученіи и благоустроеніи гражданскомъ, наконецъ свободы вѣровать и молиться Богу неволебранно. Вотъ чего ищетъ теперь народъ этотъ съ оружіемъ въ рукахъ; вотъ о чемъ издавна день и ночь вопіетъ онъ къ Богу, и послѣ Бога къ поставленнымъ отъ Него блюстителямъ правды, мира и добра!

Такъ намъ ли, братіе, оставаться безучастными зрителями бѣдствій этого народа? Намъ ли съ холоднымъ благоразуміемъ осуждать тѣхъ неустрашимыхъ ревнителей его свободы, которые, по завѣту Христа: *полагать душу свою за други своя*, предприняли теперь неравную борьбу противъ извѣстныхъ своихъ угнетателей? Намъ ли называть дѣло ихъ простымъ бунтомъ и крамольнымъ мятежемъ противъ установленныхъ властей? Да не будетъ! Память нашихъ великихъ Александровъ, Дмитріевъ, Іоанновъ и всѣхъ прочихъ, страдавшихъ за христіанство и

за землю родную — да воспретить намъ сіе: пусть христіанское миролюбіе не дозволяетъ намъ нѣкомъ образомъ содѣйствовать пролитію крови даже и за правое дѣло: это бесспорно. Но какъ не внять намъ мольбамъ этихъ безчисленныхъ тысячъ беспомощныхъ семей, старцевъ, женъ, дѣтей, вынужденныхъ лютымъ преслѣдованіемъ покинуть дома и родину, покинуть все, и исхать въ дали, какъ изгнанники, пріюта, одѣянія, пищи; спасающихся отъ меча и угрожаемыхъ голодомъ, холодомъ, болѣзнями, — какъ отказать намъ имъ въ немедленной братской помощи, когда сами мы нѣкогда, по милости Божіей давно уже, претерпѣвали такую же долю въ лицѣ нашихъ прапрадѣдовъ и предковъ? Правда, братіе, бѣда наша давно миновала. Бывшіе владѣи наши нынѣ нашъ же хлѣбъ ѣдятъ, нашему же государю и отечеству служить: Богъ смилосердился надъ землею нашею! Быть-можетъ, память объ этомъ уже изгладилась и охладѣла въ сердцахъ нашихъ, такъ что лишь грустныя сказанія народныя, да церкви Божьи, опаленныя пожарами и залитыя кровью предковъ, хранять еще живыя воспоминанія лютыхъ временъ татарщины!..

Такъ вотъ же Богъ поставляетъ предъ очи наши вновь наше прошлое и требуетъ забывать Его милости, *незабывать сего воздалъъ Елю!*

Въ лицѣ страждущихъ подъ игомъ ислама братій нашихъ указывая намъ вновь *человѣка свадшаго въ разбойники*, а въ пригѣрѣ Самарянина — нашъ святой долгъ, Онъ властно говоритъ теперь каждому изъ насъ: *иди и ты твори такожде!* Аминь.

ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ МИЛОВАНОВЪ.

(Некроль).

19 ноября текущаго года скончался на 60 году послѣ тяжелой болѣзни законоучитель Лицея Цесаревича Николая, протоіерей Александръ Семеновичъ Миловановъ. По окончаніи курса въ московской духовной академіи въ 1840 году со степенью магистра, онъ сначала былъ профессоромъ словесности въ вѣнзской семинаріи, потомъ приходскимъ священникомъ въ Москвѣ. Послѣ краткой службы въ приходѣ Николая Чудотворца въ Столпахъ, онъ въ теченіе 28 лѣтъ былъ законоучителемъ Александровскаго женскаго института и священникомъ при институтской церкви. Кончивъ службу въ институтѣ, онъ какъ известный педагогической опытностію, высоко-христіанскимъ характеромъ и удивительно-многостороннимъ образованіемъ, въ августѣ текущаго года

приглашенъ былъ къ должности законоучителя Лицея и настоятеля нѣбющей вскорѣ открыться лицейской церкви. Смерть пресѣла его полезную дѣятельность въ самомъ началѣ его службы въ Лицеѣ, къ великому сожалѣнію глубоко-уважавшаго его основателя и директора Лицея, издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ Михаила Никифоровича Каткова и воспитанниковъ лицея. Отпѣваніе почившаго происходило въ церкви Успенія на Остоженкѣ, сосѣдней съ лицеемъ, въ присутствіи воспитанниковъ и учителей и многоуважаемаго директора лицея, также бывшихъ сослуживцевъ покойнаго по Александровскому институту, и близкихъ къ нему знакомыхъ.

При ежедневно совершавшихся панихидахъ по усопшемъ присутствовали попеременно воспитанники разныхъ классовъ Лицея. На одну изъ вечернихъ панихидъ пріѣзжали воспитанницы Александровскаго института, ученицы покойнаго, и участвовали своими голосами въ служеніи панихиды и со слезами простились съ бывшимъ своимъ духовнымъ отцомъ и законоучителемъ. 22 ноября, въ половинѣ девятаго часа утра воспитанники Лицея вмѣстѣ съ учителями проводили гробъ въ церковь Успенія на Стоженкѣ и окружали его во время отпѣванія, которое совершали четырнадцать священнослужителей. На литургіи, послѣ причастнаго стиха, редакторъ *Душеполезнаго Читенія*, протоіерей В. П. Нечаевъ, сказалъ слѣдующее прекрасно характеризующее покойнаго слово:

Начало премудрости — страхъ Божій.

„Эти священныя слова невольно приходятъ на мысль при взглядѣ на предлежащій гробъ. Новореставленный протоіерей Александръ является живымъ и нагляднымъ истолкователемъ ихъ въ своемъ лицѣ. Нельзя было не удивляться въ немъ многообразію *премудрости*. Эта счастливая глава вмѣшала множество талантовъ, и ни одного изъ нихъ не погубила. Нѣтъ почти ни одной отрасли человѣческаго вѣдѣнія, которая была бы ему недоступна. Онъ зналъ въ совершенствѣ классическія языки, часто приводилъ на память стихи изъ памятниковъ греческой поэзіи. Онъ былъ основательно знакомъ съ наукой счисленія въ высшихъ ея частяхъ, съ любовью изучалъ науку о небесныхъ мірахъ, не какъ дилеттантъ, а какъ бы специалистъ, провѣряя и дополняя чужія относящіяся къ нимъ наблюденія, исчисленія и измѣренія собственными самостоятельными трудами. Древняя хронологія была въ послѣднее время любимымъ предметомъ его занятій. Онъ внимательно слѣдилъ за литературой этого предмета, преимущественно западною, изучалъ по сохранившимся памятникамъ хронологію древнихъ народовъ: Китайцевъ, Индусовъ и Египтянъ, насчитывающихъ себѣ десятки и сотни тысячъ лѣтъ существованія, и упорнымъ изученіемъ привеленъ былъ къ убѣж-

денію, что эти громадныя цифры сказочнаго характера и сочтены болѣею частью въ позднѣйшее время, что одно христіанское глѣстование, основанное на Библии, имѣетъ всѣ признаки исторической достовѣрности. Не знаемъ, довелъ ли онъ до конца свой ученый трудъ, относящійся къ этой области, но знаемъ, что онъ хотѣлъ представить его въ Академію Наукъ, въ справедливомъ убѣжденіи, что преимущественно здѣсь найдутся настоящіе цѣнители подобныхъ трудовъ. Онъ обладалъ всеми условіями къ тому, чтобы не только стоять въ уровень съ наукой, въ настоящемъ ея положеніи, но быть двигателемъ ея. Повторяю: нельзя было не изумляться въ немъ обилію и разнообразію премудрости. Во многихъ она не уживается, или едва уживается съ вѣрой и благочестіемъ, даже является противоборствующею имъ. Противное тому видимъ въ почившемъ собратѣ нашемъ. Богатый всякаго рода вѣдѣніемъ, онъ богатъ былъ страхомъ Божиимъ. Страхъ Божій, то есть благочестіе было въ немъ поистинѣ началомъ премудрости. Обучение себя страху Божию было у него главнымъ дѣломъ въ ряду предметовъ его изученія. Его благочестіе находило себѣ пищу и въ области вѣдѣній премудрости. Такъ, изучая звѣздное небо, онъ благоговѣнно преклонялся предъ величіемъ мудрости и всемогущества Творца небесъ. Но богѣ сродную пищу для своего благочестія онъ находилъ въ законѣ Господнемъ. Слова закона Господня были для него слаще меда и сота, и онъ поучался въ нихъ день и ночь, освящая ими свои мысли и чувстваванія. Живя въ міру, онъ не увлекался мірскою суетой и упражнялъ себя въ такъ-называемомъ духовномъ дѣланіи, свойственномъ подвижникамъ пустынь. Руководствомъ для него въ этомъ отношеніи служили духовно-подвижническія творенія Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника и другихъ. Богатство опытовъ и правила духовной жизни, глубокое знаніе человѣческаго сердца, тонкое наблюденіе надъ дѣйствіями благодати на душу, вотъ что поражало и занимало его въ этихъ твореніяхъ. Удовольствіе чтенія ихъ онъ любилъ раздѣлять съ близкими къ нему людьми, сопровождая это чтеніе собственными размышленіями и замѣчаніями. Обучая себя страху Божию или благочестію, онъ съ ревностію обучалъ ему другихъ. Около тридцати лѣтъ онъ законоучительствовалъ и былъ прихѣрнымъ законоучителемъ. Про него никакъ нельзя было сказать, чтобы онъ былъ только исправнымъ исполнителемъ своего долга, чтобы онъ былъ только хорошимъ преподавателемъ, умѣющимъ толково объяснить урокъ, одѣлать какъ слѣдуетъ отвѣты дѣтей, — нѣтъ, онъ не ограничивался этимъ, онъ горячо принималъ къ сердцу дѣло преподаванія Закона Божія, онъ сообщалъ учащимся не только знаніе, но и ясное сердечное убѣжденіе, онъ не просто преподавалъ, онъ священнодѣйствовалъ слово истины, онъ ни на колѣнутахъ не забывалъ, что

преподаваемые имъ истины даны самимъ Господомъ Богомъ и потребны для спасенія души, а потому относился къ нимъ съ благоговѣніемъ самымъ душевнымъ, которое невольно вызывало сочувствіе въ дѣтяхъ и дѣйствовало на нихъ воспитательно. Всѣ они видѣли въ немъ не учителя только, а пастыря и отца, и потому любили его словно родныхъ дѣти. Съ одинаковою сердечностію онъ относился и ко всемъ, съ кѣмъ только приходилось ему встрѣчаться и имѣть дѣло. Онъ всегда принималъ искреннее участіе въ радости и горѣ ближняго и готовъ былъ служить всякому чѣмъ могъ. Всякому было тепло подлѣ него. Но мягкій и участливый, онъ въ тоже время былъ въ высшей степени прямой и правдивый мужъ. Онъ неспособенъ былъ ни къ лести, ни къ заискиванью, ни къ малодушной уступчивости предъ людьми нетвердыми въ истинѣ, кто бы они ни были. Въ присутствіи его нельзя было безнаказанно высказывать дешовое сочувствіе къ новомоднымъ ученіямъ, сбивающимъ съ толку особенно молодые умы. Онъ спокойно, бывало, выслушаетъ дерзкаго говоруна; но потомъ сейчасъ же заградить ему уста силой слова сказаннаго отъ полноты убѣжденной въ истинѣ души и слѣдственно со властію. Говорить ли еще о его нестяжательности, о его безкорыстїи. Въ продолженіе тридцатипятилѣтней службы церкви и школы, онъ довольствовался скуднымъ вознагражденіемъ за свои труды, не искалъ большаго, и кажется ничтожное наслѣдство оставилъ своимъ дѣтямъ завѣщавъ имъ, въ своемъ лицѣ, примѣръ упованія на Промыслъ Божій и трудолюбія. Не привязанный къ земнымъ благамъ, онъ не трусилъ предъ мыслию о смерти. Онъ съ преданностію воли Божіей ожидалъ смертнаго часа. Душѣ его такъ сродно было благочестивое настроеніе, что въ самомъ бреду предсмертномъ не оставляло его: и въ бреду слышались отъ него слова богомыслія и молитвы.

„Миръ тебѣ добрая душа, богатая вѣдѣніемъ и благочестіемъ! Благочестію дано обѣтованіе живота настоящаго и грядущаго. Ты доволенъ былъ дарами благости Божіей, какіе удѣлены были тебѣ въ здѣшней жизни. Да сподобитъ тебя Господь воспріять обѣщанныя благочестію блага живота вѣчнаго!“

Предъ послѣднимъ прощаніемъ, въ церкви, протоіерей Д. В. Разумовскій сказалъ слѣдующее теплое, прерываемое слезами, слово:

„Есть обычай украшать гробъ почившаго цвѣтами, не для облегченія тяжелаго впечатлѣнія производимаго естественными законами глѣнія, но для всегдшняго напоминанія и яснаго указанія того, что каждый христіанинъ съ тернистыхъ путей жизни переходитъ къ радостно-торжественнымъ райскимъ наслажденіямъ, къ полученію неуваждаемаго вѣнца славы.

„Не по розамъ пролегалъ весь земной путь твой, возлюбленный братъ

намъ и сослужитель! Отъ юности твоей среди всевозможныхъ и разнообразныхъ лишеній старался ты открыть себѣ нуть къ образованію и служенію въ словѣ, и получивъ его постоянно и неуклонно служилъ слову то въ обыкновенномъ видѣ реченій человеческихъ, то въ высочайшемъ вѣщаніи глаголовъ божественныхъ. Державемъ же возложить на гробъ твой не вѣнокъ изъ увядающихъ цвѣтовъ, но вѣнецъ слова, не какъ даръ равночестный достоинству твоего словеснаго служенія, но какъ выраженіе благодарнаго чувства воспитаннаго твоимъ примѣромъ.

„Учить и учиться—таковъ былъ непрерывный подвигъ твоей общественной дѣятельности отъ предѣла оконченнаго воспитанія до предѣловъ блаженной кончины твоей.

„Гробу твоему предстояли и предстоятъ прежнія твои насажденія масличныя достигшія нынѣ уже зрѣлаго возраста. То пастыри и учителя Церкви, отъ твоихъ духовно-учебныхъ наставленій получившіе первыя начала умнаго служенія слову; то дѣатели на разныхъ ступеняхъ общественной лѣтвицы, отъ твоей просвѣщенной ревности возжегшіе огонь ревностнаго служенія народному просвѣщенію. Гробу твоему предстояло и предстоятъ собраніе благородныхъ дѣвицъ и женъ, которымъ ты цѣлую четверть вѣка сѣялъ обильно сѣмя слова Божія и внушалъ правила благочестивой христіанской жизни. Гробу твоему предстояли и предстоятъ благородные юноши, которымъ ты намѣревался посвятить остатокъ своей жизни и своей опытной уже 36-лѣтней духовно-просвѣтительной дѣятельности. Таковъ сонмъ свидѣтелей твоей истинно трудовой жизни, посвященной всецѣло и нераздѣльно духовно-нравственному воспитанію юности ко благу Православной Церкви и нашего любезнаго Отечества.

„Не великая задача уча учиться. Твоя задача, возлюбленный собратъ, была гораздо обширнѣе: ты выучился тому чему самъ не учился въ періодъ своего юношескаго образованія, чему самъ никогда не училъ даже въ періодъ своей зрѣлой, опытной дѣятельности. Чего не знала эта голова, смиренно склонившаяся на смертное возглавіе? Богословіе? Но оно со всѣми прикладными знаніями было его родною стихіей. Словесность? Но онъ самъ преподавалъ ее въ духовно-учебномъ заведеніи. Языкознаніе? Но онъ довольно свободно могъ объясняться на языкахъ новейшихъ, а древніе языки зналъ въ такомъ совершенствѣ, что могъ вращаться въ древнемъ мірѣ съ такою же легкостью и свободой, съ какою обращался въ своемъ жилищѣ. Трудно почти указать тѣ предѣлы человеческихъ знаній, какія были доступны почившему. Съ благоговѣніемъ предъ Подателемъ премудрости, Богомъ, онъ стремился узнать законы временъ расположившаго все *числомъ, мѣрою и вѣсомъ*, и въ своихъ стремленіяхъ, разумѣется не безъ помощи Божіей, достигалъ ве-

ликихъ успѣховъ, чтобы не сказать открытій. Испытатели Писаній знаютъ, что ветхозавѣтныя лѣтосчисленія на еврейскомъ и греческомъ языкѣ не точно соотвѣтствуютъ другъ другу. Блуждающая мысль, поставлющая свое смущеніе даже на путяхъ правыхъ, склонилась бы при этомъ къ самымъ крайнимъ предположеніямъ. Но почившій братъ нашъ съ обширною ученостію и математическою точностію доказалъ, что такая разниа не можетъ пролагать пути къ какимъ-либо несообразнымъ мнѣніямъ и естественно изъясняется лѣтосчисленіями той мѣстности, гдѣ одни писали, а другіе переводили священныя книги. Какъ онъ достигъ подобныхъ заключеній? Трудомъ собственнаго ученія, трудомъ постояннымъ, усиленнымъ. Этотъ трудъ оставилъ онъ намъ какъ призмѣрь, какъ завѣтъ, какъ вѣчную память по себѣ.

„Среди умотвенной дѣятельности не забыто и дѣланіе умное. Эти два дѣла совершенно различны между собою. Первое относится къ образованію ума и сродныхъ ему способностей, второе касается единственно воспитанія сердца и его склонностей. Оно должно быть присуще каждому христіанину, но достигается долгимъ и многимъ трудомъ, постояннымъ и неослабнымъ подвигомъ въ нравственномъ преслѣваніи. Умный дѣлатель работаетъ надъ своимъ сердцемъ съ такою же тщательностію, съ какою ювелиръ надъ грубою корою драгоцѣннаго камня. Но здѣсь предѣлъ слову. Тотъ, кто заповѣдалъ дѣланіе *отайнъ*, заповѣдалъ вмѣстѣ дѣлателью совершать свое дѣланіе съ такою скромностію, чтобы не знала шуйца его, что творить десница его. Будемъ же съ молитвой и смиреніемъ ожидать того благодатнаго времени, когда Отецъ нашъ Небесный, видящій совершаемое *отайнъ*, воздастъ намъ явѣ, когда придетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечныя, и тогда будетъ похвала коемуждо отъ Бога, похвала послѣдняя, величайшая, славная“.

Тѣло предано землѣ на Семеновскомъ кладбищѣ. (Моск. Вѣд.)

ЕЩЕ ПАМЯТИ Н. В. РУКАВИШНИКОВА.

Въ отчетѣ по *исправительному приюту малолѣтнихъ Н. В. Рукавишниковъ* за 1873 годъ, вышедшемъ въ свѣтъ въ началѣ 1874 года, покойный между прочимъ писалъ: «Въ прошломъ году и въ началѣ текущаго года, нѣкоторые изъ пріѣзжавшихъ въ Москву иностранцевъ осматривали нашъ приютъ и о дѣйствіи

его отыскались одобрительно; также и деканъ Вестминстерскаго аббатства, докторъ *Стенли*, въ бытность въ Москвѣ, удостоилъ пріютъ своимъ посѣщеніемъ; при тщательномъ осмотрѣ заведенія достопочтенный деканъ входилъ во всѣ подробности учебныхъ и ремесленныхъ занятій мальчиковъ и отозвался какъ о самомъ заведеніи, такъ и о содержаніи и направленіи воспитанниковъ лестною похвалою.»

Что эта похвала была не милолѣтнимъ словомъ простой учтивости общежитія; что эта похвала была серьезно взвѣшана, и потому дѣйствительно стоила, чтобъ еѣ занести въ публичный годовой отчетъ о пріютѣ: въ этомъ мы ни на минуту не сомнѣвались, зная пріютъ, и особенно зная скромность Николая Васильевича. Мы были увѣрены, что если Н. В. рѣшился напечатать о похвалѣ его пріюту, значитъ—онъ увидѣлъ въ ней особенность выходящую изъ ряда простыхъ личныхъ любезностей, увидѣлъ въ ней не лесть себѣ, но правду о дѣлѣ пріюта, о которой не должно молчать ради блага пріюта. И вотъ, по смерти Николая Васильевича, наша увѣренность свидѣлствуется документами, исходящими отъ того же Стенли. Человѣкъ высокаго общественнаго положенія, иностранецъ, англичанинъ, видѣвшій на своемъ вѣку много разнообразныхъ учрежденій благотворительности, восхищенъ московскимъ Рукавишниковскимъ исправительнымъ пріютомъ и личностію и дѣятельностію его директора до такой степени, что въ рѣчи къ своимъ соотечественникамъ восклаваетъ ихъ восторженно. Узнавши же о кончинѣ Николая Васильевича, нарочито пишетъ грустное и трогательное письмо въ Москву, въ которомъ потерю Н. В. прямо называетъ тяжелой потерей для *Москвы*; при письмѣ посылаетъ выписку изъ своей рѣчи; проситъ наконецъ прислать ему фотографію Николая Васильевича.

Вотъ *письмо* Стенли: «Мы искренно огорчены тяжелой утратою понесенною Москвою, бѣдными дѣтьми пріюта, и въ особенности несчастными родителями, которые должны однако найти утѣшеніе въ мысли, что обладали въ прошедшемъ такимъ сокровищемъ и будутъ обладать имъ въ будущемъ.

«Посылаю Вамъ выписку изъ рѣчи произнесенной мною въ Петербургѣ предъ моимъ возвращеніемъ въ Англію. Въ концѣ я упомянулъ о всѣхъ благодѣтельныхъ воспоминаніяхъ выне-

сенныхъ мною изъ Россіи. Строки, которыя относятся къ милой личности Н. В. Рубовишикова, подчеркнуты мною.

«Если существуетъ фотографія съ этой фizioноміи, до такой степени меня поразившей, мы получили бы её съ великою благодарностію.»

Вотъ *выписка* изъ рѣчи: «Когда иноземецъ возвращается изъ иновѣрнаго и иноземнаго края на отдаленную родину, на берега западнаго океана и когда онъ мысленно переносится туда, чрезъ всѣ различія времени и пространства, если онъ хранить въ себѣ благодарное воспоминаніе о соблюденіи древнихъ заповѣдей Господнихъ, о вѣрности какъ новыхъ, такъ и давно заключенныхъ дружескихъ узъ, о честности и простотѣ народа патріархальнаго, о добродушіи и гостепріимствѣ высокаго и рыцарскаго характера, онъ чувствуетъ, что обрѣлъ нѣчто способствующее общенію всѣхъ въ Богѣ—Отцѣ. Если тотъ же иноземецъ хранить въ сердцѣ вдохновляющее воспоминаніе о дѣяніяхъ христіанскаго милосердія,—дѣяніяхъ совершенныхъ во всей свободѣ и энергіи христіанской вѣры, если *хранитъ воспоминаніе о лицѣ, на которомъ отпечатался не только духъ заповѣдей дарованныхъ на Синаѣ, но и духъ восьми блаженствъ проповѣданныхъ на Галилейской горѣ*, онъ сознаетъ, что въ этой вѣрѣ дѣйствующей любовью онъ обрѣлъ нѣчто способствующее общенію всѣхъ во Христѣ Спасителѣ.»

Можно ли лучше въ краткихъ словахъ охарактеризовать личность Н. В. въ ея дѣятельности, какъ она охарактеризована въ этихъ правдою жизни дышащихъ словахъ достопочтеннаго, декана Стенли? Въ этихъ словахъ онъ изъ Англіи предпослалъ въ Москву прекрасную фотографію въ замѣнъ ожидаемой имъ изъ Москвы.

Прот. Н. Сергіевскій.

Декабря 6
День памяти покойнаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

1875 г.

СЕНТЯБРЬ.

		<i>Стр.</i>
I.	Слово въ праздникъ двѣнадцати апостоловъ. <i>П. Каминникова</i>	1 — 15
II.	Слово въ день столѣтняго юбилея Екатеринбургской больницы августа 12 числа 1875 г. <i>Свящ. Д. Ѳ. Тихомирова</i>	16 — 20
III.	Христіанское ученіе о любви къ челоѳечеству сравнительно съ крайностями ученій социалистическихъ. <i>Прот. А. М. Иванцова-Платонова</i>	21 — 58
IV.	Нѣсколько словъ о Ѳ. И. Тютчевѣ и его воззрѣніи на церковно-политическій вопросъ Запада.	59 — 75
V.	Ѳ. И. Тютчевъ и его статья: «Римскій вопросъ и папство». <i>И. С. Аксакова</i>	76 — 98
VI.	Джонъ Стюартъ Милль, какъ моралистъ. <i>А. Ѳ. Гусева</i>	99 — 139
VII.	Современное обозрѣніе: пятидесятилѣтній юбилей высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго.	140 — 170
VIII.	Извѣстія и замѣтки: Первая годовщина православной церкви въ Прагѣ.—21 августа въ лицѣ Цесаревича Николая. — Библиографія. — Международный комитетъ для пособія герцеговинцамъ.—Воззванія къ пожертвованіямъ въ пользу герцеговинцевъ.—Бельгійская газета о старокатоличествѣ.—Боннская конференція.—Заграничныя извѣстія.—Воззваніе сербскаго митрополита Михаила.—Письма о Гагарина и о Секки.—Памяти Н. В. Рукавишника	171 — 224

ОКТАБРЬ.

I.	Слово при окончаніи учебнаго курса въ тобольской гимназій. <i>Свящ. П. Головина</i>	225 — 236
II.	Псалмы въ русскомъ переводѣ съ объясненіями (Пс. 20—22). <i>М. В. Никольскаго</i>	237 — 244

III.	Слѣды христіанства въ Помпеѣ (съ рисунками). <i>К. К. Герца</i>	249—355
VI.	Христіанское ученіе о любви къ человѣчеству сравнительно съ крайностями ученій социали- стическихъ. <i>Прот. А. М. Иванцова-Платонова</i> .	256—314
V.	Слово по случаю торжественнаго акта москов- ской частной гимназій Фр. Креймана, 2 октября 1875 года. <i>Прот. Н. А. Серіевскаго</i>	315—324
VI.	Ө. И. Тютчевъ и его статья: «Римскій вопросъ и папство». <i>И. С. Аксакова</i>	325—344
VII.	Къ запросу о позитивизмѣ. <i>М. И. Каринскаго</i> .	345—375
VIII.	Современное обозрѣніе: по поводу циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія отъ 24 мая 1875 г.	376—393
IX.	Извѣстія и замѣтки: отчетъ приходскаго попе- чительства о бѣдныхъ при московской Смолен- ской на Арбатѣ церкви за 1874—1875 г. — От- четъ о саратовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Заграничныя извѣстія, — Протоіерей А. В. Горскій †. <i>N. Z.</i> Посланіе черногорскаго митрополита Иларіона къ славянскому комитету въ Москвѣ.—Отъ славянскаго комитета	394—420

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

X.	Нила исторія святой восточной церкви—патріар- хатъ александрійскій: глава VII—IX.	81—96
----	--	-------

НОВАБРЬ.

I.	Слово въ день празднованія десятой годовщины братства святителя Николая. <i>Прот. А. О. Ключ- чарева</i>	421—429
II.	Замѣтка о дѣятельности митрополита Гавріила (Петрова) по вопросу о расколѣ. <i>С. М. Соловьева</i> .	430—434
III.	Ирвингизмъ. <i>Н. Орлова</i>	435—474
IV.	Мееодій Филимоновичъ, епископъ мстиславскій и оршанскій, блюститель кievской митрополіи (1661—1668 г.). Гл. V—VI. <i>Г. Ө. Карпова</i>	475—504
V.	Нѣсколько словъ о статьѣ преосвященнаго Тео- фана: «по поводу изданія священныхъ книгъ Ветхаго Завета въ русскомъ переводѣ». <i>П. И. Горскаго-Платонова</i>	505—540
VI.	Два слова объ исправленіи текста славянской Библии.	541—542
VII.	Новый голосъ по вопросу о духовно-судебной реформѣ. <i>Г. М.</i>	543—577
VIII.	Современное обозрѣніе: по поводу циркуляра	

	г. министра народнаго просвѣщенія отъ 24 мая 1875 г. <i>Z.</i>	578—601
IX.	Извѣстія и замѣтки: распоряженіе святѣйшаго Синода о японской миссіи. — Протоіерей Е. И. Поповъ †.—Воззваніе преосвященнаго Платона о пособіи семействамъ герцеговинцевъ.—Заграничныя извѣстія.—Разныя извѣстія.—Объявленія.	602—620
	ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:	
X.	О проектѣ устава эмеритальной кассы духовенства московской епархіи. <i>С. М. Г.</i>	1—46
	ДЕКАБРЬ.	
I.	Объ обѣтѣ Іефеая. <i>Прот. М. И. Богословскаго.</i>	621—628
II.	Меодій Филомоновичъ епископъ мстиславскій и оршанскій, блюститель кievской митрополіи (1661—1668 г.). Гл. VII. <i>Г. Θ. Карпова</i>	629—660
III.	«Жизнь Іисуса Христа» доктора Фаррара. <i>С. С.</i>	661—675
IV.	Древне-русская полемическая литература противъ латинянъ. <i>Н. А. Покровскаго</i>	676—689
V.	Огюсть Контъ, какъ авторъ «Курса положительной философіи» и «Положительной политики». <i>А. Θ. Гусева</i>	690—730
VI.	Нѣсколько словъ о современномъ состояніи изученія святоотеческихъ твореній въ нашей духовной литературѣ. <i>Н. И. Барсова</i>	731—740
VII.	Современное обозрѣніе: Гладстонъ и его брошюры объ англиканской церкви и римской. <i>М. В.</i>	741—769
VIII.	Извѣстія и замѣтки: изъ отчета моск. д. семинаріи. — Вторичное воззваніе архіеп. Платона о пособіи герцеговинцамъ.—Поученіе о томъ же.—Протоіерей А. С. Миловановъ †.— Еще паяты Рукавишника.— Оглавленіе.—Объявленія.	770—796
	ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:	
IX.	Памяти ректора м. д. академіи протоіерей А. В. Горскаго: собраніе словъ и рѣчей при его гробѣ и во время сорокодневнаго поминовенія.	1—61

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

СОЛОВЬЕВА, ВАСИЛЬЕВА, ТЕРАПОНТОВА И МАМОНТОВА

ПРОДАЮТСЯ:

I. СБОРНИКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДСТВА. Изданіе Н. И. Попова. М. 1864 г. Цѣна съ перес. 1 руб. сер.

II. ЧТО ТАКОЕ СОВРЕМЕННОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО ВЪ РОССИИ? Н. Попова. М. 1866. г. Цѣна съ перес. 1 руб. сер.

III. СБОРНИКЪ ДЛЯ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА. Т. I. Изд. Н. Попова. М. 1864 г. Цѣна съ перес. 1 руб. сер.

IV. СБОРНИКЪ ДЛЯ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА. Т. II. въ двухъ выпускахъ. Изд. Н. Попова. М. 1866 г. Цѣна съ перес. 3 руб.

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВЕЗПОПОВЩИНСКИХЪ СОГЛАСІЙ въ Москвѣ, Феодосіевцевъ Преображенскаго кладбища и Поморской Монинскаго согласія, собраныя Н. Поповымъ. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ. М. 1870 г. Цѣна съ перес. 2 рубля.

VI. ЗАБЫТЫЕ ЛЮДИ. Драма изъ жизни везпоповцевъ безбрачниковъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Н. Попова. Цѣна съ перес. 75 к.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1876 году.

Изданіе журнала „Душеполезное Чтеніе“ будетъ продолжаемо въ 1876 г. на прежнихъ основаніяхъ. Редакція останется вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ:

1) Труды относящіяся къ изученію Св. Писанія. По этой части кромѣ

изясненія *нареміи* будетъ печатаемо толкованіе на апостольскія посланія. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержания. Въ нихъ не будутъ упускаемы изъ вида современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Церковно-историческіе рассказы. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 8) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 9) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе, резолюціи митрополита Филарета. 10) Разныя извѣстія и замѣтки. Къ нѣкоторымъ книжкамъ будутъ приложенія съ особымъ счетомъ страницъ.

„Душеполезное Чтеніе“ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно. Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к.; съ пересылкой иногороднымъ и съ доставкой московскомъ подписчикамъ 4 р.

Оставшіеся неразобранными полныя экземпляры „Душеполезнаго Чтенія“ за 1862, 1864, 1865 и 1866 годы продаются въ редакціи по 1 р. 50 к. за экз., а съ пересылкою въ Европейскую Россію по 2 р., на Кавказъ и Сибирь по 2 р. 50 к. Полныя экземпляры „Душеполезнаго Чтенія“ за 1869 и 1870 года продаются въ редакціи по 2 р. 50 к. за экз., а съ пересылкою въ Европ. Россію по 3 руб., на Кавказъ и въ Сибирь по 3 р. 50 к. Цѣна „Душеполезному Чтенію“ за 1872 и 1873 гг. по 3 р., съ перес. въ Европ. Россію по 3 р. 50 к., на Кавказъ и въ Сибирь по 4 р. за экземпляръ. Цѣна „Душ. Чтенія“ за 1874 и 1875 годы по 3 р. 50 к., съ перес. по 4 р.

Подписка на „Душеполезное Чтеніе“ принимается: въ Москвѣ въ квартирѣ редактора, при Николаевской, въ Толмачахъ, церкви протоіерея Василія Нечаева; у книгопродавцевъ: Оерапонтова, Соловьева, Глазунова и Салаева. Въ С.-Петербургѣ: въ магазинахъ Кораблева Базунова и Глазунова.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно въ редакцію „Душеполезнаго Чтенія“ въ Москвѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 20 дня 1875 г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

ПАМЯТИ
РЕКТОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ

ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА

ГОРСКОГО.

Александръ Васильевичъ Горскій родился 16 августа 1812 г. Отецъ его, Василій Сергѣевичъ Горскій, бывшій каедральнымъ протоіереемъ Костромскаго собора, получилъ образованіе въ Троицко-Лаврской семинаріи, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи суждено было сыну быть наставникомъ и начальникомъ разсадника высшаго образованія. Въ 1824 г. Горскій, будучи 12 лѣтъ, поступилъ въ костромскую семинарію, въ которой прошелъ курсъ риторики и философіи, и чрезъ четыре года, въ 1828 г., принятъ въ число студентовъ московской духовной академіи, — явленіе довольно рѣдкое въ лѣтописяхъ академіи, потому что въ академію поступали обыкновенно воспитанники семинаріи, прослушавшіе богословскія науки въ теченіе двухъ лѣтъ, или по крайней мѣрѣ одного года, а Горскій перешелъ въ академію прямо изъ философскаго класса, миновавъ богословскій. Въ 1832 г., не имѣя еще 20 лѣтъ отъ рожденія, онъ окончилъ курсъ въ академіи однимъ изъ первыхъ магистровъ. По окончаніи академическаго курса, Горскій былъ опредѣленъ профессоромъ церковной и гражданской исторіи въ московскую духовную семинарію. Чрезъ четыре мѣсяца службы, на Горскаго возложена должность бібліотекаря семинаріи. Но онъ только одинъ годъ былъ наставникомъ семинаріи, и въ августѣ 1833 года переведенъ въ московскую духовную академію на должность бакалавра по классу церковной исторіи. Въ январѣ 1837 г. Горскій возведенъ въ званіе экстраординарнаго, а чрезъ два года въ званію ординарнаго профессора академіи по той же кафедрѣ. Въ 1842 г. онъ принялъ должность бібліотекаря академіи и проходилъ ее въ теченіе 20 лѣтъ. Его бібліотекарство имѣло и для него и для академіи огромное значеніе: хотя и до этого времени Горскій отлично успѣлъ познаться съ обширною литературой и своего и другихъ предметовъ, и перечиталъ множество книгъ и рукописей въ академической и лаврской бібліотекахъ, но съ того времени какъ онъ сталъ завѣдывать академическою

библіотекой, онъ вовлеченъ былъ въ міръ книжный до такой степени, что отрывать его отъ занятій въ этомъ мірѣ значило отнимать у него лучшіе часы въ жизни. Это знала и дорого цѣнила вся академія, которая пользовалась отъ него сокровищемъ добытыхъ имъ обширныхъ и разностороннихъ познаній. Составъ библіотеки въ управленіе Горскаго значительно пополнился его стараніями, и въ особенности по отдѣламъ богословскому и историческому: все что выходило лучшаго по этой части и у насъ и за границей было приобрѣтаемо для академіи, и такъ какъ казенныхъ средствъ было недостаточно, то Горскій употреблялъ большую часть своихъ средствъ на приобрѣтеніе книгъ, изъ которыхъ составила у него своя замѣчательная библіотека. Памятникомъ его необычайной любозвательности и глубокихъ свѣдѣній по всѣмъ, можно сказать, отраслямъ знаній служатъ его замѣтки карандашомъ на книгахъ* и рукописяхъ: въ этихъ замѣткахъ заключаются указанія на какіе-либо недостатки въ книгѣ, сообщаются дополнительныя свѣдѣнія, цитуются мѣста изъ разныхъ книгъ, гдѣ можно получить то или другое свѣдѣніе о предметѣ сочиненія, встрѣчаются параллели, варианты, хронологическія указанія, лингвистическія соображенія и т. п. Но главное мѣсто предоставлено въ этихъ замѣткахъ тонкому и мѣткому критицизму.

Въ 1860 г., марта 27, Александръ Васильевичъ рукоположенъ митрополитомъ Филаретомъ во священники, съ причисленіемъ его къ московскому кафедральному Архангельскому собору, и въ томъ же году получилъ санъ протоіерея. Обстоятельство, что Горскій, не будучи женатъ, посвященъ во священника, породило тогда много толковъ въ Москвѣ и Петербургѣ; спрашивали прежде всего: если онъ желалъ священства, почему не принялъ монашества? По поводу этого вопроса, возбужденнаго любопытствомъ, онъ самъ говорилъ, что митрополитъ Филаретъ, глубоко любившій иночество, не разъ предлагалъ ему вступить въ монашество, обѣщая ему викаріатство въ Москвѣ; но Горскій, который, замѣтимъ, самъ съ уваженіемъ взиралъ на монашество и любилъ монаховъ, представлялъ вниманію владыки, что принятіе иноческаго сана отвлечетъ его отъ ученыхъ и учебныхъ занятій, которымъ желалъ онъ посвятить всю свою жизнь, удалить его отъ любимой имъ Лавры и академіи и заставить заниматься дѣлами

преимущественно уже не книжными то въ той, то въ другой епархіи. Такое признаніе митрополитъ принялъ въ уваженіе, и чрезъ два года протоіерей Горскій былъ опредѣленъ ректоромъ академіи (23 октября 1862 г.). Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца онъ былъ пожалованъ митрой изъ кабинета Его Величества (декабря 11), и въ 1865 году возведенъ св. Синодомъ на степень доктора богословія. Принявъ должность ректора, Александръ Васильевичъ принялъ на себя преподаваніе другаго предмета, именно: догматическаго богословія, которое обыкновенно читалось ректорами академіи, и оставилъ кафедру церковной исторіи, которую преподавалъ 30 лѣтъ. Но этотъ другой предметъ не былъ для него предметомъ новымъ: путемъ церковно-историческимъ онъ изучилъ его съ такою полнотою и основательностію, какой только можно пожелать для самаго знаменитаго догматиста, такъ что слушатели его богословскихъ лекцій легко могли сойтись въ убѣжденіи со слушателями его лекцій историческихъ, что профессоръ ихъ не менѣе великій богословъ, какъ и великій историкъ. Та же сила и глубина мысли, то же изящество, то же одушевленіе въ живой рѣчи. Съ горячностью знакомясь съ каждою новою книгою богословскаго содержанія, Горскій не оставлялъ питаться и прежнею любимою пищею — книгами историческими.

Кромѣ обширныхъ трудовъ по составленію лекцій, сколько у него было въ теченіе его служенія ученыхъ кабинетныхъ работъ! Одна работа по описанію синодальной библіотеки, работа громадная, выказавшая всю необъятную массу его ученыхъ свѣдѣній, работа, къ глубокому прискорбію, до сихъ поръ еще не одѣянная надлежащимъ образомъ, сколько поглощала у него времени и силъ! Книги и книги — на нихъ проведена вся жизнь великаго, даровитѣйшаго труженика науки!

Сорокъ три года велъ онъ такую труженическую жизнь; неустанная работа надломила его вѣрпкія отъ природы силы, и Горскаго не стало. Еще восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ осеннюю пору, ночью, Горскій внезапно пробужденъ былъ сильнымъ сердцебіеніемъ; испуганный, быстро ходилъ онъ по комнатамъ, требуя помощи. Прибывшій врачъ принялъ мѣры, запретилъ ему пить чай, совѣтовалъ менѣе сидѣть за книгами и допускать чаще движеніе на свѣжемъ воздухѣ. Но можно ли было оторвать его

отъ нити? болѣзнь скоро прошла, и Горскій повелъ опять любимую рабочую жизнь. Три года тому назадъ, въ лѣтнее время, припадокъ сердцебиенія повторился въ довольно сильной степени, а 21 декабря прошлаго года, при новомъ повтореніи припадка, оказалось, что болѣзнь неизлѣчна. Московскіе врачи нашли, что больной страдаетъ воспаленіемъ внутренней оболочки артерій. Лѣтомъ онъ нѣсколько поправился, мѣсяць пожилъ на дачѣ недалеко отъ Лавры, сгрустнулся по академіи и возвратился въ нее. Въ концѣ іюля ему сказали, что здоровье его ненадежно, и онъ прибѣгъ къ цѣльбоносному врачеству церковному—соборовался (28 іюля), потомъ неоднократно причащался Св. Таинъ, которыя пожелалъ принять и въ день кончины, находясь и въ послѣдніе дни болѣзни, и предъ самою смертію въ полномъ сознаніи. Со второй половины августа онъ не могъ ходить, и его возили по комнатамъ въ креслахъ, въ которыхъ онъ и спалъ, помѣщаясь на ночь въ большомъ, наполненномъ книгами, кабинетѣ. 11 октября, въ 10 часовъ вечера, звономъ колокольчика призываетъ онъ слугу и говоритъ: «я хочу скорѣе домой». Слуга, подумавъ, что онъ желаетъ быть въ маломъ кабинетѣ, замѣтилъ, что этого сдѣлать нельзя; прибѣжалъ другой слуга; больной вдругъ вскакиваетъ съ кресель и бѣжитъ, слуги не имѣли силъ удержать его; прибѣжавъ въ гостинную, по направленію къ иконамъ, больной палъ въ кресла, три раза громко вздохнулъ и скончался. Было 5 минутъ 11 часа.

Быстро пронеслась по академіи вѣсть о постигшемъ ее горѣ. Черезъ часъ тѣло свято-почившаго окружено было студентами, горько плакавшими о потерѣ дорогаго отца и учителя. Своды ректорскихъ комнатъ огласились заунывнымъ пѣніемъ панихиды.

Погрбеніе тѣла отца ректора московской духовной академіи, протоіерея Александра Васильевича Горскаго, совершилось во вторникъ, 14 октября. Изъ апартаментовъ, составляющихъ помѣщеніе ректора, тѣло перенесено было въ академическую церковь въ воскресенье, 12 числа, въ 4 часа пополудни. Непрерывное чтеніе Евангелія исполняли студенты академіи, имѣющіе священническій санъ. Въ понедѣльникъ, 13 октября, утромъ, прибылъ въ Лавру высокопреосвященный Иннокентій, митрополитъ московскій, который съ братіемъ Лавры и академіи торжественно совершилъ въ академической церкви панихиду по усопшемъ и

благословивъ его въ тотъ же день возвратился въ Москву, не имѣвъ возможности по причинѣ болѣзни остаться на день погребенія. Вечеромъ пріѣхалъ преосвященный Леонидъ, епископъ дмитровскій, одинъ изъ любимыхъ учениковъ покойнаго отца ректора. Въ 9 часовъ вечера въ тотъ же день онъ отслужилъ панихиду и потомъ предъ гробомъ покойнаго читалъ Евангеліе. Молитва, чтеніе и пѣніе во все время, пока гробъ стоялъ въ церкви, не прерывались: кромѣ общихъ двухъ панихидъ въ день, студенты по отдѣльнымъ номерамъ ихъ жилищъ собирались на слушаніе панихиднаго служенія, совершаемаго ихъ товарищами-священниками. Видны были частыя колѣнопреклоненія, замѣтны были слезы на глазахъ ихъ. Здѣсь, въ своей домашней церкви, они привыкли любоваться благолѣпнымъ служеніемъ своего любезнаго начальника, который не опускалъ ни одного воскреснаго дня, ни одного праздника, чтобы не совершить священнослуженія. Иногда самъ онъ выходилъ на клиросъ и умиленно читалъ за всенощною шестопсалміе. Здѣсь говорилъ онъ свои вдохновенныя проповѣди и рѣчи, которыя были образцовыми произведеніями ораторскаго искусства, и произносимыя звучнымъ свѣтлымъ голосомъ производили необыкновенное впечатлѣніе на слушателей.

14 числа, въ девять часовъ утра, звонъ большаго колокола на лаврской колокольнѣ возвѣстилъ начало печальной церемоніи. Послѣ литіи и рѣчи, произнесенной кандидатомъ академіи А. Вѣляевымъ, гробъ покойнаго, въ преднесеніи хоругвей и иконъ и въ предшествіи преосвященнѣйшаго Леонида съ духовенствомъ, прибывшимъ изъ Москвы, руками наставниковъ академіи перенесенъ былъ изъ просторной академической въ обширную лаврскую трапезную церковь. Литургію совершалъ преосвященный въ сослуженіи съ архимандритомъ Знаменскаго монастыря Сергіемъ, протоіереемъ кафедральнаго Архангельскаго собора М. П. Богословскимъ, архимандритомъ единобѣрческаго Макарьева монастыря Гедеономъ, ректоромъ Введенской семинаріи протоіереемъ Ф. А. Сергіевскимъ, двумя московскими протоіереями магистрами, родственниками покойнаго, и нѣкоторыми изъ лаврской братіи. Проповѣдь произнесъ профессоръ академіи архимандритъ Михаилъ. Замѣчательное слово его у многихъ вызвало слезы. На отпѣваніе вышли изъ алтаря съ преосвященнымъ 42 священно-

служителя, и въ числѣ ихъ, кромѣ совершавшихъ литургію архимандритовъ, архимандриты Михаилъ, Андроньева монастыря Модестъ, Данилова Амфилохія и затѣмъ московскіе протоіерей и священники, ученики Горскаго, студенты и нѣкоторые изъ братій Лавры,—*соборъ мнози зыло*. Но онъ былъ бы и долженъ бы быть еще больше, еслибы большинство московскихъ священниковъ, учениковъ покойнаго, не задержаны были въ Москвѣ обязанностями преподавателей Закона Божія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ мірскихъ читателей памяти отца ректора были двое профессоровъ московскаго университета, всѣ наставники владенской семинаріи и нѣсколько изъ московской.

Предъ началомъ отпѣванія, приватъ-доцентъ академіи В. А. Соколовъ произнесъ рѣчь предъ лицомъ своего начальника и родственника, а въ концѣ отпѣванія говорилъ рѣчь студентъ 3-го курса Х. Максимовъ. Пресвященный Леонидъ во время отпѣванія самъ читалъ тропари канона. Послѣ трогательнаго прощанія наставниковъ и студентовъ съ своимъ незабвеннымъ, дорогимъ начальникомъ и наставникомъ, гробъ изнесенъ былъ, также на рукахъ наставниковъ академіи, изъ трапезной церкви; противъ алтаря Троицкаго собора совершена была литія въ такомъ же видѣ какъ совершена была предъ церковью Филарета Милостиваго, когда гробъ износимъ былъ изъ академической въ трапезную церковь. Могила приготовлена была на студенческомъ кладбищѣ, недавно устроенномъ по благословенію высокопреосвященнаго митрополита Иннокентія покойнымъ о. ректоромъ въ академическомъ саду, близъ Смоленской лаврской церкви. Здѣсь, подъ тѣнію развѣстаго тополя, нерѣдко сживалъ покойный отецъ ректоръ вблизи могилы своей матери, погребенной на Смоленскомъ кладбищѣ, въ виду почившихъ братій размышляя о высокихъ, непостижимыхъ тайнахъ жизни загробной. Предъ отверстою могилой ректора энергически произнесъ на сербскомъ языкѣ рѣчь студентъ 3-го курса, черногорецъ И. Николитчъ. Затѣмъ наутствованнаго многими молитвами и слезами привала могила приснопамятнаго труженика науки...

Служеніе, начавшееся въ 9 часовъ, окончилось въ три часа пополудни. Въ комнатахъ ректорскихъ приготовленъ былъ поминувенный обѣдъ, за которымъ было болѣе 100 человекъ. Въ концѣ обѣда, послѣ провозглашенія вѣчной памяти новопрестав-

ленному, ректоръ вѣнянской семинаріи, протоіерей Ф. А. Сергіевскій, обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ воззваніемъ, въ которомъ сказалъ, что память покойнаго отца ректора справедливо было бы увѣковѣчить, во-первыхъ, устройеніемъ памятника на его могилѣ, а во-вторыхъ, учрежденіемъ въ академіи стипендіи его имени. Предложеніе принято было съ полнымъ сочувствіемъ, и тотчасъ же собрано было по подпискѣ 1200 р. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многочисленные, разсѣянные по всей Россіи ученики высокочтимаго отца ректора примутъ живое участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ и съ радостію отзовутся на сдѣланное предложеніе ¹⁾).

Покойный оставилъ славную память по себѣ многими сочиненіями, преимущественно церковноисторическаго содержанія. Представляемъ ихъ перечень:

«Историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевской Лавры». Четыре изданія. Первое 1842 г.

«Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки». Отдѣлы 1-й и 2-й. Четыре тома. М. 1855—1862 г. Трудъ веденъ при участіи К. И. Невоструева, а съ 1862 года однимъ Невоструевымъ.

Это—изданія отдѣльно напечатанныя. Въ видѣ статей напечатаны въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ св. Отцевъ» и другихъ изданіяхъ слѣдующія сочиненія А. В. Горскаго:

1) Жизнеописанія и изслѣдованія относящіяся до общей церковной исторіи.—Свершилъ ли Господь Иисусъ Христосъ Пасху іудейскую на послѣдней вечери Своей съ учениками? (приб. XII). «Письмо Мары Самосатскаго къ сыну его Серапіону» (приб. XX). «Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго» (X). «Жизнь св. Василія Великаго» (III). «Жизнь бл. Θεодорита Кирскаго» (XIV). «Св. Епифаній Кипрскій (XXII). «О дѣвственникахъ христіанскихъ до монашества» (I). «Образованіе канона священныхъ книгъ Новаго Завѣта (XXIV). О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной» (XXI). «Виѣшнее состояніе церкви

¹⁾ Живущіе въ Москвѣ воспитанники московской духовной академіи могутъ доставлять свои приношенія въ редакцію «Православнаго Обозрѣнія», а иногородные высылать въ правленіе академіи, въ Сергіевскій посадъ.

восточной въ IX—XIII столѣтїи» («Христ. Чтен.» 1848 г. ч. I). «Подвижники вѣры на Востокъ послѣ паденїя имперїи греческой» (приб. XI). «О соборѣ іерусалимскомъ 1672 г.» (XXIV).

2) Жизнеописанїя и изслѣдованїя относящїяся до русской церковной исторїи.—О св. Кириллѣ и Меодїи («Москвитянинъ» 1843, III). О походѣ Руссовъ на Сурожъ («Записки Одесск. Общ. Истор.» 1844, I). О митрополїи русской въ концѣ IX вѣка (приб. IX). Кириллъ II, митрополитъ кїевскїй и всея Россїи (I). Св. Петръ митрополитъ (II). Св. Алексїй митрополитъ (VI). Св. Киприанъ митрополитъ (VI). Св. Фотїй митрополитъ (XI). Св. Іона митрополитъ (IV). Митрополиты московскїе Θεодосїй и Филиппъ I (XVI). Митрополїя кїевская въ началѣ своего отдѣленїя отъ московской (XIII). Максимъ Грекъ Святогорецъ (XVIII). О сношенїяхъ русской церкви со святогорскими обителями до XVIII столѣтїя (VI). Извѣстїе объ Авраамїи Палицынѣ («Москвитянинъ» 1841, V). Возраженїя противъ замѣчанїй объ осадѣ Троїцкой Лавры («Москвитянинъ» 1842, VI). О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ (приб. III). Петръ Могила митрополитъ кїевскїй (IV). Нѣсколько свѣдѣнїй о Пансіи Лягардѣ до прибытїя его въ Россїю (XXI). Прїтязанїя апологета австрїйскаго священства (XXIII).

3) Древнїе русскїе церковныя памятники издаваемые съ объясненїемъ и изслѣдованїя о нихъ.—Памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава (приб. II). Пославїе къ Василїю архимандриту Печерскому XII вѣка (X). Отношенїе цюковъ Кириллово-Бѣлозерскаго и Іосифо-Волоколамскаго монастырей въ XVI в. (X). О древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меодїю (XV). О древнихъ словахъ на св. Четырѣдесятиницу (XVII). О славянскомъ переводѣ Пятикнижїи Моисеева, исправленномъ въ XVI вѣкѣ по еврейскому тексту (XIX).

Сверхъ сего есть въ печати нѣсколько церковныхъ поученїй А. В. Горскаго. Кромѣ такой массы напечатанныхъ сочиненїй, остались обширные труды его въ рукописяхъ. Таковы въ особенности лекціи его по церковной исторїи общей и русской, и по догматическому богословію. Дай Богъ увидѣть намъ въ печати полное собранїе его сочиненїй, которыя должны составить

нѣсколько томовъ. Это было бы дорогое приобретение для изучающихъ богословскую и церковноисторическую литературу²⁾.

Р ъ Ч ь

ПРОИЗНЕСЕННАЯ СТУДЕНТОМЪ М. Д. АКАДЕМІИ IV КУРСА АЛЕКСАНДРОМЪ
БЪЛЯЕВЫМЪ ПРЕДЪ ВЫНОСОМЪ ТѢЛА ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ
ТРАПЕЗНУЮ.

Высокопочитаемый о. ректоръ!

Когда ты былъ съ нами, мы могли только изумляться твоимъ талантамъ и неусыпной дѣятельности, уважать тебя за твою правдивость, искренность и твердость христіанскихъ убѣжденій, благоговѣть предъ твоей нравственной чистотой. Ты такъ высоко стоялъ въ нашихъ глазахъ, что мы не смѣли явно высказывать нашу любовь къ тебѣ: она таилась въ глубинѣ нашего сердца. Но тѣмъ сильнѣе обнаруживается она теперь, когда мы утратили тебя: проникая все наше существо, она изливается въ словахъ, вздохахъ и слезахъ. И хотя наше недостоинство воспрещаетъ намъ восхвалять твои подвиги и совершенства; но нашъ долгъ обязываетъ насъ сказать о тебѣ неллицемѣрное слово, а наша привязанность и любовь къ тебѣ побуждаютъ насъ привѣтствовать тебя въ послѣдній разъ.

Любя тебя, мы тужимъ, что не сбылись наши надежды на твои крѣпкія отъ природы силы, обѣщавшія еще много лѣтъ жизни. Мы тѣмъ сильнѣе поражены нашей потерей, что годъ тому назадъ мы не могли и думать, чтобы твой бодрый и дѣятельный духъ такъ скоро разлучился съ твоимъ крѣпкимъ тѣломъ. Преклонны были твои лѣта, но твой голосъ былъ еще силенъ и звученъ, твои движенія легки и свободны, твои мысли ясны, твои чувства свѣжи. Могли ли мы предполагать, чтобы тебя, воздержнаго во всемъ и можетъ быть неумѣреннаго только въ ревности

²⁾ Всѣ свѣдѣнія, здѣсь сообщенныя, изложены въ статьяхъ инспектора акад. *С. К. Смирнова*, напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

къ исполненію обязанности и въ любви къ ученымъ занятіямъ, смерть такъ рано похитила у насъ?

Любя тебя, мы оплакиваемъ въ тебѣ не столько нашего почительнаго начальника, сколько нашего любящаго отца, нашего незамѣнимаго друга. Въ самомъ дѣлѣ, какими иными именами назовемъ мы тебя, когда каждый изъ насъ былъ близокъ къ твоему сердцу какъ другъ, дорогъ тебѣ какъ сынъ? Какъ ни кратко-временно наше пребываніе вмѣстѣ съ тобою, какъ ни рѣдко мы видались съ тобой; но я напрасно сталъ бы перечислять всѣ случаи, въ которыхъ выразились твое дружеское расположеніе, твоя отеческая любовь къ намъ; потому что всѣ поступки твои по отношенію къ намъ были выраженіемъ этой любви. Укажу, впрочемъ, на одинъ примѣръ, укажу не для того, чтобы свидѣтельствовать о твоёмъ челоуѣколюбіи, которое извѣстно всѣмъ знающимъ тебя, а чтобы усладить мою горестъ пріятнымъ воспоминаніемъ о тебѣ. Если ты замѣчалъ въ насъ нерадѣніе къ исполненію религиозныхъ обязанностей, то ты упрекалъ насъ. Но что это были за упреки? И въ словахъ и на лицѣ твоёмъ не трудно было видѣть борьбу двухъ противоположныхъ чувствъ: между тѣмъ какъ ревность по вѣрѣ побуждала тебя гнѣвно упрекать, наказывать, поражать насъ если бы то было возможно, — твоя любовь къ намъ умягчала жесткость этой ревности. Твой голосъ; готовый сдѣлаться грознымъ, являлся упрощающимъ, жалобнымъ... Упреки смѣнялись мольбами. Теперь эти упреки для насъ дороже и любезнѣе, нежели самыя твои ласки. Прости намъ за наше легкомысліе и равнодушіе, съ которыми мы иногда относились къ взрывамъ твоей пламенной ревности по Богѣ, угасавшимъ, казалось, въ твоей всепрощающей любви. И чѣмъ мы заслужили твою матерински-нѣжную любовь къ намъ? Незавѣстные тебѣ, прибыли мы изъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ въ школу высшихъ наукъ, находившуюся подъ твоимъ руководствомъ и управленіемъ, — прибыли на короткое время, чтобы потомъ опять разъѣхаться во всѣ концы нашего обширнаго отечества; чужіе мы тебѣ и не долго жили подъ твоимъ руководствомъ, но ты полюбилъ насъ, какъ родныхъ. Не мы тебя, а ты насъ возлюбилъ прежде.

Любя тебя, мы, плачущіе и болѣзнующіе, утѣшаемъ себя христіанской надеждою, что ты водворилъ въ мѣстѣ блаженныхъ.

Миролюбивъ былъ и кротокъ твой характеръ, тиха и спокойна твоя жизнь, безмятежна и кончина твою; и мы надѣмся, что тамъ твоя жизнь будетъ во сто кратъ безмятежнѣе, свѣтлѣе и блаженнѣе. Здѣсь ты стремился проникнуть въ тайны богословія; тамъ лицомъ къ лицу узришь то, что здѣсь разумѣлъ гадательно. Здѣсь ты не удовлетворялся знаніемъ какой нибудь одной отрасли науки, но стремился объять всѣ доступныя тебѣ области ея; тамъ духъ твой, отрѣшившись отъ оковъ ограниченной земной жизни, расширеннымъ и просвѣтленнымъ взоромъ окинетъ неизвѣстныя тебѣ дотогѣ сферы бытія и вѣдѣнія. Здѣсь ты твердо стоялъ за православную вѣру и строго исполнялъ всѣ церковныя постановленія; тамъ ты будешь молитвенникомъ о подвигающихся въ вѣрѣ и за вѣру. Ты любилъ здѣсь церковныя службы и пѣснопѣнія; тамъ ты будешь услаждаться невѣдомыми намъ неземными звуками...

Но какія бы чувства ни наполняли нашу душу, — будетъ ли волновать насъ сожалѣніе о твоей преждевременной смерти, или удручать горестъ о нашемъ сиротствѣ безъ тебя, или мы будемъ утѣшать себя христіанскою надеждою на твое прославленіе за гробомъ, — наша мысль такъ крѣпко привязана къ тебѣ нашей взаимной любовью, что ни на минуту не можетъ оторваться отъ тебя. Ты былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, къ которымъ съ перваго раза чувствуешь сердечное расположеніе и которыхъ тѣмъ болѣе любишь, чѣмъ лучше ихъ узнаешь. Мы уже никогда не услышимъ твоего вдохновеннаго, проникнутаго горячимъ чувствомъ и религиозною ревностію, проповѣданія въ храмѣ, твоихъ многоученныхъ, воодушевленныхъ чтеній въ классѣ, твоей ласковой бесѣды дома; намъ никогда не видать твоего привѣтливаго лица. Но намъ не хочется разстаться съ тобою; ты еще живешь и дѣйствуешь въ нашемъ представленіи; мысленно мы еще бесѣдуемъ съ тобою, вспоминаемъ твои привѣтствія намъ, твои совѣты и наставленія; еще живо представляется намъ твой образъ; отзвуки твоего голоса, кажется, раздаются еще въ нашихъ ушахъ... И не только теперь, но и никогда не изгладится въ насъ твой свѣтлый образъ. Да и мы ли одни, недостойные твои слушатели и почитатели, будемъ вспоминать о тебѣ съ почтеніемъ и благоговѣніемъ? Нѣтъ! Будетъ памятно имя твое въ лѣтописяхъ нашей отечественной науки, которую ты обогатилъ цѣнными

трусами, которою ты съ малолѣтства и до смерти занимался съ безкорыстной, самоотверженной любовью. Будетъ памятно оно въ лѣтописяхъ академіи, съ которою, какъ съ любимымъ дѣтищемъ, ты не разлучался около полѣвка и которой ты несвятая всю свою долголѣтнюю труженническую жизнь. Неважными чертами написано оно въ сердцахъ твоихъ сослуживцевъ и многочисленныхъ питомцевъ, которые не могутъ забыть твоей любви къ нимъ. Незабвенно оно для тѣхъ, которые, подобно тебѣ трудятся не ради почестей и богатства, а по любви къ истинѣ, и которые, подобно тебѣ, были бы еще болѣе знамениты, если бы они были менѣ скромны. Вѣчная памяти! вѣчная памяти! вѣчная память тебѣ!

С Л О В О

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ, СКАЗАННОЕ ПРОФЕССОРОМЪ АКАДЕМІИ АРХИМАНДРИТОМЪ МИХАИЛОМЪ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: иже взирающе на скончаніе жителства подражайте върѣ ихъ. (Евр. 11, 7).

Жребій смерти, общій для всѣхъ смертныхъ, паде нынѣ на оплакиваемого нами общаго наставника и учителя и отца нашего, и причтенъ бысть (Дѣян. 1, 26) къ сонму блаженнопочившихъ приснопоминаемыхъ наставниковъ нашихъ. Ангелъ смерти изъялъ его изъ среды живыхъ, и возвратися духъ его къ Богу, иже даде его (Еккл. 12, 7), а персть возвратится чрезъ нѣсколько часовъ въ землю отъ нея же взята бысть. Остается и останется отъ него единственное, что остается отъ человѣка на землѣ, дѣла, и какъ счастливъ, стократъ счастливъ тотъ, кому Богъ судить, какъ избраннику, оставить по себѣ такія дѣла, какія оставляетъ новопреставленный, для назиданія и подражанія другихъ, ближнихъ и дальнихъ поколѣній! Въ этомъ высшая

награда человеку на землѣ какъ Божіе благословеніе; все остальное—дѣло суда Божія на небѣ.

О, еслибы на сей часъ дано было мнѣ хотя подобіе крылатой рѣчи Богослова Григорія, почтившаго высокимъ словомъ Великаго Василія, чтобъ и мнѣ почитать достойнымъ словомъ мужа, достойнѣйшаго слова! Прости мнѣ, достолаженная душа любительница и художница крылатыхъ рѣчей, если мое неокрыленное слово не сможетъ вознестись на высоту твоихъ совершенствъ, чтобы достойно изобразить ихъ для назиданія другихъ. Простите мнѣ и вы, любители и цѣнители искусства въ словѣ, если моя неискусная рѣчь не удовлетворитъ васъ; восполните для себя скудость мою своими размышленіями о предметѣ слова, который доступенъ былъ наблюденію всѣхъ насъ. Охотно уступилъ бы я это мѣсто на сіе время болѣе искуснымъ въ словѣ: но и мое удивленіе высокимъ совершенствамъ почившаго и любовь къ нему нудятъ и меня къ слову о немъ. Емлюсь хотя за край крылатыхъ рѣчей Богослова Григорія, чтобъ искусство его слова хотя мало отразилось и въ моей рѣчи.

На землѣ полнаго совершенства нѣтъ и быть не можетъ. «Каждый, говоритъ св. Григорій, восхваляя Василія Великаго,—каждый преуспѣваетъ въ чемъ-нибудь своемъ, а нѣкоторые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей, но во всемъ никто не достигалъ совершенства, безъ всякаго сомнѣнія не достигъ никто изъ извѣстныхъ намъ; напротивъ того, у насъ тотъ совершеннѣйшій, кто успѣлъ во многомъ или и въ одномъ преимущественно». Примѣръ высокаго совершенства во многомъ, очень во многомъ и притомъ самомъ существенномъ въ жизни, для нашего назиданія и подражанія, мы имѣли, смажемъ прямо необинуясь, счастье не всѣмъ достигающееся, имѣтъ въ лицѣ новопредставленнаго учителя и отца нашего.

«Полагаю, вѣтѣствуетъ св. Григорій, что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, не только сію благороднѣйшую и нашу ученость (христіанскую), но и ученость вѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ за злохудожною». Этимъ первымъ, по мнѣнію великаго богослова, благомъ жизни какъ нельзя болѣе былъ богатъ мочившій учитель нашъ,—кому это неизвѣстно! Съ юныхъ лѣтъ до самой смерти неутомимый труженикъ науки, ради удоб-

нѣшаго пріобрѣтенія этого блага презрѣвшій многое считающееся благомъ въ жизни, отвергнувшій даже всякія, считающіяся невинными, удовольствія житейскія, всегда въ тиши уединенія какъ отшельникъ, или какъ евангельскій приточный кунецъ, продавшій ради пріобрѣтенія одной драгоцѣнной жемчужины все что имѣлъ (Мате. 13, 45—46), онъ успѣлъ такъ обогатиться ученостію, что нельзя было не дивиться ея многообъемлемости и глубинѣ въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ весьма рѣдко встрѣчается это въ жизни. Это очевидно для всѣхъ какъ въ его твореніяхъ, такъ особенно въ безцѣнномъ руководствѣ устномъ нѣсколькихъ молодыхъ поколѣній и учащихъ и учащихся. Эта глава была какъ бы богатѣйшею сокровищницей знаній, изъ которой каждый могъ почерпнуть сколько могъ и сколько хотѣлъ. Это особенно въ богословіи во всемъ обширномъ его объемѣ; но и во высшей учености свѣдѣнія его были громадны, такъ что дивиться можно было ихъ разнообразію и обширности; умный совѣтъ, мѣткое сужденіе, показывавшіе серьезное изученіе, могли слышать отъ него специалисты и такихъ отраслей знаній, которыя повидимому были далеки отъ круга его обычныхъ занятій. Да, вся эта жизнь была одною непрерывною жертвою наукъ, жертвою полною, нераздѣльною, долготѣною, искреннею, и плодомъ ея было такое богатство духовное, что такого мудраго руководителя въ дѣлахъ науки, не обнуясь скажемъ, школа наша не найдетъ можетъ быть долго, долго. Это—незамѣнная теперь нѣкѣмъ потеря нашей любимой, родной школы, и вообще нашей, еще столь юной, требующей опытнаго руководства, науки богословской. Какъ евангельскій приточный книжникъ, онъ щедро выносилъ изъ богатой сокровищницы своей учености старое и новое, и щедрою рукою предлагалъ желающимъ, кто чего хочетъ (Мате. 13, 52); кто и когда еще будетъ раздавать съ такою щедростію и мудростію, въ такомъ обиліи?

И эта удивительная по многообъемлемости и глубинѣ ученость имѣла не менѣе удивительную строгость въ направленіи и характерѣ. Живое слѣдѣ за развитіемъ науки въ западно-европейскихъ обществахъ во всѣхъ ея проявленіяхъ и направленіяхъ, онъ долженъ былъ неизбѣжно изучать и изучалъ и крайнія, столь увлекательныя для многихъ, направленія, что необходимо

для плодотворнаго руководительства особенно молодых поколѣній богослововъ, въ высшей школѣ богословской, какъ то глубоко сознавалъ и выражалъ самъ усопшій: но при этомъ онъ сохранилъ въ полной неприкосновенности всю строгость истинно православныхъ церковныхъ убѣжденій, и его непрерывный ученый трудъ до малѣйшихъ частныхъ былъ трудъ въ полномъ смыслѣ созидающій. Не могли никогда увлечь его какія-либо модныя эфемерныя идеи современныя, такъ прельстительныя для многихъ; не могли поколебать его и одностороннія, повидимому глубокія, изслѣдованія людей, идущихъ путемъ отрицанія; его глубокий умъ, изощренный эрудиціей многообильною и основательною, видѣлъ эфемерность подобныхъ модъ и односторонность этихъ изслѣдованій, и указывалъ ихъ другимъ. Мы сказали, что вся его жизнь была одною непрерывною жертвою наукѣ, — намъ слѣдовало бы прибавить, — наукѣ во славу Божию и православной церкви; это была наука церковная. Во время самыхъ сильныхъ болѣзненныхъ кризисовъ западной богословской науки, неизбѣжно отражавшихся болѣе или менѣе сильно и у насъ, особенно въ высшей школѣ, онъ могъ восклицать со св. Златоустомъ: «сильныя волны, жестокая буря; но я не боюсь потопленія, потому что стою на скалѣ; пусть воетъ буря, пусть ялятся волны, онѣ ничего мнѣ не сдѣлаютъ». И не только не боялся потопленія, но избавлялъ отъ него и другихъ. Что это за скала? Это въ дѣлѣ науки (кромѣ личной живости и твердости вѣры, удивительно счастливо сочетавшейся съ научнымъ вѣдѣніемъ) тщательное и многостороннее изученіе слова Божія, подѣ строгимъ руководствомъ православной церкви, и столь же тщательное и многостороннее изученіе исторіи самой церкви. Знавшіе его знаютъ очень хорошо, что на все онъ смотрѣлъ въ неодолимомъ свѣтѣ слова Божія; оно было и основаніемъ и руководителемъ всякаго его взгляда на все, и потому-то его убѣжденія и воззрѣнія были такъ вѣрны, такъ основательны, такъ крѣпки, такъ церковны. Основанныя на этой незыблемой скалѣ, огражденные этою глубокою и многостороннею ученостію они были такая твердыня, которая не могла поколебаться при напорѣ какой угодно бури, а была безопаснымъ прибѣжищемъ и для другихъ. Да, этимъ первымъ благомъ жизни — ученостію онъ обладалъ не только въ обиліи и чистотѣ, но еще въ крѣ-

пости и силѣ. Оттого-то вся дѣятельность его имѣетъ такой строго-охранительный характеръ и не поддается никакимъ уступкамъ; оттого такой полный и строгій консерватизмъ вполне осмысленный во всѣхъ отношеніяхъ, и въ церковномъ и въ социальномъ и во всякомъ. Великій урокъ всѣмъ, особенно вамъ, молодое поколѣніе богослововъ, будущіе труженики на полѣ церковной науки, надежда церкви въ вѣкъ прогресса, отрицанія, разрушенія, безвѣрія, индифферентизма, легкомысленнаго, а иногда и злоехиднаго, злоупотребленія драгоцѣнною наукой. *Помните* наставника вашего, глаголавшего вамъ слово Божіе въ такой чистотѣ, глубинѣ, многообъемлемости и твердости, и *подражайте* ему.

Вы видите, что это—не только просто ученость, первое благо жизни, но это мудрость въ истинномъ значеніи слова, мудрость въ способѣ пріобрѣтенія учености, мудрость въ ея направленіи, мудрость въ ея приложеніи. Вникая въ нравственный характеръ этой учености и отвлекаясь отъ теоретическаго, мы можемъ ясно убѣдиться, что это дѣйствительная мудрость, истинная. Помните, какъ одинъ изъ премудрыхъ апостоловъ изображаетъ свойства истинной мудрости учительской, какова она есть сама въ себѣ и въ обнаруженіяхъ (Іак. 3, 17). Она *первое убо чиста есть*: нѣтъ въ ней нечистыхъ элементовъ лжи, самомудрованія, эгоизма, она чистая премудрость *свѣта*, съ не неба, чиста какъ небо, насколько можетъ быть чисто небо на землѣ; потому же *мирна*, то есть миролюбива и миротворительна, и сама любитъ миръ и любитъ умиротворять немирное, не проявляется въ любопретельности ради любопретельности и только тогда *воюетъ*, когда видитъ вредъ и вообще зло; *кротка*, то-есть скромна, не величается, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не презираетъ, ко всему несовершенному, слабому относится со снисхожденіемъ, терпѣніемъ, любовію; *благопокорлива*, то-есть въ ней не только отсутствіе страсти насильственно обладать другими (интеллектуальный деспотизмъ), но даже покорившись другимъ, конечно безъ вреда для себя, уступчивость тамъ конечно, гдѣ не видится зла; *исполнь милости и плодовъ блазньхъ*: любвеобильна и милосерда въ раздаваніи потребнаго для развитія и укрѣпленія другихъ, не скупится на совѣтъ, наставленіе, прощреніе, помощь вообще, необладающимъ мудростію; *не сумнѣнна*: тверда въ сво-

них истинахъ до непоколебимости, и *не лицемерна*: всегда искренна во всѣхъ своихъ мысляхъ и поступкахъ въ отношеніи къ ближнимъ, не дозволяетъ никакого лукавства и лицемерія. Таковъ начертанный апостоломъ идеалъ истинной мудрости учительской. Распространяться ли о томъ, насколько полно осуществились въ учительской или вообще руководительной дѣятельности новопреставленнаго учителя нашего эти черты истинной учительской мудрости? Мы—живые свидѣтели—на лицо. Самые погрѣшности и ошибки его въ сужденіяхъ о предметахъ, лицахъ, дѣйствіяхъ, неизбѣжныя у каждаго человѣка, были искренни и искупались этою искренностію,

Чтобы достигнуть такой высокой степени совершенства въ обладаніи первымъ благомъ жизни—ученостію, нужно было много труда, подвига, борьбы, вѣры, силы, любви, самоотверженія; сколько—сказать нельзя: это—тайна его духа, вѣдомая одному только Всеисѣдущему, но несомнѣнно, очень много. Если это не головная только отвлеченная ученость, нерѣдко бесплодная, нерѣдко вредоносная, то она должна была сопровождаться необходимо совершенствованіемъ не только головы, но и сердца и воли, а это съ своей стороны необходимо должно было выражаться и въ дѣлахъ сердца и воли, независимо (если можно такъ выразиться) отъ учености. *Кто премудръ и художъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя* (Іак. 3, 13). Разладъ развитой иногда и сильной головы съ сердцемъ и волей—нерѣдкое, къ сожалѣнію, явленіе, какое приходилось конечно видѣть каждому изъ насъ въ жизни, а еще болѣе изъ книгъ; но это—одностороннее развитіе головы, это вѣра безъ дѣлъ, теоретическое научное созерцаніе безъ соответственной дѣятельности. Такіе, воспользуемся выраженіемъ св. Григорія Богослова, «ничѣмъ не отличаются отъ одноглазыхъ, которые терпятъ большой ущербъ, когда сами смотрятъ, а еще болѣе стыдъ, когда на нихъ смотрятъ». Приспомятанный учитель нашъ былъ, употребимъ сравненіе св. Григорія, зрячій на оба глаза, и притомъ дальновзоркій на оба глаза. Его вѣра не была безъ дѣлъ, его ученость не была головная только или отвлеченная. Кому изъ насъ, руководимыхъ имъ, неизвѣстно глубокое благочестіе его, во всемъ глубокомъ обширномъ значеніи этого слова, съ многообразными выраженіями и плодами его? Это благочестіе и

эти дѣла или плоды его были выраженіемъ высокаго строя не головы только его, но и сердца и воли; голова, значить, вырабатывалась не одна, но взаимодѣйственно и гармонически съ другими высшими силами, которыя взаимно помогали совершенствованію всего цѣльнаго внутренняго или духовнаго человѣка. До какой степени совершенства развитъ былъ въ немъ цѣльный духовный человѣкъ, съ его сердечной и нравственной по преимуществу стороны, это мы увидимъ лучше опять во свѣтѣ слова апостольскаго, которое каждый изъ знавшихъ усопшаго самъ можетъ приложить къ нему. Духоносѣйшій и первоверховный апостолъ, такъ глубоко изобразившій внутреннее состояніе человѣка на различныхъ стадіяхъ его нравственной жизни, духовнаго человѣка въ его совершенствѣ изображаетъ такъ (Галат. 5, 22, 23): *плодь духовный*, или что то же—дѣла духовнаго человѣка въ противоположность дѣламъ человѣка душевнаго и плотскаго—*плодь духовный* есть *любы*, какъ основная добродѣтель всякаго христіанскаго совершенства, любовь безъ изъятія ко всѣмъ, даже ко врагамъ, любовь выражающаяся во многообразныхъ и многочисленныхъ видахъ добрыхъ отношеній къ членамъ общества; *радость* — свѣтлое настроеніе духовное, въ которой человѣкъ носитъ въ себѣ сознаніе и увѣренность въ любви къ нему Божіей (Рим. 5, 5) и милости, плодь чистоты совѣсти, чувство противоположное унынію съ одной стороны и съ другой—такъ-называемому веселому взгляду на жизнь, который такъ чуждъ, такъ противенъ былъ характеру усопшаго; *миръ* — тихое, спокойное настроеніе духа, чувство мира съ Богомъ и съ самимъ собою и въ особенности съ ближними, водворяющее миръ и между ними; *долготерпѣніе*—чувство великодушія въ отношеніи къ ближнимъ, впадшимъ въ грѣхъ противъ него, ожидающее, когда они образумятся и сознаются въ своихъ грѣхѣхъ, и не взыскывающее съ нихъ и прощающее ихъ; *благодѣтелие*—доброта въ отношеніи ко всѣмъ, готовая сдѣлать для ближняго все что только въ ея силахъ, привѣтливость, ласковость, любезность въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова: *милосердіе*—въ отношеніи ко всѣмъ, кто требуетъ помощи, содѣянія въ чемъ бы то ни было, особенно въ отношеніи къ бѣднымъ, немощнымъ, страждущимъ, несчастнымъ; *тѣра*—въ обширномъ смыслѣ слова, какъ основная вмѣстѣ съ любовію добродѣтель христіанская, не

теоретическая только и отвлеченная, но практическая, сопровождаемая добрыми дѣлами: *кротость* — то смиренное настроеніе сердца, по которому человѣкъ готовъ переносить всякія скорби на себѣ отъ другихъ, если таковыя случатся, а не воздавать за нихъ тѣмъ же; *воздержаніе* — отъ всего, что несогласно съ закономъ Христовымъ въ пользованіи земными благами, что достигается усиленною борьбой духа съ плотью, которая такъ не равнодушна къ земнымъ благамъ. Таковы плоды духа. Какой изъ нихъ, если не въ полной по возможности, то въ высокой степени, не былъ зрѣлъ во внутреннемъ человѣкѣ усопшаго и не выражался многообразно и многообразно въ дѣятельности его въ отношеніи къ ближнимъ? Да, весь духовный человѣкъ его былъ зрѣлый плодъ, совершенный въ высокой степени.

Чувствую, что преступаю и преступлю мѣру слова, если буду *по одному* изображать нравственныя совершенства, выразившіяся въ высокой жизни новопреставленнаго, и опасаюсь какъ бы онъ, любитель мѣры во всемъ, кромѣ дѣлъ благочестія и приобрѣтенія званій, не взыскалъ за немѣрность слова; но не могу еще не сказать, хотя кратко, о нѣкоторыхъ высокихъ чертахъ его. Прекрасна эта пламенная любовь ко храму Божію, по которой онъ, какъ нѣкогда вѣнчанный псалмоповѣвецъ *веселился о решихъ* ему: *въ домъ Господень поидемъ* (Псал. 121, 1), по которой онъ такъ всегда заботился о благолѣпії храма и совершающагося въ немъ богослуженія. Прекрасна эта пламенная жажда къ священнодѣйствию и возможно частому приобщенію священной трапезы, вѣрою вселяющей въ насъ Христа, освящающаго мысли и чувства и дѣйствія въ мѣру нашей приємлемости, священнодѣйствию, которое совершалъ онъ всегда съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ и смиреніемъ предъ таинствомъ таинствъ. «Прекрасно (выражусь опять словомъ Богослова) дѣвство, безбрачная жизнь, вчиненіе съ Ангелами—существами одинокими». Прекрасно, въ человѣкѣ, можемъ и достойномъ занимать высшее положеніе въ церкви, это довольство скромнымъ, хотя почетнымъ положеніемъ, любовь къ этому положенію въ вѣкъ гоньбы за блескомъ и почестями внѣшними; прекрасно это полное отсутствіе искательности для самовозвышенія, въ какомъ бы то ни было видѣ. Прекрасна эта нестяжательность въ отношеніи ко всему, кромѣ стяжанія мудрости и добродѣтели. Прекрасно это безко-

рытіе, имѣющее въ виду одну корысть мудрости и добродѣтели. Прекрасна эта благотворительность, щедро, и тайно и явно, раздающая бѣднымъ и немощнымъ блага и тѣлесныя и духовныя. *И что еще глаголю? Не достанетъ ли повѣствующему времени о всѣхъ дѣлахъ его высокихъ, прекрасныхъ, благословенныхъ Богомъ. Прекрасна наконецъ, какъ вѣнецъ всѣхъ его совершенствъ и благословеній на немъ Божіихъ, эта христіанская кончина живота его, безболѣзненная, хотя и подготовленная и можетъ быть предпочтенная болѣзнію, не постыдная, мирная. Вѣруемъ и уповаемъ, что и на страшномъ судилищѣ Христовѣ онъ явится съ добрымъ отвѣтомъ: ибо онъ подвигомъ добрымъ подвизася, теченіе сконча, вѣру соблюде, прочее соблюдается ему вѣнецъ правды, его же уготова Богъ любящимъ Его (2 Тим. 4, 7—8. Іак. 1, 12). Поминайте наставника вашего, иже глагола вамъ слово Божіе, и взирающе на скончаніе жителства его, подражайте вѣрѣ его—да выну будетъ духъ его одушевлять нашу обитель науки, которую онъ столько любилъ, которой онъ столько принесъ жертвъ, какъ пріятную Богу веню благоуханія, для которой онъ такъ много, неизмѣримо много, сдѣлалъ въ теченіе продолжительнаго служенія ей.*

Прими, благословенная глава, малое сіе, но искреннее и чисто-сердечное, приношеніе словесное отъ меня, или отъ насъ, сказалъ бы я, еслибы былъ увѣренъ, что мое немощное слово довольно выражаетъ наше общее чувство удивленія къ твоимъ совершенствамъ и любви къ тебѣ. Прими и прости духовной скудости приносящаго, если приносимое скудно въ сравненіи съ твоимъ духовнымъ богатствомъ. Если же въ немъ есть нѣчто достойное тебя, это — твой даръ. Прими и благослови насъ съ высоты неба, гдѣ уповаемъ будешь ты,—благослови и помогай продолжать наше дѣло духовнаго дѣланія, помогай невидимо молитвами своими, благопріятными Господу, какъ всегда и всѣмъ намъ помогалъ и готовъ былъ помогать, когда видимо былъ съ нами. Аминь.

Р Ъ Ч Ъ

ГОВОРЕННАЯ ПРЕДЪ ОТПЪВАНІЕМЪ ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТОМЪ М. Д. АКАДЕМИИ
В. А. СОКОЛОВЫМЪ.

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть!» «Плачу и рыдаю», потому что вижу гробъ, потому что мнѣ хочется жить, а этотъ гробъ говоритъ мнѣ: «земля еси и въ землю отыдеши». «Плачу и рыдаю», потому что подлѣ гроба вижу слезы и слышу рыданія тѣхъ, у которыхъ этотъ гробъ отнялъ послѣднюю опору въ жизни. «Плачу и рыдаю», потому что въ этомъ гробѣ я вижу не гробъ только, но и дорогой образъ того, кто во гробѣ. Да, не такимъ привыкли мы видѣть, не такимъ желали бы мы видѣть здѣсь, въ храмѣ, нашего дорогаго отца-ректора! Но что же дѣлать?! «Что свѣтлѣе солнца, и то исчезаетъ, человѣцы же вси земля и пепель».

«Надъ мертвецемъ источи слезы», говоритъ премудрый, «горекъ сотвори плачь, и рыданіе тепло, и сотвори сѣтованіе, яко же ему достоинъ».

Представляется мнѣ, какъ много вѣковъ тому назадъ, въ предѣлахъ далекаго юга, несмѣтныя толпы народа сопровождали въ могилу прахъ святаго еврейскаго старца,—то «взыде Іосифъ погребсти отца своего: и совзыдоша съ нимъ вси раби Фараони, и старѣйшины дому его, и вси старѣйшины земли египетскія. И весь домъ Іосифовъ, и братія его, и весь домъ отца его, и сродницы его.... И рыдаша его рыданіемъ велиимъ и крѣпкимъ зѣло». Не собрался ли и мы теперь здѣсь, чтобы съ рыданіемъ велиимъ проводить въ могилу дорогіе останки того, кто многимъ изъ насъ замѣнялъ отца!

При гробѣ Іакова плакали дѣти и всѣ сродники его. При этомъ гробѣ нѣтъ дѣтей, но не мало также сиротъ и сродниковъ, для которыхъ покойный былъ всегда самымъ заботливымъ и нѣжнымъ отцемъ. Какъ орелъ собираетъ птенцовъ подъ крылья свои, такъ и онъ всегда окруженъ былъ дорогими для него сиротами, заставляя ихъ забывать все горе и нужды подъ надежнымъ покровомъ своей пѣжной горячей любви.

При гробѣ Іакова плакалъ и весь народъ его, который чтить въ немъ главу своего рода. При этомъ гробѣ сотни людей, про

которых покойный могъ съ полнымъ правомъ сказать: «се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ», т.-е. дѣти по духу, по наукѣ. Всѣ мы *родъ ея*. Каждый изъ насъ хорошо знаетъ, съ какимъ истинно отеческимъ сочувствіемъ отзывался покойный на всякаго рода нужду и потребность трудящейся молодежи. Заставала ли кого-либо изъ насъ житейская невзгода, къ кому обратиться? Прежде всего къ нему. И онъ, не жалѣя себя, спѣшилъ сдѣлать все, что можно, лишь бы только помочь нуждающемуся. Нуждался ли кто въ ученomъ совѣтѣ и указаніи, къ кому обратиться? Опять къ нему. И онъ щедрою рукою раздавалъ всѣмъ и каждому изъ тѣхъ богатыхъ сокровищъ, которыми владѣлъ въ избыткѣ и которыя давали ему полное право на древнее наименованіе «палаты знаній». Чтобы представить себѣ тотъ въ высшей степени отрадный характеръ отношеній, которыя установились между нимъ и его чадами по наукѣ, да позволено мнѣ будетъ припомнить, что въ кругу трудящейся молодежи не было ему другаго имени, какъ «папаша». И это дорогое имя казалось намъ тѣмъ выше и священнѣе, что онъ заслужилъ его не правами рожденія, а высотой своихъ нравственныхъ качествъ. При гробѣ Іакова плакали наконецъ и тѣ, которые не принадлежали къ сынамъ Израилевымъ, всѣ старѣйшины земли египетскія, почитая въ немъ великаго мужа. При этомъ гробѣ мы видимъ многихъ горячихъ почитателей заслугъ покойнаго, которые собрались здѣсь, чтобы почитать въ немъ великаго мужа науки. Не считаемъ себя въ силахъ цѣнить то, что выше силъ нашихъ, но скажемъ лишь словами премудраго: «восхвалять разумъ его мнози, и до вѣка не погибнетъ. Не отъидетъ память его, и имя его поживетъ въ роды родовъ, а имя доброе лучше, неже богатство много».

Нерѣдко приходится слышать, что люди науки, чѣмъ глубже посвящаютъ себя ея интересамъ, тѣмъ менѣе становятся воспріимчивыми къ обстоятельствамъ жизни, — тѣмъ болѣе становятся сухими и недоступными въ области чувства. Но много ли найдется такихъ, которые столько же были бы людьми науки, какъ покойный, и много ли такихъ, которыхъ вся жизнь настолько же была бы проникнута горячею, самоотверженною любовію къ другимъ?! «Больши сея любве никто же имать», говоритъ Спаситель, «да кто душу свою положитъ за други своя».

А вся жизнь покойнаго была жизнью для другихъ. Я не знаю, чего бы желалъ онъ, чего бы просилъ или добивался лично для себя? Всю жизнь свою положилъ онъ за други своя, и первымъ такимъ другомъ его было то высшее училище духовнаго просвѣщенія, во главѣ котораго Господу угодно было его поставить. Болѣе сорока лѣтъ своей жизни посвятилъ онъ своей академіи и до такой степени, такъ сказать, сросся съ нею, что ея интересы стали его интересами. «Съ меня довольно послужилъ», говорилъ покойный еще нѣсколько дней тому назадъ, и не думаю, чтобы многимъ изъ насъ выпало на долю счастье сказать эти слова съ такою чистою совѣстію, съ такимъ полнымъ сознаниемъ исполненнаго долга. Нравственное единство съ академіей проявлялось у него даже и во внѣшности. Какихъ трудовъ стоило напр. людямъ, его любящимъ, уговорить его, для облегченія болѣзни, оставить на время дѣла академіи и удалиться изъ стѣнъ ея. И съ какимъ наслажденіемъ возвращался онъ потомъ снова въ дорогую для его сердца обитель. Сколько лѣтъ собирался онъ посѣтить свою далекую родину, и такъ и не собрался. Для дорогой родины онъ никакъ не могъ покинуть, хотя на время, болѣе дорогой для него академіи. Не хотѣлъ онъ покинуть ее даже и со смертію. Святой патріархъ Іаковъ завѣщалъ сынамъ своимъ положить и прахъ свой въ землѣ обѣтованной. Послѣднимъ желаніемъ нашего почившаго было, чтобы его останки погребены были въ предѣлахъ владѣній академіи, вблизи его мѣста служенія. Онъ не могъ жить безъ академіи, онъ и умеръ въ ней. Но намъ-то какъ же жить теперь безъ него?! Но, что я?! «Не даждь въ печаль сердца твоего», говоритъ премудрый, «не забуди, нѣсть-бо возвращенія и ему пользы не сотвориши и себе озлобиши». А значитъ, еще можно пользу сотворить ему? Значитъ, еще можно, хотя теперь, воздать ему, по мѣрѣ силъ нашихъ, за все то, что онъ сдѣлалъ для насъ? При жизни онъ ничего не желалъ для себя. А теперь? Чѣмъ мы могли бы воздать ему? Спросить бы его самого, но онъ безмолвствуетъ. «О друже, чесо ради не глаголеши, якоже глаголахъ еси намъ; но сице молчиши?» Не даетъ онъ намъ отвѣта на наши мольбы, но святая церковь его устами говоритъ намъ: «Зрице ли: безгласна и бездыханна подлежаща, вооплачете о нѣмъ братіе и друзи.... приидите вси любящии ми и цѣлуйте ма послѣднимъ цѣ-

лованіемъ.... Прощу всѣхъ и молю; непрестанно молитесь о мнѣ Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія, но да вселитъ мя, идѣже свѣтъ животный. Вотъ его первая и послѣдняя къ намъ просьба! И мы всѣ, любящіе его, обратимся теперь съ молитвою къ Господу Богу, чтобы Онъ упокоилъ душу его, «идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе во жизнь безконечная».

Р ъ Ч Ъ

произнесенномъ студентомъ М. Д. академикѣ курса Христофоро-
ромъ Максимовымъ при концѣ отпѣванія.

Миръ душѣ твоей, приснопамятне
отче нашъ!

Еще мало, мало, еще нѣсколько мгновений—и ты, отче, достигнешь послѣдней, конечной черты земнаго странствованія твоего; еще только нѣсколько шаговъ—и ты вступишь въ грань. положенную Всевышнимъ между настоящею и будущею жизнью человѣка: отверстая могила приметъ тебя въ свои холодныя объятія и болѣе.... уже не возвратитъ. Страшенъ даже до содроганія внутреннихъ, недовѣдомыхъ глубинъ духа человѣка грѣшника, страшенъ такой исходъ земнаго бытія нашего! Но благословенъ Ты, Господи Царю и Вседержителю, «нарицаая не сущая, яко сущая, рекія на море и словомъ Твоимъ запечатавый бездны», благословенъ, яко Ты, Творче и Спасителю нашъ, Твоею смертію нашу смерть поправъ еси и Твоимъ воскресеніемъ сущимъ во гробахъ животь даровалъ еси! Ты рукою крѣпкою и мышцею высокою возносишь человѣка надъ бездною истлѣнія, Ты всемогущимъ, немимолучнымъ словомъ Твоимъ даруешь намъ нынѣ въ виду отверстой могилы, предъ лицомъ самой смерти по милости и благодати Твоей рещи: «блаженъ путь въ онѣже идещи», приснопамятне и достохвальне отче нашъ, блаженъ, «яко уготовася тебѣ нѣбо упокоеніа!»

Итакъ пусть же не смущается сердце наше предъ сею от-

крытою могилою и пусть она не устрашает насъ страхомъ смертнымъ! Если для иныхъ смерть дѣйствительно есть смерть, то для тебя, отче нашъ, она — пріобрѣтеніе. Ибо тако глаголетъ Господь Вседержитель: «блаженъ умирающій о Господѣ», и скорѣе двинутся и прейдутъ небо и земля, нежели погибнетъ одна черта изъ этого слова Твоего, Господи! Ты же, присвоивъ отцу, и умеръ и жилъ о Господѣ. Ибо что мы увидимъ, отцы и братія, если, отъративши взоры отъ сего гроба, обратимъ лице свое на весь, доселѣ пройденный отцемъ и учителемъ нашимъ, жизненный путь, обозримъ этотъ не краткій путь отъ этой послѣдней ступени до самаго его начала. Вотъ изъ возродившей водою и духомъ купели приняла тебя, почившій отче нашъ, въ свои любвеобильныя вѣдра семейная школа благочестія, и родная мать твоя наставница, какъ иногда бесѣдовалъ ты съ нами, глубоко положила въ юной душѣ твоей сѣмена христіанскихъ добродѣтелей. Послѣдовательно проходимые, потому, тобою вертоградъ христіанскаго ученія раскрыли тебѣ все неисчислимое богатство Вѣры Христовой, и ты, какъ губа, впиталъ и проникался чистыми и святыми истинами ума божественнаго. Пусть подтвердятъ истинность сихъ словъ твои товарищи сослуживцы, пришедшіе нынѣ воздать тебѣ, ихъ дорогому незабвенному товарищу, послѣднее цѣлованіе, дабы союзъ товарищества, союзъ давній и недолговременный, но крѣпкій и живой, не потерялъ своей дѣйственности, а напротивъ достигъ полнаго совершенства и совершенной законченности здѣсь у гроба твоего, досточтимый отче нашъ. Наконецъ, честь и уиращеніе товарищей — учениковъ, ты сдѣлался славю сонма учителей въ сей обители духовныхъ ученій. Въ теченіе едва не полулѣтка въ семь родѣ служенія на пользу единой Св. Православной Церкви нашей, въ служеніи, необинуясь скажу, многотрудномъ ты, отче нашъ, всегда «подвигомъ добрымъ подвизался». Слѣдующимъ ревностію о величественномъ прохожденіи отъ Господа и высшего духовнаго начальства возложеннаго на тебя званія, ты не щадишь для сего ни силъ, ни здоровья. Вслѣдъ то было возможно, ты не хотѣлъ бы и знать, что такое отдыхъ и усталость, и пусть подтвердятъ эти слова многочисленный здѣсь предстолщій сонмъ твоихъ сослуживцевъ, — именно, что только быстрыми шагами съ своими предтечами тяжкими болѣзнями приближавшаяся смерть

могла и то только против твоей воли и какъ бы насильно дать понять тебѣ истину, остававшуюся непонятною для тебя въ теченіе твоей некроткой жизни, истину, что всему свое время. — и время трудиться и время отдыхать, и что это время давно, давно уже пришло и для тебя. Беззавѣтно преданный служенію св. церкви въ ея же возложенномъ на тебя званіи, ты въ безукорызненномъ даже до ревности отправленіи его полагалъ и цѣль и радость и счастье твоей жизни. Не хотѣлъ знать ты, припомнитъ ли отче, «овоихъ си» и инымъ, столь перѣдкимъ, нынѣ образомъ, — образомъ, столь возможнымъ для тебя при твоёмъ званіи, ты не зналъ и не хотѣлъ знать стремленія къ ложной славіи, не прекорвалъ «разумъ въ послушаніе вѣры», не «шрельщався тщетною философією по стихіямъ міра, а не по Христѣ», ты безпреткновенно шёлъ и *прошёлъ* царскимъ путёмъ Св. Христовой Истины, ни отставая, ни упрещая Св. Матерь нашу, Церковь православную. По сему же, единому истинному, пути ты направлялъ многое множество твоихъ учениковъ. Но не мнѣ, отче, не мнѣ говорить о великихъ заслугахъ твоихъ на пользу Св. Христовой Церкви: о нихъ засвидѣтельствуютъ предъ настоявателіемъ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ архидиаконы Его Церкви; я же думаю, не ошибусь, если скажу, что они уже и сказали это самымъ предстояніемъ у гроба твоего. О нихъ же возвѣстать во всеуслышаніе всего міра православнаго многочисленный сонмъ твоихъ сослуживцевъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ суть и твои ученики и воспитанники. Я же съ своей стороны скажу... я могу, я долженъ сказать въ сѣи послѣднія минуты пѣлованія съ тобою лишь о томъ, что не одна только строгая, неослабѣвающая ревность къ исполненію твоего неопровергаемаго служенія Св. Церкви украшала тебя; нѣтъ, святыи отче нашъ, мы твои ученики, какъ можетъ быть, никто больше, имѣли возможность узнать и узнали, что не менѣе украшали тебя и великая протѣсть и мудрая любовь ко всѣмъ обращавшимся съ тобою. Христіанское смиреніе и любвеобильная и вмѣстѣ непоблажающая дурному и вредному снисходительность неслегка запечатлѣли твой образъ, твои слова и дѣянія, твои многопытныя наставленія, твои сильные обличенія, твои трогательныя увѣщанія въ сердцахъ и ушахъ нашихъ. И если я предъ симъ свидѣтельствовалъ голосомъ архидиаконовъ Св. Цер-

ны и семимъ твоихъ ослуживцевъ настояниковъ, то въ семъ послѣднемъ случаѣ позволю, св. отче, не уступитьъ имъ этого дорогаго и неотъемлемаго своего права и, какъ ученику и отъ учениковъ, здѣсь предстоящихъ и окружающихъ твоей смертной одрѣ, позволю снова и снова здѣсь на гробѣ твоёмъ засвидѣтельствовать истину сказаннаго и, прощаюсь съ тобою, отецъ и учитель нашъ, до онаго страшнаго и славнаго свиданія воздать благодарность тебѣ за твое ученіе и воспитаніе насъ въ страхѣ Божиёмъ, въ духѣ Св. Вѣры и православной церкви Христовой.

Вотъ не краткій путь твой, здѣсь у могилы и Креста оканчивающійся и такъ далеко, далеко—у Св. купели начавшійся! По нему ты шелъ «о Господѣ»; о Господѣ же ты теперь и пришелъ къ концу его. А съ Господомъ и въ сѣни смерти твѣ не убились зла; ибо Онъ съ тобою и.... никто же, и ничто же на та! Съ Господомъ и въ самомъ чревѣ адамовомъ—нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безвѣчная!

Итакъ, присненамяте отче нашъ!... «благодатию и щедротами и человеколюбіемъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со безначальнымъ Его Отцемъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Его Духомъ» «блаженъ путь, въ онъже идеши днесь. Аминь.

Въ теченіе сорока дней по кончинѣ о. ректора академіи, въ академіи не прерывались молитвенныя о немъ воспоминанія. Студенты по порядку номеровъ ихъ жилищъ собирались ежедневно въ 6 часовъ утра въ академическую церковь къ ранней литургіи, которую, равно какъ и панихиду послѣ нея, совершалъ по очереди одинъ изъ четверыхъ ихъ товарищей, имѣющій священный санъ. Въ 9-й день, въ воскресенье 19 октября, въ академической церкви совершалъ служеніе литургіи и панихиды высокопреосвященный Алексій, архіепископъ рязанскій, ученикъ покойнаго ректора, самъ вѣкогда бывший ректоромъ Московской академіи (1847—1853). Проповѣдь произнесена была студентомъ 4-го курса Иваномъ Соколовымъ. Вскорѣ послѣ сего совершалъ поминованіе по о. ректорѣ и посѣщалъ могилу его преосвященный Ни-

единъ епископъ старорусскій, викарій Новгородской митрополіи, также ученіи покойнаго. Въ 20-й день, 30 октября литургія и панихида въ академической церкви отслужены профессоромъ академіи, архимандритомъ Михаиломъ съ академическою братією. Проповѣдь говорилъ приватъ-доцентъ академіи Н. И. Лебедевъ. Въ 40-й день, 19 ноября, въ который именинованіе по о. ректорѣ совпало съ днемъ кончины митрополита Филарета, литургію и панихиду въ лаврской церкви праведнаго Филарета, въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова и многихъ молящихся, совершалъ преосвященный Леонидъ епископъ дмитровскій, викарій Московскій митрополіи; во время поминовенія, шествіе съ иконами Императора Александра I (19 ноября—день его кончины), митрополита Платона (18 ноября день его тезоименитства) и митрополита Филарета, возглашаемо было и имя претѣряна Александра. Проповѣдь въ этой церкви говорена профессоромъ академіи по кафедрѣ естественна-научной апологетики, Д. Ф. Голубинскимъ, сыномъ знаменитаго профессора философіи Ф. А. Голубинскаго. Въ академической церкви въ этотъ же день богослуженіе совершалъ архимандритъ Михаилъ, а въ служеніи панихиды приняли участіе о. редакторъ «Православнаго Обозрѣнія», свѣщ. П. А. Преображенскій и законоучитель межеваго института, свѣщ. А. Г. Молотоблювъ. Проповѣдь говорилъ студентъ 3-го курса Митрофанъ Муретовъ. Такъ во дни признаваемаго церковію постепеннаго восхожденія въ обитель свѣта души, разрѣшившейся отъ тѣла, душа блаженнопочившаго труженика науки была нанутствуема въ своемъ шествіи ко Господу непрерывающимися таинственными молитвами, благословеніями, благожеланіями въѣхъ чинишить славленную память его. И мольбіе о немъ не ограничилось однимъ шествіемъ обитанія его, но сколько намъ известно, совершали о немъ мольбіе многочисленные ученики его, разбѣнные по всѣмъ предѣламъ нашего отечества.

БЕСѢДА НА ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

ПРОИЗВЕСЕННАЯ СТУДЕНТОМЪ IV КУРСА ИВ. СОКОЛОВЫМЪ.

Великій и славный пророкъ Илія предъ восхищеніемъ своимъ на небо желалъ уединиться и пошелъ въ окрестности Веадля и Іерихона. Его ближайшій спутникъ Елисей никакъ не хотѣлъ отстать отъ него. Сыны пророческіе, узнавъ о томъ по откровенію, толпами вышли изъ этихъ городовъ, чтобъ въ послѣдній разъ поклониться великому пророку и учителю. Радуются за чудесное прославленіе его и скорба за свое духовное осиротство, они тихо и робко спрашиваютъ у его спутника: «знаешь ли, что сегодня Господь вознесетъ господина твоего надъ главою твоею». Елисей отвѣчаетъ уныло: «знаю, молчите». Учитель съ ученикомъ продолжаетъ путь къ Іордану. Сыны пророческіе за ними, и не спуская глазъ съ разлучающагося на вѣки отца и пророка, наблюдаютъ, какъ великій чудотворецъ съ спутникомъ переходить чудесно воды Іордана, какъ въ огнѣ и вихрѣ понесся Илія на небо, какъ осиротѣлый Елисей прославляетъ его и плачетъ по немъ, но вдругъ получаетъ оттуда—горѣ милоть и съ нею даръ чудотвореній и духъ пророческій. Въ волненіи страха и радости, какъ бы не довѣряя всему видѣнному и слышанному, сыны пророческіе цѣлые три дня ходятъ и етыскиваютъ по пустынѣ: «не повергъ ли Духъ Господень тѣло Илія на какой-либо горѣ или долинѣ». Нашъ великій учитель и отецъ, печально-торжественно поминаемый нами нынѣ, если когда, то предъ смертію своею заключилъ себя въ строжайшее уединеніе и безмолвіе. Его ближайшіе спутники и сотрудники готовы были постоянно быть при немъ въ эти незабвенные предсмертные дни, и сыны пророческіе, какъ онъ самъ многозначительно называлъ насъ этихъ именовъ, мы всюду искали случая, не нарушая его уединенія, взглянуть на него, поклониться ему. Какъ бы не вѣривъ въ неурядную неизбежность разлуки, мы въ волненіи и трепетѣ спрашивали приближенныхъ къ нему: «ужель такъ скоро Господь вознесетъ его надъ главами нашими?» и—съ замирающимъ сердцемъ слышали отъ каждого одинъ плачевный отвѣтъ: «молчите, знаю». Устремивъ на него, дражайшаго учителя и отца,

свои очи и сердца, мы, наконецъ, увидѣли и узнали, какъ его чистая душа безмятежно переняла на оль-поль бытія и понеслась на небо, оставя здѣсь духовную, такъ сказать, милоть, памятники ученія и дѣлъ. Не одни ближніе, но и дальніе, мирная эта обитель, царствующій градъ, многочисленныя другіе грады—все потряслось, все поминули, прославили и оплакали бездѣнаго. Положивъ его, въ заключеніе трогательныхъ печальныхъ торжествъ, тамъ—въ долину вертограда, въблизи его почившихъ друзей и чадъ—тѣхъ же сыновъ пророческихъ,—мы не станемъ, конечно, отыскивать его тѣла, какъ искали тѣла Иліи пророческіе сыны. Но они были счастливы тѣмъ, что нашли въ новомъ пророкѣ сугубъ духъ Иліи. Намъ же, къ глубочайшему сожалѣнію, не найти, никого не найти съ такимъ даромъ мудрости, съ такимъ величіемъ и силою духа, какого носителемъ и воплотителемъ былъ онъ, бессмертный отецъ и наставникъ нашъ: намъ самимъ остается искать и по мѣрѣ силъ приобщиться его мощнаго духа. Въ избранникахъ Божіихъ Духъ обитаетъ въ такой полнотѣ, что «Господь беретъ отъ духа, иже въ нихъ, и даетъ его многимъ другимъ». Что до нашего избранника Провидѣнія, то отъ полноты его духовныхъ даровъ Господь можетъ взять и сообщить потребное всѣмъ и каждому изъ насъ, нужно только съ нашей стороны дѣятельное стремленіе къ подражанію высокимъ качествамъ его ума и сердца.

Не намъ и при томъ въ весьма короткое время изобразить необъятныя его совершенства умственными и нравственными: дѣтскія любящія уста могутъ лишь лепетать о нихъ, кое что перебирать изъ воспоминаній о немъ, которыя однакожъ весьма поучительны. Наши воспоминанія прежде всего останавливаются на томъ важномъ обстоятельстве, что блаженный памяти наставникъ нашъ самимъ въ Божѣ почившимъ великимъ іерархомъ Филаретомъ поставленъ былъ во главѣ нашего разсѣяннаго науки—въ томъ благомъ упованіи, что и по преставленіи свитателя онъ поведетъ школу къ высокимъ предъуказаннымъ цѣлямъ. И онъ, краса и гордость наша предъ всеми учеными учрежденіями, свято исполнялъ свое призваніе: высоко держалъ врученное ему знаніа, всемъ свѣтилъ въ этомъ святилищѣ науки и далеко за предѣлами его, всемъ указывалъ, все направлялъ, устроялъ и создавалъ съ свойственнымъ ему одному ищуществомъ. Но какъ онъ

самъ съ безпредѣльнымъ признательнѣмъ и благоговѣннѣмъ отнеслся къ памяти богомудраго іерарха, исполнѣ проникнуть быль его взглядами, убѣжденіями и направленіемъ, воплотилъ ихъ, такъ сказать, въ своемъ духѣ и жизни, постоянно ходилъ въ его духѣ и св. ревности: такъ и для насъ его питомцевъ и почитателей нма незабвеннаго отца ректора останется навсегда священнымъ и бессмертнымъ, его память по истинѣ вѣчною и блаженною; его убѣжденія и взгляды будутъ нормою нашихъ убѣжденій и взглядовъ; его нравственный духовный обликъ будетъ зеркаломъ нравственныхъ совершенствъ, образцомъ для нашей жизни и дѣятельности.

При той обаятельной любви, которую внушаетъ себѣ эта дивная личность, которая невольно влечетъ насъ къ себѣ, заставляетъ насъ идти и слѣдовать за собою, какія именно совершенства его выберемъ для нашего общаго подражанія и соревнованія. ему, нѣтъ какихъ нерловъ соорудимъ ему невещественный памятникъ въ умахъ и сердцахъ, въ жизни и нравахъ нашихъ? Большая часть чертъ этой богато одаренной личности не достижима для насъ, большинство умственныхъ его совершенствъ выше нашего подражанія; таковы необычайныя дарованія его ума, обширнѣйшая ученость, подвижническое самоотверженіе въ приобрѣтеніи учености: это все или такъ называемые дары природы или исключительные таланты, посылаемые Богомъ особымъ избранникамъ Провидѣнія и возвращаемые при особомъ воздѣйствіи свыше. Намъ остается только изумляться имъ, благоговѣть предъ ними, преклоняться и благодарить за нихъ Провидѣніе. Но вотъ что наиболѣе доступно и поучительно въ этой многообъемлющей ученой дѣятельности, это — направленіе, ея воодушевляющее, цѣли, ея преслѣдуемая. Въ настоящее время, вѣкъ эгоизма и своекорыстныхъ расчетовъ, на науку часто смотрять какъ на средство и ремесло къ приобрѣтенію корысти и почета; рѣдко кто ставитъ цѣлю науку саму науку, еще рѣже смотрять на служеніе наукъ, какъ на жертву выснимъ религиозно-нравственнымъ интересамъ. Но чье служеніе наукъ могло быть чище, безкорыстнѣе и религиозно-нравственнѣе, какъ не служеніе нашего поборника науки? Конечною цѣлю его научнаго служенія было утверженіе и незыблимость православныхъ вѣрованій и учрежденій противъ всѣхъ непріязненныхъ прираженій, и воспитаніе

достоинѣйшихъ леберниковъ и представителей вранославной науки и церкви. Направляемое къ этой святой цѣли, оно всегда совершалось въ такомъ духѣ и направленіи, что отъ начала до конца было единымъ духовнымъ подвигомъ, то, по выраженію св. Григорія Нисскаго, христіанскою добродѣтелію ума, то жертвою отъ всей чистоты сердца, благопріятною и благоугодною Господеви. Частіе — его служеніе наукъ было во преимуществу служеніемъ Слово Божію. Съ любовію и благоговѣніемъ онъ постоянно изучалъ Слово Божіе и намъ и на дому и съ церковной кафедрой совѣтовалъ во всякое время мочаться въ Слово Божіемъ. Согласно съ ученіемъ св. отцевъ, онъ видѣлъ въ богодуховенномъ Слово не только источникъ духовнаго познанія и просвѣщенія, но и средство очищенія и освященія ума и сердца. Почитая его руководствомъ для всѣхъ своихъ мыслей и сужденій, онъ основывалъ на немъ всѣ свои творенія и изслѣдованія. Онъ такъ проникся силою и богатію Слова Божія, что его собственное слово получало пробуждающую и отравляющую насъ силу какъ голосъ свыше. Особенно нужно сказать это о церковныхъ его поученіяхъ и проповѣдяхъ и догматическихкихъ чтеніяхъ, въ которыхъ онъ изъяснялъ истины вѣры съ силою созерцанія и рассужденія, достойною великихъ отцевъ церкви. Тѣмъ же характеромъ благоговѣннаго богословствованія запечатлѣны церковно-историческія изслѣдованія этого творца церковно-исторической науки въ нашей отечественной церкви: и отъ нихъ вѣетъ религіознымъ воодушевленіемъ, и они запечатлѣны духомъ богатнаго помзанія. Съ тѣмъ виѣстѣ его служеніе наукъ и воспитанію было главнымъ образомъ служеніемъ молитвеннымъ и религіознымъ. Въ извѣстной своей рѣчи онъ высказалъ однажды сѣтованіе, что онъ не можетъ такъ много молиться, какъ молится монашествующая здѣшняя братія что онъ больше читаетъ и размыляетъ, чѣмъ молится. Незабвенныя эти слова суть прекрасная исповѣдь его благочестиваго сердца, жаждавшаго все высшихъ и высшихъ молитвенныхъ подвиговъ и тѣмъ болѣе томившагоса этою жаждою, чѣмъ болѣе она удовлетворялась. Не говоря уже о томъ, что при неустанныхъ богословскихкихъ благоговѣнныхъ размышленіяхъ онъ постоянно, можно сказать, молился умною духовною молитвою, весь былъ въ Богѣ, ходилъ предъ Богомъ, кто въ его положе-

ни могъ столько еще молиться обыкновенною, вѣшною и внутреннею молитвою и намъ подать самый назидательный прицѣръ? Намъ неизвѣстны келейные молитвенные его подвиги, но и отъ насъ не сокрыто, что какъ рѣдко, при неуспѣшныхъ научныхъ его трудахъ, угасала у него ночью свѣча (при свѣтѣ которой возсіявалъ въ этой храмѣ свѣтъ науки и потомъ свѣтилъ всѣмъ намъ), такъ еще рѣже угасала у него лампада, во свѣтѣ которой онъ изливалъ благочестивую свою душу предъ Богомъ, воздыхая ко Господу всякую свободную минуту. Молитвенные вздохи были, кажется, единственный его отдыхъ, ими только и дышала эта благочестивая душа, въ нихъ была ея высшая отрада и услада. Говорить ли о томъ, какъ благоговѣнно читалъ онъ нашу великую мѣстную святыню, великаго угодника и чудотворца Сергія Преподобнаго, прибѣгая къ его ходатайству и благословенію во всѣхъ важныхъ событіяхъ нашего заведенія и поручая насъ его незримою заступничеству и покрову? Говорить ли также о томъ, какъ искренно повергался онъ предъ Богомъ въ этомъ храмѣ, съ какою радостію спѣшилъ онъ сюда на церковную молитву съ нами, какъ радовался, когда храмъ наполненъ былъ нами молящимися, какъ скорбѣлъ при опущеніи нами религіозныхъ обязанностей изъ-за школьныхъ дѣлъ, какъ восторгался, умилялся и преображался духомъ во время молитвы и священнодѣйствія? А эта благодатная радость, которою переполнялось все его духовное существо въ свѣтлый Пасхальный день и которая отсвѣчивала на его сіяющемъ лицѣ чѣмъ-то неземнымъ и умиляла насъ до глубины души; этотъ дрожащій, взволнованный голосъ, эти струившіяся по всему лицу слезы, съ которыми онъ читалъ намъ молитвы предъ пріобщеніемъ Св. Таинъ или говорилъ поученіе по пріобщеніи, трепеща и плача за прегрѣшенія юности нашей, эти трогательныя общецерковныя молитвы за опасно-больныхъ питомцевъ, которыя онъ возносилъ съ чувствами самаго вѣжнаго отца — сколько подобныхъ проявленій религіозности его — самою глубокою, жпвой, пламенной и дѣятельной! Эту-то религіозность онъ всемѣрно старался возжечь и въ насъ; для религіи и религіею онъ старался воспитывать насъ. И какое дивное сочетаніе въ этой невинной душѣ ума и религіозности, религіозности самой разумной, осмысленной, вошедшей во всю глубину жизни и полноту духа хри-

стіанства, и ума, очищеннаго, окрыленнаго и одухотвореннаго богомысліемъ и молитвою. Вотъ отъ кого поучиться-те будущимъ дѣтелямъ духовной науки этому дивному сочетанію научной и религіозной дѣятельности—особенно въ виду повсемѣстнаго упадка религіи и господства матеріальныхъ интересовъ! О, еслибы и наше будущее служеніе наукъ и воспитанію было также безукоризненно, чисто и честно, стояло бы выше мелкихъ интересовъ житейскихъ, было бы по преимуществу служеніемъ Слову Божію, одушевлено было бы духомъ вѣры и благочестія и въ нихъ—въ вѣрѣ и благочестіи поставляло бы свою жизненную цѣль, находило бы высшую отраду и наслажденіе, и направлено было бы главнымъ образомъ къ возвращенію вѣры и благочестія въ себѣ и другихъ! И какъ намъ не проникнуться этимъ благодатнымъ, религіознымъ духомъ, обитавшимъ въ мудромъ наставникѣ нашемъ, какъ не подражать научнымъ и воспитательнымъ его подвигамъ, въ которыхъ выразился этотъ духъ по преимуществу. Подъ этимъ только условіемъ подражанія мы будемъ достойными его учениками, наша духовная жизнь будетъ плодомъ его жизни, и, по отшествіи его въ вѣчность, не прекратится духовная связь между имъ и нами. О, да дастъ намъ Господь отъ живущаго въ немъ духа вѣры и благочестія!

Съ живою и пламенною религіозностію совмѣщался въ покойномъ цѣлый рядъ нравственныхъ совершенствъ: ею они насыщались и возвращались. И что за чудный этотъ духовно-нравственный обликъ его! Ни на минуту не покидала его заботливость о томъ, чтобъ быть достойнымъ сосудомъ благодати и ни словомъ ни дѣломъ не уронить своего достоинства. Съ колоссальнымъ умомъ «ухищреннымъ во всяцѣи книжнѣи премудрости», соединялось дѣтски незлобивое, младенчески-довѣрчивое, невинно-простодушное сердце. Несравнимый мудрецъ удивительно походилъ на тѣхъ невинныхъ евангельскихъ дѣтей, о которыхъ сказалъ Спаситель: «тацѣхъ бо есть царствіе небесное». Весь онъ былъ кротость, чистосердечіе, подвижническое самоотверженіе, простота и смиреніе, въ которыхъ и заключалось истинное его величіе! И это все съ поразительною яркостію отражалось во внѣшнемъ его видѣ: въ добродушномъ привѣтливомъ лицѣ, въ величественной, но преждевременно возможденной и убѣленной сѣдинами фигурѣ тѣла, а главное въ яр-

кости и пронзительности взора, въ которыхъ свѣтились ясность сознанія и пронзительность души. Этотъ быстрый и пронзительный взоръ, потому мѣрность въ поступи и во всѣхъ движеніяхъ, постоянная обдуманность мысли и слова въ разговорѣ, возвышенность мысли и чувства, занятыхъ небомъ, вѣчностію... Всегдашняя озабоченность дѣлами служенія и какъ бы написанное на лицѣ его ожиданіе отъ всякаго, желавшаго бесѣдовать съ нимъ, дѣла и одного только дѣла,—при необычайной остротѣ ума и вѣткости слова,—все обличало въ немъ крѣпкую нравственную силу, глубокую сосредоточенную натуру, возвышенный благородный характеръ; все внушало къ нему безграничное уваженіе всякому, кто хоть въ первый разъ въ жизни видѣлъ его, но уваженіе безъ страха. Онъ былъ тихъ, привѣтливъ, ласковъ и любовенъ, «яко Ангель Божій». Мы впрочемъ не усиливаемся перечислять его нравственныя доблести и внѣшнія обнаруженія ихъ; не станемъ говорить о его ангельской добрѣтели дѣвства, евангельской и отшельнической нестяжательности, не оставившей по смерти ничего, кромѣ книжнаго стяжанія. Изъ безчисленныхъ нравственныхъ его совершенствъ мы уважемъ для подражанія нравственно-воспитательныя отношенія его къ намъ. Вотъ предъ нами тотъ начальствующій, который, по слову Евангелія, сдѣлался яко всѣмъ служай, вотъ тотъ старѣйшій, который хотѣлъ быть мнѣйшимъ изъ всѣхъ. Всякому изъ насъ, всѣмъ и всегда онъ готовъ былъ служить. Ту помощь и руководство, которыя онъ оказывалъ намъ въ научныхъ работахъ и о которыхъ такъ много говорено уже было и писано,—могутъ оцѣнить только тѣ, которые безъ нихъ поставлены будутъ въ безвыходное положеніе, о нихъ горько пожалѣютъ тѣ наши преемники, которые безъ него останутся иногда совершенно безпомощными. Въ матеріальной нуждѣ каждому готова была безотлежная и нерѣдко предупредительная помощь.—Чужестранецъ ли какой, или сирый изъ своихъ поступалъ въ школу,—во всѣхъ онъ бывало пріютить, обласкаетъ, ободритъ участливыми распросами. Замѣчалъ ли на чьемъ лицѣ мрачную скорбь, горе,—поразговорится, пораспроситъ, и—свѣтло и отрадно станетъ у тебя на душѣ и «не исцѣленъ отъ него неотыдеши». Заболѣвалъ ли кто серьезно,—онъ постышитъ окружить больного такимъ вѣжливымъ участіемъ, что родной отецъ и мать уга-

дали бы въ немъ свои родительскія чувства. Всегдашній почти затворникъ онъ никуда такъ часто не ходилъ, какъ въ нашу больницу, внося въ нее всѣмъ отраду и утѣшеніе. Въ обычныхъ его сношеніяхъ съ нами, въ разговорахъ на дому какаа была простота и откровенность и вмѣстѣ какаа трогательная величественность и безпримѣрная любвеобильность! Откровенность заставляла тебя раскрыть предъ нимъ всю душу; величественность, неизбѣжно присущая его великой благородной душѣ и сану внушала къ себѣ безпредѣльное уваженіе; любвеобильность совершенно покорала себѣ сердца: въ его присутствіи то забываешься и думаешь, что говоришь съ глазу на глазъ съ самимъ собою, то вдругъ охватываетъ тебя чувство благоговѣнія и наконецъ, склоняя голову предъ благословляющею десницею, лобызаешь ее какъ святыню, весь стараешься любовію къ нему. Да, мы не знаемъ, чьи начальническія отношенія могутъ быть болѣе одушевлены такою любовію, снисходящею къ каждой нуждѣ и положенію подчиненныхъ, живущею и ихъ печалами и радостями и вознаграждаемою взаимною ихъ любовію. — При такой любви, въ воспитательномъ вліяніи его на насъ, ему не было нужды прибѣгать къ мѣрамъ устрашенія, угрозамъ и прещеніямъ, не нужно было имѣть даже и излишней бдительности надзора. Правда, онъ за всѣмъ слѣдилъ; все зналъ, что дѣлалось среди насъ, но слѣдилъ всегда тихо и незамѣтно, съ почительностію друга и отца. Каждый зналъ, что все дѣлалось здѣсь отъ его имени, всякій ощущалъ на себѣ его всепроникающую силу, чувствовалъ себя въ его незримомъ присутствіи и — никто не тяготился излишествомъ дозора. Въ воспитательномъ все покоряющемъ вліяніи его много значилъ собственный примѣръ его жизни, который краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ словъ воучалъ насъ всему доброму и возвышенному. — Но, главное, воспитательный строй создала и устроила та же любовь: извѣстно, что имѣтъ крѣпче и зиждительнѣе силы, какъ сила любви. Она тверже и устойчивѣе не только всѣхъ земныхъ, но и духовныхъ высшестественныхъ силъ: пророчествъ, чудесъ; ее не сокрушитъ ни время, ни смерть. А если такъ тверда и зиждительна любовь, то всякое слово и мѣропріятіе, исходящее изъ его любви и принимаемое нашею любовію, должноствовало быть живо и дѣйственно: оно имѣло сугубую жизненную силу и сейчасъ же

переходило въ дѣло, въ жизнь. Если такъ твердо и зрѣдительно любовь, то духовный и нравственный союзъ, который во имя ея устанавлился между нимъ и нами, долженствовалъ быть также крѣпокъ и нераздѣленъ. Въ силу этого завѣтнаго, священнаго союза всякое слово и намекъ его любви къ намъ имѣли для насъ характеръ нравственнаго обязательства, котораго нельзя было не исполнить. Оттого каждое слово его было для насъ завѣтною святынею. Наконецъ эта любовь, сроднявшая насъ съ нимъ въ духѣ, въ мысляхъ и сердцахъ, соединявшая насъ съ нимъ въ одно нравственное существо, и внушенная ею безусловная наша довѣренность къ нему, — нудила и располагала насъ къ исполненію каждаго ея мановенія, каждаго желанія, потому что это желаніе его было уже нашимъ собственнымъ желаніемъ, за которымъ слѣдовало наше наслажденіе и благо. — Нельзя сказать чтобъ эта пламенная и ревнующая о нашемъ благѣ любовь никогда не омрачалась, не оскорблялась, и не раздражалась обличеніями при видѣ нашихъ проступковъ и прегрѣшеній; но нужно было видѣть эти сердечныя огорченія, трогательныя обличенія и сопровождающія ихъ искреннія горькія слезы: ему отъ нашихъ преткновеній было гораздо больнѣе, чѣмъ намъ. И мы не знаемъ, нашлась ли хоть одна черствая душа, которая при видѣ столь возмущенной его нравственной чистоты сама не потряслась бы всѣмъ существомъ, не содрогнулась бы своей преступности и, оплакавъ свое паденіе, не поспѣшила бы раскаяться и исправиться. И замѣчательно, что тѣ, которые испытали на себѣ подобное обращеніе, крѣпче привязывались къ нему, и теперь, во дни нашего общаго сиротства, болѣе другихъ чувствуютъ тяжесть и незамѣнимость потери. — Нужно ли говорить какъ много будетъ значить въ ожидающемъ насъ служеніи воспитанію дѣтей эта чудесная сила любви, всецѣло жертвующей собою для блага другихъ, помогающей имъ нравственно и матеріально, утѣшающей, ободряющей и ласкающей ихъ, живущей ихъ скорбями и радостями, поучающей ихъ всякому добру собственнымъ примѣромъ жизни и въ воспитательномъ своемъ вліяніи опирающейся на мѣры кроткія, предотвращающія и только въ крайнихъ случаяхъ на устрашающія и карающія, и — наконецъ растворяющей обличенія и наказанія собственными сокрушеніями и страданіями? Въ этой-то чудной силѣ любви и

заключается вся тайна обаянія нашего на другихъ, весь усѣихъ воспитательнаго вліянія.— Въ печальное нынѣшнее время осудѣнія истинной любви, какъ не позаботиться намъ объ усвоеніи себѣ того превзыбчествующаго духа любви, который украсилъ Господь почившаго! Соединимся съ нимъ вообще духомъ вѣры, молитвы, богомыслія и любви и какъ здѣсь онъ былъ отцемъ всѣхъ насъ, такъ будетъ предстателемъ нашимъ предъ Отцемъ Небеснымъ.

Свѣти намъ, великій учитель, свѣтомъ вѣры и теплотою любви возгрѣвай въ насъ духъ молитвы и любви, который ты воспламенялъ въ насъ здѣсь. Мы вѣруемъ и уповаемъ, что «святые и пресвѣтлыя Ангелы», къ которымъ въ минувшій день предстала твоя чистая душа, примутъ ее въ горніа свои обители, что въ сообществѣ ушныкъ силъ, пламенныхъ Херувимовъ и во свѣтъ лица Божія твоей превзыспренній умъ проникнетъ въ нѣвыя недовѣдомыя прежде области вѣдѣнія, что пламенно любящій духъ твой еще болѣе воспламяетъ любовію. Дажь же намъ отъ твоего сугубо просвѣтляемаго и очищаемаго духа! просвѣщай и освещаай насъ съ высоты горняго міра, какъ ты свѣтилъ и путеводилъ намъ здѣсь. Аминь.

С Л О В О

въ 20-й день произнесенное приватъ-доцентомъ Н. И. Лебедевымъ.

Стяжите любовь, яже есть союзъ совершенства (Кол. 3, 14).

Не съ тѣмъ предстою я теперь предъ вами, благочестивые слушатели, чтобы неискуснымъ словомъ немилъ вызвать ваше воспоминаніе о почившемъ и побудить васъ почитать не достоинству память его. Приоутствие ваше въ храмѣ Божіемъ доказываетъ, что вы его помните; да въдъ и неволья его забыть. Свѣдѣніа, имъ посвѣяныя, необходимо должны расти и приносить плодъ. При очень многихъ вопросахъ богословія и исторіи, вы, по необходимости, вспоминаете о немъ, читая его труды. Перебарите

большую часть книгъ въ библіотекѣ: вы часто встрѣтите тамъ записку, опроверженіе или подтвержденіе мысли, одѣланныя имъ. Духъ его живъ въ нашемъ училищѣ; все дышетъ его умомъ, обнаруживаетъ его мысли; складъ нашихъ занятій, взаимныя отношенія—все это носитъ слѣды его вліянія, такъ что еслибы мы и закотѣли, мы все же не можемъ его забыть. Великій нерукотворный памятникъ воздвигъ онъ себѣ и не заростетъ къ нему наша тропа. Память праведника чувствуется похвалами. Высокія доблести почившаго, выставляемыя въ словѣ, выражаютъ нашу благодарность за доблестную жизнь и вызываютъ скорбь и печаль по невознагражденной уtratѣ его. И не съ этою цѣлю являюсь къ вамъ нынѣ съ словомъ молитвы. Церковные витѣи уже ранѣе изобразили вамъ высокія духовныя совершенства почившаго, которыя вы знаете и по собственному личному опыту. Искренняя ваша скорбь по почившемъ не только не требуетъ возбужденія, но необходимо ее умирять. Правда, не было бы ни излишнимъ, ни ненаждаемымъ снова возстановить предъ вами образъ усопшаго. Какъ дѣтя не устаютъ лепетать имя матери, такъ и мы, взрослые дѣти новопреставленнаго, не устаемъ и не отяготимся, слыша о своемъ отцѣ. Вы знаете, какъ часто и долго смотримъ мы на изображенія дорогихъ для насъ, но удалившихся отъ насъ существъ, и чѣмъ больше рассматриваемъ дорогія черты, тѣмъ больше смотрѣть на нихъ хочется. Съ другой стороны—продолжительная жизнь нашего отца и учителя и его многообразная дѣятельность — такой неисчерпаемый предметъ, о которомъ можно написать нѣсколько не словъ, а книгъ. Но мнѣ болѣе утѣстнымъ кажется спросить теперь, какими средствами, какими путемъ достигъ почившій той высоты духовныхъ совершенствъ, которымъ мы такъ изумляемся, и которыхъ мы не можемъ достигнуть даже и частицы, несмотря на все наше желаніе?

Трудная это задача. И не ожидайте отъ меня, чтобы я слабыми силами молитвы могъ возстановить передъ вами процессъ развитія высокой души до того совершенства, по которому она можетъ быть названа совокупностью (союзъ) совершенствъ. Не только скрытая жизнь души почившаго намъ неизвестна, но и высшія условія ея развитія мы знаемъ мало. Не будетъ ли поэтому самоничтожно и горделиво принимать на себя непосильный трудъ?

Не наше слабое слово, глѣть, наше отвѣтъ на затрудняющій насъ вопросъ мощное слово апостола:

«Стяжите любовь, яже есть союзъ совершенства». Понятно вполне для нашего ума, что любовь есть основа совершенства нравственнаго въ тѣсномъ смыслѣ (Рим. XIII, 10). Но починаній не эту только стороною своего выскакаго духовнаго существа представлялъ давно невиданное явленіе. Не менѣе поражаетъ и многообъемлемость и совершенство его познанія,—сфера, совершенно отличная отъ нравственной. Неужели чисто нравственное чувство любви и въ сферѣ познанія также источникъ совершенства, какъ и въ области нравственности? Отвѣтъ на это можно дать только утвердительный. Этой именно любви, составлявшей основу и внутреннее, существенное содержаніе его нравственнаго существа, нечуждый обязанъ быть и высокою своею духовнаго просвѣщенія и совершенствомъ своего познанія.

Остановимся же мыслию, высокопроевѣденные слушатели, на этомъ понятіи о любви, какъ условіи совершенства познанія.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что любовь, беззаветная и безкорыстная, къ знанію—есть самое высшее и надежнѣйшее побужденіе къ многообъемлемости и совершенству знанія. За исключеніемъ любви къ знанію—въ смыслѣ знанія научнаго—побужденіями къ научной дѣятельности могутъ быть или желаніе славы, извѣстности, популярности, или стремленіе къ обогащенію; а иногда научная дѣятельность бываетъ прелесть средствомъ существованія. Нельзя отрицать, что и эти побужденія приводятъ иногда къ хорошимъ и важнымъ научнымъ пріобрѣтеніямъ. Но они не заставляютъ человѣка стремиться къ внутреннему совершенству познанія. Ученая слава часто пріобрѣтается не дѣйствительнымъ достоинствомъ познаваемаго, а сообщеніемъ того, что нравится. Разрабатываемая подъ этимъ побужденіемъ, наука ставится подъ вліяніе расположеній и вкусовъ массы, хотя бы и ученой, а внутреннее ея достоинство не необходимости остается при этомъ въ тѣнѣ. О стремленіи къ обогащенію, какъ побужденіи къ знанію, едвали нужно и говорить. Научная дѣятельность тѣмъ особенно и благородна, что она очень не благодарна, за исключеніемъ тѣхъ сферъ науки, которыя имѣютъ непосредственное житейское приложеніе. А если дѣйствительно многіе пріобрѣтаютъ себѣ средства существованія

научнымъ трудомъ, то это по большей части случается только подъ условіемъ любви къ наукѣ. Не суетное желаніе славы, не стремленіе къ обогаченію производятъ великія научныя открытія, а самоотверженіе въ пользу науки, любовь къ ней. Побудить ли слава или богатство удалиться на крайній сѣверъ и жить среди льдовъ; подъ постоянною опасностію лишиться жизни отъ холода и голода,—или въ раскаленную южнымъ солнцемъ степь съ постоянной опасностію потерять жизнь отъ зноя и жажды? Что побуждаетъ научнаго дѣятеля переносить бури моря, перемены климата, опасности отъ звѣрей и людей въ мѣстахъ дикихъ? Что заставляетъ человѣка, достойнаго по своимъ духовнымъ дарамъ занять высокое мѣсто среди людей и имѣющаго право на богатую жизнь и ея удовольствія, завертѣться въ омырей и грязной комнатѣ съ своими книгами, и больному и бѣдному— умереть въ общественной больницѣ, не оставивъ ничего себѣ даже на погребеніе ¹⁾? Подобная же любовь къ познанію отличала и почившаго. Никогда не искалъ онъ ученой славы—и если имя его такъ знаменито, то только потому, что не можетъ укрыться городъ, столицей на верху горы и свѣтлыиикъ не можетъ не свѣтить (Мѡ. V, 14, 15). Онъ отказался для знанія отъ радостей житейскихъ и семейныхъ, отъ высшаго, чѣмъ онъ занималъ, общественнаго положенія и цѣлѣва превелъ въ 4-хъ стѣнахъ, съ своими книгами, оставляя ихъ только для богослуженія или по крайней надобности. Въ этой его любви къ наукѣ, беззавѣтной и безкорыстной преданности ей и нужно искать не только источникъ многообъемлемости и совершенства его личнаго знанія, но и причину его глубокаго вліянія на возбужденіе этой любви въ другихъ. Особенно сильно дѣйствовалъ онъ этою безкорыстною и всецѣлою любовію къ знанію на юношество. Его громадная ученость удивляла, его заслуги вселяли къ нему уваженіе, добродѣтели его заставляли вѣрить въ его святость, но что особенно привлекало къ нему юношество, такъ это именно указанная нами черта. Вы, вѣроятно, помните, съ какими мыслями вой мы выходили изъ семинаріи, какъ мечтали мы о достиженіи самой высшей степени знанія, какое только возможно

¹⁾ Въ этомъ изображеніи я разсуживъ друга и сотрудника почившаго К. И. Невоструева.

при средствах высшего учебного заведения. Мы готовы были и на лишения... Здѣсь встрѣчалъ идею нашу будущій учитель и не разрушалъ нашей мечты, но прищипромъ своего самоотверженнаго служенія знанію поддерживалъ въ насъ увѣренность, что и нашу идею знанія можно быть достигнуто. Умеръ онъ теперь... и вмѣстѣ съ этимъ, можно сказать, не опасаясь впасть въ поэтическое преувеличеніе, скрылась наша путеводная звѣзда и померкла слава и краса нашей alma mater... Не дорогой прахъ усопшаго недалеко отъ насъ... Онъ положенъ на мѣстѣ вашихъ прогулокъ. И вотъ, когда утомленная продолжительной работой голова потребуетъ движенія и свѣжаго воздуха: выходите въ садъ, а лѣтомъ убирайте цвѣтами мѣсто его погребенія. Видъ могилы великаго подвижника имела и знанія дастъ вамъ новую энергію къ продолженію вашихъ трудовъ, а украшеніе могилы учителя разовьетъ самыя высшія, самыя звѣчныя и благороднѣшнія струны вашей души.

Доселѣ мысль наша, опредѣляя значеніе любви въ дѣлѣ познанія, скользила, такъ сказать, только на поверхности предмета, указывая внѣшнее отношеніе любви къ познанію, какъ побужденія къ нему. Изъ преддверія храма войдемъ теперь въ самый храмъ и мы увидимъ, какъ и самыя предметы христіанскаго познанія не могутъ быть повлечены нами безъ любви. Мы остановились только на тѣхъ предметахъ, изученіе коихъ составляло преимущественную славу многоученнаго покойнаго: на ботевѣдѣніи и наученіи судьбы царства Божія на землѣ.

Слова Спасителя суть духъ и жизнь (Іоанн. VI, 63). Преновѣдъ апостоловъ состояла не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. II, 4). Знаніе и жизнь въ христіанствѣ нераздѣльны. Знаніе для того, чтобы быть живненимъ, должно быть не результатомъ одного только разсудочнаго усвоенія, а живаго внутренняго опыта. И если оно такимъ именно образомъ усвоено, то оно не можетъ уже не проявляться и въ соответственной практической дѣятельности. Грѣшный челоуѣкъ, въ силу своей грѣшности, чувствуетъ безпомощство совѣсти, онъ обращается съ молитвою къ Богу, общается ему въ установленныхъ въ церкви таинствахъ и чувствуетъ, что внутреннее бремя и тягота не въ снѣгахъ съ него, что долгъ его передъ требованіями правды и добра, въ немъ

самомъ демонами, но и въ оскорбленными, уплачено, что за него принесена жертва. Такъ является понятіе искупленія. Можно составить себѣ понятіе объ искупленіи изъ книги, но это не будетъ истинное, жизненное знаніе, которое и не будетъ поэтому совершаться въ жизни никакими послѣдствіями. Безконечно оскорбленная правда и добро въ лицѣ Бога требуютъ безконечнаго удовлетворенія, которое можетъ дать только безконечный же Богъ. Для холоднаго ума здѣсь является противорѣчіе и разумомъ идея искупленія не можетъ быть усвоена. Но она усвоется и всѣ недоумѣнія разрѣшаются при представленіи безграничной и безконечной любви, для которой не составляетъ противорѣчія принести и безконечную жертву. Внутренній жизненный опытъ и любовь, какъ источникъ христіанскаго познанія, имѣютъ силу не только по отношенію къ практическимъ вопросамъ христіанства, но и къ тѣмъ, которые принято считать отвлеченными. Таково напр. общее понятіе о Богѣ и отношеніи его къ міру. Предметъ этотъ во всѣ времена былъ самымъ существеннымъ предметомъ философскаго богопознанія и особенность всѣхъ вообще рѣшеній его, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, состоитъ вообще въ томъ, что понятіе о Богѣ являлось именно только мертвымъ, отвлеченнымъ настроеніемъ ума, а отношеніе Бога къ міру понималось или какъ полное отрицаніе этого отношенія, или какъ сліянiе Бога и міра. Христіанское понятіе о Богѣ то, что онъ *любовь есть* (1 Іоан. IV, 7, 16). Какъ же мы можемъ теперь не только узнать, но и внутреннимъ опытомъ, такъ сказать, извѣдать это понятіе, какъ не развитіемъ въ самихъ себѣ чувства любви? Мы не имѣли бы никакаго представленія о радости напр., когда бы увидѣли выраженіе ея въ другомъ, еслибы сами не испытывали радости. Точно также только внутренній опытъ, развитіе въ самихъ себѣ любви дастъ намъ понятіе о Богѣ, который есть любовь; и чѣмъ выше, чѣмъ разностороннѣе будетъ наша любовь и ея приложенія, тѣмъ легче намъ возможно будетъ представить любовь безконечную, безграничную, которая для насъ недоступна. Питая и развивая въ себѣ любовь, человѣкъ совершаетъ дѣятельность, подобную той, которая составляетъ существеннѣйшее выраженіе божественной жизни. Поэтому ничто и не поставяетъ человѣка въ такую близость къ Богу, ничто такъ не единитъ съ нимъ, какъ любовь. «Любяй Мя»,

говорить Спаситель, «всезлюбивъ будетъ Отцомъ Моимъ и Авъ всезлюблю его и явлено ему Самъ» (Іоан. XIV, 21). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Господь: «къ нему» (къ любящему) «придемъ и обитель у него сотворимъ» (Іоан. XIV, 23). «Пробывавъ въ любви, въ Божѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ» (1 Іоан. IV, 16). Познаніе Бога, вълѣдствіе внутренняго ощущенія его дѣйствія на насъ, его близости къ намъ, какъ плодъ любви къ Богу, и будетъ тѣмъ, истинно христіанскимъ, а не разсудочнымъ, мертвымъ, представленіемъ живаго Бога. «Всакъ любящій отъ Бога рожденъ есть, и знаетъ Бога, а не любящій не познава Бога» (1 Іоан. IV, 7). Точно тоже начало любви лежитъ и въ основаніи отношенія Бога къ міру. Богъ есть Отецъ небесный, пекущійся не только о разумныхъ существахъ, но и о малыхъ птичкахъ (Мт. VI, 26; X, 29). Нужно обладать въ высшей степени тонко развитымъ чувствомъ любви, чтобы усвоить и сдѣлать въ душѣ своей жизненнымъ такое поиміе о Богѣ. Построенія человѣческой мысли, запутывающія умъ на противорѣчіяхъ при опредѣленіи отношеній безконечнаго и конечнаго — разрѣшаются опять въ религіозно-нравственной области, въ представленіи Бога, какъ любви, какъ небеснаго Отца. Еслибы нужно было послѣ авторитета божественнаго обращаться еще къ какимъ нибудь другимъ, то я могъ бы напомнить вамъ объ одномъ изъ величайшихъ гениевъ челоѣчества, который выводилъ религіозную истину изъ нравственныхъ требованій разумныхъ существъ, хотя мы и не можемъ раздѣлять всѣхъ крайностей его воззрѣнія. Намъ кажется, что именно такое жизненное усвоеніе содержанія христіанства, причемъ познаніе его являлось слѣдствіемъ внутренняго опыта, и давало почившему необыкновенную силу убѣжденія въ истинахъ христіанства и силу его слову, которое не могло уже быть звѣнящею мѣдью и звучащимъ кимваломъ (1 Кор. XIII, 1). Полная гармонія умственнаго и религіозно-нравственнаго, равновѣсіе силъ, при одинаково совершенномъ развитіи умственной и нравственной стороны вотъ, намъ кажется, въ чемъ состоитъ тайна необыкновенной высоты и такъ сказать, цѣльности души почившаго и силы его вліянія.

Другимъ преимущественнымъ предметомъ занятій почившаго было изученіе исторіи царства Вошіа на землѣ.

Изученіе судебъ челоѣчества—это не изученіе мертвой фи-

зической природы. Если такъ мы встрѣчаемся съ мертвыми предметами, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ людьми, бывшими живыми. Ихъ мысли и дѣятелія, ихъ радости и страданія, великія дѣствія и низкія, дурныя и хорошія—все это составляетъ предметъ изучающаго судьбу человѣчества. Уже въ самомъ стремленіи изучать прошедшее человѣчества лежитъ широкое чувство любви къ нему, чувство, на которому дороги для насъ все даже малѣйшія проявленія человѣческой мысли и дѣятельности. Но такъ какъ исторія имѣетъ дѣло съ широкимъ свободнымъ и нравственнымъ, то и трудно въ ряду наукъ найти другую, въ которой бы сильнѣе отражалась собственная личность изслѣдователя, чѣмъ исторія. Сколько бы ни говорили о безпристрастномъ изученіи исторіи, оно на самомъ дѣлѣ никогда такимъ не бываетъ. Собственные религиозные, нравственные и политическіе идеалы изслѣдователя, даже его простыя симпатіи и антипатіи отражаются на историческомъ изслѣдованіи и придаютъ ему своеобразный цвѣтъ. Возьмемъ для примѣра исторію христіанства. Неодинаково напишутъ ее православный, протестантъ и католикъ. Простая нелюбовь къ извѣстному народу (не какъ послѣдствіе изученія его исторіи) заставляетъ изслѣдователя не видѣть въ исторіи такого народа ничего свѣтлаго; личности, считающіяся народными героями, разивичиваются: вмѣсто самоотверженнаго народнаго вождя, приглашающаго продать за отечество женъ и дѣтей, является нечестный чловѣкъ, пользующійся народнымъ бдствіемъ для собственнаго обогащенія; вмѣсто героя—кнзя, раненаго въ битвѣ за вѣру и отечество, является трусъ, скрывающійся во время битвы подъ деревомъ. Судъ историческій требуетъ такой же точно любви къ человѣчеству, какъ и судъ обыкновенный; для того, чтобы быть безпристрастнымъ, нужно умѣть правильно судить о другѣ и врагѣ и о послѣднемъ съ возможно большею снисходительностію. Такимъ образомъ безпристрастіе историческое условливается широкою любовію къ людямъ, несмотря на различіе ихъ вѣры, національности и т. д. Нужно быть самому благороднымъ, чтобы понять благородное дѣствіе, иначе исторія превратится въ игру страстей, своекорыстія, низостей. Для доказательства этой мысли я могъ бы указать на извѣстнѣйшихъ современныхъ философовъ, которые, при стремленіи сдѣлать исторію наукою положительной, все же

требуютъ отъ нѣслѣдующаго судьбу человѣчества высокаго нравственнаго развитія. Высшая духовная мудрость почившаго, его любовь къ людямъ произвели то, что въ сужденіяхъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ онъ всегда воздавалъ всѣмъ должное. Онъ не скрывалъ отъ себя темныхъ сторонъ даже такихъ учреждений, которыми онъ сочувствовалъ; не скрывалъ онъ и достоинства разномыслящихъ и иномыслящихъ. Премо въ глаза смотрѣлъ онъ исторической правдѣ и никогда не боялся ея. Чувство любви къ людямъ и вѣра въ ихъ достоинство побуждали его находить некру Божию и тамъ, гдѣ другой просмотрѣлъ бы ее.

Будучи въ высшей степени умѣреннымъ въ своихъ сужденіяхъ объ отступившихъ отъ чистоты вѣры, почившій въ тоже время въ своихъ историческихъ трудахъ отличался самою горячею любовью къ православной церкви и глубокою вѣрою въ почивающую на ней благодать Св. Духа. Лица и событія прошедшаго никогда не были для него только простыми предметами умственнаго изученія. Великіе дѣятели православія и постоянное терпѣніе истины среди борьбы, смуть и волненій служили для него живыми доказательствами благодати Божіей, почивающей въ церкви. Любовь къ Богу побуждала его слѣдить за промыслительною дѣятельностію Его въ церкви. Лица исторіи—святые мужи древности—разсматриваемы были имъ какъ органы благодати Св. Духа, коихъ дѣянія должны служить постояннымъ образцомъ для вѣрующихъ. До какой степени тѣсно родились онъ душою съ предметами своихъ изслѣдованій—это доказываетъ собственная его личность. Жизнь его въ такой степени представляетъ выдающееся явленіе среди современной жизни, что для отысканія ей подобія, мысль какъ-то невольно обращается къ давно минувшимъ временамъ сѣдой старины, когда жили и дѣйствовали Афанасій, Василій, Григорій, усвоившіе себѣ, какъ и почившій, всѣ сокровища вѣншей мудрости и посвятившіе ихъ Христу, отказавшіеся для Него отъ высшихъ житейскихъ удовольствій и печестей. Такъ благоговѣнная любовь къ созерцанію путей промысла Божія въ царствѣ Божіемъ и къ Святымъ Божіимъ, какъ носителямъ благодати Св. Духа, заставлявшая почившаго смотрѣть на дѣло историческаго изученія, какъ на дѣло священное,—вотъ причина высокаго совершенства его историческихъ трудовъ.

Апостолъ заповѣдуетъ, благочестивые слушатели, подражать наставникамъ нашимъ (Евр. XIII, 7). Почившій своею жизнію и дѣятельностію представилъ намъ живой примѣръ оправданія словъ того же апостола о любви, какъ средствѣ достигнуть всѣми нами желаемаго и всѣми искомаго совершенства. Онъ завѣщалъ намъ любовь къ Богу, къ церкви, къ людямъ, къ знанію. Подражая ему въ этомъ, мы сплетемъ самый лучшій вѣнокъ на могилу его и воздвигнемъ ему самый лучшій нерукотворный памятникъ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ГОДИЧНАГО ПОМИНОВЕНІЯ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА И ВЪ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ПО КОНЧИНѢ О. РЕКТОРА МОСК. ДУХ. АКАДЕМІИ ПРОТОІЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГОРСКАГО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ СТУДЕНТОМЪ III КУРСА М. МУРЕТОВЫМЪ.

Почи духъ Иѳи на Елиссее (4 Цар. 2, 15).

Если эти слова вызываютъ въ нашемъ умѣ образъ пророка, сильнаго словомъ и дѣломъ, и его великаго ученика, то память о нашемъ возлюбленномъ отцѣ, въ настоящій день въ особенности, невольно уноситъ нашу мысль къ великому іерарху церкви русской—Филарету и его отношеніямъ къ его приснопамятному питомцу. Если ученикъ великаго пророка, при трогательной разлукѣ съ любимымъ наставникомъ, просилъ у него: «да будетъ убо духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ» (4 Цар. 2, 9), и вмѣстѣ съ милотью дѣйствительно получилъ этотъ духъ, то духъ великаго іерарха осѣнялъ мысли и дѣйствія въ Бозѣ почившаго отца нашего и былъ для него всегдашнимъ, достойнымъ подражанія, образцомъ и руководителемъ. Подъ вѣянiемъ этого духа воспитались обширныя умственные дарованія покойнаго, и мудрость достойнѣйшаго ученика всегда во смиреніи преклонялась предъ великимъ умомъ великаго учителя и съ готовностію отдавалась его руководству. Этотъ духъ учителя руководствовалъ ученика въ его вѣрѣ, его учительствѣ, его богословствованіи,

ревности о православіи и наконецъ — въ частной жизни и ученыхъ работахъ. И великій архипастырь, видя въ своемъ питомцѣ отраженіе могучихъ силъ своего духа, отзывалъ ему полною взаимностію любви и уваженія. Если по вѣществу Иліи на небо его духъ почилъ на Елисеѣ, то и смерть великаго архипастыря соединила съ нѣмъ его ученика еще болѣе тѣсными духовными узамъ. Въ глубинѣ своей души, какъ дорогую святыню, хранилъ онъ слова и мысли великаго учителя; до послѣднихъ минутъ его жизни они составляли для него предметъ самыхъ отраднѣхъ воспоминаній и домашнихъ бесѣдъ съ другими. Какъ ученики Елисея, изумленные великостію его дѣла, сказали: «почи духъ Иліинъ на Елисеѣ», и мы, какъ питомцы нашего незабвеннаго наставника, скажемъ: духъ великаго іерарха церкви русской почилъ на его великомъ и достойнѣйшемъ ученикѣ.

Что же это за духъ? Въ чемъ проявился онъ и какіе плоды его? То—духъ глубокаго убѣжденія въ истинѣ Христа, духъ пламенной ревности о православіи; духъ благодатнаго и сильнаго слова учительскаго; духъ подвижничества и высокой чистоты нравственной.

Педъ вѣліемъ духа великаго архипастыря обширныя дарованія пріснопамятнаго отца нашего, его немовѣрные подвиги научныхъ трудовъ и изысканій истины сосредоточены были около Того, кто сказалъ о себѣ: «Азъ есмь путь и истина и животъ» (Іоан. 14, 6). Христосъ для обоихъ учителей вѣры былъ единственной безусловной, достойною полнаго самоотверженія, истиной. Онъ былъ свѣтомъ, направлявшимъ и освѣщавшимъ всѣ научныя труды и работы ихъ; въ Немъ одномъ видѣли они единственный, надежный путь къ постиженію истины. Не отрицая такъ-называемыхъ наукъ свѣтскихъ, обладая большими познаніями въ нихъ, они однако же видѣли въ этомъ только подготовку къ постиженію и уразумѣнію истинъ божественныхъ, къ наукѣ объ Искупителѣ міра и вѣчной жизни человѣка. Пылывыи умъ Филарета, посвятившаго всю жизнь свою изученію и проповѣданію божественнаго слова и премудрости, обогащенъ былъ свѣдѣніями и въ другихъ наукахъ; любознательность почившаго въ Бозѣ отца нашего влекла его къ обширнымъ научнымъ трудамъ историческимъ, къ обогащенію себя свѣдѣніями изъ наукъ философскихъ и даже къ такимъ областямъ вѣдѣ-

ніа, которыя, повидимому, были очень далеки отъ его обычныхъ занятій. Но какъ въ жизни почившаго архипастыря и учителя онъ видѣлъ, «что отъ первыхъ дней и до послѣднихъ она была проникнута одною глубокою религіозною мыслию и чувствомъ» такъ и самъ всю жизнь свою и познанія направлялъ къ одной цѣли—къ одной истинѣ—Христу». «Великіе отцы, говорилъ онъ предъ многочисленнымъ собраніемъ людей науки, оставившіе въ своихъ писаніяхъ образъ вѣры и раскрывшіе догматы богословія, не почитали для себя униженіемъ заниматься и вопросамъ первоначальнаго обученія и классическимъ образованіемъ, все проникая одною христіанскою мыслию. Но все сіе изучивъ, продолжаетъ онъ, какъ бы о себѣ, словами Никомула, предавъ мысль мою божественному, буду изслѣдовать прекрасныя Его заповѣди, торжественно восходить къ свѣту и божественныя внушенія, кинувъ мѣриломъ жизни «чтобы, и домощникомъ и спутникомъ и вождемъ имѣя Христа, съ сладкими надеждами вознестись мнѣ отсюда». И «этотъ идеалъ высшаго образованія, начертанный рукою мудраго богослова»¹⁾, старался осуществить, по образцу своего учителя, нашъ мудрый покойный отецъ.

Съ ревностію древняго пророка израильскаго архипастырь Филаретъ неустанно охранялъ чистоту и неприкосновенность православія отъ вторженія въ церковь русскую неправославныхъ выслей. «Содѣйствуя распространенію и утвержденію здраваго ученія вѣры, говорилъ о немъ нашъ преспомянутый отецъ, надлежало ему и отстранять навѣваемыя духомъ времени внушенія неправомыслия. Являлись ли искушенія самообольщеннаго мудрованія проложить какіе-то свои пути ко внутреннему соединенію съ Богомъ, помимо царскаго пути, указуемаго церковію; являлось ли суетное желаніе отрицать все таинственное и сверхъестественное въ дѣлѣ вѣры и откровенія; являлось ли покушеніе, взятое съ примѣра чуждаго, заковать духъ вѣры въ мертвыя формы и такимъ образомъ всякое движеніе богословствующей мысли сдѣлать невозможнымъ: бдительный взоръ пастыря-богослова строго обличалъ уклоненія отъ истины православія».

¹⁾ Изъ рѣчи А. В. Горскаго, произнесенной во время празднованія юбилея м. д. академіи въ 1864 г.

Такъ понималъ и цѣнилъ почившій отецъ нашъ духъ строгой ревности архипастыря по вѣрѣ православной и самъ усвоилъ себѣ этотъ духъ своего учителя въ той же мѣрѣ и полнотѣ. И тѣмъ большее значеніе имѣла эта ревность, чѣмъ выше и важнѣе было призваніе и назначеніе вѣреннѣхъ его попеченіямъ будущихъ учителей вѣры. Глубокое убѣжденіе обоихъ учителей вѣры въ истинѣ православія побуждало ихъ строго охранять чистоту и неприкосновенность его учрежденій въ сношеніяхъ съ другими христіанскими обществами. Глубокое изученіе его духа и характера охраняли ихъ съ одной стороны отъ чрезмѣрной требовательности по отношенію ко всему инославному, а съ другой и отъ излишней уступчивости поспѣшнаго увлеченія желаннымъ миромъ и единеніемъ всего христіанскаго міра. Это глубокое пониманіе духа и силы православія выражалось наконецъ въ любви великаго іерарха и его ученика къ православному обряду и богослуженію. Если, по словамъ „почившаго отца нашего“²⁾, «благотѣпіе святыхъ храмовъ было отрадой души Филарета, если особенное вниманіе его было обращено на достойное присутствія Божія ходженіе въ храмъ и священнодѣйствіе служителей олтара», если минуты благоговѣйнаго священнодѣйствія онъ считалъ самыми отраднѣйшими минутами своей жизни, то мы были также свидѣтелями и очевидцами того, какъ глубокая назидательность и трогательность нашего богослуженія вдохновляли взоръ и рѣчи незабвеннаго старца, какое глубокое впечатлѣніе производило на присутствовавшихъ каждое священнодѣйствіе его и какимъ вѣяло оно благодатнымъ вдохновеніемъ.

Если духъ великаго пророка, почившій на его ученикѣ Елисеѣ, обнаруживался въ силѣ и властительности богодухновенной рѣчи древняго ревнителя ветхозавѣтной вѣры, въ его ревностномъ служеніи слову Іеговы, то по истинѣ въ великомъ святителѣ церкви русской нашъ покойный отецъ имѣлъ высокій образецъ достойнѣйшаго служителя Слова. Любовь учителя-архипастыря къ слову Божію, какъ неиссякаемому источнику глубокихъ мыслей и сильнаго слова, жила въ сердцѣ его достойнѣйшаго ученика до послѣднихъ минутъ его жизни; едва ли былъ хоть одинъ день, въ который онъ не посвящалъ бы себя бла-

²⁾ Изъ надгробнаго слова А. В. Горскаго митрополиту Филарету.

тоговѣнному чтенію сокровищницы божественныхъ словесъ и мудрости. Воспитавъ силу своего слова глубокимъ изученіемъ богодухновенныхъ писаній, оба учителя вѣры были способны глубоко понимать духъ и силу слова тѣхъ великихъ витій первенствующей церкви, которые образовались и воспитались подъ руководствомъ того же начала и даръ своего краснорѣчія въ изобиліи почерпали изъ того же источника. Воспитанная чтеніемъ и изученіемъ, кромѣ другихъ, въ особенности Богослова Григорія, рѣчь въ Бозѣ почившаго святителя русскаго глубиною и богатствомъ мыслей, глубокимъ проникновеніемъ въ таинства вѣры, пониманіемъ сокровеннаго смысла писанія напоминаетъ рѣчь этого великаго витія древней церкви. И нашъ приснопамятный отецъ глубоко цѣнилъ этотъ истинно отеческій даръ витійства въ своемъ великомъ учителѣ; видѣлъ въ немъ «богомудраго богослова и церковнаго витію, воспитавшаго свое слово на коренныхъ источникахъ христіанскаго вѣроученія и писанійхъ богопросвѣщенныхъ отцевъ греческихъ», удивлялся точности и краткости выраженій, спокойному теченію, глубинѣ и силѣ мыслей его слова, и самъ по этому образцу воспиталъ въ себѣ даръ духовнаго (церковнаго) витійства. Его проповѣдь вѣдетъ тѣмъ же спокойствіемъ, тѣмъ же, при краткости и точности выраженій, обиліемъ мыслей и ихъ глубиною, тѣмъ же спокойнымъ вдохновеніемъ, невозмутимостію твердаго убѣжденія въ истинѣ сказаннаго, тою же истинно отеческою властительностію и глубокимъ проникновеніемъ въ тайны божественнаго вѣроученія. «Въ его словѣ, скажемъ мы словами покойнаго отца нашего о своемъ великомъ учителѣ, слышится краснорѣчіе сердца, искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ дознавшаго ея силу». Нужно было видѣть на церковной кааедрѣ этого маститаго старца, съ спокойнымъ воодушевленіемъ проповѣдующаго глаголы божественные, нужно было слышать кроткій, но въ то же время властительный голосъ его, чтобы вполне понять и оцѣнить силу его учительнаго слова.

Духъ Иліи, кося въ сугубой мѣрѣ просилъ себѣ Елисей, проявился наконецъ въ строгомъ согласіи слова и дѣла, въ жизни, полной самоотверженія, подвига и лишенія, въ вспомоствованіи нуждающимся словомъ и дѣломъ, въ строгости, соединенной съ кроткою снисходительностію къ слабостямъ другихъ, въ пол-

ной нравственной чистотѣ, высокомъ подвижничествѣ и дѣвственной жизни. И этотъ духъ древняго ревнителя благочестія, обитавшій въ великомъ архипастырѣ церкви русской, почилъ и на его достойнѣйшемъ ученикѣ. Достоиню полнаго благоговѣнія это непоколебимое согласіе мысли и дѣла, ума и сердца, убѣжденій и жизни въ учителѣ и ученикѣ; изумительна ихъ полная нестяжательность, ихъ широкая благотворительность явная и тайная; ихъ самоотверженная готовность подавать словомъ и дѣломъ помощь всѣмъ, кто имѣлъ въ ней нужду. Высокая степень ихъ нравственнаго совершенства съ одной стороны, показывая имъ несоотвѣтствіе другихъ ихъ идеальному совершенству, вызвала въ нихъ строгую требовательность Иліи въ разсужденіи слабостей другихъ, но съ другой стороны свидѣтельство собственнаго опыта и размышленія о трудности достиженія совершенства на землѣ вносили кротость и снисходительность въ ихъ сужденіяхъ объ этихъ слабостяхъ. Замѣчательны въ обоихъ учителяхъ вѣры и духъ ихъ строгой и до аскетизма подвижнической жизни, напоминающей строгость жизни израильскаго пророка. Посвятивъ себя исключительно высшему, духовному служенію Богу, на попеченіе о тѣлесномъ и временномъ они удѣляли только самую незначительную часть своихъ попеченій. Отсюда въ жизни того и другаго отсутствіе всякаго излишества и довольство лишь самымъ необходимымъ; отсюда ихъ постоянное строгое постничество и дѣвственная чистота. Восхваляя «это духовное подвижничество архипастыря, какъ высшій цвѣтъ христіанской жизни» и самъ ведя подвижническую жизнь, покойный отецъ нашъ однакоже не былъ стѣсняемъ обѣтами иночества и можетъ быть, только въ этомъ одномъ жизни достойнѣйшаго ученика не согласовались съ жизнью его великаго учителя. Несмотря на желаніе и увѣщанія послѣдняго, несмотря на собственную любовь и благоговѣніе къ образу житія по чину ангельскому, аскетъ по жизни, приснопомытный нашъ отецъ воздерживался однакоже отъ произнесенія высокихъ обѣтовъ подвижничества. Глубокое смиреніе и сознаніе великости этихъ обѣтовъ nudило его въ этомъ случаѣ не согласовать свою жизнь съ жизнью любимаго имъ и уважаемаго учителя.

Таковы плоды духа великаго архипастыря, почившаго на его достойнѣйшемъ ученикѣ. Было ли это единство духа, это пол-

ное согласіе мыслей и жизни великаго іерарха и его великаго питомца въ послѣднемъ только простымъ подражаніемъ ученика, увлеченнаго высокою совершенства своего учителя? Нѣтъ, такое единство требовало обширнаго ума и мудрости нашего приснопамятнаго отца, его любящаго и сочувствующаго всему прекрасному, высокому и святому, сердца, силы и непреклонности его воли и характера. И потому не подражаніемъ только могло быть достигнуто оно, но одинаковостію внутренней природы учителя и ученика и сходствомъ ниспосланныхъ имъ отъ Бога талантовъ. Умственные и нравственные совершенства этихъ учителей вѣры не позволяютъ намъ въ разсужденіи ихъ идти дальше благоговѣйнаго сознанія ихъ недостигаемой высоты и величія; предѣлы этихъ совершенствъ такъ обширны, что они теряются въ необъятной для нашего умственнаго взора дали и дѣлаютъ для насъ невозможнымъ постиженіе ихъ сравнительной высоты и величія. Мы можемъ только съ одинаковымъ изумленіемъ и благоговѣніемъ остававляться и преклоняться предъ изумительною высокою этихъ совершенствъ и вознося искреннее благодареніе Промыслу за то, что онъ удостоилъ насъ, хотя малое время быть питомцами великаго учителя вѣры и въ лицѣ святителя Филарета даровалъ великаго пастыря на славу и честь церкви русской, говорить вмѣстѣ съ апостоломъ языковъ: «кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ, но точію служителие, ими же вѣроваете, и комуждо, якоже Господь даде; азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти: тѣмъ же ни насаждаи есть что, ни напаяи, но возвращая Богъ. Насаждаи же и напаяи едино суть, кійждо же свою мзду пріиметь по своему труду» (1 Кор. 3, 5—8). Будемъ же молить Господа, дабы то, что насаждалъ великій архипастырь, что поливалъ его достойнѣйшій ученикъ, при божественномъ содѣйствіи возрасло въ обширное дерево и принесло сторичный плодъ,—дабы всесильная десница Промысла, воздвигшая великому учителю церкви русской великаго питомца, даровала и этому послѣднему достойнѣйшаго почитателя его умственно и нравственно мощнаго духа.—Аминь.

С Л О В О

ВЪ ТОТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ХРАНѢ СВ. ФИЛАРЕТА МИЛОС-
ТНАГО ПРОФЕССОРОМЪ АКАДЕМІИ Д. Θ. ГОЛУБИНСКИМЪ.

*Восхваляемъ убо мужи славы, и отцы
наши въ бытіи... Мужи именити си-
лою, советующе разумомъ своимъ...
Премудрость ихъ повѣдаютъ людие, и
похвалу ихъ исповѣсть церковь (Сир. 44,
1, 3, 14).*

День кончины архипастыря нашего митрополита Филарета вы-
зываетъ насъ ко многимъ размышленіямъ. Почившему архипас-
тырю нашему, какъ имѣемъ основанія полагать, много обязаны
мы и тѣмъ великимъ благомъ, что находимся нынѣ подъ управ-
леніемъ архипастыря, который способствовалъ обращенію мно-
гихъ тысячъ людей отъ тмы язычества къ свѣту Христову, и
теперь столько благодѣтельствуеетъ для дѣла истиннаго просвѣ-
щенія.

Обращая вниманіе на судьбы нашей обители знаній, не можемъ
не видѣть, какъ тѣсно онѣ были связаны съ дѣятельностію по-
чившаго архипастыря нашего митрополита Филарета. Многимъ и
весьма многимъ обязана она его попеченіямъ. Подъ его руковод-
ствомъ образовались и такія лица, которыя много потрудились
для блага церкви, и которыхъ дѣятельность незабвенна въ нашей
академіи. Таковы почившіе въ Богѣ архіепископъ черниговскій
Филаретъ, протоіерей Феодоръ и Петръ и помимаемый нынѣ
протоіерей Александръ. Глубоко знаменательно и самое совпа-
деніе сороковаго дня по его кончинѣ съ днемъ кончины митро-
полита Филарета.

Но потеря недавно понесенная нами съ кончиною приснопа-
мятнаго протоіеря Александра такъ велика, что естественно
мысли наши обращаются по преимуществу къ воспоминаніямъ о
трудахъ и дѣятельности новопреставленнаго отца и наставника
нашего протоіеря Александра. Памятуя изреченіе древняго муд-
реца и послѣдуя заповѣди апостола, приклоните ваше вниманіе
къ нѣкоторымъ воспоминаніямъ о почившемъ.

«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе» (Евр. 13, 7), говоритъ намъ апостолъ. Воспомявъ объ урокахъ сихъ наставниковъ нашихъ, при внимательномъ размышленіи, мы можемъ находить въ наставленіяхъ ихъ много такого, что крѣпко остается въ насъ на всю жизнь, что въ насъ самихъ является какъ источникъ добрыхъ мыслей, какъ вразумленіе въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, какъ изобличеніе въ случаѣ нашихъ проступковъ. Нерѣдко при нашихъ умственныхъ занятіяхъ мы замѣчаемъ вѣчто такое, что даетъ опредѣленное направленіе нашимъ мыслямъ и способствуетъ благоуспѣшности дѣла, и сначала сами не можемъ дать себѣ въ этомъ отчета, но потомъ открываются въ благонаправленіи нашего дѣла слѣды добраго сѣянія нашихъ наставниковъ. Спросимъ же теперь самихъ себя: какъ должны мы смотрѣть на это самое сѣяніе, то-есть на тѣ наставленія и уроки, которые, при множествѣ прочаго забываемаго нами, крѣпко ложатся въ нашей душѣ и не изглаждаются временемъ, и притомъ оказываютъ свое благотворное дѣйствіе въ послѣдующей жизни нашей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти въ слѣдующихъ словахъ апостола Іакова: «всяко даваніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше есть, сходя отъ Отца свѣтовъ» (Іак. 1, 17). Остающіеся на всю жизнь добрыя впечатлѣнія отъ уроковъ слышанныхъ нами суть драгоценныя дары, подаваемые каждому изъ насъ сообразно его потребностямъ и нуждамъ отъ Самого Господа Бога чрезъ наставниковъ нашихъ, которые являются разумными орудіями Его благодати. Въ дѣйствительности на насъ наставленій тѣхъ наставниковъ нашихъ, которые проповѣдывали намъ слово Божіе, мы имѣемъ основанія видѣть проявленія благодати Святаго Духа, дѣйствовавшей чрезъ нихъ на наши сердца. Подтвержденіе этой мысли мы находимъ въ слѣдующемъ многозначительномъ изреченіи апостола Павла: «Нитожже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ» (1 Кор. 12, 3). Если названіе Іисуса Господомъ, то-есть исповѣданіе вѣрующимъ его вѣры въ божество Іисуса Христа совершается благодатію Святаго Духа, то тѣмъ болѣе должны мы видѣть дѣйствія Его благодати въ урокахъ наставниковъ нашихъ, раскрывающихъ намъ истины ученія христіанскаго въ строгомъ соотвѣтствіи съ духомъ православной церкви, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы замѣчаемъ, что

слово Божіе, проповѣдуемое нами, является и въ насъ живымъ и дѣйственнымъ (Евр. 4, 12). «Комуждо же дается явленіе Духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о темнѣ Душѣ; другому же вѣра, тѣмже Духомъ» (1 Кор. 12, 8, 8). Въ этихъ словахъ апостоль указываетъ на разнообразіе дѣяствій Святаго Духа, который въ различной мѣрѣ и степени раздаетъ тѣ или другіе дары Свои избраннымъ, сообразно ихъ вѣрѣ, приємности и потребностямъ людей. Изученіе направленныхъ къ истинному благу Святой церкви трудовъ и дѣятельности избранныхъ Божіихъ исполнено великаго назиданія: ибо при этомъ предъ нами раскрываются разнообразныя дѣяствія благодати Божіей, чрезъ нихъ проявившейся. И апостоль говоритъ намъ: «молимъ же вы, братіе, знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господѣ, и наказующихъ вы» (1 Сол. 5, 12).

Съ угѣщеніемъ можемъ вспоминать о томъ, что труды почившаго отца и наставника нашего протоіерея Александра направлены были ко славѣ Божіей и ко благу церкви. Воспоминаніе объ его трудахъ и наставленіяхъ представляетъ намъ много назидательнаго и поучительнаго. А потому, да дозволено будетъ и мнѣ, какъ одному изъ учениковъ почившаго, представить вашему вниманію нѣсколько воспоминаній о тѣхъ наставленіяхъ его, которые особенно на насъ дѣйствовали.

Когда мы въ первый разъ собрались слушать урока наставника нашего по исторіи церкви, то онъ прежде всего обратилъ наше вниманіе на слѣдующее прошеніе великой эктени: «о святѣмъ храмѣ семъ, и съ вѣрою, благоговѣніемъ, и страхомъ Божіимъ входящихъ въ оны, Господу помолимся». Одушевленнымъ и увлекательнымъ словомъ своимъ онъ разъяснилъ намъ, какъ должны поманть и исполнять это вступающіе въ храмъ богословской науки, съ какою вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ должны они изучать дѣла провидѣнія и благодати Божіей, раскрывающіяся въ исторіи церкви. Слово нашего наставника было сильно, ибо оно сопровождалось самымъ дѣломъ: самъ онъ исполнялъ это наставленіе при своемъ изученіи судебъ Божіихъ въ царствѣ благодати. Это было доброе сѣніе: прошло двадцать три года, а память объ этомъ сохраняется въ душахъ учениковъ его.

Далѣ, съ особенною подробностію наставникъ нашъ останавливался на событіяхъ изъ евангельской исторіи. Это были какіе-то необыкновенные, живые уроки, которые дѣйствовали не только на умъ, но и на сердце. Съ дивною трогательностію изображалъ онъ намъ дѣла и слова Господа нашего Иисуса Христа, событія предшествовавшія Его страданіямъ и самымъ страданіямъ. Въ голосѣ и произношеніи наставника нашего, когда онъ говорилъ намъ о дѣлахъ Христа Спасителя, было что-то необыкновенное, сильно дѣйствовавшее на душу. Объ этомъ дѣйствіи свидѣтельствовали и отзывы вашихъ товарищей и глубокая тишина, съ какою мы внимали. Въ этихъ урокахъ была особая сила, которой одна наука не можетъ дать: эта сила была пламенная любовь нашего наставника ко Господу Иисусу Христу.

Передавая намъ событія изъ исторіи церкви, почившій наставникъ нашъ умѣлъ возбуждать и насъ къ собственнымъ, плодотворнымъ изслѣдованіямъ. Такъ напримѣръ, нѣкоторые изъ насъ сознавались, что предложенная имъ задача объ обращеніи апостола Павла къ христіанству способствовала имъ къ болѣе глубокому и обстоятельному знакомству съ книгою Дѣяній и съ посланіями апостола Павла.

Одушевленный глубокимъ благоговѣніемъ къ судьбамъ Божиимъ раскрывавшимся въ исторіи церкви, наставникъ нашъ живо и увлекательно передавалъ намъ тѣ событія, въ которыхъ являлось торжество истины въ борьбѣ ея съ лжеученіями. Такъ, когда онъ изображалъ намъ дѣятельность Григорія Богослова въ Константинополѣ въ борьбѣ съ аrianствомъ, увѣчившуюся торжествомъ православія, то намъ являлся живой образъ дивнаго святаго мужа, воздвигнутаго Богомъ во время благопотребное.

Строго воздерживаясь отъ легкомысленныхъ сужденій, какія встрѣчаются у нѣкоторыхъ историковъ до излишествъ увлекаемыхъ стремленіемъ открывать смыслъ и значеніе историческихъ событій, наставникъ нашъ старался о томъ, чтобы его заключенія были основаны на полномъ, многостороннемъ и обстоятельномъ изслѣдованіи фактовъ. А потому когда онъ находилъ нужнымъ высказывать взгляды на значеніе историческихъ событій, то эти взгляды привлекали особенное вниманіе слушателей и имѣли силу твердаго убѣжденія. Такъ напримѣръ, предъ нами раскрывались дивные пути промысла Божія въ судьбахъ церкви

русской, когда наставникъ нашъ обратилъ внимательный взоръ на то, что начало и распространение христіанства въ Россіи совпадало по времени съ бѣдствіями церкви на Востокѣ.

Замѣчательно и то, что почившій наставникъ нашъ съ особенною подробностію любилъ останавливаться на тѣхъ событіяхъ, изъ которыхъ открывалась непрерывность отъ начала христіанской церкви до послѣднихъ временъ той вѣры, что въ таинствѣ евхаристіи преподается истинное тѣло и истинная кровь Господа нашего Иисуса Христа. Православное ученіе объ евхаристіи какъ жертвѣ раскрылось предъ нами въ новомъ свѣтѣ на одномъ изъ уроковъ по исторіи церкви. О томъ, какъ дорого было для нашего наставника все то, что относилось къ раскрытію истиннаго ученія о великомъ таинствѣ, свидѣтельствуетъ и рѣчь его произнесенная назадъ тому четыре года въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы.

Желаніе предстоять престолу Господню, на которомъ совершается безкровная жертва, было давнимъ, завѣтнымъ желаніемъ почившаго наставника нашего. И только на 49 году своей жизни онъ достигъ священства. Съ искреннимъ чувствомъ онъ говорилъ о своей радости, когда послѣ того, въ продолженіе свѣтлой седмицы онъ сподоблялся ежедневнаго служенія божественной литургіи. Всѣ мы живые свидѣтели его глубокаго благоговѣнія при совершеніи литургіи, его радости и силы слова при тѣхъ наставленіяхъ, которыя мы слышали отъ него во дни нашего причащенія Святыхъ Таинъ.

Простите меня, благочестивые слушатели, въ томъ, что я не могу предложить вамъ свѣдѣній о богословскихъ урокахъ почившаго наставника нашего, которые онъ преподавалъ въ послѣднее время. Но, въ примѣръ того, какъ многообъемлющъ и широкъ былъ его взглядъ на современную задачу богословскаго образованія, позвольте остановить ваше вниманіе еще на одномъ воспоминаніи.

Въ наше время преобладанія естественныхъ наукъ многіе думаютъ разъединить ученіе о Богѣ съ ученіемъ о природѣ, а иные пытаются даже поставить то и другое во враждебное отношеніе. Совершенно иначе мыслилъ почившій отецъ и наставникъ нашъ: его пронизательный взоръ видѣлъ, какъ нужны свѣдѣнія о видимомъ мірѣ для цѣлей богословскаго образованія, его

твердый духъ не смущался трудностями, какія представлялись при этомъ, и его содѣйствию обязана наша академія тѣмъ, что въ ней предположено преподаваніе свѣдѣній о видимой природѣ. Архипастыръ нашъ митрополитъ Иннокентій благословилъ это и далъ возможность осуществиться этому плану на самомъ дѣлѣ.

Знаменія времени показываютъ, какъ благовременна была забота объ этомъ дѣлѣ. Въ настоящее время мы видимъ, что по преимуществу надъ многими изъ современныхъ естествоиспытателей сбывается слово апостола: «глаголющесе быти мудри, объюродѣша» (Римл. 1, 22). Люди, вооруженные мнимыми оружіями естествознанія, стремятся низвести человѣка въ рядъ животныхъ, не хотятъ признать его духовной природы, доходятъ не только до отрицанія истинъ христіанства, но даже и до безбожія; а другіе омрачены какимъ-то слѣпымъ довѣріемъ къ словамъ невѣрующихъ естествоиспытателей и принимаютъ слова ихъ безъ всякаго изслѣдованія. Отчего же происходитъ такое жалкое омраченіе? Отъ невниманія къ истинамъ открытымъ въ христіанскомъ ученіи. «Зане любве истины не пріиша, во еже спастися имъ. И сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лсти, во еже вѣровати имъ лжи: да судъ примуть вси не вѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ» (2 Сол. 2, 10, 11, 12). И мы видимъ, какъ совершается этотъ грозный судъ въ западной Европѣ и у насъ. Видя все это, и имѣя по преимуществу возможность къ правильному сужденію о такихъ явленіяхъ, мы должны позаботиться о раскрытіи предъ міромъ той истины, что невѣріе напрасно думаетъ находить опору въ естествознаніи, и что напротивъ только вѣра даетъ возможность правильно смотрѣть на явленія видимаго міра. Раскрытіе того, какой свѣтъ и жизнь вносятъ христіанская религія во всѣ области знанія, есть существенно важное дѣло наше.

Да сохраняется въ нашей обители знаній, находящейся подъ покровомъ Пресвятыя Богородицы и Преподобнаго Сергія, тотъ духъ и направленіе, какіе възгрѣвали приснопоминаемые отцы наши митрополитъ Филаретъ и, постоянно вѣрный его руководству, ученикъ его протоіерей Александръ. Аминь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЗДАНІИ

„МИССИОНЕРЪ“

ВЪ 1876 ГОДУ.

Несомнѣнный успѣхъ *двухгодичнаго* изданія „Миссіонера“, выразившійся очевиднѣйшимъ образомъ въ привлеченіи значительныхъ пожертвованій въ пользу духовныхъ миссій, вслѣдствіе ознакомленія православнаго русскаго общества съ миссіонерскимъ дѣломъ и возбужденія въ немъ сочувствія къ миссіонерству, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ полезности предпринятаго Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ изданія, которое поэтому будетъ продолжаемо и въ будущемъ 1876 году.

Согласно съ утвержденною Святѣйшимъ Синодомъ программю, въ „Миссіонерѣ“ по прежнему будутъ помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ: 1) *историческія свѣдѣнія о насажденіи и распространеніи христіанской вѣры* въ различныхъ странахъ міра и біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей миссіонерства; 2) *разказы изъ современной дѣятельности православныхъ миссіонеровъ*, какъ въ предѣлахъ Русской Имперіи, такъ и внѣ ея—въ средней Азійи и преимущественно въ Японіи; 3) *историческія свѣдѣнія о миссіонерской дѣятельности западныхъ христіанъ и разказы изъ современной изъ миссіонерской практики*; 4) *этнографическія свѣдѣнія изъ мѣстъ дѣятельности миссіонеровъ*: описаніе вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, условій жизни и быта инородцевъ, вмѣстѣ съ описаніемъ природы въ мѣстахъ миссіонерской дѣятельности; 5) об-

сужденіе способовъ и пріемовъ распространенія христіанства; 6) статьи общеназидательныя, имѣющія цѣлю, между прочимъ, раскрытіе и утвержденіе христіанскихъ истинъ и нравственныхъ понятій въ самихъ православныхъ христіанахъ, подъ вліяніемъ духа времени, нерѣдко измѣняющихъ высокому призванію—*быть святымъ міра*; 7) разныя извѣстія, замѣтки, миссіонерскіе отчеты, объявленія и т. под.

Въ 1876 году „Миссіонеръ“ будетъ выходить *еженедѣльно* въ объемѣ отъ одного печатнаго листа и болѣе. *Цѣна* годовому изданію *три руб.*, съ пересылкою и доставкою *три рубля пятдесятъ копѣекъ*.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи еженедѣльнаго изданія „Миссіонеръ“ въ квартирѣ священника Троицкой, на Арбатѣ, церкви Владиміра Семеновича Маркова; въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества въ домѣ Казанской церкви у Калужскихъ воротъ, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. *Изгородные* благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію „Миссіонера“ въ Москвѣ.

Въ редакціи „Миссіонера“ продаются слѣдующія книги:

1) Сборникъ свѣдѣній о православныхъ миссіяхъ и дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества. Москва. 1872. Въ двухъ книгахъ. Цѣна за обѣ книги 1 р. 50 коп., а за каждую порознь 1 р.

2) Памятники трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 г. до 1853 г. *А. С. Стурдзы*. Ц. 1 р. и съ пересылкой.

3) Бесѣдовательное толкованіе втораго посланія къ Солунянамъ. *Епископа Теофана*. Москва 1873. Ц. безъ пересылки 50 к., съ пересылк. 75 к.

4) Толкованіе посланія къ Галатамъ. *Епископа Теофана* 1875 г. Ц. безъ перес. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

5) Краткіе очерки исторіи христіанской церкви *Иркутскаго миссіонера іеромонаха Дмитрія*. Спб. 1874 г. Ц. безъ перес. 50 к., съ перес. 75 к.

6) Нѣсколько проповѣдей протоіерея *А. Ключарева*. Москва. 1873 г. Ц. 1 руб.

7) О Евангеліи отъ Матвея. Разборъ и опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. *Свящ. Влад. Маркова*. Москва. 1873. Ц. 1 р. 25 коп. и съ пересылкой.

зани 9 к. Калиша 15 к. Казуги 3 к. Каменец-Подольска 13 к. Кишинева 15 к. Кіева 9 к. Ковно 10 к. Костромы 4 к. Красноярска 18 к. Курюпо 11 к. Курска 6 к. Кутайса 16 к. Къльдовъ 14 к. Ломжи 12 к. Люблина 12 к. Минска 8 к. Митавы 11 к. Могилева 6 к. Нижняго-Новгорода 5 к. Никол. (Приам. Обл.) 20 к. Новгорода 5 к. Новочеркаска 11 к. Оренбурга 16 к. Орла 5 к. Пензы 8 к. Перми 15 к. Петрозаводска 11 к. Петрокова 14 к. Плоцка 14 к. Полтавы 9 к. Пекова 8 к. Радома 14 к. Ревеля 9 к. Риги 10 к. Рязани 3 к. Самары 12 к. С.-Петербурга 7 к. Саратова 9 к. Семипалатинска 18 к. Симбирска 9 к. Симферополя 14 к. Смоленска 4 к. Ставропольск. губ. 14 к. Сувалокъ 12 к. Сѣдлеца 12 к. Тавастгуса 10 к. Тамбова 5 к. Ташкента 18 к. Твери 3 к. Тифлиса 16 к. Тобольска 16 к. Томска. 18 к. Тулы 3 к. Улеборга 13 к. Уральска 16 к. Уфы 14 к. Харьковска 8 к. Херсона 13 к. Чернигова 8 к. Читы 20 к. Эривани 16 к. Якутска 20 к. Ярославля 3 к.

ВЪ РЕДАКЦІИ „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

I. Размышленія о сущности христіанской вѣры. Соч. Гизо. Переводъ *свящ. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

II. Вѣчная жизнь. Публичныя чтенія Э. Навилля. Перев. *свящ. Н. Сергіевскаго*. М. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

III. Публичныя чтенія 1871 года, *профессора протоіерея Н. Сергіевскаго*: Объ основныхъ истинахъ Христіанства. М. 1872. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

IV. Сочиненія св. Іустина философа и мученика, изданныя въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свящ. П. Преображенскимъ*. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 р.

V. Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Тагіана, Авинагора, Теофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданы въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями, *свящ. П. Преображенскимъ*. М. 1867. Цѣна: 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

VI. Сочиненія св. Иринея Лионскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданы *свящ. П. Преображенскимъ*. М. 1871. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

VII. Вопросъ о вѣхъ. Публичныя чтенія Эрнеста Навилля. Перев. *свящ. Н. Протопопова*. М. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. сер.

VIII. О Евангеліи отъ Маттея. Разборъ и опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. Соч. *священника московской Троицкой на Арбатѣ церкви Владиміра Маркова*. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

IX. Рѣчи произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ перваго десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища *священникомъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ*. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Его же. Христіанское ученіе о любви къ человечеству сравнительно съ крайностями ученій социалистическихъ. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

X. Изъ лекцій по церковному праву. О. проф. моск. университета Н. К. Соколова. Вып. I. Введеніе въ церковное право. М. 1874. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Выпускъ II. Система каноническаго права: о составѣ церковнаго общества. Ц. 80 к., съ перес. 1 р., а обоихъ выпусковъ—ц съ перес. 2 р.

РЕДАКЦІЯ
„ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

покорнѣйше просить читателей издаваемого ею журнала на получение его въ БУДУЩЕМЪ 1876 году подписываться ЗАБЛАГОВРЕМЕННО для соображенія о потребномъ количествѣ печатаемыхъ экземпляровъ и для большей исправности въ доставкѣ черезъ почту; при чемъ не выписывавшихъ «Православнаго Обозрѣнія» въ 1872 году просить заявлять о семъ редакціи для безплатной выдачи напечатанныхъ тогда 5 листовъ СОЧИНЕНІЯ СВ. ИПОЛИТА «ПРОТИВЪ ЕРЕСЕЙ», которое будетъ продолжаться въ 1876 г.

Редакція «Православнаго Обозрѣнія» покорнѣйше просить редакцію ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ въ ближайшемъ номерѣ своихъ изданій напечатать извѣщеніе о *содержаніи* декабрьской книжки «Православнаго Обозрѣнія» и объявленіе объ изданіи его въ будущемъ 1876 году, а также продолжать съ нею *обмѣнъ* своихъ изданій.

Подписка на „Православное Обозрѣніе“ 1875 года продолжается.

Нѣкто изъ подписчиковъ прислать слѣдующее письмо: „Пршу выслать въ 1876 году „Православное Обозрѣніе“ по прилагаемому адресу и за прилагаемыя 7 рублей“. Деньги приложены, но адреса, равно и подлинс не оказалось. Редакція просить неизвѣстнаго увѣдомить объ адресѣ.

ВЪ РЕДАКЦІИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

Указатель къ „Православному Обозрѣнію“
за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг.
составленный П. А. Ефремовымъ.

Цѣна „Указателя“: 1) при выпискѣ *Православнаго Обозрѣнія* 75 к. съ перес. 1 р. 2) въ отдѣльной продажѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~SEP 16 '63 H~~

~~31117~~

~~96665~~

JUN 9 '78 H

JUN 9 '78 H

3 2044 100 070 598

HD